

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. В. Лукоянов

«НЕ ОТСТАТЬ ОТ ДЕРЖАВ...»

Россия на Дальнем Востоке

в конце XIX – начале XX вв.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2008

УДК 947.083
ББК 63.3(2)531-6

Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб. : Нестор-История, 2008. – 668 с.

ISBN 978-59818-7267-9

В книге исследуется внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий, связанная, прежде всего, с именем министра финансов С. Ю. Витте и провозглашённой им политикой мирной экономической экспансии в регионе. Автор, используя главным образом архивные материалы, показал, как радужные надежды Петербурга господствовать на восточной окраине постепенно разрушались, сталкиваясь с растущим кругом проблем. Дальневосточная политика России также отразила многочисленные противоречия как между министрами, так и чиновниками на местах, действовавших иногда вопреки своему руководству. Основное внимание в монографии уделено тому, как принимались и осуществлялись ключевые внешнеполитические решения. Впервые в историографии подробно представлена деятельность «безобразовцев», олицетворявших собой вневедомственные влияния. Стремление угнаться за другими державами в колониальной экспансии и дисбаланс в принятии решений в конечном итоге завели политику России в регионе в тупик и завершились войной с Японией 1904–1905 гг.

Рекомендовано к печати Учёным советом СПб ИИ РАН.

Рецензенты: член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин,
доктор исторических наук В. В. Носков.

© Лукоянов И. В., 2008

© Издательство «Нестор-История», 2008

Содержание

Введение	6
Источники	13
Историография	40
Глава 1. Сибирская железная дорога и КВЖД	64
1.1. Историография.....	65
1.2. Проекты железнодорожной магистрали в Сибирь: политика или экономика?.....	68
1.3. «Сибирские рубли».....	74
1.4. Особенности строительства Сибирской магистрали.....	76
1.5. Перевозки по Сибирской железной дороге: мечты и реальность.....	79
1.6. Строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и её экономическая роль.....	82
1.7. КВЖД и бадмаевские прожекты.....	84
1.8. Железнодорожные планы С.Ю. Витте.....	94
1.9. Проекты русской железной дороги в Китае в 1895 – первой половине 1896 гг.....	96
1.10. Финансово–экономические вопросы строительства КВЖД	103
1.11. Экономическое значение КВЖД.....	114
Глава 2. Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность	117
2.1. Русская торговля на Дальнем Востоке.....	118
2.2. Порто-франко.....	130
2.3. Экономическая экспансия России в Китае	137
2.3.1 Борьба за железнодорожные концессии в Китае.....	142
2.4. Маньчжурское горнопромышленное товарищество.....	154
2.5. Экономическая политика Министерства финансов в Маньчжурии	158
Глава 3. Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг.	163
Приложение	189
Глава 4. Русско-китайский союзный договор 1896 г.	192
Глава 5. Корейская политика России и отношения с Японией	223
5.1. Историография.....	223

5.2. Возникновение русско-корейских отношений и позиция России относительно Кореи.....	228
5.3. Русская политика в Корее и японо-китайская война 1894–1895 гг.....	234
5.4. Переворот 1895 г. в Сеуле: провал Японии, удача России	241
5.5. Русско-японские соглашения по Корее 1896 г.....	246
5.6. Корейская политика России в 1896 – начале 1898 гг.....	251
5.7. Захват Порт-Артура и пересмотр корейской политики России.....	268
5.8. Влияние боксёрского восстания на действия России в Корее.....	279
5.9. Поездка Х. Ито в Россию (конец 1901 г.).....	284
5.10. Корейский вопрос перед русско-японской войной 1904–1905 гг.....	293
Глава 6. Как и зачем Россия захватила Порт-Артур: события конца 1897 – начала 1898 гг.	299
6.1. Занятие или захват?.....	299
6.2. После Порт-Артура.....	323
Глава 7. Англо-русские переговоры о Китае 1898–1899 гг.	328
7.1. Превый раунд русско-английских переговоров по Китаю (начало 1898 г.).....	330
7.2. Второй раунд переговоров (осень 1898 – начало 1899 гг.).....	333
Глава 8. Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии.....	343
8.1. Историография.....	343
8.2. Реакция России на восстание ихэтуаней.....	345
8.3. Начало русско-китайских сепаратных переговоров.....	353
8.4. Договоры русских властей с цзянь-цзюнями.....	357
8.5. Первый вариант сепаратного соглашения.....	361
8.6. Второй вариант сепаратного договора.....	369
8.7. Местные китайские власти и выдача концессий.....	374
8.8. Общее соглашение держав с Китаем и Россия.....	379
8.9. Возвращение к русско-китайским сепаратным переговорам.....	382
8.10. Русско-китайское соглашение 26 марта 1902 г.....	398
8.11. Маньчжурский вопрос в русско-китайских отношениях в 1902–1903 гг.	403

Глава 9. Безобразовцы: царская «неофициальная»	
политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.	413
9.1. Историография.....	413
9.2. Возникновение безобразовской группы.....	414
9.3. Корейская экспедиция 1898 г.....	420
9.4. Безобразовцы в 1899–1902 гг.....	431
9.5. Конец 1902 – начало 1903 гг.: крах политики	
С.Ю. Витте и взлёт безобразовцев	445
9.6. Особые совещания 26 марта и 7 мая 1903 г.....	451
9.7. Порт-артурские совещания 18–28 июня	
и Особое совещание 1 августа 1903 г.: конец «триумvirата».....	460
9.8. Отставка С.Ю. Витте и торжество безобразовцев.....	467
9.9. Безобразовская лесопромышленная компания на р. Ялу.....	472
9.10. Бесславный конец безобразовского предприятия.....	475
9.11. «Оправдательная литература» безобразовцев:	
кто виноват в русско-японской войне?.....	481
Приложение.....	493
Глава 10. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)	509
Глава 11. Последние русско-японские переговоры	
перед войной 1904–1905 гг.	527
11.1. Обстановка до начала переговоров: перемены	
в российской власти в конце 1902 – первой половине 1903 гг.....	528
11.2. «Период совещаний».....	531
11.3. Первый раунд переговоров.....	543
11.4. Второй раунд.....	550
11.5. Третий раунд.....	557
11.6. После третьего раунда.....	565
Глава 12. Портсмутский договор: путь России к миру	573
12.1. Историография.....	573
12.2. Предварительные контакты о мире	
(лето 1904 – весна 1905 гг.).....	576
12.3. Россия после Цусимы: курс на мир.....	588
12.4. Русско-японские переговоры в Портсмуте.....	606
12.5. Отношение к Портсмутскому миру.....	619
Заключение	622
Список сокращений	636
Указатель имён	638

Введение

Территориальная экспансия – неотъемлемое свойство и серьезная проблема для всех без исключения империй. Россия также не избежала этой участи. Николай II прямо заявил военному министру А.Н. Куропаткину: «Да, прав был Николай I-й, который говорил, что где станет русская нога, оттуда уходить нельзя»¹.

Интерес Петербурга к Дальнему Востоку в конце XIX – начале XX вв. отражал, помимо прочего, вектор активности внешней политики России, неуклонно сдвигавшийся на Восток на протяжении XIX столетия и достигший во второй половине века берегов Тихого океана. Причин такого движения существовало множество, как внутри-, так и внешнеполитических. В представлении многих, в частности, М.Д. Скобелева, территориальные завоевания требовались для поддержания статуса «великой державы». Например, не захватив проливы Босфор и Дарданеллы, Россия, по мнению генерала, не могла претендовать на величие «державы первенствующей»². Интересы геополитики постоянно толкали Петербург не только к приращению владений, но и к защите обретенного и поиску уязвимых мест у конкурентов, главным из которых виделась Англия. Уклониться от политики постоянной экспансии в Азии, логическим завершением которой стало её продолжение и на Дальнем Востоке, было просто невозможно.

Помимо общих тенденций, внимание Петербурга к Дальнему Востоку резко усилилось с 1840-х гг. в связи с опиумными войнами. Быстро растущее влияние западных держав в Поднебесной вызывало в России смешанные чувства, начиная с опасений за собственные рубежи и заканчивая желанием воспользоваться слабостью Китая в своих интересах. Подобным образом рассуждал, например, граф Н.Н. Муравьев-Амурский: «Соседний многолюдный Китай, бессильный ныне по своему невежеству, легко может сделаться опасным для нас под влиянием и руководством англичан, французов, и тогда Сибирь перестанет быть русской; а в Сибири, кроме золота, важны нам пространства, достаточные для всего излишества земледельческого народонаселения Европей-

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 6 августа 1897 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1769. Л.172.

² М.Д. Скобелев – М.Н. Каткову 14 августа 1881 г. // ОР ИРЛИ. Разряд I. Оп.12. №417. Л.7.

ской России на целый век; потеря этих пространств не может не вознаградиться никакими победами и завоеваниями в Европе; и, чтоб сохранить Сибирь, необходимо ныне же сохранить и утвердить за нами Камчатку, Сахалин, устье и плавание по Амуру и приобрести прочное влияние на соседний Китай»³. Моряки в это же время смотрели как на объекты для приобретения на залив Посьета в Корею и японский остров Цусима⁴.

Многим политикам и военным, как в России, так и в других великих державах, казалось, что на Дальнем Востоке имелось немало «плохо лежавших» земель, приобретение которых не составляло трудностей. Тем более, что на фоне военных неудач правителей Срединной империи, Петербург сумел заключить в 1858 и 1860 гг. два договора с Пекином, закрепивших за Россией Приморье и установивших границу соседей по Амуру. Это сразу изменило геополитические представления в глазах общества. По мнению современников, «присоединение Амура изворачивает наше понятие о Восточной Сибири; она становится, или, по крайней мере, обещает быть посредницей, а Амур – проводником нашей торговой самостоятельности и политического влияния в международных сношениях на крайнем Востоке. Два века мы стояли на гранях Великого океана, два века смотрели на этот океан, получаем соболей и бобров, собранных на его побережье, и не можем уяснить себе, какая знаменательная будущность предстоит нам на приволье. Явился амурский вопрос, и вдруг у нас оказалась сознательность, все разом заговорили о громадности русского значения на востоке Сибири; мы поняли, что такое для нас этот океан, зачем так долго и так упорно глядели на него, вдумываясь в его загадку, почему так настойчиво стремились к нему помыслы государственных деятелей»⁵. Конечно, речь об экспансии на чужих территориях ещё не шла, но мысль об огромной роли новых земель, о необходимости их освоения и какой-то неясной, но, несомненно, грандиозной будущности Крайнего Востока для судеб России уже отразилась в сознании.

Чуть позже, в 1870-е гг. проявился интерес к развитию русской торговли в Маньчжурии. Важно, что вопрос сразу ставился не просто о развитии торговых операций, а о русском влиянии в Северном Китае: «имея возможность снабжать Маньчжурию всеми товарами, в которых она нуждается, мы, при свободной торговле, можем поставить её в экономическую зависимость от себя, пользуясь всеми выгодами, отсюда происходящими,

---

³ Цит. по: Ремнев А.В. Камчатка в планах Муравьева-Амурского // Исторический ежегодник. 1999. Омск, 2000. С.32.

⁴ См., например, письмо великого князя Константина Николаевича И.Ф. Лихачёву 26 июля 1860 г. (ОР РНБ. Ф.650. Оп.1. №1322. Л.4–5).

⁵ Афанасьев Д. Амурский край и его значение // Морской сборник. 1863. №11. С.8.

начиная с политического влияния»⁶. То есть, идея экономической экспансии в Маньчжурию была сформулирована задолго до появления на политическом небосклоне С.Ю. Витте. Вот только осуществить её в те годы не представлялось возможным.

Но к середине 1880-х гг. раздалась голоса, предостерегавшие от бесконечного расширения территорий на Востоке. Генерал Н.Н. Обручев посмотрел на восточные окраины России не как на счастливые приобретения, а как на слабость империи: «На беду одновременно с войнами в Европе всё расширялись и азиатские владения России, обращая политическое её тело в громадную комету с неокрепшим ещё европейски ядром и страшным азиатским хвостом, растянувшимся от Тифлиса до Владивостока»⁷. По мнению генерала, многочисленные окраины истощили России. Его вывод оказался пессимистичным: Россия стояла перед перспективой потерять статус великой державы. «Сколько славных побед, сколько завоеваний. А в результате: истощение и полная ещё необеспеченность собственной государственной целостности и безопасности. Против Германии и Австрии мы не готовы, нет ни конченных крепостей, ни конченной стратегической сети; против Англии и Турции не готовы, нет флота и десантных средств на Чёрном море; против Китая? и тот, без войск, людей и путей в Уссурийском крае становится тревожен». Что же делать? Н.Н. Обручев дал прямой и простой ответ, отрезав мечтания: главная задача – «стоять твёрдо в Европе»⁸. Несмотря на прямолинейность генеральских выводов, они наталкивали на справедливое заключение: прирост земель прямо пропорционален угрозе их утраты.

Действительно, слабость России на дальневосточных рубежах была тогда такова, что Н.М. Пржевальский в 1885 г. с большой тревогой писал об угрозе российским владениям со стороны китайских войск⁹. Местные власти серьёзно опасались войны с Поднебесной. В частности, генерал-губернатор Восточной Сибири А.Н. Корф полагал, что поводом для конфликта с Пекином может стать Корея, а также желание Англии посорить соседей. А.Н. Корфу такая схватка казалась неизбежной, он лишь надеялся, что её мож-

⁶ Стенографический отчёт заседания Комитета общества для содействия русской промышленности и торговле 20 марта 1874 г. для выслушивания сообщения Я.Ф. Барабаша о русских торговых интересах в Манджурии // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч.7. СПб., 1874. С.132. Правда, автор полагал, что англичане уже захватили южную Маньчжурию через Нючжуан, её главные торговые ворота, поэтому России осталась только северная часть (С.144).

⁷ Обручев Н.Н. Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению (1885 г.) // Источник. 1994. №6. С.6.

⁸ Там же. С.6, 7.

⁹ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.1. СПб., 1883. С.293–306.

но отсрочить, подготовившись к конфликту более основательно¹⁰. Несмотря на то, что тогда война не началась, российские власти усилили внимание к состоянию войск на окраине, стремясь постоянно увеличивать их и избегать малейших поводов для вооружённой борьбы в регионе. Однако возможности для этого были весьма ограничены из-за отсутствия надёжных и быстрых путей сообщения с окраиной.

К 1890-м гг. Дальний Восток рассматривался и как уязвимое место для России, и в то же время как территория возможной экспансии, плацдарм для создания угрозы врагам, прежде всего, Англии. Решение двух задач удачно объединилось в проекте Сибирской железной дороги от Петербурга до Владивостока: это и стратегическая трасса и средство развития торговли, и орудие экономического проникновения на огромные азиатские рынки. Собственно с этого момента и начинается моё исследование.

Его цель – изучение дальневосточной политики России преимущественно за 1890-е –1904 гг.: как она вырабатывалась и осуществлялась, чьи интересы и понимание отражала, как преодолевались конфликты и разные точки зрения внутри российского руководства. Это не работа о международных отношениях в регионе – таких написано уже немало, как общих, так и по отдельным аспектам и периодам. Центр тяжести в исследовании смещён в сторону внутренних проблем управления империей в эпоху её заката. Я не рассматриваю рубеж столетий исключительно с позиции ретроспективы русско-японской войны: это сужает взгляд и несколько деформирует сам процесс. Разумеется, вооружённый конфликт как результат политического курса постоянно присутствует, от этого невозможно совершенно абстрагироваться, да и не нужно. Условно действия Петербурга в регионе можно разделить на два направления. Отношения с Китаем и Кореей, как с заведомо более слабыми соседями, строились, имея в виду их значение – как объектов экспансии. Содержанием же отношений с великими державами и с Японией была борьба за влияние в регионе. Конечно, эти направления заметно отличались друг от друга. Например, по методам: давление, оказываемое российскими представителями в Пекине или Сеуле, было невозможно в Токио.

Российская дальневосточная политика отражена в книге как сложный и весьма противоречивый процесс выработки и осуществления решений. По жанру это можно определить как исследование «технологии власти» (термин, впервые подмеченный мной у А.Г. Авторханова). Другими словами, международные отношения служат по большей части индикатором, а иногда – и катализатором внутренних проблем. Текст базируется на представлении, что политика отражает интересы конкретных людей и их понимание ситуации,

¹⁰ Рапорт А.Н. Корфа П.С. Ванновскому 9 сентября 1885 г. и письмо 25 ноября 1885 г. (копии) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. №117. Л.1–6.

поэтому в ней действуют личности, а не классы или сословия. Главный метод исследования – детерминизм, то есть поиск причинно-следственных связей между различными фактами. Разумеется, внешняя политика, сколько бы не увязывать её с внутренними проблемами, требует международного фона. Он есть, но представлен в минимальном объёме. Кроме того, специфика дальневосточной политики Петербурга заключалась в том, что она была в большей степени «замкнута» на регионе и в меньшей исходила из общих соображений, чем, к примеру, балканская либо ближневосточная сферы деятельности. Влияние на неё общих отношений России с другими странами проявлялось слабее, чем это происходило во многих других местах – Европе, Передней Азии, на Балканах и т.д.

Самостоятельное значение в книге уделено деятельности и взглядам российских представителей на Дальнем Востоке. Ещё одна особенность региона состояла в том, что они действовали там часто автономно, даже вопреки инструкциям из Петербурга. Причин тут несколько, в том числе – сложность оперативной связи с ними. Обычная почта в Китай шла, к примеру, не менее месяца. Существовал телеграф, но ему не доверяли по-настоящему секретную корреспонденцию. Но расстояния – не главная причина их самостоятельности. Другой аспект – скептическое отношение дипломатов к своему начальству, которое надо признать, по большей части, справедливым. В центральном аппарате министерства дальневосточной проблематикой владели слабо, восточных языков не знали, долгое время этому направлению придавали минимальное значение. Также к мнению своих представителей в регионе в столице прислушивались далеко не всегда. Эти обстоятельства и установили значительную дистанцию между руководством и исполнителями, что оказывало заметное негативное влияние на политику России в регионе.

Исследование базируется на источниках, извлечённых преимущественно из российских ведомственных архивов (то есть, на документах делопроизводственного характера). Использованы также материалы британского и японского внешнеполитических ведомств. Конечно, далеко не все интересные меня фонды удалось обследовать в должной мере, особенно это касается бумаг российского Министерства иностранных дел. Дело тут как в колоссальном объёме информации, так и в позиции руководства архива, которое в последние годы резко ограничило возможности изучать документы, связанные с дальневосточной политикой России. Важную роль для понимания проблемы играют материалы частного происхождения, но, к сожалению, их сохранилось немного. Ограниченное значение дневников и мемуаров связано, прежде всего, с их малым количеством. Наконец, фрагментарное внимание уделено российской периодической печати. Вопреки имеющимся исследованиям о внешнеполитических взглядах того или иного сословия или класса в

России, я полагаю, что эти представления серьёзно не принимались в расчёт властью и никакого заметного влияния на её решения не оказывали. Не играли доминирующей роли в политике и идеологические соображения. Они, скорее, привлекали внимание к той или иной проблеме, но не диктовали ход и способ её решения. Поэтому идеология «восточничества» в книге не рассматривается специально. К тому же на эту тему уже есть интересные монографии¹¹. Ещё раз подчеркну – в центре внимания находится именно политическая история, популярные ныне области изучения вроде пограничных территорий (фронт-тир), идейных исканий, этнической истории и т.п. – за пределами этой книги.

Географически область изучения ограничена политикой России в отношении Кореи, Японии и северной части Китая. Монголия не включена в книгу, так как интерес к ней основывался на других причинах, чем к перечисленным выше территориям. По той же причине в исследовании не затрагивается позиция Петербурга по Тибету и контакты с далай-ламой – это принципиально иная политика, в большей степени связанная с англо-русскими отношениями. К тому же она неплохо изучена¹².

Интересом к восточной политике России я во многом обязан Т.А. Воробьёвой, чьи лекции по истории Востока, а затем и руководство дипломной работой стали для меня первым знакомством с настоящей наукой. Несмотря на то, что кандидатскую диссертацию я подготовил на совсем иную тему (о проектах реформ перед революцией 1905 г.), мой научный руководитель уже в аспирантуре, известный специалист по истории России В.С. Дякин, с интересом выслушивал мои соображения о дальневосточной политике Петербурга, поддерживая интерес к этой, совершенно далёкой от его интересов тематике.

Я писал книгу, являясь сотрудником института, где работал один из самых известных и авторитетных исследователей темы Б.А. Романов и ныне трудятся его ученики. Думаю, что это обстоятельство накладывает на автора известные обязательства и задаёт соответствующую планку. Огромное значение для монографии имело постоянное общение с коллегами по Санкт-Петербургскому институту истории РАН и Отделу Новой истории России (Б.В. Ананьич, Т.В. Андреева, Л.А. Булгакова, Р.Ш. Ганелин, Б.Ф. Егоров, С.В. Куликов, В.В. Лапин, С.К. Лебедев, Б.Н. Миронов, В.А. Нардова, М.М. Сафонов, А.Н. Цамутали, В.Г. Чернуха). Роль такой благожелательной и в то же время

---

¹¹ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001; Лукин А.В. *Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XXI веках*. М., 2007 и др.

¹² Андреев А.И. *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России*. СПб., 2006; Snelling J. *Buddhism in Russia: the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar*. Rockport, Mass. 1993 и др.

высокопрофессиональной среды, её влияние, наверное, сложно переоценить. Особая благодарность – рецензентам члену-корреспонденту РАН Р.Ш. Ганелину и доктору исторических наук В.В. Носкову, взявшим на себя труд прочитать немалую по объёму книгу в рукописи, чьи важные замечания помогли доработать её текст.

Появление этой книги было бы невозможным без помощи и поддержки многих людей. Я глубоко благодарен сотрудникам архивов и библиотек, в которых я имел счастье побывать и пользоваться неизменной поддержкой и помощью их сотрудников. Особо отмечу Российский государственный исторический архив и С.И. Варехову, которая много лет заведовала читальным залом в прежнем здании на Английской набережной, удивляя всех обращавшихся к ней эрудицией и постоянной готовностью содействовать в поиске нужных документов. Большую роль сыграла также возможность работать почти год, в 2004–2005 гг. в Славянском исследовательском центре университета Хоккайдо, пользоваться его информационными ресурсами и неизменно доброжелательным отношением со стороны коллег. Не могу не упомянуть особо профессора К. Мацузато, ныне – директора Славянского исследовательского центра университета Хоккайдо, главного библиотекаря центра Ю. Танаю, моего куратора, профессора Т. Хару. Я признателен также American Council of Learned Societies за грант, предоставленный для проведения этого исследования.

Сложно перечислить всех коллег, как в России, так и за её пределами, кто поддержал мой исследовательский интерес, что-то подсказывал, советовал. Всем им – огромная благодарность. Что получилось – пусть судит читатель.

Источники

Архивные материалы

Источники, отражающие политику России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв., крайне многочисленны и разнообразны по жанру. Их описание и анализ могут служить темой самостоятельного обширного исследования. Специфика источниковой базы заключается в том, что источники в основном состоят из официальных материалов, комплексы которых, отложившиеся как в архивах различных ведомств, так и в личных бумагах, в значительной части дублируют друг друга. При этом в каждом крупном собрании бумаг находятся важные для темы исследования уникальные документы, которые отсутствуют в других местах. Это относится как к министерскому делопроизводству, так и к частным коллекциям документов. Наконец, в связи с существованием в России неофициальной дальневосточной политики, образовался целый корпус фондов личного происхождения, используя который только и можно проанализировать этот необычный процесс, так как по естественным причинам он не нашёл исчерпывающего отражения в официальном делопроизводстве.

Необходимо также отметить, что уже в момент образования документальных коллекций они использовались как орудие политической борьбы среди ряда крупных сановников либо как средство оправдания собственных действий (С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин, В.М. Вонлярлярский и др.). Это послужило причиной создания нескольких частных собраний бумаг, на основе которых создавалась канва для оригинальной версии событий и обвинений оппонентов.

В такой ситуации колоссальное значение приобретает степень сохранности документальных коллекций, как официального происхождения, так и особенно личных. Лучше других сохранился, по-видимому, архив Министерства иностранных дел (АВПРИ). Но это касается только материалов центрального аппарата ведомства. Среди корреспонденции, находящейся в фонде канцелярии министра иностранных дел (Ф.133. Оп.470) присутствует переписка с посланниками в Сеуле и Пекине. Материалы, касающиеся дальневосточной политики, в большом количестве сосредоточены в Китайском столе (Ф.143. Оп.491, 3438 дел). Здесь и корпус депеш российского посланника в Пекине в Петербург с

начала 1890-х гг. (бумаги за 1880-е гг. содержится в Ф.161 (Санкт-Петербургский Главный архив. Оп.181/3 (V–Аз.)), и большая коллекция всеподданнейших докладов по Китаю, много консульских донесений, документов о борьбе разных стран за концессии и материалов о торговле. В Японском столе (Ф.150. Оп.493, 2058 дел) имеются сведения по политике России в Корее, о русско-японских переговорах по Корее (Д.183–201), большой корпус материалов по заключению Портсмутского мира (Д.619–629). Некоторое количество интересных документов отложилось в делах чиновника по дипломатической части приамурского генерал-губернатора (Ф.327. Оп.579) – в основном материалы по Маньчжурии и Корее. Значительно хуже уцелели документы дипломатических представительств России на Дальнем Востоке, особенно консульств в Китае, которых на рубеже веков насчитывалось около десятка. Часть из них утрачена, часть попала в руки эмигрантов и рассеялась по нескольким хранилищам русских бумаг за границей, преимущественно в США, часть, по-видимому, осталась в Китае. Эти материалы особенно важны для изучения торговли в регионе и степени проникновения русского капитала в Китай. Самые разные сведения содержатся в фонде миссии в Сеуле (Ф.191. Оп.768). Здесь много документов, связанных с получением концессий и развитием торговли.

Другой, базовый для исследования, архив Министерства финансов существенно пострадал. Часть его эвакуировалась из Петрограда в Москву в 1918 г., в том числе бумаги, касавшаяся КВЖД. С.Г. Беляев сообщил о пожаре, который произошёл в марте 1921 г. в здании Министерства финансов, где хранилась общая канцелярия министра¹. Но какой именно ущерб он нанёс бумагам, не известно. Тем не менее, состояние фонда Министерства финансов свидетельствует, что архив канцелярии министра, где была сосредоточена основная масса документов, относящихся к дальневосточной политике (РГИА. Ф.560. Оп.28, 29), пережил утраты. Это видно, в частности по наличию в современном фонде «сборных» описей, созданных из россыпи (Оп.43). Но некоторые группы материалов представлены весьма обильно. Это, к примеру, документы, касающиеся строительства Сибирской железной дороги. В основном они находятся в архивах Министерства финансов (Ф.560. Оп.27. 1874–1913 гг., 121 единица хранения) и Министерства путей сообщения (Ф.268. Оп.1, 3; Ф.265 (технический отдел Управления казённых железных дорог). Оп.2), где содержится многочисленная документация, касающаяся как технических вопросов сооружения магистрали (Ф.265. Оп.2. Д.617–621 – об изысканиях трассы Сибирской магистрали; Ф.268. Оп.3. Д.362–363, 423–430 – о сооружении Сибирской дороги, Д.536–540 – о строительстве Забайкальской дороги, Д.948–965 – об Амурской железной дороге и т.д.), так и отражающая деятельность раз-

¹ Беляев С.Г. Б.А. Романов – архивист // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С.58.

личных подготовительных комиссий и совещаний, и, наконец, сам ход строительных работ. Вопросы эксплуатации дороги отражены преимущественно в других фондах, в частности, в архиве Управления Сибирской железной дороги (Ф.441, 67 дел), содержащем материалы ревизий и борьбу с хищениями (Д.10, 21, 29 и др.). Важное значение имеют документы Комитета Сибирской дороги (РГИА. Ф.1273, 655 дел) – специального органа, призванного координировать все вопросы, касавшиеся сооружения магистрали, и наделённого невиданными для межведомственной структуры полномочиями. В частности, Комитет Сибирской железной дороги имел право подготовки и представления в Государственный совет законопроектов, что делало его власть реальной. Разумеется, в подавляющем большинстве ведомственные материалы, касающиеся истории Сибирской железной дороги, представляют собой техническую документацию и переписку с другими ведомствами по разным вопросам. Политические вопросы там затрагивались крайне мало².

Эту лакуну отчасти заполняют личные материалы. Самостоятельное значение имеют бумаги А.Н. Куломзина, управляющего делами Комитета Сибирской дороги, особенно – его обширные воспоминания, в которых много места уделено строительству Сибирской железной дороги (РГИА. Ф.1642). Кроме архива А.Н. Куломзина, планы сооружения Транссибирской магистрали находятся среди бумаг Е.В. Богдановича (ОР РГБ. Ф.58. Раздел I. К.39. №1, 2), а также вице-адмирала Н.В. Копытова, ещё в 1880-е годы выступившего с идеей спрямления Сибирской железной дороги через китайскую территорию (РГА ВМФ. Ф.12. Оп.1. Д.32, 33).

Иная ситуация сложилась с архивом КВЖД. Основная его часть долгое время (до 1945 г.) находилась в Харбине и неоднократно переживала существенные утраты. Слухи о том, что на КВЖД уничтожались многие документы, чтобы скрыть масштабные хищения, впервые появились в 1900 г. в связи с боксёрским восстанием. Обеспокоенный этим С.Ю. Витте назначил расследование, которое ничего не выявило (за исключением намерения одного инженера присвоить 260 тыс. руб.)³. Первый пожар в здании правления КВЖД произошёл 14 ноября 1905 г., после чего 28 ноября, 12 и 19 декабря служебные площади горели вновь. В итоге нетронутой огнём осталась лишь четвёртая часть здания. Сомнений, что это были поджоги, у современников не имелось: пламя уничтожило в основном бумаги, касавшиеся вопросов строительства магистрали, которые отражали в той или иной степени многочисленные злоупотребления и кражи. Совершенно не пострадали документы тех служб, где красть было практически нечего: пути, телегра-

² Подробнее см.: Борзунов В.Ф. Архивные материалы по истории строительства Сибирской железной дороги (1880–1905 гг.) // Исторический архив. 1960. №5. С.194–207.

³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.194.

фа, сношения с китайскими властями, отчуждения земель, судоходства⁴. В 1917 г. в связи с ликвидацией полосы отчуждения опять пропало большое количество документов⁵. Наконец, после 1917 г. архив КВЖД оказался не вполне достигаем для Советской власти, лишь в 1945 г. советские войска захватили уцелевшие документы (ныне составляет фонд 323 РГИА). Несмотря на многочисленные утраты, в составе 13 описей этого фонда представлены самые разные материалы, в том числе протоколы заседаний правления КВЖД (Оп.1. Д.1–121, 1177–1180), бумаги, касающиеся строительства и эксплуатации дороги, о деятельности её администрации, об управлении в полосе отчуждения КВЖД, многие экономические вопросы Дальнего Востока (Маньчжурии, Кореи), личные дела нескольких тысяч сотрудников КВЖД (Оп. 9, 12, 13). Значительная часть документов попала в китайские архивы, где хранятся и поныне. Небольшие коллекции были вывезены эмигрантами, сейчас они разбросаны по разным странам. Например, бумаги начальника КВЖД Д.Л. Хорвата находятся ныне в Музее русской культуры в Сан-Франциско (США). Незначительная часть этих документов вернулась в СССР в 1945 г. в составе Пражского архива (ГАРФ. Ф.Р–6081, 183 дела).

В делопроизводстве Морского министерства (ныне – РГА ВМФ) основное значение имеет фонд Главного морского штаба (Ф.417), где сосредоточилась вся переписка по дальневосточным проблемам. Эти материалы наиболее полно представляют реакцию и планы руководства морского ведомства на дальневосточную политику, а также содержат весьма обильную информацию касательно желаний заполучить незамерзающий порт на тихоокеанском побережье для нужд военной эскадры.

В архиве Военного министерства (ныне – РГВИА) основная масса документов, касающихся дальневосточной политики России, сосредоточена в фонде Военно-учёного архива (Ф.846 – это материалы, переписка и донесения о Корее, Китае, в том числе Маньчжурии), в азиатской части Главного штаба (Ф.400 содержит дела, касающиеся в основном Квантуна и Маньчжурии), а также ряде коллекций (Ф.447 – Китай, где в частности отложились донесения военных агентов, Ф.448 – Корея). В РГВИА находится значительное количество небольших фондов с материалами в связи с пребыванием русских войск в Маньчжурии (1900–1904 гг.): Ф.14383 – управление военного комиссара Гиринской провинции, 173 дела; Ф.14378 – управление военного комиссара Мукденской провинции, 252 дела; Ф.14465 – управление военного комисса-

---

⁴ Шмуккер М.М. Финансы казённой сети железных дорог России в связи с бюджетом (1890–1913 гг.) и очерк «Восточно-Китайской железной дороги». Вольск, 1918. С.134–135; Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.340–350.

⁵ Нилус Е.Х. Указ. соч. С.XIV–XV.

ра Хейлунцзянской провинции, 21 дело. В РГВИА также отложились материалы по управлению Квантунским полуостровом (Ф.14370 – полевой штаб командующего войсками Квантунской области, 28 дел; Ф.14372 – штаб войск Квантунской области; Ф.16120 – управление заведующего инженерной частью Квантунской области, 198 дел; Ф.16212 – управление почты и телеграфа Маньчжурии и Квантуна, 163 дела). Эти бумаги ещё не привлекали внимания исследователей.

Ещё в начале XX века, во время работы специальной комиссии для составления истории русско-японской войны 1904–1905 гг., группа офицеров, над ней работавшая, была допущена к ознакомлению со многими архивными материалами. Над предысторией войны работал военный историк, тогда полковник П.Н. Симанский. Он не только написал три тома, но и скопировал значительную часть документов, показавшихся ему интересными. Подготовительные материалы к исследованию П.Н. Симанского сохранились (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.67–128). Они включают в себя копии большого количества бумаг преимущественно из архивов Военного министерства, МИД, а также Министерства финансов. Такой «архив копий» официальной переписки для начала XX века – большая редкость, учитывая то, что их сделал человек, не занимавший высших административных постов. Особую ценность его коллекции придаёт тот факт, что он сумел получить большое количество бумаг от А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского. Среди них оказался и сборник документов, освещающих планы создания Восточно-Азиатской компании (Д.112–113), который мне нигде более обнаружить не удалось⁶.

Среди фондов государственных учреждений материалы безобразовцев отложились преимущественно в архиве Особого комитета Дальнего Востока. Несмотря на то, что сам комитет так ни разу и не собрался, его канцелярия, возглавляемая А.М. Абазой, действовала почти два года, и от неё осталось немалое количество бумаг. Они, согласно распоряжению Николая II 8 июня 1905 г., были переданы в Собственную Его императорского величества канцелярию. Однако часть материалов «с высочайшего соизволения» осталась в руках А.М. Абазы: это были «дела, не относящиеся к деятельности Комитета Дальнего Востока и производившиеся в особом порядке»⁷. Надо полагать, что за этим эвфемизмом скрывалась частная переписка безобразовцев. Вероятно, что часть её оказалась после 1917 г. в фонде Царскосельского дворца (ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183–185, 187). Согласно составленному перечню, все материалы были поделены на два отдела. В первом находилась 121 папка, в основном – личные документы, а единицы хранения 108–118 значились как

⁶ Его характеристику см. в главе 9 «Безобразовцы: царская «неофициальная» политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

⁷ А.М. Абаза – О.Б. Рихтеру 18 августа 1905 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12234. Л.4.

секретные. Было ещё дело 119 в трёх частях, содержавшее переписку безобразовцев с покойным В.К. Плеве⁸. Им очень заинтересовался О.Б. Рихтер, оно и было ему направлено, после чего назад не вернулось, а попало в архив канцелярии министра внутренних дел (РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759–761). Во второй отдел оказалось включено 36 дел, часть из них разошлась по подлежащим ведомствам⁹. Так, 60 документов, касавшихся концессии на р. Ялу, были переданы министру финансов В.Н. Коковцову¹⁰. Наконец, по завершении разбора бумаг была составлена ещё одна, третья опись дел, в которую вошли 54 единицы (преимущественно реестры и т.п.)¹¹. Материалы канцелярии Особого комитета Дальнего Востока использовались комиссией В.П. Череванского, призванного выявить виновников русско-японской войны. Оттуда они вернулись к А.М. Абазе и были препровождены им обратно в Собственную Его императорского величества канцелярию в виде двух ящиков с бумагами¹². По-видимому, именно из этих материалов состоит архивный фонд Особого комитета Дальнего Востока (РГИА. Ф.1337). При его изучении сразу бросаются в глаза значительные лакуны. Так, среди дел нет большинства всеподданнейших докладов А.М. Абазы, практически нет материалов за вторую половину 1904 – начало 1905 гг., когда контр-адмирал развил бурную деятельность по подготовке проектов переустройства Дальнего Востока после триумфального, как тогда им казалось, разгрома Японии.

Исключительное важное значение для изучения дальневосточной политики России рубежа XIX–XX веков имеют личные архивы непосредственных участников тех событий. От А.Н. Куропаткин (РГВИА. Ф.165) остался огромный и хорошо сохранившийся комплекс бумаг, насчитывающий ныне 5351 единицу хранения. Он содержит много переписки, связанной с дальневосточной политикой, различных записок, вообще материалов политического характера. Особый интерес представляют дневники А.Н. Куропаткина – его записные книжки под номерами, куда он записывал все важнейшие события, в том числе – разговоры с Николаем II, «тотчас же, после беседы, в одной из соседних с кабинетом государя комнат»¹³. Дневники военного министра составляют сейчас более двухсот единиц хранения. Они содержат пространные записи о самых разных событиях, сделанные чаще всего по их горячим следам. Помимо прочего генерал любил фиксировать свои разговоры

---

⁸ Там же. Л.20–24.

⁹ Там же. Л.8–9.

¹⁰ А.М. Абаза – О.Б. Рихтеру 5 октября 1905 г. // РГИА. Ф.1591. Оп. Т.XVI. Д.1. Л.28.

¹¹ РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12233. Л.26–27.

¹² Там же. Л.29.

¹³ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №11. С.79.

с другими сановниками. Первый их читатель ещё при жизни А.Н. Куропаткина – П.Н. Симанский – дал выразительную характеристику этому источнику: «дневник Куропаткина не представляет собой нечто монолитное, логически и хронологически переходящее из одной тетради в другую. Нет, параллельно главному руслу имеются и второстепенные рукава, сводящиеся к тому, что какое-либо из более крупных событий, в основном дневнике лишь бегло упомянутое, рассказано уже подробно в этих дополнительных тетрадях»¹⁴. К сожалению, до сих пор изданы лишь части этого ценного источника¹⁵. Тем не менее, дневник содержит массу важнейшей информации, которую трудно либо невозможно обнаружить в других источниках. На основании своих записей А.Н. Куропаткин составил текст, призванный осветить путь России к войне с Японией, он был опубликован в 1925 г. вместе с дневником покойного к тому времени Н.П. Линевича и в значительной степени противостоял версии, изложенной в мемуарах С.Ю. Витте¹⁶.

А.Н. Куропаткин использовал свой архив (особенно дневники) в разгоревшейся после русско-японской войны полемике о том, кто виноват в её развязывании. Например, он ответил на заметку С.Ю. Витте в «Новом времени» (1907. 9 декабря) по поводу г. Дальнего (это нашло отражение в переписке бывшего военного министра с П.Н. Симанским)¹⁷.

Другой хорошо сохранившийся личный фонд принадлежит Е.И. Алексееву (РГА ВМФ. Ф.32, 511 дел). Адмирал оправдываться не намеревался, поэтому специально материалы, касавшиеся Дальнего Востока, не собирал. Но благо-

¹⁴ Там же. С.80.

¹⁵ Значительная часть огромного дневника А.Н. Куропаткина была опубликована частями в советскую эпоху: Новые материалы о Гаагской мирной конференции, 1899 г. // Красный архив. 1932. №5/6. С.49–79 (с 28 февраля 1898 г. по 12 января 1899 г.); дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. №2. С.5–117 (записи с 17 ноября 1902 г. по 7 февраля 1904 г.) – издано отдельной брошюрой – Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. 140 с.; японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. Кн. VI. М., 1995. С.393–444 (с 27 мая по 1 июля 1903 г.); дневник А.Н. Куропаткина (с 14 февраля 1904 по 25 марта 1904 г.) // Красный архив. 1924. №5. С.82–101; дневник А.Н. Куропаткина (31 марта – 21 ноября 1905 г.) // Красный архив. 1935. №1 (68). С.101–126; из дневника А.Н. Куропаткина (с 23 октября по 23 декабря 1905 г. №27) // Красный архив. 1924. №7. С.55–69, 1925. №1 (8). С.70–100; выдержки из дневников за 1914–1915 гг. // Разложение армии в 1917 г. М.:Л., 1925; восстание в Средней Азии // Красный архив. 1929. №3 (34). С.39–94 (извлечения из дневника с 23 июля по 10 ноября 1916 г.); из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. №1 (20). С.56–77 (с 6 марта по 15 мая 1917 г.); дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 год // Исторический архив. 1992. №1. С.159–172 (с 20 мая по 23 октября 1917 г.) и т.д.

¹⁶ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925.

¹⁷ А.Н. Куропаткин – П.Н. Симанскому 10 декабря 1907 г., 11 декабря 1907 г., 16 января 1911 г. // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.18. Л.84–85, 86–87, 88–89.

даря занимаемым им высоким постам главного начальника Квантунской области, а затем и заместника Дальнего Востока, у него сохранилось большое количество документов, имевших отношение к службе на восточной окраине (переписка с А.П. Извольским, Р.Р. Розеном, П.М. Лессаром, А.И. Павловым, В.Н. Ламздорфом, И.Я. Коростовцом, исполнявшем одно время должность его дипломатического чиновника, а также с безобразовцами). Сохранился его дневник (Д.11а–26, за 1890–1916 гг.), но он мало информативен. Выразительную характеристику бумаг, выходявших из-под пера адмирала, дал осведомлённый П.Н. Симанский: «когда ген.-ад. Алексеев ссылался на свои настояния, якобы невыполненные Петербургом, то всегда оказывалось, что эти настояния находились в конце документа, тонули в массе предшествовавшего им текста и излагались настолько нерельефно и в такой ненастойчивой форме, что, конечно, на них никто не мог обратить должного внимания»¹⁸.

Важное значение имеет большой личный фонд В.Н. Ламздорфа (ГАРФ. Ф.568, 1034 дела). Дипломат в течение многих лет составлял для себя своеобразные досье в виде копий документов по многим внешнеполитическим вопросам, в том числе и касающимся Дальнего Востока. В частности, это материалы по подготовке русско-китайского секретного договора (ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.126), переписка о занятии Порт-Артура (Д.127–128), переписка о Корее (Д.145, 177, 179), переговоры о сепаратном соглашении с Пекином в 1900–1904 гг. (Д.133–139), материалы по последним перед войной русско-японским переговорам (Д.180–182), переписка с некоторыми дипломатами. Значительный интерес для исследования представляет большой корпус писем С.Ю. Витте, до сих пор не опубликованных, во многих из которых затрагивались вопросы дальневосточной политики (Д.381). Хорошо известен дневник В.Н. Ламздорфа, все сохранившиеся тетради которого были опубликованы с купюрами, связанными с личной жизнью графа, в 1926–1991 гг. в трёх книгах¹⁹. Но дневник охватывает период со второй половины 1880-х гг. до 1896 г., когда его автор ещё не был министром. Между тем, за последующие годы сохранился не менее интересный и важный источник – записи всеподданнейших докладов В.Н. Ламздорфа, где он указывал, иногда – кратко, иногда – пространно – содержание разговора с царём и перечислял затронутые темы. В этом отношении записи сановника уникальны, так как в России не существовало практики стенографирования личных всеподданнейших докладов министров. Конспекты всеподданнейших докладов сохранились за 1897–1906 гг. (Д.58–67) и представляют собой важное дополнение к дневнику.

¹⁸ Симанский П. Указ. соч. С.75–76.

¹⁹ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). М.:Л., 1926; Ламздорф В.Н. Дневник 1891–1892. М.:Л., 1934; Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991.

Архив С.Ю. Витте (РГИА. Ф.1622, 1033 дела), хотя и сохранился далеко не полностью, заслуживает отдельной и подробной характеристики из-за его специфики и репрезентативности для исследования дальневосточной политики России. Его хозяин очень рано, уже в 1900 г. начал активно подбирать документы, в том числе письменные свидетельства непосредственных участников событий для доказательства своей правоты. Например, он искал подтверждений своей борьбы против захвата Порт-Артура и Даляньваня в конце 1897 г.²⁰ Уже 14 июля 1900 г. С.Ю. Витте сообщил Д.С. Сипягину, что собрал все необходимые документы по Порт-Артуру для доказательства собственной непричастности²¹. У него собралось немало по объёму досье: в описании архива сановника, сделанном при жизни владельца, значится дело № 22 («документы, касающиеся взятия Порт-Артура»), в составе которого насчитывалось 72 позиции (почти все – копии)²². Вряд ли министр финансов в 1900 г. задумывался над мемуарами, скорее это делалось для «битвы документов». Когда после смерти графа в феврале 1915 г. генерал-адъютант К.К. Максимович был послан забрать его бумаги, то выяснилось, что материалы личного архива тщательно систематизированы по отдельным вопросам, хранятся в виде папок, в том числе – по дальневосточной политике (дело №23 – «непосредственная безобразовщина», дело №24 – документы по Корее, дело № 26 содержало записки А.М. Абазы и В.М. Вонлярлярского, дело №21 – документы, касающиеся эвакуации Маньчжурии, дела №29, 31, 32 и 34 – материалы по заключению Портсмутского договора, дело №47 – переписку по поводу заявления, сделанного А.Н. Куропаткиным в 1909 г. о Портсмутском мире и т.д.)²³. После доклада К.К. Максимовича Николаю II все материалы, касающиеся дальневосточных проблем, были переданы либо в императорские библиотеки, либо в Министерство иностранных дел²⁴. Тем не менее, сопоставляя доклад К.К. Максимовича и сохранившуюся часть описания архива С.Ю. Витте (с его собственноручной правкой)²⁵, можно

²⁰ Н.В. Муравьёв – С.Ю. Витте, июль 1900 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.171; П.П. Тыртов – С.Ю. Витте 7 июля 1900 г. // Там же. Д.168; Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 15 июля 1900 г. // Там же. Д.172; А.С. Долгорукий – С.Ю. Витте 5 января 1901 г. // РГИА. Ф.931. Оп.3. Д.177. Л.13.

²¹ Красный архив. 1926. №5 (18). С.35.

²² ГАРФ. Ф.6887. Оп.1. Д.175. Л.161–163.

²³ Можно предположить, что всего их было много больше ста, так как только изъятая после смерти графа часть насчитывала 80 папок (Витенберг Б.М. К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.ХVII. Л., 1985. С.260).

²⁴ Опись бумаг и документов, принадлежащих графу С.Ю. Витте и находившихся в его квартире в Петрограде 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.39 (224/2746). Д.2. Л.3–8; Витенберг Б.М. Указ. соч. С.248–260.

²⁵ ГАРФ. Ф.6887. Оп.1. Д.175. Л.154–165.

прийти к выводу, что в руках у генерал-адъютанта оказалась лишь часть бумаг графа. В составленном им перечне обнаруженных в доме на Каменноостровском проспекте и изъятых документов, например, совсем не значится дело №22 о Порт-Артуре. Сам К.К. Максимович сообщил царю, пославшего его за бумагами покойного: «В числе взятых дел имеется подробный список всех, находившихся у графа Витте документов. Большинство из указанных в этом списке документов оказалось налицо, но некоторых, из коих многие представляются особо интересными и важными, недостаёт, и в списке они обозначены как находящиеся за границею»²⁶. Здесь что-то не так. Либо у К.К. Максимовича оказался не весь перечень архива С.Ю. Витте, либо он почему-то не упомянул о значительной части бумаг в своём всеподданнейшем докладе. Первое кажется более вероятным. Недостачу царский посланец, по-видимому, списал на заграничное хранилище графских документов²⁷. К тому же его более всего интересовали мемуары графа, а не копии переписки по некоторым внешнеполитическим делам (хотя и это, очевидно, тоже, так как все материалы по Дальнему Востоку предназначались к изъятию). Можно предположить, что бумаги были скрыты от царского посланника, так как сейчас в личном фонде С.Ю. Витте в РГИА не менее полутора ста дел относятся к дальневосточной политике²⁸. В основном это документы, связанные с его деятельностью, и сочинения некоторых безобразовцев (в частности – В.М. Вонлярлярского). Большинство бумаг представляют собой копии, подлинники встречаются редко. Несмотря на многочисленность материалов, в них заметны изъяны. В общем, архив С.Ю. Витте по информативности сильно уступает, например, комплексам бумаг А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа или Е.И. Алексеева.

С.Ю. Витте не скрывал, что собирает документальные источники о важнейших событиях на Дальнем Востоке и уже при жизни пустил свою коллекцию в дело. Так, осенью 1903 г. он представил обличительные материалы на безобразовцев К.П. Победоносцеву, который по достоинству оценил полученное: «Это летопись непонятного и небывалого у нас государственного безумия и чудовищного разделения власти и распоряжений! Помилуй Боже

---

²⁶ Всеподданнейший доклад К.К. Максимовича «Об оставшихся после кончины статс-секретаря графа Витте документах» [2 апреля 1915 г.] // РГИА. Ф.472. Оп.39 (224/2746). Д.2. Л.1. Резолюция Николая II: «Поступить согласно Вашим предположениям» 2 апреля 1915 г.

²⁷ Там действительно оказалось значительное количество документов, касающихся дальневосточной политики. Ныне они находятся в Колумбийском университете (см., например, многочисленные ссылки на эти материалы в кн.: Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. N.Y., 1996).

²⁸ Надо учитывать, что в советское время архивисты расшили оставшиеся «досье» графа, стараясь придерживаться принципа: один документ – одно дело.

от страшных последствий»²⁹. 30 октября 1903 г. экс-министр финансов ознакомил военного министра А.Н. Куропаткина с документами о концессии на р. Ялу и о выделении А.М. Безобразову 2 млн. руб.³⁰ Но это были уже запоздалые попытки оправдаться после отставки. Наученный горьким опытом, в будущем С.Ю. Витте только увеличил усилия, направленные на сбор бумаг. В 1905 г., сразу после назначения уполномоченным России на переговоры в Портсмут, он распорядился «снимать копии со всех решительно документов, отправляемых и получаемых телеграмм и т.п.: один экземпляр будет для дела, другой – для него лично»³¹.

В отличие от других сановников, С.Ю. Витте ещё находясь в должности министра, уделил много внимания составлению исторических справок нужного ему содержания, для которых использовался не только личный архив, как было в случае с «Прологом русско-японской войны», но и делопроизводство Министерства финансов. Так, вероятно, в 1899 г. он поручил чиновнику особых поручений при Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов М.Г. Зельманову подготовить исторический очерк строительства Сибирской железной дороги и КВЖД. К 1900 г. М.Г. Зельманов сначала представил его проспект, который получил высокую оценку заказчика («Конспект составлен отлично»)³². С.Ю. Витте торопил, для ускорения работы М.Г. Зельманову был предложен помощник, ему открыли доступ ко всем журналам Комитета Сибирской железной дороги. Наконец, 7 августа 1901 г. чиновник передал рукопись своего сочинения П.М. Романову, затем она попала к С.Ю. Витте³³. Он оставил на полях правку и резолюцию: «Я желал бы прочесть в исправленном более объективном в отношении меня виде»³⁴. Переделанный согласно пожеланиям министра финансов текст появился в печатном виде под заглавием: «Историческая справка о сооружении Великого Сибирского железнодорожного пути» СПб., 1903. (97 с.). Примерно в это же время Д.Д. Покотилов работал над «Исторической справкой о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в трёхлетие 1898–1900 гг.» (СПб., 1902. 93 с.)³⁵. Её продолжение – «Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Вос-

²⁹ К.П. Победоносцев – С.Ю. Витте 23 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.694. Л.1.

³⁰ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.97. Запись 31 октября 1903 г.

³¹ Это С.Ю. Витте заявил Г.А. Плансону и К.Д. Набокову 1 июля 1905 г. вечером, после встречи с Николаем II (Дневник Г.А. Плансона. Запись 1 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.213. Л.26.

³² Записка С.Ю. Витте М.Г. Зельманову 21 января 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.183.

³³ Там же. Л.232–406.

³⁴ Там же. Л.232.

³⁵ Издания носили ведомственный характер, поэтому сколько-нибудь широкого распространения не получили.

токе в четырёхлетие от 1900 г. до 1903 г.», издано не было, оно сохранилось лишь в виде машинописного текста³⁶. Основное внимание в нём уделено безобразовцам и их деятельности. По-видимому, мы имеем дело с первым вариантом «Пролога русско-японской войны».

Однако документальный компромат собирал не только С.Ю. Витте, но и его противники. Так, известный дворянский деятель Н.А. Павлов весной 1905 г. располагал документами, якобы дававшими основания для серьёзных обвинений в адрес председателя Комитета министров. В апреле 1905 г. эти бумаги попросил у Н.А. Павлова Д.Ф. Трепов, чтобы «спустить» С.Ю. Витте. Н.А. Павлов выполнил просьбу и после этого уехал за границу. Вернувшись в мае 1905 г. он обнаружил, что С.Ю. Витте не тронули. Хозяин компромата возмутился и опубликовал в «Московских ведомостях» громовую статью против бывшего министра. С.Ю. Витте через И.И. Колышко попросил с ним встречи. Н.А. Павлов, посоветовавшись с Д.Ф. Треповым, согласился, после чего четыре дня подряд имел продолжительные беседы с С.Ю. Витте, каждый раз по два часа (по-видимому, в особняке на Каменноостровском проспекте)³⁷. Про них Н.А. Павлов «как-то таинственно, загадочно говорил, <...> что он теперь Витте держит в руках, что у него есть такие документы против Витте, что теперь можно его свалить, что эти документы сам Витте ему дал, что это и есть те документы, которыми он держит в руках царя, который боится их обнародования». Но сановник напрасно пытался перевербовать «дворянина Павлова» в свои сторонники. Н.А. Павлов с согласия Д.Ф. Трепова предполагал представить всё это Николаю II, чтобы он решился, наконец, «спасти Россию и себя от Витте»³⁸. Здесь далеко не всё понятно, но вероятно, что документы эти касались деятельности безобразовцев. Однако встреча с царём по-видимому не состоялась. Н.А. Павлов уехал в деревню, вернувшись, он встретился с Д.Ф. Треповым, который ему сказал, что С.Ю. Витте «пользуется полным доверием царя». Это была явная неправда, сказанная, очевидно, для того, чтобы остановить интригу. Скорее всего, сам её замысел исходил от безобразовцев, а недалёкий и к тому же некомпетентный Н.А. Павлов просто играл роль их орудия. Д.Ф. Трепов, сначала поддержавший идею, затем, видимо, сообразил, какой удар он нанесёт царю. Поэтому он и сдал назад. Н.А. Павлов подчинился, но потребовал свои документы назад, ему вернули лишь часть, а главные Д.Ф. Трепов якобы передал для расследования О.Б. Рихтеру и В.П. Череванскому³⁹.

³⁶ Там же. Л.1–131.

³⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С.372–373. Запись 23 февраля 1906 г.

³⁸ Там же. С.345–346. Запись 6 мая 1905 г.

³⁹ Там же. С.373. Запись 23 февраля 1906 г.

Если судить по официальным бумагам комиссии, никаких материалов Н.А. Павлова от Д.Ф. Трепова они не получали.

Часть бумаг С.Ю. Витте, в том числе и рукопись его мемуаров, которые он хранил за границей, находятся ныне в Колумбийском университете. Часть материалов осталась в семье, ими, к примеру, пользовался М. Энден в начале 1960-х гг. при написании большой работы о С.Ю. Витте⁴⁰. Кое-что оказалось в других руках. Э. Диллон в воспоминаниях сообщил, что у него в распоряжении была переписка С.Ю. Витте, касающаяся порсмутских переговоров, в том числе письма М. Гэли (M. Galy) и Т. Хаяши февраля 1905 г.⁴¹ Конечно, министр финансов дал эти материалы с очевидным расчётом – чтобы его версия переговоров и заключения мира появилась через известного журналиста в западной печати. Содержание мемуаров Э. Диллона не оставляет сомнений в том, что многие обстоятельства этих событий были известны ему именно со слов или в версии С.Ю. Витте (в частности, о том, что поездку С.Ю. Витте в Японию в 1902 г. якобы отклонил Николай II, о том, что сановника посылали в Портсмут в расчёте на неудачу и т.п.)⁴².

К сожалению, личные фонды других участников разработки и осуществления дальневосточной политики, которые содержали бы обильную информацию по проблеме, отсутствуют. Ни от Н.К. Гирса, ни от А.Б. Лобанова-Ростовского, ни от М.Н. Муравьёва не осталось значительного количества бумаг. Документы М.Н. Муравьёва в АВПРИ объединены в небольшой фонд из нескольких десятков единиц хранения и содержат лишь некоторое количество личной переписки (Ф.340. Оп.806). Ещё меньше материалов сохранилось после Н.К. Гирса (Ф.340. Оп.803) – всего 19 дел. Документов по Дальнему Востоку среди них нет вообще. Бесплезно искать их и в двух личных фондах А.Б. Лобанова-Ростовского (АВПРИ. Ф.340. Оп.805, 54 дела; ГАРФ. Ф.978, 51 дело).

Чуть лучше дело обстоит с материалами дипломатов более низкого ранга. В личном фонде И.Я. Коростовца (АВПРИ. Ф.340. Оп.839) находятся преимущественно его объёмные воспоминания, касающиеся деятельности автора на Дальнем Востоке. Они пока опубликованы лишь частично (Международная жизнь. 1994. №4. С.113–122; 1994. №9. С.136–144, а также в вышедшем в Торонто журнале «Россияне в Азии»). В частично сохранившихся бумагах Р.Р. Розена (РГИА. Ф.1038, 144 дела; ОР РНБ. Ф.647, 116 дел) представлена его личная переписка, в том числе с коллегами-дипломатами, служившими в Японии и Китае. Бумаги А.П. Извольского в АВПРИ (Ф.340. Оп.835, 59 дел) содержат лишь небольшую, но интересную часть его переписки за время службы посланником в Токио. Более обширный фонд А.П. Извольского

⁴⁰ Энден М.Н. Граф С.Ю. Витте // Возрождение (Париж). 1971, октябрь. №236. С.82.

⁴¹ Dillon E.J. The eclipse of Russia. N.Y., 1918. P.297.

⁴² Там же.

в ГАРФ (Ф.559, 84 дела) состоит из бумаг, начиная с 1906 г. Много материалов о дипломатии заместителя Е.И. Алексеева, в том числе по переговорам с Японией и с Китаем в 1903–1904 гг., находится в фонде его дипломатического чиновника Г.А. Плансона (ГАРФ. Ф.818, 269 дел). Среди них – его дневник (Д.211–213), большая часть которого была опубликована в 1930 г.⁴³ Там также отложились некоторые материалы в связи с Портсмутской конференцией (Г.А. Плансон входил в состав русской делегации). В частности – так и не увидевший свет пространный отчет дипломата о ходе переговоров. Большой личный архив остался после П.А. Дмитриевского, долгое время служившего консулом России в Китае и Корее (ГАРФ. Ф.918, 24 дела; СПб филиал Института востоковедения РАН. Ф.14, 365 дел). В его составе – часть дневников за время службы в Корее и многочисленная переписка, но в основном лично-бытового содержания. В бумагах сотрудника Министерства финансов Д.М. Позднеева (ОР РНБ. Ф.590. 196 дел) сохранилось несколько копийных книг его переписки по делам Русско-Китайского банка (Д.112–117), а также его дневник за 1903–1906 гг. (Д.12). Д.М. Позднеев тщательно копировал свою корреспонденцию с Д.Д. Покотиловым, объясняя это так: «Когда-либо нужно будет подобрать документы для доказательства мысли, что Покотил: во-1-х, никогда не принимает на себя ответственности, во-2-х, не дает инструкций по существу дела, во-3-х, когда их дает, то в лужу»⁴⁴. Бумаги самого Д.Д. Покотилова были, по-видимому, переданы после его кончины в 1908 г. в Пекине в Министерство финансов, где и были рассыпаны среди дел канцелярии министра (Ф.560. Оп.29).

К сожалению, список лакун получается куда обширнее. В небольшом личном фонде Н.Г. Гартвига (АВПРИ) нет никаких бумаг по Крайнему Востоку, несмотря на то, что он был незадолго до русско-японской войны директором Азиатского департамента МИД. Совсем чуть-чуть материалов в связи со службой в Токио осталось в архиве М.А. Хитрово (ОР ИРЛИ. Ф.325), тем не менее, они представляют значительный интерес. По-видимому, канули в лету документы А.П. Кассини, скончавшегося во Франции в 1917 г., его коллеги по Пекину А.И. Павлова, служившего затем посланником в Сеуле, П.М. Лессара, умершего в Пекине в 1905 г., военного агента в Китае К.И. Вогака. Их частные архивы, сохранились они, могли бы пролить хотя бы частично свет на многие вопросы, которые невозможно исследовать исключительно по официальной документации. Например, на предысторию русско-китайского договора 1896 г. или на отношения между российскими дипломатами в регионе и разницу в их мнениях по различным вопросам и т.д.

⁴³ В штабе адм[ирала] Е.И. Алексеева. (Из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. №4/5 (41/42). С.148–204.

⁴⁴ Дневник Д.М. Позднеева. Запись 28 января 1903 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №12. Л.22.

Немалое значение имеют небольшие и разрозненные коллекции материалов, отложившиеся в фондах различных государственных деятелей, так или иначе оказавшихся связанных с дальневосточной политикой. Конечно, их не могло не оказаться в бумагах последнего российского императора. В личном архиве Николая II (ГАРФ. Ф.601) имеются некоторые всеподданнейшие доклады С.Ю. Витте (Д.688), записки А.М. Абазы о русских предприятиях в Корее (Д.529, 718), материалы, касающиеся деятельности П.А. Бадмаева (Д.700, 792, 833, 1370), документы о политике России в Корее и о последних русско-японских переговорах (Д.514, 720, 2421, 2422) и др. Часть аналогичных бумаг находилась в библиотеке Царскосельского дворца (ГАРФ. Ф.543). Это, например, некоторые записки А.М. Безобразова общеполитического характера (Д.12), письма Э.Э. Ухтомского (Д.171, 173), различные тексты по вопросам дальневосточной политики (Д.170, 173, 176–179, 180). Большинству этих материалов следовало бы лежать в ведомственных архивах, они лишь по стечению обстоятельств попали в императорские библиотеки. В личном фонде Ф.В. Дубасова (РГА ВМФ. Ф.9, 1156 дел), одно время командовавшим Тихоокеанской эскадрой, есть некоторое количество материалов по Дальнему Востоку (в основном в связи с поиском незамерзающего порта в Корее, занятием Порт-Артура и организацией управления Ляодунским полуостровом).

Лишь частично сохранились документы, отражающие деятельность безобразовской группы. Бумаги А.М. Безобразова, скончавшегося в эмиграции в Париже, в России остались лишь фрагментарно (РГИА. Ф.648, 122 дела). Ещё находясь на родине, он писал воспоминания, но мне удалось обнаружить лишь несколько страниц черновика, где речь шла об эпохе «Святой дружины»⁴⁵. Были ли они завершены и сохранились ли – неизвестно. Целиком канули в лету личные архивы Н.Г. Матюнина, умершего в 1907 г. в Петербурге, А.М. Абазы, скончавшегося в 1915 г.

Из всех безобразовцев в России сохранилась лишь часть большого когда-то архива В.М. Вонлярлярского (основную массу бумаг он тайно вывез в Берлин в первой половине 1920-х гг. при помощи немецких дипломатов, куда затем в 1925 г. открыто выехал и сам)⁴⁶. Судя по всему, его архив погиб в годы Второй мировой войны (сам В.М. Вонлярлярский умер в 1940 г., успев опубликовать свои воспоминания и не успев – подготовленный им сборник документов по дальневосточной политике – «Затемнённая страница русской истории»)⁴⁷. Представление об архиве В.М. Вонлярлярского можно также составить из диссертации Ф. фон Штайнмана, который был допущен владельцем к своей

⁴⁵ РГИА. Ф.648. Оп.1. Д.123.

⁴⁶ Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С.242, 250.

⁴⁷ Там же. С.241. Он пользовался для подготовки «Затемнённой страницы русской истории» статьями Б.А. Романова.

документальной коллекции⁴⁸. Судя по всему, он был хорошо систематизирован по типу досье (как и архив С.Ю. Витте). Оставшиеся же в России бумаги составили небольшой фамильный фонд в РГИА. (Ф.917, 252 дела), где материалы самого В.М. Вонлярлярского представлены примерно десятком единиц хранения. Среди них – машинописные экземпляры его отчёта об экспедиции в Северную Корею, «Материалы для выяснения причин войны с Японией» (Д.4,5,7, существующие, впрочем, не в одном экземпляре и имеющиеся и в других фондах), а также документы по уголовному делу о подлоге завещания князя Б. Огинского (Д.6) и некоторые деловые бумаги. Они же (исключая деловые бумаги) попали в личный фонд близкого друга В.М. Вонлярлярского С.А. Панчулидзева (РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.96–100). По-видимому, В.М. Вонлярлярский таким образом заботился об их сохранности, так как сам С.А. Панчулидзева никакого отношения к безобразовской аванюре не имел. Некоторые документы, связанные с В.М. Вонлярлярским и Н.Г. Матюниным отложились среди бумаг ещё одного друга детства – Н.В. Минина (Архив СПб ИИ РАН. Ф.195, 128 дел). Но они крайне фрагментарны, дальневосточных дел почти не касаются (можно упомянуть лишь письма Н.Г. Матюнина – пограничного комиссара с Дальнего Востока и его записку о Корее 1891 г.).

Большое значение для изучения деятельности безобразовцев имеют бумаги их покровителей. В частности – архив графа И.И. Воронцова-Дашкова. Он весьма велик, поделён примерно на две равные части, одна из которых находится в РГБ (Ф.58, 5996 дел), другая – в РГИА (Ф.919, 5381 дело). Среди прочего у графа отложились некоторые записки А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского (Ф.919. Оп.2. Д.599, 603), письма А.М. Безобразова (Ф.919. Оп.2. Д.1371; Ф.58. Раздел I. Папка 6. №2). Нельзя сказать, что они имеют большое значение для исследования дальневосточной политики России, но благодаря хорошей сохранности фонда в целом можно найти немало интересных деталей (в частности, ранние письма А.М. Безобразова).

К сожалению, обратная ситуация сложилась с документами другого покровителя безобразовцев – великого князя Александра Михайловича. Они сохранились лишь фрагментарно. Несмотря на то, что в личном фонде царского дяди насчитывается 800 единиц хранения (ГАРФ. Ф.645), лишь несколько из них касаются вопроса усиления дальневосточной эскадры (Д.19, 729). В дневниковых записях Александра Михайловича за 1897, 1899–1902 гг. (Ф.645. Оп.1. Д.8–12) существенной информации совсем мало.

В составе семейного архива Балашёвых (РГИА. Ф.892, 3080 дел) отложились частично и материалы И.П. Балашёва, безобразовского «ястреба», управлявшего в 1903 г. их лесопромышленным предприятием на р. Ялу.

⁴⁸ Steinmann F. *Ruslands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretar Bezobrazov*. Leipzig, 1931.

Правда, их количество весьма скромно. В частности, это копии некоторых записок А.М. Безобразова (Ф.892. Оп.3. Д.119, 126, 123) и незначительная часть переписки самого И.П. Балашёва. Он, правда, оставил обширные воспоминания, часть которых посвящена его деятельности на Дальнем Востоке. Но они составлялись без документов, содержат в основном общие рассуждения (Архив СПбИИ РАН. Ф.115. Оп.1. №1167).

От других людей, так или иначе сопричастных к дальневосточным делам рубежа XIX–XX вв., документов о них осталось ещё меньше. Казалось бы, у князя Э.Э. Ухтомского, много лет интересовавшегося Востоком, долгое время возглавлявшего правление Русско-Китайского банка, должны бы сохраниться следы его деятельности. Тем более, что бумаги князя уцелели в немалом количестве и оказались распределены между несколькими архивами (РГИА. Ф.1072, 646 дел; ОР ИРЛИ. Ф.314, 264 дела; ОР РНБ. Ф.1167, 79 дел; РГАЛИ. Ф.2140, 9 дел). Удивительно, но материалов, связанных с его деятельностью на Востоке, среди них почти нет. Куда они исчезли – загадка.

То же самое можно сказать и про архив известного журналиста С.Н. Сыромятникова, участника посольства князя Э.Э.Ухтомского в Пекин в первой половине 1897 г. и безобразовской экспедиции в Корею 1898 г. Он сохранился далеко не полностью (ОР ИРЛИ. Ф.655, 113 дел; РГАЛИ. Ф.1757, 9 дел), но от самого хозяина известно, что у него имелись материалы по Дальнему Востоку. В 1932 г. В.Д. Бонч-Бруевич предложил С.Н. Сыромятникову приобрести его архив для Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики⁴⁹. Хозяин был готов продать имеющиеся у него документы, касающиеся безобразовского предприятия на р. Ялу, музею⁵⁰, но сделка по каким-то причинам не состоялась. Уже после смерти С.Н. Сыромятникова В.Д. Бонч-Бруевич повторил своё предложение его наследникам⁵¹. Дальнейшая судьба этих материалов мне неизвестна. У ныне здравствующих родственников из бумаг предка не осталось практически ничего (единственное исключение – путевой дневник по Персидскому заливу 1900–1901 гг.)⁵². Среди бумаг С.Н. Сыромятникова, находящихся сейчас в ОР ИРЛИ и РГАЛИ, документы по Дальнему Востоку почти не присутствуют, а связанных с безобразовцами нет совсем. Складывается ощущение, что чей-то внимательный глаз тщательно изучил содержимое архива публициста на предмет наличия подобных материалов.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф.369. К.209. №21.

⁵⁰ С.Н. Сыромятников – В.Д. Бонч-Бруевичу 5 января 1933 г. // Там же. К.347. №18. Л.18.

⁵¹ Там же. К.209. №21.

⁵² Сыромятников В.Д. «Странные» путешествия и командировки «Сигмь» (1897...1916 гг.). СПб., 2004.

Схожая судьба постигла «Воспоминания писателя» С.Н. Сыромятникова. Работал он над ними, по-видимому, с 1924 г.⁵³ Для их составления он интересовался исследованиями (в частности, Б.А. Романова), а также некоторыми дневниками (И.Я. Коростовца и др.)⁵⁴. Мемуары состояли из пяти частей (три из них к 1927 г. были уже написаны) и были посвящены в основном дальневосточным путешествиям автора: «много довольно о Китае, но больше о Корее и обо всех лицах, действовавших в 1897–1899 на Дальнем Востоке»⁵⁵. С.Н. Сыромятников намеревался привести сведения, дополняющие книгу Б.А. Романова «Россия в Маньчжурии»⁵⁶. Завершил он их не позднее 1930 г., текст «Воспоминаний писателя» был напечатан на машинке, вероятно, в нескольких экземплярах (автор давал читать его Н.А. Энгельгардту), имел немалый объём (не менее 200 страниц). Журналист предложил рукопись для публикации В.Д. Бонч-Бруевичу. Однако директор Государственного Литературного музея дал ей низкую оценку и согласился напечатать лишь некоторые её фрагменты⁵⁷. Но публикация не состоялась, а отрывок, касающийся А.И. Ульянова, с которым В.Д. Бонч-Бруевич намеревался ознакомить Н.К. Крупскую и М.И. Ульянову, остался в его бумагах⁵⁸. Кроме этого, от «Воспоминаний писателя» уцелели небольшие рукописные фрагменты, относящиеся к 1880-м гг.⁵⁹ Где находится сейчас полный текст воспоминаний С.Н. Сыромятникова и сохранился ли он вообще – мне неизвестно.

Немного осталось и от бумаг П.А. Бадмаева. Часть его архива попала в ГАРФ (после того как она побывала в руках следователей Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г.) и образовала небольшой фонд (Ф.713, 71 дело). Самые интересные документы были опубликованы в 1925 г. В.П. Семенниковым⁶⁰. Совсем недавно в ЦГИА СПб также появился маленький личный фонд П.А. Бадмаева из бумаг, переданных из архива Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Ф.2300, 23 дела). Большинство полученных документов имеют отношение к его имуществу и судебному процессу о его наследстве (Д.18). Но есть и некоторые материалы

⁵³ «А с 24-го будет центральное отопление, и я примусь за мемуары» (С.Н. Сыромятников – В.М. Алексею 13 октября 1924 г. // СПб филиал архива РАН. Ф. 820. Оп.3. Д.759. Л.45).

⁵⁴ С.Н. Сыромятников – П.Е. Щёголеву 20 декабря 1924 г. // ОР ИМЛИ. Ф.28. Оп.3. №.442.

⁵⁵ С.Н. Сыромятников – В.М. Алексею 14 января 1927 г. // СПб филиал архива РАН. Ф.820. Оп.3. Д.759. Л.72.

⁵⁶ С.Н. Сыромятников – В.Д. Бонч-Бруевичу 17 апреля 1930 г. // ОГ РГБ. Ф.369. К.347. №18. Л.1–2.

⁵⁷ Рецензия В.Д. Бонч-Бруевича на рукопись С.Н. Сыромятникова «Воспоминания писателя» // Там же. К.58. №63.

⁵⁸ Сыромятников С.Н. Из воспоминаний // Там же. К.407. №10. Л.1–27.

⁵⁹ ОР ИРЛИ. Ф.655. Оп.1. №113.

⁶⁰ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925.

о деятельности торгового дома «П.А. Бадмаев и К^о», о планировавшихся им железных дорогах в Китае (Д.2, 4, 7, 11) и т.д. Кое-что из документов «доктора тибетской медицины» осталось на руках у родственников, но, судя по всему, лишь те, что касались его медицинской практики⁶¹.

Опубликованные источники

Среди опубликованных источников важное место занимают итоги различных обследований дальневосточных территорий, предпринимавшиеся в конце XIX – начале XX в. Конечно, это специфический источник, так как политические сюжеты там, как правило, не представлены прямо. Но по направлениям подобных изысканий, степени их интенсивности и времени проведения можно сделать немало любопытных выводов относительно дальне восточной политики России в целом.

В частности, после ввода русских войск в Маньчжурию в 1900 г. приказом по Приамурскому военному округу №666 было объявлено «высочайшее разрешение» произвести военно-статистическое описание Гиринской и Хэйлунцзянской провинций Китая (то есть, Северной Маньчжурии)⁶². Предполагалось сделать подробное описание территории, превосходящей по размеру многие европейские государства, с помощью 14 партий специалистов (каждая должна была состоять из четырёх человек: начальник (как правило, офицер Генерального штаба), топограф и два строевых офицера). Каждой группе предстояло описать одно фудутунство (аналог российского уезда). Работу предполагалось провести по той же схеме, по какой в Министерстве финансов было издано в 1897 г. «Описание Маньчжурии» (его автор – Д.М. Позднеев). Сроки для выполнения задания отводились минимальные: партиям следовало отправиться в путь 20 февраля 1901 г., к 15 октября 1901 г. им надлежало завершить полевую работу, а к 15 декабря 1901 г. – подготовить сводные описания провинций. Однако на деле партии стартовали в разное время в 1901–1902 гг., соответственно их отчёты были получены позднее, поэтому к составлению общего свода приступили лишь в середине мая 1903 г. На основании семи отчётов по Гиринской провинции и пяти – Хэйлунцзянской (остались неохвачены Хайларское фудутунство и восточный Айгун) был опубликован свод данных по

---

⁶¹ Гусев Б. Мой дед Жамсаран Бадмаев // Доктор Бадмаев: тибетская медицина, царский двор, советская власть. М., 1995. С.94, 97–98.

⁶² Косвенно такая работа свидетельствовала о намерениях власти: вряд ли стоило бы проводить доскональное топографическое описание местности, которую Россия планировала оставить в ближайшие месяцы. Разумеется, из этого нельзя делать вывода о непременном захвате Маньчжурии, но к этому явно готовились – вот о чём говорят усилия военных топографов.

Гириной провинции⁶³. Результаты же работ партий по фудутунствам также увидели свет ещё до появления обобщающей книги⁶⁴. Их издали в Хабаровске в серии «Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии» в 1902–1903 гг. Это настолько редкие издания, что РНБ, к примеру, располагает лишь 2 книгами из 14, попавшими в её фонды в 1960-е гг., а в РГБ и БАН их нет вообще. Путевые заметки выходили также и отдельными изданиями⁶⁵. В принципе они ничем не отличаются от «сериалов».

Аналогичные наблюдения, только за более длинный период, можно сделать, анализируя записки Военно-топографического управления Главного штаба. Если в 1893–1895 гг. военные топографы работали преимущественно в русском Забайкалье и Амурской области⁶⁶, то в 1896 г. они переключились на Маньчжурию⁶⁷. 15 октября 1900 г. начальник Приамурского военно-топографического

⁶³ Цихович, подполковник Генерального штаба. Военный обзор Гириной провинции в Северной Маньчжурии. СПб., 1904. С.1–2. Была ли одновременно издана обобщающая работа по Хэйлунцзянской провинции – мне неизвестно. Но позднее такая книга появилась (Доброловский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Краткий очерк географии, путей сообщения, населения, администрации и экономического положения. Харбин, 1906).

⁶⁴ Богаевский. Сан-синское фудутунство. Хабаровск, 1903; Богданов [А.Ф.] Ансехинское фудутунство. Т.1–2 (Ч.1–3). Хабаровск, 1902; Дуров П. Цицикарское фудутунство. Хабаровск, 1903; Зигель. Гириное фудутунство. Хабаровск, 1903; Ижицкий. Мергенское фудутунство. Хабаровск, 1902; Карликов К. Нингутинское фудутунство. Хабаровск, 1903; Лисовский. Гириное фудутунство. Хабаровск, 1903; Лишин. Хунчунское фудутунство. Хабаровск, 1903; Люпов [С.Н.], капитан. Хуланское фудутунство Хэй-лун-цзянской провинции. Ч.1–2. Хабаровск, 1903; Мельгунов. Бутхасское фудутунство. Хабаровск, 1903; Тихменев. Чань-чунь-фу и фудутунство Бодунэ-Хайлар. Хабаровск, 1903; Щедрин. Айгунское фудутунство (западная часть). Хабаровск, 1903.

⁶⁵ Свягин Н.С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. Впечатления и наблюдения. СПб., 1897; [Вейль Э.] Южно-Сунгарийский район. Разведка Генерального штаба капитана Э. Вейль в 1897–1898 году. Ч.1. Краткий военно-статистический очерк. Хабаровск, 1899; Самойлов [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1899; ([Звегинцов А.И.] Северная Корея. Сборник описаний позиций. СПб., 1901; Звегинцов А.И. Описание Жёлтого и Японского морей и Корейского пролива как районов военных действий. СПб., 1904; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военное обозрение Северной Кореи. СПб., 1904 и др.

⁶⁶ Поляновский М.П. Астрономические определения в Амурской области в 1895 г.; Щеткин Н.О. Астрономические определения в Забайкальской области, произведённые в 1893 и 1894 гг.; он же. Астрономические определения в Забайкальской области, произведённые в 1895 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1897. Часть LIV. Отд. 2. С.10–18; 19–46, 47–75.

⁶⁷ Поляновский М.П. Астрономически наблюдения в Восточной Маньчжурии, исполненные в 1896 г.; Щеткин Н.О. Астрономические наблюдения, исполненные в Забайкальской области и в Маньчжурии вдоль проектировавшегося направления Сибирской

отдела М.П. Поляновский представил рапорт о необходимости съёмки поверхности Северной Маньчжурии в 1901 г. (127 тыс. кв. вёрст), для чего требовалось 115 топографов и геодезистов и 600 тыс. руб. Однако в Петербурге план М.П. Поляновского принят не был, вместо сплошной топографической съёмки решили усилить состав «описных партий фудутунств»⁶⁸.

Богатый фактический материал содержат различные местные, дальневосточные издания⁶⁹. Они касаются не только географии. Например, в публикациях местного биржевого комитета можно найти интересные сведения о положении дел в экономике региона⁷⁰.

Большое значение имеют подборки бумаг, опубликованные в «Красном архиве» в 1920–1930-е гг., которых насчитывается несколько десятков. Особенно это касается материалов, раскрывающих политику Петербурга на окраине с середины 1890-х гг. до 1904 г.⁷¹ Конечно, в них невозможно было представить даже основные документы, тем не менее, многие важные свидетельства впервые увидели свет. В частности, это журналы Особых совещаний 26 апреля 1888 г., 9 августа 1894 г., 20 января 1895 г., 25 января 1903 г.⁷² Официальная переписка дипломатов и сановников касалась отношения России к японо-китайской войне 1894–1895 гг., подготовки договора о КВЖД. К сожалению, А.Л. Попов, подобравший эти документы и подготовивший обширную вводную статью (С.34–54), в которой попытался дать общую характеристику внешней политики самодержавия, обозначил лишь общее место нахождения публикуемых им документов (АВПРИ, Китайский стол). Лишь по отмеченным в издании пометам на них (автографы Александра III, Николая II) можно догадаться, что это подлинники. Кроме того, из дел Японского стола АВПРИ

железной дороги и проведённые в 1896 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. 1898. Часть LV. Отд.2. С.115–123; 124–149.

⁶⁸ Алексеев Я. Предисловие // Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. Часть LXXII. Отдел 1 и 2. Пг., 1918. С.I–II.

⁶⁹ Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. Очерк. СПб., 1900; Обзор Приморской области за 1890–1896 гг. Владивосток, 1897; Обзор Приморской области за 1901 г. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905; Справочная книга г. Владивостока. Владивосток, 1900 и др.

⁷⁰ Первый съезд представителей дальневосточных биржевых комитетов 11–15 июня 1914 года во Владивостоке. Владивосток, 1915.

⁷¹ Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.). Подготовил к печати А.Л. Попов // Красный архив. 1932. №3 (52). С.34–124; Из эпохи японо-китайской войны 1894–95 гг. Подготовили к печати Б.Г. Вебер и С.Р. Димант // Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С.3–63; Накануне русско-японской войны. (Декабрь 1900 г. – январь 1902 г.). Подготовил к печати И. Ерухимович // Красный архив. 1934. №2 (63). С.3–54.

⁷² Красный архив. 1932. №3. С.54–61, 62–67, 67–74, 110–124.

была обнародована переписка российского МИДа и некоторые всеподданнейшие доклады в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг. (всего 109 документов). Важное значение имеет подборка документов, касающихся занятия Германией Киао-Чао и реакция на это России (45 документов, часть из них представлена в извлечениях)⁷³. К сожалению, в ней, как и в большинстве других случаев, никак не обозначены критерии отбора документов и точное их нахождение. Одна из публикаций посвящена русско-японским отношениям в 1901 г. после того, как Россия заняла Маньчжурию (это в основном переписка А.П. Извольского – всего 41 документ). Подготовивший её И.И. Ерухимович также весьма глухо заметил, что подлинники хранятся в Архиве внешней политики (С.7), ограничившись вводной статьёй к ним общеисторического содержания (С.3–7). Исключение в этом отношении составила публикация Б.А. Романова «Портсмут», в сопроводительной статье к которой историк дал точные сноски на использованные дела⁷⁴. Важно, что в большинстве случаев документы печатались без купюр. Кроме того, специалисты, их готовившие, могли весьма откровенно выражать свои взгляды, пока в 1920-е – первой половине 1930-х гг. существовал курс на разоблачение царской политики, что давало возможность отбирать наиболее яркие и откровенные свидетельства её «антинародной сущности», не стесняясь в комментариях.

Некоторое количество документов, важных для изучения дальневосточной политики России, появилось в различных сборниках. В частности, материалы из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица, опубликованные в 1925 г., сопровождалась приложением из ряда писем (9) и записок (5) А.М. Безобразова Николаю II, 3 писем его же В.Н. Ламздорфу, 3 писем А.М. Абазы царю и нескольких материалов А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица⁷⁵. К сожалению, никакого археографического предисловия к изданию предпослано не было. Б.А. Романов к своей большой статье «Лихунчагский фонд» приложил текст всеподданнейшего доклада С.Ю. Витте «О предприятиях Общества Китайской Восточной железной дороги» 14 марта 1903 г. и справку о выдачах из «лихунчагского фонда» до 1914 г.⁷⁶

Активная работа по обнародованию документов дальневосточной политики России рубежа XIX–XX вв. прервалась в 1930-х гг., она получила продолжение лишь в 2006 г. В.В. Глушков и К.Е. Черевко подготовили и издали большой том материалов из архива дипломатического ведомства, касающихся

⁷³ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.19–63. Она подготовлена Ф.А. Ротштейном.

⁷⁴ Красный архив. 1924. №6. С.5.

⁷⁵ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.131–179.

⁷⁶ Борьба классов. 1924. №1/2. С.117–126.

русско-японской войны 1904–1905 гг.⁷⁷ Основное место в нём заняли бумаги периода войны. Однако составитель первой части книги В.В. Глушков первую главу (С.12–88) посвятил «преддверию» конфликта, а точнее – некоторым фактам дальневосточной политики России 1895–1904 гг. В ней представлен 141 документ, к сожалению, исключительно в выдержках. Публикатор никак не оговорил принципы составления своей подборки, но вся она сделана только по материалам Китайского стола АВПРИ. Непонятно, чем диктовалась такая избирательность, тем более, что другие фонды этого архива, не говоря уже об иных хранилищах, содержат большое количество не менее интересных и важных для темы документов.

Уровень археографической подготовки издания находится ниже всякой критики и по многим параметрам уступает публикациям 1920–1930-х гг. Это распространяется даже на титулы: в ряде случаев автор не смог дать грамотные заголовки использованным им бумагам⁷⁸. Отрывки документов расположены в хронологическом порядке, без всякой группировки по проблемам. Помещённые рядом цитаты чаще всего никак не связаны между собой по смыслу, во многих из них содержатся отсылки к другим материалам, не нашедшим никакого отражения в книге. Сам отбор выдержек оставляет много вопросов. Зачем, например, помещать куски сопроводительных писем, не несущих практически никакой существенной информации? (см., например, документ №27). Или – краткие телеграммы дипломатов о ходе боевых действий, которые сильно уступают в подробности и точности военной корреспонденции? Особенно странно – публиковать в выдержках журналы Особых совещаний (кстати, часть их уже появилась **полностью** в 1930-е гг. на страницах «Красного архива», что, по-видимому, осталось неизвестным составителю) – исключительно важных и без того весьма лапидарных текстов. Комментарии, помещённые после главы (С.89–151), значительно отстают от выдержек из документов. В них повествуется много о чём, но они совершенно не объединяют разрозненные цитаты и мало проясняют их содержание. Значительная часть комментариев – это биографические справки, часто – излишне подробные. Вызывает изумление список литературы, который В.В. Глушков использовал для пояснений. В нём представлены не только такие «специальсты» в дальневосточной тематике как С.С. Ольденбург, А.А. Керсновский, И.Л. Бунич и др., но и авторы художественных (!) произведений – Р. Мас-си, Э.С. Радзинский и В.С. Пикуль.

⁷⁷ Глушков В.В., Черевко К.Е. Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М., 2006.

⁷⁸ Например, журнал Особого совещания 14 ноября 1897 г. назван «резюме» (такого жанра официальное делопроизводство в России тогда не знало) (С.19) и др.

В целом, следует признать, что В.В. Глушков взялся за непосильное для себя дело, так как он не обладает необходимой квалификацией для подготовки документальных публикаций. Его принципы исключают возможность использовать приведённые тексты для дальнейших исследований – а это и есть важнейшая задача научных изданий. В качестве хрестоматии для массового читателя этот набор цитат также не годится, так как он не способен дать внятное представление о дальневосточной политике империи рубежа XIX–XX столетий, а комментарии никак не улучшают эту картину. Прочитав главу, можно сделать лишь один вывод – надо обращаться в архив к самому массиву документов.

Эта нелестная характеристика совершенно не касается второй части книги о Портсмутской мирной конференции, подготовленной известным специалистом по истории русско-японских отношений К.Е. Черевко. Он впервые опубликовал на русском языке **полный** текст протоколов конференции (ранее они были напечатаны на английском и французском языках). Единственное замечание касается комментариев – они слишком кратки и посвящены большей частью вопросам о Курильских островах и Сахалине.

Кроме официальных материалов за минувшее с начала русско-японской войны столетие увидели свет и некоторые документы личного происхождения. Прежде всего, это мемуары и дневники. Последние печатались как правило, со значительными купюрами либо частями, причём пропуски в тексте не оговаривались. Пример такого рода – записи Г.А. Плансона, опубликованные А.Л. Поповым⁷⁹. То, что дневник представлен не полностью, можно узнать лишь сопоставив упоминание о двух тетрадях с записями «за период 1904–1905 гг.» и публикацию, в которой текст обрывается 2 ноября 1904 г. Для читателя остаётся также неясным принцип, по которому из текста удалялись его части: далеко не всегда это были личные либо бытовые записи, не представлявшие интереса в политическом отношении. В общем, это не только упрёк публикаторам и издательской культуре того времени, сколько констатация грустного факта: по большому счёту, все издания 1920–1930-х гг. нуждаются в сверке с оригиналом (там, где это возможно).

Впрочем, иногда дневники публиковались целиком, но это были счастливые исключения. Один из таких примеров – дневник И.Я. Коростовца, секретаря русской делегации, о переговорах в Портсмуте, опубликованный сначала в «Былом», а затем – отдельным изданием⁸⁰.

⁷⁹ В штабе адм[ирала] Е.И. Алексеева. (Из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. №4/5 (41/42). С.148–204.

⁸⁰ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.177–220; 1918. №2 (30). С.110–146; 1918. №3 (31). С.58–85; 1918. Книга 6. №12. С.154–182; Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в

Важным, хотя и не первостепенным источником для исследования явились воспоминания. Условно их можно разделить на две группы. Первая – это мемуары людей о Дальнем Востоке. Помимо ярких бытовых зарисовок их отличает высокая степень достоверности и критичности, особенно в бытовом плане⁸¹. Они позволяют точнее понять многие обстоятельства и ярко оттеняют сведения официальных источников. Очень интересны воспоминания русских людей, живших или бывавших в Китае или в Маньчжурии. Они также весьма выразительны и рассказывают о многих явлениях и событиях глазами русских, но с «той» стороны⁸². Пример таких мемуаров – это записки врача В.В. Корсакова о его жизни в Китае, написанные хорошим литературным языком⁸³. Но по части политики там содержится лишь случайная и фрагментарная информация.

В отдельную группу следует выделить мемуарные свидетельства тех, кто непосредственно участвовал в политике или близко наблюдал её. Они, как правило, носят совершенно иной характер: автор составлял их, прежде всего, чтобы объяснить свои действия и оправдаться, обвинив в ошибках или даже очернив других. Яркий пример таких мемуаров – воспоминания С.Ю. Витте. Имея под рукой обширный архив, он постарался представить свою дальневосточную политику как всегда правильную, найдя причины русско-японской войны в ошибочных действиях М.Н. Муравьёва, А.Н. Куропаткина, Е.И. Алексеева и безобразовцев⁸⁴. Антиподом С.Ю. Витте стал один из лидеров безобразовской группы В.М. Вонлярлярский, который с большим опозда-

---

Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовец, секретаря графа Витте. Пекин, 1923 (два издания). А.Л. Попов планировал издать в «Красном архиве» также значительный по объёму отчёт Г.А. Плансона о Портсмутской конференции, но эта публикация почему-то не состоялась (Мендельсон В.И. А.Л. Попов – историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973. С.261).

⁸¹ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). Томск, 1901 и др.

⁸² Хвостов А. Русский Китай // Вестник Европы. 1902. №10. С.653–696, №11. С.181–208; Тиреер. Порт-Аргур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. №1. С.179–194; №2. С.225–232; №3. С.187–200; Кулаев И.В. Под счастливой звездой (воспоминания). Тяньцзин, 1938 и др.

⁸³ Корсаков В.В. В старом Пекине. СПб., 1904; он же. В проснувшемся Китае. Дневник – хроника русской жизни перед войной. 1902–1903. М., 1911.

⁸⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1–2; Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. Критике мемуаров С.Ю. Витте посвящён ряд работ Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; они же. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; они же. С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып.4. Л., 1989. С.59–78).

нием, в 1939 г. опубликовал свои воспоминания, где главную вину за конфликт с Японией взвалил на С.Ю. Витте⁸⁵. Естественно, к таким мемуарным свидетельствам следует относиться с большой осторожностью.

К сожалению, немногочисленны оказались записки дипломатов. Прежде всего, надо отметить очень интересные воспоминания И.Я. Коростовца, долгое время служившего на Дальнем Востоке (в Пекине, Порт-Артуре, Урге)⁸⁶. Они написаны в эмиграции, имеют весьма значительный объём, опубликованы лишь частично. Щедрый на различные сочинения «дважды» посланник в Японии Р.Р. Розен, покинув Россию, издал свои мемуары в двух томах на английском языке⁸⁷. Они составлялись дипломатом без привлечения документов. Да и авторский стиль предполагал не рассказ о жизни и местах службы, а в большей степени о встречах и международных проблемах. Дальневосточным делам в них уделено немного места. Книга Р.Р. Розена читается без особого интереса, его служебные материалы содержат куда больше важных сведений. Ещё один дипломат – Ю.Я. Соловьёв, служивший в Пекине в 1895–1898 гг. секретарём миссии, опубликовал книгу воспоминаний в Советской России⁸⁸. Очень живо написанные, они рассказывают о жизни и людях русской миссии в Китае при А.П. Кассини.

Остались в рукописи значительные по объёму мемуары начальника штаба Квантунской области перед русско-японской войной В.Е. Флуга⁸⁹. Они также составлялись в эмиграции, в 1929 г., исключительно по памяти, поэтому содержат в основном бытовые зарисовки и запомнившиеся эпизоды службы.

Зарубежные публикации источников

Если исключить китайские и японские источники, для использования которых требуется знание соответствующих языков (за редкими исключениями), то доступных материалов остаётся очень немного. В первую очередь, надо упомянуть многотомную японскую публикацию дипломатических документов конца XIX – начала XX вв. «Ниппон гайко буншо», изданную большей частью в 1950-х гг., где часть корреспонденции, передаваемая по телеграфу, составлялась на английском языке (вероятно, это было связано с шифровкой

⁸⁵ Вонлярлярский В.М. Указ. соч.

⁸⁶ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922; [он же]. Накануне... 90 лет назад началась русско-японская война (записки русского дипломата) // Международная жизнь. 1994. №4. С.113–122; он же. После Портсмутского мира // Международная жизнь. 1994. №9. С.136–144. Его воспоминания о Монголии также опубликованы в нескольких номерах журнала «Россияне в Азии», издававшегося в Торонто.

⁸⁷ Rosen, baron. Forty Years of Diplomacy. Vol.I–II. L.:N.Y., 1922.

⁸⁸ Соловьёв Ю.Я. 25 лет моей дипломатической службы (1893–1918). М., 1928; он же. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959.

⁸⁹ ГАРФ. Ф.6683. Оп.1. Д.1в–5 – до русско-японской войны.

телеграмм). Известный интерес представляет японская Белая книга, предъявленная депутатам японского парламента уже в марте 1904 г., в которой представлены некоторые материалы по переговорам с Россией в 1903–1904 гг. Они публиковались, разумеется, выборочно, с целью оправдать развязывание войны и возложить ответственность за провал переговоров на русскую сторону. В 1905 г. она была переведена с английского на русский язык и опубликована безобразовцами в России вместе с английской Синей книгой, посвящённой переговорам о выводе русских войск из Маньчжурии в 1901–1904 гг.⁹⁰

Для исследования русской дальневосточной политики определённое значение имеют мемуары Т. Хаяши, служившего посланником в Пекине, Петербурге и Лондоне и стоявшим за подготовкой англо-японского союза 1902 г.⁹¹ К сожалению, основное место в них уделено именно службе автора в Британии. К тому же они отражают, в первую очередь, желание дипломата изобразить удобную для себя версию событий. В 1913 г. в Лондоне увидели свет так называемые «воспоминания» Ли Хунчжана⁹². «Так называемые» – потому что автор вёл дневниковые записи на китайском языке, после его кончины в конце 1901 г. родственники предоставили их для перевода и публикации. Составители весьма вольно обошлись с текстом, поэтому английская версия «воспоминаний» содержит много неточностей и по жанру скорее ближе к их художественному пересказу, чем к историческому источнику. Конечно, относиться к ним следует с удвоенной осторожностью. Однако и без того книга отражает в основном личные эмоциональные впечатления китайского сановника. Его поездке в Петербург и Москву на коронацию Николая II в 1896 г. посвящена отдельная глава, но она не добавляет ничего нового к уже известным деталям переговоров⁹³.

---

⁹⁰ Русский перевод английской Синей книги «Переписка о русской оккупации Маньчжурии Нью-чжуана» за время 1901–1904 гг.; русский перевод с английского языка японской Белой книги «Переписка о русско-японских переговорах 1903–1904 гг.» с параллельным французским текстом // Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.1–230 (вторая пагинация).

⁹¹ [Хаяши Т.] Записки графа Хаяси об англо-японском союзе // Известия МИД. 1913. Кн.5. С.312–337; *The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi*. Edited by A.M. Pooley. N.Y.:L., 1915.

⁹² *Memoirs of the viceroy Li Hung Chang*. L., 1913.

⁹³ *Ibid.* P.128–142.

Историография

Число работ, затрагивающих дальневосточную политику России конца XIX – начала XX вв. огромно и насчитывает не одну тысячу названий. Правда, большинство из них касаются этой проблемы «вскользь» либо представляют собой пересказ других сочинений. Число же настоящих исследований, выполненных на основании добротной документальной базы, невелико.

Конечно, большое внимание уделялось этому вопросу в отечественной историографии в связи с происхождением русско-японской войны. Это задало исследовательский дискурс «кто виноват?», оказавший несомненное и сильное негативное влияние на историографию. Поиск виноватых в конфликте начался ещё во время войны. Разумеется, обоснованные ответы появились несколько позже. Причины, приведшие Россию к войне с Японией, и сама война стали предметом изучения Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, начавшей свои занятия в октябре 1906 г. В её состав под председательством генерала В.И. Гурко вошли К.М. Адариди, М.В. Грулёв, П.Н. Симанский, Ф.П. Рёрберг, С.П. Илинский, А.М. Хвостов, В.Н. Минут, Н.Н. Сиверс, А.В. фон Шварц, Н.А. Корф, К.К. Агафонов (заведовал её архивом)¹. На первом заседании комиссии, состоявшемся 9 октября 1906 г., военные исследователи решили, что результатом их деятельности станут восемь томов истории войны. Историки-офицеры использовали в работе в основном материалы Военного министерства (общий архив Главного штаба) и писали они преимущественно об армии, о ходе военных действий.

Исключение составил первый том, излагавший причины конфликта и подготовку сторон к нему. Его поручили полковнику П.Н. Симанскому. Книгу следовало сдать в печать к 1 марта 1909 г., а вся работа комиссии должна была завершиться к 1 января 1910 г. Большинство авторов, в том числе и П.Н. Симанский, в срок не уложились. И не удивительно, так как он только в марте 1907 г. приступил к сбору материала². С начала 1908 г. полковнику удалось

---

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. СПб., 1910. С.V, VII.

² Симанский П. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №11. С.62.

получить доступ к архиву МИДа, причём если сначала П.Н. Симанский получал в день лишь 2–3 дела из рук чиновника, то вскоре отношение к нему изменилось. «Дела я стал сам брать из указанных мне шкапов, <...> много позже все неиспользованные днём дела стал уносить к себе на квартиру и таким образом резко расширил уделённые работе часы <...> Я работал здесь почти полных два года»³. Исследование увлекло автора: «материал был в высшей степени благодарный. Передо мной раскрылись широкие горизонты мировой политики, поднялись таинственные завесы, прошли своими поучительными страницами письма главнейших деятелей, мелькнули, а местами и отчётливо выявились людской ум и ловкость, низость и предательство, хитрость и простая измена, великодушие и простота, наивность и запуганность, упорство и систематичность. Я, не отрываясь, перечитывал многочисленные письма, депеши и ноты, знакомился с царскими резолюциями, любовался блестящими по стилю докладами Гартвига, интересными донесениями Извольского из Токио, пророческими предсказаниями барона Розена, великолепными по французскому языку письмами Нелидова; копался в спутанных документах по делу Ялу, в загадочном материале по гульскому инциденту, в бесконечной переписке по очищению нами Маньчжурии»⁴. Кроме архива внешнеполитического ведомства П.Н. Симанский получил для работы «громадную связку» дел из Министерства финансов, а также многочисленные материалы Военного министерства. Благодаря содействию Н.А. Корфа офицер имел доступ к бумагам А.М. Безобразова, в числе которых был «полный подбор разновременно поданных им докладных записок» по Дальнему Востоку⁵. Это обстоятельство приобретает особую ценность из-за того, что личный архив А.М. Безобразова, по-видимому, не сохранился. Н.А. Корф свёл П.Н. Симанского и с В.М. Вонлярлярским, у которого полковнику также удалось добыть «целую кипу» документов⁶. Разумеется, рамки работы резко расширились, и вместо одной книги у военного историка получился трёхтомник⁷. Однако его напечатали в количестве всего семи экземпляров с грифом «секретно»⁸.

В 1994 г. труд П.Н. Симанского был переиздан в России под другим названием («Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы (? – И.Л.) отечественной военной ориенталистики»), которое совершенно не отражает суть исследования. Казалось бы, перепечатку этой незаурядной ра-

---

³ Там же. С.64.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.73–74.

⁶ Там же. С.74.

⁷ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб., 1910.

⁸ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина... С.61–99.

боты следовало сопроводить вводной статьёй, объясняющей обстоятельства её появления и место в историографии. Вместо этого, читателям были предложены отвлечённые рассуждения генерала от истории В.А. Золотарёва и его соавтора В.И. Шеремета о дальневосточной политике России начала XX в., изобилующие нелепыми оценками и по уровню владения проблемой сильно уступающие труду П.Н. Симанского. В завершение всего публикатор переделал справочный аппарат трёхтомника, заменив постраничные сноски на концевые для каждого тома, да ещё и сделал их двойными (это когда в сноске содержится отсылка на источник, находящийся в списке под определённым номером). Учитывая, что источниками работы служили почти исключительно архивные документы, такое «усовершенствование» привело лишь к тому, что пользоваться справочным аппаратом стало весьма сложно. Этого В.А. Золотарёву показалось мало: в силу собственного разума он ещё и внес в сноски некоторые «исправления», искажающие их. В общем, получился образец того, как не следует перепечатывать исторические исследования.

Для публики из труда П.Н. Симанского была сделана краткая выжимка, опубликованная как первая глава первого тома – «События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении»⁹. Она была призвана изложить политические события, приведшие к вооружённому конфликту. Даже в кратком очерке взгляды П.Н. Симанского проступили весьма явственно. Он связал активность России на Дальнем Востоке с агрессивной деятельностью там других великих держав, особенно Англии (С.2). Офицер рассматривал политику Петербурга в регионе как вынужденное противостояние извечным своим соперникам в Европе с тем, чтобы вместо слабых Китая и Кореи не иметь у своих незащитных дальневосточных рубежей сильного соседа вроде Великобритании (С.4). Какие-либо экспансионистские замыслы у российского руководства вообще не отмечены автором. Наоборот, даже когда можно было отхватить себе что-то, например, в 1900 г. Маньчжурию, то ради дружбы (!) с Китаем Россия великодушно отказалась от этого (С.17). Причина же конфликта с Японией, по мысли военного историка, заключалась в агрессивной политике Страны восходящего солнца в Корее. Ей препятствовали безобразовцы, озбоченные защитой российских рубежей (С.25–27, 29). П.Н. Симанский, вопреки мнению подавляющего большинства своих современников, с нескрываемой симпатией относился к их деятельности. Он завершил очерк подробным изложением хода последних

⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. СПб., 1910. С.1–84.

перед войной русско-японских переговоров, упирая на ультимативность и непомерный размах японских требований к России (С.31 и далее).

Являлась ли позиция, изложенная военным историком, официальным объяснением причин войны? Автор утверждал, что не выполнял никакого политического заказа и что они получили от царя напутствие писать правду, невзирая на личности¹⁰. Работы по мере их завершения просматривал лишь генерал В.И. Гурко, никакой цензуры, по свидетельству П.Н. Симанского, не было¹¹. В комиссии отсутствовал единый подход: каждый автор трудился над своим томом самостоятельно, его взгляды не обязательно сочетались с представлениями коллег. Правда, текст П.Н. Симанского не по его воле оказался ещё в рукописи в руках у Е.И. Алексеева благодаря услужливости перед бывшим заместителем дипломатического чиновника Г.А. Плансона. Но адмирал ограничился мелкими замечаниями, носившими преимущественно личный характер¹². Тем не менее, сомнения в беспристрастности некоторых авторов возникли. Одни из членов комиссии – Ф.П. Рёрберг, пострадавший за жёсткую критику действий А.Н. Куропаткина, – отметил, что он был единственным, кто сдал свой труд в назначенное время и не получил за это очередного звания. Тогда как П.Н. Симанский и двое его коллег стали обладателями генеральских погон, несмотря на то, что не завершили свои тома в срок. Возможно, что не последнюю роль в этом играл подход к изучаемому вопросу¹³. Во всяком случае, несомненно, что точка зрения, изложенная П.Н. Симанским, была близка по духу Николаю II.

В свою очередь, С.Ю. Витте инспирировал появление нескольких сочинений для оправдания своих действий. Они базировались на предоставленных им документах и представляли удобную ему точку зрения. В 1908 г. Б.Н. Демчинский (сын известного инженера, метеоролога, близкого С.Ю. Витте Н.А. Демчинского) издал книгу «Россия в Маньчжурии (по неопубликованным документам)»¹⁴. Такой подзаголовок должен был привлечь внимание читателя. Правда, автор не дал подробной характеристики использованных им материалов, поэтому часто о том, что именно оказалось у него в руках, приходится только догадываться. Однако Б.Н. Демчинский оказался действительно хорошо осведомлён в документах, касавшихся русской дальневосточной политики.

¹⁰ Рёрберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг. и члена Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С.288–289.

¹¹ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина... С.65.

¹² Оригиналы записочек Е.И. Алексеева сохранились в личном архиве П.Н. Симанского (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.19. Л.1–10).

¹³ Рёрберг Ф.П. Указ. соч. С.343–344.

¹⁴ Демчинский Б.Н. Россия в Маньчжурии (по неопубликованным документам). СПб., 1908.

Так, публицист подробно изложил меморандум А.П. Кассини, приготовленный в Министерстве финансов для переговоров о железной дороге в Маньчжурии (который, кстати, сейчас отсутствует в архиве С.Ю. Витте) (С.25–29). Рассказал он и об истории захвата Порт-Артура и об Особом совещании, ему предшествовавшем (С.34–35), а также об особых совещаниях 1903 г. (С.66–74). Много места в книге уделено всеподданнейшему докладу С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток осенью 1902 г. и боксёрскому восстанию. Автор спел гимн мирной, экономической политике С.Ю. Витте на Дальнем Востоке: «До недавнего времени весь исполинский рост России обуславливался почти исключительно её военным могуществом, и только вступление в Маньчжурию открывало новый путь культурно-экономического завоевания чужой страны. <...> Впервые было найдено приложение такому виду государственного творчества, которое завоёвывает целые области и порабощает народы, не вынимая меча, не проливая капли крови и даже не бряцая оружием. Здесь, в зародышевом состоянии, должны были впервые обозначиться некоторые новые свойства, новые признаки России как нации, дебютирующей в роли мирного, культурно-экономического борца» (С.82). «Причину разрыва России с Японией» автор усмотрел в деятельности безобразовцев (С.9) – в частности, в предприятии на р. Ялу, которое назвал «самой тёмной страницей нашего пребывания на Дальнем Востоке» (С.8). Вина А.М. Безобразова состояла в том, что он отвергал разграничение сфер влияния в регионе, чего добивались японцы (С.75). В общем, точка зрения С.Ю. Витте была представлена Б.Н. Демчинским довольно полно, но вряд ли убедительно для читателя как по выводам, максимальное упрощение которых не придало им бесспорности, так и по скучноватому языку.

Бывший министр финансов не остановился на этом в распространении своих взглядов о виновниках русско-японской войны. Наиболее аргументировано точка зрения С.Ю. Витте была представлена в появившемся позже «Прологе русско-японской войны»¹⁵. Это объёмное сочинение, подготовленное сотрудниками графа по его заказу, отражало исключительно точку зрения бывшего министра финансов как на российскую политику в регионе, так и на причины русско-японской войны¹⁶. Сановник предстал перед читателем как поборник исключительно мирной, экономически ориентированной политики России в Китае, исходившей из многолетней дружбы и добрососедства двух империй (С.23–24). Прежде звучавшие резкие оценки М.Н. Муравьёва (за Порт-Артур), А.Н. Куропаткина и безобразовцев были значительно смягчены. Однако, по сути, они не изменились, просто утратили прямоли-

¹⁵ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. С предисловием и под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916.

¹⁶ Подробнее об обстоятельствах появления «Пролога...» см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994.

нейность. Так, в книге утверждается, что «дружеские» отношения Китая и России в 1898–1900 гг. сменились на недружелюбную политику пекинского правительства (С.78). Нетрудно догадаться, почему это произошло. Политика России в Маньчжурии после 1900 г. излагается на фоне повышенного внимания к ней других держав (как будто ранее такого не наблюдалось) (С.146–163) – понятно, что это камень в огород А.Н. Куропаткина, стремившегося аннексировать хотя бы её северную часть (С.175 и др.). Один С.Ю. Витте выступал за полный вывод русских войск из Северного Китая (С.174), при этом не слова не говорится о том, какими условиями министр финансов обставлял этот вывод. Наконец, это будущий граф предлагал совершенно поступиться Кореей в пользу Японии (С.189), его не послушали – и вот вам война. Ответственность за конфликт в книге возлагается на неразумную политику безобразовцев с их предприятием на р. Ялу, которые сумели разрушить единое ведение внешней политики, добившись передачи её на Дальнем Востоке в ведение наместника Е.И. Алексеева (С.351–352). Разумеется, провал переговоров с Токио – дело рук прежде всего русской стороны. Конечно, в книге нет прямого упоминания главного виноватого, но он постоянно присутствует – это Николай II, не слушавший советов своего министра финансов и доведший таким образом всю политику до полного краха. «Пролог...» – наиболее тонко составленное изложение дальневосточной политики России, но это ещё не сделало его бесспорным.

В 1918 г. увидело свет исследование, подготовленное Исторической комиссией по описанию деятельности флота в войну 1904–1905 гг., которая действовала при Морском Генеральном штабе¹⁷. В комиссию входило 19 человек при двух председателях. Этот авторский коллектив написал историю русского флота на Тихом океане на рубеже XIX–XX веков. Офицеры работали над текстом каждый по 1–2 года, получился значительный том (505 страниц), насыщенный фактами. Он был основан преимущественно на архивных документах из Морского министерства, но использовались и документы Министерства финансов, Министерства иностранных дел и некоторых других ведомств. Авторы впервые ввели в научный оборот значительное количество архивного материала, что позволило им осветить многие вопросы, которые включали не только собственно историю Тихоокеанской эскадры, но и такую проблему, как поиск незамерзающего порта, злоклучения вокруг приобретения участков на корейском побережье и некоторые другие. К сожалению, эта книга оказалась забыта и по сей день практически не известна и не используется даже специалистами.

¹⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Часть I. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 г. по 1901 г. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Пг., 1918.

В остальном же в дореволюционной историографии и не могли появиться исследования, на документальной основе рассмотревшие бы колоссальный клубок проблем дальневосточной политике России. Хотя архивы и не были совершенно закрыты, доступ к ним получали единицы. Те же комплексы материалов, которые использовались, оказались сознательно выброшены в историографический и публицистический оборот двумя сторонами: С.Ю. Витте и безобразовцами, соответственно, с определёнными целями, поэтому страдали неполнотой и тенденциозностью. Не удивительно, что историография носила дискретный характер, её представляли по большей части публицистические сочинения, в которых давались лишь общие оценки¹⁸. Слабость таких трудов состояла в том, что эти оценки в подавляющем большинстве случаев были недостаточно обоснованы, отражая личное мнение автора (или тех, кто стоял за ним).

Всплеск исследовательского интереса к теме произошёл после 1917 г., когда историки, наконец, получили на некоторое время широкий доступ ко всем царским архивам. В 1920–1930-е гг. в СССР появился ряд работ, посвящённых изучению дальневосточной политики России рубежа XIX–XX веков. В первую очередь, это книга Б.А. Романова «Россия в Маньчжурии»¹⁹, которая выросла из его статей, посвящённых критике воспоминаний С.Ю. Витте, где граф писал о своих действиях на Дальнем Востоке как министра финансов²⁰. Работы же историка опровергали содержание мемуаров, показывали, что С.Ю. Витте для самооправдания создал совершенно ложную картину своей политики²¹.

¹⁸ Панов В. Историческая ошибка. Владивосток, 1908; Семёнов-Тян-Шанский А.П. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб., 1908; Дружинин К.И. Наша современная политика – стратегия на Дальнем Востоке. СПб., 1910; Быковский Н. Начало русско-японской войны. Одесса, 1911; Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912; Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913; Гейден А.Ф. Итоги русско-японской войны. Пг., 1914 и др.

¹⁹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

²⁰ Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу. (Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте) // Сборник статей по русской истории, посвящённых С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С.425–459; он же. Концессия на Ялу. К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое. Кн.1. Пг., 1923. С.87–108; он же. «Лихунчгский фонд». (Из истории империалистической политики на Дальнем Востоке) // Борьба классов. 1924. №1/2. С.77–126 и др.

²¹ О биографии Б.А. Романова уже опубликовано внушительное по размеру исследование: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. К сожалению, среди задач, поставленных автором перед собой, нет анализа работ Б.А. Романова (С.5). Не вдаваясь в содержание книги «Россия в Маньчжурии», он, тем не менее, оценил её как «фундаментальную» (С.145) и пошёл по другому пути: подробно пересказал выявленные им рецензии на исследования Б.А. Романова, относясь сочувственно к положительным и негативно – к критическим.

Книга Б.А. Романова – явление в советской историографии²². Прежде всего, она основана на весьма значительном архивном материале, что придало картине, нарисованной историком, убедительность. В монографии также ярко проявилась отличительная черта работ Б.А. Романова – блестящее умение устанавливать связи различных фактов. Это мастерство историка, которым можно только восхищаться. Оригинален и стиль исследователя – это не простое изложение или пересказ событий, а авторское понимание их значения и места в создаваемой им картине. Однако опора Б.А. Романова на архив канцелярии министра финансов имела не только положительные стороны: картина российской политики в Маньчжурии получилась деформированной, с преобладанием действий и намерений Министерства финансов. Непонятным является игнорирование текстов предшественников: в значительной по объёму монографии на 605 страницах в ссылках упоминается всего лишь 47 названий других изданий (я не беру в расчёт сноски на собственные работы автора). Из них 30 – источники и лишь 17 – исследования, среди которых есть единично встречающиеся. На фоне уже колоссальной к тому времени литературы, связанной как с дальневосточной политикой России, так и с Маньчжурией, такое отношение к трудам предшественников выглядит необычно.

В книге «Россия в Маньчжурии» Б.А. Романов фактически отождествил действия С.Ю. Витте на Дальнем Востоке с внешней политикой империи (С.VI), определив предмет своего исследования работу «русской дипломатии». Не удивительно, что автор связал появление «маньчжурского вопроса» не со строительством Сибирской железной дороги, что было бы логично для экономической истории, а с японо-китайской войной 1894–1895 гг. (С.3). В продолжение этого тезиса историк обусловил появление КВЖД решением Особого совещания 20 марта 1895 г. и вытеснением Японии с Ляодуна (С.80–81). Однако выбор автора оказался не так однозначен. Одновременно он отнёс идею КВЖД по крайней мере к 1894 г., связав её с изыскательскими экспедициями в Маньчжурию (С.84). Б.А. Романов был также уверен, что С.Ю. Витте играл «руководящую роль» «в направлении русской политики и в работе русской дипломатии на Дальнем Востоке» (С.VIII). Эти исходные установки Б.А. Романова не имеют фактического подтверждения и нуждаются, как минимум, в уточнении. С.Ю. Витте был лишь одним из тех, кто определял русскую политику на окраине. Говорить о его доминирующей роли можно лишь применительно к периоду: весна 1895 г. – зима 1897 г., пока М.Н. Муравьёв не положил ей конец, настояв на заходе русских кораблей в гавани Порт-Артура и Даляньваня, несмотря на со-

²² Она получила высокую оценку как среди специалистов по отечественной истории, так и у востоковедов (Никифоров В.Н. Борис Александрович Романов (к восьмидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1969. №3. С.206–210; он же. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С.341–345).

противление министра финансов. Правда, позднее, при В.Н. Ламаздорфе – министре иностранных дел, МИД, по замечанию Б.А. Романова, превратился «как бы в подчинённый орган» Министерства финансов, «и шагу не делавший без ведома министра финансов» (С.VIII). Но оставался ещё А.Н. Куропаткин (военный министр с 1898 г.), чьи представления далеко не всегда совпадали с позицией С.Ю. Витте и который не стеснялся возражать коллеге, а также Морское министерство. Кроме того, Б.А. Романов исходил из того, что вся активность финансового ведомства была нацелена «именно на Маньчжурию и преимущественно на Маньчжурию» в течение 15 лет (1892–1906) (С.VI). В принципе, так оно и было, но это не должно оставлять вне сферы внимания политику в Корее. Только в их переплетении можно понять некоторые шаги Петербурга в Северном Китае. Корейская же политика России не получила внятного отражения в книге «Россия в Маньчжурии». Нельзя согласиться с представлением Б.А. Романова об агрессивном характере русской политики в Корее с середины 1880-х гг. (С.140): оно не имеет фактических подтверждений и полностью отвергается современными исследованиями.

Несмотря на то, что нет никаких оснований относить Б.А. Романова и его книгу как принадлежавшие направлению М.Н. Покровского, тем не менее, автор в общих заявлениях не противоречил представлениям «главного советского историка». Он трактовал дальневосточную политику России как смесь феодально-самодержавной (силовой) и виттевской (экономической) экспансии, не проводя между ними чёткой грани. Б.А. Романов не разделял по характеру действия С.Ю. Витте и его оппонентов (А.Н. Куропаткин, Николай II, безобразовцы) (С.51). Историк связывал курс министра финансов с интересами так называемого «финансового капитала», олицетворявшимся Петербургским Международным коммерческим банком (С.IX). Но как следует из его же книги, деньги, которые использовал С.Ю. Витте для дальневосточной политики России, были исключительно государственного, казённого происхождения. Частный капитал не шёл на Дальний Восток, наоборот, оттуда наблюдался его отток. Отчасти противореча себе, Б.А. Романов почему-то считал, что чем больше было участие казны в дальневосточных предприятиях, тем более «боевой» характер носила политика России в регионе (С.X). Здесь оценка должна быть скорее обратной: эффективность использования государственных средств оказывалась всегда ниже, чем у частных, а псевдочастные компании, действовавшие за казённый счёт, не демонстрировали особой активности, спокойно используя государственный ресурс (например, КВЖД). Тем не менее, одна из несомненных заслуг Б.А. Романова – это создание богатой фактами картины межминистерских разногласий при определении курса России на Дальнем Востоке. Правда, по моему мнению, он несколько недооценивает этот фактор, преувеличивая влияние С.Ю. Витте.

Несмотря на то, что «академическое дело» 1929–1931 гг. сильно повлияло на жизнь историка, Б.А. Романов не отказался от дальнейшей работы по дальневосточной тематике, невзирая на значительно усложнившиеся условия и многочисленные трудности (например, в 1935 г. он получил отказ в допуске в архив)²³. В 1947 г. он издал первое, а в 1955 г. – второе, значительно дополненное издание «Очерков дипломатической истории русско-японской войны». Эта книга оказалась построена иным образом, чем «Россия в Маньчжурии». Биограф Б.А. Романова В.М. Панеях пишет, что историк решил делать её как «американский монтаж на тему о стержневом положении США в 1905 г.», никак не комментируя такой авторский замысел²⁴. Между тем, он нуждается по меньшей мере в объяснении. Общепринято, что в основе русско-японской войны лежали неудачные действия России, агрессивная позиция Японии и закулисные манёвры Англии. Откуда же здесь взялось «стержневое положение» США, которые тогда не требовали себе ничего, кроме свободы торговли на всём Дальнем Востоке и равных условий? Между тем, сам Б.А. Романов объяснил свой «американский монтаж» весьма откровенно: «задача общая – американизировать изложение сплошь. Хочу отодвинуть несколько вперёд японо-русский конфликт с тем, чтобы он оказался на фоне уже состоявшегося англо-американского оплетения Китая и Кореи (примерно с 70–80-х гг.)». Он также решил ввести «англо-американскую тему» (такое объединение политики двух стран нельзя признать обоснованным) с 1895 г., «чтобы франко-германо-русское вмешательство опять легло на англо-американский фон. Борьбе за захваты в Китае 1898 г. я предположу американско-гавайский эпизод 1897 г. Внутрь событий 1898 г. вгоню американско-испанскую войну купно с Филиппинами, из которой (! – И.Л.) выведу провозглашение политики «открытых дверей» 1899 г. В боксёрский отрезок включу американскую попытку покуситься на порт в Китае (была такая мельком!)» и т.д. Но главное – почему Б.А. Романов решил произвести столь радикальный пересмотр картины международных отношений на Дальнем Востоке – прозвучало далее. «Ибо думаю, что читателю сейчас необходимо дать себе отчёт, что Трумен – это переродившийся по последнему слову атомной моды Теодор Первый»²⁵.

²³ Панеях В.М. Указ. соч. С.151.

²⁴ Там же. С.351.

²⁵ Б.А. Романов – А.Л. Сидорову 30 декабря 1950 г. // ОР РГБ. Ф.632. К.90. №29. Л.12–13. Б.А. Романов писал столь подробно о своей будущей книге А.Л. Сидорову не только как коллеге, но и как будущему редактору. Понятно, почему А.Л. Сидоров уклонился от редактирования книги Б.А. Романова: он не разделял представление о приоритетности «англо-американской темы». Ещё в 1946 г. А.Л. Сидоров подготовил большую статью о Портсмутском мире (Там же. К.4. №4. Л.49–89). Опираясь в основном на опубликованные источники, он показал, что великие державы, в том числе Англия и США были заинтересованы в прекращении войны в большей

Кроме осовременивания истории в угоду официальному антиамериканизму, Б.А. Романов также произвёл переоценку некоторых своих представлений о дальневосточной политике России. Если в 1928 г. исследователь сблизил безобразовцев и С.Ю. Витте, то в середине 1950-х гг. он уже однозначно разделил их «политики»: буржуазная – у министра финансов, помещицья – у царя и его окружения²⁶. Желание быть полезным власти сыграло с автором злую шутку. Несмотря на тщательную работу над многотомными публикациями документов (французской, немецкой, английской), многие интересные и точные наблюдения, книгу нельзя назвать однозначно успешной. «Американский монтаж», стремление соответствовать официальным установкам оказались главной проблемой автора, так как их произвольность и искусственность сразу бросались в глаза неангажированным читателям²⁷.

Кроме Б.А. Романова дальневосточную политику империи конца XIX – начала XX вв. изучал другой советский историк – Александр Львович Попов. У него была похожая биография: чуть старше Б.А. Романова (родился в 1888 г.), также окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился у А.Е. Преснякова, В.Н. Строева, а после 1917 г. работал в системе Главархива. Их пути разошлись в 1919 г.: если Б.А. Романов продолжал службу в Петрограде, то А.Л. Попов трудился в Костроме, Симбирске, Баку и лишь в 1923 г. переехал в Москву. Там он стал архивистом-консультантом Архива внешней политики, а с 1929 г. участвовал в деятельности комиссии по изданию документов эпохи империализма. Его профессиональная судьба сложилась благополучнее, чем у Б.А. Романова: он не подвергся репрессиям, в 1935 г. стал научным сотрудником Института истории АН СССР, в 1942 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Тем не менее, и его возможность работать в архивах со второй половины 1930-х гг. значительно сократилась. До этого А.Л. Попов успел подготовить ряд публикаций по истории восточной политики России во второй половине XIX – начале XX вв. (к 1931 г. – 11), преимущественно из документов

степени, чем Япония и, особенно, – Россия. Это был подход, противоположный установкам Б.А. Романова.

²⁶ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.:Л., 1955. С.105–107, 112–113, 212–214. Ранее Б.А. Романов выделил даже три течения в русских правящих кругах по проблемам Дальнего Востока: С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф; А.Н. Куропаткин; Николай II и безобразовский кружок (Романов Б.А. Витте накануне русско-японской войны // Россия и Запад. Кн.1. Пг., 1923. С.141). Эта оценка была напрочь лишена всякой «классовости». Однако следует заметить, что отождествление Николая II и безобразовцев являлось едва ли оправданным.

²⁷ Ростов А. [Сигрист С.В.] «Дело Академии Наук» // Возрождение (Париж). 1958. Тетрадь 84. С.119.

внешнеполитического ведомства. Они и сейчас имеют важное значение, так как других изданий этих материалов просто нет. Он также представил на суд читателей несколько статей. У него были написаны и книги, в частности – монография о русско-японской войне, которая, к сожалению, осталась неопубликованной²⁸. Исследовательский подход А.Л. Попова отличался от приёмов работы Б.А. Романова. Он пришёл к иному, чем Б.А. Романов, пониманию сущности и особенностей внешней политики самодержавия. В частности, А.Л. Попов подчёркивал не только её агрессивность, но и преобладание в ней «военно-захватнических методов». Применительно к дальневосточной политике историк усматривал переплетение методов империализма (экономических) и предшествовавшей эпохи (военно-захватнических) с доминированием последних²⁹. Мне кажется, что такая оценка точнее, чем представления Б.А. Романова.

Удивительно, но о дальневосточной политике России написал исследование ещё один выпускник Петербургского университета – Фридрих фон Штайнман, учившийся примерно в одно время с Б.А. Романовым и А.Л. Поповым и закончивший в 1913 г. историко-филологический факультет (он занимался Византией, его учителями были В.Н. Бенешевич и А.А. Васильев). В 1920 г. Ф. фон Штайнман эмигрировал в Германию, в 1926 г. поступил на работу в Берлинский университет Фридриха-Вильгельма и в 1931 г. защитил там диссертацию о дальневосточной политике России³⁰. Так же, как и Б.А. Романов, Ф. фон Штайнман не доверял публикациям документов «от Витте», считая их малодостоверными. Но в отличие от Б.А. Романова, он опирался в основном на материалы архива немецкого Министерства иностранных дел и на бумаги В.М. Вонлярлярского, находившиеся в Берлине, к которым историк получил доступ. Поэтому дальневосточный курс Петербурга автор представил прежде всего через призму деятельности безобразовцев. Ф. фон Штайнман полагал переломным моментом в политике России захват Порт-Артура и Даляньваня, после чего отношения с Китаем и Японией резко ухудшились. Ошибкой, по

²⁸ Её текст находится в архиве Института российской истории РАН (Ф.Б. Разд.3. Д.17. Л.1–214). К сожалению, бумаги историка сохранились лишь частично (Мендельсон В.И. А.Л. Попов – историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973. С.252–273).

²⁹ Попов А.Л. Вступительная статья к публикации «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.)» // Красный архив. 1932. №3 (52). С.41; Мендельсон В.И. А.Л. Попов – историк внешней политики России и международных отношений // История и историки. Историографический ежегодник 1971. М., 1973. С.264.

³⁰ Steinmann F. Ruslands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretar Bezobrazov. Leipzig, 1931. Диссертация Ф. фон Штайнмана не издана, опубликован было только её краткое изложение, наподобие нашего автореферата, но значительно большего объёма (66 страниц).

его мнению, явились нерешительность и колебания российского руководства, а также противоречивые действия. Вместо этого России, согласно рецепту безобразовцев, после заключения договора об аренде Порт-Артура следовало бы захватить и Северную Корею. Много места в исследовании уделено истории безобразовского предприятия на р. Ялу. Ф. фон Штайнман отвёл все обвинения в адрес безобразовцев в том, что именно их политика явилась причиной русско-японской войны. Он выдвинул контрверсию: конфликт возник не из-за Кореи, а из-за Маньчжурии, повторив японскую официальную точку зрения.

В 1931 г. в СССР вышла книга В.Я. Аварина (Аболтина) «Империализм в Маньчжурии» (в 1934 г. появилось второе, значительно дополненное издание этого исследования). Основное место в ней было уделено событиям в Северном Китае после русско-японской войны, на период до 1905 г. автор отвёл чуть более 100 страниц. По обстоятельности эта монография значительно уступала книге Б.А. Романова, её скорее можно назвать кратким очерком. Но выполнен он был тщательно, с использованием документов Архива внешней политики Российской империи. Как и Б.А. Романов, В.Я. Аварин искал прежде всего экономическое объяснение борьбы великих держав на Дальнем Востоке. Россия не являлась исключением: по мнению автора, политика Петербурга в регионе стремилась защитить коммерческие интересы в Маньчжурии и Корее³¹. Так же, как и М.Н. Покровский, В.Я. Аварин разделил политику России на буржуазную (С.Ю. Витте) и авантюрную, осуществлявшуюся «главенствующей камарильей» с Николаем II. Но в отличие от Б.А. Романова, показывавшего доминирование С.Ю. Витте, В.Я. Аварин отдал безоговорочное превосходство «крепостникам»³². По его мнению, «эта группировка крепостников наложила в тот период своеобразный отпечаток на всю государственную жизнь России, полностью повернув в сторону удовлетворения своих узких интересов руль государственной политики, уклонявшийся временами в сторону удовлетворения интересов буржуазии»³³. Среди «крепостнической камарильи» он и искал виновных в русско-японской войне, упрекая Б.А. Романова за то, что тот указывал в первую очередь на С.Ю. Витте³⁴. Кроме того, если у Б.А. Романова на Дальнем Востоке действовали люди, то у В.Я. Аварина – исключительно «классовые интересы». Также книгу В.Я. Аварина, несмотря на опору на

---

³¹ Аварин [Аболтин] В.Я. Империализм в Маньчжурии. Т.1. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. 2-е, пересмотренное и дополненное издание. М.:Л., 1934. С.30.

³² В этом можно усмотреть некоторый положительный момент, так как автор подчеркнул, что уже в 1900 г. С.Ю. Витте не оказывал решающего влияния на дальневосточную политику России (Аварин [Аболтин] В.Я. Указ. соч. С.80). Это было справедливое замечание.

³³ Там же. С.70.

³⁴ Там же. С.78.

документы, отличает большое количество мелких неточностей. В целом она в историографии – скорее шаг назад по сравнению с работами Б.А. Романова и А.Л. Попова из-за примитивных исследовательских установок автора. Однозначно: тема дальневосточной политики России не нашла в лице В.Я. Аварина перспективного развития.

Однако подход В.Я. Аварина получил в будущем продолжение, в частности, в большой монографии А.Л. Нарочницкого³⁵. Книгу будущего академика отличала огромная фактическая база, состоящая как из архивных, так и опубликованных документов, широкого использования периодической печати, в том числе газет. Исследователь также скрупулёзно учёл работы предшественников, продемонстрировав к ним «классовое отношение». Однако собранным им фактам он постоянно навязывал заданную схему и оценки. Согласно А.Л. Нарочницкому, экспансия России в Азии отражала не только интересы отечественной буржуазии, но и «задерживала обострение классовых противоречий» в центре империи, позволяя тем самым «реакционному царскому правительству временно укреплять своё положение» (С.351). Вскрывая «классовую сущность» действий Петербурга на Дальнем Востоке как «реакционную», он, тем не менее, отмечал, что политика России носила менее агрессивный характер, чем других великих держав: «Царская Россия, несмотря на захватнический характер политики царизма, не могла быть инициатором агрессивных действий <...> Её политика на Тихом океане развивалась <...> под знаком отставания самодержавно–помещичьей России от более развитых в капиталистическом отношении государств» (С.362). В качестве главного агрессора А.Л. Нарочницкий выделил США, ставя буквально всякое лыко в строку Вашингтону (даже покупка Аляски – это, оказывается, не самоцель, а лишь приобретение плацдарма для будущего наступления на Восточную Сибирь и т.д.). «Свобода торговли» – это, прежде всего, разновидность закабаления, метод экспансии. Тем не менее, благодаря добротной фактической базе и отдельным тонким наблюдениям его книга сохраняет важное значение. Для советской историографии она подчеркнула важность использования максимально широкого круга источников.

Известный революционный деятель и историк Ф.А. Ротштейн несколько десятилетий работал над исследованием международных отношений эпохи империализма³⁶. Он предполагал довести его до 1914 г., но не успел, изданный после его кончины текст охватил полностью лишь конец XIX века. В общем, это общий очерк истории международных отношений за 1880–е–1890–е гг., выполненный историком–марксистом. Несмотря на то, что в этой большой по

³⁵ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956.

³⁶ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960.

объёму книге, базирующейся на публикациях документов по международным отношениям конца XIX века, по большому счёту, мало нового, автор не столь преувеличенно, как А.Л. Нарочницкий, изображал агрессивность политики великих держав на Дальнем Востоке. Нет у него и «стержневой роли американского империализма». Уже по этим причинам это большое незаконченное исследование заслуживает внимания.

В «поздней» советской историографии дальневосточные сюжеты присутствовали в небольшом количестве и трактовались с осторожностью. Вместо анализа в них изобиловали общие оценки и представления. «Обличение» российской политики сменилась на стремление «обелить» её действия. Особенно выпукло эти установки проступили в общих работах, приведя авторов к весьма противоречивым и никак не стыкующимися между собой утверждениями. Так, в коллективной «Истории Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма» констатировалось, что Россия двинулась на Дальний Восток по двум причинам. Первая из них – это экспансия в регионе других держав, в первую очередь – США, на которую Петербург был вынужден ответить. Вторая – это заинтересованность «русской буржуазии» в китайском рынке для сбыта промышленной продукции и железнодорожном строительстве (игнорируя тот факт, что всё оно осуществлялось исключительно на казённые средства). Оказывается, что политика С.Ю. Витте выражала взгляды именно этой группы³⁷. Утверждая это необъяснимое стремление «русской буржуазии» на Дальний Восток, авторы признавали весьма низкий уровень экономического развития русской окраины и отсутствие надежд на быстрые перемены. Они смотрели на регион как на колонию (!) России, развитию которой действия министра финансов только препятствовали. Так, строительство КВЖД задержало экономическое освоение Амура³⁸. Пересмотрены были также оценки отношений с Китаем. Если ранее Россия изображалась агрессором, то теперь утверждалась вечно доброжелательная позиция Петербурга к своему дальневосточному соседу. Железная дорога в Маньчжурии служила не более чем средством спрямления Сибирской магистрали и принесла только положительные результаты, в частности, способствовала росту торговли с Китаем³⁹. В целом, сильнейший идеологический пресс на исторические исследования продиктовал их выводы и формулировки. Можно сказать, что к концу СССР создалась виртуальная история русско-китай-

---

³⁷ История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917). М., 1991. С.289–295.

³⁸ Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Сборник научных трудов. Под редакцией академика А.И. Крушанова. Владивосток, 1989.

³⁹ История Северо-Восточного Китая XVIII–XX вв. Кн.1. Владивосток, 1987. С.288–294.

ских отношений, политизированная для доказательства «вечной дружбы» России. Конечно, эти установки сказывались на исследованиях по-разному. Например, в книге Г.Н. Романовой, посвящённой русской торговле с Китаем, получилась картина её успешного поступательного развития, не омрачённая какими-либо проблемами⁴⁰. Но ценность монографии состоит в основном в сообщении значительного количества фактического материала.

Одновременно, к концу советской эпохи, наметился и отход от установленных стереотипов. В частности, его отразила вышедшая в 1989 г. книга А.В. Игнатъева о дипломатической деятельности С.Ю. Витте⁴¹. Она явилась первым за многие годы исследованием, в котором автор не искал ни «военно-феодальной», ни «империалистической» политики России на Дальнем Востоке, то есть, не давал «классовых оценок». Он показал действия министра финансов на широком фоне международных отношений и внутренних проблем России, в том числе экономических, а также непростых взаимоотношений среди российских сановников. Конечно, в целом, картина, представленная А.В. Игнатъевым, была уже хорошо известна. Другая особенность книги – это явные симпатии автора к своему герою. С.Ю. Витте представлен у него как политик, для которого на первом месте стояли интересы России (С.8) и который во имя их добивался больших успехов. Например, соглашения о КВЖД 1896 г. (С.49). А.В. Игнатъев не скрывает, что у министра финансов имелись и значительные неудачи, например, сепаратные переговоры с Китаем (С.147). Признавая противоречивость поступков своего героя (С.129), в целом историк очень высоко оценил действия С.Ю. Витте, хотя и констатировал их неоднозначный итог: промежуточные успехи и невозможность достичь конечной цели⁴². Несмотря на то, что автор также отчасти преувеличил агрессивность безобразовцев и оказался склонен многое простить министру финансов, книга привлекает широтой подхода, богатой эрудицией исследователя, использованием некоторого количества новых источников. Главная заслуга автора – отказ от штампов советской историографии.

К столетнему юбилею начала русско-японской войны появилось посвящённое ей большое иллюстрированное двухтомное исследование В.А. Золотарёва и Ю.Ф. Соколова, претендующее одновременно на популярность и фундаментальность⁴³. Работу отличает широкое использование различных, в том числе архивных, источников, пристальное внимание к историографии,

---

⁴⁰ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 1987.

⁴¹ Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989.

⁴² Там же. С.9.

⁴³ Золотарёв В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война 1904–1905 гг. Кн.1–2. М., 2004.

особенно зарубежной (японской). Несмотря на то, что речь в книге идёт в основном о военных действиях, авторы остановились также и на предыстории конфликта. Она оказалась разбита на две части. Обострению русско-японских отношений накануне войны историки посвятили один из параграфов работы (Т.1. С.75–115), где кратко изложили главные проблемы дальневосточной политики России с середины 1890-х гг. Обращает на себя внимание то, что относительно много места В.А. Золотарёв и Ю.Ф. Соколов уделили авантюристичной, по их оценке, деятельности безобразовцев (С.93–100). Отдельно от основного текста оказалась представлена «историческая справка» под названием «Развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. и отношение к ней иностранных государств» (Т.1. С.249–306). В ней речь идёт о последних русско-японских переговорах, преимущественно – об их завершающей фазе декабря 1903 – января 1904 гг. Впервые в отечественной историографии авторы увязали выход Тихоокеанской эскадры с рейда Порт-Артура на манёвры 22 января (4 февраля) 1904 г. и последовавшее за этим решение Токио начать войну как причину и следствие (С.278–279). В целом же, несмотря на краткость, в исследовании даны некоторые новые оценки, основанные на критическом отношении к дальневосточной политике Петербурга рубежа XIX–XX столетий.

Англоязычные исследования, особенно до Второй мировой войны, посвящённые российской внешней политике, базировались в основном на материалах Форин оффиса и чаще всего разделяли оценки и соображения, почерпнутые у британских дипломатов. Для англоязычной историографии справедливо заключение Дж. Лензена, констатировавшего, что большинство западных историков основывались на ограниченном количестве источников, касавшихся российской дипломатии, что предопределило «историографический круг», когда авторы часто цитировали друг друга, не двигаясь вперёд. «Корень проблемы находится не в намеренной фальсификации истории, а в неспособности большинства специалистов по истории международных отношений читать по-русски и в недоступности советских дипломатических архивов для того небольшого числа западных исследователей, которые владеют [русским] языком»⁴⁴. Конечно, сейчас многое изменилось, но нельзя признать, что вывод известного специалиста полностью потерял свою актуальность.

На общем фоне «старой» зарубежной историографии выделяется, пожалуй, лишь книга А. Малозёмова⁴⁵. Её автор (род. в 1910 г.) – из семьи эмигрантов, в 1930-е гг. учился в Калифорнийском университете, специализировался

⁴⁴ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.II. P.835.

⁴⁵ Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley: University of California Press, 1958.

на истории России. В течение 10 лет А. Малозёмов готовил диссертацию по дальневосточной политике Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. К сожалению, молодой историк скончался в 1952 г., но его не вполне законченное исследование стараниями матери всё-таки было опубликовано в 1958 г. Диссертация основана исключительно на опубликованных материалах, архивы в ней не использованы. Зато автор мобилизовал обширный круг публикаций и исследований как на русском (это и сделало его монографию заметным явлением), так и на европейских языках. В частности, он активно использовал книгу Б.А. Романова преимущественно как источник фактов. Получилась добротная выполненная PhD, но по уровню её нельзя назвать фундаментальной работой.

В представлении А. Малозёмова на Дальнем Востоке встретились колонизационные потоки Китая и России. Движение России он не увязывал с экономическими интересами: слабость внутрироссийского производства (Р.186–196), по его мнению, предопределила незначительные размеры русской торговли с Китаем во второй половине XIX века (Р.6–9). Автор видел в нём ответ на китайскую колонизацию Маньчжурии (Р.26 и далее). Однако конкретные причины и время начала активной политики Петербурга на Дальнем Востоке он не смог установить вполне определённо. А. Малозёмов – первый из историков, кто попытался также увязать интерес России к региону с «агрессивной» идеологией «восточников» (Н.М. Пржевальский, Э.Э. Ухтомский). Тем не менее, он пришёл к выводу, что в 1890–1900 гг. политика России на Дальнем Востоке не была захватнической (Р.51).

Историк почувствовал, что к началу XX века амбициозные планы С.Ю. Витте уже выдохлись, но объяснил это своеобразно. По его мнению, весной 1900 г. Россия перешла к медленным экономическим методам экспансии (Р.123), так как Сибирская магистраль и КВЖД ещё не были завершены и не позволяли Петербургу ставить на Дальнем Востоке амбициозные цели. А. Малозёмов заметил расхождения во взглядах на дальневосточную политику в российском руководстве (например, между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте во время боксёрского восстания – Р.131 и далее), но не придавал этому определяющего значения. Исследователь стал первым из историков, кто уделил значительное внимание деятельности безобразовской группы, справедливо расценив её появление как оппозицию программе С.Ю. Витте (Р.177–186 и далее). Серьёзные проблемы министра финансов он констатировал с 1902 г. (Р.196–207), но представил их в большей части как поток внешних неудач: ничего не давший сепаратный договор с Китаем, оживлённая деятельность безобразовцев и т.п., не анализируя корни этих событий. В объяснении причин русско-японской войны А. Малозёмов оказался не оригинален, повторив в основном версию, предложенную С.Ю. Витте: виноваты безобразовцы. В целом эта добротная для своего времени книга сейчас, когда появились ра-

боты, выполненные на японских, китайских и русских источниках, выглядят по содержанию и представлениям устаревшей.

Наибольшее значение в исследовании дальневосточной политики России в англоязычной историографии имеет большая монография Дж. Лензена «Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899», опубликованная в 1982 г. Автор – Джордж Александр Лензен – из семьи русских эмигрантов, родился в Берлине 5 ноября 1923 г. В 1939 г. семья переехала в США, будущий историк участвовал во Второй мировой войне, он служил в 1943–1946 гг. в американской армии. Образование он получил в Колумбийском университете, Дж. Лензен специализировался на истории Японии и ранним русско-японским отношениям. С 1950 г. он опубликовал большое количество статей и несколько книг о международных отношениях на Дальнем Востоке, в том числе – о ранних русско-японских контактах, о Маньчжурии, подготовил издание некоторых интересных документов, в частности, изложение дневника посланника Англии в Японии и Китае Э. Сатоу⁴⁶. Дж. Лензен приезжал в СССР в конце 1950-х гг. Он хотел встретиться с Б.А. Романовым (не зная, что тот к тому времени уже скончался), пытался получить доступ к архивам, но потерпел неудачу. Позже из АВПРИ ему всё-таки прислали микрофильмы некоторых материалов, но исключительно из дел канцелярии министра. Конечно, этого было недостаточно для изучения дальневосточной политики России, что исследователь хорошо понимал. К сожалению, жизнь историка оборвалась трагически: Дж. Лензен погиб 5 января 1979 г. в автомобильной катастрофе, ему было всего 55 лет. После его кончины библиотека и архив историка поступили в университет Хоккайдо (Япония). Последней книгой Дж. Лензена стал «Баланс интриг», которую он окончил в 1978 г., но не успел опубликовать: получив после обсуждения критические замечания, автор намеревался внести в текст некоторые изменения⁴⁷.

Дж. Лензен – едва ли не первый из западных историков, кто обратился к истории международных отношений на Дальнем Востоке, используя английские, русские и японские архивы (он знал три европейских, русский, китайский и японский языки). Его исследование удивляет размахом фактической базы, а также аккуратной работой с ней. По точному наблюдению автора предисловия к «Балансу интриг» Дж. Стефана, его коллега являлся одним из немногих историков, у кого факты заслоняли аналитику⁴⁸. Колоссальная

---

⁴⁶ Korea and Manchuria Between Russia and Japan 1895–1904. The Observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906). Tokyo, 1966.

⁴⁷ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.I–II.

⁴⁸ Lensen G.A. Op. cit. Vol.I. P.XI.

фактическая база позволила Дж. Лензену показать картину политики великих держав в Маньчжурии и Корее, во многом отличную от других работ англоязычной историографии. Применительно к России историк отказался от традиционного преувеличения её агрессивности в регионе, отметив, что с 1881 г. Петербург стремился к сохранению status quo в регионе (Р.850). Первым из исследователей он подчеркнул противоречивость курса Петербурга, показав неспособность министров финансов, иностранных дел, военного и морского договориться о проведении согласованного и последовательного курса (Р.839). У Дж. Лензена маньчжурская и корейская политики увязаны – это подход, не присущий отечественной историографии. Историк также не подходил к дальневосточной политике России с излишней прямолинейностью, свойственной ряду общих работ, авторы которых представляли её как путь к русско-японской войне. Он полагал, что захват Порт-Артура нельзя рассматривать как причину русско-японской войны, наоборот, договор об аренде открывал путь к русско-японскому соглашению, дальневосточной «антанте» (Р.851). Соответственно, у него нет попыток представить российский «империализм» либо «военно-феодалную политику самодержавия» как причины войны. Они – в конкретных политических решениях, а не в природе строя или основах политики. Это понимание, вытекающее из книги Дж. Лензена, кажется весьма важным для изучения дальневосточного курса России.

Одна из последних книг о судьбе Маньчжурии во второй половине XIX – первой половине XX вв. принадлежит перу американского историка Сары Пэйн⁴⁹. Она сосредоточила своё внимание на политике России в Китае на протяжении нескольких десятилетий. В частности, третья глава её монографии охватывает период 1896–1905 гг. (Р.178–268). Текст С. Пэйн отражает современный уровень исследований: автор использовала литературу и архивные материалы из России, Китая, Японии. Однако авторский подход упростила многосторонность источниковой базы: С. Пэйн проводит как основную мысль о неизменной агрессивности политики России в Китае, в частности в Маньчжурии. Для автора важно предположение, превратившееся в аксиому, что эта агрессивность была значительно выше, чем у других великих держав. Для аргументации такого понимания исследовательница постоянно вплетает в контекст политики все возможные предложения об аннексии тех или иных территорий, в том числе исходившие часто от местных чиновников, забывая о том, что эти инициативы далеко не всегда встречали поддержку Петербурга. Надо также иметь в виду значительную дистанцию в российской политике между мечтаниями и реальными действиями. Неопределённые желания завладеть всей Маньчжурией и Кореей не подкреплялись разработкой и тем более

⁴⁹ Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. N.Y., 1996.

осуществлением конкретных планов, большей частью оставаясь в области общих рассуждений. Такое же положение дел можно, например, зафиксировать в политике России по отношению к Англии (вроде «освободить» от англичан Индию, выдать их из Персии и т.п.), но это не даёт оснований усматривать в шагах Петербурга постоянную повышенную агрессивность. Конечно, справедливости ради, надо признать, что мысль о грядущем присоединении Кореи и Маньчжурии к России к началу XX века стала общим местом в представлениях многих деятелей, связанных с дальневосточной политикой. Однако эти мечтания отражали не только агрессивность, но и ожидание скорого, как тогда казалось, раздела Китая, и связанного с ним опасения за границы собственных владений: Петербург категорически не хотел увидеть рядом со своими дальневосточными рубежами очередные британские владения.

С другой мыслью С. Пэйн также сложно согласиться. Она сглаживает агрессивность политики Японии, выводя её как неизбежную заботу о собственной безопасности после того как Россия в 1900 г. оккупировала Маньчжурию (225, 234 и др.). В целом, несмотря на использование широкого круга материалов, в том числе и архивных, книга не выглядит оригинальной, приведённые оценки в общем уже давно известны в историографии. Автор не сумела сделать их более убедительными.

Одной из последних работ по истории Маньчжурии является книга американского исследователя Дэвида Волфа⁵⁰. Автор поместил в центр внимания не политические сюжеты, а формирование в Маньчжурии в связи со строительством КВЖД уникального анклава. Д. Волф видит в нём оригинальное явление, он рассматривает это в связи с русскими жителями бассейна р. Амур, которых, вслед за Д. Стефаном, называет «амурцами», подчёркивая, что они отличались от россиян, проживавших по другую сторону Уральского хребта. Книга посвящена истории формирования уникальной мультиэтнической общности в Харбине, создавшей свою особую культуру, где встретились и проявились как азиатские, так и европейские черты.

В 1985 г. в Англии в серии «Происхождение современных войн» увидела свет книга английского историка, специалиста по англо-японским отношениям Яна Ниша о возникновении русско-японской войны⁵¹. Автор откровенно сообщил читателю, что у него слишком мало сведений о том, как выработывалась и осуществлялась русская дальневосточная политика, это стало пробелом в его исследовании. Для её изложения он пользовался преимущественно английскими и японскими источниками. Я. Ниш использовал также некоторые работы и публикации на русском языке, но их число невелико.

⁵⁰ Wolff D. To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999.

⁵¹ Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L.:N.Y., 1985.

Его книга – это популярное изложение событий, происходивших на Дальнем Востоке в последнее десятилетие перед войной. Заслуга британского историка прежде всего в том, что уделил большое внимание русско-японским отношениям. Однако в тексте заметно доминирующее влияние японской точки зрения на происхождение конфликта. Автор видит главную причину войны не в Корее или захвате Россией Порт-Артура, а в русской оккупации Маньчжурии в 1900 г. (Р.70) – Петербург решил остаться там, а это противоречило принципу «открытых дверей» (Р.93). Японская политика предстаёт под его пером в высшей степени миролюбивой, а нападение на Россию – как вынужденная акция. Я. Ниш полагает, что Япония была действительно заинтересована в Маньчжурии, а Корея являлась отдельной от неё проблемой (Р.100). В этом контексте он отвергает значение англо-японского союза как важнейшей предпосылки войны (Р.130). Надо признать, что такие суждения не выглядят убедительными. Конечно, в советской историографии существовало не подтверждаемое фактами убеждение, что цель Японии – война (именно цель, а не средство). Разумеется, в Токио рассматривали военный конфликт лишь как крайнюю меру, мир казался предпочтительнее. Но англо-японский союз сделал для Японии нападение на Россию возможным, без него и финансовой поддержки США война вряд ли имела бы место.

Много места Я. Ниш уделил последним русско-японским переговорам (Р.132–137, 183–187, 192–213). Он полагает, что японский кабинет не собирался сражаться из-за Маньчжурии (Р.197) (это несмотря на то, что имел там интересы) и что вопрос о войне не был окончательно решён до последнего момента. Тем не менее, историк признаёт, что в Токио решили воевать до того, как получили последние русские предложения – «компромисс», который пытался задержать Т. Хаяши (Р.210). Я. Ниш стремится дезавуировать их, усматривая в последнем слове Петербурга не позицию, а дипломатическую уловку, сделанную для того, чтобы обвинить Японию в развязывании войны (Р.213). Он также пытается найти конкретных лиц, виновных в войне (Р.245–253). С российской стороны он считает таковым Е.И. Алексеева, а С.Ю. Витте – нет (Р.250–253). Любопытно, что британский историк не придаёт большого значения безобразовцам. Похоже, что его окончательная оценка – оправдание политики Японии – являлась изначально заданной.

Последним общим исследованием о внешней политике России начала XX века в англоязычной историографии является книга Дэвида Мак Доналда⁵². Автор уделил значительное внимание тому, как эта политика готовилась, кто принимал и осуществлял решения. Первые три главы он посвятил дипломатической предыстории русско-японской войны (Р.9–75). Д. Мак Доналд смо-

⁵² Mac Laren Mc Donald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge (Mass.), 1992.

трет на дальневосточную политику как на путь к войне. К сожалению, и его документальная база – в основном опубликованные материалы, а также архив С.Ю. Витте, хранящийся в РГИА (как можно понять, она является такой не по вине автора). Особенно часто Д. Мак Доналд обращался к дневнику А.Н. Куропаткина, большая часть которого увидела свет в 1920-е гг. Не удивительно, что историк воспроизвёл многие уже имеющиеся в литературе оценки и суждения, не все из которых являются точными. Например, легенду о «маленькой победоносной войне» В.К. Плеве (Р.71). Или – излишне прямолинейное представление о позиции Николая II в 1903 г. как объединении двух разных политик (Р.70). Вместе с тем, следует отметить, что большинство суждений и заключений Д. Мак Доналда вполне справедливо. К примеру, о длительной, до конца 1903 г. симпатии царя политике Е.И. Алексеева или о системном кризисе власти к этому времени и т.д. Дальневосточный «тупик» России Д. Мак Доналд представил по большей части как противостояние «триумвирата» (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин) и безобразовского кружка (которому автор уделил немало места), начиная его чуть ли не с 1897 г. (Р.41). Дипломатия 1903 г. выглядит у исследователя соревнованием записок и выступлений, а интересы, за ними стоявшие, понятны далеко не всегда.

Российскому «восточничеству», о котором впервые написал А. Малозёмов, посвящена монография Дэвида Схimmelпенника ван дер Ойе⁵³. Его книга опирается на большое количество архивных источников, в том числе российских. Интерес автора сконцентрирован на влиянии идеологии на внешнюю политику России, хотя он и признаёт, что она редко играла направляющую роль (Р.9). Историк отметил общее для русских и европейцев отношение к Азии как к громадной территории, предназначенной для завоеваний (Р.94). В живом, полухудожественном стиле с многочисленными экскурсами в самые разные стороны Д. Схimmelпенник ван дер Ойе представляет в первой части монографии биографии своих основных персонажей (Н.М. Пржевальского, Э.Э. Ухтомского, В.С. Соловьёва, П.А. Бадмаева, А.Н. Куропаткина). Несмотря на то, что всех их объединял интерес к Востоку, исследователь отмечает значительные различия в мировоззрении своих героев (А.Н. Куропаткин и В.С. Соловьёв, например, больше склонялись к признанию «жёлтой опасности» – Р.102–103) и в степени их влияния на политику. Во второй части книги (около 100 страниц), где основное внимание уделено общей характеристике российской дальневосточной политики, начиная с Александра III, историк постоянно отмечает разницу во взглядах в российском руководстве – может быть, более акцентированно, чем многие другие авторы.

⁵³ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001.

В целом в историографии как отечественной, так и зарубежной получается весьма неоднородная картина российской дальневосточной политики рубежа XIX–XX веков. Есть серьёзные и многочисленные разногласия в оценке степени её агрессивности, далеко не всегда чётко формулируются намерения Петербурга. Большинство авторов ищут ответ на тему, что явилось причиной русско-японской войны, и ответы эти значительно расходятся (от стротительства Сибирской железной дороги до завершающего раунда последних перед войной переговоров Токио и Петербурга). Историки используют самый разный круг источников, но в большинстве, если не во всех случаях, можно говорить об их ограниченности (по многим причинам). Наконец, нет окончательного вывода: была ли война неизбежна, а если нет – то что именно привело к вооружённому конфликту, потрясшему весь регион и сейчас, когда после его завершения прошло уже более 100 лет, рассматриваемому как World War Zero.

Глава 1. Сибирская железная дорога и КВЖД

1.1. *Историография*

Сибирская железная дорога по праву может считаться наиболее выдающимся результатом деятельности С.Ю. Витте. До сегодняшнего дня это самая протяженная в мире магистраль, сооружённая в рекордно быстрые сроки. Несмотря на огромную роль этой магистрали для России, исследований по её истории существует немного. Правда, значительное количество изданий (с 1860-х гг.) посвящено планам сооружения Сибирской железной дороги. Это были не исследования, а общие рассуждения о проекте магистрали либо публицистика, содержащая размышления о её возможной пользе¹. Исключение составили лишь труды Императорского Русского технического общества, которое власть привлекла к проведению экспертизы различных проектов². Ещё до 1917 г. появилось несколько значительных по объёму изданий (история создания, путеводители и т.п.), в которых в общем была представлена фактическая сторона строительства магистрали³. Но в целом авторы выражали ведомственную точку зрения (Министерства финансов) на Сибирскую железную дорогу⁴, которая представляла проблемы под опреде-

---

¹ Богданович Е.В. О Сибирской железной дороге и о развитии уральского горного промысла. СПб., 1866; он же. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб., 1868; Мельников П.П. О Сибирской железной дороге. М., 1869; Северянин. О Сибирской железной дороге. СПб., 1875; Записка о наивыгоднейшем направлении Сибирской железной дороги. [СПб.] 1881; Несколько слов по вопросу о Сибирской железной дороге. М., 1882; Бугульминский Н. Сибирская железная дорога с точки зрения купца Милютина. Казань, 1884; К вопросу о Сибирской железной дороге. Киев, 1887; Нужна ли Сибири железная дорога? Красноярск, 1890; Анненков М.Н. Сибирская транзитная железная дорога. [СПб., 1890]; Волошинов [Н.А.] Сибирская железная дорога. СПб., 1890; Сибирь и трансаязиатский железный путь. СПб., 1891; Материалы к истории вопроса о Сибирской железной дороге. СПб., 1891 и т.д.

² Труды комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о Сибирской железной дороге и вопрос о дальнейших изысканиях и исследованиях в Сибири. СПб., 1891.

³ Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем. СПб., 1903; Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и А.Ф. Здзярского. За 1900–1916 гг. вышло не менее 11 изданий.

⁴ Например, «Историческая справка о сооружении Великого Сибирского железнодоро-

лённым, удобным для министерства углом зрения, не замечая некоторых из них (например, ограниченность экономических перспектив дороги, преувеличенные надежды на её транзитную роль в международной торговле и др.). Сооружение магистрали выглядело просто как осуществлённый казной масштабный технический проект, имеющий важное значение для экономики империи.

После пуска Сибирской железной дороги в эксплуатацию содержание работ, ей посвящённых, резко меняется. Едва ли не большую их часть стали составлять критические отзывы о её роли и работе⁵. Авторы писали не только о достижениях, но и о несбывшихся надеждах, имеющихся проблемах. Важное значение имеет публиковавшаяся отчётность в связи со строительством и эксплуатацией Сибирской железной дороги, обильно публиковавшаяся в то время и во многом подтверждавшая заключения скептиков⁶.

После 1917 г. вопрос о Сибирской железной дороге вызывал незначительное внимание в историографии. Лишь в 1960-е гг. интерес к её истории возрос. В 1962 г. появилось небольшое компилятивное сочинение А.В. Паталеева, кратко изложившего основные факты из истории строительства магистрали⁷. В 1966 В.Ф. Борзунов защитил докторскую диссертацию, посвящённую истории строительства Транссибирской магистрали. Однако опубликовать её в качестве монографии ему удалось лишь в 2001 г.⁸ В отличие от дореволюционной историографии, автор помещает Сибирскую железную дорогу в широкий контекст как международных отношений, так и истории России, связанной с развитием отечественного капитализма и империализма. Соответственно, он изучает прежде всего её «всемирное» значение⁹. В.Ф. Борзунова меньше интересовали вопросы строительства и экономические проблемы железной дороги. Тем не менее, он усмотрел её «органическую связь» с деятельностью

рожного пути. Составлена в Общей канцелярии министра финансов» (СПб., 1903), которая готовилась под непосредственным руководством С.Ю. Витте. Не упомянутым на титульном листе автором являлся чиновник Министерства финансов М.Г. Зельманов.

⁵ Мясоедов-Иванов В.А. В какой степени Сибирский путь может оправдать возлагаемые на него надежды. СПб., 1902; Фёдоров М.П. Экономическое положение Сибирской магистрали. СПб., 1912; он же. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903; Шмуккер М.М. Финансы казённой сети железных дорог России в связи с бюджетом (1890–1913 гг.) и очерк «Восточно-Китайской железной дороги». Вольск, 1918.

⁶ Краткий обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за 1909 г. по сравнению с предыдущими годами десятилетия (1900–1909 гг.). Томск, 1910.

⁷ Паталеев А.В. История строительства великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1962.

⁸ Борзунов В.Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. Ч.1–2. М., 2001.

⁹ Там же. С.14.

капитала в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁰. Несмотря на то, что В.Ф. Борзунов опирается на значительное количество фактического материала, собранного из многих источников (публикации, исследования, периодическая печать, архивы), в работе превалирует иллюстративный стиль (когда то или иное положение, высказанное им, просто подкрепляется примерами)¹¹. В своих оценках, не всегда аргументированных, автор иногда излишне категоричен. Так, В.Ф. Борзунов пришёл к необоснованному выводу, что Сибирская железная дорога способствовала международной торговле в широком плане и сближению рынков Запада и Востока¹². В работе также содержится немало неточностей, особенно в деталях.

В англоязычной историографии надо отметить прежде всего монографию Стивена Маркса об истории строительства Сибирской железной дороги¹³. К сожалению, автор был вынужден довольствоваться преимущественно опубликованными источниками, к фондам РГИА по этой проблеме он не был допущен. Конечно, эта источниковая ограниченность не могла не сказаться на работе. С. Маркс рассматривает Транссибирскую магистраль с разных сторон: и как политическое предприятие, и как торговую артерию, и как мощное средство колонизации дальневосточной окраины России.

КВЖД посвящены лишь две большие, фундаментальные работы, обе они появились почти столетие назад. В 1914 г. была издана хорошо иллюстрированная история КВЖД, так же, как и история Сибирской магистрали, носившая официальный характер. Затем, десятилетие спустя, появилось исследование Е.Х. Нилуса (издан только первый том, второй остался в рукописи, хранящейся ныне в РГИА). Автор – сотрудник КВЖД – писал историю дороги, используя архив Пекинского отделения общества, находящийся сейчас в Китае¹⁴. Его источниками послужили также воспоминания участников тех событий, которых оставалось к началу 1920-х гг. ещё немало. Подход Е.Х. Нилуса оказался как бы промежуточным, он объединил в себе официальные рассуждения о нужности и полезности дороги со скептическим отношением к её экономическому значению для России и тем более – для транзитной торговли. В представлении Е.Х. Нилуса, КВЖД – это громадное предприятие, создавшее самостоятельную инфраструктуру, вообще новый уклад жизни в китайской Маньчжурии, постепенно интегрировавшееся в

---

¹⁰ Там же. С.27.

¹¹ В конце книги – список из 565 титулов.

¹² Там же. С.62.

¹³ Marks S.G. Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850–1917. N.Y., 1991.

¹⁴ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.XIV.

местную жизнь и подтягивавшую местную экономику к техническому и экономическому уровню дороги. Конечно, кроме этих двух книг КВЖД посвящено огромное количество всевозможной литературы, но она затрагивает, как правило, разные вопросы функционирования магистрали, не вписывая их в политический контекст¹⁵.

Лишь в последние годы в российской историографии появилось несколько работ, которые снова обращаются к теме «русской Маньчжурии», но уже с иных позиций. Г.В. Мелихов в 1991 г. опубликовал книгу-воспоминание о появлении Харбина в связи со строительством железной дороги¹⁶. Она носит не столько исследовательский, сколько публицистический характер, но события изложены в ней с большой точностью. Недавно изданная монография доктора исторических наук Н.Е. Абловой посвящена истории КВЖД в основном после 1917 г.¹⁷

В одной из последних англоязычных работ, касающихся истории КВЖД, проявился модный ныне постмодернизм. Американская исследовательница Чиа Юнсу усмотрела в истории строительства КВЖД и Амурской железной дороги, прежде всего, расовую политику Петербурга в регионе, базировавшуюся на разных типах колониализма¹⁸. С точки зрения автора, сооружение трассы в Маньчжурии якобы демонстрирует «вестернизаторский» подход, тогда как железная дорога вдоль Амура отразила уже представление власти о «жёлтой опасности», состоявшей в привлечении труда китайцев и корейцев для строительных работ. Вся конструкция Чиа Юнсу выглядит надуманной и противоречит фактам. Например, курс на заселение Приамурья был взят властью ещё в 1880-е гг., и она никогда от него не отступала. А КВЖД рассматривалась не столько в понятиях «цивилизаторской миссии» (это почти никого не интересовало), а прежде всего как коммерческое предприятие. Чиа Юнсу в своём исследовании опирается преимущественно на публицистику определённого направления (И. Левитов, С.Д. Меркулов), действительно трубившую о «жёлтой опасности», которая не отражала ни действительные намерения, ни реальную политику Петербурга. Эта статья – образец того, насколько сложно претендовать на создание оригинальной и корректной интерпретации событий при слабом знакомстве с фактами.

¹⁵ Гейштор И.Э. Экономическое обследование района КВЖД. СПб., 1904; Тищенко П.С. Китайская Восточная железная дорога. 1903–1913 гг. [Экономический обзор]. [Харбин, 1914].

¹⁶ Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1991.

¹⁷ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.

¹⁸ Chia Yin Hsu. A Tale of Two Railroads: «Yellow Labor», Agrarian Colonization and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // *Ab Imperio*. 2006. №3. С. 217–253.

1.2. Проекты железнодорожной магистрали в Сибирь: политика или экономика?

Первые проекты дороги в Сибирь до границы с Китаем для развития торговли и защиты в случае необходимости дальневосточных рубежей появились в 1830–1850-е гг.¹⁹ В 1850-е гг. несколько иностранных предпринимателей уже предлагали российскому правительству построить железную дорогу из Европейской России через Сибирь до Тихого океана²⁰.

Родоначальником проекта, легшего в основу программы строительства Сибирской дороги, признан генерал Е.В. Богданович²¹. Он в 1860-е гг. представил аргументированный план магистрали, которая, по мысли автора, должна была протянуться из европейской части России через Урал до Тюмени и далее до Восточной Сибири и границы с Китаем, соединяя отдельными ветками водоразделы крупных сибирских рек²². Такая трасса первоначальной протяжённостью в 700 вёрст обошлась бы примерно в 48 млн. руб., что было по силам русскому бюджету (к концу 1860-х гг. на неё пришлось бы расходовать не более 5% его доходной части за время строительства). Заботясь об окупаемости и экономической востребованности новой железной дороги, Е.В. Богданович надеялся, что она даст импульс экономическому развитию Урала, находившемуся в бедственном состоянии после отмены крепостного права, а также русско-китайской торговле, что позволило бы довести магистраль до Восточной Сибири²³. Он также выражал интересы сибирского купечества, выступая его ходатаем в Петербурге и организатором заказных публикаций в столичных газетах инспирированных телеграмм о строительстве железной дороги в Сибирь²⁴.

Соображения Е.В. Богдановича и других авторов, получившие широкое распространение в печати, показали как интерес общества к проектам стальной магистрали за Урал, так и то, что острая экономическая потребность в ней ещё не назрела. Но важным было то, что с конца 1860-х гг. мысль о необходимости Сибирской дороги укоренилась и в общественном созна-

¹⁹ Борзунов В.Ф. Архивные материалы по истории строительства Сибирской железной дороги (1880–1905 гг.) // Исторический архив. 1960. №5. С.195; Зензинов Н.А. Строительство магистрали: идеи, предложения, проекты // Железнодорожный транспорт. 1991. №5. С.11–15.

²⁰ Саблер С.В., Сосновский И.В. Указ. соч. С.2–3, 5–7.

²¹ Там же. С.12.

²² Богданович Е.В. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб, 1891.

²³ Богданович Е.В. О Сибирской железной дороге и о развитии уральского горного промысла. СПб, 1866.

²⁴ Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. №2. С.102. Тема Сибирской железной дороги также неоднократно затрагивалась в письмах Е.В. Богдановича А.С. Суворину. В них автор приписывал себе идею её строительства (РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Д.414).

нии, и в бюрократических канцеляриях. С этого момента обсуждение планов строительства такой магистрали уже не прекращалось, постепенно переходя в практическую плоскость.

Первые изыскательские работы по трассе будущей железной дороги начались в 1872–1874 гг. и велись в основном по двум различным направлениям: Кинешма–Вятка–Пермь–Екатеринбург–Тюмень; Нижний Новгород–Казань–Красноуфимск–Екатеринбург–Тюмень. 19 декабря 1875 г. Александр II утвердил второе направление, приняв во внимание то, что линия проходит через два крупных торговых центра империи – Казань и Нижний Новгород²⁵. Местные власти безо всякого энтузиазма отнеслись к перспективе появления железной дороги, опасаясь, что развитие торговли, рост цен, наплыв евреев, несмотря на то, что им было запрещено селиться за Уралом, и т.п. нарушат спокойствие на их территориях. Однако само строительство магистрали уже не подлежало сомнению. Практические действия по сооружению дороги были отложены прежде всего из-за русско-турецкой войны 1877–1878 гг., надолго опустошившей государственную казну и вызвавшую хронический дефицит бюджета вплоть до начала 1890-х гг.

В конце 1870-х гг. проекты строительства Сибирской железной дороги вновь вызвали интерес у зарубежных инвесторов. В 1877–1878 гг. немецкие банки минимум дважды предлагали выделить 100 млн. золотых марок (примерно 31 млн. руб. золотом) для сооружения магистрали²⁶. В 1879 г. к Е.В. Богдановичу обратились англичане, занимавшиеся строительством Канадской железной дороги, намереваясь вложить 12–14 млн. фунтов стерлингов (50–58 млн. тогдашних рублей) в Сибирскую магистраль²⁷. Е.В. Богданович и сам планировал создать акционерное общество для строительства Сибирской железной дороги, рассчитывая разбогатеть на этой идее²⁸. Однако он не сумел найти инвесторов, согласных на его условия, и позже отказался от замысла, подав министру финансов Н.Х. Бунге записку с обоснованием того, что Сибирскую дорогу следует строить за казённый счёт. По утверждению Е.В. Богдановича, его мнение было принято Комитетом министров²⁹.

²⁵ Саблер С.В., Сосновский И.В. Указ. соч. С.33.

²⁶ Всеподданнейший доклад генерал-адъютанта Н.И. Казнакова 16 мая 1878 г. // РГИА. Ф.268. Оп.1. Д.1386. Л.3–4.

²⁷ Е.В. Богданович – С.А. Грейгу 27 ноября 1879 г. // РГИА. Ф.268. Оп.1. Д.1387. Л.192–195.

²⁸ Бумаги Е.В. Богдановича о Сибирской железной дороге // ОР РГБ. Ф.58. Раздел 2. К.39. №2.

²⁹ Е.В. Богданович – В.П. Мещерскому [1912–1913 гг.] // ОР РГБ. Ф.664. К.1. №9.

Постепенно длина планируемой магистрали увеличивалась³⁰. В 1884 г. появился проект железнодорожного пути от Самары до Владивостока, составленный К.Н. Посъетом. С этого времени речь шла уже о сплошном транссибирском пути, что было более чем в три раза длиннее маршрута, первоначально предложенного Е.В. Богдановичем, и минимум в семь раз дороже. Кроме местнических интересов и развития Сибири в целом тут добавились и стратегические соображения обороны рубежей России. Офицеры видели во Владивостоке «место, где можно уязвить Россию», опасаясь, что город, в случае возникновения большой войны, станет «вторым Севастополем»³¹.

Непрерывная железная дорога от Петербурга до Владивостока неизбежно становилась также и важным фактором международных отношений на Дальнем Востоке, изменяя там баланс сил и вызывая смешанные чувства у соседей России. В Японии полагали, что будущая магистраль даст стимул экономическому развитию всего региона и связывали с этим свои надежды. Но высказывались и опасения. Так, будущий японский маршал А. Ямагата видел в Сибирской железной дороге также и угрозу интересам Страны восходящего солнца, предсказывая, что эта магистраль поможет России отторгнуть Маньчжурию и укрепить свое влияние в Пекине³².

Надо признать, что опасения А. Ямагаты имели определённое основание: в среде российских военных в 1880-е гг. появились рассуждения о том, что усиление России на тихоокеанском побережье даст империи возможность «грозить Европе всей»: «с Амура мы можем наносить Европе самые серьёзные по своим последствиям удары и всякое усиление наше на Тихом океане будет иметь неизбежным последствием возвышение нашего политического

---

³⁰ Однако в 1860-х – первой половине 1880-х гг., когда проектировщики пытались отталкиваться от реальных потребности торговли, длина Сибирской магистрали в их планах не увеличивалась, а уменьшалась, пока от неё не остались «обрывки линий в пределах Среднего и Южного Урала, но всё ещё именовавшиеся “Сибирской дорогой”» (Борзунов В.Ф. Архивные материалы... С.198). Такая тенденция касалась лишь частных проектов. Как только речь заходила о стратегическом значении магистрали, то она сразу же менялась на противоположную.

³¹ Волошинов Н.А. Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С.19.

³² Щетинина Е.В. Идеологические концепции экспансионистской политики Японии на Дальнем Востоке в 70–80-х годах XIX века // Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. Владивосток, 1986. С.15; Hackett R.F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. Cambridge (Mass.), 1971. P.157. Японцы ответили составлением планов строительства своих железных дорог в Корею и Южной Маньчжурии, но выглядели они не слишком серьёзно, особенно после того как Токио принял программу усиленных вооружений (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.139–140).

могущества в Европе»³³. Автор уже тогда смотрел на русский Дальний Восток не только как на слабое место империи, но и как на удобный плацдарм русской экспансии, до известной степени предвосхищая политику и идеологию С.Ю. Витте. «В Тихом океане происходит промышленное и торговое пиршество. Между европейскими, американскими и азиатскими гостями нам отведено за столом одно из видных мест. Если мы пока, сидя за столом, не удовлетворяем, подобно другим, своего аппетита, то из этого не следует, чтобы мы готовы были позволить вывести себя из-за стола»³⁴. Чуть позже, в конце 1880-х гг. уже официальное лицо, генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин повторил эти соображения почти буквально: «Из Владивостока можно самым решительным образом угрожать существенным интересам Западной Европы». Тихий океан рассматривался им как будущее поприще для схватки с европейскими державами, каким ранее был Атлантический океан³⁵.

Опасался экспансии России на своих северных границах и Китай. Подстрекаемый западными дипломатами, рассуждавшими в Пекине о готовности России захватить Маньчжурию, он в 1890 г. начал изыскания для сооружения железной дороги от столицы до Гирина – административного центра одной из провинций Маньчжурии. Однако эта деятельность носила явно демонстративный характер, так как у Срединной империи не имелось денег на железнодорожное строительство. В России эти действия были сочтены как ещё один аргумент для быстрейшего начала строительства Сибирской железной дороги³⁶. В Петербурге в 1880-е гг. вообще преувеличивали опасность, исходившую от Китая, для дальневосточных рубежей империи³⁷.

В 1885 г. появился проект Сибирской железной дороги, который в итоге стал прообразом плана будущего строительства. Его автором оказался человек, формально далекий от железнодорожных дел – вице-адмирал в отставке Н.В. Копытов. По его данным, сплошная магистраль, состоящая из трех участков: Томск–Иркутск, Иркутск–Усть Стрелка, Хабаровск–Владивосток длиной в 4,5 тыс. вёрст, рассчитанная на пропуск 6 пар поездов в сутки, должна была обойтись в 185 млн. руб. (41 тыс. руб. за версту). Н.В. Копытов также надеялся, что новая железная дорога даст толчок развитию экономики Сибири и Дальнего Востока, и в результате затраты на магистраль окупятся за пять лет

³³ Барабаш [Я.Ф.] Записка о Маньчжурии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883. С.106.

³⁴ Там же. С.103–104.

³⁵ Труды Комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. Стенографический отчёт второго (последнего) заседания первой подкомиссии 14 апреля 1889 г. // Железнодорожное дело. 1889. №26. С.6.

³⁶ Н.К. Гирс – И.А. Вышнеградскому 31 июля 1890 г. // РГИА. Ф.268. Оп.3. Д.264. Л.4–8.

³⁷ Marks S.G. Op. cit. P.35–36, 38.

её эксплуатации³⁸. Главными отличиями печатной версии стало уменьшение стоимости строительства железной дороги до 150 млн. руб. и определение ежегодных вложений в 7 млн. руб. – т.е. сооружать её предполагалось в течение примерно 20 лет.

В дальнейшем Н.В. Копытов неоднократно уточнял свой проект³⁹. Он предложил два варианта пути Сибирской железной дороги: северный (Уфа–Челябинск–Омск–Томск) и южный (Оренбург–Акмолинск–Семипалатинск–Барнаул–Бийск–Минусинск). Для сбора необходимой суммы на сооружение дороги, определённой Н.В. Копытовым в последних вариантах в 180 млн. руб.⁴⁰, он предложил выпустить 5% ценные бумаги, исходя из годовой потребности в 36 млн. руб. Другим вариантом было использование свободной наличности Государственного банка и казначейства, которую Н.В. Копытов исчислял в 218 млн. руб. Вопрос об удешевлении железной дороги натолкнул вице-адмирала на ещё одну идею – провести часть планируемой магистрали по китайской территории, что значительно укорачивало ее протяжённость (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Предложения Н.В. Копытова стали предметом обсуждения в Императорском Русском техническом обществе. Для этого 23 мая 1888 г. там создали специальную комиссию о направлении Сибирской железной дороги. Большинство участников (18) не приняло вариант контр-адмирала как недостаточно обоснованный, высказавшись за «северное» направление будущей трассы (Челябинск–Омск–Томск–Иркутск)⁴¹. Вариант Н.В. Копытова поддержали лишь двое, ещё пятеро выступило со своим, «промежуточным» планом. Однако далее, за Байкалом, возможность строительства части магистрали по

³⁸ Черновик записки Н.В. Копытова о Транссибирской железной дороге. Сентябрь 1885 г. // РГА ВМФ. Ф.12. Оп.1. Д.32. Л.55–56. В сокращенном и изменённом виде виде план Н.В. Копытова был опубликован в «Московских ведомостях» (1885. 29 ноября. №330) под инициалами «Н.К.».

³⁹ Московские ведомости. 1887. №24, 25, 27; Н.К. Петербург–Владивосток. Всероссийская великая восточная железная дорога // Нива. 1889. №16. С.422–423; №17. С.442–444; О наиболее выгоднейшем направлении магистральной и непрерывной Всероссийской великой восточной железной дороги. Сообщение контр-адмирала Н.В. Копытова на технической беседе в Императорском Русском техническом обществе 18 декабря 1887 г. под председательством А.К. Горчакова // Железнодорожное дело. 1888. №2–4. С.13–27.

⁴⁰ Такая сумма требовалась по расчётам контр-адмирала для сооружения участка от Оренбурга до Аргуни (крайне южного пункта на берегу Амура) в 4500 вёрст.

⁴¹ Труды комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. 1889–1890 гг. СПб., 1890; М.Г. [Герсеванов М.Н.] Труды комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о Сибирской железной дороге и вопрос о дальнейших изысканиях и исследованиях в Сибири. СПб., 1891. С.5–7.

китайской территории не отвергалась⁴². В общем, тогда, в конце 1880-х гг., власть не приняла планов Н.В. Копытова, однако, они несомненно оказали значительное влияние на подготовку проекта сооружения Сибирской дороги.

Несмотря на то, что к 1890-м гг. уже был поставлен вопрос о возможной роли Сибирской железной дороги как торговой артерии между Европой и Дальним Востоком⁴³, главным мотивом строительства магистрали оказались всё-таки интересы защиты русского Дальнего Востока. Именно к такому выводу пришел Комитет министров в 1888 г. Но к сооружению железной дороги тогда не приступили: по заявлению министра финансов И.А. Вышнеградского, столь дорогостоящий проект стоимостью примерно в 350 млн. рублей был не под силу бюджету. Тем не менее, после распоряжения Александра III 22 мая 1882 г. начались изыскания по направлению предполагаемой трассы, пока – в европейской части России. После подробного и длительного обсуждения в конце 1884 – начале 1885 гг. Комитет министров предпочёл Самаро-Уфимское направление Нижегородо-Екатеринбургскому⁴⁴. Магистраль была окончательно определена как сплошной железнодорожный путь до Владивостока по территории России в конце 1880-х гг. Она рассматривалась как стратегическая, поэтому строить её намеревались исключительно на бюджетные средства, несмотря на то, что потенциальные инвесторы – иностранцы, на сей раз – французы, проявляли к плану Сибирской дороги значительный интерес⁴⁵. Этот подход поддержали военный министр П.С. Ванновский и министр путей сообщения А.Я. Гюббенет. 25 февраля 1891 г. Александр III подписал указ о сооружении Великого Сибирского пути во Владивосток, и в 1891 г. началось строительство его первых участков: 6 марта 1891 г. – от Миасса до Челябинска, 19 мая 1891 г. – между Хабаровском и Владивостоком (в закладке этой трассы участвовал наследник престола Николай Александрович, возвращавшийся из путешествия вокруг Азии). Одновременно Министерство путей сообщения приступило к изыскательским работам по всей длине трассы от Челябинска до Хабаровска. Тем не менее, далеко не все вопросы, касающиеся сооружения дороги, были окончательно решены. В частности, началу масштабного строительства препятствовал министр финансов И.А. Вышнеградский, полагавший, что такой проект ляжет непосильной ношей на российский бюджет.

⁴² Доклад бюро комиссии о восточной части дороги через всю Сибирь // Железнодорожное дело. 1889. №48. С.4.

⁴³ Анненков М.Н. Указ. соч. С.9, 13. Однако автор полагал, что железная дорога сделает доставку товаров дешевле и быстрее сравнительно с морским путём.

⁴⁴ Саблер С.В., Сосновский И.В. Указ. соч. С.55–62.

⁴⁵ Дневник А.А. Половцова. Т.2. М., 1966. С.499, 512. Примечания П.А. Зайончковского. Нельзя сказать, что правительство категорически отказывалось от использования иностранных капиталов для строительства дороги, но переговоры об этом (в частности, с французами) к успеху не привели (Marks S.G. Op. cit. P.110–111).

Однако вскоре дело Сибирской дороги оказалось в основном в руках нового (с августа 1892 г.) министра финансов С.Ю. Витте⁴⁶. Он был сторонником быстрейшего сооружения магистрали, рассматривая её как важнейшее государственное и политическое предприятие⁴⁷. Чтобы убедить прижимистого Александра III в возможности масштабных работ, министр финансов сознательно занизил стоимость магистрали до 350 млн. руб.⁴⁸ Но и эта сумма была тяжёлым бременем для хронически дефицитного бюджета, поэтому С.Ю. Витте выдвинул идею специальной эмиссии для строительства рельсового пути («сибирские рубли»).

1.3. «Сибирские рубли»

Впервые идею эмиссии для финансирования строительства Сибирской железной дороги министр финансов высказал в записке 13 ноября 1892 г.⁴⁹ Он предполагал выпустить 150 млн. руб., ограничив их хождение Сибирью, и представил план погашения этой эмиссии, рассчитанный на 23 года⁵⁰.

---

⁴⁶ Как справедливо отметил В.Ф. Борзунов, проект Сибирской железной дороги попал к новому министру финансов практически в готовом виде. Однако С.Ю. Витте внёс туда и своё: он придал делу колоссальный размах, постарался связать его с идеей транзитной торговли между Европой и Азией, а также сделал акцент на необходимости сблизить Сибирь с европейской частью империи (Борзунов В.Ф. Архивные материалы... С.199–201).

⁴⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.56–61.

⁴⁸ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.186. Л.17. С.Ю. Витте, представляя смету на строительство магистрали, не оговаривал, что упрощённые технические условия сооружения дороги (облегчённые рельсы, крутые склоны, временные деревянные мосты и т.п.) потребуют в ближайшем будущем замены, которая обойдётся в немалую сумму. Колоссальных затрат требовал участок за Байкалом с его горными перевалами и тунелями. Список скрытых статей расходов можно легко продолжить, всё это хорошо понимали уже тогда опытные сановники вроде А.Н. Куломзина или Н.Х. Бунге.

⁴⁹ О порядке и способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути 13 ноября 1892 г. // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.184–229.

⁵⁰ Б.В. Ананьич привёл рассказ В.В. Максимова, опубликованный в марте 1915 г. в газете «День» о существовании записки С.Ю. Витте о строительстве Сибирской дороги на «сибирские рубли», все экземпляры которой министр финансов впоследствии якобы пытался уничтожить (Ананьич Б.В. Россия и международный капитал 1897–1914: очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С.15, прим.). Это интервью ближайшего сотрудника министра финансов звучит двусмысленно: отдельной записки о «сибирских рублях» не было. Речь может идти о двух документах, где содержится упоминание о них: всеподданнейшем докладе С.Ю. Витте 6 ноября 1892 г. «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела» и записке 13 ноября 1892 г. «О порядке и способах соору-

В Особом совещании 21 ноября 1892 г., посвященном сооружению Великого Сибирского пути, С.Ю. Витте обозначил два источника для финансирования строительства. Первый – это обыкновенные и чрезвычайные доходы государственного бюджета. Министр полагал, что в ближайшие годы будет возможно взять из казны до 60 млн. рублей на магистраль. Но требовалось изыскать ещё около 100 млн. руб. Для устранения этого дефицита С.Ю. Витте предложил выпустить в местный оборот «сибирские кредитные билеты» на сумму 92 734 591 руб. На Особом совещании министр финансов заявил, что «имеет некоторые основания предполагать, что колич[ество] обращ[аемых] в России денеж[ных] знаков недостаточно», поэтому следует увеличить денежную массу в целом, заодно используя выпуск новых билетов для строительства Сибирской дороги⁵¹. В суждениях С.Ю. Витте нашли явное отражение взгляды ряда экономистов–публицистов, выступавших за неограниченную эмиссию бумажных денег с целью удовлетворить кредитный голод, особенно – экспортеров–аграриев (Г.В. Бутми и др.). Они полагали, что такую эмиссию можно связать кредитами, поэтому она не скажется серьёзно на курсе бумажного рубля. В частности, таких взглядов придерживался С.Ф. Шарапов, близкий в начале 1890-х гг. министру финансов.

Рассуждения С.Ю. Витте вызвали принципиальные возражения председателя Комитета министров Н.Х. Бунге, который подверг сомнению устойчивость рубля даже при незначительной эмиссии и напомнил министру финансов, что такие действия могут нанести ощутимый удар по курсу русских ценных бумаг за границей. Последнее обстоятельство вызывало опасения и

жения Великого Сибирского железнодорожного пути». Также вызывает сомнение и достоверность рассказа В.В. Максимова о стремлении С.Ю. Витте изъять записку о сооружении Сибирской дороги, в которой речь шла о «сибирских рублях», у всех, кто её получил. Такой документ попал бы во все заинтересованные ведомства, забрать его из многих делопроизводств было бы немислимо. Естественно, что и всеподданнейший доклад 6 ноября 1892 г. и записка 13 ноября 1892 г. сохранились в немалом количестве экземпляров. Кроме того, С.Ю. Витте, похоже, вовсе не предпринимал специальных действий, чтобы стереть память об истории с «сибирскими рублями». Так, в 1900 г., когда чиновник Министерства финансов М.Г. Зельманов по поручению министра готовил очерк об истории сооружения Сибирской железной дороги, он включил туда и сюжет о «сибирских рублях». С.Ю. Витте оказался в целом доволен трудом М.Г. Зельманова, а на предложение И.П. Шипова убрать из текста рассказ о «сибирских рублях», министр ответил: «Как сочтёте нужным, так и сделайте» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.407). История «сибирских рублей» попала также в записку за подписью С.Ю. Витте об учреждении Комитета Сибирской дороги. Так что скрывать сам факт не имело никакого смысла, а тем более пытаться изымать многочисленные документы.

⁵¹ Черновая запись хода Особого совещания 21 ноября 1892 г. // РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.71. Л.12.

сомнения и у С.Ю. Витте. В результате он отказался от своего предложения и выдвинул новую комбинацию: взять 92,7 млн. руб. в Государственном банке, перевести их в казначейство и использовать на сооружение Сибирской магистрали⁵². В окончательном варианте министр финансов предложил пустить в оборот кредитные билеты, подготовленные ещё в 1881 г. для введения золотого размена, но так и оставшиеся в хранилище, на сумму в 92,7 млн. руб., просто забрав их из банка. Эта сумма согласно указу Александра II 1 января 1881 г. была уплачена казначейством Государственному банку, но так как золотое обращение тогда так и не было введено, она осталась на счетах коммерческих операций Государственного банка⁵³. Большинство участников совещания одобрило этот план, с их мнением согласился царь⁵⁴. Однако три сановника (Н.Х. Бунге, Н.М. Чихачёв и И.А. Вышнеградский) настаивали на том, что билеты следует не просто взять на время из Государственного банка, а оформить это как заимствование. За их позицией стояло опасение многоопытных бюрократов в том, что такой шаг может быть воспринят как сигнал о намерении и дальше сохранять бумажное обращение в России, а также подозрение, что С.Ю. Витте и впредь будет прибегать к подобной опасной для устойчивости рубля мере⁵⁵. Но этот вариант в конечном итоге не был осуществлён из-за опасений за курс рубля и русских ценных бумаг за границей.

1.4. Особенности строительства Сибирской магистрали

Сооружение самой протяжённой стальной магистрали в мире сопровождалось рядом нестандартных управленческих решений. Все вопросы строительства дороги передали специально учреждённому по инициативе С.Ю. Витте 10 декабря 1892 г. Комитету Сибирской железной дороги под председательством наследника престола Николая Александровича. Это был уникальный для самодержавной России орган, объединивший в своём лице компетенцию сразу нескольких ведомств для решения единой задачи. Его нетрадиционность состояла в том, что по сравнению с множеством разных межведомственных комиссий, комитетов и совещаний, он получил в руки реальные рычаги власти (право готовить представления в Государственный совет) и поэтому мог действовать эффективно⁵⁶. Царевич плохо понимал дело, которым ему сле-

⁵² Там же. Л.12–13.

⁵³ Там же. Оп.28. Д.249. Л.253.

⁵⁴ Журнал Особого совещания о постройке Сибирской железной дороги 21 ноября 1892 г. // РГИА. Ф.265. Оп.2. Д.634. Л.10–11.

⁵⁵ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.255–256.

⁵⁶ Саблер С.В., Сосновский И.В. Указ. соч. С.131–132. В какой-то части эти «привилегии» распространились в будущем и на КВЖД. Так, её пекинский отдел имел право прямого сношения с китайскими властями, минуя МИД (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.24).

давало управлять. Даже взойдя на престол, он заявил в Комитете Сибирской железной дороги: «надеюсь при содействии вашем довести до конца начатую постройку Сибирского рельсового пути дёшево, а главное, скоро и прочно»⁵⁷. В российских условиях было возможно исполнить в лучшем случае лишь одно, а не три взаимоисключающих условия сразу. Поэтому его заместителем назначили председателя Комитета министров Н.Х. Бунге, который фактически и вёл всю деятельность Комитета Сибирской железной дороги до своей кончины 3 июня 1895 г.

Будущая магистраль была разделена на 6 участков. К первой очереди отнесли трассы Челябинск–Обь (1300 вёрст), Обь–Иркутск (1800 вёрст). Вторую очередь составили Забайкальская железная дорога до Сретенска (1000 вёрст), трудная в техническом отношении, и отрезок Владивосток–Хабаровск (700 вёрст); третью очередь – Амурская железная дорога (около 2000 вёрст) и Круглобайкальская железная дорога (240 вёрст), время их сооружения не устанавливалось. На большинстве участков строительные работы начались с лета 1893 г. В решении Комитета был специально оговорен пункт о том, что вся дорога должна стать национальным делом России, строиться исключительно русскими людьми и из русских материалов. Так оно и вышло, только на участке в 17 километров около Красноярска уложили английские рельсы⁵⁸. На финансирование строительства предполагалось ежегодно выделять из бюджета по 40 млн. руб. Однако быстро выяснилось, что скорость сооружения магистрали может быть увеличена, поэтому Александр III утвердил решение Комитета Сибирской железной дороги 13 мая 1894 г. о завершении работ не позднее 1901 г. Размах предстоящей работы являлся беспрецедентным для России. Только за первую и вторую очереди (от Челябинска до Сретенска и от Владивостока до Хабаровска) следовало проложить 4952 версты рельсового пути. Под дорогу отводилось 89106 десятин земли, на них необходимо было вырубить 14612 десятин леса, выполнить 9404 тыс. куб. саженей земляных работ (19 млн. человеко-дней), построить 45,5 вёрст мостов. Магистраль требовала 8,4 млн. шпал, 118 тыс. телеграфных столбов, 10 тыс. вёрст провода, 239 вёрст водопроводных труб и т.д.⁵⁹ Кроме того, темпы строительства стали самыми высокими в мире, превывсив быстроту сооружения Трансканадской железной дороги в 1880-е гг. .

Скорость сооружения самой протяжённой железной дороги в мире отчасти объяснялась особыми, облегчёнными техническими условиями, принятыми

---

⁵⁷ Отчёт по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1084. Л.144.

⁵⁸ Паталеев А.В. Указ. соч. С.8.

⁵⁹ Отчёт по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1084. Л.151 об.

для Сибирской железной дороги: были значительно увеличены предельные уклоны полотна (0,0174 в горах и 0,0074 на равнине), уменьшены радиусы кривых – 300 и 500 метров, сокращена ширина земельной насыпи (с 2,6 до 2,35 саженой), облегчены рельсы (18 фунтов вместо 24)⁶⁰, укорочены шпалы, уменьшено их количество, более тонким стал слой балласта. По всей трассе только большие мосты сооружались как капитальные, остальные строились из дерева; было увеличено обычное расстояние между станциями (до 50 вёрст), водоснабжение могло обеспечить лишь семь пар поездов в сутки. Такая трасса имела очень скромные возможности. Располагая только одним путём, дорога на первых порах пропускала всего три пары поездов в сутки (одна – пассажирская, две – товарные) со средней скоростью 20 вёрст в час – пассажирский, 12 вёрст – товарный.

Но даже и при таком «облегчённом» варианте в 1897 г. Комитет Сибирской железной дороги констатировал, что стоимость сооружения основных участков магистрали уже превышает проектную на 24%⁶¹. При этом в смету не вошли чрезвычайные расходы. Так, в 1897 г. в результате сильнейшего наводнения на Забайкальском участке было затоплено 700 километров пути, а 162 из них совершенно смыто. Прямой убыток от этого бедствия составил 5 309 014 руб., не учитывая задержки работ⁶².

К 1904 г. общая сумма произведённых затрат на Сибирскую железную дорогу (вместе с Китайской Восточной железной дорогой) составила 1,135 млрд. руб.⁶³ Строительные работы полностью не завершились даже к 1914 г. Уже в 1906 г. началась реконструкция магистрали. Печальный опыт русско-японской войны 1904–1905 гг., в ходе которой трасса, даже при чрезвычайном напряжении графика движения, не могла обеспечить потребности армии, ускорил возврат к общим стандартам сооружения железнодорожных магистралей. Строители приступили также к прокладке второго пути, к 1913 г. его

---

⁶⁰ Позже с рельсами вышел большой конфуз. Их поставляло Богословское горнозаводское общество и изготавливались они из стали, сваренной по рецептам МПС. Оказалось, что эти «эсклюзивные» рельсы при нормативном сроке службы в 10 лет не выдерживают и двух. Это сказалось на темпах замены лёгких 18-фунтовых рельсов, которые часто служили дольше, чем их более тяжёлые аналоги (Доклад об эксплуатационных расходах Сибирской железной дороги, составленный А.Н. Бухман при участии А.В. Барашкова и Б.И. Плана. СПб., 1912. С.106).

⁶¹ Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С.257.

⁶² Отчёт по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1084. Л.145–145 об.

⁶³ Справка об общей стоимости Сибирского транзитного железнодорожного пути. Декабрь 1903 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.139. Л.26–28.

довели до границы с Китаем⁶⁴. Всё это потребовало суммы, более чем в пять раз превышавшую первоначальные расчёты: к 1914 г. на её сооружение было потрачено более 1,5 млрд. руб.⁶⁵ Следовательно, в среднем ежегодно на Сибирскую магистраль шло порядка 7–8% всех государственных расходов (надо заметить, что финансирование строительства распределялось неравномерно, наибольшие вложения требовались в 1894–1901 гг.).

Были ли оправданы столь значительные затраты? Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке к концу XIX века не позволяла России быть уверенной в целостности своих дальневосточных рубежей. Японо-китайская война 1894–1895 гг. стала тревожным сигналом для империи, необходимость транспортной магистрали для быстрой переброски войск в случае возникновения реальной угрозы на российских границах являлась бесспорной. Экономическое же значение новой дороги, особенно её транзитной функции, тогда всерьёз и подробно не анализировалось⁶⁶. Конечно, для связи Сибири и Дальнего Востока с европейской частью империи магистраль имела колоссальное значение. Но нельзя не заметить противоречия: в удешевлении сооружения дороги и её технических характеристиках были заложены столь низкие пропускные возможности трассы, что они просто не позволяли ставить вопрос об её важной коммерческой роли, особенно как транспортной артерии, связывающей Европу и Дальний Восток.

1.5. Перевозки по Сибирской железной дороге: мечты и реальность

Уже в июне 1893 г. министр финансов составил программу своей деятельности на Дальнем Востоке. Центром её стала строящаяся Сибирская железная

---

⁶⁴ Паталеев А.В. Указ. соч. С.23–24.

⁶⁵ В.Ф. Борзунов приводит точную цифру – 1 472 585 591 руб., из них только на Сибирскую железную дорогу – 1 072 518 355 руб. (Борзунов В.Ф. Архивные материалы... С.204). Он не объяснил методику подсчёта, но сослался на неуказанные архивные материалы, присовокупив, что «значительная часть этой суммы была расхищена казёнными и частными подрядчиками, пущена на ветер при попытках “возродить” сибирское железнодорожное производство (почему в общую сумму затрат попали такие статьи расходов? – И.Л.) и исчезла в карманах чиновников Переселенческого управления» (надо полагать, что это плата за перевозку многочисленных переселенцев, то есть, эксплуатационные **доходы** дороги. Тогда почему они также включены в стоимость её сооружения?). Такие оговорки автора ставят под сомнение его методику подсчёта и, как следствие, точность итоговой суммы. Сама же проблема требует отдельного тщательного исследования.

⁶⁶ Даже в 1912 г. руководство дороги совершенно не занималось исследованием Сибири в коммерческом отношении (Доклад об эксплуатационных расходах Сибирской железной дороги... С.182).

дорога. Тогда размах сановника был скромнен: С.Ю. Витте надеялся привлечь на магистраль чайные грузы, перевозку шёлка, а также почту. Ещё он высказал туманные пожелания о развитии торговли с Маньчжурией. И всё, никакого всемирного значения за строящейся трассой пока не усматривалось⁶⁷.

Сибирская магистраль не располагала техническими возможностями, чтобы сыграть роль важного транзитного пути. Предел пропускной способности дороги в 7 пар поездов в сутки был в 1,5–2 раза меньше, чем на трассах в Европейской части России, это создавало массу проблем⁶⁸. Уже в конце 1890-х гг. Сибирская дорога просто задохнулась от хлебных грузов. Зимой 1897–1898 гг. на дороге скопилось зерна для 7000 вагонов (около 5 млн. пудов). Его ежедневная отправка на дороге достигала 100–120 вагонов, а пропустить через Челябинск можно было только 50, в результате хлеб ждал по 3–4 месяца и частично вывозился на подводах. Кроме того, она располагала всего 700 крытыми вагонами, а хранилища для зерна отсутствовали вообще⁶⁹. Для срочной модернизации ещё строящейся дороги чтобы своевременно перевозить урожай Николай II утвердил 11 февраля 1899 г. субсидию в 84,8 млн. руб.⁷⁰ Большими проблемами сопровождалась и организация перевозки грузов. Вскрытие вагонов в пути, хищения на станциях, мошенничество с документами и т.п., всё это вызвало огромное количество претензий к дороге, исчислявшееся тысячами и непрерывно возраставшее: 1905 г. – 4,5 тыс., 1907 г. – 10,5 тыс., 1909 г. – 21,5 тыс.⁷¹ Дошло до того, что ежедневно в суды поступало 350–400 дел, из которых 150–170 разрешалось и, как правило, не в пользу дороги. Ежегодно администрация выплачивала по искам от нескольких сот тыс. до 1 млн. руб., причем их суммы в среднем росли⁷².

Надежды на то, что Сибирская железная дорога быстро получит прибыль благодаря обильному потоку грузов, не подкреплялись соответствующими расчётами, а те, что были проведены, свидетельствовали о её ограниченном значении как транзитного пути⁷³. Поэтому в официальных изданиях Минис-

⁶⁷ Борзунов В.Ф. Указ. соч. С.39–41.

⁶⁸ Мясоедов-Иванов В.А. Указ. соч.

⁶⁹ Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С.22.

⁷⁰ Там же. С.24.

⁷¹ Претензии к Сибирской железной дороге 1900–1910 гг. // РГИА. Ф.441. Оп.1. Д.21. Л.158 об. – 159.

⁷² Справка о судебных делах по претензиям к Сибирской железной дороге за 1901–1910 гг. // Там же. Л.156 об. – 157; материалы о мошенничестве и других происшествиях на Сибирской железной дороге // Там же. Д.29.

⁷³ Первые же попытки Министерства иностранных дел в начале 1890-х гг. собрать подробные сведения о состоянии местных рынков разочаровали: русские консулы свидетельствовали о «более чем скромном» значении Сибирской дороги из-за того, что водный путь в Китай для транспортировки грузов оказывался значительно дешевле

терства финансов основные надежды связывались на первых порах с экономическим развитием Сибири, со стимулированием массового переселения крестьян из Европейской части России за Урал⁷⁴. В своем всеподданнейшем докладе «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении Совещания для обсуждения сего дела» 6 ноября 1892 г. С.Ю. Витте пришлось предупредить царя, что от магистрали не следует ждать быстрой окупаемости⁷⁵. Александр III вполне согласился с таким подходом. Но с самого начала сооружения магистрали определённые надежды связывались с оживлением русско-китайской торговли. В российском правительстве надеялись, что дорога сможет содействовать экспорту российского хлеба в Китай, «особливо если бы оказалось возможным проложить соединительную рельсовую ветвь в пределы Китайской империи»⁷⁶. Пока же речь шла о трассе исключительно по российской территории, рассматривались варианты развития коммерческого судоходства по рекам Амуру и Сунгари для проникновения вглубь Маньчжурии⁷⁷. Министерство финансов присматривалось к маньчжурской торговле, особенно – к ярмаркам, полагая, что в ближайшем будущем Россия сможет господствовать на них⁷⁸.

Официальная статистика отмечала постоянный рост провоза пассажиров и грузов по Сибирской дороге: за 1897–1902 гг. число пассажиров увеличилось в 4 раза (с 350 тыс. до 1 335 тыс. человек в год), путь от Санкт-Петербурга до Порт-Артура в скором поезде занимал всего 20 дней и стоил 372 руб. (на пароходе – 6 недель и 479 руб.), а нормализация железнодорожных стандартов обещала сократить его до 10 дней⁷⁹. Ежегодное увеличение объёма пе-

---

(Пак Б.Б. Вопрос о направлении восточной ветви Сибирской железной дороги во внешней политике России в конце XIX – начале XX вв. // Россия и политика держав в странах Востока. Иркутск, 1991. С.81–82; Борзунов В.Ф. Указ. соч. С.34–35).

⁷⁴ Сибирь и трансибирский железный путь. СПб., 1891 и др. См. также: Витте С.Ю. О вспомогательных предприятиях, с постройкой Сибирской железной дороги связанных. 1 февраля 1893 г. №277 // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.230–241.

⁷⁵ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.159.

⁷⁶ Справка о торговых сношениях России с Китаем (составлена канцелярией Комитета министров), б/д. [1893 г.] // РГИА. Ф.1273. Оп.1. Д.264. Л.29, 39 об.

⁷⁷ Доклад №4 Совещания по торговле с азиатскими государствами. Ноябрь 1893 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.537. Л.28–37. Вопросы, обсуждавшиеся на совещании, ставил лично министр финансов.

⁷⁸ Отчёт о путешествии в 1894 году по Маньчжурии члена Приамурского отдела ИРГО [И.И.] Стрельбицкого // Записки Приамурского отдела ИРГО. Т.1. Вып. IV. Хабаровск, 1896. С.235.

⁷⁹ Саблер С.В., Сосновский И.В. Указ. соч. С.99–100.

ревозок доходило до 50%. Но общие цифры скрывали множество проблем. Желających доехать до Владивостока было немного, большинство пассажиров составляли переселенцы и рабочие. Кроме того, несмотря на быстрый рост перевозок, Сибирская дорога в 25–30 раз отставала от Европейской России по объёмам транспортировки грузов. Ситуация смягчалась благодаря значительному прогону (в среднем, в 4–5 раз длинее, чем в Европейской России). Но оборот товара на одну версту Сибирской дороги был всё-таки в 3,7 раза меньше, чем в Европейской России: в 1909 г. – 9 300 руб. против 34 700 руб.⁸⁰ Сибирская дорога как транзитная магистраль оказалась для страны маловостребованной. Она служила в основном для доставки грузов в местных пределах и для казённых перевозок (переселенцы, военные грузы, собственные нужды и т.п.), а также для небольшого числа пассажиров, следовавших в Восточную Сибирь и на Дальний Восток.

1.6. Строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и её экономическая роль

Китайская Восточная железная дорога имеет сложную дипломатическую историю⁸¹. Родоначальником идеи КВЖД является уже упоминавшийся вице-адмирал Н.В. Копытов. Уже в 1885 г. он при разработке своего проекта Сибирской дороги, стремясь уменьшить её стоимость, предложил провести часть магистрали по территории Маньчжурии через Хайлар, Цицикар, Гирин, Нингуту (1000 вёрст). Это по расчётам Н.В. Копытова позволяло сократить протяженность Транссибирской железной дороги на 2000 вёрст и расходы – на 100 млн. руб.⁸² Проект вице-адмирала в целом и в части железной дороги по территории Китая после обсуждения в ряде официальных инстанций принят всё-таки не был, но он оказал значительное влияние на последующую разработку трассы Сибирской магистрали. Позднее С.Ю. Витте признавал, что был хорошо знаком с планами Н.В. Копытова⁸³. Но для их реализации требовалось договориться с китайским правительством. Несмотря на то, что Н.В. Копытов и его единомышленники (бывший в конце 1880-х гг. посланником в Пекине А.М. Кумани, вице-адмирал Н.И. Казнаков, Н.К. Имеретинский, крупный и влиятельный тяньцзинский купец А.Д. Старцев, им сочувствовал директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев) искали такие возможности и

⁸⁰ Фёдоров М.П. Экономическое положение Сибирской магистрали. СПб., 1912. С.15, 25–26.

⁸¹ Подробнее об этом см. главу 4 «Русско-китайский союзный договор 1896 г.»

⁸² Н.К. Петербург–Владивосток. Всероссийская великая восточная железная дорога. М., 1886. Эта записка Н.В. Копытова напечатана в виде отдельного оттиска М.Н. Катковым.

⁸³ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.30.

даже установили неофициальный контакт с чилийским генерал-губернатором Ли Хунчжаном ещё в 1891 г., это не привело к результату⁸⁴. Такой же итог имела более ранняя записка В.О. Герценштейна, составленная в 1886 г. по просьбе китайского посланника в Петербурге маркиза Цзена Цицизе, о развитии железных дорог в Китае, в том числе – в Маньчжурии, с использованием услуг русских инженеров. Несмотря на хлопоты Цзена Цицизе в Пекине, он получил отказ: там признали его план преждевременным и небезопасным⁸⁵. Вероятно, тогда взаимопонимание двух стран в подобном вопросе было труднодостижимо, если вообще возможно, так как Китай предпочитал не выдавать столь масштабные концессии иностранным державам, особенно в сфере железнодорожного строительства.

Показательно, что министр финансов впервые поставил вопрос о строительстве железной дороги в Китай во всеподданнейшем докладе «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении Совещания для обсуждения сего дела» 6 ноября 1892 г.⁸⁶ Конкретного плана такой трассы он ещё не имел, но по сохранившейся в бумагах Министерства финансов схемы русской железной дороги от Верхнеудинска через Кяхту – Ургу до Пекина протяжённостью в 1669,5 вёрст, относящейся к концу 1892 г., можно предположить, в каком направлении шла её разработка⁸⁷. Но туманные перспективы по-видимому не воодушевили Александра III, император был категорически против строительства части стратегической железной дороги по чужой территории⁸⁸. Монарх оказался не одинок в своих сомнениях. Бывший министр путей сообщения К.Н. Посьет опасался, что с помощью железной дороги, проведённой по территории Маньчжурии, китайцы проникнут в Сибирь и захватят там всю торговлю. Соображения К.Н. Посьета разделял приамур-

---

⁸⁴ А.М. Кумани – Н.В. Копытову 12 марта 1891 г. // РГА ВМФ. Ф.12. Оп.2. Д.26. Л.118 об.

⁸⁵ Выступление В.О. Герценштейна в дискуссии по поводу сообщения Н.В. Копытова «О наивыгоднейшем направлении магистрали и непрерывности Всероссийской великой восточной железной дороги», сделанном 18 декабря 1887 г. в Императорском Русском техническом обществе // Железнодорожное дело. 1888. №2–4. С.28.

⁸⁶ Тогда в числе причин строительства дороги упоминалась и необходимость развивать торговлю с Китаем. Министр финансов начал кампанию по сбору сведений о торговле на Дальнем Востоке среди российских дипломатов там. Финансовое ведомство также приступило к подготовке целой серии трудов об экономике восточной окраины: «Китайские порты, имеющее значение для русской торговли на Дальнем Востоке», «Описание Амурской области», «Описание Маньчжурии», «Описание Кореи», «Охотско-Камчатский край» (черновые варианты очерка истории Сибирской железной дороги, составленные М.Г. Зельмановым по поручению С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.321–323).

⁸⁷ Там же. Оп.27. Д.6. Л.175.

⁸⁸ Путилов А.С. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д.217. Л.63.

ский генерал-губернатор С.М. Духовской, а также А.Н. Куломзин, управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги⁸⁹. Поэтому в упоминавшемся выше всеподданнейшем докладе 6 ноября 1892 г. С.Ю. Витте предлагал строить Сибирскую дорогу через Хабаровск до Владивостока⁹⁰. Александр III вполне согласился с таким подходом. Но колебания в российском руководстве сохранялись. В Комитете Сибирской железной дороги обсуждался, в частности, вариант колёсной дороги из Томской губернии в Китай⁹¹. Соображения «за» и «против» изложил А.Н. Куломзин: «Месяца два тому назад я колебался, думал о дороге по китайской территории от Кяхты в Пекин. В торговом отношении это, пожалуй, было бы вернее, но не в политическом. Одно из двух: или нам сохранить Сибирь, влияние на Востоке, влияние на Китай – тогда нам нужна сплошная дорога по Сибири в наших пределах. В будущем столетии наступит окончательная борьба европейских народов за преобладание в мире восточном. И тут нам нужна своя дорога, что бы она нам не стоила»⁹².

Однако министр финансов не оставил своих намерений строить дорогу в Китай. Вскоре в этом деле у него появился неожиданный союзник – известный в столице врач «тибетской медицины» П.А. Бадмаев.

1.7. КВЖД и бадмаевские прожекты

П.А. Бадмаев с помощью С.Ю. Витте представил Александру III записку, датированную 13 февраля 1893 г. Она интересна не столько рассуждениями самого автора, сколько тем, что в ней отразились планы министра финансов. Суть документа состояла в предложении соорудить от строящейся Сибирской железной дороги ветку в Китай до города Ланчжоу (центр провинции Ганьсу), находившегося на расстоянии 1500 вёрст от русской границы. Чтобы укрепить интерес к Ланчжоу, П.А. Бадмаев объявил его единственным местом, имеющим «серьёзное торговое, политическое и стратегическое значение во всём мире», так как город находился рядом с центрами производства чая и шёлка. «Доктор тибетской медицины» полагал, что после успешного свержения цинской династии «вся торговля Китая попадёт в наши руки», в Россию потекут «вековые миллиарды золота и серебра», скопившиеся в Китае за двадцать веков⁹³.

⁸⁹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.202. Л.95–96.

⁹⁰ РГИА. Ф.694. Оп.2. Д.136.

⁹¹ А.Н. Куломзин – А.А. Куломзину 15 ноября 1893 г. // ОПИ ГИМ. Ф.42. Оп.1. №3. Л.86.

⁹² А.Н. Куломзин – А.А. Куломзину 6 декабря 1893 г. // Там же. Л.102 об. – 103.

⁹³ Ср. со свидетельством приказчика одной из торговых фирм: «В видах слабого сбыта наших товаров в городе Лан-чжоу-фу, где мы прожили уже более года, а также за неимением в этом городе подходящих китайских товаров для вывоза в Россию, я решил съездить с образцами товаров в город Си-ань-фу и Хань-чжун-фу» (Васенев А. Дневник, ведённый

Однако контроль над китайской торговлей оказался лишь частью замыслов П.А. Бадмаева. Его главной целью было «привлечь (т.е. присоединить – И.Л.) на сторону России монголо-тибето-китайский Восток»⁹⁴. «Доктор тибетской медицины», зная негативное отношение на окраинах Китайской империи к правящей в Пекине династии Цинов, планировал организовать восстание против императора, после чего давние симпатии на Востоке к «белому царю» привели бы, по его мнению, неханьские народы под скипетр Романовых⁹⁵. Для реализации своего замысла «совершенно частным образом, не вовлекая правительство в неприятности»⁹⁶, П.А. Бадмаеву требовалось «иметь сношения с восточными пунктами и лицами». Они «будут развозить мануфактурные и галантерейные товары, железные изделия, огнестрельные оружия с их принадлежностями, сушёные грибы и скупать всё, что производят Монголия и Тибет полезного для Забайкалья»⁹⁷.

Записка П.А. Бадмаева, как видно из её содержания, явно распадается на две части: проект отторжения значительной части территории Китайской империи с использованием народно-освободительного движения, который, несомненно, был детищем самого П.А. Бадмаева, и попытка привязать эту фантастическую программу к идее железнодорожного строительства с последующими планами масштабного развития торговли и сбыта продукции русской промышленности и т.п., за чем явно просматриваются идеи С.Ю. Витте. Можно сказать, что до определённой степени записка П.А. Бадмаева стала вариантом, в котором смутные соображения С.Ю. Витте об экономическом значении Сибирской дороги,

---

на пути от Лан-чжоу-фу до Си-ань-фу и Хань-чжоу-фу и обратно (28-го июля – 4 октября 1888 г.) // Труды русских торговых людей в Монголии и Китае (Записки Восточно-Сибирского отдела ИРГО по общей географии. Т.1. Вып.1). Иркутск, 1890. С.1).

⁹⁴ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.51, 52, 68, 69, 73 и др.

⁹⁵ Заявления П.А. Бадмаева о повсеместных симпатиях к России на Востоке не соответствовали действительности. Так, русские экспедиции в Центральной Азии постоянно сталкивались с недружественным, а иногда и враждебным отношением к себе местного населения, неоднократно подвергались нападениям (Вести из экспедиции Роборовского // Известия Императорского Русского Географического общества. 1895. Вып.3. С.371; Тибетская экспедиция 1899–1901 гг. П.К. Козлова // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1902. Т.4. Вып.2. С.66–68 и др.). Не более были расположены к России и власти. Известный шведский путешественник Свен Гедин ознакомился в Тибете с распоряжением, предписывавшем населению препятствовать проникновению в запретную страну европейцев и русских, что было оговорено особо. Население Тибета, по утверждению путешественника, вообще ничего не знало о России (Гедин С. Приключения в Тибете. Берлин, [1923]. С.124, 163).

⁹⁶ За кулисами... С.75.

⁹⁷ Там же. С.69.

высказанные им в 1892 г., нашли более конкретное воплощение⁹⁸. Поэтому не удивительно, что министр финансов дал высокую оценку сочинению «доктора тибетской медицины» («весьма серьезные взгляды»), особенно С.Ю. Витте понравились его рассуждения о возможной опасности для Сибирской железной дороги со стороны европейцев (всяческие козни, вплоть до захвата слабо охраняемых её участков и Приморья китайскими руками), которым следовало эффективно противостоять. Свои благоприятные соображения вместе с запиской П.А. Бадмаева С.Ю. Витте представил Александру III 5 марта 1893 г.⁹⁹ Царь, восхитившись грандиозностью замысла, не дал немедленного согласия на строительство железной дороги в пределах Китая, но идея экспансии России в Китае явно пришлась самодержцу по душе.

Однако предложение строить русскую железную дорогу в Китае противоречило взглядам Александра III, решившего прокладывать Сибирскую магистраль только по русской территории. Возможно, что бадмаевская записка поколебала твердость самодержца. Интересно, что П.А. Бадмаев в сопроводительном письме С.Ю. Витте несколько иначе расставил акценты, подчеркнув угрозу со стороны Китая русскому Дальнему Востоку и строящейся Сибирской дороге¹⁰⁰. Подобные опасения были весьма распространены в те годы в России. Это, по-видимому, показалось С.Ю. Витте убедительным, он и сам написал Александру III о недопустимости желанного для Запада русско-китайского конфликта. Министру финансов было также близко стремление П.А. Бадмаева искать интересы России, в том числе – экономические, на Востоке. Тогда С.Ю. Витте был уверен, что Россия – «мир особенный», ближе к Востоку, чем к Западу¹⁰¹. По мнению сановника, «история распространения нашего влияния в азиатских странах доказывает, что усилия частных людей, ни в чём не связывающие и даже не затрудняющие правительство, равно ни в чём не обязывающие, тем не менее, нередко весьма ценно готовят государству благоприятную почву для соответствующих действий сообразно с обстоятельствами»¹⁰². Давая «добро» П.А. Бадмаеву на осуществление его замыслов, С.Ю. Витте, по-видимому, надеялся на создание аналога английским «хартерным компаниям» (Chartered Companies), которые, будучи частными обществами, пользовались льготами и поддержкой имперской власти. Но П.А. Бадмаев имел в виду совсем другое: он хотел, чтобы его деятельность была оплачена из русской казны. Более того, предприниматель требовал, чтобы торговый дом находился «под исключительным покровитель-

⁹⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.61–64.

⁹⁹ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.3–9.

¹⁰⁰ За кулисами... С.75–76.

¹⁰¹ Там же. С.79.

¹⁰² Там же. С.81.

ством представителей государства и властей окраины, которые, не требуя подробных объяснений по существу дела, должны сочувствовать и всегда содействовать» ему!¹⁰³ Поэтому, говоря о поддержке бадмаевских планов со стороны министра финансов, надо иметь в виду, что она была временной и частичной, носила конъюнктурный характер. С.Ю. Витте стремился использовать усилия «доктора тибетской медицины» для осуществления собственной программы государственной экспансии России на Дальнем Востоке. Исполнять все просьбы П.А. Бадмаева и тем более передавать в его руки инициативу на Дальнем Востоке министр финансов не намеревался. Это отношение С.Ю. Витте проявилось уже летом 1893 г., когда он начал тормозить выдачу П.А. Бадмаеву ссуды в 2 млн. руб., обещанной монархом. Сановник намекал, что это бессмысленная трата средств, что проситель не имеет разработанного плана, поэтому перспективы возврата денег сомнительны, апеллируя, по-видимому, к скупости монарха¹⁰⁴.

П.А. Бадмаев пожаловался на С.Ю. Витте Александру III и тот повелел средства выдать. Но контроль за деятельностью просителя был возложен на министра финансов. С.Ю. Витте воспользовался этим и несколько подпортил успех «доктора тибетской медицины», разбив ссуду на четыре части (по 500 тыс. руб.) и обусловив каждую выдачу согласием императора¹⁰⁵. Получив первые деньги, предприимчивый аферист 11 ноября 1893 г. основал в Петербурге «Торговый дом Бадмаев и К^о» и отправился в Забайкалье. 3 февраля 1894 г. он прибыл в Читу и приобрёл там гостиницу, начал скупать дома, лавки и участки земли в Забайкалье, основал газету «Жизнь в Восточной окраине», выходящую на русском и бурятском языках в 1895–1897 гг. Коммерческая деятельность являлась не главным занятием фирмы П.А. Бадмаева. Так, служебная инструкция для работников его торгового дома больше напоминала пособие для разведчиков¹⁰⁶. От служащих требовалось не только вести пропаганду среди населения, но и заниматься сбором сведений о быте, занятиях людей, о ценах на товары, об отношении к России и т.п.

Организационные хлопоты заняли большое время. Между тем 20 октября 1894 г. умер Александр III, и П.А. Бадмаеву предстояло убедить нового царя в необходимости и важности своих планов. В общем Николай II имел представление о дальневосточной политике своего отца. Еще осенью 1893 г. С.Ю. Витте по поручению Александра III должен был ознакомить наследника престола с бадмаевским предприятием¹⁰⁷. Но будет ли молодой царь сторон-

¹⁰³ Записка П.А. Бадмаева 23 марта 1895 г. // РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.116. Л.30 об.

¹⁰⁴ За кулисами... С.85–86.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.73.

¹⁰⁶ Там же. Л.78–82.

¹⁰⁷ Там же. Д.585. Л.70.

ником прежних планов – это оставалось вопросом. Нужна была поддержка, и П.А. Бадмаев нашёл себе заступника в лице Э.Э. Ухтомского. Князь, известный горячим интересом к Востоку, сблизился с Николаем, тогда ещё наследником престола, сопровождая его в путешествии по странам Азии. Э.Э. Ухтомский был одним из тех, кому молодой император доверял и к чьему мнению прислушивался. В сохранившихся за 1894–1895 гг. письмах Э.Э. Ухтомского Николаю II много места отведено деятельности П.А. Бадмаева. Князь не только сам уверовал, но и стремился убедить самодержца в том, что «наше будущее – в монголо-тибето-китайском районе» и всячески поддерживал планы «доктора тибетской медицины»¹⁰⁸.

Однако дружба П.А. Бадмаева с Э.Э. Ухтомским продолжалась недолго. Уже в 1896 г. князь принял сторону С.Ю. Витте, «разглядев» в П.А. Бадмаеве афериста¹⁰⁹. «Прозрение» Э.Э. Ухтомского по-видимому произошло не без участия С.Ю. Витте: получив в 1895 г. в своё распоряжение газету «Санкт-Петербургские ведомости» для пропаганды перспектив России на Востоке, он неизбежно должен был искать общий язык с министром финансов как главным архитектором этой политики. Посредником в их сближении был, по-видимому, князь В.П. Мещерский¹¹⁰. Обиженный П.А. Бадмаев в ответ составил настоящий донос на Э.Э. Ухтомского, написав Николаю II в декабре 1896 г., что он труслив, излишне привержен сплетням, склонен к заискиванию и вообще не понимал политику Александра III¹¹¹. Однако донос на князя успеха не имел: император сохранил своё расположение к Э.Э. Ухтомскому и даже открыто солидаризировался с его взглядами¹¹². В общем, всё это свидетельствовало о том, что в новое царствование П.А. Бадмаеву не удалось найти себе надёжную поддержку в верхах и ему оставалось уповать в основном на личное расположение Николая II. До определённой степени он преуспел: самодержец как минимум дважды в начале 1895 г. (24 февраля и 26 марта) принимал П.А. Бадмаева и улыбался от него «много занимательного и увлекательного» для себя¹¹³.

Возможно, вследствие изменившихся обстоятельств П.А. Бадмаев стал осторожнее, прекратил напоминать о себе фантастическими прожектами.

¹⁰⁸ Э.Э. Ухтомский – Николаю II 22 марта 1895 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1370. Л.11.

¹⁰⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.438–439.

¹¹⁰ К.П. Победоносцев 6 января 1896 г. предупреждал Николая II: «По всем признакам князь Ухтомский принимает советы и инсинуации от Мещерского» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т.2. М., 1926. С.312). Связь Э.Э. Ухтомского с сотрудниками «Гражданина» отмечал также А.А. Киреев (дневник А.А. Киреева. Запись 20 января 1896 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.13. Л.45).

¹¹¹ За кулисами... С.103.

¹¹² Дневник А.А. Киреева. Запись 3 мая 1897 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.13. Л.116 об.

¹¹³ Дневники императора Николая II. М., 1991. С.66, 71.

Так, в записке, посвящённой японо-китайской войне 1894–1895 гг., П.А. Бадмаев подчеркнул недопустимость для России немедленных территориальных приобретений в Китае и необходимость заставить Японию отказаться от аннексии китайских земель, что полностью соответствовало официальной позиции Петербурга по отношению к конфликту¹¹⁴. В конце 1894 г. он уже рассуждал только о возможности присоединения Монголии и, «быть может», Маньчжурии к России, а также о том, что после Читы Сибирская железная дорога «вероятно, должна пройти через теперешние китайские владения»¹¹⁵. Это очень походило на идеи, циркулировавшие в начале 1895 г. в Министерстве финансов: вести Сибирскую магистраль из Забайкалья до Владивостока по китайской территории. Однако П.А. Бадмаев настаивал на своих планах, предлагая сооружать железную дорогу по направлению к Ляодунскому полуострову. В начале 1896 г. он представил Николаю II целую серию записок разных авторов, направленных против проекта КВЖД¹¹⁶. Похоже, что П.А. Бадмаев, окрылённый поддержкой царя, вступил в соперничество с министром финансов за влияние на определение русской политики на Дальнем Востоке.

Считая, по-видимому, что в Петербурге его позиции прочны, П.А. Бадмаев в начале 1896 г. снова отправился в Китай. Он записал в агенты своего торгового дома многих видных людей: тьяньцзинского купца А.Д. Старцева, Н.И. Гомбоева в Пекине, сына русского консула в Урге Я.П. Шишмарёва, доверенное лицо тибетского далай-ламы А. Доржиева¹¹⁷. Эмиссары бадмаев-

¹¹⁴ За кулисами... С.83–92.

¹¹⁵ Выписки из доклада помощника начальника Управления по сооружению Сибирской железной дороги. б/д. (входящий штамп – 31 декабря 1894 г.) // РГИА. Ф.265. Оп.2. Д.622. Л.358.

¹¹⁶ За кулисами... С.101.

¹¹⁷ Бурят Агван Доржиев (1853–1938) в 18 лет отправился из Забайкалья в Тибет для получения духовного образования. Позднее он успешно сдал экзамен на учёную степень и вошел в число лам, состоявших при далай-ламе. С конца 1880-х гг. А. Доржиев выступал за сближение Тибета с Россией как необходимое условие достижения государственной независимости. Во второй половине 1890-х гг. он выполнял дипломатические поручения тибетских правителей в России, пытался убедить российское правительство оказать поддержку Тибету в его стремлении к независимости. А. Доржиев опекал представителя П.А. Бадмаева бурята О. Жигмитова, когда тот нелегально прибыл в Лхасу. Конечно, он не был агентом П.А. Бадмаева, но поддерживал с ним контакты. Однако дипломатические визиты А. Доржиева в Россию и его встречи с Николаем II так и не привели к какому-либо важному для далай-ламы результату (Записка А. Доржиева. Декабрь 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.64. Л.11–15). Об А. Доржиеве существует немалая литература: Б-н Л. [Берлин Л.] Хамбо Агван Доржиев // Новый Восток. 1923. №3. С.139–156; Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006; Заятуев Г.Н. Цанид-хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1991; Snelling J. Buddhism in Russia: the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Rockport, Mass. 1993 и др.

ского предприятия были посланы даже в Шанхай и Ханькоу (Южный Китай) для борьбы с английским влиянием. Главной своей целью на тот момент П.А. Бадмаев объявил создание караванного верблюжьего пути от Ляодунского полуострова через Маньчжурию и Монголию до Читы, намереваясь таким образом конкурировать (!) с Сибирской железной дорогой¹¹⁸. В Министерстве финансов внимательно следили за деятельностью «доктора тибетской медицины» на Дальнем Востоке, не оказывая поддержки, но и не препятствуя ему.

Активность П.А. Бадмаева в Китае требовала больших средств. В марте 1896 г. хозяин торгового дома сообщил товарищу министра финансов П.М. Романову, что у него кончились деньги, так как с согласия С.Ю. Витте он расширил своё предприятие, а министр финансов обещал ему к лету 1 млн. рублей. Пока же он заявил, что вынужден приостановить отправку своих агентов в различные районы Китая¹¹⁹. В октябре 1896 г. П.А. Бадмаев засобиравшись в Петербург. Надо было просить ещё денег, поэтому 17 ноября 1896 г. он разослал очередную записку, в которой повторил излюбленный тезис о фиктивности власти богдыхана и необходимости борьбы за овладение Китаем. П.А. Бадмаев жаловался на местные власти: он-де действует в интересах России, а ему не помогают. Видимо, и этим в том числе «доктор тибетской медицины» стремился объяснить ограниченность своих достижений. А они выглядели весьма скромно: П.А. Бадмаев сообщил, что хутухте Ажа-гыгёну, якобы имевшему 30-тысячное войско и собиравшемуся воевать с мусульманами (!), требовалось русское оружие. Он также обещал установить контакты с далай-ламой через уже упоминавшегося А. Доржиева¹²⁰. 16 декабря 1896 г. «доктор тибетской медицины» обратился с письмом к Николаю II¹²¹. Угождать С.Ю. Витте уже не требовалось, и в этом письме П.А. Бадмаев впервые развел вопросы торгово-политического влияния России и присоединения «монголо-тибето-китайского Востока», чем открыто продемонстрировал отсутствие тесной связи этих программ. Но письмо было написано не для этого: помимо частных вопросов, П.А. Бадмаев просил новых денег. На развитие торговли ему требовалось ещё 2 млн. рублей, а на присоединение Востока к России – «много больше» (по словам Э.Э. Ухтомского – 20 млн. руб.). П.А. Бадмаев врал, что только в Пекине он имеет товаров на 500 тыс. руб.

¹¹⁸ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 12 декабря 1895 г. и 22 апреля 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.105. Л.41–41 об., 142–142 об.

¹¹⁹ П.А. Бадмаев – П.М. Романову из Пекина 21 марта 1896 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.530. Л.3.

¹²⁰ РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.116. Л.36–45.

¹²¹ За кулисами... С.108–110. В публикации документ назван запиской без даты. Подлинник же помечен 16 декабря 1896 г. (РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.207. Л.1–2).

что оборот его дома в столице Китая – 1 млн. руб. Знающий положение дел П.А. Бадмаева Э.Э. Ухтомский говорил, что всё имущество его торгового дома можно оценить в 130 тыс. руб.¹²²

Николай II по-видимому воспринимал П.А. Бадмаева и его прожекты как часть замыслов своего родителя, к чьей памяти он относился весьма трепетно. Кроме того, последний российский самодержец и сам оказался склонен к различным авантюрам на Востоке. Не удивительно, что он благосклонно отнёсся к просьбе, и 19 декабря 1896 г. П.А. Бадмаев уведомил С.Ю. Витте о решении царя выдать ему 2 млн. рублей, а затем и ещё по мере надобности¹²³. Для министра финансов дело стало приобретать серьёзный оборот: при такой финансовой поддержке П.А. Бадмаев мог существенно помешать его планам. Получалось, что Николай II, обещав аферисту деньги, ставил под сомнение программу С.Ю. Витте. Реакция министра финансов оказалась резкой: он заявил, что «у него нет денег, и если государь император соизволит повелеть ему выдать эти два миллиона, то он будет просить Ваше величество указать источник, откуда он, министр, мог бы выдать эту сумму»¹²⁴. Это, по-видимому, произвело впечатление.

В завершение этого периода своей деятельности П.А. Бадмаев 15 января 1897 г. представил Николаю II доклад о своей поездке в Китай и Монголию¹²⁵. Ему грезилось, что он стал центром жизни Дальнего Востока: якобы появление «доктора тибетской медицины» возбудило «весь буддистский мир», к нему в Читу «стали съезжаться буряты, монголы и главным образом ламы», сам он рассылал в разные концы Китая агентов. Для утверждения своего престижа П.А. Бадмаев купил в Пекине два дома на Посольской улице – в одном из самых дорогих мест китайской столицы¹²⁶.

Однако в действительности всё было гораздо хуже. Бесплезность деятельности П.А. Бадмаева быстро стала очевидной. Так, русский дипломат в Урге В.Ф. Люба сообщал приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому, что служащие торгового дома занимались в основном распространением

---

¹²² Выписка из частного письма А.И. Павлова 2 июня 1897 г., сделанная для Николая II // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.106. Л.120 об., 122.

¹²³ За кулисами... С.101.

¹²⁴ Там же. С.101–102.

¹²⁵ Там же. С.104–108.

¹²⁶ Корсаков В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине, май – август 1900 г. СПб., 1904. С.226, 228. После краха предприятия эти дома предполагало приобрести правление КВЖД, но П.А. Бадмаев вместо 55 тыс. лан, которые он, по слухам, намеревался выручить за эти здания, заломил цену в 200 тыс. лан, и сделка не состоялась (РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1097). «Доктор тибетской медицины» продал их в январе 1916 г. некоему британскому подданному С.Б. Талати за 161,3 тыс. руб. (ЦГИА СПб. Ф.2300. Оп.1. Д.11. Л.5–7).

слухов о родстве П.А. Бадмаева с «белым царем». «На службу дому, – отмечал В.Ф. Люба, – набраны были лица, совершенно не знакомые с условиями торговли в Монголии и не имевшие даже желаний ознакомиться с местными обычаями, порядками и пр[очее] или же выгнанные со службы за взяточничество и др[угие] прегрешения чиновники и запасные офицеры, ни с которой стороны не подготовленные к предстоявшему им роду деятельности»¹²⁷. Аналогичного мнения о торговом доме П.А. Бадмаева придерживался духовный глава бурят хамбо-лама Ч.И. Иролтуев. В 1898 г. ему был совершенно ясен коммерческий крах бадмаевского предприятия¹²⁸. Впрочем, торговля в деятельности этой фирмы была явно не на первом месте, её размер был незначителен. Так, для операций в Монголии в 1896 г. торговый дом закупил мануфактуры всего на 18 226 руб. 07 коп., посуды – на 602 руб. 45 коп., железа – на 2 696 руб.¹²⁹

Когда неудачу торгового дома уже невозможно было скрывать, П.А. Бадмаев составил проект нового акционерного общества торговли, промышленности и перевозки грузов на Дальнем Востоке¹³⁰. Это общество должно было прийти на смену неудавшемуся предприятию для осуществления всё тех же целей: «захватить в Монголии, Маньчжурии и Северном Китае в свои руки все главные отрасли торговли и промышленности»¹³¹, превратить огромную территорию в скотоводческое хозяйство. В проекте оговаривались значительные льготы обществу: обязанность (!) государства содействовать бадмаевскому предприятию, приравнивание его сотрудников к государственным служащим, право свободного доступа в Китай. Естественно, что Министерство финансов не утвердило такой устав.

На сей раз С.Ю. Витте постарался поставить бадмаевским прожекткам надёжный заслон. Вторую двухмиллионную ссуду, несмотря на благосклонность Николая II, П.А. Бадмаев так и не получил. В 1898 г. ему удалось выпросить пособие в 250 тыс. руб. под обещание оставить в покое политику и возратить уже потраченные два миллиона. Деньги были выданы ему 24 января 1898 г. из так называемого «лихунчжанского фонда», созданного для дачи взяток китайским сановникам¹³². Получив их, П.А. Бадмаев немедленно отправился в Пекин. Появившись там в феврале 1898 г. с многочисленной бу-

¹²⁷ РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.207. Л.3 об.

¹²⁸ Д.М. Позднеев – П.М. Романову 24 августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.135. Л.31–33.

¹²⁹ Приамурские ведомости. 1897. 6 июля. №184.

¹³⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.48.

¹³¹ Там же. Л.108–108 об.

¹³² П.А. Бадмаев – Николаю II 21 января 1898 г. и резолюция Николая II 23 января 1898 г. // Там же. Оп.2. Д.211. Л.1; Романов Б.А. Лихунчагский фонд // Борьба классов. 1924. №1–2. С.112, 124.

рятской свитой, он разглагольствовал, что подорвёт «эксплуатацию различных хищников в Сибири и таковых же хищников-китайцев – в Монголии», развернёт там русское производство и затаяет мёртвую петлю на влиянии англичан в Китае. Однако для решения этой задачи он всего лишь закупил на несколько тысяч рублей товаров, отправив их караваном в Читу¹³³. «Доктор тибетской медицины» ещё раз попытался вернуться к плану сооружения железной дороги до Ланчжоу в связи с начавшимися контактами с далай-ламой. На сей раз он натолкнулся на категорическое сопротивление военного министра А.Н. Куропаткина, заявившего Николаю II об опасности расширения России на Восток, несмотря на желание самодержца помочь тибетскому первосвященнику в обретении независимости¹³⁴.

Естественно, что выданные П.А. Бадмаеву 250 тыс. руб. быстро иссякли, после чего всякая активность торгового дома уже окончательно прекратилась. 28 февраля 1903 г. С.Ю. Витте доложил Николаю II, что Государственный банк имеет векселя П.А. Бадмаева на 2 млн. руб., по которым не поступило ещё ни одного платежа¹³⁵. 26 ноября 1903 г., когда настал срок погашения векселей, доктор тибетской медицины вновь ходатайствовал о финансовой помощи, но на сей раз царь повелел оставить прошение без последствий¹³⁶. П.А. Бадмаеву пришлось признать своё полное фиаско: он попросил учредить администрацию по делам торгового дома и передать его баланс Государственному банку¹³⁷.

Вскоре «доктор тибетской медицины» снова напомнил о себе: 1 января 1904 г. он обратился с письмом к министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу¹³⁸. К письму была приложена записка¹³⁹. На сей раз главным предметом его интереса стал Тибет. Вспомнил П.А. Бадмаев о Тибете не случайно: как раз в это время английский вооружённый отряд под командованием Ф. Янхазбенда двигался по направлению к Лхасе, и предприимчивый деятель решил вновь предложить свои услуги. В его представлении теперь уже Тибет, как ещё недавно город Ланчжоу, оказался центром мировой политики: «Кто будет господствовать над Тибетом – тот будет господствовать над <...> всем буддийским миром <...> и над всем Китаем»; «японский вопрос – нуль в сравнении с вопросом тибетским» и т.п. На сей раз резолюция Николая II была категоричной: «К сожалению, я больше не доверяю словам Бадмаева»¹⁴⁰.

¹³³ Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб., 1904. С.36–40.

¹³⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 7 апреля 1898 г. (копия) // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.19–19 об.

¹³⁵ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.116.

¹³⁶ Там же. Л.117.

¹³⁷ Там же. Л.120–121.

¹³⁸ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.581. Л.12.

¹³⁹ За кулисами... С.110.

¹⁴⁰ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.581. Л.51 об.

Последние попытки реанимировать свой торговый дом П.А. Бадмаев принял в 1905–1906 гг. Но фирма уже практически не существовала. В.Ф. Люба сообщал из Урги, что деятельность торгового дома в Монголии полностью прекратилась, о нём напоминали лишь два дома в Урге, «приходящих без ремонта в полный упадок, да несколько жалких станционных домишек бурятского типа и постройки между Кяхтой и Ургой, <...> крайне неудачная в течение двух лет гоньба русских почт между Кяхтой и Калганом, и, наконец, жалкая торговля с совершенно неподходящим выбором товаров и в неумелых руках – вот всё, к чему свелась в Монголии и на чём оборвался деятельность этого столь много нашумевшего в своё время предприятия»¹⁴¹.

1.8. Железнодорожные планы С.Ю. Витте

Дороги С.Ю. Витте и П.А. Бадмаева окончательно разошлись к концу 1895 г. Уже осенью 1895 г., когда появился слух о восстании мусульман в китайской провинции Ганьсу, министр финансов немедленно отреагировал на это всеподданнейшей запиской 3 октября 1895 г. В ней он заявил, что обстоятельства, необходимые для реализации бадмаевского плана, изменились (японо-китайская война), поэтому дальнейшая деятельность «доктора тибетской медицины» стала невозможной. По мнению министра финансов, требовалось «коренное изменение в постановке нашей дипломатии на Дальнем Востоке». С.Ю. Витте объявил себя сторонником исключительно мирного проникновения в Китай, в частности посредством «линии Сибирской железной дороги через Маньчжурию по направлению к Владивостоку»¹⁴². Он собирался действовать по собственному плану, значительно отличавшемуся от фантазий П.А. Бадмаева¹⁴³.

Программа проникновения в Китай была частью более широких геополитических мечтаний С.Ю. Витте, созревших у него не позже первой половины 1895 г. Центральная Азия, с точки зрения министра финансов, «должна быть нашей не в

¹⁴¹ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.581. Л.17–17 об.

¹⁴² ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.688.

¹⁴³ Совсем иную трактовку собственной политики С.Ю. Витте дал в воспоминаниях. Упомянув о своём знакомстве с П.А. Бадмаевым, которого он конечно же быстро раскусил как политического интригана и денежного афериста, министр финансов очень глухо и путанно изложил историю возникновения идеи КВЖД. Если следовать тексту его мемуаров, то получится, что проект возник едва ли не спонтанно во время подготовки коронации Николая II, то есть в начале 1896 г., для ускорения строительства Сибирской железной дороги и как ответ на прожекты П.А. Бадмаева, желавшего вести дорогу через Кяхту в Пекин с второстепенной веткой до Владивостока (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.438–446). У С.Ю. Витте было достаточно веских причин, чтобы избегать детального повествования, поэтому его версия об обстоятельствах подготовки русско-китайского соглашения оказалась далека от действительности.

смысле материального завоевания, а для того, чтобы заставить её служить нашим целям и нашим интересам»¹⁴⁴. При такой постановке вопроса железная дорога становилась не просто средством для развития торговли, а одним из важнейших орудий экономической экспансии России в Китай. Ещё в 1892 г., будучи министром путей сообщения, С.Ю. Витте уже задумывался о направлении Сибирской железной дороги за Байкалом¹⁴⁵. По свидетельству Э.Э. Ухтомского, С.Ю. Витте хотел «провести дорогу как можно скорее и короче для соединения Забайкалья с Уссурийским краем. Базируясь на ней, можно было постепенно расширять свою сферу воздействия на юг, окрашивать маньчжурскую окраину в наш цвет, по любому направлению спускать ветки к морю»¹⁴⁶. В литературе сделано даже предположение, что С.Ю. Витте намеревался окружить Китай с севера целой сетью железных дорог, идущих из русских владений в китайский Туркестан с ветками до Ханькоу, в долину Янцзы, в Кам и в Тибет. И всё это – на франко-бельгийские деньги¹⁴⁷.

«Окрашивание в наш цвет» Маньчжурии означало по сути аннексию Северного Китая. Позже С.Ю. Витте признавал: в 1896 г. с получением концессии на КВЖД «русское правительство не имело в виду присоединить эту страну в близком будущем к своим владениям. Целью проведения названной дороги признавались тогда, как доказывают относящиеся к делу документы, лишь спрямление Великого Сибирского пути и развитие наших торговых отношений с Срединной империей. Если при этом и был молчаливо решён вопрос о присоединении Маньчжурии к России, то во всяком случае лишь в принципе и в предположении, что это совершится не ранее как спустя 25–50 лет, когда сознание важности для экономической жизни проведённой дороги войдет в плоть и кровь местного населения, и в стране разовьётся и упрочится наше экономическое влияние. Наши же промышленные предприятия, Китайская Восточная ж[елезная] д[орога] и Русско-Китайский банк должны были содействовать именно достижению этой последней цели»¹⁴⁸. Пусть и с оговорками, но министр финансов согласился с тем, что конечной целью его деятельности, несмотря на все заверения о чисто мирном, экономическом её характере, являлись всё-таки территориальные приобретения России. Это заключение важно для дальнейшего понимания действий министра финансов на Дальнем Востоке и позиции его оппонентов¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Письмо А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Моренгейму 11 мая 1895 г., согласованное с С.Ю. Витте // Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С.176.

¹⁴⁵ Нилус Е.Х. Указ. соч. С.12.

¹⁴⁶ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 15 июля 1900 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.172. Л.2.

¹⁴⁷ Михайлов М.[Я.] Предисловие // Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. Харбин, 1932. С.XXXII–XXXIV.

¹⁴⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 28 декабря 1902 г. (копия) // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.46. Л.10 об. – 11.

¹⁴⁹ В частности, со своим планом действий России на Дальнем Востоке выступил при-

1.9. Проекты русской железной дороги в Китае в 1895 – первой половине 1896 гг.

К осени 1895 г. существовало уже минимум два проекта «спрямления» Сибирской железной дороги по территории Маньчжурии – «северный» и «южный». Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской, влиятельный русский купец из Тяньцзина А.Д. Старцев, директор Азиатского департамента МИД Д.А. Капнист и военный агент России в Китае К.И. Вогак при поддержке А.П. Кассини¹⁵⁰ выступили с защитой «северного» варианта Благовещенск–Цурухайтуй с последующей аннексией отрезаемой этой дорогой части Северной Маньчжурии, а также за сооружение от Сибирской магистрали ветки до одного из незамерзающих портов на Тихом океане¹⁵¹. От намерений С.Ю. Витте этот проект отличался прежде всего тем, что его сторонники претендовали на «отрезку» значительно меньшей части Маньчжурии, а также тем, что они торопились присоединить её к России. Эта инициатива требует к себе серьёзного внимания из-за специфики роли и положения русских чиновников, служивших на Дальнем Востоке. Помимо того, что это были незаурядные личности, они, как правило, скептически относились к политике Петербурга на Востоке, сомневаясь в квалификации столичных чиновников.

амурский генерал-губернатор С.М. Духовской. В записке о российском пароходстве в Тихом океане, датируемой, по-видимому, 1894 г., он, предрекая грандиозное экономическое значение Сибирской железной дороги (бесспорное преобладание в Японии и Северном Китае, возможное – в Южном Китае, на Формозе и Филиппинах (!)), делал упор на создание хороших морских коммуникаций между конечным пунктом Сибирской магистрали и главными портами соседних стран (Пак Б.Б. Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891–1916). СПб.; Иркутск, 1995. С.19).

¹⁵⁰ Позиция и роль А.П. Кассини в этой инициативе не вполне понятна. С одной стороны, он выступал с планом, близким намерениям С.Ю. Витте (дорога до Владивостока с веткой к незамерзающему порту). С другой стороны, у него были неважные отношения с К.И. Вогаком. Способный, энергичный офицер в 1893 г. вступил в конфликт с дипломатом, считая, что российская миссия в Пекине склонна предаваться самоуспокоению и недооценивает сильное антиимператорское движение в Китае, а также проникновение в Северный Китай немцев. А.П. Кассини в ответ посоветовал военному агенту не лезть в дела, в которых он ничего не понимает (К.И. Вогак – Ф.А. Фельдману 6 ноября 1893 г. (копия) // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1779. Л.26–28). Но позже они как будто уладили свои отношения (Коростовец И.Я. Воспоминания // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.3. Л.78). Поэтому не исключено, что А.П. Кассини действительно поддержал этот проект, столкнувшись с трудностью реализовать более масштабный замысел.

¹⁵¹ Донесение К.И. Вогака С.М. Духовскому 18 октября 1895 г. // РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.4949. Л.2–7; Романов Б.А. Указ соч. С.97–99. Д.А. Капнист также составил об этом специальную записку, министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский дал ей ход, но не согласился с автором (Губастов К.А. Мемуары. IX. Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.131 об.).

Поэтому эти люди нередко на свой страх и риск, предпринимали шаги, выходящие за пределы обычной служебной инициативы и не санкционированные из столицы, а иногда и идущие вразрез с политикой руководства России. Так, С.М. Духовской, не поставив никого в известность, ещё в августе 1895 г. послал в Маньчжурию нескольких российских офицеров для обозрения маршрута будущей железной дороги. Помимо этой группы ведомство само направило в Китай ещё три (!) экспедиции: в апреле–декабре 1894 г. подполковник И.И. Стрельбицкий прошёл примерно 4000 вёрст от Троицкосавска через Ургу до Цицикара и Гирина¹⁵². В ноябре–декабре 1894 г. подполковник Л.Н. Белькевич преодолел 1180 вёрст по Северной Маньчжурии от Хучуна до Нингуты и обратно. В августе 1895 – марте 1896 г. тот же И.И. Стрельбицкий опять посетил Мукден и Гирин, но уже через Хучун (4600 вёрст)¹⁵³. Примерно в это же время инженер Н.С. Свягин изучал восточную часть Маньчжурии, особенно интересуясь окрестностями Нингуты¹⁵⁴. По направлению к Гирину от Хабаровска, Владивостока и Забайкалья весной–летом 1896 г. продвигалась экспедиция Императорского Русского Географического общества В.М. Комарова и Э.Э. Анерта¹⁵⁵. Нетрудно заметить, что экспедиции исследовали два возможных направления будущей трассы КВЖД: северное и южное, причём северному тогда отдавалось явное предпочтение¹⁵⁶. К началу 1897 г. уже десять

¹⁵² Стрельбицкий [И.И.], подполковник. Отчёт о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Т.LXVII. СПб., 1896. С.32–126.

¹⁵³ Список всем офицерам, бывшим на рекогносцировках, с указанием результатов работ (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.19 об. – 22. А были ещё и другие экспедиции, инициированные, вероятно, командованием Восточно-Сибирского округа. Руководитель одной из таких «исследовательских групп» в 1897–1898 гг. Э. Вейль сообщает о пяти партиях, изучавших в 1895–1896 гг. преимущественно район реки Сунгари. В них участвовали Б.Л. Громбчевский, М.В. Грулёв, А.П. Будберг, М.А. Соковнин ([Вейль Э.] Южно-Сунгарийский район. Разведка Генерального штаба капитана Э. Вейль в 1897–1898 году. Ч.1. Краткий военно-статистический очерк. Хабаровск, 1899. С.27–29).

¹⁵⁴ Свягин Н.С. По Восточной Маньчжурии в 1895–96 году // Сибирский сборник. Год XI. Вып. III. Иркутск, 1896. С.308–330.

¹⁵⁵ Переписка об экспедиции – Архив РГО. Ф.1. 1896 г. Д.12. Её участники пришли к выводу, что направление будущей железной дороги на Гирин вызовет значительные технические трудности и имеет смысл только при продолжении трассы на Калган и Ургу (В.М. Комаров – в ИРГО 13 октября 1896 г. // Там же. Л.48). Примечательно, что в 1897 г. участники экспедиции планировали продолжить работы (т.е. изучение возможного направления железной дороги) в Южной Маньчжурии до границ Кореи (заявка В.М. Комарова и Э.Э. Анерта на 1897 г. // Там же. Л.33–36).

¹⁵⁶ По результатам исследований 1895 г. на следующий год военные топографы тщательно изучали направления на Цурухайтуй, Хайлар, Нингуту и Гирин, причём в

(!) экспедиций, снаряжённых штабом Восточно-Сибирского военного округа, изучали пограничные районы Маньчжурии и Монголии, всю (!) Корею и Ляодунский полуостров, отсняли до 20 тыс. вёрст маршрутной съёмки¹⁵⁷. Своеволие местного начальства было пресечено Министерством иностранных дел, настоятельно призвавшем военных соблюдать особую осторожность в этом вопросе¹⁵⁸. В Маньчжурии также тайно работали партии изыскателей Министерства путей сообщения под видом учёных-исследователей¹⁵⁹. Но Восток есть Восток, и в конце 1895 г. слухи о строительстве русской дороги через Маньчжурию ходили уже по всей Сибири¹⁶⁰.

С.Ю. Витте, начав с разработки «северного варианта», к концу 1895 г. решил добиваться «южного» (от Читы до Владивостока)¹⁶¹. Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский связал перемену взглядов коллеги с его опасением, что начавшееся в Китае восстание дунган приведет к распаду Цинской империи, поэтому надо быть готовыми присоединить к России наибольшую часть рассыпающегося государства¹⁶².

Есть ряд косвенных свидетельств того, что именно тогда, в 1895 г., С.Ю. Витте задумал не просто сооружение железной дороги от Читы до Вла-

---

основном обследовалась узкая полоса длиною в 900 вёрст (Поляновский М.П. Астрономические определения в Восточной Маньчжурии, исполненные в 1896 г. // Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. Часть LV. Отдел 2. СПб., 1898. С.115; Щёткин Н.О. Астрономические определения в Забайкальской области и в Маньчжурии вдоль проектированного направления Сибирской железной дороги, произведённые в 1896 г. // Там же. С.124–129).

¹⁵⁷ С.М. Духовской – в ИРГО 16 февраля 1897 г. // Архив РГО. Ф.1. 1896 г. Д.12. Л.50–51. Ляодунский полуостров изучала экспедиция капитана С.П. Илинского, проделавшая путь от Сеула до Порт-Артура через Инкоу, которая состоялась в апреле–сентябре 1896 г. ([Илинский С.П.] Извлечение из предварительного отчёта о поездке на Ляодунский полуостров Генерального штаба капитана Илинского в 1896 году // Добавление к Сборнику материалов по Азии. №2. СПб., 1899. С.1–37).

¹⁵⁸ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1788. Л.28–29. После того, как Россия сделала официальный запрос Пекину о возможности работы экспедиции, цзун-ли-ямынь добровольно отнёсся к просьбе, «легализовав» деятельность отряда топографов, насчитывавшего вместе с обслуживающим персоналом 88 человек (Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.283–284).

¹⁵⁹ Н.И. Гродеков – в МИД 20 октября 1895 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.157; Романов Б.А. Указ. соч. С.84.

¹⁶⁰ Докладная записка инженера Богомоллова С.Ю. Витте 5 октября 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.25. Л.193.

¹⁶¹ Второй черновик письма А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Кассини 7 декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.31–32.

¹⁶² Первый черновик письма А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Кассини 7 декабря 1895 г. // Там же. Л.33–39.

дивостока через Маньчжурию, но и одновременно намеревался искать для России порт на тихоокеанском побережье Китая. В частности, об этом свидетельствует история с выбором конечного пункта Сибирской железной дороги. Еще в мае–июне 1895 г. совещание, посвящённое этому вопросу, окончательно остановило свой выбор на Владивостоке как единственном месте, где могла быть обеспечена надежная военная защита коммерческой гавани¹⁶³. Несмотря на окончательное решение вопроса, 27 апреля 1896 г., когда на заседании Комитета Сибирской железной дороги встал вопрос об обустройстве торгового и военного портов во Владивостоке, С.Ю. Витте оказал упорное сопротивление такому решению. Участник заседания А.Н. Куломзин тогда не понял столь странную позицию министра финансов, лишь впоследствии ему «стало ясно, что тогда уже запала у Витте мысль искать Сибирской дороге иного исхода и в мыслях Витте Владивосток должен был уступить свою роль на Востоке другому порту на чужой территории»¹⁶⁴.

Пока же 18 ноября 1895 г. А.Б. Лобанов-Ростовский поддержал идею С.Ю. Витте о необходимости скорейших переговоров с Китаем для получения концессии на 80 лет «частной компанией» для строительства железной дороги. 21 ноября Николай II утвердил доклад министра¹⁶⁵.

Когда А.П. Кассини вёл предварительные переговоры в Пекине, в России вспыхнула непродолжительная дискуссия о направлении будущей железной дороги. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской составил записку с критикой виттевского проекта¹⁶⁶. Взамен С.М. Духовской предлагал вернуться к северному варианту (Николаевск–Благовещенск), полагая, что он будет безопаснее во всех отношениях и вообще рассматривал железную дорогу прежде всего как составную часть оборонительного комплекса, призванного защищать российский Дальний Восток. От этой дороги генерал-губернатор намеревался соорудить ветки вглубь Китая и до порта Посыет в Корее.

С.Ю. Витте возражал, что его план экономически более обоснован, чем рассуждения С.М. Духовского и что одну железную дорогу через всю Маньчжурию легче будет закрепить за собой, чем сложный вариант, придуманный приамурским генерал-губернатором¹⁶⁷. Категорически против предложения С.М. Духовского выступил в этот раз А.П. Кассини, ра-

¹⁶³ Журнал высочайше учрежденного Совещания в г. Владивостоке по вопросу об устройстве коммерческого порта в конечном пункте Сибирской железной дороги. Заседания 31 мая и 2 июня 1895 г. // РНБ. Шифр 38.77.1.138/9.

¹⁶⁴ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп.1. Д.197. Л.74.

¹⁶⁵ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3053. Л.148–149.

¹⁶⁶ Красный архив. 1932. №3 (52). С.83–91.

¹⁶⁷ Там же. С.91–102. См. также: Романов Б.А. Указ. соч. С.97–100.

нее поддерживавший генерал-губернатора¹⁶⁸. Доводы С.Ю. Витте и мнение А.П. Кассини показали Николаю II более убедительными и он отверг предложения приамурского генерал-губернатора.

Далее были непростые переговоры, закончившиеся подписанием в Москве 22 мая 1896 г. договора о союзе двух империй, предусматривавшем предоставление концессии на железную дорогу в Китае частному обществу, а чуть позже – и соглашения китайского правительства с псевдочастным обществом о строительстве русской железной дороги в Маньчжурии¹⁶⁹. Поэтому за несколько дней до подписания русско-китайского договора, 18 мая 1896 г. между Министерством финансов и Русско-Китайским банком было заключено секретное соглашение. Для строительства дороги создавалось частное общество с уставным капиталом в 5 млн. руб. (1000 акций по 5000 руб. каждая). Не менее 700 из них должны были быть оплачены банком и затем переданы правительству для хранения их в Государственном банке (еще 270 акций получил Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк, возглавляемый правой рукой С.Ю. Витте А.Ю. Ротштейном, а оставшиеся 30 были разделены между 15 весьма известными «физическими» лицами, в том числе – крупными банкирами из Франции и Германии)¹⁷⁰. Таким образом, Министерство финансов установило полный контроль за «частным» обществом КВЖД. Любые действия и назначения в обществе (начиная со старших контролёров и инспекторов) могли происходить только с согласия министра финансов, он же утверждал все сколько-нибудь значимые действия по сооружению дороги. Взамен новое «частное» общество получало гарантии того, что в случае недостаточности его собственных средств дефицит будет покрываться из казны. Иначе говоря, строительство дороги оплачивалось государством¹⁷¹. Последним формальным актом был контракт на сооружение дороги, заключённый между Русско-Китайским банком и пекинским правительством 16 августа 1896 г.¹⁷² Он лишь подтвердил и отчасти конкретизировал московские договорённости.

Все выгоды от концессии на строительство КВЖД С.Ю. Витте расписал в специальном всеподданнейшем докладе 28 сентября 1896 г.¹⁷³ Министр фи-

¹⁶⁸ А.П. Кассини – в МИД 16 декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.265–268. Николай II пометил на донесении: «Верно». Об этом также: Романов Б.А. Указ. соч. С.95–99.

¹⁶⁹ Подробнее см. главу 4 «Русско-китайский союзный договор 1896 г.»

¹⁷⁰ РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.72. Л.69.

¹⁷¹ Секретное соглашение между Министерством финансов и Русско-Китайским банком 18 мая 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952; Романов Б.А. Указ. соч. С.119–121.

¹⁷² РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.425. Л.37–39. Подробнее об обстоятельствах подписания этого документа см.: Романов Б.А. Указ. соч. С.117.

¹⁷³ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте по поводу заключённого между китайским правительством и Русско-Китайским банком договора на постройку и эксплуатацию

нансов рассматривал как значительный успех договор о сооружении железной дороги в Маньчжурии по русским стандартам, которая должна была находиться де-факто в распоряжении правительства не менее 80 лет. Возможность досрочного выкупа дороги Китаем через 36 лет С.Ю. Витте отметил как непосильную для Срединной империи. Строительство дороги также обуславливалось рядом важных экономических условий: понижением на треть китайских таможенных пошлин для товаров, доставляемых к постройке магистрали, и установлением провозных тарифов по КВЖД исключительно по усмотрению русского правительства. Всё это облегчало конкуренцию русским товарам в Китае и в целом, по мнению министра финансов, гарантировало экономическое влияние России в этой части Поднебесной. К тому же обязательство Пекина внести 5 млн. таэлей в Русско-Китайский банк придавало этому кредитному учреждению устойчивость и весьма облегчало его деятельность в Китае. Огромное значение имело и право общества управлять на арендованных им землях. По образному выражению Б.А. Романова, Китай предоставил правлению КВЖД «небывало протяжённый сэттлмент», который имел к тому же склонность к расширению¹⁷⁴. В докладе С.Ю. Витте всё выглядело радужным. Но на деле многие проблемы оказались не решены, и вскоре министру финансов пришлось с этим столкнуться.

В первую очередь договор 1896 г. оставил открытым вопрос о незамерзающем порте на Тихом океане для России и дороге к нему. Уже через несколько месяцев после подписания московского договора вопрос о железной дороге к ещё не имевшейся зимней гавани был поставлен вновь. Формально инициатором обсуждения стал товарищ председателя правления Общества КВЖД С.И. Кербедз, который на особом совещании правления КВЖД 22 января 1897 г. предложил вступить в переговоры с китайским правительством относительно желаемой Россией дороги до порта на Жёлтом море (пока не определив точно, до какого)¹⁷⁵. В марте 1897 г. при подготовке визита князя Э.Э. Ухтомского в Пекин Николай II поручил ему помимо чисто технических вопросов, касающихся сооружения КВЖД, добиваться наиболее южного маршрута трассы, соединения русской дороги с линией Тяньцзинь–Шанхайгуань–Цзиньжоу, сооружаемой китайским правительством, а также права построить ветку от КВЖД до одного из портов Кореи¹⁷⁶.

железной дороги в Маньчжурии // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.252–256.

¹⁷⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.127–128.

¹⁷⁵ Журнал особого совещания правления КВЖД // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.35. Л.27–34; Романов Б.А. Указ. соч. С.162–166.

¹⁷⁶ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.35. Л.74–76.

Визит князя в Китай имел исключительно важное значение, поэтому удивляет то, как плохо он был подготовлен. Сама личность главного переговорщика сразу ставила под сомнение успех миссии. Витавший в облаках и стремившийся заглянуть на век вперёд, Э.Э. Ухтомский имел самое смутное представление о земных делах, а тем более о том, как следует вести дискуссию с китайцами (по мнению А.И. Павлова, он выглядел как «мяля, ничего у него в голове не улеглось как следует, он постоянно сам себе противоречит»). Ставя их «на пьедестал», расточая слащавые и даже унижительные с точки зрения российских дипломатов речи в адрес Ли Хунчжана, он одновременно видел главным средством успеха своего посольства подкуп. Вся поездка Э.Э. Ухтомского в Китай готовилась втайне, так что даже сотрудники российского МИДа не были вполне осведомлены о её программе и задачах. Инструкции князю, составленные в Министерстве финансов, подготовили неквалифицированно: перечень необходимых вопросов содержал как крупные задачи, так и большое количество мелких деталей, не требовавших для их решения высокого уровня и лишь затруднявших и без того нелёгкие переговоры. Кроме того, российский поверенный в делах в Пекине А.И. Павлов посоветовал Э.Э. Ухтомскому внести коррективы в его действия: сосредоточиться на трассе КВЖД, повременив с вопросом о строительстве веток на Шанхайгуань и к корейско-китайской границе. Вероятно, А.И. Павлов был не в курсе всех предшествовавших попыток добиться от Китая разрешения на эти дороги и, видимо, об истории с незамерзающим портом, чем явно нарушил планы министра финансов. Но князь в итоге послушался совета дипломата, перестроившись уже в ходе переговоров, и затронул вопросы о дополнительных ветках «только для вида», чтобы отчитаться перед С.Ю. Витте¹⁷⁷. Естественно, что переговоры Э.Э. Ухтомского в столице Китая закончились лишь частичным успехом: с большим трудом получив согласие на южное направление трассы КВЖД, князю не удалось сдвинуть вопрос о порте и железной дороге к нему. На его просьбы Ли Хунчжан ответил: «Мы пустили вас во двор, вы же хотите влезть к нам в самые комнаты, где у нас жёны и малые дети»¹⁷⁸.

Вопрос о незамерзающей гавани и железной дороге к ней был решён в конце 1897 – начале 1898 гг. занятием Порт-Артура и последующем заключении договора с Китаем об аренде Ляодунского полуострова с предоставлением России права строительства там военного и торгового портов как конечного пункта Сибирской железной дороги¹⁷⁹. Договор о строительстве магистрали

¹⁷⁷ Выписка из частного письма А.И. Павлова 2 июня 1897 г., сделанная для Николая II // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.106. Л.117–120 об.

¹⁷⁸ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 27 мая 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.114. Л.1–3; Романов Б.А. Указ. соч. С.170–172.

¹⁷⁹ Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове 15 (27) марта 1898 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.309–312.

от основной трассы КВЖД на Ляодунский полуостров (позднее названной ЮМЖД) на тех же основаниях, что и КВЖД, был заключён 25 июня 1898 г. Определённые трудности вызвало лишь направление трассы в районе Мукдена. Богдыхан требовал, чтобы дорога прошла не ближе, чем в 15 вёрстах от старых императорских кладбищ, Об этом же настойчиво просил Ли Хунчжан, предупреждая, что если Россия не исполнит желания императора, «то все будущие несчастья династии будут приписаны нам»¹⁸⁰. После некоторых колебаний С.Ю. Витте согласился с требованием китайцев, но при условии, чтобы «никаких новых желаний нам не было предъявлено»¹⁸¹. Это условие включили отдельным пунктом в договор о ЮМЖД.

1.10. Финансово–экономические вопросы строительства КВЖД

Сооружение КВЖД и ЮМЖД, проходившее большей частью по малонаселённой местности да ещё и в чужой стране, требовало затрат значительно больших, чем основная трасса Сибирской дороги. Помимо решения тех же проблем, что и при строительстве Транссибирской магистрали (необходимость привозить рабочую силу, все материалы и т.п.), возникали и специфические, например организация охраны дороги. Договор о КВЖД не предусматривал создание особой охранной стражи, вопросы обеспечения безопасности Китай брал на себя. Но уже для сопровождения изыскательских партий потребовалось выделить 800 солдат¹⁸². В октябре 1898 г. Николай II разрешил довести численность охранной стражи КВЖД до 5 тыс. человек, к концу 1900 г. она составляла уже 11 тыс. военнослужащих и предполагалось её дальнейшее увеличение до 16 тыс. Эта настоящая армия была оснащена не только стрелковым оружием, но и десятками артиллерийских орудий, бронепоездами, канонерками¹⁸³. Помимо прочего, на её содержание шли значительные средства.

Строить дороги в Маньчжурии приходилось в основном русскими руками, так как китайские рабочие оказались пригодны лишь для самых простых работ. Среди десятков тысяч китайцев, нанятых при посредничестве местных властей, постоянно витало напряжение, распространялись самые фантастические слухи: что их отправят на каторжные работы в Россию, а тем, кто будет сопротивляться, – вырежут глаза, чтобы получить из них состав для изготовления фотографий¹⁸⁴. Русский Дальний Восток испытывал острый дефицит в рабо-

¹⁸⁰ Д.Д. Покотилов – Э.К. Циглеру 27 мая 1898 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1167. Л.28.

¹⁸¹ Резолюция С.Ю. Витте на письме П.М. Романова 8 мая 1898 г. // Там же. Л.49.

¹⁸² Нилус Е.Х. Указ. соч. С.38.

¹⁸³ РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1177. Л.10, 21–23, 37, 44 и др.

¹⁸⁴ Н.А. Шуйский – А.К. Базили 1 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.133–136.

чей силе, поэтому значительное число строителей доставляли из европейской части империи и им приходилось очень много платить: на сооружении Южно-Маньчжурской железной дороги простые рабочие получали по 500–700 руб. в год (при средней заработной плате их коллег в России на рубеже XIX–XX вв. в 200 руб.), техники и десятники – 1,2–3 тыс. руб., начальники дистанции – 4–8 тыс. руб., начальник отделения – 30 тыс. руб., начальник КВЖД – 40 тыс. руб., главный инженер – 75 тыс. руб. (для сравнения: генеральный комиссар Маньчжурии, генерал-лейтенант имел оклад по должности в 18 тыс. руб.). Начальнику станции в России платили 35–40 руб. в месяц, тогда как на КВЖД он имел уже 100–125 руб., в три раза больше, – только этим и можно было привлечь кадры¹⁸⁵. Свою лепту внесли и китайские власти, рассматривавшие железную дорогу как источник доходов. А.И. Югович жаловался в Министерство финансов, что китайцы мешали собственным лесозаготовкам КВЖД, навязчиво предлагая приобретать шпалы у них по сказочной цене в 1–1,5 руб. за одну штуку, аналогичная история происходила с углём, за который хотели получить оплату в два раза выше рыночной¹⁸⁶.

В итоге стоимость одной версты КВЖД составила в среднем 158 тыс. руб., что было в 3 раза выше, чем на Сибирской дороге и в 1,5 раза – чем в Европейской части России, и это без учета всех «технических упрощений»¹⁸⁷. На КВЖД в ещё большей степени, чем на Сибирской дороге, расцвели расточительство, воровство, «левые грузы», весьма относительное соблюдение расписания¹⁸⁸. Техническое состояние только что построенной железной дороги первое время было таково, что даже самому министру финансов во время его поездки по Дальнему Востоку в 1902 г., когда он спешил на встречу с китайским губернатором Гиринской провинции, подали поезд с опозданием на 8 часов¹⁸⁹.

В отличие от Сибирской железной дороги, сооружавшейся прямо на бюджетные средства, строительство КВЖД, осуществляемое формально частным акционерным обществом, финансировалось иным образом. Акционерный капитал общества составлял 5 млн. руб.: 1000 акций по 5 тыс. руб., принадлежавшие на 70% Государственному банку¹⁹⁰. За 1897–1903 гг. общество КВЖД произвело 21 выпуск облигаций на номинальную сумму

¹⁸⁵ Рупин С. В Маньчжурии. СПб., [1904]. С.161.

¹⁸⁶ Телеграммы А.И. Юговича П.М. Романову 11 и 13 октября 1897 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.1. Л.85–89, 102–103.

¹⁸⁷ Фёдоров М.П. Экономическое положение Сибирской магистрали. СПб., 1912. С.18.

¹⁸⁸ Верещагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг. СПб., 1903; Харбинский С. Что такое Китайская Восточная железная дорога и куда идут её миллионы. СПб., 1908; Мартынов Е.И. Работа наших железнодорожных дельцов в Маньчжурии. М., 1914 и др.

¹⁸⁹ Корсаков В.В. В проснувшемся Китае. М., 1911. С.164–168.

¹⁹⁰ Романов Б.А. Указ. соч. С.119.

в 328 601 500 руб. (1897 г. – на 15 млн., 1898 г. – на 60 млн., 1899 – на 56,701 млн., 900 – на 89,4737 млн. и т.д.), из которых оно реально получило 316 540 617 руб. 90 коп.¹⁹¹ Однако вся операция на деле являлась фикцией, так как этот сложная процедура скрывала всё то же государственное финансирование строительства дороги. Порядок был таким: министр финансов испрашивал высочайшее согласие на очередной заём, он оформлялся как облигационный, с процентами и целиком приобретался Государственным банком. Само общество КВЖД реализовало через Русско-Китайский банк лишь первый облигационный заём 1897 г. на 15 млн. руб.¹⁹² Дело было не в нежелании пускать облигации КВЖД на рынок, а в том, что когда на её сооружение потребовались значительные ресурсы (так, в 1900 г. – 85 млн. руб.), то внешние займы для строительства получить не удалось, по признанию С.Ю. Витте, из-за крайне стеснённого состояния международных денежных рынков и отсутствия «сочувствия» проекту КВЖД. Выход министр финансов нашёл в использовании свободного остатка казначейства, составлявшего на 1 января 1900 г. около 245 млн. руб.¹⁹³

Другим видом ценных бумаг КВЖД являлись 4% временные свидетельства, выпущенные с разрешения Николая II на сумму в 70 млн. руб. Сберегательным кассам было «дозволено» (т.е. велено) приобретать эти свидетельства на условиях, определённых министром финансов¹⁹⁴. Появление временных свидетельств стало следствием ущерба, нанесённого боксёрским восстанием, и претензий России к Китаю на 70 млн. руб., которые Пекин обязался выплатить¹⁹⁵. Но так как денег из совершенно пустой китайской казны ждать быстро не приходилось, то С.Ю. Витте фактически переоформил сумму ущерба КВЖД во внутренний заём.

На 1 января 1904 г. общество КВЖД получило кредиты на 400 590 462 руб., из которых 382 515 617 руб. уже были фактически предоставлены, а оставшиеся 18 074 845 руб. разрешены высочайшим повелением 17 декабря 1903 г.¹⁹⁶ На 1904 г. дорога просила ещё 50 млн. руб., и несмотря на стремление министра финансов В.Н. Коковцова и наместника Дальнего Востока Е.И. Алексеева сократить размер кредита, Николай II 19 марта 1904 г. утвердил запрашиваемую сумму¹⁹⁷.

¹⁹¹ Романов П.М. Памятная записка «О кредитах, потребных обществу КВЖД в 1904 г.» // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1199. Л.20–30; протокол заседания правления Общества КВЖД №1430 8 февраля 1901 г. // Там же. Д.1197. Л.128.

¹⁹² Протокол заседания правления Общества КВЖД №42 5 сентября 1902 г. // Там же. Л.259 об.

¹⁹³ Записка С.Ю. Витте в Комитет Сибирской железной дороги. Ноябрь 1899 г. // Там же. Л.13–15.

¹⁹⁴ С.Ю. Витте – в правление Общества КВЖД 11 февраля 1902 г. // Там же. Л.193.

¹⁹⁵ Подробнее см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

¹⁹⁶ Е.И. Алексеев – В.Н. Коковцову 25 марта 1904 г. // Там же. Д.1199. Л.121–123.

¹⁹⁷ Там же. Л.86.

Точный размер всех затрат на КВЖД определить трудно, так как имеющиеся расчёты выполнены по различным методикам. Первоначальная смета КВЖД вместе с г. Дальним была определена в мае 1899 г. в 228,74 млн. руб., а с учётом процентов по займам – в 236,51 млн. руб.¹⁹⁸ Отдельно смету г. Дальнего утвердили позже, летом 1902 г., в размере 18,85 млн. руб. (12,2 млн. – на порт, 6,65 млн. – на город). Однако Министерство финансов тут же увеличило её на 3,8 млн. руб., итого планируемые затраты составили 22,7 млн. руб. (14 млн. – порт, 8,7 млн. – город)¹⁹⁹. Расходы на железные дороги также быстро превзошли первоначальные намётки примерно в 2 раза. Главными причинами были широкомасштабное воровство и фантастические аппетиты подрядчиков.

Один из них, И.В. Кулаев, позднее вспоминал, что ему приходилось отчислять с каждого вынутаго кубометра земли 50 коп. в пользу руководства строительства магистрали. Он жаловался на неприкрытое вымогательство главному инженеру КВЖД А.И. Юговичу, тот громко возмущался, но всё осталось по-прежнему. Показательно, что на Сибирской железной дороге (которая сооружалась как казённое предприятие) официальные лица берегли каждую бюджетную копейку, вдобавок за ними внимательно и жёстко присматривал государственный контроль²⁰⁰.

С конца 1900 г. С.Ю. Витте начал сильно тревожиться по поводу огромных безотчётных расходов общества КВЖД. Он слал руководству дороги возмущённые телеграммы: «Несмотря на настоятельные требования, строительное управление до сих пор не сообщает, на что израсходованы переведенные в его распоряжение в текущем году сорок девять миллионов [руб.], а также на что испрашивается названным управлением на будущий год громадная сумма в шестьдесят два миллиона [руб.]. В январе я должен представить доклад Сибирскому комитету относи-

¹⁹⁸ Справка, представленная правлением КВЖД С.Ю. Витте 19 октября 1899 г. // Там же. Д.1197. Л.1–2. Согласно высочайшего повеления, с 17 декабря 1901 г. суммы погашений по облигациям и проценты не проводились по сметам, а зачислялись за обществом КВЖД как облигационный долг под 6% годовых. С 1 января 1902 г. общество обслуживало лишь первый заём 1897 г. Царское разрешение явилось значительным облегчением для КВЖД, так как дорога уже в 1903 г. должна была выплатить в качестве процентов и погашения 11 691 629 руб. 24 коп. (Справка о долгах КВЖД на 1903 г. // Там же. Л.268–269). С.Ю. Витте намеревался растянуть расчёт по долгам на максимально возможный срок, вплоть до 1980 г. Однако с началом сначала частичной, а с 1 июля 1903 г. и всей эксплуатации КВЖД она начала приносить доход, часть которого направлялась на погашение облигационной задолженности (к 1903 г. – 1 031 584 руб. 68 коп.).

¹⁹⁹ «О перерасходе по сооружению коммерческого порта и города Дальнего» 4 декабря 1903 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1088. Л.4–12. Согласно официальным данным, общая сумма затрат на порт и город составила 21,8 млн. руб. (Отчёт по сооружению порта и города Дальнего 1898–1904. СПб., 1905. №2, 3).

²⁰⁰ Кулаев И.В. Под счастливой звездой (воспоминания). Тяньцзинь, 1938. С.71, 79–80.

тельно расходов Китайской Восточной железной дороги и отсутствие требуемых данных ставит меня в столь неловкое положение, в котором я до сих пор никогда ещё не находился. Для меня совершенно непонятно, как Вы [С.И. Кербедз – И.Л.] и инженер Югович не сознаёте всей важности этого вопроса. Я не требую от Вас документального отчёта, но мне необходимо по крайней мере знать для объяснения Комитету хотя бы приблизительно в круглых цифрах, на что же истрачена столь значительная сумма, несмотря на то, что работы на многих участках были на продолжительное время приостановлены, а равно на какие именно расходы испрашиваются в будущем году шестьдесят два миллиона. Телеграфируйте немедленно означенные данные, не стесняясь числом»²⁰¹. А.И. Югович сумел отчитаться перед С.Ю. Витте лишь за расход 16,5 млн. руб., на 32,5 млн. руб. он не смог представить никаких оправдательных документов. Впрочем, министр финансов оказался не очень удивлён и меланхолически заметил: «Это убеждает меня, что дело счетоводства на линии находится в полном расстройстве»²⁰². Также С.Ю. Витте возмутил факт того, что в августе 1901 г. общество запросило на 1902 г. 60 млн. руб., в октябре – уже 75 млн. руб. Министр финансов решил подвести черту: «применявшаяся до сих пор <...> система отпуска денег столько, сколько спрашивалось, без точных, обстоятельных расчётов и соображений об экономии далее продолжаться не может» и потребовал соблюдать умеренность и точно исчислять нужды²⁰³. Надо сказать, что некоторый результат требовательность министра финансов возымела: кредит на 1902 г. был определён в 65 379 128 руб.²⁰⁴

С.И. Кербедз же сообщил С.Ю. Витте, что испрашиваемый А.И. Юговичем на 1901 г. кредит в 62 млн. руб. «крайне преувеличен» и попросил, чтобы его держали в курсе всех распоряжений и дел. С.И. Кербедз предлагал не расплываться, а сосредоточиться на первоочередных работах, на что, по его расчётам, в 1902 г. требовалось всего 38 млн. руб.²⁰⁵

Общий перерасход к 1904 г. исчислялся уже в 35,789 млн. руб.²⁰⁶ Комитет Сибирской железной дороги, рассмотрев эту проблему, решил передать её на усмотрение наместнику Е.И. Алексееву – стороннику жёсткой экономии во всём, что касалось КВЖД²⁰⁷.

²⁰¹ С.Ю. Витте – С.И. Кербедзу и А.И. Юговичу 23 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1197. Л.46.

²⁰² С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 7 января 1901 г. // Там же. Л.71.

²⁰³ С.Ю. Витте – П.М. Романову 13 ноября 1901 г. // Там же. Л.161.

²⁰⁴ Там же. Л.178.

²⁰⁵ С.И. Кербедз – С.Ю. Витте 2 января 1901 г. // Там же. Л.67–69.

²⁰⁶ «О кредитах, потребных обществу КВЖД в 1904 г.» 7 декабря 1903 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1088. Л.38–48. В следующей записке, написанной явно под впечатлением обнаружившейся цифры, общий перерасход был определён всего в 19,96 млн. руб. («О перерасходах по сооружению КВЖД» 8 декабря 1903 г. // Там же. Л.86–99).

²⁰⁷ Там же. Л.133–139.

Дальнейшие (после пуска в эксплуатацию) предполагаемые расходы на КВЖД можно подразделить на три группы:

1) эксплуатационные расходы. Доходы дороги хронически не покрывали траты на её содержание. На 1904 г. дефицит планировался в 12,8 млн. руб.²⁰⁸ Превышение эксплуатационных доходов над расходами было достигнуто лишь в 1910 г., сначала небольшое, а с 1912 г. – в 4–6 млн. руб. ежегодно²⁰⁹. Однако практически все они шли на погашение облигационного долга. Первая большая прибыль была получена дорогой только в 1915–1917 гг. (66,15 млн. руб.), но здесь надо учитывать значительную инфляцию. В.Н. Евстигнеев, сделавший эти расчёты, полагал, что в действительности прибыли вообще не было из-за падения курса рубля²¹⁰. Справедливости ради замечу, что за 1915–1917 гг. и товаропоток, и перевозка пассажиров выросли по сравнению с предшествующими годами почти в 2 раза.

2) недоделки. В феврале 1903 г. специальная комиссия определила их в 47 307 455 руб.²¹¹ В.Н. Евстигнеев насчитал их на 57 569 255 руб.²¹² Разница, по-видимому, появилась из-за разных методик подсчёта. В частности, В.Н. Евстигнеев включил в недоделки сооружение веток к фушуньским угольным копиям, к порту Инкоу, строительство железнодорожных мастерских в Харбине и т.п.

3) перерасход – т.е. превышение уже утверждённых смет. Общество КВЖД старалось максимально скрывать и занижать реальные траты. Дело в том, что превышение смет всегда вызывало серьёзное недовольство С.Ю. Витте. Финансовые возможности государства в первые годы XX века были существенно ограничены мировым экономическим кризисом, кроме того, министр надеялся на получение доходов от эксплуатации железной дороги от перевозки грузов, от продажи участков земли в Дальнем и т.п., однако все его надежды не оправдались. Возможным выход из проблемы предложило само правление КВЖД: сразу увеличивать все планируемые расходы на 20–25%²¹³. Эта инициатива позволяет приблизительно оценить перерасход в целом. Если всё сооружение дороги к 1904 г. обошлось не менее чем в 400 млн. руб., то перерасход составил, очевидно, около 80 млн. руб.

²⁰⁸ Романов П.М. О кредитах, потребных обществу КВЖД в 1904 г. // Там же. Д.1199. Л.29.

²⁰⁹ Шмуккер М.М. Указ. соч. С.140–148.

²¹⁰ Евстигнеев В.Н. Краткий исторический обзор КВЖД. Машинопись. М., 1947. // РГИА. Ф.323. Оп.11. Д.1.

²¹¹ Там же. Оп.1. Д.1096. Л.123.

²¹² Евстигнеев В.Н. Указ. соч. Л.54–55.

²¹³ Черновой протокол заседания правления КВЖД №35/94. Декабрь 1902 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1313. Л.42 об. В другом документе – записке С.Ю. Витте «По поводу расценочной ведомости на сооружение КВЖД» 25 мая 1902 г. констатировалось, что реальные расходы превосходили первоначальную смету на 30% (Там же. Д.1085. Л.19).

Точно стоимость сооружения КВЖД до сих пор не определена. По официальным данным к 1 января 1904 г., когда магистраль уже начали эксплуатировать, на неё затратили 374 955 597 руб. 82 коп.²¹⁴ Но эти подсчёты были явно занижены, так как не учитывали расходов на Порт-Артур, Дальний и некоторых других. Так, на 1904 г. правление общества КВЖД запросило 50-миллионный кредит на строительство г. Дальнего²¹⁵. Действительные же затраты на все предприятие в целом до русско-японской войны можно приблизительно оценить в сумму порядка 450 млн. руб.

В дальнейшем вложения в КВЖД почти удвоили её стоимость. Только усиление магистрали для нужд армии в 1904–1906 гг. потребовало 98 451 тыс. руб.²¹⁶ По официальным данным, на 1 января 1912 г. расходы составили 831 108 430 руб. 22 коп. Причём 134 988 602 руб. 70 коп. из них пришлось на эксплуатационный дефицит за 1903–1911 гг. И это несмотря на то, что тарифы на КВЖД были в среднем в 2–3 раза выше, чем на других железных дорогах России²¹⁷.

Большой интерес представляет вопрос, насколько эффективно осуществлялись эти вложения или, иначе говоря, какую часть средств просто расхитили. Разумеется, точно украденного не сосчитать, но оценить масштабы воровства возможно по некоторым косвенным данным. В 1900–1901 гг., после того как боксёры разрушили, согласно российской оценке, порядка 1000 вёрст строящейся магистрали, а переговоры о сепаратном соглашении с Пекином зашли в тупик, в Министерстве финансов было принято решение взыскать ущерб от восстания деньгами по максимуму. Для этого провели две калькуляции. Одна из них представляла собой точный перечень разрушенного и его стоимость. Получилось примерно 21 млн. руб.²¹⁸ Но это не удовлетворило С.Ю. Витте и

---

²¹⁴ Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк. Т.1. СПб., 1914. С.120, 146. В «Отчёте по постройке Китайской Восточной железной дороги (по железнодорожному предприятию). 1897–1903 гг.» (СПб., 1905. С.10) значится несколько иная сумма – 374 955 598 руб. 12 коп. Однако в сводной росписи значится и другой итог – 376 128 116 руб. (№20. С.25). Объяснению таким разночтениям у меня нет. И в том, и в другом случае учитывались далеко не все расходы: так, не включены были затраты на порт Дальний, на отчуждение земель у собственников-китайцев и т.п.

²¹⁵ Протокол заседания правления общества КВЖД 17 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1179. Л.65–69, 85.

²¹⁶ Маньчжурец. Русская казна на китайской дороге. СПб., 1910. С.5.

²¹⁷ Мартынов Е.И. Работа наших железнодорожных дельцов в Маньчжурии. М., 1914. С.13–14.

²¹⁸ Телеграмма А.И. Юговича 14 января 1901 г. с пометами С.Ю. Витте // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1237. Л.66–70. А.И. Югович исчислил сумму ущерба в 35,19 млн. руб., исходя из того, что разрушено оказалось примерно 1000 вёрст магистрали и включил в неё ряд дополнительных статей, самыми крупными были затраты на охрану (13,2 млн. руб.)

была составлена другая смета – исходя из затраченных средств на строительство дороги и из общего представления, что 2/3 всей трассы погребло целиком. По ней насчитали уже 75 млн. руб. Если сделать поправку на то, что в ведомстве увеличили «длину разрушения» примерно в два раза, то получается, что реальные расходы (это при высоких зарплатах и т.п.) завышались примерно в полтора–два раза. Разумеется, это очень грубая прикидка. Но масштаб хищений всё равно впечатляет.

Отдельной и значительной статьёй расходов, не учтённой вначале, стали затраты по освоению полосы отчуждения КВЖД. Эта полоса составляла от 40 до 50 сажен вдоль пути, для станций – участки от 50 до 200 десятин²¹⁹. Там, где эта территория находилась в государственной собственности, Китай предоставлял её безвозмездно. Там, где хозяевами земли были частные владельцы, китайские власти обязались содействовать приобретению её дорогой, разумеется, за счёт общества. Вопреки ожиданиям, оказалось, что большая часть отчуждаемых участков принадлежала как раз частным владельцам. Справедливости ради, надо сказать, что администрация дороги платила хозяевам высокую цену за приобретаемые участки. Цена этих земель сильно колебалась. Так, если за территории близ Мукдена, где находились захоронения (не императорские!), пришлось выдать компенсацию в 150 тыс. руб., то монголы, наоборот, боясь китайской колонизации, уступали свои земли русским по дешёвке²²⁰.

На рубеже XIX–XX вв. у русских властей возникла тревога в связи с активно начавшейся китайской колонизацией Маньчжурии. 4 ноября 1900 г. С.Ю. Витте распорядился расширить полосу отчуждения до 5 вёрст в обе стороны от железнодорожного полотна «с целью заселения её русским элементом»²²¹. Реализация этой цели по самым скромным подсчётам требовала не менее 275 млн. руб.²²² и решения массы вопросов (нужны были землемеры,

---

и на ликвидацию эпидемии чумы (850 тыс. руб.). За их вычетом остаётся примерно 21 млн. руб. Конечно, надо иметь в виду, что сумма эта была не окончательная, так как трасса ещё не была завершена и передана в эксплуатацию.

²¹⁹ Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк. Т.1. СПб., 1914. С.69. После поездки С.Ю. Витте на Дальний Восток в 1902 г. было принято решение расширить размеры участков, отчуждаемых для станций, до 600–3000 десятин (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.411–418).

²²⁰ Нилус Е.Х. Указ. соч. С.411–418.

²²¹ С.Ю. Витте – П.М. Романову 4 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1518. Л.10. Военные (Н.И. Гродеков, А.Н. Куропаткин) хотели увеличить полосу до 25 вёрст, не обращая внимания на трудности и огромные затраты на эту операцию (Н.И. Гродеков – А.Н. Куропаткину 28 ноября 1902 г. // Там же. Л.43).

²²² С.И. Керbedз и А.И. Югович – в Министерство финансов 25 ноября 1900 г. // Там же. Л.22.

требовалось создать органы управления новыми поселениями, защитить поселян и т.д.). Процесс отчуждения был завершён лишь в 1912 г., дорога получила в своё распоряжение 105 570 десятин. Из них под пашню, сенокосы и выгоны использовались лишь 12 000 десятин²²³. Вряд ли этого было достаточно для направления туда массовой миграции. Кроме того, активизация русской колонизации, пусть и в полосе КВЖД, значительно осложняла отношения с китайскими властями, которые с 1898 г. регулярно жаловались в Пекин на чрезмерность отчуждённых обществом земель²²⁴.

Специальное совещание, созданное для обсуждения проблемы заселения полосы КВЖД, констатировало, что для решения задачи потребуется 590 млн. руб.²²⁵ Удивлённый столь значительной суммой, С.Ю. Витте созвал ещё одно совещание, которое также отметило огромные трудности для русского переселения и заключило, что создание цепи русских поселений вдоль КВЖД «является совершенно невозможным»²²⁶. В итоге министру финансов пришлось отказаться от всех планов, констатировав в январе 1902 г.: «Таким образом, дело должно остаться в прежнем виде»²²⁷. Однако, отказавшись от мысли расширить полосу отчуждения, Министерство финансов продолжило деятельность по организации русских поселений вдоль трассы КВЖД, но в более скромных размерах. В год на эту цель тратилось порядка 5 млн. руб.²²⁸ Для удешевления российские власти вознамерились посадить на землю военнотружеников. Было решено создать специальные поселения – слободки (для состоящих на действительной воинской службе) и поселки (для запасных). Каждая семья наделялась участком приусадебной земли (50 кв. саженей в слободках и до 600 кв. саженей в поселках) и до 15 десятин пахотных наделов на условиях наследуемого пользования без права продажи и залога. В слободках также возводились на казённый счет жилые помещения площадью 4 квадратных сажени, а для будущих обитателей поселков для самостоятельного строительства дома выдавалась сумма от 300 до 450 руб. (в зависимости от места)²²⁹. Предполагалось ежегодно ассигновать на это 200 тыс. руб. Однако значительного распространения практика создания солдатских посёлков не получила.

²²³ Нилус Е.Х. Указ. соч. С.416.

²²⁴ Д.М. Позднеев – в Министерство финансов 20 ноября 1898 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1518. Л.7.

²²⁵ Журнал совещания по вопросу об уширении полосы отчуждения под КВЖД 20 ноября 1900 г. // Там же. Л.29–31.

²²⁶ Журнал дополнительного совещания по вопросу об уширении полосы отчуждения КВЖД 1 декабря 1900 г. // Там же. Л.41–42.

²²⁷ Там же. Л.49.

²²⁸ На 1903 г. – 4 484 тыс. руб. (Там же. Д.1519. Л.170).

²²⁹ Положение о солдатских поселках и слободках нижних чинов <...> на участках, принадлежащих обществу КВЖД в Маньчжурии [лето 1903 г.] // РГА ВМФ. Ф.469. Оп.1. Д.195. Л.7–9.

Летом 1902 г. вопрос о заселении полосы КВЖД был поднят вновь в связи со слухами о намерении Китая самому занять 15-вёрстную полосу магистрали (они оказались сильно преувеличенными) для противодействия намерениям Пекина. Именно в таком контексте его поставили военные (Н.И. Гродеков), их поддержал В.К. Плеве, предложив использовать для русской колонизации казаков. Министр финансов осторожно высказался «за». В ходе обсуждения прозвучало интересное заключение, которое не было оспорено. То есть, без русского населения КВЖД вообще не могла функционировать (это и рабочие руки, и охрана)²³⁰. Это не только делало проблему русского заселения полосы актуальной, но и ставило вопрос о судьбе всей политики С.Ю. Витте на Дальнем Востоке. Ведь до того он по крайней мере официально пытался опираться в основном на экономические рычаги. Получалось, что их оказалось совершенно недостаточно.

Осенью 1902 г. было создано очередное совещание по заселению русскими полосы КВЖД. Власть констатировала, что единственное, что она может сделать – это способствовать выкупу участков земли у китайцев, на что предполагалось выделять ежегодно по несколько миллионов рублей. Так, на приобретение 142,5 тысяч десятин требовалось 3,67 млн. руб., вместе с сопутствующими расходами сумма выросла до 4,484 млн. руб.²³¹ Надежды на быструю колонизацию были окончательно оставлены, совещание пришло к заключению, что необходимо способствовать неспешному переселению русских, заботясь об обеспечении их безопасности и не мечтать о сплошном заселении полосы КВЖД даже в отдалённом будущем²³². 23 мая 1903 г. Николай II утвердил правила водворения русских переселенцев на участках КВЖД. Для их размещения предполагалось выделить 150 тыс. десятин. Ставка делалась на приезд лиц торгово-промышленного класса. Земля им предоставлялась на основе подворного владения, то есть, общинная организация российской деревни напрочь отвергалась. Для привлечения желающих власть снимала в полосе все вероисповедальные ограничения, существовавшие в империи. В этом отношении Э.Э. Ухтомский большую надежду возлагал на переселение в Маньчжурию духоборов, эти планы князя поддерживал Л.Н. Толстой²³³. Однако идея натолкнулась на непреодолимое сопротивление М.Н. Муравьёва, в результате духо-

²³⁰ Доклад подполковника Богданова о возможности заселения полосы отчуждения КВЖД русскими 4 июля 1902 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1518. Л.139–175.

²³¹ Там же. Д.1519. Л.169–170.

²³² Журнал совещания по вопросу заселения русским элементом прилегающей к КВЖД территории 17 октября 1902 г. // Там же. Л.23–41.

²³³ Л.Н. Толстой – Э.Э. Ухтомскому 29 марта 1898 г. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.71. М., 1954. С.343–344.

ры частично переселились на Кавказ, а частично эмигрировали в Канаду. Дальнейшие планы переселения прервала русско-японская война.

Местное население смотрело на появление русских неоднозначно: если к строительству КВЖД китайцы относились хорошо, выражая полную предупредительность и «готовность к услугам», что выражалось в отсутствии «каких-либо инцидентов»²³⁴, то на сооружение Южно-Маньчжурской железной дороги взгляд оказался совсем иным. «Насколько народ считает законным и справедливым постройку нами магистрали, настолько же считает несправедливым постройку южной ветви и согласно общего мнения как китайцев, так и старожилов–русских, будет всегда препятствовать эксплуатации».

Причина такого нерасположения заключалась в том, что грядущее сооружение дороги лишило бы «целый класс» населения «значительных заработков от извозного промысла и содержания постоянных дворов»²³⁵. Показательна та ненависть, с которой хунхузы и местные жители в Южной Маньчжурии обрушились на железную дорогу во время боксёрского восстания 1900 г. Картина разрушения «превысила худшие ожидания». Был разобран и целиком вывезен рельсовый путь, даже само полотно дороги оказалось «почти сплошь разрыто до основания». «Погибли все стрелки водоснабжения и прочие принадлежности станции, деревянные мосты все погибли до основания, выкопаны даже сваи, где этому не мешала вода», были растащены все склады, всё имущество депо²³⁶. Таким образом пострадало более 900 вёрст магистрали²³⁷. Боксёрское восстание ясно показало настроение местного населения, которое видело в железной дороге ненавистного врага, страстно желая стереть его с лица земли. Это ставило под сомнение возможность успешно эксплуатировать дорогу в Южной Маньчжурии²³⁸. Впрочем, уже осенью 1900 г. строительные работы возобновились с прежней скоростью, в среднем 2,5 версты в день, а китайцы частично вернули расхищенное ими имущество²³⁹.

²³⁴ Записка инженера Г.Е. Гиршмана о китайских беспорядках, причинах их и последовавших событиях, б/д // РГИА. Ф.560. Оп.43. Д.57. Л.68.

²³⁵ Н.И. Гродеков – А.Н. Куропаткину 26 декабря 1900 г. // Там же. Л.25–26.

²³⁶ П.М. Романов – С.Ю. Витте 7 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.426. Л.93–97.

²³⁷ Точную протяжённость уничтоженной трассы установить не представляется возможным. Так, весьма осведомлённый автор Е.Х. Нилус в одном месте своей книги указывает 550 вёрст, а в другом – уже 900 (Нилус Е.Х. указ. соч. С.121, 232). Понятно, что российские власти стремились зависить эту цифру.

²³⁸ Один из первых историков КВЖД Е.Х. Нилус стремился подчеркнуть, что боксёрское восстание было направлено не специально против русских, а против иностранцев вообще, но сделал это неубедительно: иностранцами в Маньчжурии являлись в подавляющем большинстве именно россияне (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.182, 199 и др.).

²³⁹ Г.Е. Гиршман – С.Ю. Витте 15 октября 1900 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1222. Л.54.

1.11. Экономическое значение КВЖД

Протяжённость основной трассы КВЖД оказалась 1920 вёрст, из которых 495 проходили по территории России, а 1425 вёрст – по китайской Маньчжурии. В Министерстве финансов подсчитали, что экономия в расстоянии по сравнению с путём вдоль Амура составила 514 вёрст. Вместе с Южно-Маньчжурской железной дорогой, идущей от станции Куанченцзы до Порт-Артура, их общая длина составила 2373 версты. Последние рельсы Сибирской железной дороги были сомкнуты 21 октября 1901 г.,²⁴⁰ ещё раньше состоялся пуск в эксплуатацию ветки до Порт-Артура – 5 июня 1901 г. Коммерческое движение началось уже в 1902 г., а официальное открытие ЮМЖД состоялось 1 июля 1903 г. Однако ожидавшегося всплеска русско-китайской торговли не последовало²⁴¹.

Для формально частного общества КВЖД коммерческая сторона предприятия была не главной: когда в январе 1903 г. несколько русских купцов предложили правлению дороги приобрести у него морское пароходство, они получили отказ, несмотря на постоянный дефицит пароходства. КВЖД же выполняла все заказы военного и морского ведомств, поэтому на убыточность предприятия не обращали внимания²⁴². Объём перевозок внутри маньчжурских провинций во второе десятилетие XX века даже снижался, и это было вызвано не результатами русско-японской войны, а тарифной политикой руководства дороги. Резкая дифференциация очень высокого местного тарифа с чрезвычайно низким транзитным не содействовала экспорту российских товаров, но привела к развитию гужевого транспорта в Маньчжурии²⁴³. Тем не менее, общая загрузка дороги медленно, но росла (в 1911 г. перевезено 16,7 млн. пудов, в 1914 г. – 18 млн.), это достигалось в основном благодаря увеличивающемуся потоку грузов сельскохозяйственного назначения, предназначенных на вывоз (зерно, сено). Список промышленных товаров был невелик, он состоял в основном из японского и американского импорта (спички, керосин, табак и т.п.). Позиции русской торговли ослабевали, даже русское население постепенно переходило на импортные товары²⁴⁴. Не удивительно, что русские торговые фирмы в уездах (фудутунствах) Маньчжурии даже не

²⁴⁰ За исключением Круглобайкальской железной дороги, сооружение которой началось в 1900 г. и было завершено в августе 1904 г. ударными темпами в связи с русско-японской войной (Паталеев А.В. Указ. соч. С.14).

²⁴¹ Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

²⁴² РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1179. Л.146–190.

²⁴³ Сурин В.И. Северная Маньчжурия. Экономический обзор. Харбин, 1925. С.11.

²⁴⁴ Шмукер М.М. Указ. соч. С.152.

имели собственных представителей²⁴⁵. Транзитная роль магистрали оказалась востребована только в 1920–1930 гг., когда Маньчжурия стала главным в мире производителем и экспортёром бобовых культур. Справедливости ради надо добавить, что все железные дороги в Китае перевозили мало грузов, так как им было сложно конкурировать с дешёвыми водными путями. Они специализировались на доставке пассажиров и вывозе минерального сырья. Исключением из правила стала только ЮМЖД, грузооборот на которой к 1930-м гг. был больше, чем всех других железных дорог Китая вместе взятых²⁴⁶.

Без сомнения, КВЖД со временем нашла своё место в экономике Маньчжурии и много способствовала экономическому развитию региона. Однако это было далеко от тех замыслов, которые связывали с магистралью российские власти. «К сожалению, Восточно-Китайская железная дорога не оправдала возлагавшихся на неё надежд. История и практика пришли относительно Восточно-Китайской железной дороги к одному печальному выводу: колоссальные затраты на эту дорогу, масса нечеловеческой энергии и труда никогда не вернутся России и дорога, проведённая по вражеской (!–И.Л.) территории может оказать нашим врагам услугу. Кроме того, в интересах русского государства безусловно невыгодно за свой счёт культивировать чужую страну, оставляя в то же время на произвол судьбы свои вполне пригодные для культуры территории»²⁴⁷. К этому заключению современника трудно что-либо добавить.

Неудачная экономическая политика русских властей в Маньчжурии и русско-японская война 1904–1905 гг. перечеркнули даже слабые надежды на транзитное значение Сибирской магистрали. После 1905 г., несмотря на постоянный рост объёма транзитных перевозок с 2,3 млн. пудов в 1906 г. до 4,6 млн. в 1911 г., и числа пассажиров с 966 551 в 1900 г. до 3 338 061 в 1909 г., роль трассы была несоизмеримо мала по сравнению с потоком грузов через Суэцкий канал, который вырос за эти же годы с 837 до 1143,8 млн. пудов²⁴⁸. «Транзит перевозок по Сибирской железной дороге почти не разви-

²⁴⁵ Северная Маньчжурия. Отчёт по командировке агентов коммерческой части Китайской Восточной железной дороги П.Н. Меньшикова, П.Н. Смольникова и А.И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Гириная провинция. Харбин, 1916. Т.1. С.30–33, 102, 522, 536, 633–635.

²⁴⁶ Михайлов М.[Я.] Предисловие // Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. Харбин, 1932. С.XXXVI.

²⁴⁷ Саханский В.А. Очерк Амурской области в связи с грузооборотом проектируемой средне-амурской железной дороги. СПб., 1909. С.113.

²⁴⁸ [Орлов М.Н., Карпинский П.В., Самойлов С.Н.] Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1910 гг. по данным, изготовленным для омской выставки 1911 г. Томск, 1912. С.59; Борзунов В.Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С.107.

вается, что свидетельствует, что за рассматриваемый период (1900–1910 гг. – И.Л.) оживления товарообмена России с Дальним Востоком через посредство рельсового пути не последовало» – к такому неутешительному выводу пришла группа авторов, проанализировавших результаты деятельности Сибирской магистрали за первые десять лет²⁴⁹. Основной статьёй перевозок оставалась сельскохозяйственная продукция, в том числе – по скоростному тарифу (сливочное масло). Безубыточное функционирование Сибирской железной дороги было достигнуто лишь в 1908 г., когда, наконец, была получена первая прибыль (2,5 млн. руб.)²⁵⁰. Несмотря на то, что объём перевозок грузов медленно увеличивался (1912 г. – 228,6 млн. пудов), одновременно уменьшался средний пробег (1907 г. – 893 версты; 1912 г. – 575 вёрст). Это свидетельствовало, что рост перевозок происходил преимущественно в рамках регионального оборота²⁵¹.

Несмотря на все просчёты, сложности и трудности, сопровождавшие сооружение Сибирской железной дороги, она сыграла огромную роль в развитии Сибири и Дальнего Востока. Такая магистраль была конечно же нужна России, в первую очередь – в стратегических соображениях. Но конкретный план её строительства оказался частью огромной по масштабу и крайне слабо разработанной мечты С.Ю. Витте захватить рынки Китая для быстро развивавшейся российской индустрии. Министр финансов не смог ни точно расставить приоритеты, ни трезво соразмерить свои желания и возможности экономики Российской империи, ни правильно оценить международную обстановку. Все это сопровождалось ненужной тратой огромных средств, примерно равных доходам государственного бюджета России за год в начале XX века. Вложенные деньги до 1914 г. не только не были окуплены, но и вообще не приносили отдачи. Это означает, что в качестве экономического проекта Сибирская дорога и КВЖД оказались несостоятельны. Кроме того, при более точной политике эту же самую магистраль (8913 верст от Петербурга до Владивостока через Маньчжурию) можно было соорудить при куда меньших усилиях. Но вопросы рентабельности не должны заслонять стратегическое значение построенных дорог. Их военно-политическая роль для сохранения рубежей и территориальной целостности огромной страны вряд ли может быть подвергнута сомнению.

²⁴⁹ [Орлов М.Н., Карпинский П.В., Самойлов С.Н.] Указ. соч. С.65.

²⁵⁰ Безубыточность была достигнута в основном не благодаря увеличению объёма перевозок, а значительному снижению эксплуатационных расходов (с 38,2 млн. руб. в 1907 г. до 29,8 млн. руб. в 1911 г.) (Доклад об эксплуатационных расходах Сибирской железной дороги, составленный А.Н. Бухман при участии А.В. Барашкова и Б.И. Плана. СПб., 1912. С.41).

²⁵¹ Шмукер М.М. Указ. соч. С.111–112, 136–137.

Глава 2. Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность

Ещё до 1917 г. увидел свет ряд работ по экономике и торговле на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX вв. Исследователи отмечали не только слабые позиции русской торговли в регионе, но и весьма тревожную тенденцию – отечественные торговцы чаще уступали позиции своим более удачливым иностранным конкурентам¹. В дальнейшем, после русско-японской войны, неблагоприятные тенденции получили лишь дальнейшее развитие². Неоднозначно оценивалась авторами политика Министерства финансов на Крайнем Востоке. А.А. Березовский, специально изучив влияния порто-франко на экономику Приморья, констатировал значительный рост цен и понижение конкурентоспособности товаров после введения таможенного обложения. Он призывал с большой осторожностью относиться к столь сильнодействующей мере, тем более, что Дальний Восток дал пример её неудачного использования³. Катастрофическое положение дел с рабочей силой в Приморье в начале XX века показано Ф.Л. Вильчинским⁴. Нехватка рабочих рук вызывала необоснованный подъём

---

¹ Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883; Гейштор И.Э. Торговля России на Дальнем Востоке. СПб., 1903; Меркулов С.Д. Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке. СПб., 1903.

² Штейнфельд П. Русское дело в Маньчжурии. Харбин, 1910; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб., 1911; Очерки русской торговли в Южной Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. №9. С.63–69; Фрид М. О положении русской торговли и промышленности в Маньчжурии. Записка Харбинского биржевого комитета. Харбин, 1913; Кротков Н.Н. Русская мануфактура и её конкуренция на китайском рынке. СПб., 1914; Северная Маньчжурия. Отчёт по командировке агентов коммерческой части Китайской Восточной железной дороги П.Н. Мельникова, П.Н. Смольникова и А.И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Гириная провинция. Т.1. Харбин, 1916 и др.

³ Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае. Опыт всестороннего исследования. Владивосток, 1907; он же. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Статистические данные Владивостокского биржевого комитета. Владивосток, 1907.

⁴ Вильчинский Ф.Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области. Статистическое исследование. Владивосток, 1904.

зарплат, стимулировала приток рабочих из-за границы (обостряя тем самым проблему миграции), а в общем резко ограничивала возможности для экономического роста. Хороший обзор экономического состояния русского Приморья в середине 1890-х гг. дал Н.А. Крюков⁵. Он показал, что сельское хозяйство было не в состоянии удовлетворять потребности региона, а промышленность практически отсутствовала, даже по обработке сельскохозяйственной продукции. В общем, ещё до революции большинство авторов показали значительную слабость экономики Дальнего Востока, отсутствие внятной и целенаправленной политики Петербурга, направленной на её развитие, а также весьма плачевное состояние региональной торговли. Такие данные ставили под сомнение не только возможность осуществить грандиозные замыслы С.Ю. Витте хотя бы отчасти, но и саму постановку вопроса о захвате внешних рынков для нужд российской индустрии. Получалось, что эти рынки ей пока не нужны и в перспективе, а власти следовало бы задуматься не об экспансии, а о защите собственных территорий от нежелательного экономического проникновения. После 1917 г. специальных исследований на эту тему практически не было. Пожалуй, единственным исключением является монография Г.Н. Романовой, увидевшая свет в 1987 г.⁶ К сожалению, книга по сути является сводом статистических данных, показывающих постепенное развитие торговли между двумя странами.

2.1. Русская торговля на Дальнем Востоке

В исследованиях часто утверждается, что политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. определялась в основном министром финансов С.Ю. Витте и её главным содержанием была экономическая экспансия в Китае. Имя С.Ю. Витте неразрывно связано с новой колониальной политикой России, когда на место прямых территориальных захватов, осуществляемых, как правило, с помощью силы, пришло движение капитала. Представления, восходящие к работам Б.А. Романова, который первым обратил внимание на этот вопрос, укрепились в российской историографии, но они верны лишь отчасти. Действительно, министр финансов всегда говорил о мирном, экономическом проникновении в Китай. Но он не детализировал и нигде подробно не изложил свои взгляды на то, как должна выглядеть экономическая экспансия России на Дальнем Востоке⁷. Кроме того, со временем его представления заметно менялись.

⁵ Крюков Н.А. Промышленность и торговля Приамурского края. Нижний Новгород, 1896.

⁶ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 1987.

⁷ В.Ф. Борзунов обнаружил в АВПРИ документ, который он назвал «Программой будущей деятельности царизма на Дальнем Востоке», составленный, по его мнению, С.Ю. Витте, первоначальный вариант которого появился в июне 1893 г. Из дальнейшего изложения понятно, что речь шла о том, чтобы перевести на будущую Сибирскую же-

Первые соображения С.Ю. Витте относятся к началу 1890-х гг., когда начиналось сооружение Сибирской железной дороги. В них речь шла преимущественно о том, что строительство железнодорожной магистрали до Владивостока будет способствовать экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока, а также даст мощный толчок расширению русско-китайской торговли. Но уже тогда подобные заявления выглядели недостаточно обоснованными. Тем не менее, в конце 1893 г. при Министерстве финансов было создано Особое совещание «по развитию торговых сношений России с Китаем и Японией» под председательством Д.Ф. Кобеко. Глава ведомства С.Ю. Витте полагал, что в связи со строительством Сибирской железной дороги «для всемирной торговли откроется новый путь и нет сомнения, что Россия не только может, но и должна воспользоваться как выгодами посредника в торговом обращении между востоком Азии и западом Европы, так и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского Востока»⁸.

Общее благополучное состояние внешней торговли России на рубеже XIX – начала XX вв. давало повод для оптимизма. С 1880-х по 1913 г. Россия имела устойчивый положительный внешнеторговый баланс. Ежегодный перевес экспорта над импортом колебался, составляя в среднем от 100 до 350 млн. руб. в год (при общем росте внешнеторгового оборота с 1,1 до 2,5 млрд. руб. в 1890–1910 гг.). В это время около половины всего вывоза составлял, как правило, хлеб, ещё примерно треть его приходилась на другие продукты сельского хозяйства (лён, пенька, масла, сахар и т.п.)⁹. То есть русский экспорт почти целиком состоял из продовольствия и сырья. Надежды на его увеличение первоначально связывались исключительно с продовольствием (мясо, хлеб, рыба)¹⁰. В импорте также доминирующее место занимало сырьё (хлопок, шерсть, шёлк – четвёртая часть) и некото-

---

лезную дорогу весь чайный груз, закупаемый российскими фирмами в Китае, сделать магистраль монополистом почтового сообщения между Европой и Дальним Востоком и использовать забайкальский и амурский участки дороги для того, чтобы «упрочить за собою преобладание на рынках Северной Маньчжурии». Как видно, размах брался тогда весьма скромный и реалистичный. Показательно, что в этой «Программе...» речь не шла о русской железной дороге в Китай (Борзунов В.Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. Ч.1. М., 2001. С.37–41). Бадмаевские проекты В.Ф. Борзунов считает «дальнейшим развитием этих взглядов» (Там же. С.42).

⁸ С.Ю. Витте – Д.Ф. Кобеко 25 октября 1893 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.537. Л.2–2 об.

⁹ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. 1800–1917. М., 1950. С.468–471.

¹⁰ Справка о торговых сношениях России с Китаем (составлена канцелярией Комитета министров), б/д. [1893] // РГИА. Ф.1273. Оп.1. Д.264. Л.28–29.

рые продукты (чай, кофе, табак и т.п. – до 20% ввоза). Примерно столько же приходилось на машины, оборудование и промышленную продукцию¹¹. По структуре своей внешней торговли Россия занимала промежуточное положение: она выступала в одинаковом качестве экспортёра сырья и продовольствия для развитых и импортёра для отсталых стран.

Быстро растущая русская индустрия к началу XX в. озаботила власть поиском для неё внешних рынков. Наиболее чётко необходимость новой торговой политики сформулировал министр финансов С.Ю. Витте в 1900 г. Его программа превентивного захвата азиатских рынков, начавшая осуществляться ещё в 1890-х гг., исходила из возможности удачной конкуренции продукции русских фабрик там с западными товарами. Однако Россия была далеко не первой на дальневосточных рынках. К началу 1890-х гг. там активно действовали англичане, американцы, немцы, японцы и др. Не имелось и необходимых структур для осуществления таких превентивных действий. Существующие ведомства с их аппаратом не были способны реализовать совершенно новые для себя и нетипичные задачи. Российские представители за границей уже в XIX веке всё чаще и чаще отмечали несоответствие их деятельности и меняющейся ситуации вокруг. «В Тяньцзине идёт обычная сутолока и скачки с препятствиями различных прохвостов, намеревающихся поживиться за счёт Китая сбытом ему оружия, устройством разных фабрик, железных дорог, мостов и разработкой рудников. Кое-что и срывают с глупых китайцев. Мы, собственно, сидим по-прежнему смирно и благородно»¹². Такие реляции всё чаще приходили в Петербург с дальневосточной окраины.

В конце XIX века русско-китайская торговля переживала не лучшие времена. Если ввоз русской мануфактуры в Китай в 1860-е гг. достиг значительных размеров¹³, то в 1870-е гг. он неуклонно уменьшался, а в 1880-е гг. – практически прекратился. Главной причиной этого оказывалась дороговизна русских товаров, неумение производителей «приноравливаться к требованиям покупателей и, наконец, плохое знакомство с китайскими рынками и апатичное отношение к ним наших фабрикантов»¹⁴. Так, в конце 1880-х гг. русский ввоз в Ханькоу составлял из потребляемыми русскими же сахара, варенья, грибов и крымских вин, объём которого не превышал 2,5 тыс. руб. золотом в год.

---

¹¹ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. 1800–1917. М., 1950. С.472–479.

¹² А. Вахович – П.А. Дмитревскому 2 августа 1892 г. // Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения. Ф.14. Оп.2. №63. Л.26 об.

¹³ В АВПРИ хранится переписка 1873 г. о появлении в Китае английских товаров с фальшивыми этикетками русских фабрик (Кессельбреннер Г.Л. Светлейший князь. М., 1998. С.141).

¹⁴ Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883. С.256.

Появившийся к тому времени русский сахар оказался слишком дорогим, поэтому он не мог конкурировать с более дешёвым китайским и американским. Вдобавок он был неудачно упакован в бочки и ящики по 5 и 10 пудов, после вскрытия быстро отсыревал, его требовалось немедленно продать (французский и американский сахар расфасовывался в металлические коробки по 20 фунтов)¹⁵. Такое положение дел сохранялось и в 1890-е, и в 1900-е гг. Не удивительно, что в целом русский экспорт из России в Китай с 1850 до 1893 гг. упал почти в 2 раза (с 7,7 до 4,1 млн. руб.), импорт же вырос более чем в 4 раза (с 7,5 до 33,3 млн. руб.). Удельный вес Китая в русском вывозе составил в 1891 г. всего 0,6%, в импорте – 4%¹⁶. В товарообороте Китая Россия занимала в 1890–1891 гг. седьмое место, уступая в 4 раза Англии, 30–40% – Японии и Германии. В 1900-е гг. ввоз России в Китай несколько увеличился до 5–7,5 млн. руб. ежегодно, однако на фоне растущего вывоза (с 30 до 45 млн. руб. в год) это вряд ли являлось достижением.

Основной статьёй русского импорта был чай (в середине 1890-х гг. Россия покупала в год примерно 2 млн. пудов). Несмотря на некоторое увеличение его закупок к началу XX века, будущее чайных операций выглядело не очень обнадеживающим. Уже с конца 1880-х гг. эта важная статья китайского экспорта начала медленно, но неуклонно сокращаться из-за увеличения производства и вывоза чая из Индии и Цейлона, причём лучшего качества, чем китайский¹⁷.

Около половины русского экспорта составляли хлопчатобумажные ткани, но их стандартный размер был слишком узким для китайского потребителя, что сильно затрудняло сбыт¹⁸. Аналогичным было положение с продажей русского сукна: из-за неудачной конкуренции с более дешёвым, хотя и менее качественным товаром, его продажа только в Тяньцзине уменьшилась с 1400 кусков в 1897 г. до 220 в 1900 г.¹⁹ Будущее показало правоту опасений: с 1906 г. по 1914 г. вывоз русской мануфактуры сократился более чем в 2 раза. Доля России в торговле импортными тканями составила менее 2%, и это – в основном в Маньчжурии, на территорию собственно Китая они практически не попадали²⁰. После русско-японской войны ситуация только ухудшилась. Дипломатам оставалось лишь констатировать слабые позиции русской торговли в большинстве провинций Северного Китая²¹.

¹⁵ Обзорение русской торговли в Ханькоу за 1887 г. // РГИА. Ф.20. Оп.7. Д.107. Л.1.

¹⁶ Романова Г.Н. Указ. соч. С.71.

¹⁷ Андрущенко Н. По вопросу о чайном грузе для Сибирской железной дороги // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.123. Л.149–154.

¹⁸ Гейштор И.Э. Торговля России на Дальнем Востоке. СПб., 1903. С.4, 14.

¹⁹ Записка Д.М. Позднеева, приложенная к письму С.Ю. Витте 2 июля 1902 г. // РГИА. Ф.22. Оп.3. Д.46. Л.5 об.

²⁰ Кротков Н.Н. Указ. соч.

²¹ Мещерский Д.В. Экономический обзор Гиринской провинции // Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам.

Да и сами российские торговцы не демонстрировали желания действовать на китайском рынке²². Так, даже в Инкоу – «главном и единственном центре жизни» Маньчжурии – российские товары появились лишь в 1902 г. Произошло это не благодаря русским торговцам или властям²³, а после поездки двух китайских купцов в Москву, где они приобрели товаров на 140 тыс. руб. (справедливости ради, надо отметить, что кредит им дал Русско-Китайский банк)²⁴. Сильный удар по торговым операциям в Инкоу нанесло боксёрское восстание 1900 г. и ввод в порт русских войск. Торговля замерла, так как оказалось, что русская администрация не в состоянии обеспечить защиту коммерсантов от грабежей²⁵. Но и к концу 1903 г. в Инкоу не имелось представительств российских торговых фирм. Маловероятно, что это отражало политическую линию российского правительства – не поощрять своих торговцев, чтобы не раздражать иностранцев, отвлекая их от истинной цели – присоединения Маньчжурии, как об этом гласила молва. Точнее будет другое предположение – что Инкоу рассматривался как конкурент Дальнему, поэтому там не было ни финансового агента, ни представителя КВЖД²⁶. Не лучше оказалось положение дел в Тяньцзине. После смерти А.Д. Старцева²⁷ в 1900 г. и ликвидации его фирмы позиции русской торговли там сильно пошатнулись²⁸. На рынке осталось лишь

1912. №13. С.1–7; Колоколов С.А. Торгово-промышленный обзор Мукденской провинции // Там же. С.8–21 и др.

²² Те немногие из них, которые закрепились на китайском рынке, редко отличались размахом, предпочитая осторожно вести посреднические операции по перепродаже в Россию китайских товаров (например, М.Д. Багуев – шерсть, Н.А. Платунов – чай и т.п.). Большинство российских негодантов относилось друг к другу с непримиримой враждой (Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 12 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.89–100).

²³ «Все мы здесь живущие знаем, что в некоторых учреждениях, коим наши торговые интересы должны бы быть особенно близки, заниматься вопросами о развитии торговых сношений с Инкоу запрещено» (Доклад генерал-майора К.А. Кондратовича (бывшего начальника военных сообщений Квантунской области и Южной Маньчжурии) Е.И. Алексееву 14 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.180. Л.6–12).

²⁴ Б. Очерк русской торговли в Южной Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. №8. С.63–69.

²⁵ [И.Н. Протасьев] – Д.Д. Покотилу 28 октября [1900 г.] // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.13. Л.42–43.

²⁶ Доклад генерал-майора К.А. Кондратовича Е.И. Алексееву 14 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.180. Л.6–12.

²⁷ Старцев Алексей Дмитриевич – известный тяньцзинский купец, начавший торговое дело в Китае ещё в 1870-е гг., которое выросло к концу XIX века в крупную торговую фирму. А.Д. Старцев пользовался большим уважением среди китайских чиновников, в частности, за помощью к нему обращался даже чжилийский генерал-губернатор Ли Хунчжан.

²⁸ После того, как в Китае разгорелось восстание боксёров, А.Д. Старцев вынужденно перебрался во Владивосток, где скоропостижно скончался. За время отсутствия хозяина его имущество в Тяньцзине было разорено.

два торговых дома, занимавшиеся закупками чая, и их операции заметно сократились (и это в то время, когда в Маньчжурии находились российские войска), а цены на русские товары были на 20–30% выше, чем в Порт-Артуре²⁹.

Продукция российских фабрик сталкивалась на Востоке с нерешённой проблемой сбыта, а то, что удавалось продать, приобреталось, как правило, самими русскими. Одним из главных препятствий были слишком высокие для китайского рынка цены. Весь перечень русских товаров ограничивался списком: спирт, табак, консервы и мануфактура, из них устойчивым спросом пользовалась лишь смирновская водка, да и её перспективы выглядели сомнительно из-за быстрого производства дешёвого местного спирта³⁰, а также из-за фальсификации её японцами и китайцами³¹. Вряд ли стоит серьёзно относиться к таким статьям русского экспорта как самовары, чёрная икра, морская капуста, трепанг и т.п. Впрочем, попытки организовать торговлю в расчёте на потребности местного населения неоднократно терпели неудачу. Ещё в 1858 г. Н.Н. Муравьёв-Амурский учредил Амурскую компанию с капиталом в 3 млн. руб. для ловли рыбы, скупки мехов у местного населения в обмен на необходимые им товары. Компания просуществовала всего три года, после чего разорилась, её паи были проданы по 17 коп. за рубль. Причиной краха стало неумение вести коммерцию³².

Такому положению дел в русской торговле в Китае находится целый ряд объяснений. Очень дорого для российских торговцев обходилась доставка товара в Китай. Русский фрахт из Одессы во Владивосток на пароходах «Добровольного» флота стоил от 35 копеек до 2 руб. 40 коп. за пуд, и это были привелигированные, т. е. дешёвые расценки. Аналогичный фрахт от Гамбурга или побережья США обходился в 14 коп. за пуд, не говоря уж о Японии – всего 8 коп. за пуд³³. Помимо этого, товар ещё следовало довести до Одессы. Тариф

²⁹ Записка Д.М. Позднеева, приложенная к письму С.Ю. Витте 2 июля 1902 г. // РГИА. Ф.22. Оп.3. Д.46. Л.4.

³⁰ Отчет Д.М. Позднеева о встрече с русским купечеством Дальнего Востока в Харбине. 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.200. Л.4–9; аналогичным состоянием русской торговли было в Тяньцзине – см. письмо Д.М. Позднеева С.Ю. Витте 30 января 1902 г. // Там же. Д.113. Л.61–72.

³¹ Так, японцы «под совершенно безграмотной этикеткой» сбывали «мерзейшую жидкость, приготавливаемую, вероятно, из японской водки “сакэ”» (Записка Д.М. Позднеева, приложенная к письму С.Ю. Витте 2 июля 1902 г. // РГИА. Ф.22. Оп.3. Д.46. Л.4 об.).

³² Крюков Н.А. Указ. соч. С.89.

³³ Меркулов С.Д. Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке. СПб., 1903. С.8. В конце XIX века фрахт из Гамбурга во Владивосток на немецких пароходах обходился в 30 коп. за пуд, а «Добровольный флот» хотел получить 1 руб. за пуд, но из-за конкуренции был вынужден снижать расценки (Крюков Н.А. Указ. соч. С.101–102). Схожие цифры привёл в 1893 г. владелец пароходства на Дальнем Востоке М.Г. Шевелёв: тариф «Добровольного флота» из Одессы составлял 50 коп./пуд, дру-

же, установленный на КВЖД в декабре 1899 г., составлял 50 коп. за вагон/версту (вагон брал 750 пудов), и это при нерегулярном движении, отсутствии необходимых условий для погрузо-разгрузочных работ и хранения товаров. В результате за год (к 5 февраля 1901 г.) по дороге было перевезено всего 196 вагонов и платформ с коммерческим грузом, 70% его составляла водка³⁴. Чтобы сделать русский экспорт в Китай выгодным, все провозные тарифы следовало понизить не менее, чем в 2 (железнодорожные) – 3 (морские) раза³⁵. Новые тарифы на КВЖД были установлены с 1 июля 1903 г. Они оказались даже ниже общероссийских (от Дальнего – 8,6 коп. с пуда за 100 вёрст, по России – 10 коп., от Владивостока – 14 коп.). Однако с увеличением расстояния провоза тарифы на длинные дистанции почему-то не снижались (800 вёрст по России – 68 коп., на КВЖД – 87 коп., от Владивостока – 112 коп.)³⁶. Получалось, что правление КВЖД, поощряя местный товарооборот, не поддерживало транзит. Но ведь все расчёты вокруг КВЖД и Сибирской магистрали строились вокруг её транзитной роли. Логику действий руководства дороги в этом случае трудно понять.

Впрочем, накладные расходы, связанные с транспортировкой, хотя и были существенными, но не выходили за рамки приемлемых. Так, по данным торговцев Восточной Сибири, доставка товаров из Европейской России из Москвы через Одессу добавляла к их стоимости всего 11–20%, длительность перевозки увеличивала этот процент до 25. Но цены Хабаровска по сравнению с ценами Одессы были выше на 33–455%, в большинстве случаев они вырастали в 2 и более раза³⁷. Проведённый в 1893 г. анализ деятельности торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» показал, что самая большая наценка приходилась на керосин (160%), затем следовали макароны (77%), папиросные гильзы (69%), мука из Одессы (63%), листовое железо (60%). За этим скрывался прежде всего фантастический аппетит местных купцов, но не только. Значительная доля в цене, особенно на одежду и сукно, приходилась на так называемые «разные расходы» (30–50% от наценки), включавшие в себя немалые убытки из-за нерадивости служащих и – взятки³⁸.

гие компании просили 30–35 коп. Правда, «Добровольный флот» доставлял грузы на быстроходных пассажирских судах (Труды III хабаровского съезда [местных деятелей Амурской и Приморской областей]. Хабаровск, 1893. С.29).

³⁴ Справка [о перевозке коммерческих грузов из Порт-Артура по железной дороге] 5 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.78. Л.8–11.

³⁵ Меркулов С.Д. Указ. соч. С.21.

³⁶ Докладная записка члена биржевого общества С.Д. Кравцова о тарифных ставках КВЖД [1903 г.] // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.238.

³⁷ Труды III хабаровского съезда [местных деятелей Амурской и Приморской областей]. Хабаровск, 1893. С.50–51.

³⁸ Крюков Н.А. Указ. соч. С.91.

Разумеется, существовал целый ряд возможностей, чтобы облегчить конкуренцию российским производителям. Прежде всего, в такой ситуации следовало бы позаботиться о развитии отечественного торгового флота, чем более, что о коммерческой эксплуатации Сибирской железной дороги в середине 1890-х гг. речь пока не шла. Состояние же дел у российских судовладельцев на Дальнем Востоке было далеко от удовлетворительного. Самая крупная пароходная компания М.Г. Шевелёва даже не имела своих агентов в китайских портах³⁹. Поэтому, к примеру, перевозку китайцев (а это 8–9 тыс. человек в год) из Чифу во Владивосток осуществляли немецкие и английские суда (цена вопроса – 80–100 тыс. мексиканских долларов)⁴⁰.

Но если не частные компании, то почему не действовал в должной мере «Добровольный флот» – специально созданное общество для организации перевозок между европейской частью России и Дальним Востоком? Его появление в 1879 г. было связано с обострением англо-русских отношений и с опасениями за безопасность дальневосточной окраины, но не с экономическими причинами⁴¹. Кстати, при обсуждении устава «Добровольного флота» прозвучало, что общество «не основано на стремлении к прибылям, к монополии»⁴². В его распоряжении в середине 1880-х гг. находилось 7 пароходов. Рейсы на Дальний Восток они совершали нечасто, как правило, по прямому указанию властей, используя специальные тарифы (так, в 1879 г. было заключено соглашение с Морским министерством на перевозку 90 тыс. пудов по 90 коп. за пуд)⁴³. Перевозились на окраину большей частью переселенцы (с 1883 г.) и войска, такие операции приносили «Добровольному флоту» на первых порах ежегодный убыток в 80 тыс. руб. (обратно пароходы возвращались почти пустыми). Для его компенсации и развития общества

---

³⁹ Михаил Григорьевич Шевелёв после окончания Кяхтинского училища, где он изучал китайский язык, служил в 1860–1870-х гг. доверенным лицом русских чаеоторговых фирм в Ханькоу, а затем и сам занялся операциями с чаем. В 1880 г. он основал пароходство, которое занималось перевозками на Дальнем Востоке, получая казённые дотации. Однако в 1890-е гг. его преследовали неудачи. В 1899 г. линии, обслуживавшиеся компанией М.Г. Шевелёва, были переданы пароходству КВЖД (Белокрыс М. На пути к Великой стене / Янковский В. Михаил Григорьевич Шевелёв и его потомки от XIX века до наших дней. Владимир, 2005. С.63–89).

⁴⁰ Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 19 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.105–106.

⁴¹ Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979. С.32–33.

⁴² Поггенполь М. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время 25-летнего его существования. СПб., 1903. С.30.

⁴³ Там же. С.36.

К.П. Победоносцев просил у Александра III 7,5 млн. руб. в течение 10 лет⁴⁴ («Добровольному флоту» ежегодно требовалась субсидия в 600–700 тыс. руб.)⁴⁵. Позднее положение дел несколько улучшилось. Благодаря высоким тарифам и казённым заказам за 10 лет своего существования компания показала к 1888 г. прибыль в 652 239 руб.⁴⁶ Тем не менее, её коммерческая сторона была поставлена, по отзыву современников, отвратительно. Для поправки дела в 1900 г. «Добровольный флот» передали КВЖД, которой пришлось дотировать его на 160 тыс. руб. ежегодно (то есть, также из государственного кармана)⁴⁷. В 1902 г. общество располагало 15 пароходами грузоподъёмностью 3,7 млн. пудов и 32,5 тыс. пассажиров одновременно⁴⁸. Впрочем, основная роль в перевозках на Дальнем Востоке всё равно сохранялась за транспортными компаниями из других стран.

Для развития товарооборота с Дальним Востоком Министерству финансов можно было активнее пользоваться «Добровольным флотом», что не обещало колоссальных затрат. Стоило лишь компенсировать часть фрахта – и не более того, чтобы получить ощутимый поток грузов. Во всяком случае, следовало существенно удешевить доставку грузов в Китай, что наверняка способствовало бы усилению позиций русских товаров. К тому же, в будущем это облегчило бы переход на железнодорожные перевозки (хотя бы для части грузов). При некоторых условиях стала бы возможной и конкуренция с другими перевозчиками–иностранцами (даже не занимаясь демпингом). Ничего этого сделано не было. Почему? Ответ один – отсутствие нормальной организации и согласованной программы. Вряд ли проблема упиралась только в деньги – на подобные меры их требовалось не так много.

Возможно, причина также заключалась в специфических взглядах С.Ю. Витте на развитие флота, как военного, так и торгового. В конце 1902 г. министр финансов заявил А.М. Абазе (который тогда служил помощником главноуправляющего торговым мореплаванием и портами великого князя Александра Михайловича), «что наша роль на Востоке состоит в том, чтобы заниматься торговлей. Безраз-

---

⁴⁴ Там же. С.108.

⁴⁵ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т.1. М., 1966. С.53–54. Запись 26 февраля 1883 г.

⁴⁶ Поггенполь М. Указ. соч. С.142.

⁴⁷ Бянкин В.П. Указ. соч. С.65–66. Позднее руководство КВЖД превратило пароходство в крупную флотилию, насчитывавшую до 26 судов. Однако коммерческая деятельность так и не наладили: корабли не были приспособлены к плаваниям в северных морях, что вызывало высокую аварийность. Их ремонт обходился чрезвычайно дорого, у флота отсутствовало коммерчески обоснованное расписание. Не удивительно, что он практически не перевозил частных грузов, продолжая существовать преимущественно за государственный счёт (Там же. С.75–78).

⁴⁸ Поггенполь М. Указ. соч. С.232–233.

лично для России, если грузы будут перевозиться под иностранным флагом, а не под русским. Для русских грузов на Востоке вполне достаточно иностранных перевозочных средств. Лучше расходовать русские деньги на усиление военного флота, чем торгового. Вообще говоря, нельзя и не нужно с экономической точки зрения увлекаться и тратить большие деньги на развитие русского торгового мореплавания. Расходы на развитие мореходства превысят те потери, которые мы теперь несём на иностранном фрахте, расходуемые деньги большей частью уйдут всё-таки за границу, а результаты, т.е. действительное развитие российской морской торговли, не осуществляются даже и при внуках наших!»⁴⁹ Конечно, возможно, что этот пассаж – результат переосмысления С.Ю. Витте своей политики в конце 1902 г., а также бальзам для великого князя, которому министр финансов отказал в крупных субсидиях на развитие военного (!) флота ещё в середине 1890-х гг. Но похоже, что в общем министр финансов не лукавил.

Ещё одна проблема – это конкуренция китайских торговцев, также начавших операции с русскими товарами. В отличие от российского купечества китайцы довольствовались маленькой торговой наценкой (были рады уже 5–10%), низкими зарплатами, что делало их товар ощутимо дешевле. Кроме того, они широко использовали поддельную продукцию. Например, собирали пустые бутылки из-под водки и заливали их смесью своей, низко качества, со смирновской и продавали как настоящую⁵⁰. К 1910 г. диспропорция достигла угрожающего размера: ведро казённой водки на Дальнем Востоке стоило 9 руб. 40 коп., тогда как маньчжурской – 50 коп.⁵¹ Конечно, она легко проникала и на российские территории, вызывая повальное пьянство, например, на строительстве Амурской железной дороги⁵². Речь шла уже о повсеместном спаивании местного населения из-за развития подобной «торговли», настолько значительные размеры приобрела контрабанда китайского спирта⁵³. Поток алкоголя стал проблемой в отношениях с маньчжурскими властями. Такая конкуренция привела к тому, что уже к 1903–1904 гг. в дальневосточной торговле остались только крупные русские фирмы⁵⁴.

⁴⁹ А.М. Абаза – великому князю Александру Михайловичу 10 декабря 1902 г. // ГАРФ. Ф.645. Оп.1. Д.131. Л.1 об. – 2.

⁵⁰ Журнал №11 Комитета по заселению Дальнего Востока. Заседания 19 мая и 30 октября 1910 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.6. Д.25. Л.56–59.

⁵¹ Журнал №1 Комитета по заселению Дальнего Востока. Заседание 20 января 1910 г. // Там же. Л.2 об.

⁵² С.Д. Сазонов – И.Я. Коростовцу 28 декабря 1910 г. // Там же. Д.690. Л.359–360.

⁵³ Журнал №11 Комитета по заселению Дальнего Востока. Заседания 19 мая и 30 октября 1910 г. // Там же. Д.25. Л.56–59.

⁵⁴ Козьмин Г. Дальний Восток. Воспоминания и рассказы. СПб., 1904. С.115–116, 278–279.

Но даже попав в Маньчжурию, русская продукция сталкивалась с более качественными и зачастую более дешёвыми товарами Англии, США, Японии. Так, например, к концу 1890-х гг. Россия была практически вытеснена с маньчжурского рынка текстиля, в 1898 г. США продали там хлопчатобумажных тканей на 4,7 млн. долларов, в 1899 г. – уже на 6,8 млн., захватив 98% всего импорта текстиля в Северный Китай⁵⁵. Даже в Синьцзяне большая часть ввозимой мануфактуры была немецкого производства, несмотря на то, что торговая наценка на них составляла 35% (русские товары могли дать такую прибыль лишь в исключительных случаях)⁵⁶.

Одно время Россия чувствовала себя уверенно на рынке керосина. Спрос на него в 1890-е гг. устойчиво рос в Китае и Японии, несмотря на то, что по качеству он уступал американскому, благодаря невысокой цене⁵⁷. В 1890-е гг. его ввоз в Китай из России стабильно рос, к концу столетия он составлял более половины от американского⁵⁸. Российские власти очень рассчитывали на этот рынок и принимали меры для увеличения экспорта керосина: планировалось соорудить в Дальнем специальный терминал для разгрузки нефтепродуктов и ряд хранилищ по трассе КВЖД для организации широких продаж в Маньчжурии⁵⁹. Активно действовал Русско-Китайский банк: приобретал ёмкости, строил склады, распространял лампы и горелки, приспособленные для использования русского керосина. Но это происходило тогда, когда русский керосиновый экспорт в Китай уже сокращался. Оказалось, что бакинские нефтепромышленники не проявляют интереса к дальневосточному рынку и с 1897 г. они переориентировали свои продажи на Европу⁶⁰. Также выяснилось, что на Дальнем Востоке появился своеобразный конкурент: часть русского керосина, проходящего через Суэцкий канал, не доходила до Китая и разгружалась в Сингапуре. Там одна из торговых фирм смешивала русский керосин

⁵⁵ Горелик С.Б. Политика США в Маньчжурии в 1898–1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М., 1960. С.44.

⁵⁶ К. Иогансон – Д.Д. Покотилову 13 сентября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.69. Л.13–17.

⁵⁷ Извлечение из донесений русских консулов в Японии. [1889 г.] // РГИА. Ф.1273. Оп.1. Д.264. Л.57–58.

⁵⁸ Если в 1891 г. Россия ввезла в Китай 864 932 ящика керосина, то в 1892 г. – уже 1 328 620. Экспорт американского керосина составил в эти же годы 3 188 401 и 3 672 038 соответственно. Получалось, что прирост продаж российского и американского керосина в натуральном исчислении был примерно одинаков (Путята Д.В. Китай. СПб., 1895. С.122).

⁵⁹ Журнал Особого совещания по вопросу о рассмотрении коммерческого порта и города в Дальнем 22 и 24 апреля 1899 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1830. Л.23 об.

⁶⁰ Фурсенко А.А. Первый нефтяной синдикат в России (1893–1897) // Монополии и иностранный капитал в России. М.:Л., 1962. С.50–55.

с низкокачественным голландским в пропорции 3 к 2, получившаяся смесь продавалась в Китае под названием лантагского⁶¹. Благодаря дешевизне она получила значительное распространение. После русско-японской войны картина выглядела удручающе: в 1908 г. ввоз русского керосина находился на уровне всего 3 млн. галлонов (упал по сравнению с 1899 г. на 88%, а американского – 122 млн. (вырос на 195%))⁶². В общем, история с керосином ещё раз доказала общее правило: все торговые успехи России в Китае носили эпизодический и частичный характер. В 1902 г. правление КВЖД вынуждено было констатировать: «Русский керосин в силу значительной конкуренции, а ещё более вследствие отсутствия какой бы то ни было организации дела сбывается на Дальнем Востоке лишь в самых незначительных размерах»⁶³.

Напрашивался ход: для успеха русского экспорта в Китай производство отечественных товаров должно быть налажено прежде всего в Забайкалье и Приморье. Местные власти ставили такую задачу. Например, генерал-губернатор Восточной Сибири А.Н. Корф ещё в 1893 г. призывал к развитию местной промышленности как для удовлетворения нужд края, так и для вывоза за границу⁶⁴. Однако экономика Приморья находилась на крайне низком уровне развития. Несмотря на быстрый рост объёмов производства (с 1897 г. по 1900 г. он увеличился на 43%, составив 8 млн. руб., а число фабрично-заводских предприятий – на 79%), наиболее развитой отраслью оставалось винокурение (5 крупных заводов давали продукции на 3 млн. руб. в год, то есть, более трети)⁶⁵. Даже накануне русско-японской войны экономический центр области – Владивосток представлял из себя только порт, частных предприятий в нём почти не было. Совершенно отсутствовали мощности по переработке сельскохозяйственного сырья. И в 1903 г. во Владивосток везли из Англии (!) огнеупорную глину, из Японии – коксующийся уголь. Попытка наладить экспорт собственной продукции (спичек) быстро закончилась крахом: владивостокские спичкопроизводители не сумели удержать рынок даже в собственном городе.

Торговля как и в 1880-е гг., так и позднее велась практически «с колёс», запасы делались минимальными, поэтому с прилавков магазинов регуляр-

⁶¹ Д.М. Позднеев – А.И. Путилову 11 февраля 1903 г. // РГИА. Ф.22. Оп.3. Д.46. Л.38–39.

⁶² Бродский Р.М. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае 1898–1905. Львов, 1965. С.7–8.

⁶³ Из протокола заседания правления Общества Китайской Восточной железной дороги о реорганизации торговли русским керосином на Дальнем Востоке 13 июня 1902 г. // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883–1914. Материалы и документы. М.:Л., 1961. С.265.

⁶⁴ Труды III хабаровского съезда [местных деятелей Амурской и Приморской областей]. Хабаровск, 1893. С.21.

⁶⁵ Всеподданнейший отчёт приамурского генерал-губернатора [Н.И.] Гродекова. 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901. С.110.

но исчезали те или иные товары, в том числе и из необходимых (папиросы, калоши и т.п.). Дело доходило до курьёзов: осенью 1884 г. команда фрегата «Минин» выпила всё немецкое пиво, которое надолго исчезло из продажи; в феврале 1885 г. пропало простое мыло, поэтому стирать приходилось дорогим душистым и т.п.⁶⁶

Край отличал острый дефицит капитала, особенно свободного. Нехватка средств определялась также нежеланием состоятельной части населения вкладывать деньги в местную экономику: сбережения зачастую переводились в Европейскую Россию. Министерство финансов не прилагало никаких усилий для насыщения дальневосточного рынка кредитами. Строительство Сибирской железной дороги мало изменило ситуацию: экономика края и до этого держалась преимущественно на казённых заказах. Дороговизна и малодоступность частного кредита приводили к крайней неустойчивости положения местных промышленников. Любая случайная и непродолжительная задержка казённых платежей оборачивалась для них реальной опасностью краха. Экономист, специально изучавший эту проблему, пришёл к печальному выводу: «промышленный капитал Окраины не в состоянии строить крупные предприятия»⁶⁷. К такому выводу подталкивал и ряд других обстоятельств: малочисленность русского населения, общий недостаток рабочей силы и особенно специалистов. Одновременно среди них существовала значительная безработица, что отражало почти полное отсутствие рынка предложения труда⁶⁸. То есть, экономика российского Дальнего Востока была очень слаба даже для того, чтобы удовлетворять потребности региона, не говоря уж о том, чтобы стать индустриальной базой для экономической экспансии за границу.

2.2. Порто-франко

Большое значение для Дальнего Востока имел режим беспошлинной торговли, позволявший в какой-то степени смягчать имевшиеся экономические проблемы. Порто-франко существовало во Владивостоке с самого момента присоединения Приамурья к России (с 1858 г.). Но в 1867 г. началось постепенное введение таможенных пошлин на импортируемые товары. Сначала – на спиртное, пока в 1888 г. они не достигли европейского уровня, с 1887 г. – на табак, с 1888 г. – на сахар, спички, керосин и некоторые другие предметы.

---

⁶⁶ Гребенщиков М.Г. Столица Южно-Уссурийского края (из странствований по Востоку) // Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд III. Оп.3. №26.

⁶⁷ Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917. С.134.

⁶⁸ Гурьев А. Развитие фабрично-заводской промышленности на дальневосточной русской окраине в связи с порто-франко // Вестник Азии. 1911. №7. С.59–77.

Отношение к порто-франко было различным. Местные торговцы, заявляя, что русский товар «не нуждается ни в каких мерах покровительства», одновременно ратовали за таможенное обложение импорта по тем же правилам, что и в Европейской России. В противном случае они угрожали тем, что иностранный капитал захватит всю дальневосточную торговлю и вытеснит российские товары (явно преувеличенная и надуманная опасность)⁶⁹. Такого рода обращения неоднократно направлялись в Петербург, начиная со второй половины 1880-х гг. Однако Министерство финансов и местные власти (приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф) были против, понимая, что обложение товаров продиктовано корыстным интересом торговцев и будет лишь препятствовать экономическому развитию окраины. По мнению Н.А. Крюкова, изучавшего экономическую жизнь Приморья в конце XIX века, отмена порто-франко «будет мат для развития края»⁷⁰.

Тем не менее, власть постепенно всё-таки ограничивала таможенную свободу, стремясь к продвижению в Приморье русских товаров и опасаясь проникновения дешёвого импорта с Дальнего Востока в Сибирь и даже в Европейскую Россию (особенно в связи с появлением железной дороги). Предполагалось, что пошлины будут увеличены до общероссийских, а то и выше их. Беспощинный ввоз сохранялся только за теми товарами, которые не производились в достаточном количестве в России⁷¹. В 1895 г. на Дальний Восток была отправлена комиссия Н.П. Забугина для обследования вопроса о порто-франко, которая пришла к выводу, что его следует отменить. Заключение чиновников позднее поддержал генерал-губернатор Н.И. Гродеков⁷². Возможно, что эти предложения повлияли на решимость Министерства финансов отменить порто-франко⁷³.

Можно спорить об эффективности подобных протекционистских мер, но несомненно, что они способствовали формированию в Приморье рынка с очень высоким по сравнению с Европейской Россией уровнем цен.

---

⁶⁹ Доклад общего собрания уполномоченных ярмарочного купечества о ходатайстве перед г. министром финансов о закрытии порто-франко во Владивостоке 12 августа 1891 г. // РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.105. Л.210.

⁷⁰ Крюков Н.А. Указ. соч. С.104.

⁷¹ Журнал совещания по вопросу об обложении таможенными пошлинами иностранных товаров, привозимых в порты Восточного океана (Владивосток, 4, 5, 6, 7 апреля и 2 мая 1895 г.) // РГИА. Ф.1276. Оп. 2. Д.264. Л.183–224.

⁷² Однако его предшественник С.М. Духовской был уверен, что порто-франко приносит региону «громадную пользу» (Всподаннейший отчёт приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1896–1897 годы. СПб., 1898. С.66).

⁷³ Протокол заседания 5-ой подкомиссии Финансовой комиссии III Государственной думы 27 марта 1909 г., посвящённый закрытию порто-франко на российском Дальнем Востоке. Докладчик – Л.К. Шешминцев // Государственная дума. III созыв. 2-я сессия. Нумерной печатный материал, разобранный по комиссиям. Т.3. Л.140 об. (РНБ. Шифр 30/4–50).

По большому счёту это противоречило политике экономической экспансии С.Ю. Витте в Китае (местные товары имели мало шансов закрепиться на китайском рынке из-за высокой цены и посредственного качества. Ошибочной была и ставка министра финансов на ввоз промышленной продукции из Европейской России – для этого не было проведено необходимых расчётов и все намерения свелись по-преимуществу к голословным декларациям. Для успеха на восточных рынках следовало развивать производство в приграничных районах. Это свидетельствовало о слабости российской экономики, которая уступила даже собственную окраину и оказалась вынуждена защищаться таможенными барьерами. Закрытие порто-франко имело смысл, если бы Министерство финансов озаботилось развитием промышленности Дальнего Востока. Однако как раз этого не произошло. С.Ю. Витте вместо создания в Приморье экономической базы для торговли установил порто-франко в Дальнем (указ Николая II 30 июля 1899 г.) и ввёл в 1900 г. таможенные пошлины во Владивостоке. Министр финансов понимал, что наносит ущерб экономическим интересам российского Дальнего Востока только для того, чтобы по Сибирской железной дороге «было что возить». Последствия этого оказались значительны и различны для экономики Приморья.

До второй половины 1890-х гг. Владивосток рассматривался властью как конечный пункт Сибирской железной дороги и как главная гавань России на Тихом океане. В 1894 г. был принят план сооружения в бухте Золотой Рог (в 1896 г. его местоположение уточнили – у мыса Эгершельда) крупного торгового порта, работы предполагалось завершить за 14 лет, общая смета составила 21,95 млн. руб.⁷⁴ Проектировщики исходили из того, что Транссиб даст порту ежегодный оборот груза до 150 млн. пудов или 2,5 млн. тонн. Идея перенести торговый терминал в Корею или Китай получила распространение в 1897 г. Тогда возникал резонный вопрос о судьбе Владивостока и сфере действия порто-франко.

Строго говоря, нет убедительных и полных данных, представляющих весь спектр последствий отмены порто-франко в Приморье для экономики края. Данные во многом противоречивы, а характер оценок определяется их происхождением. Соответственно, их объяснение и интерпретация могут оказаться весьма различны.

Отказ от порто-франко существенно сократил оборот владивостокского порта: если в 1900 г. туда было привезено морем 21,7 млн. пудов груза, то в 1902 г. – уже 14,1 млн., вывоз в это же время сократился с 4 до 2,27 млн. пудов⁷⁵. Но суда по всему, катастрофой для Владивостока эти изменения не

⁷⁴ Записка канцелярии Комитета министров «Об устройстве коммерческого порта во Владивостоке» [1894 г.] // РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 49. Л. 12–19.

⁷⁵ Березовский А. А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии города и порта Владивостока. Владивосток, 1907. С. 7, 10. Однако данные об оборотах вла-

стали, так как перед русско-японской войной обороты порта вновь увеличились и по некоторым данным, даже превзошли докризисные (но не были ли эти грузы военными?). Однако оптовые закупки торговых фирм Владивостока уменьшились на 60–70%, развитие получила контрабанда⁷⁶. Несмотря на налоговые льготы в Порт-Артуре и введение запретительных пошлин на торговлю Владивостока, только незначительные и начинающие фирмы переместились на Квантун, но и они пострадали из-за чрезмерно высоких железнодорожных тарифов. Все солидные торговые компании продолжали торговать с Маньчжурией через Владивосток, несмотря на существенно ухудшившиеся условия⁷⁷. Это была в том числе и волокита со стороны таможи, необходимость оплаты каждой справки, каждой бумажки⁷⁸. Таким образом, попытка быстро и искусственно переориентировать всю русскую торговлю из Владивостока в Порт-Артур вряд ли можно назвать удачной, так как она вызвала дополнительные проблемы для сбыта русских товаров. Конечно, Порт-Артур и Дальний получили импульс для экономического развития. В 1901 г., согласно отчёту американского консула, туда зашло 760 пароходов, на полуострове работало 700 фирм, их годовой оборот превышал 35 млн. руб. (по 50 000 руб. на фирму – это очень немного). Порт-Артур быстро рос: в 1902 г. число его жителей приближалось к 50 тыс., на некоторых улицах из-за обилия пешеходов пришлось запретить движение извозчиков⁷⁹.

дивостокского порта противоречивы. По другим сведениям, с 1 июня 1901 г. Владивосток посетило 116 российских и 138 иностранных судов, ввоз составил 8 869 858 пудов (за год должно быть – 15 205 471), вывоз – 1 271 556 пудов (за год – 2 179 810); в 1902 г. – 165 и 209 судов, ввоз 13 479 380 пудов (89% от предыдущего), вывоз 1 714 017 пудов (79% от предыдущего); до 1 сентября 1903 г. 76 и 146 судов, ввоз – 10 783 402 пуда (за год – 16 175 103, это на 20% больше уровня предыдущего года), вывоз – 1 896 693 пуда (за год – 2 835 040, в полтора раза больше) (Сведения по владивостокской портовой таможне за время с 1 июня 1901 по 1 сентября 1903 гг. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.182. Л.7–8). «Провал» 1902 г. можно объяснить как привыканием к новым условиям, так и созданными заранее значительными торговыми запасами (Меркулов С.Д. Указ. соч. С.32). Официальные же инстанции были уверены, что никакого падения торговых оборотов Владивостока не произошло. Это же констатировалось в докладной записке правления КВЖД (Докладная записка правления КВЖД по поводу ходатайства Владивостокского биржевого общества, б/д. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.238). Однако возможно, что пророст получался благодаря значительному увеличению военных перевозок, не имевших никакого отношения к торговым оборотам.

⁷⁶ Ходатайство Владивостокского биржевого комитета перед министром финансов №377 26 сентября 1902 г. // Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905.

⁷⁷ Записка о встрече Д.М. Позднеева с русским купечеством Дальнего Востока в Харбине. 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.200. Л.3 об.

⁷⁸ Докладная записка А.В. Даттена по вопросам торговли, судоходства и таможи 4 июля 1903 г. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.238.

⁷⁹ Тиреер. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. №2. С.230–231.

Отмена порто-франко привела к немедленному росту цен в регионе. Во-первых, само по себе введение пошлины на ввозимые товары дало местным торговцам возможность поднять цены на свою продукцию без всякого улучшения её качества. Несмотря на то, что таможенная пошлина была введена только на часть импорта, дороже стали все отечественные товары: к 1903 г. цена на яйца во Владивостоке выросла в 2 раза, на кирпич – почти на половину, на 1/3 – на лес и песок и т.д.⁸⁰ Кроме этого, искусственное создание тепличных условий для местных производителей немедленно привело к падению конкурентоспособности их товара. Всё это сильно ударило по маньчжурской торговле Владивостока: русским товарам из Приморья стало практически невозможно конкурировать с дешёвым экспортом из США и Японии. Вскоре это признали и официальные лица. Сначала И.Н. Протасьев, комиссар по финансовой части Квантунской области, констатировал спад торговли Приморья. Причём объём товаров, поступавших на нужды региона, остался примерно на том же уровне (4–5 млн. руб. ежегодно), изменения коснулись потока товаров, направляемых в Маньчжурию. Высокая же стоимость рабочей силы, вызванная недостатком русских рабочих и значительным паспортным сбором с китайцев, создавала замкнутую ситуацию для экономики самого Приморья: из-за дороговизны товары не имели шансов найти рынок сбыта за пределами области. Это прежде всего мешало развитию производства. Взвесив эти факторы, автор пришёл к заключению, что отмена порто-франко нанесла скорее вред, чем принесла пользу русскому Приморью⁸¹.

Тем не менее, созданная в 1903 г. специальная комиссия большинством голосов (15 против 8) высказалась против порто-франко. Аргументировалось это дороговизной перевозки отечественных товаров. Так, пуд сахара, привезённый во Владивосток из России, стоил 72 руб. 16 коп., а из Гамбурга в Иокогаму – 46 руб. 25 коп. Причина была в огромной разнице фрахта: Гамбург–Иокогама – 17 руб. 50 коп., а Одесса–Владивосток на пароходе «Добровольного флота» – 43 руб. Это дало основание многим участникам утверждать, что если вернуть порто-франко, то иностранные товары немедленно захватят весь дальневосточный рынок. На совещании не скрывались побочные трудности, вызванные отменой беспошлинной торговли: невозможность сплошной охраны границы и в связи с этим быстрый рост контрабанды. Весьма показательно было признание, что при порто-франко русские товары постоянно увеличивали свою долю на рынке, а также констатация, что приморский рынок не имеет для русской промышленности никакого значения. Не удивительно, что боль-

⁸⁰ Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае. Владивосток, 1907. С.28–29.

⁸¹ Доклад И.Н. Протасьева о таможенном вопросе в Приамурском крае, б/д. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.264. Л.65–85.

шинство участников совещания поддержало отмену порто-франко, но важно то, что аргументы за его восстановление (пошлины никак не способствовали экономическому развитию окраины) никто не оспаривал⁸².

В 1903 г. вопрос о возвращении порто-франко оказался связан не только с экономическими расчётами. За отказ от пошлины, причём на продолжительный срок, ратовал А.М. Безобразов, которому такое решение казалось единственным способом успокоить США, что Россия не нарушит их торговых интересов на Дальнем Востоке⁸³. А.М. Безобразов беспокоился из-за того, что считал войну с Японией неизбежной и стремился до её начала урегулировать максимальное количество поддающихся разрешению проблем.

В 1904 г. властям пришлось признать, что вся экономическая жизнь Приморья оказалась в тисках. В Приамурье закрылось около 300 торговых фирм, значительно сократились грузо- и пассажиропотоки. По Амуру было выставлено 5 таможенных постов, их прохождение замедлило движение по реке примерно на сутки. Кроме того, чиновники установили ответственность пароходоладельцев за контрабандный груз пассажиров (это, естественно, увеличивало плату за проезд). Ответом на таможенное обложение стал быстрый рост контрабанды: не имелось никаких возможностей ни закрыть, ни хотя бы контролировать границу в 3000 вёрст с населением всего в 150 тыс. человек. Расходы на её укрепление и обустройство значительно превышали таможенную пошлину⁸⁴.

Власть опомнилась уже после начала русско-японской войны. Весной 1904 г. Е.И. Алексеев и В.Н. Коковцов сошлись на том, что порто-франко надо восстановить, причём не только на границе с Маньчжурией, но и по побережью. Исключение было сделано лишь для акцизных товаров (кроме сахара и керосина) – за них по-прежнему следовало платить сбор. Николай II высказал даже пожелание, чтобы порто-франко было введено «на более долгий срок» «в видах не только экономического развития, но и политического воздействия на великие державы», имея в виду Англию и США⁸⁵. В результате 1 мая 1904 г. порто-франко снова появилось сначала на морской границе, а в сентябре 1904 г. – и на сухопутной с Маньчжурией.

---

⁸² Журнал №2 комиссии для обсуждения вопросов, связанных с дальнейшим направлением на Дальнем Востоке нашей торговой и промышленной политики (заседания 4, 8, 12 и 20 марта 1903 г.) // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.264. Л.44–64.

⁸³ Записка А.М. Безобразова «По вопросу о возможности привлечения американских капиталов к русским предприятиям на Дальнем Востоке» 27 августа 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.61–66.

⁸⁴ Записка «Отзывы печати по поводу введения порто-франко в Приамурском крае», б/д. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.165. Л.58–60.

⁸⁵ Всеподданнейший доклад А.М. Абазы «О введении порто-франко в Приамурском крае» с резолюцией Николая II, б/д. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.165. Л.17–18.

Несмотря на это, роль Владивостока как транзитного порта продолжала падать и после русско-японской войны. Излишние таможенные формальности, отсутствие регулярного морского сообщения с портами Китая и Европы, невыгодные тарифные ставки и наконец, слабое обустройство самого терминала фактически перечеркнули его роль как важнейшей торговой гавани⁸⁶. Но в любом случае отмена порто-франко не стимулировала развитие местной промышленности.

И в дальнейшем вопрос о торговых пошлинах вызывал дискуссии, начавшиеся вскоре после окончания войны, в 1906 г. Не сразу, но позже они всё-таки были возвращены. По-видимому, на этом сошлись интересы местных торговцев и боязнь власти, что через открытую границу в Россию хлынет поток импорта по Сибирской железной дороге. Оказалось, что железные дороги на Дальнем Востоке превратились из орудия российской экономической экспансии в средство для проникновения импортных товаров, в том числе и в русские области Дальнего Востока. Сразу после русско-японской войны этот вопрос встал на повестку дня и власть тревожно отмечала: «все наши заботы на Дальнем Востоке должны быть направлены к принятию самых энергичных мер для обеспечения наших интересов в предстоящей серьёзной борьбе с иностранной, особенно японской, конкуренцией за экономическое влияние и для извлечения возможно более значительных выгод из Маньчжурии с целью возмещения громадных затрат на предприятие Общества КВЖД. В ряду помянутых мер имеет весьма серьёзное значение привлечение иностранцев на территорию дороги, так как лишь при этом условии мы можем бороться с теми экономическими центрами, которые уже начинают возникать в сфере японского влияния»⁸⁷. Принципиально изменилась постановка вопроса: к 1909 г. «обстоятельства на Дальнем Востоке приняли такой оборот, что России без всякого промедления должна принять решительные таможенные меры к тому, чтобы закрепить за собою в экономическом отношении свои дальневосточные области»⁸⁸. То есть, в экономическом соревновании российская власть безоговорочно выбросила белый флаг.

---

⁸⁶ Первый съезд представителей дальневосточных биржевых комитетов 11–15 июня 1914 года во Владивостоке. Владивосток, 1915. С.12, 51–53.

⁸⁷ Журнал №2 Особого совещания по вопросу о введении гражданского управления на территории КВЖД 19 июля 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.309. Л.111 об.

⁸⁸ Протокол заседания 5-ой подкомиссии Финансовой комиссии III Государственной думы 27 марта 1909 г., посвящённого закрытию порто-франко на российском Дальнем Востоке. Доклад Л.К. Шешминцева // Государственная дума. III созыв. 2-я сессия. Нумерной печатный материал, разобранный по комиссиям. Т.3. Л.140 об. (РНБ. Шифр 30/4–50).

2.3. Экономическая экспансия России в Китае

Стремление С.Ю. Витте захватить рынки Срединной империи не сводилось к развитию торговых операций. Помимо них министр финансов хотел бы занимать доминирующее положение в финансовой сфере, а также иметь в своих руках если не большинство, то преобладающую часть концессий, особенно на землях севернее Пекина.

Основными инструментами экономической политики России в Китае стали Русско-Китайский банк и КВЖД. Создание банка в конце 1895 г., находившегося целиком под контролем Министерства финансов, С.Ю. Витте обуславливал интересами строительства Сибирской железной дороги, развитием экономических связей с Китаем, а также необходимостью борьбы с влиянием англичан на Дальнем Востоке⁸⁹. Несмотря на столь широкие цели и тесное переплетение экономических и политических мотивов, на первых порах банк сосредоточился на кредитовании незначительных торговых операций (до 25 тыс. лан) преимущественно русских импортёров чая. Попытки проникнуть в другие сферы торговли натолкнулись на серьёзные трудности. Так, операции с керосином не вызвали интереса ни у бакинских нефтепромышленников, ни у российских торговцев из-за невысокого процента дохода (им надо было не менее 15–20%)⁹⁰.

В 1897 г. в содержании экономической политики С.Ю. Витте в Китае наступили заметные изменения. С одной стороны, было значительно увеличено число подразделений Русско-Китайского банка, причем не только в Китае, но и на русском Дальнем Востоке. Банк резко расширил свою деятельность, перейдя от простых операций кредитования к учредительству, приобретению акций и концессий. В июне 1897 г. при его активном участии был создан синдикат для эксплуатации богатств Монголии («Монголор») ⁹¹. Также в 1897 г. Русско-Китайский банк принял участие в «Англо-русской компании», приобретя сначала половину её акций, а в начале 1902 г. – 90%. Это акцио-

⁸⁹ Когда в 1894 г. Особое совещание по развитию торговых сношений России с Китаем и Японией обсуждало операции русских торговцев чаем, то участники поставили вопрос о кредитовании их через Государственный банк (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.537. Л.206).

⁹⁰ Д.Д. Покотилев – П.М. Романову 27 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.124 об.; Фурсенко А.А. Первый нефтяной синдикат в России (1893–1897) // Монополии и иностранный капитал в России. М.:Л., 1962. С.50–55.

⁹¹ Однако дела Русско-Китайского банка в Монголии пошли неважно: «были большие расходы, большие затеи и полная непригодность к местным условиям». После боксёрского восстания 1900 г. «Монголор» на время вообще прекратил деятельность, а отделение банка в Урге переключилось на кредитование монголов, также, впрочем, оказавшимся неудачным (Протокол заседания Общества востоковедов 27 мая 1911 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №5. Л.19–20).

нерное общество было создано для получения прав на горные разработки в Маньчжурии⁹². С другой стороны, министр финансов всё больше и больше обращал внимания на Северный Китай, органичивая свою активность в других регионах Поднебесной. С.Ю. Витте также с осторожностью, но приветствовал активность российских предпринимателей в Маньчжурии. Он признал «крайне желательным» «всякое содействие к утверждению в Маньчжурии русских предприятий», в частности, поддержал ходатайство Н.В. Асташева, искавшего в Пекине разрешения на разработку золота в Северной Маньчжурии⁹³. Разумеется, его содействие носило чисто дипломатический характер, без какого-либо давления в Пекине.

В 1896 г. появилось общество КВЖД, принципиальная договорённость о создании которого была достигнута на русско-китайских переговорах в мае 1896 г. в Москве. Дорога рассматривалась не только как стратегическая магистраль, но и средство экспансии в Китай, в частности, торговой. С.Ю. Витте добился понижения ввозные пошлины на треть (по сравнению с тарифами китайских морских таможен) на все товары, которые будут использоваться для сооружения магистрали⁹⁴. На практике это означало, что любой русский экспорт (кто сможет определить, ввозятся те или иные предметы для сооружения железной дороги с её огромным хозяйством или нет?) получил преимущества перед конкурентами из других стран. Это было очень важным достижением министра финансов, которое, однако, не имело принципиальных последствий.

Из КВЖД С.Ю. Витте намеревался создать железнодорожного монополиста в Маньчжурии. Министр финансов полагал, что для России было важно, «чтобы дороги в Южной Маньчжурии или не строились вообще, или, если будут строиться, то чтобы постройка их не была передана никому иному кроме Общества КВЖД»⁹⁵. Он энергично боролся с планами китайского руководства, стремившегося противопоставить русской активности в Маньчжурии английские интересы⁹⁶. Впрочем, также не очень успешно, о чём свидетельствует история с Шанхайгуаньской железной дорогой⁹⁷.

⁹² Л. Грауман – К.М. Иогансону 27 августа 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.88–89. Впоследствии Англо-русская компания была приобретена Маньчжурским горнопромышленным товариществом у банка за 500 тыс. руб.

⁹³ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 9 июня 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.122.

⁹⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.126.

⁹⁵ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 20 августа 1897 г. (копия) // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.135. Л.7 об.

⁹⁶ Эти действия Китая опровергают один из излюбленных тезисов С.Ю. Витте, что до Порт-Артура его политика позволяла сохранять дружеские отношения с Пекином: «друзей» так не бояться.

⁹⁷ Подробнее об этом см. далее.

Кроме того, в своих экспансионистских замыслах С.Ю. Витте столкнулся с сопротивлением внутри российского руководства, в частности, министра иностранных дел М.Н. Муравьёва и военного министра А.Н. Куропаткина. Они, к примеру, не понимали, почему России следует претендовать на сферу влияния, ограниченную «приблизительно около Хуанхэ» и о каких «успехах» Русско-Китайского банка южнее Пекина идёт речь⁹⁸. М.Н. Муравьёв, уловив стремление С.Ю. Витте к расширению «нашей финансовой и железнодорожной предприимчивости в нынешней сфере влияния Англии на юге Китая», вынес категорический вердикт: «ради выгод частных железнодорожных компаний и кредитных учреждений императорское правительство едва ли может жертвовать политическими интересами первостепенной государственной важности», намекая на необходимость сосредоточить усилия на закреплении за Россией Маньчжурии⁹⁹. Надо признать, возражения были вполне справедливы, а замысел С.Ю. Витте – идти на экономическое завоевание Центрального Китая, – совершенно фантастическим и весьма рискованным предприятием, так как у Петербурга не было для этого достаточных средств.

Надо признать, что в 1898–1899 гг. экономическая политика С.Ю. Витте в Китае также претерпевала заметные изменения. Его интерес реально сокращался от намерения завоевать экономически всю Среднюю империю до Маньчжурии, пусть и с некоторыми оговорками. Можно сказать, что к 1900 г., если судить по действиям сановника, он уже ограничил свои усилия Северным Китаем. Реплика на всеподданнейшем докладе А.Н. Куропаткина о задачах русской армии в XX столетии («из-за Маньчжурии не стоило и огород городить»), мы историческим путём будем идти на юг», «весь Китай – все его богатства находятся исключительно на юге»), введённая в оборот Б.А. Романовым¹⁰⁰, не должна вводить в заблуждение: эта была полемика с военным министром, которого С.Ю. Витте воспринимал как противника. В реплике содержались лишь эмоции, напоминание о прежних замыслах, от которых не хотелось отказываться перед Николаем II.

После заключения соглашения с Китаем об аренде Ляодунского полуострова внимание С.Ю. Витте и Министерства финансов переключилось на освоение арендованной территории. Однако и там власть действовала не особенно удачно. Несмотря на установление режима порто-франко в Дальнем, коммерческая гавань не успела стать центром экономической жизни Мань-

⁹⁸ П.М. Романов – Д.Д. Покотилову [нач. сент. 1898 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.109. Л.15 об.; телеграмма П.М. Романова – Д.Д. Покотилову 8 сентября 1898 г. // Там же. Оп.29. Д.65. Л.138–141.

⁹⁹ Всеподданнейшая записка М.Н. Муравьёва 15 декабря 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1625. Л.85–90.

¹⁰⁰ Романов Б.А. Указ. соч. С.80.

чжурии. Помимо объективных причин (слишком мало времени) существовали и значительные трудности другого типа. Русским властям не удалось организовать там угольную станцию и керосиновый склад: качество фушуньского угля делало невозможным его конкуренцию с японским, доставляемым по шанхайгуаньской железной дороге; русский керосин, в свою очередь, не выдерживал соревнования с американским. Скептик – полковник Шевалье де ла Серра – констатировал: «Чтобы занять первенствующее место на Востоке, нужны особые условия, очень большие частные, а не казённые капиталы» и предлагал построить небольшой порт, который развивался бы по мере надобности¹⁰¹. С.Ю. Витте же стремился к максимально быстрым темпам развития Квантуна. Согласно размаху его планов предполагалось, что в скором времени население Дальнего достигнет 400 тыс. человек, невзирая на сильный дефицит питьевой воды, нормальной почвы, леса, и т.п.¹⁰²

Как это не покажется странным, но министр финансов, провозгласив лозунг экономической экспансии в Китай, мало что делал для его реализации. Русско-Китайский банк, призванный обслуживать все потребности КВЖД, занимался ведением активных операций где угодно, но только не в Маньчжурии. В Порт-Артуре отделение банка скорее распугивало клиентов, чем способствовало развитию коммерческой деятельности. Имея исключительное право на ведение операций на Квантуне, банк отказывал «в производстве наисущественнейших и простейших банковских операций, как-то: страхование выигрышных билетов, прием на хранение процентных бумаг; вместе с тем банк не платил вовсе процентов по текущим счетам и брал чрезмерную плату за делаемые им переводы»¹⁰³. Срок телеграфных переводов доходил до 4 месяцев! Банк также завышал комиссионные проценты при продаже ценных бумаг и обмене валют, сильно затруднял получение кредита даже на невыгодных условиях в 8–9% годовых. Не случайно местные коммерсанты неоднократно ходатайствовали об открытии в Порт-Артуре отделения Государственного банка, чьи услуги обходились намного дешевле. Другие же кредитные учреждения не горели желанием двинуться на Дальний Восток, да и С.Ю. Витте опасался допускать на Дальний Восток не зависимые от него банки. Так, инициатива А. Верта в начале 1901 г. учредить Порт-Артурский банк, который бы выдавал ссуды под залог городской недвижимости (операция, которая, кстати, не входила в устав Русско-Китайского банка) была признана в Министерстве финансов

¹⁰¹ Записка полковника Шевалье де ла Серра «О постройке порта и города Дальнего» 12 апреля 1901 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1265. Л.104–117.

¹⁰² Тиреер. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. №3. С.191.

¹⁰³ Хвостов А. Русский Китай // Вестник Европы. 1902. №11. С.182–183.

преждевременной¹⁰⁴. Вероятно, решающую роль сыграло то, что инициативу поддержал Е.И. Алексеев. В ответ министр финансов предложил допустить на Квантун Нижегородско-Самарский банк, который соглашался участвовать в торгах земельных участков только при некоторых условиях, в частности, чтобы в случае неудачи торгов плата за содержание земли по-прежнему возлагалась на администрацию, а если вспыхнет война, то потери банка компенсировались бы казной¹⁰⁵.

Так же бесцеремонно вела себя КВЖД. Дорога вообще отказывалась нести ответственность за сохранность грузов и доставку их в срок. Вместо пудо-вёрстного тарифа на магистрали был введён повагонный, требовавший для отправки любого груза заказывать целый вагон¹⁰⁶. В 1903 г. правление КВЖД поддержало требование владивостокских торговцев противодействовать развитию обрабатывающей промышленности в Маньчжурии, лишь ввозя туда товар¹⁰⁷.

Русско-Китайский банк, получивший в своё время 16 наиболее крупных концессий на полезные ископаемые в Южной Маньчжурии, не сделал ничего для их реализации. Правление КВЖД, словно решив ещё более затруднить эту деятельность, заявило, что ни одна концессия не может быть передана кому бы то ни было без его согласия¹⁰⁸. Русские дипломаты отказывались содействовать предпринимателям в их ходатайствах о получении прав разработки месторождений¹⁰⁹.

С.Ю. Витте проиграл экономическое соревнование даже в полосе отчуждения КВЖД. В марте 1906 г. И.П. Шипов обратился к С.Ю. Витте как к премьер-министру с предложением немедленно принять меры по её заселению и развитию там торгово-промышленной деятельности как единственному средству борьбы с японскими экономическими центрами в Южной Маньчжурии. Министр финансов также писал о недопустимости продолжения прежней политики, состоявшей в распространении там русской администрации и запрете на допуск туда иностранцев¹¹⁰. Получается, что только война 1904–1905 гг. заставила российские власти вернуться к экономической деятельности на чужих территориях, отказавшись от попыток силового решения закрепления за собой территорий.

¹⁰⁴ РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.76. Л.23, 91–93.

¹⁰⁵ С.Ю. Витте – Е.И. Алексееву 22 мая 1902 г. // РГИА. Ф.1417. Оп.1. Д.5. Л.32.

¹⁰⁶ Новиков Н. Альчукаское фудутунство. Владивосток, 1904. С.79.

¹⁰⁷ Докладная записка правления КВЖД по поводу ходатайства Владивостокского биржевого общества, б/д. [1903?] // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.238.

¹⁰⁸ С.А. Колоколов – А.И. Павлову 22 августа 1902 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1019. Л.64–64 об.

¹⁰⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 26 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.83. Л.57а–58.

¹¹⁰ И.П. Шипов – С.Ю. Витте 21 марта 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.309. Л.1–12.

Размер же русской торговли в Маньчжурии после русско-японской войны исчислялся весьма незначительными суммами: ежегодный ввоз русских товаров в 1908–1909 гг. составлял примерно 7 млн. руб., экспорт из полосы отчуждения КВЖД в Приморье – 6 млн. руб., а в Европейскую Россию – 900 тыс. руб. Зато торговый оборот Харбина составлял примерно 33,5 млн. руб. в год. Обороты фабрик, действовавших в полосе отчуждения, оценивались в 12 млн. руб.¹¹¹ Но их трудно назвать промышленностью. Даже в 1916 г. больше половины производства давала мукомольное (6,5 млн. руб.), второе место занимало изготовление водки (2,5 млн. руб.), третье – винокурение (1 млн. руб.), дальше шла обработка шерсти и т.п.¹¹² То есть, экономика Маньчжурии представляла собой преимущественно переработку сельскохозяйственного сырья, она работала в большей степени на экспорт и получалось, что не Маньчжурия – рынок для русских фабрик, а Приморье – район сбыта для маньчжурской промышленности. Кроме этого, Маньчжурия стала важным источником пополнения дефицита зерна для русского Дальнего Востока.

2.3.1. Борьба за железнодорожные концессии в Китае

Первые попытки получить концессии на строительство железной дороги в Китае относятся, по-видимому, к середине 1870-х гг. В 1876 г. фирма «Жардин, Матесон и К^о» соорудила трассу от Шанхая до Усуня, но Пекин настоял на её выкупе. Позднее англичане и американцы, по сведениям, Д.Д. Покотилова, вновь пытались добиться концессии на строительство большой железной дороги на юге Китая, от Усуня до Шанхая и далее до Нанкина с веткой на Сучжоу–Нинбо. Для её получения они были готовы даже дать взятку в 3,5 млн. лан¹¹³. Затем китайские власти демонтировали её, увезли на Формозу и зарыли на берегу. Однако бесконечно сопротивляться транспортному прогрессу Пекин был не в состоянии. В конце 1880-х гг. строительством железных магистралей занялся Ли Хунчжан. Он разрешил сооружение дороги в провинции Чжили от угольных копей до реки Бейхэ (108 вёрст). Коммерческий успех воодушевил чжилийского генерал-губернатора, и он предпринял строительство ещё нескольких магистралей, учредив для этого специальное «Управление Северо-Китайскими императорскими железными дорогами». После этого, наконец, оживилась центральная власть. В августе 1889 г. был

¹¹¹ [Позднеев Д.М.] Экономические нужды Дальнего Востока [1910 г.] // Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Ф.44. Оп.1. №73. Л.3.

¹¹² Анерт Э.Э. От Петрограда до Владивостока. Великий Сибирский путь. Пг., [1916]. С.99.

¹¹³ Телеграмма Д.Д. Покотилова в Министерство финансов 4 января [1896 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.36.

издан императорский указ о проведении железной дороги через весь Китай от Пекина до Кантона. Почти одновременно появились планы создания железных дорог в Маньчжурии: в 1890 г. английский инженер К. Киндер представил Ли Хунчжану проект трассы от Шанхайгуаня на Инкоу и Нючжуан, а оттуда в Северную Маньчжурию через Мукден и Гирин с ответвлениями на Нингуту и Хучун (к русско-корейской границе)¹¹⁴. Первый этап – сооружение пути до Шанхайгуаня – был завершён в 1894 г., осуществлению всего замысла помешала японо-китайская война¹¹⁵.

Строительные работы были возобновлены осенью 1895 г. В январе 1896 г. назначенному губернатору Пекина Ху Юйфыну поручили строить дорогу от Пекина до Тяньцзина. Осенью 1897 г. трассу уже сдали в эксплуатацию (ещё раньше для движения открыли несколько участков общей длиной в 472,5 км.). Темпы сооружения оказались очень медленными, так как в казне катастрофически не хватало денег. Их поиск привёл китайцев в Гонконг-Шанхайский банк¹¹⁶. Чиновники Поднебесной засуетились из-за того, что в начале 1896 г., ещё до заключения договора о КВЖД, Пекин уже атаковало множество предпринимателей с предложением строить железные дороги во всех частях империи. Китайцы же хотели делать это сами¹¹⁷: в необходимости современных транспортных коммуникаций их убедила неудачная война с Японией 1894–1895 гг.¹¹⁸

Подписание договора о КВЖД в 1896 г. активизировало Китай. 19 июля 1897 г. богдыхан распорядился быстро построить китайскую железную дорогу к Мукдену и Гирину, её сооружение поручалось директору Пекин-Тяньцзинской дороги Ху Юйфыну¹¹⁹. По сведениям Д.Д. Покотилова, он намеревал-

---

¹¹⁴ Дмитриев К. Северо-Китайские императорские железные дороги // Известия Восточного института. Т.П. 1900–1901 академический год. Вып. III. Владивосток, 1901. С.351–353.

¹¹⁵ Сведения об этой дороге В.Н. Ламздорф использовал как аргумент против китайцев в записке 1902 г. в ответ на записку Z (подробнее см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии»).

¹¹⁶ Гонконг-Шанхайский банк до 1898 г. в основном вёл операции с немецким банковским синдикатом. В апреле 1898 г. он свернул эти отношения и начал пользоваться поддержкой английского правительства, став до известной степени его орудием в проведении операций, связанных с железнодорожным строительством в Китае (Ходоров А.Е. Мировой империализм и Китай (опыт политико-экономического исследования). Шанхай, 1922. С.367–369).

¹¹⁷ Ропп Е.Э. (барон, инженер-подполковник). Северо-Китайские императорские железные дороги [1901 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.46. Л.90–97.

¹¹⁸ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 7 марта 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.44. Л.2–5.

¹¹⁹ Д.Д. Покотилев сообщал, что, по его сведениям, за инициативой ускоренного строительства стоял Ли Хунчжан и что само предприятие явилось его мстью бывшему

ся воспользоваться услугами Гонконг-Шанхайского банка и не скрывал, что строительство дороги будет поручено английскому инженеру К. Киндеру¹²⁰. Российский поверенный в делах в Пекине бурно протестовал, имел объяснение с Ли Хунчжаном, но тот отверг претензии («После этого скоро дойдёт и до того, что мне нельзя будет нанять или прогнать слугу, не спросившись разрешения России»)¹²¹ и лишь пообещал, что «посоветует» Ху Юйфыну обратиться за займом к Русско-Китайскому банку¹²². Директор же был настроен категорически против какого-либо участия России в железнодорожном строительстве. Запаниковавший Д.Д. Покотилов то предлагал дать Ху Юйфыну взятку в 10 тыс. лан (С.Ю. Витте отклонил эту идею), то немедленно и решительно протестовать перед посланником Поднебесной в Петербурге¹²³. Однако Пекин был непреклонен: цзун-ли-ямынь отклонил домогательства России участвовать в сооружении железных дорог южнее Гирина¹²⁴, лишив Петербург «вмешательства в дело постройки железной дороги в Южной Маньчжурии»¹²⁵. Очевидно, что Китай стремился «нейтрализовать» договор о КВЖД.

Неожиданно для Д.Д. Покотилова Ху Юйфын сам обратился к нему за ссудой в 200 тыс. таэлей¹²⁶. По-видимому, это была реакция Пекина на навязчивые предложения англичан, которые оказались обеспокоены выдачей концессии бельгийскому синдикату на дорогу Пекин–Ханькоу (за ним стояли французы). Скромный размер ссуды говорил о том, что как-то повлиять на строительство

директору Шёну, который якобы получил от бельгийцев до 2 млн. франков и не поделился с ним. Д.Д. Покотилов предположил, что для Русско-Китайского банка было бы выгодным участвовать в этом строительстве, предложив использовать для его финансирования депозит китайского правительства в банке в 5 млн. таэлей, с чем министр финансов согласился (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 11 августа 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.44. Л.46–50). См. также: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. С предисловием и под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.79. Частично этот сюжет затронут в статье С.Г. Беляева «Россия и западные державы в Китае накануне русско-японской войны. Некоторые аспекты экономических отношений» (Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнёва. Омск, 2005. С.469–495).

¹²⁰ Его «расположенность» к Гонконг-Шанхайскому банку была вызвана, по-видимому, тем, что Ху Юйфын задолжал ему 800 тыс. лан, взятых к тому же на весьма умеренных для Китая условиях – 5,5% годовых. Д.Д. Покотилов даже подозревал, что между Ху Юйфыном и банком было заключено какое-то секретное соглашение (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 4 августа 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.44. Л.40).

¹²¹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 29 июля 1897 г. // Там же. Л.33 об.

¹²² Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 26 и 28 июля 1897 г. // Там же. Л.7–9.

¹²³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 30 июля и 5 августа 1897 г. // Там же. Л.10–11.

¹²⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 20 августа 1897 г. // Там же. Л.32.

¹²⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 5 августа 1897 г. // Там же. Л.11.

¹²⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 7 августа 1897 г. // Там же. Л.12.

трассы она не сможет. Тем не менее, С.Ю. Витте разрешил выдать её, заодно потребовав от МИДа настоять перед цзун-ли-ямынем, чтобы все железные дороги в Южной Маньчжурии сооружались только при русском участии¹²⁷. М.Н. Муравьёву министр финансов объяснил своё решение о суде опасением, что в противном случае Китай обратится за деньгами к иностранцам. Целью же С.Ю. Витте являлось полное устранение от этой дороги «иностранных капиталистов вообще и английских в особенности»¹²⁸. Сановник полагал, что для России важно, «чтобы дороги в Южной Маньчжурии или не строились вообще, или, если будут строиться, то чтобы постройка их не была передана никому иному кроме Общества КВЖД»¹²⁹. Таким образом министр финансов стремился закрепить за Россией сферу влияния и защищать её от других иностранцев. Нетрудно заметить, что ничего «экономического» в подобных приёмах не было – они выражали желание действовать путём заключения особых соглашений. Кроме того, условие «не строились вообще» исключало какое бы то ни было экономическое развитие Маньчжурии. Но китайцы и сами не желали никаких иностранцев, а их активность в Маньчжурии была вызвана исключительно появлением КВЖД. Поэтому, невзирая на усилия Д.Д. Покотилова, Ху Юйфын повёл переговоры с фирмой «Арнольд Карберг» о займе в 800 тыс. фунтов стерлингов¹³⁰.

М.Н. Муравьёв ответил министру финансов огромным письмом, в котором свалил всю ответственность на неуклюжие действия Э.Э. Ухтомского в Пекине в мае 1897 г., добивавшегося от Пекина права строить эти дороги для России и по сути провалившего переговоры. Попутно он затронул ещё более острую проблему: МИД даже не был уведомлён о переговорах Э.Э. Ухтомского в Пекине по поводу железных дорог в Маньчжурии, поэтому глава внешнеполитического ведомства заподозрил, что такая политическая программа (дорога до Шанхайгуаня и до корейской границы) не получила одобрения Николая II (то есть, он не был в курсе решений царя)¹³¹.

Интрига же в Пекине продолжалась. Ху Юйфын так и не получил ссуды из Русско-Китайского банка: он согласился дать под её обеспечение акций дороги лишь на 50 тыс. тазлей, да и то после настоятельных требований Д.Д. Покотилова (что свидетельствовало о намерении китайца не возвращать деньги)¹³².

¹²⁷ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 21 августа 1897 г. // Там же. Л.23.

¹²⁸ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 22 августа 1897 г. (копия) // Там же. Оп.29. Д.135. Л.1–3.

¹²⁹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 20 августа 1897 г. (копия) // Там же. Л.7 об.

¹³⁰ Д.Д. Покотилу – С.Ю. Витте 1 сентября 1897 г. // Там же. Оп.28. Д.44. Л.78.

¹³¹ М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 23 августа 1897 г. // Там же. Л.26–30.

¹³² Д.Д. Покотилу – С.Ю. Витте 4 августа 1897 г. // Там же. Л.37–40. В конечном итоге Ху Юйфын взял в Русско-Китайском банке 15 тыс. лан для личных нужд (Д.М. Позднеев – П.М. Романову 18 ноября 1898 г. // Там же. Д.45. Л.20).

Тем не менее, в конце ноября 1897 г. Ху Юйфын опять обратился к Д.Д. Покотилу за средствами (на сей раз ему было надо 400 тыс. лан на 4 года под 6% годовых), но он отказался использовать дорогу в качестве залога¹³³. На сей раз С.Ю. Витте под предлогом усиления русского влияния в Маньчжурии получил 13 декабря 1897 г. согласие Николая II на выдачу ссуды¹³⁴. Аргумент министра финансов был несостоятелен: никакого влияния на строительство железной дороги такие деньги оказать не могли, разве что – на самого Ху Юйфына, да и то в известных пределах. Вряд ли С.Ю. Витте успокоило донесение Д.Д. Покотилова, полученное за три недели до решения о ссуде, что в ближайшем будущем китайцы не собираются соединять их трассу с КВЖД в районе Гирина¹³⁵. Возможно, что готовность министра финансов дать деньги означало его намерение перейти к более решительным действиям в Китае.

И в феврале 1898 г. С.Ю. Витте утверждал, что допущение англичан, американцев или других иностранцев к сооружению железных дорог в Южной Маньчжурии «представляется безусловно нежелательным». Порт-Артур в таком случае, по его мнению, был бы всегда слаб¹³⁶. Но министр финансов не говорил ничего о том, какими способами следовало добиваться желаемого. Вряд ли давление на Пекин имело в этом случае хотя бы какой-нибудь эффект. Строгие указания В.Н. Ламздорфа А.И. Павлову твёрдо заявить в Пекине, что Россия не допустит иностранцев к железнодорожному строительству в Маньчжурии и что если Пекин не послушает Петербурга, то Россия сама озаботится защитой своих прав «теми средствами, к коим прибегают прочие державы в видах достижения намеченных ими целей»¹³⁷. Посланник, исполняя данные ему инструкции, энергично протестовал против допущения к строительству железных дорог в Южной Маньчжурии иностранцев (кроме русских, разумеется). Цзун-ли-ямынь пошёл на некоторые уступки: он обещал довести свою железную дорогу от Шанхайгуаня только до Мукдена с тем, чтобы до соединения с КВЖД её строила Россия. Поверенный в делах верно оценил намерения Пекина, решив, что это проверка степени податливости Петербурга в железнодорожном вопросе¹³⁸. В.Н. Ламздорф ответил дипломату, что они в этом вопросе на уступки не пойдут, несмотря на недовольство англичан¹³⁹. К протестам Лондона в России отнеслись гораздо внимательнее, решив не

¹³³ Д.Д. Покотилу – С.Ю. Витте 25 ноября 1897 г. // Там же. Д.44. Л.88.

¹³⁴ Заём был заключён 9 (21) декабря 1897 г. и 5 (17) января 1898 г. (Там же. Оп.29. Д.128. Л.25–26).

¹³⁵ Д.Д. Покотилу – С.Ю. Витте 20 октября 1897 г. // Там же. Оп.28. Д.44. Л.97–100.

¹³⁶ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 15 февраля 1898 г. // Там же. Д.801. Л.3.

¹³⁷ В.Н. Ламздорф – А.И. Павлову 16 февраля 1898 г. // Там же. Л.6.

¹³⁸ А.И. Павлов – в МИД 14 февраля 1898 г. // Там же. Д.44. Л.131.

¹³⁹ В.Н. Ламздорф – А.И. Павлову 16 февраля 1898 г. // Там же. Л.132.

требовать удаления от строительства железной дороги британского инженера К. Киндера, а наоборот, попытаться привлечь его на свою сторону, например, предложив ему выгодный контракт на сооружение русской магистрали¹⁴⁰. Тем более, что оставить К. Киндера решил сам Пекин, чтобы успокоить англичан в связи с дорогой Пекин–Ханькоу¹⁴¹. Однако пару месяцев спустя министр финансов неожиданно дал отбой по отношению к К. Киндеру, сочтя соглашение с ним несвоевременным¹⁴². Возможно, спокойствие сановника наступило после подписания 15 (27) марта 1898 г. соглашения с Китаем об аренде Ляодуна и железной дороге к нему.

Изменили свою позицию и англичане. К. Макдоналд в Пекине в начале августа 1898 г. уверял А.И. Павлова, что Лондон не причастен к переговорам Гонконг-Шанхайского банка и что в основе возникающих недоразумений лежит недоверие друг к другу. Российский поверенный в делах заверил своего коллегу, что Петербург не намерен заключать секретное соглашение с Пекином и что его железнодорожные предприятия призваны содействовать торговле, а не ведут исключительно к захвату сфер и территорий¹⁴³. Разъяснения К. Макдоналда хорошо соотносились с беседами Ч. Скотта в Петербурге и позицией Р. Солсбери в Лондоне.

Англичане сделали конкретное предложение, увязав вопрос о ссуде Гонконг-Шанхайского банка и соглашение с Россией о разделе сфер железнодорожных концессий в Китае. Это выглядело хорошей альтернативой красивой, но пустой идее С.Ю. Витте об общем договоре с Лондоном. Тем не менее, Петербург отверг инициативу как невыгодную, намереваясь заявить Пекину, что этот заём нарушает его обязательства перед Россией и потребовать компенсаций (правда, что требовать, в столице не знали, поэтому запросили Д.Д. Покотилова)¹⁴⁴. Однако Россия всё-таки не стала упорствовать в противодействии займу, чем сняла одно из существенных препятствий в переговорах с Англией о разделе сфер влияния в Китае¹⁴⁵.

¹⁴⁰ В.Н. Ламздорф – А.И. Павлову 7 марта 1898 г. // Там же. Л.142.

¹⁴¹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 4 августа 1898 г. // Там же. Л.37–40.

¹⁴² Телеграмма Э.К. Циглера 26 мая 1898 г. // Там же. Л.168.

¹⁴³ А.И. Павлов – в МИД 18 августа 1898 г. // Там же. Д.45. Л.12–18.

¹⁴⁴ П.М. Романов – Д.Д. Покотиллову 22 сентября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.65. Л.148–151. Россия намеревалась сослаться на ст.3 петербургского дополнительного протокола 25 апреля 1898 г., согласно которому Китай обязался в случае строительства железной дороги до Нючжуана не использовать трассу для обеспечения займов (Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. С предисловием и под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.81).

¹⁴⁵ В утешение Д.Д. Покотиллов предлагал потребовать от китайцев вернуть ссуду в 400 тыс. лан, а М.Н. Гирс заявил цзун-ли-ямьню о желании России провести телеграф вдоль линии КВЖД до Порт-Артура. Китайцы возражали, но вяло (Д.Д. Покотиллов – П.М. Ро-

Китайцы же, не обращая внимания на протесты Петербурга, заключили 30 сентября (10 октября) 1898 г. договор с Гонконг-Шанхайским банком. Сумма была небольшой – 2,3 млн. фунтов стерлингов (16 млн. лан) на 45 лет под 5% годовых, из них 2 млн. предоставлялись сразу, 14 – в срок от года до двух¹⁴⁶. Будущая железная дорога не могла стать залогом исправного внесения платежей, использовать возможно было лишь доходы от дорог Тяньцзинь–Шанхайгуань и Тяньцзинь–Лугоуцзяо. Но, с другой стороны, банк для реализации займа выпустил ценные бумаги, которые Россия могла бы скупить, чтобы установить, наконец, свой контроль над этой дорогой. Однако условия выпуска облигаций были таковы, что трасса и в этом случае оставалась в распоряжении банка, а не его акционеров (то есть, за этим вырастала фигура английского правительства). Досрочный выкуп займа у банка был возможен не ранее 1905 г. и только при согласии китайцев (этим условием явно подстраховались на случай желания России). Естественно, что Петербург не бросился немедленно осуществлять такую операцию. Поэтому же бесполезно было предлагать Пекину ссуду для выкупа линии – она ведь не могла служить залогом. Как предполагали российские чиновники, приобрести права на эту дорогу у самого синдиката вряд ли представлялось возможным без согласия английского правительства¹⁴⁷.

Интрига, переплетшая англо-русские переговоры и поиск железнодорожных концессий в Китае, продолжилась далее. 9 января 1899 г. Д.М. Позднеев сообщил, что Ху Юйфын был вызван к императору с вопросом, почему Китай не строит железную дорогу Мукден–Гирина (из Южной Маньчжурии на соединение с КВЖД), когда на неё есть деньги (интрига была якобы затеяна помощником Ху Юйфына Чжан И). После ответа, что эта дорога отдана русским, Ху Юйфына уволили «за злоупотребления». Его место занял Сюй Цзычен. Этот удар оказался направлен и против англичан: К. Макдоналд заступался за Ху Юйфына, но безуспешно¹⁴⁸. Судя по телеграммам Д.М. Позднеева, смел на руководителя явилась чисто внутрикитайской интригой, российские представители её не инициировали и в ней не участвовали. Одновременно Петер-

---

манову 21 апреля 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.45. Л.113–114). Правда, против такого рассечения был английский посол в Петербурге (П.М. Романов – Д.Д. Покотилову 28 сентября 1898 г. // Там же. Оп.29. Д.65. Л.162). Подробнее см. главу 7 «Англо-русские переговоры о Китае 1898–1899 гг.»

¹⁴⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 8 (20) октября 1898 г. и текст соглашения между китайским правительством и Гонконг-Шанхайским банком 30 сентября (10 октября) 1898 г. // Там же. Оп.28. Д.45. Л.1, 4–10.

¹⁴⁷ Справка [о договоре 10 октября 1898 г. между китайским правительством и Гонконг-Шанхайским банком] 13 ноября 1900 г. // Там же. Д.866. Л.1–2.

¹⁴⁸ Телеграммы Д.М. Позднеева С.Ю. Витте 9, 14, 18 и 21 января 1899 г. // Там же. Д.45. Л.30–39.

бург получил слабый положительный для себя сигнал: Ли Хунчжан сообщил Д.Д. Покотилову через своего приближённого В.Ю. Грота о желании Китая выкупить дорогу у Гонконг-Шанхайского банка, даже выплатив им премию. Деньги он намеревался найти в России, но при условии, чтобы Петербург не претендовал на железную дорогу до Пекина¹⁴⁹. Несмотря на то, что китайцы упорно играли свою партию, по сути предложение Ли Хунчжана продемонстрировало отказ от прежних намерений – создать конкурента КВЖД.

Позднее, уже в начале 1900 г. руководство Поднебесной признало ошибочность своего решения о займе: выяснилось, что доходы двух дорог не смогут покрыть даже проценты по нему. Англичане только этого и ждали, чтобы установить полный контроль над дорогой Пекин–Тяньцзинь–Шанхайгуань. Китайцы также прямо признали, что пошли на соглашение из-за «сильного недоверия» к «союзнику» после того как он занял Порт-Артур¹⁵⁰.

Но Россия уступила англичанам железную дорогу до Шанхайгуаня не просто так. Для компенсации С.Ю. Витте вспомнил именно то желание Петербурга, которого так боялись китайцы – железной дороги к Пекину¹⁵¹. Против этого возражал министр иностранных дел, призывая ограничивать (!) требования к Китаю. С.Ю. Витте как будто уступил, и министры сошлись на том, что немедленно концессия на железную дорогу к Пекину не нужна. Однако о ней следовало помнить и исподволь добиваться её строительства, а пока – настаивать на том, чтобы Китай признал первенство прав КВЖД на сооружение трассы до столицы Поднебесной¹⁵². Д.М. Позднеев немедленно поднял этот вопрос в Пекине, чем привёл китайцев в ужас. Они опасались, что в случае сооружения этой линии их главный город окажется в руках русских. Кроме того, такая дорога неизбежно подстегнула бы требовательность других держав¹⁵³. Впрочем, 13 мая 1899 г. цзун-ли-ямьнь согласился дать обязательство, что Китай никогда и никому не передаст право на такую железную дорогу (благо это вполне отвечало интересам Пекина), а если будет строить сам при иностранной помощи, то первой страной, к которой правительство обратится, станет Россия¹⁵⁴. Подобные обещания руководство Поднебесной раздавало всем и с лёгкостью.

Летом 1899 г. две проблемы – железная дорога до Пекина и заём на строительство трассы до Нючжуана – неожиданно объединились. С.Ю. Витте по-

¹⁴⁹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 6 июля 1899 г. // Там же. Д.801. Л.169.

¹⁵⁰ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 10 января 1900 г. // Там же. Д.45. Л.160–164.

¹⁵¹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 6 мая 1899 г. // Там же. Д.801. Л.137–138. Указание в этом отношении Д.М. Позднееву было направлено ранее, 17 апреля 1899 г. (Там же. Оп.29. Д.25. Л.14–15).

¹⁵² С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 8 мая 1899 г. // Там же. Оп.28. Д.801. Л.144.

¹⁵³ Д.М. Позднеев – П.М. Романову 13 мая 1899 г. // Там же. Л.146.

¹⁵⁴ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 14 мая 1899 г. // Там же. Л.147.

ручил Д.Д. Покотилову вступить в переговоры с представителем английского синдиката А.Ф. Кохом и выяснилось, что выкупить железную дорогу – дело совсем не безнадежное. Англичане оказались уступчивы в первую очередь из-за того, что облигации займа, выпущенные по цене 97 от номинала, после русского требования о железной дороге к Пекину (почти параллельной дороге до Нючжуана) сразу упали в цене до 92 (а к концу 1900 г. их падение достигло 85 и ниже), поэтому, по мнению Д.Д. Покотилова, имелась реальная возможность приобрести облигации по номиналу (т.е., за 2,3 млн. фунтов стерлингов), за что Россия получала все права синдиката: деньги в размере 1,6 млн. фунтов стерлингов, ещё не предоставленные Китаю, железную дорогу длиной в 90 вёрст и права на линию до стены¹⁵⁵. Казалось бы, вот оно – решение всех проблем. Заодно выяснилось, что англичане совсем не держатся за эту трассу: было не похоже, что она имела для них большой политический смысл. Возможно, что такое отношение стало следствием англо-русской договорённости о разделе сфер железнодорожного влияния в Китае, достигнутой 16 (28) апреля 1899 г. Кроме того, английское правительство побаивалось немцев, в чьих руках уже находилась часть линии, поэтому они не видели для себя ничего зазорного в том, чтобы отдать оставшуюся часть России, попытавшись таким образом столкнуть Петербург и Берлин. В общем, у английского правительства имелось несколько причин для того, чтобы отказаться от поддержки Гонконг-Шанхайского банка в этом вопросе. Кроме того, такая комбинация устраивала и китайцев (чтобы избавиться от обязательств перед Гонконг-Шанхайским банком), но лишь при одном условии: Россия не будет строить дорогу до Пекина¹⁵⁶.

Однако С.Ю. Витте хотел и заём выкупить, и магистраль обязательно соорудить. Тем временем Россия, не отказываясь на словах от идеи получить от Китая концессию на дорогу до Пекина, практически ничего не делала в этом направлении. Д.Д. Покотилев характеризовал ситуацию как замкнутый круг: Россия требует у китайцев, они немедленно жалуются английскому посланнику в Пекине, затем английский посол в Петербурге запрашивает МИД, а министр отвечает, что ведутся лишь необязательные разговоры. Агент Министерства финансов считал, что России следует вести себя твёрже и не отступать перед запросами англичан. Он полагал необходимым настаивать на концессии на дорогу до Пекина, иначе Россия потеряет всякий авторитет в глазах китайцев¹⁵⁷. Д.Д. Покотилев также предлагал всё-таки вступить в переговоры по поводу покупки Нючжуанской железной дороги¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 1 июля 1899 г. // Там же. Д.170. Л.16.

¹⁵⁶ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 6 июля 1899 г. // Там же. Л.18.

¹⁵⁷ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 27 сентября 1899 г. // Там же. Д.801. Л.182.

¹⁵⁸ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 27 сентября 1899 г. // Там же. Д.143. Л.1–3.

Министр финансов ухватился за это предложение и 30 октября 1899 г. предложил Николаю II, пользуясь англо-бурской войной, потребовать от Китая концессии на железную дорогу как минимум до Великой стены, а ещё лучше – до Пекина¹⁵⁹. Идею не поддержал посланник М.Н. Гирс, заметив, что это станет ударом по русско-китайским отношениям и что Пекин любой ценой попытается отказать в выдаче подобной концессии¹⁶⁰. Надо сказать, что идея С.Ю. Витте больше напоминала чистую афёру. Что бы он стал возить по ней? Сколько бы она стоила (особенно на фоне огромных затрат для освоения Порт-Артура и Дальнего)? В любом случае можно констатировать, что его намерения в этот момент не отличались реализмом, они скорее являлись неким остатком былых замыслов покорения рынков всей Центральной Азии. Дорога в Пекин или до Стены могла восприниматься лишь как некий символ, как демонстрация торжества на фоне других держав. Этим она и казалась опасной.

Одновременно С.Ю. Витте вступил в переговоры с Гонконг-Шанхайским банком о концессии. Англичане тут же подняли цену, потребовав для себя 20% отступных. С.Ю. Витте в свою очередь пугал их тем, что добьётся от Пекина права строить железную дорогу, параллельную их трассе. Министр финансов также настоял, чтобы российская дипломатическая миссия в Поднебесной поддерживала в китайцах убеждение, «что мы не откажемся от сооружения дороги к Пекину», но пока не спешим с этим делом. Сановник рассматривал эти контакты исключительно как рычаг для успешной перекупки займа у Гонконг-Шанхайского банка: «Если мы будем обладать сказанной концессией, то может быть эти переговоры увенчаются успехом и тогда строить ветвь не придётся»¹⁶¹. Однако министра финансов несколько осадил министр иностранных дел, который, ссылаясь на М.Н. Гирса, написал ему о нежелательности слишком активных действий по получению концессии на железную дорогу до Пекина¹⁶². С.Ю. Витте согласился, и возникшая было острота вопроса сразу спала. 11 октября 1900 г. министр финансов получил согласие Николая II на выкуп концессии¹⁶³. Казалось бы – одна часть общей задачи почти решена.

Однако через месяц С.Ю. Витте вдруг резко изменил подход к концессии Гонконг-Шанхайского банка. Он заявил, что из всей трассы его интересует лишь участок севернее Шанхайгуаня, остальное же не следует выкупать. То есть, приобретать следует не всю концессию, а только часть¹⁶⁴. Почему сановник буквально в считанные дни поменял свою позицию, когда ничего вро-

¹⁵⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 30 октября 1899 г. // Там же. Д.801. Л.186.

¹⁶⁰ М.Н. Гирс – в МИД 14 ноября 1899 г. // Там же. Л.188.

¹⁶¹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 30 октября 1899 г. // Там же. Д.143. Л.11–12.

¹⁶² М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 17 ноября 1899 г. // Там же. Л.15–16.

¹⁶³ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 11 октября 1900 г. // Там же. Л.11–12.

¹⁶⁴ С.Ю. Витте – П.М. Романову 14 ноября 1900 г. // Там же. Д.170. Л.88–89.

де бы не изменилось – на это у меня нет ответа. Можно предположить, что С.Ю. Витте пожалел денег – тогда это яркий пример того, как он отказывался от планов экономической экспансии в Поднебесной. Изменение прежних намерений также могло быть связано с оккупацией Маньчжурии русскими войсками – в конце 1900 г. уже стало ясно, что быстро и без условий они оттуда не уйдут¹⁶⁵. После такого решения министра финансов задумались уже англичане, в итоге сделка так и не состоялась.

Отдельно, по-видимому, следует рассматривать историю с концессией на дорогу Пекин–Калган. Это пример самостоятельных действий российских чиновников в Китае с той же целью – провести трассу до Пекина. В январе 1900 г. Д.Д. Покотилов узнал о намерении китайцев возобновить прежние планы и построить (на свои деньги!) несколько железных дорог по направлению от Пекина и Синминтина на север, к КВЖД¹⁶⁶. Почти одновременно «Общество рудного дела в Монголии» решило добиваться концессии на железную дорогу Пекин–Калган, чтобы затем продолжить её на север, до Кяхты. С.Ю. Витте с удивлением узнал об этом и оставил резолюцию: «Предупредите г. Ротштейна, чтобы подобных планов не осуществлял без предварительного моего разрешения. Я об этом ничего не знаю»¹⁶⁷. Позднее выяснилось, что об этой дороге А.Ю. Ротштейну неоднократно сообщал В.Ю. Грот, банкир поручил ему узнать возможность её сооружения в связи с интересами золото-промышленного общества. После отказа С.Ю. Витте А.Ю. Ротштейн ответил, что Русско-Китайскому банку до этой дороги «нет, конечно, никакого дела»¹⁶⁸. С.Ю. Витте совершенно заблокировал возможность строительства магистрали: по его просьбе В.Н. Ламздорф дал указание посланнику в Пекине просить, чтобы китайское правительство не разрешало экспедиции, организованной В.Ю. Гротом, проводить изыскание железной дороги Пекин–Калган–Кяхта¹⁶⁹. Министр финансов усмотрел в этой трассе возможного конкурента его плану провести ветку от КВЖД до Пекина. Кроме того, ходатайства о двух железных дорогах были явно нежелательны, так как очевидно уменьшали шанс на получение хотя бы одной концессии. Тем не менее, экспедиция, организованная В.Ю. Гротом (в её составе были три шведа), в начале сентября 1901 г.

¹⁶⁵ Подробнее см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

¹⁶⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 7 января 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.171. Л.24.

¹⁶⁷ Выписка из донесения Я.П. Шишмарёва в МИД 4 мая 1901 г. и резолюция С.Ю. Витте // Там же. Л.38.

¹⁶⁸ Извлечение из письма А.Ю. Ротштейна П.А. Боку 17 августа 1901 г. // Там же. Л.46–47.

¹⁶⁹ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 21 августа 1901 г. // Там же. Л.48.

прибыла в Пекин и только после того, как В.Ю. Грот получил распоряжения от А.Ю. Ротштейна, от нее отказались. То есть, до этого момента А.Ю. Ротштейн и В.Ю. Грот действовали в обход С.Ю. Витте. За это главный инициатор был немедленно наказан. В.Ю. Грота по распоряжению министра финансов немедленно уволили из числа сотрудников Русско-Китайского банка. С.Ю. Витте также подчеркнул: «Значит, Грот действовал, во всяком случае, с ведома Ротштейна»¹⁷⁰. Д.М. Позднеев безуспешно пытался вступиться за В.Ю. Грота. Он писал С.Ю. Витте о том, что англичане скоро пускают железную дорогу Пекин–Тунчжоу и ходят «упорные слухи», что они намереваются продолжить её до Шанхайгуаня и Калгана¹⁷¹. Однако если Д.М. Позднеев предлагал в ответ на слухи действовать (выступить с ответными мерами), то С.Ю. Витте и российская дипломатия ограничивались намерением протестовать в Пекине, ссылаясь на нарушение его обещаний (что заранее было обречено на неудачу).

Неожиданно в декабре 1901 г. С.Ю. Витте пересмотрел своё мнение и обратился к В.Н. Ламздорфу с просьбой содействовать в получении концессии на железную дорогу Пекин–Калган¹⁷². Трудно понять причины, по которым министр финансов круто изменил свою точку зрения (скорее всего, это произошло из-за бесперспективности добыть разрешение на ветку от КВЖД до столицы), но с этого момента российская дипломатия и агенты Министерства финансов в Китае дружно озадачились этой проблемой. Если дипломаты советовали не спешить и готовить почву¹⁷³, то Д.Д. Покотилов составил прошение от имени Русско-Китайского банка (будучи уверенным в неудаче), а Д.М. Позднеев предлагал использовать частное лицо, например, себя¹⁷⁴. Д.Д. Покотилов оказался прав: Пекин отказал в выдаче такой концессии банку. Предлог был стандартным: Китай якобы собирался строить эту дорогу сам и уже изыскал для неё 6 млн. лан¹⁷⁵. Д.Д. Покотилов не поверил и пригрозил протестом, если китайцы займут деньги на эту магистраль у иностранцев. Надо сказать, что Пекин удержался от такого шага, хотя интерес к этой дороге проявляли и англичане, и американцы и даже итальянцы. В конце концов, летом 1903 г. правители Поднебесной обратились за негласной поддержкой к Русско-Китайскому банку. С.Ю. Витте не возражал, но отдал

¹⁷⁰ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 8 сентября 1901 г. с резолюцией министра финансов // Там же. Л.56.

¹⁷¹ Телеграммы Д.М. Позднеева С.Ю. Витте 8 сентября, 6 ноября, 6 декабря 1901 г. // Там же. Л.55, 72, 78.

¹⁷² С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 11 декабря 1901 г. // Там же. Л.81–82.

¹⁷³ П.М. Лессар – в МИД 16 декабря 1901 г. // Там же. Л.87.

¹⁷⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 24 декабря 1901 г. // Там же. Л.93–94; Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 14 декабря 1901 г. // Там же. Л.90–92.

¹⁷⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 8 апреля 1902 г. // Там же. Д.11. Л.303–305.

вопрос на усмотрение руководства банка: будет ли дело выгодно с коммерческой точки зрения?¹⁷⁶ А.Ю. Ротштейн, кажется, не горел желанием вложить немалые деньги в этот сомнительный по части прибыли проект, поэтому история заглохла до 1905 г.

2.4. Маньчжурское горнопромышленное товарищество

Кроме двух несомненно состоявшихся предприятий С.Ю. Витте (Русско-Китайского банка и КВЖД), были и не столь успешные проекты. В частности это Маньчжурское горнопромышленное товарищество. Его учреждение 5 июля 1902 г. лишь отчасти можно рассматривать как шаг, направленный на продолжение политики экономической экспансии в Северном Китае¹⁷⁷. С.Ю. Витте объяснял появление новой структуры тем, что Пекин отказался предоставить Русско-Китайскому банку преимущество в эксплуатации предприятий в Маньчжурии¹⁷⁸. Министр финансов ориентировал товарищество на получение концессий у цзянь-цзюней с тем, чтобы затем передавать их частным лицам¹⁷⁹.

¹⁷⁶ А.И. Путилов – А.Ю. Ротштейну 26 июля 1903 г. // Там же. Д.171. Л.140.

¹⁷⁷ Б.А. Романов объяснил учреждение товарищества трудностями приобретения концессий на имя Русско-Китайского банка. Но результаты деятельности товарищества на этом поприще оказались весьма скромны. Такой итог историк списал на спешку: Маньчжурское горнопромышленное товарищество просто не успело скинуть с себя «личину» Русско-Китайского банка (Романов Б.А. Указ. соч. С.380–381). Он также предложил и другое объяснение: товариществом С.Ю. Витте хотел замаскировать перед Николаем II участие банка в приобретении концессий (С.402). Непонятно, зачем это было нужно министру финансов. Я полагаю, что причины появления товарищества надо искать в другой плоскости – об этом речь пойдёт ниже.

¹⁷⁸ Эти затруднения оказались связаны не только с последствиями восстания ихэтуаней, они отражали долгосрочную политику Пекина, рассчитанную на усложнение условий горнодобычи для иностранцев. В 1899 г., ещё до восстания, Пекин внёс изменения в горные правила. Согласно им, во главе акционерных обществ должны были находиться только китайцы, а иностранным подданным не могло принадлежать более 50% всех акций. Правила содержали также много неясностей, предусматривали обременительные сборы и сложные бюрократические процедуры (Дополнение к Горному уставу 29 июля 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.775. Л.14–16; замечания по поводу новых правил о разработке горных богатств, представленные управляющими отделениями Русско-Китайского банка в Китае, б/д. // Там же. Оп.29. Д.156. Л.57–62).

¹⁷⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «Об учреждении Маньчжурского горнопромышленного товарищества» (утверждён Николаем II 5 июля 1902 г.) // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.152. Л.18–20. До этого попытки получить от местных властей концессии на добычу полезных ископаемых сталкивались со значительными трудностями. Так, в 1898 г., зная о желании КВЖД получить в Гиринской провинции возможность добывать уголь, китайские чиновники аннулировали все выданные ими ранее концессии на его добычу и объявили, что займется разработками сами (по большей части фиктивно). Ценой вопроса для них было установление монопольной стоимости на уголь: они намерева-

Договор о его учреждении (как товарищества на паях) подписали 26 июня 1902 г. чиновники финансового ведомства Л.Ф. Давыдов, А.И. Путилов и «пруссский подданный», директор Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка А.Ю. Ротштейн. Он был составлен в тех же традициях, что и договор о создании Русско-Китайского банка или учреждения общества КВЖД. В нём шла речь только о праве общества на проведение изысканий и получении концессий, разработка их не упоминалась. Основной капитал товарищества определялся в 1 млн. руб. (10 тыс. паёв по 100 руб.). Их поделили поровну между учредителями (А.И. Путилов получил на один пай больше). Сразу было внесено только 100 тыс. руб., остальные средства предполагалось представить «по мере надобности»¹⁸⁰. Деньги брались прямо из Государственного банка в нарушение его устава под залог паёв товарищества. По-видимому, каждый павладелец заключал с Государственным банком специальное соглашение (мне известен только документ, подписанный Л.Ф. Давыдовым). Согласно ему, банк обязался оплатить пай с тем, чтобы их юридический хозяин передал бумаги банку в обеспечение возврата денег в течение 10 лет. Предполагалось, что банк будет также получать половину чистой прибыли от деятельности товарищества (другую, очевидно, Л.Ф. Давыдов оставлял себе). Наконец, за банком оговаривалось право забрать пай в любой момент, лишь уведомив об этом их номинального хозяина¹⁸¹. Обслуживать деятельность товарищества призвали Русско-Китайский банк, которому за это обещалось участие в прибылях¹⁸².

лись продиктовать её КВЖД, либо дорога вообще не получила бы китайского топлива (А.И. Югович – Д.Д. Покотилову, февраль 1898 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1095. Л.50–53а). Д.Д. Покотилов не усматривал в этих препятствиях «руку Пекина», по его мнению, виновником описанных действий был цзянь-цзюнь, «стремящийся по-видимому, реализовать из угольного дела возможно большие материальные выгоды для себя лично» (Д.Д. Покотилов – Э.К. Циглеру 27 мая 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.1095. Л.29). Как показали дальнейшие события, главный инженер КВЖД оценивал обстановку точнее.

¹⁸⁰ Договор о создании Маньчжурского горнопромышленного товарищества 26 июня 1902 г. (подлинник) // РГИА. Ф.68. Оп.1. Д.1. Л.43–45.

¹⁸¹ Обязательство Л.Ф. Давыдова перед Государственным банком 19 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.27–28. Надо ли говорить, что это было беспроборное бюрократическое предпринимательство, когда чиновники, ничем не рискуя и используя своё служебное положение, могли рассчитывать на весьма неплохие барыши (золотодобыча!). Это дезавуирует более позднее утверждение, что они трудились в Маньчжурском горнопромышленном товариществе «без всякого личного их в деле денежного участия» (Справка о Маньчжурском горнопромышленном товариществе 4 мая 1906 г. // Там же. Оп.41. Д.82. Л.48–51).

¹⁸² Соглашение между Маньчжурским горнопромышленным товариществом и Русско-Китайским банком 27 июня 1902 г. // Там же. Оп.28. Д.265. Л.296. Интересно, что конкретная доля банка в прибылях товарищества не обозначалась, а договор по своей краткости и неконкретности больше напоминает формальный документ.

С.Ю. Витте аргументировал учреждение нового общества интересами получения от китайских властей концессий «на отдельные, наиболее важные промышленные, особенно горные, предприятия в Маньчжурии»¹⁸³, но нельзя признать, что в этой деятельности товарищество преуспело. Оно сразу направило три экспедиции для изучения золотых приисков в Цзяпигоу (несмотря на то, что они признали их «не имеющими промышленного значения»), товарищество усмотрело в них «большое промышленное значение») и фушуньского месторождения каменного угля (безусловно заслуживавшее внимания)¹⁸⁴. В 1902 г. состоялась первая покупка: товарищество приобрело за 25 тыс. руб. у наследников умершего золотодобытчика Н.В. Асташева право разведок золотых россыпей в Цзяпигоу, Нингутинском и Хуньчунском фудутунствах (верховья реки Сунгари)¹⁸⁵.

На 1 июня 1903 г. товарищество израсходовало на концессии 258,7 тыс. руб., но к тому моменту стало ясно, что 1 млн. руб. будет недостаточно. И действительно, на приобретение Англо-русской компании (ей принадлежали фушуньские копи) ушло 500 тыс. руб., на цзяпигоуское общество – 600 тыс. руб., ещё 460 тыс. руб. затратили на общество Хуа-синь-ли (принадлежавшее Тифонтаю и Я.Ф. Рубинову, которое они препродали А.М. Безобразову)¹⁸⁶. За год своей деятельности (в середине августа 1903 г. оно резко снизило активность)¹⁸⁷ общество стало обладателем лишь 6 сколько-нибудь заметных кон-

¹⁸³ Справка о Маньчжурском горнопромышленном товариществе 4 мая 1906 г. // Там же. Оп.41. Д.82. Л.48.

¹⁸⁴ Справка об экспедициях (3) Маньчжурского горнопромышленного товарищества в 1902 г. // Там же. Оп.28. Д.265. Л.128–141; материалы для докладной записки министру финансов, б/д. [1904 г.] // Там же. Л.250.

¹⁸⁵ Договор о приобретении концессии Маньчжурским горнопромышленным товариществом 16 ноября 1902 г. // РГИА. Ф.68. Оп.1. Д.1. Л.49–50. В августе 1903 г. на основании концессии Н.В. Асташева было создано акционерное общество цзяпигоуских золотых рудников (его устав был утверждён 3 июля 1903 г., учредительное собрание состоялось 14 августа 1903 г.). Среди его основателей и руководителей мелькают уже хорошо известные лица: С.Б. Гербель, Л.Ф. Грауман, А.А. Давыдов, М.Ф. Норпе, Д.Д. Покотилов, А.И. Путилов, А.Ю. Ротштейн. Маньчжурскому горнопромышленному товариществу передавалось большинство акций общества (5200 из 6000) на 1,3 млн. руб. в обмен на предоставление всех прав по концессии Н.В. Асташева (Там же. Л.51–52).

¹⁸⁶ Проект записки о деятельности Маньчжурского горнопромышленного товарищества, б/д. [лето 1903 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.5–9.

¹⁸⁷ Б.А. Романов связал это с отставкой С.Ю. Витте с поста министра финансов (Романов Б.А. Указ. соч. С.382), В.Н. Коковцов указывал иные причины: реорганизация концессионного дела в Маньчжурии, устроенная А.М. Безобразовым, и общая напряжённая атмосфера на Дальнем Востоке (всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова о приостановлении действий Маньчжурского горнопромышленного товарищества 4 августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.145).

цессий: три из них касались золотодобычи, одна – угля и ещё две представляли собой долю участия в других фирмах¹⁸⁸. Такой результат трудно объяснить исключительно скромностью средств, которые С.Ю. Витте мог использовать (уставной капитал Маньчжурского горнопромышленного товарищества составлял 1 млн. руб.). Наверное, справедливо замечание Б.А. Романова, который связал создание товарищества и активность оппонентов министра финансов – безобразовцев по приисканию лесной концессии на китайском берегу р. Ялу¹⁸⁹. Оба предприятия совпадают по времени возникновения – лето 1902 г., по поставленным целям – концентрация концессий, и по ничтожности результатов. Иначе создание Маньчжурского горнопромышленного товарищества через четыре месяца после принятия новых китайских горных правил, т.е. в момент резкого ухудшения условий концессионной деятельности, выглядело странным. Наиболее убедительным выглядит объяснение, что в 1902 г. экономическая экспансия С.Ю. Витте в Китае являлась уже не самостоятельной политикой, а одним из средств его борьбы за влияние на дальневосточные дела, в данном случае – с безобразовцами. Похоже, что реально министр финансов уже не придавал ей большого значения.

Формально активность товарищества продолжалась и в 1904, и в 1905 гг. Лишь в августе 1905 г. оно ходатайствовало о временной приостановке деятельности и выдачи ему кредита в 175 тыс. руб. для завершения необходимых расчётов, что и было разрешено Николаем II¹⁹⁰. Однако в 1905 г. китайское правительство оспорило права общества на концессии. На этом жизнь Маньчжурского горнопромышленного товарищества бесславно завершилась. После войны его номинальные хозяева пытались добиться признания своих концессионных прав у китайского и японского правительств, но безуспешно.

---

¹⁸⁸ Список концессий, приобретённых Русско-Китайским банком для передачи прав на них Маньчжурскому горнопромышленному товариществу, б/д. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.124. В списке всего 7 позиций: участие в Англо-русской компании, концессия Н.В. Асташева, участие в разработке золотого месторождения Шимья-цзы-гоу (Мукденская провинция), участие в разработке фушуньских угольных копий, прииски в Гиринской провинции, право на разведку золотой россыпи Мамахоло, право на разведку угольного месторождения в Илу. Однако министр финансов В.Н. Коковцов в 1905 г. счёл нужным упомянуть лишь фушуньские угольные копи и месторождения золота в верховьях р. Сунгари и вдоль р. Амур (всподданнейший доклад В.Н. Коковцова о приостановлении действий Маньчжурского горнопромышленного товарищества 4 августа 1905 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.144 об.). См. также: Романов Б.А. Указ. соч. С.377–381.

¹⁸⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.383–384.

¹⁹⁰ Всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова о приостановлении действий Маньчжурского горнопромышленного товарищества 4 августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.144–145.

2.5. Экономическая политика Министерства финансов в Маньчжурии

Вместо развития собственной дальневосточной окраины усилия Министерства финансов оказались направлены на развитие Маньчжурии. За десятилетие с 1895 г. сумма русских инвестиций более чем в 5 раз превысила стоимость русского экспорта в Китай. По подсчётам М.И. Сладковского, за 1895–1904 гг. в систему КВЖД и хозяйственное развитие её инфраструктуры было вложено 563,5 млн. руб., тогда как весь русский экспорт в Китай за эти же годы не превысил 102 млн. руб.¹⁹¹ Правда, вложения шли в основном в пищевую промышленность, а ещё точнее – преимущественно в мукомольное производство. Они сопровождались протекционизмом: заградительные пошлины на муку препятствовали развитию производства в Забайкалье, Приамурье и Приморье¹⁹². Тем не менее, позиции русских в экономике Маньчжурии были не так уж значительны. В частности, количество полученных концессий оказалось весьма невелико: в Мукденской провинции это были соглашения о разработке угля, подписанные 20 апреля 1902 г. между строительным управлением КВЖД и цзянь-цзюнем. В Гиринской и Хэйлунцзянской провинциях это были договоры также о добыче каменного угля для КВЖД, заключённые 2 июня 1901 и 1 января 1902 гг. И, наконец, в Маньчжурии действовало 9 концессий на золотодобычу, полученных русскими подданными¹⁹³.

Состояние горнодобывающих предприятий России на Дальнем Востоке по заключению инспектировавшего их горного инженера В. Кузнецова уже после русско-японской войны, в 1906 г., было плачевным. Так, даже на русской территории, на Сахалине товарищество «И.О. Маковский и К^о», занимавшееся добычей угля, работая на фантастически льготных условиях (дешёвый труд каторжан, дармовой лес), не вышло «из пределов технически жалкого существования». Продавая уголь по цене, много ниже английской, общество не заботилось «ни о постановке правильного, технически современного предприятия, ни о сохранении богатств, вверенных ему государством». Поэтому создалась опасность того, что эти предприятия постепенно перейдут в руки американцев¹⁹⁴. Немалые

---

¹⁹¹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С.331–335. Согласно другим данным, в 1902 г. инвестиции России в Китай составили 220,1 млн. американских долларов, что составляло 43,7% всех вложений в Срединную империю шести крупнейших держав (на долю занимающей второе место Англии приходилось всего 150 млн. долларов – 29,8%) (Remer С.Е. Foreign Investments in China. N.Y., 1968. P.99).

¹⁹² Сурин В.И. Маньчжурия. Экономический обзор. Харбин, 1925. С.10.

¹⁹³ Перечень русских предприятий в Маньчжурии до войны // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.308. Л.1.

¹⁹⁴ Записка о состоянии горнодобывающей промышленности на Дальнем Востоке горного инженера при штабе наместника В. Кузнецова – Е.И. Алексееву 25 марта 1906 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.349. Л.1–6.

деньги российские власти успели вложить в экономику Квантуна. Летом 1905 г. число возможных претензий японцам только от частных владельцев составило 2257,5 тыс. руб. Самыми крупными из них являлись три золотые рудника (сумма затрат составляла около 310 тыс. руб.), два угольных и один железный рудник (100–200 тыс. руб.), цементный завод (190 тыс. руб.) и солеварня (7,5 тыс. руб.).¹⁹⁵

Тем не менее, быстро превратить Маньчжурию в преуспевающий и высоко-развитый в экономическом отношении район было невозможно. Обзоры фудунств в Северном Китае, составленные офицерами Генерального штаба в 1901 г., нарисовали удручающую картину. Практически вся Северная Маньчжурия представляла собой малонаселённую территорию, где население занималось в основном земледелием. Промышленность представляли немногочисленные кирпичные и ханшинные заводи, а также производства бобового и конопляного масла¹⁹⁶. В Гириной провинции их было, к примеру, соответственно около 140 и 180¹⁹⁷. Всё это производство носило кустарный характер. Поэтому вывод, сделанный относительно Айгунского фудунства, справедлив и по отношению ко всей Северной Маньчжурии: район этот «не имеет для нас значения ни в политическом, ни в экономическом отношении и лишь в военном значении его более или менее важно благодаря присутствию Амура»¹⁹⁸. Экономическое обследование полосы вдоль КВЖД, проведённое в 1903 г., показало,

¹⁹⁵ Справка о частных горнопромышленных предприятиях на Квантуне, составленная горным инженером С.С. Пузановым 22 июня 1905 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.308. Л.2–3.

¹⁹⁶ В Бутханском фудунстве имелся один кирпичный заводик, где летом 1901 г. двое рабочих изготовляли 500 кирпичей в день (Мельгунов, подполковник. Бутханское фудунство. Хабаровск, 1903. С.61); В Мэргэньском фудунстве существовавшие по слухам (!) два кирпичных и один гончарный заводи исчезли после 1900 г. (Ижицкий, подполковник. Мэргэньское фудунство. Хабаровск, 1902. С.173); наконец, в Цицикарском фудунстве действовали лишь содовые заводи, зато целых 18 (Дуров, подполковник. Цицикарское фудунство. Хабаровск, 1903. С.85–86). Рекордным по части производства ханшина было из обследованных Ажехинское фудунство (около порта Инкоу): их там насчитывалось 57, они вырабатывали 760 557 пудов китайской водки в год, часть продукции даже продавалась в соседних районах (Богданов [А.Ф.], подполковник. Ажехинское фудунство. Хабаровск, 1902. С.190–191). Свообразным центром кирпичного производства являлось Хуланьское фудунство, где работало почти 90 кирпичных и гончарных заводиков (Люпов [С.Н.]. Хуланьское фудунство Хэйлуцзянской провинции. Ч.1. Хабаровск, 1903. С.211–213). Разумеется, такая продукция не могла никуда экспортироваться. Исключением являлось бобовое масло, но размер его производства для продажи был невелик (несколько сот тысяч пудов в год). Тем не менее, это составляло более половины экспорта, осуществлявшегося через порт Инкоу.

¹⁹⁷ Цихович, подполковник. Военный обзор Гириной провинции в Северной Маньчжурии. СПб., 1904. С.231.

¹⁹⁸ Щедрин, подполковник. Айгунское фудунство. Хабаровск, 1903. С.40.

что промышленность там также практически отсутствовала, за исключением двух-трёх винокуренных заводиков и нескольких мельниц¹⁹⁹. Торговля в населённых пунктах находилась в основном в руках китайцев, немногочисленные русские лавки продавали преимущественно водку, вино и табак. Это означало также, что возить по только что построенной КВЖД для местных нужд было практически нечего. А то, что имелось, местные жители из-за дорогого тарифа предпочитали транспортировать без участия железной дороги²⁰⁰.

Кроме того, активизация России в северных провинциях Китая вызвала беспокойство пекинских властей, которые стали по возможности противодействовать этому. В 1902 г. в Китае были приняты новые горные правила, затруднявшие получение концессий иностранцами. Одновременно Пекин в 1901–1902 гг. начал интенсивную китайскую колонизацию Маньчжурии (до этого переселение ханьцев на земли маньчжур запрещалось)²⁰¹. Она перекинулась и на русские области Дальнего Востока: по данным консульства в Чифу, в 1906 г. оттуда отправилось за Амур более 550 тыс. китайцев, а вернулось обратно только 400 тыс. Еще с 1880-х гг. китайская администрация пыталась распространять свою власть на своих отходников и на соотечественников в пределах русских земель²⁰². Китайцы прибирали к своим рукам мелкую торговлю, занимались контрабандой и охотой, составляли конкуренцию русскому населению на рынке труда. Всё это создало почву для заявлений о растущей «жёлтой опасности», связываемой со строительством КВЖД и освоением Маньчжурии²⁰³.

Русская колонизация не имела никаких возможностей конкурировать с китайской. Даже заселение собственных дальневосточных земель шло с ко-

---

¹⁹⁹ Экономическое обследование района Китайской Восточной жел[езной] дороги. Отчёт заведующего экспедицией И.Э. Гейштора. Западная и Восточная линии. СПб., 1904. С.115. Поэтому оптимистические заключения некоторых исследователей, например, В.Ф. Борзунова о том, что в 1891–1904 гг. «интенсивное проникновение российского капитала» привело «к разложению натурального хозяйства Маньчжурии» представляется сильно преувеличенным (Борзунов В.Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. Ч.1. М., 2001. С.85).

²⁰⁰ Экономическое обследование района Китайской Восточной жел[езной] дороги... С.117–118.

²⁰¹ Добролюбовский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин, 1906; Болобан А.П. Земледелие и хлебопромышленность в Северной Маньчжурии. Харбин, 1909 и др.

²⁰² Соловьёв В.Ф. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 – март 1917). Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. Владивосток, 1979. С.24, 29–30.

²⁰³ Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912 и др. Сторонники «жёлтой опасности» опирались на цифры, показывавшие усиление притока иностранных подданных на российский Дальний Восток, однако они игнорировали тот факт, что китайцы смотрели на своё пребывание в России как на временный заработок, подавляющее большинство из них не горело желанием осесть в чужой для них стране.

лоссальным трудом. К 1861 г. там находилось лишь чуть более 3 тыс человек. За двадцать лет их число увеличилось до 48 тыс. с небольшим, но для огромной территории это была капля в море. Принятие специальных мер по усиленной колонизации окраины, введение особых льготных правил, а главное, значительные затраты казны на переселение дали результат: с 1883–1892 гг. туда направлялось в среднем менее 3 тыс. душ ежегодно, в 1893–1898 г. – по 5 тыс., наконец, в 1898–1902 гг. – по 13 тыс., а в 1903–1907 гг. – даже по 21 тыс. В итоге к 1908 г. на Дальний Восток из Европейской России по официальным сведениям прибыло примерно 212,7 тыс. человек²⁰⁴. Преимущество при переселении власть отдавала казакам: предполагалось, что на них можно будет возложить охрану границы. Денег на это не жалели, несмотря на то, что доставка одной казацкой семьи обходилась казне более чем в одну тыс. руб.²⁰⁵ Однако 240 тыс. русских в Приамурском крае к 1901 г. не могли решить даже проблему закрепления за собой территорий, уже официально принадлежавших России.

Меры по усилению российской колонизации дальневосточных земель далеко не во всём были успешными. Несмотря на то, что для желающих остаться на восточной окраине предусматривались специальные льготы, например, пособие в 100 руб. для нижних чинов, увольняемых в запас, если они оставались на Дальнем Востоке, вместо увеличения числа поселенцев власть получила совершенно иной результат. Пособие, как правило, пропивалось за несколько дней, а его получатель пополнял ряды местных бродяг и уголовников, промышлявших разбоем и грабежами. Не удивительно, что местные предприниматели предпочитали нанимать на работу китайцев, а по Владивостоку не рекомендовалось ходить после 22 часов без вооружённой охраны²⁰⁶.

В общем неудачная экономическая политика С.Ю. Витте на Дальнем Востоке получила косвенную оценку сразу после русско-японской войны, когда власти пришлось бороться уже не за освоение Маньчжурии, а за недопущение влияния оттуда на русские территории. Красноречиво прозвучало признание, сделанное в Финансовой комиссии Государственной думы в 1909 г.: «обстоятельства на Дальнем Востоке в последнее время приняли такой оборот, что Россия без всякого промедления должна принять решительные таможенные меры к тому, чтобы закрепить за собою в экономическом отношении свои

²⁰⁴ Справка по переселенческому делу в Приамурском крае. 1908 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.4. Д.26. Л.29–32.

²⁰⁵ Записка Военного министерства «О заселении приграничной полосы Приамурского края...» 31 октября 1893 г. // РГИА. Ф.560. Оп.27. Д.36.

²⁰⁶ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. С.22–23.

дальневосточные области»²⁰⁷. Ещё хуже положение дел оказалось в Маньчжурии, где власть, чтобы противостоять японцам, была готова привлекать для хозяйственного освоения полосы отчуждения иностранцев, «так как лишь при этом условии мы можем бороться с теми экономическими центрами, которые уже начинают возникать в сфере японского влияния»²⁰⁸. Иначе говоря, российская экономика не выдерживала соревнования, ей вряд ли было по силам контролировать даже собственный Дальний Восток, не говоря уж о том, чтобы завоёвывать сколько-нибудь заметные позиции на зарубежных восточных рынках. Это нетрудно было предположить и просчитать, но это не входило в намерения С.Ю. Витте. Плачевные итоги предшествовавшей политики в отношении Китая выразительно констатировал в 1908 г. посланник в Пекине И.Я. Коростовец: «русско-китайские отношения продолжают быть неважными, Маньчжурия и Кит[айская] дорога стоят поперёк и мешают сближению». Не лучше окончилась и программа экономического проникновения в Китай (т.е., за пределы Маньчжурии): к 1908 г. русских даже в Пекине насчитывалось человек 40, в основном представлявших отделение Русско-Китайского банка и администрацию КВЖД (в Тяньцзине – всего 15). «Из коммерсантов-русских – ковенский еврей Рыжин и английский подданный беглый матрос Минин – по профессии акционист» – вот что осталось от былых грандиозных планов экономического господства в Центральном Китае²⁰⁹. С.Ю. Витте сделал ставку на авантюрный рывок, совершенно не подкреплённый необходимыми расчётами. Не удивительно, что он жестоко обманулся, а всю его «программу» постиг неминуемый полный крах.

---

²⁰⁷ Протокол заседания 5-ой подкомиссии Финансовой комиссии III Государственной думы 27 марта 1909 г., посвящённого закрытию порто-франко на российском Дальнем Востоке. Доклад Л.К. Шешминцева // Государственная дума. III созыв. 2-я сессия. Нумерной печатный материал, разобранный по комиссиям. Т.3. Л.145 (РНБ. Шифр: 30/4–50).

²⁰⁸ Журнал №2 Особого совещания по вопросу о введении гражданского управления на территории КВЖД 19 июля 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.309. Л.111 об.

²⁰⁹ И.Я. Коростовец – Б.Э. Нольде 24 ноября 1908 г. // РГИА. Ф.727. Оп.2. Д.329. Л.2 об. – 3.

Глава 3. Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг.

О Русско-Китайском банке в отечественной историографии до сих пор нет специального исследования. Первым о нём написал Б.А. Романов¹. Он раскрыл основную цель и обстоятельства его создания (С.90–92). Банк замышлялся как орудие политики С.Ю. Витте в Китае, инструмент для строительства КВЖД (С.111–113, 116–125), а также приобретения концессий в Маньчжурии и контроля за ними, особенно после боксёрского восстания (С.323–327, 370–375). Однако автор не объяснил феномен: каким образом французы, имея 5/8 акций, получили всего 3/8 мест в правлении и почему они безуспешно претендовали на то, чтобы банк стал орудием их политики (С.91, 484–485).

В 1974 г. появилась статья О. Крипп, основанная на французских материалах и рассказывающая о банке с французской точки зрения². По мнению автора, французы с самого начала планировали задействовать банк для решения своих задач на юге Китая, но столкнулись с сильным сопротивлением С.Ю. Витте. Однако на переговорах с А.Ю. Ротштейном, состоявшихся весной 1898 г. в Париже, решили, что сфера активности Русско-Китайского банка будет простираться до Шанхая, южнее станет действовать другой французский банк – «Индокитай».

Английская исследовательница Р. Квестед в 1977 г. опубликовала небольшую и единственную до сих пор в историографии книгу про Русско-Китайский банк, однако его ранней истории (до 1904 г.) в ней уделено немного места³. Автор использовала французские и немецкие документы, источником русских материалов для неё послужила книга Б.А. Романова. Р. Квестед рассматривает банк не столько как орудие в политике, сколько как крупнейшее кредитное учреждение на Дальнем Востоке в начале XX века, как серьёзное международное банковское предприятие.

---

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

² Crisp O. Russo-Chinese bank: an episode in Franko-Russian relations // East European review. Vol.LII. №127. 1974, April. P.197–212.

³ Qvested R. The Russo-Chinese bank: a multi-national financial base of tsarism in China. Birmingham, 1977. 69 p.

Идея создания русского кредитного учреждения в Китае обсуждалась в Министерстве финансов с 1894 г. Нужда в таком банке обосновывалась строительством Сибирской железной дороги и грядущим развитием торговли и экономики на Дальнем Востоке. 14 июля 1895 г. министр финансов С.Ю. Витте впервые официально представил идею Николаю II, обусловив учреждение Русско-Китайского банка помимо уже упомянутых мотивов, обслуживанием китайского займа 1895 г.⁴ и интересами сближения двух стран. По замыслу С.Ю. Витте, новый банк должен был упрочить «русское экономическое влияние в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане»⁵. В докладе С.Ю. Витте обращает на себя внимание переплетение экономических и политических соображений. По-видимому, министр финансов также связывал новый кредитный институт с уже разрабатывавшимися планами сооружения в Китае русских железных дорог⁶.

Летом 1895 г. началась активная подготовка к созданию банка. По плану С.Ю. Витте его учредителями должны были стать Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк и ряд французских кредитных учреждений. 24 июня 1895 г., сразу после окончания переговоров о китайском займе, С.Ю. Витте в присутствии министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского сделал предложение об учреждении банка для работы в странах Азии ряду известных банкиров: Ф. Голдштейну, Э. Денорманди, Я. Штерну, барону Р. Готтингеру, Э. Нецлину и Р. Брису⁷. Банк замыслился широко, для защиты обоюдных интересов и со значительными полномочиями. Директор Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка А.Ю. Ротштейн завершил переговоры об этом в Париже к 30 сентября⁸. Определив основной капитал банка в 6 млн.

---

⁴ Как раз в июне 1895 г. завершились переговоры С.Ю. Витте с группой французских банкиров о предоставлении Китаю займа для выплаты контрибуции по результатам японо-китайской войны 1894–1895 гг. Заём предоставлялся из 4% годовых под гарантии России на 100 млн. рублей золотом (Романов Б.А. Указ. соч. С.89–90). Подробнее об этом см.: Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985. С.65–83.

⁵ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 14 июля 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.38. Д.175. Л.67–69.

⁶ Во всеподданнейшей записке по поводу командирования Д.Д. Покотилова в Китай С.Ю. Витте заявил, что Русско-Китайский банк станет «весьма полезным орудием» правительства «при проведении последних мероприятий, имеющих ближайшее отношение к окончанию сооружения Сибирской железной дороги» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.600. Л.16–18; Романов Б.А. Указ. соч. С.92). Осторожность и туманность виттевских фраз объясняется тем, что в это время переговоры с Китаем о будущей КВЖД ещё только начались и не было ясно, чем они закончатся. Подробнее об этом см. главу 1 «Сибирская железная дорога и КВЖД».

⁷ Quested R. Op. cit. P.3.

⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.92

золотых рублей, С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейн настояли на том, что 5/8 акционерного капитала поступало из Франции, однако французы получали только 3/8 мест в правлении. Считается, что условия учреждения нового банка были блестящим успехом российского министра финансов. Но внимательное изучение обстоятельств позволяет усомниться в таком заключении.

Да, С.Ю. Витте получал в свои руки контроль за оперативным руководством банком (собрание акционеров, кстати, в любой момент могло воспротивиться диктатуре российского министра финансов). Однако уступчивость французов, несмотря на выражаемое ими желание, по словам Д.Д. Покотилова, «играть в банке первенствующую роль»⁹, объясняется, по-видимому, расчётом на фактическое управление делами нового банка. Действительно, местом пребывания главной конторы Русско-Китайского банка был выбран Шанхай, для организации его деятельности использовалась шанхайская контора «Comptoir National d'Escompte» вместе с её директором Вийеконом, который становился также одним из директоров – распорядителей создаваемого кредитного учреждения¹⁰. Правда, другим директором – распорядителем в Шанхае оказался российский подданный А. Верт. Помимо шанхайской конторы, в интересах России предполагалось учредить агенство банка в Тяньцзине (во главе с директором – распорядителем Д.Д. Покотилковым) и временную контору в Ханькоу на сезон чайной торговли (для содействия русским торговцам чаем)¹¹ под управлением А. Верта¹². Шанхай и Ханькоу – это Южный Китай, сфера интересов Франции, за которую она соперничала в основном с Англией. В Шанхае у России тогда не было даже консульства. По-видимому, французы надеялись направить активность нового банка на южные провинции Китая, где Россия имела минимальные интересы, связанные исключительно с чайной торговлей (Россия закупала в Китае около 2 млн. пудов чая в год), поэтому контора в Ханькоу и создавалась как временная.

⁹ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.91.

¹⁰ А.Ю. Ротштейн был крайне невысокого мнения о Вийеционе, полагая, что он «способен самостоятельно вести лишь магазин, торгующий сыром» и фактически выступал за его подчинение А. Верту (А.Ю. Ротштейн – Э. Нецлину 22 сентября 1895 г. // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М., 1996. С.96). Французы также пытались навязать некоего Ристельюбера в качестве сотрудника шанхайской конторы банка, но Д.Д. Покотиллов протестовал, желая, чтобы тот остался в Париже и обращение к его услугам произошло лишь в самом крайнем случае (Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 19 сентября 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.5–7).

¹¹ Д.Д. Покотиллов надеялся, что банк будет способствовать «здоровой конкуренции» среди посреднических фирм (Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 1 февраля 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.10. Л.25).

¹² В Ханькоу Д.Д. Покотиллов намеревался задействовать в интересах банка агентуру «Добровольного флота» (Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 14 января 1896 г. // Там же. Л.2–7).

Министерство финансов по договоренности с французами получало два места в правлении банка, одно из них занял товарищ министра П.М. Романов¹³, другое предполагалось предложить русскому купцу в Тяньцзине А.Д. Старцеву или владельцу пароходства на Дальнем Востоке М.Г. Шевелёву¹⁴.

Для переговоров с русскими предпринимателями, а также для изучения экономической обстановки в Китае туда с 1 сентября 1895 г. по 2 февраля 1896 г. был командирован чиновник Министерства финансов Д.Д. Покотилов. Несмотря на формально частный характер поездки, исправлявший должность министра иностранных дел Н.П. Шишкин просил русского посланника в Пекине А.П. Кассини всячески содействовать Д.Д. Покотилу¹⁵. Чиновник тщательно собирал сведения об экономике Китая, объездил немало провинций, уделяя особое внимание портовым городам. Об увиденном он составлял подробные отчёты и посылал их в Министерство финансов.

Идея сотрудничества с М.Г. Шевелёвым по делам банка была вскоре отвергнута Д.Д. Покотилу. После знакомства с ситуацией он сделал вывод, что дела пароходства М.Г. Шевелёва ведутся халатно и что предложение председателя правления Русско-Китайского банка Э.Э. Ухтомского использовать агентов М.Г. Шевелёва одновременно и как агентов нового банка невозможно: у него просто не было своих представителей в китайских портах¹⁶.

Когда в конце ноября 1895 г. Д.Д. Покотилов и А. Верг явились к А.Д. Старцеву с идеей открыть агенство Русско-Китайского банка в Тяньцзине, оказалось, что он уже был в курсе дела и не поддержал предложение, сразу заявив, что операции русских чаоторговцев в этом китайском порту «недостаточно велики», не в пример Ханькоу. Вообще характер и размах предприятия по-видимому вызвал у русского купца скептицизм. Он предложил гостям собственный план. А.Д. Старцев мыслил масштабнее: отделения банка следовало бы открыть во всех провинциях и крупных портовых городах Китая, иметь постоянный запас серебра для широкого кредитования коммерческих операций, также требовалось непременно добиваться перевода на счета нового банка таможенных платежей и получения крупных казённых подрядов от китайских властей. В завершение своих рассуждений он поведал Д.Д. Покотилу и А. Вергу о планах китайских властей, в частности своего друга чжилийско-

---

¹³ С.Ю. Витте выхлопотал специальное разрешение царя на участие П.М. Романова в руководстве банком, так как товарищу министра по должности было запрещено участвовать в правлениях акционерных банков.

¹⁴ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «О ходе дел по учреждению Русско-Китайского банка» 30 сентября 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.38. Д.175. Л.78–82.

¹⁵ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.907. Л.1.

¹⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 19 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.102–113.

го генерал-губернатора Ли Хунчжана создать китайский банк с привлечением иностранного капитала. По замыслу Ли Хунчжана, этот банк должен был конкурировать с англичанами, поэтому он приветствовал бы участие в нём русских капиталов¹⁷. В свете планов китайского сановника становится более понятной логика рассуждений и действий А.Д. Старцева. Ещё за месяц до приезда Д.Д. Покотилова и А. Верта он хлопотал перед А.Ю. Ротштейном о создании объединённого русского и китайского банков с общим капиталом в 5 или 10 млн. лан¹⁸. Позднее, уже в феврале 1896 г., когда Ли Хунчжан заехал в Тяньцзин перед своим визитом в Россию, разговор со А.Д. Старцевым был продолжен. Ли Хунчжан поставил вопрос более широко: он выступал за совместную работу русских и китайских капиталов, предлагал соединение Русско-Китайского банка с китайским пока на чисто коммерческих началах, без предоставления каких-либо особых прав и преимуществ. Эти размышления Ли Хунчжан делал на фоне общих перспектив сближения России и Китая против Англии и Японии¹⁹.

Тем временем в Петербурге события шли своим чередом. 10 ноября 1895 г. С.Ю. Витте представил Николаю II проект устава Русско-Китайского банка. Царь повелел обсудить его в соединённом присутствии Комитета Сибирской железной дороги и Департамента экономии Государственного совета при участии министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского. 29 ноября 1895 г. устав был одобрен в заседании почти без дискуссии. Сведущие участники этого действия заметили, что цели и возможности банка были противоречивыми. С одной стороны, необходимость создания кредитного учреждения обосновывалась интересами русских чаоторговцев, с другой – банк наделялся широчайшим кругом полномочий, никак не связанных не только с торговлей, но и с обычной банковской деятельностью: приобретение товаров, страхование, получение концессий на сооружение железных дорог, приобретение недвижимости, эмиссия собственных денежных знаков. Стало очевидно, что за учреждением Русско-Китайского банка С.Ю. Витте скрывал политические цели.

Учредителями банка стали князь Э.Э. Ухтомский, Р. Брис (член правления Лионского кредита), статский советник И.Л. Гольштант, Р. Готтингер, Э. Денорманди, Э. Нецлин, А.Ю. Ротштейн, Я. Штерн. Формально банк получал статус акционерного с основным капиталом в 6 млн. рублей золотом, разделённым на 48 тыс. акций по 125 руб. каждая. Все акции были распределены между 92 держателями: от 20 (Г.Г. Дерикер) до 7355 (Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк). Крупные пакеты акций получили также банки Лионский кредит, Готтингер и К⁰, Парижская национальная учетная

¹⁷ Д.Д. Покотилев – П.М. Романову 1 декабря 1895 г. // Там же. Л.74–85.

¹⁸ А.Д. Старцев – А.Ю. Ротштейну 1 ноября 1895 г. // Там же. Л.86–87.

¹⁹ А.Д. Старцев – Э.Э. Ухтомскому 25 февраля 1896 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.2. Л.39–40.

контора, Парижско-Нидерландский банк – по 7325 акций. Физические лица имели меньше: от 20–25 до 500 (А.Ю. Ротштейн). Число голосов распределялось непропорционально числу акций. Так, владельцы уже 25 акций получали один голос, 75 – 2 голоса, 150 – 3, 250 – 4, обладателям более 250 акций предоставлялось по одному голосу за каждые 100 акций, однако одно лицо – как физическое, так и юридическое – не могло иметь более 20 голосов²⁰. Поэтому у хозяев самых крупных пакетов по 7325–7355 акций было всего по 20 голосов. В сумме получилось 289 голосов всех акционеров, из которых на физические лица, обладавших 7745 акциями (чуть более 16% от общего количества), приходилось 135 голосов из 289 (почти 47%). В результате мелкие держатели получали значительное влияние на собраниях акционеров²¹.

Но ещё важнее другое обстоятельство. Несмотря на то, что французы оплатили 5/8 акционерного капитала банка, они не располагали соответствующим количеством голосов (по моим подсчётам, они получили всего около 100). Русские акционеры имели примерно 125 голосов, остальные (около 60) принадлежали немцам. То есть, большинство (хотя и не абсолютное) на собрании акционеров принадлежало русским (читай – С.Ю. Витте). Французы, несмотря на вложение денег, не имели необходимого ресурса для принятия судьбоносных для банка решений. С другой стороны, значительное число голосов в руках частных акционеров и мелких корпоративных собственников ограничивали возможности министра финансов по использованию банка исключительно как политического инструмента, заставляя его считаться с интересами физических лиц, то есть добиваться высокой прибыльности и увеличения стоимости акций банка. Чистая прибыль банка по данным Министерства финансов в 1897 г. составила 737 970 руб.; в 1898 г. – 1 437 824 руб.; в 1899 г. – 1 564 138 руб. 78 коп.; в 1900 г. – 2 161 372 руб. 99 коп.²² И в дальнейшем успехи банка были очевидными. Даже в 1904 г., несмотря на начало русско-японской войны и значительные убытки отделений в Центральной Азии из-за хлопкового кризиса чистая прибыль всё равно составила 1 145 000 руб.²³

По-видимому, интересами мелких акционеров объясняется выплата вполне значительных дивидендов по акциям: 1897 г. – 7 руб. 50 коп., 1898 г. – 13 руб., 1899–1900 гг. – 15 руб.²⁴ Если учесть, что номинал акции был 125 руб.,

²⁰ Устав Русско-Китайского банка. СПб., 1901. Параграфы 43, 45.

²¹ Список акционеров Русско-Китайского банка, составленный для проведения собрания акционеров 9 января 1896 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.2. Л.1–2 об. См. приложение.

²² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.100.

²³ Отчёт по операциям Русско-Китайского банка за 1904 год. СПб., 1905.

²⁴ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.20.

то годовой доход с неё получался уже в 1898 г. более 10%, а в 1899–1900 гг. – 12% (очень хорошим тогда считался ссудный процент в 8–10).

Такая двойственность в положении банка ставила перед ним и своеобразные проблемы. Реально управление оказалось разделено между С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейном. С.Ю. Витте диктовал банку политические задачи, всегда учитывая при этом необходимость получения доходов, а А.Ю. Ротштейн обеспечивал как их осуществление, так и чисто коммерческую деятельность, нацеленную на извлечение прибыли.

Именно А.Ю. Ротштейн давал установки по организации работы банка в Шанхае и Ханькоу. Он был против широкой и активной деятельности, «находя осторожность и скромность лучшим залогом успеха». На первых порах он сделал ставку на обслуживание чайной торговли: «в течение пары месяцев, пока в Ханькоу стоит сезон, всё способное порхать или ползать должно, – по мнению А.Ю. Ротштейна, – послать туда»²⁵. А.Ю. Ротштейн рассчитывал, что к началу сезона чайной торговли уставной капитал банка будет собран примерно наполовину, именно этой суммой он ограничил коммерческие операции²⁶. Осторожность продиктовала и решение о пределе выдаваемых банком кредитов суммой в 25 тыс. лан²⁷. Чайные операции стали на первых порах главным направлением деятельности банка. Попытка освоить другие сферы сталкивалась с серьёзными затруднениями. Первоначально большой интерес вызывали операции по торговле российским керосином в Китае, несмотря на сильную конкуренцию со стороны американских и голландских фирм. Однако специальная программа, разработанная Министерством финансов для продвижения русского керосина на китайский рынок (приобретение специальных складов и цистерн, распространение ламп и горелок и т.п.), не заинтересовала бакинских нефтепромышленников²⁸. Имелись и другие причины отказа от большой керосиновой программы. Так, сделки с керосином давали невысокий процент, а русские купцы не торговали, если прибыль составляла менее 15–20%²⁹.

В целом, на первых порах чисто коммерческие операции превалировали в деятельности Русско-Китайского банка. А.Ю. Ротштейн при понимании и

²⁵ А. Ротштейн – Э. Нецину 22 сентября 1895 г. // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М., 1996. С.96.

²⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 24 января 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.600. Л.172–174. Д.Д. Покотилов цитировал депешу А.Ю. Ротштейна от 23 декабря 1895 г.

²⁷ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 27 декабря 1895 г. // Там же. Д.9. Л.125–125 об. 1 лан – это чуть более 1,4 руб. при пересчёте на золото.

²⁸ Фурсенко А.А. Первый нефтяной синдикат в России (1893–1897) // Монополии и иностранный капитал в России. М.:Л., 1962. С.50–55.

²⁹ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 27 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.124 об. Подробнее об этом – в главе 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочарывающая реальность».

поддержке С.Ю. Витте стремился избежать того, чтобы банк оказался лишь финансовым инструментом для достижения политических целей, и в целом это ему удалось. Именно такой подход позволил банку состояться как серьёзному финансовому институту, просуществовавшему несколько десятилетий, невзирая на бурные события на Дальнем Востоке. Кроме того, на отделения и агентства банка в Китае и Японии приходилось не более 30% всего оборота, две трети его происходило в Париже, Петербурге и Москве, что также придавало большую устойчивость этому кредитному учреждению³⁰.

За созданием банка и началом его деятельности настороженно следили китайские власти. По-видимому их реакцией на появление Русско-Китайского банка стала подготовка близким Ли Хунчжану даотаем Шёном в начале 1897 г. плана организации собственного акционерного банка на европейских началах, того самого, о котором А.Д. Старцев сообщил ещё в конце 1895 г. Активность китайцев в свою очередь встревожила С.Ю. Витте, опасавшегося конкуренции, поэтому русский посланник получил 27 марта 1897 г. поручение добиваться, чтобы чтобы все будущие привилегии нового китайского банка получил и Русско-Китайский банк³¹.

Кроме того, Министерство финансов стремилось вне зависимости от ситуации с учреждением китайского банка, добиться от пекинских властей разрешения проводить через Русско-Китайский банк таможенные платежи. Интерес здесь был двояким: допуск к этим потокам денег позволял отчасти контролировать их, кроме того, для банка это являлось верным источником заработка. Именно с такими просьбами в столицу Срединной империи весной 1897 г. отправился князь Э.Э. Ухтомский. Однако китайцы отвечали уклончиво, обещая лишь рекомендовать даотаям вступить в контакт с местными отделениями Русско-Китайского банка³². Российским властям хотелось ввести в полосу отчуждения КВЖД в качестве местных денег билеты Русско-Китайского банка, на что также требовалось получить разрешение Пекина³³.

Возможно, что эти же обстоятельства подтолкнули С.Ю. Витте к быстрому расширению деятельности банка (впрочем, это принципиально не противоречило осторожности А.Ю. Ротштейна). Было значительно увеличено число подразделений Русско-Китайского банка, причем не только в Китае, но и на

³⁰ Отчёт по операциям Русско-Китайского банка за 1897–1904 гг. СПб., 1898–1905. Он издавался ежегодно. К сожалению, анализ этих отчётов мало помогает в исследовании деятельности банка, так как в нём зафиксирован оборот средств по различным операциям и лишь с 1902 г. – баланс счетов. Совершенно не расписана ни собственность банка, ни его участие в других акционерных обществах.

³¹ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.907. Л.108.

³² Д.Д. Покотилев – А.И. Путилову 8 июня 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.35. Л.147.

³³ Перечень вопросов, подлежащих выяснению в Пекине через князя Ухтомского и инженера Циглера (доложены Николаю II 14 марта 1897 г.) // Там же. Л.74–76.

русском Дальнем Востоке. 15 мая 1897 г. отделение Русско-Китайского банка открылось в Пекине в здании бывшего корейского посольства. Само размещение отделения банка в здании, принадлежавшем правительству, где ранее находилась дипломатическая миссия, свидетельствовало об особом отношении к нему китайских властей, их покровительстве. В глазах китайцев это означало полное доверие к банку³⁴. На церемонии присутствовал Э.Э. Ухтомский, встреченный очень торжественно. Более того, князь получил аудиенцию у китайского императора, что выражало исключительное уважение к гостю.

В это же время В.Ю. Гроту было поручено добиваться предоставления на подставное лицо концессии на разработку рудников в Монголии для Русско-Китайского банка через китайского амбана в Урге³⁵. В целом Д.Д. Покотилов призывал Петербург активизировать коммерческую деятельность банка, предлагая не искать привилегий, а обслуживать заём 1895 г. и энергично заниматься внешней торговлей. Д.Д. Покотилов резонно полагал, что китайское правительство, вложив по условиям русско-китайского договора о КВЖД 22 мая 1896 г. 5 млн. таэлей в банк³⁶, будет заинтересовано в его доходах и соответственно станет способствовать операциям кредитного учреждения³⁷. Д.Д. Покотилов также выступал за расширение действий банка, связанных исключительно с русскими интересами. Так, он намеревался перевести в Русско-Китайский банк все денежные расчёты российского флота на Дальнем Востоке. По-видимому, частью этих планов по расширению своих операций на севере Китая было создание в июне 1897 г. синдиката для эксплуатации богатств Монголии («Монголора») при активном участии Русско-Китайского банка³⁸. Также в 1897 г. Русско-Китайский банк принял участие в Англо-русской компании, приобретя сначала половину её акций, а в начале 1902 г. – 90%. Это акционерное общество учредили для получения прав на

³⁴ Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб., 1904. С.211.

³⁵ Выписка из частного письма А.И. Павлова 2 июня 1897 г., сделанная для Николая II // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.106. Л.123124.

³⁶ Взяв их, по-видимому, из займа 1895 г. (Quested R. Op. cit. P.9).

³⁷ Дополнение к донесению Д.Д. Покотилова, б/д. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.601. Л.9–15.

³⁸ Однако дела Русско-Китайского банка в Монголии пошли неважно: «были большие расходы, большие затеи и полная непригодность к местным условиям». После боксёрского восстания 1900 г. «Монголор» на время прекратил деятельность, а отделение банка в Урге переключилось на кредитование монголов. Не зная местных обычаев и не имея сотрудников, свободно владевших монгольским языком, служащие оказались не в состоянии справиться с массовым предъявлением фальшивых документов и печатей. К 1908 г. отделение имело убыток в 300 тыс руб. и встал вопрос о его закрытии (Протокол заседания Общества востоковедов 27 мая 1911 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №5. Л.19–20).

горные разработки в Маньчжурии³⁹. С 1897 г. значительно активизировалась деятельность Русско-Китайского банка и на русском Дальнем Востоке, в частности, в Иркутске и Благовещенске. А начало масштабных геологоразведочных и изыскательских работ в связи со строительством Транссибирской магистрали и КВЖД обещало ещё больший рост операций банка⁴⁰.

В 1897 г. стало очевидно, что деятельность Русско-Китайского банка быстро и неуклонно смещается в Северный и Центральный Китай, а также на русский Дальний Восток, то есть банк становился в политическом смысле инструментом для защиты исключительно российских интересов. Французы сильно забеспокоились. На исходе лета 1897 г. Париж потребовал ввести в правление Русско-Китайского банка одного представителя французского Министерства финансов, увеличить число служащих – французов, открыть отделение банка южнее Гонконга, разграничив его действия с «Banque de l'Indochine» линией Шанхая, и внести в название банка слово «французский»⁴¹. Сильное недовольство в Париже вызывала деятельность А. Верга, которого обвиняли в преследовании «французских элементов банка»⁴². Французы также не верили А.Ю. Ротштейну, подозревая его в прогерманских симпатиях⁴³. С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейн были согласны уступить только в части требований, например, увеличить число служащих – французов. Д.Д. Покотилов, не возражая в принципе против расширения операций банка на юге Китая и открытия там ещё одного отделения, недоумевал, зачем французы создают конкуренцию своему банку «Индокитай»⁴⁴. А. Верг заявил, что молодому Русско-Китайскому банку «неблагоразумно разбрасывать силы». На жалобы Д.Д. Покотилова, что им навязывают ещё и «генерального секретаря» в Париже и инженера в Китае, С.Ю. Витте ответил категорической резолюцией: «Если банку невыгодно, не следует и делать»⁴⁵. Аналогичную позицию занял и А.Ю. Ротштейн, усмотрев в требованиях французов желание министра иностранных дел Франции Г. Аното прибрать этот финансовый институт к своим рукам: «Русско-Китайский банк в этом совершенно не нуждается»⁴⁶.

³⁹ Л. Грауман – К.М. Иогансону 27 августа 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.88–89. Вследствии Англо-русская компания была приобретена Маньчжурским горнопромышленным товариществом за 500 тыс. руб.

⁴⁰ А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 24 сентября 1897 г. // Там же. Д.601. Л.41–44.

⁴¹ Там же. Д.782; Романов Б.А. Указ. соч. С.485.

⁴² Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 20 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.29–30.

⁴³ Quested R. Op. cit. P.10.

⁴⁴ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 4 сентября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.93–94.

⁴⁵ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 12 сентября 1897 г. // Там же. Л.95–96; Романов Б.А. Указ. соч. С.485.

⁴⁶ А.Ю. Ротштейн – Ф. Нотгафту 28 июля 1897 г. // Россия и мировой бизнес... С.111.

Вслед за С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейном осмелел и Д.Д. Покотиллов: «Я полагал бы необходимым заявить французам, чтобы они оставили нас в покое и если они не довольны деятельностью Русско-Китайского банка, то пускай основывают свой собственный и ожидают тех же успехов, которых добились, закрывши “Comptoir National” в Шанхае»⁴⁷. Вследствие жёсткой позиции русских французы не добились почти ничего. С.Ю. Витте только согласился ограничить сферу деятельности Русско-Китайского банка до Шанхая⁴⁸. Вообще их стремление направить банк на юг Китая не совсем понятно. Возможно, это объяснялось нежеланием соперничать с англичанами на севере и в центре Китая в интересах России. Впрочем, сам факт давления на английские интересы был тогда французам только на руку, правда, без их прямого участия.

Оборотной стороной поражения французов Явилось усиление влияния С.Ю. Витте на Русско-Китайский банк, то есть политические цели стали оказывать более заметное воздействие на его деятельность. Для подкрепления своего влияния С.Ю. Витте сосредоточивал в Министерстве финансов акции Русско-Китайского банка. Первые приобретения он совершил ещё в 1896 г., в итоге к середине 1898 г. в казначействе находились уже 5 пакетов акций (700, 1060, 500, 1612 и 349), что в сумме давало 4222 акции⁴⁹. Это было не так много, менее 10% всех акций (48 000), но всё-таки казначейство уже обладало весомой долей. У кого приобрелись эти акции, точно не известно. Р. Квестед, ссылаясь на письмо Э. Нецлина Г. Аното 9 июля 1897 г. полагает, что в 1897 г. российское Министерство финансов скупило у французских держателей 6000 акций банка⁵⁰. Но в справке о приобретении бумаг Русско-Китайского банка казначейством за 1897 г. отражена лишь одна сделка: 1612 акций были куплены за 385 991 руб. 30 коп. Зато за три предыдущих покупки, совершённые в 1896 г., казначейство расплатилось франками, получив в общей сложности 2609 акций за 648 500 франков⁵¹. Есть все основания думать, что эти акции получили от французов, но их насчитывалось не 6000, а всего 2609. Как бы то ни было, но соотношение голосов на общем собрании акционеров явно изменилось в пользу русских. Косвенно это подтверждает та лёгкость, с которой С.Ю. Витте удалось в конце июня 1898 г. провести решение о дополнительной эмиссии акций банка (12 тысяч штук, и все они были приобретены Министерством финансов по 230 руб. за акцию).

⁴⁷ Д.Д. Покотиллов – А.И. Путилову 20 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.29–30.

⁴⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.486.

⁴⁹ РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39381. Л.1, 9–12, 78; Романов Б.А. Указ. соч. С.236.

⁵⁰ Quedsted R. Op. cit. P.6.

⁵¹ РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39381. Л.77–78.

События лета 1898 г. можно рассматривать как окончательную капитуляцию французов. С.Ю. Витте благодаря эмиссии добился полного контроля за деятельностью банка. Русские держатели имели не менее 30 тыс. акций из 60 тыс. выпущенных, а кроме того – несомненный перевес в голосах на собрании акционеров. Это позволило С.Ю. Витте увеличить число членов правления с 9 до 11, причём все они утверждались Министерством финансов. Заявление же С.Ю. Витте о необходимости усилить влияние правления на деятельность банка свидетельствовало, что банк уже рассматривался им в качестве структуры, подведомственной Министерству финансов России⁵². Это обстоятельство не устранило коммерческую сторону деятельности банка, но С.Ю. Витте явно готовил его к выполнению масштабных задач прежде всего политического характера. Однако министр финансов продолжал серьёзно считаться с интересами французских партнеров, как мелких акционеров, так и представителей крупных французских банков. За этим помимо прочего стояла забота С.Ю. Витте о репутации русского кредита во Франции в целом.

Несмотря на то, что банк был призван служить орудием проникновения России в Центральный и даже Южный Китай, он действовал весьма осторожно. В различные операции (займы, концессии) его втягивали сами китайцы. В мае 1898 г. по желанию властей Шаньси Русско-Китайский банк заключил с ними контракт на выпуск займа для сооружения железной дороги Чжендиньфу–Тайюаньфу (юго-западнее Пекина). Ещё было участие вместе с франко-бельгийским синдикатом «Société Financière et Industrielle Belge en Chine» в сооружение дороги Пекин–Ханькоу (банк был посредником синдиката в операциях в Китае). Он также вёл в это время (1898 г.) переговоры с германским синдикатом азиатских дел, где речь шла о займе на строительство железной дороги от Тяньцзина до нижнего течения р. Янцзы. Банк настаивал на том, чтобы все магистрали к северу от р. Хуанхэ вошли бы в исключительную сферу русского влияния⁵³. Скрамность участия Русско-Китайского банка в операциях на юге Китая можно объяснить нежеланием вкладывать туда крупные деньги, которых у России было совсем не много. Деятельность банка в Китае в сфере железнодорожного строительства показала, что стремление С.Ю. Витте контролировать все предприятия такого рода хотя бы к северу от

⁵² Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 3 июля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.232–233.

⁵³ Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в трёхлетие 1898–1900 гг. СПб., 1902. С.3. Контракт был заключён 5 мая 1898 г., подтверждён цзун-ли-ямьнем и указом богдыхана 9 (21) мая 1898 г. Согласно документу, банк брался организовать строительство этой железной дороги, для чего выдавал заём в 25 млн. франков. В случае несвоевременной уплаты процентов по займу магистраль переходила из рук китайского управления банку (Справка о предприятиях в Китае, в которых участвует Русско-Китайский банк // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.25–26).

Пекина – утопия, так как на пути её осуществления стояли интересы как китайского правительства, так и других держав. Помимо отсутствия достаточных финансовых ресурсов, эта программа из чисто экономической плоскости немедленно переходила в политическую, как только кто-либо начинал претендовать на монопольное положение в значительной части Китая.

Вскоре, 24 июля 1898 г. С.Ю. Витте утвердил соглашение Русско-Китайского банка с Департаментом государственного казначейства Министерства финансов⁵⁴. Это соглашение устанавливало принципы их отношений. Казначейству открывался счёт, банк обязался выполнять любые его распоряжения о перечислении средств вне зависимости от сумм, находившихся в данный момент на счёте. Операции эти проводились без всякого вознаграждения, за исключением экспедиции, за которую начислялась компенсация в 0,25% от перевозимой суммы. Надо сказать, что такое сотрудничество было выгодно банку, так как казначейство постоянно держало на его счетах около 1,5 млн. руб., что приносило гарантированный доход в 60 тыс. руб. в год⁵⁵.

Расширение операций и функций Русско-Китайского банка было также связано с захватом Россией Порт-Артура, где банк при активной поддержке Министерства финансов сразу занял монопольное положение. Пользуясь им, банк диктовал свои, зачастую весьма жёсткие условия обслуживания клиентов. Так, в Порт-Артуре была установлена самая дорогая ссуда (8%, 1899 г.), завышена на 3% по сравнению с Владивостоком стоимость процентных бумаг при их продаже, введён принудительный и невыгодный для клиента, терявшего 2,5%, курс обмена японских иен из-за отказа принимать их при уплате за перевозку грузов⁵⁶. Также банк ничего не платил клиентам по текущим счетам, много брал за переводы, не принимал страховок выигрышных билетов, отказывался хранить ценные бумаги⁵⁷. С.Ю. Витте настоял ещё и на том, чтобы кредитное учреждение получило монопольное право на операции с недвижимостью на Ляодунском полуострове⁵⁸. Русско-Китайский банк занялся форменной спекуляцией, скупая объекты недвижимости по дешёвке и перепродавая их втридорога. Используя казённые средства, банк к лету 1898 г. приобрёл там земли

---

⁵⁴ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.1–4. В урезанном виде (6 статей из 10) текст соглашения был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (1898. 15 сентября. С.5457–5458).

⁵⁵ М.Д. Дмитриев – И.П. Шипову 28 октября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.73–75.

⁵⁶ Д.И. Субботич – А. Верту 17 июля 1899 г. и ответ А. Верта 19 июля 1899 г. // Там же. Л.67–72.

⁵⁷ Д.И. Субботич – А.Н. Куропаткину 16 января 1899 г. // Там же. Л.41.

⁵⁸ С.Ю. Витте – П.П. Тыртову 11 июля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.265–268. Николай II дал согласие 22 марта 1898 г.

на 1 млн. лан⁵⁹. Д.Д. Покотилов, признавая подобный характер действий банка не вполне корректным, тем не менее, цинично заявлял, что таким образом банк заставил военных считаться со своими интересами и положил конец бесполовым распоряжениям собственностью с их стороны⁶⁰. Попытки Военного министерства хотя бы контролировать торговлю недвижимостью были отклонены министром финансов⁶¹.

Жалобы на действия Русско-Китайского банка имели мало эффекта. С.Ю. Витте защищал банк, выдавая его за частное кредитное учреждение, действующее исключительно в своих интересах. Раз начисление процента по текущим счетам невыгодно банку «с коммерческой точки зрения» – то зачем же платить? Страхование выигрышных билетов, по мнению министра финансов, – операция слишком рискованная (!) и поэтому «несвойственная» Русско-Китайскому банку. Однако С.Ю. Витте всё-таки принял меры, ограничивающие банковский произвол в Порт-Артуре⁶². Он счёл некоторые условия обслуживания клиентов чрезмерно суровыми и лично установил («частному» коммерческому банку!) выплату процента (от 2 до 3,5) по текущим счетам в зависимости от срока вклада⁶³. Однако другие пожелания Военного министерства, в частности, ввести процент за хранение ценных бумаг, были отклонены⁶⁴. Естественно, что без вмешательства министра финансов договориться не удалось, в результате Русско-Китайский банк требовал 30 коп. за хранение листа ценных бумаг, что было невыгодно мелким держателям⁶⁵.

Эта переписка Военного министерства с С.Ю. Витте свидетельствует, что министр финансов не стеснялся использовать двойственное положение Русско-Китайского банка. Когда раздавались жалобы и упреки, он немедленно ссылался на частный характер банка⁶⁶, что, впрочем, не мешало

⁵⁹ П.М. Романов – Д.Д. Покотилу 22 мая 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.65. Л.105.

⁶⁰ Д.Д. Покотилов – в Министерство финансов 4 июля 1898 г. // Там же. Д.11. Л.204–208.

⁶¹ А.Н. Куропаткин – П.П. Тыртову 13 июля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1712. Л.9; С.Ю. Витте – Ф.К. Авелану 16 июля 1898 г. // Там же. Л.10.

⁶² Резолюция С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.40.

⁶³ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину (отпуск) 25 января 1899 г. // Там же. Л.46–48.

⁶⁴ Там же. Л.49, 51–52.

⁶⁵ Там же. Л.53–54.

⁶⁶ Так же С.Ю. Витте действовал и в отношении Министерства иностранных дел. Исследователи часто ссылаются на его письмо М.Н. Муравьеву, в котором министр финансов в ответ на вопрос коллеги о целях России в Центральном Китае, ответил ему, что необходимо защищать интересы французских акционеров Русско-Китайского банка (имея в своих руках контрольный пакет акций!), желавших максимально широкой сферы деятельности кредитного учреждения, в том числе и южнее Пекина (С.Ю. Вит-

С.Ю. Витте прямо диктовать ему те или иные действия в интересах проводимой им политики. Обратной стороной такой ситуации стало привилегированное положение Русско-Китайского банка, вызывавшее неудовольство клиентов и, вероятно, удовлетворение акционеров высокими дивидендами. Но такие действия банка затрудняли развитие русского предпринимательства на Дальнем Востоке, никак не смягчали проблему нехватки капиталов в регионе и в результате придавали всем якобы частным инициативам плохо скрытый государственный характер. Ставка С.Ю. Витте на эффективную деятельность казённых капиталов благодаря их концентрации и объёму в итоге не принесла того успеха, на который рассчитывал министр финансов. Впрочем, общую неудачу нельзя вменить в вину только С.Ю. Витте, так как исход дела определялся недостаточностью российских финансовых ресурсов в целом для реализации столь амбициозных замыслов. Но надо признать, что эффективность деятельности Русско-Китайского банка была не настолько высока, чтобы отдать этому кредитному учреждению безусловную пальму первенства в сравнении с частным капиталом. Показательно, что как только банк попал в привилегированное положение в Маньчжурии в связи с русской оккупацией, его действия сразу стали вызывать массу нареканий, и никакие попытки решить эту проблему из Петербурга не приводили к видимому успеху. С.Ю. Витте попал в парадоксальное положение: он был вынужден защищать одновременно и интересы Русско-Китайского банка, и казначейства, которые зачастую вступали в противоречия.

Несмотря на некоторые уступки, продиктованные С.Ю. Витте, военные продолжали выражать сильное неудовольствие операциями банка на Квантуне. А.Н. Куропаткин сообщил С.Ю. Витте, что Русско-Китайский банк при покупке земли берёт, кроме 2% комиссионных, 2% куражных и еще 6% годовых до момента уплаты банку израсходованных им денег⁶⁷. Отчаявшийся главный начальник Квантунского полуострова Д.И. Субботич, продолжая ссылаться на крайние трудности, создаваемые Русско-Китайским банком в получении кредитов и совершении любых денежных операций, просил открыть в Порт-Артуре отделение Государственного банка или создать банк, который

те – М.Н. Муравьеву 17 января 1899 г. // Там же. Д.801. Л.66–69; Романов Б.А. Указ. соч. С.217–218, 226–228). С.Ю. Витте слухавил минимум дважды: первый раз – когда сослался на необходимость следовать интересам французских акционеров – к тому времени они уже не могли ничего диктовать банку; второй – когда заявил об интересах банка южнее Великой китайской стены – эти «интересы» состояли в погоне за железнодорожными концессиями, не сулившими прибыли; занимался этим банк по распоряжению министра финансов.

⁶⁷ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 15 июня 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.53–54.

принадлежал бы городской администрации⁶⁸. 9 января 1900 г. А.Н. Куропаткин передал С.Ю. Витте ходатайство о том же местного купечества⁶⁹. После полугодового размышления Министерство финансов 3 июля 1900 г. ответило отказом⁷⁰. Банк же, естественно, настаивал на сохранении своей монополии на денежные операции в русской части Ляодуна⁷¹. Только в 1901 г. С.Ю. Витте распорядился прекратить казначейские операции Русско-Китайского банка в Инкоу, Куанченцзы и Харбине⁷².

Что же касается политических целей, то здесь банк беспрекословно выполнял все распоряжения С.Ю. Витте. Так, с целью создать хоть какую-то зависимость и привязать к себе предполагаемое совершенно независимо от России сооружение железной дороги Тяньцзинь–Пекин, он выдал руководителю строительства магистрали Ху Юйфыну займы сначала на 200, а затем на 400 тыс. лан на весьма льготных условиях: на 4 года под 6% годовых. Главным в этих займах было обещание не закладывать эту строящуюся дорогу, а уж если придется, то предварительно погасив долг банку⁷³.

С 1898 г. активность Русско-Китайского банка быстро росла не только в связи с захватом Порт-Артура. Расширился объём его операций в самых разных направлениях. Так, к началу 1898 г. банк получил право покупать у китайцев намытое ими на приисках золота, что давало возможность не только привлечь приток благородного металла в Россию, но и получать от этих сделок неплохую прибыль: от 2 до 6%⁷⁴.

Деятельность банка в Китае не только расширилась, но и начала приобретать принципиально иной характер. Показательно, на что именно замахивалось это кредитное учреждение. Летом 1899 г. Русско-Китайский банк (прежде всего в лице А. Верта) разрабатывал проект своего участия в денежной реформе в Китае. Согласно плану, банк на 50 лет становился единственным эмиссионным центром чеканки китайской монеты, имея разрешение выпустить её в оборот на сумму не более 75 млн. лан (бумажное обращение при этом никак не привязывалось к металлическому). За это право пекинскому правительству

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1712. Л.374.

⁶⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.80.

⁷⁰ Там же. Л.97.

⁷¹ Д.Д. Покотиллов – И.Н. Протасьеву 2 мая 1900 г. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.13. Л.24–26. Правда, в данном случае речь шла о возможной конкуренции Русско-Китайскому банку только со стороны китайских кредитных учреждений.

⁷² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.99–100.

⁷³ Там же. Оп.29. Д.128. Л.23–26; Романов Б.А. Указ. соч. С.210. Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

⁷⁴ А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 2 января 1898 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.182. Л.1–4.

предоставлялся заём в 25 млн. лан со сроком погашения в 50 лет и пятилетней отсрочкой платежей.⁷⁵ Статус эмиссионного учреждения не был присущ обычному коммерческому банку, но он нередко встречался у колониальных банков. В случае же с Русско-Китайским банком такие планы превратили бы кредитное учреждение в один из стержневых элементов финансовой системы Китая в целом.

Быстро росло и число представительств банка. В 1901 г. уже имелось 31 отделение и 10 агентств, к началу 1904 г. число отделений достигло 45. Представительства банка открывались, исходя из масштаба местных торговых операций и потребности в их банковском обслуживании. Так, в ответ на просьбу Министерства иностранных дел открыть в Чугучаке (Синьцзян) отделение банка, С.Ю. Витте 28 апреля 1901 г. ответил, что он не будет рекомендовать сделать это, потому что коммерческие результаты такого шага пока неясны⁷⁶.

К 1900 г. огромное значение приобрело пекинское отделение банка. Оно стало своеобразным центром русской политики в Маньчжурии: отделение само улаживало многие дела в Пекине, а уже потом они направлялись местным властям как решения китайского правительства. Министерства постоянно держали на счетах банка 2–3 млн. лан, что приносило ежегодный доход не менее 50 тыс. лан. А. Верт рассчитывал на более значительный приток капиталов, однако этого не произошло⁷⁷.

Одной из причин относительной неудачи явились проблемы с руководством пекинским отделением Русско-Китайского банка. Заведовал им Д.Д. Покотиллов. Как чиновник он не обладал профессиональными знаниями в области финансов. Ещё в 1896 г. Д.Д. Покотиллов жаловался А.Ю. Ротштейну на тягость «банковских обязанностей», однако получил ответ, что от него ждут не банковских знаний, а осведомленности в китайских делах⁷⁸. Помимо этого, он не всегда мог точно оценить обстановку в Китае, иногда принимал поспешные и малопродуманные решения, избегая при этом личной ответственности. Д.Д. Покотиллов также имел неуживчивый характер, часто конфликтовал с другими сотрудниками. 8 мая 1898 г. в помощники к нему был назначен другой чиновник Министерства финансов Д.М. Позднеев, выехавший в Пекин из Москвы 20 июля 1898 г.⁷⁹ Отношения Д.М. Позднеева и Д.Д. Покотилова складывались очень непросто.

⁷⁵ Проект соглашения // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.128. Л.105 и далее.

⁷⁶ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.10.

⁷⁷ Д.М. Позднеев – А.М. Позднееву 16 февраля 1900 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №112. Л.172.

⁷⁸ П.М. Романов – Д.Д. Покотиллову 17 мая 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.65. Л.2–3.

⁷⁹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 24 июля 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.907. Л.86–87.

Д.М. Позднеев упрекал своего начальника в непрофессионализме, в том, что он пускает пыль в глаза Петербургу, не умея ни широко поставить дела, ни привлечь в Русско-Китайский банк значительные капиталы, к тому же мешая делать это другим⁸⁰. Он также жаловался, что Д.Д. Покотилов совершенно сковывает его действия, лишает всякой инициативы, требуя мелочной отчётности и согласований. В декабре 1899 г. Д.М. Позднеев даже подал Д.Д. Покотилу прошение об увольнении. Конфликт был в конце концов улажен, Д.Д. Покотилу прошение не подписал, но ситуация в управлении отделением оставалась далека от идеальной⁸¹.

Проблемы руководства существовали и в других отделениях банка. Так, в Японии чиновники банка отличались поразительной доверчивостью, часто веря клиенту на слово и принимая неподтверждённые гарантии. В итоге русскому посланнику А.П. Извольскому нередко приходилось отстаивать интересы банка в сомнительных сделках. Так, осенью 1902 г. вспыхнул скандал в связи с отказом японского «130 банка» вернуть ссуду в 200 тыс. иен, ссылаясь на то, что документы о кредите подписывал сотрудник, не имевший на это права. А.П. Извольскому с трудом, используя прямое давление на японское правительство, удалось добиться благоприятного решения суда и возврата кредита, после чего он и агент Министерства финансов в Японии К.А. Алексеев потребовали от Петербурга смены руководства отделения Русско-Китайского банка⁸².

Отделения Русско-Китайского банка в Китае быстро обросли сетью всевозможных посредников, занимавшихся грязной коммерцией. Так, в Тяньцзине с местным отделением банка сотрудничал некий компрадор Ван Линьхуай. Для китайских клиентов он устраивал свой, завышенный почти в два раза ссудный процент (15–20 вместо 9–12), открыл две банковские конторы, скупавшие русские кредитные билеты у купцов из Инкоу по заниженному курсу и затем предъявлявшие их в отделение Русско-Китайского банка⁸³. Также Ван Линьхуай был изобличен в массовой подделке векселей⁸⁴.

⁸⁰ Д.М. Позднеев – А.М. Позднееву 16 февраля 1900 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №112. Л.174.

⁸¹ Д.М. Позднеев – А.М. Позднееву 1 декабря 1899 г. и 29 января 1900 г. // Там же. Л.143–145, 147–149.

⁸² К.А. Алексеев – А.И. Путилову 8 ноября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.134–142. Однако мера не помогла. В 1913 г. в Июкогаме отделение уже Русско-Азиатского банка опять выдало крупную ссуду под фальшивые накладные, после чего встал вопрос о его закрытии (Н. Малевский-Малевич – С.Д. Сазонову 31 мая 1914 г. // Там же. Д.603. Л.204–205).

⁸³ В.А. – Л.Ф. Д[авыдову] 30 ноября 1904 г. (нового стиля) // Там же. Оп.29. Д.29. Л.173–174.

⁸⁴ Письмо 2 декабря 1904 г. (нового стиля) // Там же. Л.175.

Значительные изменения в деятельности банка начались в 1900 г. в связи с боксёрским восстанием в Китае. Его подавление с помощью вооруженной интервенции великих держав и русская оккупация Маньчжурии привели к тому, что китайские власти северных провинций империи лишились многих рычагов управления и попали в полную зависимость от российских военных, не имея возможности эффективно бороться даже с обычными бандитскими шайками хунхузов. Помимо прочего, Китай на время погрузился в совершенный хаос. Естественно, что восстановление элементарного порядка в Маньчжурии большей частью легло на плечи российских офицеров и чиновников, а многие вопросы финансовой жизни были переданы Русско-Китайскому банку⁸⁵.

С конца 1900 г. китайским губернаторам в Маньчжурии пришлось обращаться в Русско-Китайский банк за займами. По-видимому, первым стал мукденский цзянь-цзюнь. Д.Д. Покотиллов согласился предоставить губернатору 200 тыс. лан⁸⁶. Вслед за мукденским за помощью к России обратился и гиринский цзянь-цзюнь. 19 декабря 1900 г. представитель Русско-Китайского банка в Гирине С.Б. Габриэль сообщил о его просьбе предоставить заём в 1 млн. лан на 5–6 лет под гарантии ввозных пошлин на товары⁸⁷. В этом случае С.Ю. Витте потребовал, чтобы такой крупный заём получил признание Пекина и обеспечивался бы вкладом Китая в Русско-Китайский банк, составлявшим 5 млн. тазлей⁸⁸. Обращение в Пекин местных администраторов вызвало сильное недовольство центральной власти. Правительство согласилось лишь на подтверждение займа мукденскому цзянь-цзюню в 280 тыс. лан под 8% годовых⁸⁹.

Позиция китайской центральной власти послужила холодным душем для представителей Министерства финансов, поддерживавших просьбы китайских губернаторов. Д.Д. Покотиллов и другие ошибочно считали, к примеру, что мукденский цзянь-цзюнь добивался получения ссуды. На самом деле он вел себя пассивно («и только, казалось, говорил так: если желаете управлять через мое посредство, то вы должны доставить мне и все необходимые для сего средства, в противном же случае я отказываюсь, вам придется допустить дальнейшее господство нелюбимой управлением дороги солдатчины или же разыскать другое средство остаться негласными хозяевами Маньчжурии»⁹⁰).

⁸⁵ Подробнее об этом см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

⁸⁶ Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 8 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.883. Л.1; А.Ю. Ротштейн – Д.Д. Покотиллову 8 декабря 1900 г. // Там же. Л.2.

⁸⁷ Там же. Л.4.

⁸⁸ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 9 февраля 1901 г. // Там же. Л.89.

⁸⁹ Князь Цин и Ли Хунчжан – в Русско-Китайский банк 25 февраля 1901 г. (перевод) // Там же. Л.149.

⁹⁰ А.Э. Дмитриев-Мамонов – А.Ю. Ротштейну 12 апреля 1901 г. // Там же. Л.153 об.

У русских чиновников вдруг открылись глаза: им стало ясно, что китайский губернатор пытается извлечь из своего положения пользу, играя на их опасениях и недостаточной искущённости. Показательно, что агентам Русско-Китайского банка не удалось добиться даже того, чтобы мукденский цзянь-цзюнь стал постоянным клиентом их банка. Итог подвел А.Э. Дмитриев-Мамонов: «по моему мнению, наше господствующее положение в чисто банковском деле не должно быть основано на договорах, вынужденных силой»⁹¹.

В тех обстоятельствах осторожность С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейна в выдаче кредитов оказалась оправданной. Однако и их позиция, и позиция Д.Д. Покотилова, полагавшего необходимым предоставлять займы для создания зависимости местной администрации от банка, имела как свои плюсы, так и свои слабые стороны. Понятно желание Д.Д. Покотилова и других представителей России стремиться к максимальному расширению своего влияния, несмотря на то, что это требовало значительных затрат. Понятна также и позиция С.Ю. Витте, не имевшего возможность расходовать весьма крупные суммы из государственной казны на цели, реализация которых не сулила быстрой экономической отдачи. Но такое положение исключало возможность достичь желаемого, а именно – финансового и экономического господства России в Маньчжурии при небольших вложениях и без опоры на силу. Метод «экономического» колониализма, избранный С.Ю. Витте, требовал таких затрат, которые не могла выдержать экономика Российской империи, и мобилизация казённых ресурсов под видом псевдочастного банка не спасала положения. Нельзя сказать, что действия министра финансов оказались во всем ущербны, но эффективность их была невысока и с определённым разочарованием ему пришлось столкнуться уже в 1901 г.

Не принесла ощутимых успехов и реализация другой составляющей финансовой зависимости местных властей от России. Когда все три губернатора Маньчжурии обратились в Русско-Китайский банк за деньгами, Министерство финансов пожелало получить от них в качестве ответной любезности ряд концессий (всё равно, на банк или на общество КВЖД) на разработку месторождений золота, угля, леса и т.п. Отчасти это рассматривалось как компенсация за ущерб, причинённый боксёрским восстанием КВЖД⁹². Вообще говоря, скупка концессий – не банковское дело, тем более, что в уставе Русско-Китайского банка такая деятельность не предусматривалась. Но в тех конкретных условиях, когда частный русский капитал практически отсутствовал, банк взял на себя его функции. Эта операция противоречила проводимой

⁹¹ Там же. Л.153 об.

⁹² И.П. Шипов – Д.Д. Покотилову 6 февраля 1901 г. // Там же. Оп.29. Д.66. Л.153–154. См. также главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

до этого линии банка на прибыльность всех своих действий. Дело в том, что интерес к концессиям в Маньчжурии был невысок, серьёзных конкурентов у банка не наблюдалось. Поэтому ликвидность приобретаемых прав находилась под большим сомнением. Позднее российский дипломат И.Я. Коростовец считал, что переход банка к подобным политическим операциям стал переломным моментом в его истории и заложил основу для будущего кризиса кредитного учреждения⁹³.

Возможно, что не коммерческий, а именно политический характер операций был причиной того, что банк вяло отнесся к поставленной задаче. Кроме того, он не располагал соответствующим штатом для проведения такой работы. Поэтому наибольшую активность в приобретении концессий проявили не агенты банка, а российские дипломаты и военные. Так, в Гиринской провинции переговоры о предоставлении концессий вёл представитель Министерства иностранных дел В.Ф. Люба⁹⁴. Он добился того, что 2 марта 1901 г. гиринский цзянь-цзюнь заключил соглашение с Русско-Китайским банком, согласно которому за банком закреплялось, наряду с китайскими и российскими подданными, преимущественное право на получение всех концессий. Но его усилия в основном оказались напрасны. Через год тот же В.Ф. Люба констатировал полную неудачу русских концессионеров – золотодобытчиков в Гиринской провинции Китая. Н.В. Асташев, Российское золотопромышленное общество и Верхне-Амурская компания вели себя очень осторожно, занимались мелочами. Наиболее энергичный концессионер – дворянин А.А. Троицкий – заложил несколько десятков шурфов и 7 буровых скважин. Китайцы ждали от предпринимателей обогащения для казны и хороших заработков для населения. «На деле оказалось: мелочничество и грошовая экономия на миллионном деле, требующем одновременно крупных затрат, бездеятельность и стремление оттянуть время разведок на возможно долгий срок». Следствием было недовольство русскими со стороны местных властей и «вызывающе-озлобленное отношение китайцев»⁹⁵.

В Хэйлунцзянской провинции банк вообще не предпринял каких-либо действий по приобретению концессий из-за отсутствия «подходящего опыта»⁹⁶. Тем не менее, русские дипломаты сообщали о превосходной деятельности

⁹³ И.Я. Коростовец – в МИД 19 марта 1909 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.603. Л.118 об.

⁹⁴ В.Ф. Люба – Е.И. Алексею 24 февраля и 3 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.6–7, 9. В.Ф. Люба считал, что монопольное право Русско-Китайского банка на концессии в Маньчжурии нанесет ущерб русским частным предпринимателям (Романов Б.А. Указ. соч. С.371).

⁹⁵ Донесение В.Ф. Любы в МИД 28 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.776. Л.78–82.

⁹⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.375.

Русско-Китайского банка в Южной Маньчжурии (получил в свое распоряжение 16 концессий на наиболее известные месторождения) и одновременно отмечали недостаточность штатов южно-маньчжурского отделения банка и плохие условия для его деятельности. Кроме того, «по какому-то странному недоразумению, по мнению дипломатов, деятельность банка в разрешении горного вопроса отчасти парализовалась заявлением цзянь-цзюню уполномоченного КВЖД, что ни одно разрешение на разработку горных богатств в провинции не может быть выдано кому бы то ни было без ведома и согласия железной дороги»⁹⁷. Д.Д. Покотиллов же вместо соответствующих действий начал жаловаться на В.Ф. Любу в Министерство финансов: якобы он неблагоприятно относился к банку и своими действиями затруднял получение концессий⁹⁸. Д.Д. Покотиллов был в принципе против широких прав российских дипломатов на выдачу концессий, полагая, что всю эту деятельность следует сосредоточить в Русско-Китайском банке⁹⁹. В общем, число концессий, приобретённых банком, оказалось невелико, и они не сыграли заметной роли в русской политике в Китае¹⁰⁰.

Неудача банка в деле концентрации концессий на территории Маньчжурии, находившейся под русской оккупацией, вызывает некоторое недоумение. Незначительность результатов (полтора десятка концессий) трудно объяснить приведёнными аргументами: какой бы ни была неповоротливость банка, как бы С.Ю. Витте не стремился экономить государственные средства, все это скорее второстепенные, чем существенные причины. Можно предложить другое объяснение столь странной активности министра финансов: в это же время начала масштабно разворачиваться авантюра безобразовцев, намеревавшихся заняться тем же – скупкой концессий. Не исключено, что действия С.Ю. Витте диктовались отчасти и интересами соперничества с появившимися политическими оппонентами. Иначе говоря, министр финансов интересовался не только приобретением концессий, но и тем, в чьи руки они попадут. На такое предположение наталкивает, в частности, стремление С.Ю. Витте контролировать даже те концессии, которые уже находились в руках российских подданных. Так, министру финансов не понравилось условие, попавшее в договоры с цзянь-цзюнями, которое обуславливало предоставление концессий согласованием с чиновниками

⁹⁷ Сообщение представителя МИД в Мукдене П.М. Лессару 22 августа 1902 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1019. Л.64–64 об.

⁹⁸ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 31 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.286–288. О сознательных препятствиях российских властей Русско-Китайскому банку в Маньчжурии также писал Б.А. Романов (Указ. соч. С.372–373).

⁹⁹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 26 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.83. Л.57а – 58.

¹⁰⁰ Согласно ежегодным отчётам, все отделения банка, за исключением Петербурга и Москвы, обладали пакетом ценных бумаг стоимостью примерно в 1,5 млн. руб., а в 1903 г. – и того меньше – всего на 857 тыс. руб.

Министерства иностранных дел¹⁰¹. Спустя некоторое время, когда деятельность безобразовцев начала оживляться, С.Ю. Витте попытался настоять на том, чтобы Министерство иностранных дел давало своё согласие на передачу концессий только по рекомендации Министерства финансов¹⁰². В.Н. Ламздорф не понял подоплёки виттевского письма и с некоторой обидой ответил, что его ведомство и так всеми доступными для него средствами содействует получению концессий российскими подданными. Не добившись результата, С.Ю. Витте, по-видимому, махнул рукой на непонятливого коллегу, решив не посвящать его в тонкости своей политической борьбы.

Помимо концессий Русско-Китайский банк, пользуясь ситуацией, попытался захватить в свои руки контроль над денежным обращением в Маньчжурии (в принципе такие действия были нетипичны для обычного коммерческого банка, но вполне соответствовали роли и функциям банков колониальных). В частности, открытие гириного монетного двора состоялось только после заключения специального соглашения с Русско-Китайским банком. По нему банк устанавливал контроль за деятельностью двора на три года, вводил фиксированный курс китайских денег. Одновременно допускалось параллельное хождение наравне с ними российских ассигнаций¹⁰³.

В конце 1901 г. Русско-Китайский банк оказался в центре переговоров России с Китаем по вопросу об эвакуации Маньчжурии. Чтобы сохранить за собой господствующее экономическое положение в северных провинциях Китая, российское правительство одним из условий вывода войск поставило соглашение Пекина с Русско-Китайским банком о том, «что в Маньчжурии оно не будет никому давать никаких железнодорожных и промышленных концессий, ранее не предложив их банку»¹⁰⁴. Одновременно предполагалось заключить специальное соглашение Русско-Китайского банка с российским правительством о том, что всякие действия банка с концессиями должны предварительно получить одобрение Министерства финансов¹⁰⁵. Соглашение не состоялось из-за сильного сопротивления китайского правительства, поддержанного рядом держав, в частности США¹⁰⁶. Однако С.Ю. Витте продолжал настаивать на том, чтобы все концессионные дела в Маньчжурии были закреплены за

---

¹⁰¹ Романов Б.А. Указ. соч. С.371.

¹⁰² С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 31 декабря 1901 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1019. Л.2 об.

¹⁰³ В.Ф. Люба – И.Я. Коростовцу 3 января 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.1–2; В.Ф. Люба – Е.И. Алексееву 24 февраля 1901 г. // Там же. Л.6–7.

¹⁰⁴ С.Ю. Витте – Ли Хунчжану 27 июля 1901 г. (цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.323–324).

¹⁰⁵ Проект соглашения опубликован Б.А.Романовым (Указ. соч. С.326–327).

¹⁰⁶ Там же. С.345–346.

Русско-Китайским банком¹⁰⁷. Возможно, что в связи с планировавшейся ключевой ролью банка в Маньчжурии была подготовлена и 22 июня 1902 г. выпущена еще одна эмиссия акций Русско-Китайского банка (20 тыс. акций на 3 750 000 руб.), Министерство финансов приобрело весь тираж¹⁰⁸. Число акций банка, находившихся в распоряжении Министерства финансов, превысило после этого 33 тыс. штук, что укрепляло контроль ведомства над банком.

Вскоре С.Ю. Витте отказался от идеи сделать Русско-Китайский банк концессионным монополистом в Маньчжурии. Возможно, что причинами этого явились и сильное сопротивление китайцев, и наличие формального повода – в уставе банка не была предусмотрена деятельность по концентрации горнорудных концессий, и не слишком удачные действия кредитного учреждения по приобретению концессий. Пожалуй, самым удачным приобретением банка можно рассматривать пакет ценных бумаг на часть фушуньских угольных копей, что, правда, было сделано не без нарушений китайского законодательства¹⁰⁹. Также важным аргументом могло стать и то, что официально-монополярная роль банка способствовала усилению в нём негативных тенденций. Летом 1903 г. в отделениях банка на Дальнем Востоке царила анархия и враждебное отношение служащих друг к другу¹¹⁰.

Отказ Пекина предоставить Русско-Китайскому банку преимущественные права по эксплуатации недр Маньчжурии, а также якобы введенный Пекином запрет на выдачу концессий русским (что не соответствовало действительности) С.Ю. Витте использовал как аргументы во всеподданнейшем докладе, чтобы обосновать необходимость создания специальной псевдочастной компании «Маньчжурское горнопромышленное товарищество»¹¹¹. Министр финансов создал ещё одну псевдочастную структуру, которая по его замыслу должна была приобретать концессии на частные лица за казённый счет и чей уставной капитал в 1 млн. руб также оплачивался государством. Отношения между новым товариществом и Русско-Китайским банком оформлялись спе-

---

¹⁰⁷ Там же. С.369.

¹⁰⁸ Там же. С.376.

¹⁰⁹ В 1902–1904 гг. Русско-Китайский банк приобрёл сначала 600, а затем ещё около 500 паёв китайского общества Хуа-синь-ли, которой принадлежали права на Фушуньские угольные копи (из общего количества в 1600). Однако согласно китайским горным правилам, участие иностранного капитала не должно было превышать 50% (Заключение Н. Глазберга о правах Русско-Китайского банка на Фушуньские копи 21 ноября 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.82. Л.3–8). Позднее банк передал эти паи Маньчжурскому горнопромышленному товариществу, которое, в свою очередь, 1 марта 1904 г. уступило их обществу КВЖД, чего делать не имело права.

¹¹⁰ Доклад М. Верстрата 4 июля 1903 г. // *Quested R. Op. cit.* P.11.

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.152. Л.18–20. Согласие Николая II последовало 5 июля 1902 г.

циальным соглашением. С.Ю. Витте настолько торопился, что текст этого документа был подписан 27 июня 1902 г. – ещё до официального одобрения товарищества Николаем П. Договор носил максимально абстрактный характер: банк заверял Маньчжурское горнопромышленное товарищество в своей поддержке без всяких конкретных обязательств, со своей стороны, товарищество в ответ обещало, если оно по выплате паёв получит от своей деятельности прибыль, поделить её с Синорусом пополам¹¹². Однако замена банка на товарищество не привела к заметным результатам: новая структура также не преуспела в экономическом подчинении Маньчжурии русскому влиянию¹¹³.

Русско-японская война 1904–1905 гг., поражение в ней России радикально изменили содержание российской политики на Дальнем Востоке, что существенно сказалось на положении Русско-Китайского банка.

В марте 1906 г. Министерство финансов отказалось от использования банка в качестве инструмента для реализации своих политических целей на Дальнем Востоке. Ведомство решило продать пакет акций банка, находившийся в распоряжении казначейства (33 346 акций на номинальную сумму в 6 233 625 руб.). Первым покупателем стал Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк, которому 11 марта 1906 г. было «уступлено» 12 тыс. акций по льготной цене в 260 руб. за штуку¹¹⁴. Открытые коммерческие продажи (всего их оказалось 24) проходили с 24 марта по 4 мая 1906 г., на них разными партиями (от 100 до 3750) реализовали

---

¹¹² Договор между Русско-Китайским банком и Маньчжурским горнопромышленным товариществом 27 июня 1902 г. (нотариально заверенная копия) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.296.

¹¹³ К 1904 г. товарищество успело приобрести концессии на разработку полезных ископаемых в двух уездах Мукденской провинции, Цзяпигоусские золотые рудники в Гиринской провинции, а также получило от Русско-Китайского банка контрольный пакет акций Фушуньских угольных копей. Из 1600 платных и 400 бесплатных паёв Фушуньских копей Русско-Китайскому банку принадлежало 175 бесплатных (43,75%), также он приобрел 1147 платных (71,7%). Но контроль над копиями остался шатким: по китайскому законодательству иностранцам могло принадлежать не более 70% паев, нарушение пропорции делало обладание незаконным с вытекающими последствиями. Деятельность товарищества была остановлена в августе 1905 г. по инициативе министра финансов В.Н. Коковцова (Справка о Маньчжурском горнопромышленном товариществе 4 мая 1906 г. // РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.82. Л.48–51; Романов Б.А. Указ. соч. С.380–381). Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

¹¹⁴ Банк приобрел ещё 2 000 акций по цене от 301 руб. 25 коп. до 304 руб.

21 146 акций¹¹⁵ (включая и те 2 000, которые приобрёл Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк) по цене от 302 до 318 руб. за акцию. Казначейство выручило за них 6 565 303 руб. 48 коп. Всего оно получило после продажи 9 660 541 руб. 57 коп., затратив на их приобретение в своё время 7 414 556 руб. 16 коп.¹¹⁶

Контроль над Русско-Китайским банком перешёл в руки французов. Деятельность банка в Китае была подвергнута санации: закрыт ряд бездоходных к тому моменту отделений в Гирине, Мукдене, Калгане и др. (в 1911 г. их число сократилось до 27); почти прекратились операции в Маньчжурии. Значительно возродил кредит банка: за учёт векселей бралось 12%, ссуды под залог выдавались не менее чем под 10–11%. Но даже и при таких условиях банк часто отказывал в выдаче кредитов¹¹⁷. В результате монопольное положение Русско-Китайского банка в Маньчжурии быстро сошло на нет, успешную конкуренцию ему составили не только японские, но и китайские банки. «От грандиозного по мысли предприятия, долженствующего усилить влияние России на Востоке и содействовать нашей торговле, осталась лишь мелкая банкирская контора, где под фирмой двух крупных держав работают для своих выгод иностранные капиталисты» – таков оказался итог всего предприятия¹¹⁸.

---

¹¹⁵ 200 акций находились в пае правления Русско-Китайского банка в качестве залога за чиновников Министерства финансов Л.Ф. Давыдова и С.С. Сольского.

¹¹⁶ РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39381. Л.77–78, 129.

¹¹⁷ [Позднеев Д.М.] Экономические нужды Дальнего Востока // Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения. Архив востоковедов. Ф.44. Оп.1. №73. Л.4.

¹¹⁸ Слова агента Министерства финансов в Шанхае Л.Ф. Гойера, процитированные в донесении И.Я. Коростовца в МИД 19 марта 1909 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.603. Л.123.

Приложение

Русско-Китайский банк
Список акционеров 9-го января 1896 г.
в 2 часа пополудни

	<i>Количество акций</i>	<i>Число голосов</i>
Анцыферов Н.Н.	100	2
Берг В.В.	25	1
Берлинское торговое общество	100	2
Блейхрёдер С.	200	3
Богданов Н.Н.	100	2
Брис Р.	100	2
Бродский Л.	200	3
Бюнгнер, доктор Р. фон	50	1
Вавельберг Г.	200	3
Варбург М.М. и К ^о	100	2
Варшауер Р. и К ^о	100	2
Вебер И.И.	50	1
Винекен, барон А.	25	1
Винекен, барон Г.	25	1
Владимиров А.Е.	100	2
Вогау и К ^о	300	4
Гансен А.Ф.	25	1
Глуховской А.И.	100	2
Гольдштанд И.Л.	150	3
Гольдштанд Л.	100	2
Горемыкин А.Д.	100	2
Готтингер и К ^о	7325	20
Готтингер Ж.	100	2
Готтингер, барон Р.	100	2
Грубе Р.	50	1
Гудцо и К ^о	200	3
Денорманди Э.	100	2
Дерикер Г.Г.	20	-
Дернер Г.	100	2
Джамгаровы, братья	400	5
Дирекция Учётного общества	200	3
Дрезденский банк	100	2

Игнатъев, граф А.П.	100	2
Имеретинский, светлейший князь А.К.	100	2
Кестлин И.	100	2
Костылев Н.	200	3
Кох А.Ф.	200	3
Лампе и К ^о	100	2
Лессинг А.	100	2
Линдес Э.	75	2
Липман Р. и К ^о	200	3
Лионский кредит	7325	20
Марков Н.Л.	100	2
Матвеев М.Н.	25	1
Международный банк в Париже	200	3
Мендельсон и К ^о	200	3
Молчанов Н.М.	200	3
Московский Купеческий банк	500	6
Мухин А.	300	4
Нетцлин Э.	100	2
Нобель Э.	50	1
Нотгафт Т.К.	150	3
Охотников В.Н.	50	1
Парижская национальная учетная контора	7325	20
Парижский и Нидерландский банк	7325	20
СПб Международный коммерческий банк	7355	20
СПб Учётный и ссудный банк	1000	11
Петровский С.	50	1
Петрококино Д.	250	4
Пилацкий Эд.	50	1
Поляков Я.	100	2
Пфейфер Ф.	50	1
Радзивилл, князь М.	50	1
Рагауз М.	50	1
Рафалович Артемий	225	3
Рафалович Артур	100	2
Розен, барон А. фон	50	1
Романов П.М.	100	2
Ротштейн А.Ю.	500	6
Русский для внешней торговли банк	500	6

Русский Торгово-промышленный коммерческий банк	100	2
Сережников Д.И.	25	1
Скальковский К.	100	2
Смит Б.	50	1
Спицер Ж.	100	2
Суцов Н.Н.	100	2
Ухтомский, князь Э.Э.	100	2
Фалькенберг Е.	25	1
Филипьев Н.И.	50	1
Фишман К.В.	50	1
Френкель А.	200	3
Хесин П.	100	2
Шабриер А.	100	2
Шерешевский Д.	50	1
Шляков П.А.	50	1
Штерн Я.	100	2
Штернберг М.	25	1
Штрандман К.	25	1
Эпштейн Е.	50	1
Эпштейн Я.Б.	50	1
Юнкер И.В. и К ^о	100	2
Итого:	48000	289

РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.2. Л.1–2 об.

Глава 4. Русско-китайский союзный договор 1896 г.

Специальных исследований, посвящённых истории русско-китайского договора 1896 г., в российской историографии нет, за исключением небольших статей Г.В. Ефимова и А.А. Волоховой¹. Тем не менее, вопросов, связанных с его заключением, касались многие исследователи, в том числе такие известные как Б.А. Романов, Ф.А. Ротштейн, В.М. Хвостов². А.Л. Нарочницкий, уделивший более места, чем кто бы то ни было из советских историков, политике России на Дальнем Востоке в первой половине 1890-х гг. в своей фундаментальной монографии, остановился на 1895 годе, не дойдя до заключения русско-китайского договора³. В общих исследованиях по внешней политике России путь к соглашению 1896 г. затрагивается лишь в общих чертах⁴. В англоязычной историографии значительное внимание договору 1896 г. уделили А. Малозёмов и Дж. Лензен⁵. Особо надо отметить PhD диссертацию И. Шульмана, защищённую в Колумбийском университете в 1967 г., в которой проанализирована внешняя политика Пекина кануна XX века⁶.

---

¹ Ефимов Г.В. История русско-китайского договора 1896 г. // Советское китаеведение. 1958. №2. С.23–38; Волохова А. К истории русско-китайского договора 1896 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2001. №5. С.123–130.

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.101–116; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960. С.380–383; История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.305–328.

³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С.643 и далее.

⁴ Игнатьев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1997. С.134–140.

⁵ Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P.69–84; Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. University Presses of Florida, 1982. Vol.II. P.477–513.

⁶ Schulman I.J. China's Response to Imperialism, 1895–1900. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1967.

Основной причиной, подтолкнувшей две империи к союзному договору, стал корейский вопрос, оживившийся во второй половине 1880-х гг.⁷ На королевство, находившееся в вассальной зависимости от Китая, ещё с 1870-х гг. открыто претендовала Япония. Это создавало напряжение на Дальнем Востоке. В начале 1890-х гг. и Россия и Китай стремились к сохранению status quo в регионе, так как были слабы и мечтали лишь о защите собственных рубежей.

Вскоре и у Петербурга на Тихом океане появились новые интересы. Транссибирская магистраль, окончательное решение о строительстве которой было принято на рубеже 1880–1890-х гг., вызвала к жизни целый ряд различных предположений относительно её будущей роли и значения для России. В частности, у нового (с августа 1892 г.) министра финансов С.Ю. Витте вызревал план экономического проникновения в Китай и закрепления за быстро растущей российской индустрией дальневосточных рынков. Сначала это были его личные амбициозные замыслы, до того времени, пока они стали определяющими во внешней политике России, прошло несколько лет.

Первоначально С.Ю. Витте не помышлял о дружбе с Китаем. Вместо этого он в начале 1893 г. поддержал записку «доктора тибетской медицины» П.А. Бадмаева и представил её императору Александру III⁸. В ней утверждалось, что цинская власть в Китае непрочна, что империю ждёт скорый распад под прессом народно-освободительного движения и что Россия должна этим воспользоваться. Пока речь шла о негласной поддержке правителей неханьских народов и о возможном строительстве ветки от Сибирской магистрали в центр Китая, для чего было необходимо согласие «шатающегося», по мнению П.А. Бадмаева, пекинского трона. Однако всерьёз эту тему никто не разрабатывал, а предложения «доктора тибетской медицины» так и не стали политикой России: уж слишком непрофессионально и авантюристично они выглядели.

Помимо осторожной позиции официального Петербурга и амбиций молодого министра финансов, существовал и другой аспект интереса к Китаю, связанный с техническими вопросами строительства Сибирской железной дороги. Трассу за Байкалом следовало вести вдоль Амура, по горным хребтам, с прокладкой многочисленных длинных тоннелей в горах, что требовало больших затрат. Планы её спрямления по территории китайской Маньчжурии возникли ещё во второй половине 1880-х гг. и принадлежали они вице-адмиралу Н.В. Копытову⁹. Однако вскоре обстановка на всём Дальнем Востоке значительно изменилась.

⁷ Подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁸ Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке 13 (25) февраля 1893 г. // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.49–75.

⁹ Подробнее об этом см. главу 1 «Сибирская железная дорога и КВЖД».

Хрупкое спокойствие в регионе взорвала японо-китайская война 1894–1895 гг., вспыхнувшая из-за Кореи. Срединной империи, не способной противостоять в военном отношении Стране восходящего солнца, требовался стратегический союзник. В китайском руководстве существовало два течения. Одно из них было склонно искать союза с Англией. Другое, более многочисленное и влиятельное, пользовавшееся поддержкой императрицы Цыси, обратило свой взор в сторону России. Они не идеализировали Петербург и его политику. Уже сам факт сооружения Сибирской железной дороги до границы с Китаем вызывал там опасение, что Поднебесной империи «придётся расстаться с мирной жизнью на границе». На эти мысли китайских авторов наталкивало торопливое сооружение магистрали, не считаясь с затратами, и отсутствие реальных надежд на её скорую окупаемость. Кроме того, агрессивная политика России по отношению к Турции на протяжении всего XIX века давала повод для аналогий, что дорога станет для Петербурга средством мощной экспансии в Китай, и этот вывод был в принципе верен¹⁰. Тем не менее, как выразился Ли Хунчжан, Россия являлась для Китая одновременно крупнейшим другом, заинтересованного в добрых отношениях на Дальнем Востоке, и крупнейшим врагом, который желал господствовать в империи Цинов¹¹.

Ещё до начала военных действий, когда корейский вопрос только обрёл остроту, Пекин обратился за поддержкой к Англии, однако Лондон обусловил своё посредничество рядом гарантий в отношении Кореи¹². Одновременно чилийский генерал-губернатор Ли Хунчжан, который ведал корейской политикой более десяти лет, 8 июня 1894 г. вступил в переговоры в Тяньцзине сначала с К.И. Вебером, замещавшим российского посланника, а затем и с вернувшимся 20 июня из отпуска А.П. Кассини. Ли Хунчжан до такой степени стремился вовлечь Россию в корейскую проблему, что даже предложил Петербургу послать войска в Корею. Разумеется, столь «выгодное» предложение принято не было. Однако А.П. Кассини сразу же верно расценил ситуацию как агрессию Японии в Корею (его коллега М.А. Хитрово в Токио не сразу поверил в это) и проявил заинтересованность в предотвращении японо-китайской войны, пообещав поддержку¹³. В китайской историографии даже бытовала версия, что Ли Хунчжан и А.П. Кассини сразу договорились о совместной защите Кореи. Правда, никаких конкретных подтверждений этому не приво-

¹⁰ Сибирская железная дорога с китайской точки зрения // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LV. СПб., 1894. С.113–115.

¹¹ *Memoirs of the viceroy Li Hung Chang*. L., 1913. P.123; Schulman I.J. *Op. cit.* P.137–140.

¹² История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.305.

¹³ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн.2: 1888–1897. М., 2004. С.73–76.

дилось¹⁴. Более достоверно позицию России выразил Дж. Лензен: Петербург был против посылки китайских войск в Корею, но с удовольствием согласился бы посредничать между Пекином и Токио в корейском вопросе¹⁵. Возможно, что посланник пошёл в своих обещаниях несколько далее, чем следовало бы. А.П. Кассини вообще не сочувствовал политике российского МИДа на Востоке, считая её слишком уступчивой и слабой, и преклонялся перед методами Великобритании: ставить всех перед свершившимися фактами¹⁶. «Умный, хитрый и вкрадчивый», хлебосольный, любивший роскошные приёмы, «блеск и треск»¹⁷, А.П. Кассини попал в пекинское дипломатическое захолустье, соблазнившись высоким (45 тыс. руб. в год) жалованьем, чтобы расплатиться с накопившимися долгами. Ему было необходимо добиться громкого успеха, что послужило бы трамплином для дальнейшей карьеры¹⁸.

Осторожные действия России в Токио и Пекине не принесли успеха, и японо-китайский кризис перерос в войну¹⁹. Китай сразу же потерпел ряд поражений, поэтому, несмотря на безрезультатность летних переговоров между Ли Хунчжаном и А.П. Кассини, их контакты продолжились. Ещё в конце сентября императрица Цыси отправила к генерал-губернатору Вень Тунхо, лидеру «партии войны», распоряжение подготовить проект союза с Россией²⁰. 22 октября 1894 г. российский посланник убеждал Ли Хунчжана в необходимости для Китая заключить мир с Японией, на что тот как будто соглашался. Уже на следующий день, 23 октября 1894 г. князь Гун, возглавивший цзунли-ямынь²¹, собрал в Пекине дипломатических представителей европейских

¹⁴ Фань Вэньлань. Новая история Китая. Т.1. М., 1955. С.368, 394–396.

¹⁵ Lensen G.A. Op. cit. Vol.1. P.142–143. Впрочем, в посредничестве Петербург не собирался заходить слишком далеко, так, чтобы испортить отношения с Токио (Пак Б.Б. Указ. соч. С.87–88).

¹⁶ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С.45–46. Записи 2 и 3 марта 1894 г.

¹⁷ Коростовец И.Я. Воспоминания // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.3. Л.56.

¹⁸ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959. С.51–52; Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.303.

¹⁹ 24 июля 1894 г. А.П. Кассини получил указание вступить в соглашение с представителями других стран в Пекине, чтобы посоветовать китайскому руководству не требовать немедленного вывода японских войск из Кореи (Пак Б.Б. Указ. соч. С.84–85). Посредничество Петербурга не удалось в первую очередь потому, что в Токио решили воевать, если их ультиматум Китаю немедленно и во всём не будет выполнен (Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956. С.210–221).

²⁰ Schulman I.J. Op. cit. P.22.

²¹ Цзун-ли-ямынь – управление по иностранным делам, учреждённое указом китайского императора 19 января 1861 г., которому было поручено заведовать внешними сношениями Поднебесной. Управление представляло собой коллегию (до 11 человек) из сановников, каждый из них назначался богдыханом. Цзун-ли-ямынь походил на рос-

стран, сообщив им, что Китай хочет завершения войны с Японией, для этого он готов признать независимость Кореи и уплатить значительную контрибуцию²². Сам А.П. Кассини был уже настроен пессимистично, рисовал положение дел в Китае в самых мрачных красках, предрекая свержение династии Цинов и распад империи, и выступил против посреднической роли Петербурга (считая, что невмешательство свидетельствовало о бескорыстии России)²³.

Ещё меньше интереса к китайским просьбам проявилось в Петербурге. Большинство российского руководства полагало в тот момент, что «естественным» союзником России является Япония – именно в её портах зимовала тихоокеанская эскадра. С Китаем же имелось немало трений, поэтому казалось, что чем несговорчивый сосед был слабее, тем это лучше, поэтому поддерживать в войне следовало Токио²⁴. С.Ю. Витте ещё не сформулировал своё представление о том, какой должна быть политика России в Китае, и не проводил связи между активной экономической экспансией на Дальнем Востоке и участием России в завершении японо-китайской войны. На Особом совещании 9 (21) августа 1894 г. министр финансов подчеркнул, что его беспокоила не столько японо-китайская война, сколько вероятное вмешательство в события Лондона, «а потому нам следовало бы приготовиться дать отпор Англии в случае проявления её честолюбивых замыслов»²⁵. Ещё откровеннее он писал в конце сентября–октябре 1894 г. князю В.П. Мещерскому, с которым поддерживал доверительные отношения: «покуда нам нечего делать в корейско-китайском вопросе. Я думаю, что теперь мы не должны вмешиваться в это дело, покуда не вмешается Англия. А если она вмешается, то мы должны сделать диверсию не в Амурском крае и Тихом океане, а в Средней Азии. Если же Англия в эту войну не вмешается, то пусть японцы и китайцы себе деруться и мирятся. Наше время придет после, тогда когда ж[елезная] дорога дойдет из Петербурга до Владивостока»²⁶. Даже в конце 1894 г., когда во Владивостоке специальная комиссия Министерства финансов решала, как воспользоваться ослаблением Китая в ходе неудачной для него войны, предложения не шли далее частных вопросов: беспощадная

сийское Особое совещание, но в отличие от него действовал постоянно. Он был реорганизован в Вай-ву-бу (Министерство иностранных дел) 24 июля 1901 г. (Бруннерт И.С., Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910. С.89–90).

²² А.П. Кассини – в МИД 28 октября (9 ноября) 1894 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.90. Л.140–142; Фань Вэньлань. Указ. соч. С.396.

²³ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.140, 156–157.

²⁴ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910. С.33.

²⁵ Журнал Особого совещания 9 августа 1894 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.65.

²⁶ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.1018. Л.195 об. – 196 об.

торговля в 50-вёрстной зоне будущей Сибирской железной дороги, специальные тарифы на часть китайского экспорта в Приморье, открытие русского банка в Ханькоу и некоторые другие²⁷.

В начале 1895 г. Пекин перешёл к более энергичным действиям, уже стремясь втянуть Россию в войну с Японией. Ради этого предлагалось уступить ей Синьцзян, разрешить судоходство по реке Сунгари и предоставить торговые права в Шаньси и Ханькоу²⁸. Автор плана – генерал-губернатор Нанкина Чжан Чжидун – полагал, что Китаю необходим союзник из числа великих держав и что лучше сразу посулить Петербургу несколько «магометанских городов» за поддержку против Японии, чем отдать их уже без всякой пользы после капитуляции²⁹. Позиция Чжан Чжидуна тем более симптоматична, что незадолго до этого он выступал за союз с Англией и был противником Ли Хунчжана³⁰. Вообще список сторонников прекращения войны к началу 1895 г. значительно удулинился³¹. Наконец Пекин решился: 13 (25) февраля 1895 г. товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин известил Николая II, что китайский посланник официально попросил Россию помочь его стране в переговорах с Японией³².

К этому времени российские официальные лица востепенелись, так как разгром Срединной империи стал уже совершенно очевиден. Пессимизм А.П. Кассини сменился размышлениями о том, что для ликвидации последствий войны Китаю потребуется заём в 300–400 млн. лан и что этим можно будет воспользоваться для получения ряда уступок, в том числе концессии на железную дорогу в Маньчжурии³³. Кажется, посланник впервые написал об этом в Петербург в начале 1895 г. Мне не удалось обнаружить никаких официальных инструкций из российского МИДа, которые предписывали бы дипломату ставить вопрос о железной дороге. Остаётся предположить, что идея трассы в Маньчжурии как уступки Китая за будущую помощь Рос-

²⁷ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.669. Тем не менее, среди строителей Сибирской магистрали уже в это время крепла уверенность, что «вопрос о постройке Круглобайкальского и Амурского участков откладывается на очень дальний срок» (РГИА. Ф.265. Оп.2. Д.622. Л.311), а П.А. Бадмаев распространял слухи, что часть дороги пройдёт по территории Китая (Там же. Л.358).

²⁸ Ефимов Г.В. Указ. соч. С.24.

²⁹ Мын-Ши-Тан-Ху-Кэ (Тайная история современного Китая. Токио, 1907). Перевод П.Ф. Александровича // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.255; Schulman I.J. Op. cit. P.134–135.

³⁰ Фань Вэньлань. Указ. соч. С.390.

³¹ Фань Вэньлань. Указ. соч. С.423; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.488.

³² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3053. Л.47–48.

³³ А.П. Кассини – в МИД 8 (20) января 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.9–14.

сии являлась его собственной комбинацией. Возможно, что главной целью он ставил получение незамерзающего порта, о чём давно, ещё с 1880-х гг., мечтали моряки, но несомненно, что русский дипломат совершенно не помышлял об экономической экспансии. Интересно, что в Поднебесной считали, что планы строительства железной дороги в Китае появились у России именно в начале 1895 г. Действительно, в феврале 1895 г. посланник вновь вступил в переговоры с Ли, однако пока был осторожен и ничего конкретного не обещал. Своему собеседнику, находившемуся почти в отчаянном положении, он ответил, что Россия готова вмешаться лишь в случае, если война затронет её существенные интересы³⁴. Китайский историк Лян Цичао, упоминая встречу Ли Хунчжана и А.П. Кассини перед отъездом вице-короля в Симоносеки* для заключения мира, сообщил, что дипломат обещал содействие России в сохранении территориальной целостности Китая. Взамен он якобы хотел заключить соглашение о военном сотрудничестве и получить концессию на железную дорогу и её военную охрану, но не до Владивостока, а на Ляодунский полуостров³⁵. В результате этих переговоров Ли Хунчжан «частным образом условился с Кассини». Соглашение сорвалось из-за протеста «общественного мнения» и отказа императора³⁶. Тем не менее, в будущем эта договорённость имела последствия³⁷.

Добиваясь более активного вмешательства России, Пекин направил в Петербург специальное чрезвычайное посольство. Оно получило аудиенцию у Николая II 6 (18) февраля 1895 г., вообще китайцы принимались в России «с поспешной услужливостью», по выражению В.Н. Ламздорфа. Уже тогда товарищ министра иностранных дел отметил заметное расхождение дипломатов и «недипломатических» сторонников союза с Поднебесной. Последним симпатизировал царь, выражавший сочувствие Китаю и соглашавшийся с доводом Пекина, что если Япония наберёт в Азии слишком большую силу, то это не должно оставить Россию безразличной³⁸.

³⁴ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.683–684.

* Правильнее было бы писать – Шимоносеки.

³⁵ Лян Цичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905. С.190, 193–194. Лян Цичао – близкий друг лидера китайских реформаторов Кан Ювея, вместе с ним избежавший казни в сентябре 1898 г. и вынужденный покинуть Китай. Надо полагать, что он был хорошо информирован о политических событиях в Поднебесной.

³⁶ Мын-Ши-Тан-Ху-Кэ... Л.256.

³⁷ Осведомлённый современник И.Я. Коростовец полагал: «почва для московского соглашения была подготовлена так называемой конвенцией графа Кассини, <...> который обсудил и наметил с канцлером Ли Хунчжаном главные пункты будущего соглашения» (Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.12).

³⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.143–144. Запись 6 (18) февраля 1895 г.

Синхронно с А.П. Кассини и без согласования с другими ведомствами российское Министерство финансов приступило к разработке плана железной дороги в Маньчжурии, но всего лишь от Цурухайтуя до Благовещенска («северный» вариант будущего проекта КВЖД). В феврале 1895 г. С.Ю. Витте представил об этом записку Николаю II³⁹. Видимо, у министра финансов к этому времени сложилось более внятное представление о дальневосточной политике. Он уже начал зондировать почву в Китае, обратившись за помощью в этом к известному тяньцзинскому купцу А.Д. Старцеву. Купец передал С.Ю. Витте мнение «китайских мандаринов»: «лучше отодвинуть русскую границу [на] тысячу вёрст и иметь старого соседа, чем пустить на материк японцев». Сам А.Д. Старцев полагал, что содействие России заключению японо-китайского мира «даёт нам полное право проведения дороги Маньчжурией направление Никольск–Нингута–Цицикар–Цурухайтуй» и что надо действовать («настоящий момент считает очень удачным. Деньгах страшно нуждаются»). Последнее обстоятельство говорит о том, что торговец предполагал увязать заём Китаю и строительство дороги⁴⁰. С.Ю. Витте, кажется, разделял такой подход.

Резкий поворот в намерениях Петербурга произошёл чуть позже, весной 1895 г. и был связан с условиями Симоносекского мира. 17 апреля 1895 г. в японском городе Симоносеки было подписано мирное соглашение Китая и Японии, положившее конец войне 1894–1895 гг. Потерпевший поражение Пекин отдавал Токио остров Формозу (Тайвань), острова Пенхуледао, Ляодунский полуостров, признавал полную независимость Кореи и обязался уплатить контрибуцию в 200 млн. лан⁴¹. Россию особенно встревожила уступка Ляодунского полуострова Японии⁴². Ко времени Особого совещания 30 марта

---

³⁹ Второй черновик письма А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Кассини 7 (19) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.31–32; Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910. С.71; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.83.

⁴⁰ Макеев – С.Ю. Витте 25 мая (6 июня) 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.10.

⁴¹ Японо-китайский мирный договор 17 апреля 1895 г. // Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.94–98; История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.314–318; Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956 и др.

⁴² Б.Б. Пак полагает, что вопрос о Ляодунском полуострове был тесно связан для России с независимостью Кореи (Пак Б.Б. Указ. соч. С.115). В доказательство этого она приводит резолюцию Николая II на телеграммах К.И. Вебера 13 (25) и 16 (28) июня: «Захват Кореи японцами ещё существеннее для нас, нежели занятие ими Лиантонг-

(11 апреля) 1895 г., когда стали известны требования Токио к Пекину⁴³, назначенный незадолго до этого министром иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский сформулировал цели России на Дальнем Востоке так: «приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и присоединение к нам некоторой части Маньчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги»⁴⁴. Главным врагом Петербурга на Востоке виделась Англия, а возможным союзником – Япония. Естественно, что поставленные цели предполагалось достичь за счёт Китая⁴⁵. Однако на Особом совещании министр финансов решительно объявил основным противником России на Дальнем Востоке Страну восходящего солнца («враждебные действия Японии направлены главным образом против нас») и потребовал любой ценой не допустить её на континент, не останавливаясь даже перед тем, чтобы «начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты». С.Ю. Витте, уверенный, что раздел Китая произойдёт «в недалёком будущем», был готов уступить стране Восходящего солнца Формозу, «в крайности» – юг Кореи, «но только не Маньчжурию»⁴⁶. По-видимому, к этому времени у министра финансов в общих чертах созрела широкая геополитическая программа действий на Дальнем Востоке, рассчитанная на будущее доминирование России во всей Центральной Азии⁴⁷.

Возвращаясь к Особому совещанию 30 марта (11 апреля), надо заметить, что большинство его участников (прежде всего, военные) не поддержало радикальные рецепты министра финансов, решив, что Россия должна категорически настаивать на отказе Японии «от занятия южной части Маньчжурии». Если же Токио не прислушается к «совету», то Петербург оставлял за собой «свободу действий», что на дипломатическом языке означало неприкрытую угрозу войны. Российское руководство было настроено весьма решительно, Приамурский военный округ провёл в состоянии мобилизации 21 день, из европейской части России во Владивосток отправили большое

ского (Ляодунского – И.Л.) полуострова» (С.119). Я полагаю, что в основе протеста С.Ю. Витте находился всё-таки его собственный план экспансии на дальневосточные рынки, а интересы Кореи стояли на заднем плане. Царь же, не вполне понимавший суть дальневосточных дел, скорее всего, имел в виду, что в случае укрепления Японии в Корею России не удастся получить незамерзающий порт на корейском побережье.

⁴³ Их сообщил японский посланник в Петербурге Т. Ниши 9 (21) февраля 1895 г. (Игнатьев А.В., Мелихов Г.В. Указ. соч. С.135).

⁴⁴ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел 25 марта (6 апреля) 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.75.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Романов Б.А. Указ. соч. С.70–75.

⁴⁶ Журнал Особого совещания 30 марта (11 апреля) 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.78–83.

⁴⁷ Подробнее об этом см. главу I «Сибирская железная дорога и КВЖД».

количество военного снаряжения, которого, по утверждению приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, «при нормальном течении дел мы не получили бы в 5–10 лет»⁴⁸. То, что Россия собиралась воевать, показывает телеграмма Николая II А.Б. Лобанову-Ростовскому: «большая гора свалилась у меня с плеч по получении Вашей телеграммы о том, что Япония отказывается от Лихотонгского (Ляодунского – И.Л.) полуострова. Сколько жизней и жертв спасено»⁴⁹. Страна же восходящего солнца из потенциального союзника превратилась в главного противника России. Однако Николай II оказался не готов к столь резкой смене политики, поэтому он не утвердил журнал совещания, оставив его у себя. Тем не менее, сдвиг во взглядах произошёл. В первой половине апреля 1895 г. князь Э.Э. Ухтомский опубликовал в «Московских ведомостях» воинственную статью, в которой призывал руководствоваться правилом: Японии – «ни пяди земли, ни тени влияния на Азиатском материке». России, по его мнению, не следовало бояться вооружённого столкновения ни с ней, ни с Англией. На корректуре этой статьи осталась высочайшая оценка: «Хорошо»⁵⁰.

Не исключено, что за поворотом в российской политике стоял не только С.Ю. Витте, но и заинтересованное в нём китайское руководство. Как подметил А.Л. Нарочницкий, Ли Хунчжан на переговорах в Симоносеки был подозрительно настойчив в борьбе по частным вопросам (добился сокращения контрибуции с 300 до 200 млн. лан, отклонил статьи об открытии Пекина для иностранной торговли и об оккупации Мукдена, настоял на сохранении лица – внутренних пошлин), согласившись отдать Японии Ляодун (однако размер отчуждаемой территории ему всё-таки удалось уменьшить)⁵¹. Конечно, этому можно дать более простое объяснение: уступка Ляодуна являлась одной из основных статей, от которой Токио не отказался бы ни за что (также как, к примеру, от контрибуции). Но, возможно, что за действиями Ли Хунчжана стоял также и другой расчёт: поссорить Россию (может быть, и не только её) и Японию на вопросе о Ляодуне.

После того, как Петербург не только организовал коллективный демарш держав перед Японией, заставив Токио отказаться от Ляодуна, но и совместно с Францией предоставил заём Китаю для уплаты контрибуции в 230 млн.

⁴⁸ С.М. Духовской – М.А. Хитрово 22 июня 1895 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №363. Л.3.

⁴⁹ Телеграмма Николая II А.Б. Лобанову-Ростовскому 23 апреля 1895 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1017. Л.1. Ср. указание Н.Н. Обручева С.М. Духовскому, данное 3 мая 1895 г.: несмотря на «благоприятный оборот» японо-китайских переговоров, «Приамурский округ должен продолжать свою мобилизацию и привести войска [в] полную готовность к возможным действиям» (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. №117. Л.121).

⁵⁰ РГИА. Ф.1072. Оп.2. Д.246.

⁵¹ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.639.

лан (30 млн. добавились за возвращение полуострова)⁵², активность российской политики в Поднебесной значительно усилилась⁵³. 1 (13) сентября 1895 г. С.П. Тыртов просил морского министра Н.М. Чихачёва выговорить у Китая право пользоваться для нужд русской эскадры в Тихом океане тремя бухтами, в том числе Киао-Чао (Цзяочжоу)⁵⁴. 6 (18) октября 1895 г. П.П. Тыртов переадресовал просьбу о Киао-Чао А.П. Кассини⁵⁵. Посланник обратился в цзун-ли-ямынь и получил согласие. Однако С.П. Тыртов неожиданно дал отбой⁵⁶, сообщив, что в Киао-Чао предполагается направить всего один корабль на несколько дней⁵⁷.

⁵² Подробнее об организации займа см.: Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985. С.65–83. Однако автор изобразил участие в нём России как итог англо-русского соперничества и чуть ли не бескорыстную помощь Китаю (С.65). Скорее всего, англичане проиграли потому, что русско-французский консорциум мог не только предложить лучшие условия займа (невысокий процент), но и действовал весьма согласованно благодаря союзу двух стран в Европе. Лондону и Берлину было явно труднее договориться. Кроме того, из донесений А.П. Кассини из Пекина складывается впечатление, что английская дипломатия просто опоздала. По мнению российского посланника, его британский коллега Н. О'Конор совершал значительное количество ошибок: давал неверные оценки (он, к примеру, верил в успех китайского оружия в войне с Японией), инспирировал слишком много интриг, не обладая для этого хорошей и полной информацией (А.П. Кассини – в МИД 8 сентября 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.203–205). Кроме того, начальник китайских морских таможен Р. Харт также не сразу вмешался в вопрос о китайском займе, отдав, таким образом, инициативу России (А.П. Кассини – в МИД 28 мая 1895 г. // Там же. Л.168–170). Он начал противодействовать русско-французскому займу со значительной задержкой, лишь в июне 1895 г. (А.П. Кассини – в МИД 27 июня 1895 г. // Там же. Л.177–182). Н. О'Конор утверждал в Пекине, что за организацию займа Россия потребует себе Порт-Артур как базу для флота и железную дорогу к нему (А.П. Кассини – в МИД 25 октября 1895 г. // Там же. Л.224–228). Однако он просчитался.

⁵³ Японцы даже заподозрили существование тайного русско-китайского соглашения. Согласно телеграммы, полученной из Шанхая, в Петербурге якобы было подписано тайное русско-китайское соглашение, по которому Китай уступает России часть Северной Маньчжурии за помощь в случае нападения японцев в Южной Маньчжурии (М. Муцу – Т. Ниши 19 апреля 1895 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.28. Ч.1. Токио, 1953. С.762). Однако посланник в Петербурге Т. Ниши не смог подтвердить это предположение (Т. Ниши – М. Муцу 23 апреля 1895 г. // Ниппон гайко буншо... Т.28. Ч.2. Токио, 1953. С.681).

⁵⁴ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.787.

⁵⁵ Записка В.П. Череванского. Приложение II // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.322. Л.75; Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.788.

⁵⁶ Так как напряжённость на Дальнем Востоке в связи с действиями Японии, затягивавшей эвакуацию Ляодунского полуострова, спала (Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С.788).

⁵⁷ А.П. Кассини – в МИД 20 ноября (2 декабря) 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.237–241.

Тем не менее, 7 (19) ноября китайский посланник известил министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского, что Пекин предлагает для зимовки русской эскадры закрытый порт Чжуцу (южнее Вэйхайвэя), но с просьбой, чтобы при первой возможности была подыскана другая гавань⁵⁸. Российское руководство явно присматривало для себя незамерзающую гавань в Китае.

В это же время А.П. Кассини вновь вернулся к железнодорожному вопросу и обратился в цзун-ли-ямьнь 2 (14) октября с предложением продолжить Сибирскую железную дорогу до соединения с китайскими дорогами в Маньчжурии. Но ему ответили, что Китай предпочитает строить железные магистрали самостоятельно⁵⁹. Несмотря на то, что данных об указаниях из Петербурга на эту тему у меня нет, косвенно действия А.П. Кассини подтверждаются донесениями самого дипломата: осенью 1895 г. Ли Хунчжан явно в продолжение уже бывших разговоров рассуждал о выгоде соединения Сибирской железной дороги с китайскими⁶⁰.

Кажется, к тому моменту Петербург, наконец, твёрдо решил, что будет добиваться сооружения русской железной дороги по китайской территории. Однако детального проекта ещё не было. Удивительно, но разные ведомства действовали в этом вопросе разрозненно и помимо МИДа. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской на свой страх и риск, не поставив никого в известность, ещё в августе 1895 г. послал в Маньчжурию нескольких российских офицеров для обозрения маршрута будущей железной дороги. Китайцы, узнав о таком грубом нарушении правил ведения топографических работ на их территории, пожаловались А.П. Кассини, возник дипломатический скандал. Посланник находился в полном неведении, поэтому запросил Петербург «о преследуемых нами целях»⁶¹. Министерства финансов и путей сообщения с недоумением ответили на вопрос А.Б. Лобанова-Ростовского, что они не имеют к этим действиям никакого отношения⁶². Только Военное министерство признало, что это инициатива приамурского генерал-губернатора⁶³. Кроме того, в Маньчжурии тайно уже ра-

⁵⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.320. Запись 19 ноября 1895 г.

⁵⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.493.

⁶⁰ А.П. Кассини – в МИД 8 (20) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.259–264. Эти сведения подтверждаются С.М. Духовским, который в июне 1895 г. сообщал, что переговоры о русской железной дороге в Китае к тому моменту уже шли, правда, помимо него (С.М. Духовской – М.А. Хитрово 22 июня 1895 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №363. Л.5).

⁶¹ Телеграмма А.П. Кассини 27 сентября (9 октября) 1895 г. приведена в кн.: Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.284.

⁶² С.Ю. Витте – А.Б. Лобанову-Ростовскому 7 (19) октября 1895 г. и М.И. Хилков – А.Б. Лобанову-Ростовскому 18 (30) октября 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1788. Л.10, 12–13.

⁶³ Там же. Л.11.

ботали партии геодезистов Министерства путей сообщения под видом учёных-исследователей⁶⁴. Лишь 23 октября (4 ноября) 1895 г. М.И. Хилков уведомил А.Б. Лобанова-Ростовского об отправке частным образом группы инженеров, чтобы провести изыскание возможных направлений железной дороги⁶⁵. Разумеется, министр путей сообщения делал это с согласия Николая II, которое он получил 12 (24) мая 1895 г. Но для внешнеполитического ведомства эта акция явилась большим сюрпризом.

Все эти многочисленные и не согласованные между собой действия не могли не оставить у Пекина впечатления ведущегося большого наступления на Срединную империю, которое предпринимают Россия и Франция, требуя уступок себе в качестве платы за организацию займа. Разумеется, это пугало китайцев и служило толчком для ответных действий.

28 октября 1895 г. англоязычная газета «Shanghai Mercury» неожиданно опубликовала известие о якобы подписанном в Петербурге китайским посланником соглашении с Россией о строительстве через Маньчжурию железной дороги до Владивостока. В этот же день другая шанхайская газета «North China Daily News» добавила к этому, что Россия получила от Китая право на аренду Порт-Артура на 20 лет для зимней стоянки русского флота и сооружения к нему ветки от Сибирской магистрали. Источник сведений у обеих газет был один – корреспондент «Times» в Гонконге⁶⁶. Известие сильно обеспокоило британскую прессу в метрополии и ведущие газеты (например, «Morning Post», October, 28) несколько дней обсуждали, насколько большие преимущества получит Россия перед Англией в случае завладения Порт-Артуром. К этой дискуссии подключилась также печать в Германии, Франции и Японии. Особо встревожились японцы. Т. Ниши сообщил в Токио о корреспонденции «Times» уже 26 октября⁶⁷. В Петербурге узнать что-либо на эту тему ему не удалось⁶⁸, в Пекине английский посланник Н. О’Конор ответил Т. Хаяши, что не верит газетным сообщениям⁶⁹. Однако японский представитель в Пекине доложил, что китайские торговцы видели русских в Маньчжурии, из чего он сделал в общем справедливый вывод, что соглашения, скорее всего, ещё не было заключено, но готовилось⁷⁰.

⁶⁴ Н.И. Гродеков – в МИД 20 октября (1 ноября) 1895 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.157; Романов Б.А. Указ. соч. С.84.

⁶⁵ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.282.

⁶⁶ Разумеется, А.П. Кассини тут же, 25 октября (6 ноября), сообщил эту телеграмму в Петербург (Симанский П.Н. Указ. соч. С.56).

⁶⁷ Т. Ниши – К. Сайонджи 26 октября 1895 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.9.2.5–1. P.35–36.

⁶⁸ Т. Ниши – К. Сайонджи 30 октября 1895 г. // Там же. P.48.

⁶⁹ Т. Хаяши – К. Сайонджи 2 ноября 1895 г. // Там же. P.54.

⁷⁰ Т. Хаяши – К. Сайонджи 6 ноября 1895 г. // Там же. P.61.

Несмотря на правдоподобность газетной информации, подтверждения ей не нашлось. 29 октября «Times» сообщила, что по сведениям из высокопоставленного британского дипломатического источника, такого договора между Россией и Китаем не существовало. Одновременно информационное агентство Reuter также заявило, что телеграмма его корреспондента из Гонконга 28 октября, на которую ссылалась английская пресса, была «абсолютно необоснована»⁷¹.

В Петербурге внимательно следили за развернувшейся газетной шумихой. Уже 13 (25) октября, как только появилось первое сообщение агентства Reuter со ссылкой на «Times» о русско-китайском договоре, оно сразу попало на стол В.Н. Ламздорфу. Руководство МИД (В.Н. Ламздорф и А.Б. Лобанов-Ростовский) решили воспретить его публикацию в России, чтобы вслед за этим не появились «неуместные разглагольствования». Министр также разослал российским послам в Берлине, Париже и Лондоне телеграммы, где объявил новость “Times” «вымышленной»⁷². А.Б. Лобанов-Ростовский и В.Н. Ламздорф подозревали, что информация происходила из Берлина, якобы желавшего захватить Вэй-хай-вэй. Вместе с тем, реакция российских дипломатов показала, что для них известие о якобы заключённом с Китаем соглашении оказалась совершенно неожиданным.

Кто же стоял за появлением этой странной информации? Содержание публикаций позволяет предположить, что она исходила из китайских источников, скорее всего, от противников сближения с Россией⁷³. По-видимому, это были высокопоставленные сановники, имевшие возможность собрать достоверные сведения об обращениях и просьбах А.П. Кассини, а также о настроениях в цзун-ли-ямыне. Проанализировав их, они составили пресловутый договор. Вряд ли авторы «соглашения» подозревали, что Россия ещё не сформулировала окончательно даже для себя цели в Китае. Разумеется, публикация носила упреждающий смысл: она адресовалась противникам Петербурга, прежде всего, Лондону, в надежде, что он сумеет умерить желания России.

Впрочем, не лишено оснований и подозрение, что за публикациями мог стоять сам Ли Хунчжан. Тому есть некоторые косвенные свидетельства. Так, 19 октября (1 ноября) 1895 г., уже после того, как в британской прессе прозвучали опровержения, Ли Хунчжан неожиданно сообщил А.П. Кассини, что

---

⁷¹ Тем не менее, российскому послу в Лондоне также пришлось сделать публичное заявление о живых слухах (Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.282).

⁷² Там же. С.270–271. Запись 13 (25) октября 1895 г.

⁷³ Впервые предположение, что сведения китайской прессы происходили «из недр цзун-ли-ямыня» высказал Б.А. Романов (Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.44), однако он имел в виду статью, появившуюся 30 октября 1896 г.

Англия и Япония настаивают, чтобы Порт-Артур не передавался в аренду другому государству. Подтверждения такого обращения до сих пор не обнаружено в английских или японских источниках, поэтому А.Л. Нарочницкий предположил, что Ли Хунчжан просто врал, провоцируя Россию на протест и – соответственно – раскрытие собственных замыслов. Однако А.Б. Лобанов-Ростовский 23 октября (4 ноября) ответил А.П. Кассини, что Россия не имеет «никаких особых видов на Ляодунский полуостров»⁷⁴. Тем не менее, в конце октября Ли Хунчжан прямо спросил А.П. Кассини о намерениях Петербурга относительно полуострова и в ответ на уклончивые заверения посланника в неизменной дружбе сообщил ему, что Р. Солсбери предупредил китайского представителя в Лондоне о планах России превратить Порт-Артур в зимнюю базу для флота и соорудить железную дорогу к нему. А.П. Кассини, конечно, отверг все подозрения, заявив, что они являются блестящей ложью⁷⁵. Вряд ли его слова выглядели убедительно: не далее как в начале октября 1895 г. посланник командировал в Порт-Артур крейсер для осмотра состояния крепости⁷⁶. Это никак нельзя было объяснить простым любопытством.

Тем временем в Петербурге ещё активно продолжалось обсуждение того, что следует требовать от Китая. Министерство финансов сосредоточившись на железнодорожном вопросе, к концу 1895 г. решило добиваться южного направления трассы (от Читы до Владивостока)⁷⁷. 3 (15) октября С.Ю. Витте изложил эту идею императору, отвергнув бадмаевские планы сооружения дороги в центр Китая⁷⁸. 30 октября (12 ноября) 1895 г. министр финансов представил Николаю II уже обоснованный всеподданнейший доклад с планом железной дороги по Маньчжурии до Владивостока (1500–2000 вёрст). А.Б. Лобанов-Ростовский же считал подобную дорогу опасной: она, по его мнению, могла

⁷⁴ Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 782–783.

⁷⁵ А.П. Кассини – в МИД 25 октября (6 ноября) 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.224–228.

⁷⁶ А.П. Кассини – в МИД 9 (21) октября 1895 г. // Там же. Л.217.

⁷⁷ Второй черновик письма А.Б. Лобанова-Ростовского А.П. Кассини 7 (19) декабря 1895 г. // Там же. Д.1099. Л.31–32. Ещё в сентябре 1895 г., отправляя в Китай Д.Д. Покотилова агентом Министерства финансов, С.Ю. Витте предупредил его о возможном участии «в исходатайствовании концессии на постройку железной дороги через Маньчжурию» (Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 10 (22) февраля 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.10. Л.35–36).

⁷⁸ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.688. С.Ю. Витте также ссылаясь на невозможность осуществления бадмаевских проектов из-за восстания дунган, вспыхнувшего в Западном Китае в феврале–марте 1895 г. и охватившего к лету несколько округов. Причиной волнений стало недовольство местного населения тем, что китайские власти вмешивались в дела самоуправления (Дунганское восстание 1895 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVII. СПб., 1896. С.158–164).

поколебать прочность Китая, стимулировать активность других держав там, особенно Англии, и без того желавшей доминировать на Жёлтом море. Поэтому внешнеполитическое ведомство России склонялось к её северному варианту – до Благовещенска⁷⁹. Идея союза с Китаем тогда никем не обсуждалась. Наоборот, в бумагах Министерства финансов с материалами, касающихся будущей КВЖД, соседствует проект секретного соглашения с Китаем, в котором речь идёт исключительно об уплате процентов по займу с использованием таможенных доходов⁸⁰. Именно такой договор предполагалось увязать с концессией на железную дорогу. То есть, приоритетной выглядела пара «заём–дорога», а не «союз–дорога».

Инициатива С.Ю. Витте совпала по времени с активными действиями Франции, которая также вознамерилась соорудить магистраль на юге Китая. Николай II, прочитав сообщение об этом А.П. Кассини, заключил: «Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессии на постройку через Маньчжурию жел[езной] дор[оги] из Забайкалья прямо во Владивосток»⁸¹. С этого момента вопрос о русской трассе в Маньчжурии стал наконец частью официальной политики Петербурга.

18 (30) ноября 1895 г. министр иностранных дел, получив указание царя обсудить этот вопрос с министром финансов, поддержал идею С.Ю. Витте о необходимости скорейших переговоров с Китаем с целью получения концессии «частной компанией» для строительства и эксплуатации железной дороги от Читы до Владивостока на 80 лет, которая не увязывалась с соглашением о союзе. 21 ноября (3 декабря) Николай II утвердил доклад министра⁸². Уже на следующий день, 22 ноября (4 декабря), МИД отправил А.П. Кассини телеграмму с поручением немедленно вступить в переговоры с китайскими официальными лицами по поводу концессии⁸³. По-видимому, в эти дни

⁷⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 30 октября (12 ноября) 1895 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.91. Л.103–106. А.П. Кассини поддержал в этом вопросе министра финансов, полагая недопустимым строительство трассы Сретенск–Благовещенск с отчуждением отрезаемой дорогой части китайской территории. На депеше посланника сохранилась царская помета: «Верно» (А.П. Кассини – в МИД 16 (28) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.265–268).

⁸⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.3–5.

⁸¹ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.315. Запись 15 (27) ноября 1895 г.

⁸² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3053. Л.148–149. Текст записки – Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.327–328.

⁸³ Об этой телеграмме А.П. Кассини упомянул в донесении 8 (20) декабря 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.259–264). О поручении посланнику Министерство финансов сообщило Д.Д. Покотилову 22 ноября (4 декабря) 1895 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.20), который предлагал свои услуги: выступить перед китайским правительством с ходатайством от лица частного синдиката (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 ноября (1 декабря) 1895 г. // Там же. Л.18).

С.Ю. Витте подготовил и инструкцию посланнику для ведения переговоров. В ней также нашло отражение основное содержание будущего соглашения о сооружении КВЖД (строительство железной дороги должно быть представлено русской «частной» компании, «помощь» ей Министерства финансов, участие Китая в прибылях)⁸⁴. Однако в черновике документа министр обозначил цель как железную дорогу от Читы–Нерчинска не до Владивостока, а до побережья Тихого океана. То, что у С.Ю. Витте, вероятно, существовали подобные замыслы, находит подтверждение в донесениях поверенного в делах Англии в Петербурге, который от русских инженеров, проводивших изыскания в Маньчжурии, узнал, что Россия планировала строить железную дорогу от Сретенска до Цицикара, а оттуда предполагалось вести трассу по трём направлениям: до Порт-Артура, до Пекина и на Владивосток⁸⁵.

Однако через два дня, 24 ноября (6 декабря), МИД приказал А.П. Кассини приостановить переговоры для уточнения намерений русской стороны. Эти исправленные условия в виде проекта концессии на сооружение железной дороги «в пределах Китая по направлению от Читы к Владивостоку» были представлены С.Ю. Витте Николаю II 27 ноября (9 декабря) 1895 г. Скорее всего, что на формулировке о трассе «до моря» министр финансов решил не настаивать из-за осторожной позиции МИДа. С.Ю. Витте также получил согласие царя на использование взяток китайским сановникам как одно из главных средств достигнуть результата⁸⁶. И тут же – 29 ноября (11 декабря) 1895 г. – Комитет Сибирской железной дороги утвердил устав Русско-Китайского банка, призванного сыграть главную роль в освоении железнодорожной концессии⁸⁷.

⁸⁴ Черновик меморандума С.Ю. Витте для А.П. Кассини, б/д. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.425. Л.53–64.

⁸⁵ Поверенный в делах в Петербурге У. Гошен – Р. Солсбери 27 февраля 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.103–104. 12 марта 1896 г. он уточнил эти сведения. Главной линией предполагалось сделать трассу от Цицикара до Даляньваня, второстепенной – до Владивостока, причём С.Ю. Витте якобы был против последней ветки (письмо 12 марта 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.155–156). Эти сведения англичанам косвенно подтвердил сам Николай II. В конце сентября 1896 г. во время визита в Англию царь встречался в Шотландии в замке Бальмораль с премьером Р. Солсбери и заявил, что Россия «пытается провести свою железную дорогу через Маньчжурию, но не имеет пока определённого плана относительно пункта, где она выйдет к морю» (Пономарёв В.Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х годов XIX века // Исторические записки. Т.99. М., 1975. С.349).

⁸⁶ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 27 ноября (9 декабря) 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.196. Л.1–3; С.Ю. Витте – А.Б. Лобанову-Ростовскому 28 ноября (10 декабря) 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.10; Романов Б.А. Лихунчангский фонд // Борьба классов. 1924. №1–2. С.77–126.

⁸⁷ Подробнее см. главу 3 «Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг.»

Посланник получил проект русско-китайского соглашения и меморандум к нему, составленные в Министерстве финансов, вероятно, уже в феврале 1896 г.⁸⁸ Речь шла о предоставлении концессии на строительство железной дороги в Маньчжурии частному обществу для реализации её за 6 лет, выделение для этого специальной полосы отчуждения, обязанность китайских властей охранять дорогу от разбойников. Точная трасса в соглашении не оговаривалась, предполагалось, что основные пункты будут установлены по соглашению китайского и русского правительств. За обществом признавалось преимущественное право сооружения веток вглубь Китая от основной трассы, если китайское правительство решит делать это. Пекин получал право выкупа дороги через 80 лет при выплате нарицательной стоимости акционерного (согласно доходности акций за последние 5 лет перед выкупом) и облигационного капитала, а также особых сумм, направленных на погашение акционерного капитала. С.Ю. Витте, составивший это условие для успокоения китайцев, был уверен, что у них не найдётся достаточно средств для осуществления этой операции⁸⁹.

В меморандуме, сопровождавшем проект, который также подготовили в Министерстве финансов⁹⁰, содержалась в основном аргументация для ведения переговоров в Пекине: как нужна эта дорога самому Китаю в интересах защиты от возможного нападения Японии и как трудно Поднебесной империи будет строить её самостоятельно. Существенным моментом явилось упоминание Владивостока как конечного пункта железной дороги. Текста союзного договора к эти документам не прилагалось. Возможно, ранг посланника, который имел А.П. Кассини, выглядел слишком низким для переговоров о столь важном документе, как это предположил Г.В. Ефимов?⁹¹ Но более вероятен другой ответ: союзное соглашение России просто не было нужно. Только Пекин рассматривал его в жёсткой увязке с уступками, в том числе и железной дорогой в Маньчжурии. Петербург же стремился сосредоточиться на том, что он хотел бы получить за своё содействие Китаю.

Получив распоряжение и проект соглашения о дороге, А.П. Кассини в конце февраля 1896 г. начал зондаж почвы в Пекине⁹². Одновременно, по-видимому,

⁸⁸ Они были отправлены не обычной дипломатической почтой, а с тайным агентом МФ и МИД Г.Г. Гинцбургом (шифрованная записка к письму Д.Д. Покотилову 17 (29) декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.33).

⁸⁹ Проект концессии на постройку и эксплуатацию в Северо-Восточном Китае железной дороги от одного из пунктов на западной границе Хейлуцунзянской провинции до одного из пунктов на восточной границе Гиринской провинции, б/д. [не ранее 27 ноября (9 декабря) 1895 г.] // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1099. Л.11–20.

⁹⁰ Там же. Л.21–30.

⁹¹ Ефимов Г.В. Указ. соч. С.30.

⁹² Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 20 марта (1 апреля) 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.39.

речь шла и о предоставлении России незамерзающего порта⁹³. Дипломат сразу столкнулся с серьёзными трудностями. Китайцы не хотели давать концессии на железную дорогу иностранной державе, заявляя о намерении самостоятельно строить магистраль. Их беспокоил не только факт появления русской железной дороги на территории Срединной империи, но и сам прецедент, после которого и другие державы могли начать требовать предоставления себе железнодорожных концессий. Поэтому чжилийский генерал-губернатор Ван Веньшао подготовил для богдыхана доклад о необходимости строительства китайской Маньчжурской железной дороги до Шанхайгуаня. Несмотря на то, речь пока шла только о сооружении первой очереди в 190 вёрст до города Далиньхэ, денег в пустой китайской казне не имелось даже на это, а сам доклад, скорее всего, предназначался для русских⁹⁴.

Тут же как нельзя более кстати для китайцев появился американский синдикат «American China Development Company» с капиталом в 1 млн. долларов, за которым якобы стоял ресурс в 250 млн. долларов (огромная для того времени сумма). Этот синдикат обещал связать Сибирскую железную дорогу с китайскими⁹⁵. Американцы казались преисполненными самых серьёзных намерений, но за известиями об этом проглядывал традиционный приём Пекина: столкнуть лбами потенциальных конкурентов. Однако все ухищрения Пекина не оказали большого влияния на намерения России.

Вероятно, столкнувшись с упорством Петербурга, противники соглашения с Россией опять призвали на помощь прессу. 3 марта 1896 г. китайская газета «North China Daily News» опубликовала большую статью «Секретный договор между Китаем и Россией», ссылаясь на некое письмо, посланное из Пекина в Шанхай⁹⁶. В ней получили развитие основные пункты, намеченные в публикациях октября 1895 г. Анонимный автор, беспокоясь об ущемлении китайского суверенитета, изложил содержание якобы уже заключённого между двумя империями секретного договора. Согласно ему, Китай в благодарность за помощь против Японии предоставлял России право пользоваться одной из своих гаваней – Порт-Артуром как в мирное время, так и в случае начала военных действий на Дальнем Востоке. Пока же, чтобы избежать осложнения

⁹³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.105–106.

⁹⁴ А.П. Кассини – в МИД 30 января (11 февраля) 1896 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.114. Ч.1.

⁹⁵ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.102–103; Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей 1895–1900. М.;Л., 1956. С.42–53.

⁹⁶ Эта газетная публикация упоминается в статье Г.В. Ефимова (Ефимов Г.В. Указ. соч. С.31) со ссылкой на кн.: Morse Н.В. The International relations of the Chinese Empire. Vol.III. The Period of Subjection 1894–1911. London, 1918. P.83. Однако в указанном издании лишь сообщается, что Ли Хунчжан **не подписал** конвенцию с А.П. Кассини и даётся сноска на другую газету «North China Daily Herald».

отношений с другими державами, Пекин предлагал Петербургу использовать для стоянки русского флота Киао-Чао. В случае возникновения реальной опасности русским рубежам Срединная империя была готова допустить на свою территорию российские войска, снабжать их всем необходимым, а также поддержать военные операции участием собственных вооружённых сил. Для подготовки 100-тыс. китайской армии предполагалось пригласить в качестве инструкторов несколько сот русских офицеров. Возможный враг в статье нигде не упоминался, но по смыслу понятно, что им могла стать только Япония.

Кроме того, России предоставлялась возможность построить железную дорогу через Хейлунцзянскую и Гириную провинции до Даляня или другой точки, выбранной Петербургом. Две страны имели бы совместное управление над магистралью, а через 15 лет Китай мог выкупить её целиком (очевидно, это подразумевало, что финансирование строительства осуществит исключительно российская сторона, но в «договоре» об этом ничего не говорилось). Железнодорожные статьи дополнялись рядом преимуществ для России по сравнению с другими иностранными державами в коммерческой деятельности в Маньчжурии. По сведениям автора письма, Ли Хунжан ехал в Россию на коронацию Николая II уже за ратификацией соглашения.

Похоже, что эта газетная публикация также оказалась скомпонована из набора различных вопросов, обсуждавшихся А.П. Кассини с китайскими официальными лицами. Однако это было не простое механическое объединение условий. В частности, жёсткая увязка уступок с заключением военного соглашения явно принадлежала Пекину. Неконкретность в определении возможного противника (на месте предполагаемой Японии нельзя исключить Англию) также не могла находиться среди русских условий (позднее попытка Китая добавить уже в настоящее соглашение Англию и Францию как потенциальных агрессоров встретила категорический отказ России). Также любопытно настойчивое упоминание в статье Порт-Артура и Даляня – эти пункты не фигурировали в русских проектах. Их появление могло преследовать другую цель – привлечь внимание Японии и поссорить Токио и Петербург. Разумеется, там сразу встревожились, но попытка получить более достоверную информацию ни к чему не привела⁹⁷. Т. Ниши опять не сумел добыть её ни в

---

⁹⁷ 7 марта 1896 г. посланник в Пекине Т. Хаяши получил распоряжение из Токио узнать подробности о ведущихся русско-китайских переговорах. Дипломат ответил два месяца спустя, ему удалось лишь установить, что русско-китайского договора не существует (К. Сайонджи из Токио – Т. Хаяши в Пекин 7 марта 1896 г. и ответ Т. Хаяши 10 мая 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.9.2.5–1. P.156–157). Это свидетельствовало, скорее всего, о том, что официальный Пекин не собирался допускать явных «утечек» информации про переговоры с Россией, что означало большую заинтересованность Китая в соглашении с Петербургом.

Петербурге, ни в Европе⁹⁸. Нелепо выглядела и статья о «помощи» китайской армии в случае конфликта России и Японии. Донесения военного агента в Китае К.И. Вогака во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. содержали крайне низкую оценку китайских вооружённых сил⁹⁹. Поэтому вероятнее всего, что и эта газетная кампания возникла вследствие интриг в Пекине. Версия, что «утечка» была организована английской прессой, выдвинутая в советской историографии, не имеет подтверждений¹⁰⁰.

В Пекине в это время сохранялось затишье. В официальные переговоры А.П. Кассини вступил только 6 (18) апреля 1896 г., передав князю Цину русские предложения¹⁰¹. Посланник уверял его, что железная дорога окажется выгодна не только России, но и Китаю, стимулируя его экономическое развитие¹⁰². Ответ Пекина был разочаровывающим: китайские сановники объявили, что они опасаются нового дела и возможной потери независимости, поэтому станут строить железную дорогу сами¹⁰³. Возможно, позиция цзун-ли-ямыня получила огласку в другой китайской газете – «Цзы-линь-си-бао», издававшейся в Шанхае, которая обнародовала иной вариант русско-китайского договора. Согласно ему, Китай обязался продолжить свою Маньчжурскую железную дорогу от Шанхайгуаня до Мукдена и Гирина по русскому стандарту. Только в случае невозможности осуществить это Россия получала концессию на самостоятельное строительство магистрали в Маньчжурии и её эксплуатацию в течение 10 лет, после чего Пекин имел право её выкупить. России также предоставлялся в аренду порт Киао-Чао, в случае войны российский флот мог использовать также порты Ляодуна¹⁰⁴. Всё это

⁹⁸ Т. Ниши – К. Сайонджи 5 марта 1896 г. // Там же. Р.134. В конце концов, в Токио решили, что соглашения всё-таки не существовало (К. Сайонджи – С. Аоки (Берлин) 13 марта 1896 г. // Там же. Р.148).

⁹⁹ «Полное невежество в военном отношении, крайняя пассивность и трусость начальников, покидающих войска при приближении опасности, отсутствие воинской подготовки и самых элементарных качеств солдата у нижних чинов, одержимых, по примеру начальников, одним желанием – как можно скорее исчезнуть с поля сражения – вот краткая, но истинная характеристика китайских войск» (Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака. XX. Хирошима 16 (28) марта 1895 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Продолжение вып. LX. СПб., 1895. С.42).

¹⁰⁰ Ефимов Г.В. Указ. соч. С.35.

¹⁰¹ А.П. Кассини – в МИД 9 (21) и 20 апреля (2 мая) 1896 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.114. Ч.1. Л.45–46; 63–70; Симанский П.Н. Указ. соч. С.79–81.

¹⁰² Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.495.

¹⁰³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.79–81. Дж. Лензен же считал, что А.П. Кассини был вежлив и сам предоставил (!) китайцам 12 дней для подготовки ответа (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.495; Schulman I.J. Op. cit. P.148).

¹⁰⁴ Мын-Ши-Тан-Ху-Кэ... Л.261–264. Схожие предложения Ли Хунчжан изложил сразу по приезде в Россию.

не соответствовало инструкциям из Петербурга, поэтому упорство цзун-ли-ямьня вызвало у А.П. Кассини приступ ярости: он жёстко разговаривал с министрами, грубо давил на них, угрожая союзом России с Японией¹⁰⁵. Но и такое поведение не возымело действия.

Положительных моментов после первого обмена мнениями было немного: Д.Д. Покотилов отметил, что китайцы не затягивают дело, а идут на предметную дискуссию, что оставляло надежды на положительный исход¹⁰⁶. В Петербурге, поразмыслив над случившимся, решили перенести основную тяжесть переговоров в Россию, воспользовавшись приездом специального посольства во главе с Ли Хунчжаном для участия в коронации Николая II¹⁰⁷. К прибытию китайского посланца С.Ю. Витте тщательно приготовился: на выезде из Суэцкого канала Ли Хунчжана встретил князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший его всю дорогу до Петербурга¹⁰⁸. В поездке в Петербург Ли Хунчжана сопровождали два сына, личный секретарь Ю Шимэй, три переводчика, пять секретарей, шесть иностранных советников, приглашённых для поездки из службы морских таможен, в том числе родной брат начальника службы Роберта Харта – Джеймс Х. Харт¹⁰⁹.

Поездка в Россию, а затем в Европу имела для Ли Хунчжана колоссальное значение. После подписания Симоносекского мира со слишком тяжёлыми, по мнению Пекина, условиями, сановник попал в немилость. Он утратил расположение императора, был лишён должности генерал-губернатора. А.П. Кассини даже решил, что карьера Ли Хунчжана на этом закончилась¹¹⁰. Только успех посольства давал опальному руководителю шанс вернуться к власти. В противном случае его политическая жизнь действительно завершилась бы (вторая неудача подряд).

Визит посланца Пекина сопровождался большим количеством интриг. В них против Ли Хунчжана оказались задействованы и некоторые российские подданные, находившиеся в Поднебесной. Пока посольство находилось в пути, военный агент в Китае К.И. Вогак в специально составленной для

¹⁰⁵ Цзун-ли-ямьнь – Ли Хунчжану в Петербург «20 числа 3-ей луны» // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Р.1. Оп.1. №1. Л.266–267.

¹⁰⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 апреля (1 мая) 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.18. Л.86–90.

¹⁰⁷ Назначение Ли Хунчжана главой посольства в Россию стало важным успехом А.П. Кассини, одержанным после трудных и продолжительных переговоров в начале 1896 г. (Соловьёв Ю.Я. Указ. соч. С.67; Ефимов Г.В. Указ. соч. С.30).

¹⁰⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. СПб., 2003. Кн.1. С.439.

¹⁰⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.494.

¹¹⁰ А.П. Кассини – в МИД 1 (13) сентября 1895 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.113. Л.195–196.

самодержца записке доказывал, что Ли Хунчжану нельзя верить¹¹¹. Одновременно об этом же писал в Петербург из Пекина П.А. Бадмаев. Он пересказывал явно подсказанное ему решение: следует не добиваться концессии на железную дорогу в Китае, а наоборот, всячески тормозить сооружение магистралей в Срединной империи, а если уж вести переговоры о концессии, то до Нючжуана и далее на Ляодунский полуостров, а не Цурухайтуй–Порт По-сьет¹¹². Однако Николай II не дал хода этим инсинуациям, оставив на записке К.И. Вогака холодную резолюцию: «Со многими взглядами, высказанными в этой записке, не согласен».

Ли Хунчжан ехал в Петербург с предложением: Китай сам строит железную дорогу, но на русские деньги, по русским стандартам и под руководством русских специалистов¹¹³. Китайский посланец прибыл в Петербург 18 (30) апреля 1896 г. Сразу с вокзала в дворцовой карете Ли Хунчжан был доставлен в гостиницу «Европейская», где закрылся в номере и несколько дней не общался с другими дипломатами, в том числе и с соотечественниками¹¹⁴. Уже в день приезда С.Ю. Витте приступил к обсуждению с китайцем вопросов, касавшихся строительства русской железной дороги в Маньчжурии¹¹⁵. Переговоры происходили попеременно в здании Министерства финансов и у Ли Хунчжана. «Это будет скорее и меньше расхода и притом можно задержать наступательные действия Японии. Если Китай будет строить сам, то железная дорога и через 10 лет не будет готова», – убеждал своего собеседника министр финансов. Если же Китай не согласится на русские предложения, то Петербург станет сооружать магистраль до Нерчинска и «ждать удобного случая, но только с этого времени Россия не будет оказывать содействия Китаю»¹¹⁶. В основном

¹¹¹ Записка К.И. Вогака о посольстве Ли Хунчжана в Россию. Апрель 1896 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.1. Д.141. Л.2–8.

¹¹² П.А. Бадмаев – П.М. Романову 17 (29) апреля 1896 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.530. Л.4–6. Вероятно, противники Ли Хунчжана использовали П.А. Бадмаева, чтобы вызвать в случае удачи протесты Англии и Японии. Похоже, что, на их взгляд, интерес Китая состоял не в союзном договоре с Россией, а в организации столкновения Петербурга, Лондона и Токио.

¹¹³ Э.Э. Ухтомский – Николаю II 11 (23) марта 1896 г. // РГИА. Ф.1072. Оп.2. Д.6. Л.1. Кажется, цзун-ли-ямьнь несколько смягчил свою позицию по сравнению с той, которую услышал А.П. Кассини.

¹¹⁴ Н. О'Конор – Р. Солсбери 6 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.253–255.

¹¹⁵ Хотя их первая встреча, по свидетельству С.Ю. Витте, носила исключительно церемониальный характер (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.440–441).

¹¹⁶ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямьнь «21 числа 3-ей луны 22 года Гуань-сюя» // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.267–268; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.441–442.

С.Ю. Витте повторил позицию, изложенную в Пекине А.П. Кассини и отвергнувшую цзун-ли-ямынем¹¹⁷. Ли Хунчжан в ответ воспроизвёл решение его правительства, что дорогу должен строить сам Китай¹¹⁸. Посланец Поднебесной приехал в Петербург также с намерением заключить союзный договор с Россией, С.Ю. Витте же интересовался в первую очередь концессией на железную дорогу. Это во многом определило содержание переговоров: договор отошёл на задний план, а дискуссия вращалась преимущественно вокруг железной дороги в Маньчжурии.

Несмотря на коренное расхождение в подходах, стороны перешли к обсуждению деталей. Ли Хунчжан уступил в ширине колеи (русская), но настоял на названии дороги – «Китайская восточная» (С.Ю. Витте предлагал – «Маньчжурская»), на ограничениях перевозки войск (только транзит). По требованию китайца был также сокращён срок, после которого Пекин имел возможность выкупить железную дорогу – с 80 до 36 лет. Правда, С.Ю. Витте считал эту уступку несущественной: министр финансов полагал, что Поднебесная империя не сможет сделать это и позднее. В вопросе о таможенных платежах был достигнут компромисс. С.Ю. Витте добивался их полной отмены для всех товаров, предназначенных для строительства магистрали (на самом деле речь, конечно же, шла о возможности беспрошленного провоза в Китай любого количества грузов неограниченной номенклатуры). В итоге договорились, что их ставку уменьшат на треть. Это вполне устроило министра финансов: даже такое послабление должно было «облегчить нашим товарам конкуренцию с иностранными товарами, ввозимыми в Китай морским путём»¹¹⁹. Он также завел разговор с Ли Хунчжаном о русской железной дороге к одному из портов Китая, но натолкнулся на жёсткое сопротивление китайца. По свидетельству английского посла в Петербурге Н. О'Конора, министр финансов настаивал на железной дороге до Даляньваня с тем, чтобы соорудить там главный терминал Сибирской железной дороги¹²⁰. Сам С.Ю. Витте утверждал, что его собеседник соглашался на дорогу до Жёлтого моря, но обязательно с узкой, а не широкой русской колеёй, такой же, какая была принята на строительстве трассы Тяньцзинь–Шанхайгуань¹²¹.

¹¹⁷ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.499.

¹¹⁸ Пометы С.Ю. Витте на записке М.Г. Зельманова об истории сооружения Сибирской железной дороги // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.249. Л.335.

¹¹⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «По поводу заключённого между китайским правительством и Русско-Китайским банком договора на постройку и эксплуатацию железной дороги в Маньчжурии» 28 сентября (10 октября) 1896 г. // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн.2. Ч.1. М., 2004. С.253–254. Однако в этих надеждах министр финансов ошибся.

¹²⁰ Н. О'Конор – Р. Солсбери 9 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.264–276.

¹²¹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 20 августа 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.135. Л.8 об.

Возможно, что не менее важные переговоры в тот момент происходили в другом месте. С членом китайской делегации В.Ю. Гротом, отвечавшем за финансовые вопросы, встретился глава Петербургского Международного коммерческого банка и правая рука Витте А.Ю. Ротштейн (В.Ю. Грота рекомендовал ему А.П. Кассини). Возражения В.Ю. Грота, что дорогу должна стоять китайская, а не русская компания, были преодолены взяткой в 1 млн. франков, после чего он безоговорочно принял русский вариант¹²².

После переговоров с С.Ю. Витте, 23 апреля (5 мая)¹²³ Ли Хунчжан имел секретную полторачасовую встречу один на один с Николаем II (переводчиком на ней был старший сын сановника – Ли Цзинфан). На ней, скорее всего, и обсуждались вопросы заключения союзного договора. Царь повторил уже известные аргументы, уверяя его в своих миролюбивых намерениях: у России и так много земли, поэтому нет нужды захватить ещё¹²⁴. Встреча произвела глубокое впечатление на посланника Пекина¹²⁵. Из его переписки с цзун-ли-ямынем складывается впечатление, что после этой беседы в позиции многоопытного китайского сановника наступил перелом и он внутренне склонился принять русские условия.

Пользуясь этим, на следующей встрече с Ли Хунчжаном С.Ю. Витте и А.Б. Лобанов-Ростовский более жёстко поставили вопрос о немедленном заключении соглашения о железной дороге. В русский проект по желанию посланника Пекина внесли добавление: магистраль не может служить предлогом для вторжения в Китай либо нарушения суверенных прав богдыхана. Ли Хунчжан в принципе принял предложенный ему документ, что вселило оптимизм в А.Б. Лобанова-Ростовского: «если дело выгорит – это будет великое дело»¹²⁶. Однако оставалось немало неразрешённых противоречий. Гла-

¹²² Симанский П.Н. Указ. соч. С.81; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.107–110. Но сведения о взятке приводит только Г. Лензен (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.498). Это очень походит на правду, так как после отъезда Ли Хунчжана В.Ю. Грот остался в России и впоследствии принимал активное участие в продвижении проекта КВЖД, а также в организации общества «Монголор» (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.117, 598–601).

¹²³ Н. О'Конор – Р. Солсбери 6 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.253–255.

¹²⁴ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «24 числа 3-ей луны 22 года Гуань-сюя» // СПБ филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.268–269; Schulman I.J. Op. cit. P.154–155.

¹²⁵ С Николаем II Ли Хунчжан, по его воспоминаниям, встречался пять или шесть раз, из них только раз или два в официальной обстановке. Другие встречи проходили один на один, за стаканом чая или бокалом вина. Однако их деталей китайский сановник не сообщил (Memoirs of the viceroy Lu Hung Chang. L., 1913. P.200).

¹²⁶ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.380. Запись 1 (13) мая 1896 г.; Schulman I.J. Op. cit. P.155.

ва посольства сначала намеревался подписать только союзный договор, но С.Ю. Витте и А.Б. Лобанов-Ростовский обусловливали его одновременным заключением соглашения о железной дороге¹²⁷. Затем стороны упёрлись в другую проблему: Ли Хунчжан – сначала договор, а затем концессия; А.Б. Лобанов-Ростовский – сначала концессия, затем договор. В очередной телеграмме в Пекин Ли Хунчжан признал, что самому Китаю не построить магистраль и что, по его мнению, вопрос о дороге и союзный договор с Россией неразрывно связаны друг с другом¹²⁸. Цзун-ли-ямынь настаивал на трёх условиях: взаимопомощь на случай конфликта с Японией, открытие для плавания рек Сунгари и Хучун, Китай вносит 5 млн. таэлей в Русско-Китайский банк (чтобы получить влияние на его деятельность)¹²⁹. Ли Хунчжан получил эту инструкцию 4 (16 мая), в этот же день он отправил русские проекты на усмотрение цзун-ли-ямыня¹³⁰. Сам сановник полагал: «Россия теперь желает завести дружбу с нами. В содержании договора нет никаких особенных коварных намерений. Если мы откажемся, то, безусловно, мы раз навсегда потеряем симпатию русских»¹³¹. Сговорчивость Ли Хунчжана была подкреплена обещанием С.Ю. Витте поэтапно выплатить лично китайцу 3 млн. руб.¹³²

Однако Пекин решил внести в договор поправки: 11 (23) мая Ли Хунчжану приказали настаивать на удалении двух последних статей (право России перевозить по будущей железной дороге в Китае неограниченное количество войск и 15-летний срок секретного соглашения), а также распространить действие союза на угрозы со стороны Англии и Франции. Но ещё до получения распоряжения из Китая российская сторона 7 (19) мая заявила Ли Хунчжану,

---

¹²⁷ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.499–500.

¹²⁸ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «27 числа 3-ей луны 22 года Гуань-сюя» // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.269–270.

¹²⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.500.

¹³⁰ Schulman I.J. Op. cit. P.156; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.501.

¹³¹ Ли Хунчжан – в цзун-ли-ямынь «2 числа 4-ой луны 22 года Гуань-сюя» (по-видимому, 14 (26) мая) // СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.271. То, что Ли Хунчжан пошёл на заключение соглашения совсем не из-за давления С.Ю. Витте, подтверждает его поведение. Так, встречаясь с британским послом в Петербурге Н. О'Конором, китаец говорил с ним о чём угодно, только не о своих встречах в России. Если же он испытывал бы необходимость освободиться от давления, то, без сомнения, прибёг бы к испытанному средству – огласил содержание переговоров с С.Ю. Витте, тем более, что соглашение ещё не было подписано (Н. О'Конор – Р.А. Солсбери 9 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.264–276).

¹³² Подробнее об этом – Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.115–117. Конечно, надо иметь в виду, что не взятки определяли сам факт заключения договора и его содержание, а необходимость Китая в союзнике.

что изменения в тексте допущены не будут. 14 (26) мая в Пекине получили телеграмму от своего представителя, что если русский проект не принять целиком, то переговоры прерываются. На следующий день цзун-ли-ямынь, обсудив ситуацию, сдался, сняв всякие возражения¹³³. Получив 18 (30) мая согласие Пекина, 22 мая (3 июня) Ли Хунчжан подписал в Москве текст русско-китайского секретного договора¹³⁴.

Оборонительный союз двух империй против Японии включал в себя разрешение на строительство русской железной дороги по территории Маньчжурии до Владивостока с правом её выкупа Пекином¹³⁵. 1 (13) июня Ли Хунчжан отбыл из России в Германию. Тем не менее, после его отъезда цзун-ли-ямынь выразил недовольство, что глава посольства согласился на русский размер колеи и попытался вернуться к европейскому, более узкому стандарту, но неудачно¹³⁶. Во время пребывания на Британских островах посланец Пекина, верный принципу поиска противовеса растущему русскому влиянию, зазывал английских предпринимателей в Китай¹³⁷. Сановник, находясь в Англии, также получил выговор за уступку России земель с могилами императорских предков, рядом с которыми должна была пройти магистраль¹³⁸. В Пекине его встретили весьма сдержанно, а за самовольную остановку на отдых в одном из императорских парков по пути к богдыхану даже подвергли штрафу¹³⁹. Разумеется, за этим стояло определённое недовольство результатами его поездки.

Однако ещё требовалось добиться ратификации соглашения богдыханом. Для достижения успеха А.П. Кассини обратился за помощью к императрице. Демонстрируя серьёзность намерений, русский посланник пригрозил отъездом, если договор не будет подтверждён. Напуганная Цыси просто заставила

¹³³ Schulman I.J. Op. cit. P.160–163; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.502.

¹³⁴ Ряд обстоятельств подготовки и подписания договора изложены в мемуарах Витте (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. СПб., 2003. Кн.1. С.438–449).

¹³⁵ Союзный русско-китайский договор 22 мая 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.292–294.

¹³⁶ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.504–505.

¹³⁷ Ход Ли Хунчжана имел не самые благоприятные последствия. Одним из соблазвившихся его приглашением оказался некий Морган, который зимой 1896 г. появился в Шанхае и потребовал предоставить ему концессию на разработку руд во всём Китае. После того, как он получил от цзун-ли-ямыня отказ, делец устроил резкое объяснение с Ли Хунчжаном (Д.Д. Покотилев – А.И. Путилову 19 марта [1897 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.14). Всё-таки осенью 1897 г. представители Моргана попытались организовать изыскание золота в Маньчжурии – вот куда был адресован призыв китайца.

¹³⁸ СПб филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов. Разряд I. Оп.1. №1. Л.258–259.

¹³⁹ Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958. С.195.

императора против его воли ратифицировать документ. Добившись желаемого, А.П. Кассини покинул Пекин 18 (30) сентября 1896 г.¹⁴⁰

Русско-китайский союзный договор был секретным, однако он быстро получил огласку. Этому способствовала китайская сторона. Так, вскоре Ли Хунчжан во время беседы с французским посланником в Пекине О. Жераром отлучился из комнаты, «забыв» на столе свою записную книжку, в которой почему-то содержался текст тайного соглашения с Россией. Российская сторона, несмотря на то, что действовала с французами в Китае рука об руку, тем не менее, не сообщила партнёрам содержания документа¹⁴¹. 28 октября 1896 г. в китайской газете «North China Daily News»¹⁴² был ещё раз опубликован текст договора из введения, 12 статей и заключения, якобы подписанного в Пекине А.П. Кассини с китайским правительством. Эта публикация во многом повторила мартовскую статью. Документ извещал о заключении русско-китайского оборонительного союза для охраны территориальной цельности Китая и российских дальневосточных земель. За это России предоставлялось право провести часть Сибирской дороги по территории Поднебесной империи и иметь её охрану, передавался в аренду на 15 лет порт Киао-Чао, в случае войны разрешалось использование Порт-Артура и Даляняня. Китай также обязался перевести свою армию на европейский манер и привлечь для этого русских офицеров. Кроме чисто стратегических соображений, в конвенции нашли отражение экономические планы С.Ю. Витте. Якобы министр финансов желал заполучить концессии на строительство железных дорог Шанхайгуань–Мукден–Гири и Шанхайгуань–Порт-Артур по русским стандартам, а также участие в разработке горных богатств в Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, то есть добиться экономического доминирования России в Южной Маньчжурии¹⁴³.

Статья в китайской газете обратила на себя внимание советских историков. Б.А. Романов считал «конвенцию Кассини» подлинным документом, скорее всего – черновиком реальных планов России, который каким-то образом был выкраден из русского дипломатического представительства в Пекине¹⁴⁴.

¹⁴⁰ North China Daily News. 1896, October 28.

¹⁴¹ Соловьёв Ю.Я. Указ. соч. С.59. Рассказ Ю.Я. Соловьёва подтверждается донесением О. Жерара в Париж 28 марта 1897 г. (Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. С.196).

¹⁴² У Б.А. Романова – “North China Herald” за 30 октября (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.135).

¹⁴³ Её содержание изложено Б.А. Романовым (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.135–137). Он использовал издание: Mc Murray J. Treaties and Agreements with and concerning China, 1894–1919. N.Y., 1921. Vol.1. P.79–81.

¹⁴⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.135; он же. Очерки дипломатической истории... С.44–45; Ротштейн Ф.А. История международных отношений в конце XIX века. М., 1960. С.316–317.

Ф.А. Ротштейн, установив «почти полное совпадение» опубликованного договора и действительно заключённых конвенций, решил, что это «подтверждает его подлинность»¹⁴⁵. Специально исследовавший русско-китайские переговоры 1895–1896 гг. Г.В. Ефимов, несмотря на категорическое заявление о том, что текст, опубликованный в «North China Daily News» являлся английской фальшивкой¹⁴⁶, тем не менее, признал, что основное содержание русско-китайского договора 1896 г. о КВЖД нашло в ней (фальшивке!) правдивое отражение¹⁴⁷. Почему в Китае появилась вторая публикация, подробно, хотя и не вполне точно, излагавшая содержание русско-китайского договора? Конечно, для того, чтобы снова обратить внимание на намерения Петербурга, это могло быть связано со стремлением С.Ю. Витте получить ещё и концессию на железную дорогу до незамерзающего порта на Жёлтом море. На сей раз она имела относительный успех: японский посланник в Пекине С. Учида сообщил в Токио, что по его мнению, газетная публикация содержит абсолютно правдивую информацию¹⁴⁸.

Текст русско-китайского секретного договора 1896 г. долгое время оставался недоступным для исследователей. Первым, кто добыл его и целиком перепечатал в своей книге, был П.Н. Симанский. Он процитировал документ из письма Министерства иностранных дел П.М. Лессару 25 февраля 1902 г., в котором дипломата знакомили с содержанием соглашения¹⁴⁹. Однако труд П.Н. Симанского также был секретным, распубликованным в количестве всего семи экземпляров. Российская печать после русско-японской войны писала о договоре, ссылаясь на иностранную прессу, в целом точно излагая его содержание¹⁵⁰. Больше «повезло» «конвенции Кассини»: её текст приведён в книге-

¹⁴⁵ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.316–317. Академик сослался на перепечатку «конвенции Кассини» в кн.: Drage G. Russian Affairs. London, 1904. P.663–666 с отсылкой к газете «North China Daily Herald».

¹⁴⁶ Англичане добыли проект русско-китайского договора весной 1896 г., ещё до подписания документа. Посол в Петербурге Н. О’Конор получил в начале мая его копию из Пекина и признался, что в России ему не удалось найти никакой информации о соглашении (Н. О’Конор – Р.А. Солсбери 6 мая 1896 г. // PRO FO. 65/1514. P.250–251).

¹⁴⁷ Ефимов Г.В. История русско-китайского договора 1896 г. // Советское китаеведение. 1958. №2. С.35.

¹⁴⁸ С. Учида – Ш. Окума 5 ноября 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.9.2.5–1. P.223.

¹⁴⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.82.

¹⁵⁰ Так поступил, например, Г.Н. Трубецкой в статье «Россия как великая держава» (Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн.1. М., 1911). Он пересказал точное содержание секретного договора, ссылаясь на публикацию в «Daily Telegraph» 15 февраля 1910 г. (С.47–48).

Лян Цичао, переведённой с китайского на русский язык в 1905 г.¹⁵¹, а также в ряде английских изданий.

Детективная судьба ожидала экземпляр соглашения, принадлежавший китайской стороне. В 1900 г. после того, как русские войска вместе с союзниками вошли в Пекин для подавления восстания боксёров, солдаты обнаружили документ в одном из императорских дворцов (императрица Цыси хранила его в особом ларце в своей спальне). Он попал в руки генерала А.М. Стесселя, был вывезен в Россию, но через несколько лет по настоянию В.Н. Ламздорфа возвращён Китаю¹⁵².

Конечно, соглашение с Россией принципиально отличалось от неравных договоров, который Китай вынужденно подписал с рядом западных держав в середине XIX века, в ходе опиумных войн. Оно оформило первый союз Поднебесной империи с европейской державой в его истории. Однако договор нельзя назвать прочным, так как он базировался на совершенно разных интересах. Если Китай искал себе союзника в противостоянии Японии, то Россия хотела бы получить от Пекина ряд уступок, облегчавших ей доступ в Поднебесную, особенно – концессию на железную дорогу в Маньчжурии. Министр финансов С.Ю. Витте намеревался сделать её частью Великого Сибирского пути с выходом к незамерзающему порту, полагая, что такая трасса станет важнейшей транспортной магистралью, соединяющей Европу и Азию. С.Ю. Витте не скрывал, что в его планах середины 1890-х гг. экономическое доминирование в Северном Китае было только первым этапом, целью же являлось господство России на всём Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Эта грандиозная задача совершенно не учитывала относительно слабые возможности российской экономики. Не удивительно, что не прошло и двух лет, как более прямолинейные коллеги С.Ю. Витте, в первую очередь министр иностранных дел М.Н. Муравьев, перешли к силовым действиям и в декабре 1897 г. настояли на захвате Порт-Артура. Хотя в конце 1890-х гг. все военные планы России на Дальнем Востоке строились вокруг возможной войны с Японией, о существовании союзного соглашения с Китаем офицеры не знали. То есть, программы возможных боевых операций совершенно не учитывали участие в них китайской армии¹⁵³. В начале 1900 г. А.Н. Куропаткин отказался участвовать в реорганизации китайской армии. По его мнению,

¹⁵¹ Лян Цичао. Указ. соч. С.196–202.

¹⁵² Весной 1902 г. китайское правительство призналось посланнику П.М. Лессару, что у него нет подлинного текста русско-китайского договора 1896 г. (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 13 апреля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.314).

¹⁵³ Флуг В.Е. Воспоминания. Ч.1. С 1896 по 15 апреля 1898 г. // ГАРФ. Ф.6683. Оп.1. Д.1в. Л.113.

с которым согласился и Николай II, «целью наших действий в Китае должно быть не создание обученного войска, а возможное уничтожение или ослабление существующего»¹⁵⁴. Военный министр уже тогда рассматривал Китай не как союзника, а как вероятного противника в случае осложнений, например, в районе черноморских проливов¹⁵⁵. Боксёрское восстание 1900 г., поход русских войск на Пекин и оккупация всей Маньчжурии развеяли все сомнения руководства Поднебесной, с кем они имеют дело, и фактически поставили крест на союзном договоре. Несмотря на то, что формально он продолжал действовать до 1911 г., во время русско-японской войны Китай придерживался нейтралитета.

В российской историографии Китай рубежа XIX–XX вв. чаще всего предстаёт как жертва «империалистической» агрессии, как субъект политики ряда великих держав. Между тем, история заключения русско-китайского соглашения 1896 г. показывает, что и сам Пекин небезуспешно пользовался разницей в интересах «империалистов», по возможности сталкивая их лбами, и по собственной инициативе шёл на сближение с отдельными странами. Применительно к России даже сейчас трудно однозначно ответить на вопрос, кто кем манипулировал и кто кого переиграл в этих сложных комбинациях.

Подготовка и заключение русско-китайского союзного договора 1896 г. выявило также весьма важное для российской власти явление. Уже на первых стадиях этого процесса было очевидно, что политические решения принимаются не одним центром и не с единой точки зрения, а представляют собой несогласованные, а иногда и противоречащие друг другу действия, исходившие одновременно от нескольких ведомств. Отсутствие единства явилось важнейшим симптомом системного кризиса самодержавия, который в дальнейшем лишь набирал силу и в конечном счёте привел к краху дальневосточной политики имперской России.

---

¹⁵⁴ Всеподданнейшая записка А.Н. Куропаткина о военных инструкторах в Китае 7 февраля 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.3. Л.15–16.

¹⁵⁵ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии в XX веке // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445. Л.51.

Глава 5. Корейская политика России и отношения с Японией

5.1. *Историография*

До 1917 г. на тему русско-корейских отношений, если не брать во внимание несколько популярных брошюр, было подготовлено лишь одно исследование, основанное на архивных документах, – это труд П.Н. Симанского, одна из частей которого имела характерный подзаголовок «Борьба России с Японией в Корее»¹. Он впервые подробно описал русско-корейские отношения рубежа веков, представив русскую политику в королевстве как миролюбивую по сравнению с японской. П.Н. Симанский стал первым автором, кто отметил значительное расхождение в планах Петербурга и деятельности российских представителей на полуострове, особенно после 1897 г. В общем, военный историк рассматривал Корею как поприще борьбы исключительно двух стран и сетовал на то, что российское руководство фактически само уступило эту страну Японии.

В советской историографии число работ, посвящённых русско-корейским отношениям и политике Петербурга в королевстве, было невелико. В 1957 г. увидела свет большая статья В.П. Нихамина², основанная на его кандидатской диссертации, защищённой в 1948 г. Несмотря на то, что она освещает лишь небольшой период русской политики в Корее, а именно 1895–1896 гг. (попытка японского переворота, бегство короля в русскую миссию, заключение русско-японских соглашений по Корее), работа, тем не менее, имеет важное значение благодаря обстоятельности автора и обоснованности его позиции. Он подчеркнул сдержанность российской политики в королевстве, заметил разницу в позициях Петербурга и его представителей в Корее. Для России В.П. Нихамин в общем оценивает это время как период упущенных возможностей.

---

¹ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910.

² Нихамин В.П. Дипломатия русского царизма в Корее после японо-китайской войны (1895–1896 гг.). По документам Архива внешней политики России // История международных отношений, история зарубежных стран. М., 1957. С.137–172.

В 1979 г. Б.Д. Пак издал первое и пока единственное в отечественной историографии исследование, посвященное русско-корейским отношениям за всю их историю (до 1917 года). В 2004 г. появилось второе издание этой книги, значительно дополненное³. На основании большого документального материала Б.Д. Пак показал политику Петербурга в отношении королевства как противоречивую, но никогда не агрессивную, не нацеленную на поглощение слабого соседа. Лейтмотивом действий России на Корейском полуострове являлось «сохранение независимости, территориальной неприкосновенности» Кореи (С.418). Причины такого альтруизма крылись, по мнению Б.Д. Пака, в опасениях за целостность собственных рубежей: «Не допустить, чтобы агрессивные государства превратили Корею в плацдарм для враждебных действий против русских дальневосточных владений» (С.418). Конечно, такие опасения имели место, но не только они руководили действиями Петербурга. Тем не менее, как полагает автор, в конце XIX века российские правящие круги «не строили планы присоединения Кореи к России, а стремились лишь к упрочению там русского политического влияния и одновременно готовы были пойти на компромисс с Японией по корейскому вопросу» (С.276). Важной гранью в действиях России стал 1898 г., когда империя «начинает идти на уступки Японии в Корею» (С.416). Годы с 1898 по 1905 Б.Д. Пак выделил как время сильных русско-японских противоречий по Корею и время «попытки экономического наступления на Корейском полуострове» России (С.417). Однако никаких фактических подтверждений такому «наступлению» в 1898 г. или позднее автор не привёл (нельзя же в качестве такового рассматривать концессию Бринера). Всю «экономическую» часть Б.Д. Пак свёл к обсуждению вопроса о приобретении железнодорожных концессий на полуострове, признанного в 1898 (!) г. С.Ю. Витте несвоевременным (С.308). Историк совершенно справедливо расценил позицию министра финансов как желание уступить Японии в Корею после захвата Порт-Артура. Соискателями же концессий в Корею были в основном предприимчивые аферисты, люди с сомнительной репутацией, прежде всего, для того, чтобы выгодно перепродать их. Никакого реального экономического интереса России к Корею в то время не наблюдалось.

В целом книга, основанная на первосортном фактическом материале, написанная знатоком проблемы, строится на отрицании колониальных даже не планов, а мечтаний, амбиций в отношении Кореи. Выводы Б.Д. Пака из весьма неоднозначного и противоречивого курса России в Корею очень просты и сводятся к констатации того, что Петербург никогда не вёл себя агрессивно, стремясь развить с соседкой взаимовыгодные контакты и добрососедские отношения, защищая её по мере возможностей от японцев. Такое «спрямление» русской политики, представление её исключительно как точку зрения Петербурга, отсече-

³ Пак Б.Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М., 2004.

ние всех её поворотов и изгибов, противоречит реальному содержанию книги. Автор неоднократно признаёт желание у правящих кругов России «установления в будущем своего безраздельного (! – И.Л.) политического влияния на Корейском полуострове (С.307 и др.). Это невозможно истолковать иначе, как желание видеть Корею своей колонией или, как минимум, установить режим протектората над ней. Утверждение такой «миролюбивости» России – отражение установок, данных ещё для «позднесоветской» историографии и отчасти сохраняющихся до настоящего времени, когда Российскую империю изображали не как одну из великих держав, также стремившуюся захватывать колонии, а как миролюбивую страну, окружённую враждебными соседями, близкими и дальними.

В 1990-е гг. в России исследование истории Кореи и русско-корейских отношений заметно оживилось. Отчасти это можно связать с исчезновением большинства «запретных тем» и с открытием ряда малодоступных до того архивов, отчасти – с активностью граждан Республики Корея, учившихся в аспирантуре в России. Одной из первых таких работ была кандидатская диссертация Пак Ро Бёга «История корейско-российских отношений (торгово-экономические аспекты). 1884–1903 гг.», защищённая в 1993 г.⁴ Построенное преимущественно на архиве российского Министерства финансов, исследование основное внимание уделяет экономическим связям королевства. Это необычный подход к русско-корейским отношениям, так как объём товарообмена двух стран был весьма невелик: на долю России приходилось не более 1% внешнеторгового оборота Кореи. Кроме того, Петербург не рассматривал соседнее королевство как перспективного торгового партнёра. Разумеется, что весь интерес, проявляемый к корейским концессиям или займу был связан не с экономическими, а с политическими соображениями. В связи с этим концепция автора выглядит противоречивой. Он, в частности, утверждает, что Россия до 1898 г. придерживалась пассивной и выжидательной политики⁵. Одновременно Пак Ро Бёг пишет об активных действиях С.Ю. Витте в королевстве с 1896 г., связывая это с интересами строительства КВЖД и поиском незамерзающего порта⁶.

Истории корейской политики России до войны с Японией посвящено первые три главы (С.20–147) монографии Пак Чон Хё⁷. Несмотря на то, что автор неплохо осведомлён о литературе проблемы на русском, корейском, японском и английском языках, его текст представляет собой по большей части пересказ трёхтомника П.Н. Симанского.

---

⁴ Пак Ро Бёг. История корейско-российских отношений (торгово-экономические аспекты). 1884–1903 гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М., 1993.

⁵ Там же. С.15.

⁶ Там же. С.12, 17.

⁷ Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997.

В выгодную сторону от предыдущей отличается книга другого южнокорейского историка – Чой Доккю⁸. Автор избрал предметом своего исследования действия в Корее двух российских ведомств: финансов и морского. Так как их позиции сильно отличались, то книга объединяет два самостоятельных очерка. Чой Доккю уверен, что Корея являлась одной из целей, а не средством, в политике С.Ю. Витте. Он доказывает это планами железнодорожного строительства в королевстве (С.24–25), историей учреждения Русско-Корейского банка (впервые в историографии) (С.32–41, 48–67) как кредитного института, который сосредоточил бы в своих руках все денежные операции королевства. Однако автор, как мне кажется, не понял мотивов политики Петербурга в Корее, в том числе и С.Ю. Витте. Чой Доккю усмотрел в смене финансовых методов силовыми («так называемое мирное экономическое проникновение в Корею неизбежно повлекло за собой операции по его военному обеспечению» – С.141) универсальный алгоритм всей российской дальневосточной политики. В общем, это справедливо, но как раз не в отношении королевства. Автор исходит из того, что политика С.Ю. Витте в Маньчжурии и Корее развивалась по одному сценарию, и что на полуостров также распространялось «мирное экономическое проникновение» (С.141). Однако это был лишь небольшой эпизод в действиях министра, захвативший вторую половину 1897 – начало 1898 г. и связанный с трудностями приобретения незамерзающей гавани в Китае. Как только Россия получила Порт-Артур и Даляньвань, корейская политика претерпела радикальное изменение. Наоборот, отношение Морского министерства к королевству за десятилетие перед русско-японской войной совершенно не менялось и сводилось к желанию получить на корейском побережье незамерзающий порт. Правда, справедливо другое заключение Чой Доккю – о глубокой противоречивости корейской политики России (С.144).

В 1998 г. увидела свет небольшая (всего 80 страниц) книга профессионального дипломата Ю.Н. Розалиева, посвященная истории русско-корейских отношений⁹. Несмотря на то, что она представляет очерк, написанный для широкого круга читателей, автор весьма хорошо осведомлен в предмете и явно использовал обширные документальные материалы. К сожалению, концепция очерка носит скорее политический характер и призвана не исследовать вопрос, а оправдать российскую политику в королевстве, в том числе и на рубеже XIX–XX веков как лишённую всяких захватнических помыслов.

В 2004 г. издательство «Восточная литература» напечатало книгу Ю.Е. Пискуловой «Русско-корейские отношения в середине XIX – начале XX в.»¹⁰.

⁸ Чой Доккю. Россия в Корее: 1893–1905 гг. (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.

⁹ Розалиев Ю.Н. Из истории русско-корейских отношений. М., 1998.

¹⁰ Пискулова Ю.Е. Русско-корейские отношения в середине XIX – начале XX в. М., 2004.

Из 152 страниц издания авторский текст занимает 96 страниц и он при ближайшем рассмотрении сильно напоминает книгу Ю.Н. Розалиева, начиная с общего подхода и заканчивая фактическим материалом, вплоть до мелочей, иногда не всегда точных (например, о вложении Ю.И. Бринером в лесную концессию 150 тыс. золотых рублей – у него никогда не было таких свободных денег (Розалиев – С.34; Пискулова – С.49) и т.п. Автор скромно умолчала об источнике своих знаний, впрочем, в список литературы книга Ю.Н. Розалиева всё-таки попала.

В 1997–2004 гг. Б.Б. Пак опубликовала масштабное исследование, посвящённое русско-корейским отношениям с 1880-х гг. по 1897 г.¹¹ Это на сегодняшний день наиболее хорошо документированное и подробное исследование русско-корейских отношений конца XIX века. Оно выполнено в основном на архивных материалах, преимущественно АВПРИ и РГИА. Однако в детальности и строгих рамках есть не только положительные моменты. Автор исследует корейскую политику Петербурга как самостоятельное направление, не увязывая её с политикой в регионе. Такой подход гарантирует значительные исследовательские трудности, так как действия России на Корейском полуострове не были самоцелью и практически всегда играли подчинённую роль в отношении других, более существенных проблем (отношения с Китаем или Японией, незамерзающий порт, Маньчжурия и др.). Б.Б. Пак также рассматривает корейскую политику России как курс Министерства иностранных дел, игнорируя тот факт, что со второй половины 1890-х гг. сильное, а нередко и доминирующее влияние на дальневосточные дела оказывал министр финансов С.Ю. Витте, чьи взгляды часто расходились с представлениями внешнеполитического ведомства¹². А были ещё моряки, Военное министерство со своими специфическими интересами. Это предопределило некоторую противоречивость исследования и нерешённость ряда проблем. В частности, автор рассматривает русскую политику 1895–1904 гг. в королевстве как единую¹³. Она, как и Б.Д. Пак, сводит её к одной формуле – сохранение status quo, не замечая многих колебаний такой линии (да и по сути это будет не вполне точно). Однако в отличие от Б.Д. Пака, Б.Б. Пак подмечает разницу во взглядах и действиях российских дипломатов в Корее и их петербургского руководства. Но, к сожалению, она нивелирует её, сводя проблему лишь к степени активности (дипломаты на местах энергичнее противодействовали японцам)¹⁴. Б.Б. Пак также неточно оценивает действия российской дипломатии в

---

¹¹ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга первая. М., 1998; Книга вторая. 1888–1897. М., 2004.

¹² Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897. М., 2004. С.223 и далее.

¹³ Там же. С.222.

¹⁴ Там же. С.226.

1894–1895 гг. как стремление добиться признания Японией независимости Кореи¹⁵. Дело в том, что независимость Кореи составляла цель японской, а не российской политики и рассматривалась в Токио как отрыв Сеула от Пекина и как первый шаг для установления своего господства в королевстве. Неясно также, как сочетать такое стремление и справедливо отмеченное желание российской дипломатии сохранять на Крайнем Востоке status quo. Ведь независимость Кореи объективно означала ослабление Китая, что само по себе было весьма нежелательно для России, не готовой к грядущему, как тогда казалось, разделу Срединной империи. Это также означало неизбежное усиление японского влияния на полуострове, что вынуждало Петербург к ответным действиям (России не хотелось увидеть Японию своей соседкой на континенте). В целом же добротное выполненное исследование Б.Б. Пак, как и монография Б.Д. Пака, оставляет ряд вопросов, связанных как с увязкой линии России относительно Кореи с общим курсом на Дальнем Востоке, так и с многочисленными несостыковками в политике империи.

В англоязычной историографии в изучении российской политики в Корее выделяется книга Дж. Лензена¹⁶. Он рассматривает курс Петербурга как противостоящий Японии и нацеленный на сохранение независимости Кореи. Дж. Лензен – один из немногих историков, кто не преувеличивал агрессивность России на полуострове. Он также подметил разницу между российскими дипломатами в Корее (К.И. Вебер, А.Н. Шпейер) и позицией Министерства иностранных дел. Автор много внимания уделил внутрикорейским событиям и политике короля, полагая, что они серьёзно влияли на действия России в королевстве. Наконец, он связал уход России большей частью с изменением позиции Сеула, чем пересмотром в Петербурге своих целей на Крайнем Востоке.

5.2. Возникновение русско-корейских отношений и позиция России относительно Кореи

Российская политика на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX была полна противоречий, но даже на этом фоне действия Петербурга в Корее выглядят особенно неопределёнными и непоследовательными.

С 1870-х гг. Корея оказалась объектом экспансии сначала Японии, а затем и западных держав, стремившихся к открытию корейских портов для иностранцев. С 1876 г. она заключила ряд неравноправных торговых договоров с Германией, Англией, США. Правда, Сеулу они были нужны едва ли не больше, так как формально Корея находилась в вассальной зависимости от Китая, подписание же подобных соглашений делало её правомочным субъектом между-

¹⁵ Там же. С.224.

¹⁶ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.I–II.

народного права. В 1882 г. российский посланник в Пекине Е.К. Бюцов выступил с инициативой заключения такого же договора о торговле между Сеулом и Петербургом¹⁷. Одновременно со схожей идеей к российским представителям в Японии обращался один из корейских реформаторов Ким Оккюн¹⁸. За появление Петербурга на Корейском полуострове выступал Пекин, видя в России противовес японским агрессивным стремлениям¹⁹. Однако Россия не намеревалась отказываться от сдержанного и выжидательного образа действий, опасаясь обострения отношений как с Китаем, так и с Японией²⁰. В итоге 26 июня (7 июля) 1884 г. между двумя странами было заключено соглашение о дружбе и торговле. Александр III, не слишком искушённый в международной политике, решительно поддержал усиление русской активности и влияния в Корее, противореча курсу МИДа²¹. Конкретных соображений, зачем это надо, царь, кажется, не имел. Напротив, внешнеполитическое ведомство сохраняло осторожность: в инструкциях русским дипломатам предписывалось «избегать всякого объяснения по вопросу о вассальных отношениях Кореи с Китаем»²². То есть, активизация российской политики на полуострове проводилась не в ущерб отношениям с Пекином. Тем не менее, у Петербурга имелось немало причин для того, чтобы увеличить своё влияние в королевстве: договор давал России равные права с другими державами, это казалось важным, так как Корея примыкала к российским дальневосточным владениям, уже одно это обстоятельство заставляло интересоваться происходившими там событиями.

В корейские дела Россию стремился втянуть также и сам Сеул. Его позиция была типичной для ряда стран, находившихся на грани колониальной зависимости, под угрозой полной потери государственного суверенитета (например, Абиссиния, Персия, да и сам Китай). Для сохранения своего положения королю²³ не оставалось иного выхода, как играть на противоречиях

---

¹⁷ Пак Б.Д. Указ. соч. С.117.

¹⁸ Там же. С.140–142.

¹⁹ Письма Е.К. Бюцова Р.Р. Розену, 1882 г. // РГИА. Ф.1038. Оп.1. Д.110.

²⁰ Там же. С.125.

²¹ Пометы Александра III на донесении А.Н. Шпейера Н.К. Гирсу 10 (22) января 1885 г. // АВПРИ. Ф.161. V–Az. Оп.181. 1885 г. Д.45. Л.63–68; Пак Б.Д. Указ. соч. С.150. .

²² Инструкция, данная русским посланником в Пекине С.И. Поповым поверенному в делах в Корее К.И. Веберу 24 марта 1884 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.6. Л.1–4; Пак Б.Д. Указ. соч. С.128–129.

²³ Король Ли Хи Сочан Тхе-ханде, или коджон (род. в 1852 г.) вступил на престол в 1864 г. Его супругой в 1866 г. стала представительница одного из влиятельных и знатных кланов Мин (убитая в 1895 г.). Совершеннолетие монарха настало в 1872 г. Настоящим правителем он стал в 1895 г., когда Корея получила независимость от Китая (один из результатов японо-китайской войны 1894–1895 гг.). Пережив несколько попыток свержения с трона, он правил до 1907 г., когда ему всё-таки пришлось передать ко-

потенциальных захватчиков. Корея служила объектом давних вожделений Японии, поэтому она искала себе защиту у западных держав, а особенно – у России, которая никогда не демонстрировала агрессивных намерений в отношении Сеула. Центральная власть в королевстве была слабой. Влиятельная прояпонская оппозиция во главе с Ким Оккюном, нацеленная на проведение реформ, 4 декабря 1884 г. предприняла неудачную попытку государственного переворота. Консерваторы же, ядро которых составлял клан родственников королевы Мин, придерживались прорусской ориентации. Неудивительно, что подавив выступление оппозиции, король с конца 1884 г. неоднократно обращался в Петербург, прося принять Корею под российский протекторат и обещая предоставить за это незамерзающий порт, в котором так нуждалась тихоокеанская эскадра²⁴. Российские дипломаты в Сеуле А.Н. Шпейер²⁵, а с 6 октября 1885 г. – К.И. Вебер, давали уклончивые ответы, на словах не отказывая монарху в поддержке. Несмотря на то, что идея протектората нравилась Александру III²⁶, Петербург не решался на его установление, опасаясь протестов других держав, а особенно – Китая. Да и военной силы на Дальнем Востоке у России имелось слишком мало, чтобы осуществить подобную меру²⁷. Тем не менее, Н.К. Гирс поручил К.И. Веберу заявить в Сеуле, что Россия окажет содействие Корее в противостоянии японскому давлению и хотела бы увеличить своё влияние в королевстве. «На первых порах» Россия была готова стоять «по крайней мере, на равной с другими державами ноге» в королевстве. Но конечная цель, по мнению Петербурга, состояла «в упрочении в стране этой нашего преобладающего влияния». Российское руководство интересовало прежде всего то, что Корея обладала «портами, имеющими преимущество перед Владивостоком», а также то, что королевство являлось важным поставщиком продовольствия в Южно-Уссурийский край²⁸. В Петербурге подумывали о том, что хорошо бы было направить в Корею военных инструкторов для создания армии,

---

рону сыну. Скончался экс-монарх 22 января 1919 г. в своём дворце в Сеуле (Феодосий, архимандрит. Русская духовная миссия в Корее. Харбин, 1926. С.33, прим.).

²⁴ Пак Б.Д. Указ. соч. С.145–147. До середины 1890-х гг. русская тихоокеанская эскадра укрывалась на зиму в японских портах.

²⁵ А.Н. Шпейер служил секретарём российской миссии в Токио, 16 (28) декабря 1884 г. он прибыл с неофициальной миссией в Сеул (Пак Б.Д. Указ. соч. С.147).

²⁶ Там же. С.150.

²⁷ Записка М. Жданова о политике России в Корее в 1884–1895 гг. 20 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.117–118; Черевко К.Е. Россия и государства Дальнего Востока в 80–90-х годах XIX в. // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С.170.

²⁸ Инструкция Н.К. Гирса К.И. Веберу 25 апреля (7 мая) 1885 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.49. Л.5–30.

исполнив просьбы коджона, а также приобрести порт Лазарев. Выражаясь современным языком, тогдашнее петербургское руководство рассматривало королевство как сферу преимущественного влияния России, не имея выраженных захватнических намерений.

Активность России в Корее встревожила Китай, поэтому МИД решил успокоить Пекин и пошёл на компромисс: в 1886 г. в Тяньцзине чилийский вице-король Ли Хунчжан и поверенный в делах в Пекине Н.Ф. Лодыженский устно договорились (письменное соглашение было невозможно для китайца, он объяснял это тем, что в Пекине не одобряют подобного документа) о том, что и Россия, и Китай воздержатся от каких-либо посягательств на Корею и станут охранять её прежний статус²⁹. Петербург также отказался от приобретения порта Лазарева³⁰, поэтому Особое совещание 12 декабря 1886 г. остановилось на Владивостоке как главной гавани России на Тихом океане.

Тяньцзинская договоренность определила на несколько лет политику России в Корее. Добившись усиления своего влияния, Петербург предпочитал далее выступать за сохранение на полуострове status quo: в экономическом смысле королевство не представляло интереса, так как не могло являться рынком сбыта российских товаров³¹, а для разработки минеральных богатств требовались значительные вложения. Участники Особого совещания 26 апреля 1888 г. генерал-адъютант барон А.Н. Корф и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел И.А. Зиновьев ошибочно заключили, что после японо-китайской договорённости в 1885 г. в Тяньцзине японское правительство «не только отказалось от всяких личных замыслов на Корею, но одно время показывало даже полное равно-

---

²⁹ Записка о положении дел в Корее. [Сентябрь 1886 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Л.115. Л.32–34; Записка М. Жданова о политике России в Корее в 1884–1895 гг. 20 февраля 1896 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.117–119. Впрочем, Китай не сдержал устное обещание Ли Хунчжана. Позднее российский посланник в Пекине А.П. Кассини жаловался, что Н.Ф. Лодыженского просто провели (А.П. Кассини – Д.А. Капнисту 8 ноября 1891 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.115. Л.69–72). Действительно, Пекин не признал договорённости, заключённой устно, так как хотел бы включить в неё признание вассалитета Кореи, что фактически дезавуировало всё соглашение (мы делаем, пользуясь вассальной зависимостью, что хотим, а Россия обязана не вмешиваться и не вводить войска). Не удивительно, что позднее Ли Хунчжан отказался письменно подтвердить факт устного соглашения (Пак Б.Б. Новые материалы об устном соглашении Лодыженского – Ли Хунчжана 1886 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. №5. С.120–121). Со своей стороны Ли Хунчжан неоднократно жаловался на К.И. Вебера и его деятельность в Корее, подозревая его в нарушении договорённости (А.М. Кумани – С.И. Попову 1888, 1890 гг. // ОР РГБ. Ф.218. К.763. №11. Л.7 и далее).

³⁰ Пак Б.Д. Указ. соч. С.169–170.

³¹ Там же. С.134–135.

душие к будущей судьбе страны этой»³². Поэтому они решили, что России не следует вмешиваться в корейско–китайские отношения, ограничиваясь поддержкой её территориальной целостности. По их мнению, «приобретение Кореи не только не обещало бы нам никаких выгод, но и не преминуло бы повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия»³³. Они допускали даже временное появление на корейской земле китайских войск для подавления беспорядков, лишь бы затем они были выведены оттуда³⁴. Однако констатируя отсутствие прямого интереса России к Корее, Особое совещание совершенно проигнорировало мнение Морского министерства (там присматривались к бухтам южного побережья Корейского полуострова и желали выдворить англичан из порта Гамильтон)³⁵. В Сеуле К.И. Вебер, действуя рука об руку с американским советником короля Генни, добивался ослабления китайского влияния, чем заработал большой авторитет и значительное влияние на короля³⁶. Уже тогда коджон подчёркивал свою особую расположенность к России и русским.

Несмотря на оживлённые политические контакты, экономические связи между Россией и Кореей развивались значительно медленнее, подчиняясь своей логике. 8 (20) августа 1888 г. было подписано специальное соглашение о сухопутной торговле между двумя странами. Правда, оно совершенно не заинтересовало русских купцов³⁷. Это не удивительно, так как в России считалось, что Корея минимум на сто лет отставала от Японии, а местное ремесло и торговля находились на средневековом, цеховом уровне развития³⁸. Данные по торговому обороту России с Кореей, несмотря на то,

³² Журнал Особого совещания 26 апреля 1888 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.56.

³³ Там же. С.55. Подробнее об этих решениях см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.192–194; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.11–13. Эта политика продолжалась и в начале 1890-х гг. (С.35).

³⁴ Журнал Особого совещания 26 апреля 1888 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.54–61. Аналогичные соображения высказал в своей записке о Корее пограничный комиссар Н.Г. Матюнин «Несколько слов о корейском вопросе» 16 мая 1891 г. (Архив СПб ИИ РАН. Ф.195. Оп.1. Д.81. Л.81–94). Показательно, что в таком решении сошлись как петербургские, так и местные чиновники, что в начале и середине 1880-х гг. наблюдалось нечасто.

³⁵ И.А. Шестаков – Н.К. Гирсу 9 января 1887 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.115. Л.66. Англия захватила порт Гамильтон в начале 1885 г. под предлогом противодействия «агрессивным» действиям России против Кореи. Не получив подтверждения своим подозрениям, Лондон был вынужден оставить бухту в феврале 1887 г.

³⁶ Выписка из рапорта начальника Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Ю.П. Шмидта 16 апреля 1888 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.382. Л.3–8.

³⁷ Пак Б.Д. Указ. соч. С.185–186.

³⁸ Торговое и экономическое положение Кореи // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVII. СПб., 1888. С.1–35.

что носят в высшей степени противоречивый характер, всё-таки говорят о его крайне незначительном объёме и одновременно констатируют быстрый рост. В 1893 г. оборот составил 46 331 мексиканский доллар³⁹, в 1894 г. – 218 572, в 1897 г. – 247 075 долларов, но это не превышало 1–2,5% всей внешней торговли королевства⁴⁰. Правда, это официальные данные, есть основания полагать, что реальный товарообмен был значительно больше⁴¹. Дело в том, что вся официальная статистика базировалась на данных таможен в открытых портах, между тем значительная часть торговли с Россией шла в приграничной полосе, поэтому, возможно, что её действительный размер превышал таможенную статистику в разы⁴². Тем не менее, Россия сильно уступала некоторым европейским странам, США и Японии, а МИД даже в конце 1897 г. полагал, что интерес к Корее носит исключительно политический характер, констатируя: «торговых интересов у нас в этой стране нет и, вероятно, ещё долго не будет»⁴³.

В Петербурге, придерживаясь политики сохранения на Дальнем Востоке status quo, понимали её двойственность: имея значительное влияние и успеш-

³⁹ 1 мексиканский доллар примерно равен 0,65–0,67 руб.

⁴⁰ Другие данные о торговле России с Кореей за 1890–1902 гг. гт. см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.185–189, 323. Причины разнобоя в оценках связаны с общей ненадёжностью корейской статистики. Несмотря на то, что оборот между двумя странами вырос с 1886 по 1897 гг. в 17 раз, доля России в общем товарообороте даже уменьшилась. По сведениям, которые приводит В.И. Шипаев, в 1895–1905 гг. свыше 90% корейского импорта приходилось на Японию (2/3) и Китай (1/3) (Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1917). М., 1964. С.13). Согласно таблицы, приведённой Б.Д. Паком о морской торговле Кореи в 1886–1897 гг., доля России в ней лишь во второй половине 1890-х гг. превысила 1%, а резкие колебания объёма торговых операций и неустойчивость соотношения экспорта и импорта говорят о её случайном характере (Пак Б.Д. Указ. соч. С.188–189, 323).

⁴¹ Б.Б. Пак приводит данные одной Кёнхошской таможни, согласно которым оборот сухопутной русско-корейской торговли вырос за 1890–1895 гг. с 127 230 до 244 255 руб. (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.21).

⁴² Н.Г. Магюнин, человек весьма осведомлённый в этих вопросах, оценил русский ввоз только на побережье провинции Хамчён за год в 1,2 млн. руб. (Пак Б.Д. Указ. соч. С.190).

⁴³ Записка по поводу увольнения г. Броуна от должности начальника корейских таможен 2 ноября 1897 г. (черновик) // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.81 об. Этому противоречит инструкция, данная А.Н. Шпейеру в сентябре 1895 г., в которой дипломату предписывалось обратить внимание на развитие русско-корейской сухопутной торговли и вообще на экономические вопросы, интересующие Министерство финансов (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.129–130). Однако реально в этом отношении делалось немного. Возможно, что инструкция давалась, прежде всего, для того, чтобы внимательно наблюдать за успехами других стран на торговом поприще.

но укрепляя его, Россия им не пользовалась⁴⁴. В столице тогда отсутствовало чёткое понимание, к чему следует стремиться на Дальнем Востоке в целом и в Корее, в частности. «Период Витте» ещё не наступил, единства мнений среди министров не было. Конечно, подобное положение не могло продолжаться долго. Многие догадывались, что корейский вопрос – это источник потенциального обострения отношений на Дальнем Востоке. Вскоре это подтвердилось.

5.3. Русская политика в Корее и японо-китайская война 1894–1895 гг.

Вспыхнувшее в Корее в 1893 г. народное восстание тонгхаков, ввод туда китайских и японских войск дестабилизировали обстановку в королевстве⁴⁵. 23 июля 1894 г. японцы захватили Сеул, арестовали короля, посадили на престол его отца тэвонгуна (своего ставленника, отца кодждона), начали проводить реформы и объявили Корею свободной от всякого китайского сюзеренитета⁴⁶. Затем Япония ещё и развязала успешную для себя войну с Китаем. Японо-китайская война 1894–1895 гг. оказала значительное влияние на дальневосточную политику большинства держав.

⁴⁴ Б.Б. Пак полагает, что Россия в 1890-е гг. стремилась содействовать упрочению «независимости» Кореи (Пак Б.Б. *Российская дипломатия и Корея...* С.36). Это не вполне точно, так как независимость королевства держалась на согласии и балансе интересов трёх-четырёх держав, и целью Петербурга было поддерживать это хрупкое равновесие (не забывая об упрочении собственных позиций), что точнее назвать политикой сохранения status quo. Кстати, в заключении к своей книге Б.Б. Пак также предпочла использовать подобную терминологию (С.222).

⁴⁵ Согласно корейскому поверью, королевскую династию через 500 лет следовало сменить. Якобы этот срок наступал в сентябре 1894 г. К.И. Вебер воспользовался легендой и обвинил Ли Хунчжана в том, что тот необоснованно направил на полуостров китайские войска (Вогак К.И. *Извлечения из донесений // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LX. СПб., 1895. С.35–36.*

⁴⁶ Тэвонгун (отец кодждона) никогда не был монархом: прямая линия династии прервалась в 1864 г., после чего трон наследовался по завещанию. Королева Чо, вдова короля Чуль-Чонга, избрала наследником не тэвонгуна, а его сына. После того, как в 1864 г. коджон женился, его супруга королева Мин окончательно отстранила тэвонгуна от государственных дел, за что он ненавидел её (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.49–51.*) В российской историографии к тэвонгуну доминирует, мягко говоря, прохладное отношение за его тесный контакт с японцами. Между тем, у такого известного специалиста по корейским вопросам как Дж. Лензен, тэвонгун вызывал симпатию: он всеми силами защищал Корею от иностранного завоевания и не был чужд реформам (Lensen G.A. *Op. cit. Vol.I. P.18.*)

Слишком прямолинейные и агрессивные действия Японии благоприятствовали России: стремление Токио утвердиться в Корее было очевидным и вызывающим, к тому же не сопровождалось необходимой дипломатической подготовкой. Поэтому Петербург имел широкие возможности как защищать желанный ему status quo, так и увеличивать влияние на дела Дальнего Востока, видя своим главным противником Англию⁴⁷. Никаких захватнических планов у самодержавия тогда не было. Россия представляла свою роль как судьи в схватке между Китаем и Японией, заставляющего выслушивать свой могущественный голос при решении судеб всего региона⁴⁸. Однако получив уникальные возможности, Россия воспользовалась ими далеко не лучшим образом.

Вместе с претензиями на первенствующее значение российское руководство демонстрировало нерешительность. В то время как и король, и население возлагали «единственную надежду на заступничество России» перед японской агрессией⁴⁹, Петербург более всего беспокоило лишь то, что «Корея, будучи сама по себе ничтожна, могла бы, благодаря своей слабости, обратиться в орудие враждебных для нас целей» Англии и Японии⁵⁰. Правда, во Владивостоке наблюдались «горячечные стремления» отдельных местных деятелей к немедленному походу в Корею. Но и они по здравому размышлению приходили к выводу, что России вряд ли выгодно вмешиваться в эту войну⁵¹.

Петербург же ещё смотрел на Японию как на «естественного союзника» России против Китая, «с которым мы имеем множество противоположных интересов». Правда, нельзя было допустить, чтобы Япония «совершенно» завладела Кореей, следовало заставить её уйти оттуда. Россия по-прежнему не претендовала на королевство⁵². Только моряки продолжали мечтать о не-

---

⁴⁷ Всеподданнейшая записка Н.К. Гирса 9 июня 1894 г. // Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С.15–16.

⁴⁸ Выписка из письма А.П. Кассини 30 декабря 1894 г. // Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М., 1991. С.156–157. Николай II пометил на письме: «Совершенно верно».

⁴⁹ А.П. Кассини – Н.К. Гирсу 11 июля 1894 г. // Красный архив. 1932. №1–2 (50–51). С.46; Симанский П.Н. Указ. соч. С.28.

⁵⁰ Журнал Особого совещания 9 августа 1894 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.64.

⁵¹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Никонову 17 декабря 1894 г. // ОР РНБ. Ф.521. Оп.1. №90. Н.Г. Матюнин выступал за независимость Кореи, полагая, что её присоединение к России невыгодно, так как вызовет осложнения и сделает неизбежным захват Маньчжурии (Матюнин Н.Г. Об отношениях Кореи к иностранным государствам // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVIII. СПб., 1894. С.1–32).

⁵² Изложение отношения Морского министерства к японо-китайской войне 26 июля 1894 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.9–11; 12–13.

замерзающем порте на корейском побережье, для чего были готовы занять, пусть и не сразу, часть Кореи с выходом к морю⁵³. Но их желание не находило практического отражения в политике России.

Однако в начале 1895 г., когда разгром Китая стал очевиден, перед Петербургом встал вопрос: выступать ли за независимость Кореи или воспользоваться ситуацией и потребовать себе территориального вознаграждения (скорее всего, в Китае). Эта дилемма обсуждалась в Особых совещаниях 20 января (1 февраля) и 30 марта (11 апреля) 1895 г. Участники дискуссии сходились в одном: Россия заинтересована не ухудшать отношений ни с конфликтующими сторонами, ни с великими державами. В качестве крайней ответной меры на агрессию Японии на первой совещании допускалось занятие острова Кожедо (Каргодо), либо даже части Маньчжурии. Пока же решили искать согласия с Англией и на всякий случай усилить тихоокеанскую эскадру, чтобы она по возможности была не слабее японской⁵⁴. Россия соглашалась закрыть глаза на возможные территориальные приобретения Японии в Китае, но только не на Корейском полуострове⁵⁵. Столь трепетное отношение к судьбе королевства проистекало, по-видимому, из-за опа-

---

⁵³ Н.М. Чихачёв – Н.П. Шишкину 27 января 1895 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.18. В апреле 1895 г. тихоокеанская эскадра покинула Кобе и Иокогаму и перешла в Чифу (Китай). После Симоносекского мира она сосредоточилась во Владивостоке. Командование решило искать более удобный порт, после поездки Е.И. Алексеева летом 1895 г. обратив основное внимание на Киао-Чао (Русско-японская война 1904–1905 гг. Ч.1. Русские морские силы на Дальнем Востоке с 1894 по 1901. Пг., 1918. С.66–75). Е.И. Алексеев приметил также места для желательных баз в корейских портах Мазанпо и Кожедо (Каргодо). Но у них были недостатки: Кожедо находился слишком близко к Японии, а Мазанпо следовало укрепить и соединить его железной дорогой с основной трассой Сибирской магистрали (Там же. С.81–84). Морской министр Н.М. Чихачёв рассматривал как альтернативу другой корейский порт – Шестаков (Там же. С.121). К началу 1896 г. Е.И. Алексеев склонился к варианту Кожедо, но для этого России следовало упрочить своё влияние в Корее. По мнению адмирала, русским должна была «принадлежать организация её вооружённых сил, постройка железных дорог, телеграфов и широкое право пользования портами и южным архипелагом» (Там же. С.142). В общем, это не противоречило политике С.Ю. Витте, правда, вряд ли допускало одновременно дружественные отношения с Японией. Сменивший Е.И. Алексеева Ф.В. Дубасов осенью 1896 г. объехал корейское побережье, остановив свой выбор на Мазанпо. Он был ещё более категоричен, чем предшественник: «война России с Японией является неизбежной, представляется в то же время и желательной как наилучший выход и самое целесообразное разрешение всех затруднений» (Там же. С.197). Правда, это была точка зрения исключительно моряков, не поддержанная ни в МИД, ни в Министерстве финансов (Чой Доккю. Указ. соч. С.89–91).

⁵⁴ Журнал Особого совещания 20 января 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.67–74.

⁵⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.138–139.

сений за собственные рубежи, а также за свободу плавания по Корейскому проливу⁵⁶. Раздел Кореи мог бы привести к появлению рядом с Приморской областью британского форпоста, например, в виде порта Гамильтон. Такая возможность рассматривалась в Петербурге как крайне нежелательная. Поэтому в России сложилась парадоксальная точка зрения относительно Кореи, которую лаконично выразил Н.М. Чихачёв: «Россия – единственная держава, которая может быть вынуждена теми или иными обстоятельствами занять часть Кореи». «Навсегда отказываться от возможности улучшить нашу границу и открыть себе доступ к незамерзающему морю» морской министр считал «шагом крайне нежелательным и весьма неосторожным»⁵⁷.

Ко времени Особого совещания 30 марта (11 апреля) 1895 г., когда стали известны требования Японии к Китаю⁵⁸, назначенный незадолго до этого министром иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский наконец сформулировал цели России на Дальнем Востоке: «приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и присоединение к нам некоторой части Маньчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги», то есть, решение всех вопросов за счёт Китая⁵⁹. Николай II понял предложения А.Б. Лобанова-Ростовского по-своему, заключив, что свободный ото льда порт нужен России именно «на материке (юго-восток Кореи)» и он должен быть «обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли»⁶⁰. Получалось, что если Россия, выполняя самодержавную волю, добивается желаемого (порт и полоса земли к нему) за счёт Кореи, тогда о Японии как возможном союзнике следовало забыть. Позднее, в мае 1895 г. выяснилось, что в Токио соглашались на раздел Кореи между Россией и Японией, но Петербург мог претендовать на порт лишь в северной части полуострова, а не на его юго-востоке⁶¹.

⁵⁶ Изложение отношения Морского министерства к японо-китайской войне 26 июля 1894 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.9–11; 12–13; Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С.40–43.

⁵⁷ Н.М. Чихачёв – Н.П. Шишкину 27 января 1895 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.1.

⁵⁸ Их сообщил японский посланник в Петербурге Т. Ниши 9 (21) февраля 1895 г. (Игнатъев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1997. С.135).

⁵⁹ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел 25 марта 1895 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.75.

⁶⁰ Красный архив. 1932. №3 (52). С.76. См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.67–71. Требование обязательной связи с портом по земле произошло из опасения, что в случае военного конфликта с Англией британский флот сумел бы легко прервать все морские коммуникации России.

⁶¹ Пак Б.Д. Указ. соч. С.219.

Такой курс получил поддержку со стороны С.Ю. Витте, претендовавшего на роль главного руководителя политики России на Дальнем Востоке. На Особом совещании 30 марта (11 апреля) 1895 г. министр финансов решительно объявил Японию главным противником России на Дальнем Востоке и потребовал любой ценой не допустить её на континент, не останавливаясь даже перед тем, чтобы «начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты»⁶².

5 (17) апреля 1895 г. в японском городе Симоносеки⁶³ было подписано мирное соглашение Китая и Японии, положившее конец войне 1894–1895 гг. Потерпевший поражение Китай уступал своей северной соседке остров Формозу (Тайвань), острова Пенхуледао, Ляодунский полуостров, признавал полную независимость Кореи и обязался уплатить контрибуцию в 200 млн. лан⁶⁴. Петербург сразу и категорически возразил против передачи Японии Ляодуна⁶⁵. Решимость России нашла поддержку в Париже и Берлине. Лондон, хотя и не присоединился, но протестовать в одиночку не рискнул. В результате совместного демарша России, Франции и Германии в Токио 11 (23) апреля 1895 г. Япония 23 апреля (5 мая) отказалась от претензий на Ляодунский полуостров⁶⁶. Россия к тому же содействовала заключению Китаем займа для выплаты Японии контрибуции⁶⁷. Это были первые шаги нового дальневосточного курса Петербурга, политики С.Ю. Витте.

Казалось бы, что сближение с Китаем и противостояние Японии развязывает России руки в Корее. Однако это обстоятельство не изменило корей-

⁶² Красный архив. 1932. №3 (52). С.81.

⁶³ Правильнее было бы писать – Шимоносеки.

⁶⁴ Японо-китайский мирный договор 5 (17) апреля 1895 г. // Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.94–98; История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.314–318; Табохаси Киёси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956; Lensen G.A. Op. cit. Vol.I. и др.

⁶⁵ Была ещё одна точка зрения, принадлежавшая посланнику в Токио М.А. Хитрову. Он полагал, что Япония, прорвавшись на континент, станет только уязвимее, чем была, и предлагал ответить Токио захватом Северной Маньчжурии, приобретением незамерзающего порта в Корее и строительством через всё королевство железной дороги для соединения гавани рельсовым путём с Сибирской магистралью (Симанский П.Н. Указ. соч. С.41). Несмотря на внешнюю привлекательность, такой план был весьма опасным, так как предлагал решать проблемы в основном за счёт Китая и одновременно вступить в конфронтацию с Японией в связи с Кореей. И всё это в то время, когда Сибирская железная дорога была ещё далека до завершения.

⁶⁶ Подробнее см.: Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М., 1960. С.275–289.

⁶⁷ Подробнее об организации займа см.: Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985. С.65–83.

скую политику империи и отношение к ней С.Ю. Витте. Летом 1895 г. он «дозрел» только до того, чтобы держать в Корее «в качестве своего глаза» агента министерства⁶⁸. Реально его беспокоило лишь возможное экономическое господство Японии в Корее, что в глазах министра угрожало коммерческой роли Сибирской железной дороги⁶⁹. По поручению С.Ю. Витте его товарищ П.М. Романов подготовил специальную записку о мерах для утверждения русского влияния на полуострове. Он писал о необходимости развивать торговлю Приморья с королевством, добиться того, чтобы русским открыли доступ на государственную службу в Корее, в том числе, на таможенную и в армию в качестве инструкторов⁷⁰. Впрочем, большинство мер осталось тогда на бумаге. Нельзя сказать, что С.Ю. Витте вообще не интересовался корейскими делами. Министр финансов с тревогой относился к деятельности японцев в Корее, опасаясь за безопасность русской границы⁷¹. Впрочем, японцы не давали серьёзных поводов для волнений, вели себя «очень спокойно, добиваясь лишь, и то без особой настойчивости, концессии на постройку [железнодорожной] линии из Сеула в Фузан», да постепенно увеличивая численность своей охранной стражи в Корее⁷².

Россия в 1895–1896 гг. могла достичь в Корее намного больше того, что она имела, но сознательно не шла на это, отвергая многочисленные просьбы Сеула о помощи. Уже после окончания японо-китайской войны министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, инструктируя 1 сентября 1895 г. посланника в Корее А.Н. Шпейера, лишь констатировал сохраняющееся неопределённое положение королевства, так и не сформулировав интересы России там⁷³. Петербург гасил любые проявления русской активности в Корее: так, просьба короля назначить советником правительства чиновника Министерства финансов Н.А. Распопова, поступившая летом 1895 г., не была удовлетворена. Не получали отклика и другие желания: открыть кадетский корпус, прислать в

⁶⁸ Д.Д. Покотилов – П.А. Дмитревскому 26 июля 1895 г. // Архив востоковедов СПб филиала Института востоковедения РАН. Ф.14. Оп.2. №178. До этого обязанности агента Министерства финансов в Корее непродолжительное время исполнял Н.Г. Матюнин.

⁶⁹ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.130–131.

⁷⁰ Там же. С.132–133. Б.Б. Пак считает, что С.Ю. Витте приступил к реализации мер, намеченных в записке, лишь в 1897 г. Я полагаю, что действия министра финансов в Корее в то время, когда Пекин уже категорически отказал России в приобретении незамерзающего порта и строительстве железной дороги к нему (рекомендуя, кстати, искать порт на Корейском полуострове), принципиально отличались от его же планов 1895–1896 гг.

⁷¹ С.Ю. Витте – А.Б. Лобанову-Ростовскому, май 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.3–4

⁷² Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 4 сентября 1896 г. // Там же. Л.49, 51.

⁷³ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.6. Л.57–67.

Корею учителей и инженеров⁷⁴. Вообще попытки антияпонской партии установить контакт с российским руководством наталкивались на ответное молчание⁷⁵. При этом в Петербурге не исключали, что «полное очищение страны японцами явится рано или поздно предметом наших требований»⁷⁶. Стойкий интерес к Корее сохраняло лишь Морское министерство, которое по-прежнему было склонно искать для нужд флота незамерзающую гавань в северной части королевства, правда, где именно, моряки ещё не решили⁷⁷. Военные вообще смотрели на королевство, исходя исключительно из своих интересов, которые часто не совпадали с общим внешнеполитическим курсом России. Подполковник Генерального штаба В.А. Альфтан, совершивший поездку по Корее в декабре 1895 – январе 1896 гг., разделял идею протектората над королевством. Он полагал, что Китай отнесётся дружески к такому шагу, против будет только Япония. Если же бояться войны с ней, то в крайнем случае можно разделить полуостров пополам⁷⁸.

⁷⁴ Пак Б.Д. Указ. соч. С.220–221. В конце концов, Петербург уступил: в Сеул сообщили, что Н.А. Распопову разрешено занять должность советника, но только на один год.

⁷⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.140; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.121–125.

⁷⁶ Цит. по: Нихамин В.П. Указ. соч. С.141; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.128.

⁷⁷ Н.М. Чихачёв – Е.И. Алексееву 8 января 1896 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.45. Л.1–6. Е.И. Алексеев в 1896 г. выбрал территорию в Фузанае для пристани и угольной станции (19 тыс. кв. сажений), но там уже располагался иностранный settlement, адмиралу понравился участок в его центре, что вызвало протесты других собственников (Русско-японская война 1904–1905 гг. С.289–290). Позднее Сеул аннулировал разрешение на продажу участка (С.352).

⁷⁸ [Альфтан В.А.] Поездка в Корею Генерального штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXIX. СПб., 1896. С.76–80. В.А. Альфтан исходил из того, что Сибирская железная дорога должна оканчиваться незамерзающим портом и самое оптимальное место для него – корейское побережье (Фузан или Мокпо).

Кроме В.А. Альфтана, прошедшего по Корее около 700 вёрст в ноябре 1895 – марте 1896 гг., в это же время королевство изучали ещё две русские экспедиции: в ноябре 1895 – мае 1896 гг. полковник Генерального штаба В.П. Карнеев прошёл по Корее 1891 версту, дойдя до портов Мокпо и Масанпо, а также посетив Фузан и Сеул (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.1–171); в октябре 1895 – апреле 1896 гг. капитан М.А. Соковнин побывал в Сеуле и Чемульпо, проделав 122 вёрст; и, наконец, в августе–декабре 1896 г. капитан А.Г. Лубенцов добрался до Гензана и Кёнхына, одолев 1934 версты (Список всем офицерам, бывшим на рекогносцировках, с указанием результатов работ (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.19 об. – 22). Обращает на себя внимание то, что все путешествия русских офицеров по территории королевства

Выжидательная политика Петербурга контрастировала с мнением российских дипломатов на Дальнем Востоке, скептически относившихся к инструкциям из министерских канцелярий и имевших, как правило, своё представление о надлежащем образе действий России. В частности, это касалось уполномоченного в делах России в Сеуле К.И. Вебера, сменившего А.Н. Шпейера, а также некоторых местных чиновников, например, приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова⁷⁹. К.И. Вебер настаивал на более решительной поддержке короля и противодействии Японии так, что Петербургу приходилось осаждать его. По-видимому, за излишнюю активность 5 (17) июля 1895 г. Николай II распорядился заменить его на А.Н. Шпейера, несмотря на возражения корейского короля⁸⁰. Такие разногласия не могли остаться, хотя бы частично, незамеченными корейским руководством, которое подмечало непоследовательность политики России. Тем не менее, окружение королевы Мин летом 1895 г. настояло на смене прояпонски настроенных министров, назначив на их места своих ставленников – сторонников ориентации на Россию⁸¹. То есть, правящая группировка во главе с королём в той непростой для Кореи ситуации однозначно сделала ставку на Петербург.

5.4. Переворот 1895 г. в Сеуле: провал Японии, удача России

Дальнейшему усилению российских позиций в Корее в основном способствовали сами японцы. Потерпев обидную неудачу в территориальных притязаниях на Ляодунский полуостров, Страна восходящего солнца предприняла грубую попытку государственного переворота в Корее. 8 октября 1895 г. японские агенты проникли в королевский дворец и зверски убили королеву Мин⁸². Король оказался в их руках и находился на грани потери всякой власти. Благо-

---

оканчивались в портах, которые могли стать базой для русского флота, а маршрут, возможно, являлся трассой будущей железной дороги к гавани.

⁷⁹ Нихамин В.П. Указ. соч. С.156.

⁸⁰ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.125–127. Б.Б. Пак полагает, что российский дипломат заболител преимущественно о сохранении Кореи независимости. Но всё-таки на первом месте для него стояло усиление влияния России для вероятного присоединения королевства в будущем. А.Н. Шпейер прибыл в Сеул только 27 декабря 1895 г. (8 января 1896 г.), но и после этого К.И. Вебер получил указание оставаться в Корее (С.166).

⁸¹ Там же. С.121. Корейское руководство состояло из трёх министров (или первых советников короля), семь министерских департаментов и восемь губернаторов провинций. Существовал также Государственный совет, не имевший строго очерченных полномочий. Король не возглавлял его, являлся лишь членом (Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. Нижний Новгород, 1896. С.4).

⁸² Подробнее об этом см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.224–225; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.135–141.

даря энергичным действиям К.И. Вебера и его американского коллеги, секретаря миссии Х. Аллена, им удалось несколько приструнить японцев. В частности, они заставили японского посланника признать своё участие в событиях 8 октября. Однако король продолжал оставаться под «охраной» подданных микадо. Перепуганный монарх видел возможную защиту против японцев только в лице России, поэтому был готов немедленно передать своё королевство под протекторат Петербурга⁸³. «Сознавая безусловную для себя необходимость руководствоваться во всех важных государственных делах советами и указаниями одной России, Е[го] в[еличество] желал бы, чтобы импер[аторское] пр[авительство] воверило роль руководителя и наставника корейских министров какому-либо доверенному лицу, которое <...> присутствовало бы при всех его заседаниях и направляло бы деятельность корейских сановников»⁸⁴. Король прямо выразил желание очистить Корею от японцев с помощью России и вступить на путь «прогресса» (то есть, провести ряд реформ с целью модернизации королевства), а пока намеревался бежать из своего дворца от японской «охраны»⁸⁵.

В обстановке после скандального переворота японцы чувствовали себя неуверенно и искали возможностей узаконить сложившуюся ситуацию. 10 февраля 1896 г. премьер Х. Ито имел двухчасовую встречу с М.А. Хитрово. Разговор вращался в основном вокруг событий, происшедших в Корее. Х. Ито убеждал собеседника, что тэвонгун будет ничуть не хуже, чем коджон, так как Корея всё-равно не способна управляться самостоятельно. Японский премьер хотел добиться от России согласия на то, чтобы оставить в Корее всё как есть. На возражения М.А. Хитрово, что необходимо немедленно устранить «совершенно ненормальное положение, в котором находится управление Кореею после переворота 8 октября с правительством, водворившимся силою, и с королём в руках бывших заговорщиков», Х. Ито только и мог ответить, что перемены в составе корейской власти, по его мнению, были невозможны «без тщательного и подробного обсуждения всех обстоятельств» (то есть, затягивать дело)⁸⁶. Но такого «обсуждения» почему-то не потребовал переворот 8 октября. Вообще позиция Токио не выглядела убедительной. Настаивая на неспособности корейского руководства управлять королевством, Япония одновременно вела дело к его независимости. Как не без ехидства заметил

⁸³ Нихамин В.П. Указ. соч. С.144–149.

⁸⁴ К.И. Вебер – А.Б. Лобанову-Ростовскому 7 февраля 1895 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.365. Л.28 об. – 29; Нихамин В.П. Указ. соч. С.156.

⁸⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.151–154.

⁸⁶ Разговор с маркизом Ито 29 января (10 февраля) 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №252. Л.1 об. – 3 об.; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.603–604. Дж. Лензен датирует встречу 11 февраля 1896 г.

российский дипломат: «С начала войны японское прав[ительст]во заявляло, что стремится лишь упрочить независимость Кореи, и как только эта цель будет достигнута, Япония удалится, так как не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела королевства». Однако после заключения Симоносекского мира желание Токио удалиться совершенно испарилось. Наоборот, Япония настаивала на необходимости своего широкого вмешательства в корейские дела, не допуская туда других. Трудно было более открыто претендовать на Корею, чем это делала Страна восходящего солнца.

По иронии судьбы буквально на следующий день 11 февраля 1896 г. король вместе с сыном в женском платье тайно прибыли в российскую миссию под охрану моряков⁸⁷. Бегство монарха было бы невозможным без содействия российских дипломатов, на сей раз получивших одобрение Петербурга. В миссии королю отвели две большие комнаты, «снабжённые такою обстановкою и такими удобствами, которых он, конечно, никогда не имел и не будет иметь в своем дворце⁸⁸. Рядом был выстроен большой барак под королевскую кухню, а двор миссии был весь застроен корейскими домами самых разнообразных фасонов, в которых устроены были канцелярии главнейших министерств. Тут министры ожидали своей очереди для докладов и тут же велись текущие дела. <...> Сонм придворных лиц, евнухов и гаремных дам наполняли миссию, ожидая приказаний своего властелина. Десантный отряд в 80 человек охранял неприкосновенность высокогo гостя; из своего окна он ежедневно мог видеть образцовое строевое учение наших храбрых моряков, на площадке перед главным входом красовалась пушка; караульные посты расставлены были вдоль всей ограды миссии». Лишь изредка монарх покидал здание и выходил в сад подышать свежим воздухом. «Иногда он, полумёртвый от страха, решался выезжать с наследником в ближайший дворец для таких неизбежных церемоний как принесение поздравлений своей престарелой матери⁸⁹. Пользуясь ситуацией, К.И. Вебер вёл почти каждый вечер долгие беседы с монархом, убеждая «слабохарактерного, но в душе доброго и благонамеренного короля» в необходимости тех или иных мероприятий⁹⁰.

⁸⁷ Подробнее об этом см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.237–239.

⁸⁸ Здание российской миссии в Сеуле было выстроено К.И. Вебером на участке, примыкавшем к одному из королевских дворцов. В ограде миссии находились ещё четыре маленьких домика. Левую половину основного здания занимал К.И. Вебер, правую – А.Н. Шпейер. Королю были предоставлены две комнаты на половине К.И. Вебера (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.44–45, 60).

⁸⁹ Выписка из частного письма Е.Ф. Штейна 20 февраля 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. №96. Л.140–141; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.173–174, 213.

⁹⁰ Вебер К.И. Записка о Корее до 1898 г. и после // Российское корееведение. Альманах. Выпуск второй. М., 2001. С.136.

Король немедленно низложил марионеточное прояпонское корейское правительство и принял ряд мер к удалению японцев из Кореи. Новый кабинет был составлен исключительно из прорусски настроенных сановников. По мнению В.П. Нихамина, «влияние Японии казалось подорванным, а возможности укрепления позиций царской России – почти безграничными»⁹¹. Несмотря на открывшиеся новые возможности, Петербург опять не взял на себя роль главного защитника и покровителя королевства, продолжив прежнюю политику неопределённости. Просьбы коджона направить в Корею советника правительства по финансовой части, а также офицеров для организации корпуса в 3000 солдат не вызвали энтузиазма. Россия держала в уме прежде всего необходимость урегулировать отношения с Японией, поэтому А.Н. Шпейер получил указание избегать конфликтных ситуаций⁹². На этом же настаивал посланник в Токио М.А. Хитрово: «Корея от нас никоим образом не уйдёт, пока же надо сделать назад. Прежде всего, чтобы без надобности не показывать японцам зубы» и не «наносить ударов их самолюбию». Дипломат был уверен, что Россия не готова к войне на Дальнем Востоке, а японцы после переворота в Сеуле и так должны стать более сговорчивыми⁹³. Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский уверял японского по-

⁹¹ Нихамин В.П. Указ. соч. С.155. Но возможности России в Корее даже в тот момент не надо преувеличивать, как это сделал позднее К.А. Алексеев. В своих оценках он явно перегнул палку: у него получалось, что «перевес нашего влияния в сентябре 1897 г. (!–И.Л.) заметно проглядывал во всём и впечатление, что взоры всех классов были обращены к нам с нескрываемым ожиданием и надеждой на что-то, получалось с особой отчётливостью» (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 6 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.71–72). Следует помнить, что у него был свой резон: чиновник оправдывал действия российских представителей (А.Н. Шпейер, К.И. Вебер, К.А. Алексеев), противопоставляя их «верные» шаги ошибочному курсу МИДа. Однако к сентябрю 1897 г. короля уже не было в российской миссии, а влияние русских в Корее заметно пошатнулось. К.А. Алексеев необоснованно связал позиции Петербурга в королевстве исключительно с расположением монарха («король обыкновенно устраивает против своих же сподвижников заговор с представителями России, научая их, какие именно угрозы нужно употребить, чтобы склонить чинов кабинета к уступчивости»). Эту аргументацию К.А. Алексеева чуть позже успешно использовал С.Ю. Витте, но с иной целью: министр доказывал, что России не следует вести себя активно в королевстве, так как позиции её там крайне непрочны и зависят лишь от симпатий короля. К.А. Алексеев же, составляя оправдательные письма для С.Ю. Витте, расписывал свои успехи, не жалея красок. Его сочинения сыграли роль одного из аргументов для министра финансов, чтобы изменить политику России в Корее, свернув масштабную деятельность. К.А. Алексеев же стремился доказать обратное: активные усилия в королевстве следовало продолжать.

⁹² Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.175–176.

⁹³ М.А. Хитрово – А.Н. Шпейеру 20 февраля 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №254. Л.3–6.

сланника в Петербурге Т. Ниши, что он не в курсе корейских дел и что у России нет своей политики относительно королевства⁹⁴. Отвечая на японские вопросы, сановник лишь выразил уже известное желание сохранить status quo на полуострове⁹⁵.

В ответ на беспокойство и растерянность японцев, вызванных бегством короля, Россия демонстрировала спокойствие и держала паузу. Энергичное настроение сохраняли лишь российские дипломаты в Корее, особенно – К.И. Вебер⁹⁶. У них имелись основания, чтобы беспокоиться. Благодушные же российского руководства не выглядело вполне обоснованным: незамерзающий порт так и не был приобретён, о чём постоянно напоминало Морское министерство. В тогдашних обстоятельствах Петербургу ничего не стоило выговорить себе такую гавань у Сеула, что совсем не обязательно повлекло бы за собой ухудшение отношений с Японией. Достаточно было уведомить Токио, что Россия не претендует на большее и пойти на некоторые уступки Стране восходящего солнца. Вместо этого российское руководство делало неуверенные и труднообъяснимые шаги. Так, в мае 1896 г. К.И. Веберу предписали заключить контракт с королём от имени Морского министерства на «уступку» 5730 кв. саженей земли на островах Розу и Чемульпо⁹⁷. Конечно, для настоящего порта такого участка было явно недостаточно, он годился не более, чем для угольной станции. Вероятно, в тот момент, согласно видам С.Ю. Витте, полноценную гавань искали в Китае, что получило отражение в переговорах с Ли Хунчжаном в мае 1896 г.⁹⁸ Однако о возможном корейском варианте в Петербурге также не забывали.

⁹⁴ Т. Ниши – в Токио 17 февраля 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.1.1–2. Part 1. P.20. Это похоже на правду, так как ещё перед началом японо-китайской войны 1894–1895 гг. Т. Ниши «неустанно обивал пороги» в МИДе, пытаясь выяснить отношение России к грядущему столкновению, однако его усилия оказались тщетны. Р.Р. Розен, хорошо знавший Т. Ниши, а вместе с ним и К.А. Губастов, служивший в 1895–1896 гг. вице-директором Азиатского департамента, объясняли это отсутствием у ведомства какой-либо внятной политики в регионе (Губастов К.А. Мемуары. IX Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.134 об. См. также: Розен Г.А. *Op. cit.* Vol.II. P.609, 612–613).

⁹⁵ Т. Ниши – в Токио 27 февраля 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.1.1–2. Part 1. P.76.

⁹⁶ М.А. Хитрово даже полагал, что энергичные действия К.И. Вебера продиктованы тем обстоятельством, что вся ответственность лежала уже не на нём, а на А.Н. Шпейере (однако надо иметь в виду, что посланник в Токио был пристрастен, открыто покровительствуя А.Н. Шпейеру, которого хорошо знал по совместной службе в Японии) (М.А. Хитрово – А.Н. Шпейеру 20 февраля (3 марта) 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №254. Л.6–6 об.).

⁹⁷ Черновик телеграммы К.И. Веберу 2 мая 1896 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.57.

⁹⁸ Подробнее об этом см. главу 4 «Русско-китайский союзный договор 1896 г.»

5.5. Русско-японские соглашения по Корее 1896 г.

Одновременно с решением вопроса о железной дороге в Маньчжурии Россия вступила в переговоры с Японией по поводу Кореи. Посланник в Токио М.А. Хитрово полагал, что две страны смогут достичь соглашения по делам Дальнего Востока на основе противостояния общему (!) врагу – Англии. Единственным препятствием этому дипломату представлялся корейский вопрос⁹⁹. М.А. Хитрово повторил свои суждения, изложенные А.Н. Шпейеру, и министру иностранных дел. Он не намеревался отказываться от королевства, полагая, что «Корея от нас не уйдёт, и рано или поздно, тем или иным путём она делается нашим достоянием». В отличие от С.Ю. Витте дипломат предлагал «всё внимание наше» обратить на Японию «как на единственную на Крайнем Востоке боевую величину, с которою приходится всем и весьма серьёзно считаться». М.А. Хитрово выступал за соглашение с Токио для того, чтобы оттянуть время, хотя бы до завершения строительства Сибирской железной дороги. Конфликта со Страной восходящего солнца он не исключал и был уверен в успешном его исходе, но содрогался при мысли о необходимых для этого усилиях¹⁰⁰.

В Японии же и после 1895 г. большая часть государственных деятелей (прежде всего Х. Ито и А. Ямагата, а также Ю. Комура, будущий министр иностранных дел в 1901–1905 гг. и посланник в Лондоне с 1900 г. Т. Хаяши)¹⁰¹ придерживалась курса на соглашение с Россией о Корее. Надо признать, что для такой надежды у японцев имелись основания.

19 февраля 1896 г., за два дня до своего назначения главой специальной миссии в Россию, командовавший японской армией в войне с Китаем генерал А. Ямагата посетил российского посланника М.А. Хитрово и в неофициальной беседе высказал намерение решить корейский вопрос полюбовной договорённостью между Токио и Петербургом¹⁰². На следующий день исполнявший обязанности министра иностранных дел К. Сайонджи предложил провести переговоры в Сеуле между К.И. Вебером и Ю. Комурой, на что А.Б. Лобанов-Ростовский немедленно согласился¹⁰³. Наконец, 5 марта 1896 г. состоялась встреча М.А. Хитрово с премьер-министром Х. Ито. Собеседники

⁹⁹ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.46–52.

¹⁰⁰ М.А. Хитрово – А.Б. Лобанову-Ростовскому, б/д. [после 21 февраля 1896 г.] (черновик) // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №242. Л.1–3 об. В Токио М.А. Хитрово уверял японцев, что Россия заинтересована лишь в том, чтобы слабая Корея не стала орудием в руках противников Петербурга – и не более того (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.614).

¹⁰¹ Гальперин А. Англо-японский союз 1902–1921 годы. М., 1947. С.62–63.

¹⁰² Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.181–182.

¹⁰³ Там же. С.179.

осторожно говорили о взаимопонимании, дипломат настаивал, что корейский вопрос нельзя рассматривать в отрыве от остальных дальневосточных дел и что у Японии и России нет почвы для конфликта. С этим полностью согласился Х. Ито¹⁰⁴. В итоге Россия вступила в переговоры с Японией, не приобретая гавани и «взяв таким образом на себя косвенное обязательство не предпринимать в Корее односторонних действий»¹⁰⁵. Это можно расценить как важную уступку, сделанную Токио.

Японцы первыми, 24 февраля 1896 г., представили свои предложения по содержанию русско-японского договора по Корее. Во-первых, они хотели, чтобы король немедленно вернулся в свой дворец, обещая дать своим войскам в Сеуле инструкцию ограничиться защитой японских подданных и их имущества. Во-вторых, японцы соглашались на взаимные, русские и их советы королю по формированию нового правительства. И в-третьих, японцы желали бы защитить своих сторонников в Корее от расправы корейцев¹⁰⁶. Это было значительно скромнее прежних вожделений Токио. 2 марта М.А. Хитрово передал К. Сайонджи ответные «пункты» России. Их было пять: король вправе вернуться в свой дворец когда захочет, российский и японский представители станут помогать монарху в формировании правительства, а также свидетельствовать о необходимости в иностранных войсках для защиты телеграфных линий. Разумеется, обе стороны обещали действовать в согласии друг с другом¹⁰⁷.

После этого обмена мнениями переговоры переместились в Сеул, их стали вести Ю. Комура и К.И. Вебер. И там они продвигались с немалым трудом. Российская сторона предложила проект договора, состоявший из двух частей (открытой и секретной). «Пункты явного соглашения» закрепляли принцип равных возможностей сторон в Корее на основании признания независимости королевства и содействия ему (помощь в организации финансов и армии). Секретная часть включала в себя военные вопросы, предусматривая направление на полуостров равного количества русских и японских войск в случае возникновения там беспорядков и обязательное сохранение между ними свободной зоны. Превосходство России закреплялось обоюдным признанием сложившегося положения дел: король находился под защитой русского отряда согласно

---

¹⁰⁴ Резюме беседы М.А. Хитрово и Х. Ито 5 марта 1896 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.29. Токио, 1954. С.761–764.

¹⁰⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.157–158.

¹⁰⁶ Японский проект соглашения с Россией по Корее (24 февраля 1896 г.) // Ниппон гайко буншо... С.741–742; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.615.

¹⁰⁷ Ответ на предложения императорского (японского – И.Л.) правительства, представленный М.А. Хитрово 2 марта 1896 г. // Ниппон гайко буншо... С.748; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.617.

своему желанию до тех пор, пока не сформирует собственную охрану¹⁰⁸. Судя по карандашным пометам на проекте, этот пункт как раз не устраивал японцев и вызывал споры. Позднее, уже после подписания соглашения японский посланник в Петербурге Т. Ниши предлагал хотя бы смягчить его формулировку, например, обязать Россию немедленно удалить своих солдат после того как король, наконец, обзаведётся охраной из соотечественников¹⁰⁹. Однако тогда К.И. Вебер не пошёл на уступки. Его позиция вызывала в Токио большое недовольство, японцы пожаловались в Петербург и – что удивительно – встретили понимание, по крайней мере, на словах¹¹⁰. А.Б. Лобанов-Ростовский пообещал, что укажет дипломату, чтобы тот «хорошо относился» к японским предложениям¹¹¹.

Однако, несмотря на демонстративное желание уступить, министерство как будто не спешило одёрнуть К.И. Вебера. 10 (22) марта 1896 г. он представил свои соображения (меморандум) по русско-японскому соглашению из четырёх статей. Дипломат настаивал на праве корейского короля оставаться в русской миссии, пока он это желает, до создания собственной охраны. Король по своей воле формирует новое правительство из министров, «известных как либеральные и прогрессивные». За японцами оставалось право держать для охраны телеграфной линии не более 200 солдат, а также охрану японского селения. Попытки представителей Токио внести некоторые изменения в этот текст, в частности, право японского посланника советовать королю вернуться во дворец и некоторые другие К.И. Вебер категорически отверг¹¹².

Соглашение в Сеуле было заключено 2 (14) мая 1896 г. Его текст сильно отличался от первоначального проекта. Из него исчезло большинство условий, остались лишь те, на которых К.И. Вебер настоял: в документе признавалось, что король пребывает в русской миссии столько, сколько захочет, и резко ограничивались возможности Токио держать в Корее свои войска – только 800 человек на всё королевство с таким же правом у России¹¹³. Получалось, что в Сеуле Японию вынудили признать свершившиеся перемены, взамен она получила лишь уверение в сохранении независимости Кореи. Конечно, это не устраивало Токио. Дело в том, что Россия использовала новые возможности не столько для того, чтобы закрепить своё влияние в королевстве, сколько затем, чтобы выдавить оттуда Японию, лишить её преимущественного влияния.

¹⁰⁸ «Пункты явного соглашения» и «пункты секретного соглашения» // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.1.1–2. Part 2. P.641–647.

¹⁰⁹ Т. Ниши из Москвы – в Токио 7 июня 1896 г. // Там же. P.657–660.

¹¹⁰ Г. Мицуо (Токио) – Т. Ниши (Петербург) 1 мая 1896 г. // Там же. Part 1. P.261.

¹¹¹ Т. Ниши – Г. Мицуо 8 мая 1896 г. // Там же. P.281.

¹¹² Г. Мицуо – Т. Омайе (Петербург) 5 мая 1896 г. // Ниппон гайко буншо... С.785–787; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.620–621.

¹¹³ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.290–291.

Чтобы изменить положение дел, японцы воспользовались первым подходящим поводом. На коронацию Николая II в Москву прибыла делегация Страны восходящего солнца во главе с А. Ямагатой. Когда соглашение в Сеуле было заключено, японское посольство находилось уже в пути. До Москвы оно добралось 5 (17) мая 1896 г. Генерал приехал с инициативой разделить Корею: за Россией предлагалось оставить большую часть полуострова с портами на западном и восточном побережье, Япония претендовала лишь на южную часть с Сеулом¹¹⁴. А. Ямагата ехал в Москву без детальных инструкций, лишь с общим указанием подписать соглашение для обеспечения стабильности в Корее и обеспечения там законности и правопорядка (чего японцы сами и разрушали в нужные им моменты)¹¹⁵. 12 (24) мая он представил А.Б. Лобанову-Ростовскому предложения Токио. 6 пунктов были нацелены на то, чтобы утвердить равные права сторон на случай вмешательства в корейские дела, будь то финансы или беспорядки. Конечно, независимость королевства подтверждалась, но на случай ввода на полуостров русских и японских войск Страна восходящего солнца желала бы разделить зоны их пребывания (север и юг) с нейтральной полосой между ними¹¹⁶. В сущности, японский проект означал введение режима протектората в королевстве. Однако Петербург не принял предложения, ответив, что оно противоречит принципу независимости Кореи, только что закреплённого в соглашении Комура–Вебер¹¹⁷. Россия не отвергла принцип раздела королевства на сферы возможной военной оккупации, но стороны упёрлись в то, где и как провести линию разграничения. Японцам пришлось согласиться с тем, что этот вопрос следовало подробно разработать. За позицией Петербурга скрывалось, вероятно, нежелание заключать подобное соглашение: в сложившейся ситуации оно давало Токио возможности закрепиться в Корее, хотя бы только в южной её части. Конечно, России не имело смысла помогать японцам, тем более в то время, когда король находился в русской миссии¹¹⁸.

---

¹¹⁴ Hackett R.F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. Cambridge (Mass.), 1971. P.173. Американский историк полагает, что целью А. Ямагаты было подтверждение сеульского соглашения Вебер–Комура и его развитие вплоть до разделения королевства на сферы влияния (с такой идеей, по его сведениям, был согласен военный агент в Японии К.И. Вогак, поддерживавший с генералом дружеские отношения). Но как показали дальнейшие события, в Токио не собирались довольствоваться половиной Кореи, претендуя на весь полуостров.

¹¹⁵ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.628–629.

¹¹⁶ Ibid. P.630–631.

¹¹⁷ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.46–52.

¹¹⁸ Б.А. Романов, склонный подчёркивать агрессивные намерения России относительно Кореи с 1880-х гг., приводит в качестве аргумента того, почему японское предложение

В итоге сторонам пришлось вернуть в соглашение те пункты, которые предлагались в первоначальном проекте К.И. Вебера, но не были приняты японцами в Сеуле. Их редакция несколько изменилась, но смысл остался прежним: равенство Петербурга и Токио в Корее, поддержка её самостоятельности и невозможность односторонних действий в королевстве¹¹⁹. Документ такого содержания 28 мая (9 июня) 1896 г. подписали в Москве А.Б. Лобанов-Ростовский и А. Ямагата¹²⁰.

То есть, по большому счёту, визит А. Ямагаты завершился с весьма незначительными результатами¹²¹. Он сам, не скрывая некоторого разочарования, сказал английскому послу в Петербурге Н. О'Конору, что заверения, полученные им в России, оказались лишь «не во всём неудовлетворительными»¹²². Для Петербурга всё выглядело иначе. Вероятно, контакты с А. Ямагатой увязывались не только с ситуацией вокруг Кореи, но и с параллельно шедшими переговорами с Ли Хунчжаном. Желание Китая и его готовность идти на уступки контрастировали с твёрдой позицией Токио. Это подчеркнул князь Э.Э. Ухтомский, убеждавший Николая II, что «наша дружба с Японией желательна в области мореходно-торгового общения <...>, но малейшая уступка её честолюбивым стремлениям (хотя бы с целью отвести у неё глаза, пока не готова Сибирская дорога) есть, по моему смиренному мнению, страшный для нас ущерб вперёд»¹²³. Похоже, что примерно так же думал тогда и С.Ю. Витте, ставший к тому моменту главным архитектором российской дальневосточной политики.

Не удивительно, что оба соглашения по Корее, и сеульское, и московское, не устраивали японцев. Они подписали документы только потому, что они ограничивали возможности России и свидетельствовали об отсутствии у Петербурга намерения захватить Корею. С другой стороны, русско-японские договоры по Корее отразили также желание России урегулировать отношения с Японией, не доводя дело до конфликта¹²⁴. Но уступать просто так королевство

было отвергнуто, записку В.Н. Ламздорфа «после 7 мая 1903 г.», составленную в ответ на записку К.И. Вогака о значении договора 26 марта 1902 г. об эвакуации Маньчжурии (Романов Б.А. Указ. соч. С.142–143). Но в 1903 г. отношение к Корее было совсем иным, оно в основном определялось влиянием безобразовцев. Для 1896 г. нет никаких данных, свидетельствовавших об интересе Петербурга к королевству как объекту колониальной экспансии.

¹¹⁹ Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.632–633.

¹²⁰ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.295–296.

¹²¹ Hackett R.F. Op. cit. P.175.

¹²² Н. О'Конор – Р. Солсбери 14 июня 1896 г. // PRO FO. 65/1515. P.34–37.

¹²³ Э.Э. Ухтомский – Николаю II 12 мая 1896 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.171. Л.2 об.

¹²⁴ Нихамин В.П. Указ. соч. С.158–160. Трудно согласиться с мнением Б.А. Романова,

Россия не собиралась. Поэтому соглашения 1896 г. нельзя рассматривать как компенсацию Стране восходящего солнца за потерю Японией Ляодуна и как решение русско-японских противоречий по Корее. Точнее будет сказать, что вопрос о будущем Кореи оказался пока отложен.

5.6. Корейская политика России в 1896 – начале 1898 гг.

Несмотря ни на что, коджон не оставлял попыток заручиться более масштабной и энергичной поддержкой России. Для этого он воспользовался поводом – коронацией Николая II. Для участия в торжественной церемонии в Москву было направлено специальное посольство во главе с Мин Ёнхваном. Корейцы надеялись получить от России помощь в создании национальной армии (в том числе 200 военных инструкторов), в совершенствовании государственного управления. Они также добивались согласия Петербурга соединить русские и корейские телеграфные линии и, наконец, предоставления займа в 3 млн. иен. А.Б. Лобанов-Ростовский дал корейцам уклончивые ответы, прямо не отвергая их ходатайства, но и не соглашаясь исполнить их. Единственным прямым «да» стала готовность соединить телеграфные линии, а «нет» – отказ охранять короля, если он покинет русскую миссию и переедет в свой дворец. Но для корейского посольства именно это являлось важнейшим вопросом. Министр иностранных дел явно уклонялся от прямого содействия Сеулу, чтобы не нарушать русско-японских договорённостей¹²⁵. Корейцы о них пока не знали и были явно озадачены¹²⁶. Они, вероятно, не понимали политическую линию Петербурга, который с трудом нащупывал равнодействующую линию между его политикой в Китае и отношениями с Сеулом и Токио.

Совсем иную оценку действий Петербурга дал Б.А. Романов, первым опубликовавший полный текст ответных пунктов России на просьбы корейского короля¹²⁷. Он усмотрел в них «сепаратную программу действий в Корее»,

---

который полагал, что российское руководство подписало соглашение с А. Ямагатой «в твёрдом намерении не считаться с принятыми на себя обязательствами», стремясь к установлению протектората над королевством (Романов Б.А. Указ. соч. С.144, 146).

¹²⁵ Б.Д. Пак решил, что Россия отказалась от договора с Кореей из-за того, что перед этим заключила договор с Китаем: «в Петербурге считали, что после подписания союзного договора с Китаем нет надобности в подписании такого же договора с Кореей» (Пак Б.Д. Указ. соч. С.258). Но секретное соглашение с Китаем появилось вовсе не из-за того, что Петербург был сильно обеспокоен безопасностью границ соседа. Россия преследовала, прежде всего, свою собственную выгоду – право на железную дорогу в Маньчжурии и, как в Петербурге надеялись, незамерзающий порт. От Кореи же в России ничего подобного в тот момент не хотели, единственный интерес заключался в нежелании видеть у своих сухопутных рубежей японцев.

¹²⁶ Пак Б.Д. Указ. соч. С.248–257.

¹²⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.143–145.

осуществляемую за спиной Японии, стремясь подчеркнуть значительные расходы с содержанием русско-японских соглашений Лобанов–Ямагата и Вебер–Комура. Однако следует посмотреть на ситуацию и с другой стороны: ничего принципиально нового русские ответы не содержали, представляя собой туманные обещания, большая часть которых так и не была выполнена. Скорее их можно рассматривать как желание уклониться от установления протектората, чем действительно ввести его.

Летом 1896 г. после успешных переговоров и заключения секретного соглашения с Пекином, предусматривавшем строительство КВЖД, а также двух договоров с Токио по Корее Петербург мог подвести черту под предшествовавшей дальневосточной политикой. Очевидно, что к этому моменту в ней начал господствовать С.Ю. Витте, сделавший ставку на экономическое проникновение в Китай. Корея в таких обстоятельствах отходила на задний план, играя прежде всего роль буфера по отношению к Японии. Правда, оставался ещё вопрос о приобретении незамерзающего порта, но министр финансов надеялся, что что его удастся получить в Китае, несмотря на неудачу переговоров об этом в 1896 г. в Москве с Ли Хунчжаном. Тем не менее, после того как обсуждение вопроса о незамерзающем порте завершилось безрезультатно, С.Ю. Витте сразу обозначил своё внимание к корейским делам¹²⁸.

В сентябре 1896 г. министр финансов встревожился в связи с вопросом о ширине колеи на строящихся в Корее железных дорогах. Указом короля 3 июля 1896 г. для трассы Сеул–Чемульпо, которую планировали соорудить американцы (Д. Морс), была разрешена узкая, европейская колея¹²⁹. Её же намеревались использовать французы, получившие концессию на дорогу Сеул–Ыйчжу¹³⁰. После этого С.Ю. Витте обратился с просьбой к Н.П. Шишкину, чтобы МИД настоял на отказе от такого решения: министр финансов планировал построить ветку от КВЖД на соединение с корейскими дорогами. До этого, когда К.И. Вебер обратил внимание МИДа на вопрос о ширине

¹²⁸ Там же. С.147–158.

¹²⁹ В 1895 г., заключая договор с Японией, корейское правительство обязалось немедленно приступить к сооружению железных дорог Сеул–Инчхон и Сеул–Пусан. Однако из-за событий осени 1895 г. концессия на сооружение дороги Сеул–Инчхон была передана американцу Д. Морсу, невзирая на протесты японцев. Он начал строительство в марте 1897 г., но вскоре начал искать денег и заговорил о продаже концессии, которую были готовы приобрести японцы. Однако в марте 1898 г. Д. Морс продал свою концессию французской фирме «Фив-Лилль» за 3 млн. иен (Шипаев В.И. Указ. соч. С.34–36).

¹³⁰ Романов Б.А. Указ. соч. С.151. Однако за три года фирма «Фив-Лилль» так и не начала строительства, после чего концессия была аннулирована, а сооружение дороги передали корейским компаниям. Они начали работу в 1902 г., но делали дорогу очень медленно (Шипаев В.И. Указ. соч. С.38–39).

железнодорожной колеи в Корее, он даже не получил ответа¹³¹. Российские дипломаты быстро добились того, что королевский указ был отменён в начале 1897 г.¹³² 5 декабря 1896 г. Министерство финансов также запросило у внешнеполитического ведомства информацию об экономическом положении Кореи и об инициативе дипломата Н.А. Шуйского, выступившего ещё в 1889 г. с идеей открытия православной миссии на полуострове¹³³.

Вопрос же о корейском займе более всего волновал МИД, но не министра финансов. Внешнеполитическое ведомство встревожили слухи о готовящемся внешнем займе Кореи, упоминавшие Японию, Англию и Францию. Российский МИД посоветовал королю не брать денег за границей, пока в королевство не приедет чиновник Министерства финансов¹³⁴. Командировка представителя Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилова в Корею состоялась с 13 августа до 6 ноября 1896 г.¹³⁵ Чиновник не усмотрел принципиальных препятствий для займа, хотя и отметил крайнюю примитивность корейских финансов¹³⁶. 1 ноября 1896 г. С.Ю. Витте согласился предоставить королевству деньги через Русско-Китайский банк под обеспечение податями и таможенными доходами и при условии наблюдения за поступлением государственных доходов со стороны русского чиновника¹³⁷. Столь осторожное отношение к займу и его жёсткие условия отражали не только заботу С.Ю. Витте о русской казне, но и свидетельствовали, что для министра финансов он не носил политического характера. Тем не менее, наверняка С.Ю. Витте взвешивал заём и отношения с Японией, не имея возможности в тот момент принять точное и аргументированное решение. Поэтому, несмотря на то, что король немедленно согласился на условия предоставления займа, далее сановник стал тянуть с предоставлением денег. Возможно, неторопливость главного в тот момент архитектора российской дальневосточной политики вызывалась неясным для него исходом

¹³¹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.61–62.

¹³² Пак Ро Бёг. Борьба капиталистических держав за железнодорожные концессии в Корее в конце XIX – начале XX веков и позиция России // Россия и народы стран Востока. Иркутск, 1993. С.55.

¹³³ Волохова А.А. Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, Министерство финансов и учреждение духовной миссии в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4. С.115.

¹³⁴ А.Б. Лобанов-Ростовский – К.И. Веберу 25 июня 1895 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.80. Л.6.

¹³⁵ Японский заём в 3 млн. иен Корея должна была погасить в 1898–1899 гг. (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.198, 200. У Б.Б. Пак в одном месте говорится о иенах, в другом – о мексиканских долларах). Один мексиканский доллар по курсу 1894 г. составлял 0,65 российского рубля, в 1895 г. – 0,67. Иена почти равнялась рублю.

¹³⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.153–154.

¹³⁷ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.80. Л.14.

переговоров о незамерзающем порте с Китаем: надеясь на успешный их результат, он предпочитал ждать¹³⁸. Действия С.Ю. Витте ещё раз свидетельствовали о том, что Корея не рассматривалась им как цель российской политики, а играла в его комбинациях лишь второстепенное место.

Российское руководство избрало тактику оттяжек и обещаний, понимая, что выполнение желаний корейского монарха в полном объёме невозможно, в том числе из-за русско-японских соглашений. Но проблемы в Корее существовали, их требовалось решать, если не с помощью России, то других стран. Так, летом 1896 г. корейские таможи возглавил англичанин Л. Броун, быстро урегулировавший финансы королевства. Благодаря его усилиям Корея избавилась от хронического дефицита бюджета и сумела по итогам 1896 г. выплатить Японии 1 млн. иен. К осени 1897 г. Л. Броун планировал погасить ещё 1,4 млн. иен¹³⁹. Тем не менее, король не отказался от желания вовлечь Россия в корейские дела. Чтобы подтолкнуть Петербург к более решительным действиям, он начал привлекать русских к освоению горных и лесных богатств королевства.

10 (22) апреля 1896 г. благовещенский мещанин М.Д. Нищенский стал обладателем обширной концессии на 15 лет на разработку золота и других полезных ископаемых в части провинции Хамкиондо при условии выплаты королю 25% от добытого. В тексте соглашения оговаривалась также возможность для М.Д. Нищенского вести монопольную разработку золота, серебра и каменного угля по всей Корее, если ему удастся обнаружить новые месторождения (коварная статья, так как корейцы могли объявить любое из них давно известным). Кроме того, концессионер получал широкие права по заготовке необходимого ему леса, право приглашать специалистов из России в неограниченном количестве (только чернорабочих следовало набирать обязательно из корейцев), иммунитет от вмешательства чиновников и разрешение на беспрепятственный вывоз добытых благородных металлов¹⁴⁰. Предоставление заурядному авантюристу столь обширных полномочий носило, без сомнения, политический характер.

Свою концессию М.Д. Нищенский получил при активном содействии Н.Г. Матюнина, служившего тогда ещё пограничным комиссаром. По-

¹³⁸ Б.А. Романов приписал это «боязни потерь», полагая, что министр финансов действовал, «не отдавая себе отчёта в политических последствиях такой медлительной тактики» (Романов Б.А. Указ. соч. С.154).

¹³⁹ В. Полянский – Д.Д. Покотилкову 5 мая 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.53. Л.17–19.

¹⁴⁰ Концессионный договор (копия) // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.73. Л.3, 5; Д.107. Л.12–16. Концессию М.Д. Нищенского планировал перекупить Н.И. Непорожнев, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что её условия невыгодны (в частности, отчисление 25% добытого металла в пользу короля), а район разработок был выбран крайне неудачно.

видимому, благодаря его настоянию в концессии появился пункт, разрешавший иметь специальную охрану предприятия из русских солдат. Н.Г. Матюнин объяснял свои усилия необходимостью покровительствовать русским предпринимателям в Корее, если даже они имели сомнительную репутацию¹⁴¹. Правда, такую же сомнительную репутацию заработал и сам Н.Г. Матюнин: он потребовал от М.Д. Нищенского за помощь отчисления 5% добываемого металла в пользу своей супруги, для чего намеревался ввести её в состав пайщиков предприятия. Кажется, этого концессионеру удалось избежать. Впрочем, он так и не приступил к использованию полученных им прав из-за отсутствия денег.

28 августа (9 сентября) 1896 г. владивостокский купец I гильдии Ю.И. Бринер получил от корейского короля право на разработку лесных массивов площадью около 5000 квадратных вёрст на севере Кореи в бассейне пограничной реки Ялу сроком на 20 лет под залог всего в 15 тыс. руб. Концессионеру также давались широкие права: строить заводы и мастерские, прокладывать шоссейные и железные дороги и т.п. Со своей стороны Ю.И. Бринер обязывался начать рубку леса не позже, чем через пять лет после выдачи концессии, в противном случае она аннулировалась¹⁴². Такой широкий объём прав свидетельствовал, что эта концессия была выдана явно с политическими целями.

Эти две концессии стали наиболее яркими примерами активности подданных России в королевстве в эти (1896–1897) годы. Можно привести и другие, в частности, деятельность отставного генерала С.А. Соломко, домогавшегося целого ряда концессий (преимущественно угольных) с монопольными правами¹⁴³. Эти факты нельзя рассматривать как движение российского капитала в королевство: ходатаями за концессиями выступали, как правило, люди с авантюристическим складом характера, не имевшие ни приличной деловой репутации, ни достаточных средств для реализации полученных прав. Конечно, они рассчитывали выгодно продать данные им возможности. Показательно, что ни в одном случае они не пользовались поддержкой и кредитом Министерства финансов, без чего была невозможна любая успешная деятельность на Дальнем Востоке.

---

¹⁴¹ Н.Г. Матюнин – К.И. Веберу 3 мая 1896 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.73. Л.10–11. Согласно имеющейся справке, М.Д. Нищенский, благовещенский мещанин, занимавшийся торговлей, в 1894 г. был обвинён в убийстве, но не был осуждён из-за недостаточности улик (Там же. Л.9).

¹⁴² Текст концессии опубликован в книге: Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.52–55. Подробнее об истории концессии Бринера см. главу 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

¹⁴³ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 25 сентября 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.55–57.

Расположение короля к России вызвалось, конечно, интересами его борьбы с прояпонской партией, которая за несколько лет значительно усилилась. Готовность монарха идти на уступки не надо преувеличивать, она вовсе не была безграничной. Коджон не делал ставку исключительно на Россию: в это же время он выдал концессию на строительство железной дороги от Сеула до устья р. Ялу французской компании, зато японцам, просившим концессию на железную дорогу Сеул–Фузан, отказал¹⁴⁴.

Свои обещания Россия медленно, но выполняла. 9 (21) октября 1896 г. в королевство прибыли 3 российских офицера и 10 унтер-офицеров и врач для создания корейской армии¹⁴⁵. Предполагалось, что их число вскоре существенно увеличится, так как перед ними стояла задача – подготовить по проекту Д.В. Путяты 40-тыс. корпус для защиты королевства. Из неторопливости Петербурга следует, что он по-прежнему не имел внятного представления, как использовать свои возможности в Корее.

Официальный курс России в королевстве как бы застрял между двумя определёнными, власть никак не могла сделать выбор, стремилась балансировать, понимая неустойчивость и недолговечность такой политики. Анализ ситуации вокруг Кореи попытался сделать новый (с февраля 1897 г.) посланник России в Токио Р.Р. Розен. Он исходил из того, что Япония готовится к войне за Корею. Интерес России в королевстве – это незамерзающая гавань, но безопасность её нельзя обеспечить влиянием или протекторатом: «такой порт не может быть построен иначе как на русской территории». Япония, «убедясь окончательно в невозможности прийти к соглашению с нами по корейским делам, несомненно станет искать опоры у Англии и столь же несомненно найдёт у неё готовность оказать ей нравственную, по крайней мере, поддержку»¹⁴⁶. Россия же не имеет союзников, так как ни Германия, ни Франция не поддержат её прямо в случае возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке¹⁴⁷. Союзный договор с Китаем не следует принимать в расчёт в силу слабости китайской армии. К тому же Япония сделает всё, чтобы перетянуть Пекин на

¹⁴⁴ Справка «Вопрос о заключении займа для корейского правительства» // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.91–95.

¹⁴⁵ Позднее их число увеличилось до 6 офицеров и 20 унтер-офицеров (Старый консул. Россия в Корее. История одного неудавшегося мирного завоевания. Из воспоминаний и переживаний свидетеля и очевидца // Возрождение. 1935. 11 апреля. №3599. С.2). Подробнее об этом см.: Афанасьев-1-ый, Грудзинский Н. Русские инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. Хабаровск, 1898; Симанский П.Н. Указ. соч. С.214–218; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.648–674.

¹⁴⁶ Розен Р.Р. Добавление к «Записке о положении России на Крайнем Востоке» 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.57–57 об.

¹⁴⁷ Розен Р.Р. Записка о положении России на Крайнем Востоке 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.73 об.

свою сторону¹⁴⁸. Выход Р.Р. Розен искал в том, чтобы немедленно вооружиться и держать на окраине армию численностью не менее 75 тыс. человек. Тогда же, «когда мы будем достаточно сильны на Крайнем Востоке, чтобы вопреки Японии и Англии установить и упрочить свой протекторат над Кореею, мы будем также достаточно сильны, чтобы прямо присоединить к России всю Корею. Но этот день так далёк, что о нём покамест позволительно только мечтать»¹⁴⁹. Пока же, по мнению Р.Р. Розена, следовало озаботиться немедленным приобретением порта в Корее и искать договорённости с Японией относительно раздела королевства. Вождеделение приобрести весь полуостров, по его оценке, не могло быть основанием для политики¹⁵⁰.

В.Н. Ламздорф же в инструкции, данной в мае 1897 г. барону, подчеркнул, что Россия не имеет намерения присоединить Корею, но продолжит бороться с происками японцев в королевстве. Ему также следовало стремиться к усилению в королевстве «нашего политического влияния для того, чтобы Корея, подпав под влияние какой-либо другой державы, не сделалась для нас если не опасным, то, во всяком случае, таким соседом, с которым придётся считаться в эпохи политических осложнений». Одновременно граф на первое место в российской дальневосточной политике поставил установление дружеских отношений с Японией. Противореча своему же тезису о недопустимости укрепления в Корее других держав, товарищ министра отдавал торговые преимущества в королевстве Токио¹⁵¹. От таких указаний у дипломатов вряд ли могло сложиться внятное впечатление, каким образом возможно исполнить желаемое Петербургом. Вдобавок в России вообще не воспринимали корейское руководство как способное на какие-то самостоятельные шаги. При всей слабости центральной власти в королевстве это всё-таки было ошибкой. Само по себе действовало Морское министерство: моряки в это время активно присматривали себе удобную бухту в Корее. В частности, в феврале 1897 г. они провели картографическую съёмку острова Кожедо (Каргодо), убеждённые, что Петербург готовится захватить и укрепить остров в ответ на японскую угрозу завоевать королевство¹⁵². Однако такое заключение оказалось поспешным. Весной 1897 г. Р.Р. Розен перед от-

¹⁴⁸ Розен Р.Р. О значении нашего союза с Китаем ввиду наших отношений с Японией 18 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.60–65.

¹⁴⁹ Розен Р.Р. Добавление к «Записке о положении России на Крайнем Востоке» 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.57 об. – 58.

¹⁵⁰ Розен Р.Р. Записка о положении России на Крайнем Востоке 12 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.97–98.

¹⁵¹ Проект инструкции Р.Р. Розену, одобренный Николаем II 9 мая 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.29–29 об.; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн.2: 1888–1897. М., 2004. С.220–221.

¹⁵² Цывинский Г.Ф. 50 лет в императорском флоте. Рига, [1921]. С.157.

правлением в Японию имел разговор с П.П. Тыртовым и был крайне удивлён «совершенною неопределённостью вожелений Морского министерства». Справедливости ради, надо признать, что моряки находились перед крайне сложным выбором. Порт Лазарев они сами признали негодным, а бухта на южной оконечности полуострова (Масанпо или Кожедо) обуславливала захват всей Кореи: обязательным условием незамерзающего порта являлась железная дорога к нему. Этого требовали соображения безопасности коммуникаций нового порта: Россия была слишком слаба, чтобы конкурировать на море с флотами крупнейших держав, особенно – британским¹⁵³.

Между тем, ситуация в Корее вскоре изменилась. Король, 5 (17) февраля 1897 г. ещё выражавший желание остаться в миссии до весны, 7 (19) февраля вдруг изменил свои намерения и 8 (20) февраля покинул российское представительство, не дав даже прощальной аудиенции дипломатам¹⁵⁴. Вероятно, поспешный отъезд монарха из миссии был связан с пониманием безнадёжности и бесперспективности ставки на Россию¹⁵⁵. Ему ничего не оставалось как пойти на уступки сильному «Клубу независимости»¹⁵⁶. Естественно, что о прежних симпатиях к России после этого следовало забыть. Положение русских дел в Корее тут же начало «сильно портиться». Ряд российских коммерсантов, давно хлопотавших в Сеуле о крупных концессиях, немедленно получили отказ.

---

¹⁵³ Губастов К.А. Мемуары. IX Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.136–136 об.

¹⁵⁴ Нельзя связывать отъезд короля из миссии с публикацией в Японии текстов русско-японских соглашений по Корее 1896 г. в искажённом переводе, включая и секретные статьи, – они появились в японской печати 27 февраля 1897 г. (Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.185). Это, кстати, было сделано с согласия Петербурга (Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.636). Другое дело, что в дальнейшем это не способствовало хорошему отношению монарха к России (Пак Б.Д. Указ. соч. С.274–275).

¹⁵⁵ Б.Д. Пак связал отъезд короля в первую очередь с давлением на него части государственного аппарата и населения (Пак Б.Д. Указ. соч. С.268–269). Но эти аргументы звучат не вполне убедительно: до того давление на коронника почему-то не мешало ему занимать прорусскую ориентацию и находиться в миссии.

¹⁵⁶ «Клуб независимости» был создан весной 1896 г. при поддержке короля под лозунгом борьбы против засилья иностранцев. В него вошло до 1–2 тыс. влиятельных лиц. Вскоре оказалось, что больше всего «клуб независимости» возмущает русское присутствие в королевстве. В частности, меморандум 11 (23) февраля 1898 г. был во многом реакцией на слишком активную деятельность А.Н. Шпейера. Члены «клуба» пошли дальше: осенью 1898 г. они выступили уже за проведение широких реформ в королевстве и 8 (20) октября создали даже народное собрание – прототип парламента. Давление на слабого и испуганного короля было нешуточным, 15 (27) октября ему пришлось ввести в Корее свободу собраний и слова. Одновременно монарх повёл дело к роспуску «клуба независимости», и в начале 1899 г. он прекратил существование (Россов П. Национальное самосознание корейцев. СПб., 1906. С.22–25).

Так, концессию, аналогичную правам М.Д. Нищенского, – на разработку золота и каменного угля в одном из округов провинции Хамкиондо и вдоль реки Тюмень – хотели получить серьёзные предприниматели – владелец пароходства М.Г. Шевелёв и влиятельный тяньцзинский купец А.Д. Старцев. Дело было поставлено значительно шире, чем у М.Д. Нищенского или Ю.И. Бринера (в нём участвовало 11 «русских капиталистов», в том числе трое из Петербурга). Но они в отличие от предшественников озаботились получением концессии слишком поздно – в феврале 1897 г., когда король уже покинул российскую миссию в Сеуле¹⁵⁷. Попытка К.И. Вебера содействовать соотечественникам привела лишь к тому, что прямой отказ был заменён на стандартные для иностранцев финансовые условия (отчисление четверти валового дохода в пользу короны), которые российские деятели считали неприемлемыми¹⁵⁸. Соответственно, выросло влияние сторонников Японии, а концессии начали получать выходцы из Страны восходящего солнца.

Тем не менее, кордон всё-таки стремился сохранить присутствие России на полуострове. Король и военный министр настояли на подписании соглашения о приглашении русских военных инструкторов (в дополнение к прибывшим 6 офицерам и 20 унтер-офицерам), несмотря на то, что эта идея встретила оппозицию в корейском Государственном совете: «некоторые дали уклончивый ответ, другие предложили удовольствоваться меньшим числом инструкторов»¹⁵⁹. На стороне оппозиции оказался министр иностранных дел М.Н. Муравьёв, который тормозил дальнейшую отправку офицеров, опасаясь осложнений отношений с Японией и полагая, что момент для командирования офицеров «не вполне удобен»¹⁶⁰. Граф также считал, что план Д.В. Путяты о создании 40-тыс. корейской армии был сильно раздут, хватило бы и 3-х тыс.¹⁶¹ Наконец, в мае 1897 г. российский МИД окончательно решил «повременить несколько принятием на себя переустройства корейских вооружённых сил»¹⁶².

¹⁵⁷ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.103. См. об этом также: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн.2: 1888–1897. М., 2004. С.219–220.

¹⁵⁸ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову [начало 1897 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.94 об. – 95.

¹⁵⁹ Телеграммы К.И. Вебера в МИД 16 и 19 апреля 1897 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1897 г. Д.100. Л.12, 17.

¹⁶⁰ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.204–210.

¹⁶¹ Доверительное письмо М.Н. Муравьёва П.С. Ванновскому 22 февраля 1897 г., одобренное Николаем II (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.17–21. По мнению одного из российских дипломатов в Сеуле, для охраны короля и его дворца было вполне достаточно и двух батальонов, а 40-тыс. армия, рассчитанная на охрану границ королевства, не соответствовала возможностям корейских финансов (Старый консул. Россия в Корее. История одного неудавшегося мирного завоевания. Из воспоминаний и переживаний свидетеля и очевидца // Возрождение. 1935. 11 апреля. №3599. С.2).

¹⁶² Проект инструкции Р.Р. Розену, одобренный Николаем II 9 мая 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.31. Иначе думали российские дипломаты. Уже 2 мая

Важным шагом на пути укрепления русского влияния стало решение 14 октября 1897 г. о замене Л. Броуна на К.А. Алексеева. Этим С.Ю. Витте обусловливал предоставление Корею займа¹⁶³. М.Н. Муравьев был изумлен тем, почему Министерство финансов медлит с назначением финансового советника и с займом. По его мнению, России следовало «включить пограничную нам Корею в сферу нашего политического влияния», пусть даже она не выполнит обязательств по займу («достижение известной цели иногда немислимо без затрат, и что если мы таким образом потеряем что-либо на займе, то мы можем вознаградить себя в ином направлении в смысле упрочения нашего влияния в Корею»)¹⁶⁴. Единственным разумным объяснением поведения С.Ю. Витте может служить ожидание результатов поездки князя Э.Э. Ухтомского в Пекин, состоявшейся в мае–июне 1897 г. Если бы князь решил все вопросы, интерес к Корею, вероятно, имел все шансы значительно угаснуть в глазах сановника.

Вопрос же о назначении К.А. Алексеева был решён лишь осенью 1897 г., несмотря на то, что министр финансов представил доклад об этом Николаю II 9 мая 1897 г.¹⁶⁵ 24 октября было определено его положение – при правительстве. Л. Броун покинул должность финансового советника короля, 4 ноября К.А. Алексеев занял его место, 26 ноября англичанин выразил желание остаться во главе корейских таможен и 6 декабря письменно согласился подчиниться русскому советнику¹⁶⁶. Два чиновника 2 января 1898 г. даже заклю-

---

1897 г. Е.Ф. Штейн писал Е.И. Алексееву о решении отказать Корею в инструкторах как ошибочном: «мы сами себе так испортили (по моему мнению, непоправимо) положение в Корею» (Е.Ф. Штейн – Е.И. Алексееву 2 мая 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.45. Л.32–33).

¹⁶³ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 12 февраля 1897 г. // АВПИР. Ф.191. Оп.768. Д.80. Л.43–46.

¹⁶⁴ М.Н. Муравьев – С.Ю. Витте 8 марта 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.20. Л.191–199.

¹⁶⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.155.

¹⁶⁶ Удивительно, но М.Н. Муравьев дезавуировал действия А.Н. Шпейера – К.А. Алексеева, приписав удаление Л. Броуна их личной инициативе и утверждал, что Петербург не имел ничего против британца. Конечно, англичане не поверили такому уверению, тем более, что они связали отношение к Л. Броуну с попыткой удалить от строительства Шанхайгуаньской железной дороги инженера К. Киндера, небезосновательно усмотрев в этих двух почти синхронных действиях политическую линию (Н. О'Конор – Р. Солсбери 20 января 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.47–52). Но, кажется, М.Н. Муравьев не лукавил, а действительно был не вполне в курсе реальных действий С.Ю. Витте и российских представителей в Корею. Когда в середине октября 1897 г. временный поверенный в делах Англии У. Гошен поднял в Петербурге вопрос о смещении Л. Броуна перед В.Н. Ламздорфом, тот сослался на своё полное неведение и посоветовал дипломату обратиться к директору Азиатского департамента А.К. Базили. Он тоже оказался неосведомлён, уверив англичан, что никаких распоряжений о смене Л. Броуна в Сеул не отправлялось. Из всего

чили между собой специальное соглашение. 7 января 1898 г. К.А. Алексеев встал во главе всех финансов королевства¹⁶⁷. Назначение российского чинов-

---

этого британский дипломат сделал вывод, что это была личная инициатива А.Н. Шпейера (У.Гошен–Р. Солсбери 30 октября и 1 ноября 1897 г. // PRO FO. 65/1534. P.75–80, 86–88). Далее А.К. Базили подтвердил эту догадку У. Гошена, сообщив ему, что А.Н. Шпейер превысил свои полномочия, действуя против Л. Броуна, о чём он, его начальник, сожалеет (У. Гошен – Р. Солсбери 14 декабря 1897 г. // PRO FO. 65/1534. P.163–166).

¹⁶⁷ Замену Л. Броуна на К.А. Алексеева А.Н. Шпейер приписал исключительно своим заслугам, о чём не преминул сообщить в родное министерство (телеграмма А.Н. Шпейера в МИД 21 октября 1897 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1897 г. Д.100. Л.44). Дипломат в красках изобразил, как он за две недели «ожесточённой и ежеминутной борьбы» с проанглийскими, прояпонскими и проамериканскими партиями вокруг короля и с министрами, особенно – иностранных дел, сумел одержать верх. Король же лишь «скорбел» о происходящем, не решаясь вмешаться. Лишь на аудиенции посланника 13 октября 1897 г. монарх сделал окончательный выбор в пользу К.А. Алексеева. Его назначение было оформлено специальным договором между А.Н. Шпейером и корейским Министерством иностранных дел. Российский дипломат ошибочно полагал, что всё влияние англичан в Корее держалось исключительно на Л. Броуне (черновик донесения А.Н. Шпейера М.Н. Муравьёву 18 ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.87. Л.32–34). Он действовал, не имея прямых указаний из министерства, так как полагал, что всякая уступка опасна для русских интересов. На телеграмме А.Н. Шпейера 21 октября 1897 г. Николай II оставил помету: «Шпейер молодец!!». С.Ю. Витте отстаивал назначение К.А. Алексеева «во главе финансового и таможенного управления Кореи» (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 24 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.12). МИД же выступал за осторожность в действиях и был против того, чтобы русский чиновник возглавлял корейские таможи. Поэтому внешнеполитическое ведомство не способствовало, а тормозило назначение К.А. Алексеева, несмотря на несколько просьб С.Ю. Витте (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 20 ноября 1897 г. // Там же. Л.36). М.Н. Муравьёв полагал, что назначение К.А. Алексеева во главе таможи невозможно, так как он и так уже стал советником короля (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 26 ноября 1897 г. // Там же. Л.37–38). Министр иностранных дел искал для противодействия любой повод. Так, он упёрся в мелочь: на чьей службе должен числиться К.И. Алексеев – на корейской или русской, добавив к этому, что настоящая минута весьма неудобна для давления на правительство королевства (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 18 ноября 1897 г. и ответное письмо министра иностранных дел 29 ноября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.108–110, 114–115). Со своим решением не оказывать давления в Корее М.Н. Муравьёв ознакомил С.Ю. Витте уже после того, как он получил согласие Николая II, а поверенному в делах в Сеуле была послана соответствующая телеграмма (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.114 об.). Вопрос о службе К.А. Алексеева вообще не стоил переписки: С.Ю. Витте с высочайшего соизволения уволил К.А. Алексеева из штата Министерства финансов с причислением его к Министерству же финансов в качестве чиновника особых поручений (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.211–212). Такое решение вполне устроило К.А. Алексеева, его назначение главой корейских таможен прошло успешно, да и сам М.Н. Муравьёв ничего на это не возразил. Несогласие двух министров отразило не только расхождение их взглядов на корейскую политику России, но и проступающее за этим личное соперничество за влияние на дальневосточные дела. Министр финансов ответил коллеге тем же: когда он счёл возможным сообщить М.Н. Муравьёву проект служебного контракта К.А. Алексеева, оказалось, что глава внешнеполитического ведомства впервые слышит о таком документе, что он не преминул подчеркнуть в своем письме С.Ю. Витте

ника отразило противоречивость ситуации для корейского короля: с одной стороны, он понял, что не может полностью опираться на Россию, с другой стороны, выбор у монарха был крайне невелик, поэтому ему приходилось время от времени обращаться в Петербург за помощью. Так, в ноябре 1897 г. король просил Россию содействовать установлению официальных отношений королевства с Китаем¹⁶⁸.

В это же время оживился и вопрос об учреждении Русско-Корейского банка. До него в Корее действовали исключительно японские кредитные учреждения. В 1896 г. в королевстве обсуждалась идея создания национального банка, но дело не двинулось дальше разговоров. К.А. Алексеев полагал, что появление российского кредитного учреждения стало бы «прямым благодеянием для всех иностранцев в Сеуле, находящихся в прямой зависимости от произвола двух–трёх китайских купцов, взимающих самый варварский куртаж при размене векселей и чеков»¹⁶⁹. С.Ю. Витте представил Николаю II записку «Об учреждении Русско-Корейского банка»¹⁷⁰, где доказывал, что новый банк будет содействовать развитию русской торговли и предпринимательства, вспомнив о концессиях Ю.И. Бринера и М.Д. Нищенского как о хорошей почве для существования кредитного учреждения. Министр финансов только не упомянул, что в своё время он не оказал никакой поддержки ни М.Д. Нищенскому, ни Ю.И. Бринеру, даже когда последний приехал в Петербург в 1897 г. Конечно, для С.Ю. Витте не являлось секретом нежелание русских предпринимателей вкладывать деньги в дальневосточные концессии (из региона шёл заметный отток капитала в Европейскую Россию). Вряд ли банк мог действительно существовать на обслуживании двух концессий, они, по-видимому, являлись лишь предлогом. Некоторые обстоятельства учреждения банка скорее свидетельствуют, что он был призван стать политическим инструментом. На это не преминул ехидно указать М.Н. Муравьёв: российское руководство, призывая своих агентов действовать в королевстве с максимальной осторожностью и стремясь не испортить отношения с Японией, одновременно учреждало банк, нацеленный на борьбу с японским экономическим влиянием в королевстве, что вряд ли мог-

---

21 декабря 1897 г. (Там же. Л.150–151). Такой случай был отнюдь не единичен: дело дошло до того, что агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотиллов во многих своих телеграммах, отправляемых руководству, просил не сообщать их содержание в МИД (например: Там же. Л.49 и др.).

¹⁶⁸ Телеграмма А.Н. Шпейера в МИД 15 ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1897 г. Д.100. Л.57.

¹⁶⁹ К.А. Алексеев – П.М. Романову 2 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.7.

¹⁷⁰ С.Ю. Витте нужен был именно самостоятельный банк, а, к примеру, не филиал уже существующего Русско-Китайского банка: министр финансов ещё не установил над ним полный контроль и не мог позволить отвлечь значительные средства на осуществление операций, носивших не столько коммерческий, сколько политический характер.

ло являться коммерчески оправданным предприятием. Кроме того, «едва ли в наших выгодах [было] способствовать исчезновению последних преград той замкнутости, в которой жила Корея на пространстве многих веков», так как это приводило к экономическому преобладанию Японии в королевстве¹⁷¹. Не случайно банк получил права, не свойственные обычному кредитному учреждению: возможность делать займы без жёстких гарантий, приобретать концессии, брать на себя обязательства в сумме, в 20 раз превышающей уставной капитал в 500 тыс. руб. (фактический капитал банка составлял 3,1 млн. руб.). Объяснялось всё это просто: одной из главных задач Русско-Корейского банка являлось финансирование предполагавшегося строительства ветки от КВЖД к одному из корейских портов¹⁷².

Перемена во взглядах С.Ю. Витте на Корею была связана с вопросом о незамерзающем порте. Министр финансов пытался в 1896 и 1897 г. получить такую гавань в Китае, но безуспешно. Переломным моментом стал, по-видимому, визит в Китай Э.Э. Ухтомского в 1897 г. Ещё в марте 1897 г., при подготовке поездки Николай II поручил князю добиваться разрешения построить ветку от основной трассы КВЖД до одного из портов на Жёлтом море¹⁷³. Но как раз по этому вопросу переговоры князя завершились полной неудачей¹⁷⁴. Не удивительно, что после этого С.Ю. Витте обратил свой взор на Корею. Его сразу серьёзно обеспокоило сообщение Д.Д. Покотилова о падении русского влияния в королевстве¹⁷⁵. Сановник уже планировал протянуть от КВЖД ветку до порта Ыйчжу в устье реки Амноккан. Ему казалось, что «соединение нашей линии с китайской линией менее важно, чем ветвь к одному из портов Кореи»¹⁷⁶.

Однако история переговоров вокруг этой трассы свидетельствует о другом: как предприимчивые французские коммерсанты пытались выгодно перепродать концессию. План работ по её сооружению был составлен скорее для демонстрации намерений, так как их начало приходилось на сезон дождей. В связи с концессией циркулировал упорный слух, что японцы предлагали за неё 1 млн. американских долларов (это размер капитала в предприятии

---

¹⁷¹ Проект секретной инструкции Н.Г. Матюнину 23 декабря 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.55–56.

¹⁷² П.М. Романов – С.Ю. Витте 8 марта 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.77. Л.8. Подробнее об этом см.: Чой Доккю. Указ. соч. С.32–72.

¹⁷³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.78–80. Министр финансов намеревался использовать порт Ыйчжу (Пак Б.Д. С.286).

¹⁷⁴ Д.Д. Покотилев – А.И. Путилову 27 мая 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.114. Л.1–3; Романов Б.А. Указ. соч. С.170–172.

¹⁷⁵ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.78–80.

¹⁷⁶ П.М. Романов – Э.Э. Ухтомскому 6 июня 1897 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.425. Л.152.

Д. Морса), но французы якобы не согласились¹⁷⁷. Вслед за этим французский посол в Петербурге сообщил в МИД копию переписки вокруг этой дороги вместе с предложением, чтобы Россия гарантировала строительство трассы до китайской границы¹⁷⁸. Д.Д. Покотилов советовал воспользоваться моментом и «наложить руку» на эту дорогу¹⁷⁹. Пока шли переговоры, Россия заняла Порт-Артур, что привело к резкой смене политики. С.Ю. Витте решил, что гарантия эксплуатации железной дороги за границей невыгодна с финансовой точки зрения¹⁸⁰. А стратегическое значение она к тому времени утратила (точнее, так и не получила). Видимо, по той же причине министр финансов в 1898 г. был против приобретения концессии на железную дорогу Сеул–Инчхон (которую предложили К.А. Алексееву за 1,5 млн. долларов) и участия в сооружении магистрали Сеул–Фузан¹⁸¹.

Концессию на неё принадлежала американцу Д. Морсу, ей интересовались японцы. В начале декабря 1897 г. Петербург решил «до времени» не принимать предложение американца приобрести её, «дабы не придавать действиям нашим в Корее вызывающего характера»¹⁸². Несмотря на указание, посланник Н.Г. Матюнин намеревался действовать через компанию, пайщиком которой являлся бы Русско-Китайский банк¹⁸³. Однако С.Ю. Витте отклонил идею, сославшись на то, что тогда и японцы потребуют участия в концессии. В итоге они и купили её у Д. Морса¹⁸⁴. Но денег на строительство у Токио не было,

¹⁷⁷ В. Полянский – Д.Д. Покотилу 19 июля 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.53. Л.4–5.

¹⁷⁸ Памятка В.Н. Ламздорфа о железных дорогах в Корее [1898 г.] // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.54.

¹⁷⁹ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 5 августа 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.99–100.

¹⁸⁰ Памятка В.Н. Ламздорфа о железных дорогах в Корее [1898 г.] // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.54.

¹⁸¹ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 12 февраля 1898 г. и ответное письмо 15 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.81, 84–85; Пак Ро Бёг. Борьба капиталистических держав за железнодорожные концессии в Корее в конце XIX – начале XX веков и позиция России // Россия и народы стран Востока. Иркутск, 1993. С.56–64. Концессия на железную дорогу Сеул–Инчхон (20,3 миль) оказалась, в конце концов, у японцев. Они быстро построили трассу, в сентябре 1899 г. состоялась её обкатка, а в июле 1900 г. она была передана в эксплуатацию (Шипаев В.И. Указ. соч. С.36).

¹⁸² Проект секретной инструкции Н.Г. Матюнину 23 декабря 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.56 об.

¹⁸³ Н.Г. Матюнин – В.Н. Ламздорфу 31 января 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.77; Русско-японская война 1904–1905 гг. С.291.

¹⁸⁴ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.292. Концессия на дорогу Сеул–Фузан была выдана японскому синдикату 27 августа 1898 г. В число условий входил запрет на отчуждение акций железной дороги и на проживание на станциях дороги иностранцев,

поэтому японцы обратились к России с предложением строить совместно дорогу от Фузана до Инчжоу (через всю Корею) на соединение с КВЖД. Этот план получил одобрение Х. Ито – явно с политических позиций¹⁸⁵. Однако и здесь они не встретили отклика, поэтому соорудили дорогу сами.

В интересе к Корее С.Ю. Витте поддержали военные. Полковник Д.В. Путята в записке, посвящённой Корее, подчеркнул важное значение королевства для России. Понимая, что аннексировать её невозможно, офицер представлял роль Кореи как буфер между Россией и Японией. Петербургу следовало устанавливать своё влияние там экономическими методами и военной мощью (подготовка корейской армии)¹⁸⁶.

С запозданием на такт развернулись и моряки: они озаботились приобретением участков на побережье Корейского залива как для порта, так и необходимой флоту инфраструктуры. Этому содействовал король, подчёркнуто милостиво приняв 18 ноября 1897 г. командира Тихоокеанской эскадры Ф.В. Дубасова. Адмирал просил у коджона продать России полосу земли в Фузана под угольную станцию¹⁸⁷. Правда, само приобретение требовало времени, так как участок стоил 18 тыс. долларов, и на его покупку требовалась санкция министра финансов. С.Ю. Витте внешне энергично поддержал намерения флотского руководства («я признал бы наиболее целесообразным заручиться теперь же достаточно большими и притом лучшими по своему положению участками», которые имели бы «весьма важное значение для развития в будущем нашего торгового дела в Корее»). Однако он был готов выделить на их приобретение лишь 25 тыс. руб., тогда как для этого требовалось от 33 до 66 тыс. руб.¹⁸⁸ При первых же протестах Англии и Японии против приобретения Россией слишком, по их мнению, крупных участков в Мокпо и Циннампо, открытых для иностранцев во второй половине 1897 г., С.Ю. Витте сразу уменьшил размеры приобретаемой территории, да так, что их оказалось

исключая японцев (Вебер К.И. Записка о Корее до 1898 г. и после // Российское корееведение. Альманах. Выпуск второй. М., 2001. С.141). Фактически строительство этой железной дороги велось на деньги из японского государственного бюджета, так как частный капитал не проявил в ней заинтересованности. К началу русско-японской войны она ещё не была завершена (Шипаев В.И. Указ. соч. С.38–39).

¹⁸⁵ А.И. Павлов – Е.И. Алексееву 11 ноября 1900 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.57. Л.58–61.

¹⁸⁶ Записка Д.В. Путяты о Корее // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.83–92. Мысль о роли королевства как буфера между Россией и Японией вызвала одобрительную помету Николая II.

¹⁸⁷ А.Н. Шпейер – в МИД 3 декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.369–370.

¹⁸⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 11 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.10.

недостаточно для сооружения портов (хотя совсем недавно он ратовал за их максимальный размер)¹⁸⁹.

Резкой активизации С.Ю. Витте в Корею воспротивился министр иностранных дел М.Н. Муравьев, предпочитая держать прежний курс на дружественные отношения с Японией. Внешнеполитическое ведомство тормозило действия С.Ю. Витте, призывая его к осторожности и не соглашаясь, например, с огромными полномочиями К.А. Алексеева в Корею (хотя ещё весной 1897 г. речь шла об обратном). Оно также не требовало немедленно удалить его предшественника по управлению корейскими таможнями англичанина Л. Броуна¹⁹⁰.

Несмотря на сопротивление министра иностранных дел, в российской политике в отношении Кореи во второй половине 1897 г. произошёл перелом: выжидание и боязнь испортить отношения с Японией сменились на активность. Своеобразным лейтмотивом нового места Кореи в планах российского руководства могут служить слова С.Н. Сыромятникова (Сигмы), одного из ведущих публицистов «Нового времени» – газеты, считавшейся официозом правительства. Весьма осведомлённый Сигма, к тому же интересовавшийся делами Дальнего Востока, в конце 1897 г. сообщил многочисленным читателям о Корею, предвосхищая дальнейшую политику: «страна эта, столь важная для нас на Востоке, нуждается в русской поддержке и русской культуре»¹⁹¹.

Петербург всё-таки наложил ограничения на размах «нового курса». 1 декабря 1897 г., лично инструктируя отбывавшего в Сеул на место российского посланника Н.Г. Матюнина¹⁹², Николай II ещё раз подчеркнул, что России не следует стремиться ни к завоеванию Кореи, ни к протекторату над ней, наиболее желательным казалось сохранение её независимости. Поэтому назначением К.А. Алексеева и направлением нескольких военных инструкторов следовало ограничиться. Царь особо подчеркнул для передачи непосредственно корейскому монарху, что он не имеет никаких эгоистических намерений

¹⁸⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.290–291.

¹⁹⁰ К.А. Алексеев – П.М. Романову 1 января 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.51–53.

¹⁹¹ Сигма. В Корею // Новое время. 1897. 1 ноября. №7748.

¹⁹² Не удивительно, что история с Л. Броуном повлекла за собой смену российского представителя: А.Н. Шпейер, вслед за К.И. Вебером, действовал чрезмерно энергично и самостоятельно, чем, несомненно, вызывал раздражение японцев. Пока в Петербурге обсуждались рамки будущей корейской политики России, он не сбавлял оборотов и уже активно работал в Сеуле над формированием прорусского правительства (!). Всё это возрождало у монарха надежды на Россию (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 6 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.71–72). А.Н. Шпейер возглавлял российскую миссию с 24 августа 1897 г. по 28 марта 1898 г., когда его сменил Н.Г. Матюнин.

относительно королевства¹⁹³. Аналогичные наставления, в частности, даже запрет на приобретение новых концессий, новый посланник получил и от министра иностранных дел М.Н. Муравьёва. По сути дела, действия России в Корее увязывались им с активностью Японии и должны были служить лишь ответом ей¹⁹⁴. Тем не менее, в документе опять содержалось немало противоречий. Предписывая дипломату действовать «не вызываяще», чтобы не нарушать уже подписанные соглашения со Страной восходящего солнца, министр одновременно утверждал, что главными устоями России в королевстве служили «войско и финансы», которые следовало «предохранить от всякого воздействия со стороны Японии», что слабо соответствовало имевшимся соглашениям с Токио. Сам же Н.Г. Матюнин по взглядам был ближе энергичной политике С.Ю. Витте. Он ещё в сентябре 1897 г. изложил свои соображения о корейской политике В.Н. Ламздорфу: конечно, на Дальнем Востоке следовало вести себя осторожно, но независимость Кореи казалась ему временной. Пока Россия не могла открыто взять королевство «под державный скипетр царя», следовало заниматься его русификацией: насаждать православие, с помощью русских офицеров организовать сильную национальную армию, воспитывать детей корейской знати в России и т.п.¹⁹⁵

Ставка на активность русской политики в Корее продолжалась недолго. На Особом совещании 15 ноября 1897 г., посвящённом занятию Германией Цзяочжоу, С.Ю. Витте заявил о желательности для России иметь незамерзающий выход в Тихий океан и что «наше наступательное движение на Восток должно этим кончиться»¹⁹⁶. Показательно то, что министр финансов в своем выступлении нигде прямо не заявил, на какую именно гавань претендует Россия, учитывая же его горячее желание не допустить японское влияние в Корее¹⁹⁷, можно предположить, что С.Ю. Витте имел в виду один из портов восточного побережья Кореи. Тому есть ряд косвенных свидетельств. Например, письмо П.М. Романова Ф.К. Авелану 19 ноября 1897 г. с просьбой о предоставлении топографических сведений о бухтах Кореи, так как Министерство финансов разрабатывало вопрос «о возможности развития в ближайшем будущем коммерческой деятельности портов Корейского побережья» (это можно понять

¹⁹³ Запись аудиенции Н.Г. Матюнина у Николая II 1 декабря 1897 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.16–17.

¹⁹⁴ Инструкция М.Н. Муравьёва Н.Г. Матюнину 2 января 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.6. Л.90–98.

¹⁹⁵ Н.Г. Матюнин – В.Н. Ламздорфу 30 сентября 1897 г. (копия) // ОР ИРЛИ. Ф.262. Оп.1. №261. Л.1–2, 5. Одновременно Н.Г. Матюнин предлагал просто аннексировать у Китая Гириинскую и Хэйлунцзянскую провинции и сосредоточить там отборные русские войска (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.793. Л.3, 16).

¹⁹⁶ Журнал Особого совещания 15 ноября 1897 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.120. Л.3.

¹⁹⁷ Там же.

как намерение превратить один из них в конечный пункт Сибирской железной дороги ибо позиции русской торговли в королевстве были ничтожны)¹⁹⁸. В январе 1898 г. аналогичный запрос последовал в адрес Е.И. Алексеева¹⁹⁹.

5.7. Захват Порт-Артура и пересмотр корейской политики России

Очередная перемена курса в отношении Кореи произошла после того, как Петербург принял решение ввести свои корабли на рейд Порт-Артура и Даляньваня в декабре 1897 г. Эти две проблемы были тесно связаны между собой. В отличие от министра финансов, М.Н. Муравьев, настоявший на захвате китайских портов, рассматривал нахождение русских кораблей там скорее как временное, для давления на Китай, чтобы приобрести более удобную гавань и только в комбинации с уступками Японии на Корейском полуострове. Нет оснований полагать, что министр иностранных дел предполагал полностью отказаться от всякого влияния в королевстве в пользу Токио, но вот не допускать там никакой активности впредь – было решено сразу. М.Н. Муравьев подтвердил прежнюю точку зрения: не делать в Корее ничего, что могло бы вызвать недовольство и подозрения в Японии²⁰⁰. Министр назвал «совершенно неуместными» намерения Ф.В. Дубасова послать в Сеул 300 моряков для «охраны» короля в ответ на слухи о приходе английской эскадры (несмотря на то, что сам М.Н. Муравьев воспользовался подобным слухом, чтобы захватить Порт-Артур)²⁰¹. 11 декабря 1897 г.,

¹⁹⁸ РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1090. Л.1.

¹⁹⁹ Там же. Л.33–37.

²⁰⁰ М.Н. Муравьев – П.П. Тыртову 6 января 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.244–245. Однако военные думали иначе. Видимо, они опасались агрессивных действий Токио именно в Корее и готовились к ответным действиям. В начале 1898 г. в частях Приамурского военного округа ходили «смутные слухи о формировании какого-то отряда и предстоящего его похода, как говорили, в Корею для оккупации главных её центров; однако секрет если не самого формирования, то предстоящего назначения этого отряда был сохранён» (Тыртов М.А. Из недавнего прошлого военно-судебного деятеля // ОР ИРЛИ. Разряд I. Оп.27. №75. Л.1).

²⁰¹ М.Н. Муравьев – П.П. Тыртову 7 декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.99–100. Ф.В. Дубасов, в отличие от министра иностранных дел, рассматривал слух о приходе англичан в Чифу как ответ на назначение К.А. Алексеева главой корейских финансов и полагал, что России в качестве ответной меры следует захватить порт Мазанпо и остров Кожедо (Каргодо) (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 27 ноября 1897 г. // Там же. Л.25). Занятие Порт-Артура не остановило адмирала: он продолжал настаивать на осуществлении своих корейских планов, беспокоясь за судьбу короля, которого могли свергнуть японцы, и за влияние России в королевстве (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 27 декабря 1897 г. // Там же. Л.218–222). Китайский порт его не устраивал, так как бухта Порт-Артура была неудобна для стоянки флота: ему мешали сильный боковой ветер, неглубокий рейд, необходимость установки волнорезов (Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову

сразу после того, как русские корабли заняли рейд Порт-Артура и Даляня, А.Н. Шпейеру было дано предписание соблюдать особую осторожность, чтобы сохранить дружеские отношения с Японией. Уже 6 декабря 1897 г. российский МИД известил К.А. Алексеева о том, что Петербург не настаивает на подчинении корейской таможни именно ему, а 16 декабря – о намерении пересмотреть его контракт. Отныне начальнику корейских финансов следовало действовать исключительно от своего имени²⁰². Вообще министр иностранных дел оперативно выразил готовность отказаться «при известных условиях» от московского соглашения 1898 г., «порождающего столько недоразумений». После Порт-Артура он намеревался предложить Японии «льготы и преимущества» на рынках Китая, Кореи и Сибири²⁰³.

Однако К.А. Алексеев решил, «что наше дело в Корее даже не оставлено на произвол судьбы, а как-то систематически удивительно последовательно сводилось на нет каким-то злым гением» и фактически отказался следовать указаниям из Петербурга²⁰⁴. Он продолжил прежний курс на укрепление российского влияния в королевстве. Аналогичную позицию заняли и представители МИД в Корее. Однако на этот раз ведомство не стало осуждать своих сотрудников: констатировав, что А.Н. Шпейер сделал значительно больше, чем предписывалось данными ему инструкциями, дипломатическое руководство всё-таки признало «совершенно невозможным отказаться от достигнутых результатов без ущерба для нашего обаяния в Корее»²⁰⁵. Петербург в сущности ещё раз отмежевался лишь от всяких планов присоединения Кореи, которые, кажется, имели в виду российские представители в королевстве, и подчеркнул необходимость соблюдения территориальной целостности государства. В феврале 1898 г. М.Н. Муравьёв напомнил, что в намерения Николая II «не входит мысль о занятии Северной Кореи нашими войсками, что было бы противно провозглашае-

---

2 марта 1898 г. // Там же. Л.356–358). Очередной поворот в корейской политике России Ф.В. Дубасов рассматривал как ошибку: «Ныне мы отступили из Кореи, конечно, временно, но брать её придётся теперь уже с бою». Адмирал был уверен, что войны с Японией не избежать и считал «безусловно необходимым раздавить её – эту, по моему мнению, гадину Востока» (Д.М. Позднеев – П.М. Романову 28 октября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.224–224 об.).

²⁰² Синхронистическая таблица событий вокруг Порт-Артура и в Корее в конце 1897 – начале 1898 гг. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.129–137.

²⁰³ М.Н. Муравьёв – Р.Р. Розену 28 декабря 1897 г. с согласия Николая II (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.51–51 об.

²⁰⁴ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 7 декабря 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.254–260.

²⁰⁵ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса. [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.51.

мому нами принципу независимости этой страны»²⁰⁶. Дальше всех отступил С.Ю. Витте: он отказался вообще от каких-либо целей в Корее и был готов отдать её целиком японцам. В этом разномыслии ещё раз проявилась тревожная черта: невозможность достичь единства во взглядах в Петербурге на корейскую политику, особенно после захвата Порт-Артура.

На этом фоне начался очередной обмен мнениями с Японией о ситуации вокруг полуострова. Японцы ещё в декабре 1897 г., до занятия Порт-Артура, начали зондировать почву на предмет соглашения с Россией по Корее, выбрав в качестве возможного посредника Францию²⁰⁷. В конце декабря 1897 г. М.Н. Муравьев имел конфиденциальный разговор с посланником Т. Хаяши. Министр передал ему позицию Николая II: трения между Токио и Петербургом в Корее не отвечают интересам обеих стран. Царь признал, что Корея значительно важнее для Японии, чем для России, поэтому он был готов удовлетвориться сохранением независимости королевства. Это выглядело не только как сдача прежних позиций (не допускать японского влияния в Корее), от чего отрёкся МИД, утверждая, что речь идёт всего лишь о паритете, но и как предложение обменять господство Токио на полуострове на признание захвата Ляодуна (что, кстати, царь совсем не имел в виду). Именно так понял суть разговора японский дипломат, ответив, что они всегда готовы к подобным переговорам. Схожие по содержанию разговоры вёл посланник в Токио Р.Р. Розен: Россия станет содействовать Японии в коммерческих и экономических предприятиях в Корее. Однако в отличие от Т. Хаяши, Т. Ниши сразу заявил, что этого мало, Петербургу следует отозвать военных инструкторов и финансового советника²⁰⁸.

4 (16) февраля 1898 г. японский посланник в России предложил заключить новое соглашение по Корее и представил его проект. Страна восходящего солнца претендовала на то, чтобы ей было предоставлено либо право готовить корейскую армию, либо место финансового советника короля (т.е., установить с Россией фактический паритет)²⁰⁹. Токио также хотел обменять признание за Японией исключительного права советовать и помогать Корее (т.е., протекторат де-факто) на отказ от Маньчжурии. В.Н. Ламздорф признавал, что претензии Страны восходящего солнца в Корее имели «некоторую основательность», поэтому если за Россией осталась бы «вся военная часть», то Японии

---

²⁰⁶ Телеграмма В.Н. Ламздорфа А.Н. Шпейеру 18 февраля 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.24.

²⁰⁷ Коряков В.П. Указ. соч. С.136.

²⁰⁸ См. об этом: Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.795–799.

²⁰⁹ Синхронистическая таблица событий вокруг Порт-Артура и в Корее в конце 1897 – начале 1898 гг. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.129–137; Р.Р. Розен – в МИД 8 марта 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.54–54 об.; Пак Б.Д. Указ. соч. С.304; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.802.

можно было уступить контроль за финансами²¹⁰. Но с переговорами дипломат предлагал не спешить, считая, что соглашению с Японией должен предшествовать договор с Англией (вероятно, не предполагая, какие трудности уготовит такому решению С.Ю. Витте). Получилось, что Токио проиграл этот обмен мнениями: из Японии вытянули признание касательно Маньчжурии, не пообещав за это ничего определённого.

Ответ Японии последовал незамедлительно. 11 (23) февраля 1898 г. в Сеуле началась сильная атака на короля: «Клуб независимости» потребовал удалить всё русское из Кореи, для подтверждения своей решимости заговорщики ранили саблём корейца – переводчика русской миссии. По времени эти действия совпали также с решением вопроса о продаже России участков в портах Мокпо и Циннампо для создания угольных станций²¹¹. Король обратился за помощью к России, А.Н. Шпейер предложил монарху опять укрыться в российской миссии. Но он был в высшей степени обескуражен, когда получил из Петербурга категорический запрет на пребывание короля и выговор за свою инициативу. Дипломату пришлось взять своё приглашение назад, чем он «совершенно передал императора в руки заговорщиков»²¹². М.Н. Муравьёв в ответ 21 февраля 1898 г. направил депешу дипломатам с требованием строго придерживаться принципа независимости Кореи, что фактически означало запрет на борьбу с прояпонскими силами. В.Н. Ламздорф доложил Николаю II: «Счастье, что Шпейеру не удалось (! – И.Л.) уговорить императора корейского переехать в миссию, под защиту нашего флага!»²¹³ Ныне у нас руки совершенно развязаны. Мы вполне последовательно докажем, что занимались внутренними делами Кореи только по просьбе короля и его правительства и исключительно с целью обеспечить независимость страны. Теперь мы можем гораздо легче сговориться с Японией. Кондоминимуму нужно избегать <...> Во внутренние дела нам незачем более вмешиваться, достаточно за ними наблюдать»²¹⁴. Это означало, что товарища министра иностранных дел не только не смущали происшедшие в Сеуле события,

²¹⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 20 января 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.5–5 об.

²¹¹ На эти цели было затрачено 3187,87 мексиканских долларов и 2959,15 японских иен, включая расходы на поездку (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 15 марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.763. Л.22–23). В Циннампо Россия приобрела два участка общей площадью около 235 тыс. кв. метров, однако 150 тыс. из них находилось в зоне приливов и лишь 80 тыс. – суша (Церерин А. Циннампо, корейский порт, открытый для внешней торговли. Б/м., [1903]. С.7–8). Однако сделка не была завершена, а позднее Россия забросила эти участки (Русско-японская война 1904–1905 гг. С.289–290, 352).

²¹² Русско-японская война 1904–1905 гг. С.288.

²¹³ Возможно, что такое искажение смысла («не удалось уговорить» и «запретить») было следствием боязни того, что Николай II может поддержать короля.

²¹⁴ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 3 марта 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.12 об. – 13.

но и дали ему повод уступить Токио («избегать кондоминиума»). Он также продолжал выражать уверенность в том, что Корея не могла существовать самостоятельно, как независимое государство, поэтому допускал, что в будущем Россия займёт северную часть королевства. Такое поведение В.Н. Ламздорфа свидетельствовало лишь о слабой компетентности руководства внешнеполитического ведомства в дальневосточных делах.

Фактически корейский монарх оказался перед дилеммой: либо рисковать своей властью и жизнью, либо настаивать на удалении русских. Конечно, он выбрал второе. 28 февраля 1898 г. корейское правительство заявило об отказе от услуг военных инструкторов и советников (несколько дней спустя Петербург, сохраняя лицо, заявил, что он решил вернуть командированных в королевство офицеров)²¹⁵. 5 марта русский охранный батальон покинул королевский дворец. В завершение всего с корейской службы ушёл К.А. Алексеев, оставивший после себя в казне 1 278 127 мексиканских долларов (чем он очень гордился). 2 марта 1898 г. М.Н. Муравьёв распорядился приостановить движение русской духовной миссии в Корею, задержав их в Японии (миссия состояла всего из трёх человек)²¹⁶. Резкий перелом в политике России также ярко проявился в истории с Русско-Корейским банком. 1 марта 1898 г. открылось его отделение в Сеуле, но уже в апреле 1898 г. всякая деятельность банка прекратилась²¹⁷.

²¹⁵ М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 4 марта 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.367.

²¹⁶ Чо Чон Хван. Русская православная миссия в Корею. М., 1997. С.63.

²¹⁷ С.Б. Габриэль – Н.Г. Матюнину 27 апреля 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.104. Л.28. Позднее Н.Г. Матюнин писал: «Заккрытие банка вызвало общее сожаление в здешнем европейском обществе, но более всего – среди китайцев, весьма неохотно обращающихся к услугам японцев». Посланник предлагал взамен открыть в Сеуле отделение Русско-Китайского банка (Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 29 августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.104–105). Но Министерство финансов отказалось и от этого (П.М. Романов – В.Н. Ламздорфу 22 сентября 1898 г. // Там же. Л.110). В марте 1899 г. пошёл слух, что Япония предложила Корею заём. Российские дипломаты намеревались перехватить его, но идея не нашла отклика у С.Ю. Витте, заявившего, что он не считает возможным помогать королевству (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 10 марта 1899 г. // Там же. Д.52. Л.270) либо просто участвовать в корейском займе (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 21 мая 1899 г. // Там же. Л.272). Летом 1899 г. посланник в Сеуле А.И. Павлов провёл шесть недель в Петербурге и имел аудиенцию у Николая II, которому предложил открыть агентство Русско-Китайского банка в Сеуле. Царь ответил: «Вы возбудите этот вопрос, а я со своей стороны нажму». Конечно, дипломат сразу сообщил об этом своему непосредственному начальству – В.Н. Ламздорфу и М.Н. Муравьёву (А.И. Павлов – Д.Д. Покотилову 29 августа 1899 г. // Там же. Л.30 об. – 31). В конце 1899 г. у министра иностранных дел появился повод, чтобы вернуться к этому вопросу: он получил известие, что Гонконг-Шанхайский банк решил открыть своё отделение в Сеуле. М.Н. Муравьёв предложил С.Ю. Витте опередить англичан (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 11

В несколько месяцев Россия перечеркнула всё, чего её представители добились, и безуспешно, в течение нескольких лет²¹⁸.

Внешнеполитическое ведомство уже, кажется, не отдавало себе отчёт в том, что именно ему следует делать в Корее. «Не тратя напрасно (! – И.Л.) сил и времени в видах сохранения нашего преобладающего влияния в делах внутреннего управления страны и поддержания авторитета императора, который, очевидно, утратил всякое (! – И.Л.) значение в среде своего собственного народа, нам, по видимому, следовало бы отныне все усилия свои направлять к ограждению на полуострове исключительно наших собственных интересов»²¹⁹ – так объяснял контуры новой политики России в Корее МИД.

Сразу после этих действий крупный чиновник МИД, бывший директор Азиатского департамента (1896–1897 гг.) Н.Г. Гартвиг обратился к хозяину «Нового времени» А.С. Суворину с просьбой поместить в газете рядом с правитель-

---

декабря 1899 г. // Там же. Л.283). Министр финансов невежливо ответил, что правление банка не станет даже рассматривать этот вопрос, так как в коммерческом отношении такое отделение невыгодно, и почему-то обусловил появление русского кредитного учреждения на Корейском полуострове политической стабильностью в королевстве (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 22 декабря 1899 г. // Там же. Л.294–295). В сентябре 1896 г., когда политической стабильности в Корее было не больше, министр финансов сам предлагал открыть там филиал Русско-Китайского банка (помета С.Ю. Витте на донесении Д.Д. Покотилова 16 сентября 1896 г. // Там же. Д.20. Л.106). М.Н. Муравьёв не преминул подчеркнуть противоречие в аргументации коллеги: констатация невыгодности сочеталась с обусловленностью политическими причинами, отметив, что оценка МИДа отличалась от взглядов Министерства финансов на Корею (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 5 января 1900 г. // Там же. Д.52. Л.296–297). С.Ю. Витте в ответ объяснил своё решение приобретением Ляодуна, заметив: надо «иногда дать некоторые уступки (! – И.Л.) для достижения более важных результатов в другом отношении» (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 13 января 1900 г. // Там же. Л.300–305). Даже вмешательство Николая II, поддержавшего идею в конце 1899 г., не помогло: министр финансов всё равно отказался открыть российское финансовое учреждение в Корее (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 декабря 1899 г. // Там же. Д.765. Л.144–145).

²¹⁸ Решение царя и его ближайшего окружения вызвали неожиданную реакцию в МИД. Не сведущие в деталях чиновники почему-то сочли, что виноваты во всём корейцы, которые «просто выгнать нас собрались. С навязанными (! – И.Л.) им инструкторами они ещё мирились. Но когда приехал финансовый агент Алексеев и хотел забрать в руки всё финансовое управление, т.е., деньги, то они окончательно возмутились» (Дневник Ф.Р. Остен-Сакена, запись 26 марта 1898 г. // РГАДА. Ф.1385. Оп.1. Д.474. Л.6). Удивительно, что он услышал этот рассказ от директора Азиатского департамента А.К. Базили! То есть, в Азиатском департаменте связали перемену в позиции корейцев исключительно с неудачными действиями русских в королевстве, а не с общей ситуацией на Дальнем Востоке и с изменениями в российской политике там.

²¹⁹ Всеподданнейшая записка МИД 2 марта 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.53 об. – 54.

ственным сообщением о политике России в Корее заметку, которой придавал «первостепенное значение». В частности, в ней утверждалось: «Можно было бы, например, выставить на вид, что Россия настоящим своим поведением в корейских делах как нельзя лучше доказала честность и бескорыстность своей политики, что все иностранные толки о её тайных замыслах в Корее оказались несправедливыми»²²⁰. Статья в газете, считавшейся официозом российского правительства, была адресована, прежде всего, за границу. Петербург таким образом сообщал о новом курсе на Корейском полуострове. Интересно, что по времени это произошло не после, а до заключения договора об аренде Порт-Артура с Китаем 15 (27) марта 1898 г. Причём переговоры об аренде продвигались трудно, и Россия до последнего момента не могла быть уверена в их положительном исходе.

Сигналы из Петербурга возымели успех. Уже 10 марта 1898 г. Р.Р. Розен сообщил, что Япония готова признать Маньчжурию вне сферы своих интересов. В.Н. Ламздорф разъяснил Николаю II: «Покамест это всё, что нам нужно, если при этом Япония признает независимость Кореи и не станет слишком явно вмешиваться в её дела. <...> После занятия портов Артура и Даляньваня можно будет объяснить, что если для Японии существуют интересы по близкому соседству с Кореєю, то таковые не менее существуют для сопредельной России». Товарищ министра не был склонен уступать Японии в Корее слишком много, полагая, что завладение Ляодуном не накладывает на Россию никаких обязательств перед Токио. Поэтому он также заявил, что Петербург должен быть готов «занять некоторые пункты на севере Кореи»²²¹. Корейская политика России отныне рассматривалась В.Н. Ламздорфом исключительно в контексте русско-японских отношений (что было, вероятно, ошибочно). Мнение самой Кореи и её правительства совершенно не интересовало чиновника. Он, например, всячески уклонялся от согласия принять в Петербурге корейское посольство (делегацию), несмотря на два обращения короля, полагая, что пойти навстречу следует лишь после третьего, но его, кажется, не последовало²²².

Первым следствием поворота в русской политике в Корее стало заключение нового русско-японского соглашения, подписанного 13 апреля 1898 г. В нём было всего три статьи. Россия впервые в одностороннем порядке обещала не вмешиваться в торгово-промышленные отношения Токио и Сеула, то есть, открыла широкую дорогу японскому влиянию в королевстве²²³.

²²⁰ Н.Г. Гартвиг – А.С. Суворину 6 марта 1898 г. // РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Д.855. Л.5–5 об.

²²¹ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 10 марта 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.15–15 об.

²²² Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 10 марта 1898 г. // Там же. Л.17–17 об.

²²³ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.313–314. Б.А. Романов усмотрел в соглашении результат совместного влияния Японии и Англии,

Казалось бы, что Япония должна была хотя бы на время удовлетвориться достигнутым. Но вместо облегчения Петербург столкнулся с другой, неожиданной проблемой: оказалось, что резкий поворот в корейской политике спровоцировал возражения в России. Неважно, какими интересами они вызывались, главное, что они выглядели убедительно, критикуя «новый курс». В частности, на идее восстановления и укрепления в Корее российского влияния появились безобразовцы²²⁴. Николай II не только принял их идеи, но и дал старт программе действий, находившейся в разительном контрасте с правительственной политикой в королевстве. Оказалось, что на Дальнем Востоке у России есть две политики: царская официальная и царская же, но неофициальная. Такое «разделение» не могло иметь положительного результата. Применительно же к Корее получалось, что Россия уходит из королевства, одновременно не желая этого и продолжая активные действия там. Это базовое противоречие порождало разнонаправленные решения, что лишь ещё более запутывало корейскую политику Петербурга.

Это проступило, например, при замене слишком активного Н.Г. Матюнина на А.И. Павлова во второй половине 1898 г., когда последний получил наставление, в котором говорилось, что в будущем возможно возвращение к планам установления российского господства в Корее, но без ссоры с Японией!²²⁵ Трудно представить, как бы это могло выглядеть. Пока же А.И. Павлову предписали «собирать возможно более полные и точные данные о настоящем положении вещей в Корее» – и всё!²²⁶ Одновременно С.Ю. Витте блокировал всякую экономическую активность русских в королевстве. В августе 1898 г. МИД обратился к нему за помощью, чтобы воспрепятствовать переходу концессии М.Д. Нищенского, которую тот так и не использовал, в руки иностранцев²²⁷. Министр финансов ответил: «К сожалению, однако, русские капиталисты и предприниматели при нынешнем положении дел в Корее не находят для себя возможным купить концессию г. Нищенского или принять в ней какое-либо участие», делая

направленного на размен Маньчжурии (!) на Корею, но никаких убедительных доказательств своего неожиданного предположения не привёл (Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.90–91). Б.Д. Пак представил соглашение как серьёзную уступку Японии, сообщив при этом, что в Петербурге в нём видели «значительный дипломатический успех» (Пак Б.Д. Указ. соч. С.306). Сами же японцы не придали ему существенного значения и рассматривали как добавление к московскому договору Лобанов-Ямагата.

²²⁴ Подробнее см главу 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

²²⁵ Пак Б.Д. Указ. соч. С.307.

²²⁶ Секретная инструкция А.И. Павлову, утверждённая Николаем II 3 сентября 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.110. Л.51.

²²⁷ В.Н. Ламздорф – П.М. Романову 2 августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.29.

вид, что он не знает, что вся экономическая деятельность на Дальнем Востоке такого рода была возможна лишь за казённый счёт²²⁸. М.Д. Нищенский обратился за ссудой в Русско-Китайский банк (он просил всего 75 тыс. руб. на 5 лет), но А.Ю. Ротштейн решил денег не давать, так как не усмотрел возможность получить прибыль²²⁹. Несмотря на то, что МИД придавал концессии М.Д. Нищенского политическое значение, ближайший подручный С.Ю. Витте свёл её к чисто экономическому предприятию. Сам министр финансов окончательно похоронил идею корейского займа. На телеграмме А.Ю. Ротштейну из Шанхая он оставил резолюцию: «Рекомендуйте не давать и не отвечать ничего положительного»²³⁰. Это означало, что в Министерстве финансов Корея более не рассматривалась как цель. Свою позицию С.Ю. Витте прямо выражал в начале 1900 г.: «занятие Квантура грозило бы огромными осложнениями с Японией в Корее – если бы мы оттуда не ушли. Для того, чтобы занятие Квантуна прошло благополучно, мы ушли из Кореи»²³¹.

Петербург всё-таки не совсем забыл про королевство. Вопреки позиции С.Ю. Витте, Морское министерство по-прежнему интересовалось участками на корейском побережье для организации на них угольных станций. Это было важно для обеспечения коммуникаций Порт-Артура с Владивостоком, признанных главными портами России на Тихом океане²³². Командование Тихоокеанской эскадры придавало настолько большое значение обладанию портом в Корее, что готово было уступить всю страну Японии, закрепив за Россией лишь остров Кожедо (Каргодо)²³³. По-видимому, последнее условие устраивало и корейского короля: от него не требовалось значительного содействия, и присутствие России ощущалось²³⁴. Поэтому переговоры об этом продвигались относительно успешно. Сначала моряки намеревались приобрести участки в трёх открываемых для иностранцев портах – Сонмине, Пиньяне и особенно –

²²⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 18 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.85. Л.14–15.

²²⁹ Правление КВЖД – С.Ю. Витте 2 октября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.31.

²³⁰ Резолюция министра финансов 21 января 1899 г. // Там же. Д.21. Л.98 об. Она была сообщена 25 января 1899 г. П.М. Романовым Д.М. Поздневу в Пекин как руководство к действию (Л.106).

²³¹ Пометы С.Ю. Витте на письме М.Н. Муравьёва 5 января 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.21. Л.126.

²³² Русско-японская война 1904–1905 гг. С.326.

²³³ С таким предложением выступил в 1899 г. командир Тихоокеанской эскадры вице-адмирал Я.А. Гильдебрандт (Симанский П.Н. Указ. соч. С.67). Непонятно, почему офицер игнорировал одно из важнейших условий расположения такого порта: к нему следовало обязательно подтянуть железную дорогу.

²³⁴ Иначе действовать было невозможно, так как любые попытки договориться с корейцами негласным образом тут же сообщались ими японцам.

Мазанпо²³⁵. Чуть позже командующий Тихоокеанской эскадрой Ф.В. Дубасов уточнил: их интересовал только Мазанпо²³⁶. Однако с покупкой опоздали: на торгах, открытых 20 октября 1899 г., из 35 предложенных участков 16 сразу купили японцы, Россия в конкурсе вообще не участвовала из-за оплошности дипломатов. Не удивительно, что самое удобное место для угольной станции, которое присмотрел Ф.В. Дубасов, оказалось у выходца из Страны восходящего солнца, который не собирался уступать его ни за какие деньги²³⁷.

С большими сложностями, используя подставное лицо, удалось приобрести другой участок. 17 марта 1900 г. в Сеуле было подписано соглашение с правительством Кореи об отводе России концессии в Мазанпо²³⁸. Однако 22 мая, когда состоялась фактическая передача территории, Петербург ожидал сюрприз: оказалось, что в пределах концессии несколько участков уже официально принадлежало японцам. А.И. Павлову пришлось вступить в переговоры с японским посланником и искать решение, так как хозяева участков с землёй расставаться не намеревались. Решив уточнить, кто же на самом деле является собственником в пределах концессии, моряки получили ещё более неожиданный результат: несколько дней спустя на многих «корейских» участках появились японские флаги. Разъярённый А.И. Павлов не выдержал: он высадил на территорию концессии русский военный десант, который удалил иноземные знамёна. Но российскому дипломату пришлось признать, что эти территории действительно принадлежали подданным Токио. России с трудом удалось выменять лишь часть из них.

Тем не менее, купленной территории было недостаточно для строительства причала²³⁹. В конце концов дипломатам удалось настоять на том, что корейские власти предоставили России бухту рядом с Мазанпо с береговой полосой в 2641 метр общей площадью около одного квадратного километра. Несмотря на сложность операции, моряки полагали, что усилия были потрачены не напрасно, так как результаты «не оставляют желать ничего лучшего с точки зрения преследуемых в настоящее время морским ведомством целей»²⁴⁰. 17 мая 1900 г. Морское министерство заключило с известным дальневосточным контрагентом М.А. Гинсбургом соглашение сроком на пять лет, по которому предприниматель обязывался держать на территории русской концессии

²³⁵ П.П. Тыртов – М.Н. Муравьеву 7 апреля 1899 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2006. Л.3.

²³⁶ Ф.В. Дубасов – П.П. Тыртову 29 апреля 1899 г. // Там же. Л.15.

²³⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.308, 331–338.

²³⁸ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.58. Л.49–51; Пак Б.Д. Указ. соч. С.319–320.

²³⁹ Японцы очень внимательно следили за стремлением русских приобрести участки в Мазанпо. Они трактовали это как недостоверность заявлений России на правительственном уровне об отсутствии у неё интересов в Корее (Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.4.1–26. Part 1–2 (переписка по Корею 1899–1900 гг.)).

²⁴⁰ А.И. Павлов – в МИД 30 мая 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.785. Л.78–83.

в Мазанпо в течение года 10 тыс. тонн кардиффского угля для нужд эскадры²⁴¹. Однако из-за нежелания ссориться с японцами причал там так и не оборудовали²⁴². В марте 1901 г. в Мазанпо находилась лишь маленькая охранная команда из семи матросов при унтер-офицере²⁴³.

Впрочем, А.И. Павлову казалось, что дела России в королевстве обстоят неплохо. Признавая, что устранить японское влияние уже невозможно, он, тем не менее, был уверен: «Я убеждён, что в тот день, когда мы будем в состоянии громко прикрикнуть на Японию – “больше не трожь”, да впридачу высыпать на Корею миллионов 5 денег, то от нынешнего “громдного” влияния японцев останутся одни воспоминания»²⁴⁴. Кажется, дипломат так же, как и некоторые чиновники в Петербурге, предался иллюзиям. Он утешал себя тем, что Россия идёт на уступки в Корее по собственной инициативе и в любой момент может прекратить такие действия. Подобные односторонние шаги не делали чести российской политике, особенно на Востоке. Там любые уступки однозначно интерпретировались как боязнь Японии Россией, что наносило сильный удар по престижу Петербурга, и компенсировать его не могли никакие рассуждения вроде «мы ещё вернёмся». Да и по существу односторонняя сдача позиций свидетельствовала в лучшем случае о непоследовательности и непродуманности курса, а в худшем – о слабости. То есть, такая политика всегда оборачивалась для России неудачей. Беда таилась в том, что заметить это могли немногие и ещё меньше было тех, кто отваживался вслух говорить об этом.

Несмотря на значительные уступки Японии, российская политика в Корее не вполне устраивала Страну восходящего солнца. Японцы стремились к ещё большим преференциям, используя для этого любые возможности и подыскивая всевозможные аргументы. Т. Хаяши в начале 1900 г. сообщал, что по его данным, Россия концентрировала свои усилия на Персии, поэтому Японии следовало занять жёсткую позицию в отношении Кореи²⁴⁵. Токио искал поддержки в Лондоне, но британские дипломаты, сочувствуя своему будущему союзнику на словах, на деле отказались помочь, так как Англия увязла в войне в Южной Африке с бурами. Они ограничились советом: почему бы японцам и британцам не потребовать от короля предоставить и им места для угольных станций на корейском побережье? Если Сеул не удовлетворит просьбу, ему придётся признать факт особых отношений с Петербургом²⁴⁶. Японцы вос-

²⁴¹ РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.53. Л.1–3.

²⁴² Русско-японская война 1904–1905 гг. С.344–350.

²⁴³ РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.53. Л.65.

²⁴⁴ А.И. Павлов – Д.Д. Покотилону 10 апреля 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.52. Л.36.

²⁴⁵ Т. Хаяши – С. Аоки 3 марта 1900 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1.4.1–26. Part 1. P.290–293.

²⁴⁶ Ю. Комура (Петербург) – С. Аоки 2 июня 1900 г. // Ibid. Part 2. P.805–806.

пользовались советом и летом 1902 г. получили на сходных условиях почти 1 кв. км. побережья. Но Токио хотел большего.

5.8. Влияние боксёрского восстания на действия России в Корее

Существенное влияние на политику России в Корее оказали события 1900 г. в Китае. Боксёрское восстание и его подавление вызвало у российских военных соблазн ввести войска не только в Маньчжурию, но и на Корейский полуостров. После того, как русские солдаты появились в Северном Китае и совершенно очевидно не собирались быстро покидать его, Япония решила требовать себе компенсаций. Токио вернулся к идее размена: содействовать России в Маньчжурии за признание свободы рук себе в Корее. 15 июля 1900 г. В.Н. Ламздорф встретился в Петербурге с Ю. Комурой. Японский дипломат общими фразами говорил о том, что боксёрское восстание может распространиться на Корею (то есть, организовать беспорядки в королевстве Япония могла, вероятно, в любой момент) и тогда Стране восходящего солнца придётся принимать меры, поэтому Токио желал заблаговременно обменяться мнениями об этом с Россией. Заодно японский посланник вспомнил об аренде Россией Ляодуна, намекая на ответные уступки в королевстве. В.Н. Ламздорф, разумеется, повторил официальную позицию Петербурга, отвергнув всякую связь Кореи и Ляодуна, но всё-таки не уклонился совершенно от переговоров, попросив представить ему письменные предложения Токио. Министр не собирался и далее уступать Японии в королевстве, в чём он получил полное одобрение Николая II, но вести себя непреклонно он не мог: Россия опасалась возможного ввода японских войск на полуостров²⁴⁷.

Аналогичные усилия прилагались параллельно и в Токио. Х. Ито, несмотря на то, что не занимал тогда официальных должностей в правительстве, тем не менее, очень активно общался с российским посланником А.П. Извольским, настойчиво убеждая его, что интерес Японии к Корее велик (она намерена «играть преобладающую роль») и неустрашим. Маркиз связывал события в Китае в 1900 г. и корейский вопрос, утверждая, что все (!) в Японии полагали: «Настоящий кризис будет иметь последствием окончательное утверждение в той или иной форме и под тем или другим наименованием русской власти в Маньчжурии». Япония же со своей стороны стала бы искать «соответствующие выгоды» в Корее. Несмотря на некоторую неопределённость речей Х. Ито, А.П. Извольский уловил, что в них предполагались два варианта решения корейского вопроса: мирно, путём соглашения, или войной. Многоопытный сановник выступал за соглашение, но при этом он ничего не говорил о его

²⁴⁷ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 16 июля 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.128–131; Пак Б.Д. Указ. соч. С.327.

возможном содержании²⁴⁸. Конечно, это был зондаж почвы, но российский посланник сделал из него правильный вывод: речи Х. Ито означали, что в любой момент корейский вопрос мог резко обостриться.

На этот раз в российском МИДе к предложению японцев отнеслись с большим вниманием. Там предположили, что корейский соблазн стал бы для Японии «источником слабости и изнурения», так как экономика Страны восходящего солнца переживала многочисленные трудности и ей было явно не по силу справиться одновременно с колоссальными расходами на вооружения и ассимиляцию Кореи²⁴⁹. С.Ю. Витте фактически разделял эту точку зрения, так как он являлся категорическим противником появления русских солдат в королевстве. Это, по его мнению, произошло войной с Японией и неизвестной, но опасной цепочкой осложнений для Петербурга в других местах, в частности, на европейской и центральноазиатской границах Российской империи²⁵⁰.

Осенью 1900 г. В.Н. Ламздорф распорядился приступить к переговорам по Корее со Страной восходящего солнца. Она же, не надеясь на успех в России, давила на корейские власти, в частности, через корейского посланника. От него требовали, чтобы Сеул обратился к Токио с просьбой о протекторате²⁵¹. Однако столь прямолинейная дипломатия не привела к успеху: козлом вместо этого поднял вопрос о международной нейтрализации Кореи, что, естественно, никоим образом не устраивало японцев²⁵². Наручу Японии оказалась только позиция США: Америка уклонилась от участия в корейском вопросе под предлогом того, что Корея не имела, с точки зрения Вашингтона, самостоятельной государственной организации. Всё-таки Токио пришлось вернуться к единственно возможному решению проблемы – соглашению между Россией и Японией. Но в основе позиции Петербурга лежала всё та же идея нейтрализации королевства. Поэтому обмен мнениями, осторожно начатый А.П. Извольским в Токио, быстро зашёл в тупик²⁵³. Японский посланник в Петербурге представил В.Н. Ламздорфу записку о решении японской сто-

²⁴⁸ А.П. Извольский – В.Н. Ламздорфу 27 августа 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.103. Л.4–10.

²⁴⁹ Справка о последовательно сделанных японским правительством предложениях в целях мирного разрешения корейского вопроса. [1901 г.] // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.184. Л.46–52. 20 марта 1901 г. Николай II оставил на ней резолюцию: «Поучительно». Но, похоже, что царь не сделал никаких выводов относительно дальнейшей русской политики в Корее.

²⁵⁰ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 9 августа 1900 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.177. Л.23–24.

²⁵¹ А.П. Извольский – в МИД 28 сентября 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.61–63.

²⁵² А.И. Павлов – в МИД 22 и 23 ноября 1900 г. (копия) // Там же. Л.52–54.

²⁵³ А.П. Извольский – в МИД 5 января 1901 г. (копия) // Там же. Л.195–198.

роны отложить переговоры по Корее до восстановления status quo в Маньчжурии (предлогом для них послужил слух о заключении соглашения между Е.И. Алексеевым и мукденским цзянь-цзюнем)²⁵⁴. А.П. Извольский сделал из этого логичный вывод о том, что целью Токио являлось стремление увязать маньчжурский и корейский вопросы²⁵⁵.

Российские дипломаты на Дальнем Востоке не одобряли действия Петербурга в отношении Кореи. А.И. Павлов полагал, как и МИД, что королевство неспособно к самостоятельности, его независимость – фикция, но вопрос он ставил иначе: кто-то должен обязательно господствовать на полуострове. Совместный русско-японский контроль над Кореей дипломат считал невозможным, поэтому предлагал уступить доминирующую роль там Японии, оговорив некоторые свои интересы. В принципе это была разумная позиция, но следовало чётко определить, что понимать под этими интересами. Посланник же не ответил на этот вопрос, ограничившись общими рассуждениями. Как думал А.И. Павлов, такое решение развязало бы России руки. Если же Петербург не намеревался отказаться от Кореи, то Токио вообще не следовало ничего уступать. Открыто захватить королевство, по его мнению, Япония не решилась бы. Это оказалось бы возможным лишь при поддержке великой державы либо при уверенности, что Россия оставит такой шаг безнаказанным²⁵⁶.

Сходного по сути взгляда придерживался А.П. Извольский. Он полагал, что в случае предоставления Японии свободы рук в королевстве оно явится источником слабости для Токио. Однако в тот момент – начало 1901 г. – посланник в Токио считал переговоры с Японией несвоевременными из-за ситуации в Китае. Слухи о сепаратном соглашении сильно возбудили общественное мнение в Японии, а торг с Токио следовало бы вести в спокойной обстановке, добиваясь разумных уступок. Российский дипломат видел наилучший исход в размене Маньчжурии на Корею²⁵⁷.

Иначе оценивал ситуацию начальник Квантунской области Е.И. Алексеев. Полагая, что время для соглашения с Токио Россия уже упустила, он предлагал не осложнять отношения с Японией. Адмирал исходил при этом из военной слабости России на Дальнем Востоке и предлагал «со всюю энергией вести приготовления на случай разрыва». По его мнению, это был «лучший путь к выходу из

²⁵⁴ В.Н. Ламздорф – А.П. Извольскому 7 января 1901 г. (копия) // Там же. Д.99. Л.29. Подробнее см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

²⁵⁵ А.П. Извольский – в МИД 9 февраля 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.13–14.

²⁵⁶ А.И. Павлов – Н.Г. Гартвигу 2 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.183. Л.169–172.

²⁵⁷ А.П. Извольский – Е.И. Алексееву 23 и 31 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.124. Л.1–13.

настоящего неопределённого положения и обуздания японской заносчивости»²⁵⁸. То есть, Е.И. Алексеев призывал готовиться к военному решению корейской проблемы, считая, что в МИД недооценивают всей серьёзности положения²⁵⁹. Очевидным достоинством этой позиции являлась её определённая, всё остальное нельзя назвать «лучшим выходом», особенно типично генеральское непонимание того, что участие России в военном конфликте на Дальнем Востоке было чревато непредсказуемыми последствиями для империи в целом даже в случае победы.

При всех различиях во взглядах Е.И. Алексеева и А.И. Павлова у них можно обнаружить много общего. Прежде всего, они справедливо настаивали на определённости в политике и на осторожных действиях в связи с Кореей, чтобы не поссориться с Японией. Но если А.И. Павлов допускал возможность отказаться от королевства в пользу Токио, то Е.И. Алексеев, кажется, был против такого шага. К сожалению, оба чиновника смотрели на проблему Кореи слишком узко, лишь через призму русско-японских отношений, не рассматривая корейский вопрос в контексте всей российской политики в регионе.

Проблему не оценили и в Петербурге. Видимо, там больше занимались Маньчжурией, ведя нелёгкие переговоры с Пекином о её дальнейшей судьбе. В очередной раз не получив желаемого, Япония начала искать решение корейского вопроса не в России, а в Англии, и с апреля 1901 г. в Лондоне начались сначала консультации, а затем и переговоры об англо-японском союзе²⁶⁰.

Вопреки мнению Б.А. Романова, стремившегося зафиксировать англо-японский союз уже весной 1901 г. и отвергавшего остальные пути после начала переговоров (повторяя точку зрения Т. Хаяши)²⁶¹, я полагаю, что вопрос о нём был окончательно решён не ранее осени 1901 г. Следовательно, вариант

²⁵⁸ Е.И. Алексеев – А.П. Извольскому 2 апреля 1901 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.835. Д.4. Л.24–28.

²⁵⁹ Е.И. Алексеев – А.П. Извольскому 19 апреля 1901 г. // Там же. Л.29–32.

²⁶⁰ А.Б. Записки графа Хаяси об англо-японском союзе. Несколько вступительных замечаний // Известия Министерства иностранных дел. 1913. Кн.5. С.314–315. Автор, скрывающийся под инициалами А.Б., полагал, что, обращаясь в Лондон, Токио искал способ вытеснить Россию из Маньчжурии (С.316). Думаю, что он преувеличил интерес Японии к Маньчжурии, принижая агрессивные намерения относительно Кореи. Ведь сам Т. Хаяши на переговорах с англичанами проговорился, что Маньчжурия для его страны имеет трехстепенное значение. Конечно, смысл обращения состоял именно в Корее. Но с этого момента – когда вариант Токио–Петербург сменился на Токио–Лондон, платой за него могла быть только Маньчжурия. То есть, Япония уже помимо своего желания глубоко втягивалась в маньчжурскую проблему. Со своей стороны англичане внушали японцам, что у них есть права на Маньчжурию, за которые следует бороться (Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 11 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.239. Л.46).

²⁶¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.307–308. Дело в том, что на тот момент японцы интересовались прежде всего Кореей и не были ещё готовы воевать за Маньчжурию, а Лондон – поддерживать военный способ решения маньчжурской проблемы.

договорённости с Россией как минимум до этого времени нельзя безусловно отвергать. Более того, как показали дальнейшие события, Токио не усматривал в альянсе с Лондоном препятствие для договора с Россией (просто она уже не рассматривалась в качестве возможного союзника).

Эти обстоятельства, частью очевидные и тогда, не стали предметом анализа российского руководства. Петербург избрал не лучший подход к корейской проблеме. В.Н. Ламздорф не согласился со взглядом А.П. Извольского, возразив ему: если бы Россия допустила свободу действий Японии в королевстве, то признала бы её притязания на Корею, «которая в силу географических условий и, так сказать, естественного хода событий предназначена рано или поздно составлять часть азиатских владений Российской империи». Поэтому до окончания строительства КВЖД России следовало бы «избегать преждевременных коренных мероприятий по отношению к Корее»²⁶². Фактически это означало возвращение к позиции, занимаемой до середины 1897 г.: тянуть время, поддерживая неопределённость. То есть, на фоне растущего стремления японской стороны решить корейскую проблему (пусть и в свою пользу) Петербург неожиданно двинулся назад, отказываясь идти в этом вопросе навстречу Токио. Это было возможно в 1896–1897 гг., но в 1900–1901 гг. обстановка оказалась совершенно иной, возвращение к прежней позиции выглядело неоправданным. Такие действия можно расценить как серьёзный промах дипломатии и всего российского руководства.

Японцы же, после того как несколько улеглась тревога в связи с сепаратными соглашениями цзянь-цзюней и российских властей в Маньчжурии, продолжили зондаж корейского вопроса. Х. Ито в Токио говорил приехавшему туда А.И. Павлову, что Япония – за сохранение территориальной целостности и независимости Кореи, что и должно стать предметом соглашения с Россией. Реальным расхождением с позицией Петербурга оставалась, пожалуй, уверенность маркиза в необходимости решительного вмешательства обеих стран в корейские дела²⁶³. Правда, по мнению дипломата, это был лишь личный взгляд Х. Ито, а в Японии большинство думало уже иначе.

²⁶² Проект письма В.Н. Ламздорфа А.П. Извольскому, одобренный Николаем II 10 марта 1901 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.233–235; отчёт о беседе японского посланника с В.Н. Ламздорфом 12 марта 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.21–22. Тем не менее, в 1901 г. офицеры Корпуса военных топографов вели свои работы в Корее, определив точную долготу ряда пунктов, в том числе портов Циннампо и Чемульпо (Поляновский М.П. Хронометрические рейсы между Сеулом, Порт-Артуром, Харбиным и Владивостоком, исполненные в 1901 году // Записки Военно-топографического управления Главного штаба. Часть LX. Отдел 2. СПб., 1903. С.7). Понятно, что такой интерес вряд ли ускользнул от внимания японцев.

²⁶³ А.И. Павлов – в МИД 26 апреля 1901 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.250–258.

Россия же продолжала колебаться. Лишь в мае 1901 г., обеспокоившись жёсткой позицией Токио по отношению к русским действиям в Маньчжурии (подготовке сепаратного соглашения) и, по-видимому, по-прежнему не желая увязывать маньчжурский и корейский вопросы, В.Н. Ламздорф поставил вопрос ребром: способна ли Россия «приступить к более решительным мероприятиям в Китае, смело идя навстречу всяким случайностям?» (то есть, воевать в случае необходимости)²⁶⁴. Ответ военных остудил решимость министра: российский флот не был готов к конфликту на Тихом океане, поэтому, по мнению моряков, на Дальнем Востоке следовало бы придерживаться спокойной и последовательной политики. Станным довеском к такому разумному совету выглядело их «вечное» желание приобрести, тем не менее, базу на юго-восточном побережье Кореи (Мазанпо): если уж вести себя последовательно, то зачем было в тот момент провоцировать Японию на ответные действия?²⁶⁵

5.9. Поездка Х. Ито в Россию (конец 1901 г.)

Главной причиной визита Х. Ито в Петербург в конце 1901 г. явился корейский вопрос. Один из ведущих государственных деятелей Страны восходящего солнца, ещё совсем недавно занимавший премьерское кресло, совершил частную поездку в Европу, которая была призвана расставить многие точки над *i* в японской внешней политике. Несмотря на то, что формально поездка носила неофициальный характер, она проходила в тесной координации с действиями кабинета и с ведущимися в Лондоне англо-японскими переговорами²⁶⁶. В сущности для Токио это означало выбор между попыткой сблизиться либо с русско-французским альянсом, либо с Англией. В Париже Х. Ито говорил о том, что Япония разочарована в США и не доверяет Лондону из-за его стремления втравить её в войну с Россией (наверное, здесь было больше лукавства, чем правды). Желание установить более тесный контакт с Парижем вызывалось главным образом стремлением разместить во Франции японские государственные бумаги, так как мировой финансовый кризис резко затруднил заимствования, а лондонский рынок с неохотой принимал японские обязательства. В случае успеха Х. Ито небезосновательно надеялся, что Франция сможет сыграть роль посредника в переговорах с Россией. Он ехал в надежде на то, что сумеет достичь с Россией договорённости до того как Токио придётся дать

²⁶⁴ В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 23 мая 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1723. Л.43–44.

²⁶⁵ П.П. Тыртов – В.Н. Ламздорфу 28 мая 1901 г. // Там же. Л.51–52.

²⁶⁶ Nish J. Ito Hirobumi in St.Petersburg, 1901 // Nish J. Collected Writings. Part 1. Tokyo, 2001. P.85–86.

окончательный ответ Лондону по поводу союзного соглашения²⁶⁷. Правда, уверенность экс-премьера в том, «что ему удастся провести в Японии какой угодно договор» контрастировала с сильным антирусским настроением как в правящих верхах, так и в обществе в целом²⁶⁸.

Русские представители в Японии придерживались разного мнения относительно перспектив договориться с Токио. Оптимистично был настроен А.П. Извольский, с симпатией относившийся к Х. Ито и являвшийся сторонником нового русско-японского соглашения. Правда, российский дипломат переоценивал противоречия Токио с Лондоном и Вашингтоном, полагая, что все недоразумения с Петербургом можно было разрешить перераспределением контроля над отдельными отраслями государственного управления в Корее, возвращаясь к позициям 1898 г. Это подразумевало как новые уступки Японии, так и сохранение за Россией известных возможностей в королевстве (что, по-видимому, уже не рассматривалось как допустимое японской элитой)²⁶⁹.

Несколько иную оценку внутрияпонской ситуации давал К.А. Алексеев, перебравшийся к тому времени из Кореи в Японию в качестве агента Министерства финансов. Соглашаясь с тем, что «продать» договор Х. Ито, по-видимому, сможет, он полагал, что с политическими партиями ему всё-таки было не справиться²⁷⁰. Менее оптимистичное настроение выражал другой чиновник ведомства в Японии Н.А. Распопов. Констатируя рост интереса в Стране восходящего солнца к России, он одновременно отмечал и сильную антирусскую агитацию, которая продолжалась вплоть до отъезда Х. Ито в Европу (князь А. Коноэ, Национальная партия, партия молодых людей и др.)²⁷¹. Она совершенно прекратилась лишь после начала поездки экс-премьера, что Н.А. Распопов резонно приписал решению правительства²⁷². Однако чиновник высказал важное наблюдение: антирусские взгляды настолько укоренились в

---

²⁶⁷ С. Акизуки (Париж) – Ю. Комура 18 ноября 1901 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.34. Токио, 1956. С.48–49.

²⁶⁸ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 5 сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.16–10.

²⁶⁹ А.П. Извольский – в МИД 10 сентября 1901 г. // Там же. Л.19–26.

²⁷⁰ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 20 сентября 1901 г. // Там же. Л.27–44.

²⁷¹ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 14 октября 1901 г. // Там же. Оп.29. Д.239. Л.32–33.

²⁷² Впрочем, решения японцами принимались с очевидным запозданием. Лишь после того, как Х. Ито покинул Петербург, Н.А. Распопов отметил, что в Японии, наконец, настроение сменилось в пользу сближения с Россией (относятся «сравнительно благоприятно»). Это, вероятно, было не более чем кампанией, не отражавшей действительно доминирующие в японских верхах настроения (Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 1 декабря 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.242. Л. 89–93).

обществе, что власть была уже не в состоянии их полностью перебороть²⁷³. Параллельно его тревожила растущая активность японцев в Китае: японские университеты зазывали китайскую молодёжь для получения образования, активно обсуждались проекты учреждения Японо-Китайского банка и вообще возможность утвердиться на китайском денежном рынке, пристальное внимание уделялось экономической ситуации в Маньчжурии²⁷⁴.

Тщательный анализ всей этой информации, поступившей в Петербург накануне приезда Х. Ито, позволял сделать вывод об определённых колебаниях в японском руководстве. Даже не зная об уже шедших в Лондоне переговорах, России следовало бы внимательнее отнестись к противоречивым импульсам, исходившим из Страны восходящего солнца. И уж точно в той тревожной и неопределённой ситуации, особенно в связи с Маньчжурией, российскому руководству необходимо было проявлять больше инициативы, а не ждать пассивно японских действий. По крайней мере, к ним требовалось подготовиться, так как суть японской позиции в целом загадочной не являлась. Стремление Х. Ито не к нейтрализации Кореи, а к выговариванию для Японии односторонних преимуществ и увязка в головах российского руководства маньчжурской и корейской проблемы также могли бы привести к простому решению обменять Маньчжурию на Корею, а также отказаться от чрезмерных притязаний там. Тогда все претензии Токио на исключительность своего положения на Корейском полуострове и отсутствие для англичан раздражителя в виде некорректных действий в Маньчжурии могли бы обернуться не сближением Лондона и Токио, а недовольством Англии в отношении слишком хозяйского поведения японцев в формально независимой Корее. Разумеется, в Японии это понимали, поэтому о подобном размене ни Х. Ито, ни другие японские представители нигде не заикались после начала переговоров в Лондоне.

В Петербурге оказались не готовы переосмыслить собственную политику, а также общую ситуацию (англо-бурская война уже подходила к концу) и пойти на какие-нибудь решительные шаги. С одной стороны, Т. Делькассе получил заверения, что Россия не имеет возражений по поводу возможного японского займа в Париже на 100 млн. франков. С другой стороны, чиновники по-прежнему боялись «отказаться от наших прав и известных условий» относительно Кореи²⁷⁵. На дипломатическом языке это означало, что Петербург не против сближения с Токио, но не на японских условиях. После такого ответа безрезультатность визита Х. Ито в Петербург была предопределена. Стороны в ходе встреч могли лишь уточнить некоторые детали в своих позициях.

²⁷³ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 16 октября 1901 г. // Там же. Оп.29. Д.239. Л.142–144.

²⁷⁴ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 11 октября 1901 г. // Там же. Л.38–39.

²⁷⁵ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 29 октября 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.242. Л.69–70.

С.Ю. Витте в тот момент не проявлял активности в корейском вопросе. На первую депешу К.А. Алексеева, сообщавшую о действиях японцев, он ответил резолюцией: «Пусть держат меня в курсе этого дела»²⁷⁶. И всё. Министр финансов не пытался настоять на уже неоднократно высказанной им мысли – вообще отказаться от Кореи. То, что именно такое желание владело сановником, позволяет предположить анонимная записка, сохранившаяся в бумагах его министерства. Её неизвестный автор предлагал предоставить Японии свободу действий в Корее при условии, что она не станет возводить там военных укреплений. Ход рассуждений в записке строился на том, что «Япония окончательно разорится в устройстве Кореи, а буде она нам когда-либо окажется необходимой, ничего не будет легче овладеть ею с материка ввиду беззащитности и отсутствия укреплений»²⁷⁷. Одновременно, по мнению автора, Токио придётся стать союзником Петербурга, удержавшись от сближения с врагами России. В общем, предлагалось сделать решительный выбор: «не только не следует ограждать Корею от японцев, но надо всеми силами содействовать осуществлению заветной, хотя и неразумной, мечты Японии овладеть Кореею»²⁷⁸. Министр финансов, которому идеи, представленные в записке, явно понравились, оставил на ней примечательную резолюцию: «Сохранить. Часть этих мыслей понадобится Вам (по-видимому, директору канцелярии министра финансов А.И. Путилову – И.Л.) для одного предстоящего письма»²⁷⁹. Кажется, речь шла о письме министра финансов В.Н. Ламздорфу 28 ноября 1901 г., в котором излагалось мнение С.Ю. Витте по корейскому вопросу²⁸⁰. Но подробнее о его содержании – чуть ниже.

В Петербург Х. Ито прибыл 12 ноября 1901 г. Несмотря на то, что он не являлся официальным лицом, у бывшего премьера были запланированы встречи с ключевыми фигурами российской политики. 15 (28) ноября он получил высочайшую аудиенцию. Но разговор на ней носил исключительно общий характер и сводился к обоюдным заверениям о желании мира и добрососедства между двумя странами²⁸¹. 17 (30) ноября состоялась его первая беседа с В.Н. Ламздорфом, которому японец изложил «пожелания» Токио по поводу

---

²⁷⁶ Там же. Л.1а.

²⁷⁷ Рукописная записка без подписи и заглавия об отношении России к японской экспансии в Корее. [Ноябрь 1901 г.] // Там же. Л.71 об. Против этой фразы С.Ю. Витте пометил: «Это верно».

²⁷⁸ Там же. Л.72.

²⁷⁹ Там же. Л.71.

²⁸⁰ Содержание письма изложено в книге: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.188–189.

²⁸¹ Namada K. Prince Ito. Токуо, 1936. P.142–143. В книге приведена запись беседы, сделанная японцами, которая впервые была опубликована в приложении к мемуарам Х. Ито.

нового соглашения о Корее²⁸². Предыдущие документы Х. Ито охарактеризовал как источник возможных недоразумений. Япония хотела бы получить не только право «давать советы», но и исключительную возможность в случае необходимости вводить войска в королевство (предшествовавшая история показала, что это гарантировало подавление любого антияпонского протеста). Она также желала бы услышать заверение, что у России нет намерений захватить полуостров. Взамен Страна восходящего солнца обещала не возводить укреплений на южном побережье и не угрожать коммуникациям Порт-Артура (полагая, что такое обязательство будет обоюдным). Важная деталь – в предложениях Х. Ито речь не шла о возможном размене Кореи на Маньчжурию, они распространялись исключительно на королевство. В.Н. Ламздорф весьма сухо отреагировал на предложения японского гостя, заметив ему, что их суть – это желание закрепить односторонние преимущества Японии в Корее, в то время как Россия не намеревалась отказываться от своих прав там²⁸³. Отсутствие связи корейской и маньчжурской проблем его не насторожило, министр и сам предпочитал не упоминать о Северном Китае. Разумеется, что такой ответ не удовлетворил посланца Японии. Он заключил, что граф разговаривал с ним очень осторожно и общими фразами²⁸⁴.

²⁸² Японские источники утверждают, что встреча Х. Ито с В.Н. Ламздорфом состоялась 19 ноября (2 декабря) 1901 г.

²⁸³ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 20 ноября 1901 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.62. Л.43–45; В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 27 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.303–305; В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 27 ноября 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2303. Л.3–6; Записки графа Хаяси об англо-японском союзе // Известия МИД. 1913. Кн.5. С.318. В.Н. Ламздорф понял Х. Ито так: японец хотел получить от России документ, свидетельствующий, что она отстраняется от всякого влияния на корейские дела, допуская исключительное и безграничное хозяйничанье Японии в королевстве. Запись разговора В.Н. Ламздорфа и Х. Ито, сделанная японцами, более пространна и позиция российского министра выглядит менее категоричной. В.Н. Ламздорф, соглашаясь, что именно корейский вопрос являлся наиболее проблемным в русско-японских отношениях, настаивал на сохранении независимости королевства и заключении с Токио детального соглашения о взаимодействии двух стран в Корее. Х. Ито же постоянно говорил о необходимости доминирования Японии на полуострове. Причём «помощь» японец трактовал как сохранение законности и порядка в стране, понимаемые им, разумеется, по-своему, с правом устанавливать их посредством японских войск. Единственно, в чём обе стороны сошлись, так это в понимании того, что Россию беспокоит возможность укрепления Кореи и гарантий Х. Ито, что Страна восходящего солнца обязуется не использовать полуостров в стратегических целях. Тем не менее, на просьбу В.Н. Ламздорфа предоставить России небольшую территорию в Южной Корее как гарантию её безопасности (чтобы разместить там войска) Х. Ито сразу ответил отказом (Hamada K. Op. cit. P.144–149).

²⁸⁴ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 25 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.137–140.

Больше определённости дала вторая встреча Х. Ито и В. Н. Ламздорфа, состоявшаяся 21 ноября (4 декабря). Прежде всего, японец наконец огласил конкретные условия Токио. Российскому министру сразу бросилась в глаза их односторонность (т.е., Россия лишь уступает, не получая ничего взамен). Х. Ито смог лишь возразить на это, что Япония берёт на себя обязательство не использовать Корею в стратегических целях (проверить его исполнение было практически невозможно). Пожалуй, к успехам В.Н. Ламздорфа можно причислить лишь признание японцами того, что Россия имеет право на защиту собственных интересов в Маньчжурии. Маркиз повторил: сейчас разговор идёт о Корее, но Маньчжурия также может стать предметом отдельного соглашения Токио и Петербурга²⁸⁵. Из позиции Х. Ито следовало, что для него переговоры в Лондоне и контакты в Петербурге хорошо увязывались, совершенно не противореча друг другу. Но в целом встреча завершилась больше в минорных тонах, несмотря на то, что министр иностранных дел обещал обсудить японские предложения среди своих коллег-министров.

Совсем иное впечатление оставила у Х. Ито продолжительная беседа с С.Ю. Витте, состоявшаяся на следующий день после первого разговора с В.Н. Ламздорфом. В своих мемуарах будущий граф лишь упомянул о ней, обойдя содержание разговора стороной. Читатель может уловить только общий смысл предложений Х. Ито (Россия полностью отказывается от Кореи, Япония примиряется с тем, что Квантун – российский и с фактом сооружения железной дороги к нему, но настаивает на политике «открытых дверей» в Маньчжурии) и то, что он, С.Ю. Витте, являлся «ярым сторонником соглашения с Японией»²⁸⁶. По сведениям же, исходящим от Х. Ито, собеседники достигли большего взаимопонимания. Министр финансов был конкретнее и уступчивее своего коллеги. Он рассуждал о больших затратах России в Маньчжурии, о необходимости защиты КВЖД, признавая одновременно, что войска из Северного Китая должны быть выведены, несмотря на то, что Х. Ито повторил ему, что в тот момент речь шла лишь о Корее, а Маньчжурия могла стать предметом другого соглашения. Тем не менее, японец спросил о том, какую компенсацию получила бы Япония за принятие русских предложений. С.Ю. Витте ответил: «Раз вы исполните все наши требования в Маньчжурии, то [берите в Корее – И.Л.] всё, что хотите»²⁸⁷. Чуть позже,

²⁸⁵ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа Николаю II 22 ноября 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.44–45; Hamada K. Op. cit. P.152–156.

²⁸⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Ч.2. СПб., 2003. С.597.

²⁸⁷ К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 25 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.139. Эти сведения К.А. Алексеев получил от К. Судзуки – доверенного лица Х. Ито и его частного секретаря. Позднее содержание разговора с С.Ю. Витте, записанное японцами, было ими опубликовано (Hamada K. Op. cit. P.149–152). Там присутствовала фраза

когда детали их беседы получили огласку, министр финансов яростно отрекся от этой фразы²⁸⁸, но, похоже, что суть его позиции была именно такой: С.Ю. Витте действительно стремился разменять Корею на некоторые гарантии относительно Маньчжурии²⁸⁹. Его энергичный протест объясняется, вероятно, тем, что в российском руководстве практически никто не разделял идею полного отказа от Кореи и уступки её Японии. Позднее, в мемуарах, составленных в 1911–1912 гг., С.Ю. Витте было выгодно акцентировать внимание читателя на том, что именно он ещё в 1901 г. выступал за соглашение со Страной восходящего солнца на условиях Токио, что наверняка позволило бы избежать войны.

Х. Ито оставил В.Н. Ламздорфу письменное изложение японских предложений²⁹⁰, которые, несмотря на первую, резко отрицательную реакцию, всё-таки стали предметом обсуждения в российском руководстве. Только С.Ю. Витте не отверг их целиком, а начал вносить в текст частные изменения (иначе говоря, принял позицию Токио в принципе). Правда, он не допускал ничем не ограниченных действий Японии в королевстве: министр финансов отклонил исключительное право Японии помогать Корее (то есть, полностью контролировать и направлять её внутренние дела), ограничил возможность появления японских войск на полуострове (в самых минимальных количествах и исключая территории, примыкавшие к русской границе). За эти уступки Японии следовало признать преимущественные права России в прилегающих к ней областях Китая²⁹¹. Другие министры оказались менее покладисты и конкретны. А.Н. Куропаткин ответил, что новое соглашение с Токио «не должно быть куплено слишком дорогой ценою», под которой он подразумевал полный отказ от Кореи²⁹². О желании иметь порт на южном побережье Кореи министру иностранных дел напомнил П.П. Тыртов. По его представлению, господство Японии в Корее могло привести не к улучшению, а лишь к ухудшению отношений с ней²⁹³.

о том, что если Япония гарантирует некоторые условия для России в Маньчжурии, то Петербург не станет препятствовать Токио распоряжаться по своему усмотрению в Корее (Р.151–152). См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.337.

²⁸⁸ На полях донесения К.А. Алексеева он написал: «Враньё» (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 25 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.139).

²⁸⁹ Если С.Ю. Витте упоминал о Маньчжурии, то Х. Ито – нет (Nish J. Ito Hirobumi in St.Petersburg, 1901 // Nish J. Collected Writings. Part 1. Tokyo, 2001. P.88).

²⁹⁰ Известия МИД. 1913. Кн.5. С.318–319.

²⁹¹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.307–308; Д.242. Л.80.

²⁹² А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 27 ноября 1901 г. // Красный архив. 1934. №2 (63). С.49–51.

²⁹³ П.П. Тыртов – В.Н. Ламздорфу 30 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.242. Л.102–105.

Суммируя высказывания министров, надо отметить, что их представления о соглашении с Токио строились на совершенно иных основаниях, чем те, которые содержались в предложениях Х. Ито. Они думали не о том, как ослабить напряжение вокруг Маньчжурии, а как сохранить российские позиции в Корее. В этом смысле и был составлен ответный вариант соглашения, отправленный вслед покинувшему 21 ноября (4 декабря) 1901 г. Петербург японцу (Х. Ито получил его в Берлине). Он перечёркивал основные желания японской стороны²⁹⁴. Стране восходящего солнца обещалась свобода действий в Корее при условии сохранения независимости королевства, неиспользовании его территории в стратегических целях и признании преимущественных прав России в северной его части. Маркиз не дал на него прямого ответа: вероятно, русский проект сильно разочаровал японца. Тем не менее, по прибытии в Германию он ещё раз пытался убедить Токио взять курс на заключение «сердечного соглашения» с Россией, надеясь лично сгладить шероховатости и полагая момент для договора «с единственной державой, заинтересованной в Корее» как нельзя более удобным²⁹⁵. Косвенным же стало заключение англо-японского союза 17 (30) января 1902 г.²⁹⁶ В конце концов, на тот момент для Японии было важнее подтверждение Лондона, что он не имеет в Корее особых интересов, чем согласие Петербурга уступить южную половину королевства.

Несмотря на такое очевидное антирусское действие, Токио стремился демонстрировать предупредительность хотя бы в жестах. 30 января 1902 г. В.Н. Ламздорф сообщил Николаю II, что японский посланник ознакомил его с текстом англо-японского соглашения и одновременно просил не преры-

---

²⁹⁴ Проект письма В.Н. Ламздорфа Х. Ито // Красный архив. 1934. №2 (63). С.51–52; Известия МИД. 1913. Кн.5. С.320. Предположение автора, скрывшегося под инициалами А.Б., что проект В.Н. Ламздорфа мог бы стать основой для дальнейших переговоров, выглядит излишне оптимистично. См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.335–336.

²⁹⁵ К. Иноуэ – Ю. Комуре 6 декабря 1901 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.34. Токио, 1956. С.64–65.

²⁹⁶ Т. Хаяши сообщил в мемуарах, что решение заключить союз с Англией было принято в Токио до приезда Х. Ито в Петербург (Записки графа Хаяси об англо-японском союзе // Известия МИД. 1913. Кн.5. С.321). Для Б.А. Романова это послужило аргументом в пользу заключения, что контакты Х. Ито в России, по сути, не имели смысла. Однако оценке японского дипломата–англофила не следует слишком доверять. Как бы повело себя японское руководство, получив обнадеживающую информацию из Петербурга? Если бы в России был принят во внимание более широкий контекст международной ситуации, то, наверное, содержание ответа японцам оказалось бы иным. Например, таким, чтобы сделать антирусский союз на основе маньчжурско-корейских интересов менее вероятным.

вать обмен мнениями, начатый визитом Х. Ито. Царю ничего не оставалось как согласиться²⁹⁷. Японцы продолжали и позднее делать успокаивающие движения в адрес России. Т. Хаяши в Лондоне частным образом сообщил С.А. Поклевскому-Козелл историю подготовки англо-японского соглашения (в версии, расхвалившейся с действительно имевшими место событиями), заявив о том, что переговоры о нём велись с апреля 1901 г. втайне от Генро, дезавуировав таким образом миссию Х. Ито. Якобы текст предполагаемого соглашения с Англией был сообщён Генро лишь в декабре 1901 г., а Х. Ито узнал о нём лишь в Париже. Якобы маркиз ездил в Европу исключительно частным образом, посвятив в свои дела одного графа К. Иноуэ²⁹⁸. Тем не менее, Т. Хаяши обратился к итогам переговоров Х. Ито в Петербурге, заявив, что только некоторые из предложенных Россией условий оказались «неудовлетворительными», и признав, что к тому моменту переговоры в Лондоне зашли слишком далеко. Объяснив договор с Англией тем, что Японии был необходим заём, а также «нравственное удовлетворение» от союза с европейской державой, Т. Хаяши, тем не менее, вернулся к идее русско-японского соглашения по Корее, но уже при поддержке Англии. В сущности он повторил условия Х. Ито: Япония хотела бы получить возможность посылки в Корею военных инструкторов и финансовых советников (иначе говоря, установить полный контроль за королевством). Вместо ответных обязательств Японии дипломат рассуждал, что Россия уже имеет в Маньчжурии всё, что ей нужно (?! – несмотря на то, что она так и не заключила сепаратный договор с Китаем), тогда как Япония в Корею – нет, поэтому Петербургу следует уступить²⁹⁹.

На что рассчитывал Т. Хаяши? На встрече с С.А. Поклевским-Козелл, которой он очень настойчиво добивался, японский дипломат продемонстрировал, что Страна восходящего солнца не собиралась отказываться от своих требований в Корею – то есть, желала, чтобы королевство уступили ей без всяких оговорок и чтобы Россия добровольно признала это. Правда, Т. Хаяши формально не возражал против нейтрализации Кореи, так как это вошло бы в явное противоречие с новой позицией Токио на Дальнем Востоке после соглашения с Лондоном (сохранение формального суверенитета и независимости и свобода экономических действий для всех стран). Не случайно Т. Хаяши говорил не о свободе размещения в Корею японских войск, а лишь об инструкторах. В России на демарш Т. Хаяши не отреагировали, хотя ему следовало

²⁹⁷ Всеподданнейший доклад В.Н. Ламздорфа 30 января 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.125–126.

²⁹⁸ Я. Ниш показал в своих исследованиях, что это было совершенно не так (Nish I. Op. cit. P.85–90).

²⁹⁹ Докладная записка С.А. Поклевского-Козелл послу Е.Е. Стаалю 8 мая 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.105–111.

бы уделить внимание. Тем более, что обстановка на Дальнем Востоке быстро менялась не в пользу России, и к этому времени стало известно, что ставка на нейтрализацию Кореи уже невозможна: помимо англо-японского соглашения США фактически заявили, что «Япония должна завладеть Кореей, дабы составить противовес русскому распространению в Маньчжурии»³⁰⁰.

Как ни удивительно, но некоторые политические дивиденды от неудачного визита Х. Ито в Россию сумел приобрести С.Ю. Витте. В глазах японцев он получил репутацию сторонника соглашения с Токио ценой отказа от Кореи. Поэтому в сентябре 1902 г., когда японцы узнали о поездке министра финансов на Дальний Восток, его сразу пригласили посетить Страну восходящего солнца от имени императора (трудно представить более высокий уровень визита), сообщив «о сильном желании Его величества видеть нашего министра финансов в Токио» обещая «самый нежный приём», и что приезд его «был бы чрезвычайно своевременен и выгоден для русско-японских отношений»³⁰¹. Аналогичное приглашение С.Ю. Витте получил и от премьера Ю. Кацура³⁰². Однако российский сановник уклонился от поездки: в случае появления на японской земле ему пришлось бы вновь говорить об уступках в Корее, которые он обсуждал в Петербурге с Х. Ито, но реализовать свои намерения С.Ю. Витте не мог – никто не дал бы ему полномочий уступить королевство. Это явилось красноречивым признанием бессилия министра финансов в дальневосточных делах, там, где ещё несколько лет назад он был полновластным хозяином и мог настоять на любом решении.

5.10. Корейский вопрос перед русско-японской войной 1904–1905 гг.

Возможность отказа от Кореи и далее не рассматривалась российским руководством в качестве возможного шага. Когда летом–осенью 1902 г. среди дипломатов состоялась дискуссия о дальнейших действиях Петербурга относительно королевства, то, пожалуй, наиболее умеренную и близкую С.Ю. Витте позицию занял А.П. Извольский. Он призывал по-прежнему

³⁰⁰ Эту строка из частного письма Т. Рузвельта, с которым удалось ознакомиться А.П. Кассини (А.П. Кассини – в МИД 16 января 1902 г. (копия) // Там же. Л.120). Конечно, в Петербурге могли с недоверием воспринимать подобную информацию. Американский посланник в Токио Бэк говорил А.П. Извольскому об озабоченности Вашингтона действиями России в Маньчжурии, но к тому моменту американское руководство уже успокоилось (А.П. Извольский – в МИД 19 мая 1902 г. // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.153–157).

³⁰¹ А.П. Извольский – К.А. Алексею 22 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.243. Л.3. Приглашение было передано подполковнику М.А. Адабашу принцем А. Комацу и подтверждено графом М. Мацуката.

³⁰² А.П. Извольский – К.А. Алексею 22 сентября 1902 г. (вторая телеграмма) // Там же. Л.4.

стремиться к нейтрализации Кореи с помощью соглашения между Россией, Японией и США (явно нереальный план)³⁰³. А.П. Извольский рассматривал корейскую независимость как фикцию, но полагал соглашение с Японией в тот момент о корейских делах маловероятным: его наверняка пришлось бы согласовывать с Лондоном, где русские условия вряд ли признали бы приемлемыми.

В других записках о Корее – А.И. Павлова и Р.Р. Розена³⁰⁴ – нашла отражение более жёсткая позиция. Барон, например, полагал, что в будущем и Корея, и Маньчжурия должны были бы отойти к России³⁰⁵. То есть, любые уступки Японии могли носить лишь временный и, следовательно, тактический характер, поэтому им не следовало казаться слишком значительными. Р.Р. Розен также категорично увязывал корейский и маньчжурский вопросы. На первый план он выдвигал Маньчжурию, считая, что России следует сначала окончательно завладеть ею, а затем ставить вопрос о Корее. Это была бы политика постоянных аннексий, то, от чего российское руководство с 1900 г. неоднократно и публично отказывалось. Кроме того, дипломат фактически вернулся к вопросу, поставленному ещё на Особом совещании в марте 1895 г. Но он не повторил ни ответ А.Б. Лобанова-Ростовского (союз с Японией за счёт Китая), ни ответ С.Ю. Витте (союз с Китаем за счёт Японии), а предложил третий путь – поочерёдной конфронтации с двумя крупнейшими соседями России на Дальнем Востоке. Непонятно, как Р.Р. Розен собирался осуществлять свою программу.

В отличие от большинства дипломатов (исключая Р.Р. Розена), С.Ю. Витте подходил к вопросу о Корее в тесной связи с проблемой Маньчжурии и подтверждал свой взгляд, сформулированный им ещё в 1901 г.: «Япония давно ищет сближения с нами», поэтому ей следует уступить в Корее и договориться по Маньчжурии³⁰⁶. Министр финансов полагал, что русско-японское соглашение установит на время status quo, что даст Петербургу выигрывать во времени. Однако, кажется, взгляд С.Ю. Витте также выражал излишний оптимизм.

В 1902 г. позиции Японии в Корее были уже очевидно сильнее русских: японские гарнизоны стояли в трёх стратегически важных городах (Сеул, Фузан, Гензан), подданные Токио контролировали две железные дороги

---

³⁰³ Записка А.П. Извольского 20 июля 1902 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2303. Л.64–71.

³⁰⁴ Р.Р. Розен прибыл в Токио 30 марта 1903 г. и сменил А.П. Извольского в должности посланника.

³⁰⁵ Записка Р.Р. Розена о политике России на Дальнем Востоке от 12 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.55–74.

³⁰⁶ Помета С.Ю. Витте на записке Р.Р. Розена о политике России на Дальнем Востоке 12 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.56.

(Сеул–Чемульпо, Сеул–Фузан), имели три угольных склада (Чемульпо, Гензан, Фузан), земельную собственность в 11 пунктах³⁰⁷. За Петербургом с 1901 г. остались лишь китовый промысел (три небольшие станции на побережье), лесная концессия на р. Ялу, угольные месторождения в провинциях Кионгхын и Хамкиондо, а также каботажное судоходство³⁰⁸. Россия проявляла интерес лишь к некоторым железнодорожным концессиям, в частности Сеул–Инчжоу, за которые боролся барон Г.Г. Гинцбург³⁰⁹. Но из-за противодействия японцев корейцы объявили, что не будут продавать эту концессию иностранцам. В ответ Г.Г. Гинцбург добился, чтобы его зачислили на корейскую службу в качестве строителя железной дороги Сеул–Инчжоу. Его усилия поддерживал безобразовец И.П. Балашёв, бомбардировавший своих единомышленников в Петербурге требованиями помочь барону и пугавший, что в случае отказа концессию приобретут японцы с бельгийцами³¹⁰. Посланник в Корею А.И. Павлов видел в борьбе за эту концессию противодействие планам сооружения японской дороги до границы с Маньчжурией. Против выступали С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф³¹¹. У них имелось для этого немало оснований, начиная с политических, кончая чисто деловыми: предложение о приобретении концессии, исходившее от французов, походило на откровенное желание нажиться за счёт русской казны, облегчив её на 12,5 млн. франков (стоимость самой концессии) плюс 50 тыс. комиссионных, тогда как длина этой железной дороги составляла всего 80 вёрст, а рассказы о том, что бельгийцы намерены вложить в эту дорогу 70 млн. франков под гарантии японского правительства больше походили на стремление подстегнуть покупателя³¹².

Впрочем, японцы вели себя довольно спокойно. Они не отреагировали даже на официальное уведомление, сделанное в конце 1902 г. А.П. Извольским, что Россия всё-таки намерена организовать угольную станцию в Масанпо³¹³. Да, собственно, и ответить российскому дипломату было нечего: Петербург ведь

³⁰⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. С.299.

³⁰⁸ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.685–687.

³⁰⁹ Не считая деятельности безобразовцев на Ялу – подробнее об этом в главе 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.»

³¹⁰ И.П. Балашёв – А.М. Абазе 9 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.28 об.; И.П. Балашёв – А.М. Безобразову 3 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.69 об. – 70.

³¹¹ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 14 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.42–43.

³¹² А.И. Павлов – Е.И. Алексееву 6, 15 и 17 июля 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 32. Оп.1. Д.167. Л.20–27.

³¹³ Телеграмма А.П. Извольского Е.И. Алексееву 14 ноября 1902 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.148. Л.2.

не нарушал никаких соглашений относительно королевства. То есть, японцы не имели легальных оснований, чтобы препятствовать этому.

В конце 1902 г. Россия вдруг вернулась к активным действиям в королевстве, чего она избегала с 1898 г. (по времени это совпало с отстранением С.Ю. Витте от решающего влияния на дальневосточную политику России)³¹⁴. В октябре 1902 г. в Корею вернулся К.И. Вебер – активный и последовательный сторонник укрепления русского влияния на полуострове. Формально он возглавлял русскую миссию, направленную поздравить короля с сорокалетием его пребывания на троне и вручить ему по этому случаю орден Андрея Первозванного (несомненная демонстрация поддержки). Однако поездка К.И. Вебера затянулась: дипломат находился в Сеуле до мая 1903 г. Это не могло не обнадёжить коджона, тем более, что у него сложились плохие отношения с А.Н. Шпейером, временно замещавшим А.И. Павлова³¹⁵. По результатам своей миссии К.И. Вебер составил записку, где заявил: «нам следует отказаться от пассивной, выжидательной политики последних лет, всячески стараясь устранить возможность подчинения Кореи японскому владычеству». По его мнению, России стоило потребовать вывода японских войск, создать банк (опять!) в Чемульпо и Сеуле и организовать пароходное сообщение между корейскими портами³¹⁶. Конечно, эти меры учитывали обстановку в Корее и были рассчитаны на то, что возразить против них не удастся. Понятно, что других оценок и предложений от К.И. Вебера ждать не приходилось, но важно, что к его услугам обратились именно в конце 1902 г.

В конце 1902 – начале 1903 гг. серьёзно выросла напряжённость из-за ситуации на устье р. Ялу. Главную роль в этом сыграли безобразовцы, укреплявшие там свои позиции. Безобразовцы, помимо своей концессии, обеспокоились приобретением участков в устье р. Ялу. Японцы в ответ требовали от корейцев открытия устья для иностранцев. Е.И. Алексеев, в данном вопросе поддерживавший безобразовцев, угрожал отправкой туда русского военного отряда. Он также протестовал против попыток корейцев уничтожить телеграф, проведённый концессионерами без разрешения Сеула³¹⁷. Трудно ска-

³¹⁴ Пожалуй, одним из немногих действий, свидетельствовавших о том, что Корея окончательно не забыта, стало присвоение А.И. Павлову ранга чрезвычайного посланника в Корею, что повышало его дипломатический статус (Пак Б.Д. Дипломатическая деятельность Ли Бомчжина (Ли Пом Чина) в России // Корея и Россия: традиции и современность. М., 2002. С.25).

³¹⁵ К.И. Вебер – Е.И. Алексееву 11 октября 1902 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.153. Л.1–2.

³¹⁶ Вебер К.И. Записка о Корею до 1898-го года и после // Российское корееведение. Альманах. Выпуск второй. М., 2001. С.145.

³¹⁷ Е.И. Алексеев – А.И. Павлову 8 июня и 24 июля 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.182. Л.1, 3.

зять, насколько далеко зашёл бы в реальных действиях наместник, но лодку «Гиляк» на устье р. Ялу он всё-таки послал. Однако даже воинственные заявления вкупе лишь с некоторыми действиями создавали сильную напряжённость на севере Кореи, очень не желательную в тех условиях. Сами корейцы не особенно противодействовали японцам, надеясь, по-видимому, делать это руками русских. Коджон по-прежнему искал в России опору для политики баланса. Так, он до конца 1903 г. неоднократно просил, в случае необходимости, предоставить ему возможность укрыться в российской миссии³¹⁸.

На рубеже XIX–XX вв. было очевидно, что Корея, как и ряд похожих на неё полузависимых государств (Абиссиния, Персия, Турция, Китай) для сохранения своего статуса балансировали на противоречиях великих держав, пока это представлялось возможным. Корея была настолько слаба, что по убеждению многих, она держалась лишь на неразрешимости вопроса о разделе королевства. В конце концов она пала жертвой японской экспансии при поддержке Англии, чему Россия не смогла противостоять.

У России всегда имелось в Корею лишь два самостоятельных интереса – это приобретение в южной или западной части её побережья незамерзающего порта и опасение того, что королевство, находящееся рядом с российскими слабозащищёнными рубежами, может стать плацдармом для агрессии против российского Дальнего Востока. Тем не менее, во многих документах, касающихся русской политики в регионе, с конца XIX века можно встретить как рефрен представление о «русском» будущем Кореи. Например, посланник в Японии М.А. Хитрово полагал, что «Корея от нас не уйдёт, и рано или поздно, тем или иным путём она сделается нашим достоянием»³¹⁹. Схожих фраз в различных документах (переписке, записках и т.п.) российских официальных лиц можно встретить немало. В зарубежной историографии они часто используются как аргумент для доказательства постоянной агрессивности России. Тем самым политика Петербурга приравнивается к действиям других держав, например, Японии. В отечественной историографии как раньше, так и сейчас агрессивность устремлений России отрицается, а колониальной политике Петербурга приписываются необычные черты, якобы принципиально отличавшие империю от других великих держав. На самом деле российский колониализм несомненно выделялся лишь слабостью возможностей, что, однако, накладывало существеннейший отпечаток на действия Петербурга на Корейском полуострове. Несмотря на немалое количество грозных заявлений и всевозможных мечтаний, реально для полного обладания королевством

³¹⁸ Пак Б.Д. Дипломатическая деятельность Ли Бомджина... С.26.

³¹⁹ М.А. Хитрово – А.Б. Лобанову-Ростовскому, б/д. [после 21 февраля 1896 г.] (черновик) // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №242. Л.1–3 об.

Россия не сделала почти ничего, ограничившись топографической съёмкой местности и приобретением некоторых концессий. Такой «бумажный» империализм действительно отличает политику Петербурга, не позволяя приравнять её к действиям той же Японии либо Англии. Никаких сколько-нибудь разработанных планов завоевания Кореи в России не существовало – это факт и серьёзный аргумент, неважно, какими причинами он вызывался.

Российская политика по отношению к Корее также характеризовалась непостоянством как никакая другая в регионе. В Петербурге сначала смотрели на королевство как на главную причину осложнений в регионе, желая сохранить status quo. Позднее, в 1896–1898 гг., российское руководство пережило кратковременный период интереса к Корее в связи с поиском незамерзающего порта, пока не удалось заключить договор с Пекином об аренде Порт-Артура. После этого Корея перестала быть самостоятельной целью, превратившись в предмет торга между Петербургом и Токио. Казалось бы, интерес к ней должен был угаснуть, но произошло иное. В российском руководстве началась борьба группировок за выбор дальнейшей политики в королевстве. И в 1903 г. эта схватка не привела к окончательному результату: серьёзные разногласия сохранялись. Желанию уйти из Кореи, уступив её Японии, противостоял соблазн установить там полуколониальный режим (безобразовцы), а также стремление военных создать на северной границе полуострова заслон для защиты российской границы. Петербург совсем не оставил королевство, в этом смысле показательна активность, проявлявшаяся в 1903 г. в закреплении за некоторыми российскими предпринимателями, тесно аффилированными с властью, ряда крупных концессий. Переговоры с Японией, призванные определить судьбу страны, завершились неудачей в силу ряда факторов: это и агрессивная позиция Токио, неумелое их ведение Петербургом, наконец, серьёзное негативное влияние безобразовцев.

В случае с Кореей как нигде в дальневосточной политике проступили так называемые «вневедомственные влияния». А если вспомнить и весьма значительную, беспрецедентную самостоятельность в действиях российских представителей в королевстве, то следует признать, что действия там, совершавшиеся от имени России, очень часто носили противоречивый, несогласованный характер и далеко не всегда отвечали представлениям Петербурга. Корейская политика – весьма сложное направление в дальневосточной политике России и одно из самых неудачных. Имея колоссальные возможности, Россия так и не приобрела практически ничего в королевстве, ни преобладающего влияния, ни незамерзающего порта. Зато именно Корея стала главной причиной русско-японской войны 1904–1905 гг.

Глава 6. Как и зачем Россия захватила Порт-Артур: события конца 1897 – начала 1898 гг.

6.1. Занятие или захват?

При обращении к теме Порт-Артура историки (Б.А. Романов, Ф.А. Ротштейн, А.В. Игнатъев и Г.В. Мелихов и др.), как правило, следуют схеме, изложенной в мемуарах непосредственного участника тех событий – министра финансов С.Ю. Витте¹. Тема Порт-Артура занимает важное место в воспоминаниях графа. Автор стремился подчеркнуть, что этот эпизод явился поворотным пунктом в дальневосточной политике России, когда инициированное им мирное, экономическое проникновение в Китай было грубо нарушено силовым захватом Ляодунского полуострова, на чём настоял министр иностранных дел М.Н. Муравьёв. Сохранение прежних отношений с Пекином стало невозможным, тем самым его курсу был нанесён непоправимый удар. Более того, мемуарист утверждал, что эта аннексия стала «первым шагом» к русско-японской войне².

Надо признать: в описании отдельно взятых событий С.Ю. Витте в основном точен. Однако стоит внимательнее посмотреть на некоторые ключевые места в рассказе мемуариста. Сначала он сообщает о записке М.Н. Муравьёва, полученной рядом министров «в начале ноября» (на самом деле текст датирован 11 (23) ноября 1897 г.), и кратко излагает её содержание: в связи с захватом немцами Киао-Чао (Цзяочжоу), по мнению главы внешнеполитического ведомства, «явился благоприятный для нас момент занять один из китайских портов», а именно, Порт-Артур или Дялянвань. Они имеют важное стратегическое значение, а России как раз нужен незамерзающий порт на Дальнем Востоке³.

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.180–208; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960. С.427–464; Игнатъев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С.141–143.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.23.

³ Там же. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.498.

«Занятие»—«захват», предложенные М.Н. Муравьёвым, С.Ю. Витте и все исследователи вслед за ним поняли как аннексию. Но для такого однозначного толкования у них не имелось достаточных оснований. Ведь главным в мотивации министра было то, что Порт-Артур может оказаться в руках англичан, что у России нет нужной ей зимней гавани и что получить её от Китая можно только с помощью силы. Строго на бухтах Ляодунского полуострова М.Н. Муравьёв не настаивал, но у него получалось, что в тот момент это было самое удобное приобретение. Поэтому нельзя исключать и другой вариант: захват Порт-Артура для последующего торга с Китаем о другом порте и об уступках России в железнодорожном вопросе (направление трассы КВЖД). В таком случае Порт-Артур выступал не как цель, а как средство, соответственно, речь о долгосрочном владении им не шла.

Глава внешнеполитического ведомства так вопрос в своей записке не ставил, но есть достаточно оснований предполагать, что он всё-таки имелся в виду. С.Ю. Витте сам подтвердил это: сразу после захода российских судов в бухты Ляодунского полуострова М.Н. Муравьёв распорядился сообщить Пекину, что «мы пришли туда для того, чтобы помочь Китаю избавиться от немцев, что мы пришли защищать Китай от немцев и как только немцы уйдут – и мы уйдём!»⁴ Весь же пафос действий М.Н. Муравьёва состоял не столько в самом захвате, сколько в заявлении де-факто о неэффективности виттевской «мирной экономической экспансии» и необходимости использовать в отношениях с Поднебесной силовые рычаги.

Не удивительно, что С.Ю. Витте возражал М.Н. Муравьёву на Особом совещании 14 (26) ноября 1897 г., ссылаясь на договор с Китаем 1896 г., так, что становится ясно: он рассматривал захват Порт-Артура как цель, а не средство. И позднее, уже после того как российские корабли появились на рейде порта, он по-прежнему настаивал на необходимости «одуматься и покинуть Порт-Артур», из-за чего совершенно испортил свои отношения с министром иностранных дел⁵. После этого мемуарист сразу перешёл к рассказу о том, как посланник А.И. Павлов в феврале 1898 г. предъявил Пекину требование об аренде Ляодунского полуострова⁶. То есть, в его изложении отсутствует ключевое для всей этой истории решение – переход от занятия к постоянному владению китайскими портами. Ясно, что С.Ю. Витте что-то недоговаривал, поэтому и изложение всей истории получилось прерывистым.

Чтобы понять, в чём и почему С.Ю. Витте лукавил, надо обратиться к обстоятельствам появления России на Ляодунском полуострове. Российские корабли вошли на рейд Порт-Артура 4 (16) декабря 1897 г. далеко не спонтанно. Мор-

---

⁴ Там же. С.503.

⁵ Там же. С.502.

⁶ Там же. С.504.

ское министерство на протяжении около десяти лет присматривало для нужд Тихоокеанской эскадры незамерзающую гавань на Дальнем Востоке. Наиболее удобными казались бухты корейского побережья, но по ряду причин морякам было трудно реализовать свой выбор, прежде всего, из-за политики Японии. Китайский порт Чифу казался слишком открытым и беспокойным. Вэйхайвэй после японо-китайской войны 1894–1895 гг. представлял собой руины, как сообщила специально посланная для его освидетельствования экспедиция весной 1897 г.⁷ Лишь Киао-Чао (Цзяочжоу), по мнению командира Тихоокеанской эскадры, «удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия, но он не открыт для европейцев»⁸. Порт-Артур в списке желательных гаваней не значился.

Положение изменилось в 1895 г., в связи с японо-китайской войной. Если до этого Тихоокеанская эскадра предпочитала зимовать в японских портах, то конфликт соседей сделал это неудобным, особенно в связи с нейтралитетом России. Осенью 1895 г. начальнику эскадры С.П. Тыртову было отдано распоряжение рассосредоточить корабли по нескольким китайским портам. Петербург рассматривал этот шаг как временное решение проблемы, поэтому адмирал также получил команду обозреть корейский остров Каргодо (Кожедо) «для составления о нём заключения как о военном порте»⁹. Во второй половине ноября 1895 г. А.Б. Лобанов-Ростовский уведомил морского министра Н.М. Чихачёва, что Китай разрешил зимовку эскадры также и в Киао-Чао (несмотря на то, что эта гавань была закрыта для иностранцев), но просил по возможности сократить время стоянки и подыскать на будущее другое место. Из-за отсутствия условий С.П. Тыртов зимовал в Нагасаки, а в Киао-Чао уже новый командующий Е.И. Алексеева направил небольшой отряд под начальством контр-адмирала Г.П. Чухнина, который провёл там всего неделю, с 12 (24) по 18 (30) апреля 1896 г.¹⁰ Символический визит означал, что российское руководство хотело бы закрепить за собой право пользования этим портом. Но Пекин уклончиво отвечал, что намерен сохранить статус Киао-Чао как закрытого для иностранцев, правда, в случае открытия обещал признать первенство в его использовании за Россией¹¹.

⁷ [Горский, поручик]. Рекогносцировка путей от города Чифу до города Тянь-цзиня с описанием города Чифу и от г. Чифу до г. Вей-хай-вей. С маршрутными картами и планом города Чифу. 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона поручика Горского // Особое секретное добавление к Сборнику материалов по Азии. №1. СПб., 1898. С.1–123.

⁸ С.П. Тыртов – в Морское министерство 20 августа (1 сентября) 1895 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.270–271; Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910. С.87.

⁹ Телеграмма Морского министерства С.П. Тыртову 25 сентября 1895 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1465. Л.274, 282.

¹⁰ Справка о бухте Киао-Чао 13 (25) сентября 1897 г. // Там же. Д.1689. Л.2–2 об.

¹¹ А.И. Павлов – в МИД 20 октября (1 ноября) 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.35–36.

Планы Петербурга спутал Берлин. Летом 1896 г. новый немецкий посланник в Пекине Э. Гейкинг сообщил своему русскому коллеге А.П. Кассини, что он получил распоряжение добиваться от Китая разрешения соорудить в Киао-Чао угольную станцию. Немец делал упор на том, что Германия преследовала в Китае исключительно коммерческие интересы и видела главным своим соперником Англию¹². В ответ А.П. Кассини указал немцу на то, что Россия уже обладала правом первенства на использование этого порта¹³. То есть, Германии было вежливо отказано¹⁴. Тем не менее, Берлин настаивал в цзун-ли-ямыне на своём, одновременно Э. Гейкинг дезинформировал сменившего А.П. Кассини А.И. Павлова, рассказывая ему, что они решили соорудить себе угольную станцию не в Киао-Чао, а в Амое¹⁵. В то же время Россия, по-прежнему не имея собственной незамерзающей гавани, продолжала подыскивать приемлемый вариант. В список возможных кандидатов в этот раз попали Порт-Артур и Даляньвань. 16 и 17 (28 и 29) июня 1897 г. их обследовал русский вице-консул в Чифу В.Ф. Гроссе. В Петербург он сообщил, что мелководную бухту Порт-Артура было возможно углубить, а западный порт (Даляньвань) «мог бы служить затем первоклассной коммерческой гаванью»¹⁶. Однако военные пришли к иному решению. Отвергнув Порт-Артур и Даляньвань из-за ряда недостатков, они заключили, что бухта Киао-Чао «конечно, в мирное время не нужна» и вернулись к намерению получить порт в юго-восточной части Кореи¹⁷. В общем, в российском руководстве во второй половине 1897 г. так и не сложилось единого мнения, где следует искать необходимую гавань.

Когда же осенью 1897 г. распространился слух, что Германия, несмотря на уведомление А.П. Кассини, всё-таки собирается занять Киао-Чао, Петербург решил не уступать¹⁸. От демаршей вроде посылки военных судов Россия пред-

¹² А.П. Кассини – в МИД 15 (27) августа 1896 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1489. Л.10–12.

¹³ Телеграмма А.П. Кассини в МИД 11 (23) августа 1896 г. // Там же. Д.13. Л.23; А.П. Кассини – А.Б. Лобанову-Ростовскому 16 (28) августа 1896 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.28–29; Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.384.

¹⁴ Об этом российские представители неоднократно заявляли немцам в 1896–1897 гг. (Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.51–52).

¹⁵ А.И. Павлов – в МИД 6 (18) марта 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.31. Тем не менее, по свидетельству Ли Хунчжана, Э. Гейкинг в цзун-ли-ямыне настаивал исключительно на Киао-Чао, даже не упоминая Амоя (С.32).

¹⁶ Выписка из донесения вице-консула в Чифу В.Ф. Гроссе 30 июня (12 июля) 1897 г. // АВПРИ. Ф.340. Оп.584. Д.89. Л.102–107.

¹⁷ П.П. Тыртов – М.Н. Муравьеву 3 (15) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1489. Л.69–70.

¹⁸ В.Н. Ламздорф – П.П. Тыртову 3 (15) октября 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.7.

полагала воздержаться (ни одна держава не получила тогда от Поднебесной разрешения пользоваться портом). Пекин подтвердил, что по-прежнему не собирался допускать в Киао-Чао иностранцев, признавая за Россией приоритет на пользование бухтой¹⁹. Если же немцев всё-таки пустили бы в бухту, аналогичный участок «должен быть предоставлен и нам»²⁰. В случае появления в порту немецких судов без согласия Китая П.П. Тыртов намеревался направить туда один–два русских корабля, чтобы следить за ними. В такой ситуации, когда обе стороны не собирались уступать, с подозрением следя друг за другом, да ещё и в атмосфере многочисленных слухов, дело могло обернуться серьёзным конфликтом. К счастью, этого не случилось, так как общие русско-германские отношения были не так плохи, как, например, русско-английские, и для обеих сторон столкновение в Китае было совсем ни к чему.

Вся эскалация напряжённости вокруг китайских портов началась с малозначимых событий, не имевших вроде бы политического значения. 23 октября (4 ноября) 1897 г. два немецких патера, принадлежавшие к одной из католических миссий в Китае, были убиты и ограблены в китайской деревне, где они остановились на ночлег. Это послужило предлогом для резких действий Германии, хотя само происшествие являлось заурядным уголовным преступлением²¹.

26 октября (7 ноября) 1897 г. Николай II получил от Вильгельма II телеграмму о нападении китайцев на католическую миссию (а не на миссионеров!) в Шаньдуне. Германский император писал: «Надеюсь, что согласно нашим личным переговорам в Петергофе ты одобришь переход моей эскадры в Киао-Чао для того, чтобы оттуда действовать против мародёров». Под невинной фразой «переход эскадры» скрывалось намерение германского императора захватить один из портов Китая. В этот же день царь ответил: «Не могу одобрить или не одобрить твоего распоряжения»²². Прямо возразить против намерений Берлина Петербургу было невозможно.

¹⁹ А.И. Павлов – в МИД 20 октября (1 ноября) 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87). С.36.

²⁰ М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 25 и 26 октября (6 и 7 ноября) 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.15–16, 25; Красный архив. 1938. №2 (87). С.38.

²¹ Подробнее см.: Симанский П.Н. Указ. соч. С.88–89.

²² Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.:Пг., 1923. С.21. Германский император был в России с визитом 7–10 (19–22) августа 1897 г. Во время одной из встреч с Николаем II он неожиданно спросил царя, может ли Германия занять Киао-Чао, так как Россия портом не пользуется, а немцам гавань нужна для стоянки своей эскадры. Царь, захваченный врасплох, не сумел отказать Вильгельму (Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.407–408). Он ответил, что «совершенно не заинтересован в пунктах южнее линии Тяньцзинь–Пекин», поэтому не собирается мешать немцам в Шаньдуне (Вильгельм II. Мемуары, события и люди 1878–1918. М.:Пг., 1923. С.32). П.Н. Симанский предположил, что Петербург уже наметил в качестве желанного для себя незамерзающего порта корейский Пеньян в устье реки Тантонг (Симанский П.Н. Указ. соч. С.88).

Ещё до начала действий немецкой стороны морской министр Ф.К. Авелан приказал Ф.В. Дубасову подготовить отряд кораблей для захода в Киао-Чао на случай появления там немцев. Фактически до его сведения довели план ответных мер, изложенный в октябрьской переписке двух министров: только наблюдать за германской эскадрой и требовать равных с ней прав. Если же немецкие корабли не появятся, адмиралу следовало при первом удобном случае подобрать в Киао-Чао место для угольного склада²³. Министр иностранных дел также предполагал протестовать в Берлине, защищая первенство России. Врядли Петербург в тот момент рассматривал Киао-Чао как желанный незамерзающий порт (он находился южнее Пекина, да и сооружение железной дороги к гавани было бы сопряжено со значительными, прежде всего, политическими трудностями), хотя моряки и признавали за ним многие удобства²⁴.

Немецкие суда вошли в Киао-Чао 2 (14) ноября 1897 г. В Пекине вспыхнула настоящая паника. Узнав о действиях Германии, Ли Хунчжан уже 3 (15) ноября 1897 г. обратился к России с просьбой также ввести свои суда в этот порт²⁵. Он настолько торопился, что просил российского дипломата зашифровать депешу и передать ему, чтобы он лично отправил её по телеграфу²⁶. Первой реакцией МИД стало поручение Ф.В. Дубасову исполнить просьбу китайцев, что могло обернуться русско-германским конфликтом в Китае²⁷. Фактически на стороне внешнеполитического ведомства выступил военный министр, полагавший что и Печилийская, и Шаньдунская провинции Китая входили в сферу русского влияния²⁸. Однако морской министр заявил о неудобстве таких действий России, когда немецкие суда уже находились в порту, и Николай II согласился с ним²⁹. Тем более, что реально Петербург ничего не мог сделать: даже

---

²³ Ф.К. Авелан – Ф.В. Дубасову, б/д. [конец октября 1897 г.] // РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.25. Л.1–1а.

²⁴ П.П. Тыртов – М.Н. Муравьеву 3 (15) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1489. Л.69–70.

²⁵ А.И. Павлов – в МИД 4 (16) ноября 1897 г. // Там же. Д.1488. Л.11–12.

²⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 5 (17) ноября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.2–5.

²⁷ П.П. Тыртов – Ф.В. Дубасову 4 (16) ноября 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.37.

²⁸ П.С. Ванновский – М.Н. Муравьеву 9 (21) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1487. Л.60. Военный министр ссылался при этом на А.П. Кассини, который якобы ещё в январе 1897 г., уже находясь в Петербурге, заявлял, что по крайней мере Шаньдунский полуостров «должен быть свободен от чуждых нам иноземных влияний» из-за его стратегического военно-морского значения.

²⁹ Всеподданнейший доклад П.П. Тыртова 5 (17) ноября 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1689. Л.38.

если российская эскадра появилась бы в Киао-Чао раньше немецкой, ей пришлось бы гостеприимно встретить немецкий флот из-за петергофских договорённостей³⁰. Поэтому 8 (20) ноября распоряжение Ф.В. Дубасову аннулировали (до этого, 6 (18) ноября, его успели сообщить А.И. Павлову)³¹. Считая появление германской эскадры в Киао-Чао нежелательным, но не намереваясь конфликтовать по этому случаю с Берлином, В.Н. Ламздорф, замещавший тогда министра иностранных дел, уже 4 (16) ноября предложил Николаю II «воспользоваться первым удобным случаем, чтобы занять независимо какой-либо другой, более для нас выгодный порт»³². Пекину же Петербург ответил, что так как китайцы сами ушли из Киао-Чао, то появление там после этого русских судов «было бы равносильно признанию нами установившегося там ненормального порядка». Тем не менее, Россия совсем не отказывала Китаю в поддержке, но она соглашалась помочь лишь в случае большого столкновения с Германией и при условии, если «русским судам будет открыто дружеское гостеприимство даже в тех портах, которые недоступны для иностранцев»³³ (в этом можно усмотреть намёк на Порт-Артур), а также улаживании всех нерешённых вопросов вокруг КВЖД (речь, вероятно, шла о разрешении на строительство ветки до незамерзающего порта). Ли Хунчжан ничего не ответил Петербургу, опасаясь, что Россия не исполнит своих обещаний³⁴.

11 (23) ноября 1897 г. М.Н. Муравьёв представил Николаю II записку о возможных ответных действиях России³⁵. Министру иностранных дел предложил в ней «приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры <...> Тялянваня, т.е., того порта, который в данную минуту <...> представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта»³⁶. Именно «занять»: пока М.Н. Муравьёв не ставил вопрос об аннексии, вероятно, понимая, насколько он сложен, и не предreshал судьбу гавани, так как знал, что моряки могут

³⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 18 (30) ноября 1897 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.68.

³¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.92.

³² Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 4 (16) ноября 1897 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.64. Николай II ответил графу: «Я всегда был мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове, или в с[еверо]-в[осточном] углу Корейского залива (Николай II – В.Н. Ламздорфу 11 (23) ноября 1897 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.102).

³³ М.Н. Муравьёв – А.И. Павлову 18 (30) ноября 1897 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1487. Л.74–75.

³⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 23 ноября (5 декабря) 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.16.

³⁵ Красный архив. 1932. №3 (52). С.103–108.

³⁶ Там же. С.106–107.

настаивать на другом, более удобном для себя незамерзающем порте. 14 (26) ноября по распоряжению царя для её обсуждения созвали Особое совещание³⁷. Предложение занять Порт-Артур, сделанное М.Н. Муравьевым, поддержал только военный министр П.С. Ванновский, большинство же, в том числе и С.Ю. Витте, решило пока воздержаться от такого шага³⁸. Министр финансов аргументировал свою позицию необходимостью сохранять хорошие отношения с Китаем, чтобы можно было продолжать экономическую экспансию России на Дальнем Востоке. С.Ю. Витте заявил о желательности для России иметь незамерзающий выход в Тихий океан и что «наше наступательное движение на восток должно этим кончиться». Одновременно сановник подчёркивал особые отношения России к Китаю: «то, что могут делать европейцы, мы делать не должны»³⁹. Впоследствии С.Ю. Витте изображал это как решение министра иностранных дел силовым образом решить вопрос о незамерзающем порте.

Однако позиция МИД была далеко не простой, как это может показаться. Похоже, что занятие Порт-Артура М.Н. Муравьев намеревался использовать прежде всего как средство давления на Китай. Именно такая программа действий была изложена им несколько дней спустя после появления русских кораблей на рейде Порт-Артура в проекте секретной инструкции А.Н. Шпейеру, которого предполагалось назначить посланником в Пекин. В документе указывалось, что российской эскадре опасно надолго остаться в гаванях Ляодунского полуострова «без риска омрачить добрые отношения наши к Поднебесной империи», правильнее воспользоваться случаем, чтобы решить вопросы, «которые могут к тому времени оказаться на очереди». Под ними имелось в виду желание «включить в сферу нашего непосредственного влияния приграничные китайские владения» (то есть, Маньчжурию), а также получить концессию на железную дорогу до Мукдена и далее до Шанхайгуаня (то есть, на соединение с китайской железной дорогой)⁴⁰. И, разумеется, зимний порт. Правда, из этого трудно понять, какая незамерзающая гавань имелась в виду. Она могла находиться как на Ляодунском полуострове, так и в Корее. Железная дорога являлась в данном случае не

³⁷ Журнал Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.119; Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.44–46.

³⁸ Министр финансов был хорошо информирован о происходившем, в том числе и из обстоятельных телеграмм Д.Д. Покотилова 4 (16), 5 (17), 9 (21) и 10 (22) ноября 1897 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.1–8).

³⁹ Журнал Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г. (копия) // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.120. Л.2–3.

⁴⁰ Проект секретной инструкции А.Н. Шпейеру, утверждённый Николаем II 9 (21) декабря 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.43–50. Однако А.Н. Шпейер в Пекин не поехал, вместо него в марте 1898 г. туда был направлен М.Н. Гирс.

только средством для экономического проникновения в Центральный Китай, но и необходимой связью незамерзающей пристани с Сибирской железной дорогой по земле. Иначе свободный ото льда порт подвергался большой опасности в случае военного конфликта, например, с Англией, так как российский флот был заведомо слабее и не смог бы защитить изолированную гавань. Поэтому В.Н. Ламздорф не лукавил, когда несколько раз подчёркивал во всеподданнейших докладах, что Россия оказалась вынуждена силой обстоятельств занять Порт-Артур⁴¹.

В свою очередь, и позицию С.Ю. Витте нельзя признать убедительной. В ответ на записку М.Н. Муравьёва он предложил ввести русскую эскадру в Киао-Чао «и приказать ей стоять там, доколе Германия не покинет этого порта»⁴². Его не смутило то, что такое поведение было чревато конфликтом с Берлином. Показательно и то, что министр финансов в своем выступлении также прямо не заявил, на какой именно порт претендует Россия. Учитывая же его настойчивое желание не допустить японское влияние в Корее⁴³, можно предположить, что С.Ю. Витте имел в виду либо порт на восточном побережье полуострова, либо в устье р. Ялу, и беспокоился о том, как получить согласие Китая на железную дорогу к нему⁴⁴. Тому есть ряд косвенных свидетельств. Например, письмо П.М. Романова Ф.К. Авелану 19 ноября (1 декабря) 1897 г. с просьбой предоставить топографические сведения о гаванях Кореи, так как Министерство финансов разрабатывало вопрос «о возможности развития в ближайшем будущем коммерческой деятельности портов Корейского побережья»⁴⁵. Эти действия хорошо согласовались с позицией М.Н. Муравьёва.

Не отрицая того, что у главы МИД действительно имелось стремление захватить Порт-Артур, надо сказать, что обстановка в Китае после немецкого демарша резко обострилась. Русские дипломаты в Поднебесной слали в Петербург весьма тревожные телеграммы: 25 ноября (7 декабря) А.И. Павлов сообщил из Пекина, что в Чифу ждут английскую эскадру, направляющуюся, по слухам, в Порт-Артур; 1 (13) декабря русский военный агент в Китае полковник К.Н. Десино уведомил о том, что в Чифу грузятся 4 английских

⁴¹ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 13 (25) января 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.3 об.

⁴² Записка С.Ю. Витте 15 (27) ноября 1897 г. Цит. по: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.189.

⁴³ Журнал Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г. (копия) // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.120. Л.2–3.

⁴⁴ С.Ю. Витте считал, что Россия лишь через пять лет будет готова занять незамерзающий порт, сам он предпочитал «пункт у устья Ялу» (Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 20 декабря 1897 г. (1 января 1898 г.) (копия) // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.6).

⁴⁵ РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1090. Л.1.

судна перед отправлением в Порт-Артур, а 2 (14) декабря – что англичане уже заняли бухту Даляньвань. Об этом же ещё 1 (13) декабря отправил телеграмму из Чифу в Петербург русский консул А.Н. Островерхов⁴⁶. Впоследствии все эти слухи не получили подтверждения, но в те дни они выглядели правдоподобно. Поэтому нельзя согласиться с Б.А. Романовым, что страх английского захвата Порт-Артура был «заведомо ложный»⁴⁷. Сами китайцы были уверены, что Англия намеревается захватить Даляньвань – об этом в цзун-ли-ямьнь сообщил чилийский генерал-губернатор Ван Вэньшао 28 ноября (10 декабря) 1897 г.⁴⁸

В столь тревожной атмосфере Россия, промедлив, могла потерять пусть и не лучший, но всё же возможный пункт для стоянки флота, к которому она присматривалась с 1895 г. Да и рычаг давления на Пекин в вихре обостряющихся событий был весьма важен. Вариант же с портом в Корее находился под большим вопросом. Кроме того, получение такой гавани наверняка ухудшило бы отношения России с Японией, чему настойчиво противился МИД. В.Н. Ламздорф прямо докладывал Николаю II, что приобретение незамерзающего порта в Корее невозможно. В Париже в это время японский посланник предлагал союз Франции, Японии и России, чем, по мнению товарища министра, следовало бы воспользоваться и «тотчас же приступить к переговорам». Для этого пришлось бы пересмотреть договорённости о Корее, в том числе и московский протокол Лобанов–Ямагата, имевший только «временное значение» и являвшийся «источником постоянных недоразумений»⁴⁹. То есть, для нового соглашения от Петербурга и так требовались уступки Токио в королевстве, получение незамерзающей гавани на полуострове рушило всю комбинацию. Наоборот, порт в Китае облегчил бы соглашение с Японией по корейским делам, а отношения с Пекином от этого хуже бы не стали: особым расположением у правителей Поднебесной Россия и так не пользовалась, они преклонялись, по убеждению В.Н. Ламздорфа, только перед силой⁵⁰.

Объективно для осуществления замыслов М.Н. Муравьёва сложилась очень благоприятная атмосфера. Тем не менее, сановник, не получив одобрения своим планам от Особого совещания 14 (26) ноября 1897 г., действовал осторожно. Министр начал выторговывать у Пекина возможность доступа для России в за-

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.21, 62, 68, 69; Симанский П.Н. Указ. соч. С.101.

⁴⁷ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.189.

⁴⁸ Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958. С.232.

⁴⁹ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 16 (28) декабря 1897 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.58. Л.77 об. – 78. О договоре между Россией и Японией, подписанном в Москве 28 мая (9 июня) 1896 г., подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁵⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 23 декабря 1897 г. (4 января 1898 г.) // Там же. Л.79 об.

крытые для иностранцев порты, обещая, что мы «не применём воспользоваться этим дружеским гостеприимством»⁵¹. Получив разрешение Китая, он, ещё не поставив вопрос перед царём, немедленно предложил П.П. Тыртову отправить часть эскадры в Порт-Артур и Даляньвань, чтобы не допустить их захвата «другой нацией», причём расположить их так, чтобы появление в бухтах иных судов было бы попросту невозможно⁵². 29 ноября (11 декабря) 1897 г. П.П. Тыртов отдал секретное распоряжение Ф.В. Дубасову тайно подготовить несколько кораблей для захода в Порт-Артур⁵³.

И только после этого 2 (14) декабря 1897 г. министр иностранных дел представил Николаю II записку, где доказывал, что захват Германией Киао-Чао никак не затрагивает русских интересов. Скорее наоборот, по его мнению, стало возможно русско-германское соглашение для совместных действий в Китае против Англии (что было близко царю и вполне соответствовало намерениям С.Ю. Витте). Поэтому, по мнению министра, следовало быстрее договориться с Берлином, а перед этим занять Порт-Артур и Даляньвань «с сохранением существующих дружественных отношений с Китаем»⁵⁴. М.Н. Муравьёв имел в виду полученное им от Пекина разрешение на заход русских судов в закрытые для иностранцев порты. Надо заметить, что речь не шла об их возможной аннексии.

Аргументы М.Н. Муравьёва в новой обстановке показали Николаю II убедительными, 2 (14) декабря он отклонил заключения Особого совещания 14 (26) ноября и распорядился ввести русские суда в две бухты Ляодунского полуострова. Морякам предписали соблюдать «крайнюю осторожность», не использовать угрозы⁵⁵. 3 (15) декабря 1897 г. последовало распоряжение занять также бухту Даляньвань⁵⁶. 4 (16) декабря командир группы кораблей контр-адмирал М.А. Реунов сообщил в Петербург о выполнении приказа и о том, что в Порт-Артуре никого, кроме китайцев, не было (Николай II пометил на донесении: «Слава Богу!»)⁵⁷. Только после этого раздался

⁵¹ М.Н. Муравьёв – А.И. Павлову 26 ноября (8 декабря) 1897 г. (копия) // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.19.

⁵² Черновик письма П.П. Тыртова великому князю Алексею Александровичу 27 ноября (9 декабря) 1897 г. // Там же. Л.24; М.Н. Муравьёв – П.П. Тыртову 29 ноября (11 декабря) 1897 г. // Там же. Л.39.

⁵³ Там же. Л.69.

⁵⁴ Записка М.Н. Муравьёва Николаю II 2 (14) декабря 1897 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.121; Ефимов Г.В. Указ. соч. С.237.

⁵⁵ Два письма М.Н. Муравьёва П.П. Тыртову 2 (14) декабря 1897 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.54–55, 57.

⁵⁶ П.П. Тыртов – Ф.В. Дубасову 3 (15) декабря 1897 г. // Там же. Л.69 об. – 70.

⁵⁷ Там же. Л.79. В бухту Даляньваня русские корабли вошли позже, 8 и 9 (20 и 21) декабря (Симанский П.Н. Указ. соч. С.102).

протест англичан и британский корабль пришел из Чифу в Порт-Артур для наблюдения за русской эскадрой.

Первой реакцией С.Ю. Витте на Порт-Артур явилась глубокая обида, и в запальчивости он сделал ряд недопустимых шагов. Министр финансов невольнительно откровенно беседовал с английским послом Н. О'Конором, он также резко высказывался в разговоре с германским послом Г. Радолином, назвав занятие Порт-Артура ребячеством, которое «очень плохо кончится»⁵⁸. К счастью для С.Ю. Витте его выпады привели только к выговору, полученному им от Николая II. Министр финансов в ответ демонстративно подал в отставку, но император её отклонил, на этом демарш и завершился⁵⁹.

Несмотря на своё неудовольствие, С.Ю. Витте всё-таки поддержал заявление М.Н. Муравьёва, рассказывавшего иностранным дипломатам, что Россия заняла Порт-Артур исключительно по просьбе Китая и не имеет намерения оставлять там долго, так как у неё есть своя гавань – Владивосток. Главу внешнеполитического ведомства не смутило то, что порт замерзал каждый год не менее чем на четыре месяца, он парировал это тем, что там появился хороший ледакол⁶⁰. Однако несколько дней спустя М.Н. Муравьёв уже говорил, что Россия намерена занять Киао-Чао в качестве незамерзающего порта, так как Пекин обещал ей эту бухту⁶¹. Англичане, кажется, поверили тому, что действия Петербурга не были ответом на акцию Берлина, а отражали договорённость с Китаем. Им казалось невозможным то, что слабая в военном отношении на Дальнем Востоке Россия может позволить себе захватить силой один из незамерзающих портов.

Вопреки опасениям С.Ю. Витте, Китай спокойно воспринял появление русских кораблей в Порт-Артуре: он, по-видимому, больше опасался действий Англии. Кроме того, в это время в Пекине шли нелёгкие переговоры с немцами о Киао-Чао, в которых Китаю приходилось делать уступки⁶². Однако судьба Порт-Артура ещё не была окончательно решена.

⁵⁸ Романов Б.А. Очерки... С.74–75.

⁵⁹ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.130; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. ... С.502–503. И.И. Кольшко, хорошо знавший министра финансов, рисует в своих воспоминаниях иную картину: «Трижды царь за спиной своего “союзника” [В.П. Мещерского – И.Л.] подписывал отставку Витте, но, застигнутый “союзником” (которого Витте предупреждал), рвал отставку и подписывал сочиненный Мещерским благодарственный рескрипт» (Кольшко И.И. Закат царизма. Император Николай II // ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.346. Л.15). Один из таких рескриптов был дан С.Ю. Витте 24 февраля (8 марта) 1898 г.

⁶⁰ У. Гошен – Р. Солсбери 14 (26) декабря 1897 г. // 65/1534. Р.197–198; Н. О'Конор – Р. Солсбери 31 декабря 1897 г. (12 января 1898 г.) // PRO FO. 65/1552. P.28–29.

⁶¹ Н. О'Конор – Р. Солсбери 20 января 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.56. Конечно, это была сознательная дезинформация англичан и отчасти она сработала, несколько усыпив бдительность Лондона.

⁶² Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 11 (23) декабря 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.95. Л.24.

Так получилось, что параллельно истории с Порт-Артуром начались русско-китайские переговоры о займе Китаю. Еще в начале лета 1897 г. Ли Хунчжан обратился через председателя правления Русско-Китайского банка князя Э.Э. Ухтомского в Петербург с просьбой предоставить заём Китаю⁶³, за что Пекин обещал предоставить «совершенно исключительное преобладание» России на своей территории. С.Ю. Витте согласился обсудить вопрос, оговорив, что «нам не следует навязываться с услугами по займу», а добиваться того, чтобы Китай предложил «от себя» выдвинутые Россией условия (что он и сделал 2 (14) декабря 1897 г.). Они были таковы: наиболее южное направление КВЖД, концессия на железную дорогу к незазанному порту на Жёлтом море⁶⁴, к востоку от порта Инцзы, по выбору правления КВЖД, с правом захода туда всех кораблей под русским флагом (то есть, и военных), свободу плавания по реке Сунгари и её притокам и монополия России на концессии в Маньчжурии и Монголии⁶⁵. С.Ю. Витте также составил проект условий займа в 100 млн. лан (более 140 млн. руб.)⁶⁶ по образцу займа 1895 г. и направил его Д.Д. Покотилову 4 (16) декабря 1897 г., то есть, когда решение ввести русские корабли на рейд Порт-Артура уже было принято в Петербурге. Если бы Россия с самого начала намеревалась удержать за собой Ляодунский полуостров, то следовало бы сразу увязать переговоры о займе с желанием получить именно этот порт. Однако ничего подобного не произошло.

Условия русского займа Китаю в редакции министра финансов оказались жёсткими: гарантиями выплат служили таможенные пошлины, а также соляной доход (в Поднебесной существовала государственная монополия на торговлю солью). Соглашение о займе в варианте, предложенном С.Ю. Витте, Пекину следовало подписать в две недели, иначе предложение аннулировалось. Свои соображения министр финансов разъяснил М.Н. Муравьёву: «Мне кажется, мы могли бы иметь успех, если Павлов объяснит кому следует, что при займе англичанами японцы получают деньги и не уйдут. Значит, Китай оста-

⁶³ Заём требовался для уплаты контрибуции за поражение в войне 1894–1895 гг. Своевременная выплата последнего транша 8 мая 1898 г. позволяла Пекину сэкономить 23,75 млн. лан, т.е. весьма значительную сумму (Ефимов Г.В. Указ. соч. С.240).

⁶⁴ В этот ареал входил весь Ляодунский полуостров и Корея.

⁶⁵ Проект телеграммы А.И. Павлову, составленный С.Ю. Витте, б/д. [рубеж ноября–декабря 1897 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.56; РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.75. Л.6–7, 12. История с Порт-Артуром косвенно показала значительное изменение в действиях С.Ю. Витте на Дальнем Востоке: он перестал говорить о проникновении в Центральный и Южный Китай, органичиваясь исключительно северными провинциями.

⁶⁶ Точный пересчёт китайских ланов (таэлей) в рубли затруднён по многим причинам. В 1901 г., когда Министерство финансов определяло размер выплат Китая за ущерб, нанесённый России в ходе боксёрского восстания, было принято соотношение: 1 лан приравнивался к 1,412 руб. в переводе на золото.

нется в дураках. Если же заём будет совершён нами, то мы заявим, что уходим из Порт-Артура и Даляньваня, если уйдут японцы, и уйдём – если они уйдут»⁶⁷. То есть, С.Ю. Витте высказал готовность увязать заём Китаю и Порт-Артур: за принятие русского варианта он был готов оставить порты Ляодуна. Получается, что кредит оказался для министра важнее, чем уже занятый порт.

Не удивительно, что в этом вопросе С.Ю. Витте пока действовал в полном взаимопонимании с М.Н. Муравьевым⁶⁸. Некоторое время Китай вёл себя неуверенно, но после того как английский посланник в Пекине К. Макдоналд предложил цзун-ли-ямыню не брать денег у России, обещая устроить дело в Англии, а 17 (29) декабря 1897 г. японский флот сосредоточился у Цусимы, а английский – у порта Гамильтон, осмелел⁶⁹. 18 (30) декабря 1897 г. Д.Д. Покотилов сообщил С.Ю. Витте, что китайцы резко переменяли свое отношение к России. Они потребовали письменного заявления, что Петербург не намерен удерживать за собой Порт-Артур и Даляньвань⁷⁰. Ответ России, отвергшей всякие письменные гарантии как недостойные великой державы, гласил, что порты будут оставлены тогда, «когда политические обстоятельства и обоюдные интересы России и Китая это позволят». Одновременно от Пекина просили предоставить русскому флоту стоянку в Печилийском или Корейском заливах⁷¹. Такая позиция России очень обрадовала руководство Поднебесной, но камнем преткновения стал вопрос о месте гавани для русского флота: Китай предлагал России подыскать себе бухту в устье р. Ялу (с чем согласился С.Ю. Витте) и обещал сам построить к нему железную дорогу (правда, за русский счёт)⁷². Петербург такое решение совершенно не устроило, однако вариант Порт-Артура в качестве незамерзающей гавани по-прежнему пока не рассматривался.

Параллельно шли переговоры по займу. Его условия были сообщены цзун-ли-ямыню 21 декабря 1897 г. (2 января 1898 г.). Китайцы сразу же ознакомились с их содержанием англичан. Это означало, что Пекин не устраивают

⁶⁷ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 30 декабря 1897 г. (11 января 1898 г.) // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.55–56. По-видимому, С.Ю. Витте имел в виду захват японцами Вэйхайвэя.

⁶⁸ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии ... С.193–195.

⁶⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 (30) декабря 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.36. Однако это не произвело впечатления на Д.Д. Покотилова, который холодно ответил, что Россия не навязывает Китаю своих услуг, и отказ Пекина будет ей только выгоден, так как «исполнения наших требований относительно Маньчжурии мы добьёмся без всякого займа».

⁷⁰ Там же. Л.37.

⁷¹ Проект телеграммы А.И. Павлову в Пекин, одобренный Николаем II 23 декабря 1897 г. (4 января 1898 г.) // Там же. Л.40а; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.196.

⁷² Две телеграммы Д.Д. Покотилова – С.Ю. Витте 27 декабря 1897 г. (8 января 1898 г.) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.48, 49.

предложения Петербурга, и он решил сыграть на англо-русских противоречиях, устроив соревнование. Китай явно не спешил, отношение к русскому проекту сменилось с сочувственного на неблагоприятное даже у Ли Хунчжана⁷³. Далее последовал торг между Петербургом и Пекином, в ходе которого китайская сторона ссылалась на большую выгоду английского предложения (якобы заём на 50 лет под 3% годовых)⁷⁴. Д.Д. Покотиллов ответил, что Петербург будет только рад, если Пекин возьмёт деньги на свободных рынках. Однако, детально ознакомившись с английскими условиями, Ли Хунчжан тут же бросился к агенту Министерства финансов, желая продолжить переговоры о займе с Россией (Д.Д. Покотиллов телеграфировал об этом в Министерство финансов 27 декабря 1897 г. (8 января 1898 г.)). В конце концов Ли Хунчжан, который представлял Поднебесную, согласился на все условия Петербурга, за исключением русской железной дороги к Жёлтому морю⁷⁵. Но позиция уполномоченного показалась в Пекине слишком уступчивой, сановник столкнулся с сильной оппозицией и отказался от своего согласия⁷⁶. Между Англией и Россией в Пекине развернулась острейшая борьба, стороны не скупилась на обещания и угрозы.

9 (21) января 1898 г. Д.Д. Покотиллов сообщил С.Ю. Витте, что Лондон, по-видимому, ограничится «самыми невинными требованиями, лишь бы не позволить нам успеть в займе». Кроме того, российский представитель опасался, что англичане могли уже пообещать китайским сановникам крупную взятку за устройство займа⁷⁷. С.Ю. Витте немедленно разрешил А.И. Павлову, который официально вёл переговоры, израсходовать 1 млн. руб. на «подарки», подчеркнув, что он придаёт успеху русского займа исключительно большое значение⁷⁸. При таких обстоятельствах увязка займа с получением от Китая Порт-Артура не имела шансов на успех. К тому же задачу России невольно усложнили французы: узнав, что для получения денег Пекин готов пойти на существенные уступки англичанам, Париж тут же предупредил, что потребует себе аналогичных преференций на юге Китая.

Апогей соперничества российского и английского представителей в Китае А.И. Павлова и К. Макдоналда пришёлся на 12 (24) января 1898 г. В этот день А.И. Павлов выступил в цзун-ли-ямьне, где прямо угрожал китайским правителям. Министры якобы утверждали, что не знают, как отказать Лондону,

⁷³ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 7 (19) января 1898 г. // Там же. Л.74.

⁷⁴ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 1 (13) января 1898 г. // Там же. Л.59. Кажется, процент был всё же выше – 4%.

⁷⁵ Телеграмма Д.Д. Покотилова 27 декабря 1897 г. (8 января 1898 г.) // Там же. Д.75. Л.19.

⁷⁶ Там же. Л.40–42.

⁷⁷ Д.Д. Покотиллов – в МИД 9 (21) января 1898 г. // Там же. Оп.22. Д.209. Л.2.

⁷⁸ Там же. Д.209. Л.4.

так как в финансовом отношении его условия выгоднее русских. Требование равных с английскими условий А.И. Павлов отверг как несовместимое с достоинством России. Посланник занял жёсткую позицию, объявил о недопустимости соглашения Китая с англичанами как по поводу Даляньваня, так и вообще северной части побережья Жёлтого моря, а также о необходимости предоставить России право строить железную дорогу к незамерзающему порту вне всякой связи с займом⁷⁹. В этот же день Д.Д. Покотилов имел разговор с английским посланником, который угрожал, что в случае принятия условий России Лондон возбудит все возможные претензии к Пекину. Действительно, китайские правители напугались, даже Ли Хунчжан, которому до этого больше нравились английские условия, склонился к русскому варианту⁸⁰. За день до выступления перед правительством, 11 (23) января 1898 г., А.И. Павлов обещал китайцу 500 тыс. лан «на покрытие негласных расходов, которые ему самому пришлось бы сделать для проведения этого дела»⁸¹. Для убеждения китайца был подключён и князь Э.Э. Ухтомский, которому С.Ю. Витте продиктовал содержание письма к Ли Хунчжану⁸². Однако все усилия оказались напрасны. К 14 (26) января члены цзун-ли-ямбя придумали выход – поделить заём пополам, а затем, 20 января (1 февраля) 1898 г. вообще отказались от обращения к международным денежным рынкам. Уже 24 января (5 февраля) 1898 г. правительство обнародовало условия внутреннего займа на 100 млн. лан на 20 лет. Для его успешного размещения устанавливалась, в частности, принудительная подписка чиновников. Облигациями займа (по 100 лан) разрешалось оплачивать поземельную подать и соляной налог.

⁷⁹ А.И. Павлов – в МИД 12 (24) января 1898 г. (первая телеграмма) // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.23–25.

⁸⁰ А.И. Павлов – в МИД 9 (21) января 1898 г. // Там же. Л.22.

⁸¹ А.И. Павлов – в МИД 12 (24) января 1898 г. (вторая телеграмма) // Красный архив. 1922. №2. С.288. 200 тыс. лан. посланник пообещал Чжан Инхуану, который уверил, что на него можно вполне полагаться (А.И. Павлов – в МИД 15 (27) января 1898 г. // Там же. С.289). 500 тыс. лан предлагались «стоимостью веса, употребляемого в Пекине в обыденной жизни», что составляло при пересчёте на банковские (таможенные) ланы 486,5 тыс. или 609 120 руб. 50 коп. (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 16 (28) марта 1898 г. // Там же. С.292).

⁸² «От Вас теперь зависит дать то или другое направление тревожному положению дел. Если Вы кончите заём с Англией, то этим положение делается ещё более тревожным, и Китай возбудит в России справедливое чувство недоверия. Если сделаете заём с Россией, то она опять будет к Вам относиться так же дружественно, как относилась ранее, и сумеет успокоить положение. Я и Витте очень советуем Вам как можно скорее кончить заём с Россией. Всякий день промедления ухудшает дела, возбуждает интриги» (С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому, б/д. [январь 1898 г.]. Помета Э.Э. Ухтомского: «Для депеши от меня Ли Хунчжану» // РГИА. Ф.1072. Оп.1. Д.9. Л.3–5).

Российские представители в Китае не верили в успех внутреннего займа и считали, что Пекину всё равно придётся искать денег за границей. Так вскоре и случилось. 19 февраля (3 марта) А.И. Павлов сообщил, что Китай взял у Гонконг-Шанхайского банка 16,5 млн. фунтов стерлингов под 4,5% на 45 лет. России было особенно неприятно то, что заём брался для строительства железных дорог Шанхайгуань–Цзиньчжоу и Инкоу–Мукден, несмотря на то, что ранее Китай обещал не предоставлять концессий на строительство магистралей севернее Шанхайгуаня никому, кроме русских⁸³.

С.Ю. Витте в те дни искал возможные выходы из сложившейся тупиковой ситуации, понимая, что в прямом противостоянии России вряд ли удастся одержать верх, несмотря на поддержку Франции⁸⁴. Тем более, что Д.Д. Покотилов сообщал из Пекина неутешительные сведения: переговоры Англии с Китаем идут успешно и Лондон не очень требователен – лишь бы заём не достался России⁸⁵. Министр финансов решил увязать заём Китаю с судьбой Порт-Артура в совершенно ином контексте. Свою идею он высказал М.Н. Муравьёву, и после их встречи, состоявшейся 13 (25) января 1898 г., составил записку. Если ранее занятие Порт-Артура и Даляньваня рассматривалось как мера временная, как средство для получения Россией другого порта на Жёлтом море и право на строительство железной дороги к нему, а также как рычаг в вопросе о деньгах, то сейчас министр финансов развернул всю комбинацию. Россия отказывается от займа Китаю, за это Пекин предоставит ей «навсегда» Порт-Артур как военную гавань, а Даляньвань – в качестве конечного пункта Сибирской железной дороги⁸⁶. То есть, если идея ввести русские суда на рейд этих двух китайских портов для последующего торга с Пекином принадлежала М.Н. Муравьёву, то мысль надолго обосноваться на Ляодунском полуострове должна быть занесена «в актив» С.Ю. Витте.

Впрочем, министр иностранных дел и сам подумывал о чём-то подобном. Ещё 8 (20) января 1898 г. он предложил А.И. Павлову «весьма осторожно» вступить с китайцами в переговоры об аренде ляодунских портов Россией, убеждая их, что после ухода русских судов оттуда их всё равно «откроют

---

⁸³ А.И. Павлов – в МИД 14 (26) и 19 февраля (3 марта) 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.34–35, 38.

⁸⁴ Министр иностранных дел Франции Г. Аното высказал российскому послу А.П. Моренгейму мнение, что противодействовать английскому займу Китаю очень важно и надо изо всех сил давить на Пекин (А.П. Моренгейм – в МИД 14 (26) января 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.13).

⁸⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 9 (21) января 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.90–91.

⁸⁶ Проект докладной записки С.Ю. Витте 14 (26) января 1898 г. // Там же. Л.105–106 (машинописный экземпляр), 107–113 (автограф).

англичане»⁸⁷. Однако уже 14 (26) января 1898 г. М.Н. Муравьев отверг предложение министра финансов. Он ответил ему, что после общения с дипломатами на приёме решил, что переговоры с Англией станут возможными лишь после того, как китайский заём уже будет отдан России⁸⁸. Это означало, что министр иностранных дел отклонил идею закрепить за собой Порт-Артур и Даляньвань⁸⁹. В ответ обидевшийся С.Ю. Витте лишь напомнил, что он выступал против захвата силой Порт-Артура и Даляньваня⁹⁰. Тем не менее, министр финансов настоял на своём: 5 февраля 1898 г. Николай II утвердил условия отказа России от китайского займа. Среди них были срочная аренда Порт-Артура и Даляньваня и строительство железной дороги к ним⁹¹.

8 (20) февраля 1898 г. посланник в Пекине А.И. Павлов получил из Петербурга распоряжение не препятствовать займу Китая у Англии при условии, если России предоставят возможность пользоваться Порт-Артуром и Даляньванем при сохранении верховных прав на них за Пекином⁹². 11 (23) февраля 1898 г. ему послали согласованное между министрами распоряжение уже прямо добиваться не только аренды Квантунского полуострова, но и концессии на железную дорогу к нему⁹³. Чтобы руководители Поднебесной вели себя посговорчивее, Николай II пригрозил китайскому посланнику Сюй Цычену, что с наступлением весны русские

⁸⁷ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.198.

⁸⁸ М.Н. Муравьев – С.Ю. Витте 14 (26) января 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.114.

⁸⁹ Днём 14 (26) января М.Н. Муравьев встречался с английским послом Н. О'Конором. Разговор шёл, в частности, о требовании Лондона открыть свободный доступ в Даляньвань (но не в Порт-Артур). Министр в ответ опять рассуждал о том, что Россия ищет себе незамерзающий порт (что, кстати, признавалось в Англии основательной причиной действий) в устье р. Ялу. Но так как у него не было ясного представления, удастся ли Петербургу найти там подходящую гавань, то от каких-либо конкретных обещаний относительно Даляньваня М.Н. Муравьев уклонился (Н. О'Конор – Р. Солсбери 26 января 1898 г. // ПРО FO. 65/1552. P.72–73).

⁹⁰ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьеву 15 (27) января 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.120–121. Чуть позже министр финансов забеспокоился и задал Д.Д. Покотилкову вопрос: «Я бы очень желал знать, правда ли, что мы заняли Артур, Даляньвань по приглашению Китая, как здесь уверяют, или это сделано против желания Китая» (С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилкову 27 января (8 февраля) [1898 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.68. Л.32). Понятно, что если бы это было «против», то министру финансов следовало бы всячески скрывать сам факт его предложения.

⁹¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.201–202.

⁹² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.127–128; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.203. Эта телеграмму послали без участия С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф сообщил ему текст на следующий день, 9 (21) февраля 1898 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.126).

⁹³ РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.23–26.

суда из Порт-Артура «могут случайно отправиться в открытое море», и их отсутствием «тотчас же воспользуется какая-либо из великих держав». Избежать этой «случайности» можно было лишь заключив договор об аренде двух портов на Ляодунском полуострове⁹⁴. С.Ю. Витте выразил полную готовность действовать в духе нового курса. Он также поддержал некоторые новые условия, не содержащиеся в его прежнем предложении: Россия настаивает на немедленном заключении соглашения об аренде и о концессии, в противном случае – отказывается выполнять договор 1896 г. (т.е. оборонительное соглашение против Японии)⁹⁵.

А.И. Павлов сразу предупредил Петербург: Китай станет сопротивляться, поэтому не будет спешить с переговорами. России же, ожидая их результата, надо действовать: обустроить порты, изыскивать средства для сооружения железной дороги и т.д., чтобы «дать ясно понять Китаю, что мы смотрим на подписание окончательного соглашения как на простую формальность, не могущую изменить сущность дела»⁹⁶.

Первая встреча А.И. Павлова в цзун-ли-ямыне состоялась 19 февраля (3 марта) 1898 г. Дипломат потребовал, чтобы китайские сановники решили вопрос в пять дней, а все формальности были утрясены к 15 (27) марта⁹⁷. Опасения посланника быстро подтвердились: китайцы, несмотря на то, что их поразила решительность России, тем не менее, тянули дело, обращаясь «в иностранные посольства с просьбой о помощи против России»⁹⁸. Пока Пекин сопротивлялся, в Петербурге активно разрабатывали условия соглашения. Их вынесли на обсуждение Особого совещания 24 февраля (8 марта) 1898 г.: какие границы должны быть у арендуемой территории (от порта Адамс до бухты Бицзыво), у нейтральной зоны (от Инкоу до устья реки Удаохэ). Для подкрепления своих требований и демонстрации решительности участники совещания сочли необходимым перебросить из Владивостока в Порт-Артур батальон пехоты, четыре орудия и взвод казаков⁹⁹. На основании решений Особого совещания А.И. Павлову была направлена инструкция. Россия хотела заключить договор об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет с предоставлением ей всех прав по управлению арендуемой территорией. Сразу решили, что военное и гражданское управление на Ляодуне сосредоточится в руках одного лица

⁹⁴ В.Н. Ламздорф – А.И. Павлову 11 (23) февраля 1898 г. // Там же. Оп.28. Д.81. Л.9–10.

⁹⁵ Там же. Д.766. Л.133–135.

⁹⁶ А.И. Павлов – в МИД 16 (28) февраля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1710. Л.310–312.

⁹⁷ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 19 февраля (3 марта) 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.142.

⁹⁸ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 21 и 24 февраля (5 и 8 марта) 1898 г. // Там же. Л.143, 145–146.

⁹⁹ Заключения Особого совещания 24 февраля (8 марта) 1898 г. // Там же. Д.81. Л.29.

(с полномочиями генерал-губернатора). Порт-Артур предполагалось превратить в закрытый военный порт, а Даляньвань – в открытый торговый. От Китая также требовалось предоставить концессию на железную дорогу от основной линии КВЖД на Ляодун¹⁰⁰. Для успокоения китайцев Николай II просил В.Н. Ламздорфа также побеседовать с посланником Сюй Циченом, «что все наши требования клонятся к общей выгоде Китая и нашей и общей безопасности. Что нужно Китаю верить нам и не следует слушать наветов наших врагов. О разделе Китая и речи быть не может!»¹⁰¹

Несмотря на все увещевания, Пекин продолжал выжидать. 28 февраля (12 марта) 1898 г. А.И. Павлов предъявил цзун-ли-ямыню ещё один ультиматум: дать ответ не позднее 2 (14) марта. К этому сроку Пекин объявил, что в принципе удовлетворит большинство требований России, за исключением Порт-Артура, который китайцы хотели сохранить за собою¹⁰². Д.Д. Покотилов объяснил поведение мандаринов: они тянули время, жалуясь на Россию Англии и Японии и пытались получить у них уверение, что в случае ухода русских из Порт-Артура их суда не войдут в этот порт. Однако этот ход не удался, несмотря на то, что Пекин действовал в тесном контакте и согласно рекомендаций британских дипломатов¹⁰³. К 8 (20) марта император лишь назначил уполномоченных для переговоров с Россией – Ли Хунчжана и Чжан Инхуана. Возможно, в своём упорстве Пекин надеялся на опыт отношений с немцами: Германия не только освободила большую часть занятой ей территории вокруг Киао-Чао, но и объявила этот порт открытым. А.И. Павлов предлагал усилить давление: «Пока фактически не займём намеченную территорию, до тех пор не добьёмся удовлетворительного решения»¹⁰⁴. Николай II согласился с предложением («Я думаю, он прав»).

Неожиданно 11 (23) марта 1898 г. китайцы прекратили сопротивление и приняли в основном русские требования, включая аренду Порт-Артура. Их пожелания сводились к некоторым частным вопросам: чтобы на арендуемой территории не было русского губернатора или генерал-губернатора, чтобы железная дорога не предусматривала полосы отчуждения, чтобы в концессию не входил город Цзиньчжоу и, наконец, чтобы Россия уплатила за переходящие ей портовые сооружения 3 млн. лан (большинство требований, за исключением последнего, не были удовлетворены). Д.Д. Покотилов объяснял неожиданную

¹⁰⁰ Проект телеграммы А.И. Павлову 25 февраля (9 марта) 1898 г., одобренный Николаем II 27 февраля 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.128. Л.11–12.

¹⁰¹ Записка Николая II В.Н. Ламздорфу 27 февраля (11 марта) 1898 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.168. Л.2.

¹⁰² Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 2 (14) марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.81. Л.37.

¹⁰³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 3 (15) марта 1898 г. // Там же. Л.39–41.

¹⁰⁴ А.И. Павлов – в МИД 7 (19) марта 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.44–45.

покладистость Китая встречей Ли Хунчжана и Чжан Инхуана с императором Гуаньсюем, которая состоялась 10 (22) марта. Ли Хунчжану якобы удалось убедить богдыхана, что Россия не имеет плохих замыслов против Китая¹⁰⁵. Для того, чтобы аргументы китайского сановника были максимально убедительными, 9 (21) марта Д.Д. Покотилов сообщил в Петербург, что он пообещал китайским уполномоченным уже по 500 тыс. лан каждому за подписание договора¹⁰⁶. Сыграло ли это обещание важную роль? Скорее всего, нет. Можно представить себе аргументацию китайских уполномоченных, которую они могли представить богдыхану, если бы даже сами не сочувствовали заключению соглашения с Россией. Допустим, что Китай категорически отказался бы удовлетворить требование Петербурга. Тогда он вместо союза вступал бы с Россией в почти конфликтные отношения. Поддержки со стороны других великих держав Пекину ждать не приходилось: если английский представитель, приглашённый на заседание цзун-ли-ямыня, не возражал против уступки Даляньваня, предупредив министров, что в случае передачи Порт-Артура другие державы станут требовать себе аналогичных уступок, то французский представитель во всём поддержал Россию¹⁰⁷. Не говоря уже о Берлине, которого такое развитие событий совершенно устраивало. Выходило, что Китай не может рассчитывать на серьёзную помощь великих держав, скорее он мог столкнуться с новыми требованиями.

Соглашение об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет с правом строительства на нём военного и торгового портов было заключено 15 (27)

---

¹⁰⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 (24) марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.81. Л.55–58.

¹⁰⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 9 (21) марта 1898 г. // Красный архив. 1922. №2. С.290. Кроме того, С.Ю. Витте открыл чиновнику кредит ещё в 500 тыс. лан «на случай необходимости новых расходов по тому же делу» (Там же. С.291). Возможно, российские чиновники переусердствовали: уже в августе 1898 г. «взятоёмкость» китайских должностных лиц резко уменьшилась. Большинство из них стало отказываться от предлагаемых им взятки из-за боязни огласки (М.Н. Муравьёв – Ф.К. Авелану 25 августа (6 сентября) 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.360). Некоторые, в том числе и высокопоставленные взяточники действительно пострадали: Чжан Инхуана арестовали и заключили в тюрьму, а его имущество описали. Тем не менее, он продолжал брать деньги от русских (телеграммы Д.Д. Покотилова С.Ю. Витте 9, 16 (21, 28) и 22 сентября (4 октября) 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.96–98; Красный архив. 1922. №2. С.292–293). В результате у Д.Д. Покотилова получилась большая экономия: он сообщил министру финансов, что из выделенных ему 300 тыс. лан на «подарки» в Порт-Артуре будет израсходовано не более 60 тыс. (телеграмма Д.Д. Покотилова С.Ю. Витте 17 (29) августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.209. Л.90).

¹⁰⁷ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 13 (25) марта 1898 г. // Там же. Оп.28. Д.81. Л.61. Чуть позже уступки на юге Китая были также сделаны французам.

марта 1898 г.¹⁰⁸ В этот же день китайцы начали покидать полуостров. 16 (28) марта (ещё до ратификации конвенции богдыханом, которая состоялась 20 марта (1 апреля)) по распоряжению царя Ф.В. Дубасов начал высадку русских войск в Порт-Артуре и Даляньване, поднимая везде русские флаги¹⁰⁹.

МИД призывал вести себя мягче и осторожнее, чем это хотелось военным. Впрочем, это не означало слишком предупредительного отношения ко всевозможным просьбам Пекина, которые редко удовлетворялись. М.Н. Муравьев требовал от моряков быть максимально обходительными с иностранцами¹¹⁰. Сам он немедленно заверил англичан, что русские откроют Даляньвань для международной торговли¹¹¹. Министр иностранных дел также обещал удовлетворить просьбу Пекина о представлении городу Цзиньчжоу автономного управления и не размещать там русский гарнизон. Однако командование эскадры отказались сделать это из-за военно-стратегических соображений. Военные вообще вели себя слишком жёстко, а иногда и грубо. Ф.В. Дубасов, например, препятствовал поездке мукденского цзянь-цзюня в Цзиньчжоу, которая, по его мнению, не вызывалась никакими важными соображениями. А.И. Павлов полагал, что китайскому чиновнику следовало, наоборот, оказать любезный приём, в чём дипломата поддержал Николай II¹¹².

Занятие Ляодунского полуострова не решило всех проблем. Так, Порт-Артур не нравился морякам. Он в принципе не подходил в качестве главной базы флота, так как находился далёко от Корейского пролива и японского побережья, поэтому не защищал Корею и не мог препятствовать высадке японцев на континент. Обследование бухты, проведённое несколько раз, показало, что она имела ряд серьёзных неудобств: ветер на внешнем рейде был такой силы, что требовал устройства обширного волнореза¹¹³; глубина внутренней бухты оказалась недостаточной, поэтому судам с осадкой свыше 25 футов следовало находиться на внешнем рейде под сильным ветром. Для улучшения порта требовалось реализовать большую программу мероприятий: углубить рейд, прорыть второй выход из бухты, соорудить два мола – это не считая чи-

¹⁰⁸ Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове 15 (27) марта 1898 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.309–312.

¹⁰⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 16 (28) марта 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.766. Л.184.

¹¹⁰ М.Н. Муравьев – Ф.К. Авелану 1 (13) апреля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.3.

¹¹¹ Н. О'Конор – Р. Солсбери 13 марта 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.247.

¹¹² М.Н. Муравьев – П.П. Тыртову 31 мая (12 июня) 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.246–247.

¹¹³ [Копия телеграммы об обследовании Порт-Артура Коноваловым и Илинским], б/д. // РГИА. Ф.721. Оп.1. Д.31.

сто технического обустройства порта, в котором практически ничего не было, и мер по его военной защите (гарнизон в 12 тыс. человек и до 350 артиллерийских орудий). Это обещало значительные затраты, примерно в 13,5 млн. руб.¹¹⁴ И всё же, признавая важное значение этой китайской гавани и предполагая его реконструкцию, моряки продолжали настаивать на приобретении пристани в Корее. Командующие тихоокеанской эскадрой Е.И. Алексеев, а затем и Ф.И. Дубасов обследовали целый ряд бухт и нашли оптимальным вариантом Мазанпо (юго-восточная часть корейского побережья) либо остров Кожедо (Каргодо)¹¹⁵.

Аренда 2784 кв. вёрст китайской территории с населением в 250 тыс. человек стали весьма неоднозначным приобретением России, также требовавшим значительных расходов на обустройство. На полуострове практически отсутствовали дороги, катастрофически не хватало питьевой воды (её брали только из немногочисленных колодцев)¹¹⁶. Местное население в результате хозяйственной деятельности обильно загрязнило почву, в ней содержалось большое количество разлагающихся бытовых отходов. Не лучше был и климат: высокая температура летом сочеталась с очень влажным воздухом. Каменные постройки становились сырыми, покрывались плесенью. Жить в палатках оказалось невозможно из-за сильной жары, приводившей даже к солнечным ударам. Жаркий и влажный климат и антисанитария способствовали частым эпидемиям дизентерии и брюшного тифа среди местного населения¹¹⁷. Городок Порт-Артур с 4 тыс. жителей вырос за 30 лет на месте деревушки Люшййкоу и по большому счёту мало отличался от неё, сохраняя грязь, зловоние и нищету небольшого китайского поселения. На месте будущего коммерческого порта находилась деревня Даляньвань, состоящая из одной улицы и нескольких казённых построек, главной из которых был минный городок. Бухты также имели многочисленные неудобства. Порт Даляньвань был мелководен, при юго-восточном ветре в его акватории начиналось сильное волнение, из-за которого большие суда приходилось оставлять далеко от берега, а сообщение с ними прерывалось¹¹⁸. Кроме того, само расположение гавани оказалось не вполне удачным. Чтобы её благоустроить, понадобилось соорудить широкий

---

¹¹⁴ Всеподданнейшая записка великого князя Алексея Александровича [8 (20) марта 1899 г.] // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2119. Л.6–8.

¹¹⁵ Памятная записка министра иностранных дел, составленная по результатам разговора с Е.И. Алексеевым. Доложена Николаю II 9 (21) ноября 1899 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.128. Л.48–52; Русско-японская война 1904–1905 гг. С.81–84, 181–192.

¹¹⁶ Самойлов [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1899. С.219–222, 248–250.

¹¹⁷ Там же. С.189–190.

¹¹⁸ Там же. С.22.

мол, выдвинутый в море. Из-за открытости мола на него пошла сильная волна, представлявшая собой реальную опасность для морских судов. Дабы устранить её, сконструировали волнорез: волны не стало, но зимой бухта начала покрываться льдом. Пришлось в довершение всего делать ледоколы и вычерпывать лёд¹¹⁹. С.Ю. Витте же, не обращая внимания на трудности, стремился к максимально быстрым темпам развития Квантуна. Согласно его планам предполагалось, что в скором времени население Дальнего достигнет 400 тыс. человек, невзирая на сильный дефицит питьевой воды, нормальной почвы, леса, и т.п., а сам город станет крупнейшим торговым центром всего Дальнего Востока¹²⁰. Разумеется, ничего этого не случилось.

Захват Ляодуна поставил вопрос и о направлении КВЖД. Здесь С.Ю. Витте неожиданно встретил сопротивление со стороны нового (с 1 января 1898 г.) военного министра А.Н. Куропаткина, который начал вмешиваться в строительство магистрали. В конце апреля 1898 г. генерал на всеподданнейшем докладе добился повеления Николая II в адрес С.Ю. Витте ускорить строительство трассы по Ляодуну до Инкоу, хотя договор с Китаем об этой ветке был подписан в Петербурге только 24 июня (6 июля) 1898 г.¹²¹ Примерно в это же время А.Н. Куропаткин выступил за включение бухты Би-цзы-во как одной из точек, рядом с которой пройдёт железная дорога. Он сумел получить согласие царя, хотя это решение выходило за рамки соглашения о КВЖД. М.Н. Муравьёв, узнав об этом из письма военного министра, только с помощью С.Ю. Витте добился у Николая II отмены этого решения¹²². Нарастание разногласий по поводу политики России в Китае не могло не тревожить, однако тогда этому не придали большого значения.

Нельзя дать однозначную оценку захвату Порт-Артура и Даляньваня и последующему заключению договора об аренде Ляодунского полуострова. Да, с одной стороны, Россия наконец получила незамерзающий порт, но с другой, моряки оставались не вполне довольны приобретением и по-прежнему присматривалась к гаваням на корейском побережье. Несомненно, что эта история явилась важным переломным пунктом в политике Петербурга рубежа XIX–XX столетий. Действия М.Н. Муравьёва показали, что монополии С.Ю. Витте на дальневосточные дела пришёл конец, кроме министра иностранных дел, в ней активное участие принял военный министр А.Н. Куропат-

¹¹⁹ Торгашев П.И. Авантюры на Дальнем Востоке. Из-за чего мы воевали с Японией. М., 1907. С.210–211.

¹²⁰ Тиреер. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. №3. С.191.

¹²¹ Записка «По вопросу о расширении предприятия общества КВЖД» 18 (30) декабря 1898 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.162. Л.1–1 об.

¹²² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1554. Л.2–8.

кин, а затем и безобразовцы. Но едва ли не самым важным стал фактический крах виттевской мирной экономической экспансии и тот тупик, в который она зашла к концу 1897 г.: после японо-китайской войны 1894–1895 гг. правители Поднебесной пришли в себя от страха и перестали отступать. По сути М.Н. Муравьев оказался прав – чтобы добиться от Китая дальнейших уступок, нужны были новые, силовые рычаги давления. Наконец, обстоятельства захвата Порт-Артура и Даляньваня не подтверждают справедливость обвинений С.Ю. Витте в адрес М.Н. Муравьева: «славу» и ответственность за договор об аренде Ляодунского полуострова министру финансов следует разделить с главой внешнеполитического ведомства как минимум пополам.

6.2. После Порт-Артура

В целом, к лету 1898 г. казалось, что дела России на Дальнем Востоке идут как нельзя лучше. В ответ на договор об аренде Ляодуна англичане пробовали протестовать, требуя предоставления себе на таких же условиях порта Вэйхайвэй, но Пекин уклонился, заявив, что пока там японцы, разговора об аренде быть не может¹²³. Англия сталкивалась в Китае со всё новыми проблемами. Так, летом 1898 г. Лондон безуспешно протестовал против бельгийского синдиката (за которым стояли французы), получившим концессию на железную дорогу Пекин–Ханькоу. Она стала поводом для увольнения Ли Хунчжана из цзун-ли-ямыня 26 августа 1898 г. – за то, что он скрыл от богдыхана ноту английского посланника при представлении ему контракта на эту трассу¹²⁴. Впрочем, для Ли Хунчжана эта опала оказалась недолговременной, так как в Китае произошли важные внутривнутриполитические события.

«Эпидемия» аренды портов иностранцами, сильное давление западных держав и вынужденные значительные уступки им Пекина вызвали в Китае внутривнутриполитический кризис. Старая элита как явно не справлявшаяся с вызовами времени попала под огонь критики, к власти в Поднебесной пришли реформаторы во главе с Кан Ювзем. Их лидер в 1898 г. получил доступ к императору Гуаньсюю и убедил его инициировать целую серию преобразований в управлении и образовании по японскому образцу. В результате наметилось противостояние реформаторов и «маньчжурской партии» из старых чиновников во главе с императрицей Цыси (князь Цин, Жун Лу и др.). Вопрос о реформах осложнялся ещё и тем, что Кан Ювэй открыто симпатизировал японцам. Но сближение с Токио не состоялось. 29 августа 1898 г. в Пекин прибыл Х. Ито с проектом японо-китайского союза. Однако двор принял его холодно,

¹²³ Японцы покинули Вэйхайвэй 11 мая 1898 г. Там сразу же были подняты китайский и британский флаги: Лондон получил этот порт на правах аренды.

¹²⁴ А.И. Павлов – в МИД 27 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1898 г. Д.81. Л.112.

соглашения с Токио он заключать не собирался, тем более на японских условиях. В это же время продолжалась лихорадочная законотворческая деятельность реформаторов, они представляли на подпись императору до 14 указов в день. Но дело шло с большим трудом из-за сильного сопротивления консерваторов. Наконец, в начале сентября император решился на организацию государственного переворота, для этого он избрал своей опорой командира дивизии в Тяньцзине Юань Шикая. Гуаньсюй оказался плохим заговорщиком: вместо того, чтобы исполнить его приказание и двинуть свою часть в Пекин, Юань Шикай сообщил обо всём Жун Лу. Сразу же в известность была поставлена императрица, она действовала не в пример решительнее и быстрее своего племянника: Гуаньсюя немедленно поместили под домашний арест. 5 сентября Кан Ювэя также отстранили от власти. Вскоре двор объявил о раскрытии «заговора» и аресте «реформаторов». Лидеры Кан Ювей и Лян Цичао сумели скрыться, однако шестерых их единомышленников схватили и казнили без суда. 9 сентября императора вынудили выпустить указ, призывавший Цыси участвовать в государственных делах, уже 11 сентября состоялась церемония возвращения регентства. Гуаньсюя совершенно удалили от дел под благовидным предлогом: к тому времени он действительно тяжело болел¹²⁵. 15 сентября 1898 г. в Пекине был опубликован указ об отмене всех реформ и возвращении к старым порядкам¹²⁶.

Конечно, расстановка сил в правящих кругах изменилась. На первое место среди сановников вышел Жун Лу. Ли Хунчжан с задержкой, но всё-таки вернулся к власти в ноябре 1898 г. Правда, ему поручили безнадежное дело: благоустройство русла реки Хуанхэ при отсутствии в казне денег на это. На столь масштабные работы требовались колоссальные средства (не менее 100 млн. франков). Престарелый сановник обратился с просьбой о займе в Русско-Китайский банк¹²⁷. Банк (то есть, С.Ю. Витте) обставил выдачу кредита такими условиями, которые не устроили китайца. Он стал искать деньги в других местах, в частности, просил помощи у своего давнего знакомого А.Д. Старцева (и ранее изыскивавшего их для Ли Хунчжана). А.Д. Старцев выразил готовность предоставить просителю несколько миллионов лан из

¹²⁵ Императора освидетельствовал французский врач, который нашёл у него больные почки, воспаление лёгких и сделал вывод, что жить Гуаньсюю осталось не более полугода (Медицинское заключение о состоянии здоровья богдыхана 26 октября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.120. Л.48–50). Сам факт приглашения к «сыну неба» заморского доктора носил беспрецедентный характер, это было сделано явно для того, чтобы подготовить Европу к естественной смерти императора. Однако, несмотря на неутешительный диагноз, Гуаньсюй прожил ещё 10 лет и скончался 14 ноября 1908 г.

¹²⁶ Брандт Я.Я. Вдовствующая императрица Цыси и император Гуаньсюй. Харбин, 1909. С.7–11.

¹²⁷ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 5 ноября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.107. Л.7–11.

личных средств, но его смущала позиция Русско-Китайского банка. Конечно, этого было явно недостаточно. Для Петербурга же вопрос стоял так: нужен ли ему Ли Хунчжан, если да – то ему следовало помочь. Д.М. Позднеев полагал, что нужен: «Что же касается задач наших в Китае, то доселе, по-видимому, проведена в исполнение их меньшая часть»¹²⁸. Но обстоятельства изменились: похоже, с занятием Порт-Артура и обретением незамерзающего порта министр финансов окончательно свернул свою некогда огромную программу, поэтому на просьбы Ли Хунчжана не отреагировал. Если же С.Ю. Витте по-прежнему стремился бы к широкой экспансии в Китае, такой заём мог послужить удобным рычагом для получения новых концессий, как это было с несостоявшимся кредитом Китаю в 1897–1898 гг. Однако совсем от активной политики России в Китае министр финансов не отказался. Так, он категорически не согласился с мнением А.Н. Куропаткина, считавшего «весьма нежелательным и опасным для России в военном отношении» участие в железнодорожных предприятиях в Южном Китае. Министр финансов возразил: «Я этого не разделяю и не вижу, чтобы участие наше в юж[ных] ж[елезных] дорогах могло оказать беспокойствие. Всё зависит от характера и роли участия»¹²⁹. Это были уже чистые декларации: для проведения масштабных действий требовались такие средства, которых не было в русской казне, сильно «похудевшей» в связи с необходимостью достройки Сибирской железной дороги и сооружения КВЖД и, а также резко осложнившихся условиях получения кредитов на международном рынке. С.Ю. Витте, не отказываясь на бумаге от своих прежних замыслов, сосредоточился на Маньчжурии. Возможно, он и сохранил что-то из прежних планов экономического господства во всём Китае, но в дальнейшем министр финансов предпочитал вспоминать о них всё реже и реже.

Впрочем, иногда такое случалось, например, в начале 1900 г. в связи с всеподданнейшим докладом А.Н. Куропаткина «О задачах русской армии в XX веке». Этот документ военный министр представил С.Ю. Витте для изучения и критических замечаний, которые в виде маргиналий на полях были предъявлены Николаю II¹³⁰. Сразу бросается в глаза разное понимание са-

¹²⁸ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 20 декабря 1898 г. // Там же. Д.128. Л.81–88.

¹²⁹ Проект инструкции второму военному агенту России в Китае, направленный А.Н. Куропаткиным С.Ю. Витте 19 января 1900 г., с пометами министра финансов // Там же. Оп.28. Д.3. Л.1. Несмотря на возражения С.Ю. Витте, военный министр сохранил фразу о нежелательности России участвовать в железнодорожных предприятиях Южного Китая, хотя и отредактировал текст (Л.23–25).

¹³⁰ Он сохранился минимум в двух экземплярах: подлинном (ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445) и копии, снятой для С.Ю. Витте и находящейся в его личном фонде (РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.269). В копии были воспроизведены все маргиналии на полях, сделанные министром финансов. Правда, некоторые из них он перечеркнул. В частности, пострадало замечание о том, что Россия «исторически» будет двигаться на юг Китая (Там же. Л.55).

новниками роли России в мире. Если А.Н. Куропаткин предстал фаталистом, предлагавшим приспособляться и уповать на благоприятный исход событий, то С.Ю. Витте был уверен, что всё в их руках. Два министра полностью сошлись в том, что для России крайне нежелательна война в Европе, будь то конфликт с Германией или Австро-Венгрией¹³¹. Кроме её тягостей, по признанию генерала, столкновение, например, из-за черноморских проливов немедленно осложнило бы отношения с Китаем и Японией¹³².

Расхождения начались, когда речь зашла о политике России на Востоке. В отличие от А.Н. Куропаткина, допускавшего возможность занятия Россией одного Босфора без конфликта и установления господства в Персии, С.Ю. Витте отнёсся к этому предположению скептически, полагая, что это либо несбыточные желания, либо (в случае с проливами) пролог кровавой войны¹³³. Однако два министра сошлись на желании соединить российские и английские железные дороги в Средней Азии и Индии, чтобы мирно разграничить сферы влияния в Афганистане¹³⁴. Угрожать Индии С.Ю. Витте не намеревался¹³⁵. Аналогичное мнение сложилось относительно Кореи, где министры дружно признали, что Россия не готова играть активную роль в королевстве¹³⁶. Однако они вновь разошлись, как только речь зашла о Китае. А.Н. Куропаткин предлагал ограничиться Северным Китаем, чтобы не конфликтовать там с другими великими державами. Сфера его активных интересов сосредоточилась преимущественно в районе черноморских проливов и Персии. С.Ю. Витте ответил коллеге длинной маргиналией: «Мы историческим путём будем идти на юг. Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить. Весь Китай, все его богатства находятся преимущественно на юге. Но, конечно, это дело будущего»¹³⁷. Далее сановник уточнил своё видение дальневосточной политики: «Маньчжурию мы не захватывали. И было бы лучше, если бы мы ничего не захватывали, а борьбу за рынки предоставили бы торговле. Мы прошли всю Маньчжурию без всякого захвата, и М[инистерство] ф[инанс]ов только и просило, чтобы ничего не захватывали, а представи-

¹³¹ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445. Л.22 об. – 24 об.

¹³² Там же. Л.51.

¹³³ Там же. Л.26–28 об., 36.

¹³⁴ Там же. Л.32.

¹³⁵ Там же. Л.37.

¹³⁶ Там же. Л.33 об.

¹³⁷ Там же. Л.33. Не следует воспринимать эту помету С.Ю. Витте как изложение его текущих намерений двигаться на юг Китая, как её понял Б.А. Романов (Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.80). Кроме того, историк почему-то опустил последнюю фразу виттевской маргиналии о том, что это «движение на юг» – «дело будущего».

ли действовать торгово-экономическому влиянию»¹³⁸. То есть, в начале 1900 г., ещё до боксёрского восстания С.Ю. Витте по-прежнему намеревался действовать в Китае экономическими рычагами, он лишь сократил сферу своей активности из-за ограниченности ресурсов. Напоминание же о «пути на юг» выглядит скорее как эмоциональная реакция, нежелание отказываться от былых мечтаний, чем продуманный план действий. Однако все планы перевернуло боксёрское восстание 1900 г.

---

¹³⁸ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.445. Л.52.

Глава 7. Англо-русские переговоры о Китае 1898–1899 гг.

Вряд ли существовала ещё одна такая страна, к которой в России второй половины XIX – начале XX вв. неизменно относились столь же враждебно, как к Англии. В российских верхах словно забыли справедливость афоризма Г. Пальмерстона, что вечны не союзники, а интересы, и были готовы записать Лондон в разряд постоянных противников Петербурга. Товарищ министра иностранных дел России Н.П. Шишкин говорил английскому послу Н. О'Конору в сентябре 1896 г.: «где бы Россия не делала шаг вперёд, всюду ей препятствовала Англия и последствием этого являются убеждения, что Англия является прирождённым врагом»¹. Справедливости ради, надо признать, что Великобритания часто оправдывала такое мнение о себе в России, участвуя во многих антирусских комбинациях на протяжении всего XIX века. И до этого у России и Англии было немало точек столкновения интересов, со второй половины XIX века к ним добавилось противостояние сначала в Средней и Центральной Азии, а затем – и на Дальнем Востоке. Лондон в международных делах, в том числе и в англо-русских отношениях, вёл себя гибче, чем Петербург. Сразу после воцарения Николая II туманный Альбион был готов пойти на сближение с Россией, прежде всего в турецком вопросе, но молодой самодержец отнёсся к этому без энтузиазма, охраняя, в первую очередь, русско-французский союз².

Не удивительно, что в России второй половины XIX в. утвердилось сильное англофобство, широкое распространение получила идея континентального антианглийского союза. Среди многих её сторонников заметное место занимал С.Ю. Витте. Он говорил Д.М. Сольскому: «Вспомните меня: если вы будете дружить с немцами, с Вильгельмом, то и вы будете сыты, и ваши дети будут сыты. Свяжитесь с Англией – и наживете всяких бед, Англия – проститутка (он выразился гораздо циничнее)»³. Такое отношение не мешало С.Ю. Витте добиваться некоторого сближения с Лондоном, когда он считал

¹ Цит. по: Пономарёв В.Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х гг. XIX века // Исторические записки. Т.99. М., 1977. С.341.

² История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.337–338.

³ Путилов А.С. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.217. Л.15.

это выгодным, имея виды на британский финансовый рынок, например, в конце 1898–1899 гг. Именно тогда он просил агента Министерства финансов в Англии С.С. Татищева выразить признательность У. Маккензи за его статью в «Times» в пользу англо-русского сближения. С.Ю. Витте не усматривал «никаких к тому препятствий», кроме взаимной подозрительности, и обещал «делать всё от меня зависящее к тому, чтобы установить между двумя этими великими нациями добрые отношения»⁴. Однако подобному повороту мешало множество причин.

В середине 1890-х гг. англо-русское соперничество обострилось в Китае. Англичане рассматривали как область своих интересов, прежде всего, центральные провинции Срединной империи. Британия также придерживалась принципа «свободной торговли», равных прав и неограниченной конкуренции по всему Китаю. Вскоре английские и русские интересы начали приходить в столкновение в Южной Маньчжурии и столичной провинции Чжили. Не лучшее в тот момент международное положение Англии, её отказ от политики «блестящей изоляции» и плохо удававшееся стремление уладить отношения с Францией и Германией, толкали Лондон вновь и вновь к попыткам договориться с Петербургом, в том числе и по делам Дальнего Востока.

Советские историки (Б.А. Романов, Ф.А. Ротштейн) подозревали Англию в нечестной игре, в том, что она симулировала желание договориться с Россией. Такое предположение вызывает большие сомнения. С другой стороны, Дж. Лензен и Я. Ниш полагали, что британское правительство действительно стремилось к соглашению с Россией по широкому кругу международных вопросов. Я полагаю, что, по крайней мере, намерение Лондона было серьёзным и искренним (насколько можно так говорить в сфере международных отношений), что его целью являлась не имитация переговоров, а реальное урегулирование противоречий.

Поводом к началу англо-русских переговоров по Китаю стал вопрос о предоставлении Пекину займа в 100 млн. лан (примерно 140 млн. руб.), возникший летом 1897 г. Поднебесной срочно требовались деньги для своевременной уплаты контрибуции Японии до 8 мая 1898 г.: это позволяло сэкономить 23,75 млн. лан (более 30 млн. руб.), т.е. весьма значительную сумму⁵. Россия обуславливала его размещение рядом уступок, в том числе разрешением на строительство железной дороги к одному из портов на Жёлтом море, а также исключительным правом на получение концессий в Маньчжурии и Монголии. Китай считал такие требования чрезмерными и искал противовес Петербургу в Лондоне. К началу 1898 г. переговоры о займе зашли в тупик, так как ни Рос-

⁴ С.Ю. Витте – С.С. Татищеву 24 декабря 1898 г. // ГАРФ. Ф.597. Оп.1. Д.107. Л.5.

⁵ Ефимов Г.В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М., 1958. С.240.

сия, ни Англия не хотели уступать друг другу пальму первенства⁶. 22 января (3 февраля) 1898 г. А.И. Павлов сообщил, что Китай решил не брать денег ни у Англии, ни у России⁷. Но напряжённая, пусть и кратковременная, схватка в Пекине заставила задуматься и Лондон, и Петербург.

7.1. Превый раунд русско-английских переговоров по Китаю (начало 1898 г.)

С инициативой англо-русских переговоров в разгар соперничества двух стран по поводу китайского займа выступил Лондон. Сначала британский посол в Петербурге обратился к С.Ю. Витте⁸. Министр финансов держал себя с посланцем туманного Альбиона весьма прямо, правда, подчёркнув, что он излагает ему личную точку зрения. Он очертил рукой на карте китайские провинции Чжили, Шаньси и Ганьсу (центральный Китай), заявив, что рано или поздно, но Россия поглотит эти территории. Министр финансов также показал на город Ланьчжоу и пообещал, что до него в ближайшее время будет протянута ветвь от Сибирской железной дороги и что якобы в Петербурге уже обсуждались детали строительства. Бассейн р. Янцзы и её верховья С.Ю. Витте рассматривал как находящиеся вне интересов России, что делало раздел сфер влияния в Китае бесконфликтным⁹. В Лондоне такая точка зрения вызвала полное понимание¹⁰. Надо подчеркнуть, что это министр финансов первым предложил поделить сферы интересов двух империй в Поднебесной.

⁶ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.196–200. Подробнее см. главу 6 «Как и зачем Россия захватила Порт-Артур: события конца 1897 – начала 1898 гг.»

⁷ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.871. Л.142–143.

⁸ Р. Солсбери – Н. О'Конору 17 января 1898 г. // British Documents on the Origins of the War 1898–1917. Vol.1. L., 1927. P.5. Британский премьер исходил из того, что интересы Петербурга и Лондона в Китае неантагонистичны и что С.Ю. Витте мог бы преследовать свои коммерческие интересы на севере Китая в согласии с англичанами. Показательно, что речь о соглашении по всему миру в предложении Р. Солсбери не шла. Об этом см. также: Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.:Л., 1960. С.450.

⁹ Н. О'Конор – Р. Солсбери 23 января 1898 г. // British Documents... P.7–8. Чуть позже Н. О'Конор предположил, не определяя пока область английского влияния, что Россия захочет видеть границу своей сферы к северу от р. Хуанхэ, даже вместе с Тяньцзинем и побережьем столичной провинции Чжили (Н. О'Конор – Р. Солсбери 7 февраля 1898 г. // British Documents... P.10). Об этом см. также: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955. С.75. Ф.А. Ротштейн расценил поведение С.Ю. Витте как его готовность признать за Англией бассейн р. Янцзы, если Лондон не станет мешать России в Северном и Центральном Китае (Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.450).

¹⁰ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.450.

После первого обмена мнениями М.Н. Муравьев, имевший с 8 (20 января) 1898 г. несколько встреч с английским послом Н. О'Конором, поставил вопрос ещё шире, чем его коллега. Он говорил о желательности общего соглашения, предложенного ещё премьером Р. Солсбери Николаю II во время его визита в Англию в 1896 г.¹¹ Однако выяснилось, что Лондон, как и тогда, хотел бы включить в переговоры турецкие дела, выразив готовность признать сферой влияния России все Чёрное море и выходы из него в Эгейское (Босфор)¹². В этом духе и было сделано английское предложение. 14 (26) января Н. О'Конор услышал от М.Н. Муравьева, что Николай II одобрил идею англо-русского соглашения в принципе, но хотел бы детализировать его содержание. Посол подчеркнул, что договор, основанный на сохранении территориальной целостности Китая и Турции и поддержания там *status quo*, должен также учитывать интересы других «великих держав». Министр не возражал, но заметил, что если российская сфера влияния в Маньчжурии признаётся другими державами, например, Францией и Германией, то британская в бассейне р. Янцзы – нет. То есть, говоря о том, что Петербургу трудно будет найти взаимопонимание с Парижем в этом вопросе, М.Н. Муравьев намекал: Россия, признавая за Англией область её интересов, не получает практически ничего взамен. Посол правильно понял министра: путь к англо-русскому соглашению будет трудным¹³. Конечно, Лондон преследовал свои интересы, но подозрения Великобритании в нечестной игре в переговорах с Россией о Китае не имеют надёжных оснований. Лондон в тот момент никак не мог получить от Пекина гарантий своих преимуществ в бассейне р. Янцзы, в чём он весьма нуждался: переговоры с главным конкурентом англичан там – немцами шли туго¹⁴. Поэтому интерес Британии к соглашению с Россией являлся неподдельным.

21 января (2 февраля) 1898 г. состоялась очередная встреча М.Н. Муравьева и Н. О'Конора. Накануне её Петербург решил отказаться от раздела сфер в Турции («преждевременно»), оставив эту идею для Китая как вполне возможную на основе английских предложений¹⁵. Николай II не верил Лондону, усматривая в английских предложениях стремление «помешать нашему развитию на Дальнем Востоке»¹⁶. Поэтому, когда британский дипломат заговорил

¹¹ Подробнее об этом см.: Пономарёв В.Н. Указ. соч. С.340–354.

¹² Всеподданнейшая записка М.Н. Муравьева 29 января (10 февраля) 1898 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.163. Л.3–5; Попов А.Л. Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.) // Красный архив. 1927. №6 (25). С.114–115.

¹³ Н. О'Конор – Р. Солсбери 26 января 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.74–80.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Англо-германское сближение в 1898 г. // Красный архив. 1933. №1 (56). С.65–79.

¹⁵ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 20 января (1 февраля) 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.5–6.

¹⁶ Цит. по: Романов Б.А. Очерки... С.76.

о желательности решения спорных вопросов в Турции, Африке и в арабских странах, правда, не настаивая на этом, российский министр свёл беседу на раздел сфер влияния в Китае как наиболее важной проблеме (о чём уже говорил С.Ю. Витте). Однако МИД иначе представлял себе область интересов России в Поднебесной: внешнеполитическое ведомство ограничивалось желанием закрепить за Россией север Китая, «отдав» Англии регионы, находящиеся ближе к его югу¹⁷. Наверное, поэтому послу показалось, что М.Н. Муравьев заметно смутился, когда он заговорил о сильном противодействии А.И. Павлова в Пекине займу Китая у Гонконг-Шанхайского банка. Он даже решил, что министр был не совсем в курсе происходивших событий¹⁸.

В Петербурге в отношении английских предложений расхождения только увеличивались. Товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф, готовивший русский ответ, исходил из того, что упомянутые ограничения сфер влияния в Китае ничем не связывают Россию. С.Ю. Витте категорически возражал, усматривая в этом «политические условия»¹⁹. Он заявил, что большинство предложений Англии затрагивают французские интересы²⁰ (ссылаясь на деятельность Русско-Китайского банка) и вообще считал, что слишком тесное сближение с Англией вредит отношениям с Парижем²¹. В пользу С.Ю. Витте действовала и чрезмерность английских притязаний: они шли далее того, что соглашался признать Петербург. Так, на его желание закрепить за собой Порт-Артур и Даляньвань, а также железную дорогу к ним, английский посол спросил, не будет ли Россия согласна с приобретением Англией порта в Чусанском архипелаге. В.Н. Ламздорф при встрече уклонился от прямого ответа, а Николай II сразу ответил «нет»: Россия уже завладела Квантуном, а Англия ещё только претендовала на порт и было бы странно одобрить её притязания²². Такое соглашение в редакции Лондона не давало Петербургу никаких

¹⁷ Всеподданнейший доклад В.Н. Ламздорфа 2 (14) февраля 1898 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.163. Л.8–11.

¹⁸ Н. О'Конор – Р. Солсбери 3 февраля 1898 г. // British Documents... P.9–10; Попов А.Л. Указ. соч. С.117–118; Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.450–456.

¹⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 3 февраля 1898 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.163. Л.29–30.

²⁰ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 февраля 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1623. Л.31.

²¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 3 февраля 1898 г. // Там же. Л.42–45. Говоря об интересах Русско-Китайского банка, С.Ю. Витте сильно лукавил. Несмотря на то, что французы оплатили при учреждении 5/8 акционерного капитала банка, они не располагали соответствующим количеством голосов благодаря системе их распределения (подробнее см. главу 3 «Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг.»).

²² В.Н. Ламздорф – Николаю II 7 февраля 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1623. Л.49–51.

выгод или преимуществ в Китае. Впрочем, и на берегах туманного Альбиона, получив 11 февраля из Пекина те заверения, которые хотели (прежде всего, о неотчуждении бассейна р. Янцзы), действительно заметно охладели к возможности соглашения с Россией²³.

Не удивительно, что первая попытка не привела к достижению договоренности. В Петербурге по-видимому полагали, что договор больше нужен Англии, чем России. Такое представление нельзя назвать ошибочным, но оно являлось недальновидным. Во всяком случае, Англия была права в том, что, по крайней мере, стремилась разрешать на Дальнем Востоке противоречия с другими державами. На берегах Невы же не занимались поиском союзников, довольствуясь поддержкой Франции. Именно в этом видится главная ошибка российской дипломатии, а не в конкретных решениях по поводу соглашения с Англией.

7.2. Второй раунд переговоров (осень 1898 – начало 1899 гг.)

Англо-русские переговоры оживились осенью 1898 г., когда у двух империй появился новый предмет для дискуссии. На сей раз их главной темой стали железнодорожные предприятия в Китае. Англичане всполошились из-за того, что концессию на железную дорогу Пекин–Ханькоу получил бельгийский синдикат. С.Ю. Витте уверял, что он отказал бельгийцам в поддержке из-за добрых чувств к британцам, что в этом нет никакой политики, лишь чисто коммерческий интерес, но в Лондоне ему вряд ли поверили²⁴. Тем не менее, министр финансов продолжал убеждать английского посла в Петербурге Н. О'Конора в своём расположении. Дипломат правильно объяснил «дружбу» российского министра его желанием выйти на лондонский финансовый рынок²⁵.

В свою очередь Россия, добившись от Китая согласия на строительство ветки от трассы КВЖД до Порт-Артура, столкнулась с тем, что китайцы намеревались прокладывать свою трассу от Шанхайгуаня до Гирина и Мукдена с ответвлением к Нючжуану. Они намеревались таким образом создать противовес КВЖД. Такое «параллельное» с русским строительство сильно беспокоило С.Ю. Витте, так как рушило все его планы. Мало того, Пекин,

---

²³ Рогштейн Ф.А. Указ. соч. С.455–456.

²⁴ Н. О'Конор – Р. Солсбери 12 июля 1898 г. // PRO FO. 65/1555. P.8–9. Политическую подкладку в этой истории усмотрел М.Н. Муравьев, поддержавший С.Ю. Витте. По его мнению, у синдиката было явно недостаточно средств, в этом случае концессия могла перейти в руки противников России (Ефимов Г.В. Указ. соч. С.206).

²⁵ Н. О'Конор – Р. Солсбери 12 июля 1898 г. // PRO FO. 65/1552. P.19–22. Это же подметил Б.А. Романов, подчеркнув, что немецкие и английские дипломаты в Петербурге в 1897–1898 гг. предпочитали иметь дело не с министром иностранных дел, а с министром финансов (Романов Б.А. Очерки... С. 64).

не имея средств, оформил заём у Гонконг-Шанхайского банка (который находился под контролем англичан) в 2,3 млн. фунтов стерлингов для строительства железной дороги Тяньцзинь–Шанхайгуань–Нючжуан²⁶. Лондон был заинтересован в контроле над будущей трассой, так как она расширяла доступ британским товарам на рынки Южной Маньчжурии²⁷. Министр финансов же считал эту дорогу находящейся в сфере исключительного влияния России. Петербург пытался протестовать, ссылаясь на дополнительный протокол к русско-китайскому договору 15 (27) марта 1898 г. об аренде Порт-Артура, в котором Китай обязался никому не предоставлять железнодорожных концессий в районе КВЖД²⁸. Но формально это была не концессия, а заём, поэтому протест остался без удовлетворения. Однако он вызвал оживлённую переписку между Лондоном и Петербургом.

Англичан очень беспокоила активность посланника А.И. Павлова и П.М. Лессара в Пекине, стремившихся сорвать заём. Несмотря на то, что П.М. Лессар говорил своему английскому коллеге К. Макдоналду о желательном разделе сфер влияния между странами в Китае (Маньчжурия и бассейн р. Янцзы), российское руководство продолжало этому противиться. Англичане, кажется, не вполне понимали причин такого поведения России. Тот же К. Макдоналд был уверен, что Петербург не имел каких-либо серьёзных интересов в центральной части Китая²⁹.

Казалось бы, что в то время многое складывалось за заключение договорённости. По ощущениям российских представителей в Англии («Стааль поведал мне, что у нас теперь господствует относительно Англии примирительное настроение, вполне отвечающее такому же расположению английской дипломатии»), Лондон не столько настаивал на принципе «открытых дверей» в Китае, сколько желал бы вступить в сделку с Россией по разделу сфер влияния в Поднебесной, «предоставив нам Маньчжурию под условием нашего невмешательства в долине Янцзы-Кионга»³⁰. Идею такого соглашения на сей раз поддержал М.Н. Муравьёв. Министр иностранных дел выступал, прежде всего, за раздел сфер железнодорожных концессий значительно сильнее, чем С.Ю. Витте, опасаясь появления конкурентов в Маньчжурии. Уже строящую-

²⁶ 19 июля 1897 г. был обнародован указ богдыхана о скорейшем строительстве этой дороги, её сооружение поручили английскому инженеру К. Киндеру.

²⁷ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.210–212; Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.548.

²⁸ Дополнительный протокол к пекинской конвенции 15 марта 1898 г. // Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.121.

²⁹ А. Бальфур – Ч. Скотту 22 августа 1898 г. // PRO FO. 65/1551. P.172–173.

³⁰ С.С. Татищев – С.Ю. Витте 5 (17) сентября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.809. Л.1 об. Как показали дальнейшие события, возможно, что впечатления эти были ошибочны.

ся трассу Шанхайгуань–Нючжуан он предполагал вывести из-под действия будущего соглашения, оговорив, что после завершения строительства она полностью находилась бы под контролем китайцев (то есть, придать этой дороге и концессии на неё исключительно коммерческий характер)³¹. Англичане не возражали, и 9 (21) сентября 1898 г. они составили прямо в Петербурге проект соглашения. Согласно ему, стороны отказывались от борьбы за железнодорожные концессии в чужой сфере влияния (выведа железную дорогу Шанхайгуань–Нючжуан за скобки), от привилегированных железнодорожных тарифов (что больно ударило по планам С.Ю. Витте) и согласовывали банковские интересы³². Лондон хотел быстро подписать документ, то это не получилось и на сей раз. В.Н. Ламздорф поставил вопрос об определении границ сфер влияния. Если с Маньчжурией было ясно, но как следовало понимать «бассейн Янцзы»? Кроме того, он сообщил, что английский проект требовалось ещё обсудить с М.Н. Муравьевым, С.Ю. Витте, а затем получить согласие Николая II. Очевидно, что русская сторона не торопилась³³.

Неспешность Петербурга диктовалась в том числе ставшими уже многочисленными разногласиями среди заинтересованных министров. Так, вопрос о железных дорогах вызвал споры в российском руководстве. Если М.Н. Муравьев предлагал разделить сферы железнодорожного влияния по линии Пекина, то товарищ министра финансов П.М. Романов тут же возразил, что граница должна располагаться южнее, «приблизительно около Хуанхэ» из-за «успехов» Русско-Китайского банка там (совершенно неизвестных в МИД)³⁴. Речь шла о концессии на железную дорогу Люлиньфу–Гайюаньфу в провинции Шаньси (центральная часть Китая), а также возможном участии банка в других предприятиях³⁵.

Только 20 октября (1 ноября) 1898 г. уже новый английский посол Ч. Скотт имел разговор с министром финансов. Дипломат прямо заявил С.Ю. Витте, что в основе соглашения должна лежать свобода торговли и частного предпринимательства в Китае при равенстве сторон. Казалось бы, что такая исходная позиция должна была удовлетворить сановника, стремившегося защитить как уже имеющиеся, так и будущие «успехи» Русско-Китайского банка. Ведь англичане однозначно допускали его «южнее Пекина». Тем не менее,

³¹ Памятная записка (Pro memoria) 19 сентября 1898 г. // PRO FO. 65/1555. P.195–199.

³² Черновик соглашения, составленный Ч. Скоттом 9 (21) сентября 1898 г. в Петербурге // Ibid. P.201–202; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.213–214.

³³ Ч. Скотт – Р. Солсбери 30 сентября 1898 г. // PRO FO. 65/1555. P.211–215.

³⁴ П.М. Романов – Д.Д. Покотилову [5 сентября 1898 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.109. Л.15 об.; телеграмма П.М. Романова Д.Д. Покотилову 8 сентября 1898 г. // Там же. Оп.29. Д.65. Л.138–141; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.216–217.

³⁵ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.216.

С.Ю. Витте отказался поддержать английский проект как слишком поспешный и частный. Министр по-прежнему уверял, что он стремится к дружбе с Англией и что между двумя странами нет антагонизма в Поднебесной. Интересы России там он ограничил железной дорогой до моря, не претендуя на другие концессии. Неожиданно С.Ю. Витте объявил, что на соглашение по Китаю следовало смотреть как на основу для общего договора между двумя странами, охватывающего все случаи, где соприкасались интересы двух империй. То есть, министр финансов отказался от позиции, которую он занимал ещё в начале 1898 г., сокращая рамки возможного договора с Лондоном, и вернулся к точке зрения М.Н. Муравьёва того времени. Однако в отличие от англичан, он рассуждал только об общих материях, уклоняясь от вопроса о конкретном содержании такого соглашения. Как жест доброй воли со стороны России С.Ю. Витте опять упомянул о предстоящем открытии Даляньваня для иностранной торговли³⁶.

Нелепость предложенного документа была очевидна (ничто не препятствовало разрешать «дружески» любой вопрос и без него). Не удивительно, что в Лондоне инициативу С.Ю. Витте расценили как смешную и абсолютно беспредметную³⁷. Там без труда раскусили цель министра: заключить какое-нибудь соглашение, чтобы успокоить англичан и облегчить выход на лондонский финансовый рынок (в преддверии мирового экономического кризиса делать займы в Париже становилось всё труднее). С.Ю. Витте также не желал связывать себя какими-либо обязательствами, чтобы не создавать препятствий проникновению Русско-Китайского банка в английскую сферу влияния в Китае – бассейн р. Янцзы, на что он очень надеялся. За это министр финансов был готов допустить англичан в русскую сферу – Маньчжурию (т.е. севернее китайской стены), невзирая на очевидный риск такого шага³⁸.

Поведение министра финансов недвусмысленно показывало, что он в тот момент не стремился к разделу сфер влияния с Англией. Принять условия Лондона – значило пойти на экономическое соревнование по всему Китаю с могущественной британской экономикой, победить в котором отечественная индустрия никак не могла. Поэтому С.Ю. Витте так гордился теми преференциями, которые ему удалось выторговать у Поднебесной, в частности, понижением на треть таможенных пошлин на товары, перевозимые по КВЖД. Для обоснования своей позиции внутри российского руководства сановнику пришлось признать, что он не принимает английский вариант

³⁶ Ч. Скотт – Р. Солсбери 2 ноября 1898 г. // PRO FO. 65/1556. P.7–14; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.220–221.

³⁷ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С.549.

³⁸ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 25 ноября 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1625. Л.16–18.

прежде всего из-за интересов Русско-Китайского банка. Он опять сослался на обязательства перед французскими банкирами, о которых М.Н. Муравьев по-прежнему не знал³⁹.

Ч. Скотт изложил результаты своего не совсем утешительного разговора с министром финансов В.Н. Ламздорфу. Граф не только выразил удовлетворение состоявшимся обменом мнениями, но и по-своему объяснил точку зрения С.Ю. Витте: он якобы сомневался, что подобное соглашение с Англией сможет предоставить необходимые гарантии защиты российских интересов, в частности, Русско-Китайского банка. Министр сослался на то, что не может ограничить его деятельность как частного коммерческого учреждения. В.Н. Ламздорф повторил многие высказывания С.Ю. Витте, например, о том, что между Россией и Англией нет антагонизма интересов в Китае. Поэтому сохранение его территориальной целостности, признание одинаковых прав и возможностей, а также намерение решать все спорные вопросы путём переговоров могли бы лечь в основу общего англо-русского соглашения (то есть, также занял неконкретную позицию). Товарищ министра иностранных дел ещё раз заявил, что Петербург не намеревается увеличивать свою сферу влияния и не станет мешать развитию британской торговли в Китае, а, наоборот, откроет порт Даляньвань для международной торговли⁴⁰. Кажется, англичане удовлетворились полученными разъяснениями. Ч. Скотт полагал, что 4 из 6 директоров Русско-Китайского банка были иностранцами и что большинство его акций находилось у французов, то есть, не верил, что это кредитное учреждение являлось инструментом политики С.Ю. Витте. Однако камнем преткновения оставался статья о недопустимости тарифных преференций на КВЖД: англичане настаивали на включении её в договор⁴¹.

После возвращения М.Н. Муравьева в Петербург из отпуска Ч. Скотт встретился 25 ноября сразу с двумя министрами – иностранных дел и финансов. Оба собеседника посла ещё раз подтвердили желание и возможность скорейшего заключения соглашения между двумя странами по Китаю. В сущности они хотели чтобы стороны взяли на себя обязательство не домогаться концессий в сферах друг друга. С.Ю. Витте делал исключение для Русско-Китайского банка, полагая сохранить за ним право на обладание железнодорожными предприятиями в любой части Китая. Здесь сановник всё-таки пошёл на уступки. Несмотря на то, что до этого министр финансов представлял банк как французский, он, тем не менее, был готов поручиться

³⁹ М.Н. Муравьев – С.Ю. Витте 14 января 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.110. Л.83. Эти «интересы» состояли в погоне за железнодорожными концессиями, не сулившими прибыли, а занимался этим банк по распоряжению министра финансов.

⁴⁰ Ч. Скотт – Р. Солсбери 8 ноября 1898 г. // PRO FO. 65/1556. P.41–45.

⁴¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.221–222.

от его имени не искать железнодорожных концессий в Центральном Китае, за исключением дороги Пекин–Ханькоу (как чисто коммерческой). Естественно, что аналогичная возможность признавалась за британскими банками. В общем, получалось, что сферы влияния – это территории, свободные от активного соперничества двух стран между собой за железнодорожные предприятия – и не более того⁴². Не удивительно, что самой сложной проблемой во время беседы для С.Ю. Витте и М.Н. Муравьёва стал вопрос о том, какое же практическое значение получит такое соглашение. Ч. Скотт поднимал его несколько раз, но так и не получил внятного ответа⁴³.

Николай II, похоже, своей позиции не имел и не знал твёрдо, за какие сферы влияния в Китае следовало бороться. Так, царь смело заявил Вильгельму II на их встрече в Петергофе в августе 1897 г., что «совершенно не заинтересован в пунктах южнее линии Тяньцзин–Пекин», поэтому не собирается мешать немцам в Шаньдуне. Самодержец также пояснил, что интересы России «после того, как англичане поставили ему затруднения в Мокпо, сосредоточились в Ялу, Порт-Артуре и т.д.»⁴⁴. Чуть позже, в начале 1898 г. царь указал российскому послу в Берлине Ф.Р. Остен-Сакену для передачи германскому императору уже иное: он считает «лучшею <...> гранью наших [с Англией – И.Л.] обоюдных сфер влияния в Китае» реку Хуанхэ⁴⁵. Похоже, что это было точнее, так как в это время Русско-Китайский банк вёл переговоры с германским синдикатом азиатских дел о займе на строительство железной дороги от Тяньцзина до нижнего течения р. Янцзы. Банк настаивал на том, чтобы все железные дороги к северу от р. Хуанхэ вошли бы в исключительную сферу русского влияния⁴⁶.

При дальнейшем обсуждении английских предложений наиболее непримиримую позицию заняло Министерство финансов. Оно не только пыталось выговорить некоторые преимущества: например, чтобы маленький заём Русско-Китайского банка на железную дорогу Пекин–Тяньцзин–Шанхайгуань не был «разменян» на заём Гонконг-Шанхайского банка или чтобы Китай имел право

⁴² Б.А. Романов резюмировал это так: Россия отказывалась от сферы исключительно-го влияния в Маньчжурии (а она была? – И.Л.), ничего не получая от Англии взамен (Там же. С.222). Однако и Лондон также не мог рассчитывать на получение каких-либо значительных преференций. Получается, что за переговорами стояло не столько желание раздробить Китай на области влияния, сколько намерение договориться, ликвидировать острые спорные вопросы.

⁴³ Ч. Скотт – Р. Солсбери 26 ноября 1898 г. // PRO FO. 65/1556. P.102–119.

⁴⁴ Вильгельм II. Мемуары. События и люди 1878–1918. М.:Пг., 1923. С.32.

⁴⁵ Ф.Р. Остен-Сакен – М.Н. Муравьёву 6 февраля 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1496. Л.25.

⁴⁶ Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в трёхлетие 1898–1900 гг. СПб., 1902. С.3.

досрочного погашения последнего⁴⁷. Ведомство вообще де-факто возражало против подобного соглашения: ведь у России имелись контракты на постройку КВЖД и ветки до Порт-Артура (их формально «частный» характер никого не вводил в заблуждение), тогда как Англия ничем подобным не обладала. Следовательно, её обещание не искать себе концессий на железные дороги мало что значило. Речь также шла о торговых интересах России южнее Пекина (чай) и т.д.⁴⁸ С.Ю. Витте с согласия Николая II также настаивал, чтобы Англия признала право КВЖД требовать от Китая концессии на дорогу к Пекину как компенсации английской дороги к Нючжуану⁴⁹. Число желаемых в Министерстве финансов прав и преференций оказалось весьма значительным.

Позиция С.Ю. Витте вызвала энергичный протест со стороны военного министра А.Н. Куропаткина, не понимавшего, зачем ради интересов одного коммерческого учреждения (Русско-Китайского банка), как это объяснял С.Ю. Витте, открывать англичанам Маньчжурию⁵⁰. М.Н. Муравьёв также предпочитал разграничение сфер влияния: это, по его мнению, «твёрдо» отдавало России «известные области»⁵¹. Он уловил стремление С.Ю. Витте к расширению «нашей финансовой и железнодорожной предприимчивости в нынешней сфере влияния Англии на юге Китая» и вынес категорический вердикт: «ради выгод частных железнодорожных компаний и кредитных учреждений императорское правительство едва ли может жертвовать политическими интересами первостепенной государственной важности», намекая на необходимость сосредоточить усилия на закреплении за Россией Маньчжурии⁵². Надо сказать, что его последнее соображение нельзя признать основательным, так как «закрыть» Маньчжурию всё равно не удалось бы (хотя возможно было несколько приглушить там конкуренцию, что тоже немало). Из-за несогласия в этом вопросе с С.Ю. Витте министр иностранных дел даже хотел приостановить переговоры с Англией. Недоволен был и В.Н. Ламздорф, который обвинял С.Ю. Витте в отстаивании интересов КВЖД и Русско-Китайского банка, но не России⁵³.

⁴⁷ Записка П.М. Романова – М.Н. Муравьёву 11 сентября 1898 г. (первая) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.801. Л.35.

⁴⁸ Записка П.М. Романова – М.Н. Муравьёву 11 сентября 1898 г. (вторая) // Там же. Л.36–41.

⁴⁹ Эти условия С.Ю. Витте напомнил Николаю II во всеподданнейшем докладе 3 октября 1899 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1204. Л.1–2.

⁵⁰ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.226.

⁵¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 1 декабря 1898 г. (копии) // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.39 об. – 40.

⁵² Всеподданнейшая записка М.Н. Муравьёва 15 декабря 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1625. Л.85–90.

⁵³ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 2 февраля 1899 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.60. Л.8–8 об.

В декабре 1898 г. С.Ю. Витте и М.Н. Муравьев наконец сошлись на возможности обмена нот между двумя странами относительно Китая. Признание территориальной целостности Поднебесной и подтверждения принципа «свободы торговли» там сопровождалось уверением, что и Россия и Англия не претендуют на закрепление за собой какой-либо сферы исключительных интересов. Ч. Скотт не возражал против такого исхода дела⁵⁴. 22 декабря 1898 г. В.Н. Ламздорф подготовил к своему всеподданнейшему докладу записку об англо-русском соглашении⁵⁵. Дипломат опасался стремления С.Ю. Витте домогаться концессий в Китае и полагал, что России было бы выгоднее сохранять замкнутость Маньчжурии (небезосновательная, хотя и спорная точка зрения: закрытость Маньчжурии тогда мало зависела от желаний Петербурга)⁵⁶. Единственное несомненное достоинство соглашения В.Н. Ламздорф усматривал в его безвредности и выраженном нежелании чем-либо себя связывать⁵⁷. Министр финансов же продолжал считать уступки, сделанные Англии, чрезмерными. С.Ю. Витте категорично заявил великому князю Александру Михайловичу в начале января 1899 г., что в случае принятия английских предложений «Россия навсегда отказывается от всего Китая»⁵⁸. Министра финансов более всего заботило, как сохранить за Петербургом «право полной свободы действий» на Дальнем Востоке, поэтому, по его мнению, соглашение с Лондоном не должно было «представить России особо неприятных стеснений в будущем на Востоке».

В целом министру финансов удалось настоять на своём подходе. 26 февраля 1899 г. Николай II провёл совещание относительно соглашения с Англией с участием С.Ю. Витте, М.Н. Муравьева и А.Н. Куропаткина. На нём был принят вариант С.Ю. Витте (разграничение сфер влияния в железнодорожных концессиях). Вероятно, решающую роль сыграла поддержка главы военного ведомства (ранее не понимавшего, зачем защищать интересы Русско-Китайского банка), который полагал таким образом обезопасить коммуникации Порт-Артура. Царь не вполне точно резюмировал всё сказанное в смысле необходимости «охранять от всех Маньчжурию, но и не лезть в долину Янцзы»⁵⁹. Тем не менее, желания С.Ю. Витте получить право на трассу к Пекину и широкие

⁵⁴ Ч. Скотт – Р. Солсбери 15 декабря 1898 г. // PRO FO. 65/1556. P.208–213.

⁵⁵ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 22 декабря 1898 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.62.

⁵⁶ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 2 февраля 1899 г. // Там же. Д.60. Л.8–8 об.

⁵⁷ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 19 января 1899 г. // Там же. Л.4.

⁵⁸ Великий князь Александр Михайлович – Николаю II 8 января 1899 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1142. Л.214 об.

⁵⁹ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 26 февраля 1899 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.42 об. – 43.

возможности для Русско-Китайского банка оказались настолько велики, что в последний момент он был готов предоставить иностранцам право сооружения железных дорог в Маньчжурии (кроме района, «обслуживаемого» КВЖД)⁶⁰. Министр финансов соглашался в том числе и на то, что Россия не будет препятствовать сооружению Шанхайгуаньской дороги, сохранив лишь взаимное обязательство сторон не домогаться концессий соответственно в Маньчжурии и бассейне р. Янцзы⁶¹.

Казалось бы, что С.Ю. Витте сократил до минимума область англо-русского соглашения по Китаю, стремясь оставить за собой возможность движения в центральные и южные области Срединной империи. Тем неожиданнее оказался финал: в последний момент С.Ю. Витте заменил в тексте документа слово «не препятствовать» применительно к железнодорожным концессиям в сфере другой стороны на «не домогаться» согласно царской воле. По справедливому заключению Б.А. Романова, это означало, что министр финансов фактически отказался от железнодорожных предприятий южнее Великой стены, что он категорически не хотел делать ранее⁶². То есть, все его предыдущие усилия оказались в основном перечёркнуты. Почему С.Ю. Витте так внезапно изменил точку зрения? Скорее всего, в начале 1899 г. стало уже очевидно, что для масштабных предприятий в Центральном и Южном Китае у России просто не было средств. В это время колоссальные суммы требовались для завершения строительства Сибирской железной дороги и на начавшееся сооружение КВЖД, которая обещала стать весьма дорогим предприятием. Таким образом, идея общего договора России и Англии по делам Востока выродилась в мало-значительный обмен нотами о разделе сфер железнодорожного влияния в Китае (территория севернее китайской стены – бассейн р. Янцзы), состоявшийся 16 (28) апреля 1899 г.

Не удивительно, что соглашение не удовлетворило обе стороны. Да и Пекин не признал заключённый без его участия договор⁶³. Тем не менее, С.Ю. Витте оценил его после подписания так: «Соглашение с Англией, по моему мнению, было неизбежно. Нам не время идти в авантюры. Необходимо этим временем воспользоваться, дабы установить между нами и Англией более тесные экономические узы. Это полезно для нас и для Англии в экономическом

⁶⁰ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 30 марта 1899 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1626. Л.30.

⁶¹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 26 февраля 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.801. Л.77; русские предложения на переговорах с Англией в сентябре 1898 г. // Там же. Д.109. Л.18–19.

⁶² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.231.

⁶³ Однако в русско-китайском соглашении о Маньчжурии 26 марта 1902 г. в статье IV содержалось обязательство Китая придерживаться условий англо-русского соглашения 16 апреля 1899 г. (Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.326–327).

отношении и будет в[есьма] полезно в политическом – будет менее задора. Всякий излишний задор будет бить по карману»⁶⁴. По-видимому, эти фразы были предназначены для оглашения их на британских островах. Конечно, такое соглашение не могло снять англо-русское соперничество в Китае, не говоря уже о других вопросах. Так, весной 1899 г. по инициативе С.Ю. Витте готовился проект англо-франко-русского займа Персии. Однако к осени 1899 г. переговоры с английской стороной застопорились. Скорее всего, здесь не было прямой связи с обменом «железнодорожными нотами», но показательно, что, по наблюдению А.Ю. Ротштейна, в отличие от министра финансов, Лондон опасался допустить иностранцев в собственную зону влияния!⁶⁵

Разумеется, ответственность за неудачу в англо-русских переговорах 1898–1899 гг. ложится на обе стороны, но Россия не прошла свой путь до понимания необходимости урегулировать спорные вопросы с Британской империей на Дальнем Востоке, прежде всего, из-за амбиций С.Ю. Витте с его стремлением двигаться в центр и на юг Китая. Продолжение этой фантастической политики явилось громадной ошибкой, так как Англия начала искать себе других путей для решения собственных проблем в Поднебесной. Так, после относительной неудачи переговоров с Россией 16 октября 1900 г. Лондон заключил соглашение с Берлином о разграничении сфер влияния в Китае⁶⁶. Наконец, союзником Англии в январе 1902 г. стала Япония. Без преувеличения можно сказать, что «путь Витте» и неудача англо-русских переговоров проложили дорогу англо-японскому союзу и в конечном итоге подтолкнули русско-японскую войну 1904–1905 гг.

---

⁶⁴ С.Ю. Витте – С.С. Татищеву, б/д. [апрель–май 1899 г.] // ГАРФ. Ф.597. Оп.1. Д.107. Л.20 об. – 21.

⁶⁵ Ананьич Б.В. Из истории англо-русских отношений на рубеже XX столетия // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972. С.186–191.

⁶⁶ История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.519.

Глава 8. Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии

8.1. *Историография*

История русско-китайских переговоров 1900–1902 гг. о сепаратном соглашении впервые была затронута П.Н. Симанским, который привёл тексты русских проектов договора и кратко представил ход дискуссии между Пекином и Петербургом о его подписании¹. Более подробное освещение этот вопрос получил у Б.А. Романова². Несмотря на обстоятельность и хорошую документальную базу, ряд его представлений вызывает возражения. Так, он увязал сепаратные переговоры Китая и России с заключением англо-японского союза, поместив их таким образом в широкий международный контекст, без достаточных к тому оснований³. Разумеется, в Токио пристально следили за тем, как развивались события в Северном Китае после появления там русских войск. Однако Маньчжурия никогда не рассматривалась Японией как самостоятельная цель, в этом были солидарны власть и общественное мнение. Всё-таки для Страны восходящего солнца главное значение имела Корея. Тем более, что Петербург полагал: русско-китайские переговоры о Маньчжурии – это дело исключительно двух стран, не допускающее в него кого бы то ни было. Также Б.А. Романов отводил китайской стороне исключительно пассивную роль в сепаратных переговорах с Россией. Несмотря на то, что значительная часть Срединной империи оказалась занята войсками ряда держав, тем не менее, даже находясь в критическом положении, двор и правительство вели сложную и тонкую игру на противоречиях держав – игру не всегда безуспешную, как показали отношения с Россией. Однако в целом Б.А. Романов справедливо представил картину переговоров об эвакуации Маньчжурии как отступление министра финансов перед Пекином, несмотря на отсутствие у того реальных возможностей давить на Россию.

---

¹ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. II. Борьба России с Японией в Китае. СПб., 1910.

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.263–292.

³ Там же. С.347.

Совершенно другой взгляд на восстание ихэтуаней представлен в книге В.Г. Дацышена «Русско-китайская война»⁴. Его исследование – первое после 1917 г., посвящённое событиям 1900 г. в Маньчжурии. Оно выполнено на обширной документальной базе с использованием китайских материалов. Автор настаивает на том, что боксёрское восстание в Северном Китае являлось именно русско-китайской войной (С.11 и др.). Надо сказать, что В.Г. Дацышен понимает под войной широкомасштабные военные действия, а не состояние межгосударственных отношений. Поэтому он игнорирует контакты между Петербургом и Пекином, в частности, просьбу Цинов, адресованную России, не рассматривать боксёрское восстание как объявление войны, и сдержанность Николая II. Историк склонен обвинять в событиях прежде всего русскую сторону, не упоминая о том, что «война» чаще всего начиналась нападением китайцев на русских. В этом случае он стремится использовать другую лексику, вроде «восстания» и т.п. Не останавливается он и на том, что не все маньчжурские цзянь-цзюни занимали одинаковую позицию по отношению к русским. В.Г. Дацышен представляет русско-китайские отношения на Дальнем Востоке лишь под углом зрения борьбы с захватчиками китайско-маньчжурского населения (такая точка зрения близка китайской историографии). Эта подчёркнутая субъективность и односторонность оставляет много вопросов, хотя, надо признать, историк ярко оттенил другую, неприглядную сторону русской экспансии в Маньчжурии.

В англоязычной историографии наибольшее внимание политике Петербурга в Китае в связи с боксёрским восстанием уделила Розмари Квестед⁵. Она использовала преимущественно английские и китайские источники, а также литературу на восточных языках. Книга Р. Квестед – это взгляд на Маньчжурию изнутри во время оккупации её русскими войсками. Она отметила разное положение дел в маньчжурских провинциях во время русской оккупации (Р.55, 69–88), подчёркнув, что своеволие военных ближе к русско-японской войне уменьшалось. Внимание исследовательницы оказалось сосредоточено преимущественно на поведении местной китайской администрации, представлены также наблюдения о неоднозначных взаимоотношениях русских войск и местных жителей, отразивших, прежде всего, встречу двух рас (Р.124 и др.). Применительно к российским властям Р. Квестед заметила расхождение между представителями различных ведомств (военного, финансов, иностранных дел).

⁴ Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Часть I. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996.

⁵ Qusted R.K.I. «Matey» imperialists?: the tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917. [Hong Kong]: Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1982.

8.2. Реакция России на восстание ихэтуаней

Восстание ихэтуаней, известное также как боксёрское⁶, направленное против иностранцев и их «приспешников» из числа китайцев, начало разгораться в 1898 г.⁷ Приготовления местных властей к войне с русскими в Маньчжурии имели место за 7–8 месяцев до восстания (в частности, начался призыв в знамённые войска)⁸. Поначалу боксёры не вызвали серьёзного беспокойства у русских дипломатов в Китае. Посланник М.Н. Гирс впервые выразил тревогу лишь в мае 1900 г.⁹ Мало о движении знали и в Порт-Артуре, черпая сведения о нём в основном из шанхайских и харбинских газет. Впрочем, не лучше вели себя и представители других стран. Исключение составлял лишь военный агент России в Китае полковник К.И. Вогак, призывавший относиться к повстанцам внимательно, но к нему не прислушались, списав это на его характер «алармиста и слишком беспокойного человека»¹⁰. Как вскоре оказалось, именно «алармист» оказался прав.

Восстание ихэтуаней вызвало неоднозначную реакцию в России. Конечно, сразу никто не мог предположить, во что выльется очередное массовое движение в Поднебесной и какие последствия для российской политики оно будет иметь. Николай II обещал Ли Хунчжану, обратившемуся в Петербург за содействием, что Россия «не объявит войну Китаю, а напротив, во внимание к исконной дружбе окажет всякое содействие к охранению независимости Китая»¹¹. Министр иностранных дел М.Н. Муравьёв развивал мысль: «Принимая во внимание, что задачи России на Дальнем Востоке совершенно расходятся с политикой прочих держав, мы и при настоящих событиях в Китае должны соблюдать особенное положение». То есть, российским войскам в Поднебесной следовало защитить жизнь и имущество соотечественников и оказать поддержку «законной власти в борьбе с революцией», чтобы затем возобновить с ней «добрые отношения»¹². Одновременно С.Ю. Витте разъя-

⁶ «Ихэтуань» в переводе с китайского – верность взаимно связанных волонтёров, ихэтуань – верность учащихся боксу (Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.188).

⁷ Ряд событий изложены в кн.: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. С предисловием и под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.100–103. Подробнее об ихэтуанях см.: Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978.

⁸ Люпов [С.Н.]. Хуланьское фудутунство Хэйлунцзянской провинции. Ч.1. Хабаровск, 1903. С.266.

⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.15–16.

¹⁰ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.9–10, 12.

¹¹ Николай II – Ли Хунчжану 14 июня 1900 г. (копия) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.763. Л.56.

¹² М.Н. Муравьёв – Е.И. Алексеёву 5 июля 1900 г. // Коростовец И.Я. Указ. соч. С.20, прим.; Романов Б.А. Указ. соч. С.249.

нял главному инженеру КВЖД А.И. Юговичу, что Россия объявила мобилизацию резервистов в Приамурском военном округе¹³ не для войны с Пекином, «а для того, чтобы в случае надобности иметь возможность оберегать целостность и независимость Китая и его правительства»¹⁴. Министр финансов в тот момент был против ввода войск даже в полосу КВЖД, боясь испортить отношения с местными властями¹⁵. По-видимому, он излишне полагался на информацию, получаемую от А.И. Юговича. Главный инженер КВЖД до последней минуты просил не посылать войск в Маньчжурию, чем позже вызвал справедливые упреки в свой адрес от министра финансов¹⁶.

Так продолжалось до конца июня 1900 г., когда восстание уже всюду полыхало в Китае. Только 25 июня 1900 г. министр финансов обратился к Николаю II с предложением ввести русские части на КВЖД. Вообще позиция С.Ю. Витте в те месяцы оставляет впечатление непоследовательности и неопределённости, даже некоторой растерянности (надежда, что может всё обойдётся само собой), поэтому он выжидал до последнего¹⁷. С одной стороны, С.Ю. Витте советовал А.Н. Куропаткину «на всякий случай сосредоточить побольше войск. Лучше деньги потерять, чем престиж». «Побольше» в его понимании было – 100–150 тысяч солдат, «горстями» он называл 50 тыс., которые уже было намечено собрать на Дальнем Востоке¹⁸. И ему же не нравилось то, что А.Н. Куропаткин «зарывается», мобилизовал до 150 тыс. войск, хочет «лезть вперёд, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и

¹³ И не только в нём. С.Ю. Витте сообщал Д.С. Сипягину: «Мобилизовали, кроме Амурского, часть Сибирского округа, из России назначили около 25 тысяч человек» (С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 7 [июля 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.32–33).

¹⁴ С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 15 июня 1900 г. (копия) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.763. Л.57.

¹⁵ Симанский П.Н. Указ. соч. С.100. П.Н. Симанский склонен обвинять министра финансов в том, что запоздалая реакция России – на его совести.

¹⁶ Телеграмма С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 20 октября 1900 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1222. Л.56. 15 июня 1900 г. хэйлунцзянский цзянь-цзюнь Шоу Шань (враг русских) направил А.И. Юговичу телеграмму с просьбой не вводить русские войска в Маньчжурию, так как это могло, по его мнению, вызвать недовольство населения. Несмотря на то, что одновременно главному инженеру КВЖД поступали сообщения от офицеров Охранной стражи, что в провинции идёт мобилизация солдат и лошадей, он не принял необходимых мер. 21 июня начались открытые нападения китайцев, а 25 июня три маньчжурских цзянь-цзюня предложили А.И. Юговичу передать КВЖД китайским чиновникам, а всем русским – покинуть пределы Поднебесной под конвоем китайских солдат. 28 июня Шоу Шань облёк это предложение в форму ультиматума. Лишь после этого главный инженер объявил по дороге тревогу и принятие чрезвычайных мер (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.200–202).

¹⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.251.

¹⁸ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 7 [июля 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.32–33.

даже под шумок залезть в Корею»¹⁹. Тревогу у министра финансов вызывал не только размах замыслов военных, чреватый серьёзными осложнениями («если мы туда втянемся, то нам, наверное, что-нибудь поднесут на западной или азиатской границе»), но и чёткое осознание того, что на Дальнем Востоке проявилась опасная неопределённость российской политики («нет линии, нет твёрдости, нет слова»). Негативную роль сыграла также внезапная, из-за смерти М.Н. Муравьёва 8 июня 1900 г. смена министра иностранных дел. На некоторое время деятельность ведомства была парализована, это отмечали иностранные дипломаты²⁰. С.Ю. Витте констатировал расхождения во взглядах и действиях А.Н. Куропаткина и В.Н. Ламздорфа. Разумеется, он был на стороне последнего²¹. Сановник понимал, что появление на Дальнем Востоке многочисленной русской армии и её самостоятельные действия угрожают его влиянию, поэтому с самого начала выступал против похода русского отряда на Пекин²². Взгляды министра финансов разделяли В.Н. Ламздорф и главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев, им возражал только А.Н. Куропаткин²³. Больше всего С.Ю. Витте стремился обеспечить безопасность строящейся КВЖД и ветки от неё к Порт-Артуру, что, конечно, не удалось. Дорога была очищена от боксёров только 20 августа 1900 г.²⁴

События 1900 г. в Китае стали поводом для того, чтобы С.Ю. Витте заявил об изменении политики России (то есть, его) на Дальнем Востоке. Реальной причиной переосмысления явился начавшийся мировой экономический кризис. С.Ю. Витте забил тревогу ещё в конце 1898 г., столкнувшись с трудностью выхода с русскими бумагами на лондонский рынок, так как парижский уже не мог покрыть все потребности министра финансов. Правда, причины этого он искал преимущественно в политической плоскости (фашодский инцидент, ухудшение отношений Лондона и Парижа и негативное отношение к

---

¹⁹ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 11 [июля 1900 г.] // Там же. С.33. Хотя первоначально военный министр был солидарен с С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфом. О походе на Пекин он заговорил лишь в самом конце июня, впервые, кажется, 29-го (Романов Б.А. Указ соч. С.256).

²⁰ Ч. Скотт – Р. Солсбери 27 июня 1900 г. // PRO FO. 65/1599. P.275–278.

²¹ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 10 [августа 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.39–41.

²² Quested R.K.I. Op. cit. P.46.

²³ Пролог... С.107–108.

²⁴ Там же. С.112–116. Сложно судить о том, какое участие в уничтожении дороги на самом деле приняли боксёры. Руководство КВЖД было уверено, что трассу в Манчжурии разрушали в основном китайские регулярные войска под руководством местных властей, а ихэтуани в Северном Китае были слабы (телеграмма А.И. Юговича, С.В. Игнациуса и А.А. Гернграсса С.Ю. Витте 20 октября 1900 г., опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» 10 ноября 1900 г.).

России британского общественного мнения)²⁵. Тем не менее, продолжать размещение русских ценных бумаг на зарубежных рынках в прежнем объёме стало невозможно, поэтому на планы широкой экономической экспансии в Китай денег не оставалось, да и сами намерения изрядно сократились²⁶. Это нашло отражение в рескрипте Николая II министру финансов 17 июня 1900 г. В нём констатировалась неизбежность больших расходов, предстоящих казне из-за событий в Китае, и в связи с этим высказывалось опасение, что они могут повлечь за собой отток золота за границу. Обеспокоенный за устойчивость финансовой системы, царь предписывал всем ведомствам озаботиться сокращением расходов²⁷.

С.Ю. Витте также воспользовался услугами своего старого знакомого – В.П. Мещерского. 27 июля 1900 г. князь поместил в своем «Гражданине» №56 статью «Мысли сведующего человека» под псевдонимом «Русский», за которым скрывался сам министр финансов²⁸. В статье содержалось немало уже привычных утверждений, вроде особых отношений Петербурга и Пекина, отличных от тех, которые имеют другие державы. Но главный пафос статьи состоял в призыве отказаться от похода русских войск на Пекин и «скорее демобилизоваться». Но – «Существует злой дух, который постоянно шепчет на ухо: как бы было хорошо войти и даже водвориться в столице Китая, как бы было полезно захватить дорогу из Инкоу до Пекина, как было бы прекрасно отцать Корею, такой прекрасный случай, ведь, пожалуй, такого случая впредь не повторится – и проч. и проч. Советую действовать на сии демонские покушения, твердя: “не введи на во искушение, но избави нас от лукавого”». Кроме этого, статья С.Ю. Витте провозглашала отказ от каких-либо замыслов в отношении Центрального или Южного Китая: «Наш же современный интерес находится ныне только исключительно в пределах железной дороги до Владивостока и Порт-Артура». Правда, это заявление сопровождалось двусмысленной фразой: «История имеет свое течение – нельзя безнаказанно делать в годы то, что если сие предназначено судьбой, возможно сделать лишь в десятки лет».

Выступление С.Ю. Витте вызвало полемику в верхах по вопросу дальнейшей политики России на Дальнем Востоке. А.Н. Куропаткин ответил запиской

²⁵ Всеподданнейшая докладная записка С.Ю. Витте «Об угнетённом положении денежных рынков» 4 ноября 1898 г. // Исторический архив. 1959. №1. С.126–128.

²⁶ 8 сентября 1900 г. в разговоре с А.Н. Куропаткиным С.Ю. Витте жаловался на невозможность занять денег за границей (средства были только в США и отчасти во Франции), поэтому «ему надо во что бы то ни стало прожить этот год без займа и доказать, что смута в Китае не расстроила нашего бюджета» (Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 9 сентября 1900 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.4768. Л.42 об. – 43).

²⁷ Текст рескрипта – РГА ВМФ. Ф.763. Оп.1. Д.43. Л.34.

²⁸ Автограф статьи – РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.1018. Л.236–239.

3 августа 1900 г., в которой, не соглашаясь с главой финансового ведомства, утверждал, что в отношениях России и Китая нет ничего специфического. Строительство КВЖД (а не только захват Порт-Артура) отразило не особые связи соседей, а «право сильного», то есть Россия вела себя точно так же, как и другие державы, добиваясь от Срединной империи уступок в свою пользу. Этим генерал объяснял недружественное отношение Китая к России, явственно проявившееся в 1900 г., что оправдывало посылку русского отряда в Пекин. Однако генерал пока не был готов определить образ действий Петербурга на будущее. Ему хотелось, «чтобы разоружённая Маньчжурия, прорезанная русской железной дорогой, охраняемая русскими войсками, надёжно прикрывала Приамурский военный округ»²⁹. Какой именно порядок скрывался за обрисованной картиной – не вполне ясно, возможно, что и сам А.Н. Куропаткин предпочитал тогда не детализировать свои представления, не настаивая пока на немедленном присоединении Маньчжурии к России (этого больше всего опасался С.Ю. Витте, полагая, что такой шаг послужит сигналом для Японии захватить Корею)³⁰. Он даже не предполагал держать постоянно в Маньчжурии русские части³¹.

Участие русских войск в походе объединённого отряда ряда держав на Пекин стало предметом серьёзной дискуссии в российском руководстве. Противостояние в этом вопросе А.Н. Куропаткина и С.Ю. Витте в итоге вылилось также в серию интриг вокруг определения дальнейшего курса российской политики на Дальнем Востоке в целом. А.Н. Куропаткин начал интриговать против В.Н. Ламздорфа, назначенного 24 июля 1900 г. управляющим Министерством иностранных дел после скоропостижной смерти М.Н. Муравьёва. В свою очередь граф был уязвлён тем, что военный министр действовал в Китае, не считаясь с мнением дипломатов, и угрожал оставить свой пост. Несмотря на увещевания С.Ю. Витте³², А.Н. Куропаткин отстранил от командования русскими войсками в Китае начальника Квантунской области Е.И. Алексева³³, который получал все указания из Министерства иностранных дел, и назначил своего ставленника – генерала Н.П. Линевиича, сразу отправив его во главе от-

²⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.218. Л.13–19.

³⁰ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 6 [августа 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.39–40.

³¹ Quested R.K.I. Op. cit. P.45–46.

³² С.Ю. Витте объяснял А.Н. Куропаткину, «что он в[оенный] м[инист]р, а не м[инист]р и[ностранных] д[ел] и не м[инист]р ф[инанс]ов, а потому или пусть он назначит вместо нас своих генералов, или пусть не выходит из своей роли» (С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 14 [июля 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.34).

³³ А.Н. Куропаткин прямо заявлял, что не может доверить ему командование войсками (А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 29 октября 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.78–79).

ряда в Пекин, что явилось неожиданностью для В.Н. Ламздорфа. Немаловажная деталь: военный министр действовал при поддержке Николая II, который с лёгкостью принимал решения, противоречившие прежнему курсу российской политики в Китае. С.Ю. Витте очень беспокоило обоюдное желание военного министра и императора не допускать Японию в Корею и их агрессивная реакция на японское предложение обменять Корею на Маньчжурию.

Но как ни странно, всё вместе это сыграло скорее на руку министру финансов: круг неразрешимых проблем оказывался настолько велик, что не оставлял места для грубой агрессии. В начале августа 1900 г. А.Н. Куропаткин представил записку, в которой изложил возможные требования России к Китаю. В сущности, там были намечены многие условия, которые Петербург затем предъявил Пекину: возмещение убытков, запрет держать регулярные войска в Маньчжурии, контроль русских над китайской администрацией и защита КВЖД русскими войсками. 11 августа 1900 г. С.Ю. Витте представил ответную записку, в которой писал об опасности присоединения Маньчжурии³⁴, так как это послужило бы сигналом к разделу Китая. России пришлось бы пойти на большие затраты, чтобы укрепить свои рубежи, на которых появились бы западные державы³⁵. Министр финансов также заручился поддержкой К.П. Победоносцева, ознакомив его с письмом Николаю II³⁶. В итоге на совещании 12 августа 1900 г. под председательством царя произошел окончательный перелом: участники решили вывести из Китая войска, как только позволят обстоятельства³⁷. Этот вердикт русские представители за границей получили в виде циркулярной ноты. Пока же, несмотря на просьбы цзянь-цзюней прекратить движение войск, которые поступали к командованию с 9 августа 1900 г., русские части продолжали занимать пункты в глубине китайской территории³⁸.

Для военных боксёрское восстание явилось удобным поводом, чтобы попробовать решить разом большинство беспокоивших их проблем. В частности, приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков предлагал воспользоваться ситуацией и забрать себе часть Северной Маньчжурии³⁹. В ответ Николай II подтвердил свою позицию, высказанную Ли Хунчжану: он объявил, что решил «не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям, а

³⁴ Н.И. Гродеков ещё в конце июля 1900 г. распорядился, чтобы в Маньчжурии китайская администрация была отстранена от управления «с полным подчинением нашей власти и законам» (Симанский П.Н. Указ. соч. С.110). Распоряжения генерал-губернатора встревожили англичан: они решили, что оккупация Маньчжурии – это надолго.

³⁵ Пролог... С.118–120.

³⁶ Красный архив. 1926. №5 (18). С.39–40.

³⁷ Там же. С.41.

³⁸ Симанский П.Н. Указ. соч. С.105.

³⁹ Н.И. Гродеков – в Военное министерство 6 августа 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9023. Л.72; Пролог... С.118–119.

ограничиться принятием мер, необходимых для спокойного и прочного пользования железными дорогами, проводимыми нами через Маньчжурию, и для свободного плавания наших судов по р. Амуру»⁴⁰. В дополнение самодержец уточнил, что он также не собирается вводить русскую администрацию в занятых областях Срединной империи, оставляя управление за цзянь-цзюнями. Из их ведения изымалось только командование китайскими войсками⁴¹.

Позднее эта точка зрения получила подтверждение в «Основаниях русского правительственного надзора в Маньчжурии», утверждённых 4 декабря 1900 г.⁴² Они были составлены на основе записки А.Н. Куропаткина, с внесёнными в неё С.Ю. Витте исправлениями. Министр финансов стремился не затягивать господство военных в Маньчжурии, одновременно продлевая оккупацию на неопределённое время⁴³. Согласно этому документу, местная власть сохранялась за китайской администрацией (цзянь-цзюнями и даотаями, но их назначение обязательно согласовывались с русскими), китайские войска в Маньчжурии упразднялись и заменялись стражей, её численность определялась российскими генералами. Для наблюдения за ней, а также за русскими частями при каждом цзянь-цзюне учреждалась должность русского военного комиссара. Решение любых политических вопросов отдавалось в исключительную компетенцию Петербурга и Пекина⁴⁴. Но общий смысл документа без сомнения подтверждал уже высказанную позицию: Россия не намеревалась присоединять Маньчжурию или её часть, а все меры по вмешательству в дела китайских провинций носили временный и вынужденный характер. «Основы...» должны были стать базой для подготовки соглашений с цзянь-цзюнями, а затем – и общего соглашения с Пекином⁴⁵. Для того, чтобы расположить местные китайские власти к себе, Николай II разрешил С.Ю. Витте подарить каждому цзянь-цзюню по 100 тыс. лан⁴⁶.

⁴⁰ Проект телеграммы Н.И. Гродекову, одобренный Николаем II 12 августа 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9023. Л.71; Симанский П.Н. Указ. соч. С.107; Пролог... С.120–121.

⁴¹ Проект телеграммы Н.И. Гродекову, одобренный Николаем II 25 августа 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.1.

⁴² Согласно П.Н. Симанскому, «Основы...» были разработаны А.Н. Куропаткиным, 31 октября поддержаны совещанием трёх министров в Ялте, 7 ноября их утвердил царь, 11 ноября документ сообщили Н.И. Гродекову и Е.И. Алексееву (Симанский П.Н. Указ. соч. С.111).

⁴³ Романов Б.А. Указ. соч. С.272.

⁴⁴ Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.71–73. Содержание «Основ...» также см.: Симанский П.Н. Указ. соч. С.112; Романов Б.А. Указ. соч. С.269–273).

⁴⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.266.

⁴⁶ Там же. С.251. Согласно телеграмме С.Ю. Витте А.И. Юговичу 15 июня 1900 г., министр финансов выделил главному инженеру КВЖД всего 100 тыс. лан на взятки не только цзянь-цзюням, но и остальным китайским администраторам в трёх провинциях

Несмотря на кажущуюся твёрдость намерений России, С.Ю. Витте весьма тревожился тем, что вся власть в Маньчжурии находилась в руках генералов, а они думали совсем иначе, не очень считаясь со взглядами других, даже Николая II⁴⁷. В сентябре 1900 г. А.Н. Куропаткин предложил не спешить с выводом русских войск из Маньчжурии, так как опасался, что их заменят отряды солдат из США, Японии и других держав⁴⁸. Не оспаривая сохранение местной китайской администрации⁴⁹, генерал полагал, что русские интересы следует защищать с помощью договоров с цзянь-цзюнями и запретив иностранцам появляться в Северном Китае⁵⁰. Мало того, что эти намерения не соответствовали уже заявленным декларациям, но и их осуществление столкнулось с непреодолимыми трудностями. Так, уже в октябре 1900 г. возник вопрос о судьбе железной дороги Шанхайгуань–Инкоу, построенной на английские деньги. Несмотря на то, что военный министр не желал видеть на ней иностранцев, а С.Ю. Витте был с ним солидарен, Россия ещё 16 апреля 1899 г. признала, что трасса не принадлежала китайцам, поэтому к ней пришлось допустить её хозяев⁵¹. Наконец, 5 октября Н.И. Гродеков и Е.И. Алексеев получили прямое распоряжение из Петербурга поспешить с возвращением власти китайским администраторам⁵².

Энергия военных пугала петербургских сановников, так что они шарахались даже от мер, в общем-то безобидных. В конце 1900 г. Н.И. Гродеков предлагал вместо контрибуции с Китая потребовать от него права использовать золотые прииски в Маньчжурии, которые, по оценке генерала, ежегодно давали до 400 пудов благородного металла, а также каменноугольные копи и лес⁵³. С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф не поддержали идею, полагая на тот момент не-

---

Маньчжурии (РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.20). Скорее всего, эта цифра точнее, так как С.Ю. Витте был всегда скуп на «подарки» китайцам.

⁴⁷ Пролог... С.140.

⁴⁸ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 24 сентября 1900 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5304. Л.1.

⁴⁹ Предлагаю сохранять «насколько возможно» существующий строй Китая, А.Н. Куропаткин тем самым косвенно признавал неизбежность изменений в нём (А.Н. Куропаткин – Е.И. Алексееву 29 сентября 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.34).

⁵⁰ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 4 октября 1900 г. // Там же. Л.42–43.

⁵¹ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 6 октября 1900 г. и ответ министра финансов 7 октября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.46. Л.26–27. Хозяева соглашались уступить эту дорогу России (явно не придавая ей стратегической роли), но С.Ю. Витте счёл, что «политическое значение линии не оправдывает высокой цены, назначенной англичанами» (Коростовец И.Я. Указ. соч. С.118). Подробнее см. гл. 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке».

⁵² Пролог... С.138.

⁵³ Н.И. Гродеков – А.Н. Куропаткину 27 ноября и 9 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.73, 75.

допустимым посылать в Маньчжурию даже небольшие группы специалистов для разведки месторождений. По их мнению, это привлекло бы внимание иностранцев и определённо активизировало бы их активность в Северном Китае. Возможно, что министр финансов не столько проявлял осторожность, сколько не хотел того, чтобы природные богатства Северного Китая оказались в руках военных. Всего лишь несколько месяцев спустя С.Ю. Витте сам начал борьбу за обладание маньчжурскими концессиями.

Впрочем, пока расхождения в позициях Военного министерства и Министерства финансов не носили ещё непримиримого характера, во многих пунктах относительно дальнейших действий России в Китае они сходились, а перспективы были слишком туманны, чтобы настаивать на детальной программе на будущее. Так, Д.Д. Покотилов предлагал С.Ю. Витте «не гоняться» за двором, бежавшим из Пекина, а сосредоточиться на переговорах с местными китайскими властями в надежде, что их результаты войдут составной частью в общее соглашение с Китаем⁵⁴. Это немногим отличалось от предложений военных. Рамки же русского курса определялись в правительственном сообщении 19 сентября 1900 г., в котором Петербург обещал не аннексировать Маньчжурию⁵⁵.

8.3. Начало русско-китайских сепаратных переговоров

Правительственное сообщение совпало по времени (наверное, не случайно) с началом русско-китайских контактов по поводу Маньчжурии. 25 июля 1900 г. Ли Хунчжан заявил китайским представителям за границей, что он уполномочен вести переговоры с державами о мире⁵⁶. В конце августа 1900 г. российского посланника М.Н. Гирса в Пекине тайно посетил князь Цин⁵⁷. Это был первый за несколько месяцев контакт с представителем китайского правительства. В начале сентября 1900 г. в Таку и Тяньцзине Ли Хунчжан имел встречи с Е.И. Алексеевым, в ходе которых он просил адмирала не вводить русские войска в Мукден (они всё-таки появились там 18 сентября), обещая взамен, что цзянь-цзюням будет предоставлена возможность самостоятельно

⁵⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 20 сентября 1900 г. // Там же. Л.1–4.

⁵⁵ Пролог... С.137. Правительственному сообщению предшествовали неоднократно данные иностранцам (например, англичанам) уверения в том, что Россия обязательно очистит Маньчжурию. С таким заявлением российский посол в Лондоне посетил Форин офис 16 (28) августа 1900 г. (Форин офис – Ч. Скотту 28 августа 1900 г. // PRO FO. 65/1597. P.123). на следующий день, 17 августа, В.Н. Ламздорф лично разъяснял в Петербурге британскому послу, что Россия не собирается вечно оккупировать Маньчжурию (Ч. Скотт – Р. Солсбери 30 августа 1900 г. // PRO FO. 65/1600. P.241).

⁵⁶ Пролог... С.109.

⁵⁷ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.93.

договариваться с русскими и что их соглашения будут признаны Пекином⁵⁸. Несмотря на растерянность, царившую в китайских верхах после взятия столицы объединённым отрядом держав, Ли Хунчжан уже начал игру в уступки и интриги, надеясь обещать и ссорить. В частности, сановник сразу предложил Е.И. Алексееву стать уполномоченным России на переговорах с Китаем. Ли Хунчжан рассчитывал на его дипломатическую неопытность и немеревался вбить клин между главным начальником Квантунской области и немецким фельдмаршалом А. Вальдерзее, а также российским посланником М.Н. Гирсом, скептически относившимся к адмиралу⁵⁹.

Кажется, в Петербурге не вполне понимали, чего России следует добиваться в Пекине. С.Ю. Витте, стремясь сохранить своё влияние, отправил туда частным эмиссаром хорошо известного китайцам князя Э.Э. Ухтомского, председателя правления Русско-Китайского банка⁶⁰. Несмотря на то, что его предыдущий визит в Пекин весной–летом 1897 г. был неудачен и сопровождался рядом полускандальных обстоятельств, князю, тем не менее, опять поручили ответственнойшую и деликатную миссию. Ему следовало установить неофициальный контакт с руководством Поднебесной для урегулирования отношений. Так как двор и большинство сановников бежали из столицы до появления европейцев, Э.Э. Ухтомскому пришлось довольствоваться в основном беседами с Ли Хунчжаном и его окружением. Уже после первой встречи с сыном престарелого сановника Ли Цзинфаном, состоявшейся 17 сентября, князь поспешил отрапортовать: Китай согласен полностью удовлетворить все желания России, уплатить «очень крупную контрибуцию», отдать Петербургу «в безусловную эксплуатацию» все богатства Монголии и Кашгара и разрешить русское переселение туда – и это лишь при условии, что Россия «в принципе заявит только великодушный отказ присвоить» Маньчжурию⁶¹. Э.Э. Ухтомского не насторожил тот факт, что китаец оговорился: уступки России не должны были увеличить требовательность других держав. Это означало, что они могли осуществляться лишь негласно, так как все победители ревниво относились к успехам друг друга. Своими предложениями Ли Хунчжан также подталкивал Россию к тому, чтобы возражать против условий союзников и, следовательно, вносить в них диссонанс. Поведение сановника также показывало, что растерянность китайских верхов проходила, они быстро возвращались к своим обычным приёмам – ссорить между собой членов коалиции. Разумеется, Ли Хунчжан, отлично понимая, что представляет из себя

⁵⁸ Там же. С.97–98. Слова Ли Хунчжана не были зафиксированы письменно, чем позже он воспользовался и отказался от них.

⁵⁹ Там же. С.102–104.

⁶⁰ Э.Э. Ухтомский прибыл в Шанхай 16 сентября 1900 г. (Романов Б.А. Указ. соч. С.263).

⁶¹ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 18 сентября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.1

Э.Э. Ухтомский, стремился превратить князя в своё орудие. Среди прочего он намеревался с помощью России давить на двор, чтобы тот поскорее вернулся в Пекин и таким образом иметь близкий контакт с императрицей. Князь писал: «Как только Ли Хунчжан получит возможность устно влиять на императрицу и сокрушить вокруг нас изуверов, он обещает всё сделать в интересах России». В случае неудачи сановник пугал Петербург бегством двора дальше, в горы, остановкой платежей по займам и усилением анархии на севере Китая⁶². Не забыл он также напомнить и о том, что получил лишь часть обещанной ему в 1896 г. взятки, но министр финансов решил пока ничего китайцу не выдавать. Ли Хунчжан заметно разочаровался, впрочем, это обстоятельство вряд ли оказало существенное влияние на ход переговоров⁶³.

Похоже, что вопрос о взятках явился также одним из тактических ходов престарелого китайца. По сути, это был единственный упрёк, который он мог адресовать С.Ю. Витте. То есть, в этом вопросе не ему, а министру финансов приходилось оправдываться. Такое распределение позиций было исключительно важно для китайца перед началом переговоров. Не случайно Э.Э. Ухтомский сообщал в Петербург: «Со времени [моего] прибытия Ли Цзинфан постоянно преследует горькими упрёками за недодачу второго платежа». Думается, неспроста эти упрёки сопровождались просьбами остановить грабёж в Маньчжурии и ускорить уход немцев (!) из Пекина⁶⁴. Однако поза «обиженного» возымела действие лишь на незадачливого князя. На попытку заступиться за Ли Хунчжана он получил от министра финансов разъяснение, что тот не считал себя виноватым или чем-то обязанным китайскому сановнику, так как события «нарушили все обещания самого Ли Хунчжана и нанесли нам громадные убытки»⁶⁵. Отказ С.Ю. Витте не остановил просьбы, но к ним добавился новый аргумент: «Ли Цзинфан говорит, что обещанными суммами [Ли Хунчжан – И.Л.] поддерживал связь с влиятельными лицами при дворе». Как только деньги кончились – «надвинулись беды». «Без этих денег он будто бы бессилён по-прежнему восстановить авторитет при дворе»⁶⁶. Получалось, что министр финансов, не желающий дать денег, сам виноват в том, что переговоры с Китаем могут оказаться безуспешными. С.Ю. Витте и на этот раз не поверил китайцу, а Э.Э. Ухтомскому предписал вступить в прямой контакт с Ли Хунчжаном (возможно, он подозревал, что за просьбами денег стоит исключительно его окружение)⁶⁷. Интересно, что

⁶² Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 27 сентября 1900 г. // Там же. Д.868. Л.35.

⁶³ Романов Б.А. Указ. соч. С.265–266.

⁶⁴ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 23 сентября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.196. Л.32.

⁶⁵ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 25 сентября 1900 г., с согласия Николая II // Там же. Л.34.

⁶⁶ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 29 сентября 1900 г. // Там же. Д.211. Л.38.

⁶⁷ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 29 сентября 1900 г. // Там же. Л.39.

после такого ответа тема взяток более не вмешивалась в ход переговоров, и это несмотря на то, что Ли Хунчжан так и не получил ничего, в том числе и из давно обещанного.

История со взятками показала, что, как и следовало ожидать, Э.Э. Ухтомский не сделал должных выводов из неудачи своей предыдущей миссии 1897 г. и был совершенно не пригоден к выполнению деликатного дипломатического поручения, прежде всего, из-за собственной непреодолимой недалёкости. Вместо того, чтобы играть роль частного лица, как это задумывалось, он представлялся посланцем царя. Князю хотелось, чтобы его миссия освещалась публично как приезд представителя России с полномочием вести переговоры с Китаем, а его окружили соответствующими почестями. Э.Э. Ухтомский снова поссорился с российским посланником (на сей раз им был не А.И. Павлов, а М.Н. Гирс), утверждая, что дипломат действует неправильно⁶⁸. Князь провёл в Пекине несколько месяцев, чуть ли не ежедневно ведя с Ли Хунчжаном продолжительные беседы. Китаец всё время «кланялся» ему богатствами Монголии и Маньчжурии, скромно оговариваясь, что хорошо бы, чтобы при их эксплуатации псевдочастными компаниями «известная доля прибыли могла бы улыбнуться в будущем бедной казне Китая»⁶⁹. Ли Хунчжан даже выражал готовность «осуществить план передачи нам [возможности] эксплуатации всех богатств Застенного Китая, т.е. чего-то совершенно необъятное, с правом иметь собственную охрану, концессии, если мы оставим за богдыханским правительством сюзеренные права»⁷⁰. Князь не понимал игру китайца (заманить обещаниями грандиозных привилегий, чтобы тянуть время и добиваться небольших, но важных для Пекина уступок), воспринимал его посулы всерьёз, поэтому предлагал немедленно действовать и горько жаловался на медлительность российских дипломатов. Конечно, вся поездка Э.Э. Ухтомского никаких результатов не имела, но удивительно, что на приманку, предложенную старым китайским сановником, клюнул целый ряд сановников, в том числе и уже опытный в восточных делах С.Ю. Витте.

В Петербурге же надеялись на Ли Хунчжана как на старого знакомого, с которым несколько лет назад уже установили необходимый контакт и успешно вели переговоры. Для начала следовало решить, чего требовать от Китая в качестве компенсаций за боксёрское восстание. С.Ю. Витте предлагал минимизировать будущую контрибуцию Поднебесной (совсем отказаться от неё, по мнению министра финансов, было невозможно из-за интересов других держав) и намеревался брать её не деньгами, а концессиями и преимуществами⁷¹.

⁶⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.277.

⁶⁹ Э.Э. Ухтомский – С.Ю. Витте 6 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.75.

⁷⁰ Телеграмма Э.Э. Ухтомского 21 ноября 1900 г. // Там же. Д.190. Л.128.

⁷¹ Записка С.Ю. Витте «По вопросу о предстоящих мирных переговорах с Китаем», одобренная Николаем II 11 октября 1900 г. // Там же. Д.868. Л.47–48.

Военные (А.Н. Куропаткин – осторожно, а Н.И. Гродеков – прямо) стремились к территориальным приобретениям и интересовались не столько контрибуцией, сколько возможностью разместить русские войска в Маньчжурии на неопределённое время. Н.И. Гродеков также хотел бы подчинить себе всех маньчжурских цзянь-цзюней для удобства командовать ими напрямую и без всякого участия Пекина⁷². Можно сказать, что они мечтали об аннексии Маньчжурии, но пока боялись произносить это слово вслух.

С.Ю. Витте, понимая опасность генеральских желаний, старался по мере возможности противодействовать им. Он считал недопустимым напрямую руководить китайскими губернаторами, вообще выступал против чрезвычайных мер, но ему пришлось признать: «Оккупация эта, несомненно, может затянуться на многие годы»⁷³. Несмотря на утверждение министра финансов, что «Россия Маньчжурию брать не предполагает»⁷⁴, он же почти одновременно заявлял: «Маньчжурию мы оставим лишь тогда, когда всё успокоится и все наши требования будут выполнены»⁷⁵. «Когда всё успокоится» – означало неопределённо долгий срок, так как конца китайской смуты ожидали не ранее, чем через десятилетия. Эти фразы С.Ю. Витте оставляют впечатление противоречивости и отсутствия у него ясной и чёткой позиции и в конце 1900 г.: противопоставить прямым решениям военных ему оказалось нечего. Однако министр финансов сохранял весьма значительное влияние на дальневосточные дела, поэтому в правилах русского правительственного надзора в Маньчжурии нашла отражение прежде всего его позиция: генералы получили право лишь «общего наблюдения», а не руководства действиями цзянь-цзюней и фудутунов, для чего при китайских чиновниках учреждались должности русских дипломатических агентов⁷⁶.

8.4. Договоры русских властей с цзянь-цзюнями

Можно предположить, что инициатором сепаратного соглашения России и Китая выступил не Петербург, а Пекин. Конечно, сделал он это не открыто, а подсказывая подобную идею русским дипломатам и эмиссарам вроде князя Э.Э. Ухтомского. Пекинские правители также опасались, что Россия в любой момент могла ввести собственную администрацию в Маньчжурии⁷⁷. Поэтому

---

⁷² Телеграмма Н.И. Гродекова А.Н. Куропаткину 10 октября 1900 г. // Там же. Д.763. Л.226 об. – 227 об.

⁷³ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину 25 октября 1900 г. // Там же. Л.228–232.

⁷⁴ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 23 ноября 1900 г. // Там же. Д.196. Л.30.

⁷⁵ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилкову 25 октября 1900 г. // Там же. Л.14.

⁷⁶ Правила русского правительственного надзора в Маньчжурии, утверждённые журналом Особого совещания 31 октября 1900 г. // Там же. Д.763. Л.233 об. – 235 об.

⁷⁷ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.127.

их очень тревожили контакты российских военных с местными китайскими чиновниками. Последние же оказались в самом сложном положении, обречённые на то, чтобы лавировать между желаниями русского командования и Пекином. Отношение цзянь-цзюней к боксёрам и русским нельзя назвать однозначным. Хэйлуңцзянский губернатор (с февраля 1900 г.) Шоу Шань, ненавидевший всё иностранное, ещё до начала восстания уже собирал вокруг себя силы для борьбы с русскими⁷⁸. Напротив, мукденский цзянь-цзюнь Цзен Ци был настроен дружелюбно, но как человек слабохарактерный, зависел от своего окружения, среди которого также имелись враги иноземцев. Наконец, ги́ринский губернатор Чан Шунь искренне желал добрососедства с Россией и во время боксёрского восстания проявил «особенно корректное отношение к русским»⁷⁹. Но вне зависимости от взглядов, всем им пришлось устанавливать отношения с русскими военными.

Контакты на местном уровне по частным вопросам начались в августе 1900 г. В сентябре 1900 г. Е.И. Алексеев и Н.И. Гродеков получили из Петербурга разрешение вступать в переговоры с цзянь-цзюнями⁸⁰. У местных китайских властей имелось очень мало возможностей для манёвра, поэтому они фактически действовали под диктовку российских военных. Они не могли даже поддерживать порядок на подведомственной им территории. Так, уже 21 октября 1900 г. мукденский цзянь-цзюнь направил депутацию к Е.И. Алексееву, прося содействия в умиротворении провинции на условиях вице-адмирала. Не удивительно, что российские должностные лица стремились использовать ситуацию, чтобы добиваться тех целей, которые они, по-видимому, ставили перед собой сами. М.Н. Гирс в декабре 1900 г. предлагал заключить с Китаем особое соглашение помимо переговоров в составе коалиции победителей с тем, чтобы гарантировать России концессии на разработку природных богатств в Северном Китае⁸¹. Впрочем, Е.И. Алексеев к этому времени уже ввёл в нескольких китайских городах русское военное управление, учредил должности военных комиссаров и т.д. То есть, он пошёл дальше присланных ему инструкций: вместо восстановления прежней

⁷⁸ Дацышен В.Г. Шоу Шань // Вопросы истории. 1998. №4. С.154–155. Потерпев полное поражение от русских войск в середине августа 1900 г., он покончил жизнь самоубийством.

⁷⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.91; Пролог... С.138. Чан Шунь с 1879 г. служил на сопредельных с Россией территориях – в Маньчжурии, в Синьцзяне. Ги́ринским цзянь-цзюнем он стал в 1899 г., на этой должности чиновник и умер в феврале 1904 г. (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.196).

⁸⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 11 сентября 1900 г. // Коростовец И.Я. Указ. соч. С.120.

⁸¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 5 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д. 196. Л.47–62; Д.868. Л.96–101.

администрации он начал замещать её русскими чиновниками, не имея желания возвратить власть китайцам⁸².

Кроме того, у местных управленцев была и другая причина стремиться к контактам с русскими – это поиск денег. С конца 1900 г. они обращались в Русско-Китайский банк за займами. Первым был, кажется, также мукденский цзянь-цзюнь, которому пообещали кредит в 200 тыс. лан⁸³. Но денег он так и не получил, поэтому в январе 1901 г. попросил о них снова, на сей раз – уже 300 тыс.⁸⁴ С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейн не отказали губернатору, но потребовали от него гарантий. 9 февраля 1901 г. министр финансов получил разрешение Николая II на выдачу 1 млн. руб. в виде займов мукденскому и гирынскому цзянь-цзюням под обеспечение доходами их провинций и с поручительством Пекина его долей в уставном капитале Русско-Китайского банка (5 млн. таэлей)⁸⁵. История с финансированием из русской казны местных китайских властей не имела развития: категорически против подобных просьб местных китайских администраторов выступил Ли Хунчжан (по его мнению, они проявляли чрезмерную самостоятельность от Пекина и попадали в зависимость от русских да ещё и делали долги, ответственность по которым в конечном счёте ложилась на правительство). Это не помешало гирынскому цзянь-цзюню запросить у Русско-Китайского банка 1100 тыс. лан. Он не без изрядной доли цинизма говорил русским: «если желаете управлять через моё посредство, то вы должны доставить мне и все необходимые для сего средства, в противном же случае я отказываюсь, вам придётся допустить дальнейшее господство нелюбимой управлением дороги солдатчины или же разыскать другое средство остаться негласными хозяевами Маньчжурии»⁸⁶.

Тут уже не выдержал рачительный А.Ю. Ротштейн: «нельзя давать займы каждому»⁸⁷. В итоге Министерство финансов ответило гирынскому и хэйлунцзянскому (также обратившемуся за деньгами) цзянь-цзюням, что хотело бы получить от них в качестве ответной любезности ряд концессий на имя банка или дороги для разработки золота, угля, леса и т.п. и вообще закрепить

⁸² Впервые тревогу у иностранцев вызвала публикация в «Амурской газете» от 4 августа 1900 г. правил управления Маньчжурией, принятых генерал-губернатором Амурской области Н.И. Гродековым. Они устанавливали там юрисдикцию российских чиновников без ограничения срока. Английский посол Ч. Хардинг расценил это как намерение не выводить русские войска с китайской территории (Ч. Хардинг – Р. Солсбери 1 октября 1900 г. // PRO FO. 65/1601. P.99).

⁸³ Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 8 декабря 1900 г.; А.Ю. Ротштейн – Д.Д. Покотиллову 8 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.883. Л.1, 2.

⁸⁴ И.Н. Протасьев – в Министерство финансов 8 января 1901 г. // Там же. Л.10.

⁸⁵ Там же. Л.89.

⁸⁶ А.Э. Дмитриев-Мамонов – А.Ю. Ротштейну 12 апреля 1901 г. // Там же. Д.868. Л.153 об.

⁸⁷ Д.Д. Покотиллов – А.Ю. Ротштейну 22 февраля 1901 г. // Там же. Л.107.

за Русско-Китайским банком право их первоочередного получения (кажется, это прозвучало впервые)⁸⁸. В дальнейшем С.Ю. Витте предполагал продать их предпринимателям и акционерным обществам, в том числе и иностранным⁸⁹. История завершилась предоставлением двух небольших займов мукденскому цзянь-цзюню⁹⁰, причём о выдаче второго, в 200 тыс. лан, просили князь Цин и Ли Хунчжан⁹¹.

Параллельно шли переговоры и заключались соглашения между местной китайской администрацией и российскими официальными лицами. Первое из них, состоявшее из 9 статей, было подписано И.Я. Коростовцом и посланцем мукденского цзянь-цзюня Чжоу Мынем 27 октября 1900 г.⁹² Для китайского губернатора самым важным было то, что власть в провинции возвращалась ему (и Пекин не мог не приветствовать этого). Но цзянь-цзюнь лишился права держать регулярную китайскую армию, в соглашении узаконивалось пребывание в Маньчжурии русских войск, а также существование русской администрации в отдельных городах (в частности, в Инкоу). Китайская администрация оказалась весьма ограничена в возможностях, тем не менее, на неё возложили ответственность за порядок и спокойствие на КВЖД. Коварство состояло ещё и в том, что в случае необходимости ей предписывалось обращаться за содействием к русским властям⁹³. Несмотря на то, что соглашение называлось временным, никакой даты прекращения его действия и срока вывода русских войск не устанавливалось, это не могло понравиться Пекину⁹⁴. Конечно, такой договор был в большей степени выгоден Е.И. Алексею: он узаконивал оккупацию Маньчжурии. Юридически текст оказался составлен очень грамотно: ни одна из держав не могла возразить против такого документа по существу. Не удивительно, что подписание этого соглашения вызвало бурю недоволь-

⁸⁸ И.П. Шипов – Д.Д. Покотилу 6 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.66. Л.153–154; Романов Б.А. Указ. соч. С.326–327.

⁸⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.379.

⁹⁰ До этого мукденский цзянь-цзюнь, по сведениям Ли Хунчжана, получил от банка 80 тыс. лан (Д.Д. Покотилу – А.И. Путилову 12 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.883. Л.91).

⁹¹ Обращение князя Цина и Ли Хунчжана в Русско-Китайский банк 25 февраля 1901 г. (русский перевод) // Там же. Д.868. Л.147.

⁹² 13 ноября 1900 г. в Синминтине это соглашение подписал сам цзянь-цзюнь (Симанский П.Н. Указ. соч. С.113–114). Не этот ли Чжоу Мян (Мынь?) был снят с должности управляющего золотыми приисками цзянь-цзюнем Хэйлуцзянской провинции Шоу Шанем за коррупцию? Позднее он возглавил лесопромышленную компанию КВЖД (Дацзышен В.Г. Шоу Шань // Вопросы истории. 1998. №4. С.154).

⁹³ Текст соглашения см: Симанский П.Н. Указ. соч. С.113–114; Романов Б.А. Указ. соч. С.267–268.

⁹⁴ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.126–130.

ства губернатором как в его окружении, так и в столице. Это лишало Пекин возможности столь любимых им манёвров⁹⁵. Ли Хунчжан вообще объявил, что начинается раздел империи. За подписание договора цзянь-цзюнь был отстранён от должности и вызван для суда над ним в Пекин. Лишь заступничество российского посланника спасло чиновника: его оставили на посту, строго предупредив, чтобы он не совершал более «глупых ошибок»⁹⁶. Аналогичное соглашение почти одновременно, но без скандала, Н.И. Гродеков заключил с гиринымским цзянь-цзюнем.

8.5. Первый вариант сепаратного соглашения

Словно придерживаясь определённого плана, в самом конце 1900 г. российское руководство, заключив соглашения с губернаторами, приступило к обсуждению контуров сепаратного договора с Пекином. Ещё в ноябре 1900 г., когда Ли Хунчжан пытался выведать у С.Ю. Витте требования России к Китаю, министр финансов ответил ему, что их обусловят требования «союзников»: «Сепаратный договор мы не можем заключить, не зная, что будут делать другие державы, ибо иначе свяжем себе руки»⁹⁷. С.Ю. Витте, вероятно, старался избежать таким образом ловушки, приготовленной для России Пекином, но он всё-таки выступал за продолжение тайных переговоров, полагая, что их главным предметом должна была стать судьба Маньчжурии. Показательно, что разработка проекта соглашения оказалась в руках С.Ю. Витте, а не Министерства иностранных дел, новый руководитель которого В.Н. Ламздорф занимал пассивную позицию относительно Дальнего Востока⁹⁸. В конце 1900 г. С.Ю. Витте поменял своё мнение, решив, что се-

---

⁹⁵ Впрочем, возможности эти оставались, просто Пекин их не заметил. Дело в том, что переговоры с китайской администрацией, к примеру, в той же Гиринской провинции пытались одновременно вести пять самостоятельных инстанций: командир 2-го Сибирского корпуса, военный комиссар, дипломатический агент, представители КВЖД и Русско-Китайского банка (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.119). Никакого согласования действий между ними не было, поэтому китайские власти при известной ловкости могли бы воспользоваться таким «многouverластием».

⁹⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 января 1901 г. // Там же. Д.868. Л.149; Симанский П.Н. Указ. соч. С.114–115.

⁹⁷ С.Ю. Витте – Э.Э. Ухтомскому 10 и 15 ноября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.22, 26.

⁹⁸ Финансовый агент Министерства финансов в Лондоне С.С. Татищев спросил у С.Ю. Витте: «Как можете Вы, Сергей Юльевич, идти рука об руку с таким бездарным человеком, как граф Ламздорф? – С нетерпением Витте его перебил: «Ламздорф – единственный министр, который меня не травит»» (Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С.372).

паратное соглашение с Китаем следует готовить вне прямой связи с требованием держав, после чего проект документа был составлен в Петербурге «в каких-нибудь десять дней»⁹⁹.

Сначала 5 декабря 1900 г. свои соображения высказал А.Н. Куропаткин. Он повторил своё прежнее суждение, что с военной точки зрения России не следует торопиться с выводом войск из Маньчжурии, так как предстояло ещё завершить строительство железной дороги до Порт-Артура и доделку КВЖД, а охранная стража не могла обеспечить безопасность дороги. Но и после завершения работ военный министр соглашался лишь сократить военное присутствие с более чем 60 до минимум 12 батальонов, полагая, что «наши военные интересы не будут обеспеченными, если мы не сохраним за собою права удержать в Маньчжурии на неопределённое время в поддержку к охранной страже силу в 8 батальонов с соответственным числом частей других родов войск». Идею присоединения Маньчжурии (всей или её части) к России А.Н. Куропаткин пока не выдвигал¹⁰⁰.

Мнение С.Ю. Витте существенно отличалось от предложений военного министра. Фактически они представляли собой не столько условия для побеждённой стороны, сколько новую программу действий России в Китае. Министр финансов уже не в первый раз признал, что интересы России в Китае «сосредоточены во всех почти пограничных его провинциях». Их сферу главный архитектор прежней китайской политики определил как находящуюся к северу от Великой китайской стены (то есть, область «железнодорожного влияния» России по соглашению с Англией 1899 г.) – Маньчжурия, Монголия, Илийский край и Кашгар. С.Ю. Витте также фактически отказался от прежнего метода действий в Китае – с помощью финансово-экономических инструментов, подчеркнув, что для защиты интересов России следует «устранить по возможности иностранное влияние». Он хотел, чтобы в северных пограничных провинциях Поднебесной иностранцы не получали концессий, а сам Китай не строил железных дорог. Однако как именно это сделать, министр финансов не уточнил. Проблема оказалась для него неразрешимой и в дальнейшем повлекла за собой много негативных последствий.

В дополнение этих условий С.Ю. Витте хотел получить концессию на строительство железной дороги от Пекина до Синминтина (севернее Шанхайгуаня) с веткой на Инкоу (то есть, почти параллельную английской дороге,

---

⁹⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.278.

¹⁰⁰ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 5 декабря 1900 г. и 2 января 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.42–43; Д.198. Л.2–4. С лета 1900 г. С.Ю. Витте начал увеличивать численность охранной стражи сначала с 5 до 7 тыс. человек, а затем до 11 и 16 тыс. Помимо стрелкового оружия ей придали артиллерию и даже бронепоезда (Пролог... С.110–111; Романов Б.А. Указ. соч. С.280).

уже построенной), либо её часть. В случае же отказа – более скромную концессию на дорогу от основной трассы КВЖД до Великой китайской стены по направлению к Пекину (об этом министр финансов говорил с 1897 г.)¹⁰¹. Трудно рационально объяснить это стремление. Возможно, это стало отголоском прежних планов С.Ю. Витте – доступ на рынки в Центральном Китае, от которых ему трудно было отказаться. Если кратко резюмировать предложения министра финансов, то надо признать, что его цели приняли более реалистичный характер, а методы переменились: от экономического соревнования он всё больше и больше склонялся к поиску преимуществ, закреплённых в специальных соглашениях, что исключало свободную конкуренцию.

Первый вариант сепаратного соглашения с Китаем, появившийся 13 декабря 1900 г.¹⁰², включил в себя «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии», дополненные соображениями С.Ю. Витте¹⁰³. Свои исправления внесли Николай II, пожелавший увеличить срок аренды Квантунского полуострова, и А.Н. Куропаткин, опять настаивавший на том, чтобы Россия «сохранила в неопределённой форме на неопределённое время» право держать войска в Маньчжурии¹⁰⁴. Министр финансов осторожно возразил царю, указав, что момент для реализации его предложения являлся неподходящим. С намерением же военного министра он категорически не согласился. С.Ю. Витте привёл два аргумента против: «едва ли есть повод ожидать скорого возникновения в Маньчжурии серьёзных общих беспорядков», русские же войска необходимы лишь до тех пор, «пока мы не завершим сооружение железной дороги». Министр финансов также не относился серьёзно к угрозе коммуникациям Порт-Артура в случае ухода из Маньчжурии русских войск¹⁰⁵. Это возражение военным выглядело уже явно надуманным. У него не нашлось убедительных контрдоводов против предложений А.Н. Куропаткина. В целом же сопротивление С.Ю. Витте демонстрировало не только реальные проблемы, связанные с присутствием русских войск на чужой территории, но и желание поскорее очистить свою дальневосточную «империю» от посторонних, в данном случае – военных. Впрочем, несмотря на явные расхождения между двумя министрами, у них существовала точка соприкосновения. С.Ю. Витте понимал, что охранять

¹⁰¹ Романов Б.А. Указ. соч. С.281.

¹⁰² Россия всё-таки дождалась предъявления Пекину коллективной ноты держав 9 (21) декабря 1900 г., через четыре дня Китай объявил, что её принял (Там же. С.261).

¹⁰³ Проект программы сепаратного соглашения с Китаем 13 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.109–110.

¹⁰⁴ Резолюция А.Н. Куропаткина на письме В.Н. Ламздорфа 21 декабря 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.283.

¹⁰⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 9 января 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.197. Л.53–56; Д.868. Л.126–129.

от посягательств русскую сферу влияния в Китае невозможно без использования вооружённой силы, хотя он пока надеялся преимущественно на соглашение с Пекином¹⁰⁶.

9 и 11 января 1901 г. С.Ю. Витте представил В.Н. Ламздорфу проекты двух документов: сепаратного соглашения с Китаем и договора между правлением КВЖД и китайским правительством. Сепаратное соглашение состояло из 16 статей. Пекину обещали восстановить в Маньчжурии китайскую власть и удалить оттуда русские войска. В ответ от Китая требовалось согласиться на ряд специальных мер по защите русских интересов в северных провинциях Поднебесной: не дислоцировать там части регулярной армии, установить беспошлинную торговлю для русских. В качестве компенсации за ущерб, нанесённый КВЖД боксёрским восстанием (это помимо соглашения России с Пекином в составе других держав – переговоры об этом продолжались в китайской столице), правительство брало на себя обязательство не выдавать иностранцам концессии в Маньчжурии без согласия Петербурга и передать некоторые из них дороге, в частности, на добычу золота, на заготовку леса в бассейне пограничной с Кореей реки Ялу, а также предоставить территорию в порту Инкоу. С.Ю. Витте включил в проект и своё условие – получение концессии на строительство железной дороги от основной трассы КВЖД к Пекину¹⁰⁷. Б.А. Романов справедливо усмотрел в проекте министра финансов прежде всего не восстановление «довоенного status quo», а желание «постепенного сокращения района оккупации и окончательного вывода из Маньчжурии – не русских сил вообще, а только – регулярных войск, состоявших в ведении русского военного министра»¹⁰⁸. То есть, условия сепаратного соглашения отражали также и интересы борьбы министров между собой за дальневосточные дела. Проект соглашения КВЖД с китайским правительством предусматривал расширение полосы отчуждения до 5 вёрст, предоставление управлению дороги не только лесных и золотодобывающих концессий, но и право на добычу угля¹⁰⁹.

А.Н. Куропаткин не принял предложения С.Ю. Витте и продолжал настаивать, что Маньчжурию пока не следует возвращать Пекину, можно лишь выразить «твёрдое намерение» сделать это, если правители Срединной империи исполнят подготовленное сепаратное соглашение¹¹⁰. Для преодоления

¹⁰⁶ Пролог... С.141–143.

¹⁰⁷ Проект сепаратного соглашения с Китаем, составленный в Министерстве финансов // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.197. Л.58–67; Д.868. Л.130–133; Романов Б.А. Указ. соч. С.285–290.

¹⁰⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.290–291.

¹⁰⁹ Перечень льгот, которые, с точки зрения Министерства финансов, было бы желательно выговорить у китайского правительства при предстоящих с ним переговорах // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.111–126; Д.868. Л.135–137.

¹¹⁰ Проект сепаратного соглашения с Китаем с исправлениями Военного министерства // Там же. Д.198. Л.9–12.

разногласий 28 января 1901 г. три министра – С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин – собрались по распоряжению Николая II в частном совещании. Им пришлось пойти на взаимные уступки. Поправка А.Н. Куропаткина была отклонена, сановники решили вернуть Маньчжурию Китаю и вывести оттуда русские войска, не обуславливая это заключением сепаратного соглашения. По сути это означало гибель самой идеи: после вывода войск Пекин терял заинтересованность в подписании отдельного договора с Россией, который бы включал существенные преференции для Петербурга. По настоянию В.Н. Ламздорфа в проекте соглашения смягчили требования в пользу Русско-Китайского банка и КВЖД, в частности, удалили статью о беспошлинной торговле. Интересы КВЖД и Русско-Китайского банка по-прежнему предполагалось защитить с помощью отдельного договора¹¹¹. Изменили и некоторые другие условия. Так, запрет Китаю содержать регулярные войска в Маньчжурии действовал только до вывода русских частей. Но основная конструкция соглашения осталась без изменений: в обмен на обещание удалить русские войска Пекин брал на себя обязательство не выдавать иностранцам концессий в Маньчжурии и Монголии без согласия Петербурга¹¹².

Совещание трёх министров наконец поставило точку в подготовке документа – министры нашли взаимоприемлемые формы, осталось только отредактировать текст и начать переговоры с Пекином. Проект сепаратного соглашения одобрил Николай II, и 3 февраля 1901 г. его немедленно передали китайскому посланнику в Петербурге Ян Ю, который 22 декабря 1900 г. получил все необходимые полномочия для ведения переговоров от китайского правительства¹¹³. Текст также послали Ли Хунчжану, для подкрепления сделанного Пекину предложения ему обещали 1 млн. руб. в случае подписания документа¹¹⁴. Внешне это произвело впечатление: китаец действительно боялся, что Россия может отказаться от своего решения вернуть Пекину Маньчжурию. В.Н. Ламздорф в связи с этим испытывал сдержанный оптимизм, надеясь, что соглашение будет вскоре заключено.

Однако к тому времени китайские правители успели избавиться от страха и растерянности, и двор уже принял превентивные меры: информация о сепаратных переговорах с Россией «утекла» в дипломатические миссии держав, чтобы умерить требования Петербурга. Впрочем, и до начала переговоров, 3 января 1901 г. в «Times» появилось сообщение о соглашении Е.И. Алексеева

---

¹¹¹ Проект сепаратного соглашения с Китаем, изменённый после частного совещания министров // Там же. Л.16–18; Романов Б.А. Указ. соч. С.296–299.

¹¹² Проект сепаратного соглашения с Китаем, составленный в Министерстве иностранных дел // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.197. Л.89–92; Д.868. Л.144–146.

¹¹³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.116.

¹¹⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.301.

с мукденским цзянь-цзюнем и излагалось (не вполне точно) его содержание¹¹⁵. В конце января 1901 г. слухи о ведущихся между Пекином и Петербургом переговорах о Маньчжурии уже широко циркулировали в Японии¹¹⁶. «Japan Mail» даже сообщила условия соглашения: возвращение власти в Маньчжурии китайской администрации с запретом иметь войска и сооружать укрепления, взамен местная администрация обязывалась помогать русским (кажется, эти условия газетчики заимствовали из соглашения, подписанного И.Я. Коростовцом и Цзен Ци – то есть, использовали сообщение «Times»)¹¹⁷. Ещё дальше пошёл «Shanghai Mercury», объявив 29 января 1901 г. о таком же соглашении, но как уже заключённом между Россией и Китаем¹¹⁸. Дальневосточная пресса вообще в те дни была переполнена различными вариантами соглашения между Петербургом и Пекином, содержащими как правдоподобные условия (о монополии России на строительство железных дорог в Маньчжурии и Монголии или о двух представителях России в каждой маньчжурской провинции) так и не очень (о передаче России железной дороги Шанхайгуань–Инкоу или об уплате Китаем дополнительно вознаграждения Петербургу за ущерб от боксёрского восстания). Но в целом весь этот поток информации всё-таки отражал содержание действительных требований России. Интересно, что по вопросу о концессиях, где Пекин пока уступал безоговорочно, внятных сведений в печати не оказалось (может быть, за исключением железных дорог).

Более точные сведения о русских условиях появились вскоре после того, как они официально были переданы китайцам. 26 февраля 1901 г. японская газета «Дзидзи-шимбо» объявила: Россия готова оставить Маньчжурию после её успокоения, на КВЖД останется охранная стража, китайские войска могут находиться в Маньчжурии только с согласия России, иностранными военными инструкторами в них могут быть исключительно русские офицеры, назначение и увольнение чиновников местной администрации – лишь с согласия России, в Цзиньчжоу вводится автономное управление, Петербургу предоставляется концессия на строительство железной дороги до Великой стены, ущерб, нанесённый восстанием боксёров КВЖД, возмещается ей передачей концессий¹¹⁹. Детальность и точность информации о русском предложении свидетельствуют, что японская газета пользовалась, несомненно, надёжными источниками информации. Не случайно, что эта публикация

---

¹¹⁵ Там же. С.295.

¹¹⁶ Симанский П.Н. Указ. соч. С.117.

¹¹⁷ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.253–254.

¹¹⁸ Там же. С.280–281.

¹¹⁹ Там же. С.322.

состоялась в Стране восходящего солнца – злейшем и главном враге России на Дальнем Востоке, как тогда казалось в Пекине.

Разумеется, информация о слухах быстро достигла российского руководства, В.Н. Ламздорф использовал это обстоятельство в качестве одного из аргументов, чтобы умерить требования к Китаю. В Пекине Ли Хунчжан рассказывал М.Н. Гирсу и Д.Д. Покотилову всякие небывлицы вроде тайного англо-германского соглашения для противодействия России в Маньчжурии¹²⁰ или коллективного (!) протеста против сепаратного русско-китайского соглашения посланников Англии, Германии, Японии и Австро-Венгрии¹²¹. Через несколько дней сановник, повторив информацию о коллективном протесте держав (на сей раз к ним был добавлен представитель США), одновременно заметил, что «находит весьма затруднительным» согласиться передать России все концессии в Монголии и Ганьсу (Западный Китай), не возражая пока против железной дороги к Пекину (но лишь до городской стены) и передачи КВЖД концессий и преимуществ в Маньчжурии в качестве платы за нанесённый дороге ущерб от восстания ихэтуаней¹²². Нетрудно заметить, что за три месяца до того, когда положение пекинского правительства казалось отчаянным, вопрос о концессиях в Монголии и Ганьсу не вызывал у Ли Хунчжана ни малейших затруднений. Российскому посланнику китаец также выразил недовольство статьями сепаратного соглашения, запрещавшими появление иностранных инструкторов в китайской армии, строительство Пекином железных дорог в северных приграничных провинциях и предоставление земли иностранцам, за исключением открытого для них ранее порта Нючжуан¹²³.

Тактика китайцев в переговорах с Россией стала совершенно очевидной: тянуть время, выпрашивать уступки, а в случае отказа – тут же предавать «конфиденциальные» переговоры огласке, надеясь на понимание и поддержку других держав. Здесь бы российской стороне следовало задуматься, может

¹²⁰ М.Н. Гирс – в МИД 31 января 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.171. Через неделю министр ответил дипломату, что получил из Берлина «самые категоричные опровержения» о подобном соглашении (В.Н. Ламздорф – М.Н. Гирсу 8 февраля 1901 г. // Там же. Л.168).

¹²¹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 9 февраля 1901 г. // Там же. Л.164. М.Н. Гирс сообщил в Петербург о якобы сделанном протесте от имени одного германского посланника (М.Н. Гирс – В.Н. Ламздорфу 8 февраля 1901 г. // Там же. Л.172). Возможно, в это же время С.Ю. Витте предлагал представителю Японии в Петербурге Сутэми размен Маньчжурии на Корею: в ответ на право иметь советников в королевстве в Токио признавали бы преимущественное положение России в Маньчжурии. Но японцы не отнеслись к предложению серьёзно (Романов Б.А. Указ. соч. С.316).

¹²² Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 12 и 14 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.52–54; Романов Б.А. Указ. соч. С.302.

¹²³ М.Н. Гирс – в МИД 12 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.42.

быть, взять паузу, чтобы тщательно оценить обстановку и принять решение, как действовать дальше, когда успех сепаратного соглашения становился в высшей степени сомнительным. Однако Николай II, внимательно следивший за ходом переговоров, оставил на телеграмме Д.Д. Покотилова резолюцию: «На происки иностранцев нам нечего обращать внимания»¹²⁴. Министр финансов разъяснил В.Н. Ламздорфу: «ближайшая практическая цель России состоит в недопущении иностранного влияния в Маньчжурии и в весьма важном во многих отношениях и богатых золотом местностях Кашгарского, Яркендского, Хатанского и Кэрийского округов»¹²⁵. То есть, он по-прежнему категорически настаивал на запрете Китаю выдавать горные концессии иностранцам. Здесь С.Ю. Витте получил полную поддержку А.Н. Куропаткина и с оговоркой – В.Н. Ламздорфа (предложившего сделать статью секретной)¹²⁶. Чтобы добиться этого, следовало заставить Пекин подписаться под ограничительными условиями. Пока же министр финансов продолжал давить на Ли Хунчжана, угрожая ему, что «если соглашение не будет подписано, то останется навеки существующее положение вещей, которое фактически равносильно присоединению к нам Маньчжурии»¹²⁷.

Решение С.Ю. Витте было крайне неудачным и опрометчивым. Ведь если бы Ли Хунчжан и захотел исполнить данное «указание», ему требовалось преодолеть сильнейшее сопротивление двора и большинства генерал-губернаторов, вообще не поддерживавших идею сепаратного договора с Россией. Если же министр финансов намеревался запугать китайское руководство, то ему следовало найти вариант, при котором Пекин не получил бы поддержку других держав, обратившись к ним за помощью при угрозе своей власти в Маньчжурии. Подобная комбинация требовала тщательной подготовки и предварительного обсуждения с многими заинтересованными сторонами. Ничего подобного российской дипломатия не предприняла.

Не удивительно, что в ответ на угрозы Россия немедленно столкнулась с крепнущим сопротивлением Пекина. Китайское руководство незамедлительно использовало один из своих излюбленных приёмов: с русскими условиями ознакомили представителей всех держав в Поднебесной¹²⁸. С.Ю. Витте же упорно продолжал «ставить» на Ли Хунчжана, вероятно, помятуя о его роли в соглашениях 1896 и 1898 гг. С.Ю. Витте просил китайца «оказать всё своё

¹²⁴ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 14 февраля 1901 г. с резолюцией Николая II // Там же. Оп.22. Д.211. Л.29.

¹²⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 17 февраля 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.198. Л.45–46.

¹²⁶ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 14 февраля 1901 г. // Там же. Л.55.

¹²⁷ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилеву 22 февраля 1901 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.33–33 об.

¹²⁸ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 21 февраля 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.195–196.

могущественное влияние к тому, чтобы Китай как можно скорее принял наши условия относительно Маньчжурии <...> Этим путём Китаю будет возвращена Маньчжурия, ныне по праву завоёванная [и] фактически нам принадлежащая. Всякая проволочка в принятии предложенных нами условий будет лишь укреплять существующее положение»¹²⁹. Тем не менее, к концу февраля 1901 г. терпение министра финансов истощилось, и по его просьбе Д.Д. Покотилов заявил Ли Хунчжану, что С.Ю. Витте сомневается в содействии китайца России¹³⁰. Разумеется, никакого эффекта и это обращение не возымело. Одновременно С.Ю. Витте решил, что России следует идти навстречу пожеланиям Ли Хунчжана (это была ещё одна большая ошибка), несмотря на оговорку, что «нам не следовало бы выражать особую уступчивость»¹³¹. 24 февраля 1901 г. по распоряжению царя совещание трёх министров пересмотрело проект сепаратного договора¹³². Участники согласились с возможностью приглашения иностранных военных инструкторов в китайскую армию и с присутствием её в Маньчжурии, а запрет на выдачу концессий иностранцам ограничились только Маньчжурией. Однако к оставшимся условиям сановники добавили ультиматум – подписать соглашение в двухнедельный срок¹³³.

8.6. Второй вариант сепаратного договора

Казалось бы, что на новых условиях соглашения следовало стоять твёрже, чем в предыдущем случае. Однако Петербург продолжал демонстрировать труднообъяснимую мягкость. Несмотря на заявление С.Ю. Витте («Никаких дальнейших изменений сделано не будет и что если в назначенный срок соглашение не будет подписано, то мы будем считать себя в дальнейших действиях совершенно свободными»)¹³⁴, Россия сразу же приняла поправки, предложенные Ли Хунчжаном. Конечно, они оказались мелкими, но для китайца явились важным сигналом: Россия и дальше будет отступать, поэтому переговоры надо затягивать, одновременно выторговывая всё новые и новые уступки. Петербург попался на эту удочку. Ли Хунчжан изобразил удовлетворение как новой редакцией соглашения (требования России «вполне справедливые», их также

¹²⁹ Телеграмма С.Ю. Витте Д.Д. Покотилу 10 февраля 1901 г., одобренная Николаем II // Там же. Оп.22. Д.211. Л.23. Она была предварительно обсуждена с В.Н. Ламздорфом, согласившимся с тем, что эвакуация Маньчжурии без всяких условий невозможна (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 10 февраля 1901 г. // Там же. Л.21).

¹³⁰ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 1 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.210–211.

¹³¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 февраля 1901 г. // Там же. Д.198. Л.63–65.

¹³² Симанский П.Н. Указ. соч. С.120–121; Пролог... С.146.

¹³³ Исправленный проект сепаратного соглашения с Китаем // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.77–79; Романов Б.А. Указ. соч. С.303.

¹³⁴ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 25 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.35; Симанский П.Н. Указ. соч. С.122.

одобрил князь Цин), так и обещанной взяткой¹³⁵. Николай II уже предположил, что «через две недели мы покончим с этим делом»¹³⁶. Не тут-то было! Несмотря на то, что 27 февраля 1901 г. китайский посланник в Петербурге Ян Ю получил новый текст российских предложений с ультиматумом – подписать его в двухнедельный срок¹³⁷, двор в Сианьфу, совершенно не испугавшись, отправил дипломату крайне неопределённые инструкции¹³⁸, а затем, 11 марта 1901 г., прямо распорядился – соглашение не подписывать¹³⁹. Ещё до этого, 28 февраля, появился указ богдыхана, в котором открыто говорилось о сепаратных переговорах и о необходимости исправить русский проект.

В поддержку своей позиции правители Поднебесной опять мобилизовали прессу. Со 2 марта 1901 г. в японской печати пошла волна сообщений из Пекина о заключении русско-китайского договора из 12 пунктов. В них весьма точно излагалось содержание русского проекта, причём впервые огласку получила статья о запрете Китаю предоставлять концессии иностранцам в Маньчжурии, Монголии и китайском Туркестане, а также то, что категорически против этого условия выступили генерал-губернаторы южных провинций империи (что означало явный удар по Ли Хунчжану)¹⁴⁰. Господствующее настроение в Японии выразила «Japan Weekly Mail» 9 марта 1901 г.: если это правда, «то, конечно, этим создаётся положение, невозможное для остальных держав»¹⁴¹. Такого вывода и добивался Пекин. Но в тоне японской прессы в тот момент доминировала растерянность, а не решительность. Правда, вскоре она спровоцировала военную тревогу – в апреле 1901 г. в Стране восходящего солнца всерьёз заговорили о возможной войне с Россией¹⁴². Это немедленно обернулось глубоким банковским кризисом: 16 апреля 1901 г. два банка объявили о приостановке платежей, а 18 апреля пошла цепная реакция. Завершилась она падением кабинета Х. Ито 2 мая 1901 г.¹⁴³ Японские власти сделали и другие выводы: весной 1901 г. Токио выступил с инициативой союза с Англией (до этого англичане опасались усиления японского влияния в Китае, в чём неоднократно искали понимания в Петербурге, правда, без успеха).

¹³⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 4 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.217.

¹³⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 25 февраля 1901 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.40–41.

¹³⁷ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 28 февраля 1901 г. // Там же. Л.43.

¹³⁸ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 11 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.228.

¹³⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 11 марта 1901 г. // Там же. Л.230.

¹⁴⁰ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.423–424.

¹⁴¹ Там же. С.439.

¹⁴² Там же. С.498.

¹⁴³ Там же. С.544–545.

В российских кругах решение Пекина 11 марта не подписывать соглашение вызвало некоторую растерянность. Д.Д. Покотилов пытался объяснить твёрдость китайцев японским влиянием: Токио обещал содействовать удалению России из Маньчжурии. Кроме того, представители Англии и Японии сильно давили в Пекине на правительство, требуя отклонить договор¹⁴⁴. Вспомнили также, что Ли Хунчжан столкнулся с сильной оппозицией «придворной партии» и китайских дипломатов в европейских столицах¹⁴⁵. В ответ Д.Д. Покотилов предлагал жёсткие действия: «На двор в Сианьфу можно, очевидно, влиять лишь такими мерами как высылка Ян Ю из Петербурга и немедленным отрешением от должностей всех цзянь-цзюней в Маньчжурии с восстановлением нашего военного управления»¹⁴⁶. Однако Николай II на это лишь меланхолично заметил: «Очевидно, на дальнейшие уступки нам идти нельзя»¹⁴⁷. Царь решил, что после отказа Пекина подписать соглашение Россия получила «полную свободу действий»¹⁴⁸. Это была иллюзия. Петербург терпел поражение в любом случае. У него имелся лишь один разумный выход – прервать переговоры и выводить войска, не настаивая ни на каких особых условиях. Это хотя бы не связывало Россию и не усложняло проблему. Требовать заключения сепаратного соглашения с монополией на концессии с самого начала было нереалистично. Любые меры, клонившиеся к «закрытию» Маньчжурии для всех, кроме русских, гарантировали немедленный и единодушный протест держав (за исключением Франции). Втянувшись в сепаратные переговоры, Россия, несомненно, угодила в ловушку, подготовленную китайцами.

С.Ю. Витте, игравший в этой истории главную роль, и после этого не сделал должных выводов относительно политики Петербурга. В марте 1901 г. он продолжал пугать Ли Хунчжана: «Китай ведёт с нами опасную игру. <...> Всякому терпению есть предел», и если в течение нескольких дней китайский посланник не подпишет договор, Россия пересмотрит «доброжелательные отношения к Китаю» и начнёт действовать «в самом непримиримом направлении»¹⁴⁹. Пекин подобные угрозы уже совершенно не смущали. Чтобы охладить пыл Петербурга, китайское руководство немедленно известило о своём решении

¹⁴⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С.122–129.

¹⁴⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 28 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.44–45. Позднее Д.Д. Покотилов перечислил основных противников соглашения с Россией: член Государственного совета Лу Чуанли, хучунский генерал-губернатор Чжан Чжидун, его нанкинский коллега Лю Кун-и (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 марта 1902 г. // Там же. Л.88 об.).

¹⁴⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 11 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.14. Л.117.

¹⁴⁷ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 8 марта 1901 г. // Там же. Д.198. Л.103.

¹⁴⁸ Резолюция Николая II на телеграмме Д.Д. Покотилова С.Ю. Витте 10 марта 1901 г. // Там же. Л.227.

¹⁴⁹ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 13 марта 1901 г. // Там же. Д.199. Л.6.

отклонить проект сепаратного договора Лондон и Токио, небезосновательно рассчитывая там на поддержку¹⁵⁰. 12 (25) марта 1901 г. В.Н. Ламздорф услышал предостережение от японского посланника относительно русско-китайского соглашения, в котором нарушаются права других держав. Понимание пришло и из Вашингтона: США как раз в те дни в очередной раз потребовали соблюдения принципа «открытых дверей» в Китае¹⁵¹. Только после этого Николай II принял решение окончательно отказаться от идеи сепаратного соглашения, заключив, что «Россия от этого ничего не потеряет»¹⁵².

21 марта 1901 г. МИД разослал российским представителям за рубежом инструкцию, гласившую, что Петербург окончательно отказался от заключения с Китаем специального соглашения о выводе русских войск из Маньчжурии¹⁵³. 23 марта 1901 г. «Правительственный вестник» начал

---

¹⁵⁰ Симанский П.Н. Указ. соч. С.132. Однако поддержка Китая со стороны Лондона и Токио носила весьма умеренный характер. Корреспондент газеты «Токио-асахи» сообщал из Пекина, что князь Цин, посетив с русским проектом несколько дипломатических миссий, не смог заручиться обнадеживающими, обещаниями, «что бы придало ему храбрости и решительности, необходимых, чтобы совершенно отвергнуть требования России» (Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института»). 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.473). Причина этого крылась, вероятно, в том, что соперники России были пока разобщены, а Англия к тому же серьёзно связана войной в Южной Африке.

¹⁵¹ Пролог... С.153–162 (это пересказ содержания английской «Синей книги»); Романов Б.А. Указ. соч. С.303–312. Может быть, Б.А. Романов несколько преувеличил значение разговоров и зондажа почвы, но общая тенденция несомненна. Собственно политикой «открытых дверей» (она, кстати, английского происхождения) называют действия Вашингтона, начиная с циркуляра государственного секретаря Дж. Хэя 6 сентября 1899 г., в котором требовались равные возможности для всех держав в Китае. К этому циркуляру быстро присоединились (то есть, приняли принцип) большинство великих держав: 29 сентября 1899 г. – Англия, 16 декабря – Франция, 18 декабря – Россия, 26 декабря – Япония, 7 января 1900 г. – Италия, 17 февраля 1900 г. – Германия. Показательно, что Россия также поддержала декларацию, и всё это произошло до начала боксёрского восстания 1900 г. Присоединению предшествовало довольно бурное обсуждение циркуляра Дж. Хэя в российском руководстве. С.Ю. Витте не соглашался с предложением США, чтобы все державы в Китае пользовались одинаковыми таможенными тарифами. На телеграмме А.П. Кассини из Вашингтона 10 декабря 1899 г. он оставил резолюцию: «"Да" на нашей дороге по отношению всех иностранных товаров, но не наших» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.285). М.Н. Муравьёв пробовал увещевать С.Ю. Витте, что России невозможно идти наперекор «общественному мнению» большинства держав (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 10 декабря 1899 г. // Там же. Л.281), но министр финансов остался непреклонен. Соглашаясь ввести в Даляньване порто-франко, он категорически отказывался установить равные тарифы для всех товаров на КВЖД (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 14 декабря 1899 г. // Там же. Л.286–288).

¹⁵² В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 18 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.199. Л.16; Симанский П.Н. Указ. соч. С.134; Романов Б.А. Указ. соч. С.303.

¹⁵³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.199. Л.26; Пролог... С.162–163.

публиковать пространное сообщение, в котором была представлена точка зрения России на события в Китае с 1900 г. с целью оправдать собственную политику¹⁵⁴. Но какие-то решения относительно дальнейшего образа действий в Северном Китае всё равно следовало принять. Свой рецепт предложил главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев. Он заключил, что спокойствие в Маньчжурии могло быть достигнуто «лишь при постоянной оккупации страны войсками, расположенными гарнизонами в крупных центрах». Международные протесты адмирал отметал. По его мнению, не протестуя против концессии на КВЖД, державы «тем самым признали наше право защищать эту дорогу наиболее подходящими для нас средствами». Единственное возражение Е.И. Алексеев предвидел со стороны Японии. Удовлетворить Токио он предполагал «на почве корейского вопроса», выговорив себе в ответ «полную свободу действий в Маньчжурии хотя бы путём уступок и временных компромиссов»¹⁵⁵. Разумеется, такое рассуждение являло собой чистейший дилетантизм, так как любая «свобода действий» России в Маньчжурии была полной иллюзией – на неё не согласилось бы большинство держав. В целом же активность Е.И. Алексеева свидетельствовала, что среди русских чиновников на Дальнем Востоке доминировали весьма агрессивные настроения. Правда Петербург с ними мало считался.

Со своей стороны, в Пекине также понимали, что с Россией надо договориться о Маньчжурии, но там отложили эту непростую тему до завершения переговоров с представителями всех держав об общем размере и порядке выплаты компенсаций иностранцам, пострадавшим в ходе боксёрского восстания¹⁵⁶. В этом решении проявился ещё один важный аспект переговоров – отсутствие единства в китайском руководстве в отношении России. Южные кланы всё активнее выступали против всякого сепаратного соглашения с Петербургом и, соответственно, против Ли Хунчжана. Лю Кун-и и Юань Шикай уверяли двор, что ему следует вернуться в Пекин и что никакой войны с Россией из-за отклонения договора не будет¹⁵⁷. Падение влияния Ли Хунчжана явственно проявилось в создании в Пекине в мае 1901 г. «Совета реформ» из шести членов. Не менее половины из них проявили себя как активные и энергичные антизападники. На их фоне Ли

¹⁵⁴ Пролог... С.163–170.

¹⁵⁵ Е.И. Алексеев – А.Н. Куропаткину 6 марта 1901 г. (копия) // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.1–8.

¹⁵⁶ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 24 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.139.

¹⁵⁷ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.478.

Хунчжан выглядел слабохарактерным деятелем минувшей эпохи¹⁵⁸. Его время стремительно уходило в прошлое, на смену появились молодые и решительные политики, в глазах которых престарелый сановник не имел достаточного авторитета.

На такой, совсем не мажорной для Петербурга ноте завершился первый период переговоров о заключении сепаратного соглашения с Пекином (декабрь 1900 – март 1901 гг.). Российскому руководству пришлось проделать путь от иллюзии лёгкого закрепления за собой всего Северного Китая как сферы исключительного экономического господства до полного разочарования и понимания того, что и там России придётся столкнуться со своими конкурентами, которые были ещё и экономически значительно сильнее. Конечно, нельзя не признать, что китайцы повели себя в трудной ситуации весьма грамотно. Но они ведь не продемонстрировали ничего оригинального, приём сталкивать лбами потенциальных захватчиков уже неоднократно использовался Пекином. Вдвойне странно, что на эту удочку так легко попался С.Ю. Витте, который не мог не понимать, что конкуренты России на Дальнем Востоке не позволят ему с лёгкостью удалить их оттуда. И тем не менее, министр финансов не устоял перед соблазном решить задачи доминирования в Северном Китае совсем не экономическими методами. Многие за границей подчёркивали связь между действиями С.Ю. Витте в Китае и общей экономической ситуацией в России. Так, корреспондент «Times» 2 (15) марта 1901 г. сообщал из Вены, что России придётся идти на уступки в Китае из-за неудовлетворительного положения внутренних дел и финансовых проблем, так как Петербургу не удалось заключить очередной заём ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке¹⁵⁹.

По большому счёту стремление С.Ю. Витте подкрепить договорными преимуществами желание экономически доминировать в Маньчжурии недвусмысленно свидетельствовало: министр финансов отдавал себе отчёт в том, что он не имел возможностей добиться этого иным путём. Все прежние рассуждения о том, что Китай должен быть «наш» в смысле экономическом оказались не более чем мечтами. Своевременное признание их невоплотимости позволило бы избежать большого числа ошибок. К сожалению, этого не произошло. С.Ю. Витте лишь ограничил размах своей активности Северным Китаем и перестал делать ставку на экономическую экспансию, так как у него не имелось достаточно денег. Министр финансов также был готов отказаться в случае необходимости от всего, кроме КВЖД.

8.7. Местные китайские власти и выдача концессий

Одновременно с общими переговорами двух правительств в начале 1901 г. активно продолжались контакты на более низком, местном уровне,

¹⁵⁸ Там же. С.596–597.

¹⁵⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.94.

между губернаторами и российскими официальными лицами, в основном вокруг концессий. С.Ю. Витте относился к этому с подчёркнутой прохладцей. От лица его «империи» действовали Д.Д. Покотилов (Русско-Китайский банк) и А.И. Югович (КВЖД), придерживавшиеся разной тактики. Если Д.Д. Покотилов предпочитал использовать подставных лиц и интересовался в основном золотыми месторождениями, то А.И. Югович работал на дорожку, подыскивая концессии, необходимые для её функционирования (уголь, лес). Однако общий размах их деятельности оказался небольшим: банк присматривал себе девять концессий, а дорожка – всего одну (уголь в Мукденской провинции).

Наибольшую активность в добыче концессий проявляли не агенты Министерства финансов, а дипломаты и военные. Так, в Гиринской провинции переговоры вёл представитель МИД В.Ф. Люба. Он добился многого, особенно в укреплении позиций Русско-Китайского банка. В начале 1901 г. В.Ф. Люба ходатайствовал об открытии гиринского монетного двора под контролем агентов банка. В провинции оживилась финансовая деятельность, возобновился обмен русских денег на китайские, причём местные торговцы принимали, как раньше, российские кредитные билеты¹⁶⁰. Правда, В.Ф. Люба опасался монополии банка: он полагал, что это могло бы привести к устранению частных предпринимателей¹⁶¹. Его сомнения лишь усилила просьба китайской администрации о займе в 1 млн. лан. Но С.Ю. Витте разрешил выдать лишь 500 тыс. лан и исключительно на выкуп оружия у распущенной китайской армии¹⁶². 2 марта 1901 г. гиринский цзянь-цзюнь подписал с В.Ф. Любой предварительное соглашение о золотых приисках, которое, правда, ещё следовало утвердить в Пекине¹⁶³. В нём китайский губернатор признавал преимущественное право Русско-Китайского банка на получение всех концессий в провинции и обязался предоставлять права на их разработку только русским и китайцам за плату в 15% от валовой добычи¹⁶⁴. Однако вскоре выяснилось, что китайские власти не соблюдают соглашение и выражают явное стремление освободиться от обязательств по отношению к русским предпринимателям,

¹⁶⁰ Телеграмма В.Ф. Любы И.Я. Коростовцу 3 января 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.1–2.

¹⁶¹ Телеграмма В.Ф. Любы Е.И. Алексееву 20 февраля 1901 г. // Там же. Л.5; Романов Б.А. Указ. соч. С.371.

¹⁶² В.Ф. Люба – Е.И. Алексееву 24 февраля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.6–7.

¹⁶³ Оно было подтверждено богдыханом летом 1901 г. (В.Ф. Люба – в МИД 3 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.775. Л.112).

¹⁶⁴ Предварительное соглашение между В.Ф. Любой и гириным цзянь-цзюнем о предоставлении русским подданным права на разведку и разработку приисков и копей в Гиринской провинции 2 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.27–28.

чтобы передать их права китайцам. В ответ Русско-Китайский банк стал подыскивать подставных лиц, но дело шло, по признанию Д.Д. Покотилова, туго, банк в этом не преуспел¹⁶⁵.

Такой же договор В.Ф. Люба планировал заключить с хэйлунцзянским цзянь-цзюнем, несмотря на сильное недовольство Ли Хунчжана, который обуславливал подобные действия наличием общего соглашения между Пекином и Петербургом¹⁶⁶. Интересно, что в тот момент в унисон с Ли Хунчжаном в этом вопросе действовал С.Ю. Витте. Министр финансов настаивал на запрете золоторазведочных работ в Маньчжурии под предлогом, что присутствие охраны из солдат создавало почву для конфликтов. По его мнению, следовало сначала договориться о судьбе Маньчжурии в целом¹⁶⁷. Реально он скорее всего опасался, что не сможет контролировать золотопромышленность в Северном Китае.

Тем не менее, Н.И. Гродеков разрешил вооружать рабочих разведовательных партий¹⁶⁸, а чиновник Министерства иностранных дел Н.Н. Кротков сделал то, что не удалось В.Ф. Любе – заключил предварительное соглашение с хэйлунцзянским цзянь-цзюнем о золотых разработках. Этот договор отличался от того, который подписал В.Ф. Люба в Гирине. Самое главное – в нём не настаивалось на выдаче прав на разведку и разработку месторождений только русским или китайцам, не было также пункта об обязательном предоставлении концессий через Русско-Китайский банк¹⁶⁹. Несмотря на такие условия, Ли Хунчжан злобно брюзжал по поводу этого документа и обвинял Н.Н. Кроткова в подкупе цзянь-цзюня и его окружения, «которым прямо и открыто отведён известный доход» с золотых приисков¹⁷⁰. Понятно, что опротестовать такое соглашение, апеллируя к иностранцам, было бы затруднительно; показательно, что Пекин не признал его.

В Мукденской провинции цзянь-цзюнь Цзен Ци после скандала 1900 г. опасался любых договорённостей и избегал контактов. Представитель Русско-

¹⁶⁵ Отчёт Д.Д. Покотилова о деятельности агентов Русско-Китайского банка по приобретению концессий на эксплуатацию горных богатств в Маньчжурии 9 июля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.99 об.

¹⁶⁶ В.Ф. Люба – М.Н. Гирсу 26 апреля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.34–35. В негативном отношении Ли Хунчжана к возможному договору могли сказаться и личные интересы китайского сановника, так как большинство известных месторождений Хэйлунцзянской провинции принадлежали лично ему.

¹⁶⁷ Резолюция С.Ю. Витте на письме В.Н. Ламздорфа 8 июня 1901 г. и его ответное письмо 13 июня 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.775. Л.82, 89.

¹⁶⁸ В.Ф. Люба – в МИД 9 июня 1901 г. // Там же. Л.95.

¹⁶⁹ Предварительное соглашение хэйлунцзянского цзянь-цзюня с Н.Н. Кротковым о разведке и разработке русскими золота 10 июля 1901 г. // Там же. Л.144–147.

¹⁷⁰ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 19 октября 1901 г. // Там же. Д.776. Л.19.

Китайского банка в Мукдене И.А. Незабытовский из-за этого действовал в основном через подставных лиц и ему удалось добыть 14 разрешений на золоторазведку. В мае 1902 г. цзянь-цзюнь получил, наконец, подтверждение своих полномочий из Пекина и приступил к выдаче концессий. Делал он это без всякого нажима, так как с помощью их отчитывался перед центральным правительством: концессии приносили рабочие места, заработок населению и в этом отношении приветствовались властью. Одновременно он не забывал и свои интересы: за каждую концессию на его личный счёт в одном из китайских банков переводилось 5–10 тыс. лан¹⁷¹.

Ситуация в Мукденской провинции была типичной для всей Маньчжурии: местная администрация, хотя и казалась податливее, чем пекинские власти, тем не менее, также не спешила передать русским все возможные права, желая получить за это деньги. Д.Д. Покотилов отмечал «нежелание цзянь-цзюней предоставлять обширные концессии в целых округах», они требовали точной локализации местности и вида полезного ископаемого. Но чтобы придерживаться таких условий, Русско-Китайский банк не располагал необходимыми возможностями для концентрации значительного числа небольших концессий в своих руках¹⁷². Кроме того, курс на заключение отдельных соглашений с представителями местной администрации, в которых провозглашались не только экономические преимущества русских, но и ограничения в действиях китайских властей, вызывал ассоциации с установлением протектората «де факто»¹⁷³.

Для большего успеха «русского дела», по мнению некоторых лиц, следовало бы допустить к концессиям в Маньчжурии не только тех, кто считался «солидными» предпринимателями, а всех желающих, пусть и с сомнительной репутацией. Именно такое решение предложил А.Н. Куропаткин, его поддержали Н.И. Гродеков и В.Ф. Люба¹⁷⁴. Тем более, что российские старатели и без всяких разрешений хлынули в Маньчжурию, и на китайских золотых месторождениях появилось множество явочных столбов с русскими фамилиями¹⁷⁵. Однако министр финансов отказался поддержать подобные действия. Будущее показало, что он по большому счёту не ошибся: надежда на русскую золотую лихорадку оказалась напрасной. Через год тот же В.Ф. Люба констатировал полную неудачу русских золотодобытчиков. К 1902 г. им уда-

¹⁷¹ Отчёт Д.Д. Покотилова о деятельности агентов Русско-Китайского банка по приобретению концессий на эксплуатацию горных богатств в Маньчжурии. 9 июля 1902 г. // Там же. Д.207. Л.96–100.

¹⁷² Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 8 мая 1902 г. // Там же. Д.16. Л.2.

¹⁷³ Романов Б.А. Указ. соч. С.295; Quested R.K.I. Op. cit. P.69–88.

¹⁷⁴ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 9 июня 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.776. Л.98.

¹⁷⁵ В.Ф. Люба – в МИД 4 июня 1902 г. // Там же. Д.775. Л.91.

лось получить 11 официальных разрешений на ведение золотодобычи (6 – в Хэйлунцзянской провинции, 5 – в Гиринской)¹⁷⁶. Наиболее крупные из них – Н.В. Асташев, получивший концессию на разработку золота ещё в 1899 г.¹⁷⁷, Российское золотопромышленное общество и Верхне-Амурская компания – вели себя крайне пассивно и медлительно. Китайцы ожидали от них бурной деятельности, значительных вложений, что дало бы заработки для местного населения и пополнило казну. «На деле оказалось: мелочничество и грошовая экономия на миллионном деле, требующем единовременно крупных затрат, бездеятельность и стремление оттянуть время разведок на возможно долгий срок». Следствием этого стало недовольство русскими местными властями и «вызывающе-озлобленное отношение китайцев»¹⁷⁸.

Круг опять замкнулся: и на местном уровне использование договоров для закрепления за собой концессий оказалось недостаточно эффективным. Общее число концессий, которые попали в руки Русско-Китайского банка, составило примерно полтора десятка, они не сыграли важной роли в укреплении русских позиций в Маньчжурии. Да и Пекин нашёл противоядие таким действиям: в 1902 г. Китай принял новые горные правила, существенно затруднившие добычу минеральных богатств иностранцами. Выдача концессий была изъята из ведения местных властей и сосредоточена в столице в Министерстве иностранных дел (Вай-ву-бу)¹⁷⁹. Получатель концессии не имел права перепродавать её без согласия ведомства, устанавливался универсальный сбор за использование недр: уголь – 5%, нефть и металлы – 10%, золото, серебро, цинк и ртуть – 15%, драгоценные камни – 25%. В случае вывоза добытого за границу предприниматель оплачивал ещё и таможенный сбор. И такое разрешение выдвалось сроком всего на один год¹⁸⁰. Вдобавок к этому Пекин в 1901–1902 гг. принял решение активизировать китайскую колонизацию Маньчжурии¹⁸¹. Китайское переселение начало захватывать и русские области на Дальнем Востоке, создав почву для заявлений о растущей «жёлтой опасности», немедленно связанной со строительством КВЖД и освоением Маньчжурии¹⁸². Получалось, что С.Ю. Витте своей неудачной политикой не только не добился положительных результатов, но и создал угрозы собственно русским территориям.

---

¹⁷⁶ Там же. Л.168 об.

¹⁷⁷ Пояснительная записка Н.В. Асташева к его прошению на имя министра финансов 4 августа 1900 г. // Там же. Л.5–7.

¹⁷⁸ В.Ф. Люба – в МИД 28 марта 1902 г. // Там же. Д.776. Л.78–82.

¹⁷⁹ Вай-ву-бу было учреждено вместо цзун-ли-ямыня (коллегии по иностранным делам) 24 июля 1901 г.

¹⁸⁰ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 23 марта 1902 г. // Там же. Д.15. Л.285–290.

¹⁸¹ Добролюбовский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин, 1906; Болобан А.П. Земледелие и хлебопромышленность в Северной Маньчжурии. Харбин, 1909 и др.

¹⁸² Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912 и др.

8.8. *Общее соглашение держав с Китаем и Россия*

Возвращаясь к истории сепаратного соглашения, надо отметить, что более успешно, чем русско-китайские, продвигались общие переговоры держав-победительниц с Пекином. В их основе лежал французский проект, развёрнутый из трёх условий, которые предложил Петербург: запрет на ввоз оружия в Китай, наказание виновных в гибели иностранцев, материальная компенсация нанесённого ущерба. Действия Парижа и Петербурга координировались особым документом, по которому союзники в Европе обязались помогать друг другу и не требовать от Пекина многого. Французские предложения из 12 статей, принятые другими державами, были предъявлены Пекину 11 (24) декабря 1900 г.¹⁸³ Сначала оживлённую дискуссию вызвал вопрос о наказании виновных, сопричастных к боксёрскому восстанию. Россия здесь проявила подчёркнутую умеренность, Николай II заметил: «Европа уже без того достаточно напилась китайской кровью, и обойдётся тут без нашего участия»¹⁸⁴. Наверное, здесь присутствовал и расчёт на то, что Пекин учтёт мнение Петербурга в ходе сепаратных переговоров. Но этого не случилось. Поэтому при обсуждении размера и условий выплаты контрибуции за ущерб от боксёрского восстания Россия повела себя совсем иначе.

Сначала власть допускала возможность отказаться от денег в случае успеха сепаратного соглашения. Когда же оно застопорилось, Петербург решил действовать заодно со всеми, чтобы получить свою долю, а также «именно с целью остудить их слишком широкие притязания»¹⁸⁵. Ещё в марте 1901 г. российское руководство начало обсуждать как размер, так и способ получения контрибуции с Китая. Притязания российской стороны быстро росли. Они вращались в основном вокруг ущерба, нанесённого восстанием строящейся КВЖД. Её разрушения действительно впечатляли: боксёры и местное население (а ещё в большей степени – местная китайская администрация) уничтожили не менее 500 (а по некоторым данным – 1000) вёрст железнодорожного полотна, преимущественно в Южной Маньчжурии, нередко вместе с насыпью. В подсчёте убытков Петербург указал правлению дороги не стесняться. Поэтому А.И. Югович исчислил потерянное в 35,19 млн. руб., включив в эту сумму всё, что пришло в голову: 850 тыс. руб., по его мнению, следовало взыскать с Китая за эпидемию чумы (её тоже принесли боксёры?), ещё 13,2 млн. руб. – на военную защиту КВЖД, что было связано с восстанием лишь косвенно. Несмотря на то, что министр финансов признал эти две статьи ущерба некорректными, он увеличил общий размер потерь без всяких на то основа-

¹⁸³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.47–52.

¹⁸⁴ Цит. по: Там же. С.62.

¹⁸⁵ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Вите 23 мая 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.188. Л.1–2.

ний до 45–50 млн. руб.¹⁸⁶ Однако это оказалось только начало. Идея калькуляции действительного ущерба была отвергнута как порочная, так как она не давала возможности выставить к уплате по настоящему крупную сумму. Для исчисления суммы претензий использовали другой принцип – затратный. Стоимость сооружения всего пути была определена в 118 млн. руб., повстанцы уничтожили, по оценке министерства, 2/3 его (хотя даже 1000 вёрст – это ближе к 1/3), т.е., на 75 млн. руб. К этому добавили ещё некоторые другие расходы (пособия и проч.), вышло 114 млн. руб. Однако полученная таким способом цифра даже в Министерстве финансов показалась чрезмерной. В итоге её решили сократить до 70 млн. руб., не поминая чуму и охранную стражу магистрالی¹⁸⁷.

В мае 1901 г. Министерство финансов представило расчёт компенсации с Китая на общую сумму 176 млн. руб., что казалось С.Ю. Витте «гораздо ниже действительно нанесённого ущерба – меньшем размере сравнительно с требованиями других держав»¹⁸⁸. Для обеспечения выплат предлагалось использовать любые доходы китайской казны (налоги, таможенные платежи и т.п.), но ни в коем случае не вводить новых сборов¹⁸⁹. Министр финансов ставил перед собой непростую задачу. С одной стороны, он намеревался получить с Поднебесной значительную сумму. С другой, С.Ю. Витте полагал возможным избежать повышения налогов и прежде всего, ввозных пошлин, опасаясь за судьбу русского экспорта в Китай (который, впрочем, был весьма невелик). Но ввозной тариф, по расчётам чиновников ведомства, всё равно пришлось бы поднять до 5%. Россия хотела, чтобы основное повышение пришлось на опиум, против этого категорически выступала Англия (так как экспорт опиума являлся важной статьёй доходов Британской Индии).

¹⁸⁶ Телеграмма А.И. Юговича 14 января 1901 г. с пометами С.Ю. Витте // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1237. Л.66–70.

¹⁸⁷ Для компенсации ущерба КВЖД хотела бы получить от Китая уменьшение в два раза портовых сборов, безвозмездный отвод земли для пристаней и складов пароходства КВЖД в 13 и других (!) открытых портах Поднебесной, передачу судоремонтного завода в Фучжоу, беспошлинный ввоз товаров по дороге в Маньчжурию на 25 лет, передачу управлению дороги маньчжурских таможен, льготы по добыче полезных ископаемых, увеличение срока концессии на КВЖД и отдаление срока её возможного выкупа. Несмотря на то, что этот список уже получился неприлично длинным, в него вошло много чего ещё (Список того, что КВЖД намеревалась просить у Китая в возмещение ущерба от боксёрского восстания // Там же. Л.76–79).

¹⁸⁸ Пролог... С.129.

¹⁸⁹ Справка о заключениях Министерства финансов по разным вопросам, связанным с уплатой Китаем вознаграждения державам 28 мая 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.188. Л.20–34.

Общая сумма выплат Пекину всем державам оценивалась в России примерно в 1,5 млрд. франков (свыше 560 млн. руб.), что превосходило весь государственный долг Китая на тот момент (чуть более 540 млн. руб.). С.Ю. Витте предпочитал получить всю сумму сразу, понимая при этом, что у Срединной империи таких денег нет. Для этого министр финансов предлагал организовать Пекину международный заём, гарантированный державами¹⁹⁰. Он намеревался участвовать в нём, полагая, что Россия, Франция и Германия могли бы обеспечить сумму порядка 1,3 млрд. франков. Но для платежей по займу ввозные пошлины пришлось поднять бы до 10%, а против этого категорически выступали Англия и США. Поэтому переговоры о контрибуции, которые велись в Пекине, двигались неспешно и не без труда. Правительство Поднебесной пыталось оспорить общую сумму претензий, полагая её завышенной¹⁹¹. Окончательно она была установлена после того, как в июле 1901 г. державам удалось убедить Токио снизить свои претензии¹⁹². И всё равно, выплата 450 млн. лан (630 млн. руб.) казалась Пекину чрезмерной¹⁹³, он настаивал на её рассрочке на 30 лет (по 15 млн. лан ежегодно), намереваясь использовать в качестве основного источника налог на соль (приносивший порядка 10 млн. лан)¹⁹⁴.

Здесь для Петербурга настал момент выбора. В.Н. Ламздорф предложил объявить другим «победителям», что Россия «готова присоединиться к любой финансовой сделке», лишь бы это прямо не противоречило её интересам¹⁹⁵. В ответ С.Ю. Витте разразился гневной тирадой с обвинением держав в том, что они совершенно не защищают интересы России, которая больше всех пострадала от боксёрского восстания (министр финансов запомнил, что самый серьёзный ущерб был нанесён повстанцами КВЖД, а дорога формально являлась частным акционерным обществом). Согласно его новой точке зрения, «все эти колоссальные расходы (на ликвидацию последствий боксёрского восстания – И.Л.) ложатся тяжёлым бременем на русский народ, преимущественно же на великороссийское население центральных губерний, благосо-

¹⁹⁰ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 24 марта 1901 г. // Там же. Д.186. Л.138–140.

¹⁹¹ Д.Д. Покогилов – С.Ю. Витте 27 марта 1901 г. // Там же. Д.187. Л.1в–23.

¹⁹² М.Н. Гирс – в МИД 24 апреля 1901 г. // Там же. Л.202; Симанский П.Н. Указ. соч. С.73–81.

¹⁹³ Заключительный протокол между Китаем и иностранными державами от 7 сентября 1901 года // Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.148–149; Романов Б.А. Указ. соч. С.262. 1 лан был принят за 1,412 руб. при пересчёте на золото.

¹⁹⁴ М.Н. Гирс – в МИД 29 апреля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.187. Л.221. На торговлю солью в Китае существовала монополия. Её добыча не регламентировалась, но производители были обязаны продавать соль государству по фиксированной цене.

¹⁹⁵ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 23 мая 1901 г. // Там же. Д.188. Л.2.

стояние которых сильно страдает вследствие крупных издержек, вызываемых нуждами наших окраин». Разумеется, пафос министра финансов был наигран: за несколько месяцев до того он был готов вообще не брать контрибуции – получается, что тогда население ещё не страдало? Но раз уж Пекин отказался подписать сепаратный договор, то есть, не предоставил России экономического господства в Маньчжурии (а то, что деньги, собранные с того же народа, в случае удачи переговоров направились опять же – в Маньчжурию – не явилось бы ударом для великорусских губерний?), то «снихождение к Китаю не должно быть соединено с ущербом для русского народа»¹⁹⁶.

Разногласия держав удалось преодолеть к осени 1901 г. В итоге непростых переговоров общая сумма выплат составила 450 млн. лан, на долю России пришлось 130,37 млн. лан (28%, или 184,084 млн. руб.). Платежи начинались с 1 января 1902 г., срок погашения всей суммы – 39 лет. Источниками уплаты являлись доходы морских таможен при повышении ввозной пошлины до 5% за исключением хлеба, риса и золотой и серебряной монеты; доходы местных таможен, а также налог на соль¹⁹⁷. Протокол о выплатах Китая был подписан в Пекине 25 августа 1901 г.¹⁹⁸ Сразу после этого союзные войска оставили столицу Поднебесной (17 сентября), почти одновременно они покинули и провинцию Чжили (22 сентября). Такой вариант событий, наверное, являлся наиболее предпочтительным для Пекина способом решения и маньчжурской проблемы.

8.9. Возвращение к русско-китайским сепаратным переговорам

Ещё до завершения переговоров о компенсациях всем державам Пекин снова поднял перед Петербургом вопрос о выводе русских войск из Маньчжурии, не без основания полагая, что переговоры могут длиться бесконечно, а в это время русские части будут по-прежнему располагаться на китайской территории. Ли Хунчжан опять предложил вернуться к идее отдельного, сепаратного соглашения и обратился с инициативой не в МИД, а прямо к С.Ю. Витте¹⁹⁹. Показательно, что решение возобновить обсуждение принадлежало как будто лично Ли Хунчжану, так как после получения согласия из Петербурга ему пришлось дожидаться одобрения двора²⁰⁰. Возможно, что неожиданная активизация

¹⁹⁶ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 24 мая 1901 г. // Там же. Л.5–5 об.

¹⁹⁷ М.Н. Гирс – в МИД 30 июля 1901 г. // Там же. Д.189. Л.63.

¹⁹⁸ Его полный текст – Пролог... С.131–137.

¹⁹⁹ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 20 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.49; Романов Б.А. Указ. соч. С.317.

²⁰⁰ По сведениям англичан, Ли Хунчжан просил у двора предоставить ему право обсуждать и подписать соглашение с Россией втайне от других держав. Двор согласился на переговоры Ли Хунчжана с российским посланником в Пекине (Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 5 сентября 1901 г. // PRO.FO. 65/1622. P.124).

сановника диктовалась внутрикитайскими проблемами. Примерно в это же время его конкуренты за влияние на двор Лю Кун-и и Чжан Чжидун намеревались обратиться к Японии, Англии и США для обсуждения маньчжурского вопроса, то есть, стремились вовлечь в переговоры другие страны²⁰¹. Это обещало совершенно иной расклад ситуации и новые условия возможного соглашения. Конечно, для Ли Хунчжана инициатива означала, вероятно, возвращение к прежней игре. Но обстоятельства заставляли его быть более уступчивым и энергичным. Российский посланник М.Н. Гирс даже решил, что китайский сановник готов подписать без всяких изменений прежний текст договора²⁰².

Удивительно, что российский МИД не только согласился возобновить переговоры с Китаем, но и выдвинул два странных условия: полная тайна (!) обсуждения и гарантия выполнения (!) правительством Поднебесной условий подписанного соглашения. Как показывала история предыдущих контактов, надеяться на конфиденциальность дискуссии и на соблюдение соглашения можно было лишь тогда, когда Пекин оказывался сам заинтересован в этом. В других случаях он легко предавал дело огласке, используя это в качестве верного инструмента для денонсации нежелательных обязательств чужими руками. Так как переговоры с Россией уже отражали внутрикитайские разногласия, то не удивительно, что информация о возобновлении контактов появилась в иностранной печати (Англия, Германия, Япония) уже в начале августа 1901 г.²⁰³ Своё условие для возвращения к переговорам выдвинул и С.Ю. Витте: Китаю следовало воздержаться от выдачи концессий в Маньчжурии иностранцам без согласия на сей раз не Петербурга, а Русско-Китайского банка, что, по сути, являлось одним и тем же²⁰⁴. Он также предложил перенести переговоры в Пекин.

Неутешительное завершение первого раунда переговоров с Китаем по-видимому стимулировало возобновление среди российских министров дискуссии о будущем Маньчжурии (несмотря на то, что оно было в основном предпрещено правительственным сообщением в августе 1900 г.). Сначала С.Ю. Витте 11 июня 1901 г. представил график вывода русских войск, 28 июня он был принят Особым совещанием трёх министров, а 5 июля – одобрен Нико-

---

²⁰¹ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.164. Об этом 1 сентября 1901 г. сообщила японская газета «Осака майнити шимбун».

²⁰² М.Н. Гирс – в МИД 28 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.14.

²⁰³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.143. Разумеется, надо иметь в виду, что источников утечки информации могло быть множество, но, скорее всего, сведения исходили от противников соглашения с Россией.

²⁰⁴ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 23 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.50. Это сопровождалось бы также особым обязательством Русско-Китайского банка перед Министерством финансов (Романов Б.А. Указ. соч. С.326–327).

лаем II. В первую очередь предполагалось вернуть Китаю все железные дороги в Южной Маньчжурии и Чжили с возмещением России понесённых затрат (1 млн. руб.) и потребовать соблюдения Пекином англо-русского соглашения 1899 г. (которое Китай не признал). В последний момент С.Ю. Витте зачем-то добавил к ним своё излюбленное условие: предоставление КВЖД концессии на ветку по направлению к Пекину²⁰⁵.

Однако в связи с решением Особого совещания 5 июля 1901 г. передать Китаю железную дорогу Шанхайгуань–Инкоу–Синминтин В.Н. Ламздорф неожиданно поднял вопрос о судьбе Маньчжурии в целом. Рассуждая о судьбе железных дорог в Южной Маньчжурии, построенных Китаем – возвращать их Пекину или нет? – он вдруг заявил, что для России было бы заманчиво аннексировать всю Маньчжурию, тогда и передавать ничего не надо. В противном случае возвращение дорог стало бы первым шагом к очищению всей Маньчжурии²⁰⁶.

Это спровоцировало целый виток дискуссии о дальнейшей политике России на Дальнем Востоке. В возникшем обмене мнениями министра иностранных дел поддержал А.Н. Куропаткин, заявивший о желательности провести «естественное исправление границ России». Он исходил из того, что на дальневосточные приобретения Петербург истратил колоссальные средства (особенно – на освоение Ляодунского полуострова), поэтому их следует оберегать, в частности – от японцев. Для выполнения обещаний военный министр предлагал вернуть Китаю в 1902–1903 гг. Южную Маньчжурию и часть Гиринской провинции²⁰⁷. Он наметил этапы вывода войск: в 1901 г. – из юго-западной части Мукденской провинции (до р. Ляохэ), в 1902 г. – из оставшейся части Мукденской провинции, в 1903 г. – из южной части Гиринской провинции²⁰⁸.

²⁰⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.314.

²⁰⁶ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 19 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.1–4; Пролог... С.173–174. Ранее, в конце мая 1901 г. министр иностранных дел поднял другой, не менее острый вопрос о том, готова ли Россия к войне с Японией, также в связи с переговорами с Пекином. Наиболее показательным стал ответ С.Ю. Витте (в его письмах 24 и 28 мая 1901 г.): не следует идти дальше в Китай, КВЖД надо считать лишь частным (!) предприятием, в крайнем случае, придётся отказаться от соглашения 1896 г. и взять курс на союз с Токио (Романов Б.А. Указ. соч. С.312–313). Тогда это обсуждение не привело к далеко идущим выводам. Но обстоятельность дискуссии и широкий круг вопросов, затронутых в ней, позволяют предположить, что обмен письмами С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфа, вероятно, был согласован заранее, чтобы дать министру финансов возможность высказать ещё раз свои взгляды на дальневосточную политику России в целом (они заметно отличались от прежних) и поставить проблему соглашения с Пекином в общий, более широкий политический контекст.

²⁰⁷ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 30 июля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.13–22; Пролог... С.173 и далее.

²⁰⁸ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 12 августа 1901 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.44–46; Романов Б.А. Указ. соч. С.320.

Северную Маньчжурию же следовало присоединить к владениям России «на манер Бухары»²⁰⁹. Для укрепления за собой новых территорий туда предполагалось переселять русских (только для создания казачьего войска в полосу отчуждения КВЖД требовалось направить примерно 60 тыс. семей)²¹⁰. Позицию военного министра относительно Маньчжурии отличала чёткость. Но он смотрел на проблему преимущественно с точки зрения возможных военных конфликтов России, в духе своей записки «Задачи русской армии в XX столетии», игнорируя многие другие факторы – в этом крылась значительная слабость его подхода²¹¹.

Категорически против аннексии любой части Маньчжурии выступил С.Ю. Витте. В аргументах министра финансов зазвучали новые ноты. Он повторил свой тезис, что Петербургу следует воздержаться от каких-либо захватов на Дальнем Востоке, чтобы «дать населению империи собраться с силами». Всякое новое присоединение, по его мнению, обернулось бы лишь новыми значительными расходами, доходов же от Маньчжурии ждать не приходилось. Только поддержание порядка на Квантуне во время боксёрского восстания обошлось России, по данным С.Ю. Витте, в 20 млн. руб. Он резонно полагал, что для всей Маньчжурии придётся изыскивать многократно большую сумму. Кроме того, аннексия ухудшила бы и без того непростые отношения с Китаем и создала бы угрозу войны с Японией. Даже в случае её победоносного завершения министр финансов ожидал для России «гибельные последствия»²¹². Такой взгляд также страдал известной односторонностью: С.Ю. Витте как будто исходил исключительно из интересов казны, предав забвению сделанные ранее по его же настояниям затраты. Создаётся впечатление, что он решил совершенно порвать с предыдущей политикой и перейти к иной программе действий. Если бы не некоторые обстоятельства, в частности, устойчивое стремление к концессии на дорогу до Стены и опасение за увеличение таможенных пошлин во внутренних областях Китая, этому можно было бы поверить. Резоннее предположить, что министр финансов пока отложил свои мечтания в долгий ящик, но, тем не менее, не упускал случая при удобном стечении обстоятельств, если и не возвращаться к ним, то, по крайней мере, иметь их в виду. Своими же предложениями он стремился, прежде всего, умерить аппетиты военных.

²⁰⁹ То есть, не вмешиваться во внутренние дела, ограничившись протекторатом.

²¹⁰ А.Н. Куропаткин – Д.С. Сипягину 21 августа 1901 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.47–51.

²¹¹ Б.А. Романов трактует эту дискуссию исключительно с позиций вывода русских войск и борьбы министров вокруг этого (Романов Б.А. Указ. соч. С.314–315).

²¹² С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 23 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.764. Л.77–79; Пролог... С.174–175.

После обмена мнениями между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте, оказавшимися почти противоположными, В.Н. Ламздорф резюмировал, что о присоединении Маньчжурии речь идти не может, то есть легко отверг собственное предположение. Поэтому он подготовил новый проект соглашения с Пекином о выводе русских войск. Согласно документу Петербург обязывался отвести все войска за год и завершить процесс летом 1903 г. От Китая требовалось лишь подтвердить уже имеющиеся права КВЖД и разрешить строительство ветки до Великой стены. Всякие ограничения в выдаче иностранцам концессий исчезли²¹³. С.Ю. Витте не возражал. Он ещё раз промолчал, когда МИД удалил из проекта и требование концессии на дорогу до Великой стены²¹⁴. Было бы странно, если у министра финансов, так озаботившегося благосостоянием россиян, вдруг нашлись бы значительные деньги для строительства дорогостоящей магистрали в Китае, непонятно зачем нужной России и совершенно не сулившей прибыли даже в перспективе.

Оставалось решить вопрос с предложениями А.Н. Куропаткина. 14 августа 1901 г. два министра побывали на аудиенции у Николая II, где им пришлось вести дискуссию в присутствии монарха, после которой царь поддержал главу внешнеполитического ведомства. Прежний, февральский проект соглашения с Китаем окончательно отвергли, вместо него взяли последний вариант В.Н. Ламздорфа с добавлениями С.Ю. Витте: Пекин заключает соглашение о концессиях с Русско-Китайским банком, русская дипломатическая миссия в Поднебесной в этом не участвует²¹⁵.

Очевидно, что такое решение вряд ли можно признать удачным. По сути, договор китайского правительства с банком, никак не оговорённый в общем соглашении, мог быть разорван Пекином в любой момент или просто не выполнялся бы с самого начала. У руководства Срединной империи в таком случае имелся хороший аргумент: это соглашение ущемляло суверенные права государства, и министры легко получили бы поддержку других держав, если бы решили отклонить возлагаемые на них обязательства. Кроме того, договор легко обходился: достаточно было представить вместо иностранца китайца – и любая концессия у вас в руках. Также непонятно, где С.Ю. Витте намеревался изыскать огромные суммы для того, чтобы скупить все заслуживающие внимания концессии в Маньчжурии, богатой полезными ископаемыми, которые

²¹³ Проект соглашения о Маньчжурии, составленный В.Н. Ламздорфом // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.29–31; Пролог... С.176–177.

²¹⁴ Второй проект соглашения о Маньчжурии, составленный В.Н. Ламздорфом // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.38–40; С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 9 августа 1901 г. // Там же. Л.41.

²¹⁵ С.Ю. Витте – Д.М. Поздневу 16 августа 1901 г. // Там же. Л.61; Симанский П.Н. Указ. соч. С.138–140.

Пекин мог выставить на продажу? Отказ же приобрести концессию китайцы истолковали бы как разрешение продать её иностранцам²¹⁶. Очевидно, что все подобные ограничения носили скорее ритуальный характер и походили на желание сохранить лицо при скверной игре.

Тем не менее, С.Ю. Витте принял ряд мер для концентрации в своих руках хотя бы части наиболее существенных концессий, уже выставленных к продаже. В частности, для этой цели в 1902 г. было создано Маньчжурское горнопромышленное товарищество²¹⁷. По-видимому, министр финансов полагал, что все концессии, которые удастся приобрести в Маньчжурии, должны находиться в его руках.

Определённой страховкой межправительственного соглашения С.Ю. Витте рассматривал договоры русских властей с цзянь-цзюнями, категорически отказываясь их денонсировать, о чём настойчиво просил Ли Хунчжан²¹⁸. Одновременно, чтобы сделать китайца сговорчивее, С.Ю. Витте уполномочил своего агента в Китае пообещать ему очередную взятку²¹⁹. Д.М. Позднеев же, полагая, что российский МИД будет вести подготовку и второго соглашения (с банком), решил по собственной инициативе занять более жёсткую позицию и заявил в Пекине, что Россия настаивает на подписании договора с банком **до** соглашения о выводе войск, а не одновременно. Эту «дипломатию» чиновник финансового ведомства вёл втайне от МИДа²²⁰. Впрочем, В.Н. Ламздорф сам додумался до такого шага и чуть позже (13 сентября 1901 г.) дал указание в этом смысле новому посланнику в Китае П.М. Лессару²²¹.

Не удивительно, что сделанные Россией уступки вновь не устроили китайское руководство. Ли Хунчжан стал просить Петербург не лишать Пекин военной власти в Маньчжурии и не препятствовать извлечению им прибыли из собственных недр (намекая на концессии). Правда, китаец обе-

²¹⁶ М.Н. Гирс – в МИД 17 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.65.

²¹⁷ Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

²¹⁸ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 24 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.95.

²¹⁹ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 23 августа 1901 г. // Там же. Л.87. С.Ю. Витте распорядился пообещать Ли Хунчжану выплатить 300 тыс. руб. **после** окончательного утверждения соглашения (Романов Б.А. Указ. соч. С.324).

²²⁰ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 27 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.97.

²²¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.141. П.М. Лессара отличала систематичность и собственное видение российской политики в Китае. Он намеревался преследовать прежде всего крупные цели, «не гоняясь за мелочами, не вызывая протест иностранцев», а также отказаться от незаконного удержания Инкоу и т.п. Д.М. Позднеев полагал, что посланнику предстоит тяжёлая борьба с Е.И. Алексеевым, привыкшим к иному образу действий по отношению к Пекину (Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 15 (28) сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.3. Л.139–141).

щал, что правительство не будет выдавать концессии в Маньчжурии иностранцам, но по опыту предыдущих переговоров, он мог в любой момент отказаться от любых своих слов²²². Пекин в качестве ответа Петербургу прибёг к традиционному для себя ходу: сведения о новых требованиях России тут же попали в прессу. Слухи о ведущихся сепаратных переговорах одновременно распространились в Порт-Артуре и Тяньцзине, вызвав нешуточную обеспокоенность японцев²²³. Вероятно, что утечка исходила от противников Ли Хунчжана, так как он принял принцип одновременности двух соглашений и был склонен продолжать переговоры, кое в чём уступая русским.

Тем не менее, когда 27 сентября 1901 г. Д.М. Позднеев (он замещал тогда Д.Д. Покотилова) представил Ли Хунчжану проекты двух соглашений, он столкнулся с новыми препятствиями. Китаец сразу возразил против первенства Русско-Китайского банка во всех концессиях в Маньчжурии: когда он соглашался на это, то имел в виду только горные разработки. С.Ю. Витте и Д.М. Позднеев настаивали на своей трактовке (все концессии). Дальнейшие попытки Ли Хунчжана денонсировать договор В.Ф. Любы с гиринским цзянь-цзюнем вызвали решительный протест посланника П.М. Лессара: в случае согласия с пекинским сановником местные китайские власти вообще перестанут иметь дело с русскими чиновниками²²⁴. В итоге Ли Хунчжану не удалось настоять на ликвидации соглашения В.Ф. Любы с гиринским цзянь-цзюнем²²⁵. Не удивительно, что натолкнувшись на жёсткое сопротивление, китайский сановник отказался подписывать соглашения²²⁶. Его не остановила даже угроза, что в этом случае С.Ю. Витте «уже не будет так щедр», то есть не выдаст обещанного ему 1 млн. руб.²²⁷

---

²²² М.Н. Гирс – в МИД 18 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.69; Романов Б.А. Указ. соч. С.318.

²²³ Телеграмма И.Н. Протасьева в Министерство финансов 29 августа 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.99; телеграмма Д.М. Позднеева С.Ю. Витте 30 августа 1901 г. // Там же. Л.100, Д.15. Л.82; Романов Б.А. Указ. соч. С.322.

²²⁴ П.М. Лессар – в МИД 23 сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.168; Романов Б.А. Указ. соч. С.327.

²²⁵ Д.М. Позднеев – И.П. Шипову 24 сентября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.116.

²²⁶ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 2 октября 1901 г. // Там же. Л.172; Симанский П.Н. Указ. соч. С.142. Б.А. Романов подметил, что это Ли Хунчжан настаивал на внесении в общее соглашение пункта о Русско-Китайском банке, а Россия была категорически против: в таком случае появлялись возможности опротестовать его, придав огласке (Романов Б.А. Указ. соч. С.322–324). Тем не менее, Пекин стремился ликвидировать уязву двух соглашений (С.329).

²²⁷ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 2 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.174.

К общему соглашению об эвакуации Маньчжурии у китайцев претензий не имелось. По крайней мере, пока. Однако Ли Кун-и и Чжан Чжидун сразу заявили, что сроки эвакуации из Маньчжурии русских войск слишком растянуты, а передача китайской армии в северной части империи в руки исключительно русских инструкторов недопустима. Они исходили из того, что согласие на требования Петербурга рискует вызвать цепную реакцию, поэтому заключили: «лучше оскорбить Россию, чем создать прецедент, которому могли бы последовать другие державы»²²⁸. Очевидно, что манёвры Пекина вокруг договора с банком были нацелены также и на ликвидацию уязвки двух документов. Но здесь уже посланник П.М. Лессар категорически отказался подписывать только одно соглашение²²⁹. Переговоры в очередной раз зашли в тупик.

В Петербурге опять стали размышлять о том, что делать дальше. В.Н. Ламздорф предлагал идти по пути дальнейших уступок. Он справедливо полагал, что любое секретное соглашение Пекин мог немедленно разгласить, поэтому его следовало сделать менее уязвимым для критики державами²³⁰. Взяв за образец соглашение китайцев с Р. Морганом об устройстве Нючжуанской компании, министр предложил дополнить его статьёй, что в случае отказа Русско-Китайского банка от концессии этот факт закрепляется обменом нот. В.Н. Ламздорф решил, что это и есть тот текст, к которому у держав не имелось бы претензий²³¹. В общем, ход графа был неплохим, но он не снимал проблему в целом. С.Ю. Витте также предложил уточнить ряд моментов. Он отказывался от формулировки «естественные богатства», заменяя её перечислением (руды, железные дороги и промышленные предприятия), в случае отказа банка приобрести концессию, китайские власти могли продать её только тем клиентам банка, которые пользовались исключительно его услугами (то есть, концессии всё равно не выходили бы из-под контроля российских властей)²³².

²²⁸ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.371. Об этом сообщил «Shanghai Mercury» 26 октября 1901 г.

²²⁹ П.М. Лессар – в МИД 2 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.180. В ответ дипломат получил разрешение Николая II согласиться на межгосударственный трактат без упоминания договора с банком (Там же. Л.181). Но это не могло быть указанием подписать **только один** документ. П.М. Лессару и не следовало участвовать в заключении соглашения с **частным** банком, как было установлено ещё перед началом второго раунда переговоров.

²³⁰ Об этом же писал С.Ю. Витте Д.М. Позднеев ещё в июле 1901 г. (Романов Б.А. Указ. соч. С.324).

²³¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.145.

²³² В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 9 октября 1901 г. и ответ министра финансов в тот же день // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.200. Л.187, 188.

Ли Хунчжан сразу не возразил против новых уточнений текста, однако уже 13 октября 1901 г. он вдруг попросил внести изменения в проект межгосударственного соглашения. Китаец хотел, чтобы повинность содержать китайскую армию распространялась и на маньчжурские провинции: южные генерал-губернаторы требовали равноправия китайских регионов в вопросе содержания вооружённых сил. Вдобавок китайский сановник признался, что новую редакцию соглашения он ещё не сообщил двору²³³. Вопрос о заключении сепаратного соглашения окончательно разладился: в ответ С.Ю. Витте также начал вносить свои изменения, в частности, добавил в соглашение с банком упоминание о договоре В.Ф. Любы с гириным цзянь-цзюнем²³⁴.

Тем не менее, руководство МИД делало хорошую мину при плохой игре: оно уверяло иностранных дипломатов в Петербурге, что переговоры с Китаем идут успешно и что они с часу на час ждут известия из Пекина о подписании соглашения. Похоже, что это было не лукавство, а искреннее заблуждение. Английский посол Ч. Хардинг, не сомневавшийся в успехе России, беспокоился за британские интересы в Китае. В.Н. Ламздорф его великодушно заверил, что в тексте документа нет статей, нарушавших английские права²³⁵. Русские условия широко обсуждались в печати на Дальнем Востоке, причём сведения о них были весьма точными. 6 октября 1901 г. корреспондент «Токуо asashi» сообщил текст проекта, главными условиями были: монополия на рудники и железные дороги в Маньчжурии, вывод русских войск в три этапа за два года, исключительно русские военные инструкторы в китайской армии. Схожие сведения, но с некоторыми изменениями опубликовал «Shanghai Mercury»: эвакуация частей не за два года, а за год, а также возвращение китайцам железной дороги Шанхайгуань – Нючжаун после компенсации расходов за её обслуживание²³⁶. В скорое оформление документов верил и С.Ю. Витте, по его версии, этого не случилось из-за нерешительности (!) богдыхана и из-за желания князя Цина внести в документ ещё ряд поправок²³⁷.

Неожиданно в ход переговоров вмешалась скоропостижная смерть Ли Хунчжана. 31 августа 1901 г. он получил отпуск «по болезни», но продолжал активно участвовать в переговорах с Россией. Недуг быстро брал своё, Ли Хунчжан почувствовал себя слабым, поэтому вызвал из Шанхая

²³³ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 13 октября 1901 г. // Там же. Л.207.

²³⁴ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 14 октября 1901 г. // Там же. Л.210.

²³⁵ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 29 октября 1901 г. // PRO FO. 65/1623. P.70–71. Возможно, В.Н. Ламздорф в ответ на действия китайцев стал больше рассказывать англичанам о ходе русско-китайских переговоров, резонно полагая, что они и так узнают об этом в Пекине.

²³⁶ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к Известиям Восточного института. II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.331–332.

²³⁷ Пролог... С.177, 179.

второго сына. 19 октября (1 ноября) у него горлом пошла кровь, а 25 октября (7 ноября) 1901 г. в 11.15 престарелый китайский сановник скончался в Пекине.

В России это событие вызвало растерянность и ощущение потери важного сторонника (думаю, что сильно преувеличенные). С.Ю. Витте в замешательстве спрашивал Д.М. Позднеева, что делать и нельзя ли срочно найти другого продажного сановника²³⁸. Но это также свидетельствовало, что министр финансов так и не понял, с кем он имел дело. Несмотря на то, что в историографии, особенно китайской, к этому видному государственному деятелю позднецинского Китая никогда не было однозначного отношения²³⁹, нет никаких убедительных данных для того, чтобы обвинять Ли Хунчжана в действиях в интересах России. Все его инициативы диктовались общим курсом Пекина на маневрирование между потенциальными агрессорами, а уступки никогда не противоречили желаниям китайских властей. Когда же интересы Китая серьёзно затрагивались, Ли Хунчжан оказывался неприступен. Если он и уступал, то самую малость, купленной марионеткой он не был точно. Рецепт опытного сановника оказался прост: и взятки брать, и свою политику вести. Поэтому реакция Петербурга скорее свидетельствовала о том, что там не вполне осознавали китайские реалии и бесосновательно уповали на тесные, конфиденциальные отношения с Ли Хунчжаном²⁴⁰.

Вместо того чтобы сделать вид, что ничего непоправимого для переговоров не случилось, началась малообъяснимая суэта. В.Н. Ламздорф немедленно призвал российского посланника в Пекине к осторожности и решил развести переговоры, оставив обсуждать общее соглашение в Пекине и намереваясь перенести дискуссию о деталях соглашения с Русско-Китайским банком в Петербург²⁴¹. Китайцы отнеслись к смерти Ли Хунчжана гораздо спокойнее. Главным уполномоченным для переговоров с Россией стал князь Цин. Д.Д. Покотиллов сразу попытался «расположить» его к себе подарками,

²³⁸ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 25 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.66. Д.М. Позднеев ответил уклончиво: «заинтересовать кого-либо материально, по моему мнению, представлялось бы пока преждевременным» (его ответная телеграмма 26 октября 1901 г. // Там же. Л.67).

²³⁹ См.: Лян Цичао. Лихунчжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905.

²⁴⁰ Так, П.Н. Симанский заключил, что после смерти Ли Хунчжана в русско-китайских переговорах произошли серьёзные изменения, правда, он не привёл при этом убедительных свидетельств (Симанский П.Н. Указ. соч. С.146). В.Н. Ламздорф заявил англичанам, что со смертью Ли Хунчжана остановился прогресс в русско-китайских переговорах и всячески восхвалял китайца (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 20 ноября 1901 г. // PRO FO. 65/1623. P.136–137).

²⁴¹ В.Н. Ламздорф – П.М. Лессару 31 октября 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.6–7.

но, кажется, безуспешно²⁴². Новый уполномоченный взял месячную паузу в обсуждении, объяснив её тем, что ему надо посетить двор в Сианьфу. Вернувшись, князь Цин 28 ноября 1901 г. встретился с Д.М. Позднеевым и повторил прежнюю позицию Китая: Пекин желал сократить срок вывода русских войск из Маньчжурии в межгосударственном соглашении (к концу 1902 г.) и требовал внесения существенных изменений в договор с банком, которые позволили бы ему не терять лица, как перед иностранцами, так и перед своими подданными. То есть – и самим эксплуатировать маньчжурские недра²⁴³. На деле это означало, что неясная фраза о сохранении лица, высказанная ещё Ли Хунчжаном, является отказом от обещанной ещё в 1900 г. им монополии России на маньчжурские концессии, в том числе и в горных промыслах²⁴⁴. С.Ю. Витте наконец сообразил, что «под флагом китайского правительства или концессионеров-китайцев явятся иностранцы»²⁴⁵, и что Пекин желал придать соглашению с Россией туманный характер, чтобы впоследствии уклониться от его соблюдения²⁴⁶. Против изменений в соглашении был настроен и А.Н. Куропаткин, утверждавший, что быстро вывести русские войска из Маньчжурии невозможно²⁴⁷.

Своими действиями князь Цин подтверждал, что Китай после Ли Хунчжана продолжит прежнюю линию на переговорах: выторговывать у России дальнейшие уступки и тянуть время, полагаясь на негативную реакцию держав. Чем больше информации поступало о сепаратных переговорах, тем больше недовольства проявляла Англия. По сообщениям китайской прессы, английский посланник Э. Сатоу заявил Юань Шикаю, что если Китай согласится на русские условия, то державы перестанут считать его независимым. По мнению англичан, Пекину следовало взять в свои руки управление Маньчжурией и морскими таможами, настояв на выводе русских войск в течение года после возвращения двора в Пекин²⁴⁸. США, несмотря на то, что официально

²⁴² Д.Д. Покотилов позднее сообщил, что на подарки князю Цину он израсходовал 33 600 лан (40 656 руб.) (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 марта 1902 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.92). Но размер затрат сильно уступал суммам, обещанным и выплаченным Ли Хунчжану (сотни тыс. руб.) Кажется, прямо деньги Цину не предлагались.

²⁴³ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 28 ноября 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.201. Л.15.

²⁴⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С.146–147.

²⁴⁵ С.Ю. Витте – Д.М. Позднееву 1 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.18.

²⁴⁶ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 17 декабря 1901 г. // Там же. Л.29.

²⁴⁷ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 16 декабря 1901 г. // Там же. Л.51–52.

²⁴⁸ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к Известиям Восточного института. II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.427. Об этом сообщил «Shanghai Mercury» 24 декабря 1901 г. Газета подчеркнула, что если бы не давление иностранцев, то слабохарактерный князь Цин давно бы пошёл на уступки русским, а вслед за этим и другие державы потребовали бы себе подобных привилегий (С.412).

уверяли Петербург в расположении, тем не менее, ожидали заверений, что соглашение о Маньчжурии не затронет их интересы, и на деле поддержали английское требование к Пекину – вообще не заключать никакого договора с русскими²⁴⁹. Япония в тот момент от прямых протестов против действий России уклонилась – это было время визита в Петербург маркиза Х. Ито и некоторых надежд на возможное урегулирование отношений с северным соседом). В Стране восходящего солнца внимательно следили за ходом русско-китайских переговоров. 24 декабря 1901 г. японская газета «Токуо asashi» опубликовала телеграмму, полученную из Пекина, с известием, что китайское руководство отвергло условия России: русские инструкторы в армии, предоставление концессий в Маньчжурии исключительно русским и китайцам, первоочередное право Петербурга на приобретение шанхайгуаньской железной дороги, если она будет продаваться²⁵⁰. Позднее корреспондент уточнил, что в русских условиях исчезли требования о военных инструкторах и о монополии на горные разработки. Тем не менее, Китай по-прежнему не устраивали ограничения на дислокацию войск в Маньчжурии и трехлетний срок вывода русских частей²⁵¹. Японцы демонстрировали спокойствие ещё и потому, что верно оценили ситуацию: «Россия теперь уступает шаг за шагом, и момент подписания договора [на китайских условиях – И.Л.] уже недалёк»²⁵². Тем не менее, в Пекине представители Токио обещали поддержку²⁵³.

Россия же продолжала бесперспективные попытки добиться от Пекина согласия на собственный вариант соглашения. Даже С.Ю. Витте упрямо настаивал на условии, чтобы все концессии в Маньчжурии выдавались исключительно через Русско-Китайский банк (в случае отказа банка приобрести ту или иную концессию она предлагалась только его клиентам)²⁵⁴. Князь Цин категорически возражал, ссылаясь при этом на вероятные протесты иностранцев²⁵⁵.

В такой ситуации министр финансов первым принял решение вновь уступить. Он запросил Д.Д. Покотилова, считает ли тот возможным принять статью в редакции князя Цина, опасаясь, чтобы своей неопределённостью она

²⁴⁹ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 7 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.55–60.

²⁵⁰ Shanghai Mercury. 1901. 28 декабря // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.439.

²⁵¹ Japan Weekly Times. 1902. 18 января // Там же. С.464.

²⁵² Japan Weekly Times. 1902. 8 февраля // Там же. С.598.

²⁵³ Романов Б.А. Указ. соч. С.342.

²⁵⁴ Редакция соглашения [китайского правительства с Русско-Китайским банком] согласно последним, одобренным министром финансов, изменениям // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.77; Романов Б.А. Указ. соч. С.344.

²⁵⁵ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 20 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.86.

«не дала возможности иностранцам наводнить Маньчжурию»²⁵⁶. Тут ещё и подоспела нота США от 21 января (3 февраля) 1902 г., в которой от России уже требовали признать свободу торговли в Маньчжурии (документ, кстати, очень приободрил князя Цина)²⁵⁷. Американцев беспокоило не общее соглашение об эвакуации русских войск из Маньчжурии, а лишь договор Пекина с Русско-Китайским банком²⁵⁸. В российском МИДе понимали, что недовольство США и других стран, в частности, Японии (переговоры Х. Ито в Петербурге уже завершились неудачей)²⁵⁹, вызывал пункт о монополии Русско-Китайского банка в обслуживании концессий, именно это положение не соответствовало международным трактатам²⁶⁰.

В Японии казалось, что требование России на монополию концессий в Маньчжурии невероятно: Китай находился в безвыходном положении, если бы он согласился, ему пришлось бы удовлетворить требования и других держав²⁶¹. В конце февраля в печати появилось интервью одного из глав русских фобов принца А. Коноэ, в котором он заявлял, что никогда не признает «русскую Маньчжурию», уж лучше воевать с Петербургом²⁶².

Не все страны горячо протестовали против действий России в Северном Китае. Итальянский король Виктор Эммануил без всякого недовольства заметил российскому послу А.И. Нелидову 16 февраля 1902 г.: «Вы уже владеете Маньчжурией и останетесь в ней». Тем не менее, дипломат разъяснил ему официальную позицию Петербурга: Россия не намерена присоединять к себе Маньчжурию, а защищает лишь собственные интересы там, фактически

²⁵⁶ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 22 января 1902 г. // Там же. Л.91; Симанский П.Н. Там же. С.150.

²⁵⁷ П.М. Лессар – в МИД 25 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.110; Романов Б.А. Указ. соч. С.345–346.

²⁵⁸ П.М. Лессар – в МИД 21 января 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.97.

²⁵⁹ Российский посланник в Токио А.П. Извольский имел объяснение с министром иностранных дел Ю. Комура по поводу готовящегося соглашения Русско-Китайского банка с правительством Поднебесной. Министр не скрыл, что он хорошо осведомлён из Пекина о содержании переговоров. Ю. Комура подчеркнул, что считает недопустимым закрепление за банком монопольных прав и что Япония не препятствовала бы соглашению, если речь в нём шла только об определённом виде концессий или строго очерченной территории, например, полосе отчуждения КВЖД (А.П. Извольский – в МИД 10 февраля 1902 г. // Там же. Д.202. Л.1–2). Это, очевидно, открывало путь к дискуссии и по корейскому вопросу, но в Петербурге не обратили на это внимания.

²⁶⁰ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 2 февраля 1902 г. // РГИА. Там же. Д.207. Л.17–18; Симанский П.Н. Там же. С.150–154.

²⁶¹ Japan Mail. 1902. 6 февраля // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». II-й год издания. С 3-го июля 1901 по 30-е июня 1902 г. Владивосток, 1902. С.601.

²⁶² Там же. С.664.

дезауировав согласие на политику «открытых дверей», данное Вашингтону. «Можно спокойно смотреть на дверь, открытую в доме соседа, живущего через улицу, но нельзя не наблюдать за входом в смежный с собственным владением дом, с которым есть прямое сообщение». Аналогия была призвана обосновать вывод: политика «открытых дверей» «имеет разное положение по отношению к взаимному положению государств»²⁶³. Возможно, для итальянцев такая тирада и выглядела убедительно, но вот для других – нет.

Д.Д. Покотилов признал: протест американцев спровоцировали некорректные действия России в Нючжуане²⁶⁴. Благодаря таким разъяснениям С.Ю. Витте, подумав, снял два условия: он допустил в Маньчжурию иностранный капитал и разрешил приобретать концессии тем, кто не являлся клиентами Русско-Китайского банка²⁶⁵. Министр финансов решил искать удовлетворения своим намерениям, перенеся центр тяжести на отдельные договора банка с цзянь-цзюнями относительно предоставления кредитному учреждению прав на наиболее лакомые концессии в Маньчжурии (золото, железо, нефть, никель, каменный уголь и лес)²⁶⁶. Он понимал, что концессионеры «за недостатком у нас свободных капиталов поневоле должны будут искать денежной помощи за границей»²⁶⁷. Но С.Ю. Витте намеревался жёстко настаивать на монополии Русско-Китайского банка в обслуживании концессий, понимая, что иначе как договорным путём сохранить контроль за ними невозможно²⁶⁸. Ряд концессий он хотел бы оставить за КВЖД²⁶⁹. В крайнем случае министр финансов соглашался, чтобы концессии испрашивались на частных лиц, но с обязательной возможностью их переуступки²⁷⁰.

²⁶³ А.И. Нелидов – в МИД 26 февраля 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.100. Л.112–113.

²⁶⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 6 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.125–126. По-видимому, имеются в виду установление контроля за таможенными и требование Китаю оставить санитарный надзор за русскими врачами.

²⁶⁵ Проект соглашения [китайского правительства с Русско-Китайским банком], составленный 26 января 1902 г. // Там же. Л.102.

²⁶⁶ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 4 февраля 1902 г. // Там же. Д.207. Л.21.

²⁶⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 30 января 1902 г. // Там же. Л.12. Аналогичную телеграмму, но уже в виде инструкции министр финансов направил Д.Д. Покотилу 4 февраля 1902 г. (Там же. Оп.22. Д.211. Л.79). В число желаемых к получению входила и лесная концессия на китайском берегу р. Ялу.

²⁶⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 февраля 1902 г. // Там же. Оп.28. Д.207. Л.20. Это одно из красноречивых признаний того, что министр финансов отказался от чисто экономического завоевания даже не Китая, а Маньчжурии, понимая, что это совершенно невозможно (Романов Б.А. Указ. соч. С.369).

²⁶⁹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.30–31.

²⁷⁰ С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 13 февраля 1902 г. // Там же. Л.41.

Но и на этом пути Россию поджидало немало трудностей. Так, Д.Д. Покотилов сообщил, что мукденский цзянь-цзюнь не хочет выдавать безобразовцам лесную концессию на р. Ялу (помимо П.М. Лессара в Пекине переговоры о ней на месте вёл С.А. Колоколов)²⁷¹. Китайский чиновник увязал предоставление концессии с выводом русских войск из Шеньцзинского фудутунства. Он получил указание из Пекина не предоставлять русским никаких льгот²⁷². Д.Д. Покотилов также выяснил, что иностранцы уже всю действовали в Маньчжурии: японцы намеревались взять концессию на уголь около Мукдена, а американцы якобы уже получили право на серебряные разработки под Гирином²⁷³. Единственным успехом стало, пожалуй, заключение соглашения между КВЖД и хэйлуцзянским цзянь-цзюнем, разрешавшее добычу угля, и то оно было подписано задним числом, так как из Пекина пришёл запрет на выдачу концессий²⁷⁴.

Впрочем, усилия министра финансов оказались напрасны: 30 января 1902 г. Д.Д. Покотилов сообщил, что 29 января (11 февраля) князь Цин уведомил его о решении Китая вообще прекратить переговоры, объяснив его протестами США и Японии против договора с Русско-Китайским банком²⁷⁵. Возможно, что Пекин осмелел, получив известие о заключении англо-японского союза 17 (30) января 1902 г., поддержанном, кстати, Вашингтоном. Руководство Китая почувствовало себя настолько уверенно, что стало требовать от России заключить соглашение об эвакуации Маньчжурии без всяких дополнительных договоров, угрожая в противном случае обратиться за содействием в этом вопросе к другим державам²⁷⁶. До начала 1902 г. столь определённый и резкий тон не был свойственен правительству Поднебесной в переговорах с Россией.

В ответ С.Ю. Витте опять отступил. Он сообщил В.Н. Ламздорфу: надо идти на соглашение с Китаем, хотя бы оно оказалось «менее совершенное по форме и отчасти по существу». Продолжать оккупацию Маньчжурии министр финансов в любом случае считал невозможным²⁷⁷. В.Н. Ламздорф не только полностью принял позицию С.Ю. Витте, но и указал А.Н. Куропат-

²⁷¹ Подробнее об этом см. главу 9 «Безобразовцы: царская “неофициальная” политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.».

²⁷² Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.58–59.

²⁷³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 16 февраля 1902 г. // Там же. Л.44.

²⁷⁴ А.И. Югович – С.Ю. Витте 24 февраля 1902 г. // Там же. Л.48–50.

²⁷⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 30 января 1902 г. // Там же. Д.201. Л.118; Симанский П.Н. Указ. соч. С.154.

²⁷⁶ П.М. Лессар – в МИД 12 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.128–129.

²⁷⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 20 февраля 1902 г. // Там же. Л.131–133; Романов Б.А. Указ. соч. С.347. Б.А. Романов связал уступчивость министра финансов также с заключением англо-японского союза.

кину на недопустимость сепаратных агрессивных действий Военного министерства в Маньчжурии²⁷⁸. Фактически это являлось признанием полного поражения в попытке закрепить экономические преимущества России в Северном Китае договорным путём – политики, которой С.Ю. Витте следовал в 1900–1902 гг. и которая пришла на смену его предыдущего курса на экономическое доминирование Петербурга в большей части Китая и вообще в Азии с первой половины 1890-х гг. Своеобразный приговор этому курсу вынес П.М. Лессар, также, кстати, предложивший всё-таки подписать соглашение с Китаем о выводе войск (одностороннее заявление означало бы установление враждебных отношений с Пекином): «Требование монополии концессий [в Маньчжурии – И.Л.] вооружило против нас и тех, которые обыкновенно оставались нейтральными. Все иностранные представители, кроме французского, давали враждебные нам советы, китайцы их слушали и всё более и более приходили к убеждению, что мы их единственные недруги и, наконец, под влиянием японско-английского соглашения стали мечтать даже об удалении нас из Маньчжурии при помощи иностранцев без всяких условий. Только русско-французская декларация (данная в ответ на англо-японский союз – И.Л.) восстановила равновесие²⁷⁹. Китайцы поняли, что зашли слишком далеко и сразу изменили тон отношений»²⁸⁰. П.М. Лессар ещё с оптимизмом воспринимал происходящее. Дальнейшие события показали, что отношение Пекина к России менялось лишь в худшую сторону. Д.Д. Покотилов сообщал: «не подлежит, конечно, сомнению, что именно уступчивость наша и является главной причиной китайской медлительности. По всем маньчжурским вопросам китайцы бегают теперь за советом в японскую миссию, где, конечно, им рекомендуют стараться выжимать из нас всё возможное, с обещаниями поддержки и помощи в случае нашего упорства»²⁸¹. А.Э. Дмитриев-Мамонов дополнил: «По моему мнению, наше господствующее положение в чисто банковском деле не должно быть основано на договорах, вынужденных силой»²⁸².

²⁷⁸ В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткину 22 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.201. Л.135–136.

²⁷⁹ Русско-французская декларация, принятая 3 (16) марта 1902 г., выражала удовлетворение тем, что одной из целей англо-японского договора 17 (30) января 1902 г. стороны объявили «подтверждение существующих начал» в делах Дальнего Востока. Конечно, это был слабый, но всё же ответ новому союзу (её текст см.: Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С.154).

²⁸⁰ П.М. Лессар – в МИД 27 марта 1902 г. // Там же. Д.202. Л.4.

²⁸¹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 марта 1902 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.88.

²⁸² А.Э. Дмитриев-Мамонов – А.Ю. Ротштейну 12 апреля 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.883. Л.153 об.

Свои аргументы имелись и у тех, кто был против сдачи позиций. Так, военный агент в Японии В.К. Самойлов рассуждал: если Россия очистила бы Маньчжурию, даже настояв на подписании сепаратного договора, то это всё равно демонстрировало бессилие не Пекина, а Петербурга. В этом случае иностранцы усилили бы давление, стремясь открыть для внешней торговли новые порты и т.д.²⁸³ Но у этой позиции имелась очевидная слабость: как ни поступи, а Россия всё равно терпела бы ущерб. По логике вещей, следовало бы проанализировать последствия, чтобы минимизировать риски и потери. Однако об этом никто тогда не позаботился. Справедливо заключение Б.А. Романова: «Чем дольше длилась такая бессрочная <...> оккупация, тем легче маньчжурский вопрос мог быть обращён для России в предмет острого международного конфликта»²⁸⁴.

8 марта 1902 г. С.Ю. Витте прямо признал перед Николаем II неудачу переговоров с Китаем по поводу заключения соглашения от имени Русско-Китайского банка из-за протестов США, Англии и Японии. Министр финансов, однако, предполагал продолжить переговоры, уже от имени КВЖД, активно используя взятки, а также стремиться к приобретению (!) земельных участков в Маньчжурии²⁸⁵.

8.10. Русско-китайское соглашение 26 марта 1902 г.

Русско-китайское соглашение о выводе войск из Маньчжурии было подписано 26 марта (8 апреля) 1902 г. в Пекине. В обмен на удаление воинских частей из Маньчжурии Россия получила подтверждение Китаем контракта на строительство КВЖД (косвенно это можно было трактовать так, что союзный договор 1896 г. уже не действует). Из договора исчезло практически всё, на чём пытался настоять Петербург, за исключением обязательства Китая не строить железных дорог в Маньчжурии без предварительного соглашения с Россией. Русско-Китайский банк и какие-либо концессии вообще не упоминались. По моему убеждению, сам договор нельзя рассматривать только как неудачу России, но он означал невозможность проведения политики «договорных преимуществ», к которой прибёг С.Ю. Витте после краха экономической экспансии.

История подготовки сепаратного соглашения стала первым крупным провалом прежде всего для С.Ю. Витте, который чаще всего играл в этих переговорах ключевую роль. В ходе обсуждений явственно проступили изменения

²⁸³ В.К. Самойлов – Е.И. Алексееву 17 июля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.139. Л.3–8.

²⁸⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.292–293.

²⁸⁵ Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте 8 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.80–83.

во взглядах министра финансов на цели и методы дальневосточной политики. Сначала он отказался от движения в Центральный и Южный Китай, сосредоточившись на его северных окраинах, позднее С.Ю. Витте также признал, что чисто экономические рычаги не приносят желаемых результатов и сделал ставку на закрепления экономических преимуществ с помощью договоров – путь, который также не принёс результата. Весьма показательны были серьёзные расхождения во взглядах на цели и методы русской политики на Дальнем Востоке, которые выявились между С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткиным и В.Н. Ламздорфом. Если министры финансов и иностранных дел всё-таки без особых затруднений находили общий язык, то военный министр не всегда соглашался на компромиссы и стремился настоять на собственных решениях. С этого времени уже можно говорить о системном кризисе всей дальневосточной политики России. Я имею в виду то, что механизм постановки целей и выбора путей их реализации окончательно перестал работать как единое целое. После 1902 г. Петербург так и не мог решить, что именно он хочет и возможно ли этого добиться. Всё тонуло в соперничестве сановников, к которым к тому же подключились безответственные личности. Бессодержательная борьба продолжилась и далее, в 1903–1904 гг. и, можно сказать без преувеличения, именно она проложила дорогу к русско-японской войне 1904–1905 гг. (разумеется, со стороны России).

Соглашение 26 марта 1902 г. об эвакуации Маньчжурии не консолидировало российские верхи (хотя, казалось бы: раз решение принято – его надо выполнять). Вместо этого последовала новая дискуссия. Уже через пару месяцев в Берлине было опубликовано в 25 экземплярах явно инспирированное письмо неизвестного (Z) к С.Ю. Витте, в котором содержалась как критика предшествующей политики министра финансов на Дальнем Востоке, так и договора 26 марта 1902 г. Z считал, что существование русской железной дороги в китайской Маньчжурии ненадёжно, как показало боксёрское восстание. Выход ему виделся в строительстве новой трассы Сретенск–Благовещенск, чтобы аннексировать отрезаемую часть Северной Маньчжурии от Китая (т.е., возвращение к плану С.М. Духовского и его сторонников 1895 г.)²⁸⁶. Порт-Артур предлагалось вернуть Пекину. Это, по мнению автора, решало все проблемы России в Маньчжурии²⁸⁷. Надо признать, что некий автор, скрывшийся за псевдонимом, точно указал на самую уязвимую точку политики С.Ю. Витте: Маньчжурию не удалось «приобрести» «мирным путём». Z в сущности предложил отказаться от политики экспансии на Дальнем Востоке, и, несмотря на его полемику с министром финансов, это

²⁸⁶ Подробнее об этом см. главу 1 «Сибирская железная дорога и КВЖД».

²⁸⁷ Z. Маньчжурский вопрос. Посвящается С.Ю. Витте. [Берлин, 1902] // Там же. Оп.28. Д.252. Л.89–102.

было то, к чему пришёл сам сановник. Может быть, не случайно, что возражения на эту записку последовали из Министерства иностранных дел, а не из Министерства финансов.

На записку Z во внешнеполитическом ведомстве быстро подобрали контраргументы, удостоившиеся похвалы Николая II («прекрасный ответ»), продолжавшего, по-видимому, верить в «большую дальневосточную программу». Их подготовил И.Я. Коростовец, дипломатический агент при Е.И. Алексееве, хорошо знакомый с проблемой, но придерживавшийся иной, чем С.Ю. Витте, точки зрения на действия России в Азии. В записке же, так понравившейся императору, были смешаны аргументы, взятые из разных подходов к проблеме, вместе выглядевшие странно. Получалось, что маньчжурский вопрос для России – это не поиск рынков, как ранее утверждал С.Ю. Витте, а прежде всего, неизбежное бремя цивилизаторской миссии империи на Востоке, никак не связанное с КВЖД. Россия в силу своего географического расположения вынуждена «быть носительницей культуры в прилегающих азиатских странах». Министр иностранных дел неожиданно решил обвинить Китай в агрессивных замыслах по отношению к русским владениям на Дальнем Востоке, словно вернувшись в 1880-е гг. Он припомнил планы сооружения железной дороги от Тяньцзина до Инкоу и далее на Мукден–Гирин, существовавшие до КВЖД, объявив, что «эта линия должна была иметь стержневое значение в предвидении столкновения с Россией». И лишь японо-китайская война 1894–1895 гг. помешала Пекину осуществить свой коварный замысел. Но самым интересным в записке оказались некоторые оценки прежних действий Петербурга. В.Н. Ламздорф признал захват Порт-Артура далеко не лучшей комбинацией, так как из-за него России пришлось «на время покинуть Корею». Отказаться же от порта нельзя – туда уже ушли многие миллионы рублей. Невозможно и присоединить к себе часть Маньчжурии – это ослабит Китай и скорее всего, вызовет в нём новые массовые движения. Самым поразительным выглядел завершающий вывод: «русским совершенно чужды миссионерская и коммерческая эксплуатация» Срединной империи. Не она, а мы «можем претендовать на чрезмерный наплыв китайской торговли и предприимчивости в наш Уссурийский край»²⁸⁸.

Учитывая, что как записка Z, так и ответ на неё, подписанный В.Н. Ламздорфом, не предназначались для широкого распространения, то очевидно, что мы имеем дело с новой доктриной российской дальневосточной политики, сформулированной в 1902 г. и разительно отличавшейся от того, что было даже в 1899–1900 гг. Оказалось, что это не Россия вела экспансию, а Китай угрожал ей как экономически, так и просто своим соседством (беспорядки). То есть, в записке МИД прозвучало отречение от инициативной

²⁸⁸ [Коростовец И.Я.] Возражения на брошюру «Маньчжурский вопрос», подготовленные в МИД [19 июля 1902 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.84–88.

политики на Дальнем Востоке, все действия России сводились к ответам на вызовы, исходящие от соседа. Очевидна цель такого подхода – снять с себя побольше ответственности за предшествовавшие неудачи. Понятно, что за содержанием записки стоял также и С.Ю. Витте, и она составлялась для внутреннего употребления, чтобы дать ещё одну отповедь военным, прежде всего А.Н. Куропаткину. Но МИД не предложил ничего позитивного в маньчжурском вопросе. Выхода из ситуации, несмотря на критику анонимного автора, в тексте никак не просматривалось. Единственно, что следовало из общего направления записки, так это то, что в Маньчжурии нельзя предпринимать никаких активных и тем более – захватнических действий. Эта идея получила развитие у С.Ю. Витте в конце 1902 – первой половине 1903 гг. (особенно после его поездки на Дальний Восток осенью 1902 г.).

Ситуация же в Маньчжурии в 1902–1903 гг., как до, так и после подписания договора 26 марта 1902 г. и продолжающейся её оккупации была далеко не однозначной. Отношение китайцев к русским войскам оказалось скорее нейтральным, но не враждебным, так как их пребывание давало возможность дополнительных заработков. Тем не менее, положение не выглядело благоприятным. Вместе с наплывом китайских рабочих на строительство южной ветки к Порт-Артуру проникали хунхузы, усиливалось брожение населения. Российские военные весной 1902 г. констатировали: «В общем, замечается сходство с обстановкой, которая предшествовала боксёрскому движению 1900 г.»²⁸⁹. Среди китайцев распространялись слухи о скором нападении японцев и о грядущем указе богдыхана изгнать всех русских из Маньчжурии²⁹⁰. Стички и нападения китайцев фиксировались уже десятками каждую неделю. Однако это настроение не стало ещё повальным, в общем порядок сохранялся.

Совершенно иной оказалась реакция чиновников. Они в своей массе ненавидели русских, так как с их приходом потеряли значительную часть своей власти и престижа в глазах населения. Это означало, что поборы с подданных неизбежно уменьшились. Кроме того, с февраля 1902 г. российские дипломаты отмечали обострение отношений местных властей с военными: чиновники стали преследовать китайцев, сотрудничавших с русскими, увеличили торговые пошлины, стремясь облагать ими русские товары, наконец, при их прямом участии пошли слухи о готовящейся войне Китая и Японии с Россией²⁹¹.

---

²⁸⁹ Телеграмма генерала В.С. Волкова из Порт-Артура начальнику Главного штаба 22 мая 1902 г. // РГИА. Ф.323. Оп.2. Д.30. Л.8.

²⁹⁰ Секретная телеграмма начальника Заамурского округа пограничной стражи И.Я. Дитерихса – командиру Отдельного корпуса пограничной стражи А.Д. Свиньину 29 мая 1902 г. // Там же. Л.14.

²⁹¹ Выписка из донесения чиновника МИД в Цицикаре Н.В. Богоявленского 22 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.47–48.

Участились и жалобы на русских солдат. С другой стороны, их стали чаще оскорблять, бросать в них камни и т.п. Гириному цзянь-цзюню пришлось даже выпустить специальное обращение, в котором «разъяснялось», что виноваты в инцидентах не русские солдаты, а некие «дурные люди»²⁹². Впрочем, сами русские часто провоцировали конфликты. Д.Д. Покотилов сообщал С.Ю. Витте факты возмутительного отношения военных к китайцам, полученных от агентов Русско-Китайского банка. В Мукдене казаки избили ближайшего помощника цзянь-цзюня, а после того, как он стал жаловаться, командование настояло на его удалении из города. Дипломатического агента С.А. Колоколова, заступившегося за китайца, обвинили в том, что он возбуждает местное население против русских²⁹³.

Китайцы принимали ответные меры. Это выразилось, в частности, в решении не давать концессии, активизировать переселение китайцев в Маньчжурию в ответ на попытки заселения полосы КВЖД русскими²⁹⁴. Не удивительно, что у местной администрации имелось более чем достаточно поводов для того, чтобы жаловаться в Пекин на грабежи, на требование поставок продовольствия по заниженным ценам и т.п. Николай II, до которого также доходили подобные сведения, принял сторону военных: «Рассказам китайцев я не верю. Какой-нибудь случай грабежа тотчас же обобщается ими и, к стыду нашему, чиновниками М[инистерств]ва ин[остранных] дел и др[угими] русскими»²⁹⁵. Наверное, напрасно. К концу 1903 г. в Пекине уже сложилась легенда о свирепом образе действий и несправедливостях, которые чинят русские власти в Маньчжурии китайским чиновникам.

За это время можно отметить, пожалуй, лишь одно нестандартное решение, которое оказалось записано в пользу России – неожиданная для англичан передача китайцам железной дороги Шанхайгуань–Инкоу (Лондон после подавления боксёрского восстания не хотел расставаться с магистралью от Пекина до Шанхайгуаня). Передача также произвела сильное впечатление на китайцев. Д.Д. Покотилов предлагал воспользоваться настроением, чтобы «оборудовать» концессионное дело в Маньчжурии²⁹⁶. Однако этот акт так и остался эпизодом, не характерным для политики России в Китае в 1902–1903 гг.

²⁹² Обращения гириного цзянь-цзюня к населению 13 и 26 марта 1902 г. (перевод) // ОПИ ГИМ. Ф.307. Оп.1. Д.63. Л.12, 15.

²⁹³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 31 октября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.142–146.

²⁹⁴ Перевод письма Юань Дахуа канцлеру Ван Вэньшао в Пекин, октябрь 1902 г. // Там же. Л.143–145.

²⁹⁵ Резолюция Николая II на донесении Д.Д. Покотилова 1 декабря 1902 г. // Там же. Л.142.

²⁹⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 14 сентября 1902 г. // Там же. Д.16. Л.140.

Не в пользу России оказались и перемены в китайских верхах. Место умершего Ли Хунчжана на китайском олимпе занял Жун Лу. Он являлся членом Государственного совета и определял течение многих дел в Вай-ву-бу (Министерстве иностранных дел). Сам он занимал умеренную позицию, поддерживая чилийского генерал-губернатора Юань Шикая, сторонника сближения с Японией. Однако возвышение Жун Лу длилось недолго: 29 марта (11 апреля) 1903 г. он умер, его место занял князь Цин, также выражавший прояпонские симпатии. Правда, для Юань Шикая настали не лучшие времена: в Пекине отложили инициированное им введение гербового сбора, императрица не утвердила ряд его мелких просьб²⁹⁷. Но в целом руководство Китая занимало всё более антирусскую позицию.

8.11. Маньчжурский вопрос в русско-китайских отношениях в 1902–1903 гг.

26 марта 1903 г. завершился первый этап вывода русских войск из Маньчжурии. За полгода до этого П.М. Лессар предупреждал: «Как неблагоприятно бы отразилось промедление в соблюдении нынешнего срока, так, напротив, трудно себе представить, какое прекрасное впечатление произведёт не только в Китае, но и в других странах точное выполнение в этом отношении соглашения от 26-го марта. Ему бы желательно придать характер рыцарского, благосклонного Китаю поступка»²⁹⁸. Однако Петербург и военные действовали с точностью до наоборот. В результате приближение 26 марта 1903 г. заметно накалило обстановку в Северном Китае. Многие были уверены, что Россия не выполнит своих обещаний и что она не собирается уходить из Маньчжурии. Из Пекина поступала информация, что российский посланник не только настаивал на заключении нового соглашения до начала второго этапа вывода русских войск, но и предлагал совместное управление Северным Китаем²⁹⁹. Циркулировал даже слух, что в Маньчжурии готовится восстание против русских. Конечно, это совпадало с ростом неприязни к соседу³⁰⁰. Усиливалось недовольство и в Японии. Причём действия Петербурга имели двойной негативный для него эффект: японцы, в обычной ситуации может быть и пропустили бы многое, сейчас же, из-за вызывающих действий России они в ответ лишь пристальнее присматривались к Маньчжурии, находя там всё больше своих ущемлённых интересов. Играли свою роль и участвовавшие жалобы маньчжур-

²⁹⁷ Там же. Д.5.

²⁹⁸ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 22 июля 1902 г. // Там же. Д.255. Л.10.

²⁹⁹ «Japan Times». 1903. 15 февраля // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.355–356.

³⁰⁰ В.Ф. Люба – в МИД 9 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.200–203.

ских властей. Мукденский цзянь-цзюнь Цзен Ци требовал твёрдой политики по отношению к России. Правители Поднебесной ещё боялись проводить открыто враждебный России курс, но среди них уже сложились две группировки. Если князь Цин и его сторонники занимали осторожную позицию, то клан Юань Шикая, не утративший влияния, требовал от императора твёрдости. Его поддерживало большинство губернаторов и генерал-губернаторов Китая. По мнению Д.Д. Покотилова, в начале 1903 г. «вторая враждебная нам партия одерживает, по-видимому, верх»³⁰¹. В мае 1903 г. Д.М. Позднеев сообщал, что за время отсутствия в Пекине П.М. Лессара (он страдал онкологическим заболеванием, дипломат даже ездил в Петербург на лечение), «китайцы резко изменили своё отношение к русским»: «постоянно обнаруживается резкий тон, неуступчивость и высокомерие»³⁰².

Вопрос о недопустимости вывода русских войск из Маньчжурии был поднят в начале 1903 г. (тоже – в связи с приближением промежуточной даты) военными и Е.И. Алексеевым. Главный начальник Квантунской области рассматривал эвакуацию войск из Северного Китая как огромную ошибку. Он был за присоединение Маньчжурии к России, но опасался высказывать это вслух. Адмирал пошёл на тактический ход: он настаивал на «продолжительной военной оккупации» провинций Китая, полагая, что это быстро создаст там хаос и сделает их аннексию Россией неизбежной³⁰³. Схожей точки зрения придерживался посланник в Токио Р.Р. Розен, считавший, что вывод русских войск ничего не даст, Петербург лишь потеряет вложенные туда огромные деньги. Поэтому над Северным Китаем следовало бы установить российский протекторат³⁰⁴. К аналогичному выводу, но с несколько иных позиций пришёл посланник в Пекине П.М. Лессар. Он полагал, что торговая деятельность иностранцев в Маньчжурии не угрожала бы русскому влиянию, если бы они не преследовали политических целей. Но, к его сожалению, именно так и происходило, поэтому «предупредить неблагоприятный для России результат возможно [было] лишь под условием полного присоединения Маньчжурии»³⁰⁵. Удивительнее всего, что эту точку зрения принял С.Ю. Витте («я в общем соображения Лессара разделяю»). Правда, министр финансов оговорился, что присоединение Маньчжурии вызовет новые значительные расходы³⁰⁶. То есть, относительно желаемого будущего Северного

³⁰¹ Д.Д. Покотиллов – А.И. Путилову 14 января 1903 г. // Там же. Л.167.

³⁰² Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 29 мая 1903 г. // Там же. Д.5. Л.87.

³⁰³ И.Н. Протасьев – А.И. Путилову 27 мая 1903 г. // Там же. Д.255. Л.188; Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 7 июня 1903 г. // Там же. Л.194.

³⁰⁴ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 5 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.205–209.

³⁰⁵ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 11 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.199.

³⁰⁶ Резолюция С.Ю. Витте на письме В.Н. Ламздорфа 11 июня 1903 г. // Там же.

Китай можно заключить, что в российском руководстве сложился почти полный консенсус, выражаемый простой фразой: Маньчжурия должна стать нашей. Речь о «мирном завоевании» уже не шла – показательная эволюция политики Петербурга и лично министра финансов.

Сложнее дело обстояло с текущими действиями и возможностью быстрого осуществления этого желания. Немедленно объявить об аннексии боялись практически все, опасаясь в первую очередь протестов других держав, особенно Англии и Японии. Но, конечно, и выводить войска из Маньчжурии, по общему мнению, не следовало. В такой обстановке напрашивался ход: обусловить уход русских частей рядом гарантий. 13 марта 1903 г. Г.А. Плансон, дипломатический чиновник при наместнике, сообщил подготовленные им условия Китаю. Он требовал от Пекина безусловной неотчуждаемости возвращаемых территорий, оплаты санитарной организации в Инкоу, признания Русско-Китайского банка таможенным, сохранения в русских руках телеграфной линии Порт-Артур–Инкоу–Мукден, подтверждение уже полученных русскими концессий, добивался запрета открывать новые пункты для иностранной торговли без согласия России, приглашать иностранцев на административные должности в Северном Китае³⁰⁷. От идеи включить в условия предоставление лесной концессии на р. Ялу (предложение В.Н. Ламздорфа) чиновник отказался, объяснив своё решение тем, что это разоблачит её политический характер.

Условия Г.А. Плансона понравились министру иностранных дел, который высоко оценил их автора («Вот действительно толковый человек!»)³⁰⁸ и 28 марта доложил их Николаю II. Царь добавил к ним лишь пожелание А.Н. Куропаткина о Монголии. 5 апреля 1903 г. Россия в ноте Китаю изложила свои условия Пекину³⁰⁹. В отношении некоторых из них среди российского руководства существовал ряд разногласий. Е.И. Алексеев был категорически против открытия для иностранцев ряда пунктов в Маньчжурии³¹⁰. Он также

³⁰⁷ Две телеграммы Г.А. Плансона 13 марта 1903 г. // Там же. Л.85–87; Романов Б.А. Указ. соч. С.420.

³⁰⁸ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Вите 27 марта 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.105.

³⁰⁹ Условия России вскоре попали в печать. «Shanghai Times» 5 мая 1903 г. опубликовала 7 из них: запрет на уступки в Маньчжурии иностранцам, для внешней торговли открыт лишь порт Нючжуан, иностранцы не могут участвовать в управлении Маньчжурией, русским передаётся заведование морской таможней в Нючжуане и право соорудить телеграф от Нючжуана до Пекина, наконец, сохранение всех привилегий Русско-Китайского банка и других русских учреждений (Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.479). Эта статья оказалась почти дословным изложением российской ноты 5 апреля 1903 г.

³¹⁰ Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 9 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.174. Л.2.

предлагал добавить к русским условиям введение автономии в Цзиньчжоу и выдачу Пекином лесной концессии на р. Ялу³¹¹. В.Н. Ламздорф полагал необходимым допустить иностранную торговлю в Маньчжурии, уступив прежде всего, американцам. Это имело большое значение для русско-американских отношений по Китаю, так как при обсуждении американо-китайского соглашения о торговле Пекин сослался на то, что именно Россия препятствует включению в соглашение ряда пунктов в Маньчжурии – то есть, перевёл ответственность за это на Петербург³¹². Вообще наместник и отчасти министры недооценивали вопрос о свободе торговли. Ведь европейские представители в Пекине особенно не возражали против продолжения оккупации Северного Китая русскими войсками, лишь бы существовала свобода торговли³¹³. Вообще против дополнительных условий был С.Ю. Витте, полагавший, что это не поможет удержать за собой Маньчжурию. Для преодоления разногласий 13 апреля 1903 г. состоялось частное совещание нескольких министров (на нём присутствовали, в частности, С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф)³¹⁴.

Несмотря на уже сформулированные дополнительные условия Китаю, Николай II дал противоречивую установку: «Договор 26 марта должен быть выполнен, но без ущерба для охраны железной дороги и вообще нашего престижа и реальных экономических интересов в Маньчжурии», поручив реализовать её Е.И. Алексееву³¹⁵. Очевидно, что император не понимал: только исполнение договора могло сохранить престиж. Об интересах, точнее, бывших планах экспансии, следовало забыть: их невозможно было осуществить и при продолжении оккупации.

В ходе порт-артурских совещаний, состоявшихся 18–28 июня 1903 г., дополнительные требования к Китаю стали одним из главных предметов обсуждения. Перечень уже предъявленных Пекину 5 апреля 1903 г. новых условий участники только расширили. Всего совещание (под явным воздействием Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина – сторонников аннексии Маньчжурии) приняло 10 требований к Китаю. Наиболее существенными из них, по мнению В.Н. Ламздорфа, были: обязательство Китая не уступать иностранцам никакой части возвращаемой ему Маньчжурии; сохранение русских военных постов на р. Сунгари для охраны судоходства, а также на трассе Цицикар–

³¹¹ Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 21 марта 1903 г. // Там же. Л.1в.

³¹² В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 3 июня 1903 г. // Там же. Д.133. Л.34.

³¹³ «Shanghai Mercury». 1903. 7 мая // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.478.

³¹⁴ Его факт упомянут в письме В.Н. Ламздорфа С.Ю. Витте 14 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.121.

³¹⁵ Телеграмма Николая II Е.И. Алексееву 27 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.58–59.

Благовещенск; запрет на административные должности в Северном Китае для иностранцев; свобода от таможенного обложения товаров, провозимых по КВЖД. Очевидно, что список требований оказался слишком велик и содержал мелочные условия. А главное, порт-артурские совещания пошли против предыдущей политики России: вместо уступчивости – усиление требовательности и давления. Однако совещание трёх министров в Петербурге 1 августа 1903 г., рассматривая заключения порт-артурских совещаний, значительно сократило число русских условий (с 10 до 5). Е.И. Алексеев не принял позиции трёх министров, продолжая настаивать на жёстком поведении относительно Пекина. Он допускал возможным отказаться только от нескольких малозначительных условий (ст.4–5 – телеграфные линии и возмещение Китаем ущерба). Статьи 7 (о санитарном надзоре в Инкоу) и 8 (об охране русских предприятий) и «в особенности» ст.10 (преимущественные права русских в Маньчжурии на разработку ископаемых) наместник считал обязательными³¹⁶. Любопытно, что Е.И. Алексеев с самого начала увязывал маньчжурскую проблему и соглашение с Японией по Корее, полагая, что вывод войск лишь ослабит позиции России, так как будет трудно противостоять её домогательствам³¹⁷. Тем не менее, его позиция не одержала верх: в инструкциях, данных 19 августа 1903 г. П.М. Лессару, осталось всего пять пунктов. Ими стали запрет на отчуждение маньчжурской территории иностранцами, назначение их военными инструкторами, установление русских постов на р. Сунгари и на трассе Благовещенск–Цицикар и защита интересов КВЖД.

Но у России не имелось рычагов серьёзного давления на Китай, Пекин этим успешно пользовался. 25 августа 1903 г. правители Поднебесной учредили Министерство торговли, которое возглавил Цзай Чжен – сын князя Цина. В его ведение поступили все железнодорожные и горные концессии в стране. Чуть позже, 19 ноября 1903 г. появились новые правила строительства железных дорог в Китае, максимально ужесточившие контроль за участием иностранцев³¹⁸. По этому образцу 4 марта 1904 г. были также приняты горные правила, утверждавшие произвол в выдаче концессий. В конце 1903 г. маньчжурские власти (в частности, хэйлунцзянский цзянь-цзюнь Са Бао) уже требовали возврата китайцам старых приисков³¹⁹. Кроме того,

³¹⁶ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 23 августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.137. Л.194–195.

³¹⁷ Телеграмма Е.И. Алексеева 24 августа 1903 г. // Там же. Л.198.

³¹⁸ Новые железнодорожные правила Китая, утверждённые 19 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.502. Л.5–11. Показательно, что в них закреплялась английская ширина колеи (т.е., узкая), а за китайцами – не менее 30% акций дороги. Решение о строительстве магистрали принималось только в Пекине, исходя из её целесообразности (то есть, можно было отказать без объяснения причин).

³¹⁹ Телеграмма Н.М. Поппе Е.И. Алексееву 24 сентября 1903 г. // Там же. Д.501. Л.2.

если до 26 сентября 1903 г. Россия имела законное право присутствовать в Маньчжурии, а Китай не мог открыть её для иностранцев, то после истечения срока Петербург уже нарушал права других держав, которые имели все основания претендовать на соблюдение торговых договоров (этим воспользовались Англия и США)³²⁰. По мнению посланника России в Пекине, «какие бы ни были приняты решения в Петербурге, на месте они будут расстроены отчасти пассивным сопротивлением, отчасти – разными хитростями». П.М. Лессар также полагал, что требования Е.И. Алексеева «ни в коем случае не могли быть приняты китайцами»³²¹.

21 августа 1903 г. дипломат получил распоряжение из Петербурга приступить к переговорам с китайским руководством на основе условий, выработанных 1 августа на совещании трёх министров (то есть, точка зрения заместника была фактически проигнорирована). Переговорам также сильно вредили неважные отношения между П.М. Лессаром и Е.И. Алексеевым. В частных письмах посланник жаловался, что заместитель не считался ни с его мнениями, ни с его положением (требовал, например, от него добиваться в Пекине «торжественного акта» – т.е., чтобы Китай публично обещал исполнить условия России, что по мнению дипломата, было нереально), а также на то, что Г.А. Плансон непрофессионально ведёт дела³²². Помимо всего, заместитель, кажется, не учитывал, что П.М. Лессар в это время уже тяжело болел и с большим трудом исполнял свои повседневные обязанности, не говоря уж о таком сложном деле, как ведение переговоров по Маньчжурии, которое ему было просто не под силу. Тем не менее, Петербург почему-то пренебрёг этим обстоятельством. В официальной же корреспонденции посланник в Пекине слал в столицу чуть ли не победные реляции, убеждая начальство, что там крепнет понимание: руководству Поднебесной не получить международной поддержки в связи с Маньчжурией. Поэтому большое значение придаётся дате 26 сентября 1903 г. – сроку завершения эвакуации Маньчжурии. П.М. Лессар писал, что Китай готов пойти «на многие уступки», чтобы добиться завершения вывода русских войск, поэтому «в настоящее время есть надежда получить всё, что мы желаем, без потрясений». Правда, дипломат оговаривал, что требования по Маньчжурии следовало бы предъявлять частя-

³²⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 26 августа 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.88–89.

³²¹ П.М. Лессар – В.С. Оболенскому 20 января 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.139. Л.3.

³²² В ответ заместитель обвинил П.М. Лессара в намерении предъявить Китаю требования «в решительной форме», предварительно заключив ряд частных соглашений, а он, Е.И. Алексеев, лишь добавил к этому идею «торжественного обещания» верховной пекинской власти (Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 11 декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.145. Л.18–19).

ми, так как выдвижение их одним списком принимало «форму нового договора, отдающего России Маньчжурию». В этом он несомненно был прав. Но в целом П.М. Лессар явно дезинформировал руководство³²³. Его официальная переписка сильно контрастировала с частной, адресованной в том числе и крупным чиновникам, поэтому руководство МИД располагало возможностями понять, что происходит в Пекине на самом деле. Возможно, что некоторые выводы Петербург действительно сделал.

Ответ Пекина на ноты России относительно занятия сунгарийской и благовещенской линий, участия иностранцев в управлении Северным Китаем, а также относительно промышленных и горных предприятий был получен в середине сентября 1903 г. П.М. Лессар сообщал: «Это всё отказы, полные свойственного китайцам искажения фактов», резюмируя: «Китайцы уже совершенно не скрывают, что они не согласятся подписать новый торжественный договор». Несмотря на то, что устно князь Цин признал возможность Пекина принять некоторые русские условия, он в то же время заявил, что они могут стать предметом другого соглашения, но не нового договора. П.М. Лессар сделал из этого неутешительный вывод (наверное, справедливый), что продолжение русско-китайских переговоров бессмысленно³²⁴. Наместник, быстро убедившись в неуступчивости Срединной империи, предложил просто прервать дискуссию³²⁵. 12 сентября он телеграфировал об этом в Петербург³²⁶. 19 сентября 1903 г. Е.И. Алексеев дал соответствующее указание П.М. Лессару.

Однако будущее Маньчжурии продолжало волновать как Китай, так и Россию. В конце октября 1903 г. министром иностранных дел Поднебесной стал На Тун, сильно симпатизировавший японцам³²⁷. Тем не менее, Пекин старался придерживаться в общем взвешенной и осторожной позиции, опасаясь, что влияние России в Маньчжурии начнёт расти. Решение проблемы Маньчжурии он видел в исполнении международных договоров. Вдобавок внутри китайского руководства укрепился своеобразный «синдром ожидания»: большинство сановников, не видя ясных выходов, боялось вообще что-либо делать, опасаясь критики политических противников³²⁸. Наконец, в ноябре 1903 г. переговоры о Маньчжурии окончательно остановились, зайдя в тупик.

³²³ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 28 июля 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.29–31.

³²⁴ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 16 сентября 1903 г. (копия) // Там же. Л.103–104.

³²⁵ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 14 сентября 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.2.

³²⁶ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 12 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.41.

³²⁷ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 23 октября 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.5. Л.121.

³²⁸ Д.М. Позднеев – Е.И. Алексееву 14 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.502. Л.1.

Одновременно, в начале ноября 1903 г. среди российского руководства вновь оживилась дискуссия о Маньчжурии. В.Н. Ламздорф, к которому начали возвращаться некоторые функции управления дальневосточными делами, поднял её как в связи с переговорами с Японией, так и отношениями России с другими державами. Е.И. Алексеев с трудом, но согласился открыть для иностранцев маньчжурские порты³²⁹, категорически не соглашаясь на поселения (селтементы). В общем же он был по-прежнему склонен продолжать оккупацию Маньчжурии, пытаясь свалить вину за это на Китай из-за его неуступчивости³³⁰. Ему возражал П.М. Лессар, который, хотя и разделял мысль о неизбежности присоединения Маньчжурии к России, но лишь в будущем. Пока же посланнику было очевидно, что для экономического развития Северного Китая необходим иностранный капитал, а так как у России больших денег на это не имелось, ничего не оставалось как допустить туда иностранцев³³¹. В целом П.М. Лессар, как можно понять из его суждений, скептически относился к заявлениям Англии и США относительно Маньчжурии, полагая, что Лондон ведёт себя очень осторожно, опасаясь военного конфликта. А Вашингтон, с точки зрения дипломата, интересовали только коммерческие права³³². Позицию Е.И. Алексеева относительно Маньчжурии (а также и переговоров с Японией по Корее) В.Н. Ламздорф использовал для того, чтобы убедить Николая II в ошибочности и недопустимости действий наместника. В частности, он утверждал, что существовало лишь два способа решения маньчжурского вопроса: либо присоединять территорию (на что, кажется, в российском руководстве не был готов никто, за исключением А.Н. Куропаткина, да и то только её северной части), либо продолжать переговоры в Пекине о китайских гарантиях в случае её возвращения (несмотря на слабое желание в руководстве Поднебесной). Министр иностранных дел принял сторону своего подчинённого: П.М. Лессар был уверен в конечном успехе переговоров в Пекине, но их прервал Е.И. Алексеев, безуспешно пытавшийся настоять на подписании торжественного акта³³³. То есть, В.Н. Ламздорф делал виновным в неудаче переговоров о дополнительных условиях эвакуации Маньчжурии

³²⁹ Из газет (!) Е.И. Алексеев узнал, что Китай согласился открыть для иностранцев Мукден и некоторые порты Маньчжурии и интересовался, нельзя ли заставить Пекин отложить исполнение этого решения (Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 11 октября 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.118).

³³⁰ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 8 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.145. Л.17.

³³¹ П.М. Лессар – Е.И. Алексееву 5 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.434. Л.8–12.

³³² Ответы П.М. Лессара на вопросы Г.А. Плансона 11 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.179–182.

³³³ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 8 ноября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.56 об. – 57.

Е.И. Алексеева. В целом, из положения дел в Пекине и Петербурге следует, что ситуация вокруг Маньчжурии окончательно зашла в тупик: стороны не проявляли желания идти на уступки друг другу

Тем не менее, в декабре 1903 г. контакты Пекина и Петербурга о Маньчжурии возобновились. Китайцев толкало к ним желание добиться вывода русских войск. После неудачи предыдущих переговоров на сей раз их вели совсем другие люди: К.И. Вогак встречался в Тяньцзине с чжилийским генерал-губернатором Юань Шикаем³³⁴. В Петербурге в это время А.М. Абаза и А.М. Безобразов вынашивали свой, секретный план решения маньчжурской проблемы. Исходя из того, что Россия уже вложила в Маньчжурию огромные деньги и что прямо присоединить её нельзя, они решили, что надо овладеть территорией фактически. Для этого следовало установить бессрочную оккупацию Маньчжурии, при китайских чиновниках предполагалось иметь русских комиссаров, «без ведома которых китайцы не могут пикнуть». Кроме того, комиссарам передавались все права на выдачу концессий, не обращая внимания на мнение Пекина. Вдобавок предполагалась реорганизация управления русскими дальневосточными предприятиями: КВЖД и Русско-Китайский банк следовало изъять из ненадёжных рук Министерства финансов и переподчинить Особому комитету Дальнего Востока. Все промышленные предприятия и концессии предназначались к передаче в третье, вновь создаваемое общество (Маньчжурское горнопромышленное товарищество их явно не устраивало). В связи с предстоящей «экономической» деятельностью также предполагалось создать при Особом комитете Дальнего Востока специальную финансовую комиссию во главе с А.П. Игнатьевым (бывшим когда-то иркутским генерал-губернатором, но никогда не занимавшимся ни предпринимательством, ни финансами)³³⁵. Фактически это был план создания своей «империи» на Дальнем Востоке вместо виттевской. Надо ли говорить, что в конце 1903 г. такое решение выглядело совершенно нереально, а люди, выдвигавшие его, абсолютно некомпетентны и неспособны к серьёзной государственной деятельности.

Для России маньчжурская проблема оказалась решена лишь в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. История же ввода русских войск в Северный Китай и последовавший торг за условия их ухода оттуда показали как истинные цели Петербурга (полное господство России в Маньчжурии, что мало отличалось от прямой аннексии), так и то, что реализовать их оказалось

³³⁴ П.М. Лессар – в МИД 24 декабря 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.138–139.

³³⁵ А.М. Абаза – Е.И. Алексееву 30 декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2865. Л.21–27.

невозможно из-за сопротивления держав. В ходе переговоров изменилась и суть требований к Китаю: вместо усиления экономических позиций России (с чего они начались) речь пошла об изменении статуса Маньчжурии в смысле превращения её в зарубежный для Китая край, находящийся на исключительном положении, под которым имелось в виду, прежде всего, русское военное управление³³⁶. В конечном итоге именно маньчжурская проблема наряду с Кореей проложила мостик к ухудшению англо-русских отношений, к англо-японскому соглашению и в конечном счёте – к войне. Для России же самым существенным оказалось то, что Петербург не сумел сформулировать реальных целей своей политики и способов их реализации в Маньчжурии. История несостоявшегося сепаратного соглашения показала глубокие различия в столичных верхах относительно Маньчжурии и невозможность достичь полного консенсуса между министрами по этому вопросу. Очевидно, что политику России в это время можно уже назвать кризисной и неудачной. Никаких надежд на её улучшение видно не было.

---

³³⁶ План урегулирования положения в Маньчжурии 24 апреля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.32.

Глава 9. Безобразовцы¹: царская «неофициальная» политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.

9.1. *Историография*

Несмотря на то, что за безобразовцами почти всеми исследователями признаётся если не ключевое, то важное значение в дальневосточной политике России в канун русско-японской войны, история появления группы и её деятельность изучены недостаточно. Первым на них обратил внимание П.Н. Симанский. «Когда мне приходилось изучать все оказавшиеся в моих руках документы по так называемой дальневосточной авантюре, я не видел в сущности никакой разницы между работой Витте и работой Безобразова. Разница заключалась только в том, что одна начиналась много раньше, а другая много позже. Кроме того, неодинаковы были приёмы для достижения известной цели, но цель-то была одна и та же. Мне всегда казалось, что деятельность Витте вызывала у японцев даже больший страх, чем деятельность Безобразова: ведь она была много солиднее, систематичнее, прочнее, незаметнее, чем суетливые, ребяческие затеи “безответственного” статс-секретаря. Когда у нас в 1903 г. кричали о Ялу, о работах на этой реке по сплаву леса, об устроенном здесь “заслоне” в виде рабочих артелей, скрывавших в себе не рабочих, а вооружённую охрану, то японцы радовались этим крикам как предлогу поднять неприятные для нас вопросы и в нашей же русской среде найти сторонников своим требованиям. Но сами они отлично знали действительную цену происходившего на Ялу и, конечно, ни одной минуты не могли искренне трепетать перед буфаторией, созданной здесь шалым Безобразовым»². Нельзя не признать справедливость некоторых наблюдений генерала-историка,

---

¹ Трудно подыскать более точное определение этим лицам, чем группа. Б.А. Романов называл их также «безобразовским кружком». Безобразовцы не имели никакой чёткой структуры, их состав менялся: кто-то появлялся, кто-то отходил от активной деятельности. С долей условности можно также говорить о некотором распределении функций в группе. Так, А.М. Безобразов играл роль руководителя и генератора идей, В.М. Вонлярлярский «специализировался» на коммерческой части, Н.Г. Матюнин – по корейским вопросам и т.п.

² Симанский П. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №11. С.94–95.

но его стремление сблизить С.Ю. Витте со своими оппонентами вышло за рамки здравого смысла. Трудно судить, насколько он был искренен в такой оценке, но в своём исследовании политики перед русско-японской войной П.Н. Симанский открыто симпатизировал деятельности безобразовцев.

Б.А. Романов в «России в Маньчжурии»³ впервые кратко рассказал о появлении «неофициальной царской политики» в Корее в связи с концессией Ю.И. Бринера (С.383–412, 447–460) а также показал фрагментами их путь к власти в 1903 г., оставив совершенно без внимания последние русско-японские переговоры. Он сконцентрировал своё внимание на разоблачении С.Ю. Витте, поэтому прошёл мимо роли «безответственных личностей» в развязывании русско-японской войны. Историк был склонен сближать безобразовцев и С.Ю. Витте, сводя различия между ними к деталям.

В англоязычной историографии впервые безобразовцам уделил важное внимание А. Малозёмов. О них также писали как о важнейшем факторе в дальневосточной политике России Д. Мак Доналд, Я. Ниш и другие авторы⁴. Но в целом история создания этой группы, её путь к власти и деятельность в 1903 г. даются, как правило, фрагментарно, с немалым количеством неточностей и без использования новых источников. Главное же – феномену влияния этих людей не даётся удовлетворительного объяснения.

9.2. Возникновение безобразовской группы

Появление в 1898 г. «безобразовцев» с собственным планом дальневосточной политики России, было обусловлено прежде всего деятельностью министра финансов С.Ю. Витте. Еще в середине 1890-х гг. он задумал широкую программу экономической экспансии на Востоке в связи со строительством Сибирской железной дороги и особенно Китайской Восточной железной дороги. С.Ю. Витте действовал в основном в Китае, Корею он рассматривал лишь как место, где Россия могла приобрести незамерзающую гавань для зимней стоянки военного флота и коммерческий порт, завершающий Сибирскую железную дорогу. Внимание к Корее усилилось во второй половине 1896 г., после того, как попытка получить такую гавань в Китае натолкнулась на категорический отказ Пекина. Министерство финансов с лета 1897 г. энергично

³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

⁴ Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley: University of California Press, 1958; Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L.:N.Y.: Longman, 1985; McDonald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1992.

распространяло в королевстве своё влияние, пользуясь расположением корейского монарха к России (в ней он искал главную защиту от посягательств со стороны Японии). В это время корейские финансы, таможня и армия постепенно переходили под контроль русских.

Положение сильно изменилось в конце 1897 – начале 1898 гг. в связи с занятием Россией Порт-Артура и подписанием 15 (28) марта 1898 г. русско-китайского соглашения об аренде Ляодунского полуострова. У С.Ю. Витте сразу пропал интерес к Корее, которую он решил уступить японцам как компенсацию за Ляодун. Соответственно, всякая активность Министерства финансов в Корее была быстро свернута. Решения С.Ю. Витте по Корее уже тогда выглядели небесспорными. Его отказ от укрепления позиций России в королевстве вызывал недоумение, так как не имел убедительных обоснований. Очевидными слабостями дальневосточной политики министра финансов не замедлили воспользоваться А.М. Безобразов и его сторонники.

Группа появилась в начале 1898 г., поводом для ее возникновения стала «концессия Бринера». Владивостокский купец первой гильдии Ю.И. Бринер был заметной фигурой в деловом мире российского Дальнего Востока. Он занимался импортом риса из Кореи во Владивосток и экспортом из России керосина. Его предприятие по перевалке леса было самым крупным и высококорентабельным в регионе: акции фирмы номиналом в 100 руб. вскоре после выпуска трудно было достать за 250 руб. И не удивительно, так как они приносили дивиденд в 26–34%⁵. Агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилов высоко ценил коммерческие способности предпринимателя, отмечал его наблюдательность и практичность⁶. Ещё в 1889 г. Ю.И. Бринер заинтересовался корейским лесом, тогда же он обратился за содействием к Н.Г. Матюнину (русскому пограничному комиссару)⁷. 28 августа (10 сентября) 1896 г. Ю.И. Бринер получил от корейского короля право на разработку лесных массивов площадью около 5000 квадратных вёрст на севере Кореи в бассейне р. Ялу сроком на 20 лет под залог в 15 тыс. руб. Концессионеру давались широкие права: строить заводы и мастерские, прокладывать шоссейные и железные дороги и т.п. Ю.И. Бринер был обязан начать рубку леса не позже, чем через 5 лет после выдачи концессии, в противном случае он терял её⁸. Такой широкий объём прав свидетельствовал, что концессия

⁵ А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 2 января 1898 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.182. Л.1–14.

⁶ Д.Д. Покотолов – П.М. Романову 25 сентября 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.24. Л.55–57.

⁷ Записка Ю.И. Бринера об истории концессии на р. Ялу // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1020. Л.14–21.

⁸ Текст концессии впервые опубликован в кн.: Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.52–55.

носила явно политический характер. И действительно, она была выдана в то время, когда король пребывал в российской миссии, а в Корее находился агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилов, обследовавший экономическое состояние королевства для подробного доклада С.Ю. Витте. Ю.И. Бринеру не хватало капитала для освоения столь масштабного дела. В конце 1896 г. он обратился в Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк к А.Ю. Ротштейну за деньгами, представив свои расчёты и обоснования⁹. Однако осторожный банкир, не имея согласия С.Ю. Витте, не взял на себя ответственность и предложил создать международный синдикат для освоения концессии¹⁰. Ю.И. Бринер последовал его совету и в 1897 г. пытался учредить акционерное общество с основным капиталом в 250 тыс. руб. при поддержке Русско-Китайского и Русско-Корейского банков, а также ряда известных финансистов: А.Ю. Ротштейна, Е.М. Эпштейна, Корелина, Д.А. Нератова и др.¹¹ Но план не был осуществлен, и купец, по-видимому, решил выгодно продать концессию, для этого он приехал в Петербург во второй половине 1897 г.

В поисках компаньона или покупателя купец в столице обращался, по-видимому, ко многим. В частности, он искал партнёров среди финских лесопромышленников. Об этом стало известно Н.Г. Матюнину, чья карьера складывалась в это время не вполне удачно. Весной 1897 г. бывший пограничный комиссар получил место агента Министерства финансов в Приморье, однако через несколько месяцев был уволен из-за нерасположения к нему приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, решившего, что Н.Г. Матюнин «ни к чёрту не годен»¹². Приехав в Петербург, несостоявшийся агент занялся поисками нового места службы. Его давние приятели П.Я. Дашков и брат министра иностранных дел М.Н. Муравьёва оказали ему протекцию для поступления на службу в МИД¹³. Кроме того, по дороге с Дальнего Востока он познакомился с неким представителем европейской

⁹ РГИА. Ф.626. Оп.1. Д.605. Л.8–23.

¹⁰ Вонлярлярский В.М. Корейское дело. I часть. Экспедиция в Северную Корею в 1898/9 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.109. Л.7.

¹¹ Проект договора – РГИА. Ф.626. Оп.1. Д.605. Л.32–41. Позднее агент Русско-Китайского банка во Владивостоке А. Масленников предлагал превратить лесоперевалочное предприятие Ю.И. Бринера в акционерную компанию, намереваясь выпустить на 200–250 тыс. руб. ценных бумаг при содействии Русско-Китайского банка в перспективном, с его точки зрения, деле (А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 2 января 1898 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.182. Л.1–14). Однако предложение не было реализовано.

¹² Записка барона Ш., составленная для П.Я. Дашкова // Архив СПбИИ РАН. Ф.195. Оп.1. Д.81. Л.106.

¹³ Н.Г. Матюнин – А.М. Абазе 25 октября 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.79–87.

фирмы, который выразил желание сотрудничать с Русско–Китайским банком в Корее и Маньчжурии. С этим предложением Н.Г. Матюнин явился к А.Ю. Ротштейну, от него он, по-видимому, и узнал о существовании «концессии Бринера».

Для неудачливого чиновника подвернувшийся случай оказался как нельзя более кстати. До этого Н.Г. Матюнин неоднократно высказывался за проведение Россией активной политики в королевстве, как раз осенью 1897 г. он писал об этом в Министерство иностранных дел¹⁴. Возможно, благодаря протекции 24 ноября 1897 г. Н.Г. Матюнин был назначен поверенным в делах в Корее и перед отъездом на Дальний Восток в начале 1898 г. он обсудил со своим давним знакомым ещё по Александровскому лицу В.М. Вонлярлярским¹⁵ идею создать на основе концессии Бринера «большую русскую промышленную компанию по образцу Chartered Companies¹⁶ и таким путем вернуть России утраченное положение её в Корее, а затем уже перенести деятельность последовательно на Приморскую область и Сибирь»¹⁷. Выдвигая идею Chartered Company, В.М. Вонлярлярский и Н.Г. Матюнин отказались от подхода Ю.И. Бринера – А.Ю. Ротштейна: вместо участия иностранного капитала предлагалось использовать частный российский, но опираясь преимущественно на под-

¹⁴ Его записка М.Н. Муравьеву датирована 12 сентября 1897 г., затем Н.Г. Матюнин по предложению В.Н. Ламздорфа дополнил её соображениями о посылке в Корею русских военных инструкторов и о развитии миссионерской деятельности. Здесь он также высказался против отклонения трассы КВЖД на юг, полагая, что России не следует лезть в Мукден, рядом с которым находились старые императорские кладбища – то есть, в определённой степени заявил себя противником намерений С.Ю. Витте (Н.Г. Матюнин – А.М. Абазе 25 октября 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.81).

¹⁵ Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С.127, прим.

¹⁶ Это характерная для Англии и других стран форма колониальной экспансии, связывавшая капитал и государство. Хартия выдавалась английским правительством, в ней фиксировались, с одной стороны, особые обязанности компании перед короной (нацеленность на территориальные приобретения), с другой стороны, британское правительство обязалось всячески содействовать её деятельности. Chartered Companies кроме коммерческой деятельности занимались административным управлением через специальные соглашения с местными правителями и с вехом короны. По крайней мере по двум основным параметрам (опора на частный капитал и минимально необходимое участие государства) Chartered Company значительно отличались от того, что предложили в 1898 г. безобразовцы (использование казённых средств и полное руководство деятельностью компании со стороны государства).

¹⁷ Вонлярлярский В.М. Корейское дело. I часть. Экспедиция в Северную Корею в 1898/9 гг. // Архив СПбИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.109. Л.9. Позднее В.М. Вонлярлярский приписал идею Н.Г. Матюнину, а себе – проект компании (Кто виновники войны? // Санкт-Петербургский курьер. 1914. 28 января. №28. С.2).

держку государства, в том числе и финансовую (то есть, создавать частную компанию на казённые деньги)¹⁸.

Размах брался колоссальный. Предполагалось, что уставной капитал компании составит 25 млн. руб., поделённый на 50 тыс. акций по 500 руб. 10 тыс. акций выпускались как привилегированные, они могли находиться в собственности только русских подданных и учреждений. Собрать акционерный капитал следовало за год, но компания начинала деятельность после внесения первого платежа в 25%. Чтобы сделать общество привлекательным, в проекте его устава оговаривался твёрдый дивиденд – 6%, в случае получения сверхнормативной прибыли, 60% её делилось между обладателями привилегированных акций (то есть, безобразовцев и близких к ним людей). Компания также освобождалась на 15 лет от уплаты государственного сбора с чистой прибыли. В правлении из 11 человек (два – со статусом кандидата) лишь двое представляли Министерство финансов и Министерство иностранных дел (то есть, государство не имело возможности диктовать компании свои решения, что было характерно для структур С.Ю. Витте благодаря тому, что контрольный пакет их акций всегда находился в руках государственных органов либо доверенных лиц)¹⁹.

Казалось бы, что такой устав не содержит в себе ничего предосудительного, за исключением подчёркнутого стремления привилегированных акционеров к наживе. Но другой документ – проект секретного договора между Восточно-Азиатской компанией и российским правительством – раскрывал смысл всей затеи. Компания брала на себя обязательство содействовать созданию в Корее «государственного строя» (?), для чего в её распоряжение передавались все корейские финансы (!) и исполнение государственного бюджета королевства. Весь остаток (то есть, профицит бюджета) делился пополам между российским Министерством финансов и компанией, причём на российскую казну не возлагалось никаких обязательств²⁰. За этим нелепо составленным документом просматривается неприкрытое желание превра-

¹⁸ Впоследствии В.М. Вонлярлярский неукложе оправдывался, что с самого начала он стремился избежать войны с Японией. Для этого, по его мнению, следовало увеличить военные силы в Приморье, развивать железнодорожную сеть, связывавшую Дальний Восток с европейской частью России, «занять доминирующее положение в Корее» и, наконец, учредить Восточно-Азиатскую промышленную компанию (Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.126–127). Он делал вид, что не понимает, что «доминирующее положение в Корее» являлось основной причиной конфликта с Токио, а какая-то компания выглядела в этом перечне мероприятий просто лишней.

¹⁹ Проект устава Восточно-Азиатской компании // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.40–53.

²⁰ Проект секретного договора между Восточно-Азиатской компанией и правительством // Там же. Л.54–55.

тить корейскую казну в источник обогащения, открытый грабёж корейского государства (благо деятельность Л. Броуна и К.А. Алексеева показала, что профицит корейского бюджета мог составлять несколько миллионов мексиканских долларов в год)²¹.

Так как эти планы расходились с «новой» политикой С.Ю. Витте в Корею, то за помощью Н.Г. Матюнин обратился к министру иностранных дел М.Н. Муравьеву²². Он заинтересовался предложением, надеясь с помощью проектируемой компании «избежать или отсрочить неминуемое столкновение с Японией»²³, но мысль о создании компании пришлось временно отложить из-за отсутствия денег. 12 января 1898 г. Н.Г. Матюнин отправился в Корею к месту своей новой службы.

Инициаторы идеи Н.Г. Матюнин и В.М. Вонлярлярский искали поддержки, поэтому в идею Восточно-Азиатской компании и «концессию Бринера» оказался посвящён А.М. Безобразов. Он был нужен концессионерам прежде всего своими связями с бывшим министром двора И.И. Воронцовым–Дашковым²⁴. Через графа они решили обратиться за помощью прямо к царю. 26 февраля 1898 г. И.И. Воронцов-Дашков втайне от С.Ю. Витте представил Николаю II составленную ими записку. В документе подчеркивалось, что предлагаемая Восточно-Азиатская компания должна преследовать политические цели: «Не для обогащения только отдельных лиц нужны русские люди в Корею, но <...> для самого насаждения русских идей». Из содержания деятельности компании (топографическая съёмка местности, строительство стратегических шоссе, складов в Корею и т.п.) вытекала необходимость широких казённых вложений (хотя прямо об этом не говорилось), так как никакой частный капитал не пошёл бы на такие непроизводительные затраты. Соответственно правительство получало первенствующую и руководящую роль в деятельности общества, больше напоминая колониальную администрацию под вывеской псевдочастного предприятия. В записке так и говорилось: «в руках компании <...> должно сгруппироваться всё влияние на общий ход дел в Корею»²⁵. Кроме этого, предлагалось поддерживать власть прорусски настроенного короля и создать при нём управление имуществом ко-

²¹ Подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

²² В.М. Вонлярлярский утверждал, что он сыграл в этой истории роль посредника (Кто виновники войны? // Санкт-Петербургский курьер. 1914. 28 января. №28. С.2).

²³ Вонлярлярский В.М. Отчёт о ходе высочайше возложенного на его императорское высочество великого князя Александра Михайловича дела Кореи в 1898–9 гг. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.5. М.Н. Муравьев имел в виду необходимость как-то примирить существенное русское влияние в Корею и захват Порт-Артура. Одним из вариантов представлялась задача влияния исключительно частного, неофициального характера.

²⁴ Впоследствии И.И. Воронцов-Дашков поддерживал безобразовцев лишь время от времени.

²⁵ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.3–5 об.; Романов Б.А. Указ. соч. С.387.

роны (аналог российского кабинета Его императорского величества), чтобы заключить с этим управлением договор об эксплуатации королевских рудников²⁶. Можно отметить, что в этой записке уже содержались заметные противоречия с проектом устава Восточно-Азиатской компании. Так, из неё исчезло упоминание о привилегированных акциях, а акцент в распределении прибыли был сделан не на грабёж корейской казны и обогащение акционеров, а на создание оборотного и запасного капитала общества.

Через два дня в развитие уже высказанных идей появилась новые, более откровенные тезисы²⁷. Создание Chartered Company «для полного хозяйничания в стране» выставлялось как исключительно казённое дело при участии Кабинета Его императорского величества или Государственного банка. Для поддержки компании предлагалось также построить железную дорогу от основной трассы КВЖД в Корею (что соответствовало намерениям С.Ю. Витте полуторалетней давности). Как пример для подражания в тезисах упоминался политический аферист Н.С. Леонтьев, чья экспедиция в Эфиопию 1895 г. завершилась назначением его генерал-губернатором «громадной области Абиссинии»²⁸.

9.3. Корейская экспедиция 1898 г.

30 апреля 1898 г. Николаю II была представлена ещё одна записка, в которой доказывалась необходимость послать в Корею экспедицию для разведки

²⁶ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.5 об.

²⁷ Записка о необходимости постепенного захвата Кореи с помощью Восточно-Азиатской компании 28 февраля 1898 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.173. Л.29–34. С этой запиской явно связан текст без заглавия, состоящий из 19 пунктов пояснительного характера (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.76–78). По содержанию они самого разного значения, но некоторые из них раскрывают замыслы безобразцев. Так, п.1 предусматривал, что конечным пунктом Сибирской железной дороги должен стать незамерзающий порт, при этом речь не шла о Порт-Артуре. Уже просматривалась некоторая автономия от С.Ю. Витте: в п.8. предполагалось, что Русско-Китайский банк не обязательно будет действовать лишь в интересах Восточно-Азиатской компании. В п.17 отмечалась необходимость мирных отношений с Японией, которых следовало достичь неполитическими уступками Токио в Корею и закреплением их в соглашении Восточно-Азиатской компании с Японией (!) И, наконец, п.19 откровенно раскрывал отношение к Корее: «В будущем замена корейского короля русским генерал-губернатором или оставление короля под вассальным властительством». Разумеется, это была точка зрения безобразцев, но идея о будущем присоединении Кореи к российской короне имела широкое распространение во властных кругах.

²⁸ Подробнее о деятельности Н.С. Леонтьева см.: Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 года). М., 1992. С.68–76, 86–93.

обстановки на месте²⁹. Кроме этого, речь уже шла об устройстве там передовой линии русской обороны и размещении «нашего боевого авангарда» до 20 тыс. и более человек под видом служащих частного общества³⁰.

30 мая 1898 г. В.М. Вонлярлярский доложил Николаю II о необходимости срочных действий в Корее и одновременно – об опасности еврейского влияния в мире. По его словам, лишь Россия была свободна от него благодаря самодержавию³¹. Такая комбинация означала, прежде всего, намерение противостоять политике С.Ю. Витте на «идейном» уровне, чтобы устранить влияние министра финансов на дальневосточные дела. Вероятно, инициаторам «нового курса» к этому времени стало ясно, что С.Ю. Витте являлся их главным препятствием для достижения желаемого.

Царь поддержал идею, пообещав выделить деньги на приобретение концессии у Ю.И. Бринера и на экспедицию, которая отправлялась для её изучения, а также для сбора сведений «о неудовлетворительной деятельности С.Ю. Витте» на Дальнем Востоке³². Во главе всего предприятия был поставлен великий князь Александр Михайлович, имевший большие политические амбиции, но из-за конфликта с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем по делам флота в 1896 г. временно оставшийся не у дел³³. Делопроизводство было возложено на А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского. Докладчиком царю по вопросам его «личной» корейской политики стал новый министр двора барон В.Б. Фредерикс, совершенно не разбиравшийся в международных делах. Тем не менее, именно ему самодержец повелел выдать 100 тыс. рублей из средств Кабинета Его

²⁹ Вонлярлярский В.М. Отчёт о ходе высочайше возложенного на его императорское высочество великого князя Александра Михайловича дела Кореи в 1898–9 гг. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.6.

³⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.6–7. Романов Б.А. Указ. соч. С.386.

³¹ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.128–130. Черновик доклада В.М. Вонлярлярского был составлен А.М. Безобразовым (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.222–227).

³² Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.127–128. У одного из участников экспедиции, лесничего В.А. Тихонова, сложилось впечатление, что экспедиция была лишь ширмой для «новой» политики России в Корее, призванной скрыть намерение приобрести преобладающее значение в северной части королевства (Тихонов В.А. Двадцать пять лет на казённой службе. (Воспоминания отставного чиновника). Ч.2. СПб., 1912. С.450).

³³ вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С.166–167. В.М. Вонлярлярский объяснял это тем, что частые визиты великого князя к царю не вызовут подозрений, тогда как посещения его, А.М. Безобразова или даже И.И. Воронцова-Дашкова выглядели бы необычно. Позднее был разработан особый способ передачи многочисленных безобразовских посланий императору. Денщик В.М. Вонлярлярского Лукашенко доставлял их в руки камердинера Николая II, о чём знала только охрана царской резиденции, пропуская денщика без досмотра (Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.127–128, 150–151).

императорского величества на всё предприятие, в том числе и на приобретение концессии Бринера³⁴.

Идею «другой» политики в Корее, но не безобразовской, из чисто стратегических соображений поддержал также новый (с 1898 г.) военный министр А.Н. Куропаткин, после переговоров с ним И.И. Воронцова-Дашкова³⁵. Благодаря поддержке М.Н. Муравьёва членам экспедиций в своих сношениях разрешили пользоваться дипломатическими шифрами³⁶. Действия безобразовцев с самого начала явно противоречили официальному курсу, в частности, заключённому 13 апреля 1898 г. новому соглашению России и Японии о Корее, где обе стороны признавали независимость королевства и обязались не вмешиваться в его внутренние дела³⁷.

В самой идее упрочить своё влияние в другой стране с помощью частных компаний не было ничего зазорного, этот метод уже был взят на вооружение С.Ю. Витте (Русско-Китайский банк, КВЖД)³⁸. Явно в пользу безобразовцев выглядела разница с министром финансов в направлении активности: вместо туманных надежд на Центральный Китай, не подкреплённых достаточными возможностями, они предлагали конкретную, близкую и вполне реализуемую цель – Корею. Однако главная проблема оказалась в другом: с самого начала осуществление «нового» курса России попало в руки безответственных лиц, проводивших его за государственный счет.

В мае–июне 1898 г. в Корею отправились две экспедиции. Список их участников утверждал сам царь. В первую вошли поручик Кавалергардского полка А.И. Звегинцов (будущий октябрист и депутат Государственной думы)³⁹,

³⁴ Первоначально на экспедицию предполагалось выделить 70 тыс. руб., из них жалование её участников составляло 41,5 тыс. (В.Б. Фредерикс – Николаю II 6 мая 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.94–95). Некоторым членам экспедиции оно показалось весьма высоким. Так, лесничий В.А. Тихонов рассчитывал на 5–6 тыс. руб. и был сильно удивлён, получив сумму в три раза большую.

³⁵ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.6 об.

³⁶ В.М. Вонлярлярский маскировал участие М.Н. Муравьёва в этом предприятии, телеграфировал Н.И. Непорожневу, чтобы тот при упоминании министра иностранных дел ставил «Р» (РГИА. Ф.468. Оп. 46. Д.57).

³⁷ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С.313–314.

³⁸ Провозглашённые безобразовцами «начала предполагавшейся политики в Корее мало чем отличались от виттевской программы действий в Маньчжурии» (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып.4. Л., 1989. С.62).

³⁹ А.И. Звегинцов был близким другом В.М. Вонлярлярского, которому тот вполне доверял (В.М. Вонлярлярский – Н.Г. Матюнину 23 мая 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.221).

корнет Кавалергардского полка Граббе, горный инженер С.П. Кишенский⁴⁰, служивший до этого помощником известного инженера и путешественника К.И. Богдановича по исследованию Камчатки, лесничий В.А. Тихонов и в качестве «сведущего человека» – новременский журналист С.Н. Сыромятников (Сигма), давно интересовавшийся делами Востока (он выпустил в «Новом времени» цикл статей про Корею)⁴¹. Вместе с экспедицией ехали чиновник Кабинета Его императорского величества Н.И. Непорожнев и его секретарь А.С. Юденич, отделившиеся от спутников в Японии⁴².

Экспедиция готовилась в страшной спешке, её участники собрались вместе лишь за три дня до отправления из Петербурга⁴³. 2 июня 1898 г. семь членов экспедиции отбыли из Одессы на пароходе «Добровольного флота» «Воронеж»⁴⁴. Уже после их отъезда 13 июня 1898 г. А.М. Безобразов представил царю записку о необходимости снаряжения в Корею ещё одной экспедиции, мотивируя это тем, что размах намеченных работ слишком велик. Второй экспедиции следовало сосредоточиться на изучении корейских водных и сухопутных путей⁴⁵. В неё вошли: капитан Н.А. Корф, адъютант военного министра, сын восточно-сибирского генерал-губернатора в начале 1890-х гг. А.Н. Корфа, инженер путей сообщения и писатель Н.Г. Гарин–Михайловский, инженер путей сообщения А.П. Сафонов, техник Н.Е. Борминский, врач И.Н. Акифьев, казак-осетин Б. Гамазов⁴⁶. В связи с ней впервые всплыло имя еще одного участника безобразовского кружка – директора–распорядителя Невского судостроительного завода М.О. Альберта. Он пожертвовал на вторую экспедицию 26 тыс. руб. комиссионных, полученные им от Морского министерства за подряд на строительство в Порт-Артуре, недостающие 30 тыс. руб. добавил царь⁴⁷. Великий князь Александр Михайлович заручился

---

⁴⁰ Горный инженер С.П. Кишенский, числясь на службе с 1889 г. по Главному горному управлению, был откомандирован в распоряжение пензенской землевладелицы, жены камергера высочайшего двора А.М. Панчулидзева для технических занятий (Список горных инженеров. Составлен по 15-е июля 1901 г. СПб., 1901 С.169).

⁴¹ Его биографию – см. приложение.

⁴² Биографию Н.И. Непорожнева – см. приложение.

⁴³ Тихонов В.А. Указ. соч. С.387.

⁴⁴ По свидетельству В.А. Тихонова – 4 июня.

⁴⁵ Предполагалось, что она должна отправиться из Петербурга через Сибирь не позднее 1 июля с тем, чтобы к 1 августа встретиться с первой экспедицией, добравшейся до Кореи морем (Записка А.М. Безобразова 13 июня 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.228–232).

⁴⁶ Список лиц, принимавших участие в экспедиции Н.И. Непорожнева в Северную Корею в 1898 г. Вторая группа (вспомогательная экспедиция) (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.238 об. – 239.

⁴⁷ Вонлярлярский В.М. Отчѣт... Л.8 об.

поддержкой экспедиций со стороны российского МИДа⁴⁸. Интересно, что по ходу подготовки экспедиций размах корейских планов безобразовцев заметно сократился. Если в мае 1898 г. речь шла о господстве во всей Корее, то в начале июля 1898 г., напутствуя Н.И. Непорожнева, А.М. Безобразов говорил ему о необходимости сосредоточить внимание лишь на двух северных провинциях королевства – в них «мы должны быть по возможности полными хозяевами и действовать без соглядатаев и вообще конкурентов». Сохраняя «политическую цельность и экономическую независимость Кореи», А.М. Безобразов, намереваясь, как и С.Ю. Витте, действовать экономическими методами (откуп налогов, мелиорация и т.п.), одновременно с недоверием и враждебностью относясь к иностранцам. Но их участие в своих предприятиях он «вполне» допускал⁴⁹.

Специальное задание получил Н.И. Непорожнев, формально числившийся в составе первой экспедиции, но фактически действовавший совершенно автономно, призванный осуществить план основания аналогичного учреждения при корейском короле. Перед отъездом, 8 мая 1898 г. Н.И. Непорожнев подписал договор с представителем Ю.И. Бринера Д.А. Нератовым об условиях продажи концессии. Благодаря вмешавшейся политике владивостокский купец надеялся совершить выгодную сделку: получить за нее 150 тыс. руб. и четвертую часть прибыли от эксплуатации лесов. Но операцию отложили до 1 февраля 1899 г.⁵⁰

Несмотря на заявленную секретность, обе экспедиции вместе с обслуживающим персоналом насчитывали примерно 60 человек, такую деятельность трудно было сохранить в тайне. Уже на пароходе публика сразу уловила «секретность» своих попутчиков⁵¹. Первая экспедиция прибыла в Нагасаки в конце июля, её участники разделились: четверо отправились в Сеул, остальные – во Владивосток⁵². Там первая и вторая экспедиции, наконец, объединились и 10 сентября стартовали к намеченной цели – Корее. В королевстве

⁴⁸ Великий князь Александр Михайлович – М.Н. Муравьёву 21 мая 1898 г. и ответ М.Н. Муравьёва 23 мая 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.4–5.

⁴⁹ А.И. Безобразов – Н.И. Непорожневу 9 июля 1898 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.244–245.

⁵⁰ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.7. По сведениям Б.А. Романова, Н.И. Непорожнев 11 мая 1898 г. всё-таки приобрёл концессию Бринера на средства Кабинета Его императорского величества (Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу. (Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте) // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С.447).

⁵¹ Тихонов В.А. Указ. соч. С.390.

⁵² От экспедиции сразу отделился Н.И. Непорожнев, другим участникам было объявлено, что он остаётся в Японии, на самом деле он отправился в Сеул хлопотать о концессиях (Там же. С.405).

они разбились на несколько маленьких групп и двигались самостоятельными маршрутами, встречаясь время от времени. Участники вели топографическую съёмку⁵³, лесничий В.А. Тихонов изучал перспективы использования «концессии Бринера». На полуострове, согласно отчёту, они провели 94 дня (выступив 10 сентября, вернулись во Владивосток в конце декабря, а в Петербург – в январе 1899 г., хотя первоначально планировалось, что экспедиции проведут в Корее семь месяцев), обойдясь Кабинету Его императорского величества примерно в 140 тыс. руб. (88 570 руб. из них составляло жалование участников)⁵⁴.

Далеко не всех «путешественников» посвятили в действительные цели экспедиции, особенно политического характера. Тем не менее, для них подготовили инструкции весьма необычного содержания. Вместо конкретных задач данной экспедиции в них содержались политические рассуждения. Просто поразительно выглядели наставления В.Б. Фредерикса членам дополнительной экспедиции в Корею, представленные 25 июня 1898 г.⁵⁵ В них безапелляционно утверждалась русская «будущая естественная гегемония в Азии». Господство в Корее и Порт-Артуре рассматривалось даже не как цель, а лишь как «командующее положение относительно Японии и всего Северного Китая» и средство для полного присоединения Маньчжурии. Способом реализации изложенной программы рассматривалось железнодорожное строительство, для чего следовало привлечь значительный частный капитал. Разумеется, такие идеи В.Б. Фредерикс, далёкий от всякой политики, тем более дальневосточных дел, не мог предлагать самостоятельно.

Пока экспедиции двигались к цели, в Петербурге приняли неожиданное и неприятное для концессионеров решение. 7 июля 1898 г. Н.Г. Матюнина по распоряжению Николая II внезапно назначили консулом в Мельбурн⁵⁶. Чиновник был «сражен немилостью», пытался сопротивляться, но 31 декабря 1898 г. ему пришлось передать дела А.И. Павлову, служившему перед этим в Пекине и не принадлежавшему к безобразовской группе⁵⁷. В Австралию

⁵³ По результатам экспедиции был подготовлен ряд военно-топографических описаний Кореи ([Звегинцов А.И.] Северная Корея. Сборник описаний позиций. СПб., 1901; Звегинцов А.И. Описание Жёлтого и Японского морей и Корейского пролива как районов военных действий. СПб., 1904; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военное обозрение Северной Кореи. СПб., 1904).

⁵⁴ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.15 об. По другим сведениям, сумма составила 234 тыс. руб. Эта цифра кажется более вероятной (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112. Л.235Б).

⁵⁵ Их изложение – РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.15–18.

⁵⁶ АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.49.

⁵⁷ Суть претензий к Н.Г. Матюнину отразилась в его письме министру иностранных дел. Утверждая, что он не понимает причину своей отставки, посланник в Корее, тем

Н.Г. Матюнин, правда, не поехал, а отправился в Петербург, где в начале 1899 г. познакомился с А.М. Безобразовым⁵⁸. Устранение от дел важнейшего для безобразовцев сотрудника, занимавшего к тому же ключевой пост, сильно затрудняло проведение «новой» политики в Корее и означало, что против неё уже ведётся серьёзная борьба.

Тем временем двое из «путешественников», прибыв в Корею, немедленно занялись приисканием концессий. Однако действовали они опрометчиво и некомпетентно. Буквально в день своего прибытия С.Н. Сыромятников сообщил корейскому министру двора (кстати, противнику России) свое намерение построить железную дорогу из России в Корею (Ыйчжу—Циннампо—Гензан, т.е. с севера на юг через весь полуостров). Разгласив замысел, он спровоцировал заявление корейцев, что эту дорогу они якобы собирались соорудить сами⁵⁹. Естественно, что никакого разрешения С.Н. Сыромятников не получил⁶⁰. Да и сам журналист – «строитель», просивший концессию от имени «группы опытных инженеров» (обязуясь передать её российскому правительству, начать сооружение дороги в трехлетний срок и предоставить право выкупа дороги

не менее, признавал, что действовал согласно последним распоряжениям М.Н. Муравьёва, а первоначальные инструкции, требовавшие чрезвычайной осторожности, оказались неисполненными. Н.Г. Матюнин же был не только активен, но и сообщал обо всём министру, несмотря на его явное недовольство происходящим. Кроме того, посланник не довольствовался опорой исключительно на короля и искал себе более широкую поддержку. Это контрастировало с политикой России в королевстве с начала 1898 г., изменившейся после захвата Порт-Артура (Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 16 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.56–60). Резюмируя, можно предположить, что уволили его из-за активных действий, которые не контролировались всецело министром иностранных дел и шли вразрез с его линией. Возможно, что свою роль сыграли сигналы о коррупции Н.Г. Матюнина (подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁵⁸ Н.Г. Матюнин – А.М. Абазе 25 октября 1905 г. (копия) // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.53. Л.79–87. Несмотря на отстранение от должности, Николай II сохранил симпатии к Н.Г. Матюнину. В 1899 г. экс-дипломат опять оказался в Корее, где помогал добывать концессию, обещанную Н.И. Непорожневу. Поэтому В.Н. Ламздорф сначала испросил разрешения уволить его от должности консула в Мельбурне (конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 15 июня 1899 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.60. Л.48), а затем, когда Н.Г. Матюнин сообщил, что изыскивать концессию ему придется преимущественно подкупом, – и со службы вообще, чтобы он действовал как частное лицо (конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 22 июня 1899 г. // Там же. Л.49). Увольнение состоялось 30 июля 1899 г. с формулировкой: в связи с возложением на чиновника «особого поручения».

⁵⁹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 15 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.132. Л.47.

⁶⁰ Там же. Л.42–43.

корейским властям через 35 лет), выглядел явно несостоятельным. Н.Г. Матюнин, тогда ещё находившийся в Корее, был взбешён поведением С.Н. Сыромятникова. В Петербург он сообщил, что публицист губит дело, совершенно не подходит для осуществления задуманного предприятия, а планируемые им железные дороги «не представляют экономического интереса»⁶¹.

Удачливее оказался Н.И. Непорожнев. 4 августа 1898 г. он сообщил, что есть возможность приобрести крупную концессию на разработку королевских рудников. Николай II разрешил её покупку за счет Кабинета Его императорского величества, также уполномочив чиновника совершать «все выгодные сделки»⁶². 30 сентября 1898 г. Н.И. Непорожнев вручил корейскому монарху записку с планом эксплуатации его рудников. Король сразу повёл себя уклончиво: он обещал сделать всё возможное для воплощения плана в жизнь, но ему якобы мешал «клуб независимости»⁶³. Н.И. Непорожнев также подготовил проект контракта, состоявшего из 12 статей. Согласно ему, российский чиновник становился управляющим «всеми землями и угодьями» короны через создаваемый Кабинет за вознаграждение в 20% от их прибыли. Контракт заключался на 20 лет, но если к началу 1901 г. Кабинет не начинал работать, то весь договор утрачивал силу⁶⁴. Н.И. Непорожневу казалось, что он уже твёрдо условился не только о создании Кабинета, но и о приобретении концессий, поэтому «путешественник» 19 октября 1898 г. просил Петербург выделить ему 200 тыс. руб. Однако он поторопился, так как король изменил свое решение: коджон не отверг идею, но счёл её несвоевременной⁶⁵. 20 октября 1898 г. монарх пообещал пригласить Н.Г. Матюнина для обсуждения контракта на императорские прииски после того, как в стране водворится спокойствие⁶⁶.

Действительно, среди правящих кругов Кореи были сильны прояпонские настроения, с чем следовало считаться, но и сам король, кажется, не намеревался передавать российскому чиновнику право эксплуатации значительной части недр королевства⁶⁷. Вслед за монархом корейские чиновники сразу

⁶¹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 18 августа 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.13–14.

⁶² Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.10.

⁶³ Н.Г. Матюнин – в МИД 30 сентября 1898 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.18. О «клубе независимости см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

⁶⁴ Проект договора корейского императора с Н.И. Непорожневым (копия) // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.70–71.

⁶⁵ АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.106. Л.40–41, 46.

⁶⁶ И.П. Шипов – В.Н. Ламздорфу 10 февраля 1906 г. (копия) // Там же. Д.117. Л.4–5, 9–10.

⁶⁷ Современный корейский исследователь Пак Ро Бёг считает, что король не намеревался предоставить Н.И. Непорожневу концессию, на самом деле он уклонялся от

заявили, что обещание коджона не означает монополию Н.И. Непорожнева на использование рудников короны. Н.И. Непорожнев не понял или сделал вид, что не понял и продолжал готовить проекты документов. Корейцы же для нейтрализации его настойчивости использовали традиционный приём: сами предложили американцу Л. Хунту концессию на разработку горных богатств короны по всей Корее (до этого ему несколько раз было отказано в праве добывать золото со ссылкой, что такая концессия обещана русским)⁶⁸. Даже с помощью российского МИДа Н.И. Непорожневу не удалось получить обещанного⁶⁹. Впрочем, американец также не преуспел.

этого, делая вид, что поддерживает домогательство исключительно для того, чтобы создать перед иностранцами видимость обязательств перед Россией и тем отстранить других соискателей (Пак Ро Бёг. История корейско-российских отношений (торгово-экономические аспекты). 1884–1903 гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М., 1993. С.14).

⁶⁸ Е.Ф. Штейн – в МИД 18 октября 1898 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.106. Л.49–50. Е.Ф. Штейн позже сообщил в Петербург условия контракта: разработка всех копей, принадлежащих Министерству двора, под обеспечение займа Корее в 5 млн. иен на 50 лет из 3,5% с выплатой 18% прибыли от концессии королю (проект концессии // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.77–78). Однако сделку якобы сорвал корейский МИД, сообщив о первенстве Н.И. Непорожнева (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.282. Л.9). Несмотря на это, Л. Хунт был полон решимости продолжать борьбу за концессию. Лишь наведя справки у С.Ю. Витте и получив от министра финансов негативный отзыв о ней, он отступил. Российский посланник в Сеуле А.И. Павлов видел в Л. Хунте лишь афериста (А.И. Павлов – в МИД 25 сентября 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.99. Л.120).

⁶⁹ Переписка об этом – АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.106. В 1900 г. российский МИД заявил о правах Н.И. Непорожнева на концессию, король опять вроде бы обещал её выдать, но просил, чтобы чиновник лично приехал в Корею либо послал своего представителя (телеграмма А.И. Павлова в МИД, полученная 11 января 1900 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.74). Н.И. Непорожнев ехать отказался, но уполномочил действовать за себя купца М.А. Гинсбурга, известного поставщика российского флота (его биографию – см. приложение). Дело как будто бы шло успешно, но 16 марта 1900 г. М.А. Гинсбург вдруг заявил, что корейцы тянут время и потребовал от них немедленно подписать концессионный договор в редакции Н.И. Непорожнева. Не получив удовлетворительного ответа, на следующий день М.А. Гинсбург покинул Сеул. Российский посланник Е.Ф. Штейн констатировал, что отечественные предприниматели ведут себя на Востоке некомпетентно, действуют через случайных людей (Е.Ф. Штейн – М.Н. Муравьеву 25 марта 1900 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.140–147). В декабре 1901 г. вместо М.А. Гинсбурга в Сеуле появился барон Г.Г. Гинцбург (сведения о нём – см. приложение), действовавший, по его словам, от имени ряда крупных предпринимателей, для получения концессии типа непорожневской (А.И. Павлов – в МИД 30 декабря 1901 г. // Там же. Л.189–190). Барона поддержал Н.Г. Матюнин. Он склонял к этому и директора Азиатского департамента Н.Г. Гартвига, надеясь довести через него до Г.Г. Гинцбурга «абсолютную необходимость на отчисление в мою (т.е. Матюнина – И.Л.) пользу известного процента с чи-

Уклончивость корейского монарха и сопротивление чиновников объяснялись тем, что незадолго до появления экспедиций в Корею, в начале 1898 г. Петербург отклонил его просьбу о поддержке против японцев. Выдавать новые концессии вроде той, которую получил Ю.И. Бринер, и почти даром, не имело для него смысла.

Действия короля неожиданно нашли поддержку в Петербурге: М.Н. Муравьев и министр двора В.Б. Фредерикс также решили отложить покупку обещанной Н.И. Непорожневу концессии до его возвращения и личного доклада⁷⁰. 21 октября 1898 г. В.М. Вонлярлярский обратился за деньгами прямо к В.Б. Фредериксу, объяснив ему, что средства нужны срочно и не столько для того, чтобы самим разрабатывать эти рудники, сколько чтобы не дать это сделать другим⁷¹. Но барон, посоветовавшись с М.Н. Муравьевым, ответил то же самое: выдача денег откладывается до личного доклада

стого дохода затеваемого ими предприятия за моё согласие поступиться для них моим правом первенства» (Н.Г. Матюнин – Н.Г. Гартвигу 19 января 1902 г. // Там же. Л.198 об.). Несмотря на то, что в документах нет прямых свидетельств того, что Н.Г. Гартвиг был также заинтересован материально в передаче прав на концессию, его поведение не оставляет в этом никаких сомнений. Дипломат в этой истории действовал фактически по указаниям Н.Г. Матюнина. Он однозначно поддержал просьбу барона, хотя и оговорил официально, что ходатайство Г.Г. Гинцбурга нарушало права Н.И. Непорожнева и вообще являлось опасным прецедентом: за ним могли последовать и другие иностранцы (Н.Г. Гартвиг – А.И. Павлову 28 января 1902 г. (копия) // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.72). Первенство Н.И. Непорожнева Н.Г. Гартвиг не подвергал сомнению (черновик телеграммы Н.Г. Гартвига А.И. Павлову 28 января 1902 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.206). Между Н.Г. Матюниным и Г.Г. Гинцбургом завязался торг. После затяжной дискуссии они сошлись на том, что Н.Г. Матюнин получит 10% акций учреждаемой компании в обмен на все права горных разработок в провинции Хамкиондо (Н.М. Поппе – в МИД 4 апреля 1902 г. // Там же. Л.222). Пока они торговались, как-то забылось то обстоятельство, что Корея никогда не предоставляла Н.И. Непорожневу никакой концессии и не признавала за ним исключительного права на разработку рудных богатств короны (А.И. Павлов – в МИД 17 января 1902 г. // Там же. Л.195–196). Единственно, что было обещано российскому чиновнику, и подтверждено впоследствии – так это то, что в случае решения о выдаче подобной концессии он может первым претендовать на неё. Переговоры Н.Г. Матюнина и Г.Г. Гинцбурга продолжались весь 1902 г. и начало 1903 г. Н.Г. Матюнин ничем не мог подтвердить свои права на получение концессии, корейское правительство же хотело получить с Г.Г. Гинцбурга ещё денег за предоставления ему прав на горные разработки (это помимо платы собственно за концессию). Завершением трудных переговоров стало соглашение между Г.Г. Гинцбургом и корейским правительством 14 ноября 1903 г., по которому он добился права на горные разработки во всей провинции Хамкиондо за уплату четвёртой части чистой прибыли королю (копия соглашения // Там же. Д.135. Л.46–48). Доля Н.Г. Матюнина в соглашении не оговаривалась.

⁷⁰ РГИА. Ф.468. Оп.46. Д.57. Л.25 об.

⁷¹ Там же. Л.174.

Н.И. Непорожнева. Если учесть, что свой ответ министр двора отправил 6 ноября 1898 г., а Н.И. Непорожнев, которому ничего не оставалось делать, кроме как выполнять поставленное условие, мог прибыть в Петербург не ранее середины декабря, то ясно, что отсрочка составляла не меньше полутора-двух месяцев и означала нежелание связываться с концессией⁷². 11 ноября 1898 г. А.М. Безобразов ответил В.Б. Фредериксу длинным письмом, в котором показал, что им понят замысел затянуть дело и пригрозил министру двора ответственностью за срыв всей операции⁷³.

Однако демарш успеха не имел. Несмотря на то, что к добыванию денег присоединился И.И. Воронцов-Дашков, 25 ноября 1898 г. В.Б. Фредерикс выдал ему для В.М. Вонлярлярского всего 8 тыс. руб.⁷⁴ В том, что инициатором всей этой истории являлся не министр двора, были убеждены сами безобразовцы. В.М. Вонлярлярский в своих записках выводил главным виновником М.Н. Муравьёва. Вследствие такого решения Н.И. Непорожнев вообще отказался от дальнейших притязаний на корейские концессии, о чём уведомил М.Н. Муравьёва, и фактически отошел от деятельности безобразовской группы⁷⁵. В.Б. Фредерикс распорядился, чтобы Н.И. Непорожнев передал свои права на концессию Н.Г. Матюнину и чтобы тот ознакомил с затеваемым предприятием С.Ю. Витте⁷⁶. Это был уже третий сигнал для «концессионеров», свидетельствовавший о том, что сопротивление их планам нарастает. До него, в августе 1898 г., В.М. Вонлярлярский, оставшийся в Петербурге, получил отказ на просьбу предоставить ему государственный шифр для связи с экспедициями, что также свидетельствовало об изменении отношения к «новой» корейской политике⁷⁷. Главное сопротивление исходило от С.Ю. Витте, чью политику действия безобразовцев затрагивали более всего.

Нет сомнений, что до министра финансов доходили сведения о «новом курсе» в Корее. Помимо М.Н. Муравьёва, агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотиллов 6 октября 1898 г. сообщил П.М. Романову о корейской экспедиции⁷⁸. Он отметил её таинственность, явное наличие сильных покровителей и стремление всячески чуждаться Русско-Китайского банка (т.е. Министерства финансов и С.Ю. Витте). В этом письме Д.Д. Покотиллов также сообщил о переговорах Н.И. Непорожнева с Ю.И. Бринером, о

⁷² Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.11–13.

⁷³ РГИА. Ф.468. Оп.46. Д.57. Л.179–180.

⁷⁴ Там же. Л.181.

⁷⁵ Н.И. Непорожнев – М.Н. Муравьёву 14 ноября 1899 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.48.

⁷⁶ Телеграмма В.Б. Фредерикса Н.Г. Матюнину 25 октября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.59.

⁷⁷ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.10 об.

⁷⁸ РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.77. Л.65–66.

продаже купцом его концессии за 120 (цифра неточна – И.Л.) тыс. руб. и о запросе в Пекин А.И. Павлову о возможности получения такой же концессии на китайском берегу р. Ялу (дипломат посоветовал обратиться за ней к местным китайским властям)⁷⁹. Впрочем, С.Ю. Витте наверняка получал информацию о деятельности безобразовцев и из других источников. У него имелось достаточно оснований и возможностей, чтобы принять необходимые меры противодействия «новому курсу».

Поэтому завершение экспедиций в Корею в конце 1898 г. происходило в совершенно другой атмосфере по сравнению с началом их деятельности. В.М. Вонлярлярский в январе 1899 г. представил великому князю Александру Михайловичу доклад о проделанной работе. Многие в нём было значительно искажено. Так, с В.А. Тихоновым, пришедшим к выводу о бесперспективности разработки лесов в рамках концессии Бринера (из-за незначительного количества деловой древесины), В.М. Вонлярлярский провел «разъяснительную» беседу. После этого формулировки заключения лесничего смягчились, а он получил чин действительного статского советника⁸⁰. Однако, судя по всему, никакого значения отчёт не имел. Этим и закончился первый этап деятельности безобразовцев: они не сумели быстро реализовать поставленные цели в отношении Кореи в основном из-за сопротивления министра финансов.

9.4. Безобразовцы в 1899–1902 гг.

Сильное противодействие С.Ю. Витте вызвало разногласия среди безобразовцев. Первым проявил колебания великий князь. Александру Михайловичу вдруг стало ясно, что японцы и англичане не дадут состояться столь обширному русскому предприятию в Корее, поэтому он предложил ограничиться лишь северной частью королевства – идея, высказанная им якобы ещё весной 1898 г.⁸¹ На этом он и попытался договориться со всеисильным тогда министром финансов.

На их встрече, состоявшейся 7 января 1899 г., был обсужден широкий круг проблем, в том числе и Корея. С.Ю. Витте заявил, что активность России там вызовет протесты Японии, но согласился с необходимостью ограниченных действий в Северной Корее. После беседы великий князь выразил надежду Николаю II, что «Витте удастся уломать», явно имея в виду «новую» корейскую политику России⁸².

⁷⁹ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1518. Л.1–9.

⁸⁰ Тихонов В.А. Указ. соч. С.461–462, 518–520.

⁸¹ Великий князь Александр Михайлович – М.Н. Муравьёву 21 января 1899 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.21–22.

⁸² Он же – Николаю II 8 января 1899 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1142. Л.214–214 об.

По-видимому, результатом разговора с С.Ю. Витте явилась записка Александра Михайловича о Корее 6 марта 1899 г.⁸³ В ней великий князь вместо прежних посягательств на весь полуостров выступил за его экономический раздел пополам с Японией, полагая возможным «при помощи будущей Восточно-Азиатской компании прочно утвердиться в Северной Корее и подготовить совершенно мирный переход её в наши руки». В случае иных вариантов он пугал войной со Страной восходящего солнца, к чему Россия ещё не была готова (Александр Михайлович в общем повторил аргументацию С.Ю. Витте, когда он обосновывал необходимость **полного** отказа от Кореи). Однако записке великого князя предшествовал всеподданнейший доклад В.Н. Ламздорфа о Корее, в котором товарищ министра заявил, что Россия не в состоянии разрешить корейский вопрос⁸⁴.

Примерно в это же время В.М. Вонлярлярский подготовил проект доклада Николаю II о создании Восточно-Азиатской промышленной компании, воспроизведя основные идеи записок начала 1898 г. Это была всё та же идея учреждения псевдочастного общества на государственные деньги, правда, на сей раз увеличился масштаб предприятия: его деятельность распространялась бы на железнодорожные концессии в Маньчжурии, в частности, от устья р. Ялу до Гирина, а также от будущего порта Дальний до русско-китайской границы в Приморье⁸⁵. Базой для неё должен был стать «Добровольный флот», выделяемый в отдельную государственную структуру во главе с великим князем Александром Михайловичем. Новая «уточнённая» программа сочетала интересы великого князя и группы безобразовцев и являлась искусственным симбиозом желания Александра Михайловича получить себе в подчинение какое-нибудь морское учреждение и прежней идеи Восточно-Азиатской компании. Идея исходила от И.И. Воронцова-Дашкова, он намеревался таким образом удовлетворить амбиции великого князя⁸⁶. Несмотря на то, что проект указа уже

⁸³ АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.163. Л.3–7.

⁸⁴ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 16 февраля 1899 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.60. Л.12–13. Аналогичной точки зрения придерживался и М.Н. Муравьёв. Он полагал, что для других стран русско-японская договорённость по Корее необязательна, поэтому реальное значение документа сведётся к признанию Россией права Японии свободно распоряжаться в Южной Корее. Министр иностранных дел резонно заключил, что в такой ситуации предпочтительнее соблюдать уже имеющиеся соглашения, которые, не возлагая на Россию никаких обязательств, предоставляют ей свободу действий в королевстве (Пак Б.Д. Существовал ли в России реальный проект раздела Кореи на рубеже XIX и XX веков? // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №3. С.110–111).

⁸⁵ Записка по поводу концессий, на которые претендует будущая Восточно-Азиатская компания // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.857.

⁸⁶ РГИА. Ф.917. Оп.1. Д.4. Л.10.

лежал на столе у Николая II, он так и не был подписан⁸⁷, и Александр Михайлович отступил. 27 апреля он заявил Николаю II о своём отказе возглавить новую дальневосточную политику, считая, что она сведена к нулю⁸⁸. Своим партнёром он пообещал: «Я лично буду следить за этим делом. Может быть, придёт время, и наше дело вновь возродится»⁸⁹. В мае 1899 г. безобразовцам нанесли ещё один удар. После встреч В.М. Вонлярлярского с главным начальником флота великим князем Алексеем Александровичем и с морским министром выяснилась невозможность использовать «Добровольный флот» как базу для деятельности безобразовцев⁹⁰. В довершение всего Алексей Александрович предложил передать всё дело в ведение С.Ю. Витте. В.М. Вонлярлярскому осталось только констатировать: «Это шло вразрез со всей нашей программой», поэтому «приходится на всем деле поставить крест»⁹¹.

И.И. Воронцов-Дашков ещё в начале марта 1899 г. также выразил намерение вообще отойти от корейского предприятия⁹². Похоже, что это явилось реакцией на компромиссный план великого князя, так как граф был сторонником жёсткой линии⁹³. Однако в итоге он лишь снизил активность. Возможно, что бывшего министра двора удержал А.М. Безобразов, не согласившийся с идеей раздела Кореи и по-прежнему призывавший совсем не пускать туда Японию⁹⁴. В отличие от Александра Михайловича, он перенес акцент на силовые действия: «ближайшей» задачей оказалось «занятие» (!) долин корейских рек Тюмень и Ялу, для чего предлагалось сосредоточить в Приамурском округе необходимое количество войск. А.М. Безобразов так же как и В.М. Вонлярлярский искал административной опоры в виде Восточно-Азиатской промышленной компании, но желал, чтобы ей придали межведомственный статус (состоять

⁸⁷ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.134.

⁸⁸ Великий князь Александр Михайлович – Николаю II 27 апреля 1899 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1142. Л.216–218.

⁸⁹ Он же – А.М. Безобразову 12 июня 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.20. Тем не менее, весной 1900 г. великий князь как ни в чём не бывало действовал вместе с Н.Г. Матюниным, добиваясь усиления позиций России в Корее (конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 21 марта 1900 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.61. Л.21).

⁹⁰ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.14–14 об.; Там же. Указ. соч. С.134–135.

⁹¹ РГИА. Ф.468. Оп.46. Д.57. Л.30.

⁹² Великий князь. Александр Михайлович – И.И. Воронцову-Дашкову 5 марта 1899 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.2455. Л.3.

⁹³ Узнав о желании И.И. Воронцова-Дашкова, отказался заниматься корейским делом и В.М. Вонлярлярский, сообщив об этом в письме В.Б. Фредериксу 20 апреля 1899 г. Однако через неделю, 28 апреля 1899 г. вдруг заявил, что «приостанавливает» свой уход (Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.130–132).

⁹⁴ Записка А.М. Безобразова И.И. Воронцову-Дашкову 15 апреля 1899 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.603. Л.1–8.

при министерстве – значит, «быть из милости на кухне») с перспективой развёртывания псевдочастного общества в Министерство колоний, а пока предлагал поставить во главе компании совет из министров и других лиц по назначению Николая II. Решения этого совета были бы обязательны к исполнению всеми ведомствами, от которых также требовалось сообщать концессионерам любую нужную им информацию⁹⁵. Эта комбинация отразила устойчивый интерес безобразовцев к прямому использованию государственного аппарата в своих целях. Но если в первых записках того же А.М. Безобразова или записке Александра Михайловича о Корее речь шла о необходимости объединить деятельность министерств и прекратить межведомственную борьбу, то далее они заговорили уже о создании надведомственной структуры с беспрецедентным объёмом полномочий, представляющих из себя что-то вроде усечённых функций правительства.

В данном письме А.М. Безобразов также изложил свои внешнеполитические взгляды. Он полагал, что свободу рук для России на Дальнем Востоке должны дать Франция и Германия, а так как М.Н. Муравьёв не мог добиться этого, то А.М. Безобразов без ложной скромности предложил назначить себя состоящим при президенте Франции для сбора доказательств того, «что мы упускаем на Западе и как легко нам выйти из всех своих трудностей»⁹⁶. Отставной полковник искал решение в разделе английских интересов в Китае, это было близко идее континентального антианглийского союза, разделяемой многими российскими политиками, в том числе и С.Ю. Витте. Однако реальных рецептов того, как добиться желаемого, А.М. Безобразов не имел.

Твёрдая позиция Безобразова – Воронцова-Дашкова победила среди приверженцев «новой политики». Они решили атаковать оппонентов. 2 мая 1899 г. В.М. Вонлярлярский доложил Николаю II всё, что знал о деятельности С.Ю. Витте и М.Н. Муравьёва на Дальнем Востоке (естественно, в негативном ключе)⁹⁷; А.М. Безобразов в письме царю 15 июля 1899 г. представил министра финансов как «орудие жидов и поляков» и т.п.⁹⁸ Но «компромат» не помог: монарх занял осторожную позицию. Не желая «производить давления на свободу суждения министров», самодержец «продолжал оказывать делу поддержку лишь в тех пределах, против которых ведомства не

⁹⁵ Этот проект содержался в письме А.М. Безобразова И.И. Воронцову-Дашкову 11 марта 1899 г. // ОР РГБ. Ф.58. Раздел 1. К.6. №2. Л.23–26.

⁹⁶ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 11 марта 1899 г. // ОР РГБ. Ф.58. Раздел 1. К.6. №2. Л.25.

⁹⁷ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.134–135.

⁹⁸ Там же. С.139–144.

возражали, т.е. при условии его ведения в совершенно частном порядке»⁹⁹. Для безобразовцев такое решение было серьёзнейшей неудачей.

Пока шла политическая дискуссия, предприимчивые В.М. Вонлярлярский и Н.Г. Матюнин 26 июня 1899 г. получили от Н.И. Непорожнева концессию Бринера. Владивостокскому купцу уплатили 65 тыс. руб., всего же концессия обошлась Кабинету Его императорского величества в 93 153 руб. согласно отчёту В.М. Вонлярлярского)¹⁰⁰. Первое, что они сделали – это раздробили концессию и попытались отдельно реализовать право заготовки древесины на корейском острове Дажалет. Оказалось, что лес там уже в основном истреблён японцами и остался лишь в труднодоступных местах¹⁰¹. Чтобы пресечь незаконные порубки, Н.Г. Матюнин и М.О. Альберт в августе 1899 г. обратились за помощью в Морское и Военное министерства, а также в МИД¹⁰². Они планировали вывозить древесину на русских военных кораблях и продавать её Морскому министерству по рыночной цене. Четверть прибыли предполагалось перевести корейскому королю согласно условиям концессии, остальное – забрать себе. Кабинет Его императорского величества, на чьи деньги была приобретена концессия, ничего не получал. Комбинация сорвалась из-за того, что моряки отказались участвовать в коммерческой операции: командование считало недопустимым приказывать строевым офицерам действовать в интересах частной компании¹⁰³. После этого в январе 1900 г. Н.Г. Матюнин продал концессию на Дажалете японцам (!) за 200 тыс. руб.¹⁰⁴ – такой оказалась цена рассуждений о государственных и стратегических целях всего предприятия¹⁰⁵.

⁹⁹ РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.100. Л.30.

¹⁰⁰ Вонлярлярский В.М. Отчёт... Л.15 об. Акт о передаче концессии Н.И. Непорожневу был составлен 8 мая 1899 г.

¹⁰¹ В августе 1903 г. лес на Дажалете осмотрела специальная экспедиция. По её заключению, деловой древесины на острове оказалось немало (красное дерево и кедр), но старые, крупные деревья были уже изрядно истреблены и оставались лишь на склонах гор (Лебедев Е. Остров Дажалет // Известия Восточного института. Т.ХI. Владивосток, 1904. С.163, 168–172).

¹⁰² Справка об участии военного ведомства в охране лесной концессии на Ялу по материалам Главного штаба // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1040. Л.57–60; АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134; РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2070.

¹⁰³ Я.А. Гильдебрандт – Е.И. Алексееву 21 марта 1900 г. // РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.56. Л.10–11.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.108. Позже, в октябре 1902 г., Н.Г. Матюнин также безуспешно предлагал аренду дажалетских лесов (часть концессии Бринера) М.А. Гинсбургу за 15% от прибыли и без всяких затрат со своей стороны (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.340. Л.122).

¹⁰⁵ Н.Г. Матюнин суеился ещё и потому, что по условиям концессии Бринера приступить к добыче леса следовало до осени 1901 г. К счастью для безобразовцев, им удалось от-

Прямая атака безобразовцев на министра финансов быстро захлебнулась. Необходимость в государственных ресурсах оказалось настолько серьёзной, что им пришлось идти на поклон к С.Ю. Витте. 27 октября 1899 г. Н.Г. Матюнин вынужденно обратился к министру финансов за деньгами для приобретения концессии, обещанной Н.И. Непорожневу¹⁰⁶. Ему пришлось изложить С.Ю. Витте всю историю предприятия, в том числе и основной замысел – с его помощью прибрать к рукам всю Корею¹⁰⁷. В ответ С.Ю. Витте заявил Н.Г. Матюнину, «что считает дело несерьёзным как задуманное и ведённое помимо его и даже от него, министра финансов, скрывавшееся, и от всякого прямого или косвенного содействия решительно отказывается»¹⁰⁸. Н.Г. Матюнин бросился за помощью к М.Н. Муравьёву, чтобы получить при его содействии уверение, «что предприятие пользуется хотя бы нравственной поддержкой императорского правительства»¹⁰⁹. Но всё было тщетно. Под впечатлением от доклада С.Ю. Витте, признавшего, что нельзя надеяться на доходы от «концессии Непорожнева» и полагаться на обещания корейских властей, Николай II 5 ноября 1899 г. запретил участие в ней казны¹¹⁰. Отлучение от денег означало неизбежный крах всей затеи: собственных средств у концессионеров не имелось. Поэтому в конце 1899 г. казалось, что вся безобразовская инициатива завершилась.

От бесславного конца предприятие спасло вмешательство И.И. Воронцова-Дашкова, заявившего царю: «ежели нам не будет ясно, что мы работаем для ВАС и под ВАШИМ покровительством, то, вероятно, большинство от дела откажется, не желая, потеряв свое знамя, отдать время и труд на увеличение средств X^a, Z^a, или Y^a при могущих измениться взглядах гг. министров»¹¹¹.

далить срок начала работ до 1 января 1904 г., а завершение самой концессии – до 1 января 1920 г. (копия ноты корейского МИД 29 марта 1901 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.68). Н.Г. Матюнин просил продлить концессию ещё в декабре 1900 г., но дело затянулось из-за категорических возражений корейского посланника в Петербурге Ли Бомчжина (А.И. Павлов – Н.Г. Гартвику 5 апреля 1901 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.134. Л.180–181). Коджон подозревал, что дипломат намеревался выговорить у Н.Г. Матюнина вознаграждение, «не поделившись с императором и видными сановниками», поэтому перенёс решение вопроса в Сеул (прошение Н.Г. Матюнина В.Н. Ламздорфу 10 декабря 1900 г. и выписка из донесения А.И. Павлова в МИД 7 января 1901 г. // Ли Бомчжин. М., 2002. С.129–132).

¹⁰⁶ Записка Н.Г. Матюнина С.Ю. Витте 27 октября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.282. Л.5.

¹⁰⁷ Записка Н.Г. Матюнина С.Ю. Витте 1 ноября 1899 г. // Там же. Л.11–13.

¹⁰⁸ РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.100. Л.30 об.

¹⁰⁹ Н.Г. Матюнин – М.Н. Муравьёву 20 ноября 1899 г. и М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 26 ноября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.529. Л.63–64.

¹¹⁰ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 5 ноября 1899 г. // Там же. Д.282. Л.14–17.

¹¹¹ И.И. Воронцов-Дашков – Николаю II 4 июня 1900 г. // Там же. Д.100. Л.25; Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу... С.447.

Бывший министр двора имел успех: Николай II подтвердил свой интерес к делу и расположение к концессионерам. Несколько ранее, 20 декабря 1899 г., он заявил адмиралу Ф.В. Дубасову, что Н.Г. Матюнин и его коллеги подняли вопрос чрезвычайной важности и сетовал, что его значение не осознаётся в Петербурге, прозрачно намекая на С.Ю. Витте¹¹². Новые цели А.М. Безобразов сформулировал уже иначе, в духе компромиссной записки великого князя Александра Михайловича 1899 г.: «экономическое и политическое преобладание [России – И.Л.] в Северной Корее»¹¹³. Ему пришлось признать, что все его идеи относительно лесных контрактов «сейчас не выдерживают никакой деловой критики»¹¹⁴. Однако по большому счёту причиной живучести безобразовцев являлась политика С.Ю. Витте. Широкие экспансионистские замыслы министра финансов, сохранявшиеся до 1900 г., были обречены на неудачу из-за отсутствия необходимых ресурсов. Именно это обстоятельство и создавало условия для выдвижения альтернативной политики на Дальнем Востоке.

В конце 1899 г. в связи с начавшейся англо-бурской войной у безобразовцев появился повод напомнить о своих планах. Достоинства ситуации быстрее других оценил В.М. Вонлярлярский. В своей записке великому князю Александру Михайловичу 25 декабря 1899 г. он, обрисовав выгодность международного положения (Англия завязла на юге Африки, «Америка связана Филиппинами, Япония накануне финансового кризиса и без Англии самостоятельно воевать не станет»), предложил срочно вернуться к корейскому вопросу: «Настала минута, когда необходимо разобраться в этом деле всесторонне. Если Корея нам нужна, то надо действовать теперь». В.М. Вонлярлярский изменил предполагаемый характер действий в королевстве по сравнению с тем, о чём писал А.М. Безобразов ещё весной 1899 г.: не готовить войска, а «заставить корейского императора подписать договор на передачу почти всех рудных богатств Кореи, проектированный [тайным] с[оветником] Непорожневым, и тем наложить руку на внутренние дела Кореи». Соглашение следовало сделать открытым, в противном случае можно было скомпрометировать дело¹¹⁵. За новой комбинацией просматривался прежде всего корыстный интерес В.М. Вонлярлярского: получить в своё распоряжение значительные ресурсы.

Однако разгоревшееся вскоре боксёрское восстание 1900 г., оккупация русскими войсками Маньчжурии, участие в походе на Пекин резко изменили обстановку на Дальнем Востоке. Безобразовцы, пользуясь этим, попыта-

¹¹² Запись аудиенции Ф.В. Дубасова у Николая II 20 декабря 1899 г. // РГА ВМФ. Ф.9. Оп.1. Д.630.

¹¹³ РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.603. Л.11–11 об.

¹¹⁴ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 29 мая 1900 г. // Там же. Л.9.

¹¹⁵ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.21–22; Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.144–147.

лись развить свою деятельность опять в форме создания частной Восточно-Азиатской компании. А.М. Безобразов вернул к жизни проект, выдвинутый В.М. Вонлярлярским в 1898 г.: создать акционерное общество, но на этот раз сумма основного капитала была уменьшена до 2 млн. руб. (400 паёв по 5 тыс. руб.). Схема их распределения также носила крайне запутанный и жульнический характер: 200 паёв (половину) предполагалось закрепить за Кабинетом Его императорского величества. Имелось в виду, что 200 тыс. руб. кабинет уже внёс – это стоимость леса на острове Дажалет, входившего в концессию Бринера (деньги были получены от японцев Н.Г. Матюниным и М.О. Альбертом, но где они находились – об этом не сообщалось). А.М. Безобразов предполагал использовать их так: 100 тыс. руб. – на акции Восточно-Азиатской компании, 50 тыс. – корейскому королю (за что?) и 50 тыс. – «на расходы по другим концессиям в Корее»¹¹⁶. 250 тыс. засчитывались кабинету за финансирование корейских экспедиций (несмотря на то, что в отчёте В.М. Вонлярлярский указал сумму в 93 тыс. руб.), поэтому за 200 паёв организаторы хотели получить с учреждения ещё 350 тыс. руб., сделав ему таким образом «дисконт». А.М. Безобразов ошибочно полагал, что он составит 250 тыс. руб., хотя по точному подсчёту получается меньше, 200 тыс. руб.

Оставшиеся 200 паёв распределялись пополам: 100 – между 11 «надёжными» лицами (в их число входили И.И. Воронцов-Дашков, В.М. Вонлярлярский, Ф.Ф. Юсупов, В.А. Гендриков, И.П. Балашёв, П.Я. Дашков и др.). Любопытно, что себя А.М. Безобразов в этот список не поместил. Ещё 100 паёв предполагалось отдать «местным деятелям»: некому Я.П. Беляеву, директору–распорядителю торгового дома «Беляев и К^о», Н.Н. Фёдорову, владельцу лесопильного завода в Вышнем Волочке, М.О. Альберту, Н.Г. Матюнину и ещё нескольким не определённым в тот момент промышленникам. Вероятно, речь шла о людях, выразивших готовность вложить в дело реальные деньги. Одновременно каким-то образом 100 паёв предполагалось закрепить за М.О. Альбертом и Н.Г. Матюниным¹¹⁷. Ещё менее понятен список из 66 пайщиков Восточно-Азиатской компании, включавший в себя многих известных лиц¹¹⁸. Вероятнее всего, что перед нами – черновые материалы, показывающие, что реальных инвесторов у компаньонов в итоге не оказалось совсем. Соответственно, и деньги могли быть взяты только из казны.

¹¹⁶ Записка А.М. Безобразова «для памяти» 8 мая 1900 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.113. Л.29–33. Таким образом, реально вырученные 200 тыс. руб. исчезали бесследно.

¹¹⁷ Безобразов А.М. Проект финансирования дела (копия) // Там же. Л.15–18. Возможно, первоначальный список промышленников в конце концов свёлся к этим двум фигурам. См. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.389.

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.113. Л.19 об. – 19 а об.

Вскоре настал момент, когда министра финансов опять пришлось посвящать в замысел: на схему основного капитала компании Николай II наложил резолюцию: «Сообщить об этом Сергею Юльевичу частным образом, чтобы г[осподи]н министр финансов имел в виду все те обстоятельства, которые дают возможность предоставить компании широкое поле деятельности, не рискуя ни в финансовом, ни в политическом отношениях»¹¹⁹. Несмотря на то, что С.Ю. Витте не мог формально запретить деятельность безобразовцев, он, тем не менее, ещё раз помешал им. После того, как царь 5 мая 1900 г. частным образом одобрил устав Восточно-Азиатской компании, который не содержал привилегий и был составлен словно под обычное коммерческое предприятие¹²⁰, оставалось провести его через Комитет министров. Здесь-то министр финансов и приготовил барьер: он уговорил Николая II не вносить дело туда, пока «не успокоятся события на Дальнем Востоке»¹²¹.

В свою очередь, А.М. Безобразов откликнулся на боксёрское восстание серией записок, адресованных самодержцу. Первая из них, от 15 июля 1900 г., представляла из себя очередной донос на С.Ю. Витте и содержала критику всей русской политики в Китае¹²². А.М. Безобразов писал об ошибочности движения «в середину китайского мира» и недопустимости поручения его «жидам и полякам» (намекая на А.Ю. Ротштейна и Русско-Китайский банк), о том, что «система Витте» ложится слишком тяжёлым грузом на народное хозяйство России. Поддержав, в отличие от С.Ю. Витте, занятие Ляодуна, А.М. Безобразов опасался приобретения Маньчжурии, что, по его мнению, положило бы начало разделу Китая, а также привело бы к утрате Кореи, которую неизбежно захватила бы Япония. В этой части его суждения трудноотличимы от мнения

---

¹¹⁹ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 31 марта 1900 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.603. Л.10; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.386–389. Исполнил царское повеление М.О. Альберт, лично представив «проект» министру финансов (М.О. Альберт – С.Ю. Витте 30 марта 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.31. Л.72).

¹²⁰ Соглашение об учреждении Восточно-Азиатского торгово-промышленного товарищества (вручено министру иностранных дел 8 мая 1900 г.) // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.133. Л.34–35; устав товарищества // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.101. Л.38–47. Согласно этим документам, учредителями компании являлись И.И. Воронцов-Дашков, Ф.Ф. Юсупов, В.А. Гендриков, В.М. Вонлярлярский, А.М. Абаза, М.А. Серебряков. Целью товарищества объявлялась разработка лесов, но концессия Бринера нигде не упоминалась.

¹²¹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.18; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.392.

¹²² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.26–28; Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.136–144. Свою записку А.М. Безобразов послал также великому князю Алексею Александровичу, чего ранее не делал (РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.119. Л.1–5). Это можно рассматривать как намёк на то, что он был готов расстаться с великим князем Александром Михайловичем и сменить высокого покровителя своего предприятия, либо как отражение того, что отношения между двумя великими князьями смягчились.

министра финансов. Зато он значительно разошёлся со своим покровителем И.И. Воронцовым-Дашковым, полагавшим, что России следует занять Маньчжурию, за исключением её густозаселённых частей, железную дорогу до Порт-Артура надо строить не через Мукден, а через Гири и Северную Корею. По мнению графа, королевство должно было стать неприкосновенным, а экспансию Японии следовало направить на Амой¹²³.

Также А.М. Безобразов изложил свое общее видение внешней политики России. Оно не было чем-то новым: как и в 1899 г., речь шла о континентальном союзе (Россия, Германия, Франция, Италия) при лидерстве Германии и о соглашениях России с Японией и США через раздел английских интересов в Китае. В другом своём сочинении, 23 июля, лидер группы, вероятно, прислушавшись к суждениям И.И. Воронцова-Дашкова, писал о необходимости «нейтрализации» Кореи¹²⁴. Он даже настаивал на энергичных действиях Петербурга в королевстве, чтобы противодействовать там другим иностранцам. К японским вожделям А.М. Безобразов не относился серьёзно, будучи убеждённым, что «в умственном смысле русский инженер, русский промышленник неизмеримо выше японского. Японцы будут мелкими десятниками и конторщиками в русском предприятии»¹²⁵. В последней записке от 26 июля 1900 г. («Проект принципиальной постановки вопроса») А.М. Безобразов вернулся к идее Восточно-Азиатской компании как средству проведения русской политики для закрепления за собой Северной Маньчжурии вместо её военной оккупации, предложив учредить должность статс-секретаря для сношений с министерствами от имени проектируемого псевдочастного акционерного общества.

Но и в 1900 г. С.Ю. Витте не дал идее хода под благовидным предлогом: участие Кабинета Его императорского величества и государственных служащих в деятельности безобразовского предприятия рассматривалось как недопустимое¹²⁶. Пострадавшие расценили это как стремление министра финансов превратить Восточно-Азиатскую компанию «в обыкновенное частное общество, которое ничего существенного с государственной точки зрения выполнить не могло»¹²⁷. Кроме того, безобразовцы попытались настоять на передаче всех концессий в Приамурском крае своему обществу. С.Ю. Витте, лично переговорив

¹²³ И.И. Воронцов-Дашков – А.М. Безобразову, б/д. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.113. Л.75.

¹²⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.394.

¹²⁵ Безобразов А.М. Почему русское правительство должно возобновить именно теперь свою активную деятельность в Корее (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.113. Л.76–79. Записка не была окончена.

¹²⁶ Вонлярлярский В.М. Материалы для выяснения причин войны с Японией // РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.96. Л.85–86; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.389–392.

¹²⁷ Вонлярлярский В.М. Материалы для выяснения причин войны с Японией // РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.96. Л.95.

с А.С. Ермоловым, затормозил дело. Несмотря на то, что А.М. Безобразову удалось убедить Николая II поставить вопрос о передаче КВЖД в Министерство путей сообщения, министр финансов и здесь оттянул этот акт на два-три года¹²⁸. В ответ А.М. Безобразов заявил, что необходимым условием реализовать их программу является отставка С.Ю. Витте¹²⁹.

Несмотря на сопротивление министра финансов, 29 июня 1901 г. Комитет министров утвердил устав Восточно-Азиатской промышленной компании. Но победа безобразовцев оказалась пиррова. Дело в том, что по уставу учредителям следовало внести 20% паёв (400 тыс. руб.) в шестимесячный срок как обязательное условие для начала деятельности компании. К февралю 1902 г. этого сделано не было, поэтому предприятие с того момента считалось несостоявшимся, а Николай II вообще распорядился «прекратить дело»¹³⁰. А.М. Безобразов списал все свои неудачи на козни С.Ю. Витте и ответил на них в начале 1902 г. новой серией нападков на сановника¹³¹.

Почувствовав реальную опасность, министр финансов предпринял ряд ответных шагов и не только запретительного характера. В частности, 15 июня 1901 г. Николай II утвердил представленные С.Ю. Витте условия деятельности в России английского общества изысканий в Северо-Восточной Сибири, что, по мнению В.М. Вонлярлярского, было сделано для создания конкурента будущей безобразовской монополии. Лично В.М. Вонлярлярскому С.Ю. Витте подсластил горькую пилюлю тем, что дал быстрый ход его прошению об учреждении Северо-Восточного Сибирского общества для разведки богатств Чукотки.

Тем не менее, в 1900–1901 гг., несмотря на все усилия С.Ю. Витте, шансы безобразовцев на реализацию своих планов заметно увеличились. После боксёрского восстания 1900 г. в дальневосточной политике России произошли серьёзные изменения. Большое влияние на неё получили военные, прежде всего, А.Н. Куропаткин. Амбициозный генерал и расчётливый царедворец имел собственный взгляд на цели России в Китае. Военный министр полагал, что интересы России следует ограничить Маньчжурией. При таком раскладе Корейский полуостров получал важную военно-стратегическую роль, прикрывая доступ в Северный Китай и путь к Порт-Артуру. Япония же рассматривалась военными в качестве вероятного противника, поэтому уступка

¹²⁸ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 12 июля 1901 г. // Красный архив. 1926. №5 (18). С.45–46.

¹²⁹ А.М. Безобразов – Николаю II 24 июня 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.34–35.

¹³⁰ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.252; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.399.

¹³¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.399–401.

ей Кореи представлялась нежелательной. После ввода войск в Маньчжурию трудно было удержаться от того, чтобы не перейти на силовые методы политики в Китае (продолжать оккупацию Маньчжурии). Это косвенно свидетельствовало, что экономическая экспансия не принесла желанных результатов. Соответственно, позиции С.Ю. Витте как главного архитектора этого курса не могли считаться прочными, что давало шанс его оппонентам.

В 1902 г. безобразовцы сосредоточились на лесных предприятиях, решив расширить концессию Бринера за счёт китайского берега р. Ялу. Компаньоны полагали, что С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин не смогут воспрепятствовать затее с частной компанией¹³². В начале 1902 г. с этой идеей выступил Н.Г. Матюнин, найдя момент «как нельзя более удобным». Заручившись царской резолюцией: «Просьбу Матюнина следует исполнить и вообще оказывать возможное его делу содействие», он, нарушая бюрократическую практику, обратился к В.Н. Ламздорфу, чтобы министр сообщил русскому посланнику в Пекине собственноручно им, Н.Г. Матюниным, составленную инструкцию для получения концессии¹³³. МИД выступал в качестве простой передаточной инстанции, что было в высшей степени необычно. Однако для проведения собственной политики подобными методами требовалось присутствие в министерстве своих людей. Таким человеком для безобразовцев оказался директор Азиатского департамента Н.Г. Гартвиг. Благодаря ему Н.Г. Матюнин получал копии практически всех важных телеграмм, касавшихся концессий в Китае¹³⁴. Кроме этого, с помощью Н.Г. Гартвига безобразовцы использовали в своей переписке дипломатический шифр¹³⁵. Большинство их телеграмм исправно посылалось Н.Г. Гартвигом по каналам МИДа, но стоило Н.Г. Матюнину в марте 1902 г. обратиться непосредственно к В.Н. Ламздорфу, чтобы тот от имени МИДа переадресовал морскому министру П.П. Тыртову его просьбу послать в устье р. Ялу судно для создания там вооружённой заставы, как он натолкнулся на категорический отказ главы внешнеполитического ведомства¹³⁶. Ситуация сложилась парадоксальная: у друга и сторонника С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфа, в подчинённом ему министерстве действовала целая система обслуживания безобразовцев.

Не удивительно, что и посланник в Пекине (им тогда был П.М. Лессар) проявил немалое рвение в добыче лесной концессии. Правительство Подне-

¹³² Выписка из письма А.М. Безобразова Н.Г. Матюнину 13 апреля 1902 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.316. 1902 г. Д.578. Л.2.

¹³³ Н.Г. Матюнин – В.Н. Ламздорфу 30 января 1902 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1518. Л.10–11 об.; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.384.

¹³⁴ Например, АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1518. Л.16, 51 и др.

¹³⁵ Там же. Л.59.

¹³⁶ Там же. Л.35–36.

бесной уклонялось от прямого ответа, переадресовав решение о выдаче концессии мукденскому цзянь-цзюню. Одновременно он получил из столицы распоряжение – не давать русским никаких преимуществ. Поэтому Цзен Ци обусловил выдачу лесной концессии выводом русских войск из Шэньцзиньской области¹³⁷. Это был беспроигрышный ход: военные и Е.И. Алексеев не хотели продолжать эвакуацию Маньчжурии, для них являлось немыслимым уступить требованию цзянь-цзюня. С другой стороны, если бы китайскому губернатору удалось ускорить вывод русских войск, он получил бы лавры победителя в глазах Пекина, что, разумеется, стоило лесной концессии.

Игра китайских чиновников выглядела слишком очевидной. Поэтому их российские коллеги не собирались выполнять условия губернатора. П.М. Лессар усилил давление в столице, добиваясь не только концессии, но и права иметь вооружённую охрану лесов¹³⁸. В своей настойчивости дипломат даже переусердствовал: МИДу пришлось напомнить ему о необходимости «большой осторожности в ведении этого щекотливого дела»: «слишком открытая поддержка вооружённой силой прав частного концессионера могла бы обнаружить действительные цели предприятия и повести к весьма опасным осложнениям»¹³⁹. Но предупреждение запоздало: действия русской дипломатии китайцы уже восприняли как прямую угрозу, а П.М. Лессар не видел иного способа добиться результата, кроме как продолжать оказывать «сильное давление»¹⁴⁰. Китай же играл на противоречиях держав, поэтому он смело отклонял все домогательства безобразовцев и откомандированной им на помощь русской дипломатии¹⁴¹.

Потерпев неудачу в дипломатической атаке, Н.Г. Матюнин изменил тактику: с согласия Николая II (20 июля 1902 г.) он решил домогаться концессии на подставных лиц (русского и китайца), чтобы затем эти люди передали её безобразовцам. Н.Г. Матюнин нашёл некоего Ф.А. Львова, который после длительного торга согласился взять дело и даже посулил прибыль. Николай II через А.М. Абазу предоставил в его распоряжение 75 тыс. руб. При этом выяснился ряд любопытных подробностей. Несмотря на то, что концессия приобреталась на царские деньги, Н.Г. Матюнин и Ф.А. Львов рассматривали её как свою собственность, намереваясь забрать себе зна-

¹³⁷ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 12 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.58–59; Г.А. Плансон – в МИД 29 ноября 1902 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.797.

¹³⁸ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1518. Л.43.

¹³⁹ Телеграмма МИД – П.М. Лессару 10 апреля 1902 г. // Там же. Л.46 об. Её текст был одобрен Николаем II.

¹⁴⁰ Там же. Л.54 об., 67 об.

¹⁴¹ Д.Д. Покотилов – в Министерство финансов 10 марта 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.275. Л.132–132 об.

чительную часть доходов: первый – 20% от чистой прибыли, Ф.А. Львов требовал себе 15%, с трудом согласившись на 12%¹⁴². Его деятельность по изысканию концессии свелась в основном к просьбам денег. Позднее Ф.А. Львов утверждал, что из 125 тыс. руб., полученных им через МИД, 107 тыс. он израсходовал преимущественно на взятки (естественно, что проверить это было невозможно)¹⁴³. Результаты оказались очень скромными: в октябре 1902 г. коммерсант получил от мукденского цзянь-цзюня лишь порубочный билет на год, который выдавался практически любому желающему даже без взятки (впоследствии цзянь-цзюнь выдал ещё один билет на 1903–1904 гг.)¹⁴⁴. Впрочем, это не гарантировало, что и в дальнейшем такие разрешения будут предоставляться столь же исправно. Концессионеры пытались обставить порубочный билет рядом добавочных условий: например, обязать (!) мукденского цзянь-цзюня ежегодно возобновлять его обязательно русскому лицу. Под обеспечение этого обязательства от китайских властей требовали залог в 1 млн. руб. (где бы они нашли столько денег, если бы даже согласились?), допустить передачу прав от физического лица русской компании и, наконец, разрешения содержать многочисленную лесную стражу¹⁴⁵. Не удивительно, что Ф.А. Львов ничего этого не добился. В ответ местные власти, встревоженные тем, что предоставление Н.Г. Матюнину концессии «лишит нас всех выгод», решили сами создать компанию по добыче леса¹⁴⁶. Весной 1903 г., по слухам, в Тяньцзине уже появились акции китайского предприятия, но расходились они «весьма туго»¹⁴⁷. В конце концов Н.Г. Ма-

¹⁴² Ф.А. Львов – генерал-лейтенанту В.С. Волкову 5 августа 1902 г. // Там же. Д.336. Л.26. Ф.А. Львов просил концессию на 25 лет для акционерного общества с уставным капиталом в 2,4 млн. руб., треть акций предполагалось уступить китайцам (это давало преимущества перед другими иностранцами). С российской стороны правление представляли безобразовцы: президент – А.М. Абаза с годовым окладом 30 тыс. руб., вице-президент – Н.Г. Матюнин (20 тыс.), директор-распорядитель Ф.А. Львов (18 тыс.). Значительное содержание назначалось и некоторым другим «полезным» людям, которые также участвовали в «освоении» концессии Бринера (прошение Ф.А. Львова о предоставлении концессии 18 августа 1902 г., проект договора и финансовый план см.: Львов Ф.А. Лиходей бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб., 1906. С.58–75).

¹⁴³ Записка Ф.А. Львова о его участии в получении лесной концессии на китайском берегу р. Ялу // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.340. Л.4; Львов Ф.А. Указ. соч. С.23.

¹⁴⁴ И.П. Шипов – В.Н. Ламздорфу 10 февраля 1906 г. (копия) // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.117. Л.4–5, 9–10.

¹⁴⁵ Чего бы хотели получить концессионеры на Ялу от Китая // РГВИА. Ф.14378. Оп.1. Д.130. Л.99–101.

¹⁴⁶ Перевод письма Юань Дахуа канцлеру Ван Вэньшао в Пекин, октябрь 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.143–145.

¹⁴⁷ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 28 марта 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.43. Д.61. Л.33.

тунин разочаровался в своём компаньоне и вместе с А.М. Абазой они отстранили незадачливого коммерсанта от дела, которое передали проверенному Г.Г. Гинцбургу¹⁴⁸.

Как жест отчаяния можно расценить более позднее решение включить выдачу концессии на р. Ялу в дополнительные условия эвакуации Маньчжурии, предъявленные Китаю уже после подписания договора 26 марта 1902 г. Оно не было реализовано из-за возражений, что это ещё раз подчеркнуло бы политический характер концессии и лишней раз встревожило бы китайцев. Николаю II пришлось согласиться с этими аргументами¹⁴⁹. Со своей стороны и В.Н. Ламздорф, заявив во всеподданнейшей записке 12 апреля 1903 г., что МИД оказывал всемерную поддержку концессионерам, обвинил их самих в затяжке дела¹⁵⁰. В итоге А.М. Безобразов, поняв безнадежность официального пути, отступил и предложил в начале мая 1903 г. В.Н. Ламздорфу отказаться от хлопот по добыванию концессии¹⁵¹. В октябре 1903 г. П.М. Лессар подвёл черту под всей этой историей, сообщив из Пекина, что китайцы всё ещё тянут с выдачей концессии, и шансов на успех «очень мало»¹⁵².

9.5. Конец 1902 – начало 1903 гг.:

крах политики С.Ю. Витте и взлёт безобразовцев

Резкое усиление позиций безобразовцев произошло в конце 1902 г., но связано это было не с их успехами, а с крахом политики министра финансов. После поездки на Дальний Восток осенью 1902 г. он существенно изменил взгляды, отказываясь от прежних замыслов, о чём неоднократно говорил, в частности, 27 октября 1902 г. на совещании в Ялте у Николая II по вопросу о заселении полосы КВЖД. Там С.Ю. Витте отверг необходимость всякой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке министр финансов предложил построить исключительно по российской территории железную дорогу вдоль р. Амур¹⁵³.

С.Ю. Витте фактически предложил вообще прекратить всякие энергичные действия на Дальнем Востоке и отступать по всем направлениям. Возможно, что для царя подобная дилемма впервые прозвучала так разочаровывающе определённно и остро. Не удивительно, что после этого безобразовцев поддер-

---

¹⁴⁸ [Справка о китайской концессии на р. Ялу] // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.54; Львов Ф.А. Указ. соч. С.23–24.

¹⁴⁹ Г.А. Плансон – в МИД 27 марта 1903 г. // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д.1519. Л.52.

¹⁵⁰ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 12 апреля 1903 г. // Там же. Л.82–88.

¹⁵¹ Там же. Л.126–127.

¹⁵² П.М. Лессар – в МИД 29 октября 1903 г. // АВПРИ. Ф.326. Оп.928. Д.7. Л.55.

¹⁵³ Черновой вариант журнала совещания в Ялте 27 октября (9 ноября) 1902 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.326. Л.163–164.

жали и люди не из их компании, например, посланник в Сеуле А.И. Павлов, заявивший о необходимости экономической активности России в Корее. Он полагал, что королевство должно стать в конце концов русским, а пока следовало соединить безобразовское предприятие с американским капиталом¹⁵⁴. Воспользовавшись решениями ялтинского совещания, А.Н. Куропаткин представил специальный всеподданнейший доклад об усилении колонизации Северной Маньчжурии и контроля за ней. Фактически речь шла об установлении там режима протектората. Но Николай II не утвердил соображения военного министра, так как это обещало слишком большие осложнения¹⁵⁵.

Концессионеры оживились. А.М. Безобразов снова привлёк к предприятию И.И. Воронцова-Дашкова. Граф был по-прежнему нужен им для того, чтобы преодолеть сопротивление С.Ю. Витте¹⁵⁶. Для закрепления нового положения дел и ревизии «империи Витте» А.М. Безобразов отправился на Дальний Восток, 30 декабря 1902 г. он прибыл в Порт-Артур (обратно выехал экстренным поездом 19 марта 1903 г.)¹⁵⁷. Там отставной полковник во всеуслышание заявил, что целями русской политики на Дальнем Востоке должна стать охрана границы и завоевание Маньчжурии: «Экономические вопросы края относятся прямо к преследуемой цели; вопросы же дипломатические, военные и административные призваны обслуживать эту конечную цель» (захват Маньчжурии). А.М. Безобразов считал возможным «заставить добровольно служить русским интересам китайский и иностранный труд и капитал»¹⁵⁸. Главную ставку он сделал на концессию, в частности – на всё тот же годовой порубочный билет на р. Ялу, ставшим в глазах А.М. Безобразова едва ли не главным свидетельством русского влияния там¹⁵⁹.

Во время поездки А.М. Безобразов вёл себя на редкость бесцеремонно и бестактно: вербовал себе в союзники российских чиновников, раздавал направо и налево обещания и деньги с открытого для него специального счета в Русско-Китайском банке в 2 млн. руб.¹⁶⁰ Не получив лесной концессии на

¹⁵⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.23. Запись 5 января 1903 г.

¹⁵⁵ Всеподданнейший доклад А.Н. Куропаткина 28 октября 1902 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.787.

¹⁵⁶ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 6 декабря 1902 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.1371. Л.10–10 об.

¹⁵⁷ Дневник Е.И. Алексеева за 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.15. Л.1.

¹⁵⁸ Всеподданнейший доклад А.М. Безобразова 16 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.16; всеподданнейший доклад 9 августа 1903 г. // Там же. Л.150, 152.

¹⁵⁹ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 21 февраля 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.37–39.

¹⁶⁰ Подробнее о поездке А.М. Безобразова на Дальний Восток см.: Пролог... С.253–260. Из 2 млн. руб. 520,8 тыс. были взяты по распоряжению Николая II из так называемого 12 млн. фонда, предусмотренного на разные сверхсметные выдачи лично царем; 1227,06 тыс. руб. – из прибыли Иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной

китайском берегу р. Ялу, он стал действовать иначе. Решив, что с китайской администрацией «вообще не следует церемониться», А.М. Безобразов не нашел лучшего решения как обратиться за поддержкой к бандитам – хунхузам, в которых он усмотрел оппозицию (!) и предложил организовать с их помощью вооружённую борьбу с местными китайскими властями и одновременно использовать разбойников для охраны (!) КВЖД¹⁶¹. Естественно, что первые же нанятые авантюристами шайки занялись грабежами населения, начались стычки с регулярной китайской армией, это вызвало протесты местных властей и естественное ухудшение отношений с ними¹⁶².

1 января 1903 г. в Порт–Артуре, ещё до юридического оформления самого общества была открыта главная контора «Русского лесопромышленного товарищества»¹⁶³. После отъезда А.М. Безобразова в Петербург руководить ею остался совершенно некомпетентный И.П. Балашёв¹⁶⁴, а фактически дело оказалось в руках А.С. Мадритова¹⁶⁵. В советники им А.М. Безобразов придал коммерсанта А.Л. Животовского¹⁶⁶. За несколько месяцев в Корею и Китае

части Министерства финансов и, наконец, 256,64 тыс. руб. – из секретного фонда, находившегося в Русско–Китайском банке и предназначенного на дачу взяток китайским сановникам (Справка о суммах, выплаченных Русско–Китайским банком А.М. Безобразову // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.336. Л.1). Только в феврале – марте 1903 г. с этого счета в Русско–Китайском банке А.М. Безобразов снял 710 тыс. руб.: 515 тыс. руб. в январе – марте 1903 г. он выдал подполковнику А.С. Мадритову, еще 100 тыс. – А.Л. Животовскому, а 20 тыс. – комиссару М.Ф. Квещинскому (Свод сумм, выданных А.М. Безобразовым на Дальнем Востоке. 6 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2865. Л.47). Именно эти люди занимались организацией лесного предприятия на р. Ялу в начале 1903 г.

¹⁶¹ А.И. Югович – С.Ю. Витте 14 марта 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.275. Л.163 об.; А.И. Югович и С.В. Игнациус – С.Ю. Витте 27 марта 1903 г. // Там же. Л.202–203; две телеграммы Г.Е. Гиршмана в Министерство финансов // Там же. Л.138–146.

¹⁶² А.Э. Дмитриев-Мамонов – в Министерство финансов 23 марта и 10 апреля 1903 г. // Там же. Л.197, 214.

¹⁶³ Само товарищество юридически было учреждено позже, 31 мая 1903 г. (Пролог... С.289–291).

¹⁶⁴ Он придерживался в основных вопросах взглядов, схожих с безобразовскими: выступал против вывода русских войск из Маньчжурии и за раздел Кореи пополам с Японией, полагая, что это устранил опасность всякой войны (Записка И.П. Балашёва Николаю II 12 марта 1902 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.180).

¹⁶⁵ Сам И.П. Балашёв понимал свою некомпетентность, поэтому доверился подполковнику Н.Н. Старку, заведовавшему мукденским и хучунским отделами, и главному бухгалтеру общества И.Ф. Попову. Впоследствии И.П. Балашёв успешно ходатайствовал об их награждении: Н.Н. Старк получил орден Владимира IV степени, а И.Ф. Попову было даровано почётное потомственное гражданство (И.П. Балашёв – О.Б. Рихтеру 15 февраля 1907 г. // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1215. Л.1–2).

¹⁶⁶ Нето. Тайственное предприятие. (По поводу письма статс–секретарю А.М. Безобразову). [Владивосток, 1905]. С.7; Балашёв И.П. Записки о русско–японской

появилось ещё несколько филиалов товарищества, в частности, в Сеуле им заведовал Г.Г. Гинцбург¹⁶⁷. На первых порах «лесопромышленники» занялись не столько организацией коммерческой деятельности, сколько созданием так называемой «охраны». В Петербурге А.М. Абаза требовал от А.Н. Куропаткина «послать в Корею несколько сот переодетых в штатское платье солдат»¹⁶⁸. А.С. Мадритов и А.М. Безобразов планировали разместить в устье р. Ялу 1000 китайцев, 500 из которых состояли в отряде хунхузов Лин Читая, разбившего войска гирина цзянь-цзюня и после этого пожелавшего поступить на службу к русским; ещё 500 – такой же отряд Тун Лисана, которому А.С. Мадритов только предлагал сдать¹⁶⁹. Однако 8 февраля 1903 г. Е.И. Алексеев разрешил дельцам охранную стражу лишь в 100 человек¹⁷⁰. Такое решение категорически не устраивало безобразовцев. Тогда А.М. Абаза получил согласие Николая II разместить на устье р. Ялу под видом рабочих 600 русских нижних чинов из запасных¹⁷¹. А.С. Мадритову предписали прекратить набор хунхузов, впрочем, он уже успел завербовать около 600 человек (вместо 100 разрешённых) и счёл это достаточным¹⁷².

войне // Архив СПб ИИ РАН. Ф.115. Оп.1. Д.1167. Л.124 об. – 125. А.С. Мадритов был энергичным, инициативным офицером. Китайцы его уважали и боялись, в Ляояне в его честь была даже названа улица – «Мадритовская» (Немо. Указ. соч. С.5–7).

Абрам Львович Животовский (родной дядя Л.Д. Троцкого) начинал свою бурную карьеру шулером в московском купеческом клубе. После 1898 г. он уехал на Дальний Восток. Участие в безобразовском предприятии позволило ему сколотить капитал. И в дальнейшем его коммерческие операции были часто связаны с восточной окраиной России: А.Л. Животовский принимал участие в строительстве Амурской железной дороги, в годы Первой мировой войны являлся контрагентом Главного артиллерийского управления и занимался поставками продовольствия из Китая через Владивосток в Европу. Контрразведка подозревала его в сотрудничестве с немцами, но убедительных свидетельств не нашла (РГВИА. Ф.1343. Оп.8. Д.675; Ф.2000. Оп.16. Д.130). К этому времени А.Л. Животовский стал уже крупной фигурой в финансово-плутократическом мире России (Лебедев С.К. Вокруг Кривого Рога: А.Л. Животовский и другие в 1920-х гг. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С.508–520).

¹⁶⁷ Немо. Указ. соч. С.13–15.

¹⁶⁸ Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.7.

¹⁶⁹ М.Ф. Квещинский – В.Е. Флугу 26 января 1903 г. // РГВИА. Ф.14372. Оп.1. Д.85. Л.12.

¹⁷⁰ Там же. Л.20.

¹⁷¹ Е.И. Алексеев – А.М. Безобразову 9 марта 1903 г. // Там же. Л.32.

¹⁷² В.Е. Флуг – Е.И. Алексееву 29 апреля 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.178. Л.1; В.Е. Флуг – А.С. Мадритову 22 апреля 1903 г. и А.С. Мадритов – В.Е. Флугу 25 апреля 1903 г. // Там же. Л.5–6.

Главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев, будучи недовольным столь активной и провоцирующей деятельностью А.М. Безобразова и его компании, пробовал жаловаться на него в Петербург. Он совершенно справедливо писал о политической окраске предприятия: «отправка партии русских рабочих и охраны на корейский берег Ялу может вызвать недоразумения и послужить предлогом к несправедливым суждениям о наших действиях», прежде всего, со стороны японцев¹⁷³. Однако министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, к которому обратился адмирал, не только ничего не предпринял, но и попытался переложить всю ответственность на него. Тогда Е.И. Алексеев подготовил письмо Николаю II с критикой деятельности А.М. Безобразова на Дальнем Востоке: он обвинял концессионеров в вызывающих поступках, провоцировавших конфликт с китайскими властями. Но главным аргументом послужило, пожалуй, то, что А.М. Безобразов открыто называл себя доверенным лицом императора, то есть действовал от царского имени¹⁷⁴. Отправить это письмо осторожный Е.И. Алексеев не решился, хотя и относился к действиям А.М. Безобразова «с истинной тревогой»¹⁷⁵. А.М. Абазе, который задал адмиралу прямой вопрос, правда ли пишут в Петербург Ф.Е. Гиршман и Д.Д. Покотилов, что он выражает недоверие А.М. Безобразову, будущий наместник высказал лишь ряд сомнений, касавшихся «шатких», по его мнению, оснований для организации предприятия на Ялу, особенно – относительно использования хунхузов¹⁷⁶. После этого Е.И. Алексеев замолчал¹⁷⁷.

Тем не менее, начальник штаба адмирала В.Е. Флуг всё-таки ограничил деятельность А.С. Мадритова: подполковнику разрешили нанять до 500 разбойников, но с тем, чтобы на устье Ялу их было не более 100; кроме того, ему запретили брать на себя охрану рыбных промыслов и сообщили, что 57-мм артиллерийские орудия слишком тяжелы для того, чтобы перевести их на катерах на устье р. Ялу¹⁷⁸. Для «охраны» А.С. Мадритов с марта по май 1903 г. получал

¹⁷³ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 13 марта 1903 г. // Там же. Д.172. Л.10.

¹⁷⁴ Черновик письма Е.И. Алексеева Николаю II 15 марта 1903 г. // Там же. Д.173.

¹⁷⁵ Ф.Е. Гиршман – П.М. Романову, б/д. (копия) // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.34 об. – 35. Возможно, вице-адмирал был прав: позже А.М. Абазе сообщил В.К. Плева, что инициатива создания «заслона» – т.е. посылки туда переодетых солдат – принадлежала Николаю II.

¹⁷⁶ А.М. Абазе – Е.И. Алексееву 9 марта 1903 г. и ответ Е.И. Алексеева 12 марта 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.172. Л.9, 11–13.

¹⁷⁷ Его поддержал лишь А.Н. Куропаткин, выступавший категорически против появления на р. Ялу военнослужащих. Но он вполне допускал вербовку для частного предприятия запасных, что безобразовцы и осуществили. О своей позиции военный министр доложил Николаю II, царь признал, что «Безобразов увлёкся» и пообещал отозвать его с Дальнего Востока (Куропаткин А.Н. Дневник. Б/м., 1923. С.39. Запись 3 и 5 марта 1903 г.).

¹⁷⁸ Доклад начальника штаба Квантунской области полковника В.Е. Флуга Е.И. Алексееву 21 апреля 1903 г. // РГВИА. Ф.14372. Оп.1. Д.85. Л.216.

лишь стрелковое оружие: 260 винтовок и 73 тыс. патронов¹⁷⁹. Впрочем, и этого оказалось вполне достаточно его «подопечным»: прибыв на р. Ялу, хунхузы немедленно занялись грабежами, местная китайская администрация пожаловалась цзянь-цзюню. Дело получило скандальную огласку, А.С. Мадритову пришлось неуклюже оправдываться, что якобы хунхузы ведут себя смирно, никого не грабят (в это было трудно поверить), а все жалобы – лишь наветы антирусски настроенных местных властей¹⁸⁰. Вскоре до Е.И. Алексеева дошли сведения, что в окрестностях русского поселка на р. Ялу хунхузы собирают шайку уже для нападения на русских, что стало закономерным итогом игры с ними¹⁸¹. Более того, А.С. Мадритов использовал нанятых им головорезов для нападения на посёлок лесорубов, находившийся на корейском берегу, чтобы пресечь там заготовку леса (дело было до начала сплава). Во время «операции» убили и ранили до 40 человек, в том числе 7 японцев. Это вызвало недовольство и обоснованную тревогу как в Сеуле, так и в Токио¹⁸².

Министр финансов постарался воспользоваться просчётами противника, чтобы вырвать инициативу из рук безобразовцев. Помимо целой серии мер по дискредитации А.М. Безобразова, он попытался расколоть их ряды и купить В.М. Вонлярлярского, помятуя о его слабости к лёгкой наживе¹⁸³. Но В.М. Вонлярлярский не поддался на искушение, наоборот, он немедленно донёс на С.Ю. Витте Николаю II, обвинив его в создании «Маньчжурского горнопромышленного товарищества» на казённые деньги для саботирования их дела, затеянного с разрешения царя. Дополнительным аргументом стало участие в товариществе А.Ю. Ротштейна, за которым, по мнению В.М. Вонлярлярского, несомненно стояли Ротшильды, а, следовательно, и кагал¹⁸⁴. Министр финансов также шёл на некоторые уступки безобразовцам в целом. Так, он соглашался на создание Восточно-Азиатской компании, если она станет носить чисто экономический характер и находиться в руках «своих людей»¹⁸⁵. Впрочем, безобразовцев это уже не устраивало.

¹⁷⁹ Сведения об оружии, выданном А.С. Мадритову для «Товарищества на Ялу» к 4 августа 1903 г. // Там же. Л.318.

¹⁸⁰ Доклад А.С. Мадритова Е.И. Алексееву 24 мая 1903 г. // Там же. Д.87. Л.118–123.

¹⁸¹ Е.И. Алексеев – А.И. Павлову 29 августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.182. Л.5.

¹⁸² Львов Ф.А. Указ. соч. С.47.

¹⁸³ Романов Б.А. Витте накануне русско-японской войны // Россия и Запад. Кн.1. Пг., 1923. С.144–146.

¹⁸⁴ В.М. Вонлярлярский – Николаю II 12 февраля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.42–43; Там же. Указ. соч. С.148–150. Подробнее о «Маньчжурском горнопромышленном товариществе» см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

¹⁸⁵ Записка В.М. Вонлярлярского В.К. Плеве 1 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.81–82.

Дав новый шанс безобразовцам, Николай II, тем не менее, занял осторожную и неоднозначную позицию. Санкционировав в феврале 1903 г. задержку эвакуации Маньчжурии¹⁸⁶, царь одновременно отложил посылку в устье р. Ялу «артелей» из переодетых солдат, несмотря на горячее желание безобразовцев¹⁸⁷. И далее, по крайней мере до мая 1903 г., самодержец продолжал колебаться.

В борьбе С.Ю. Витте с безобразовцами министр финансов получил поддержку от В.Н. Ламздорфа и А.Н. Куропаткина. На совещаниях 11 и 25 января 1903 г. при участии четырёх министров и ряда дипломатов говорилось о незамедлительной эвакуации Маньчжурии, необходимости соглашения с Японией и единства действий ведомств¹⁸⁸. Министру финансов удалось отстоять существовавший порядок управления КВЖД: безобразовцы хотели рассредоточить управление дорогой по различным ведомствам, чтобы лишить С.Ю. Витте возможности хозяйничать в Маньчжурии¹⁸⁹. Единственным, кто поддержал их, был министр внутренних дел В.К. Плеве, искавший союзников в борьбе против С.Ю. Витте за роль самого влиятельного сановника. К началу марта 1903 г. триумvirат С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин достиг определённого результата: Николай II принял решение отозвать А.М. Безобразова с Дальнего Востока за его склонность к тайной деятельности.

9.6. Особые совещания 26 марта и 7 мая 1903 г.

Последний успех С.Ю. Витте и его союзников относится к Особому совещанию 26 марта 1903 г., созванному по инициативе А.М. Абазы¹⁹⁰. Главным вопросом, вынесенным на его заседание, оказалась судьба лесопромышленного товарищества на Ялу. Безобразовцы возвратились к проекту создания на его основе частного общества по образцу Chartered Company (т.е., с политическими целями – давления на Корею и Японию при государственной поддерж-

---

¹⁸⁶ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 21 февраля 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.15.

¹⁸⁷ Там же. Л.16–28. Обсуждение происходило в конце февраля – первой половине марта 1903 г.

¹⁸⁸ Журнал Особого совещания 25 января 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.120–142; Пролог... С.246–247, 269–275.

¹⁸⁹ Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте 14 марта 1903 г. // Борьба классов. 1924. №1/2. С.117–124.

¹⁹⁰ 13 марта 1903 г. А.М. Абаза представил Николаю II записку, где содержалась идея совещания министров для того, чтобы устранить их противодействие А.М. Безобразову до его возвращения с Дальнего Востока (Абаза А.М. Русские предприятия в Корее в связи с нашей политикой на Дальнем Востоке 1898–1904 // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.185. Л.47).

ке, так как они по-прежнему нуждались в деньгах)¹⁹¹. Их план состоял в следующем: А.М. Абаза намеревался свалить всю ответственность за неудачи на Дальнем Востоке на разногласия в действиях министерств. Исправить ситуацию предлагалось введением на окраине единоначалия во главе с Е.И. Алексеевым вне имевшегося бюрократического порядка (то есть, министерств не трогать, а создать автономную от них структуру власти на Дальнем Востоке). По мнению А.М. Абазы, «общее государственное дело нисколько не могло выиграть от того, что три ведомства, недостаточно компетентные по крайним вопросам, сговорятся между собою и станут действовать сообща <...> От этого могла получиться только лишняя боязнь местных агентов доносить не в господствующем в Петербурге тоне»¹⁹². Одновременно начиналось наступление на «империю Витте» с помощью переподчинения КВЖД военному министру¹⁹³.

Совещание 26 марта 1903 г. открыл Николай II заявлением о том, что концессия на р. Ялу – это противовес японскому влиянию в Корее¹⁹⁴. Затем А.М. Безобразов долго разъяснял собравшимся, что предстоящая эвакуация Маньчжурии «означает совершенно расстаться и, вероятно, навсегда с мечтою занять нам в Корее крепкую позицию с незамерзающим портом, соединённым железнодорожным путём с центральной Россией», нужно под любым

¹⁹¹ Проект доклада А.М. Абазы Особому совещанию, представленный В.К. Плеве // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.102–105а.

¹⁹² Абаза А.М. Русские предприятия... Л.59.

¹⁹³ Записка А.М. Абазы В.К. Плеве «Пункты, к которым желательно придти на совещании» 25 марта 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.100–101. КВЖД имела уникальный статус: административное управление в полосе отчуждения дороги находилось всецело в ведении её руководства. С.Ю. Витте стремился всяческими путями сохранить такое положение дел (С.Ю. Витте – В.К. Плеве 1 февраля 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.469. Оп.1. Д.194. Л.1). Однако под давлением оппонентов позднее ему пришлось пойти на уступки и летом 1903 г. пообещать передать гражданское управление на дороге наместнику. Но реформа являлась фикцией. Роль Е.И. Алексеева сводилась к подтверждению распоряжений, которые делало правление дороги, а все инициативы адмирала могли осуществляться также лишь через администрацию КВЖД. Устройство же любых коммерческих предприятий оставалось целиком в ведении дороги, куда наместник даже не имел полномочий вмешиваться. Конечно, это была бы чисто декоративная передача функций (проект указа Николая II при письме С.Ю. Витте Е.И. Алексееву 27 июня 1903 г. // Там же. Л.14–16).

¹⁹⁴ Журнал Особого совещания 26 марта 1903 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.99–103. Его содержанием был очень недоволен А.М. Безобразов, А.М. Абаза отказался подписать документ (подробнее об этом: Романов Б.А. Витте накануне русско-японской войны // Россия и Запад. Кн.1. Пг., 1923. С.162–165). Непонятно, почему именно С.Ю. Витте подготовил журнал, так как царь поручил его составление ещё на совещании А.М. Абазе.

предложением задержать вывод русских войск, а пока «занять мирным путём» бассейн р. Ялу и стремиться к своей цели – овладение незамерзающим портом в Корее и строительством к нему железной дороги¹⁹⁵. Однако С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин говорили о необходимости строго частного и неполитического характера безобразовского лесопромышленного общества, что фактически уничтожало всю затею. Министр финансов «начал вяло, но потом оживился и перешёл на свой обычный страстный тон». С.Ю. Витте «возражал решительно на всё, сказанное А.М. Безобразовым». По его мнению, и так для того, чтобы Россия занимала достойное место на берегах Великого океана, «который будет для великих держав как бы Средиземным морем», делается всё необходимое¹⁹⁶. Также сановник подчеркнул недопустимость искать силового противовеса Японии (за что ратовал сам царь) и тайных агрессивных действий на Дальнем Востоке.

Антибезобразовская позиция трёх ведущих министров вынудила единственного сторонника «неофициальной политики» В.К. Плеве согласиться с мнением большинства. Ещё до начала Особого совещания А.М. Абаза составил для министра внутренних дел специальную памятку, чего следует добиваться на совещании (В.К. Плеве слабо владел ситуацией)¹⁹⁷. Из всей программы В.К. Плеве поднял лишь проблему объединения деятельности ведомств на Дальнем Востоке (любимый вопрос А.М. Безобразова), но натолкнулся на энергичное сопротивление С.Ю. Витте, вопреки очевидному заявившего, что эта проблема не имеет под собой серьёзного основания.

Позиция большинства министров победила: совещание отказало безобразовцам в официальной поддержке, а их предприятие допускалось лишь как частное и чисто коммерческое, вдобавок его передавали под надзор начальнику Квантунской области Е.И. Алексееву, который не являлся безоговорочным сторонником группы. Кроме того, им указали на необходимость избегать присоединения к лесопромышленному обществу других концессий, чего так хотели безобразовцы, и подчеркнули необходимость действовать строго в рамках соглашений России со странами Востока, что также резко уменьшало размах их предприятия¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Любимов Д.Н. Накануне русско-японской войны (по личным воспоминаниям и документам) // Возрождение (Париж). 1936. 19 апреля. №3973. С.5. Согласно воспоминаниям Д.Н. Любимова, возглавлявшего тогда канцелярию министра внутренних дел, В.К. Плеве, вернувшись с Особого совещания около полуночи, продиктовал ему по свежей памяти содержание дискуссии, чтобы подготовить проект журнала, что и было сделано. Документ передали на следующий день А.М. Абазе.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Накануне Особого совещания у В.К. Плеве очень долго сидел А.М. Безобразов, убеждая его «в необходимости для России занять твёрдую позицию в Корее» (Там же).

¹⁹⁸ О ходе Особого совещания 26 марта 1903 г. см.: Пролог... С.277–282.

Потерпев серьёзную неудачу, безобразовцы сразу после совещания бросились в ответную атаку. С одной стороны, В.М. Вонлярлярский начал усиленно обрабатывать В.К. Плеве (вероятно, из-за его нерешительного поведения на совещании). 1 апреля он направил министру внутренних дел записку, в которой отрицательно высказался о дальневосточном курсе С.Ю. Витте и на первый план опять поставил необходимость создания псевдочастной Восточно-Азиатской компании. Вопреки решениям Особого совещания 26 марта В.М. Вонлярлярский настаивал на её политическом и секретном характере, в который раз уже изображая предприятие как прообраз будущего Министерства колоний. Но, пожалуй, главным был всё же вывод о невозможности создания такой компании при С.Ю. Витте. Подсказывая В.К. Плеве пункты расхождений с министром финансов, В.М. Вонлярлярский намекнул на «своеобразную роль» С.Ю. Витте уже не для «кагала», а для «тайного масонского всемирного правительства»¹⁹⁹. В.К. Плеве согласился помочь, заявив: «Дайте мне факты против Сергея Юльевича, и я даю Вам слово, что доложу об этом государю»²⁰⁰.

Николай II, несмотря на усилия вернувшегося с Дальнего Востока А.М. Безобразова, ещё продолжал колебаться. 10 апреля он подтвердил А.Н. Куропаткину, что лесное дело на р. Ялу должно быть частным и уполномочил военного министра, отправлявшегося на Дальний Восток, «изгладить следы деятельности Безобразова»²⁰¹. Но уже через несколько дней после отъезда А.Н. Куропаткина Николай II принял военного агента в Китае К.И. Вогака²⁰². Царь полтора часа расспрашивал собеседника о дальневосточных делах, поразив его «знанием таких деталей, которые <...> никак не могли быть известны Его величеству». На следующий день самодержец принял А.М. Безобразова, который вышел из кабинета с царским портретом, надписанном: «Александру Михайловичу Безобразову – благодарный Николай»²⁰³. Эти встречи знаменовали перемену во взглядах самодержца. А.Н. Куропаткин, добравшийся до Дальнего Востока, получил распоряжение не выполнять журнал совещания 26 марта и не делать распоряжений по эвакуации Маньчжурии²⁰⁴. А вскоре военный министр получил телеграмму от Е.И. Алексеева с указанием, чтобы он не предпринимал никаких шагов и дожидался в Приморье К.И. Вогака, который ехал туда с новой программой действий, означавшей прекращение «политики уступок»²⁰⁵.

¹⁹⁹ Записка В.М. Вонлярлярского В.К. Плеве 1 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.81–82.

²⁰⁰ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.164.

²⁰¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.48–49. Запись 10 апреля 1903 г.

²⁰² Его биографию – см. приложение.

²⁰³ К.И. Вогак – Е.И. Алексееву 21 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.179. Л.1–5.

²⁰⁴ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. М., 1925. С.8.

²⁰⁵ К.И. Вогак – Е.И. Алексееву 21 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.179. Л.1–5.

В конце апреля, видя рост влияния безобразовцев, С.Ю. Витте обратился за помощью к В.П. Мещерскому, понуждая его «написать государю императору об опасности принимаемого им курса»²⁰⁶. Князь исполнил просьбу, но царь ответил резким отказом: «По меньшей мере смешно, если ты думаешь, что я буду исполнять все твои желания. У меня тоже свое мнение и своя воля – в этом ты убедишься»²⁰⁷. 6 мая 1903 г. А.М. Безобразов стал статс-секретарём (о чем он просил ещё в записке 26 июля 1900 г.), а К.И. Вогак – генералом царской свиты. Оба эти назначения носили беспрецедентный характер. Одновременно Николай II решил реорганизовать управление Дальним Востоком, создав там наместничество по типу кавказского, существовавшего с 1845 г.²⁰⁸ Это являлось составной частью планов безобразовцев, давно говоривших о ведомственных разногласиях как одной из главных причин всех дальневосточных неурядиц. Наместник в представлении царя, был «поместный хозяин, радатель и исполнитель моей (царской) воли» на окраине империи²⁰⁹.

С.Ю. Витте продолжал борьбу за сохранение своих позиций. Но узнав об изменении намерений Николая II, он пошёл на серьёзные уступки, граничащие с капитуляцией. Он попытался договориться с А.М. Безобразовым так, что последний в начале мая 1903 г. даже открыто говорил о близости своих позиций и взглядов министра финансов. В.Н. Ламздорф, присутствовавший на всеподданнейшем докладе А.М. Безобразова 5 мая 1903 г., с удивлением узнал, а затем простодушно сообщил С.Ю. Витте, «что после продолжительного с ним (А.М. Безобразовым – И.Л.) совещания вчера вечером (т.е. 4 мая – И.Л.) Вы согласились на всё и чуть ли не вполне ему сочувствуете!»²¹⁰.

С.Ю. Витте предпринял также ряд самостоятельных действий. В начале мая 1903 г. в американских газетах появилось сообщение, что министр финансов якобы обещал американскому послу в Петербурге Р. Мак Кормику ввести в Маньчжурии принцип «открытых дверей». А.М. Безобразов немедленно донёс об этом Николаю II, С.Ю. Витте же всё отрицал. В.Н. Ламздорфу министр финансов заявил, что никогда не говорил такого иностранцам, не отрекаясь при этом от идеи²¹¹. А она хорошо вписывалась в контекст его борьбы с безобразовцами.

²⁰⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Ч.2. СПб., 2003. С.611.

²⁰⁷ Николай II – В.П. Мещерскому 1 мая 1903 г. // Oxford Slavonic Papers. Vol.10. 1962. P.136.

²⁰⁸ Подробнее об этом см. главу 10 «Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)».

²⁰⁹ Царскую фразу А.М. Безобразов сообщил Е.И. Алексееву в письме 10 сентября 1903 г. (РГИА, Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.88).

²¹⁰ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 5 мая 1903 г. // РГИА, Ф.560. Оп. 28. Д.213. Л.134.

²¹¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 15 мая [1903 г.] // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.177–178.

Реванш безобразовцев состоялся на Особом совещании 7 мая 1903 г.²¹² А.М. Абаза, А.М. Безобразов и К.И. Вогака представили на его рассмотрение свои записки. Если новоявленный статс-секретарь писал в общем о недопустимости уступок японцам (это путь к войне), ратуя за твёрдость и усиление войск на окраине²¹³, то более конкретный А.М. Абаза выстроил такую цепочку: отказ от предприятия на р. Ялу отдаёт Корею японцам, это создаёт угрозу Порт-Артуру, Россия также потеряет Южную Маньчжурию, где все богатства окажутся в руках иностранцев, а в конечном итоге утратит свой престиж на Востоке. Раздувая японскую угрозу, А.М. Абазе трудно было объяснить, почему решительные действия на р. Ялу вдруг приведут к тому, что Россия и от Японии заслонится, и Южную Маньчжурию за собой укрепит, и престиж сохранит. Поэтому контр-адмиралу пришлось свести японскую опасность к якобы пустым демонстрациям силы. Он полагал, что от Токио «можно ожидать легкого шума и бряцания оружием, но не серьёзного действия, если мы будем настойчивы и твёрды». Риск того, что «безденежная» Япония развяжет войну против России, казался ему маловероятным²¹⁴. В поддержку мнения А.М. Абазы К.И. Вогак зачитал свою записку о значении договора 26 марта 1902 г. об эвакуации Маньчжурии. Генерал соглашался с тем, что война с Японией являлась нежелательной, но для её предотвращения он также рекомендовал прекратить политику уступок. Участники совещания (царь, С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф, В.К. Плеве, А.М. Безобразов, В.В. Сахаров, А.М. Абаза, без права голоса – К.И. Вогак), ознакомившись с записками, не изменили своих позиций, лишь Николай II обозначил более твёрдую поддержку «новому курсу». Этого оказалось достаточно, чтобы решения 26 марта были пересмотрены в угоду «концессионерам».

С.Ю. Витте опять делал ставку на деполитизацию концессии на р. Ялу, заявляя об отсутствии у него разногласий с А.М. Безобразовым (последний не без удовольствия также подчеркнул это)²¹⁵. Министр финансов пугал Ни-

²¹² Отчёт об Особом совещании 7 мая 1903 г. и его журнал, составленные А.М. Безобразовым // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.150–158.

²¹³ Изложение записки А.М. Безобразова см.: Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.16–18.

²¹⁴ Записка А.М. Абазы В.К. Плеве «Пункты, к которым желательно прийти на совещании» 26 марта 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.100–101; мнение А.М. Абазы к Особому совещанию 7 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.172. Л.17–20.

²¹⁵ Они сошлись на том, что корейская концессия на Ялу в полном порядке, что добиваться в Пекине аналогичной концессии несвоевременно; участие иностранцев в безобразовском предприятии нежелательно, а увеличивать казённые расходы на Дальнем Востоке невозможно (С.Ю. Витте – А.М. Безобразову 8 мая 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.145). Позднее на утверждения А.М. Безобразова о том, что с

колая II большим риском в осуществлении концессии, так как её политический характер не был секретом ни для Китая, ни для Японии. Как жест отчаяния можно расценить предложение С.Ю. Витте, чтобы царь взял всю ответственность на себя и личным решением отменил журнал Особого совещания 26 марта. Расчёт на нерешительность императора был ошибкой и лишь сильнее восстановил его против министра финансов. К тому же С.Ю. Витте не выглядел убедительным, не приведя в обоснование своей позиции никаких новых доводов. Дискуссия фактически свелась к незначительной полемике между ним и А.М. Безобразовым о степени риска, которая сопровождалась репликами Николая II в поддержку авантюриста²¹⁶. Кроме того, безобразовцы нагнетали давление, утверждая о растущей опасности русскому Дальнему Востоку. Это делало положение С.Ю. Витте внутренне противоречивым: ему приходилось напоминать об угрозе со стороны Японии и Китая, чтобы не дать возможности безобразовцам действовать, и одновременно убеждать в необходимости не проявлять активности на Дальнем Востоке – т.е. фактически капитулировать перед этой опасностью. Двойственность позиции не делала её убедительной.

На Особом совещании 7 мая прямо поддержать С.Ю. Витте осмелился только В.Н. Ламздорф. Впрочем, безобразовцы не относились к нему серьёзно, полагая, что дни его как министра сочтены и что заменить его должен А.П. Извольский²¹⁷. Военное ведомство представлял вместо отбывшего на Дальний Восток А.Н. Куропаткина В.В. Сахаров. Его речь ещё раз подчеркнула уязвимость и противоречивость взглядов С.Ю. Витте. Опасаясь войны с Японией и желая избежать её, В.В. Сахаров в то же время говорил о тяжёлом положении России на Дальнем Востоке и о необходимости укрепления её границ, в том числе и о стратегической важности бассейна р. Ялу²¹⁸. В.К. Плеве выступал в конце совещания. Сделав реверанс в сторону А.М. Безобразова (якобы положение дел стало ясно министру только после его докла-

---

министром финансов у него «никаких принципиальных разногласий» не имелось, С.Ю. Витте пометил: «неправда», неуклюже заметая следы своего неудачного соглашения (РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.703. Л.22). Министра финансов уличил также А.Н. Куропаткин. По мнению военного министра, его коллега на Особом совещании 7 мая 1903 г. «стал политиканствовать и низкопоклонничать, заявляя, “что по существу дела не состоит с Безобразовым в разногласии”. Всегда и всюду он твердил именно об этом разногласии и по существу, и по форме». Причину столь резкой смены поведения С.Ю. Витте А.Н. Куропаткин объяснял близостью А.М. Безобразова Николаю II (Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.22.

²¹⁶ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.153 об. – 154.

²¹⁷ К.И. Вогак – Е.И. Алексееву 21 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.179. Л.1–5.

²¹⁸ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.154 об. – 155.

да), он поддежал идею недопущения иностранцев к лесной концессии и предложил то, что витало в воздухе с самого начала совещания, – пересмотреть журнал совещания 26 марта. Это и произошло.

Победа безобразовцев на совещании 7 мая не стала полной, они добились только разрешения активизировать деятельность своего предприятия на р. Ялу частным образом²¹⁹. Но в тех условиях даже такой шаг вызывал сильнейшее волнение общественного мнения в Японии, традиционно мощно давившего на правительство. С этим обстоятельством безобразовцы не считались.

С другой стороны, С.Ю. Витте уже не вполне адекватно оценивал ситуацию, продолжая думать, что его шансы одержать верх над безобразовцами по-прежнему велики. Поэтому он отверг предложение о компромиссе, поступившее к нему от И.И. Воронцова-Дашкова. Скорее всего, за инициативой графа стоял Николай II. Сам С.Ю. Витте в «Воспоминаниях» туманно заметил, что с конца 1902 г. влияние безобразовцев стало расти и «Его величеству было благоугодно стараться склонить меня если [не к] противоположному [мнению], то по крайней мере к тому, чтобы мои возражения не были столь решительны, а часто и резки» (несмотря на то, что он «продолжал настаивать на своем мнении»). В тот момент С.Ю. Витте ценой полной капитуляции на Дальнем Востоке, возможно, имел шанс сохранить за собой пост министра финансов²²⁰. Письмо И.И. Воронцова-Дашкова было отправлено С.Ю. Витте сразу после Особого совещания 7 мая, в нем граф изложил целую программу действий, которую можно свести к трем пунктам: необходимость усилить защиту Порт-Артура и КВЖД; заключить соглашение с Германией;²²¹ прекратить состояние, когда на Дальнем Востоке существуют две политики – «цар-

---

²¹⁹ Подробнее об Особом совещании 7 мая 1903 г. см.: Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Часть III. Последний год перед войной. СПб., 1910. С.90–102; Пролог... С.283–287.

²²⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Ч.2. СПб., 2003. С.611. С.Ю. Витте не указал точного времени этих «склонений», но утверждал, что в конце 1902 г., после его поездки на Дальний Восток, когда А.М. Безобразов ещё только входил в фавор, царь «не был склонен особенно много говорить со мной о моих впечатлениях на Дальнем Востоке». Если предположить, что Николаю II вряд ли имело смысл вести такие переговоры в момент, когда отставка С.Ю. Витте была уже предreshена, то получается, что наиболее вероятным временем является конец весны – начало лета 1903 г.

²²¹ С.Ю. Витте был давним сторонником континентального союза. Аналогичную позицию занимал А.М. Безобразов, который и в конце 1903 г. в очередной раз выступил с предложением русско-германского альянса как основы антианглийского блока (приложение к отчету А.М. Безобразова о поездке на Дальний Восток 8 ноября 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.24–27).

ская официальная и царская же неофициальная»²²². Нетрудно заметить, что И.И. Воронцов-Дашков ухитрился обойти многие острые и спорные вопросы, надеясь найти с С.Ю. Витте согласие по первым двум пунктам и заставить отступить в третьем.

Ответ С.Ю. Витте, вероятно, удивил графа: это была речь победителя. Сославшись на мнение А.Н. Куропаткина, министр финансов заявил, что у России достаточно сил для защиты собственных дальневосточных рубежей. На предложение соглашения с Германией он вообще не обратил внимания, а главным внешнеполитическим вопросом для Петербурга определил выбор между «следует ли лезть ещё вперед или наконец нужно дать России отдых». И добавил: «Ещё проще – нам нужно бросить мысль о захвате Кореи. Всё тут»²²³. Этим С.Ю. Витте ответил и на третий пункт воронцовского письма: прекращение двойственности дальневосточной политики должно состоять в отказе от безобразовского курса. Такой ответ не оставлял шансов на примирение и ставил вопрос ребром: либо министр финансов, либо безобразовцы.

Очевидно, что Николай II, несмотря на то, что явно встал на сторону безобразовцев, тем не менее, испытывал колебания из-за большого количества протестов против «нового курса». Он прибёг к традиционному для себя способу: вынес основные вопросы на ещё одно совещание, уже в Порт-Артуре, с участием других чиновников. По-видимому, царь желал, чтобы А.Н. Куропаткин и Е.И. Алексеев обсудили изменения в итогах совещания 26 марта. Для А.Н. Куропаткина явилась сюрпризом твёрдая решимость царя исполнить договор об эвакуации Маньчжурии (военный министр выступал против, настаивая на присоединении к России её северной части), а также изолировать Северный Китай от всякого иностранного влияния²²⁴. Похоже, что для императора это казалось неким компромиссом с позицией В.Н. Ламздорфа – С.Ю. Витте.

Безобразовцы, кажется, не были уверены в том, что Е.И. Алексеев всецело на их стороне. Поэтому для защиты «нового курса» на новом совещании в Порт-Артур отправился сам А.М. Безобразов, а военному министру предписали задержаться в Японии до его прибытия. Попутно новоявленному статс-секретарю предстояло разрешить конфликт в руководстве лесопромышленного товарищества. Там назрела ссора между А.С. Мадритовым и И.П. Ба-

²²² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.276. Л.80. Дата письма установлена Б.А. Романовым (Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу. (Документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С.Ю. Витте) // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С.439, примеч.).

²²³ РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.1526. Л.6.

²²⁴ Японские дневники А.Н. Куропаткина // Российский архив. Т.VI. М., 1995. С.396–397.

лашёвым. Сам А.М. Безобразов также имел немало претензий к действиям подполковника, особенно за его склонность к силовым акциям и тот шум, который сопровождал их. Поэтому он решил удалить излишне агрессивного офицера²²⁵.

9.7. Порт-артурские совещания 18–28 июня и Особое совещание 1 августа 1903 г.: конец «триумвирата»

Порт-артурские совещания проходили 18–28 июня 1903 г.²²⁶ В них участвовали А.Н. Куропаткин, Е.И. Алексеев, А.М. Безобразов, посланник России в Корею А.И. Павлов, и Китае – П.М. Лессар, роль делопроизводителя исполнял К.И. Вогак²²⁷. Отдельно и в другом составе состоялись заседания по экономическим проблемам. Дипломаты выступали только по специальным вопросам, поэтому основная полемика в ходе десяти заседаний развернулась между А.М. Безобразовым, с одной стороны, и А.Н. Куропаткиным и Е.И. Алексеевым, с другой.

Участники сразу единогласно констатировали невозможность исполнить волю Николая II – без нарушения договора 26 марта 1902 г. разделить маньчжурский и корейский вопросы²²⁸. Но на этом их единодушие окончилось. Присутствовавшие понимали, что, несмотря на нежелание, необходимо открыть некоторые порты и города Маньчжурии для внешней торговли, это было особенно важно для того, чтобы получить расположение США и стремиться изолировать Японию²²⁹. Большинство участников совещания не приняло предложения препятствовать коммерческой деятельности иностранцев в Маньчжурии, за что ратовал Е.И. Алексеев. А.Н. Куропаткин ещё раз попробовал настоять на разделе Маньчжурию, почему-то усматривая в этом средство решения всех проблем для России. Но и он не получил поддержки. Для укрепления же позиций предполагалось прежде всего усиливать русские войска на Дальнем Востоке.

В связи с Кореей Е.И. Алексеев полагал, что России невыгодно занимать королевство полностью или его часть, но следует предпринять всё возмож-

²²⁵ Торгашев П.И. Авантюры на Дальнем Востоке. Из-за чего мы воевали с Японией? М., 1907. С.222–223.

²²⁶ Заключения порт-артурских совещаний 18–28 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.196–210; Симанский П.Н. Указ. соч. Часть III. С.115–121.

²²⁷ В совещании не участвовал Д.Д. Покотилов, который был против всяких дополнительных условий эвакуации русских войск из Маньчжурии. Он составил об этом 20 июня 1903 г. специальную записку для А.М. Безобразова (её копия – ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.283–289). Но, кажется, никакого действия она не возымела.

²²⁸ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 18 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5435. Л.254–255.

²²⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. Часть III. С.116.

ное, чтобы этого не сделала Япония. Наместник также говорил об опасности концессии на р. Ялу как возможном поводе для начала войны, его поддержали А.Н. Куропаткин и А.И. Павлов. А.М. Безобразов заметно нервничал, он не нашёл контраргументов и признал, что если их предприятие действительно выглядит столь опасным, то его надо ликвидировать²³⁰. Более того, во второй день Е.И. Алексеев публично уличил А.М. Безобразова во лжи, когда он попытался отпереться от посылки вооружённых людей на р. Ялу²³¹. Для смягчения ситуации адмирал предлагал удалить оттуда офицеров, находившихся на действительной службе, и заменить их отставниками²³². А.Н. Куропаткин пообещал помочь им снаряжением.

На совещаниях в Порт-Артуре А.М. Безобразов постоянно оставался в меньшинстве и заявлял своё особое мнение. Столкнувшись с неблагоприятной атмосферой, он пытался вообще уклониться от участия в дискуссии, его с большим трудом уговорили появиться на третьем заседании хотя бы под его конец. Однако тема вновь оказалось невыигрышной для лидера «нового курса»: П.М. Лессар говорил о необходимости исполнения договора 26 марта 1902 г. Правда, в случае, если Китай не принял бы условий для продолжения эвакуации Маньчжурии, А.М. Безобразов нашёл общий язык с А.Н. Куропаткиным (присоединить Северную Маньчжурию к России). Е.И. Алексеев и П.М. Лессар говорили о захвате всей Маньчжурии²³³. Но другие участники напомнили о чрезвычайной трудности осуществления такого плана, имея в виду противодействие других держав и колоссальные расходы, которые придётся понести.

Порт-артурские совещания ещё раз наглядно продемонстрировали множество расхождений во взглядах тех, кто оказался у руля российской дальневосточной политики в критический момент. А.М. Безобразов искал причины неудач России в слабости её военных сил, недостаточной компетенции центра и плохом исполнении его распоряжений²³⁴. Военный министр нашёл, как ему казалось, простое решение всех проблем в виде аннексии Северной Маньчжурии. Он настаивал на нём, не слыша критики, на протяжении года, используя для этого любой повод. Наместник, несмотря на неоднократно выражаемое им желание не накалять ситуацию, занимал в целом

²³⁰ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 19 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5435. Л.255–258.

²³¹ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 22 июня 1903 г. // Там же. Л.261–262.

²³² Телеграмма Е.И. Алексеева В.Н. Ламздорфу 4 июля 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.58–59.

²³³ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 20 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5435. Л.258–261.

²³⁴ Декларация А.М. Безобразова 24 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.214–215.

крайне жёсткую позицию. Всё это сопровождалось большим клубком интриг, за которым стояли личные интересы. Так, Е.И. Алексеев хотел свалить А.Н. Куропаткина – министра, очевидно, не поделив с ним военную власть, и обратился за помощью к А.М. Безобразову, несмотря на недовольство им²³⁵. Впрочем, к важным последствиям это не привело.

В свою очередь, А.Н. Куропаткин действовал схожим образом. В.Н. Ламздорф выявил, что он хитрил с министром финансов: на порт-артурских совещаниях глава военного ведомства провоцировал недалёкого А.М. Безобразова поднимать вопрос о КВЖД²³⁶. Несмотря на это, С.Ю. Витте испытывал некоторый оптимизм: «С Алексеем Николаевичем будет трудно, но надеюсь, что столкнемся»²³⁷.

В отличие от С.Ю. Витте, А.М. Безобразов был настроен жёстко по отношению к военному министру. Он обвинял его в невнимании к военной готовности России в Маньчжурии как главной причине её слабости на Дальнем Востоке²³⁸, в претензиях на лидерство, называя его агентом С.Ю. Витте (на порт-артурских совещаниях А.Н. Куропаткин предлагал представить экономические вопросы на высочайшее рассмотрение через Министерство финансов). Это категорически не устраивало безобразовцев, так как сохраняло «империю Витте» в неприкосновенности. Но решение этой проблемы им пришлось отложить на будущее, чтобы заняться ей уже в Петербурге, в более благоприятных обстоятельствах²³⁹. Поэтому А.М. Безобразов заключил: «Вообще иметь дело с Куропаткиным очень тяжело»²⁴⁰. Внешне он держался с военным министром дружелюбно, «но по существу» характеризовал их как «отношение собаки к палке»²⁴¹.

В конце порт-артурских совещаний, на десятом заседании А.М. Безобразов, признав, что основой экономических позиций России в Китае являлись предприятия Министерства финансов, призвал к изменению общей политики:

²³⁵ А.М. Безобразов – А.М. Абазе 26 июня 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.119. Под конец совещаний Е.И. Алексеев начал жаловаться всем, что не может терпеть А.М. Безобразова, что он серьёзно болен, что грандиозная ломка управлением Дальнего Востока создаст хаос, а он и без того не в состоянии управлять Приамурьем, Маньчжурией и Квантуном, поэтому собирается подать в отставку (Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 29 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5435. Л.274–279).

²³⁶ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 29 июня [1903 г.] // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.243–244.

²³⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 27 июня 1903 г. // Там же. Л.257.

²³⁸ Записка А.М. Безобразова 23 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.876. Л.1–2.

²³⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. Часть III. С.121.

²⁴⁰ А.М. Безобразов – А.М. Абазе 26 июня 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.118–119.

²⁴¹ А.М. Безобразов – А.М. Абазе 1 июля 1903 г. // Там же. Л.121.

вместо увлечения «исключительно торгово-промышленными соображениями» цель могла быть достигнута, по его мнению, «только взаимодействием военных и морских сил». Также А.М. Безобразов полагал, что сила необходима, чтобы «удержать наших противников от продолжения ими агрессивного способа действий»²⁴². Лидер «нового курса» был убеждён, что события неотвратимо ведут к войне. Он намеревался идти на уступки, чтобы отсрочить военный конфликт на два-три года: после этого «мы уже должны тогда сами начать войну»²⁴³. Статс-секретарь выражался весьма образно: «ныне к каменному дому (России) сделана деревянная пристройка (Маньчжурия и Корея), что этой пристройке угрожает пожар, что он и прислан государем поставить ведра и ушаты с водою, чтобы не допустить пожара»²⁴⁴.

На заседаниях экономической части совещания 25–28 июня решался вопрос: как сократить расходы на КВЖД и увеличить доходность дороги. На нём присутствовали: А.М. Безобразов (председатель), главный инженер КВЖД А.И. Югович, его помощник С.В. Игнациус, капитан I ранга С.И. Кази, Д.Л. Хорват, генерал-лейтенант И.П. Надаров, начальник движения КВЖД С.М. Ваховский, команлир охранной стражи генерал-майор Н.М. Чичагов, начальник военных сообщений генерал-майор К.А. Кондратович, военный комиссар в Мукдене М.Ф. Квевцинский, А.С. Мадритов (к тому времени состоящий при Е.И. Алексееве), финансовый комиссар Квантуна И.Н. Протасьев, консул в Инкоу В.Ф. Гроссе, чиновник МИД в Мукдене Н.М. Поппе, М.А. Гинсбург, А.И. Гиппиус, представитель Маньчжурского горнопромышленного товарищества А.И. Дмитриев-Мамонов, Д.Д. Покотиллов²⁴⁵. Самым важным результатом этих заседаний стал, пожалуй, вывод о том, что у А.М. Безобразова нет никакой программы действий, поэтому участники обсуждали перечень мер, предложенных А.Н. Куропаткиным²⁴⁶. Они решили, что для борьбы с дефицитом КВЖД следовало поднять тарифы (и без того немалые), чтобы они были лишь чуть ниже гужевых. Им почему-то казалось, что пересмотр тарифов в сторону увеличения поддержал бы отечественных производителей²⁴⁷.

²⁴² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.208 об., 209 об.

²⁴³ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 27 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5435. Л.271.

²⁴⁴ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 17 июня 1903 г. // Там же. Л.253–253а.

²⁴⁵ П.Н. Симанский также упоминает в числе участников совещания коммерческого агента дороги Лазарева, жандармского ротмистра Антонова. Но в его списке отсутствует И. П. НАдаров (Симанский П.Н. Указ. соч. Часть III. С.119. П.Н. Симанский ссылался на бумаги А.М. Безобразова).

²⁴⁶ Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 29 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.281. Л.13–14.

²⁴⁷ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 29 июня 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5435. Л.273.

Общий дилетантизм участников совещания производит удручающее впечатление. Стремления припугнуть соседей России, поделить территорию, не исполнять уже заключённые международные договоры и т.п. выглядели дико и никак не увязывались с общей политикой Петербурга в Китае. Не удивительно, что в Порт-Артуре не прозвучало никаких перспективных решений или инициатив. Вместо этого, по мнению военного министра, «Безобразов несканозанно задерживал ход наших работ, путая начало с концом и непрерывно возвращаясь к вопросам уже рассмотренным и решённым». «Полная неподготовка к неожиданно выпавшей на его долю роли, недостаток знаний, отсутствие опыта, отсутствие практики в ведении государственного дела, крайнее легкомыслие в предложениях, отсутствие сознания ответственности, погоня за эффектами в словах и фразах – всё это создаёт особый тип, достойный кисти Щедрина. Начав говорить, он не знает, чем кончить». А.Н. Куропаткин грустно резюмировал: «Скоро 40 лет участвую в разных комиссиях, но такого сочлена ещё не видел»²⁴⁸.

С.Ю. Витте сразу отреагировал на порт-артурские совещания всеподданнейшим докладом с вопросом, следует ли исполнять их заключения²⁴⁹. В.Н. Ламздорф в свою очередь констатировал, что в Порт-Артуре не было принято никаких решений о политике России на Дальнем Востоке²⁵⁰. Обращения двух министров имели успех: царь, не уверенный в правильности своих действий, поручил С.Ю. Витте подготовить доклад по итогам совещаний в Порт-Артуре, а В.Н. Ламздорфу – выработать предложения по политике России на Дальнем Востоке после совещания трёх министров (оно состоялось 1 августа). По-видимому, невнятные заключения порт-артурских совещаний не убедили самодержца в правильности «нового курса». Это означало, что победа безобразовцев опять оказалась поставлена под сомнение.

1 августа в Петербурге три министра (военный, финансов и иностранных дел) собрались для ответа на вопросы: следует ли присоединить Маньчжурию к России, выполнять ли договор 26 марта 1902 г. о выводе войск и связывать ли маньчжурский и корейский вопросы. А.Н. Куропаткин, неоднократно выдвигавший идею аннексии Северной Маньчжурии, на сей раз поддержал решение – не захватывать китайской территории. Однако сановники также признали, что и выполнение договора 26 марта 1902 г. невозможно. Несмотря на то, что судьба безобразовского предприятия специально не обсуждалась, его

²⁴⁸ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 27 июня 1903 г. // Там же. Л.271.

²⁴⁹ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 26 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.281. Л.9–10.

²⁵⁰ Всеподданнейший доклад В.Н. Ламздорфа 26 июля 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.718. Л.26. Несомненно, что этот шаг был скоординирован с министром финансов.

деятельность была расценена резко отрицательно: оно выглядело не столько оборонительным заслоном, сколько поводом к войне²⁵¹. Осудив его, министры фактически вернулись к результатам совещания 26 марта²⁵². Требования же к Китаю, принятые в Порт-Артуре, как условие дальнейшего вывода русских войск, они сократили наполовину.

Казалось, что в Петербурге произошёл переворот: реальная власть на Дальнем Востоке вернулась к министрам. Но В.Н. Ламздорф поторопился, сообщив решения совещания 1 августа Е.И. Алексееву как уже одобренные Николаем II (то есть, адмиралу следовало лишь принять их к сведению и исполнению, а на его усмотрение отдавался один вопрос – о размещении выводимых из Маньчжурии войск в полосе отчуждения КВЖД)²⁵³. Однако в последующие несколько дней всё изменилось. Уже 18 (31) августа В.Н. Ламздорф уточнил, что итоги совещания посланы наместнику «на заключение»²⁵⁴. Е.И. Алексеев, явно лучше ориентировавшийся в ситуации, ответил не министру, а императору. Он не согласился с большей частью выводов, сделанных 1 августа, заявив о том, что надо восстановить ряд требований к Китаю и шире поставить защиту русских интересов в Маньчжурии. В завершение он не без ехидства подчеркнул, что признаёт безобразовское предприятие на р. Ялу «делом, вполне заслуживающим того высокого покровительства, благодаря которому оно получило нынешнее развитие». Даже ослабление его деятельности, по мнению Е.И. Алексеева, наносило бы ущерб русскому делу в Маньчжурии²⁵⁵. Получалось, что министры идут наперекор царской воле да ещё и с заведомо проигранным итогом – так их позицию изобразил наместник.

А.М. Безобразов также прилагал усилия, чтобы дезавуировать решения совещания 1 августа 1903 г. Он оправдывался перед Николаем II за то, что подписал его журнал: «Я один справиться с коалицией не мог», а автограф оставил «только для приличия и по просьбе настойчивой Алексеева». А.М. Безобразов изобразил ситуацию так, что основная борьба велась между ним и «триумvirатом» за наместника, которого министры хотели перетянуть решениями порт-артурских совещаний на свою сторону. Разумеется, статсекретарь раскусил это намерение и докладывал императору, что С.Ю. Витте

²⁵¹ Журнал совещания 1 августа 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.915. Л.7–18; Симанский П.Н. Указ. соч. Часть III. С.137–140.

²⁵² С.Ю. Витте, несмотря на оптимистический настрой по результатам совещания, полагал, что предприятие на р. Ялу для них неприкосновенно (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.260–260 об.).

²⁵³ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 12 августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.44.

²⁵⁴ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 августа 1903 г. // Там же. Л.45.

²⁵⁵ Е.И. Алексеев – Николаю II 23 августа 1903 г. // Там же. Д.123. Л.46–47.

с ним «в дышле» «искренне никогда не пойдёт», и при его власти «никакая частная предприимчивость серьёзно работать не может» (явно намекая на лесопромышленное предприятие)²⁵⁶.

Николай II, по-видимому, некоторое время колебался. Об этом свидетельствует его монолог А.Н. Куропаткину 19 августа, «что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и неправильно решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь так или иначе, вопрос этот решён, и с этим надо всем считаться»²⁵⁷. Кроме того, подоплёку решению трёх министров самодержцу «разъяснил» А.М. Безобразов: это ведомственная оппозиция Е.И. Алексееву, а по сути – организованное министром финансов противодействие решению Николая II создать наместничество. Это же он сообщил Е.И. Алексееву, добавив, что заключение совещания «в глазах государя значения не имеет»²⁵⁸. Действительно, император лишь после обмена мнениями с Е.И. Алексеевым утвердил журнал совещания 1 августа только в отношении Маньчжурии, но не приказал его исполнить²⁵⁹. Одновременно Николай II согласился с А.Н. Куропаткиным, что деятельность самого А.М. Безобразова, который был прав два года назад, критикуя курс С.Ю. Витте, уже не приносила той пользы и статс-секретаря следовало бы удалить («знаю, надо выбросить его») ²⁶⁰. А.М. Безобразов, конечно, не был отставлен, но его влияние на дальневосточные дела осенью 1903 г. несомненно уменьшилось по сравнению с первой половиной 1903 г.²⁶¹ Впрочем, сам он

²⁵⁶ А.М. Безобразов – Николаю II 4 августа 1903 г. // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.158–159.

²⁵⁷ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.69. Запись 19 августа 1903 г.

²⁵⁸ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 26 августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.48–49.

²⁵⁹ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.718. Л.27.

²⁶⁰ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.69. Запись 19 августа 1903 г.

²⁶¹ Падение влияния А.М. Безобразова было, по-видимому, также связано с его неуместным вмешательством в военные дела и резкой полемикой с А.Н. Куропаткиным. А.М. Безобразов советовал военному министру перебросить деньги, к примеру, со строительства принарвских дорог на Дальний Восток, отменил (!) военные манёвры в Варшавском округе и отправил (!) на средства, выделенные на их проведение, две бригады к Тихому океану. Николай II не вмешивался и делал вид, что ничего не знает. Логичным выходом из ситуации стала бы отставка самого А.Н. Куропаткина и она, как будто, была в те дни – начала августа 1903 г. – в принципе решена (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.56–59. Его встреча с самодержцем состоялась 2 августа). Однако военный министр удержался: царь, вероятно, всё-таки не доверился «военным талантам» своего советчика. А.М. Безобразов остался неудовлетворён и в начале сентября опять намеревался поставить вопрос ребром: либо он, либо военный министр, который постоянно «старается укусить» его (А.М. Безобразов – В.К. Плеве 4 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.75–76).

как будто не стремился к власти и сконцентрировался на «экономических» вопросах, составляя проекты реорганизации управления дальневосточными предприятиями России и меньше вмешиваясь во внешнеполитические вопросы. А.М. Безобразов не скрывал своего намерения «постепенно отходить от дела», после того, как завершит начатое²⁶².

9.8. Отставка С.Ю. Витте и торжество безобразовцев

Поражение «триумvirата» в августе 1903 г. стало для него последним. Главным виновником сопротивления «новой политике» был признан С.Ю. Витте, это и послужило причиной его внезапной отставки, о которой сановник узнал на всеподданнейшем докладе 15 августа. Отставка состоялась несмотря на то, что министр финансов продолжал уступать А.М. Безобразову, даже заискивать перед ним. С.Ю. Витте зачастил к А.М. Безобразову: встречался с ним 8 августа («два часа сидел»), 10 или 11 августа («он меня изучал по всем швам, чтобы узнать многое ему непонятное; понятно, что успеха не имел»)²⁶³. Николай II по обыкновению тянул с решением до последнего момента: 12 августа А.М. Безобразов неожиданно для себя получил вызов в Петергоф. Видимо, эта встреча с царём и определила судьбу министра финансов²⁶⁴. Отставка являлась необходимым условием реорганизации ведомства: безобразовцы планировали забрать из Министерства финансов управление железными дорогами, пограничной стражей, учебными заведениями, а также главными инструментами в проведении дальневосточной политики – КВЖД и Русско-Китайским банком. У Маньчжурского горнопромышленного товарищества предполагалось изъять важнейшие концессии, прежде всего, фушуньские угольные копи²⁶⁵. Это был план разрушения системы, получившей название «империи Витте».

Пошатнулись кресла и под двумя другими участниками совещания: А.Н. Куропаткиным и В.Н. Ламздорфом. Казалось, что их уход – дело так-

²⁶² А.М. Безобразов – В.К. Плеве 11 августа 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.24 об.

²⁶³ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 9 и 11 августа 1903 г. // Там же. Л.23 об., 25 об.

²⁶⁴ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 12 августа 1903 г. // Там же. Л.26–27.

²⁶⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.65. Запись 18 августа 1903 г. Об этом см. также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.446. А.М. Безобразов хотел изъять из Министерства финансов все коммерческие предприятия на Дальнем Востоке, пытаясь свести роль ведомства к охране интересов казны, но никак не руководителя политики (записка А.М. Безобразова 11 ноября 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.156–164). Реорганизовывать чего-либо ещё он не собирался, поэтому прямо заявил директору канцелярии министра финансов А.И. Путилову о своем желании, «чтобы люди, которые занимались у Вас делами Д[альнего] Востока, переменяли только свои клочки и комнаты, но оставались при тех же делах» (А.И. Путилов – С.Ю. Витте 20 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.693. Л.2 об.).

же решённое. Однако царь, верный принципу не принимать всецело чью-либо сторону, выжидал. К тому же одновременное удаление трёх ключевых министров напоминало правительственный кризис и могло вызвать нежелательные последствия. Тем не менее, их влияние заметно ослабло, а большинство рычагов управления ситуацией оказалось в руках безобразовцев и Е.И. Алексеева.

Безобразовцам казалось, что с В.Н. Ламздорфом они справятся без проблем. Ещё 11 мая 1903 г. А.М. Безобразов сообщал Николаю II о своих и А.М. Абазы разговорах с графом, оставивших у него «очень тяжёлое настроение» из-за «необорудованности у нас целого ведомства для жизни»²⁶⁶. Однако В.Н. Ламздорф оказался значительно пластичнее, чем С.Ю. Витте, и уже 16 мая назвал «благой мыслью» желание основаться на р. Ялу, правда, призывая делать это «без всякого шума, при посредстве коммерческого, правильно и законно поставленного предприятия». В этой же записке министр обиделся на вторжение «в дела его ведомства» и даже поставил вопрос о доверии. Тем не менее, Николай II распорядился, чтобы отныне все телеграммы по Дальнему Востоку посылались через Е.И. Алексеева²⁶⁷.

В конце мая В.Н. Ламздорф узнал о готовящейся передаче внешнеполитических дел по Дальнему Востоку наместнику, о чём его никто официально не уведомлял. Естественной реакцией на это стала просьба министра об отставке 28 мая²⁶⁸. Для того, чтобы забрать своё прошение назад В.Н. Ламздорфу оказалось достаточно собственноручного письма Николая II 29 мая, суть которого сводилась к уверению: «Ни Вы, ни я мы не в состоянии давать себе отчёт о том, что там (на Дальнем Востоке – И.Л.) делается ежедневно, получая за десятки тысяч вёрст отрывочные сведения, к тому же часто противоречащие друг другу. Алексеев же, будучи как раз в центре этого положения и имея все нити, сходящиеся к нему, будет полным и вполне ответственным перед Россией и мной человеком, поставленным на страже всех наших интересов»²⁶⁹. Царь подменил неизбежный в такой ситуации вопрос о распределении полномочий вопросом о «вёрстах». Уди-

²⁶⁶ А.М. Безобразов – Николаю II 11 мая 1903 г. // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925. С.137–138.

²⁶⁷ Записка В.Н. Ламздорфа 16 мая 1903 г. с резолюцией Николая II // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.35–36. 29 мая 1903 г. В.Н. Ламздорф сообщил царю, что он ещё 7 мая распорядился сообщать Е.И. Алексееву всю переписку с русскими дипломатами в Японии, Корею и Китае (Там же. Л.46 об.). По-видимому, именно такая «предусмотрительность» и «крайне эластичное “я”», по выражению С.Ю. Витте, позволили графу оставаться министром ещё несколько лет (Из архива С.Ю. Витте. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.2. СПб., 2003. С.618).

²⁶⁸ АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.215. Л.3–4.

²⁶⁹ Там же. Л.6–6 об.

вительно, что подобного «разъяснения» В.Н. Ламздорфу оказалось достаточно. Хотя эти дни дались министру нелегко: «уже не было спокойного сна ночью! Опять непрерывные душевные терзания, сердце мучительно болит и я грущу смертельно»²⁷⁰. К счастью для графа А.М. Безобразов не настаивал на отставке. Из его письма Николаю II 29 мая понятно, почему он поступил так: министр заявлял о своей беспрекословной готовности исполнять любую высочайшую волю и единственном желании – знать, в чём именно она состоит²⁷¹.

Тем не менее, В.Н. Ламздорф под воздействием С.Ю. Витте летом 1903 г. продолжал сопротивляться вмешательствам в его компетенцию. В частности, ему не нравилась колоссальная роль Е.И. Алексеева в дальневосточных делах, которая вдобавок всё усиливалась. Но отношение к итогам совещания 1 августа 1903 г. показало: попытка В.Н. Ламздорфа подчинить наместника умеренным директивам из Петербурга не удалась²⁷². 1 сентября А.М. Безобразов сообщил Е.И. Алексееву о распоряжении Николая II, чтобы посланник России в Пекине придерживался исключительно указаний наместника и ехал к нему с докладом по первому требованию²⁷³. Аналогичные предписания получили российские дипломаты в Токио и Сеуле («беспрекословно выполнять все предначертания наместника»). Такой противоречивый и непоследовательный порядок подчинения сразу же обернулся хаосом. Кроме того, для российских посланников в Сеуле, Пекине и Токио не было секретом, что взгляды на проблемы Дальнего Востока у Е.И. Алексеева и В.Н. Ламздорфа сильно расходились.

Вдобавок А.М. Безобразов продолжал резко критиковать В.Н. Ламздорфа. 17 сентября он выдал Д.Д. Покотилову «целый поток обвинений на наше дипломатическое ведомство и на его нынешнего руководителя, который-де не имеет никакой программы, отделяясь пустыми отписками и “исполнением бумажек”». А.М. Безобразов прямо поставил отложенный было вопрос о смене министра, видя преемником графа А.П. Извольского²⁷⁴. Но его влияние в тот момент уже шло на спад и В.Н. Ламздорф удержался в министерском кресле.

²⁷⁰ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 30 мая 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.689.

²⁷¹ Два письма А.М. Безобразова Николаю II 29 мая 1903 г. // Русско-японская война: из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевиича. Л., 1925. С.141–142.

²⁷² Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.2.

²⁷³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.227 об.

²⁷⁴ Д.Д. Покотилов – Э.Д. Плесске 18 сентября 1903 г. // Там же. Оп.29. Д.79. Л.384. Выбор А.М. Безобразова был странен: А.П. Извольский покинул место посланника в Токио отчасти в знак протеста против передачи безобразовцам прав сношения с дипломатическими представителями России (Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С.171).

Однако внешнеполитическое ведомство на некоторое время оказалось по существу отстранено от политики на Дальнем Востоке. Большим сюрпризом для МИДа стало учреждение наместничества, чиновники рассматривали это как удар по В.Н. Ламздорфу. В министерстве теплилась надежда, что наместник не справится с дипломатическими обязанностями, возникнет кризис и угроза войны, тогда графа вернут к власти²⁷⁵. Позже так оно и случилось, пока же один из дипломатов констатировал в октябре 1903 г.: «Работы у нас немного, так что даже при нашем очень ограниченном составе мы легко справляемся. Министерство продолжает черпать сведения о происходящих на Д[альнем] Востоке событиях из телеграмм агенств и, по-видимому, эта оскорбительная, на мой взгляд, не лишенная трагикомизма новая эра в его существовании грозит продлиться. <...> Во всяком случае, приходится признать, что м[инистерст]во окончательно потеряло голос в этом деле»²⁷⁶.

Особенностью безобразовцев являлось то, что в их группе не имелось единого видения русской внешней политики, в том числе и на Дальнем Востоке. Мало того, разные мнения высказывались по любому поводу и никак не согласовывались с друг с другом. Например, К.И. Вогак после всех обсуждений как ни в чём не бывало в сентябре 1903 г. снова настаивал на необходимости препятствовать деятельности японцев в Корее и предлагал настойчиво требовать от короля выдачи пресловутой «концессии Непорожнева». Он также заявлял о невозможности допустить иностранцев в Маньчжурию, игнорируя международные соглашения, а также выдвинул 22 (!) требования Китаю²⁷⁷. Аналогично действовал И.П. Балашёв. К счастью, их сочинениям уже никто, в том числе и сами безобразовцы, не уделял серьёзного внимания.

В это же время А.М. Безобразов вступил в ожесточённую схватку с А.Н. Куропаткиным. Кажется, он пытался вовлечь в это противостояние В.К. Плеве, жалуясь ему на военного министра²⁷⁸. В свою очередь А.Н. Куропаткин представил царю резко негативную оценку записок А.М. Безобразова по военным делам, заодно отрицательно отзывавшись о предприятии на р. Ялу и предложив продать его американцам²⁷⁹. Показательно, что для военного министра его противостояние безобразовцам не имело выраженных негатив-

²⁷⁵ И.Я. Коростовец – Е.И. Алексееву 18 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.39–39 об.

²⁷⁶ К.Д. Набоков – П.Л. Вакселю 3 октября 1903 г. // ОР РНБ. Ф.123. Оп.1. №318. Л.14 об.

²⁷⁷ Вогак К.И. Общее положение на Дальнем Востоке (сентябрь 1903 г.) (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.330–337.

²⁷⁸ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 9 и 12 августа 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.22–23, 26–27.

²⁷⁹ Всеподданнейший доклад А.Н. Куропаткина 24 июля 1903 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.95–117.

ных последствий. Возможно, что царь скептически относился к военным способностям своего протеже либо стремился сохранять баланс в отношениях между ними.

Удаление С.Ю. Витте и замена его на Э.Д. Плесске позволила, наконец, приступить к давно задумываемому: забрать у Министерства финансов важнейшие дальневосточные предприятия (Русско-Китайский банк и КВЖД). Однако ставка на то, что новый глава ведомства не станет сопротивляться, неожиданно не оправдалась. Уже спустя месяц А.М. Безобразов жаловался, что Э.Д. Плесске занял «определённую позицию», не желая отпускать из своих рук дальневосточные предприятия. Пока это было списано на негативное влияние бывшего окружения С.Ю. Витте во главе с П.М. Романовым²⁸⁰. Но прозвучало и красноречивое признание: «Нам много гораздо удобнее иметь предприятия Министерства финансов под огнём своей критики, чем, до поры до времени, самим представлять себя под его критику»²⁸¹.

Осенью 1903 г. А.М. Безобразов готовил финансово-экономическую записку и проект закона об усилении власти наместника²⁸². Лидер «нового курса» предлагал финансировать политику России на Дальнем Востоке из трёх источников: контрибуция с Китая за боксёрское восстание и его же плата (!) за пребывание русских войск в Маньчжурии; доходы от коммерческой эксплуатации КВЖД (для чего следовало передать дороге все концессии и забрать у неё охранную стражу) и от прибыльных операций Русско-Китайского банка. Управление дорогой и банком передавалось специальной комиссии, возглавляемой одним из членов Особого комитета Дальнего Востока²⁸³. Очередные сочинения А.М. Безобразова являлись чистейшим прожектёрством: техническое состояние дороги требовало дальнейших значительных вложений, которые были под силу только государственному бюджету, а прибыль банка оказалась слишком мала, чтобы покрыть ею сколько-нибудь заметную долю дальневосточных расходов. Единственным серьёзным предложением А.М. Безобразова стало восстановление на всём Дальнем Востоке портофранко и снижение тарифов морских перевозок, в том числе на «Добровольном флоте» (чтобы уступить американскому требованию свободы торговли в Маньчжурии и одновременно хотя бы как-то защитить собственные товары, удешевив их)²⁸⁴. Кроме того, категорическим противником безобразовской

²⁸⁰ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 22 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.81 об.

²⁸¹ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 22 сентября 1903 г. // Там же. Л.81 об. – 82.

²⁸² А.М. Безобразов – В.К. Плеве 11 ноября 1903 г. // Там же. Д.761. Л.121. Но к этому времени – середине ноября – документы ещё не были готовы.

²⁸³ Финансово-экономическая программа А.М. Безобразова на Дальнем Востоке 11 ноября 1903 г. // Там же. Л.181–182.

²⁸⁴ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 15 сентября 1903 г. // Там же. Л.89–89 об.

«экономической программы» стал наместник: Е.И. Алексеев отвергал все инициативы, настаивая на сохранении прежних порядков, не допуская новых казённых трат²⁸⁵. Из-за этого А.М. Безобразову пришлось тянуть с представлением Положения об Особом комитете Дальнего Востока, несмотря на то, что его торопил царь²⁸⁶.

После удаления С.Ю. Витте из кресла министра также проступило симптоматическое явление: как только безобразовцы дорвались до власти, в их рядах немедленно усилились разногласия. В частности, В.М. Вонлярлярский, работая над экономической организацией Восточно-Азиатской промышленной компании, сообщал В.К. Плеве предложения, прямо противоречащие намерениям А.М. Безобразова. Исходя из общей посылки (вернуть средства, расходуемые на дальневосточную политику), он планировал переподчинить КВЖД и Русско-Китайский банк не Особому комитету Дальнего Востока, а Восточно-Азиатской компании (то есть, чтобы самому контролировать их). У банка и дороги изымались все концессии и право заниматься промышленной деятельностью. Связь же с Особым комитетом Дальнего Востока устанавливалась чисто номинальной – через председательство в совете пайщиков одного из членов комитета. Для удобства расхищения казённого хозяйства предлагалось, чтобы сама Восточно-Азиатская промышленная компания являлась частной лишь «по форме», а вот её многочисленные филиалы – «вполне частными обществами или товариществами». Для организации этой структуры государству следовало, по мнению В.М. Вонлярлярского, ещё и оплатить половину паёв компании²⁸⁷. Вдобавок все работники компании получали права государственных служащих, а паи должны были приниматься при казённых платежах в 90% номинала²⁸⁸.

9.9. Безобразовская лесопромышленная компания на р. Ялу

Несмотря на все протесты, осенью 1903 г. безобразовцы продолжали развивать своё предприятие на р. Ялу. Его руководитель И.П. Балашёв вёл своеобразную политику. Вместо усилий по добыче леса он постоянно просил у А.М. Безобразова денег и стремился к приобретению всё новых и новых концессий²⁸⁹. Особое значение он придавал лесной концессии на китайском

²⁸⁵ К.И. Вогак – А.И. Безобразову 31 октября и 1 ноября 1903 г. // Там же. Л.101 об. – 102.

²⁸⁶ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 1 и 2 ноября 1903 г. // Там же. Л.90 об.

²⁸⁷ Записка В.М. Вонлярлярского В.К. Плеве о создании Восточно-Азиатской промышленной компании 1 ноября 1903 г. // Там же. Л.20–27.

²⁸⁸ Записка В.М. Вонлярлярского о правах Восточно-Азиатской промышленной компании 1 ноября 1903 г. // Там же. Л.28–29.

²⁸⁹ 25 августа 1903 г. он телеграфировал статс-секретарю, что нужно много казённых денег (Там же. Л.69), 6 сентября И.П. Балашёв требовал уже 6 млн. руб., угрожая в случае невыдачи неминуемым прекращением всего дела (Там же. Л.70).

берегу р. Ялу, для её получения он сам собрался в Пекин, не доверяя эту миссию посланнику П.М. Лессару²⁹⁰. Активность И.П. Балашёва была такова, что даже энергичный А.М. Безобразов всячески тормозил начинания своего партнера. Он сообщал ему о заминке в кредитах; о том, что для получения денег нужно согласие заместителя (т.е. тянул время) и в конце концов прямо заявил И.П. Балашёву, что его поездка в Пекин бесполезна²⁹¹. А.М. Безобразов в жёсткой форме поставил руководителя лесного предприятия в рамки: «Вам следует постараться благополучно закончить операцию этого года и ввиду политических обстоятельств не зарываться в расходах, а идти тише. Мало ли что выгодно. Нужно делать, что посильно, и осторожно»²⁹². До А.М. Безобразова дошли слухи о крупных растратах и он потребовал к 15 ноября составить полный финансовый отчёт о деятельности лесопромышленного общества²⁹³.

Однако И.П. Балашёв не унялся. В конце 1903 г. он носился с очередной идеей – ссылаясь на предложение некоего «полковника Янга», предлагал приобрести у мукденского цзянь–цзюня монополию на продажу соли, что, по мнению Янга, обещало прибыль в 3 млн. руб. Для себя этот «полковник» хотел получить 30% прибыли, не участвуя в финансировании предприятия. На «дело» требовался 1 млн. руб., первоначальные затраты составляли 314,9 тыс. руб.²⁹⁴ Обиженный на невнимание А.М. Безобразова, И.П. Балашёв обратился за деньгами прямо к Николаю II, обещая покрыть все расходы доходами от соляной монополии²⁹⁵. Царь прочитал записку и «неодобрительно о ней отозвался»²⁹⁶. Самодержца можно понять: вместо ясных и обоснованных решений ему предлагались новые вложения (А.М. Безобразов в 1903 г. пустил на это почти 2 млн. руб.) и очередные обещания. Тем не менее, коммерческое предложение И.П. Балашёва проверили и выяснилось, что инициативный китаец Янг был не полковником, а капитаном; цзянь–цзюнь не намеревался передавать ему никакой монополии, речь шла лишь о долевом участии в со-

²⁹⁰ Телеграмма И.П. Балашёва А.М. Безобразову 6 сентября 1903 г. // Там же. Л.70 об.

²⁹¹ Телеграммы А.М. Безобразова И.П. Балашёву 26 августа, 9 сентября, 11 сентября 1903 г. // Там же. Л.69, 71–71 об., 72.

²⁹² Телеграмма А.М. Безобразова И.П. Балашёву 18 сентября 1903 г. // Там же. Л.73 об. – 74.

²⁹³ Телеграмма А.М. Безобразова И.П. Балашёву 27 сентября 1903 г. // Там же. Л.75 об. – 76.

²⁹⁴ Докладная записка И.П. Балашёва «О вступлении Русского лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке в дело монопольной продажи соли в Маньчжурии» // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.224. Л.27–29.

²⁹⁵ Записка И.П. Балашёва Николаю II 12 ноября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.106–117.

²⁹⁶ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 11 декабря 1903 г. // Там же. Л.105.

ляном предприятия²⁹⁷. В общем, И.П. Балашёва легко водили за нос предприимчивые китайские мошенники.

Деятельность предприятия по уже имеющейся концессии выглядела совсем не блестяще. На первых порах вместо рубки деревьев лесопромышленники собирали на берегу р. Ялу лес из разбившихся плотов, заготовленный корейцами и японцами. Его находили много, так как корейцы плохо связывали стволы. По сведениям Ф.А. Львова, такой древесины уже весной 1903 г. концессионеры набрали на 100 тыс. руб. На деревьях срезалось прежнее клеймо и ставился знак принадлежности к Русскому лесопромышленному товариществу. Воровство оказалось заразительным – вскоре концессионеры начали просто отнимать у корейцев и целые плоты²⁹⁸. В свою очередь, местный китайский даотай оперативно организовал грабёж сплаваемого товариществом леса: он беззастенчиво вылавливал бревна, вторично срубал с них клеймо и продавал. По подсчёту русского чиновника, уже к октябрю 1903 г. китайцы похитили свыше 40 тыс. бревен²⁹⁹. Собственную добычу леса товарищество сумело начать лишь 15 ноября 1903 г.³⁰⁰ На первых порах из-за отсутствия на месте хотя бы примитивной лесопилки сплаваемые брёвна оказались «никуда не годных размеров», такого леса удалось продать на 300 тыс. руб.³⁰¹ На берегах же р. Ялу лежали горы срубленных деревьев.

Вскоре выяснилось, что «заготовка товара обходится дороже, чем его можно продать»³⁰². Это подрывало основную идею рентабельности предприятия. А.М. Безобразов, поняв, что И.П. Балашёв «не умеет разобраться в причине», намеревался уволить отвечавшего за коммерческую часть А.Л. Животовского. К.И. Вогаку он торжественно объявил: «Беру на себя производство экзекуции виновных в злоупотреблении, какой не бывало на Дальнем Востоке»³⁰³.

²⁹⁷ Записка И.Н. Протасьева Е.И. Алексееву по поводу предложения И.П. Балашёва 5 февраля 1904 г. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.224. Л.25–26. Согласно китайскому законодательству, все производители соли были обязаны продавать её государству по фиксированной цене.

²⁹⁸ Львов Ф.А. Указ. соч. С.48–49.

²⁹⁹ Копия донесения Г. Веселовского 1 октября 1903 г. // РГВИА. Ф.14378. Оп.1. Д.130. Л.563–564.

³⁰⁰ Акт о начале рубки леса Русским лесопромышленным товариществом 5 декабря 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.336. Л.24.

³⁰¹ К.И. Вогак – А.М. Безобразову 18 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.153–154.

³⁰² Лесной частью компании заведовал некий Скидельский (человек, от которого отрёкся отец), он злоупотреблял если и не на сотни тысяч руб., то на десятки – несомненно (выписка из частного письма директора отделения Русско-Китайского банка в Мукдене 26 октября 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.113).

³⁰³ А.М. Безобразов – К.И. Вогаку 25 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.96–97.

Генерал в ответ прозрачно намекнул А.М. Безобразову, что виновного следовало искать в другом месте: «Балашёв справится со своею задачею, если Вы прекратите посылку телеграмм»³⁰⁴. Реально ничего не изменилось, впрочем, А.Л. Животовский был всё-таки уволен. А.М. Безобразов же выразил доверие И.П. Балашёву и считал, что в коммерческом отношении их предприятие «выдерживает полную критику»³⁰⁵.

9.10. Бесславный конец безобразовского предприятия

Начало русско-японской войны значительно ухудшило позиции безобразовцев. В любом случае они оказывались причастными к началу военного конфликта³⁰⁶. Сам А.М. Безобразов ещё до начала боевых действий, 1 января 1904 г. уехал к семье в Швейцарию и провёл там более года. Из-за границы он вёл обширную переписку с своими соратниками, продолжая выдвигать многочисленные инициативы и давать всевозможные указания. Например, он предложил направить Черноморский и Балтийский флоты на Дальний Восток, послать на японскую войну 25–30 тыс. кавказцев³⁰⁷, организовать политическую изоляцию Японии с помощью антианглийской кампании в прессе: по его мнению, Лондон немедленно свалил бы все проблемы на Токио³⁰⁸. Особое внимание А.М. Безобразов уделял воздействию на общественное мнение, считая, что оно не понимает истинных целей войны с Японией. «Разъяснить» их он собирался публикацией документов по типу английской Синей и японской Белой книг³⁰⁹. Конечно, он утратил руководящее и организующее влияние. Последней своей опорой безобразовцы рассматривали наместничество. А.М. Безобразов полагал, что «самое тяжёлое положение может наступить на Д[альнем] Востоке, когда там власть и положение наместника будут поколеблены»³¹⁰. Ключевую роль в группе в отсутствие А.М. Безобразова играл А.М. Абаза, возглавлявший канцелярию так ни разу и не собранного Особого комитета Дальнего Востока. Он часто представлял Николаю II всеподданнейшие доклады и явно имел влияние.

³⁰⁴ К.И. Вогак – А.М. Безобразову 27 октября 1903 г. // Там же. Л.97 об. – 98 об.

³⁰⁵ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 11 ноября 1903 г. // Там же. Л.120 об.

³⁰⁶ О неудачных попытках А.М. Безобразова и А.М. Абазы принять участие в переговорах с Японией в конце 1903 г. см. главу 11 «Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг.».

³⁰⁷ А.М. Безобразов – А.М. Абазе 14 июня 1904 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.265. Д.27. Л.13.

³⁰⁸ А.М. Безобразов – Н.Г. Матюнину 24 мая 1904 г. (перлюстрация) // Там же. Д.26. Л.37.

³⁰⁹ А.М. Безобразов – Николаю II 3 октября 1904 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.115. Л.244–248.

³¹⁰ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 21 апреля 1904 г. // ОР РНБ. Ф.586. Оп.1. №20. Л.2–2 об.

Пока не начались военные неудачи, большинство в России полагало, что Япония будет без труда повержена. Основываясь на этом, строили свои дальнейшие прожекты и безобразовцы. Летом 1904 г. в Петербурге под инициалами А.Г. появилась брошюра «Наши задачи на Востоке»³¹¹. В ней излагался грандиозный план российской политики на огромной территории от черноморских проливов до Тихого океана. Оказывается, что «тесное соседство» России «с неустроенными восточными государствами толкает нас на невольные (! – И.Л.) завоевания, но государственные соображения должны заставлять нас удерживаться от территориального распространения в те страны, где нет надежды на заселение окраин коренным русским населением»³¹². Размах прожектёрства, его содержание и даже стилистика выдают действительного автора брошюры – А.М. Безобразова. Сам же замысел поражает своей примитивностью, а местами – нелепостью. Вся восточная политика России рассматривалась в книге под углом противостояния Англии. На Ближнем Востоке предполагалось сотрудничать с Германией и Турцией, что, однако не исключало приобретение Россией Константинополя. На Среднем Востоке России следовало отказаться от поиска выхода в Индийский океан (единственная здравая идея). На Дальнем же Востоке безобразовцы по прежнему твердили об исключительном влиянии России,

³¹¹ Н.Г. Матюнин – А.М. Безобразову 15 июля 1904 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф.102. Оп.265. Д.27. Л.91). Автором брошюры был полковник А.И. Гиппиус, который до этого составил ряд военно-статистических обзоров Передней Азии. А.И. Гиппиус в этой компании – фигура не случайная. Его брат – Н.И. Гиппиус – одно время являлся директором-распорядителем Невского судостроительного завода, чьё руководство (в частности, М.О. Альберт) было связано с безобразовцами. А.И. Гиппиус служил в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока, примерно в это время – лето 1904 г. – он предлагал учредить при комитете периодический печатный орган для распространения сведений о Востоке и формирования «правильных взглядов на нашу деятельность и наши задачи» (А.И. Гиппиус – Н.Г. Матюнину 20 июня 1904 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.164. Л.21). В 1905 г. А.И. Гиппиус опубликовал ещё одну книгу – «О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы)». Она состояла из публикуемого доклада автора под одноимённым названием, сделанном 21 декабря 1904 г. в Совете Общества востоковедения и 27 января 1905 г. – в Николаевской академии Генерального штаба (С.7–29) и документов, большее место из которых было отведено переведённым на русский язык английской Синей книге «Переписка о русской оккупации Маньчжурии и Нючжуана» (С.1–166 второй пагинации) и японской Белой книги «Переписка о русско-японских переговорах 1903–1904 гг.» (С.169–230). Публикуемые подборки документов однозначно взваливали вину за войну на русское правительство. Но для безобразовцев самым важным являлось то, что их деятельность на р. Ялу не рассматривалась в глазах иностранцев как причина или даже повод к войне.

³¹² А.Г. [Гиппиус А.И.] Наши задачи на Востоке. СПб., 1904 (дозволено цензурой 25 мая 1904 г.). С.2.

либо – о прямом включении в состав империи Кореи и всей Маньчжурии. Для закрепления за собой Северного Китая предполагалось колонизовать его «коренным русским населением». Выполнение этой программы должно было послужить – ни больше, ни меньше – средством сближения Петербурга с Лондоном, который, по мнению сочинителей, не мог не отнестись к такой программе не иначе как «вполне сочувственно»³¹³.

Уже после начала русско-японской войны состоялось ещё одно совещание, названное предварительным, для обсуждения вопросов о финансовых, промышленных и хозяйственных предприятиях России на Дальнем Востоке (февраль – май 1904 г.)³¹⁴. За идеей совещания стояли безобразовцы: Николай П распорядился созвать его в январе 1904 г. ещё до начала войны, а повестку дня подготовили А.М. Абаза и В.М. Вонлярлярский. Речь шла о судьбе русских предприятий на Дальнем Востоке: какие из них следовало передать в частные руки, а за какими сохранить политический характер и, следовательно, казённую поддержку. Сразу выяснилось, что исходная идея – сделать эти структуры доходными – не имела внятной перспективы. Наивно было всерьёз рассуждать о широком привлечении частного капитала при участии государства и строгом ограничении иностранных инвестиций: отечественные предприниматели и ранее не горели желанием поучаствовать в дальневосточных концессиях. Поэтому нереальным выглядело предложение приватизировать казённые предприятия – все они были убыточными и соблазниться ими могли лишь аферисты

Состав совещания резко отличался от предыдущих, председательствовал в нём А.П. Игнатъев (бывший когда-то командиром Кавалергардского полка, под его началом служил А.М. Безобразов, а затем восточно-сибирским генерал-губернатором), в число членов вошли П.Х. Шванебах, В.П. Череванский, А.М. Абаза, В.М. Вонлярлярский, позднее к ним присоединился В.Н. Коковцов. Если участие В.Н. Коковцова и П.Х. Шванебаха объясняется их служебным положением (министр финансов и товарищ министра земледелия и государственных имуществ), то появление сенатора В.П. Череванского, вероятно, было связано с тем, что он 29 января 1904 г. представил записку о создании в Маньчжурии экономической структуры вокруг железной дороги (то есть, вернулся к идее экономического закрепления за собой Северного Китая). В.П. Череванский также призывал к организации тесных связей маньчжурского и русского рынков³¹⁵.

В.Н. Коковцов и П.Х. Шванебах выступили с резкой критикой безобразовцев. Они усомнились в целесообразности существования безобразов-

---

³¹³ Там же. С.28.

³¹⁴ Копии материалов совещания см.: ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №2.

³¹⁵ РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.1. Л.42–46.

ского общества вообще, что предусматривало отказ в привилегиях и конец мечтаниям о министерстве колоний³¹⁶. В.Н. Коковцов также высказал уверенность, что общество, если его создать, потребует грандиозных казённых расходов – в миллионы рублей³¹⁷. Министр был совершенно прав, так как даже на концессию на р. Ялу, по свидетельству И.П. Балашёва, требовалось вложить в 1904 г. 4 млн. руб., из которых только 1 млн. концессионеры предполагали вернуть, продав лес³¹⁸. В.М. Вонлярлярский продолжал настаивать на идее Chartered Company, обещая, что они не станут просить денег у казны, а мобилизуют частный капитал на службу государственным интересам. 3/4 паёв предполагалось передать правительству, оно же в лице Особого комитета Дальнего Востока назначило бы руководство компании (это означало, что замышляемое предприятие окажется всецело в руках учредителей)³¹⁹.

На третьем заседании, которое подводило итоги обсуждения, большинство поддержало В.Н. Коковцова. Совещание высказалось за полное прекращение казённого участия в подобных предприятиях³²⁰. Николай II согласился с таким заключением, что, наконец, ставило крест на экономических аферах на Дальнем Востоке, длившихся с 1898 г.³²¹ Впрочем, и в этой ситуации В.М. Вонлярлярский попытался ухватить своё: он озаботился продлением монополии своего Северо-Восточного Сибирского общества на добычу ископаемых на Чукотке и получил с согласия Николая II ещё 5 лет³²². Озлобленный А.М. Безобразов заявил единомышленникам: «У меня давно уже готов план экономической комбинации, и я надеюсь без всякого содействия Коко и К^о дело сделать. Скажу больше: я при полном противодействии всех этих лягушек из нашего болота дело сделаю так, как оно должно быть. Это не так трудно, если только умело обойти бюрократические шлагбаумы»³²³.

Несмотря на оглушительное поражение на совещании, безобразовцы постарались в традиционной для себя манере пересмотреть принятые решения. А.М. Абаза принялся энергично воздействовать на Николая II. Он добивался отстранения от дальневосточных дел А.П. Игнатьева и

³¹⁶ ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №2. Л.21 об.

³¹⁷ Там же. Л.40–40 об.

³¹⁸ Записка И.П. Балашёва Е.И. Алексееву 12 ноября 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.122.

³¹⁹ РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.1. Л.47–49; ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №2. Л.4–6.

³²⁰ ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №2. Л.44.

³²¹ Там же. Л.47.

³²² А.М. Абаза – Е.И. Алексееву 28 октября 1904 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.415. Л.96–97.

³²³ А.М. Безобразов – Н.Г. Матюнину 23 июня 1904 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.265. Д.27. Л.41.

П.Х. Шванебаха, чтобы передать все вопросы в ведение В.К. Плеве, что и произошло³²⁴. Царь, несмотря на поддержку решений совещания³²⁵, продолжал испытывать симпатии к безобразовцам, не замечая как бежит время на докладах А.М. Абазы³²⁶. Логическим завершением борьбы безобразовцев за власть стал их переход к обсуждению более общих проблем. А.М. Абаза предлагал изгнать китайских чиновников из Маньчжурии, усилить армию в европейской части России, уже приступил к составлению условий мира с Японией. Он также рассуждал перед царём и об университетском вопросе, и о реформе образования в целом, и о кандидатуре нового, после убийства В.К. Плеве, министра внутренних дел³²⁷.

А.М. Абаза также озаботился программой послевоенной политики России на Дальнем Востоке. К маю 1904 г. она была уже готова и держалась в большой тайне (кроме автора и царя, в неё посвятили лишь К.И. Вогака). Николай II якобы читал документ несколько раз и решил принять его к исполнению, но перед этим справиться о мнении наместника. Текст программы, вероятно, не сохранился, но контр-адмирал изложил её содержание в письме к Е.И. Алексееву. Безобразовцы нацелились на присоединение Маньчжурии к России, для этого им требовался лишь повод – нарушение Китаем нейтралитета. Однако ждать было некогда, поэтому предполагалось спровоцировать Пекин. Наместнику же предстояло решить вопрос об изгнании из Маньчжурии китайской администрации (цзянь-цзюней и фудутунов), чтобы взять власть в свои руки. Вместо контрибуции с поверженной, как они надеялись, Японии следовало присоединить к России также и Корею. Погасить возмущение держав А.М. Абаза надеялся введением на Дальнем Востоке порто-франко на 25 лет. Составной частью этой программы являлось будущее русских предприятий на Дальнем Востоке, в том числе и безобразовских. Их, несмотря на решение совещания А.П. Игнатьева, планировалось передать специально созданному (ещё одному!) обществу³²⁸. От реализации этой авантюры Россию спасли лишь неудачи в войне.

³²⁴ А.М. Абаза – Н.Ф. Абаза 30 мая 1904 г. (перлюстрация) // Красный архив. 1926. №4 (17). С.74.

³²⁵ А.М. Абазу не устраивала царская «метода действовать», при которой, по его мнению, Николай II «придерживается последовательной постепенности» и из-за чего «остаётся в мёде много дёгтя и дело пакостится» (А.М. Абаза – Н.Ф. Абаза 8 июля 1904 г. (перлюстрация) // Там же. С.79).

³²⁶ Там же. С.77.

³²⁷ Там же. С.77–78, 80. А.М. Абаза не имел своего кандидата на пост министра внутренних дел, а из вероятных претендентов самую мягкую характеристику он дал П.Д. Святополк-Мирскому.

³²⁸ А.М. Абаза – Е.И. Алексееву 21 июня 1904 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.212. Л.34–39.

Деятельность по сворачиванию безобразовского предприятия началась в 1905 г., когда стало ясно, что войну не выиграть, а Корею не очистить от японцев. В начале июля 1905 г. Николай II наконец дал указание ликвидировать безобразовское лесопромышленное товарищество³²⁹. Министр финансов В.Н. Коковцов сумел уклониться от такого поручения³³⁰, ограничившись выдачей А.М. Абазе по распоряжению царя 350 тыс. руб. на ликвидационные расходы³³¹. Однако Министерству финансов пришлось провести инвентаризацию всей собственности товарищества³³². Сами концессионеры полагали, что их общество владело имуществом более чем на 2 млн. руб. (то есть, казённые деньги не были истрачены напрасно)³³³. Во время её проведения всплыло много интересных обстоятельств, в том числе и примеры организации предприимчивыми дельцами собственного бизнеса на Дальнем Востоке за казённый счёт.

Сразу выяснилась проблематичность прав лесопромышленного товарищества на часть фушуньских угольных копей. В своё время китайское правительство разделило угольное месторождение на две части, одну из них, западную – наиболее ценную – купило Маньчжурское горнопромышленное товарищество. Восточная оказалась у компании, организованной подполковником Я.Ф. Рубиновым и китайским купцом Тифонтаем, давно принявшим русское подданство. Владельцы продали её А.С. Мадритову 1 марта 1903 г. за 500 тыс руб., выговорив себе ещё и 20% участия в новом обществе³³⁴. 30 июля 1903 г. А.С. Мадритов передал полученные им права Русскому ле-

³²⁹ А.М. Абаза – В.Н. Коковцову 2 июля 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.336. Л.3. В.Н. Коковцов в своих мемуарах приводит иную дату, полагая, что царь поставил этот вопрос в феврале 1904 г. Судя по всему, министра финансов подвела память, так как он объединил далеко отстоявшие друг от друга события: совещание А.П. Игнатъева и историю с ликвидацией безобразовского дела в 1905 г. (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн.1. М., 1992. С.46–49).

³³⁰ Всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова 7 июля 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.336. Л.6–7. Оно наверняка обернулось бы перекладыванием части ответственности за аферы на Министерство финансов.

³³¹ Всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова об отпуске средств на ликвидацию Русского лесопромышленного товарищества 18 сентября 1905 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.148–149.

³³² Всеподданнейший доклад В.Н. Коковцова о концессии, принадлежащей Русскому лесопромышленному товариществу на Дальнем Востоке 4 августа 1905 г. // Там же. Оп.28. Д.336. Л.37–39.

³³³ А.М. Абаза – И.П. Балашёву 28 ноября 1905 г. // Там же. Л.87–88. И.П. Балашёв оказался скромнее (и честнее?) – у него вышло на 1 567 178 руб. (И.П. Балашёв – А.М. Абазе 18 ноября 1905 г. // Там же. Л.78).

³³⁴ Копия договора А.С. Мадритова с Я.Ф. Рубиновым и Тифонтаем 1 марта 1903 г. // Там же. Л.27–30.

сопромышленному товариществу, что доказывало казённое происхождение денег. Однако после войны японцы объявили концессию своей собственностью, придравшись к невыполнению её условий, протесты российских дипломатов ни к чему не привели. Дело заключалось в том, что Я.Ф. Рубинов как иностранец не имел права продавать кому-либо свою долю в китайском предприятии, так как решение об этом принималось собранием акционеров, а оно по документам вообще не проводилось³³⁵. Также большие сомнения вызвали арендованные в 1901 г. Н.Г. Матюниным в Циннампо 8 участков земли с годовой рентой в 381,6 иен, так как документы об уплате арендной платы за них с 1903 г. отсутствовали и не было выполнено инвестиционное условие – вложение в землю не менее 2000 иен.

Лесная концессия на р. Ялу была аннулирована корейским королём в мае 1904 г. Несмотря на это, после завершения войны, в июле 1906 г. её приобрёл проживавший в Петербурге гражданин США Василий Самойлович Смит³³⁶. Ему с высочайшего соизволения также передали всё имущество лесопромышленного товарищества³³⁷. Учредители формально ликвидировали своё детище 23 марта 1905 г. Интересно, что его объявили несостоявшимся (!), так как никто из учредителей не внёс никаких (!) денег для создания основного капитала³³⁸. Всего на авантюру по подсчётам самого А.М. Безобразова, ушло 2,58 млн. руб.³³⁹ Сколько стоили политические последствия – учесть практически невозможно.

9.11. «Оправдательная литература» безобразовцев: кто виноват в русско-японской войне?

Полемика по вопросу, кто виноват в русско-японской войне 1904–1905 гг., началась в России еще до её окончания. С.Ю. Витте утверждал, что до конфликта дело довели безответственные личности своими действиями в Корее. Его оппоненты – безобразовцы – выводили крайним бывшего министра финансов, полагая, что вся его политика на Дальнем Востоке была глубоко ошибочной. «Битву документов», развернувшуюся в печати, выиграл С.Ю. Витте,

³³⁵ Заключение по делу фушуньских каменноугольных копий присяжного поверенного Н. Глазберга 5 декабря 1905 г. // Там же. Л.94–95.

³³⁶ По данным справочника «Весь Петербург», Уильям Самуил Смит являлся представителем компании Вортингтона и директором-распорядителем акционерного общества «Вестингауз».

³³⁷ И.П. Балашёв – А.П. Извольскому 12 сентября 1906 г. (копия) // Там же. Л.113; Романов Б.А. Россия в Маньчжурии... С.551–552.

³³⁸ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.156–158.

³³⁹ ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.127. Л.54 об. – 55. Из них на лесопромышленное товарищество – 2 182 675 руб. 67 коп. Остаток средств в виде наличности и ценных бумаг составил 200 249 руб. 88 коп. (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.115. Л.252–253).

которому удалось подробно изложить свою точку зрения³⁴⁰, он повторил её в «Воспоминаниях»³⁴¹. Безобразовцы же, несмотря на то, что их лидеры подготовили несколько обширных текстов, излагавших иную версию событий, приведших к русско-японской войне, по ряду причин (в первую очередь – из-за запрета Николая II) не сумели распространить свои возражения³⁴².

Впрочем, «войну статей» начали всё-таки они. Ещё летом 1904 г. А.М. Безобразов предложил опубликовать очерки экономической деятельности своих единомышленников на Дальнем Востоке, приурочив их выход в свет к успехам русского оружия, которые, как тогда казалось, вскоре последуют³⁴³. Не дождав-

³⁴⁰ Я имею в виду объёмную рукопись, подготовленную под руководством С.Ю. Витте и изданную Б.Б. Глинским в журнале «Исторический вестник» в 1914 г., а затем появившуюся и отдельной книгой (Пролог...). Почти треть книги (С.248–352) так или иначе затрагивала деятельность безобразовской группы (подробнее об этом см: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994. С.30–38).

³⁴¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.517, 521 и др.

³⁴² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып.4. Л., 1989. С.59–78. В частности, В.М. Вонлярлярский ещё при жизни С.Ю. Витте сумел напечатать свою версию происхождения русско-японской войны в газете «Санкт-Петербургский курьер» (1914. 28 января. №28; 5, 7, 16, 26 мая. №102, 104, 113, 123; 6 июня. №133). Публикацию готовил журналист А.В. Руманов (кстати, хорошо знакомый с С.Ю. Витте), в его бумагах сохранилась запись беседы с В.М. Вонлярлярским с правой последнего (РГАЛИ. Ф.1694. Оп.1. Д.774).

Одновременно с известными и размноженными, пусть и в небольшом количестве экземпляров, записками А.М. Абазы, А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского свои воспоминания о деятельности на Дальнем Востоке оставил И.П. Балашёв. Они были подготовлены, по-видимому, весной 1905 г., позже автор несколько раз возвращался к тексту, внося в него исправления и дополнения, помеченные 1906–1908 гг. Для печати мемуары И.П. Балашёва не предназначались, поэтому остались в рукописи (Архив СПб ИИ РАН. Ф.115. Оп.1. №1167). Она охватывает период 1901–1905 гг. В отличие от текстов других безобразовцев, воспоминания И.П. Балашёва не документированы, составлены исключительно на основе личных воспоминаний. Много внимания в них уделено «философии» дальневосточной политики. Автор – сторонник «естественного» движения России на Восток, но не по рецепту министра финансов (Л.5–6). Он выступил критиком политики С.Ю. Витте, особенно после 1900 г., полагая, что трассу КВЖД не следовало сдвигать на юг, России ни в коем случае нельзя было отказываться от Кореи, а Маньчжурию просто захватить, воспользовавшись восстанием ихэтуаней (Л.13 об., 15 об., 22 и др.). Альтернативой неверных действий И.П. Балашёв видел намерения А.М. Безобразова и объявил себя его сторонником, несмотря на то, что в тексте прокльзывают явные обиды автора на статс-секретаря (Л.45, 119–122 и др.).

³⁴³ А.М. Безобразов – Н.Г. Матюнину 5 июня 1904 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.265. Д.26. Л.69.

пись их, творцы «новой политики» всё-таки выпустили сочинение, призванное обосновать свои действия: в 1904 г. под инициалами А.Г. (за ними скрывался А.И. Гиппиус) вышла в свет брошюра «Наши задачи на Востоке», излагавшие представления А.М. Безобразова о всей восточной политике России. Первоначально А.М. Безобразов даже намеревался напечатать её как издание Особого комитета Дальнего Востока, перевести на французский язык и т.п.³⁴⁴ Со слов В.М. Вонлярлярского, в январе 1905 г. Николай II поручил ему составить очерк истории «корейского дела». Царь намеревался доказать таким образом, что Россия намеревалась закрепить за собой Северную Корею мирным путём и что деятельность безобразовцев являлась ценным опытом освоения природных богатств Дальнего Востока³⁴⁵.

Чуть позже, когда неудача в войне с Японией стала очевидной, творческие усилия безобразовцев заметно оживились. Весной 1905 – летом 1906 гг. трое лидеров безобразовской группы подготовили свои сочинения. Самым плодотворным оказался В.М. Вонлярлярский. Кроме того, что в 1899 г. он уже составил отчёт об экспедиции в Корею, отставной полковник к весне 1905 г. подготовил развёрнутый текст под названием «Корейское дело», снабдив его обширным докуменальным приложением³⁴⁶. Позднее, в 1913 г. он предъявил ещё одно обширное сочинение «Материалы для выяснения причин войны с Японией», которое также сохранилось в нескольких копиях³⁴⁷. А.М. Безобразов окончил работу над своей запиской, которая просто не могла быть лаконичной, в декабре 1905 г.³⁴⁸ В 1923 г. ему удалось опубликовать её сокращён-

---

³⁴⁴ А.М. Безобразов – А.И. Гиппиусу 23 июня 1904 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.265. Д.27. Л.40.

³⁴⁵ А.М. Абаза – В.М. Вонлярлярскому 8 января 1905 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.49. Л.4; Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.153.

³⁴⁶ Записка «Корейское дело» сохранилась в значительном количестве копий, поэтому её можно обнаружить в целом ряде архивных фондов (РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.706, 707; ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.113; Архив СПб ИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.109 и др.). В ней содержится много отсылок на документы, размещённые в приложении под названием «Сборник документов по образованию Восточно-Азиатской промышленной компании с 20 августа 1899 г. по 1 января 1903 г.». В отличие от записки, приложение является большой редкостью. Я обнаружил в России лишь один его экземпляр в бумагах П.Н. Симанского, подаренный ему лично В.М. Вонлярлярским. «Сборник» состоит из двух частей, в первую вошло 94 документа на 444 листах, во вторую – ещё 79 (с 95 по 173) на 200 листах (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.112, 113). Причина редкости «Сборника...», вероятно, не в его значительном объёме, а в том, что содержащиеся в нём документы представляют безобразовцев в невыгодном для них свете, а именно, показывают их недвусмысленные намерения обогатиться за счёт как русской, так и корейской казны.

³⁴⁷ РГИА. Ф.917. Оп.1. Д.7; Ф.560. Оп.28. Д.1028, 1029; Ф.1652. Оп.1. Д.96 и др.

³⁴⁸ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.1063; Ф.1622. Оп.1. Д.703; Ф.1652. Оп.1. Д.100.

ный вариант во Франции³⁴⁹. И, наконец, А.М. Абаза в июне 1906 г. завершил усилия лидеров группы объёмным текстом «Русские предприятия в Корее в связи с нашей политикой на Дальнем Востоке 1898–1904»³⁵⁰. Нельзя сказать, что эти сочинения отличает убедительность и основательность. Они выстроены примерно по одинаковой схеме, в них повторяются в основном одни и те же сюжеты и аргументы. Авторы часто вдаются в полемику по малозначимым и не вполне понятным для стороннего читателя вопросам и, наконец, оставляет желать лучшего язык сочинений. Поэтому не удивительно, что их так и не опубликовали полностью. Впрочем, все основные суждения безобразовцев неоднократно воспроизводились в печати. Спор шёл продолжительное время, вплоть до начала Первой мировой войны, то утихая, то оживая вновь. Правда, после 1905 г. он не привлекал к себе значительного внимания. Дискуссия, а особенно победа в ней была важна прежде всего участникам тех событий, которые таким образом надеялись снять с себя обвинение за развязывание русско-японской войны.

На характер полемики, как в открытой печати, так и в жанре записок, сильный отпечаток наложил непрофессионализм безобразовцев, ярко проявившийся и здесь. Согласно их замыслу, первым шагом для объяснения происхождения конфликта с Японией должен был стать сборник документов о переговорах кануна войны по типу японской «Белой» и английской «Синей» книг, подготовленный Н.Г. Матюниным в апреле 1905 г. Этот сборник, получивший название «Малиновая книга» (по цвету переплёта), размножили на правах рукописи в количестве 490 экземпляров, но в продажу он не поступал, его разослали в мае 1905 г. ряду сановников и великих князей³⁵¹. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, ознакомившись с кни-

³⁴⁹ А.М. de Besobrasow. Les premieres causes de l'effondrement de la Russie. Le conflit russo-japonais // Le Correspondant. 1923. Т.291. P.577–615.

³⁵⁰ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.185; РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.189. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин рассматривают её как расширенный вариант записки А.М. Безобразова (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность... С.68). Это не вполне точно, так как А.М. Безобразов, судя по всему, писал текст сам, а записку А.М. Абазы составлял Г.Е. Грумм-Гржимайло (Архив РГО. Ф.32. Оп.1. Д.44). К сожалению, от её первоначального текста остался лишь небольшой фрагмент рукописи автора, замечаний заказчика и несколько машинописных страниц промежуточной редакции (всего 12 листов), но и по ним ясно: работа подверглась значительной идеологической правке контр-адмиралом. Несмотря на общность подхода в сочинениях лидеров безобразовской группы, разница между двумя текстами заметна. А.М. Абаза доказывал, что в отличие от С.Ю. Витте, они заботились, прежде всего, об обороне российского Дальнего Востока, поэтому намеревались ограничиться присоединением Маньчжурии, а Корею предполагали поделить с Японией.

³⁵¹ Книга была разослана 11 мая 1905 г. (Н.Г. Матюнин – А.Ф. Кони 11 мая 1905 г. // ОР ИРЛИ. Ф.134. Оп.4. №321. Л.1).

гой, возмутился её содержанием и поручил Н.Г. Гартвигу (поддерживавшему в 1902–1903 гг. безобразовцев!) подготовить ответ³⁵². Сам граф 17 мая 1905 г. представил Николаю II доклад, в котором настаивал на изъятии «Малиновой книги»³⁵³. Царь, сообщив министру, что не читал её, тем не менее, согласился с необходимостью изъять издание. 20 мая 1905 г. Н.Г. Матюнин разослал письма с просьбой возвратить книгу³⁵⁴. Однако из 393 розданных экземпляров удалось собрать лишь 179, на руках остались 192 (несмотря на то, что даже Николай II вернул сборник)³⁵⁵.

В «Малиновой книге» представлено 39 документов (некоторые в выдержках). Они сопровождались вводной статьёй «Обзор документов, касающихся переговоров с Японией в 1903–1904 годах и хранящихся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока», которая основывалась на 42 документах (почему опубликовали меньше, не пояснялось). Её неуказанные авторы бесхитростно признались: «Нельзя сказать, чтобы у нас не предвиделась возможность войны с Японией, но мы считали, что предмет вожделений Японии – Корея». Поэтому, дойдя в уступках Токио «до крайних пределов», войны избежать всё равно не удалось, так как «скрытые цели Японии оказались лежащими за пределами корейского вопроса и остаются перед нами до сих пор скрытыми» (!)³⁵⁶. Тем не менее, Страну восходящего солнца обвинили в том, что она «явно стремилась перенести свою деятельность в Южную Маньчжурию», хотя подкрепить это обвинение документальными свидетельствами авторам не удалось³⁵⁷. Они также полагали, что в маньчжурском вопросе выражали заинтересованность преимущественно Англия и США и не далее установления принципа «открытых дверей» для международной торговли. Удовлетворить их предполагалось, однако, лишь открытием маньчжурских портов для иностранцев и предложением «обсудить» вопрос о порто-франко в Приморье³⁵⁸.

Подбор публикуемых документов также отражал непонимание составителей «Малиновой книги» причин русско-японской войны. Они обнародовали преимущественно переписку безобразовцев (А.М. Абазы) с Е.И. Алексеевым

³⁵² Н.Г. Гартвиг – Р.Р. Розену 3 сентября 1905 г. // ОР РНБ. Ф.647. Оп.1. №20. Л.3 об.

³⁵³ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 17 мая 1905 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.415. Л.47; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист... С.27.

³⁵⁴ Н.Г. Матюнин – А.Ф. Кони 20 мая 1905 г. // ОР ИРЛИ. Ф.134. Оп.4. №321. Л.2. А.Ф. Кони свой экземпляр не вернул.

³⁵⁵ Соколовский Д. Справка об издании «Сборника документов по переговорам с Японией» 19 февраля 1906 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12038. Л.18; И.П. Балашёв – Николаю II 19 февраля 1906 г. // Там же. Л.20.

³⁵⁶ Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. На правах рукописи. [СПб., 1905]. С.1.

³⁵⁷ Там же. С.3.

³⁵⁸ Там же. С.2.

и обмен телеграммами между наместником, царём и В.Н. Ламздорфом. Содержание бумаг отразило, прежде всего, хаос, царивший в начальствующих головах перед началом войны с Японией. Пытаясь убедить читателя в агрессивности устремлений Токио, авторы показали, что способом избежать войны Е.И. Алексеев избрал «непоколебимую решительность» в переговорах (т.е., не уступать)³⁵⁹, а также подготовительные меры на случай, если японцы начнут высадку своих войск в Корею: мобилизация в Сибири и на Дальнем Востоке и введение военного положения в Маньчжурии³⁶⁰. Фактически это выглядело как ускоренная подготовка к боевым действиям и неверие в успех переговоров с русской стороны, столь ярко выражаемые наместником Дальнего Востока в его переписке. Вывод об агрессивной роли России из этого подбора документов сделать было совсем несложно³⁶¹. Не менее ярко оказалась представлена позиция А.М. Абазы на Особом совещании 16 декабря 1903 г.: «Наши интересы в Маньчжурии слишком существенны; Россия принесла в Маньчжурии слишком много жертв людьми и деньгами, чтобы позволить кому бы то ни было вмешиваться в её там дела». То есть, А.М. Абаза признавал, что его и Е.И. Алексеева политика исключала признание Маньчжурии неотъемлемой частью Китая и допуск туда иностранцев, пусть и на основании договорных прав. Мало того, А.М. Абаза одновременно продемонстрировал легкомысленное отношение к возможному военному конфликту со Страной восходящего солнца. «Война с Японией? Не может же японское правительство не сознавать, что война Японии с Россией будет борьбою крайне тяжёлой и что конечный её результат поставит на карту само существование Японии»³⁶².

Не удивительно, что «Малиновая книга» тут же получила широкую огласку. Большую часть документов уже в июле 1905 г. напечатал (в изложении) П.Б. Струве в «Освобождении»³⁶³. Вскоре и сама книга оказалась доступной: так, например, П.Н. Симанский приобрёл её в обычном букинистическом

³⁵⁹ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 25 сентября 1903 г. // Там же. С.23.

³⁶⁰ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 24 декабря 1903 г. // Там же. С.33–35.

³⁶¹ В.Л. Бурцев сделал его из телеграммы Николая II Е.И. Алексееву, разрешавшей атаковать японцев в случае их высадки в Северной Корее, «не дожидаясь первого выстрела с их стороны»: «Итак, если бы японцы помешкали ещё один день атакой на русскую эскадру, то они сами подверглись бы атаке (! – И.Л.) по приказу русского царя» (Бурцев В.Л. Истинные виновники русско-японской войны // Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: записке гр. Ламздорфа и Малиновой книге. Berlin, 1910. С.21).

³⁶² Мнение А.М. Абазы на совещании 16 декабря 1903 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.29.

³⁶³ Как царь и его слуги довели Россию до войны. Тайные документы // Освобождение. 1905. №73. 19 июля. С.375–378.

магазине³⁶⁴. В 1910 г. она окончательно утратила «негласность»: В.Л. Бурцев опубликовал в Берлине под одной обложкой и «Малиновую книгу», и возражения на неё Министерства иностранных дел³⁶⁵.

Внешнеполитическое ведомство немедленно отреагировало на появление «Малиновой книги». По поручению В.Н. Ламздорфа ответ от имени ведомства составил Н.Г. Гартвиг. Дипломат увязал появление сборника документов не с желанием осветить российскую политику, а с необходимостью для безобразовцев найти оправдания своим действиям. Отсюда – странный подбор документов (часть из которых оказалась вообще не известна в МИД), в число которых включили не только официальную, но и частную переписку. Всё это к тому же напечатали с искажениями, в том числе, например, ответные предложения Японии 8 декабря 1903 г. И, наконец, апофеозом стало аргументированное обвинение А.М. Абазы в некомпетентных, провоцировавших войну действиях. Мало того, что он, не имея никаких полномочий, вступил в тайные переговоры с японским посланником в Петербурге, так ещё и пытался повлиять на определение позиции России в январе 1904 г., перед самой войной. А.М. Абаза стремился любой ценой сохранить статью о нейтральной полосе в Корее, для этого 16 января 1904 г. (на следующий день после Особого совещания), когда журнал его ещё не был представлен Николаю II (это произошло 19 января), контр-адмирал обратился к царю с критикой ещё не известных тому мнений министров, высказанных на Особом совещании. Более того, в этот же день А.М. Абаза добился согласия императора отправить Е.И. Алексееву телеграмму, что крайним пределом японской оккупации Кореи может служить водораздел бассейна р. Ялу – мнение, которое оспаривали участники Особого совещания 15 января. И, наконец, 16 и 17 января А.М. Абаза сообщил свой проект о нейтральной зоне в Корее японскому посланнику как официальную позицию России. Записка Министерства иностранных дел не без ехидства резюмировала активность одного из безобразовцев: не его ли действия повлияли на решение Токио начать войну? «Быть может, одного упоминания о ялуцзянском водоразделе было достаточно, чтобы японский представитель более не сомневался в намерении России затягивать переговоры с тем, чтобы продолжать осуществление своих стратегических планов на Ялу»³⁶⁶.

³⁶⁴ Симанский П. Дневник генерала Куропаткина (из моих воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №11. С.73.

³⁶⁵ Бурцев В.Л. Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: записке гр. Ламздорфа и Малиновой книге. Berlin, 1910. В самой «Малиновой книге» В.Л. Бурцев произвёл сокращения, опустив «Историческое введение...» и 17 из 39 документов как «малоценные» (Бурцев В.Л. Истинные виновники... С.23).

³⁶⁶ Записка по поводу изданным Особым комитетом Дальнего Востока Сборника документов по переговорам с Японией 1903–1904 гг. СПб., 1905. С.13.

Наиболее энергично полемика велась начиная с весны 1905 г., по горячим следам событий³⁶⁷. Удары безобразовцам наносились как слева, так и справа. К примеру, обвинения в их адрес прозвучали и от В.П. Мещерского («Гражданин». 1905. №41). В.М. Вонлярлярский обратился к министру двора за разрешением привлечь издателя к суду, но 4 июня 1905 г. получил ответ, что это нежелательно³⁶⁸. Лидер группы – А.М. Безобразов – с началом русско-японской войны отбыл за границу и находился там до 1905 г. Вряд ли оказалось простым совпадением то, что только с его возвращением началась активная контрпропагандистская деятельность безобразовцев. В газетах появились статьи с изложением их позиции. Одной из первых стала публикация А.И. Гиппиуса в газете «Слово» 1 июня 1905 г.³⁶⁹ Это была несомненная кампания, так как вслед за этой статьёй появились материалы и в других газетах (10 июня 1905 г. – «Свет», 11 июня 1905 г. – «Новое время» и др.)³⁷⁰. Тем не менее, её размах вряд ли устраивал авторов «нового курса» дальневосточной политики, но им приходилось сдерживать свою активность: Николай II в мае 1905 г. приказал А.М. Безобразову молчать³⁷¹, а на жалобу В.М. Вонлярлярского, что их травят в печати, и просьбу позволить возразить, царь ответил отказом, распорядившись принять сочинение отставного полковника для его рассмотрения в собственной канцелярии³⁷². Самодержца можно понять: открытое обсуждение в печати обстоятельств, предшествовавших войне с Японией, проливало неприглядный свет на всех без исключения участников тех событий.

Наоборот, «негласная» полемика получила значительное развитие. К лету 1905 г. по поручению Николая II уже было составлено несколько записок, посвящённых причинам русско-японской войны. В частности, начальник военно-

³⁶⁷ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист... С.18–21.

³⁶⁸ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.159.

³⁶⁹ Гиппиус А.И. Причины наших бед и наша печать // Слово. 1905. 1 июня. К этому времени он уже подготовил книгу «О причинах нашей войны с Японией», где делался предупредительный залп по всем критикам внешнеполитической политики. А.И. Гиппиус торопился: «тут вся важность в быстроте помещения, ибо теперь работают трения против выпуска моей книги» (А.И. Гиппиус – Н.Н. Перцову 28 мая 1905 г. // ОР ИРЛИ. Ф.273. Оп.2. №202).

³⁷⁰ Но практически одновременно пошли и иные статьи. Например, в «Новом времени» уже 12 июня 1905 г. (№10515) выступил С.К. Глинка-Янчевский с обвинением безобразовцев в авантюризме.

³⁷¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность... С.66.

³⁷² В.М. Вонлярлярский – Николаю II 7 июля 1905 г. // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.782. Л.8–8а. Он сообщил царю, что очерк готов, и предложил обнародовать его от имени какого-либо незаинтересованного лица, дабы остановить в прессе поток обвинений безобразовцев в том, что это они развязали войну. Но согласия он не получил (Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.153–155).

походной канцелярии царя О.Б. Рихтер изобразил их как итог длительного процесса, который привёл к непредотвращаемому конфликту, и выделил ряд обстоятельств, способствовавших этому. В частности, он причислил к ним захват Порт-Артура (но виноватых в этом автор сделал китайцев) и оккупацию Маньчжурии из-за боксёрского восстания. О.Б. Рихтер полагал, что Петербургу следовало бы энергичнее укреплять Порт-Артур в военном отношении, а флот по-прежнему держать во Владивостоке. Парадоксальным образом у сановника получилось, что за войну не несут ответственность ни С.Ю. Витте, ни безобразовцы, так как концессия на р. Ялу оказывалась ни при чём, не более, чем мелким эпизодом в дальневосточной политике³⁷³. Помимо О.Б. Рихтера свою записку составил В.П. Череванский. Она оставляет странное впечатление. Автор решил обозреть историю русско-китайских отношений с XVI в., делая это весьма обстоятельно, но дойдя до рубежа XIX–XX вв. внезапно утратил дотошность, сбившись на беглый и поверхностный рассказ. События 1903 г. у него сведены в основном к деятельности товарищества на р. Ялу, которую он, в отличие от О.Б. Рихтера, оценил негативно: неясная коммерческая сторона предприятия, неоправданно широкий размах дела, а в общем – вывод, что для создания нейтральной зоны в Корее товарищество действовало скорее во вред, чем во благо. Складывается впечатление, что таким экскурсом в историю В.П. Череванский желал уклониться от оценки причин и поиска виновников русско-японской войны. К определённым заключениям он так и не пришёл, выводы его носят осторожный характер³⁷⁴.

С запиской В.П. Череванского ознакомили А.М. Абазу и И.П. Балашёва. Они представили свои возражения (нельзя сказать, что убедительные). Контр-адмирал упирал на то, что ответственность за русско-японскую войну должно также нести Министерство иностранных дел и придирался к отдельным формулировкам³⁷⁵. И.П. Балашёв в основном опровергал неточности в деталях³⁷⁶.

По-видимому, царь, не удовлетворённый этой «литературой», поручил разобрать записку В.М. Вонлярлярского и выявить причины русско-японской войны специальной комиссии. В её состав вошли те же лица: О.Б. Рихтер

³⁷³ Записка [О.Б. Рихтера] о том, как он понимает причины, приведшие к русско-японской войне, б/д. // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1039. Л.1–4 (автограф), 5–8 (машинописная копия).

³⁷⁴ «Обзор Череванского» // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1040. Л.1–39. К осени 1905 г. записка была размножена типографским способом: Череванский В.П. Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооружённому столкновению России с Японией // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.190; РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1039.

³⁷⁵ РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1040. Л.39–44.

³⁷⁶ Письмо И.П. Балашёва 28 мая 1905 г. // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1040. Л.44 об. – 49.

и В.П. Череванский, к которым добавили П.Х. Шванебаха. О.Б. Рихтер требовал документы³⁷⁷, над которыми комиссия трудилась с июля 1905 г. по апрель 1906 г., но она так и не пришла к нужному безобразовцам заключению, что в предприятии на р. Ялу не было частных интересов³⁷⁸. Итоги её работы оказались у Николая II 24 мая 1906 г. Признав предприятие на р. Ялу политическим, комиссия одновременно отметила, что в тот момент безобразовцы были более всего заинтересованы в оправдании собственных действий, что вело «к омрачению ведомственной деятельности»³⁷⁹. «Виноватые» возражали, утверждая, что их предприятие никакой роли в событиях на Дальнем Востоке не сыграло³⁸⁰. В результате расследование не имело никаких последствий, но все члены безобразовской группы исчезли из политики и никогда более в неё не возвращались (разумеется, это не коснулось их высоких покровителей).

Материалы же в защиту безобразовцев появлялись в печати и дальше. В 1906 г. в журнале «Море»³⁸¹ в двух номерах (43 и 44) была опубликована статья Ю.С. Карцова «О причинах нашей войны с Японией. Кто виноват?», выпущенная также и отдельным оттиском. Опираясь на документы, автор взвалил всю вину на С.Ю. Витте и его политику, утверждая, что её ошибочные контуры, в частности, ставка на завоевание рынков, сформировались до появления безобразовцев на политической сцене. Он оправдывал их действия также тем, что группа, по его мнению, не имела реальной власти, которая находилась исключительно в руках министров. А.М. Безобразов – «русский Сесиль Родс» – выступал всего лишь за военное усиление России

³⁷⁷ Переписку О.Б. Рихтера о предоставлении документов см.: РГИА. Ф.1591. Оп.1 (Т.XVI). Д.1. О.Б. Рихтер получил распоряжение царя, по-видимому, в конце июля 1905 г., так как 25 июля он уже ссылался на данное ему поручение (О.Б. Рихтер – В.П. Череванскому 25 июля 1905 г. // Там же. Л.3). Членам комиссии представили переписку В.К. Плеве с безобразовцами, хранившуюся тогда в Собственной Его императорского величества канцелярии (сейчас – РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759–761), 12 дел из Министерства финансов, а также другие документы.

³⁷⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность... С.66. В.М. Вонлярлярский представил дело так, что О.Б. Рихтер понял, кто был истинным виновником войны (С.Ю. Витте!), но разоблачить графа в тот момент не мог (Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.160).

³⁷⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и издательская деятельность... С.67.

³⁸⁰ Объяснения по заключению контр-адмирала Абазы и обер-егермейстера Балашёва на «Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооружённому столкновению России с Японией» // РГИА. Ф.1591. Оп.1 (Т.XVI). Д.1. Л.69а.

³⁸¹ Этот журнал издавал Н.Н. Беклемишев (1857–1917) – генерал-майор по Адмиралтейству, секретарь великого князя Александра Михайловича, председатель «Лиги обновения флота».

на Дальнем Востоке, и не его беда в том, что здоровые начинания не поддерживали финансисты из круга Русско-Китайского банка: ведь за А.Ю. Ротштейном стоял клан Ротшильдов³⁸².

С 1 января по 16 мая 1906 г. в малоизвестной газете «Голос правды» (издавалась с 4 ноября 1905 г. под редакцией известного антисемита В.Р. Мусселиуса), отражавшей взгляды «русских народников» (националистов) появился цикл из 47 статей некоего автора, скрывшегося под псевдонимом «-ло» под общим заголовком «Беседы о русской политике на Дальнем Востоке». Автор сообщил о себе, что хорошо знал Н.Г. Матюнина по службе, когда тот занимал должность пограничного комиссара – т.е. был близок безобразовцам³⁸³. Он и представил их версию событий, уделяя основное внимание действиям России в Корее. «-ло» утверждал, что использует документы (судя по его хорошей информированности, в этом нет сомнений), а также не скрывал, что всё его сочинение – это «обвинительный акт» против С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфа – А.Н. Куропаткина³⁸⁴.

Со своей стороны, С.Ю. Витте подготовил собственную версию происхождения русско-японской войны. Она сводилась к тому, что он как министр финансов вёл правильную политику, а во всём виноваты безответственные личности, получившие влияние на дела. У него получалось, что главный виновник – царь, допустивший этих людей к дальневосточной политике. С.Ю. Витте делал разницу между безобразовцами. Если лидера группы он считал честным, хотя и увлекающимся человеком, то многих из его окружения (В.М. Вонлярлярского, Н.Г. Матюнина) сановник небезосновательно подозревал в стремлении обогатиться за казённый счёт. Разумеется, при жизни С.Ю. Витте и в правление Николая II опубликовать такую версию в полном объёме представлялось невыполнимым. Лишь после смерти графа и революции 1917 г. в печати появились его мемуары, где точка зрения бывшего министра финансов излагалась откровенно и прямо. Несмотря на то, что от описываемых событий они отстояли уже более чем на полтора десятилетия, «Воспоминания» С.Ю. Витте произвели фурор, их перевели на несколько языков (пусть и в сокращённом виде)³⁸⁵. Не удивительно, что версия бывшего руководителя дальневосточной политики на происхождение русско-японской войны стала доминировать, не в последнюю очередь благодаря значительным тиражам его воспоминаний. Можно сказать, что покойный государственный деятель победил своих оппонентов числом.

³⁸² Карцов Ю.С. О причинах нашей войны с Японией. [СПб., 1906]. С.6, 8–9, 13–15, 17.

³⁸³ -ло. Беседы о русской политике на Дальнем Востоке. XXVII // Голос правды. 1906. 4 марта. №77.

³⁸⁴ -ло. Беседы о русской политике на Дальнем Востоке. XLI // Там же. 30 апреля. №132.

³⁸⁵ Подробно об истории публикации мемуаров С.Ю. Витте см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994.

Опубликовать развёрнутые возражения графу сумел только В.М. Вонлярлярский, но он сделал это лишь в 1939 г.³⁸⁶ Впрочем, они не выглядели убедительнее, чем версия С.Ю. Витте. Но к тому времени актуальность полемики упала практически до нулевой отметки. Кроме того, разразившаяся вскоре Вторая мировая война, вероятно, помешала В.М. Вонлярлярскому обнародовать ещё и документальное обоснование своей версии под заголовком «Затемнённая страница русской истории», которое он в своих воспоминаниях называл завершённым³⁸⁷.

Было бы неверно изображать полемику о том, кто виновен в русско-японской войне исключительно с полярной точки зрения: безобразовцы – С.Ю. Витте. Уже тогда появилось немалое количество сочинений, авторы которых обвиняли обе стороны. Например, цикл статей некоего Nemo, опубликованный в еженедельнике «Владивосток» весной 1905 г., в которых автор, прямо не присоединяясь ни к одной из сторон, раскрыл многие обстоятельства появления и деятельности безобразовского лесного предприятия³⁸⁸. Или брошюра бывшего безобразовца Ф.А. Львова, с яростью обличавшего как своих прежних компаньонов, так и С.Ю. Витте³⁸⁹.

Безобразовцы, представлявшие неофициальные, вневедомственные влияния, – для России начала XX века явление не оригинальное. У них были как предшественники (например П.А. Бадмаев), так и многочисленные последователи, самым известным из которых является Г.Е. Распутин и настоящая камарилья как закулисное правительство, располагавшее большей властью, чем официальный кабинет. Дальневосточная политика России перед войной и появление безобразовцев стали одним из важных шагов на пути краха имперской власти в начале XX века. Безобразовцы, с одной стороны, отразили неспособность официального бюрократического аппарата действовать новы-

³⁸⁶ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.250.

³⁸⁷ Там же. С.130 и др.

³⁸⁸ Nemo. Таинственное предприятие. (По поводу письма статс-секретарю А.М. Безобразову). [Владивосток, 1905]. Это изданные отдельной брошюрой статьи из еженедельника «Владивосток», с 14 апреля по 22 мая 1905 г., №14–21.

³⁸⁹ Львов Ф.А. Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб., 1906. Книга представляет собой вопль обиженного участника событий. У автора одинаково виноваты оказались и С.Ю. Витте, проигнорировавший его обращение в 1901 г. о необходимости смены политики на Дальнем Востоке, и безобразовцы, которых он уличал в больших тратах казённых сумм, политическом авантюризме и прямом провоцировании войны с Японией. Ф.А. Львов даже требовал от министра двора В.Б. Фредерика, чтобы царь немедленно удалил концессионеров от себя как государственных преступников (Ф.А. Львов – В.Б. Фредерику 9 июля 1905 г. // РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.905. Л.54–55).

ми методами, используя предпринимательскую деятельность, концессии и т.п. С другой, они показали, что бесконтрольная опора на личный фактор приводит к вовлечению в высокую политику совершенно не пригодных к этому людей. То, что это имело место, – свидетельство институционального кризиса самодержавной власти в России. Применительно к дальневосточной политике России следует признать, что именно безобразовцы внесли решающий вклад в изменение её курса в 1903 г., в провал русско-японских переговоров и таким образом содействовали началу войны.

Приложение

Биографии

А.М. Абаза

Алексей Михайлович Абаза (30 апреля 1853–1915) – племянник министра финансов в 1880–1881 гг. А.А. Абазы, двоюродный брат А.М. Безобразова. С 1873 г. он служил во флоте, в том числе с августа 1879 г. – на Тихоокеанской эскадре, затем, в ноябре 1884 г. стал адъютантом великого князя Алексея Александровича. В 1892 г. он вернулся в строй, получив назначение командиром крейсера «Азов», а 29 ноября 1899 г. возглавил Гвардейский экипаж. Став в апреле 1901 г. контр-адмиралом, А.М. Абаза в ноябре 1902 г. перешёл на должность помощника великого князя Александра Михайловича в Главное управление торгового мореплавания, здесь и состоялось его знакомство с безобразовцами. В 1903–1905 гг. он – управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока, а 10 октября 1903 г. был назначен его членом. Сам комитет никогда не собирался и существовал лишь на бумаге. Действовала лишь его канцелярия, причём А.М. Абаза как её начальник имел право всеподданнейшего доклада – редкая привилегия для чиновника его ранга.

Пик влияния А.М. Абазы пришёлся на 1904 г., когда он фактически единственным из безобразовцев активно участвовал в разработке ряда вопросов, связанных с послевоенным устройством Дальнего Востока (естественно, после победы русского оружия, которая не ставилась под сомнение). В конце 1904 – начале 1905 гг. А.М. Абаза занимался также поисками и приобретением за границей судов для усиления русского военного флота. Через каких-то сомнительных посредников он подыскал 4 чилийских броненосца весьма сомнительного качества, которые предлагалось приобрести за 58 млн. руб. Для совершения сделки контр-адмирал отправился инкогнито в Париж, однако посредники так и не прибыли на встречу, а во французских газетах появилось

его фото и адрес отеля, где незадачливый спаситель отечества остановился³⁹⁰. Разумеется, о деятельности А.М. Абазы были хорошо осведомлены японцы.

Должность А.М. Абазы упразднили вместе с ликвидацией наместничества 8 июня 1905 г. Потеряв её, он, тем не менее, получил годовое содержание в 12 тыс. рублей. Окончательно со службы А.М. Абаза был уволен 11 января 1910 г. с производством в вице-адмиралы. После этого он долго болел, перенёс тяжёлую операцию. А.М. Абаза был женат на Наталии Фёдоровне Васильковой, у них было 8 детей (5 мальчиков и 3 девочки), которые родились с 1887 по 1903 г.³⁹¹

И.П. Балашёв

Иван Петрович Балашёв (1842–1924), камергер, видный деятель российского Красного Креста, познакомился с А.М. Безобразовым в начале 1903 г., когда тот прибыл в Порт-Артур. Они тут же сошлись во взглядах на дальневосточную политику России, а отставной полковник ещё и пообещал И.П. Балашёву поддержку в его заботах по строительству санатория на Квантуре. Сам камергер оказался на Дальнем Востоке весной 1901 г. в связи с поручением императрицы Марии Фёдоровны организовать там деятельность Красного Креста³⁹². До того он участвовал в завоевании Средней Азии, в частности – в ахалтекинской экспедиции М.Д. Скобелева 1880 г.

Активная деятельность И.П. Балашёва в безобразовском предприятии началась в летом 1903 г., когда он возглавил лесопромышленное общество на р. Ялу (открыто А.М. Безобразовым во время его поездки на Дальний Восток в начале 1903 г., первое время им руководил А.С. Мадритов, которого и сменил И.П. Балашёв в июне 1903 г.). И.П. Балашёв не имел представления о том, как вести коммерческую деятельность, поэтому ему в помощники А.М. Безобразов отрядил «коммерсанта» А.Л. Животовского. И.П. Балашёв же занялся «политической» частью «лесопромышленного» общества.

Даже на фоне безобразовцев формальный глава их дальневосточного предприятия выглядел ястребом. Он выступал категорически против вывода русских войск из Маньчжурии, предлагая немедленно присоединить её к России,

³⁹⁰ Коковцов В.Н. Указ. соч. С.73–75. В рассказе В.Н. Коковцова спутаны даты. Он относит поездку А.М. Абазы в Париж к марту–апрелю 1905 г. Впрочем, не исключено, что этих поездок было несколько. А.Г. Булыгин докладывал Николаю II о посещении А.М. Абазой Парижа в конце января – начале февраля 1905 г. и что он приобрёл за границей несколько транспортных судов (всеподданнейший доклад А.Г. Булыгина 2 февраля 1905 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.62).

³⁹¹ Формулярный список А.М. Абазы // РГА ВМФ. Ф.406. Оп.9. Д.3.

³⁹² Балашёв И.П. Русско-японская война // Архив СПб ИИ РАН. Ф.115. Оп.1. №1167. Л.59–60.

ликвидировать высшую китайскую администрацию и захватить контроль над таможнями. Корею он видел временно независимым королевством и намеревался не допускать туда японцев ни под каким видом³⁹³. Вообще же первоначально его планы простирались гораздо шире: И.П. Балашёв намеревался присоединить к России также и Западный Китай, Восточный Туркестан, Тибет, Монголию, а Японию он предполагал удовлетворить Кореей³⁹⁴. Добиваться своего следовало, по его представлению, силовым путём: сосредоточить на Квантуне внушительный армейский кулак и тихоокеанскую эскадру, чтобы отбить у потенциальных конкурентов желание закрепиться в Китае³⁹⁵.

После бесславного завершения безобразовского предприятия И.П. Балашёв безуспешно писал многочисленные послания нескольким премьер-министрам и Николаю II, давая им непрошенные политические советы. Кажется, они редко воспринимались всерьёз. Он не отступил от своего обычая и после свержения монархии и – что удивительно – при Советской власти, продолжая писать уже в адрес В.И. Ленина³⁹⁶. И.П. Балашёв оставил немалые по объёму воспоминания, где касался своего участия в деятельности лесопромышленного товарищества, впрочем, они малоинформативны и скучны.

А.М. Безобразов

Безобразовы – известная дворянская фамилия в России. Отец А.М. Безобразова – Михаил Александрович – дослужился до действительного статского советника и камергера, в 1873–1875 гг. был петербургским уездным предводителем дворянства. Не удивительно, что его сын Александр (род. в 1855 г.) окончил в Пажеский корпус, а затем попал на службу в Кавалергардский полк. Кавалергарды являлись едва ли не самым привилегированным и «дорогим» полком и отличным местом для блестящей карьеры (другой сын М.А. Безобразова – Владимир – дослужился до полного генерала, командовал войсками гвардии в Первую мировую войну). Несмотря на личное расположение командира полка графа А.П. Игнатьева и быстрое продвижение по службе (уже в 1877 г. он был полковым квартирмейстером), военная карьера А.М. Безобразова вскоре завершилась. В 1881 г. он стал

---

³⁹³ Два черновика записок И.П. Балашёва Николаю II, б/д. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.101. Л.20–26; И.П. Балашёв – Е.И. Алексееву 16 октября 1903 г. // Там же. Л.1–4; записка И.П. Балашёва Е.И. Алексееву 5 ноября 1903 г. // Там же. Д.212. Л.1–8.

³⁹⁴ Записка И.П. Балашёва о русской политике в Китае (черновик) [1901 г.] // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.26–30.

³⁹⁵ Черновик записки И.П. Балашёва Николаю II, б/д. // Там же. Д.101. Л.25–25 об.

³⁹⁶ «От всего Вами затеянного останутся лишь груды развалин...» Обер-егермейстер императорского двора предостерегает председателя Совнаркома // Источник. 1993. №5/6. С.18–23.

видным членом «Святой дружины» – псевдотайной организации, задуманной её основателями (И.И. Воронцов-Дашков, Р.А. Фадеев) для борьбы общества с революционным движением и консолидации правых сил. Являясь также другом одного из лидеров «Дружины» П.П. Демидова-Сан-Дonato, А.М. Безобразов состоял членом Исполнительного комитета «Дружины» и одновременно – попечителем петербургской железнодорожной агентуры³⁹⁷. Вообще кавалергардов в «Дружине» насчитывался не один десяток, но А.М. Безобразов занял исключительную позицию, став доверенным лицом главы «Дружины» И.И. Воронцова-Дашкова – влиятельнейшего сановника, министра двора. Близкие отношения с графом А.М. Безобразов поддерживал всю жизнь, он сыграл решающую роль в его будущей политической биографии.

После бесславного роспуска «Дружины» в 1882 г. А.М. Безобразов оказался в Главном управлении государственного коннозаводства, возглавлял которое всё тот же И.И. Воронцов-Дашков, а в 1884 г. – в штате Императорской охоты. Но служба в столице незаладилась, в 1886 г. А.М. Безобразов уехал в Иркутск чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири А.П. Игнатъеве (своём бывшем полковом командире). Скучные служебные обязанности (контроль продовольственных магазинов (запасов)) по-видимому, не удовлетворили А.М. Безобразова. Вскоре он оставил государственную службу, устроившись на «тёплое» место директора крупного Абаканского железоделательного завода, несмотря на полную некомпетентность и неопытность в делах³⁹⁸. Позднее А.М. Безобразов занялся хозяйством в семейных имениях (у его жены – Екатерины Николаевны, урождённой княгини Хованской³⁹⁹ – имелось более 5 тыс. десятин земли в Тамбовской губернии, а всего по России – свыше 17 тыс.). Сохранилась его переписка с управляющим имением в Хлыстове за 1895–1896 гг., в которой бывший кавалергард выглядит типичным помещиком, ищущим кредитов и пытающимся поднять доходность своего хозяйства развитием винокурения (в частности, получением спирта из картофеля), животноводства и т.п.⁴⁰⁰ Зимы он проводил вместе с семьёй в Швейцарии, эта привычка сохранилась у А.М. Безобразова и в дальнейшем.

³⁹⁷ Сенчакова Л.Т. «Священная дружина» и её состав // Вестник МГУ. Серия IX «История». 1967. №2. С.71, 73; Лемке М.К. Святая Дружина // ОР ИРЛИ. Ф.661. Оп.1. №16. Л.117–118, 667, 1624, 1627 и др.

³⁹⁸ Кулаев И.В. Под счастливой звездой (воспоминания). Тяньцзинь, 1938. С.194.

³⁹⁹ У них было двое детей: Михаил (род. 13 января 1890 г.) и Александр (род. 5 ноября 1894 г.). Об их судьбе мне ничего не известно (формулярный список А.М. Безобразова // РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12120).

⁴⁰⁰ РГИА. Ф.648. Оп.1. Д.110.

Незаурядный темперамент, предприимчивость не давали А.М. Безобразову сидеть спокойно. Отставной офицер с лёгкостью брался за любое дело. В 1892 г. он принял активное участие в борьбе с голодом⁴⁰¹. В 1893 г. А.М. Безобразов носился с идеей создания хлебного синдиката для придержания зерна от быстрой продажи осенью и последующего повышения на него цены, а также заинтересовался русско-французским сближением, в котором он почему-то усматривал симпатии французов к Александру III и порядкам в России⁴⁰². В 1893 г. неутомимый А.М. Безобразов послал И.И. Воронцову-Дашкову свою записку «Обзорные памятки», посвящённую состоянию сельского хозяйства в России⁴⁰³. Причиной экономического оскудения как крестьян, так и помещиков автор считал низкую интенсивность хозяйства⁴⁰⁴. Вину за это А.М. Безобразов возлагал на общину – «бесспорно антикультурный порядок, фундаментально истощающий землю». Он называл её «компанией на вере и без веры и доверия членов между собой»⁴⁰⁵ и видел в ней главный тормоз для улучшения быта крестьян⁴⁰⁶. Из этого автор сделал естественный вывод о необходимости устранения общины как экономической организации⁴⁰⁷. А.М. Безобразов выступал за свободу отчуждения земли, призывал не бояться пауперизации деревни⁴⁰⁸.

Записка А.М. Безобразова написана нудным, скучным языком, в ней нет фактического материала, подтверждающего рассуждения автора, зато немало противоречий, путанных и сбивчивых рассуждений. Тем не менее, из текста можно получить общее представление о взглядах А.М. Безобразова: он хотел бы добиться изменений в положении деревни исключительно за счёт некоторых экономических преобразований при сохранении социального строя и властных структур.

Интересно, что основные позиции А.М. Безобразова перекликаются с мнениями И.И. Воронцова-Дашкова, высказанными в его официальной записке «К соображениям министра финансов по поводу суждений, высказанных по вопросу о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель» (1893 г.)⁴⁰⁹. Граф расценивал общину как тормоз в развитии сельского хозяй-

⁴⁰¹ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 20 января 1892 г. // ОР РГБ. Ф.58. Раздел I. К.6. №2. Л.1–2.

⁴⁰² А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 6 августа и 11 октября 1892 г. // Там же. Л.6–7, 11–13)

⁴⁰³ Там же. К.53. №6.

⁴⁰⁴ Там же. К.6. №2. Л.42–43, 50.

⁴⁰⁵ Там же. Л.27 об., 30 об.

⁴⁰⁶ Там же. Л.28 об., 31 об. – 32.

⁴⁰⁷ Там же. Л.50.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ ОР РНБ. Ф.781. Оп.1. №369. Л.29–44.

ства и заявил, что её следует преобразовать: «Я лично, ничего не имея ни против общины как административной единицы, ни против общины как землевладельца, всегда был и буду противником общинного землепользования»⁴¹⁰. Однако И.И. Воронцов-Дашков, так же, как и А.М. Безобразов, отказался дать взамен «какой-либо проект поземельного устройства крестьян»⁴¹¹. Похоже, что взгляды министра двора складывались не без влияния его давнего корреспондента. Вероятно, граф использовал записку А.М. Безобразова для составления своей, с которой он выступил в Государственном совете во время полемики о судьбе общины⁴¹².

Более широко взгляды А.М. Безобразова представлены в другом его сочинении: «Конспект для записки, излагающей основы для русской национальной программы» (сентябрь–октябрь 1905 г.)⁴¹³. По жанру это скорее заявление о политическом охранительстве автора, одобренное некоторым количеством нелепостей и ничем не подтверждённых замечаний. Нет нужды пересказывать его разрозненные и необоснованные высказывания о России, вроде того, что в ней вообще отсутствует общественный строй и т.д.⁴¹⁴ Тем не менее, будущее русского народа он связывал исключительно с верой в самодержавие и сплочением вокруг него⁴¹⁵. Выступая охранителем самодержавных начал, А.М. Безобразов усматривал в них лишь один недостаток – отсутствие у царя беспристрастной и полной информации о положении дел. Чтобы его исправить, следовало привлечь выборных от народа для законосовещательной деятельности и обеспечить непосредственное общение царя с этим представительством без бюрократического средостения – взгляды, типичные для умеренно-правых кругов в то время⁴¹⁶.

В середине 1890-х гг. ещё ничто не свидетельствовало о будущих авантюрах А.М. Безобразова и его взлёте. В 1895 г. он увлёкся строительством на Балтийском заводе экспериментального быстроходного суда, в котором видел средство, дающее «нашей политике самостоятельность» и способ овладения (!) черноморскими проливами: «Казачество и минное дело – это наше реше-

---

⁴¹⁰ Там же. Л.29 об.

⁴¹¹ Там же. Л.43.

⁴¹² Подробнее об этом см.: Ананьич Б.В. Политика царизма в крестьянском вопросе // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.55–57; Лукоянов И.В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреформам»? // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти Валентина Семёновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьёва. СПб., 1999. С.250–254.

⁴¹³ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.12.

⁴¹⁴ Там же. Л.3.

⁴¹⁵ Там же. Л.9

⁴¹⁶ Там же. Л.9 об. – 10.

ние пресловутого восточного вопроса в Европе»⁴¹⁷. Одновременно А.М. Безобразов развил кипучую деятельность по изготовлению морских дисковых снарядов. Здесь у него нашёлся союзник в лице генерала П.З. Костырко. За помощью отставной гвардеец обращался и к И.И. Воронцову-Дашкову, и в Морское и Военное министерства, но поддержки оттуда не получил⁴¹⁸.

Формулярный список отразил внезапно состоявшееся в 1895 г. стремительное восхождение А.М. Безобразова по гражданской табели о рангах. В апреле 1894 г. он был ещё коллежским ассессором. С июля по октябрь 1895 г. он прошёл путь от надворного (VII класс) до статского советника (V класс)⁴¹⁹. Схожая ситуация возникла с другим безобразовцем – Н.И. Непорожневым. Это могло быть связано с готовившейся и обсуждавшейся реформой чинов и наград – созданием специального комитета, который бы получил эти вопросы в своё исключительное ведение. И.И. Воронцову-Дашкову, намеревавшемуся возглавить дело, требовались люди, которым граф мог бы доверять. Одним из таких сотрудников оказался, по-видимому, его бывший подчинённый. Показательно, что после отстранения И.И. Воронцова-Дашкова от власти (это произошло 6 мая 1897 г.) 27 июня 1898 г. А.М. Безобразов стал действительным статским советником (IV класс) и одновременно уволился со службы. Вершиной его карьеры явилось триумфальное возвращение и назначение статс-секретарём (6 мая 1903 г.), а также включение в состав Особого комитета Дальнего Востока (15 октября 1903 г.), куда по должности входили лишь министры. Себя он называл «личным секретарём барина» и видел уже спасителем Отечества: «Я стою один и против меня всё, что связано со старыми порядками, шипит и готово меня растерзать, у меня план и программа есть, есть решимость вырвать нашу государственную и общественную жизнь из болота, но будет ли на это благословление свыше, не знаю»⁴²⁰.

Характеристики А.М. Безобразова как человека, оставленные разными людьми, более или менее схожи. С.Ю. Витте, И.И. Воронцов-Дашков и др. видели в нём порядочного, но увлекающегося человека, окружённого разными негодьями (М.О. Альберт, А.М. Абаза, В.М. Вонлярлярский и др.)⁴²¹. И.П. Балашёв дал своему

⁴¹⁷ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 8 октября 1895 г., 23 июля и 6 мая 1897 г. // ОР РГБ. Ф.58. Раздел 1. К.6. №2. Л.14, 16 об., 17 об., 18 об.

⁴¹⁸ А.М. Безобразов – И.И. Воронцову-Дашкову 26 января 1897 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д. 1371. Л.2–3.

⁴¹⁹ Формулярный список А.М. Безобразова // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.11; Оп.4. Д.12120; Ф.1337. Оп.1. Д.92.

⁴²⁰ Цит. по: Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. №2. С.213.

⁴²¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.491; С.Ю. Витте – П.Д. Святополк-Мирскому 1 сентября 1904 г. // ГАРФ. Ф.1729. Оп.1. Д.490. Л.3; Балашёв И.П. Записки о русско-японской войне // Архив СПбИИ РАН. Ф.115. Оп.1. №1167. Л.120.

близкому соратнику такую характеристику: «Нельзя было не признать в нём живого ума в смысле оригинальности и яркости идей, то есть верного суждения о предметах. Но вместе с тем кидалась в глаза и другая черта – я назову “сумбурностью”»⁴²². А.М. Абаза заявил К.П. Победоносцеву: «Его называют хлыщом, – и он точно хлыщ, <...> такой же, каков германский император. Он много говорит всякой бестолковщины, но посреди неё блещут у него гениальные мысли»⁴²³. Жена А.М. Безобразова, не стесняясь, называла мужа на людях сумасшедшим, искренне недоумевая, как он может иметь значение в государственных делах⁴²⁴.

Такой человек в течение нескольких лет имел возможность воздействовать на Николая II, которой активно и небезуспешно пользовался. Многие задумывались о причинах такого странного положения дел. С.Ю. Витте отмечал: «Безобразов имеет какое-то особое роковое влияние на государя. Это подметил ещё покойный Сипягин из перлюстрированных писем»⁴²⁵. Интересную психологическую характеристику А.М. Безобразова дал Б.А. Романов, объяснив значительное доверие самодержца к отставному гвардейскому полковнику особенностями личностей того и другого. Экспрессивный и искренний, всегда уверенный в себе А.М. Безобразов сообщал простые, легко доступные для царя вещи⁴²⁶. Известно, что император испытывал заметную расположенность к таким собеседникам и в какой-то степени поддавал под их обаяние.

Русско-японская война положила конец влиянию А.М. Безобразова. Вернувшись в Петербург весной 1905 г. он сразу попал под шквал критики: пресса вывела его одним из главных виновников конфликта. А.М. Безобразов объявил, что болен и окончательно исчез с политического горизонта. Позднее он вернулся к своим опытам с дисковыми артиллерийскими снарядами и уверял, что его изобретение имеет значение для обороны государства. Однако Морское министерство, проведя экспертизу поделки, ответило автору, что его конструкция неприменима на практике⁴²⁷.

После 1917 г. А.М. Безобразов эмигрировал, последние годы жил в Париже в полной нищете⁴²⁸. Он умер в 1931 г., его прах покоится на известном русском кладбище Сен Женевьев де Буа.

⁴²² Балашёв И.П. Записки о русско-японской войне // Архив СПбИИ РАН. Ф.115. Оп.1. №1167. Л.119 об. – 121 об.

⁴²³ К.П. Победоносцев – С.Ю. Витте 23 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп. 1. Д.694.

⁴²⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.491

⁴²⁵ С.Ю. Витте – П.Д. Святополк-Мирскому 13 сентября 1904 г. // ГАРФ. Ф.1729. Оп.1. Д.490. Л.3.

⁴²⁶ Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу... С.446.

⁴²⁷ А.М. Безобразов – П.А. Столыпину 12 января 1909 г.; С.А. Воеводский – П.А. Столыпину 24 января 1909 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.739. Л.18–21, 30.

⁴²⁸ Коковцов В.Н. Указ. соч. С.48.

К.И. Вогак

Константин Ипполитович Вогак (род. в 1859 г.) окончил Николаевское кавалерийское училище, позже – Академию Генерального штаба, с 1892 г. служил военным агентом в Китае. Его отличали многие достоинства: знание трёх европейских языков, обширные знакомства, умение ладить с посланником А.П. Кассини, что было непросто. Однако их продолжением являлись серьёзные недостатки: К.И. Вогак был склонен увлекаться политическими вопросами и вмешиваться в них, несмотря на то, что не имел достаточной компетенции⁴²⁹. Во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. К.И. Вогак состоял при японской армии и посылал в Петербург обстоятельные донесения о ходе боевых действий. Он оказался одним из немногих, кто тревожился при виде растущей боевой мощи японской армии и призывал относиться к ней со всей серьёзностью. Уже в 1896 г. К.И. Вогак выступил оппонентом С.Ю. Витте в связи с планами строительства КВЖД: он поддержал С.М. Духовского, настаивавшего на северном варианте дороги (Цурухайтуй–Благовещенск) вместо южного, предложенного министром финансов. В 1896 г. К.И. Вогак сопровождал посольство Ли Хунчжана в Россию, в 1897 г. он вернулся на Дальний Восток. После занятия Порт-Артура К.И. Вогак одно время служил начальником штаба войск Квантуна, весной 1899 г. он вернулся в Тяньцзинь к своим обязанностям военного агента⁴³⁰. С безобразовцами К.И. Вогак сблизился осенью 1902 г. в связи с лесной концессией в Корее: американцу Л. Хунту, который был его приятелем, предложили участие в предприятии, на что предприниматель согласился⁴³¹. О деятельности К.И. Вогака более подробно говорится в докладе Х. Вада (Wada H. Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan), представленном на международном симпозиуме “World War Zero” (университет Кейо, Токио, 22–25 мая 2005 г.).

В.М. Вонлярлярский

Владимир Михайлович Вонлярлярский (18 октября 1852 г., Петербург – 1940, Берлин) также происходил из родовитой дворянской фамилии. Он окончил Александровский лицей, затем начал военную карьеру в Кавалергардском полку. В.М. Вонлярлярский быстро продвигался по службе, в 1872 г. по высочайшему повелению был произведён в поручики, перескочив по старшинству через 11 человек. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В.М. Вонлярлярский – ординарец у главнокомандующего велико-

⁴²⁹ Коростовец И.Я. Воспоминания // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.3. Л.78; Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 1 марта 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.10. Л.74–76.

⁴³⁰ Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. СПб., 1903. С.31–32.

⁴³¹ Н.Г. Матюнин – А.М. Безобразову 23 октября 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.113. Л.167–168.

го князя Николая Николаевича⁴³², а после войны – один из его адъютантов. К началу 1880-х гг. он дослужился до полковника, перед ним открывались блестящие перспективы. Но в 1881 г. офицер был вынужден уйти в отставку после женитьбы на бывшей супруге своего старшего брата Надежде Семёновне Голенищевой (шафёром на свадьбе был А.М. Безобразов) и удалиться в имение в Новгородской губернии. Там В.М. Вонлярлярский жил в роскоши, увлекался охотой и общественной деятельностью⁴³³. Отставной офицер был почётным мировым судьёй Крестецкого уезда Новгородской губернии (с 1884 г.), служил в земстве (1895–1901 гг.), являлся одним из учредителей и председателем Северного общества сельского хозяйства, где они «подняли вопрос о вреде “общинного” хозяйства и “трёхполя” и о необходимости перейти на “отруба”»⁴³⁴. На основании этих разговоров В.М. Вонлярлярский позднее заявил себя предшественником П.А. Столыпина. Делец по складу характера, он активно занялся предпринимательством. В Петербурге богатый помещик имел две ткацкие фабрики, интересовался концессиями на добычу золота на Урале и на Чукотке.

Благодаря предпринимательской деятельности В.М. Вонлярлярский установил контакты с крупными бюрократами. В 1896 г. он принял активное участие в борьбе с забастовкой текстильщиков в Петербурге, действуя заодно с петербургским градоначальником Н.В. Клейгельсом. Через него В.М. Вонлярлярский подал И.Л. Горемыкину записку о необходимости перевода фабричной инспекции из Министерства финансов в Министерство внутренних дел, предвосхитив аналогичные действия В.К. Плеве. Но министр положил записку под сукно, вероятно не желая ссориться с всеильным тогда С.Ю. Витте.

В 1900 г. В.М. Вонлярлярский начал собственное дело по добыче золота на Чукотке. Он взял у Министерства земледелия и государственных имуществ в аренду весь полуостров сроком на 5 лет с исключительным правом разведки и добычи полезных ископаемых⁴³⁵. Несмотря на предварительные данные, по-

⁴³² Об этом В.М. Вонлярлярский издал книгу «Воспоминания ординарца о войне с Турцией 1877/8 гг.» (СПб., 1891). В 1899 г. она была переведена на французский язык и издана в Париже.

⁴³³ В частности об этом см.: Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. №2. С.98–99.

⁴³⁴ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.113–114.

⁴³⁵ Документы об учреждении товарищества см.: РГИА. Ф.1102. Оп.2. Д.1234. В середине января 1900 г. В.М. Вонлярлярский обратился в Министерство земледелия и государственных имуществ с предложением снарядить экспедицию на Чукотку в поисках месторождений золота. Условия В.М. Вонлярлярского были приняты Комитетом министров 11 апреля 1900 г.: ему предоставили право добычи любых ископаемых, беспрошленный ввоз на Чукотку любого снаряжения, пятилетний срок на проведение разведки. В 1900–1901 гг. В.М. Вонлярлярский снарядил две экспедиции, показавшие наличие золота (1,5 золотника на

лученные американцами, золота там нашли мало, В.М. Вонлярлярский понёс одни убытки. Чтобы как-то компенсировать их, он в 1902 г. учредил Северо-Восточное Сибирской общество, которому продал свои права и которое занялось добычей угля и ловлей рыбы в Охотском море. В целом же предпринимательская деятельность В.М. Вонлярлярского оказалась неудачной: с начала 1880-х гг. по 1906 г. он целиком промотал состояние своей жены, составлявшее свыше 2 млн. руб.⁴³⁶

В.М. Вонлярлярский был нечист на руку. Об этом есть немало свидетельств. Самое громкое – это уголовный процесс по обвинению дельца в подлоге завещания князя Б. Огинского на имя своего сына (1911 г.). Несмотря на то, что В.М. Вонлярлярского не признали виновным, материалы дела свидетельствуют о его причастности к подлогу⁴³⁷. От предания суду бывшего кавалергарда спасло повеление Николая II предать дело забвению.

Верный себе, В.М. Вонлярлярский продолжал заниматься сомнительными сделками и после падения самодержавия. В конце 1917–1918 гг., уже при большевиках, он стал деловым партнёром К.И. Ярошинского по скупке акций крупнейших русских банков и некоторых промышленных предприятий на деньги английского правительства⁴³⁸. В конце 1917 г. у него на квартире некоторое время скрывался от большевиков бывший председатель III и IV Государственных дум М.В. Родзянко.

До середины 1920-х гг. В.М. Вонлярлярский жил в Петрограде, он успел даже поучаствовать в историографических баталиях по поводу происхождения русско-японской войны, выступив оппонентом Е.В. Тарле и познакомившись с Б.А. Романовым⁴³⁹. В сентябре 1925 г. ему удалось легально выехать в Германию (свой архив он переправил туда с помощью немецких дипломатов ещё в начале 1920-х гг.). На склоне жизни В.М. Вонлярлярский сумел издать свои воспоминания, обещав добавить к ним документальное сочинение «Затемнённая страница русской истории» (эта книга, правда, так и не вышла в свет).

Схожесть ряда сюжетов из биографий А.М. Безобразова и В.М. Вонлярлярского наталкивает на некоторые обобщения. Служба в Кавалергардском полку была прекрасным трамплином для будущей карьеры, не только по

---

100 пудов песка) (Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905. С.10–12).

⁴³⁶ РГИА. Ф.1652. Оп.1. Д.98. Л.66 об.

⁴³⁷ Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.3, 64.

⁴³⁸ Подробнее см.: Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.226–232; Фурсенко А.А. Концерн К.И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С.268–270.

⁴³⁹ Вонлярлярский В.М. Указ. соч. С.240–241.

военной части. Те, кто покинули полк по разным причинам (семейным – В.М. Вонлярлярский, иной деятельности – А.М. Безобразов), не исключались из системы своеобразной номенклатуры. Находя удовлетворение своему честолюбию в иных формах, они нередко уходили в общественную деятельность, в предпринимательство. Не удивительно, что в такой среде на традиционные представления о незыблемости и необходимости самодержавия для России и – соответственно – о неизменности в основном словного и политического строя наслаивались типично буржуазные черты – предприимчивость, стремление к выгоде, не стесняясь в средствах и т.п. Эти качества в итоге проявились и в дальневосточной авантюре.

М.А. Гинсбург

Моисей Акимович Гинсбург (1851–1936) был родом из местечка Радзивилово, Волынской губернии. В 1886 г. он вместе с семьёй перебрался в Одессу, откуда вскоре пустился в самостоятельные странствия. Проведя несколько лет в Европе, он добрался до США, а оттуда отправился на заработки в Китай. Но до Срединной империи он не доехал, осев в Иокогаме приказчиком в магазине корабельных припасов. Там ему в голову пришла счастливая идея – заняться поставками необходимого снаряжения для кораблей русской Тихоокеанской эскадры. Так с 1877 г. он стал поставщиком российского флота. На этих операциях М.А. Гинсбург быстро сколотил значительный капитал. Оценки его деятельности расходятся. С одной стороны, моряки утверждали, что снабжал он их отменно, особенно довольно было командование, но с другой, стоимость поставок оказывалась выше той, по которой покупали припасы корабли других стран. Поэтому «патриотизм» М.А. Гинсбурга, который якобы работал только с соотечественниками, имел вполне конкретную цену. Впрочем, сам он утверждал, что далеко не всё попадало в его карман и что он делился с высокими покровителями его дела в Петербурге. Дальневосточный бизнес М.А. Гинсбурга продолжался до русско-японской войны, в 1905 г. он перебрался в Петербург, где вскоре получил известность благодаря благотворительным акциям. Близость к власти он сохранял: так, в 1915 г. участвовал в переговорах о займе для России в США (200 млн. долларов под 6% годовых), но неудачно. После революции и прихода к власти большевиков М.А. Гинсбург эмигрировал во Францию, последние годы жизни провёл в Париже⁴⁴⁰.

⁴⁴⁰ А.Д. М.А. Гинсбург // С эскадрой адмирала Рожественского. Сборник статей, посвящённых двадцатипятилетию похода II-й эскадры Тихого океана. Прага, 1930. С.135–149; Пилипенко А.Н. Моисей Гинсбург – «благодетель, от которого зависел весь наш Тихоокеанский флот» // Из глубины времён. Вып.12. СПб., 2000. С.163–170.

Г.Г. Гинцбург

Гавриил (Габриэль) Горациевич – сын известного еврейского деятеля, барона Г.О. Гинцбурга⁴⁴¹. По некоторым сведениям, Г.Г. Гинцбург находился на Дальнем Востоке с 1885 г., проживал в Шанхае. Возможно, его появление в Китае было связано с деятельностью банкирского дома И.Е. Гинцбурга, который активно участвовал в золотодобывающих предприятиях Восточной Сибири в 1880–1890-е гг. и вложил в них немалые деньги, что послужило одной из главных причин его неустойчивого положения и привлечения крупных кредитов из Государственного банка⁴⁴². Г.Г. Гинцбург неизменно тесно сотрудничал с российскими властями и играл роль тайного агента, выполняя различные негласные поручения. Так, именно ему, а не почте, доверили доставить в Пекин для А.П. Кассини условия соглашения с Китаем о концессии на железную дорогу в Маньчжурии весной 1896 г.⁴⁴³ Однако он не пользовался расположением Министерства финансов. Когда в мае 1897 г. Г.Г. Гинцбург обратился за содействием в получении в Пекине концессии на разработку золотых и других рудников в окрестностях Гирина и Хучуна, то натолкнулся на отказ С.Ю. Витте⁴⁴⁴. За ряд лет Г.Г. Гинцбург установил широкие связи и знакомства на Дальнем Востоке, активно занимался поиском концессий в Корее совместно с представителями американского капитала, одно время выступал в качестве уполномоченного безобразовской лесопромышленной компании в Сеуле. К сожалению, детали его деятельности почти не известны. Редкий случай: барону доверяли как официальные российские власти, так и безобразовцы. А.М. Безобразов объяснял, что в честности и искренности Г.Г. Гинцбурга он убедился во время своего «руководительства охранными действиями при жизни Александра III», прозрачно намекая на членство барона в «Святой дружине»⁴⁴⁵. Однако в списках «Дружины» он не значится⁴⁴⁶. Биографы Гинцбургов, в частности, Г.Б. Слиозберг, вообще не упоминали о деятельности Г.Г. Гинцбурга на Дальнем Востоке, вероятно, скрывая её из-за его тесного сотрудничества с российскими властями.

⁴⁴¹ Согласно книге Г.Б. Слиозберга, Г.Г. Гинцбург постоянно жил в Париже (Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. Париж, 1933. С.145–146).

⁴⁴² Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С.125–126; Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерк истории частного предпринимательства. Л., 1991. С.52–57, 93.

⁴⁴³ Шифрованная записка к письму С.Ю. Витте Д.Д. Покотилову 17 (29) декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.33.

⁴⁴⁴ М.Н. Муравьев – С.Ю. Витте 1 мая 1897 г. и ответ министра финансов 15 мая 1897 г. // Там же. Д.774. Л.15–16.

⁴⁴⁵ А.М. Безобразов – великому князю Александру Михайловичу 20 января 1902 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.20.

⁴⁴⁶ В «Дружину» входил только Гораций Гинцбург (Сенчакова Л.Т. Указ. соч. С.75).

Н.Г. Матюнин

Николай Гаврилович Матюнин (1850–1907) – приятель В.М. Вонлярлярского с детских лет по Александровскому лицее (Н.Г. Матюнин окончил его в 1869 г., В.М. Вонлярлярский – в 1871 г.). После этого он долгое время служил в Восточной Сибири, с конца 1870-х гг. был пограничным комиссаром в Приморской области, затем в 1894 г. его назначили агентом Министерства финансов в Маньчжурии и Корее, но из-за недовольства приморского генерал-губернатора С.М. Духовского эта служба продолжалась недолго. На короткое время (в 1898 г.) Н.Г. Матюнина отправили посланником России в Корею. Нелестную характеристику его дипломатической деятельности дал участник безобразовской экспедиции в Корею 1898 г. лесничий В.А. Тихонов. Новоявленный дипломат показался ему тщеславным, надутым, «при совершенном умственном ничтожестве, полном невежестве и очень потрёпанной этике». То недолгое время, которое В.А. Тихонов имел возможность наблюдать Н.Г. Матюнина, тот с утра до вечера ходил между столом и креслом-качалкой, а всеми вопросами миссии ведал переводчик – чуть ли не японец⁴⁴⁷. Знавший его по службе на Дальнем Востоке В.Е. Флуг полагал, что на желчность и постоянно демонстрируемую скуку чиновника повлияла неудачная женитьба. Впрочем, она не мешала ему быть большим гастрономом⁴⁴⁸.

Несмотря на неважные служебные качества, Н.Г. Матюнин зарекомендовал себя как сторонник энергичной политики в королевстве. Его активность и принадлежность к безобразовской группе, по видимому, и послужили причиной быстрого увольнения, за которым просматривается влияние С.Ю. Витте⁴⁴⁹. Подтолкнуть завершение карьеры новоявленного дипломата могли также его взяточничество, например, вымогательство паёв у М.Д. Нищенского⁴⁵⁰. Н.Г. Матюнину также пришлось вообще покинуть службу, правда, уволен он был 21 июля 1899 г. с повышением в чине до тайного советника и связано это было прежде всего с неудобством держать обладателя, пусть и формального, концессии Бринера в штате ведомства.

В 1903–1905 гг. Н.Г. Матюнин служил помощником А.М. Абазы по делам канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. На этом поприще он получил известность как составитель «Малиновой книги» – скандалного сборника документов, в котором, несмотря на незначительный объём, отразилась вся

⁴⁴⁷ Тихонов В.А. Указ. соч. С.411–412.

⁴⁴⁸ Флуг В.Е. Воспоминания. Ч.1. С 1896 по 15 апреля 1898 г. // ГАРФ. Ф.6683. Оп.1. Д.1в. Л.57.

⁴⁴⁹ По данным формулярного списка, Н.Г. Матюнин ещё 24 ноября 1897 г. был назначен российским консулом в Мельбурн (формулярный список Н.Г. Матюнина // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.2. Л.12–17).

⁴⁵⁰ Подробнее см. главу 5 «Корейская политика России и отношения с Японией».

некомпетентность Н.Г. Матюнина. Тем не менее, за труды в комитете ему пожаловали орден Станислава I степени. 9 июля 1905 г. чиновник, наконец, получил отставку в связи с упразднением Особого комитета Дальнего Востока и наместничества, правда, с необычной формулировкой: «по болезни». Таким образом маскировалась ликвидация весьма одиозного учреждения. В отличие от своих компаньонов, Н.Г. Матюнин являлся состоятельным человеком, его коммерческие интересы были связаны с Кавказом. Н.Г. Матюнин был женат, но детей не имел. Он скончался 18 мая 1907 г. от брюшного тифа.

Н.И. Непорожнев

Николай Иванович Непорожнев также начал свою службу как военный в 1858 г. Но уже через два года перешёл в МВД, где и начал медленное восхождение по табели о рангах. Его биография – это обычный жизненный путь чиновника средней руки. С 1869 г. Н.И. Непорожнев состоял в Министерстве юстиции и занимал должность прокурора в судах нескольких губерний. Пожалуй только два факта из его формулярного списка вызывают интерес: его жена, Екатерина Александровна – урождённая Абаза, и то, что в 1896 г. последовало неожиданное причисление Н.И. Непорожнева, к тому времени уже – действительного статского советника, члена Комитета о службе чинов Министерства юстиции, к Министерству двора с добавочным содержанием в 3000 руб. в год⁴⁵¹. Кажется, со службой в Министерстве юстиции у него было всё в порядке, Н.В. Муравьёв хорошо относился к своему подчинённому. Любопытно, что примерно в это же время начинается стремительное продвижение по службе А.М. Безобразова, которому А.М. Абаза приходился двоюродным братом. Можно предположить, что факт значительных служебных перемен у родственников – звено плана И.И. Воронцова-Дашкова, вероятно, связанного с готовившейся им реформой системы наград и чинов. Уже были приняты решения о создании Инспекторского комитета по наградам при Собственной Его императорского величества канцелярии (указ 9 июля 1892 г.) и передача ему всех представлений о продвижении в чинах (указ 6 мая 1894 г.), Таким образом, вопросы о наградах и движении по службе сосредоточивались в руках министра двора. О политических взглядах Н.И. Непорожнева свидетельствует только его письмо И.Л. Горемыкину 4 октября 1896 г.⁴⁵² В нём Н.И. Непорожнев представил бюрократию главной опасностью для самодержавного строя. В России, по его мнению, следовало оздоровить чиновный мир, чтобы превратить столоначальников «в хранителей существующего порядка». Эта антибюрократическая риторика в общем совпадала с представлениями А.М. Безобразова. Участие Н.И. Непорожнева в безобразовском предприятии можно объяснить исключительно родственными

⁴⁵¹ Формулярный список Н.И. Непорожнева см.: РГИА. Ф.468. Оп.44. Д.932.

⁴⁵² РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.1024. Л.19–20.

связями с кланом Абазы, а потому и с определённым доверием, которое организаторы авантюры испытывали к этому человеку. Оно оказалось эпизодическим, после 1899 г. имя чиновника не мелькало в связи с дальневосточными делами.

С.Н. Сыромятников

Сергей Николаевич Сыромятников (Сигма) (19 сентября 1864 – 10 сентября 1933) был известным нововременским журналистом. Его биография отличалась резкими поворотами. В студенческие годы (будущий публицист поступил в Петербургский университет в 1884 г.) он входил в легальное научно-литературное общество под председательством проф. О.Ф. Миллера и был там вторым библиотекарем (в этом обществе состоял и А.И. Ульянов). Из всех членов общества только С.Н. Сыромятников и А.И. Ульянов были признаны полицией политически неблагонадёжными (С.Н. Сыромятников – лишь отчасти)⁴⁵³. Дело 1 марта 1887 г. послужило причиной того, что С.Н. Сыромятникову пришлось покинуть университет, получить диплом он сумел лишь в 1891 г. С 25 февраля 1891 г. С.Н. Сыромятников числился на службе в Министерстве юстиции (был исключён из списков с 31 декабря 1899 г.). Однако он с 1888 г. занялся журналистикой, сотрудничал сначала в «Неделе», а с 1893 г. – в «Новом времени». Как рассказывал сам С.Н. Сыромятников, до участия в экспедиции 1898 г. он побывал в Китае с посольством князя Э.Э. Ухтомского (в мае–июне 1897 г.), а затем самостоятельно посетил Южный Китай, Японию, Корею. По возвращении в Россию в феврале 1898 г. публицист был приглашён прочитать лекцию о королевстве «в одном очень высоком обществе» (по-видимому, у великого князя Александра Михайловича), которая понравилась. Затем он выступил ещё раз «в одном богатом аристократическом доме» (вероятно, И.И. Воронцова-Дашкова), где и познакомился с участниками будущей экспедиции⁴⁵⁴. После возвращения из Кореи в феврале 1899 г. С.Н. Сыромятников, как он утверждал впоследствии, разошёлся с А.М. Безобразовым⁴⁵⁵, однако всех отношений с этой группой, по-видимому, не порвал. Весной 1904 г. он был направлен с особо секретным письмом к наместнику Е.И. Алексееву в Порт-Артур, вернулся на службу в качестве чиновника особых поручений при наместнике (VI класс) для участия в разработке финансового и местного управления в наместничестве⁴⁵⁶.

⁴⁵³ Рапорт охранного отделения, приложенный к сообщению мин. вн. дел Д. Толстого 31 декабря 1886 г. №12915 // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.:Л., 1927. С.367.

⁴⁵⁴ Тихонов В.А. Двадцать пять лет на казённой службе. (Воспоминания отставного чиновника). Ч.2. СПб., 1912. С.450.

⁴⁵⁵ ОР РГБ. Ф.369. К.347. №18. Л.10.

⁴⁵⁶ Формулярный список С.Н. Сыромятникова // РГВИА. Ф.846. Оп.Т.1. Д.9317. Подробнее см.: автобиография С.Н. Сыромятникова (август 1913 г.) (ОР ИРЛИ. Ф.377. Оп.7. №3471. Л.4–17); Сыромятников Б.Д. «Странные» путешествия и командировки «Сигмы» (1897...1916 гг.). СПб., 2004.

Глава 10. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)

Впервые об истории создания дальневосточного наместничества написал А.В. Ремнёв, посвятив этой теме главу в книге об «имперской географии власти» в Сибири и на Дальнем Востоке России¹. Он обусловил его появление реальными проблемами управления окраиной (межведомственные противоречия, даже конфликты), осложнёнными вмешательством безобразовцев, искавших в создании новой, надминистерской структуры прежде всего средство борьбы с С.Ю. Витте и его «империей». В наместничестве также проявилось царское недоверие министрам и желание монарха создать систему для личного управления дальневосточной политикой через Особый комитет Дальнего Востока и наместника. Тем не менее, А.В. Ремнёв признал, что наместничество «вписывалось в рамки традиционной “окраинной” модели управления»². В общем же автор уделил больше внимания политическим обстоятельствам появления наместничества, чем его конкретной организации.

Традиционно российская восточная окраина имела много особенностей в административном устройстве. В частности, там вместо привычных в европейской части империи губерний существовали области и объединяющие их генерал-губернаторства (картина, типичная для Кавказа и Средней Азии). Сначала столицей всей Восточной Сибири был Иркутск. Идею создания там двух генерал-губернаторств, высказанную ещё в начале 1860-х гг. Н.Н. Муравьёвым-Амурским, осуществили лишь два десятилетия спустя. Приамурское генерал-губернаторство со «столицей» в Хабаровске появилось в 1884 г. В него вошли Приморская область (отошедшая к России в 1860 г. – четыре уезда) и Уссурийское казачье войско; Амурская область (один уезд, два переселенческих подрайона, пять горно-полицейских районов и Амурское казачье войско); Камчатская область (шесть уездов) и Сахалин (два уезда)³. Административное деление и штаты были утверждены 17 мая и 9 июня 1888 г.

¹ Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.358–398.

² Там же. С.398.

³ Сахалин управлялся по особым правилам, утверждённым 30 мая 1894 г.

после обсуждения этого вопроса в Особом совещании. Уже тогда власть полагала необходимым «вообще расширить власть губернаторов в такой степени, чтобы предоставить им достаточную самостоятельность сообразную с характером предстоящей им организаторской деятельности и местными условиями, отличающимися большим разнообразием»⁴. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф выступал за одновременное усиление власти губернаторов (главным образом, через их канцелярии) и ряда учреждений (он, к примеру, предлагал создать губернские советы из авторитетных и независимых людей). Не касаясь деталей обсуждения этого вопроса, надо отметить, что его общий дух призывал к усилению администрации, что находилось в русле общеимперских тенденций. Для Дальнего Востока укрепление единоначальства было призвано противостоять разногласиям ведомств, всё сильнее проявлявшаяся к концу XIX века. Однако реально сделали немного⁵. Петербург не видел решения всех проблем только в концентрации власти. Так, Николай II даже осенью 1897 г. не обратил внимания на очередное предложение приамурского генерал-губернатора централизовать местную власть в регионе⁶.

По-настоящему вопрос об управлении на Дальнем Востоке обострился в связи с занятием Россией Квантунского полуострова и заключением 15 (27) марта 1898 г. договора об его аренде на 25 лет. Статус временно арендуемой территории, её важное стратегическое значение, наличие большого числа местных жителей – подданных другого государства – всё это создавало целый ряд специфических затруднений, решить которые следовало максимально быстро. Сначала управление полуостровом попало в руки военных, а точнее – командующего Тихоокеанской эскадрой Ф.В. Дубасова. Но они видели в Порт-Артуре прежде всего базу для флота и крепость. Генералы были уверены в неизбежности военного конфликта с Японией, поэтому распоряжаться там, по их мнению, следовало одному офицеру, наделённому максимальными полномочиями как в армейских делах, так и по гражданскому управлению. Военный министр А.Н. Куропаткин заявил прямо: «в арендуемой территории мы должны быть полными хозяевами. Военное начальствование на суше и на море, т.е., над сухопутными войсками флотом и всеми военными средствами, а равно и высшее гражданское управление территорией

---

⁴ Печатная записка Департамента общих дел МВД «Об изменениях в устройстве управления в Приморской, Амурской и Забайкальской областях» 14 марта 1888 г. №4562 // Архив СПб ИИ РАН. Ф.257. Оп.1. №14. Л.1.

⁵ Ремнёв А.В. Указ. соч. С.358–359.

⁶ Пометы Николая II на рапорте командующего войсками Приамурского военного округа военному министру П.С. Ванновскому, приложенному к записке «Военная готовность Приамурского военного округа к концу 1897 г.» // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.372. Л.216–216 об.

должно быть обязательно объединено в одном лице, облечённом высшими полномочиями»⁷. Иными словами, всё управление подчинялось интересам подготовки к вероятной войне⁸.

Иного мнения придерживалось Министерство финансов. Там на Ляодунский полуостров смотрели, прежде всего, как на конечный пункт КВЖД⁹. Поэтому отрицательно относясь к хозяйничанию военных на полуострове, ведомство предлагало устроить и обычную администрацию: «учредить нечто вроде консульского управления, назвав заведующего гражданским управлением “генеральным комиссаром” и назначить его из гражданских с подчинением адмиралу»¹⁰. Такой подход поддержал МИД, желавший сохранить «за русскими законами и властью» максимально широкий простор, в том числе и свободу от того, чтобы «придерживаться характера европейских концессий в Китае»¹¹. Однако 17 сентября 1898 г. Петербург принял иное решение: начальника Ляодуна подчинили Приамурскому генерал-губернатору, он практически потерял самостоятельность. Но руководить Порт-Артуром из Хабаровска оказалось затруднительно. Выход из административного тупика предложил агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилев – сделать главу полуострова самостоятельным, оставляя неприкосновенным управление российским Дальним Востоком¹².

Различные точки зрения стали предметом рассмотрения на Особом совещании об управлении Квантунским полуостровом под председательством Д.М. Сольского, образованном 11 ноября 1898 г. Совещанию предшествовала дискуссия о принципах управления Квантуном. Существовало два мнения: контр-адмирала Ф.В. Дубасова и генерала В.С. Волкова. Первый настаивал на передаче всей власти в МИД, разделив её при этом на военную и гражданскую. Наоборот, В.С. Волков стремился использовать уже опробованный ме-

⁷ А.Н. Куропаткин – М.Н. Муравьёву 23 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.132.

⁸ Записка контр-адмирала А.А. Бирилёва об управлении Квантуном 20 января 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.131. Л.197–204; А.Н. Куропаткин – М.Н. Муравьёву 23 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.132.

⁹ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.164. Л.3. Ещё в 1896 г. С.Ю. Витте выступил оппонентом великого князя Александра Михайловича по вопросу развития русского флота в Тихом океане. Будущее России министр финансов связывал с железной дорогой и развитием торговли, не собираясь вступать в безнадежное противостояние с Англией на море (РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.201. Л.53–57. См. также: Чой Доккю. Великий князь Александр Михайлович накануне и в годы русско-японской войны (1895–1906 гг.) // Власть и общество в России во время русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Материалы научно-теоретической конференции 29–30 сентября 2005 года. СПб., 2007. С.41–42).

¹⁰ С.И. Кербедз – Э.К. Циглеру 15 июня 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.130. Л.9–10.

¹¹ М.Н. Муравьёв – А.И. Павлову 11 июня 1898 г. // Там же. Л.13.

¹² Там же. Д.116. Л.115–125.

тод, предлагая взять за образец управление Забайкальем (т.е. область в составе генерал-губернаторства). Несмотря на то, что МИД выступил против плана В.С. Волкова (из-за обилия иностранных подданных), Николай II склонился именно к этому принципу, так как дубасовские идеи показались царю «опасными ввиду проектируемого им разделения властей»¹³. Единоначалие было ближе военным ввиду вероятной перспективы войны¹⁴. Министры – участники совещания в основном вели себя пассивно: В.Н. Ламздорф (тогда товарищ министра иностранных дел) вообще не дал заключения, П.П. Тыртова заботило лишь то, как вывести командующего Тихоокеанской эскадрой от возможного подчинения начальнику Квантуна. Некоторую заинтересованность проявил С.Ю. Витте, который и являлся инициатором его созыва¹⁵, выступив за двойную (военную и гражданскую) субординацию начальника Квантунской области и за мелкие уступки в этом вопросе Китаю. А.Н. Куропаткин же мечтал видеть полновластным хозяином Квантуна одного из своих подчинённых¹⁶. В марте 1899 г. военный министр и главный начальник флота великий князь Алексей Александрович, наконец, сошлись в том, что главную роль в Порт-Артуре должны играть моряки. Подчинить же Квантунскую область решили прямо Петербургу, а не приамурскому генерал-губернатору¹⁷.

В итоге Особое совещание взяло за образец организацию русской власти в Туркестанском крае¹⁸. Его участники склонились к тому, чтобы администрация приобретённой территории строилась по типу генерал-губернаторства и находилась в ведении Военного министерства. Можно отметить некоторую эволюцию в направлении наместничества (расширение административных прав, в том числе по отношению к иностранцам), но пока серьёзные запреты в военной, дипломатической и кадровой областях сближали главного начальника области скорее с губернаторами, чем с главноуправляющим гражданской частью на Кавказе. Отдельные сферы управления, за исключением подбора кадров, передавались в ведение соответствующих министерств. Отличие от обычного административного устройства состояло также в упразднении некоторых губернских структур (палат и правления) и введения вместо них должностных лиц – комиссаров, а также в праве главного началь-

¹³ Е.Е. Уссаковский – П.П. Тыртову 18 сентября 1898 г. // Там же. Д.130. Л.64.

¹⁴ Записка А.А. Бирилёва 20 января 1899 г. // Там же. Д.131. Л.203–204.

¹⁵ С.Ю. Витте – Д.М. Сольскому 16 ноября 1898 г. // Там же. Д.130. Л.1.

¹⁶ Справка «Заключения министерств по вопросу управления Квантунским полуостровом», б/д. // Там же. Л.148–150.

¹⁷ Такое заключение было принято на заседании Особого совещания 1 марта 1899 г. (Б.Л. Громбчевский – Н.И. Гродекову 4 марта 1899 г. // ОПИ ГИМ. Ф.307. Оп.1. Д.1. Л.160–163). Сам Б.Л. Громбчевский безуспешно настаивал на подчинении начальника Квантуна приамурскому генерал-губернатору.

¹⁸ Ремнёв А.В. Указ соч. С.362.

ника Квантуна вести внешние сношения, всецело руководствуясь при этом инструкциями МИДа¹⁹. На всякий случай для него специально оговорили запрет на самостоятельные внешнеполитические действия²⁰. М.Н. Гирс даже предложил придать русскому посланнику в Пекине статус арбитра в случае споров между главным начальником Квантуна и китайскими властями, но до этого не дошло²¹. 16 августа 1899 г. Временное положение об управлении Квантунским полуостровом было, наконец, утверждено царём. В целом изобретённая конструкция получилась сложной, противоречивой и не имеющей прецедентов в России.

Например, нигде не практиковавшийся порядок управления установили в городе Дальнем, за которым признавалась «исключительная будущность» как за конечным пунктом Сибирской железной дороги. Там учредили градоначальство, хозяйственные же дела передали в ведение Городского совета из 6 человек (пять из них избиралось цензовыми (по размеру налогов) избирателями, один назначался правлением КВЖД) под председательством градоначальника. В его власти было остановить любые решения городской коллегии, тогда вопрос передавался на усмотрение главного начальника Квантунской области²². Такой порядок руководства строящимся городом носил беспрецедентный характер, так как совершенно не соответствовал Городовому положению 1893 г., регламентировавшему формирование и деятельность городского самоуправления в империи. То есть, с арендой Квантунского полуострова в управлении Дальним Востоком появились две практически ничем не связанные и мало схожие друг с другом структуры: Приамурское генерал-губернаторство и приобретённая территория. Проблема решалась прямым параллельным подчинением их начальников Петербургу. В таком порядке не было ничего противоречивого, во всяком случае, он не добавлял новых проблем для российских земель.

На должность «начальника Квантунского полуострова и командира флота и портов Тихого океана» Николай II хотел назначить вице-адмирала Н.В. Копытова, известного своим интересом к дальневосточным делам (он ещё в середине 1880-х гг. составил проект сооружения КВЖД). Однако большинство участников Особого совещания выступило категорически против. За глаза говорили, что у Н.В. Копытова «гвоздь в голове» (мания величия и неуживчивый характер). В качестве кандидата фигурировал также вице-адмирал С.О. Макаров, но выбор пал на вице-адмирала Е.И. Алексеева, командовавшего Тихоокеанской эскадрой в 1895–1897 гг.²³

¹⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.131. Л.23–29 об.; Ф.1622. Оп.1. Д.164. Л.2–2 об.

²⁰ Журнал Особого совещания 5 августа 1899 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.167.

²¹ Телеграмма М.Н. Гирса 13 ноября 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.130. Л.15–16.

²² Журнал комиссии для выработки правил управления городом Даляньванем. Заседания 16 и 20 июля 1899 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1513. Л.25–39.

²³ Дневник А.Н. Куропаткина (копия) // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.46 об.

Причины на редкость успешной карьеры выходца из якобы простой семьи флотского офицера, дослужившегося до должности наместника – «вице-царя» кажутся загадочными. Сначала его служба шла обычным путём: в 1863 г. Е.И. Алексеев окончил Морской кадетский корпус, в 1865 г. стал мичманом²⁴. Несмотря на многочисленные плавания, следующее звание – лейтенанта – он получил лишь 12 лет спустя «за отличие». Что это была за доблесть – неизвестно, но примерно к этому времени относится неприятная история, происшедшая с великим князем Алексеем Александровичем во время его морской практики. На юге Франции сиятельный офицер устроил скандал в кафе и был задержан полицией вместе с сопровождавшими его русскими. Якобы Е.И. Алексеев, который оказался в этой компании, чтобы спасти репутацию великого князя, взял всю вину за хулиганские действия на себя, заявив на следующий день полицейским, что они просто спутали имена (Алексей–Алексеев).

Взлёт карьеры будущего наместника начался в 1880-е гг. (по времени это связано с переходом управления российским флотом к великому князю Алексею Александровичу). Получив чин капитана 2-го ранга, он сразу же стал агентом Морского министерства во Франции, в 1886 г. – капитаном 1-го ранга и командиром крейсера «Адмирал Корнилов», в 1892 г. – контр-адмиралом. Современники предполагали, что Е.И. Алексеев являлся незаконнорожденным сыном Александра II и некой армянки. Сложно комментировать такие слухи, но в пользу необычного происхождения адмирала свидетельствует один интересный факт. После смерти Е.И. Алексеева у него на счёте в парижском банке Моргана осталось 36 млн. франков (это порядка 12 млн. золотых руб.) – огромная сумма²⁵. Е.И. Алексеев, не занимавшийся предпринимательством и не получавший наследства (своим отцом он официально указывал капитан-лейтенанта), не мог собрать подобных денег, даже если суммировать всё его жалование, полученное за многие годы службы. Маловероятно, что такими средствами мог снабдить будущего наместника обязанный ему великий князь (у него их также не было), да и за что? Есть единственное объяснение, выглядящее правдоподобным. Александр II ввёл в практику размещение значитель-

²⁴ Сведения о прохождении службы Е.И. Алексеевым, почерпнутые из его формулярного списка см.: Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: библиографический справочник. СПб., 2007. С.19–22.

²⁵ Е.И. Алексеев умер 26 мая 1917 г. в Ялте. Через одиннадцать лет после смерти во Франции неожиданно появилось его «завещание». Как оказалось позднее, документ являлся подложным, но по нему мнимые наследники успели получить более 34 млн. франков. Мошенники так и не были найдены, пострадал лишь нотариус, подтвердивший подлинность подложного документа. Судебный процесс широко освещался в европейской прессе, в том числе – в русской эмигрантской (см. например: К-ч. Наследство адм[ирала] Алексеева. Процесс бывш[его] нотариуса Старицкого // Возрождение. 1938. 18 ноября. №4158. С.6).

ных денежных средств на счета членов императорской фамилии за границей. Об этом до сих пор известно немного, в частности, завесу тайны приоткрыл в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович²⁶. Конечно, это косвенное, но как мне представляется, весьма многозначительное свидетельство о «царском» происхождении наместника Дальнего Востока. Ещё одно соображение касается последней должности Е.И. Алексеева. Наместниками в России в XIX – начале XX вв. становились, как правило, сановники знатного происхождения (великий князь Константин Николаевич, великий князь Михаил Николаевич, великий князь Николай Николаевич (младший), князь А.Р. Воронцов, князь А.И. Барятинский, граф И.И. Воронцов-Дашков). Странно видеть в этом списке сына никому не известного капитан-лейтенанта и всего лишь потомственного дворянина...

Официальное назначение Е.И. Алексеева состоялось 19 августа 1899 г. К месту службы он прибыл в конце 1899 г. Низкого роста, коренастый, плотный, очень подвижный, он обладал представительной внешностью. Однако перечень личных достоинств начальника Квантуна оказался невелик. Он был нерешительным, падким на лесть, нетерпим к иному мнению. Как руководитель, Е.И. Алексеев старался быть вежливым с подчинёнными, но если к его мнению относились с недостаточным почтением, становился резок в обращении²⁷. Вице-адмирал сразу продемонстрировал характер, категорически отказавшись назначить своим заместителем по военной части генерала Д.И. Субботича, на чём настаивал военный министр А.Н. Куропаткин²⁸.

Большую сложность для Е.И. Алексеева представляли отношения с министрами. Если с М.Н. Муравьевым он хорошо ладил, будучи с ним давно знакомым ещё по службе в Париже, то с В.Н. Ламздорфом контакты не сложились. Новый министр иностранных дел (с августа 1900 г.), не разбиравшийся в дальневосточных проблемах и предпочитавший верить С.Ю. Витте, сразу заподозрил, что глава Квантуна вмешивается не в свои дела. Поэтому многие действия и инициативы Е.И. Алексеева встречали немедленное противодействие В.Н. Ламздорфа²⁹. Схожие отношения установились у него и с А.Н. Куропаткиным. Обоим адмирал платил взаимностью.

Первым серьёзным испытанием для начальника Квантунской области стало боксёрское восстание, разгоревшееся до опасных размеров в 1900 г. Е.И. Алексеев не поддержал инициированный А.Н. Куропаткиным поход

²⁶ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С.130.

²⁷ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.6.

²⁸ Переписка Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина. Май 1899 – январь 1900 гг. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.4.

²⁹ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.25.

на Пекин, предложив сосредоточиться на Маньчжурии. Он призывал быть максимально осторожными и не потрясать основ государственного устройства Китая³⁰. Тем не менее, именно Е.И. Алексееву пришлось осуществлять руководство всеми русскими войсками в Китае, а конкретно – взятием Таку и Тяньцзиня (по общему мнению – вполне удачно). Это сильно подняло значение главы Квантуна. После же разгрома восставших в его руках оказалось фактически управление над всем Северным Китаем (Гиринская, Хэйлунцзянская и Мукденская провинции)³¹.

К тому моменту Е.И. Алексеев также сумел установить хорошие отношения с российскими дипломатами в странах Дальнего Востока. И А.П. Извольский, и А.И. Павлов, а позднее и Р.Р. Розен посылали в Порт-Артур обстоятельные письма, касавшиеся не только отдельных и частных вопросов, но и излагали собственные взгляды на дальневосточную политику России в целом, которые нередко отличались от министерских³². Однако говорить о влиянии дипломатов на взгляды адмирала если и можно, то со значительными оговорками. Скорее наоборот, Е.И. Алексеев, к примеру, не соглашался с позицией А.П. Извольского, настаивавшим на эвакуации из Маньчжурии русских войск без всяких сепаратных соглашений с Китаем и предполагавшим договориться с Японией о размене Кореи на Маньчжурию³³. Получив реальную возможность участвовать в дальневосточной политике России, Е.И. Алексеев сразу заявил себя сторонником дальнейшей оккупации Маньчжурии и вообще присоединения Северного Китая к России. Это был недальновидный и весьма опасный взгляд, так как Россия рисковала встретить объединённый протест большинства великих держав.

Разногласия стали особенно заметны в связи с начавшимся выводом русских войск из Маньчжурии в конце 1902 и 1903 гг. Именно Е.И. Алексеева Николай II назначил ответственным за выполнение договора 26 марта 1902 г., несмотря на то, что он открыто выступал против эвакуации³⁴. Адмирал добивался от Китая гарантий преимуществ России в Маньчжурии. В конце концов, царь поручил ему подготовку дополнительных условий к договору 1902 г. как

³⁰ Е.И. Алексеев – М.Н. Гирсу 10 августа 1900 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.77. Л.7–8.

³¹ В декабре 1900 г. Николай II разделил управление Маньчжурией между Е.И. Алексеевым и приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым, адмиралу остался контроль лишь над Мукденской провинцией (Ремнёв А.В. Указ. соч. С.363).

³² Единственным исключением оказался посланник в Пекине П.М. Лессар, который «глумился» над Е.И. Алексеевым (Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.60).

³³ А.П. Извольский – Е.И. Алексееву 23 и 31 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.124. Л.1–13; И.Я. Коростовец – Е.И. Алексееву 19 октября 1901 г. // Там же. Д.121. Л.14–15.

³⁴ Николай II – Е.И. Алексееву 27 мая 1903 г. // Там же. Д.123. Л.58–59.

необходимое условие вывода войск. В их число Е.И. Алексеев включил автономию города Цзиньчжоу (находящегося в нейтральной зоне между арендуемым Россией Ляодунским полуостровом и китайскими владениями) и выдачу Пекином концессии на лесные разработки на китайском берегу пограничной с Кореей р. Ялу³⁵. Он также был против открытия для иностранцев ряда пунктов в Маньчжурии, усматривая в этом «американские домогательства», поддержанные В.Н. Ламздорфом³⁶. Кроме того, Е.И. Алексеев настаивал на предъявлении всех требований Китаю одной нотой, что, по мнению российского посланника в Пекине П.М. Лессара, обрекало всё предприятие на неудачу. Так и получилось: 12 сентября 1903 г. Е.И. Алексеев заявил о намерении прекратить безуспешные переговоры, 18 сентября Петербург согласился с этим³⁷. Неудача означала автоматическое продолжение российской оккупации Маньчжурии, что входило в планы наместника. Втайне Е.И. Алексеев надеялся на присоединение Маньчжурии к России. Его план строился на том, что пребывание русских войск создаст в Северном Китае хаос, а это сделает аннексию неизбежной³⁸. В своих действиях на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев исходил, прежде всего, из необходимости защиты Порт-Артура. Вероятные протесты многих стран он просто не принимал в расчёт. Фактически в 1903 г. начальник Квантуна проводил на Дальнем Востоке собственную внешнюю политику, значительно отличавшуюся от министерской.

В делах же внутреннего управления на Дальнем Востоке несколько лет наблюдалось относительное спокойствие. Его, правда, нарушали безобразовцы, с 1899 г. пытавшиеся вмешиваться в него. Используя действительно существовавший диссонанс в действиях различных министерств, один из чиновников, близкий «новой политике» в Корее (побывал там вместе с экспедицией Звегинцова–Корфа) Н.И. Непорожнев в своей записке, адресованной Николаю II, предложил сконцентрировать власть на Дальнем Востоке в одних руках. С его точки зрения, это требовалось, чтобы «наши интересы в Корее были вверены лицу, которое стояло бы во главе Приамурского края (или части его, прилегающей к Корейскому полуострову) и располагало бы достаточными для защиты их полномочиями

³⁵ Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 21 марта 1903 г. // Там же. Д.174. Л.1в.

³⁶ Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 9 июня 1903 г. // Там же. Л.2; Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 7 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.194. Министр иностранных дел не разделял предложения адмирала, ответив ему, что автономия Цзиньчжоу не требует участия Пекина, а включение концессии на Ялу в официальный договор превращает её из формально коммерческой в политическую (В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 24 марта 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.31).

³⁷ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Часть III. Последний год перед войной. СПб., 1910. С.143–145.

³⁸ И.Н. Протасьев – А.И. Путилову 27 мая 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.188.

и денежными средствами»³⁹. Для Н.И. Непорожнева такая идея проистекала из необходимости готовиться к возможному вооруженному конфликту с Японией в Корею: он одновременно выступал за жёсткие антияпонские меры России вроде размещения русских войск в бассейне р. Ялу, даже заселения королевства китайцами для противодействия японской торговле и т.п. Однако тогда эта идея не получила воплощения.

Вопрос о реорганизации управления Дальним Востоком вновь был поднят безобразовцами в 1903 г., когда для них окончательно выяснилась необходимость устранения С.Ю. Витте, активно и успешно препятствовавшим. Основную задачу сформулировал в своей записке, предшествовавшей Особому совещанию 26 марта 1903 г. (посвящённому как судьбе безобразовского лесного предприятия, так и общим вопросам управления окраиной), один из лидеров безобразовской группы А.М. Абаза: «Обсудить необходимые меры к объединению всех функций государственной власти на Востоке» для прекращения межведомственных разногласий. Правда слово «наместничество» ещё не прозвучало⁴⁰. Д.Д. Покотилов предполагал, что за этой идеей стояли рекомендации военных, которые говорили А.М. Безобразову о необходимости предоставить главному начальнику Квантуна права наместника, действующего вне ведомственных рамок⁴¹. А.М. Безобразову удалось убедить в полезности этой идеи Николая II. 2 мая 1903 г. царь телеграфировал Е.И. Алексееву о намерении объединить в его лице «высшее и ответственное на Дальнем Востоке управление по всем ведомствам». Другим принципиальным моментом, содержащимся в послании, стало установление прямого руководства Е.И. Алексеевым со стороны Николая II⁴². Кроме того, на журнале Особого совещания 7 мая 1903 г., созванном для пересмотра итогов совещания 26 марта, царь начертил резолюцию: «Дела Дальнего Востока, требующие совместного обсуждения ведомств, должны быть и впредь соображаемы в особом совещании, подобном настоящему»⁴³. По сути это обещало революцию в управлении Дальним Востоком и в том, как Россия намеревалась поддерживать там отношения с соседями, так как Е.И. Алексееву предполагалось передать рычаги управления внешней политикой в регионе. С мая 1903 г. его начали знакомить со всей корреспонденцией между МИД и российскими дипломатами в стра-

³⁹ Записка Н.И. Непорожнева для Николая II 7 мая 1899 г., представленная министру двора В.Б. Фредериксу // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.3. Л.18–19.

⁴⁰ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.705. Л.2–2 об.

⁴¹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 21 февраля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.275. Л.74 об. – 75.

⁴² Там же. Д.213. Л.132.

⁴³ Абаза А.М. Русские предприятия в Корею в связи с нашей политикой на Дальнем Востоке 1898–1904 // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.185. Л.83 об.

нах Дальнего Востока (Япония, Корея, Китай)⁴⁴. Несмотря на объявленное прямое участие наместника в международных делах, не все соседи России на Дальнем Востоке считались с этим. Так, китайцы, получив информацию о том, что Е.И. Алексеев наделён надлежащими полномочиями, тем не менее, запретили цзянь-цзюням (губернаторам) входить с ним в официальные контакты по межгосударственным вопросам, адресуя их в Пекин для разрешения с российским посланником⁴⁵.

Во исполнение высочайшего распоряжения летом 1903 г. началась подготовка нормативных актов, утверждавших новую структуру власти. Безобразовцев более всего интересовало изменение порядка управления: в развитие царской резолюции они предполагали создать Особый комитет под председательством самодержца, в подчинении которого находились бы наместник и их псевдочастная Восточно-Азиатская промышленная компания (ей передавалось общее руководство деятельностью Русско-Китайского банка и КВЖД)⁴⁶. При такой перестройке власти межведомственные разногласия не могли никуда исчезнуть. Особый интерес безобразовцев к переподчинению предприятий Министерства финансов выдавал их истинную цель – борьбу с С.Ю. Витте за контроль над ними. Другой проблемой стало беспрецедентное объединение под единым руководством столь обширных территорий, где уже существовало генерал-губернаторство. Е.И. Алексеев, понимая всю сложность такого преобразования, предпочёл бы территориально урезать свою власть, но этому препятствовали безобразовцы⁴⁷. В общем, в руки наместнику попали две разнородных системы администрации: над российским Дальним Востоком, сложившаяся за несколько десятилетий, и на Квантуне, чрезвычайная, не имевшая аналогов в России и сформировавшаяся за несколько лет. Это сопровождалось беспрецедентной ломкой управления внешней политикой империи в регионе.

Новый порядок администрирования был в основном расписан в указах Николая II Сенату 30 июля 1903 г. об учреждении наместничества⁴⁸ и 1 сентября 1903 г. с изложением основных принципов взаимодействия наместни-

⁴⁴ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 5 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.25.

⁴⁵ Перевод китайской инструкции, б/д. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.83. Л.242.

⁴⁶ Д.Д. Покотилов – Э.Д. Плеске 22 августа 1903 г. // Там же. Оп.28. Д.1005. Л.59–60. А.М. Безобразов заявлял, что Восточно-Азиатская промышленная компания «не будет детально вмешиваться в дела Банка или Дороги, а будет играть главным образом декоративную роль в видах привлечения иностранных капиталов». См. также: Ремнёв А.В. Указ. соч. С.369–370.

⁴⁷ Ремнёв А.В. Указ. соч. С.376.

⁴⁸ Сборник узаконений и распоряжений правительства. 1903. 4 октября. №106. Ст.1503.

ка, Особого комитета Дальнего Востока и министерств. Появление первого из них оказалось неожиданным для ведомств и их руководителей. А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф и С.Ю. Витте узнали об учреждении наместничества из газет. В МИДе негодовали, сетуя на то, что их ведомство стало играть «жалкую роль». По слухам, английский посол Ч. Хардинг с иронией спросил В.Н. Ламздорфа, не следует ли британскому правительству аккредитировать второго посла в Порт-Артуре⁴⁹.

Активная работа по оформлению наместничества началась летом 1903 г. Комиссар по финансовой части при главном начальнике Квантуна И.Н. Протасьев уже 11 августа послал в Министерство финансов свои предложения по организации наместничества.⁵⁰ Он допускал, чтобы все учреждения «в пределах, разрешённым наместником, сносились со своими ведомствами с тем, чтобы последние, не разрешая этих вопросов, представляли бы их со своим заключением на обсуждение Особого комитета». Таким образом И.Н. Протасьев пытался сохранить связи местных властей со своими министерствами, что расходилось с замыслами безобразовцев. Зато С.Ю. Витте одобрил направление мыслей чиновника и конкретизировал его предложение: передать в компетенцию Особого комитета только важнейшие дела. Остальные вопросы следовало разбить на три группы: 1) восходящие от местных органов непосредственно в министерства; 2) восходящие в министерства при посредничестве наместника; 3) решаемые наместником⁵¹. Суть этого замысла состояла в том, что всё оставалось по-прежнему: центр власти – в Петербурге, наместник получал лишь видимость широких полномочий. Однако попытка С.Ю. Витте выхолостить замысел безобразовцев оборвалась на его отставке 16 августа 1903 г. Торжество победителей несколько омрачили разногласия А.М. Безобразова с Е.И. Алексеевым: первый настаивал на том, чтобы основные полномочия в управлении Дальним Востоком находились в ведении Особого комитета. Ему же, а не непосредственно Николаю II, подчинялся бы и наместник⁵². Е.И. Алексеев предпочитал сосредоточить в своих руках большинство власти и зависеть лишь от самодержца⁵³. В принципе это могло действительно ликвидировать межведомственные разногласия, но адмирал становился при таком порядке управления региональным царём.

⁴⁹ И.Я. Коростовец – Е.И. Алексееву 18 сентября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.39 об.

⁵⁰ И.Н. Протасьев – А.И. Путилову 11 августа 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.1005. Л.51.

⁵¹ А.И. Путилов – Н.И. Протасьеву 20 августа 1903 г. // Там же. Л.55.

⁵² Д.Д. Покотилов – Э.Д. Плеске 22 августа 1903 г. // Там же. Л.56.

⁵³ Ремнёв А.В. Указ. соч. С.386–388.

В ходе разработки положения о наместничестве были основательно дискредитированы заявления А.М. Безобразова о необходимости борьбы против бюрократизма. Сначала Е.И. Алексеев даже по столичным меркам неимоверно раздул штаты наместничества. Аналогичная ситуация произошла со штатом канцелярии Особого комитета Дальнего Востока⁵⁴. А.М. Абаза завысил как число старших чиновников, так и их должностные оклады (примерно на треть: 6 тыс. руб. в год вместо обычных 4,5 тыс.). Его не смутил отрицательный отзыв Министерства финансов, он настаивал перед Николаем II на своём⁵⁵. Никаких аргументов для подтверждения запросов А.М. Абаза не представил, он стремился таким путём придать своей канцелярии значительный вес, апеллируя к указу Николая II 1 сентября 1903 г. Согласно ему, Особому Комитету Дальнего Востока поручался широкий круг вопросов, в том числе сношения с сопредельными странами, управление вооружёнными силами России на Дальнем Востоке и т.д. Более того, А.М. Абаза хотел бы придать старшим чиновникам статус статс-секретарей департаментов Государственного совета, что ставило канцелярию в беспрецедентно высокое и привилегированное положение. Но самодержец, щепетильно относившийся к расходованию казённых средств, штатное расписание не утвердил.

Это оказалось серьёзным ударом по планам безобразовцев. Также быстро выяснилась практическая невозможность переделать управление Дальним Востоком «под наместника», несмотря на желание Е.И. Алексеева забрать все дальневосточные вопросы из ведомств. Ему пришлось оставить текущие дела в министерствах, забрав себе только самые важные, что разрушило замысел централизовать власть на Дальнем Востоке помимо министерств. Впрочем, острота этого вопроса значительно спала вместе с отставкой С.Ю. Витте⁵⁶.

Ещё хуже дело обстояло со стремлением Е.И. Алексеева максимально обособить наместничество в финансовом отношении. Адмирал хотел бы получить в пределах наместничества права министра финансов, за исключением акцизов и распоряжений по отделениям Государственного банка, где он соглашался в случае споров с министром финансов передавать дело на усмотрение Особого комитета Дальнего Востока. Наместника поддержал А.М. Абаза, предложив выделить в отдельный, самостоятельный раздел го-

---

⁵⁴ Справка Министерства финансов по вопросу проектируемого штата // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.1. Л.33–36; Д.176. Л.8–16.

⁵⁵ Всеподданнейший доклад А.М. Абазы «Об устройстве канцелярии Комитета Дальнего Востока» 19 декабря 1903 г. // Там же. Л.6, 17.

⁵⁶ Повеление Николая II о разделе дел // Правительственный вестник. 1903. 13 сентября. №204. Неутверждением штатов попытался воспользоваться В.К. Плеве, предложив А.М. Абазе вести делопроизводство Комитета с помощью чиновников МВД (В.К. Плеве – А.М. Абазе 27 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.1. Л.4).

сударственного бюджета смету наместничества на правах министерства⁵⁷. Но попытка заполучить в свои руки возможность распоряжаться большими деньгами не прошла, она вызвала возражения даже в лагере самих «реформаторов». Такой порядок резко усложнял процедуру расчётов вне пределов наместничества. Большие трудности возникли бы и в составлении балансов как по наместничеству, так и по империи в целом, так как в их основе лежал функциональный, а не территориальный принцип. Сложно было включить в смету фиксированные ежегодные расходы по Военному и Морскому министерствам в рамках долгосрочных программ, так как ведомства переставляли различные статьи в них по своему усмотрению. В итоге специально созданная подкомиссия по вопросу организации финансовой части наместничества пришла к выводу о нецелесообразности выделения его сметы в отдельный бюджет и выступила за сохранение общеимперского порядка финансирования. Небольшие оговорки были сделаны в пользу наместника только при предварительном рассмотрении смет наместничества по министерствам и в распоряжении кредитами⁵⁸. Не прошло и намерение отстранить Министерство финансов от непосредственного ведения дел в наместничестве: выяснилось, что никаких особо важных или принципиальных вопросов практически нет, большинство их носило рутинный, текущий характер, который требовал постоянных и активных контактов с ведомством⁵⁹. В итоге попытка реформы управления Дальним Востоком, проводившаяся под гром обличений в адрес бюрократии, рухнула сразу же, при одном виде проблем, которые следовало ещё и решить. Вся активность в преобразованиях свелась к простому желанию переделить власть наверху. Поэтому такое большое значение придавалось Особому комитету Дальнего Востока.

В проекте его место определялось как высшая инстанция, стоявшая над наместником, для разрешения вопросов, превышающих его компетенцию. Но сам комитет исполнительной властью не наделялся, он мог только выступать с представлениями наместнику и министрам.⁶⁰ Это была серьёзная помеха безобразовцам: созданный для схожих целей Комитет Сибирской железной дороги имел право непосредственного внесения своих проектов в Государственный совет, что сразу же дало ему реальную власть. В декабре 1903 г. безобразовцы предприняли попытку установить порядок сношения наместника

⁵⁷ Всеподданнейший доклад А.М. Абазы 13 августа 1903 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.185. 1903. Д.39а. Л.150.

⁵⁸ Журнал заседаний подкомиссии 17 и 19 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.181. Л.231–234.

⁵⁹ Черновик письма И.Н. Протасьева Е.И. Алексееву 3 сентября 1903 г. // Там же. Л.115–117.

⁶⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.239–240.

с министерствами исключительно через Особый комитет Дальнего Востока (что, кстати, существенно умаляло роль Е.И. Алексеева), но из-за сопротивления некоторых министров, прежде всего великого князя Александра Михайловича и А.Н. Куропаткина, и этот план был провален. 9 января 1904 г. А.М. Абаза по распоряжению Николая II отправил Е.И. Алексееву разъяснение, в котором говорилось, что наместнику дано право миновать ведомства, но это не вменялось ему в обязанность⁶¹.

По указу 1 сентября 1903 г. компетенция наместника определялась как вся полнота гражданской и военной власти на Дальнем Востоке. В целом власть наместника превышала компетенцию министра и даже его коллеги на Кавказе по положению 1845 г. (в частности, в международных делах). Статус наместника на Дальнем Востоке позднее был ещё подкреплён повелением Николая II 9 ноября 1904 г., которым Е.И. Алексеев назначался членом Государственного совета и Комитета министров⁶².

Положения царского указа 1 сентября 1903 г. легли в основу большой печатной записки Е.И. Алексеева №544 «Об устройстве управления в областях Дальнего Востока»⁶³. Наместник быстро забыл свои обещания провести широкую децентрализацию управления и увеличить полномочия местной администрации⁶⁴, посвятив все свои усилия расширению собственной власти за счет министерств. Е.И. Алексеев запросил себе право изменения административно-территориального деления в пределах наместничества, утверждение смет и раскладов земских повинностей, а также различных сборов, право отчуждения казённых земель, изменений в правилах эксплуатации казённых лесов, управление водными путями, право принимать в российское подданство, право административной высылки, командование всеми войсками на территории наместничества, сношения с соседними странами «по делам вверенных ему областей». Обращения в ведомства объявлялись необязательными, они предполагались только по инициативе самого наместника. Фактически на Дальнем Востоке создавалась империя в империи (но в отличие от «империи Витте» – де-юре, а не де-факто).

Отзывы ведущих министерств на эту печатную записку были негативными. Внешнеполитическое ведомство высказало своё несогласие с раздроблением управления внешней политикой⁶⁵. МВД представило свой отзыв только 15 марта 1905 г., когда наместничество уже практически не функционировало. Поэтому в документе в завуалированной форме был поставлен вопрос о целе-

⁶¹ РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.19. Л.3–16.

⁶² Там же. Д.69.

⁶³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.1006.

⁶⁴ Телеграмма И.Н. Прогасьева 12 сентября 1903 г. // Там же. Д.1005. Л.114.

⁶⁵ АВПРИ. Ф.326. Оп.928. Д.13. Л.7–10.

сообразности существования наместничества вообще. А.Г. Булыгин не соби­рался отдавать вопросы снабжения, почты и телеграфа, переселенческого дела и др. Единственная серьёзная мера, не вызвавшая его возражений, состояла в усилении губернаторской власти, да и то в связи с войной⁶⁶. Впрочем, практически все ведомства охраняли в первую очередь свои прерогативы. Министерство путей сообщения желало оставить у себя в управлении Уссурийской и Забайкальской железными дорогами, а также водные пути⁶⁷. Министр зем­леделия и государственных имуществ А.С. Ермолов требовал согласовывать с ним всякие изменения в регламенте казённой собственности. Он также не хотел расставаться с переселенческим делом⁶⁸. В Главном управлении торго­вого мореплавания записку Е.И. Алексеева изучили тщательнейшим образом, составив самый обширный свод замечаний. В нём оказалось отмечено всё, что только было возможно, вплоть до внешней политики и судопроизводства, несмотря на то, что эти вопросы не входили в ведение великого князя Алек­сандра Михайловича (кстати, давнего покровителя безобразовцев)⁶⁹. Резкое сопротивление генералов вызвало временное положение о военном управле­нии в наместничестве, по которому наместник являлся главнокомандующим русскими войсками на Дальнем Востоке⁷⁰. Здесь А.Н. Куропаткин смог бы­стро потеснить Е.И. Алексеева, ещё в декабре 1903 г. добившись от Николая II согласия оставить всё по-прежнему.

Позицию Е.И. Алексеева нередко отождествляют с планами безобразовцами. Это едва ли верно, так как их отношения нельзя назвать идилическими. В на­чале 1903 г. у будущего наместника даже назрел конфликт с ними из-за плана разместить в устье р. Ялу 1000 хунгузов под видом охранной стражи лесного предприятия⁷¹. Начальник Квантунской области расценил эти действия как про­вокационные, разрешив дельцам набрать лишь 100 человек⁷². Завербовали же они значительно больше, пользуясь разрешением Николая II разместить на устье р. Ялу под видом рабочих 600 русских нижних чинов из запасных⁷³. Осторожный Е.И. Алексеев не решился в одиночку выступить против стремительно набирав­шего влияние А.М. Безобразова, хотя и относился к его действиям «с истинной тревогой»⁷⁴. Он лишь несколько ограничил военную деятельность концессионе-

⁶⁶ РГИА. Ф.1284. Оп.185. 1904. Д.45. Л.173–192.

⁶⁷ РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.218. Л.21 об.

⁶⁸ Там же. Л.37 об., 269 об.

⁶⁹ Там же. Л.123 об., 275 об.

⁷⁰ РГИА. Ф.1284. Оп.185. 1904. Д.45. Л.173–192.

⁷¹ М.Ф. Кведицкий – начальнику штаба в Порт-Артур 26 января 1903 г. // РГВИА. Ф.14372. Оп.1. Д.85. Л.12.

⁷² Там же. Л.20.

⁷³ Е.И. Алексеев – А.М. Безобразову 9 марта 1903 г. // Там же. Л.32.

⁷⁴ Копия письма Ф.Е. Гиришмана – П.М. Романову, б/д. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.34 об. – 35.

ров на Ялу, выдав им только стрелковое оружие и отказав в артиллерии⁷⁵. Несмотря на скептическое отношение к детищу А.М. Безобразова, само предприятие на р. Ялу Е.И. Алексеев считал «вполне хорошим»⁷⁶. Вскоре он оказался напрямую связан с деятельностью лесопромышленного товарищества: одним из решений Особого совещания 7 мая 1903 г. стала передача общества под контроль Е.И. Алексеева⁷⁷. Безобразовцы надеялись на его покровительство делу. Сам же глава Дальнего Востока вряд ли обрадовался такому поручению: с руководителем лесопромышленного товарищества И.П. Балашёвым у него были серьёзные разногласия относительно русской политики на Дальнем Востоке. И.П. Балашёв не только занимал самую жёсткую и агрессивную позицию, упрекая наместника в излишней мягкости, но ещё и пытался активно насаждать свои взгляды, так что это вызвало увещания даже со стороны А.М. Безобразова⁷⁸. В общем, наместник, не во всём соглашавшийся с безобразовцами, был заодно с ними в том, что касалось его полномочий, особенно когда речь заходила об их расширении.

С началом русско-японской войны Е.И. Алексеев 28 января 1904 г. был назначен главнокомандующим всеми вооружёнными силами России на Дальнем Востоке. Сразу после приезда на Дальний Восток А.Н. Куропаткина, возглавившего сухопутную армию, между двумя военачальниками начались постоянные трения и конфликты⁷⁹. Помимо прежних разногласий к ним добавилось разное видение военной кампании. Более осторожный А.Н. Куропаткин был склонен накапливать силы до достижения численного преимущества над японской армией, тогда как Е.И. Алексеев рвался дать решительный бой имеющимися силами, будучи уверенный в превосходстве русской армии. Как показали события, его способ ведения войны являлся более рискованным, если не сказать авантюрным. В конце концов, разногласия двух командующих плохо сказывались на армии, и Е.И. Алексеева 12 октября 1904 г. отстранили от должности главнокомандующего после очередного поражения на р. Шахэ. Ответственность за военные неудачи с ним в полной мере должен разделить и А.Н. Куропаткин.

Война прервала процесс бурной работы над положением о наместничестве. Особый комитет Дальнего Востока так и не собрался ни разу, лишь его

---

⁷⁵ Доклад начальника штаба Квантунской области полковника В.Е. Флуга – Е.И. Алексееву 21 апреля 1903 г. // РГВИА. Ф.14372. Оп.1. Д.85. Л.216.

⁷⁶ Ф.Е. Гиршман – П.М. Романову 11 марта 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.275. Л.136–137; Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 23 октября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.156. Л.20.

⁷⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.91.

⁷⁸ Балашёв И.П. Записки о русско-японской войне // Архив СПбИИ. Ф.115. Оп.1. №1167. Л.123.

⁷⁹ Ремнёв А.В. Указ. соч. С.393–394.

канцелярия функционировала с января 1904 г.⁸⁰ Неудачи в войне поставили на реформе управления окраиной крест летом 1905 г. Интересно, что документ о ликвидации наместничества неизвестен, есть только высочайший указ Сенату 8 июня 1905 г. об увольнении от должности наместника, упразднении Особого комитета Дальнего Востока и перехода управления Дальним Востоком к обычному порядку дел, а также высочайшая воля 18 июня 1905 г. об упразднении канцелярий при наместнике⁸¹.

Обращение к истории управления Дальним Востоком на рубеже XIX–XX веков показывает быстрое перерождение вопроса из области совершенствования механизма местной администрации и решения проблем управления арендуемой территорией в борьбу за обладание рычагами власти, в которой аппарат министерского управления стал помехой определённой группе лиц. Безобразовцы для реализации своей программы, заручившись согласием царя, попытались создать собственную структуру власти, которая действовала бы практически независимо от уже существующей. Вообще связь наместничества с реальными проблемами управления Дальним Востоком оказалась минимальна. Оно отразило, прежде всего, желание безобразовцев разрушить «империю Витте» и стремления Николая II вести «личную политику» в регионе. Конечно, никаких межведомственных противоречий учреждение наместничества не сняло. Нелепостей же было более чем достаточно: царь, давая добро на учреждение такого «параллельного управления», фактически давал понять, что он не доверяет министерствам и министрам, то есть, тем людям, которых он сам и назначал. Одновременно монарх также являлся непосредственным начальником как над новой вертикалью власти (прямо над наместником, а также через возглавляемый им Особый комитет Дальнего Востока), так и над прежней, министерской. Нетрудно заметить, что ситуация с наместничеством как две капли воды воспроизвела «новый» курс России в Корею, который проводился с 1898 г., став его логичным продолжением, и выразилась прежде всего также в существовании двух политик: царской официальной и царской же, но неофициальной. И в том, и в другом случае последствия как для политики, так и для управления окраиной оказались исключительно неблагоприятными.

---

⁸⁰ РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.178.

⁸¹ Последний из известных мне актов относится к осени 1905 г. – это распоряжение Николая II В.П. Череванскому прекратить работу по проекту положения об управлении наместничеством (В.П. Череванский – А.С. Танееву 27 октября 1905 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.4. Д.12233. Л.47). Нет оснований усматривать здесь расчёт, скорее всего, это запоздалое решение, не сделанное вовремя, летом 1905 г. См. также: Ремнёв А.В. Указ. соч. С.396.

Глава 11. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг.

Ход русско-японских переговоров 1903 г. не раз был предметом изучения. Впервые это сделал П.Н. Симанский в своём обстоятельном исследовании о политике России на Дальнем Востоке за последнее десятилетие до войны¹. Опираясь преимущественно на архивы различных ведомств и бумаги, принадлежавшие главным действующим лицам тех событий, автор детально проследил события 1903 г., стремясь по возможности давать им исчерпывающие объяснения. К недостаткам этого фундаментального труда можно отнести лишь нескрываемую симпатию автора безобразовцам и их политике. Следующий исследователь переговоров – Б.А. Романов – уделил основное внимание не столько их конкретному ходу, сколько общей международной обстановке. Опираясь на многотомные публикации английской и немецкой дипломатии, историк отдал главную режиссуру русско-японских переговоров в руки Лондона, постоянно подчёркивая подстрекающую роль Англии в развязывании войны².

В англоязычной литературе к истории русско-японских переговоров обращались многие авторы. Первым значительным исследованием стала книга А. Малозёмова, опубликованная в 1958 г. уже после смерти автора, и поныне остающаяся одной из лучших о дальневосточной политике самодержавия рубежа XIX–XX веков. Автор, пользовавшийся исключительно опубликованными русскими источниками, не мог проследить динамику во мнениях и влиянии отдельных русских официальных лиц, поэтому сосредоточился преимущественно на сопоставлении японских предложений и русских ответов³. Другим путём пошёл известный британский историк,

---

¹ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Часть III. Последний год перед войной. СПб., 1910.

² Романов Б.А. Дипломатическое развязывание русско-японской войны 1904–05 гг. // Исторические записки. Т.8. М., 1940. С.37–67. Содержание этой статьи повторено в книге: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955.

³ Malozemoff A. Russia's Far Eastern Policy. Berkeley, 1958. Русско-японские переговоры он рассматривает в главе IX «Путь к войне», собственно о переговорах – P.237–253.

специалист по англо-японским отношениям Я. Ниш. Также не имея доступа к российским архивам, он взял за основу многочисленные как опубликованные, так и неопубликованные английские и отчасти японские источники. Соответственно, позиция Петербурга на переговорах представлена в его книге о происхождении русско-японской войны фрагментарно⁴. Пожалуй, последним исследованием, в котором тема дипломатической предистории войны 1904–1905 гг. получила значительное отражение, является книга Д. Мак Доналда⁵. Написанное на добротном уровне исследование также имеет проблемы по части источников (как можно догадаться, не по вине автора). К сожалению, и его документальная база – в основном опубликованные материалы, а также архив С.Ю. Витте, хранящийся в РГИА. Дипломатия 1903 г. выглядит у автора соревнованием записок и выступлений, а интересы, за ними стоявшие, понятны далеко не всегда. Вместе с тем, следует отметить, что большинство суждений и заключений Д. Мак Доналда вполне справедливо. К примеру, о длительной, до конца 1903 г. симпатии царя политике Е.И. Алексеева или о системном кризисе власти к этому времени и т.д.

11.1. Обстановка до начала переговоров: перемены в российской власти в конце 1902 – первой половине 1903 гг.

За последний год, предшествовавший войне с Японией, в российской власти произошли значительные перемены. С.Ю. Витте окончательно утратил руководящую роль в дальневосточной политике. Крах всех его прежних замыслов в Китае явственно проявился 27 октября 1902 г. на совещании в Ялте у Николая II по вопросу о заселении полосы КВЖД. Там министр финансов отверг необходимость всякой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке предложил построить исключительно по российской территории Амурскую железную дорогу⁶. Свой «новый взгляд» С.Ю. Витте повторил на Особом совещании 25 января 1903 г., объявив, что нет оснований заниматься переселением в Маньчжурию и препятствовать потоку туда китайских колонистов.

⁴ Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L., 1985. P.XI. Истории русско-японских переговоров в той или иной степени посвящено пять глав, с 10 по 14 (P.152–212).

⁵ Mac Laren Mc Donald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge (Mass.), 1992.

⁶ Черновой вариант журнала совещания в Ялте 27 октября (9 ноября) 1902 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.26. Д.326. Л.163–164. Эту мысль подхватил А.Н. Куропаткин, в частности, в своём выступлении на Особом совещании 25 января 1903 г., но только для того, чтобы противопоставить ей свой тезис: надо присоединить Северную Маньчжурию к России (ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.107. Л.120–142).

Более подробно С.Ю. Витте изложил свои новые соображения в конце 1902 г., отвечая на записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова о дальневосточной политике России. Выступая за временное соглашение с Японией, даже за союз с ней, министр финансов необоснованно полагал, что ему удастся заставить Токио отказаться от Маньчжурии, предоставив японцам свободу рук в Корее. Очевидно, что С.Ю. Витте понимал содержание дальневосточных проблем слишком узко. Так, он не отреагировал на предложение Р.Р. Розена урегулировать отношения с Англией. Представления министра финансов в отличие от барона, желавшего расколота англо-японский союз и тем намеревавшегося **избежать** вооружённого конфликта, базировались на утверждении о **неизбежности** для России войны с Японией в будущем. Продолжая рассуждать о господстве в Маньчжурии, С.Ю. Витте признавал, что Россия не может её захватить, так как это вызвало бы сильные протесты держав⁷. Записка сановника ярко свидетельствовала о тупике, в который зашла его дальневосточная политика. Начав в 1890-е гг. с программы широчайшей экономической экспансии в Китае, к концу 1902 г. он не мог предложить ничего иного, кроме уступок и отступления по всем направлениям. Призывы к твёрдости не должны вводить в заблуждение: они не подкреплялись конкретными предложениями, но неизменно сопровождались утверждениями об опасности вооружённого конфликта или, как минимум, о противодействии держав Петербургу.

Полный отказ от планов экономического доминирования в Китае явился серьёзным ударом для Николая II. До этого императору на протяжении почти десятилетия обещалось, что Россия станет хозяйкой Востока. Естественным для него было желание сохранить из былых грёз хоть что-то и рост недоверия к министру финансов. Тут царь вспомнил о его оппонентах с 1898 г. – безобразовцах, которые сразу предложили план действий: сконцентрировать в одних руках все имеющиеся маньчжурские и корейские концессии, открыть для иностранцев Южную Маньчжурию, а для того, чтобы они не смогли там развернуться – нанять хунхузов – «и предприятия ломаются, люди исчезают»⁸. Такая позиция, насколько бы нелепой она не выглядела, казалась всё же предпочтительнее полной капитуляции С.Ю. Витте. Другой альтернативы Николаю II никто не предложил. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф настаивал лишь на выполнении международных договоров, прежде всего, об эвакуации Маньчжурии 26 марта (8 апреля) 1902 г., что мало отличалось от позиции С.Ю. Витте. Военный министр А.Н. Куропаткин, наоборот, предлагал не исполнять соглашение 26 марта (8 апреля) 1902 г. о выводе русских войск, а объявить о присоединении к России Северной Маньчжурии, не отдавая себе

⁷ Черновик записки С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу в ответ на записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова 28 декабря 1902 г. (10 января 1903 г.) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.93–101.

⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.12. Запись 1 (14) декабря 1902 г.

отчёта во всех последствиях такого шага. Аннексия всей территории, «отрезаемой» КВЖД, если бы она состоялась, решала лишь одну задачу – защиту трассы, создавая при этом массу новых проблем, прежде всего, в отношениях с рядом стран (США, Англия, Япония, Китай).

Усиливавшиеся разногласия среди министров отражались и на действиях местных властей. Собственное мнение о дальневосточной политике имел главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев, стремившийся тогда прежде всего к закреплению русского влияния в Маньчжурии и безопасности коммуникаций Порт-Артура. «Вообще Алексеев не сочувствовал широким планам нашего правительства в Квантунской области и не верил в просветительную миссию России и в способность нашу колонизовать Маньчжурию. <...> Он считал, что для развития торговли достаточно железной дороги и порта при соответственной тарифной системе, а что слишком честолюбивая программа может лишь поссорить нас и с Японией, и с Китаем. <...> Он мало верил в прочность нашего положения на Квантуне, считая, что железную дорогу легко прервать. Занятие Артура и, особенно, основание Дальнего были, по его мнению, ошибкой. Россия должна была стремиться к закреплению корейского побережья и Цусимского пролива дабы обеспечить подступы к Владивостоку и не разбрасываться далеко от своей базы»⁹. Е.И. Алексеев исходил из того, что соглашение с Китаем 26 марта (8 апреля) 1902 г. выполнять нежелательно, наоборот, следовало бы «под благовидным предлогом удерживать за нами занятое положение в Маньчжурии». Если же это невозможно, дальнейший вывод войск надо обусловить специальными мерами по защите русских интересов в Китае. Для того, чтобы снять недовольство иностранцев, глава Квантуна предлагал расширить их возможности, правда, не конкретизируя идею. В отличие от безобразовцев он не придавал большого значения Корею, допуская возможность «временно» уступить её. Е.И. Алексеев полагал, что «с увеличением нашего военного могущества на здешнем Востоке Япония не будет в состоянии отстоять своё положение в Корею»¹⁰.

Одобрённый Николаем II план безобразовцев по характеру действий мало чем отличался от последних инициатив С.Ю. Витте. Единственным ощутимым различием между ними было отношение к Корею. А.М. Безобразов во время своей поездки на Дальний Восток в начале 1903 г. во всеуслышание заявил, что целями русской политики должна быть охрана границы и присоединение Маньчжурии¹¹. Главную ставку он сделал на концессии, в частности – на получение годового порубочного билета на китайском берегу р. Ялу в качестве

⁹ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.52.

¹⁰ Черновик телеграммы Е.И. Алексеева Николаю II 17 (30) мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.53–57.

¹¹ Доклад А.М. Безобразова Николаю II 16 (29) апреля 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.16; то же 9 (22) августа 1903 г. // Там же. Л.150, 152.

продолжения принадлежавшей безобразовцам корейской лесной концессии, рассматривая их также как опору и защиту против Японии¹².

Для «охраны» безобразовского лесного предприятия руководивший ей подполковник А.С. Мадритов завербовал целую армию численностью до 1000 человек. Столь странная «коммерческая» деятельность лесопромышленного товарищества немедленно получила широкую огласку и вызвала резкое недовольство в Японии всей политикой Петербурга на Дальнем Востоке, поддержанное Англией и США. В Токио подозревали, что таким образом готовится военная акция России в Корее. Реакция соседки являлась отчасти наигранной: ещё в 1902 г. Япония направила на Ялу несколько десятков переодетых солдат для наблюдения за русскими, так что в общем там находились в курсе происходящего¹³. Конечно, наблюдение не снимало общей тревоги Токио за действия России. Тем более, что практически одновременно Петербург отказался продолжить эвакуацию Маньчжурии, первый этап которой завершился 26 марта 1903 г., предъявив Китаю целый набор дополнительных условий¹⁴. В совокупности всё это выглядело очень подозрительно, поэтому предположение об агрессивных намерениях России на Дальнем Востоке можно было без труда подкрепить серьёзными аргументами.

Вместо решительных и энергичных действий, которые требовала неблагоприятно развивавшаяся ситуация, Николай II занимал осторожную и неоднозначную позицию. Поддерживая безобразовцев, он, тем не менее, не выполнял всех их предложений. Санкционировав в феврале 1903 г. задержку эвакуации Маньчжурии (это было требование не одного А.М. Безобразова)¹⁵, царь временно отложил посылку в устье р. Ялу «артелей» из переодетых солдат¹⁶. И далее, до мая 1903 г., самодержец продолжал колебаться.

11.2. «Период совещаний»

Резкое усилившееся влияние безобразовцев вызвало обычную в таких ситуациях реакцию их оппонентов: у них появился мощный стимул объединиться для противостояния, несмотря на сохраняющиеся противоречия.

¹² Д.Д. Покотилев – С.Ю. Вите 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.37–39; Симанский П.Н. Указ. соч. С.61.

¹³ 15 мая 1903 г. Ю. Комура получил сообщение японского консула в Ньюжунане Сегавы, что целями безобразовского предприятия является не подготовка войны, а коммерческая деятельность (заготовка леса, горные разработки) (Nish J. Op. cit. P.156–157).

¹⁴ См. подробнее главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

¹⁵ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.15.

¹⁶ Там же. Л.16–28. Обсуждение этого вопроса проходило в конце февраля – первой половине марта 1903 г.

Поэтому С.Ю. Витте, стремившийся вернуть себе господствующие позиции, получил поддержку не только В.Н. Ламздорфа, но и А.Н. Куропаткина. Сторону безобразовцев принял В.К. Плеве, но совсем не потому, что он разделял их представления о дальневосточных делах, а исключительно в интересах борьбы с С.Ю. Витте. На совещаниях 11 (24) января в МИД и 25 января (7 февраля) 1903 г. при участии четырёх министров (В.Н. Ламздорф, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин, П.П. Тыртов) была предпринята попытка сформулировать дальнейшую политику России на восточной окраине¹⁷.

Совещание в МИД 11 (24) января 1903 г. представляет большой интерес, так как в нём участвовала всё руководство ведомства, а также представители России на Дальнем Востоке¹⁸. На нём обсуждали отношение к договору 26 марта 1902 г. (выполнять его или затянуть вывод войск под благовидным предлогом), необходимость соглашения с Японией о Маньчжурии и будущее Кореи. Если по вопросу о выводе войск участники единодушно ответили «да» (присоединение Маньчжурии к России казалось им невысказанным, лишь Р.Р. Розен выступал за оставление небольшого количества армейских подразделений, а П.М. Лессар предлагал увеличить численность охранной стражи до 30 тыс. человек), то по остальным ключевым проблемам они не пришли к единым взглядам. Фактически на этом совещании проступили все острые и дискуссионные моменты в российской политике в регионе в то время: требование дополнительных гарантий от Китая как условие продолжения вывода войск (П.М. Лессар); недопустимость увязки корейского и маньчжурского вопросов (Н.Г. Гартвиг); желание достичь соглашения с Японией, разрешив ей расширить деятельность в Корее, но в рамках соглашений 1896 и 1898 гг., то есть, не делая Токио значительных уступок. Специального соглашения по Маньчжурии с Японией, по мнению участников, не требовалось, а вот прежние договорённости по Корее следовало бы не только сохранить, но и дополнить в смысле усиления ограничений по вмешательству в корейские дела. Совещания оставляют впечатление, что ещё ничего не было предпринято и точка зрения С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфа также пока не доминировала.

На Особом совещании 25 января (7 февраля) 1903 г. участники вернулись к вопросу о соглашении с Токио и в этот раз все признали его желательным. Однако сформулированная ими позиция отличалась внутренней противоречивостью: желая «возможно дружественных» отношений с Японией, Рос-

---

¹⁷ Симанский П.Н. Указ соч. С.43–48; Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.246–247, 269–275; Романов Б.А. Указ. соч. С.216–219. Министры намеревались тянуть время до завершения сооружения КВЖД, пока же они предполагали надавить на Китай, чтобы заставить Пекин закрыть Маньчжурию для иностранцев.

¹⁸ Журнал совещания 11 января 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.718. Л.4–10.

сия, тем не менее, не намеревалась уступать ей Корею «ввиду весьма серьёзного значения, которое в будущем Корея должна неминуемо иметь для русских государственных интересов»¹⁹. Но что это было за значение – на совещании так и не прозвучало. Представляется, что за ним скрывалась одна из главных проблем во всей русской дальневосточной политике: и до, и после 1898 г. российское руководство никак не могло прийти к единому мнению, чего же оно хочет на Корейском полуострове, отделяваясь многозначительными, но малосодержательными фразами. Но именно эта неопределённость и исключала возможность союза с Японией. Другим важным вопросом на совещании были условия эвакуации русских войск из Маньчжурии, которые следовало предъявить Китаю. Они формально не увязывались с Кореей, прямого отношения к русско-японским переговорам не имели, но по остроте встали рядом с корейской проблематикой.

К началу марта 1903 г. усилия триумвирата С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин достигли определённого результата: Николай II принял решение отозвать А.М. Безобразова с Дальнего Востока, где он находился с конца декабря 1902 г., за его склонность к тайной деятельности. Апогеем их успеха явилось Особое совещание 26 марта (8 апреля) 1903 г., обсуждавшее судьбы лесопромышленного товарищества на Ялу. Безобразовцы намеревались создать на его основе частное общество по образцу Chartered Company (т.е., с политическими целями) при государственной поддержке²⁰. Таким образом, их действия становились бы частью имперской политики на Востоке. Несмотря на открытое одобрение «лесопромышленников» Николаем II, большинство участников отказало безобразовцам в официальной поддержке, а их предприятие допускалось лишь как частное и чисто коммерческое. Кроме того, совещание подчёркнуло необходимость действовать строго в рамках соглашений России со странами Востока²¹.

Потерпев неудачу, сразу после совещания безобразовцы бросились в ответную атаку. Николай II некоторое время продолжал колебаться, но после обстоятельных разговоров с военным агентом России в Китае К.И. Вогаком и самим А.М. Безобразовым изменил свою позицию и однозначно встал на их сторону. Важную роль сыграла записка К.И. Вогака «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии», в которой бывший во-

¹⁹ Журнал Особого совещания 25 января 1903 г. // Красный архив. 1932. №3 (52). С.111.

²⁰ Проект доклада А.М. Абазы Особому совещанию, представленный В.К. Плеве // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.759. Л.102–105а. Подробнее об этом см. главу 9 «Безобразовцы: царская «неофициальная» политика на Дальнем Востоке в 1898–1904 гг.».

²¹ Журнал Особого совещания 26 марта (8 апреля) 1903 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.99–103; Симанский П.Н. Указ. соч. С.79–85; Пролог... С.277–282.

енный агент в Китае рассматривал вывод войск исключительно как уступку со стороны России, угрожающую её безопасности на Дальнем Востоке как в военных аспектах, так и из-за предполагаемого наплыва иностранцев в Северный Китай²². 6 мая 1903 г. А.М. Безобразов был назначен статс-секретарём, а К.И. Вогак стал генералом царской свиты. Оба эти назначения носили беспрецедентный характер и придавали главным деятелям «нового курса» официальный статус.

Реванш безобразовцев состоялся на Особом совещании 7 (20) мая 1903 г.²³ Однако их победа не была полной, они добились только разрешения расширить деятельность своего предприятия на р.Ялу и обещания финансовой поддержки от казны²⁴. Но в тех условиях даже такой шаг вызывал сильнейшее волнение в Японии. С этим обстоятельством авторы «новой политики» не считались. Несмотря на то, что С.Ю. Витте сознательно заострял проблему, убеждая И.И. Воронцову-Дашкову, что по его и В.Н. Ламздорфа мнению, Япония «нас не тронет, доколе мы не пожелаем делать свои захваты», он поддержки не получил²⁵.

Другим итогом совещания 7 мая стало ослабление антибезобразовского триумvirата. Его участники погрузились в сепаратные интриги, заботясь, прежде всего, о сохранении собственных портфелей. А.Н. Куропаткин решил сыграть на противоречиях А.М. Безобразова и С.Ю. Витте, сталкивая их лбами. Но делал он это крайне неубедительно, не добившись в итоге расположения со стороны А.М. Безобразова²⁶. Сам С.Ю. Витте надеялся договориться с А.М. Безобразовым путём уступок. Продолжая говорить об опасности безобразовского предприятия, министр финансов одновременно утверждал: «в душе не могу не согласиться, что он (А.М. Безобразов – И.Л.) прав» и обещал добыть желаемую им коцессию на китайском берегу р. Ялу спустя некоторое время, когда возбуждение спадёт. Николай II как будто поддерживал предлагаемые министром финансов меры, но сторонам было невозможно достичь соглашения: С.Ю. Витте не желал терять своего влияния на дальневосточные дела, тогда как его оппоненты претендовали на полное господство там. На интриги не пошёл лишь В.Н. Ламздорф, поставив 28 мая 1903 г. вопрос о своей отставке в знак протеста против вторжения посторонних в сферу компетенции Министерства

²² Вогак К.И. Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.67–72.

²³ Отчёт об Особом совещании 7 (20) мая 1903 г. и его журнал, составленные А.М. Безобразовым // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.150–158.

²⁴ Подробнее об Особом совещании 7 мая 1903 г. см.: Пролог... С.283–287; Симанский П.Н. Указ. соч. С.90–92.

²⁵ С.Ю. Витте – И.И. Воронцову-Дашкову 9 [мая] 1903 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.1523. Л.6.

²⁶ А.М. Безобразов писал А.М. Абазе, что чисто внешне у него с военным министром дружеские отношения, «но по существу, понятно, отношение собаки к палке» (А.М. Безобразов – А.М. Абазе 1 (14) июля 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.121).

иностранных дел (планировалась передача ряда дипломатических функций Е.И. Алексееву)²⁷. Однако Николай II не принял отставки, а сервильный министр смирился со своим новым положением и выразил готовность действовать в интересах безобразовцев и исполнять то, что ему будет указано²⁸. В итоге он сохранил за собой пост, но в деятельности министерства произошли разительные перемены. Российские дипломаты на Дальнем Востоке были обязаны обращаться с донесениями и за получением указаний к Е.И. Алексееву. Новый порядок подчинения сразу же обернулся хаосом. Кроме того, для российских посланников в Сеуле, Пекине и Токио не было секретом, что представления о необходимых действиях Е.И. Алексеева и В.Н. Ламздорфа сильно расходятся. Благодаря перераспределению рычагов власти на Дальнем Востоке во второй половине 1903 г. вокруг Е.И. Алексеева сложился центр управления внешней политикой России в регионе, чьё направление отличалось от курса МИДа.

Будущий наместник являлся одной из немногих влиятельных персон, кто реально сблизился с безобразовцами²⁹. Произошло это в конце марта 1903 г., после его неудачного противодействия им по вопросу о деятельности лесопромышленного товарищества. Далее между ними конфликты уже не возникали. У Е.И. Алексеева с безобразовцами имелась общая установка: ничего не уступать японцам на Дальнем Востоке, тем не менее, полностью отождествлять их позиции, как это сделал С.Ю. Витте («вполне заодно»), нет оснований³⁰. Е.И. Алексеева не очень беспокоила судьба Кореи. Он лишь полагал опасным допускать там свободу действий, так как она «вселит в японцах мысль о нашей слабости»³¹. Признавая «важность» безобразовского предприятия, Е.И. Алексеев тем не менее, никогда не ставил его в центр всей дальневосточной политики России. На первом месте у него находилась Маньчжурия³².

²⁷ Источник. 1999. №2. С.38–39. 16 мая Николай II распорядился, чтобы отныне все телеграммы по Дальнему Востоку посылались через Е.И. Алексеева (Записка В.Н. Ламздорфа 16 (29) мая 1903 г. с резолюцией Николая II // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.35–36).

²⁸ Два письма А.М. Безобразова Николаю II 29 мая (11 июня) 1903 г. // Русско-японская война: из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925. С.141–142.

²⁹ С.Ю. Витте утверждал, что А.М. Безобразов «можно сказать, назначил наместником Дальнего Востока Алексеева», оно состоялось «по его инициативе и по его представлению» (Из архива С.Ю. Витте. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.519). Известие о своем назначении во главе объединенного управления Дальним Востоком «по всем ведомствам» Е.И. Алексеев получил от Николая II 2 (15) мая 1903 г. (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.213. Л.132). Подробнее см. главу 10 «Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)».

³⁰ Пролог... С.257–258.

³¹ Е.И. Алексеев – в МИД 6 (19) июля 1903 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.188. Л.89.

³² Е.И. Алексеев – Николаю II 21 мая (3 июня) 1903 г. // АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.205. Л.40–42.

Важную роль в разработке российской политики на Дальнем Востоке играл барон Р.Р. Розен, вновь назначенный посланником в Токио в апреле 1903 г. Сторонник жёсткой позиции по отношению к Японии, он полагал, что Страна восходящего солнца не осмелится начать войну³³. Р.Р. Розен даже вывел формулу: риск наступления кризиса обратно пропорционален твёрдости России³⁴. По его мнению, Петербургу следовало демонстрировать пассивность в Корее и никак не связывать действия в королевстве и в Северном Китае³⁵. Барон утверждал: «Соглашение с Японией может состояться лишь совершенно в стороне от маньчжурского вопроса, на почве взаимных уступок в виде разграничения обоюдных сфер интересов в Корее, а отнюдь не на почве раздела Кореи с отдачей южной её части Японии в виде компенсации за Маньчжурию»³⁶. Посланник был в принципе против соглашения с Токио, так как полагал, что его заключение ничего не даст России. Он считал, что почва для него ещё не готова, что в интересах Петербурга только «по решению маньчжурского вопроса предоставить Японии некоторую компенсацию на корейской почве»³⁷. То есть, сначала Токио следовало продемонстрировать «правильную» позицию относительно Маньчжурии. Кроме того, Р.Р. Розен явно стремился к тому, чтобы Корею Япония могла получить только из русских рук, да ещё и в виде иллюзорного господства в королевстве.

Всё это не вызывало возражений у Николая II. Однако соображения Р.Р. Розена, как бы привлекательно они не выглядели, не учитывали ряд проблем. Он, по-видимому, даже не допускал мысль, что японское руководство могло бы не удовлетвориться половиной Кореи. Препятствием замыслу дипломата также являлся англо-японский союз, заключённый в январе 1902 г. Р.Р. Розен наивно полагал, что его предложение перевесит для Токио интересы альянса с Лондоном, сильно переоценивая привлекательность своей комбинации для Японии. В общем, рассуждения российского посланника выглядели интересно и даже красиво, но только на бумаге.

Придя к власти, безобразовцы более внятно определили своё отношение к Корее. Вопреки домыслам, летом 1903 г., ещё до начала переговоров с Японией, они, в сущности, выступали за размен Кореи на Маньчжурию («подарив Корею

³³ Дипломат был удивлён твёрдости Японии, он объяснял её воодушевлением после заключения союза с Англией в январе 1902 г. (Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 24 августа (6 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.143–145).

³⁴ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 25 июня (8 июля) 1903 г. // Там же. Л.132.

³⁵ Однако Р.Р. Розен признавал полезным поддерживать видимость такой увязки для японцев (Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 20 июня (3 июля) 1903 г. // Там же. Л.130–131).

³⁶ Р.Р. Розен – в МИД 20 июня (3 июля) 1903 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.188. Л.65 об. – 66.

³⁷ Р.Р. Розен – в МИД 2 июля 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.106–108.

японцам, объявить в дальнейшем будущем, что мы остаёмся в Маньчжурии»), при этом от Японии требовалось обязательство не возводить на полуострове военных укреплений. За Россией оставалась бы только северная часть полуострова (водораздел рек Ялу–Тюмень)³⁸. Позднее А.М. Безобразов писал про предприятие на р. Ялу, что «оно было средством для отвлечения от Маньчжурии внимания наших врагов» (скорее, наоборот, оно привлекло внимание к русской политике там), а также нацеливалось на то, чтобы помешать японцам утвердиться на северной границе Кореи, что составило бы угрозу Маньчжурии³⁹. Тем не менее, безобразовцы продолжали активно развивать деятельность своего товарищества на р. Ялу. Так же, как и С.Ю. Витте в конце 1902 г., А.М. Безобразов в августе 1903 г. выступал с позиции охраны российских границ, ни о какой экспансии за пределами Маньчжурии речь не шла (на самом деле, предприятие представляло для его участников несомненную самооценку). И так же, как С.Ю. Витте, он избрал для этого экономические, а не силовые средства, уповая прежде всего на КВЖД и Русско-Китайский банк⁴⁰.

Тем не менее, эта точка зрения, ставшая господствующей в позиции России, не учитывала важнейшие обстоятельства. Помимо мнения Токио, о котором уже говорилось, нельзя было делать вид, что Маньчжурия – предмет лишь русско-китайских отношений. О своих интересах в Северном Китае заявляли и другие державы, прежде всего, США и Англия.

Договориться с США было проще, чем с Англией: американцев интересовала прежде всего свобода коммерческой деятельности в Китае. Ради своей доктрины «открытых дверей» заокеанское руководство закрывало глаза на ряд частностей. Государственный секретарь Дж. Хэй с пониманием относился к политике России в Маньчжурии и признавал её первенствующие интересы в Северном Китае. Проблема состояла прежде всего в том, что на уступки американцам категорически не хотели идти некоторые деятели, прежде всего, Е.И. Алексеев, настаивавший на закрытости Маньчжурии для иностранцев⁴¹. А.П. Кассини предупреждал Петербург, что противодействие интересам

³⁸ А.М. Абаза – Николаю II 14 (27) июня 1903 г. и приложенные к письму «Основы наших будущих отношений к Японии» // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.144–146.

³⁹ А.М. Безобразов – И.П. Балашёву 22 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.82–82 об.

⁴⁰ А.М. Безобразов – Николаю II 8 (21) августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.90–91.

⁴¹ Несмотря на то, что Е.И. Алексеев с трудом, но признавал неизбежность открытия для иностранцев портов в Маньчжурии, он полагал, что это следует сделать лишь по завершении переговоров России с Китаем, то есть, откладывал это на неопределённое время (телеграммы Е.И. Алексеева 6 (19) и 9 (23) июня 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3171. Л.27–28). В противном случае он угрожал, что Маньчжурия «обратиться во враждебный нам лагерь», и туда придётся возвращать русские войска (Е.И. Алексеев – Николаю II 7 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.172. Л.21 об.).

США толкает Вашингтон к союзу с Лондоном и Токио «в надежде, что этим путём им удастся осуществить свои вожеления». Лишь обещания российских дипломатов содействовать американской торговле в Маньчжурии удерживало Белый дом, по мнению дипломата, от такого шага. Посол полагал, что для удовлетворения американцев следует немедленно открыть для иностранцев один или два порта в Маньчжурии⁴². Пока это устроило бы американцев, но они хотели в будущем получить доступ для торговли в Мукдене и даже, если получится, Харбине. Вместо этого Петербург фактически принял позицию наместника. Узнав о том, что мнение Е.И. Алексеева доминирует, Дж. Хэй сильно встревожился. За пять лет А.П. Кассини не видел его ни разу настолько возбуждённым, упрекающим Россию в неискренности. Дипломату с трудом удалось успокоить государственного секретаря, заявив, что Россия готова открыть маньчжурские города для иностранной торговли, за исключением Харбина⁴³. Аналогичное заверение было сделано 1 (14) июля 1903 г. Р.Р. Розеном в Токио.

В целом, к середине 1903 г. в российском руководстве выявилось несколько точек зрения на политику империи на Дальнем Востоке. С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф выступали за уступку Кореи и вывод русских войск из Маньчжурии. Однако их позиция не являлась доминирующей. Всё больший вес получало мнение безобразовцев и Е.И. Алексеева: Японии можно отдать половину Кореи, Маньчжурию эвакуировать не следует, наоборот, необходимо закрепить её за собой⁴⁴. Промежуточную позицию занимал А.Н. Куропаткин: поддерживая необходимость пассивной политики и уступок, он, тем не менее, полагал возможным ограничиться захватом Северной Маньчжурии.

Разногласия во мнениях и неясное место безобразовского предприятия в русской политике стали предметом совещания в Порт-Артуре, проходившего 18–28 июня (1–10 июля) 1903 г. с участием в основном российских чиновников, служивших на Дальнем Востоке. Из министров на нём присутствовал лишь вернувшийся после поездки в Японию А.Н. Куропаткин. Несмотря на бурные и продолжительные обсуждения, А.М. Безобразову не удалось до-

⁴² А.П. Кассини – в МИД 4 (17) июня 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3171. Л.16–19; В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 6 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.27.

⁴³ А.П. Кассини – в МИД 18 июня (1 июля) 1903 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3171. Л.43–47; Ганзен (замещал А.П. Кассини на время отпуска) – в МИД 1 (14) июля 1903 г. // Там же. Л.62–63.

⁴⁴ Относительно Кореи у безобразовцев и Е.И. Алексеева можно встретить разные суждения, в том числе и противоречащие друг другу. В общем их позицию можно интерпретировать так: они были готовы уступить без существенных оговорок южную часть королевства, на севере же – только экономическую деятельность, без военного присутствия. Бассейн р. Ялу они считали «своим» благодаря концессии Бринера.

биться принятия желаемых им решений: участники признали за лесным предприятием лишь коммерческий характер. Единство наступило лишь при разработке пунктов дополнительных условий к Китаю. Все 10 требований Пекину вращались вокруг того, чтобы не допустить сколько-нибудь заметного влияния иностранцев в Маньчжурии и закрепить там за русскими ряд преимуществ, прежде всего, в добыче полезных ископаемых⁴⁵.

Решения, принятые в Порт-Артуре, не совсем удовлетворили Николая II и он созвал 1 (14) августа ещё одно совещание – на сей раз в Петербурге – из трёх министров, военного, финансов и иностранных дел, для ответа на три вопроса: следует ли присоединить Маньчжурию к России, выполнять ли договор 26 марта 1902 г. о выводе войск и связывать ли маньчжурский и корейский вопросы. А.Н. Куропаткин, неоднократно выдвигавший идею аннексии Северной Маньчжурии, на сей раз поддержал решение – не захватывать китайской территории. Однако сановники также признали, что и выполнение договора 26 марта 1902 г. невозможно. Несмотря на то, что судьба безобразовского предприятия специально не обсуждалась, его деятельность была расценена резко отрицательно: оно выглядело не столько оборонительным заслоном, сколько поводом к войне⁴⁶. Осудив его, министры фактически вернулись к результатам совещания 26 марта⁴⁷. Требования же к Китаю, принятые в Порт-Артуре, были сокращены наполовину.

Казалось, что в Петербурге произошёл переворот: реальная власть на Дальнем Востоке вернулась к министрам. Но В.Н. Ламздорф поторопился, сообщив решения совещания 1 (14) августа Е.И. Алексееву как уже одобренные Николаем II (то есть, Е.И. Алексееву следовало лишь принять их к сведению, а на его усмотрение отдавался один вопрос – о размещении выводимых из Маньчжурии войск в полосе отчуждения КВЖД)⁴⁸. Однако в последующие дни всё изменилось. Уже 18 (31) августа В.Н. Ламздорф уточнил, что итоги совещания посланы наместнику «на заключение»⁴⁹. Е.И. Алексеев, явно лучше ориентировавшийся в ситуации, ответил не ми-

⁴⁵ Симанский П.Н. Указ. соч. С.116–123, 129–130.

⁴⁶ Журнал Особого совещания 1 (14) августа 1903 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.915. Л.7–18; Симанский П.Н. Указ. соч. С.137–140.

⁴⁷ С.Ю. Витте, несмотря на оптимистический настрой по результатам совещания, полагал, что предприятие на р. Ялу для них неприкосновенно (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.260–260 об.).

⁴⁸ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 12 (25) августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.44. По версии А.Н. Куропаткина, Николай II утвердил решение совещания по Маньчжурии, ожидая от наместника замечаний относительно Кореи – так ему объяснил В.Н. Ламздорф (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.63–64. Запись 12 августа 1903 г.).

⁴⁹ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 (31) августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.45.

нистру, а императору. Он не согласился с большей частью выводов, сделанных 1 августа, заявив о том, что надо восстановить ряд требований к Китаю, шире поставить защиту русских интересов в Маньчжурии. В завершение он не без ехидства подчеркнул, что признаёт безобразовское предприятие на р. Ялу «делом, вполне заслуживающим того высокого покровительства, благодаря которому оно получило нынешнее развитие». Даже ослабление его деятельности нанесёт ущерб русскому делу в Маньчжурии⁵⁰. Получалось, что министры идут наперекор царской воле да ещё и с заведомо проигрышным итогом – так их позицию изобразил наместник.

Одновременно в Петербурге А.М. Безобразов прилагал усилия, чтобы дезавуировать решения совещания 1 августа и жаловался на В.Н. Ламздорфа, что тот избегает снабжать Е.И. Алексеева «руководящими данными от государя». Но обещание А.М. Безобразова «одним ударом» покончить с оппозицией его курсу было реализовано лишь частично: В.Н. Ламздорф всё-таки сохранил за собой министерское кресло⁵¹.

Николай II, по-видимому, некоторое время колебался. Об этом свидетельствует его монолог А.Н. Куропаткину 19 августа (1 сентября), «что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и неправильно решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь так или иначе, вопрос этот решён и с этим надо всем считаться»⁵². Кроме того, подоплёку мнения трёх министров «разъяснил» самодержцу А.М. Безобразов: это ведомственная оппозиция Е.И. Алексееву, а по сути – организованное министром финансов противодействие намерению Николая II создать наместничество. Это же он сообщил Е.И. Алексееву, добавив, что заключение совещания «в глазах государя значения не имеет»⁵³. Действительно, самодержец после обмена мнениями с Е.И. Алексеевым утвердил журнал совещания 1 (14) августа только в отношении Маньчжурии, но не приказал его исполнить⁵⁴. Тем не менее, Николай II согласился с А.Н. Куропаткиным: деятельность А.М. Безобразова, который был прав два года назад, критикуя курс С.Ю. Витте, уже не приносила пользы и его следовало удалить («знаю, надо выбросить его»)⁵⁵. А.М. Безобразов, конечно, не получил отставки, но его влияние на дальневосточные дела осенью 1903 г. несомненно уменьшилось

⁵⁰ Е.И. Алексеев – Николаю II 23 августа (5 сентября) 1903 г. // Там же. Д.123. Л.46–47.

⁵¹ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 26 августа (8 сентября) 1903 г. // Там же. Л.48–49.

⁵² Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.69. Запись 19 августа 1903 г.

⁵³ А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 26 августа (8 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.48–49.

⁵⁴ РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.718. Л.27.

⁵⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.69. Запись 19 августа 1903 г.

по сравнению с первой половиной 1903 г.⁵⁶ Впрочем, затем он сконцентрировал внимание на «экономических» вопросах, составляя проекты реорганизации управления дальневосточными предприятиями России, меньше вмешиваясь во внешнеполитические вопросы.

Очевидно, что попытка В.Н. Ламздорфа подчинить наместника умеренным директивам из Петербурга не удалась⁵⁷. 2 сентября А.М. Безобразов сообщил Е.И. Алексееву о распоряжении Николая II, чтобы посланник России в Пекине придерживался исключительно указаний наместника и ехал к нему с докладом по первому требованию⁵⁸. Аналогичные предписания получили российские дипломаты в Токио и Сеуле («бесспорно выполнять все предначертания наместника»). Влияние графа на дальневосточные дела стало до такой степени ничтожным, что Министерству иностранных дел в это время сообщались лишь копии некоторых (!) телеграмм, касающихся уже начавшихся русско-японских переговоров. Можно сказать, что внешнеполитическое ведомство было вообще на некоторое время отстранено от политики на Дальнем Востоке⁵⁹. Один из дипломатов констатировал

---

⁵⁶ Падение влияния А.М. Безобразова было, по-видимому, также связано с его неуместным вмешательством в военные дела и резкой полемикой с А.Н. Куропаткиным. А.М. Безобразов советовал военному министру перебросить деньги, к примеру, со строительства принаровских дорог на Дальний Восток, отменил (!) военные манёвры в Варшавском округе и отправил на средства, выделенные на их проведение, две бригады к Тихому океану. Николай II никак не реагировал на происходящее. Логичным выходом из ситуации стала бы отставка самого А.Н. Куропаткина и она, как будто, была в те дни – начала августа 1903 г. – в принципе решена (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.56–59. Встреча самодержца с ним состоялась 2 (15) августа). Военный министр сам поднял вопрос о ней, царь «склонен был дать согласие», пока же А.Н. Куропаткин выпросил себе четырёхмесячный отпуск (Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война 1904–1905 гг. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С.34). Однако военный министр удержался: царь, по-видимому, всё-таки не доверился «военным талантам» своего статс-секретаря. А.М. Безобразов остался неудовлетворён и в начале сентября опять намеревался поставить вопрос ребром: он либо военный министр, который постоянно «старается укунить» его (А.М. Безобразов – В.К. Плеве 4 (17) сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.760. Л.75–76). Но момент был уже упущен. Не удалось и удовлетворить желание Е.И. Алексеева стать главнокомандующим русскими войсками на Дальнем Востоке, несмотря на то, что царь ответил А.М. Безобразову, что наместник – «ответственный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами края», на практике он так и не получил такой власти (Е.И. Алексеев – А.М. Безобразову 6 сентября 1903 г. и ответная телеграмма 10 сентября 1903 г. // Там же. Д.761. Л.87 об. – 88 об.).

⁵⁷ Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.2.

⁵⁸ РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.87.

⁵⁹ Поразительно, что впоследствии Е.И. Алексеев обвинял министерство в том, что оно, обидевшись на его вторжение в международные дела, не сообщало ему действи-

в октябре 1903 г.: «Работы у нас немного, так что даже при нашем очень ограниченном составе мы легко справляемся. Министерство продолжает черпать сведения о происходящих на Д[альнем] Востоке событиях из телеграмм агенств и, по-видимому, эта оскорбительная, на мой взгляд, не лишённая трагикомизма новая эра в его существовании грозит продлиться. <...> Во всяком случае, приходится признать, что м[инистерств]во окончательно потеряло голос в этом деле»⁶⁰.

Поражение «триумвирата» в августе 1903 г. стало для него последним. Главным виновником сопротивления «новой политике» был признан С.Ю. Витте, это и послужило причиной его внезапной отставки, о которой министр узнал на всеподданнейшем докладе 15 августа. Пошатнулись кресла и под двумя другими участниками совещания: А.Н. Куропаткиным и В.Н. Ламздорфом. Казалось, что их уход – дело также решённое. Однако царь, верный принципу не принимать всецело чью-либо сторону, выжидал. К тому же одновременное удаление трёх ключевых министров напоминало правительственный кризис и могло вызвать нежелательные последствия. Тем не менее, их влияние заметно ослабло, а большинство рычагов управления ситуацией оказалось в руках безобразовцев и Е.И. Алексеева. Отставка С.Ю. Витте сопровождалась реорганизацией ведомства: безобразовцы планировали забрать из Министерства финансов управление железными дорогами, пограничной стражей, учебными заведениями, а главное – основными инструментами политики в Китае – КВЖД и Русско-Китайским банком, а также важнейшими концессиями Маньчжурского горнопромышленного товарищества, прежде всего, фушуньскими угольными копиями – то есть, всё то, что относилось к Дальнему Востоку и получило название «империи Витте»⁶¹. В таких условиях – смены руководителей дальневосточной политики России – стартовали русско-японские переговоры.

тельной картины, поэтому он якобы ничего не знал о политических настроениях иностранных кабинетов, особенно лондонского и Вашингтонского (Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.52, прим.).

⁶⁰ К.Д. Набоков – П.Л. Вакселю 3 (16) октября 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 123. Оп.1. №318. Л.14 об.

⁶¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.65. Запись 18 августа 1903 г. Об этом также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.446. А.М. Безобразов предполагал оставить Министерству финансов лишь охрану интересов казны, но никак не руководство политикой (записка А.М. Безобразова 11(24) ноября 1903 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.126. Л.156–164). Реорганизовывать чего-либо ещё он не собирался, поэтому прямо заявил директору канцелярии министра финансов А.И. Путилову о своем желании, «чтобы люди, которые занимались у Вас делами Д[альнего] Востока, переменили только свои клочки и комнаты, но оставались при тех же делах» (А.И. Путилов – С.Ю. Витте 20 сентября (2 октября) 1903 г. // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.693. Л.2 об.).

11.3. Первый раунд переговоров

Инициатива переговоров, можно сказать, исходила от обеих сторон. В Токио предполагали вернуться к предложениям Х. Ито, представленными им в Петербурге в конце 1901 г., интерпретировав их как возможность размена Маньчжурии на Корею (хотя сам Х. Ито говорил о другом – о самостоятельном соглашении по Корее, не отрицая возможность такого же по Маньчжурии, но после). В свою очередь, В.Н. Ламздорф резонно считал, что присоединение Маньчжурии к России, за что выступал Е.И. Алексеев, увеличивает риск столкновения с Японией и с ней следует договориться. Его также тревожили слишком активные действия безобразовцев в Корее.

16 (29) мая министр предложил Николаю II прозондировать в Токио возможности соглашения России с Японией. Царь одобрил идею, и В.Н. Ламздорф уже 17 (30) мая уполномочил Р.Р. Розена искать договорённости по Корее⁶². Посланник сообщил, что для этого необходимо отказаться от ведения активной политики в королевстве. В.Н. Ламздорф подхватил мысль (ведь она обещала положить конец безобразовскому предприятию), выразив готовность не мешать невоенной деятельности Японии в Южной и Центральной Корее⁶³. Однако министра ждал неприятный сюрприз: Николай II предложил вести переговоры Е.И. Алексееву⁶⁴. Наместник же являлся принципиальным противником соглашения с Японией: он полагал невыгодным для России обменять Южную Корею на Маньчжурию, предпочитая пассивно ждать, пока Япония не займёт часть королевства силой, чтобы появился повод для протеста⁶⁵. Адмирал был более озабочен соглашением с Китаем об эвакуации Маньчжурии, подыскивая аргументы для продолжения оккупации.

Первый шаг сделала Япония. Ещё в апреле 1902 г. Х. Ито убеждал скептически настроенного А.П. Извольского в возможности русско-японского соглашения по Корее. 11 (24) февраля 1903 г. в Петербурге состоялась первая встреча нового японского посланника Ш. Курино с В.Н. Ламздорфом, по поручению Токио японец сразу заговорил о достижении договорённости между

⁶² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.133, 139 об.

⁶³ ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.177–179, 180.

⁶⁴ Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.2. Позднее царь сообщил об этом японскому посланнику Ш. Курино, добавив, что наместнику поручено также составление контрпредложений (телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 13 августа 1903 г. // Там же. Л.5).

⁶⁵ Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 17 (30) июня 1903 г. // Там же. Д.156. Л.7; Е.И. Алексеев – Николаю II 6 июля 1903 г. // Там же. Д.134. Л.13. Р.Р. Розен также не приветствовал идею переговоров, считая затруднительным разделить корейский и маньчжурский вопросы, а корень русско-японских разногласий он ошибочно усматривал в Маньчжурии, а не в Корее.

двумя странами⁶⁶. Беседы продолжились и дальше, как в Петербурге, так и в Токио (в июле 1903 г. – уже с Р.Р. Розеном)⁶⁷. Стороны понимали желательность достичь взаимопонимания и готовились к трудному диалогу. Наконец, по поручению японского руководства посланник в Петербурге Ш. Курино обратился к В.Н. Ламздорфу с предложением начать обмен мнениями по Дальнему Востоку.

После непродолжительной дискуссии с Токио Петербург избрал специфический порядок принятия решений. Сами переговоры по решению Николая II вёл в Токио Р.Р. Розен. Все японские предложения и ответы он посылал в Петербург, а также в Порт-Артур Е.И. Алексееву. В столице в суть дела посвящались министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, военный министр А.Н. Куропаткин, морской министр Ф.К. Авелан, безобразовец А.М. Абаза, который руководил канцелярией Особого комитета Дальнего Востока⁶⁸, и, разумеется, сам царь. После обсуждения запрашивалось мнение Е.И. Алексеева и лишь затем утверждалась окончательная инструкция для действий Р.Р. Розена. Такой порядок был весьма неудобен, а главное, он требовал значительного времени для согласования заметно отличавшихся позиций Петербурга и Порт-Артура. Кроме того, он ещё и менялся: влияние наместника постепенно уменьшалось, а В.Н. Ламздорфа – увеличивалось. В итоге японцы использовали эту медлительность как повод для прекращения переговоров. Они подсчитали, что с момента передачи условий Токио до получения первого русского ответа прошло 52 дня⁶⁹. Не оправдывая Токио, надо признать, что для стороннего наблюдателя, если он не знал всю «кухню» принятия решений, такое поведение России проще всего объяснялось желанием затянуть время, чтобы лучше подготовиться к войне (что Петербург, кстати, и делал).

30 июля (12 августа) Ш. Курино передал В.Н. Ламздорфу японские предложения⁷⁰. В их основе лежала идея обмена Кореи на Маньчжурию (как бы

⁶⁶ Nish J. *Op. cit.* P.132.

⁶⁷ Р.Р. Розен – в МИД 2 июля 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.106–108.

⁶⁸ Особый комитет Дальнего Востока был учреждён вместе с наместничеством. Он задумывался как необходимая инстанция между наместником и ведомствами. В число его членов входили министры, председателем являлся царь. Однако за 1903–1905 гг., пока существовало наместничество, он так и не собирался ни разу. Подробнее см. главу 10 «Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)».

⁶⁹ Okamoto Sh. *The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War.* N.Y.:L., 1970. P.80.

⁷⁰ 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй и поддерживать начало равного благоприയാства для торговли и промышленности всех наций в этих странах.

2. Обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии, и права Японии

Токио это не отрицал), причём обмена неравноценного (хотя речь преимущественно шла о судьбе королевства). За Россией Япония признавала только специальные железнодорожные интересы, тогда как сама хотела действовать в Корее практически без ограничений (это скрывалось в ст. 5). Конечно, для соблюдения приличий в первой же статье подтверждалась «независимость» и «целостность» Китая и Кореи⁷¹. Находившийся в Японии чиновник Министерства финансов Н.А. Распопов одновременно сообщил С.Ю. Витте о позиции японского общественного мнения: оно требовало, чтобы Россия освободила Маньчжурию и вернула её Китаю с тем, чтобы Пекин открыл доступ туда иностранцев; Корею же предстояло стать сферой исключительных интересов Токио. Чиновник считал такие требования чрезмерными, но констатировал: «депутаты, политические партии и клубы, чиновничество, профессорат и студенчество, наконец, класс молодых военных – всё это думает именно так и желает именно этого»⁷². Это была тревожная информация. Конечно, не стои-

---

принимать в Корее и права России принимать в Маньчжурии такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны их соответственных, выше определённых интересов, подчинённых, однако, постановлениям первой статьи настоящего соглашения.

3. Взаимное обязательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых действий, соответственно: Японии – в Корее, а России – в Маньчжурии, которые не противоречат постановлениям первой статьи настоящего соглашения.

Дополнительное обязательство со стороны России не мешать могущему быть продолжению корейской железной дороги в Южную Маньчжурию на соединение с Восточно-Китайской и Шанхайгуань-Нючжуанской линиями.

4. Взаимное обязательство, что, в случае необходимости для Японии послать войска в Корею, а для России – в Маньчжурию, с целью охраны ли интересов, упомянутых в статье второй настоящего соглашения, или подавления восстания либо беспорядков, рассчитанных на создание международных осложнений, отправленные таким образом войска не будут ни в каком случае превосходить число действительно потребное и затем отзовутся, как только выполнят своё назначение.

5. Признание со стороны России исключительного права Японии подавать советы и помощь Корее в интересах реформ и доброго управления, включая сюда и необходимую военную помощь.

6. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 3 августа 1903 г. // Японская Белая книга. Переписка о переговорах между Японией и Россией в 1903–1904 годах. Представлена императорскому японскому Сейму в марте 1904 года / Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.173–174).

⁷¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.153.

⁷² Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 10 (23) августа 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.169. Л.71–72.

ло рассматривать «общественное мнение» как позицию японских властей, но задуматься об этом следовало бы. Ещё интереснее выглядела другая встреча Н.А. Распопова – с графом М. Мацукатой. Бывший премьер и министр финансов говорил о сближении двух стран, призывая не придавать большого значения воинственному тону печати. Суть его позиции сводилась к предложению урегулировать отношения через развитие экономических связей, с этим он и обращался к С.Ю. Витте, а не в российский МИД⁷³. Но для С.Ю. Витте информация о настроениях в Стране восходящего солнца осталась не востребовавшей: менее чем через неделю после того как это послание было отправлено, он получил отставку и – соответственно – утратил и без того уменьшающееся влияние на ход дальневосточных дел.

Реакция всего российского руководства, в том числе и графа, на полученный японский проект соглашения являлась эмоциональной и дружно негативной: притязания Японии расценивались как наглость. О передаче японских предложений Е.И. Алексееву и Р.Р. Розену для подготовки ответа В.Н. Ламздорф сообщил Ш. Курино 27 августа (9 сентября). На это понадобился ещё почти месяц: он был представлен 20 сентября (3 октября), прежде всего, из-за нового порядка (а точнее, беспорядка) ведения дальневосточной политики.

Первоначально Николай II «повелел вести дела так, как хочет Алексеев». Наместник же настаивал на жёстком курсе в отношении Японии, по-прежнему отказываясь уступать ей всю Корею. Он не собирался ликвидировать безобразовское предприятие на р. Ялу, полагая, что оно не знаменует собой активную политику России в Корее. Глава российского Дальнего Востока требовал от Токио объявить Маньчжурию вне сферы японских интересов, соглашаясь признать в ответ только торговые права Японии там⁷⁴. Его дипломатический чиновник Г.А. Плансон, формулировавший позицию Е.И. Алексеева, подготовил контрпроект из пяти статей. Кроме взаимного признания независимости Кореи и обязательства не использовать её территорию в стратегических целях, Россия обещала не препятствовать промышленной деятельности японцев в королевстве. Бассейн р. Ялу объявлялся нейтральной зоной, куда запрещалось вводить войска. Петербург также признавал торговые и промышленные интересы Токио в Маньчжурии, взамен он хотел получить обещание Японии не вмешиваться в русско-китайские отношения по поводу этой окраины Цинской империи (обязательство, которое имело мало смысла)⁷⁵. Проект этот выглядел как

⁷³ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 8 (21) августа 1903 г. // Там же. Л.57–65.

⁷⁴ Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 30 и 31 августа (12 и 13 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.156. Л.9–10; Симанский П.Н. Указ. соч. С.155–156, 165.

⁷⁵ Проект договора с Японией, составленный Г.А. Плансоном, б/д. [конец августа

составленный недостаточно профессионально, так как в грубоватой форме намекал на скорую аннексию либо протекторат России над Северным Китаем. В ответ Японии уступалось не так много, во всяком случае, меньше того, что она уже решила для себя требовать.

Кроме того, Г.А. Плансон не вполне точно отразил мнение наместника, который склонялся даже к более жёсткой позиции. Е.И. Алексеев полагал, что Россия, «сохраняя все преимущественные права в Маньчжурии (которых у неё никогда не было, имея в виду договоры с Пекином, а не цзяньцзюнями – И.Л.), предоставляет Японии» преимущественные права в Корее⁷⁶. Впрочем, адмирал вообще желал бы изъять упоминание Маньчжурии из соглашения, но не понимал, как это можно сделать, по сути предлагая разменять на неё Корею.

В принципе позиция Г.А. Плансона – Е.И. Алексеева была не такой уж безнадёжной для переговоров. Но дипломатический чиновник явно оказался не на своём месте: он не умел составлять столь важные документы. Если он хорошо понимал, что Россия может предоставить Токио «всевозможные права и преимущества», не отказываясь «от всего» в Корее, то есть, от прав, «присущих каждому независимому государству» (это совершенно справедливо – И.Л.), то его же нежелание допустить, чтобы Япония могла «распоряжаться судьбою Маньчжурии на одинаковых с Россией правах» вызывает скорее недоумение⁷⁷. В Токио никто не говорил о намерении «распорядиться» Маньчжурией, там выступали за её интернационализацию, то есть, равные возможности в ней для всех, защищая таким образом как свои интересы, так, например, и интересы англичан и американцев.

Между набросками контрпроекта и его окончательным вариантом (после обсуждения с Е.И. Алексеевым) у Г.А. Плансона прослеживается заметная разница⁷⁸. В набросках Россия допускала появление японских войск в королевстве, но без возведения там постоянных укреплений. От Японии же требовалось признать Маньчжурию вне сферы её интересов. Эти пункты исчезли из окончательного варианта, но затем, на следующих этапах переговоров они появились вновь. Похоже, что Е.И. Алексеев придерживался иного принципа определения российской позиции: он был менее категоричен в условиях, но абсолютно жёсток по части их пересмотра, то есть, не допускал торга, что плохо для дипломата. Но с Г.А. Плансоном они пошли по такому пути: меньше уступок от Японии – меньше требований к ней.

1903 г.] // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.59. Л.1.

⁷⁶ Замечания Е.И. Алексеева на проект Г.А. Плансона 25 августа 1903 г. // Там же. Л.2.

⁷⁷ Плансон Г.А. Записка по поводу японского проекта соглашения 25 августа 1903 г. // Там же. Л.4 об. – 5.

⁷⁸ Там же. Л.2–3.

Позиция Е.И. Алексеева казалась излишне бескомпромиссной. Даже Р.Р. Розен, также склонный придерживаться твёрдой линии, полагал, что Страна восходящего солнца не примет условий адмирала. Посланник считал, что война маловероятна, но если Токио всё-таки решился бы развязать её, то предлогом стал бы либо отказ России от эвакуации Маньчжурии, либо деятельность концессионеров на р. Ялу⁷⁹. В сущности никакого решения он не предлагал, лишь говорил о необходимости пассивной позиции относительно Кореи и вообще смотрел на переговоры пессимистично, полагая, что японцы требуют слишком многого и что правительство под давлением общественного мнения не посмеет отступить. Такая позиция барона скорее свидетельствовала о том, что он либо не вполне понимал всей остроты момента, либо не решался высказать своё мнение начальству прямо.

Одновременно 14 (27) августа Николай II поручил составить проект ответа на японские требования А.М. Безобразову. Он представил свой текст уже через два дня. В отличие от наместника новоявленный статс-секретарь увязал маньчжурский и корейский вопросы, император согласился с этим, вставив от себя лишь слово «аналогичных» применительно к русским интересам в Маньчжурии и японским в Корее⁸⁰. Этого вряд ли было достаточно для полноценного ответа японцам. Лишь затем на первый план вернулся Е.И. Алексеев. Эпизод с А.М. Безобразовым характерен для дипломатии Николая II последних месяцев перед войной. Правда, самодержца, кажется, не вдохновил его проект, поэтому статс-секретарь к составлению дипломатических документов более не привлекался.

Царь как ни в чём не бывало поддержал позицию наместника. Из Дармштадта он написал ему: «Разделяю Ваше мнение относительно необходимости продолжить оккупацию Маньчжурии и твёрдого заявления Японии в этом смысле». То есть, как и адмирал, он развёл маньчжурский и корейский вопросы, соглашаясь, что «было бы весьма желательно прийти с Японией к действительному соглашению на почве Кореи». Самодержец не возражал против серьёзных уступок, намереваясь дать понять Токио, «что Россия не имеет никаких завоевательных стремлений в Корее, но что она будет охранять свои интересы в пограничной с этою страню полосе». Николая II совершенно

⁷⁹ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 23 августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.11–13. Эти мысли повторялись в целом ряде писем и телеграмм посланника. Возможно, что он опирался на донесения военного агента в Японии В.К. Самойлова, утверждавшего, что все военные приготовления в Стране восходящего солнца ведутся в расчёте на высадку в Корее всего двух дивизий (рапорт В.К. Самойлова Е.И. Алексееву 17 сентября 1903 г. // Там же. Д.139. Л.19–23). Этой точки зрения офицер придерживался практически до начала войны (см. его рапорт 27 декабря 1903 г. // Там же. Л.56–59).

⁸⁰ Абаза А.М. Русские предприятия в Корее в связи с нашей политикой на Дальнем Востоке 1898–1904 // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.185. Л.105 об.

не беспокоило («положительно не вижу опасности для нас») проникновение японцев «в южную и даже среднюю части Корейского полуострова»: он полагал, что «со временем» это лишь ослабит японцев⁸¹. В общем, царь был настроен миролюбиво и явно мягче, чем те, кто принимал решения в Петербурге. Но он находился в Дармштадте и не спешил возвращаться, что, очевидно, не лучшим образом сказалось на ходе переговоров.

Русский ответ, представленный в Токио Р.Р. Розеном 20 сентября (3 октября), отразил в основном взгляды наместника⁸². Его основной смысл состоял в предложении обменять Корею на полный отказ Японии от всяких действий в Маньчжурии. Посланник ещё в июне, до начала переговоров отмечал, что в Стране восходящего солнца крепнет «партия размена» и предлагал тогда поддержать её, разумеется, не связывая себя никакими обязательствами⁸³. При этом возможности Японии на полуострове ограничивались: от Токио требовали обещания не укреплять Корейский пролив, а также установить нейтраль-

---

⁸¹ Копия записки Николая II Е.И. Алексееву, б/д. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.2421. Л.1 об. – 2.

⁸² 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать советы и помощь Корее в видах улучшения гражданского управления империи без нарушения постановлений статьи 1-ой.

3. Обязательство со стороны России не мешать торговым и промышленным предприятиям Японии в Корее и не противодействовать никаким мерам, принимаемым с целью их охраны, пока эти меры не нарушают постановлений статьи 1-ой.

4. Признание права Японии посылать для той же цели войска в Корею с ведома России, – однако число их не должно превосходить действительно потребного, – и с обязательством для Японии отзываться эти войска как скоро они выполняют своё назначение.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-ой параллели, нейтральной полосой, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск.

7. Признание Японией Маньчжурии и её побережья во всех отношениях вне сферы её интересов.

8. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 5 октября 1903 г. // Японская Белая книга... С.189).

⁸³ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 20 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.130–131. Идею размена поддерживал и Н.А. Распопов, полагавший, что в Японии она доминировала над желанием военного конфликта (Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 6 (19) июля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.917. Л.144).

ную полосу, свободную от войск, севернее 39 параллели. Последняя идея принадлежала Е.И. Алексееву⁸⁴. Наместник считал необходимым дать понять в жёстком тоне Стране восходящего солнца, что Россия станет защищать свои интересы в Маньчжурии любыми средствами, в том числе – и военными⁸⁵. Конечно, это была ошибочная позиция, так как она очевидно исходила из предположения, что Япония действует в одиночку и будущее Маньчжурии её не очень тревожит. Русский ответ японское руководство рассмотрело уже 22 сентября (5 октября), за этим последовало обсуждение разногласий в двух вариантах между Ю. Комурой и Р.Р. Розеном. Оптимизм Генро относительно исхода переговоров сильно уменьшился⁸⁶. Японцы постоянно торопили переговоры⁸⁷.

11.4. Второй раунд

За время ожидания японского ответа в российской политике произошли важные изменения. Чрезмерная твёрдость Е.И. Алексеева, оставлявшая совсем мало шансов на успех переговоров, встревожила Николая II. 22 сентября (т.е. сразу после отправки русского ответа в Токио) наместнику послали телеграмму с утверждением, что проникновение Японии в южную и центральную части Кореи только ослабит агрессора, а не явится поводом к началу войны: «в этом случае нам не следует горячиться, а напротив того, избегать всего, что могло бы вызвать столкновение»⁸⁸. Е.И. Алексеев же готовился атаковать японскую армию в случае её высадки на корейском берегу⁸⁹. Наместник полагал, что схватка неизбежна, поэтому лучше нанести удар первыми. Он уже отдал распоряжение готовить тихоокеанскую эскадру к покраске в боевой цвет⁹⁰. Однако в ответ на предложение Е.И. Алексеева объявить Японии войну царь настоял, чтобы В.Н. Ламздорф составил от его имени телеграмму в Порт-Артур в самых категорических выражениях: «не желаю», «не допущу» войны. Николай II подписал её, не смягчив резких фраз⁹¹. В конце октября самодер-

⁸⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 158–159.

⁸⁵ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 15 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.41 об.

⁸⁶ Okamoto Sh. Op. cit. P.97.

⁸⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 174–175.

⁸⁸ АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.205. Л.68.

⁸⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С. 93. Запись 14 октября 1903 г.; Документы по переговорам с Японией, хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. (На правах рукописи). [СПб., 1905]. С.19–23.

⁹⁰ Бок Б.И. Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.22–25.

⁹¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.93. Запись 14 октября 1903 г. В начале октября 1903 г. И.Я. Коростовец сообщил Е.И. Алексееву о повороте настроений в Петербурге в сторону умеренности, несмотря на отстранённость МИДа (Н.Г. Гартвиг

жец также запретил Е.И. Алексееву объявлять мобилизацию русской армии в регионе, оставив это право за собой, и разрешил В.Н. Ламздорфу вновь давать указания русским дипломатам на Дальнем Востоке⁹². После таких «успокоительных мер» наместник стал вести себя осторожнее и предупредительнее. Так, он был против возвращения русских войск в Мукден, которое произошло в середине октября 1903 г. помимо его желания⁹³. По-видимому, за возобновлением оккупации стоял А.Н. Куропаткин, который 15 (28) октября 1903 г. вновь представил записку с предложением присоединить Северную Маньчжурию⁹⁴. Инициативу министра не приняли, на сей раз он получил выговор от царя за предыдущие действия военных: «В Маньчжурии не могло быть восстановлено спокойствие, ибо мы сами систематически тому мешали. Мы уничтожили китайскую власть, не устроив свою. Вместо политики дружеской, основанной на доверии, мы возбудили полное недоверие к нам – не только в китайцах, но во всех европейцах. Попросту мы с самого начала военных действий тайно имели в виду захватить Маньчжурию – так вели дело все наши большие и малые военачальники. Мы всё время кривили душою. Сам военный министр в заседаниях заявлял, что нам выгодно, чтобы в Маньчжурии были смуты, ибо в таком случае мы оттуда не выйдем»⁹⁵. Высочайшая отповедь не повлияла на взгляды военного министра, который и дальше выступал за присоединение Северной Маньчжурии. Но эта линия не стала доминирующей в российской политике. Николай II, несмотря на симпатии безобразовцам и Е.И. Алексееву, не разделял полностью ни одной точки зрения. Неизменным оставалось только его стремление сохранить мир и избежать военного конфликта.

В японском ответе, представленном Р.Р. Розену 18 (31) октября 1903 г., российские предложения в основном отвергались⁹⁶. В Токио соглашались

был «сильно смущён» и «раздражён», а чиновники ограничивались чтением газет) (И.Я. Коростовец – Е.И. Алексееву 5 октября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.74–75).

⁹² Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.95–96.

⁹³ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 171. Ввод войск стал следствием отказа цзянь-цзюня выполнить ультиматум комиссара М.Ф. Квецинского, требовавшего уволить даотая Юаня и др. и распустить часть милиции.

⁹⁴ Записка А.Н. Куропаткина «По маньчжурскому вопросу» 15 (28) октября 1903 г. с пометами Николая II // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.124–146.

⁹⁵ Помета Николая II на записке А.Н. Куропаткина «По маньчжурскому вопросу» 15 (28) октября 1903 г. // Там же. Л.126.

⁹⁶ Статья 2. Вставить фразу «включая военную помощь» между словами «помощь» и «Корею». Заменить слово «гражданский» словом «внутренний».

Статья 3. Вставить слова «развитию» между «мешать» и «торговых». Заменить слово «предприятия» словом «деятельность», слово «принимаемым» словами «имеющим быть принятыми», «их» – словами «этих интересов».

признать «специальные права» России в Маньчжурии, отказавшись от своих «специальных интересов». Взамен Петербургу следовало принять неограниченное доминирование Страны восходящего солнца в Корею, за это за российскими подданными обещали сохранить права по уже имеющимся договорам относительно поселений и торговли. Единственной реальной уступкой явилось обязательство не укреплять берега Корейского залива⁹⁷. Диспропорция возможностей и прав России в Маньчжурии и Японии в Корею сохранялась. Несмотря на то, что шаг навстречу России был весьма незначителен, тем не менее, позиция Токио в общем давала некоторые основания полагать, что Япония не станет стоять насмерть за Маньчжурию и интересы иностранцев там, а может ограничиться только своими желаниями⁹⁸. Данное обстоятельство сохраняло надежды на продолжение переговоров. Однако Петербург не обратил на это внимание, а сосредоточился на том, как избежать принятия на себя любых обязательств, касающихся Маньчжурии⁹⁹. Вероятно, такое решение оказалось ошибочным.

Несмотря на отрицательный итог первого раунда и явно различавшиеся желания сторон, Николай II предписал продолжать переговоры «и установить примирительную формулу для соглашения, отнюдь не отказываясь от дальнейших наших требований»¹⁰⁰. Непонятно, как можно было реализовать цар-

Статья 4. Признание права Японии посылать войска в Корею с целью, упомянутой в предыдущей статье, или с целью усмирения восстания или беспорядков, рассчитанных на создание международных осложнений.

Статья 6. Взаимное обязательство установить на корейско-маньчжурской границе нейтральную полосу, простирающуюся на ... километров по обе стороны, в каковую нейтральную полосу ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск без согласия другой.

Статья 7-ая должна быть исключена и заменена следующими тремя статьями:

7. Обязательство со стороны России уважать державные права и территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии и не вступаться в торговую свободу Японии в Маньчжурии.

8. Признание Япониею специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны этих интересов, лишь бы такие меры не нарушали условий предыдущей статьи.

9. Взаимное обязательство не мешать соединению Корейской железной дороги с Восточно-Китайскою железной дорогой, если эти дороги будут со временем продолжены до Ялу.

Статья 8-ая русских встречных предложений должна быть названа 10-ой (телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 16 октября 1903 г. // Японская Белая книга... С.191–192).

⁹⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.175–176.

⁹⁸ Романов Б.А. Очерки... С.244–245.

⁹⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.178.

¹⁰⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 25 октября (7 ноября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.10.

ское указание. Впрочем, Е.И. Алексеев и не прилагал к этому усилий, считая невозможной замену формулировок и отстаивая лишь собственную установку: исключить Маньчжурию из соглашения¹⁰¹. Активность в переговорах исходила в основном от Р.Р. Розена. В октябре 1903 г. посланник забеспокоился, уловив ухудшение отношения японских верхов к переговорам с Россией¹⁰². Важно то, что с этого момента наблюдается заметное расхождение позиций в связке Розен–Алексеев: если посланник в Токио продолжал искать приемлемые формулировки соглашения, то его патрон в Порт-Артуре, кажется, совсем отказался от этого.

Для России самым неприемлемым пунктом казалась увязка корейского и маньчжурского вопросов: её войска уже несколько лет находились в Маньчжурии, тогда как японских в Корее ещё не было. Р.Р. Розен предложил искать другой выход: полную замену формулировок. Например, на взаимный отказ от Маньчжурии и Кореи как не входящих в сферы интересов сторон¹⁰³. Несмотря на то, что в Токио отвергли ст.7 русских предложений (Маньчжурия находится вне сферы японских интересов), Р.Р. Розен полагал, что японцы колеблются и что размен Кореи на Маньчжурию является для них соблазнительным¹⁰⁴. Идея выглядела заманчивой, но было непонятно, что могло заставить Японию отказаться от Маньчжурии. Проблема заключалась не столько в самой Маньчжурии, сколько в том, что в Токио искали в борьбе за права иностранцев там оправдание и поддержку своим требованиям в Корее. Предложение Р.Р. Розена означало, что гарантом корейских возможностей Японии выступила бы Россия. Это в большей степени являлось взглядами российского дипломата, чем его японских визави. Другое суждение Р.Р. Розена выглядело более обоснованным. Полагая, что Япония не согласится сохранить ст.7 (признание Маньчжурии вне сферы интересов Токио), он считал недопустимым просто убрать её (даст шанс Японии опять поднять маньчжурский вопрос и, главное, приравняет положение России в Маньчжурии к японскому в Корее). Министр иностранных дел не вполне соглашался с Р.Р. Розеном, но пока он сконцентрировал усилия на борьбе с заместителем.

Предел допустимых для себя уступок Е.И. Алексеев сообщил В.Н. Ламздорфу в начале ноября 1903 г.: Маньчжурия – вне интересов Японии, Токио можно предоставить свободу действий в Корее, но сохраняя, как минимум,

---

¹⁰¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.178.

¹⁰² Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 12 (25) октября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.174.

¹⁰³ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 26 ноября (9 декабря) 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.67–68.

¹⁰⁴ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 14 (27) октября 1903 г. // Там же. Л.16.

50-вёрстную нейтральную полосу на границе с Маньчжурией (то есть, бассейн р. Ялу). «Дальнейшие изменения» наместник считал «вряд ли возможными»¹⁰⁵. После получения предложений из Порт-Артура министр иностранных дел сразу заявил Николаю II, что новый проект Е.И. Алексеева имеет мало шансов на одобрение его японцами¹⁰⁶. В.Н. Ламздорф воспользовался твёрдолобостью наместника, обвинив его в стремлении сорвать переговоры. По мнению министра иностранных дел, адмирал добивался «бессрочного продления военной оккупации Маньчжурии», надеясь напугать этим японцев и сделать их более сговорчивыми. Когда же стало ясно, что такая политика не приносит успеха, он начал откровенно тянуть время, чтобы лучше подготовиться к войне¹⁰⁷. Министр же на первое место поставил необходимость решить вопрос о Маньчжурии: либо присоединять, либо возвращать Китаю. Как это ни парадоксально, но, скорее всего, такая определённая действительно могла бы благотворно повлиять на ход переговоров.

В.Н. Ламздорф вообще начал действовать более энергично. Он наконец предпринял попытку объясниться с Лондоном: 22 ноября А.К. Бенкендорф имел встречу в британской столице с Ч. Хардингом, на которой затронул широкий круг вопросов (Китай, Персия, Афганистан). Российский посол уверял своего собеседника, что в Маньчжурии русские интересы должны превалировать и одновременно просил не настаивать на немедленном выводе войск оттуда из-за сложности ситуации в Петербурге (два мнения относительно дальнейшего образа действий). Пока же А.К. Бенкендорф обещал вывести войска из Нючжуана и открыть маньчжурские порты для иностранцев. Однако его собеседник настаивал на признании принципа «открытых дверей»¹⁰⁸. Позиция Англии к этому времени по сравнению с концом XIX века уже изменилась – от желания поделить сферы влияния в Китае, когда Лондон испытывал затруднения, до требования равенства, когда он вышел победителем из англо-бурской войны и воспрял духом.

Монарху следовало выбрать между более гибкой и уступчивой позицией В.Н. Ламздорфа, нацеленной на достижение соглашения, и твёрдой Е.И. Алексеева, оставляющей мало шансов на удовлетворение японских амбиций. Николай II принял типичное для себя решение: продолжать переговоры «спокойно,

¹⁰⁵ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 5 (18) ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.134. Л.23.

¹⁰⁶ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 8 (21) ноября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.56–57.

¹⁰⁷ Черновик всеподданнейшей записки В.Н. Ламздорфа 11 (24) ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.189. Л.46–48; её окончательный текст – РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.43–45; Симанский П.Н. Указ. соч. С.186.

¹⁰⁸ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 22 ноября 1903 г. // British Documents on the Origins of the War 1898–1914. Vol.IV. L., 1929. P.184–185.

но настойчиво», не делая существенных уступок¹⁰⁹. Тем не менее, самодержец сам вычеркнул ст.7 русских предложений, заявив, что вопрос не касается Кореи¹¹⁰. Это расходилось с мнением Е.И. Алексеева, зато Николай II однозначно поддержал его в требовании нейтральной полосы в Корее¹¹¹. Адмиралу пришлось принять царскую позицию, это означало, что уже не только наместник диктовал содержание русских ответов.

В утешение самодержец поручил «хозяину Дальнего Востока» подготовить редакцию статьи о нейтральной зоне¹¹². В тактике ведения переговоров со стороны России это явилось новым и означало, что разработка ответа с этого момента ведётся по частям, сепаратно друг от друга, и их готовят люди, по разному относящиеся к самой идее соглашения. Кроме того, 23 ноября (6 декабря) Николай II в ответ на многочисленные запросы японского посланника в Петербурге распорядился передать ему контрпредложения России, минуя Р.Р. Розена, отвергнув таким образом алексеевскую тактику затягивания переговоров (разумеется, официальный ответ России был доставлен в Токио через барона 28 ноября (11 декабря))¹¹³. Центр обсуждения и формулировки российской позиции незаметно переместился в Петербург. Это также означало, что влияние наместника на ход русско-японских переговоров уменьшалось.

Однако содержание русского ответа 28 ноября (11 декабря) ещё было пронизано духом Е.И. Алексеева¹¹⁴. Россия вновь развела маньчжурский и корей-

¹⁰⁹ В.Н. Ламздорф – Николаю II 19 ноября (2 декабря) 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.57.

¹¹⁰ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 26 ноября (9 декабря) 1903 г. с резолюцией Николая II // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.44. В пользу твёрдой позиции говорило также неважное финансовое положение Японии. По сообщению Н.А. Распопова, которое наверняка подтверждалось и из других источников, японские бумаги колебались на лондонской бирже до 4–5 фунтов стерлингов за день из-за угрозы войны с Россией. Поэтому Токио предпринимал серьёзные усилия, чтобы развеять такие опасения (Н.А. Распопов – Э.Д. Плеске 10 (23) октября 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.169. Л.88–89). Это свидетельствовало и о том, что у Японии есть объективные резоны стремиться к успеху переговоров с Россией. В Петербурге не могли не учитывать это обстоятельство, по-видимому, даже переоценивали его влияние.

¹¹¹ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 26 ноября (9 декабря) 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.65.

¹¹² В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 25 ноября (8 декабря) 1903 г. // Там же. Л.64.

¹¹³ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 23 ноября (6 декабря) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.12.

¹¹⁴ 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии помогать Корее советами в видах улучшения гражданского управления.

3. Обязательство со стороны России не оказывать противодействия развитию промышленной и торговой деятельности Японии в Корее, ни же принятию мер для охраны этих интересов.

ский вопросы, оставив в проекте соглашения только Корею. Убрав ограничения на ввод японских войск в королевство и согласившись на соединение железных дорог, Петербург из спорных моментов оставил лишь требование нейтральной зоны севернее 39 параллели¹¹⁵. В результате к декабрю казалось, что корейский вопрос стоит уже на пороге разрешения. Токио как будто склонялся к принятию русских предложений. Ш. Курино сообщил в Петербурге английским дипломатам, что оба правительства в принципе договорились даже о нейтральной зоне в Корее¹¹⁶. Совсем иное можно сказать про маньчжурскую проблему – там стороны практически не приблизились к пониманию.

Во время подготовки второго русского ответа напомнить о себе решил А.Н. Куропаткин. 23 ноября (6 декабря) 1903 г. он опять предложил «безотлагательно присоединить Северную Маньчжурию к России», для чего, по мнению военного министра, следовало поступиться Квантуном и Южно-Маньчжурской железной дорогой¹¹⁷. Его поддержал С.Ю. Витте, который, по свидетельству А.Н. Куропаткина, уже не только признал неизбежность присоединения к России Северной Маньчжурии, но и брался убедить в случае необходимости в этом В.Н. Ламздорфа, а также продать Южно-Маньчжурскую железную дорогу за 250 млн. руб. (чего не сделаешь ради возвращения к власти)¹¹⁸. Однако содействие С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфа не имело важного значения для судьбы записки. Более существенным оказа-

---

4. Признание Россией права Японии посылать войска в Корею с целью, упомянутой в предшествующей статье, или с целью подавления восстания или беспорядков, способных создать международные осложнения.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на корейском побережье никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать территорию Кореи к северу от 39-ой параллели за нейтральную полосу, в пределы коей ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск.

7. Взаимное обязательство не мешать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, когда эти железные дороги будут продолжены до Ялу.

8. Отмена всех прежних соглашений между Россией и Японией относительно Кореи (Ю. Комура – Ш. Курино 12 декабря 1903 г. // Японская Белая книга... С.209).

¹¹⁵ Симанский П.Н. Указ. соч. С.182–183.

¹¹⁶ С. Спринг Райс – Г. Лэнсдоуну 25 ноября 1903 г. // PRO FO. 65/1662. P.210. Имелось в виду японское предложение установить нейтральную зону на границе по 50 километров с каждой стороны.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.120–132. Записка А.Н. Куропаткина изложена в книге: Витте С.Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерала Куропаткина о войне с Японией. М., 1911. С.82–83.

¹¹⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.95, 109, 113. Его предложение ещё раз уязвляло политику России в Корее и Маньчжурии, против чего так возражал Е.И. Алексеев.

лось согласие В.К. Плеве поддержать военного министра в том, что России следует ограничиться Северной Маньчжурией. Покровительствовавший до этого безобразцам и Е.И. Алексееву, министр внутренних дел в ноябре 1903 г. забеспокоился, он признался А.Н. Куропаткину, что не понимает, «куда мы идём»¹¹⁹. В изображении А.Н. Куропаткина это походило внешне на воссоздание прежнего триумvirата и сочувствие ему В.К. Плеве. Однако эти меры не могли повлиять на ход русско-японских переговоров. Отказ от Квантуна не имел никакого значения: арендный договор России никем не подвергался сомнению и не служил поводом к войне. Да и действовал военный министр не в такт событиям: 23 ноября (6 декабря) русский ответ был уже готов, так что он со своей запиской явно опоздал. Кроме того, позиция А.Н. Куропаткина более показательна для характеристики его личной роли: сановник, активно участвуя во всех обсуждениях, тем не менее, выпадал из общей ситуации, а его предложение слабо коррелировалось с сутью русско-японской дискуссии. Согласие же нескольких влиятельных фигур поддержать даже такую записку А.Н. Куропаткина, пусть и по разным причинам, в первую очередь отразило растущее в Петербурге недовольство политикой безобразовцев и Е.И. Алексеева.

11.5. Третий раунд

Очевидно, что не упорство Е.И. Алексеева, а подвижки в позиции России сыграли положительную роль в ходе переговоров. Российский проект обсуждался Генро 3 (16) и 4 (17) декабря 1903 г. В полученном 9 (22) декабря ответе Япония в сущности согласилась не увязывать корейский и маньчжурский вопросы¹²⁰. По большому счёту, главным моментом, неприемлемым для Петербурга, оставалось требование Токио исключить из предполагаемого договора статью о нейтральной зоне.

После этого российское руководство впало в продолжительные размышления. Е.И. Алексеев в ответ вновь заявил о недопустимости любых уступок и повторил свой излюбленный тезис: пусть Япония действует в Корее без

¹¹⁹ Там же. С.100. Запись 7 ноября 1903 г.

120 а) Статью 2-ую читать: “Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать Корее советы и помощь в видах улучшения управления Корейской империи”.

в) Статью 5-ую читать: “Взаимное обязательство не предпринимать на корейском побережье никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе”.

с) Статью 6-ую исключить (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 21 декабря 1903 г. // Японская Белая книга... С.211). В содержащей ответ вербальной ноте японцы просили вернуться к маньчжурскому вопросу, но, похоже, удовлетворительное решение по Корее могло окончательно снять эту проблему.

новых соглашений с Петербургом, а пока предложил всесторонне обсудить русские интересы в королевстве¹²¹. Наместник был «лично глубоко убежден, что если мы сейчас заявим Токио, что остаёмся при существующих договорах, признающих независимость Кореи и равноправность в ней России и Японии, то она никогда не решится начать войну наступательную, без союзников, без денег и зимой»¹²². Аргументацию Е.И. Алексеев мог почерпнуть в том числе и из донесений Н.А. Распопова, который сообщал, что Токио просто не на что вести войну. Ссылаясь на Гонконг-Шанхайский банк, он полагал, что Страна восходящего солнца сможет продержаться максимум 3–4 месяца боевых действий, да и то за счёт добровольных пожертвований. Его вывод, сделанный для наместника, являлся оптимистичным: военные действия не грозили России серьёзными последствиями¹²³.

Николай II также не верил в то, что конфликт может начаться. Даже 13 (26) декабря 1903 г. в ответ на телеграмму Р.Р. Розена, полагавшего, что небольшой десант японцев в Корею – ещё не повод к войне, он заметил: «Высадка отряда японских войск в Корею не будет вызовом России. О нападении же на Порт-Артур или Владивосток, по моему, и речи быть не может»¹²⁴. Два дня спустя царь уверенно заявил А.Н. Куломзину, что войны с Японией «не будет, потому что он её не желает»¹²⁵.

Казалось, что сдвиги в японской позиции дают реальные шансы на достижение соглашения. Поэтому откровенное затягивание переговоров наместником взорвало В.Н. Ламздорфа, который обвинил Е.И. Алексеева в стремлении сорвать их «всесторонним обсуждением». Министр упирал на то, что адмирал, несмотря на ясно выраженное желание Николая II продолжать дискуссию, дал делу «совершенно иное направление» (то есть, не управляется из Петербурга, что подсказывало и решение – устранить от переговоров)¹²⁶. Правда, и на этот раз царь не сделал надлежащих выводов, но влияние Е.И. Алексеева продолжало уменьшаться.

¹²¹ Е.И. Алексеев – Николаю II 13 (26) декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.82–83; Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.25–26.

¹²² Телеграмма Г.А. Плансона в Петербург 14 (27) декабря // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.66. На следующий день, 28 декабря, японский кабинет обсуждал последние приготовления к войне, так как уже не верил в успех переговоров с Россией (Okamoto Sh. Op. cit. P.99).

¹²³ Н.А. Распопов – Е.И. Алексееву 6 (19) декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Л.21–24.

¹²⁴ АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.189. Л.113.

¹²⁵ Куломзин А.Н. Мои занятия в Государственном совете // ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.727. Л.4.

¹²⁶ Записка В.Н. Ламздорфа Николаю II 15 (28) декабря 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.62–64.

Для подготовки русского ответа самодержец 16 (29) декабря 1903 г. собрал в Петербурге Особое совещание под председательством великого князя Алексея Александровича, в котором также участвовали А.Н. Куропаткин, А.М. Абаза и В.Н. Ламздорф¹²⁷. По-видимому, обращение к давно опробованному способу решения сложных вопросов отразило не столько внимание к просьбе заместителя, сколько разочарование монарха ходом переговоров. Е.И. Алексеев, чью точку зрения представлял А.М. Абаза, по-прежнему заявлял о необходимости ничего не уступать Японии в Корее, предполагая апеллировать к позиции других держав, которые, по его мнению, станут протестовать, если Страна восходящего солнца водворится на Корейском полуострове. Он также требовал не уступать ничего в Северном Китае: «Наши интересы в Маньчжурии слишком существенны, Россия принесла в Маньчжурии слишком много жертв людьми и деньгами, чтобы позволить кому бы то ни было вмешиваться в её там дела»¹²⁸. А.Н. Куропаткин предложил отдать Японии половину Кореи (до 39 параллели) и Южную Маньчжурию¹²⁹. Его позиция на сей раз представляла из себя механическое объединение двух разных точек зрения (Е.И. Алексеева и своей по поводу Северной Маньчжурии)¹³⁰. Однако министр опять не получил поддержки, несмотря на то, что предварительно, 11 декабря В.Н. Ламздорф не без ехидства сообщил ему, что «с наслаждением» прочёл записку и обещал поддержку¹³¹. В целом, содержание обсуждения показало, что его участники не в состоянии достичь единства по важнейшим вопросам.

В сложившейся ситуации безобразовцы пошли на нестандартный ход. Во второй половине декабря А.М. Безобразов встретился с секретарём японской миссии в Петербурге. В двухчасовом монологе он изложил ход и результаты Особого совещания 16 (29) декабря. Не скрывая разногласий, А.М. Безобразов резюмировал позицию России так: правительство готово идти навстречу японским желаниям в Корее, но не в Маньчжурии, куда сделаны колоссальные вложения и где принесены значительные жертвы. В любом случае, если Россия останется в Маньчжурии или передаст её Китаю, она не может допустить там принцип равного соперничества держав¹³². А.М. Безобразов явно стремился убедить Токио, что он и его сторонники не стоят на пути русско-японского соглашения, но делал это весьма неуклюже. Поэтому Ш. Курино и

¹²⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.190–192.

¹²⁸ Мнение А.М. Абазы на совещании 16 (29) декабря 1903 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.27–31.

¹²⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.114–115.

¹³⁰ Там же. С.114–116.

¹³¹ Там же. С.113.

¹³² Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 6 января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.16–16 turn.

английский дипломат Ч. Скотт, извещённый о встрече, сделали из монолога А.М. Безобразова совсем другой вывод – о том, что ситуация в Особом совещании недалеко ушла от анархии. А сам визит А.М. Безобразова они расценили как продолжение его борьбы с В.Н. Ламздорфом, справедливо предположив, что встреча косвенно говорила об укреплении позиций министра¹³³. Тем не менее, у Ш. Курино имелось мрачное предчувствие относительно исхода переговоров: его очень беспокоила слабость позиций В.Н. Ламздорфа, о которой свидетельствовал ход совещания 16 (29) декабря. Сам граф, беседуя с ним успокоительным тоном и обещая уступки, тем не менее, не смог сообщить даже сути русского ответа.

Визит А.М. Безобразова подтолкнул японского дипломата к ответному шагу. 29 декабря 1903 г. (11 января 1904 г.) Ш. Курино обратился к С.Ю. Витте с просьбой о встрече. Для японцев его оценки имели важное значение, так как они были склонны доверять сановнику. Отставной министр согласился, обусловив предстоящую беседу тем, чтобы сообщение о ней не посылалось по телеграфу в Токио, иначе его прочитают российские власти. Предусмотрительность была не лишней, так как заявления С.Ю. Витте носили скандальный характер и оказались исключительно важны для дальнейшего хода переговоров. Во время разговора сановник выразил поддержку В.Н. Ламздорфу и заявил, что они находятся в оппозиции русской политике на Дальнем Востоке, так как не имеют влияния и отстранены от дел. Собеседнику следовало усвоить, что не министр иностранных дел определял курс Петербурга, а это в свою очередь опрокидывало надежды на усиление позиций В.Н. Ламздорфа. Далее С.Ю. Витте отказался признать значение любых соглашений, объявив, что вопрос не в их содержании, а в том, достаточно ли у сторон сил, чтобы настоять на своих планах. Таким образом председатель Комитета министров дезавуировал саму идею договорённостей. А чтобы собеседник не сомневался, он добавил: Япония не может соревноваться с Россией по ресурсам, как материальным, так и людским, поэтому игра в затягивание переговоров выгодна только России. Как только Петербург почувствует себя на Дальнем Востоке сильнее Токио, он станет действовать в соответствии со своими желаниями, а не договорами. Поэтому Японию в Корее не обезопасят никакие соглашения, единственный выход для неё – держаться естественной границы – моря¹³⁴.

¹³³ А.М. Безобразов, разумеется, сделал из встречи совсем другое заключение, далёкое от действительности. Он сообщил своему покровителю В.К. Плеве: «С японцами у меня всё обстоит благополучно, а именно, они знают, что если хотят с нами дружить, то через меня имеют возможность серьёзно испробовать это направление» (А.М. Безобразов – В.К. Плеве 1 (14) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.586. Оп.1. Д.500. Л.4–5).

¹³⁴ Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 7 (20) января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.91; Романов Б.А. Очерки... С.258–259.

Трудно было более выразительно дискредитировать ведущиеся переговоры, чем так, как это сделал С.Ю. Витте. Разумеется, он говорил это вполне сознательно, преследуя прежде всего свои цели. Экс-министр полагал, что в случае перерастания кризиса в войну Россию ждут тяжёлые испытания, тогда-то безобразовцы будут удалены, а к власти снова призовут его. Надо признать, что многоопытный сановник не ошибся. Однако разговор Ш. Курино с С.Ю. Витте не мог повлиять на содержание японского ответа 13 января: в Токио содержание беседы стало известно лишь 21 января.

Тем временем всё растущую тревогу испытывал самодержец. Итоги Особого совещания не удовлетворили Николая II, и он решил лично проявить инициативу. 18 (31) декабря царь напрямую указал Р.Р. Розену продолжать переговоры, предпочитая их срыву (удар по престижу России) утверждение Японии в Корее по договорённости с Петербургом, что опять шло вразрез с позицией Е.И. Алексеева¹³⁵. Однако текст телеграммы Р.Р. Розену, составленный министром и представленный царю 19 декабря (1 января), Николай II отвёрг (в нём содержалось уведомление о возможности дальнейших уступок России)¹³⁶. Императора не устроило не только это, но и критика взглядов посланника министром. С точки зрения В.Н. Ламздорфа, Р.Р. Розен оказался слишком привержен формуле «обменять Корею на Маньчжурию» (идея была действительно неудачной, так как позиции Петербурга в Маньчжурии не зависели от воли Токио, в случае реализации она обещала как минимум лишь унижительное дипломатическое поражение России, а в худшем варианте – войну, чего и опасался граф)¹³⁷. Не приняв точки зрения В.Н. Ламздорфа, царь предпочёл тактику балланса. Он через А.М. Абазу подтвердил Е.И. Алексееву: по всем делам Дальнего Востока следует обращаться к наместнику¹³⁸. Это не изменило фактического положения дел, но министру недвусмысленно указали его место¹³⁹.

¹³⁵ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 (31) декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.18–19.

¹³⁶ ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.91–92.

¹³⁷ В.Н. Ламздорф – Николаю II 20 декабря 1903 г. (2 января 1904 г.) // Там же. Л.93–94.

¹³⁸ А.М. Абаза – В.Н. Ламздорфу 22 декабря 1903 г. (4 января 1904 г.) // Там же. Л.102.

¹³⁹ К этому времени влияние самого А.М. Безобразова на переговоры было незначительным: его представления уже мало соответствовали реалиям. В конце декабря 1903 г. он всё ещё надеялся на союз Японии и России на основе неприсоединения (!) ни Маньчжурии, ни Кореи при охране корейской независимости совместно российскими и японскими войсками (Проект записки А.М. Безобразова 28 декабря 1903 г. (10 января 1904 г.) // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.58–64). Впрочем, 1 (14) января 1904 г. он отбыл в Швейцарию к своей семье, лишившись всех возможностей воздействовать на ситуацию.

Третий раунд переговоров оказался временем борьбы В.Н. Ламздорфа преимущественно против позиции Р.Р. Розена. Министр пытался убедить Николая II в противоречивости взглядов посланника, чётко указав: именно нерешённость маньчжурского вопроса вызывает недовольство держав, что, собственно, и побуждает Японию жёстко требовать удовлетворения для себя в Корее в увязке с рядом уступок в Маньчжурии¹⁴⁰. Граф абсолютно точно обозначил главный нерв всей политической ситуации, что диктовало соответствующие действия. 20 декабря (2 января) В.Н. Ламздорф по поручению Николая II указал наместнику, какие именно распоряжения следует дать Р.Р. Розену. Всё-таки это были очередные уступки: Россия соглашалась изменить ст. 2, ст.5 принималась в прежнем японском варианте (взаимное обязательство не использовать Корею в стратегических целях), единственной проблемой осталась сохранённая ст.6 о нейтральной зоне в Корее¹⁴¹.

Министр, инструктируя Р.Р. Розена, сосредоточился на задаче: как оговорить права иностранцев в Маньчжурии. Граф подчеркнул: у Петербурга нет законных оснований отвергать их, пока существует суверенитет Китая над этой территорией. Следовательно, попытка не признавать это никак не могла повлиять на позицию Японии ни в Корее, ни в Маньчжурии (она могла и дальше требовать соблюдения там своих прав, также как и других держав)¹⁴².

Наместник, утратив контроль над переговорами, продолжал уверять Петербург в правильности своей позиции. 22 декабря (4 января) Г.А. Плансон (дипломатический чиновник при Е.И. Алексееве) телеграфировал в столицу от лица своего патрона: «Ручаюсь, что энергичные действия в Маньчжурии и Корее, основанные на завоевании Маньчжурии и существующих относительно Кореи договорах о нашей равноправности с Японией могут единственно привести ее к смирению»¹⁴³. Аналогичные послания адмирал и сам отправлял Николаю II¹⁴⁴.

А.М. Абаза пытался вернуть Е.И. Алексееву влияние в Петербурге, имея некоторую поддержку от Николая II: царь польстил твёрдости наместника, подчеркнув недопустимость уступок, а Маньчжурия, по мнению самодержца, и вовсе должна быть предметом переговоров исключительно между Китаем

¹⁴⁰ В.Н. Ламздорф – Николаю II 22 декабря 1903 г. (4 января 1904 г.) // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.99–100.

¹⁴¹ Там же. Л.89–90.

¹⁴² В.Н. Ламздорф – Р.Р. Розену 23 декабря 1903 г. (5 января 1904 г.) // Там же. Л.109–110.

¹⁴³ ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.66.

¹⁴⁴ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 13 декабря 1903 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.25–26.

и Россией¹⁴⁵. Однако реванш не состоялся: уже 31 декабря А.Н. Куропаткин пожаловался Николаю II на действия А.М. Абазы (он хотел, чтобы указания для Е.И. Алексеева направлялись только через Особый комитет Дальнего Востока, то есть предварительно обсуждались министрами) и царь согласился, распорядившись «сохранить установленный ныне порядок сношений»¹⁴⁶. Эта не вполне ясная фраза означала, что Николай II не допустит концентрации власти в руках Е.И. Алексеева и безобразовцев.

Третий по счёту русский ответ Р.Р. Розен вручил японцам 24 декабря 1903 г. (6 января 1904 г.)¹⁴⁷. Несмотря на все призывы, поступавшие из Порт-Артура, влияние Е.И. Алексеева на переговоры сократилось до минимума. Он с трудом согласился на 50-вёрстную нейтральную зону на границе с Кореей, не признавая её «выгодной нам»¹⁴⁸. Правда, в русском проекте по-прежнему фигурировала 39 параллель. Петербург вернул в соглашение Маньчжурию, сохраняя там за иностранцами (в том числе и за японцами) все договорные права, за исключением устройства поселений¹⁴⁹. Похоже, что это был тонкий ход,

---

¹⁴⁵ Две телеграммы А.М. Абазы Е.И. Алексееву 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2865. Л.19–27. Извлечение из них попало в «Малиновую книгу» (Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.36–37).

¹⁴⁶ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.120. Запись 31 декабря 1903 г. Царь так и не принял определённой точки зрения относительно власти Е.И. Алексеева. 5 (18) января 1904 г. он разрешил наместнику сноситься по общим и военным делам исключительно с А.М. Абазой, но уже 13 (26) января подтвердил, что управление войсками на Дальнем Востоке находится в руках у Военного министерства (Там же. С.122–124).

¹⁴⁷ 1. Сохранить первоначальное изложение статьи 5-й, на которое императорское правительство выразило уже своё согласие, то есть: “взаимное обязательство не пользоваться никакой частью территории Кореи для стратегических целей и не предпринимать на побережье Кореи никаких военных работ, способных угрожать свободе плаванья в Корейском проливе”.

2. Сохранить статью 6-ю, относящуюся до нейтральной полосы (для той самой цели, которую императорское японское правительство имеет равным образом в виду, т.е. исключить всё, что могло бы повести в будущем к недоразумениям; подобная полоса существует, напр[имер], между русскими и британскими владениями в Средней Азии).

В случае, если вышеприведённые условия будут приняты, императорское правительство готово включить в проектируемое соглашение статью такого содержания:

“Признание Японией Маньчжурии и её побережья вне её сферы интересов, Россия же в пределах этой провинции не будет мешать Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретёнными ими в силу существующих договоров с Китаем, за исключением устройства селтльментов” (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 7 января 1904 г. // Японская Белая книга... С.214–215).

¹⁴⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.120. Запись 31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.).

¹⁴⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.193–194.

придуманный столичными дипломатами: Россия лишь создавала видимость существенной уступки, так как уже приобретённых договорных прав у иностранцев в Маньчжурии имелось мало.

Некоторые результаты принесла даже запоздалая активность в Лондоне. 26 декабря (8 января) российский посол А.К. Бенкендорф встретился с британским министром Г. Лэнсдоуном. Ему было предписано разрушить неверное представление Англии о политике России в Маньчжурии. Петербург ещё раз выразил готовность признать права иностранцев там по действующим договорам, но настаивал и на защите собственных интересов. В.Н. Ламздорф серьёзно озаботился японской аргументацией и той платформой, на которой базировалась требовательность Токио. Ошибка заключалась в том, что произошло это слишком поздно. В принципе граф вполне правильно понимал, где лежит ключ к разрешению маньчжурской проблемы, однако глава Форин офис не удовлетворился разъяснениями посла, заявив, что слов недостаточно. Почему Россия не демонстрирует своё стремление на деле, например, не выведет войска из Нючжуана?¹⁵⁰ 31 декабря (13 января) на следующей встрече Г. Лэнсдоун напомнил А.К. Бенкендорфу также о том, что Петербург отрицает право иностранцев на селтлементы в Маньчжурии, а ведь они являлись трактатными. Англия не без удовольствия объявила, что воспринимает это как полное игнорирование прав иностранцев, в том числе и по договорам¹⁵¹. Через два дня российский посол был ещё раз огорошен заявлением Форин оффис, что Лондон понимает заявление Петербурга о гарнтиях договорных прав иностранцев как намерение России в ближайшем будущем присоединить Маньчжурию либо заключить с Китаем договор о протекторате над ней. Конечно, А.К. Бенкендорф не смог ничего ответить сразу британскому министру¹⁵².

Позиция Англии выглядела наигранной. Естественно, что вопрос о договорных правах в Маньчжурии был немедленно обсуждён между Лондоном и Токио. Японцы объявили их признание Россией иллюзорным, используя те же аргументы: российские войска продолжали занимать единственный доступный для иностранцев маньчжурский порт Нючжуан, а соглашение об открытии других портов Пекин не ратифицировал. Японии также не понравился запрет на создание иностранных селтлементов¹⁵³. Разумеется, Токио подыгрывал Лондону, ведь без поддержки Англии война с Россией была вряд ли возможна. Поэтому нетрудно заметить разницу в заявлениях Ш. Курино и Т. Хаяши относительно хода переговоров с Россией, которые делались в Петербурге и Лондоне. Вряд ли Япония горела желанием развязать

¹⁵⁰ Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 8 января 1904 г. // PRO FO. 65/1677. P.32.

¹⁵¹ Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 13 января 1904 г. // Ibid. P.24.

¹⁵² Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 15 января 1904 г. // Ibid. P.30.

¹⁵³ Г. Лэнсдоун – К. Макдоналду 8 января 1904 г. // Ibid. P.32–32 turn.

войну исключительно из-за прав иностранцев в Северном Китае. Но вопрос о Корее по-прежнему не получил разрешения, да и могло ли соглашение состояться в принципе – это вызывало в Токио всё больше сомнений. Поэтому защита прав иностранцев в Китае являлась необходимой составной частью японской позиции.

И всё-таки 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Генро решил продолжать переговоры с Россией, даже в случае получения очередного неудовлетворительного для Японии ответа. То есть, разрыв отношений ещё не был предreshён. Тем не менее, атмосфера постепенно накалялась: вместе с сообщением о заседании совета, Ю. Комура предписал Ш. Курино проявлять минимум самостоятельности и все, даже малозначительные действия, согласовывать с Токио¹⁵⁴.

11.6. После третьего раунда

31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Р.Р. Розен получил ответ Токио, ставший последним¹⁵⁵. Из него проистекало, что стороны как будто нащупали консенсус относительно Маньчжурии. В случае, если Россия обязывалась соблюдать там договорные права иностранцев, Япония признавала всю Маньчжурию вне сферы своих интересов, а также специальные интересы России там и право на их защиту (это был далеко не режим «открытых дверей», который хотели бы установить Англия и США). Япония удалила из ст.5 слова о неиспользовании Кореи в стратегических целях. Главным спорным пунктом по-прежнему оставалась нейтральная зона в королевстве¹⁵⁶.

---

¹⁵⁴ Ю. Комура – Ш. Курино 14 января 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел). Т.37. Ч.1. Токио, 1958. С.34–35.

¹⁵⁵ 1. Исключение первого пункта статьи 5-й русских встречных предложений (представленных японскому правительству бароном Розеном 11-го декабря), т.е., “не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей”.

2. Исключение всей статьи (6-й), относящейся до установления нейтральной полосы.

3. Принять русское предложение касательно Маньчжурии со следующими изменениями:

а) признание Японией находящимися вне сферы её интересов Маньчжурии и её побережья и обязательство со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии;

в) Россия в пределах Маньчжурии не будет мешать Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретёнными ими в силу существующих договоров с Китаем;

с) признание Россией Кореи и её побережья находящимися вне сферы её интересов.

4. Добавление статьи такого содержания: “Признание Японией специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать меры, необходимые для охраны этих интересов” (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 13 января 1904 г. // Японская Белая книга... С.216).

¹⁵⁶ Симанский П.Н. Указ. соч. С.196.

В.Н. Ламздорф, правда, ещё боролся за пункт о запрете на стратегическое использование корейской территории, заручившись поддержкой Франции. Но – главное – он признавал трактатные права иностранцев в Маньчжурии без оговорок и отказывался вообще от нейтральной зоны на полуострове¹⁵⁷. К середине января 1904 г. министр составил новый проект соглашения в этом духе¹⁵⁸. Видимо, это был тот текст, который устроил бы японцев. Даже британские дипломаты отметили значительное возрастание шансов на согласие¹⁵⁹.

Неожиданно в ход переговоров вмешался В.К. Плеве. Сначала перед Новым годом он заявил в Комитете министров, что взрывоопасная ситуация внутри России заставляет его выступить категорическим противником войны¹⁶⁰. А в ночь с 7 на 8 (20–21) января он встречался с Ш. Курино и заявил ему, что японские поправки к тексту соглашения приемлемы¹⁶¹. Возможно, именно этот разговор продлил переговоры. 24 января Т. Кацура и микадо решили: если Россия примет японские условия – войны не будет, если прозвучат приемлемые контрпредложения – продолжать переговоры, если отклонит – начинать боевые действия¹⁶².

В Петербурге для обсуждения положения 15 (28) января 1904 г. созвали ещё одно Особое совещание в прежнем составе: Ф.К. Авелан, А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф, А.М. Абаза, великий князь Алексей Александрович¹⁶³. Мнения опять разделились: против дальнейших уступок говорили только великий князь и морской министр. В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин фактически согласились с тем, что Корею следует отдать Японии, впрочем, сопровождая это некоторыми оговорками (В.Н. Ламздорф – о необходимости свободы плавания через Корейский пролив и неиспользования полуострова в стратегических целях). А.М. Абаза придерживался особой позиции, предлагая поделить Корею между Японией и Россией по водоразделу рек. Это был давно, задолго до 1903 г. пройденный этап русско-японских переговоров. Его позиция не нашла поддержки ни у одного участника совещания. Более разумным выглядело предложение о

¹⁵⁷ В.Н. Ламздорф – Николаю II 2 (15) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.145–147.

¹⁵⁸ Проект соглашения России и Японии, б/д. // Там же. Л.158.

¹⁵⁹ Ч. Скотт – Г. Ленсдоуну 21 января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.91 turn.

¹⁶⁰ До этого В.Н. Ламздорф, по свидетельству А.Н. Куропаткина, имел «основание думать, что Плеве не прочь иметь войну с Японией» как средство отвлечь «внимание масс от политических вопросов». Однако военному министру удалось убедить своего коллегу, «что война с Японией не уменьшит его забот об успокоении России» (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.113).

¹⁶¹ Ч. Скотт – Г. Ленсдоуну 21 января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.91 turn.

¹⁶² Okamoto Sh. Op. cit. P.100.

¹⁶³ Журнал Особого совещания 15 (28) января 1904 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.166–172.

нейтральной зоне с границей по 39 параллели, за которую, как и Е.И. Алексеев, стояли Ф.К. Авелан, великий князь и, по сути, А.Н. Куропаткин (вместо нейтральной зоны – запрет на использование территории севернее 39 параллели в стратегических целях, что являлось более казуистичным и менее понятным). Он также продолжал твердить о непризнании прав Китая на Маньчжурию¹⁶⁴. Против нейтральной зоны аргументированно выступил только В.Н. Ламздорф. Он объяснял это тем, что японцев испугает перспектива хаоса там, также их тревожили слухи о создании в бассейне р. Ялу стратегической позиции Россией. Конечно, граф хотел бы уговорить участников совещания отказаться от нейтральной зоны вообще. Однако он оказался в одиночестве и к тому же не обладал бойцовскими качествами. Поэтому при первом сопротивлении такой идее (великий князь Алексей Александрович, Ф.К. Авелан) министр иностранных дел объявил, что этот вопрос вне его компетенции и что если военные настаивают, то зону следует сохранить в проекте соглашения «во что бы то ни стало». Глава внешнеполитического ведомства также не вполне точно оценивал обстановку. Разрыв с Японией оборачивался в его представлении лишь высадкой японских войск в Корею и захватом королевства. Это казалось графу даже предпочтительнее, так как японцы становились «первыми нарушителями мира»¹⁶⁵. О войне у него и мысли даже не проскальзывало.

В итоге никакого консолидированного решения снова не приняли, новые редакции ст.5 и 6 (запрет на военные сооружения на корейском побережье и нейтральная зона без войск севернее 39 параллели) поручили подготовить В.Н. Ламздорфу¹⁶⁶. Не удивительно, что после разъяснений министра иностранных дел Николай II не утвердил журнал этого совещания. Разброс мнений, явная слабость аргументации свидетельствовали, что у бюрократической верхушки наступил своеобразный коллапс как государственного рассудка, так и политической воли. В этой ситуации самый здравомыслящий из всех участников совещания – В.Н. Ламздорф – обладал едва ли не наименьшими возможностями, чтобы настоять на собственном решении.

Пока А.М. Безобразов пребывал в Швейцарии, на контакт с японцами в Петербурге пошёл А.М. Абаза, сообщив им итоги Особого совещания 15 (28) января 1904 г. В его изложении получалось, что участники обсуждения более всего озаботились корейским вопросом, настаивая на запрете укреплять берега Корейского пролива и обязательно – на нейтральной полосе севернее 39 параллели¹⁶⁷. Это значительно расходилось с позицией и обещаниями

¹⁶⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.124–126. Запись 15 января 1904 г.

¹⁶⁵ Журнал Особого совещания 15 (28) января 1904 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.171.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.198.

¹⁶⁷ Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 3 февраля 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.132.

В.Н. Ламздорфа, что Россия готова пойти на существенные уступки. Возможно, что А.М. Абаза сознательно дискредитировал действия графа¹⁶⁸. Разумеется, японцы не принимали все его рассказы за чистую монету, однако Ш. Курино сделал вывод, что у Японии нет надежды получить от России удовлетворяющий её результат. Можно сказать, что именно безобразовцы подтолкнули его к такому заключению. Аналогичное мнение сложилось и в Токио. Даже такой сторонник соглашения с Россией, как Х. Ито, признал 30 января, что если даже Петербург откажется от нейтральной зоны и требования запретить использование корейской территории в стратегических целях, то, глядя на политику России в целом, это будет лишь временный мир¹⁶⁹.

В Петербурге же и после Особого совещания обсуждение русского ответа продолжалось. В.Н. Ламздорф по-прежнему настаивал на отказе от нейтральной зоны, А.М. Абаза категорически не соглашался¹⁷⁰. Его позиция отражала отношение Е.И. Алексеева, который усматривал в последнем японском ответе лишь рост притязаний Токио и опять призывал заняться всесторонним обсуждением корейского вопроса¹⁷¹. Наместник уже утратил реальное влияние на переговоры и был откровенно раздражён происходящим. Он ещё до Особого совещания заявил дипломатическому чиновнику Г.А. Плансону: «Все ваши писания ничего не стоят. Я бы просто объявил японцам войну за их нахальство. Их необходимо проучить. Всё равно войны мы не избежим»¹⁷². Настрой на войну стал у Е.И. Алексеева доминирующим. Он сообщил в Петербург, что не видит никакого смысла в продолжении переговоров из-за «большой твёрдости и самоуверенности» японцев и полагает, что вооружённое столкновение с Японией «должно быть признано неизбежным»¹⁷³.

Царь в который уже раз занял промежуточную позицию, предложив сделать статью о нейтральной зоне тайной¹⁷⁴. Николай II, искренне намереваясь

¹⁶⁸ Симанский П.Н. Указ. соч. С.209. Это обвинение выдвинул также близкий безобразовцам Ф.А. Львов, осведомлённый о посещении японской миссии А.М. Абазой перед разрывом переговоров (Львов Ф.А. Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб., 1906. С.45).

¹⁶⁹ Okamoto Sh. Op. cit. P.101.

¹⁷⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 20 января (2 февраля) 1904 г. и А.М. Абаза – В.Н. Ламздорфу 21 января (3 февраля) 1904 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.45–48).

¹⁷¹ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 3 (16) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.154. Эта же телеграмма была послана им и Николаю II (Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.37–38).

¹⁷² Дневник Г.А. Плансона. Записи 3 и 4 (16 и 17) января 1904 г. // Красный архив. 1930. №4–5 (41–42). С.158–159.

¹⁷³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.200–201.

¹⁷⁴ Николай II – В.Н. Ламздорфу 21 января (3 февраля) 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.661. Л.76–77.

продолжать переговоры, выражал изрядное недовольство поведением японской стороны. Ещё 1 (14) января 1904 г. он объявил японскому послу Ш. Курино, выражая надежду на сохранение добрых отношений, «что Россия есть не только великая страна, но и часть света, и что у такой державы, несмотря на всё миролюбие, может наступить предел терпения»¹⁷⁵. Но самодержец не вполне понимал всю серьёзность происходящего. Кажется, он был по-прежнему уверен в том, что наихудшим результатом может стать высадка японцев в Южной Корее, после чего «кризис на Дальнем Востоке потеряет свою остроту»¹⁷⁶.

В конце концов, последнее русское предложение не содержало требования нейтральной зоны, хотя император поручил Р.Р. Розену любым способом склонить японцев к подписанию «особой секретной статьи» о ней¹⁷⁷. Но было уже поздно: японское руководство явно приняло принципиальное решение завершить переговоры после того, как 19 января (1 февраля) Ш. Курино сообщил в Токио о своём разговоре с В.Н. Ламздорфом, когда российский министр не только не смог назвать предполагаемую дату русского ответа, но и объяснял это трудностями устранить разногласия между министрами и Е.И. Алексеевым, не скрывая, следовательно, ту обстановку хаоса, которая продолжала царить в российских верхах. А до этого, 8 (21) января, японское руководство получило ещё более пессимистический отчёт от беседе дипломата с С.Ю. Витте. Свидетельством того, что в Токио уже отказались от идеи продолжать переговоры стала телеграмма 3 февраля, в которой японскому посланнику предписывалось более не предпринимать усилий, чтобы получить русский ответ или его суть впредь до особого указания¹⁷⁸.

22 января (4 февраля) 1904 г. В.Н. Ламздорф уведомил Ш. Курино, что ответ Петербурга отправлен Е.И. Алексееву, который уже не мог внести в него существенных изменений¹⁷⁹. Россия согласилась убрать из соглашения статью о нейтральной

¹⁷⁵ Слова Николая II были переданы А.М. Абазой Е.И. Алексееву телеграммой 8 (21) января 1904 г. (РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.212. Л.8).

¹⁷⁶ Резолюция Николая II на телеграмме Е.И. Алексеева 16 (29) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.190.

¹⁷⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.205–207.

¹⁷⁸ Ю. Комура – Ш. Курино 3 февраля 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел). Т.37. Ч.1. Токио, 1958. С.91–92.

¹⁷⁹ 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преимущественных интересов Японии в Корее и прав Японии подавать Корее советы и помощь, направленные к упорядочению управления Корейской империи.

3. Обязательство России не препятствовать развитию промышленной и торговой деятельности Японии в Корее и принятию мер для охраны этих интересов.

4. Признание Россией права Японии посылать в Корею войска для указанной в

зоне и снимала оговорки относительно признания трактатных прав иностранцев в Маньчжурии. Не сообщая деталей ответа, министр изложил своё частное мнение: Россия хотела бы дружески договориться с Японией по делам Дальнего Востока, но основой для этого должна быть констатация независимости и целостности Кореи, а также неиспользование её территории в стратегических целях. Он также не отказался полностью от нейтральной зоны¹⁸⁰. Разумеется, такие разъяснения не могли удовлетворить Японию. Получая постоянно информацию о хаосе, царящем в русских верхах, руководство Страны восходящего солнца не было уверено, что верх возьмёт компромиссная точка зрения. Поэтому за три часа до получения в Токио сообщения о разговоре с В.Н. Ламздорфом, в Петербург для Ш. Курино уже были посланы 3 депешы с уведомлением о разрыве дипломатических отношений с Россией. В этом решении надо видеть не изменение позиции Страны восходящего солнца на переговорах, а победу «партии войны», которая с самого начала выступала за решение проблем силовым путём. Тем не менее, вручая 24 января (6 февраля) японскую ноту В.Н. Ламздорфу, Ш. Курино уверял его, а Ю. Комура в Токио – Р.Р. Розена, что это не означает объявления войны.

Вероятно, счёт времени до старта боевых действий шёл в те дни на часы. Механизм войны в Токио уже запустили, однако нельзя исключать, что какие-то, пусть и ничтожные, шансы на предотвращение конфликта ещё оставались. Ведь 21 января (3 февраля) русский ответ сообщили Лондону, и Г. Лэнсдун оказался им полностью удовлетворён, к немалому смущению Т. Хаяши. Возможно, именно тогда японский посланник решил: телеграмма с русскими предложениями не должна быть получена в Токио¹⁸¹.

Удивительно, но в России почти никто не воспринял разрыв дипломатических отношений как преддверие войны. Даже морской министр Ф.К. Авелан после всё ещё утверждал, что война «немыслима»: «для того, чтобы драться,

---

предыдущей статье цели для подавления восстаний или беспорядков, могущих создать международные осложнения.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории в стратегических целях и не предпринимать на корейском побережье никаких военных мер, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Россия будет уважать все права и преимущества, приобретённые Японией наравне с прочими державами по договорам с Китаем, причём Япония со своей стороны обязуется признавать Маньчжурию с её побережьем стоящей вне сферы её интересов.

7. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, когда эти дороги будут доведены до Ялу.

8. Отмена всех прежних соглашений между Россией и Японией касательно Кореи (телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 20 января 1904 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.46–47).

¹⁸⁰ Ш. Курино – Ю. Комура 5 февраля 1904 г. // Ниппон гайко буншо... С.96; Японская Белая книга... С.229.

¹⁸¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.222.

надо быть двоим<...> Мы ни в коем случае не доведём дела до разрыва»¹⁸². В Петербурге, по-видимому, продолжали думать, что позиция Токио означает только намерение захватить Корею. Именно поэтому Николай II ещё раз подтвердил наместнику, что высадка японцев в Южной Корее – не повод для открытия военных действий. Ему давалось право атаковать, «не дожидаясь первого выстрела с их стороны» лишь в случае появления десанта севернее 38 параллели¹⁸³. Только 24 января (6 февраля) Николай II в первый раз выразил серьёзную тревогу по поводу возможной войны с Японией. Он уже настолько устал, что единственным желанием монарха осталось достижение определённости: «воевать так воевать; мир так мир»¹⁸⁴.

Е.И. Алексеев не только не участвовал в этих обсуждениях, но 12 (25) января 1904 г. он впервые за несколько месяцев не получил ежедневных депеш из Токио, Пекина и Сеула. Оказалось, что российским представителям предписали обращаться за указаниями непосредственно в Петербург. Это означало, что Е.И. Алексеев фактически отстранялся от руководства дальневосточной политикой России. Однако его просьба об отставке принята не была¹⁸⁵. Продолжая исполнять свои обязанности, адмирал вёл себя малоадекватно ситуации, продолжая уповать на собственные представления и оценки. Получив известие об отзыве из Петербурга японского посла, Е.И. Алексеев вместо понятной тревоги и вопросов ему о войне, заявил: «Нет, это, вероятно, у них фортель какой-нибудь, чтобы вырвать у нас ещё некоторые уступки»¹⁸⁶. За несколько дней до нападения японцев русская эскадра в полном составе под командованием вице-адмирала О.В. Старка вышла из Порт-Артура в море и примерно сутки занималась различными манёврами. Однако наместник запретил привести эскадру в боевую готовность. 22 января (4 февраля) о морских манёврах узнали в Японии¹⁸⁷. Как оказалось, эти действия послужили для Токио «казусом белли»¹⁸⁸.

¹⁸² Пиленко А. Из литературных воспоминаний // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Collection of B.I. Nikolaevski. Box 642. №18. P.4–5.

¹⁸³ Телеграмма Николая II Е.И. Алексееву 25 января (7 февраля) 1904 г. (получена 27 января) // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.219. Л.4. Она опубликована как телеграмма от 26 января (Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.50).

¹⁸⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.128. Запись 25 января 1904 г.

¹⁸⁵ Бок Б.И. Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.26; Ремнёв А.В. Указ. соч. С. 392–393.

¹⁸⁶ Балашёв И.П. Записки о русско-японской войне // Архив СПб ИИ РАН. Ф.115. Оп.1. Д.1167. Л.139, 143.

¹⁸⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.223–224. По сведениям, приведённым В.А. Золотарёвым и Ю.Ф. Соколовым, телеграмму японского консула в Чифу о выходе эскадры из Порт-Артура получили в Токио 22 января (4 февраля) в 16.25. В этот же день вечером состоялось чрезвычайное совещание всего японского руководства, на котором было решено безотлагательно начинать войну (Золотарёв В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война 1904-1905 гг. М., 2004. Кн.1. С.278–279).

¹⁸⁸ Никитин (Фокагитов) Д. Как началась война с Японией // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.50. Действия наместника, похоже, выражали его

26 января (8 февраля) началась высадка японцев в Корею, символично, что в это время в Петербурге проходило очередное совещание, на котором уже обсуждались не столько пункты договора с Японией, сколько отношение к появлению японских войск в королевстве¹⁸⁹.

Ход русско-японских переговоров 1903 г. показал, что едва ли не главную роль с русской стороны играли интриги и борьба за власть и влияние. То есть, в большей части они оказались продолжением внутренних проблем управления, явно находившихся в кризисном состоянии. Не удивительно, что Петербургу с трудом удавалось, и то не всегда, подыскивать ответы Токио, а чаще – он просто не находил их. Вместо формулирования консолидированной позиции российские верхи занимались либо перетягиванием одеяла на себя (Е.И. Алексеев и министерства – у кого больше власти), либо пытались настоять на собственном варианте решения проблем (А.Н. Куропаткин). Совершенно дезориентированные дипломаты действовали по противоречивым указаниям, а представления некоторых из них также нельзя назвать безошибочными (Р.Р. Розен). Тем не менее, в России практически никто не хотел участвовать в вооружённом конфликте. Исключением являлась только позиция Е.И. Алексеева, не стремившегося к войне во время переговоров, но уверенного в том, что схватки не миновать. Провоцировал ли он в последние мирные дни начало боевых действий – вопрос открытый. Более убедительным выглядит объяснение последних действий адмирала как его некомпетентность. В любом случае его нельзя выставлять единственным виновником с российской стороны. Немалую роль сыграл и С.Ю. Витте, подталкивавший по мере своих возможностей вооружённый конфликт, хотя его поведение нельзя рассматривать как определяющий фактор. Он, не скрываясь, видел в войне кратчайший путь к возвращению себе прежнего влияния. Военному министру А.Н. Куропаткину С.Ю. Витте прямо «говорил, что его надо с объявлением войны призвать к власти»¹⁹⁰. Но такие примеры среди российского руководства были единичны. Самодержавная власть отчётливо ощущала, что находится накануне войны, но, несмотря на это, оказалась не в состоянии предпринять необходимых мер, чтобы предотвратить её. Разумеется, это никак не снимает ответственности с Японии за развязывание вооружённого конфликта с Россией в 1904–1905 гг.

недомыслие. Вполне возможно, что Е.И. Алексеев решил манёврами поднять боевую готовность флота, не задумываясь о последствиях такого шага. Показательно, что в эти же дни наместник активно успокаивал моряков, заявляя, что нет никаких оснований опасаться войны.

¹⁸⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.130–132.

¹⁹⁰ Там же. С.127. Запись 20 января (2 февраля) 1904 г.

Глава 12. Портсмутский договор: путь России к миру

12.1. Историография

Подготовке мира и истории переговоров в советской историографии посвящены специальные исследования А.Л. Гальперина, Б.А. Романова и Л.Н. Кутакова. В подходах авторов явно отразились политические особенности эпохи 1940–1950-х гг., в частности, подчёркнутый и недостаточно обоснованный фактами антиамериканизм, стремление доказать исконную агрессивность и враждебность английской политики России. А.Л. Гальперин сконцентрировал внимание на внешней стороне Портсмутского мира, задавшись целью показать, что само мирное соглашение и его условия стали по большей части продуктом усилий «англо-американского блока», а не России и Японии. Даже автору было очевидно, что сконструированный им «блок» не являлся монолитным. Объяснение его противоречивости выглядит у А.Л. Гальперина не вполне убедительно: он искал причины в разнице внешнеполитических целей двух стран. Англия якобы была заинтересована в большей степени в том, чтобы Россия увязла на Дальнем Востоке, так как это будто бы соответствовало интересам борьбы Лондона в Европе с Берлином. Взгляд, мягко говоря, уязвимый для критики, так как не учитывает создания в апреле 1904 г. Антанты и заинтересованности Франции, и в определённой степени – и Англии, в присутствии России в Европе. А.Л. Гальперин также сильно преувеличил «антирусскость» и «японофильство» во внешней политике США. Всю американскую политику автор пытался анализировать, исходя из двух, с его точки зрения, важнейших событий, которые якобы сознательно не освещались в англоязычной историографии (что не вполне точно): поездка в январе 1905 г. английского дипломата С. Спринг Райса в Вашингтон и японо-американское соглашение Тафт–Кацура, заключённое в июле 1905 г.¹ Однако их значение явно переоценено автором. Частный визит С. Спринг Райса в Вашингтон являлся не более чем эпизодом в согласовании позиций двух стран по отношению к русско-японской войне и миру, никакого глобального значения для будущей политики он не имел. А из-за своего приватного характера поездка не полу-

---

¹ Гальперин А.Л. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком // Исторические записки. Т.50. М., 1955. С.170.

чила подробного отражения в официальной документации (так же, к примеру, как поездка по Европе в конце 1901 г. Х. Ито), так что обвинения А.Л. Гальперина в «сокрытии» столь важного для него события выглядят странно. Соглашение же Тафт–Кацура (не означавшее, кстати, установление союзнических отношений), заключённое всего за две недели до Портсмутского мира, работает скорее против основной мысли автора: роль США – посредника требовала соответствующей удалённости от Токио. Ещё менее убедителен другой вывод историка: несмотря на острые противоречия, и Англия, и США, и Япония «стремились к концу русско-японской войны сохранить единство политики в борьбе против России»². Этот коллективный интерес к объединению против державы, проигрывающей в войне, не только не объяснён, но и противоречит как фактам, так и принципам международной политики («дружат» всегда против сильного и агрессивного). США А.Л. Гальперин определил «таким же союзником Японии, как и Англия»³. Удивительно, что позиции Японии и России по вопросу о прекращении войны представлены как статичные, воюющие стороны почему-то крайне пассивно относились к заключению мира. В общем, построение статьи и её общие выводы не выглядят убедительно. Автор пытается из незначительного количества фрагментарного фактического материала выстроить логические цепочки, конструкция которых подчиняется его общим представлениям о сути «империалистической политики», при этом пробелы в фактах остались очевидны. Местами, наоборот, текст перегружен деталями. В общем, при наличии отдельных точных наблюдений и выводов, статья была призвана разоблачить некий «заговор» «англо-американского блока» против России без достаточных к тому аргументов.

В этом же русле Портсмутский мир рассматривается в последней книге Б.А. Романова⁴. Автор проделал огромную работу по анализу международных отношений 1904–1905 гг., взятых им в исключительно широком контексте, опираясь на опубликованные источники: многотомные публикации французских, немецких и английских документов. Правда, значительная часть его наблюдений, ценных самих по себе, не имела прямого отношения к теме русско-японских отношений и заключению мира (например, история марокканского кризиса). Но он убедительно показал позиции всех великих держав по отношению к войне, заинтересованных не только в её прекращении, но и в переориентации внешнего курса России (Англия, Франция, отчасти США). Однако читателю сразу бросается в глаза подчёркнутый антиамериканизм автора, не подкреплённый необходимыми аргументами. Он также

---

² Там же. С.215.

³ Там же. С.175.

⁴ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд 2-е, испр. и доп. М.:Л., 1955.

преувеличил враждебность Лондона по отношению к России. Значительно больше внимания, чем А.Л. Гальперин, Б.А. Романов уделил подготовке к мирным переговорам в России и их ходу непосредственно в Портсмуте. Пожалуй, он первым убедительно показал, что успехом на переговорах Петербург был обязан не только действиям российской делегации, за ним стояла сложная подготовка и лишь благодаря их единству война завершилась на относительно благополучных для самодержавия условиях. Значительную долю от успеха историк также «присудил» действиям С.Ю. Витте, оставив в тени позицию и значение правительства и Николая II.

Вскоре после выхода в свет второго издания книги Б.А. Романова специальную монографию, посвящённую Портсмутскому мирному договору, опубликовал профессиональный дипломат, долгое время служивший в странах Дальнего Востока, Л.Н. Кутаков⁵. Его исследование отличает великолепное знание источников, как русских, так и японских, а также многочисленной литературы по истории международных отношений. Однако в своих взглядах Л.Н. Кутаков отражает скорее официальную позицию советского МИДа, чем делает выводы из фактического материала. По его мнению, Япония с самого начала переговоров летом 1903 г. уже шла «на развязывание войны», поэтому самодержавие совершило ошибку, вообще согласившись на них⁶. Он детально, с большой точностью излагает их подготовку и ход, стремясь одновременно показать негативное влияние на дискуссию США и Англии. Л.Н. Кутаков также склонен преувеличивать роль С.Ю. Витте в Портсмуте. Если следовать за его изложением, то получается, что глава российской делегации едва ли не все решения принимал самостоятельно (исключение, пожалуй, составляет вопрос об уступке половины Сахалина). Будущий граф в его изображении – почти что герой, ведущий схватку на американской земле за интересы России (правда, не всегда успешно). Николай II же продемонстрировал излишнюю мягкость⁷. Л.Н. Кутаков в общем отрицательно относится к заключению мира, так как считает, что его условия «были крупными уступками, которые делала Россия»⁸. Правда, автор нигде не пишет о том, как бы с его точки зрения следовало заключить триумфальный мир при проигранной по сути войне. Винаватым во всём у автора оказалось самодержавие: «Царь и его министры не могли последовательно отстаивать государственные интересы России. Они боялись продолжения войны»⁹. В итоге автор предстал перед читателем госу-

⁵ Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). М., 1961. С.6–86. Основные суждения автора были повторены им в другой книге: Россия и Япония. М., 1988.

⁶ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С.234.

⁷ Там же. С.267.

⁸ Там же. С.271.

⁹ Там же. С.267.

дарственником, ставящим превыше всего интересы империи (что проявлялось лишь в поздней советской историографии).

В англоязычной историографии интерес к Портсмутскому миру продемонстрировали, прежде всего, американские исследователи. Ещё в 1924 г. в США увидела свет книга Т. Деннета¹⁰, в которой он привёл большое количество документов, свидетельствовавших об активной роли дипломатии США в подготовке и проведении мирной конференции. Эта точка зрения, отдающая роль главного миротворца президенту Т. Рузвельту, доминирует и сейчас в Америке. Её представляет, например, недавняя книга о Портсмутском мире Р. Эстуса¹¹.

12.2. Предварительные контакты о мире (лето 1904 – весна 1905 гг.)

Начав войну с Россией, Япония сразу же задумалась о будущем мире, так как рассчитывала на быстротечную кампанию, на полный разгром русской армии в одном-двух сражениях. Длительные военные действия были не по силам, прежде всего, японской экономике. Поэтому уже летом 1904 г. в Токио развернулась активная работа по выработке условий мира. Министр иностранных дел Ю. Комура полагал, что вопрос об окончании войны Япония должна решать в прямых переговорах с Россией, избегая международной конференции, а также посредничества кого-либо (что не исключало помощи в организации таких переговоров). Кроме того, Ю. Комура составил возможные условия, на которых Японии следовало настаивать. Главными из 12 пунктов являлись: уплата контрибуции, свобода действий в Корее, вывод русских войск из Маньчжурии с передачей Японии Ляодунского полуострова и части КВЖД от Харбина до Порт-Артура, а также Сахалина (который Япония к тому времени не захватила), право ловли рыбы в прибрежных водах России и, наконец, беспрепятственное плавание японцев по Амуру до Благовещенска и превращение Николаевска, Хабаровска и Благовещенска в открытые для иностранцев порты¹². Подобные условия мира не соответствовали успехам японского оружия и до этого предъявлялись победителями таким слабым государствам как, например, Китай. Ю. Комура, по-видимому, отдавал себе отчёт в нереальности его требований, так как признавал, что без полной победы в войне Японии Россия, разумеется, не примет их¹³. Но премьер Т. Кацура

---

¹⁰ Dennett T. Roosevelt and the Russo-Japanese war. N.Y., 1925. В 1959 г. появилось второе издание этой книги.

¹¹ Esthus R.A. Double Eagle and Rising Sun: the Russians and Japanese at Portsmouth in 1905. Durham: Duke University Press, 1988.

¹² Okamoto Sh. The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War. N.Y.:L., 1970. P.112–113. Об этом же, но со ссылкой на другие японские исследования ранее писал А.Л. Гальперин (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.176–177).

¹³ Okamoto Sh. Op. cit. P.114.

в августе 1904 г. убрал из текста министра лишь требования относительно плавания японцев по Амуру и открытия русских портов там, а также запрет на военное использование КВЖД. Основные же пункты, сформулированные Ю. Комурой, остались¹⁴. Первые военные успехи вскружили голову японскому руководству, что привело к составлению непомерных требований к России, недопустимых не только по конкретному содержанию, но и по общему смыслу, по тону. Обращает на себя внимание, что Япония сразу замахнулась на то, что до этого не было объектом её притязаний и не являлось причиной войны с Россией – это Сахалин и фактическое господство не только на море, но и во всём русском Приморье. Позиция Токио превращала войну за влияние в Корею и Маньчжурии также и в битву за дальневосточные владения России. В такой ситуации Петербург становился жертвой агрессии, что обещало ему, оказавшемуся к 1904 г. в своих дальневосточных притязаниях практически в полной изоляции, некоторую международную поддержку.

Кроме того, резкое ослабление России на Дальнем Востоке, если бы Япония сумела его добиться, не устраивало ни Англию, ни США. Они допустили войну с тем, чтобы руками японцев получить для себя свободу действий в Маньчжурии¹⁵. Т. Рузвельт неоднократно, и в начале войны, и весной 1905 г. говорил одно и то же: «В наших интересах, чтобы война между Россией и Японией затянулась, чтобы обе державы как можно больше истощились и чтобы по заключении мира не были устранены их пограничные трения»¹⁶. Замена Петербурга на Токио в Маньчжурии совсем не входила в планы Америки. Поэтому по мере успехов японского оружия стремление к миру в наибольшей степени росло именно в Вашингтоне и отчасти в Лондоне. Не удивительно, что именно в Вашингтоне японский посланник К. Такахира уже 6 июня 1904 г. частным образом обсуждал с Т. Рузвельтом вопрос о конференции держав (!) после окончания войны¹⁷. Токио искал поддержку в вопросе будущего мира именно в Америке: Лондон вряд ли мог сыграть здесь нужную Японии роль из-за крайне неважных отношений с Петербургом. Т. Рузвельт пока прощупывал почву, обещая японцам, что Корея по результатам войны должна войти в сферу их исключительных интересов¹⁸.

¹⁴ Okamoto Sh. Op. cit. P.115.

¹⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.323.

¹⁶ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.325, 393. Несмотря на это, лично Т. Рузвельт был поклонником японской нации, считая, что у неё отличное будущее и верил, что она войдёт в число великих народов мира, невзирая на скептическое отношение большинства к таким прогнозам.

¹⁷ Перевод секретного донесения японского посла в Вашингтоне К. Такахира – Ю. Комуры 27 июня 1904 г. // РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.430. Л.2–3. Это донесение было захвачено на пароходе «Калхас» летом 1904 г.

¹⁸ Esthus R. Op. cit. P.16.

С другой стороны, в России первое время после начала боевых действий за её немедленное прекращение выступал, пожалуй, только С.Ю. Витте, во многом ответственный за дальневосточную политику империи в последнее десятилетие перед конфликтом. Экс-министр рассуждал перед английским послом Ч. Хардингом о возможности мира с Японией уже в июне 1904 г., правда, не имея в виду ничего конкретного, так как судьба войны находилась исключительно в руках Николая II. Сановник пока не мог сформулировать условия будущего мира даже в самых общих чертах, он лишь полагал, что простое возвращение довоенного status quo невозможно¹⁹. Общепризнано, что первая попытка завязать переговоры о мире состоялась летом 1904 г. Правда, источники изображают её по-разному.

Согласно мемуарам самого С.Ю. Витте, в июле 1904 г. японский посол в Лондоне Т. Хаяши через «бывшего немецкого дипломата, проживающего в Лондоне» и агента Министерства финансов М.В. Рутковского предложил ему, находившемуся тогда в Берлине, встретиться, чтобы обсудить «более лёгкие для России» условия мира, пока Порт-Артур не пал²⁰. По сведениям М.В. Рутковского, Т. Хаяши якобы имел от своего правительства санкцию на такую встречу и инструкции. С.Ю. Витте из Берлина написал об этом Николаю II, но ответа не получил²¹.

Иначе эта история отразилась в японских источниках. Т. Хаяши сообщил в Токио, что это С.Ю. Витте дважды через посредников обращался к нему с предложением о встрече. Первое приглашение, переданное через некоего французского финансиста, а затем – барона Г. Экардштейна (имя бывшего немецкого дипломата в Лондоне было названо прямо) Т. Хаяши отверг, ответив, что переговоры не имеют шансов на успех. С.Ю. Витте обратился к нему

---

¹⁹ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 30 июня 1904 г. // *British Documents on the Origins of the War*. Vol. IV. The anglo-russian rapprochement, 1903–1907. L., 1929. P.3–4.

²⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.105. Аналогично эта история изложена в телеграмме М.В. Рутковского В.Н. Коковцову в феврале 1905 г. (Красный архив. 1924. №6. С.6–7). Версию С.Ю. Витте повторили в своих исследованиях Б.А. Романов (Романов Б.А. Указ. соч. С.320) и А.В. Игнатъев (Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С.196).

²¹ По поводу своего обращения к Николаю II летом 1904 г. он самонадеянно полагал: «Если бы мне тогда было поручено вести переговоры, то, вероятно, дело ограничилось бы тем, что мы потеряли бы Квантунскую область с Порт-Артуром и влияние наше в Корее, но за нами осталась бы вся южная часть Восточно-Китайской железной дороги и весь Сахалин» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.105–106). Однако требования японцев уже тогда простирались значительно далее того, что обрисовал С.Ю. Витте, а их способность продолжать войну была вовсе не исчерпана. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что будущему графу удалось бы склонить противника принять его вариант мирного соглашения

вновь, предложив увидеться в Брюсселе. Трудно сказать, какими аргументами С.Ю. Витте сопровождалась вторая просьба, но на сей раз японский дипломат запросил мнение Токио. Он также высказал собственные соображения о возможных условиях мира. Их было всего два: эвакуация русских войск из Маньчжурии с установлением там режима «открытых дверей» (для претензий на Корею Т. Хаяши, вероятно, полагал необходимым сначала заручиться поддержкой других держав) и запрет русским должностным лицам на Дальнем Востоке вести в регионе самостоятельную агрессивную политику (неприкрытый намёк на безобразовцев)²². Однако Ю. Комура отклонил поездку Т. Хаяши в Брюссель: по мнению Токио, условия для завершения войны ещё не созрели (возможно, это было связано и с тем, что в японской столице контуры желаемого мирного соглашения как раз в это время обсуждались)²³.

Из письма Т. Хаяши складывается впечатление, что тот чего-то недоговаривает (например, почему он после второго обращения согласился на встречу с С.Ю. Витте). Несмотря на это, версия японского дипломата представляется более реальной: ведь у него не имелось серьёзных резонов искать контактов с отставным министром для обсуждения условий выгодного России мира²⁴, тогда как С.Ю. Витте явно мечтал о лаврах миротворца, надеясь таким образом вернуться во власть²⁵.

Косвенно в пользу версии Т. Хаяши свидетельствует записка В.П. Мещерского, подготовленная для Николая II. Черновик её не имеет даты, но в ней князь ещё до падения Порт-Артура заявил о необходимости изменить отношение к Японии: пока не поздно, царю самому следует выступить с инициативой прекращения войны, ссылаясь на решения Гаагской конференции. В случае отказа В.П. Мещерский предрекал небывалые потоки русской крови, финансовое разорение империи, сдачу Порт-Артура и поражение русского флота, что, естественно, резко ухудшало позиции России²⁶. Показательно, что князь

²² Т. Хаяши – Ю. Комура 26 июля 1904 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.49–50. В столицу Бельгии С.Ю. Витте мог совершить поездку, не вызывая никаких подозрений: вторым секретарём российской миссии там служил его зять К.В. Нарышкин.

²³ Ю. Комура – Т. Хаяши 8 августа 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.37–38. Приложение «Русско-японская война». Ч.5. Токио, 1960. С.117–118.

²⁴ Позднее, в сентябре 1904 г. Т. Хаяши говорил англичанам: «Мы не можем <...> предложить России мир, мы, которые являемся неоспоримыми победителями» (цит. по: Гальперин А.Л. Указ. соч. С.178).

²⁵ Версию Т. Хаяши подтверждает Э. Диллон, английский журналист, корреспондент «Daily Telegraph», близкий С.Ю. Витте, позднее сыгравший роль посредника в их контактах (Dillon E.J. The Eclipse of Russia. N.Y., 1918. P.296).

²⁶ Мещерский В.П. Записка о необходимости мира с Японией. [Не ранее сентября 1904 г.] // Исторический архив. 2005. №6. С.41–43.

писал не просто о мире, но о необходимости «самого полного и оборонительного и наступательного союза с Японией». Сходство идей указывает, что за инициативой князя, далёкого от дальневосточных дел, явно скрывалась фигура С.Ю. Витте, не раз таким образом действовавшего через В.П. Мецера. Но записка последствий не имела.

Несмотря на неудачу, С.Ю. Витте и далее искал возможности стать миротворцем. Свидетельством этого является, в частности, его переписка с А.Н. Куропаткиным. 20 января 1905 г. он спрашивал командующего: «Какие Вы полагаете возможным достигнуть мирные условия? Наконец, не благоразумнее ли нынче же подумать о мире и искупить свои грехи?» Совет генерала требовался сановнику, так как будущему графу доводилось играть «во всей этой сумятице» «некоторую роль, а может быть, в ту или иную минуту придётся дать решительный совет»²⁷. Всё это сопровождалось слухами о недовольстве в России царским указом 12 декабря 1904 г., так и не провозгласившем создание народного представительства, и о скором возвращении С.Ю. Витте к власти. Примерно в это время В.Н. Ламздорф впервые заговорил на всеподданнейших докладах о мире (25 января – «Необходимость мира. Совещание у Сольского»; 1 февраля – «Необходимость мира»)²⁸. Британские дипломаты исправно сообщали петербургские настроения и слухи своим японским союзникам²⁹. До японцев даже дошли сведения о возможных условиях мира со стороны России (т.е., С.Ю. Витте): Корея сохраняет независимость, Маньчжурия и Ляодун возвращаются Китаю³⁰.

Николай II ни во второй половине 1904 г., ни в начале 1905 г. не выражал склонности к миру. Он помнил предсказание А.Н. Куропаткина о тяжёлой, долгой, но победоносной войне, сделанное военным министром ещё в начале 1900 г. Также некоторое влияние на него сохранили безобразовцы, уверенные в конечном торжестве русского оружия. Весной 1904 г. А.М. Абаза составил для Николая II согласно его указаниям программу действий России–победителя. Она предусматривала присоединение всей Кореи и Маньчжурии к России. Чтобы смягчить недовольство иностранцев на Дальнем Востоке, царь намеревался ввести порто-франко во всём наместничестве сроком на 25 лет. Программа эта разрабатывалась втайне, с её содержанием ознакомились, кроме Николая II и А.М. Абазы, лишь К.И. Вогак и Е.И. Алексеев³¹. Царь усмехался:

²⁷ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину 20 января 1905 г. // Красный архив. 1926. №6 (19). С.76.

²⁸ Конспекты всеподданнейших докладов В.Н. Ламздорфа // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.66. Л.5.

²⁹ К. Иноуэ – Ю. Комуре 26 декабря 1904 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.84–86.

³⁰ И. Мотоно – Ю. Комуре 22 января 1905 г. // Ibid. P.114–116.

³¹ В октябре 1904 г. А.М. Абаза представил на заключение Е.И. Алексеева два вопроса: о восстановлении порто-франко на Дальнем Востоке и о присоединении Маньчжурии (то есть, программу уже несколько сократили). Ответ наместника, составленный по его

«Если бы Ламздорф об этом знал, он умер бы от ужаса». По свидетельству А.М. Абазы, самодержца тревожило то, что в России уже звучало слово «революция», поэтому он искренне стремился предотвратить её победоносным окончанием войны. Если же Россия не выигрывала, то следовало ожидать «крупнейших последствий внутри страны», т.е. начала революции³².

Даже в июне 1905 г. они не сомневались в победе России, продолжая готовиться к присоединению Маньчжурии и Кореи и к включению в сферу влияния Петербурга Монголии, китайского Туркестана и даже Тибета³³. Вряд ли стоит воспринимать эти мечтания слишком серьёзно, но они отражали существовавшие в некоторых кругах (преимущественно военных) убеждение, что войну можно было выиграть и оказывали влияние на позицию Николая II.

Наступление 1905 г. ознаменовалось падением Порт-Артура и началом первой русской революции. Несмотря на хронологическую близость, нет оснований утверждать, что эти события прямо связаны между собой. Революция внесла некоторые коррективы в войну, но это случилось позже, несколько месяцев спустя³⁴. Пока же именно сдача крепости вызвала более энергичный приступ к миру. Впервые настроение за прекращение войны отчётливо проявилось в России, но оно оказалось кратким и не привело к каким-либо результатам³⁵.

поручению Г.А. Плансоном, оказался ещё умереннее: разделяя желание аннексировать Маньчжурию, он считал, что китайский нейтралитет в войне нужно сохранять, не провоцируя вступление Пекина в войну. И только когда Япония будет побеждена, «тогда настанет время решения маньчж[урского] вопроса» (Дневник Г.А. Плансона // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.212. Л.12–13 об.; Е.И. Алексеев – А.М. Абазе 7 октября 1904 г. // Там же. Д.84. Л.1–4).

³² А.М. Абаза – Е.И. Алексееву 21 июня 1904 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.212. Л.34–39. Это письмо носило настолько секретный характер, что было послано не обычным путём, а с доверенным лицом – известным журналистом «Нового времени», участником секретной экспедиции в Корею 1898 г. С.Н. Сыромятниковым.

³³ Записка Особого комитета Дальнего Востока о грядущем исходе русско-японской войны и условиях мира // Там же. Д.301.

³⁴ Японцы спонсировали революционное и освободительное движение в России, пытаясь использовать его для ослабления центральной власти. Об этом свидетельствует, в частности, деятельность полковника М. Акаши, который финансировал приобретение за границей оружия для русских революционеров и переправке его в Россию, в частности, на пароходе «Джон Графтон» (Rakka ryusui: colonel Akashi's report on his secret cooperation with the Russian revolutionary parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988. P.47–52; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С.230–262). Но усилия М. Акаши, хотя и способствовали развитию революции, тем не менее, своей цели – ослабления позиций России в войне – не достигли. Контакты японских разведчиков с противниками самодержавия прекратились сразу после заключения Портсмутского мира.

³⁵ Esthus R. Op. cit. P.8. В частности, усиление антивоенных настроений в Москве, особенно в интеллигентских кругах, отмечал английский посол в России Ч. Хардинг.

Гораздо большую активность проявили японцы. Трудно сказать, насколько серьёзны были намерения Токио. Ещё в ноябре 1904 г., до падения Порт-Артура, Т. Хаяши предлагал подготовить мирные инициативы со стороны Японии. Дипломат исходил из неизбежности скорого падения русской крепости, полагая, что это усилит антивоенные настроения в Европе и США. Чтобы Япония не оказалась главной виновницей её продолжения, следовало, по его мнению, сообщить о готовности Токио к миру. Если Россия согласится – хорошо, если нет – это лишь укрепит имидж Японии как миролюбивой державы в глазах всего мира³⁶.

14 января 1905 г. Т. Рузвельт и К. Такахира обговорили возможные условия мира. Американский президент обещал, что по результатам войны Япония получит не только Корею, но и Порт-Артур, а из Маньчжурии предложил сделать нейтральную зону под международным контролем держав, т.е. чтобы она не досталась японцам. Однако здесь американский лидер натолкнулся на решительное сопротивление Токио, боявшегося, что в «нейтральной» Маньчжурии начнут орудовать все великие державы и создадут опасную конкуренцию Стране восходящего солнца.

Одновременно президент активнейшим образом искал средства воздействия на Петербург, зондируя в этом отношении почву в Париже и Берлине как до, так и после мукденского сражения (февраль 1905 г.)³⁷. Однако Россия не отреагировала на поступающие сигналы, в том числе и на предложение Т. Рузвельта, сделанное им в январе³⁸. Неуспех зондажа подтвердил правильность позиции Ю. Комуры, изложенной им 12 января 1905 г. английскому послу К. Макдоналду: «До тех пор, пока Балтийский флот не разбит или не вернулся в Россию и до тех пор, пока решающая победа не одержана японцами при Мукдене, русское правительство не захочет <...> сделать какое-либо мирное предложение»³⁹.

Он полагал, что дальнейшие мобилизации запасных в России опасны, так как могут дать оружие в руки революционных элементов (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 14 февраля 1905 г. // PRO. FO. 65/1698. P.335–336).

³⁶ Т. Хаяши – Ю. Комура 8 ноября 1904 г. // Ниппон гайко буншо... С.122–123.

³⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.361–364, 370–372.

³⁸ Т. Рузвельт – У. Тафту 8 апреля 1905 г. // The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. 4. Cambridge (Mass.), 1951. P.1158–1159.

³⁹ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.360. В определённой степени этому противоречат сигналы, полученные в Токио из Берлина. Петербургский корреспондент «Times» сообщил японскому посланнику в Германии К. Иноуе, что слышал от одного из великих князей, что якобы Россия желает заключить мир, но обязательно без контрибуции (К. Иноуе – Ю. Комура 18 февраля 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.138–139). Однако уже через несколько дней К. Иноуе дал отбой: по сведениям петербургского корреспондента «Berliner Tageblatt», «партия мира»

Тем не менее, в феврале–марте 1905 г. была предпринята новая попытка завязать русско-японский контакт, аналогичная той, которая состоялась летом 1904 г. И опять версии российской и японской сторон диаметрально расходятся. Согласно данным Петербурга, Т. Хаяши в Лондоне дал знать через третье лицо, что готов возобновить «частный обмен мыслями»⁴⁰. Однако В.Н. Ламздорф и В.Н. Коковцов запретили М.В. Рутковскому самостоятельные действия⁴¹. Действительно, странно начинать переговоры сразу после такой военной неудачи как сдача Порт-Артура: она ещё не сделала положение русской армии критическим, а вот позицию России на возможных переговорах резко ухудшила бы. Согласно же японским данным, агент Министерства финансов в Лондоне опять через барона Г. Экардштейна сам обратился к Т. Хаяши, сославшись на выраженное им летом 1904 г. желание иметь связь с С.Ю. Витте. Однако на этот раз японский дипломат заявил, что для начала переговоров необходимо официальное предложение России⁴². Т. Хаяши также полагал, что С.Ю. Витте не относился на тот момент к числу влиятельных сановников и тем более не мог принимать окончательных решений, поэтому

не получила влияния при дворе (К. Иноуэ – Ю. Комуре 21 февраля 1905 г. // Ibid. P.141). Они, вероятно, отражали колебания настроений в верхах, выплёскивавшихся в начале февраля, к примеру, в заседаниях Совета министров, где, помимо прочего, затрагивался и вопрос о продолжении войны. Тогда на первом плане находилась проблема финансов и не исключено, что пессимистические расчёты В.Н. Коковцова побудили некоторых представителей царской фамилии искать по личной инициативе пути к миру.

⁴⁰ М.В. Рутковский – В.Н. Коковцову 12 (25) февраля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.7–8. Более подробно о своих контактах с Г. Экардштейном М.В. Рутковский сообщил российскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу. Немец играл роль посредника между русским и японцем. Несмотря на то, что никаких конкретных деталей возможного мира Т. Хаяши не упомянул, ссылаясь на то, что они ещё не утверждены японским правительством, он, тем не менее, был уверен, что Токио предложит Петербургу такие условия, «которые могли бы обеспечить прочный и долговременный мир и восстановление вполне дружественных отношений с Россией, а не служили лишь кратковременным перемирием к возобновлению военных действий в непродолжительном времени». Т. Хаяши также уверял Г. Экардштейна, что в случае немедленного начала переговоров (японский дипломат был к ним уже готов) у сторон имелась возможность быстро остановить войну «без потери пяди русской территории и без всякого военного вознаграждения» (М.В. Рутковский – А.К. Бенкендорфу 22 февраля (7 марта) 1905 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.126. Л.7). Похоже, что это была позиция не японского дипломата, а немецкого барона, настолько сообщение М.В. Рутковского противоречит другим сведениям, просачивавшимся из Токио.

⁴¹ Телеграмма В.Н. Коковцова М.В. Рутковскому, б/д. и отношение В.Н. Ламздорфа В.Н. Коковцову 12 февраля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.7–8.

⁴² Т. Хаяши – Ю. Комуре 2 марта 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.156–157.

контакты с ним не имели решающего значения для Токио⁴³. И в этом случае японская версия выглядит правдоподобнее: именно в российских верхах в это время появились уловимые настроения в пользу мира, и С.Ю. Витте, вероятно, намеревался их использовать. Косвенным подтверждением того, что инициатором являлся всё-таки С.Ю. Витте является запрет М.В. Рутковскому на продолжение контактов. Аналогичное распоряжение – не вступать в рассмотрение любых мирных предложений, а также вариантов посредничества – направили послу в Вашингтоне А.П. Кассини⁴⁴. У России и в этот раз имелись основания полагать, что завязывание переговоров имело для Токио другие цели, нежели мир. Чиновник Министерства финансов Н.А. Распопов, отправленный служить после начала войны из Японии в Китай, сообщал чуть позже, в середине марта 1905 г. из Шанхая, что японцы распускали там слухи о скором мире для успеха своего займа в Лондоне⁴⁵. В целом, доходившие до Петербурга импульсы о желании мирных переговоров как будто вытеснялись сообщениями, поступавшими с разных сторон, о тяжёлом экономическом положении Японии, что, собственно, и толкало её на инициативу. Разумной реакцией в такой ситуации было бы выждать. Россия так и поступила. В итоге Т. Рузвельту пришлось констатировать, что «ни одна сторона не хотела сделать первый шаг»⁴⁶.

Зондаж почвы шёл и в Париже. С японцами заговорил бывший министр земледелия и владелец газеты “Petit Parisien” Ж. Дюпюи. Однако посол И. Мотоно лишь ответил, что следовало бы сначала получить заявление русского правительства о желании мира. Единственное, что его заинтересовало, так это возможность узнать позицию Николая II⁴⁷. Ответ дипломата объясняется просто: возможность начать переговоры в Париже меньше всего устраивала японцев. Министр иностранных дел Франции Т. Делькассе настаивал на том, что условия мира не должны являться унижительными для России, то есть, речь не могла идти об уступке территории и контрибуции⁴⁸. Т. Рузвельт же, в отличие от французов, с самого начала полагал, что контрибуция – необходимое условие. В этом он был не оди-

⁴³ Dillon E.J. Op. cit. P.296.

⁴⁴ Esthus R. Op. cit. P.9. Хотя контакты А.П. Кассини с Т. Рузвельтом по поводу мира, сначала при посредничестве германского посла в Вашингтоне Штернбурга, датируются лишь первой половиной марта (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.200).

⁴⁵ Н.А. Распопов – в Министерство финансов 18 (31) марта 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.9.

⁴⁶ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.381. Этот вывод американский президент сделал после разговоров с А.П. Кассини и К. Такахиroy.

⁴⁷ И. Мотоно – Ю. Комуре 23 февраля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.125–126.

⁴⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.383.

нок. В конце марта Т. Хаяши с тревогой сообщал в Токио, что среди редакторов наиболее известных газет США и Европы усиливается настроение против японской контрибуции с России⁴⁹. Аналогичные наблюдения делали и британские дипломаты, которые, как союзники, советовали японцам дожидаться исхода морского сражения, надеясь, что после очередного поражения Петербург станет более сговорчивым в вопросе о контрибуции⁵⁰. То есть, на тот момент к мирным переговорам не были готовы обе стороны.

Тем не менее, в начале марта 1905 г. в Петербурге на короткое время возникло серьёзное настроение в пользу прекращения войны. Сразу после известий об очередной неудаче русской армии при Мукдене, 28 февраля (13 марта) в Царском Селе состоялось военное совещание, посвящённое призыву 400 тыс. запасных. На нём также затронули вопросы о перспективах войны для России. Участники обсуждения, по слухам, отказались от идеи просить мира, предпочитая ждать предложений Японии⁵¹. В этот же день С.Ю. Витте обратился с эмоциональным письмом к Николаю II, настаивая на необходимости срочного заключения мира⁵². По его сведениям, на сей раз призыв произвёл на самодержца некоторое впечатление. Царь на тот момент якобы качнулся в сторону мира, его требовалось лишь укрепить в этом направлении, поэтому председатель Комитета министров просил поддержки у англичан: он полагал, что таким толчком могло стать обращение короля Эдуарда VII к Николаю II с родственным, тёплым и дружеским посланием о мире. С.Ю. Витте изложил и возможные условия мира: Корея подпадает под японское влияние, Ляодун вместе с южной частью КВЖД отдаются в аренду Японии, русские военные корабли не появятся в китайских водах в течение ряда лет (по-видимому, это означало обязательство не искать в ближайшее время другую незамерзающую гавань в Китае и не восстанавливать немедленно Тихоокеанскую эскадру, чего сильно опасались японцы). Категориче-

⁴⁹ Т. Хаяши – Ю. Комуре 29 марта 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. Страницы не нумерованы. Документ №850909.

⁵⁰ К. Такахира – Ю. Комуре 29 апреля 1905 г. // Ibid. Документ №850911.

⁵¹ Донесение бельгийского посланника в Петербурге – в Брюссель 15 марта 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.114 об. Достоверных данных о содержании обсуждения из российских источников у меня нет.

⁵² Его содержание скорее служит доказательством слабости миролюбивых настроений в России. С.Ю. Витте, призывая царя принять волевое решение и выступить с инициативой мирных переговоров, оговаривается, что находится «в здравом уме и твёрдой памяти» и что его обращение «не есть письмо растерянного человека» (Всепоподаннейшее письмо статс-секретаря Витте от 28 февраля 1905 г. // Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М., 1960. Приложения. С.573–574). Элементы отчаяния также звучали в очередном послании В.П. Мещерского Николаю II, призывавшем немедленно заключить мир (Исторический архив. 2005. №6. С.43–46).

ски отвергались контрибуция и нейтрализация Владивостока⁵³. Сохраняя за Россией основную трассу КВЖД, С.Ю. Витте прозрачно намекал британскому дипломату, что это явится хорошей гарантией державам против дальнейшей японской агрессии на Дальнем Востоке⁵⁴. Однако идея прямого обращения короля к царю отвергли британские дипломаты, помнившие о том, что в 1904 г. аналогичная попытка завершилась отповедью Николая II⁵⁵.

Важно, что С.Ю. Витте впервые получил поддержку других сановников. В марте 1905 г. министр финансов В.Н. Коковцов поднял перед царём вопрос об исчерпанности средств для ведения войны: на неё уже ушёл миллиард рублей, внешние займы затруднены, а внутренних источников оставалось очень мало⁵⁶. В.Н. Коковцова, по-видимому, сильно испугала неудача разместить очередную порцию русских ценных бумаг на парижском фондовом рынке. Никакого формального решения в ответ на записку министра финансов принято не было, но, кажется, она произвела на царя сильное впечатление. До американского посла в Петербурге Р. Мак Кормика дошли слухи, что В.Н. Коковцов «и все его коллеги без исключения посоветовали царю зондировать Японию» об условиях мира при посредничестве Франции⁵⁷.

По-видимому, результатом этих настроений стало указание 8 (21) марта 1905 г. российскому послу в Париже А.И. Нелидову обменяться с Т. Делькассе мнениями относительно перспектив и содержания мирного соглашения⁵⁸. За этим последовала организованная Т. Делькассе дискуссия во французской прессе о возможных условиях мира, сам он говорил с И. Мотоно 23 марта (5 апреля) о том, что после Мукдена продолжение боевых действий практически потеряло смысл. Он изложил собеседнику то, чего Россия не примет: контрибуцию, утрату собственной территории, изъятие КВЖД и ограничения на флот⁵⁹. Японцы, перед которыми Т. Делькассе выступал только от своего имени, поняли его действия не как русскую инициативу, а как заботу Парижа

⁵³ А.В. Игнатъев считает, что С.Ю. Витте соглашался объявить Владивосток открытым портом (Игнатъев А.В. Указ. соч. С.203).

⁵⁴ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 25 марта 1905 г. // PRO. FO. 65/1699. P.324–325. Часть письма была ещё раз процитирована Ч. Хардингом в послании министру 15 июля, которое опубликовано в “British Documents...” и использовано Б.А. Романовым (Романов Б.А. Указ. соч. С.480). Об этом же С.Ю. Витте также говорил британскому дипломату С. Спринг Райсу (Там же. С.383. См. также: Игнатъев А.В. Указ. соч. С.203).

⁵⁵ Одновременно идею обращения короля к царю выдвинул также Т. Рузвельт (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.196).

⁵⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.376–377.

⁵⁷ Телеграмма американского посла в Петербурге Р. Мак Кормика гос. секретарю Дж. Хэю 11 (24) марта 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.120.

⁵⁸ Esthus R. Op. cit. P.28–29.

⁵⁹ История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.581.

о том, чтобы русско-японский конфликт не начал служить на пользу Германии⁶⁰. То есть, в Токио решили, что к позиции Петербурга и его отношению к продолжению войны это не имело прямого отношения⁶¹. Тем не менее, там восприняли это как сигнал, и в конце апреля Япония запросила Т. Рузвельта, какие шаги следует предпринять, чтобы подготовить переговоры о мире⁶². При этом ни одна сторона опять не хотела сделать первой шаг к миру.

Вскоре в столице настроения снова качнулись в сторону войны: в военных и придворных кругах не сомневались в окончательной победе России. Показательно, что за продолжение боевых действий выступали такие издания, как «Гражданин» и «Новое время», известные своей близостью власти. Голоса общественного мнения, настроенного против войны, было недостаточно для принятия решения. В конце марта и английский, и американский представители в Петербурге сообщили своим правительствам, что царь полон решимости продолжать войну⁶³. Британские дипломаты констатировали: чем больше случилось военных неудач, тем труднее оказывалось решение заключить мир⁶⁴. Николай II после сражения под Мукденом думал больше о сохранении престижа армии, а уже затем о завершении войны, в конце апреля С.Ю. Витте говорил С. Спринг Райсу о малых шансах на заключение мира⁶⁵. Тем не менее, обмен мнениями между Вашингтоном и Петербургом произошёл, Россия дала понять, чего она не допустит: территориальных уступок и контрибуции. Ещё Петербург желал, демонстрируя неофициальную готовность к миру⁶⁶, чтобы первый шаг сделала Япония⁶⁷.

⁶⁰ Этим аргументом почти в это же время, в апреле С.Ю. Витте пугал Ч. Хардингга (Игнатъев А.В. Указ. соч. С.203–204).

⁶¹ И. Мотоно – Ю. Комура 16 марта 1905 г. // Ниппон гайко буншо... С.97–98.

⁶² Романов Б.А. Указ. соч. С.388.

⁶³ Esthus R. Op. cit. P.28–29.

⁶⁴ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 15 марта 1905 г. // PRO. FO. 65/1699. P.257–260.

⁶⁵ С. Спринг Райс – Г. Лэнсдоуну 7 мая 1905 г. // PRO. FO. 65/1700. P.245; British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.77–78. Любопытно, что весь пафос речи председателя Комитета министров снова был направлен против Германии: С.Ю. Витте подозревал, что именно Берлин намерен в первую очередь воспользоваться неудачами России на Востоке.

⁶⁶ Т. Рузвельт – Дж. Хэю 30 марта 1905 г. // The Letters of Theodore Roosevelt. Vol.4. Cambridge (Mass.), 1951. P.1150.

⁶⁷ Донесение итальянского посланника в Рим 7 апреля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.4. Л.60. О контактах Петербурга и Вашингтона ему рассказал австро-венгерский посланник А. Эренталь, который слышал всё это от В.Н. Ламздорфа. Сам же американский президент, убеждая А.П. Кассини, говорил ему и о том, что Америка обеспокоена чрезмерным ростом могущества и влияния Японии в Азии. России он предлагал заключить мир немедленно и сразу же – начать приготовления к реваншу (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.201). О позиции Петербурга также сообщил в Лондон

В Японии, несмотря на победу при Мукдене, настроения в пользу мира также всё более и более усиливались. Там понимали, что русская армия снова не разбита, война окончательно приняла затяжной характер. Даже захват Владивостока и Харбина не поставил бы Россию на колени, чтобы добиться этого, следовало захватить Москву и Петербург. Поэтому японское руководство 10 (23) марта 1905 г. решило не только стремиться к миру, но и проявить инициативу в этом направлении⁶⁸, опять через Вашингтон⁶⁹. Однако из сигналов, поступавших из Петербурга они сделали другие выводы. Т. Хаяши, который внимательно следил за корреспонденциями Э. Диллона, заключил, что Россия не готова продолжать войну: масштабный призыв рекрутов невозможен из-за опасности революции, да и финансы истощились. Именно поэтому условия будущего мира следовало ужесточить, и среди них обязательно должна быть контрибуция: японский дипломат полагал, что России не составит серьёзного труда заключить заграничный заём для её уплаты⁷⁰. По-видимому, в связи с решениями, принятыми в Токио, в апреле 1905 г. в Лондоне несколько лиц говорили с российскими представителями (А.К. Бенкендорф, М.В. Рутковский) о возможности мира (редактор «The Standard» Гвинн, мэр Лондона М. Самюэль)⁷¹.

12.3. Россия после Цусимы: курс на мир

В России окончательный перелом настроений произошёл после поражения русского флота при Цусиме 14–15 (27–28) мая 1905 г. Весть об ужасной военной катастрофе дошла до Петербурга 17 (30) мая (однако первые неутешительные сведения были получены уже поздно вечером 15 мая). С походом эскадры З.П. Рожественского российское руководство связывало большие (но неоправдавшиеся) надежды на изменение в ходе военных действий на Дальнем Востоке. После её гибели в правящих верхах впервые серьёзно задумались над тем, что Россия может проиграть войну. Империя практически лишилась военного флота на Тихом океане. Однако сухопутная армия, несмотря на серию неудач, не была разгромлена. Дилемма выглядела очевидной:

английский посол (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 11 апреля 1905 г. // *British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.75–76*). Он полагал, что в российском обществе число сторонников мира было уже велико, они появились даже в военных кругах.

⁶⁸ Esthus R. Op. cit. P.27.

⁶⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.390–391. Б.А. Романов объяснял это опасениями, вызванными эскадрой З.П. Рожественского. Более вероятен другой вариант: миролюбивые жесты были необходимы для успеха переговоров с Англией о пролонгации союзного договора, так как Лондон совсем не торопился подписать новое соглашение (С.385–386). Хотя сути политики эти жесты, разумеется, не затрагивали.

⁷⁰ Т. Хаяши – Ю Комуре 25 марта 1905 г. // *Ниппон гайко буншо... С.570–571*.

⁷¹ Гальперин А.Л. Указ. соч. С.205.

продолжать ли сражаться с Японией или, пока не поздно, искать мира? Все остальные проблемы, в том числе революционное движение и предкризисное состояние российских финансов отошли на второй план. В.Н. Коковцов, подготовив под впечатлением о Цусиме письмо Николаю II, ставил вопрос исключительно в военной плоскости: в состоянии ли армия противиться натиску японцев и «твёрд ли» Владивосток? В случае положительных ответов войну, по его мнению, следовало продолжать. Если же военные ответят «нет», тогда требовалось немедленно заключать мир, пока японская армия ещё не стояла на русской земле⁷².

Эмоциональное послание В.Н. Коковцова явилось слабым отражением той паники, которая вспыхнула в Петербурге. В связи с гибелью флота немедленно вспомнили о планах созыва Земского собора, решив передать на его усмотрение вопрос о продолжении военных действий или заключении тяжёлого мира, чтобы свалить ответственность с царя. По-видимому, в дни между 18 и 23 мая появилось несколько проектов его учреждения⁷³. Однако растерянность длилась недолго. Николай II всё-таки взял ответственность на себя и 24 мая (6 июня) 1905 г. созвал Военное совещание для обсуждения вопроса о продолжении войны.

На его решение предложили четыре вопроса, суть которых сводилась к тому, сможет ли русская армия воспрепятствовать появлению японцев уже на российской территории (Сахалин, устье Амура и Камчатка) и следует ли в этой связи стремиться к немедленному заключению мира. Военные говорили в основном о необходимости пополнения сил в Маньчжурии. С ними никто не спорил. Николай II присоединился к мнению великого князя Владимира Александровича, заявившего: «теперь мы находимся в таком если не отчаянном, то затруднительном положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы. Необходимо немедленно сделать попытку к выяснению условий мира. <...> Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живём в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России». Впервые среди аргументов за прекращение войны прозвучала революция, правда, она не имела доминирующего значения, а лишь рассматривалась в ряду других причин, отягощавших ведение войны. К внутривластическому фактору царь добавил чисто военный: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. <...> Но завтра это может перемениться, так как при отсутствии флота Сахалин, Камчатка и Владивосток могут быть взяты, и тогда

⁷² В.Н. Коковцов – Николаю II, б/д. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.55. Л.1, 10.

⁷³ РГИА. Ф.521. Оп.1. Д.167. Л.65–77. Об этом сразу узнал английский посол в Петербурге (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 5 июня 1905 г. // British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.82–84).

приступить к переговорам о мире будет ещё гораздо труднее и тяжелее»⁷⁴. Несмотря на то, что никакого официального решения совещание не приняло, позиция Николая II и великого князя Владимира Александровича свидетельствовала: в верхах сильнейшие опасения отчасти за внутренние дела, а также за дальнейшие военные неудачи перевесили все иные соображения, почему российское руководство и решило искать мира.

В какой-то степени к заключению о необходимости мира самодержца могло подтолкнуть и растущее давление извне. 23 мая царь получил письмо Вильгельма II (его содержание было сообщено немцами американскому президенту) с настойчивым призывом прекратить войну, обратившись для начала переговоров к посредничеству Т. Рузвельта⁷⁵. Уже 24 мая о высочайшей аудиенции попросил только что назначенный посланник США в Петербурге Дж. Мейер, и получил её 25 мая. Царь с трудом, но согласился на мирную инициативу президента, опасаясь, что в случае отказа японцы захватят Сахалин⁷⁶. В эти же дни в Вашингтоне Т. Рузвельт лично убеждал российского дипломата А.П. Кассини, что война для России безнадежно проиграна⁷⁷. Надо сказать, что в тот момент международная обстановка для Петербурга была не такой уж плохой. А.И. Нелидов сообщал из Парижа, что одновременно с шокирующим впечатлением от гибели русской эскадры при Цусиме в Англии и США возникло сильное беспокойство по поводу успехов Японии: там возникло желание положить конец усилению позиций Токио, а для этого способствовать заключению мира, не слишком тяжёлого для достоинства России, «который не оставил бы Японию единственной и полноправной распорядительницей Тихого океана»⁷⁸. Тем не менее, Петербург проявлял упорство: даже в начале июня, когда Ч. Хардинг имел разговор с В.Н. Ламздорфом, российский министр утверждал, что Россия не желает мира до тех пор, пока Япония не объявит о своей готовности к нему⁷⁹. Конечно, это была реакция на ожидаемые японские условия (контрибуция, передача территории, ограничение флота), выраженная, прежде всего, для японцев.

⁷⁴ Конец русско-японской войны (Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе) // Красный архив. 1928. №3 (28). С.201.

⁷⁵ Вильгельм II – Николаю II 3 июня 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894–1914 гг. М.:Пг., 1923. С.102–105. В этот же день состоялась встреча А.П. Кассини с Т. Рузвельтом в Вашингтоне, на которой американский президент сообщил русскому послу о своей инициативе.

⁷⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.416.

⁷⁷ Esthus R. Op. cit. P.40–41. А.П. Кассини, судя по его донесениям, был излишне склонен доверять словам Т. Рузвельта.

⁷⁸ А.И. Нелидов – в МИД 19 мая 1905 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.126. Л.18 об. – 19. Николай II признал суждения посла в Париже обоснованными.

⁷⁹ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 20 июня 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.146.

Далее основные события до начала Портсмутской конференции происходили в основном в переговорах Петербурга с Вашингтоном⁸⁰. 26 мая (8 июня) 1905 г. Т. Рузвельт отправил царю официальное предложение о посредничестве в мирных переговорах. 30 мая Россия в специальной ноте согласилась на встречу российских представителей с японскими уполномоченными. Была короткая дискуссия о выборе места встречи, в которой Россия пыталась настоять на Гааге, но быстро «сдалась» на Америку (не Вашингтон или Нью-Йорк «из-за смертельной летней жары», а какое-либо другое «спокойное летнее место»)⁸¹.

После этого в России началась подготовка к предстоящей мирной конференции. Следовало определить состав делегации и условия, на которые согласна пойти Россия. Круг возможных участников оказался весьма значителен. 7 июня 1905 г. В.Н. Ламздорф докладывал Николаю II о кандидатуре А.П. Кассини, письме А.П. Извольского, назвавшего С.Ю. Витте, и о письме А.И. Нелидова о Р.Р. Розене⁸². Первым предложение возглавить российских представителей в Портсмуте направили послу в Париже А.И. Нелидову. Его фамилия появилась, по-видимому, в связи с тем, что ещё в феврале 1905 г. дипломат участвовал в проведении мирного зондажа через Т. Делькассе⁸³. Его и назначили 11 (24) июня, об этом официально сообщили Т. Рузвельту и, следовательно, японцам. Однако А.И. Нелидов уклонился от миссии, сославшись на незнание предмета и тяжёлый климат Вашингтона (Портсмут ещё не был окончательно выбран местом проведения конференции). Следующим канди-

---

⁸⁰ Б.А. Романов утверждал, что посредническая миссия США и второй англо-японский договор, успешно состоявшиеся, явились итогом «сговора» Вашингтона и Лондона в феврале 1905 г. (Романов Б.А. Указ. соч. С.420). Иначе говоря, русско-японский мир – это продукт прежде всего согласованной англо-американской политики. Как мне кажется, для такого заключения нет оснований. Разумеется, русско-японские переговоры надо рассматривать в широком контексте международных отношений, но не только общая ситуация и желания Вашингтона и Лондона определяли их результаты. Также нет оснований связывать ход и содержание русско-японских контактов с марокканским кризисом. Скорее всего, прямого влияния на русско-японскую войну он не имел. Так, кстати, полагал английский посол в Петербурге Ч. Хардинг (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 20 июня 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.146). Показательно, что переписка британского дипломата со своим министерством в это время, частично опубликованная в «British Documents...», показывает: никаких инициатив либо попыток давления на Россию англичане не предпринимали (British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.64–111, особенно – P.89–94). Это и понятно: никаких шансов на успех они не имели.

⁸¹ А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу 3 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая – 3 октября 1905 года. СПб., 1906. С.17.

⁸² Конспекты всеподданнейших докладов В.Н. Ламздорфа // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.66. Л.26.

⁸³ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Отчёт секретаря конференции // РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.982. Л.6.

датом стал посол в Риме Н.В. Муравьёв, его утвердили 14 (27) июня, а 17 (30) июня о новом выборе Петербурга американцы известили японцев⁸⁴. Его недостатком также являлось слабое представление о дальневосточной политике, поэтому для мирной делегации готовилась подробная инструкция. В её состав включили несколько человек, хорошо знакомых с проблемами Дальнего Востока: бывшего военного агента в Японии полковника В.К. Самойлова и его коллеги, военно-морского агента А.И. Русина, а также агента Министерства финансов в Китае, ставшего в мае 1905 г. посланником, Д.Д. Покотилова. Кроме них заключать мир направили профессора, известного специалиста по международному праву Ф.Ф. Мартенса, директора Департамента государственного казначейства и давнего сотрудника С.Ю. Витте И.П. Шипова, начальника Военно-статистического отдела Главного штаба генерала Н.С. Ермолова, в Вашингтоне к ним присоединились посол Р.Р. Розен, долгое время работавший в Токио и назначенный вторым уполномоченным от России на переговорах, а также финансовые агенты в США и Японии (а затем в Китае) Г.А. Виленкин и Н.А. Распопов. Секретарём делегации назначили Г.А. Плассона, дипломатического чиновника при наместнике Е.И. Алексееве. Роль личного секретаря С.Ю. Витте исполнял И.Я. Коростовец.

25 июня Н.В. Муравьёв прибыл в Петербург, однако уже 27 июня имел высочайшую аудиенцию, на которой и отказался от поручения. 28 июня он объявил о своей болезни, не позволяющей ему не только подготовиться к конференции, но и участвовать в ней. С.Ю. Витте впоследствии утверждал в «Воспоминаниях», ссылаясь на покойного к тому времени В.Н. Ламздорфа, что посла в Риме охватила «дипломатическая болезнь» из-за боязни провала переговоров и из-за того, что на их проведение ассигновали чрезвычайно скромную, с точки зрения Н.В. Муравьёва, сумму (он хотел 100 тыс., а получил всего 15 тыс. руб.)⁸⁵. Однако посол в Риме действительно незадолго до того серьёзно болел, а в Петербург приехал после лечения в Контрэксвилле⁸⁶. Как бы то ни было,

⁸⁴ Кандидатура Н.В. Муравьёва вызвала недовольство японцев, считавших, что он оскорбил их делегацию во время Гаагской конференции 1899 г. (Small. Зигзаги. Паломничество С.Ю. Витте в Портсмут. СПб., 1906. С.19). Однако его назначение нельзя рассматривать как демонстративный жест в адрес Токио. Выбор Н.В. Муравьёва был сделан в пику кандидатуры С.Ю. Витте, которого настойчиво, не скрывая, протежировал В.Н. Ламздорф (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 15 июля 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.308).

⁸⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.143–144. Совершенно другую версию приводит В.Н. Коковцов: Н.В. Муравьёв после разговора с царём «передумавши всю ночь», прямо объявил, что не решился возглавить русскую делегацию, так как почувствовал, что не в состоянии добиться успеха, посоветовав Николаю II назначить С.Ю. Витте (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т.1. М., 1992. С.77).

⁸⁶ Дж. Мейер – Э. Руту 11 июля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.4. Л.190. И.Я. Коростовец считал, «что Муравьёв, одарённый выдающимися способно-

29 июня Николаю II пришлось назначить главным уполномоченным от России на переговорах С.Ю. Витте⁸⁷. Последний обусловил своё согласие личной аудиенцией у императора, надеясь, по-видимому, уточнить некоторые свои полномочия. Несмотря на нежелание царя, ему пришлось вечером 30 июня послать приглашение С.Ю. Витте⁸⁸. Их встреча состоялась 1 июля. Разговор, как буд-то, состоялся непростой и тяжёлый. Вечером того же дня российский уполномоченный ужинал со своими сотрудниками по делегации (Г.А. Плансоном и К.Д. Набоковым). Оптимизма не было: будущий триумфатор Портсмута сразу «выразился, что не надеется на успех переговоров»⁸⁹. Тем не менее, первые приготовления начались. Прежде всего, С.Ю. Витте, не владевший английским языком, озаботился тем, чтобы текст мирного соглашения, который он намеревался составить сам по-русски, перевели на французский. Английского языка он не допускал, о чём и заявил начальнику канцелярии министра иностранных дел А.А. Савинскому⁹⁰.

Бывший министр финансов сделал всё возможное, чтобы возглавить русскую делегацию, несмотря на то, что он всегда отрицал это⁹¹. Об этом однозначно свидетельствуют все его усилия по организации переговоров о мире, предпринятых с лета 1904 г. В первой половине июня 1905 г., когда было уже очевидно, что переговоры скоро начнутся, он написал и отправил почти отчаянное письмо А.Ф. Гейдену, надеясь ещё раз привлечь внимание Николая II к своей персоне в связи с русско-японской войной⁹². В это же время открыто

стями и имея дельных сотрудников, не испортил бы дела» (Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.180).

⁸⁷ В Петербурге ходил слух, что после отказа Н.В. Муравьёва «придворная партия» при поддержке императрицы Марии Фёдоровны лоббировала на его место А.П. Извольского. Но мнение В.Н. Ламздорфа на этот раз перевесило (Донесение бельгийского посланника в Брюссель, б/д., представленное Николаю II 10 июля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.17 об.). А.П. Извольский подтвердил его позднее в своих воспоминаниях, добавив, что он написал письмо министру, рекомендуя назначить российским представителем С.Ю. Витте (Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С.15).

⁸⁸ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 28, 29 и 30 июня 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.344–348.

⁸⁹ Дневник Г.А. Плансона. Запись 1 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.213. Л.26.

⁹⁰ Дневник Г.А. Плансона. Запись 4 июля 1905 г. // Там же. Л.27 об.

⁹¹ Так, В.Н. Коковцову он заявил, что Николай II его «заставил»: «Когда нужно чистить каналы, так посылают Витте, а когда предстоит работа почище или полегче, то всегда находятся другие охотники» (Коковцов В.Н. Указ. соч. С.78).

⁹² В своих воспоминаниях С.Ю. Витте пишет, что **после сражения под Мукденом** (надо понимать, в конце февраля или марте 1905 г.) он послал газетную статью, в которой признавалось, что успеха от действий Н.П. Линевиича ждать не приходится, графу А.Ф. Гейдену, начальнику Военно-походной канцелярии Николая II, рекомендуя ему обратиться на неё внимание царя. Николай II прочёл послание С.Ю. Витте, и оставил его без

и всеми возможными средствами в пользу С.Ю. Витте действовал и его друг В.Н. Ламздорф⁹³. Он прямо сообщил Ч. Хардингу (то есть, японцам), что в случае назначения главой японской миссии Х. Ито он желал бы видеть его контрагентом С.Ю. Витте, надеясь таким образом получить поддержку из Токио⁹⁴. Однако японцы выжидали, в результате царь первым объявил о назначении А.И. Нелидова, тем самым план В.Н. Ламздорфа – С.Ю. Витте рухнул.

последствий, а от А.Ф. Гейдена С.Ю. Витте «получил ответ с различными соображениями и колкостями» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.140. Письмо С.Ю. Витте цитируется во вступительной статье А.Л. Сидорова «Граф С.Ю. Витте и его «Воспоминания»» // Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. М., 1960. С.XLVII). Сохранились автографы двух писем будущего графа А.Ф. Гейдену, датированных 9 и 14 июня (!) 1905 г., т.е., примерно три месяца спустя после Мукдена и несколько недель – после Цусимы. Первое – сопроводительное к статье об армии Н.П. Линевича из газеты «Русские ведомости», подписанной инициалами С.К. С.Ю. Витте хотел бы, чтобы эта вырезка была представлена Николаю II (ОПИ ГИМ. Ф.424. Оп.1. Д.12. Л.14 об.). Второе представляет собой полемику с ответом А.Ф. Гейдена, в частности, с его соображениями по поводу войны: русская армия не может вернуться битой из Маньчжурии, а С.Ю. Витте хочет мира во что бы то ни стало. В ответ председатель Комитета министров написал: «Я держался мнения и их высказывал, что нужно принять условия, которые нам предлагала Япония (Курино лично мне передал один экземпляр) в канун июля 1903 года – за полгода до войны. Условия эти в общем были вполне приемлемы. Тогда и войны не было бы. Я держался мнения, что нужно было заключить мир до взятия Порт-Артура. <...> Я держался мнения, что нужно было заключить мир до мукденского сражения. <...> Я держался мнения, что нужно было заключить мир, когда Рождественский появился в китайских водах. <...> Наконец, я держусь мнения, что нужно заключить мир до нового боя с армией Линевича» (С.Ю. Витте – А.Ф. Гейдену 14 июня 1905 г. // Там же. Л.1 об.). Общий тон письма С.Ю. Витте был вежлив, примирителен, ответных «колкостей» в нём содержалось немного. Почему он вдруг обратился к малознакомому ему А.Ф. Гейдену? Вероятно, это оказалось связано с подготовкой к мирным переговорам и решавшемся в те дни вопросе о назначении русских уполномоченных. Похоже, что переписка с начальником Военно-походной канцелярии стала отчаянной попыткой С.Ю. Витте напомнить о себе: это он всегда говорил о необходимости мира с Японией, поэтому именно его надо привлечь к заключению этого мира! Не потому ли позднее, когда он составлял воспоминания, председатель Комитета министров продемонстрировал такую забывчивость в датах? Тем более, он легко мог устранить неточности, так как письмо А.Ф. Гейдена сохранилось в его архиве.

⁹³ Впервые кандидатура С.Ю. Витте была представлена министром Николаю II ещё 11 (24) июня, но монарх ответил категорично: «Только не Витте» (Игнатьев А.В. Указ. соч. С.205). Вряд ли на его позицию могли повлиять эпистолярные обращения сановника через А.Ф. Гейдена.

⁹⁴ Ч. Хардинг – Ландезену 21 июня 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.165 turn. Это же министр иностранных дел говорил царю (всподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 11 (24) июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.26–27). Усилия В.Н. Ламздорфа в пользу С.Ю. Витте и против как А.И. Нелидова, так и Н.В. Муравьёва были хорошо известны англичанам (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 4 июля 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.237).

Кандидатуру С.Ю. Витте все встретили весьма одобрительно. Бывший министр финансов имел репутацию сторонника мира и рассматривался как самый удобный кандидат на участие в мирной конференции. На дипломатическом языке его назначение означало, что Россия действительно намеревается завершить войну.

Японцы в свою очередь предполагали назначить главой мирной делегации Х. Ито (давнего сторонника соглашения с Россией)⁹⁵, но, узнав о предполагаемом составе русских уполномоченных (А.И. Нелидов, затем Н.В. Муравьёв), отказались от этой идеи, сославшись на то, что больному экс-премьеру трудно перенести длительное морское путешествие. Разумеется, они решили, что фигура маркиза, одного из ведущих политических деятелей Японии, не соответствует ни А.И. Нелидову, ни Н.В. Муравьёву. В итоге в США отправился министр иностранных дел Ю. Комура, сторонник жёсткой линии в отношении России⁹⁶. По сведениям Н.А. Распопова, Ю. Комуру выдвинула умеренная оппозиция. «Очень не блестящий на вид, Комура обладает, однако, громадным умом, знанием, с одной стороны, всей подноготной японской прогрессивной оппозиционной партии и её отношений к правительству и народу, с другой стороны – тех мелочных интриг иностранных представителей, умелая игра которыми позволила японцам блестяще достигнуть самых трудноосуществимых целей. Вместе с тем Комура известен как весьма сдержанный, рассудительный человек, далеко не шовинист по убеждению <...> Кто бы ни были прочие делегаты, Комура будет, несомненно, играть руководящую роль, хотя бы и стужёвываясь для виду»⁹⁷.

Непростой работы потребовала подготовка инструкции для российской делегации. Сначала были запрошены мнения военного, морского министров и министра финансов, а также Е.И. Алексеева. Военное министерство вообще выступало против заключения мира, но уж если переговоры предрешены, то следовало выступать за независимость Кореи, возвращение Маньчжурии Китаю, а Ляодуна – России с последующей передачей полуострова Пекину⁹⁸. Это были условия непроигравшей стороны, что полностью соответствовало представлению генералов. Моряки оказались скромнее и настаивали лишь на недопустимости каких-либо ограничений на Тихом океане, а также передачи

⁹⁵ А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу 31 мая (12 июня) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.15. Ясно, что это была сознательная утка информации в расчёте на то, что Петербург назначит равноценную фигуру. Выбор же России разочаровал Японию.

⁹⁶ Узнав о назначении С.Ю. Витте, японцы хотели вернуться к кандидатуре Х. Ито, но было уже поздно.

⁹⁷ Н.А. Распопов – А.И. Путилову 2 (15) июля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.20.

⁹⁸ В.В. Сахаров – В.Н. Ламздорфу 18 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.42–43.

Японии судов, интернированных за время военных действий в нейтральных портах (держа в уме идею будущего реванша)⁹⁹. Свои соображения послал и первый кандидат в уполномоченные А.И. Нелидов. По мнению дипломата, России следовало отказаться от Кореи и освободить Маньчжурию. В дальнейшем для укрепления дальневосточных рубежей империи требовалось превратить Владивосток в крепость и вернуться к дружбе с Китаем. На союзнические отношения с Японией посол призывал не надеяться¹⁰⁰. Самый обстоятельный и полезный для мирных переговоров ответ представил В.Н. Коковцов. Он чётко сформулировал принципиальное отношение к конференции: «с финансовой точки зрения заключение мира крайне желательно», но «в настоящее время для России не признаётся необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало». Министр финансов видел в предстоящем свидании российского уполномоченного с японскими представителями прежде всего «великодушную попытку Его императорского величества узнать требования японского правительства» (Николай II пометил напротив этих слов – «Именно»). Кроме того, министр финансов впервые подчеркнул, что соглашение с Японией должно быть «искренним и как можно более продолжительным». Это требовало долгосрочного урегулирования интересов. В общем, условия мира В.Н. Коковцова выглядели так: никаких уступок российских земель и контрибуции (Николай II – «Безусловно»), лишь компенсация за содержание военнопленных, вывод войск из Маньчжурии и возвращение её Китаю (вместе с Ляодуном), КВЖД остаётся за Россией (Николай II – «Верно»), но возможна передача Пекину большей части ветки на Ляодунский полуостров¹⁰¹.

Предложения В.Н. Коковцова составили основу пространной и подробной инструкции, подготовленной для русской делегации¹⁰². Её проект написал В.Н. Ламздорф, Николай II лично утверждал каждый пункт. В Петербурге весьма точно оценили как текущий момент («в скорейшем прекращении военных действий заинтересованы и некоторые нейтральные государства, опа-

⁹⁹ Ф.К. Авелан – В.Н. Ламздорфу 21 июня 1905 г. // Там же. С.53–54.

¹⁰⁰ А.И. Нелидов – В.Н. Ламздорфу 22 июня 1905 г. (копия) // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.91. Вряд ли такие общие рассуждения могли помочь русской делегации, тем более что А.И. Нелидов нигде не предлагал внятных способов реализации своих предложений. Не удивительно, что он отказался от роли главного уполномоченного: с такими представлениями рассчитывать на успех в переговорах было бы невозможно.

¹⁰¹ В.Н. Коковцов – В.Н. Ламздорфу 20 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.47–53. Царь оставил на документе резолюцию: «В общем, вполне одобряю письмо Ваше» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.24). На оригинале письма В.Н. Коковцова В.Н. Ламздорфу остались также многочисленные одобрительные пометы Николая II, которые не были воспроизведены в официальной публикации (Там же. Л.24–30).

¹⁰² Инструкция статс-секретарю Н.В. Муравьёву 28 июня (11 июля) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.78–89.

сающиеся слишком преобладающего влияния Японии на Дальнем Востоке и готовые посему произвести известное давление на токийский кабинет»), так и позицию Японии по отношению к продолжению войны (она «также желает окончания войны, истощившей её военные и финансовые ресурсы и стоившей ей неисчислимых жертв»). В инструкции чётко обрисовали предел, за который делегация не могла переступить. Четыре пункта говорили о недопустимости уступки Японии какой-либо части российской территории, уплаты контрибуции, ограничения морских сил на Дальнем Востоке и отказа от любой части КВЖД¹⁰³. В МИД абсолютно правильно понимали желания и возможности Токио («в среде более благоразумных государственных деятелей Японии преобладает, по-видимому, стремление воспользоваться настоящими выгодными обстоятельствами с тем, чтобы прекратить войну, которая в будущем может вызвать лишь неудовольствие и беспокойство со стороны держав, вначале сочувствующих японцам»). Предполагая, что Япония постарается настоять на передаче ей Сахалина¹⁰⁴, Россия категорически отвергала такую возможность, но была готова взамен предоставить японцам право рыбной ловли в своих прибрежных водах. В остальном требования Японии предполагалось нейтрализовать существующими международными договорами (Маньчжурия – Китаю, Корея – подтверждение независимости,

¹⁰³ Как крайний случай, допускалась возможность её досрочного выкупа (Инструкция статс-секретарю Н.В. Муравьёву 28 июня (11 июля) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.87).

¹⁰⁴ 24 июня (7 июля) 1905 г. японцы высадились на острове, быстро преодолели сопротивление слабых и разрозненных военных команд и к 16 (29) июля (т.е. ещё до начала переговоров в Портсмуте) захватили большую часть Сахалина. Вопрос о его судьбе серьёзно заботил Петербург после череды неудач русской армии с начала 1905 г., когда уже было очевидно, что опасность высадки туда японцев и его захвата весьма вероятна. Между тем, сил защищать остров у России не имелось. Поэтому в марте 1905 г. появились планы отдачи всего Сахалина в долгосрочную аренду предпринимателям, русскому и американцу (Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 20 марта 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.2016. Л.2). Предполагалось, что концессионеры возьмут на себя секретное обязательство вернуть свои права России, если она этого потребует. В случае же перехода Сахалина к японцам российская казна получала половину доходов концессионеров (Всеподданнейший доклад А.М. Абазы 19 апреля 1905 г. // РГИА. Ф.1337. Оп.1. Д.176. Л.78). Был и другой план – продать Сахалин американцам за 80–90 млн. рублей. Но от него отказались после того, как А.П. Кассини из Вашингтона сообщил, что американское правительство не одобрит и не поддержит эту сделку (А.П. Кассини – В.Н. Ламздорфу 6 (19) апреля 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.2016. Л.15–16). Также отрицательный отзыв дал наместник Е.И. Алексеев, заявив, что если уж передача Сахалина японцам неизбежна, то ей следовало бы придать временный характер с «известными условиями» (Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 20 мая 1905 г. // Там же. Л.25–26). В итоге Николай II отклонил очередной безобразовский план.

Квантун невозможно прямо отдать Японии, так как суверенитет над ним принадлежал Пекину), а также частными уступками по каждому из числа недопустимых требований¹⁰⁵. К примеру, В.Н. Ламздорф полагал, что одним из основных вопросов на переговорах станет финансовый и что Токио обязательно будет настаивать на контрибуции. Нейтрализовать условие граф намеревался заключением «какой-нибудь финансовой сделки, могущей заменить военное вознаграждение без ущерба для достоинства России»¹⁰⁶. Вероятно, это отражало также и мнение С.Ю. Витте, полагавшего, что без уплаты контрибуции не обойтись.

Россия также имела важный источник информации для подготовки к конференции – хорошо налаженную перлюстрацию дипломатической корреспонденции многих миссий в Петербурге, а также переписку японских представительств в Париже, Стокгольме, Антверпене, Вене и Гааге¹⁰⁷. Содержание наиболее важных писем сообщалось В.Н. Ламздорфу, тот знакомил с ними С.Ю. Витте¹⁰⁸.

---

¹⁰⁵ Инструкция Н.В. Муравьеву 28 июня 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.78–89.

¹⁰⁶ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 12 июня 1905 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.126. Л.46.

¹⁰⁷ Согласно рассказу генерала М.С. Комиссарова, массовая дешифровка дипломатической корреспонденции была налажена в России в 1904 г., после начала русско-японской войны. Не без гордости жандарм сообщил в 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что им «были раздобыты шифры: американский, китайский, бельгийский, персидский – всего 12 шифров. Все иностранные сношения контролировались. <...> Телеграммы, которые приходили из-за границы, получались на нашем телеграфе, копии расшифровывались переводчиком и если они не представляли интереса, то сейчас же передавались в посольство». В особо важных случаях, например, во время переговоров в Портсмуте, передача телеграмм задерживалась на 8–12 часов. Не удивительно, что М.С. Комиссаров утверждал: «Мы знали все американские условия раньше, чем американский посол в Петербурге». Всё самое интересное сообщалось императору: «Не было дня, чтобы не посылалось 1–2 всеподданнейших доклада по поводу этих разработок». В 1906 г. деятельность по дешифровке дипломатической корреспонденции была прекращена из-за огласки, а большая часть собранного архива уничтожена (Допрос М.С. Комиссарова 4 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т.3. Л., 1925. С.141–142). Однако часть его, касающаяся Портсмутской мирной конференции, сохранилась и находится ныне в РГИА.

¹⁰⁸ С.Ю. Витте просил И.Ф. Манасевича-Мануйлова сообщать ему через А.И. Нелидова всё интересное из перлюстрируемой в Гааге и Париже японской дипломатической корреспонденции (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10–12 июня 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.359 об.). Подробнее о деятельности И.Ф. Манасевича-Мануйлова см.: Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004.

Петербург угадал большинство условий Токио. Они были обсуждены японским правительством 17 (30) июня, а 22 июня (5 июля) утверждены императором. Все требования разделили на три группы. Первая – это те, на которых мирной делегации предписывалось настаивать категорически: свобода рук в Корее, очищение Маньчжурии, передача Японии Порт-Артура вместе с железной дорогой к нему. Вторая – относительно важные условия: контрибуция, Сахалин, получение интернированных в нейтральных портах российских судов и право рыбной ловли в прибрежных водах. И, наконец, третья группа условий – добавочные: желание ограничить морские силы России на Дальнем Востоке и демилитаризировать Владивосток¹⁰⁹. Нетрудно заметить, что минимум японских требований и максимум уступок России, в общем, не противоречили друг другу. Это давало реальные шансы на успех мирных переговоров.

Тем не менее, глава русской делегации ехал в Портсмут, не питая оптимизма относительно исхода переговоров. Данные ему официальные инструкции С.Ю. Витте считал слишком категоричными, полагая, что их не удастся выполнить полностью и придётся уступать в вопросе о контрибуции и Сахалине. В этом случае российский уполномоченный предпочитал уплатить какие угодно деньги, чтобы вернуть назад занятый японскими войсками остров («Но вот в чём я совершенно уверен, что будет невозможно заключить договор, при котором японцы согласились бы отдать нам взятый ими Сахалин и не получить соответствующую сумму денег»)¹¹⁰. С.Ю. Витте ещё в Петербурге начал искать путей расширить рамки данных ему инструкций, а также умерить требовательность японцев. В частности, будущий граф до того, как отправиться в путь, открыто заявил об опасности усиления в Петербурге «военной партии», что делало достижение соглашения весьма сложным, учитывая также завышенные притязания японской стороны¹¹¹. Разумеется, это говорило в надежде на то, что эти соображения будут услышаны в Токио.

Перед отъездом С.Ю. Витте 5 июля имел встречу с Николаем II. На ней он, по-видимому, решительно поднял вопрос о заключении союзного договора с Японией и получил на это какие-то полномочия. Возможно, что именно они отразились в дополнительной инструкции, в последний момент данной российскому посланцу. В ней не говорилось прямо о каких-либо но-

¹⁰⁹ Кутаков Л.Н. Россия и Япония... С.247–248; Okamoto Sh. The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War. N.Y.:L., 1970. P.124–125.

¹¹⁰ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10–12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.363.

¹¹¹ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 25 июля 1905 г. // PRO. FO. 65/1701. P.479; British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.93–94. Английский посол также признавал, что для России территориальные потери и уплата контрибуции недопустимы, отмечая, что к лету 1905 г. господствующее настроение, в том числе среди крестьянства, переменялось: опасность национального унижения перевесила, и большинство уже выступало за продолжение войны.

вых уступках, но содержалась фраза, что после высадки японских войск на Сахалине «некоторые соображения, приводимые в помянутых инструкциях, теряют ныне своё значение»¹¹². Что имелось в виду, в документе не уточнялось, но можно предположить, что «некоторые соображения» касались судьбы острова.

Ещё находясь в Петербурге С.Ю. Витте провёл ряд встреч с представителями ряда стран в России. Каждому он говорил своё: французскому послу М. Бомпару – о трудности будущих переговоров и желательности заключения мира с участием Англии и Франции, уповая, по-видимому, на их умиротворяющее влияние на японцев; английского дипломата С. Спринг Райса снова пугал ростом влияния Германии в Европе, а американца Дж. Мейера убеждал в своей приверженности миру¹¹³. В день отъезда С.Ю. Витте из России 6 (19) июля 1905 г. появилось его интервью Associated Press, в котором он объявил, что не намерен заключать мир во что бы то ни стало и не подпишет договор, не совместимый с достоинством России.

В Германии российский уполномоченный утверждал одно, а во Франции – совсем другое. В Берлине 7 (20) июля он встречался с Э. Мендельсоном, которому «по секрету» обозначил уступки, на которые Россия готова была пойти: Корея, Маньчжурия, половина Сахалина, железная дорога до Порт-Артура (КВЖД оставалась у России) и контрибуция до 500 млн. руб. Причём С.Ю. Витте был уверен, что Сахалин придётся отдать весь, а сумма контрибуции будет больше¹¹⁴. Маловероятно, чтобы такие уступки являлись платой за союз с Токио, которую Николай II разрешил сделать своему посланцу. Почему же С.Ю. Витте огласил в Берлине именно эти условия? Расчёт главы российской делегации строился, вероятно, на то, чтобы через Вильгельма II оказать давление на царя во время встречи двух императоров, которая предстояла несколькими днями позже, и добиться для себя новых возможностей уступить в том объёме, который он изложил Э. Мендельсону (весь Сахалин и контрибуция свыше 500 млн. руб.). Для того, чтобы немецкий монарх был максимально убедителен и настойчив,

¹¹² Сборник дипломатических документов... С.92–94.

¹¹³ Игнатьев А.В. Указ. соч. С.213.

¹¹⁴ А.В. Игнатьев полагает, что Николай II при разговоре с С.Ю. Витте допустил возможность уступки Японии Южного Сахалина и уплаты замаскированной контрибуции и что об этом российский уполномоченный немедленно рассказал в Берлине (Там же. С.209–210). Для объяснения этого он пускается в рассуждение, что Япония нуждалась в союзнике «для охраны захваченных позиций», поэтому получается, что чем более уступала Россия, тем более Япония становилась заинтересована в союзе с ней, то есть, воспроизводит рассуждения С.Ю. Витте. Однако это не так: Корею Япония получала не из рук России, а фактически от Англии и США, поэтому альянс с Россией Токио не требовался, что и показали переговоры в Портсмуте.

С.Ю. Витте пугал его развитием революции в России («будут потоки крови») и вообще неприятными последствиями в случае продолжения войны (унижение, возвращение разбитой армии и т.п.)¹¹⁵.

Напротив, в столице Франции российский уполномоченный выразил желание получить для России очередной заём, а также опять рассуждал о желательности континентального антианглийского союза. Но понимания он не встретил: французы холодно заметили, что получить деньги Россия сможет лишь после прекращения войны, а наметившееся англо-французское сближение исключает радикальную переориентацию политики Франции¹¹⁶. Более успешно он зондировал возможную реакцию европейцев на условия мира, встречаясь с рядом лиц (с М. Рувье, немецким послом Г. Радолином и др.). С.Ю. Витте каждый раз утверждал, что Россия не станет платить контрибуцию, но готова отказаться от Кореи и Южной Маньчжурии. Разумеется, об этом сразу же стало известно японцам¹¹⁷.

Помимо всего, С.Ю. Витте подстраховался: он намеревался воспользоваться поездкой в США, чтобы подготовить почву для заключения займа в Америке: в любом случае Россия нуждалась в деньгах. Бывший министр финансов понимал, что не сможет черпать, как прежде, средства с парижского рынка, а на возможную поддержку Берлина всерьёз рассчитывать не приходилось. С.Ю. Витте задумал кампанию для привлечения на свою сторону американского общественного мнения и в частности, евреев, намереваясь преодолеть сложившийся за океаном негативный образ России как деспотической автократии¹¹⁸. Прямого влияния на ход предстоящих переговоров это вряд ли бы имело, а вот в случае их провала, вероятно, смогло бы облегчить выход России на американский денежный рынок, с помощью чего глава российской делегации надеялся поправить финансовое положение империи.

---

¹¹⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.478–479. С.Ю. Витте точно определил ту струну, на которой ему следовало играть в Берлине: Германия была действительно сильно напугана развитием революции в России, особенно опасаясь всплеска национальных движений на сопредельных территориях, поэтому готовилась к возможной интервенции для подавления антиправительственных выступлений (Острецова М.Л. Бьёркский договор 1905 г. (К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на развитие русско-германских отношений) // Учёные записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина. Т.83. Кафедра истории Нового времени. Вып.4. М., 1958. С.114–121).

¹¹⁶ Игнатъев А.В. Указ. соч. С.215.

¹¹⁷ И. Мотоно – Ю. Комуре 27 июля 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.351–355.

¹¹⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С.192–194. Саму идею борьбы за американское общественное мнение С.Ю. Витте подказал американский посол в Париже Р. Мак Кормик (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.372–374).

Кроме того, С.Ю. Витте через Э. Диллона, петербургского корреспондента «Daily Telegraph», обратился к Т. Хаяши по поводу предстоящих переговоров. Русский уполномоченный просил передать японскому послу, не скрывая, что находится в очень трудном положении, и хотел бы, чтобы Х. Ито получил полномочия предварительно, до Портсмута, обсудить с ним отдельно контуры не только мирного соглашения, но и союза. Однако Т. Хаяши разочаровал С.Ю. Витте, сообщив ему, что его надежды на Х. Ито безосновательны, а русско-японский союз невозможен: как можно заключить дружеское соглашение между теми, кто не доверяет друг другу?¹¹⁹ Несмотря на отказ, японский посол выразил оптимизм относительно исхода будущих переговоров, одновременно твёрдо рассчитывая на получение контрибуции¹²⁰. Не удивительно, что за океан будущий граф отправился в исключительно скверном настроении, будучи скорее уверенным в грядущем провале мирной конференции.

Пока С.Ю. Витте находился в Европе, Николай II 10–11 (23–24) июля 1905 г. в Бьорке подписал союзный договор с Вильгельмом II. Трудно сказать, были ли связаны напрямую будущие русско-японские переговоры и встреча двух императоров¹²¹. Б.А. Романов считал, что царь пошёл на союз с Германией в поисках любой опоры в преддверии Портсмута¹²². Такой ход требовал

¹¹⁹ Т. Хаяши – Ю. Комуре 21 июля 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.334–336. По версии Э. Диллона, С.Ю. Витте хотел, чтобы Х. Ито вошёл в состав японской делегации и имел полномочия как для подписания мира, так и заключения союзного договора (Dillon E.J. Op. cit. P.302).

¹²⁰ А. Рафалович – В.Н. Кокцову 12 (25) июля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.23. Своё мнение Т. Хаяши выразил лондонскому корреспонденту газеты «Matin» Гедеману, отправлявшемуся в Портсмут на одном пароходе вместе с С.Ю. Витте. Разговор газетчика с А. Рафаловичем состоялся, разумеется, для того, чтобы позиция Т. Хаяши была сообщена в Петербург. Вероятно, это являлось ответом на обращение С.Ю. Витте.

¹²¹ Обстоятельства подписания Бьоркского договора известны прежде всего по письму Вильгельма II Б. Бюлову, написанного 25 июля 1905 г., на следующий день после его заключения (Die grosse politik der europäischen kabinette 1871–1914. Bd.19/2. S.455–456). Текст послания пересказан Б.А. Романовым (Указ. соч. С.467–468). Николай II не оставил о встрече письменных свидетельств, но его рассказ В.Н. Ламздорфу об этом привёл в мемуарах ближайший сотрудник министра, директор его канцелярии А.А. Савинский (Savinsky A. Recollections of a Russian Diplomat. L., n/d. P.115). Расходящиеся в ряде деталей, они сходятся в том, что текст документа был неожиданно предложен Вильгельмом II царю и тот одобрил его, не обнаружив подвохов. Никаких соображений в связи с русско-японской войной при этом не выдвигалось.

¹²² Романов Б.А. Указ. соч. С.472. В.М. Хвостов вообще не анализировал связку между Бьорке и Портсмутот (История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.575–577). А.В. Игнатьев полагает, что встреча двух императоров укрепила международный престиж России и

весьма тонкого расчёта на ответные меры Франции, а через неё – и Англии для умиротворяющего воздействия на японцев, чтобы оторвать Петербург от Берлина. Действительно, Франция и Англия заметно встревожились. Но, судя по действиям российской дипломатии, которая бросилась успокаивать Лондон и Париж, не похоже, чтобы ход Николая II явился заранее продуманной и хорошо спланированной акцией: в таком случае, следовало бы поддержать тревогу и напряжение¹²³. Более вероятен другой ответ: царь был недоволен поведением Парижа в ходе всей русско-японской войны, не ощущая его поддержки, именно это, прежде всего, сказалось на его импульсивном решении подписать соглашение с Вильгельмом II¹²⁴.

Итоги встреч в Берлине и Париже С.Ю. Витте сообщил в Петербург. Он настаивал на неизбежности уплаты денег (во Франции так «все считают»). Российскому уполномоченному стала более близкой позиция нового (с 29 июня 1905 г.) морского министра А.А. Бирилёва (лучше отдать любые деньги, чем расстаться с Сахалином), а не министра финансов В.Н. Коковцова, который отвергал контрибуцию. Вместе с тем, полученная им перед отъездом из Петербурга дополнительная инструкция не отвергала категорично потерю острова («на отдачу Сахалина я мог бы согласиться»), тогда как об уплате денег Николай II заявил ему «гораздо категоричнее»¹²⁵. Сановник явно хотел получить разрешение на контрибуцию.

14 (27) июля немецкий пароход «Kaiser Wilhelm der Grosse» с русской делегацией на борту покинул французский порт Шёрбур. За время плавания С.Ю. Витте не столько готовился к предстоящим переговорам, сколько, не переставая, брюзжал по поводу предшествовавшей политики России на Дальнем Востоке, особенно против безобразовцев. Никакая серьёзная работа всей делегацией как будто не велась, будущие переговоры обсуждались преимущественно за обедом. С.Ю. Витте открыто заявлял, что «он не в состоянии будет принять решение и вообще выяснить положение дела лишь по прибытии в Америку капитана Русина, едущего с театра войны и имеюще-

---

тем «улучшила» шансы на успех переговоров, не раскрывая, каким образом это могло произойти (Игнатев А.В. Годы войны с Японией и первой русской революции // История внешней политики России конца XIX – начала XX вв. М., 1997. С.180).

¹²³ Острецова М.Л. Указ. соч. С.101–103. К тому же, те, кто успокаивал (С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф, А.К. Бенкендорф), не знали содержания подписанного в Бьорке соглашения!

¹²⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.467. Косвенное подтверждение этого предположения содержится в дневниках Николая II, который после завершения встречи в Бьорке отметил, что простился с Вильгельмом II «с большой сердечностью» (Дневники императора Николая II. М., 1991. С.269. Запись 11 июля 1905 г.).

¹²⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 10–12 июля 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.354–370.

го точные сведения об армии»¹²⁶. Для себя же российский уполномоченный сформулировал правила поведения на переговорах: «1) ничем не показывать, что мы желаем мира; вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т.е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем её представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства, совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке и американской прессе вообще, не относиться к ним враждебно»¹²⁷.

По дороге в США, С.Ю. Витте начал кампанию за завоевание американского общественного мнения на свою сторону. На корабле во время морского перехода он уже давал интервью журналистам, немалое число которых сопровождало российскую делегацию. В Нью-Йорк русская делегация прибыла 20 июля (2 августа) (Ю. Комура приехал за неделю до С.Ю. Витте). Ступив на американскую землю, российский представитель всячески подчёркивал свои симпатии и уважение как к американскому народу, так и к его президенту. Ещё до отъезда в Америку С.Ю. Витте получил согласие Николая II на отмену ввозных пошлин на продукцию американского машиностроения и создание для США условий наибольшего благоприятствования в торговле с Россией (соблюдая приличия, официально Т. Рузвельту объявили об этом уже после окончания переговоров, но американцы знали заранее о принятом Россией решении). 21 июля (3 августа) С.Ю. Витте посетил биржу в Нью-Йорке, 1 (14) августа встретился с крупнейшими еврейскими банкирами¹²⁸. Разговор позволил смягчить отношение финансистов к самодержавию, что также косвенно способствовало заключению мира.

¹²⁶ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.188. Похоже, что это была простая отговорка. А.И. Русин появился в Портсмуте лишь 27 июля (9 августа) и сообщил, что настроение в армии бодрое и что на мир она не рассчитывает. С.Ю. Витте долго беседовал с ним «и вынес неблагоприятное впечатление в смысле стратегической обстановки и шансов на победу» (С. 219). За прекращение войны любой ценой выступал другой член российской делегации, бывший военный агент в Японии полковник В.К. Самойлов, к его суждению С.Ю. Витте прислушивался в большей степени (Русин А.И. К истории мирных переговоров в Портсмуте в 1905 году // Морские записки. Vol. II. №4. Нью-Йорк, 1944. С.253–254).

¹²⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2002. С.156.

¹²⁸ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С.193–194.

По прибытию в США С.Ю. Витте ждал неприятный сюрприз. 18 (31) июля ему из Петербурга с одобрения Николая II В.Н. Ламздорф отправил телеграмму, которая имела значение дополнительной инструкции. В ней министр подчеркнул, что российскому уполномоченному никто не давал права на уступку Сахалина¹²⁹. Это могло означать только оно: туманная фраза в дополнительной инструкции в связи с захватом острова японцами не предоставляла главному уполномоченному возможности распорядиться его судьбой (возможно, это стало результатом встречи с Вильгельмом II в Бьорке)¹³⁰. С.Ю. Витте ответил В.Н. Ламздорфу с чувством явного неудовольствия, что принял распоряжение к исполнению¹³¹. После этого официальная позиция российского уполномоченного уже разительно отличалась от заявлений, которые он делал в Германии.

22 июля (4 августа) российские уполномоченные имели частную беседу с Т. Рузвельтом. На ней выявился вопрос, выглядевший непреодолимым – о контрибуции. Т. Рузвельт, отрицавший, что ему известны условия японцев¹³², полагал, что России следует согласиться с требованием о контрибуции, С.Ю. Витте возражал и вообще заявил, что представляет непобеждённую державу¹³³. Русские делегаты и американский президент расстались с пессимистическим настроением относительно исхода переговоров.

23 июля (5 августа) состоялась первая официальная встреча делегаций при участии Т. Рузвельта на его яхте, после чего все отправились в Портсмут. «Остербейская обширная и живописная бухта была усеяна шлюпками, любительскими яхтами, пароходами, наполненными весёлой публикой, которая приветствовала и фотографировала русских и японцев, где только удавалось их видеть»¹³⁴. В Портсмуте участники переговоров оказались лишь 27 июля (8 августа), так как морской путь оказался очень медленным из-за тумана. С.Ю. Витте покинул яхту 24 июля (6 августа) в Ньюпорте и проделал часть

¹²⁹ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 18 июля (1 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.100–101.

¹³⁰ Впервые на историю вокруг уточнения позиции относительно Сахалина обратил внимание Б.А. Романов. Он связал её с предположением, что перед отъездом С.Ю. Витте получил устное разрешение царя «бросить на весы в случае необходимости половину Сахалина», а потом просто взял своё согласие назад. Причины такого колебания самодержца Б.А. Романов никак не объяснил, а поведение российского уполномоченного в Берлине представил как его личную самодеятельность («проговорился») (Романов Б.А. Указ. соч. С.486).

¹³¹ Черновик телеграммы С.Ю. Витте в Петербург 20 июля (2 августа) 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.374а.

¹³² Р.Р. Розен – В.Н. Ламздорфу 20 июля (2 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.102.

¹³³ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 июля (4 августа) 1905 г. // Там же. С.103–104.

¹³⁴ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.23 об. – 24.

пути до Портсмута по железной дороге. Прибыв в Бостон, российский представитель «пожал руки всей поездной прислуге, а машиниста даже поцеловал». На самом деле, С.Ю. Витте лишь дал машинисту и кочегару чаевые и пожал протянутые ему руки, а газеты раздули этот эпизод. Впрочем, «легенда о поцелуе сделала больше для популяризации русской миссии <...>, чем наши дипломатические любезности»¹³⁵. И действительно, с этого момента русскую делегацию и особенно С.Ю. Витте стали встречать уже не просто с интересом и симпатиями, но с овациями. До этого в США господствовало мнение о России как о стране мрачного абсолютизма и реакции¹³⁶.

12.4. Русско-японские переговоры в Портсмуте

Портсмут в начале XX в. был небольшим провинциальным городом с 10-тысячным населением. Русская и японская делегации поселились в деревянном четырёхэтажном отеле «Уинтворт» (который существует и сейчас), находившимся в четырёх верстах от центра. Номера «были очень дороги и плохи и все одного образца и размера». «У Витте и у барона [Розена] по две маленькие комнаты с ваннами <...> Потолки низкие, убранство самое простое, окна на шарнирах поднимаются кверху и в каждом окне проволочная сетка от комаров <...> Вообще комфорта мало, прислуга состоит из горничных-американок и мальчиков-мулатов (bell-boys), которых не дозвониться и которые отвечают на всё совершенно бестолково»¹³⁷. Русская делегация жила вразбивку, помимо неё в отеле находились другие постояльцы, а также 60 репортёров. Секретарь делегации Г.А. Плансон вспоминал: «Мы были фактически в осаде у корреспондентов. Нельзя было пройти по коридору или общим залам, чтобы не встретить их десятками». Несколько журналистов «почти непрерывно» дежурили у дверей номера С.Ю. Витте. «Всё, что им удавалось подметить, услышать или подслушать, тотчас печаталось в газетах»¹³⁸. Глава российской

¹³⁵ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.212–213.

¹³⁶ Однако, несмотря на все усилия, изменить отношение американского общественного мнения и средств массовой информации к России С.Ю. Витте не удалось (Trani E.P. The Treaty of Portsmouth: an Adventure in American Diplomacy. Lexington: University of Kentucky Press, 1969). Наступившую же сдержанность прессы в отношении японских требований (уже в июне американские газеты «снизили» размер контрибуции с 2 млрд. до 500 млн. долларов, из которых ещё следовало вычсть стоимость Порт-Артура и Дальнего) агент Министерства финансов в США Г.А. Виленкин связывал с посредническими усилиями Т. Рузвельта и его влиянием (Г.А. Виленкин – В.Н. Коковцову 8 (21) июня 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.31–33).

¹³⁷ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.216.

¹³⁸ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.26–27. Для общения с прессой со стороны русской делегации были назначены К.Д. Набоков и И.Я. Коростовец, ко-

делегации позже брюзжал: «Пребывание в Портсмуте в смысле помещения и в особенности еды было чёрт знает что такое. Решительно все переболели. Я испортил вконец своё пищеварение и не знаю, как и когда мне удастся его исправить»¹³⁹.

Сами переговоры происходили на острове в здании «Navy Yard», принадлежащего флоту. От отеля до места встреч делегаций было около 8 вёрст через весь город «по плохой грунтовой дороге». Чтобы преодолеть это расстояние, экипажу требовался час, автомобилю – полчаса. С.Ю. Витте предпочитал пользоваться автомобилем.

Переговоры начались 27 июля (9 августа). Заседания проходили почти каждый день, они были как официальные (с составлением протоколов), так и неофициальные, где стороны в частном порядке пытались договориться по наиболее спорным вопросам. С.Ю. Витте по-прежнему был настроен весьма пессимистически, «измучен, удручён и склонен по окончании порученного ему дела махнуть рукой на всё»¹⁴⁰. Причина такого настроения заключалась, по видимому, в том, что русский представитель не знал, как исполнить данные ему инструкции, особенно после провала идеи заключить союзный договор с Японией. Едва ли будет преувеличением сказать, что главные трудности для себя он ожидал не от японцев, а из Петербурга, опасаясь переменчивости Николая II и влияния на него «партии войны». 28 июля (10 августа) русская делегация получила письменный текст японских условий¹⁴¹. Требования, предъявленные России, оказались весьма обширными и выходили за пределы допустимого в половине пунктов¹⁴². В частности, это контрибуция, переда-

---

торые «своим обходительным обращением» завоёвывали симпатии корреспондентов (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹³⁹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу, б/д. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.386–389.

¹⁴⁰ И.П. Шипов – В.Н. Коковцову 28 июля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.28.

¹⁴¹ Т. Рузвельт был ознакомлен с ними ещё до начала переговоров и советовал японцам умерить их требования, в частности отказаться от попытки заставить Россию разоружить Владивосток, передать Токио интернированные во время войны в нейтральных портах русские военные суда и максимально уменьшить сумму требуемой денежной компенсации, избегаю понятия «контрибуция» (Esthus R. Op. cit. P.71–72).

¹⁴² 1) Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства или надзора, кои Япония сочтёт нужным принять в Корее.

2) Обязательство со стороны России совершенно эвакуировать Маньчжурию в течение определённого срока и отказаться от всех территориальных выгод от преимущественных и исключительных концессий и прав в этой местности, нарушающих китайский суверенитет и несовместимых с принципом одинакового благоприятствования.

3) Япония обязуется возвратить Китаю под условием введения им реформ и улучшения управления все те части Маньчжурии, кои находятся в её оккупации, исключая тех, на кои распространяется аренда Ляодунского полуострова.

ча Сахалина и интернированных судов, ограничение морских сил России на Дальнем Востоке.

После получения японских условий русская делегация немедленно собралась на совещание. С.Ю. Витте решил дать ответ ещё до получения инструкций из Петербурга, якобы для того, чтобы не создавать у японцев впечатление, что их условия «произвели на нас сильное впечатление или вызвали растерянность»¹⁴³. Совещание было относительно недолгим, длилось три

4) Япония и Россия взаимно обязуются не препятствовать общим мерам, кои Китай признает нужным принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5) Сахалин и все прилегающие острова и все общественные сооружения и имущества уступаются Японии.

6) Аренда Порт-Артура, Талиена (Дальнего – И.Л.) и прилегающие местности и территориальные воды, а равно все права, привилегии, концессии и преимущества, приобретённые Россией у Китая в связи или как часть этой аренды, и все общественные сооружения и имущества передаются и закрепляются за Японией.

7) Россия предоставляет и передаёт Японии свободную от всяких претензий и обязательств железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром и все её разветвления вместе с правами, привилегиями и преимуществами и всеми угольными копиями, принадлежащими или разрабатываемыми в пользу железной дороги.

8) Россия удерживает и эксплуатирует трансманьчжурскую железную дорогу на условиях и в зависимости от концессии на её сооружение, а также под условием, что она будет эксплуатироваться исключительно для коммерческих и промышленных целей.

9) Россия возмещает Японии действительные издержки за войну. Размер, а равно как и способ этого возмещения будут определены впоследствии.

10) Все русские военные суда, кои вследствие повреждений, полученных на войне, укрылись в нейтральных портах и были там интернированы, будут выданы Японии как законные призы.

11) Россия обязуется ограничить свои морские силы в водах Дальнего Востока.

12) Россия предоставит японским подданным полные права по рыбной ловле вдоль побережья и в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений в Японском, Охотском и Беринговом морях.

(Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.112–113).

¹⁴³ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.33. Почему С.Ю. Витте так торопился? Если его объяснение правдиво, то оно означает, что российский посланец всерьёз рассчитывал на успех переговоров, а его пессимизм был наигранным. Но более вероятен другой вариант. Быстрым ответом С.Ю. Витте подстраховывал себя от изменений позиции в Петербурге. У него имелись все основания опасаться, что «партия войны» возьмёт в столице верх. Тогда будущий триумфатор Портсмута сослался бы на то, что в ответе российская делегация не вышла за рамки имевшихся у неё инструкций. И, наконец, такой шаг побуждал Петербург принять ответ С.Ю. Витте, не внося в него серьёзных корректив, чтобы не дезавуировать действия делегации. То есть мотивов для спешки было более, чем достаточно. Из них желание продемонстрировать японцам готовность к диалогу вряд ли занимало главное место.

часа. Но оно исключительно важно для понимания всего хода дальнейших переговоров. С.Ю. Витте сформулировал на нём свой принципиальный подход к заключению мира. Он исходил из того, что японская сторона, не доверяя России, рассуждала примерно так: «Россия, не платя контрибуции, имея в своих руках Сахалин и Владивосток, владея остатками флота и выстроив новый, воспользуется опытом своих неудач и нападет на нас <...> Единственное средство обеспечить мир – это надолго обессилить Россию»¹⁴⁴. Но как раз это желание выглядело наиболее труднодостижимым. Даже если бы Японии удалось настоять на большей части своих требований, она не столько бы обеспечила себя на будущее, сколько создала бы Петербургу дополнительные стимулы для реванша. Иначе говоря, чем больше уступала Россия, тем большие опасности в будущем несли такие «успехи» Японии, как ни парадоксально это звучит. Однако обе стороны в известной степени стремились не просто заключить мир, но и установить такое положение дел на Дальнем Востоке, которое бы не вызывало ни у одной из сторон желания пересмотреть его. Кроме того, глава российской делегации полагал: «если будет не только мирный, но и дружеский договор о вопросах, по кот[орым] мы солидарны, то это в интересах Англии и Франции»¹⁴⁵. Предпосылкой для успеха являлось устранение недоверия, поэтому С.Ю. Витте поставил перед собой задачу – успокоить Японию, ещё раз предложив ей союзное соглашение для закрепления итогов мира. Таким образом, он опять вернулся к идее, отвергнутой Т. Хаяши и его токийским руководством незадолго до начала переговоров. Стремясь к союзу с Японией, российский уполномоченный предлагал пойти на такие уступки Токио, которые выглядели недопустимо для Петербурга («если бы мы могли выразить мысль, что <...> готовы обязаться сохранить за Япониею её приобретения, то это будет способствовать успокоению японцев и всего мира, который увидит искренность наших намерений. Если мы скажем японцам, что обязуемся защищать права, которые за ними признали, то этим можем облегчить принятие наших условий»). Речь шла, в частности, о том, чтобы поддержать Японию в Корее в противовес другим державам. С.Ю. Витте и Ф.Ф. Мартенс надеялись, что это сможет расположить Токио к Петербургу, Р.Р. Розен же относился к идее скептически, справедливо думая, что Страна восходящего солнца в таком содействии не нуждается¹⁴⁶. Будущий граф также намеревался отдать Японии занятый ею Сахалин. Сделав эту уступку, С.Ю. Витте намеревался использовать её

¹⁴⁴ Там же. Л.34; Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Бюл. 1918. №2 (30). С.115–116.

¹⁴⁵ Черновая запись совещания русской делегации, сделанная Г.А. Плансоном // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.99. Л.2 об.

¹⁴⁶ Там же. Л.3.

в интересах достижения приемлемого для России результата в других пунктах. Но позиция Николая II связывала руки российскому уполномоченному, исключая подобную тактику.

Русский ответ 30 июля (12 августа), ещё до получения указаний из Петербурга, пришедших 31 июля (13 августа), действительно произвёл сильное впечатление на японцев, не ожидавших такой оперативности, а также на американцев. Как минимум, одной цели С.Ю. Витте достиг: быстроту ответа все истолковали как стремление России к миру. Конечно, это не развеяло подозрительности японской стороны, но несколько пошатнуло её. Кроме того, японские условия проникли в печать (явно не без содействия русской делегации). Когда же японцы подняли этот вопрос на конференции (так как ранее договорились, что ход переговоров будет конфиденциальный), С.Ю. Витте в ответ вообще предложил сделать дискуссию открытой, то есть сообщать корреспондентам о всех её подробностях. Однако японская сторона отвергла подобную гласность, дав возможность русской делегации заработать ещё одну порцию симпатий в глазах американского общественного мнения.

В остальном дело обстояло не так хорошо. В ответе японцам констатировалось, что Россия готова отказаться от Кореи и Квантуна, Маньчжурия становилась китайской без всяких особых преимуществ для русских, но в вопросах Сахалина, контрибуции, нейтрализации КВЖД, ограничении флота было сказано твёрдое «нет».

Утешительным известием для С.Ю. Витте стало одобрение его позиции Николаем II: царь признал неприемлемыми те же пункты¹⁴⁷. Однако главным для российского уполномоченного явилось не столько единодушие с монархом, сколько свидетельство того, что «партия войны» не увеличила своё влияние, и намерение царя заключить мир остаётся в силе. С.Ю. Витте решил, что надо действовать и попытался ещё раз оказать давление на самодержца. В этот же день он послал И.Я. Коростовца публично справиться о расписании ближайших пароходов в Европу¹⁴⁸. Сановник сделал это нарочито демонстративно, но не столько для японцев, сколько для Петербурга: там наверняка через день-два прочитали бы в газетах, что из-за своей жёсткой позиции русская де-

---

¹⁴⁷ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 30 июля (12 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.115–116. Возможно, что это сопровождалось повелением Николая II прервать переговоры, если японцы не откажутся от неприемлемых для России условий. А.И. Русин в своих воспоминаниях сообщил, что русская делегация дважды паковала чемоданы после телеграфного повеления из Петербурга возвращаться в Россию (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹⁴⁸ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.134.

легация вынужденно готовится к отъезду¹⁴⁹. После этого С.Ю. Витте отправил в Петербург паническую телеграмму: «Соглашение ввиду громадной разницы условий сторон не будет достигнуто»¹⁵⁰. Готовясь к разрыву переговоров, он писал в Петербург: «мы должны вести дело так, чтобы привлечь на свою сторону <...> большую часть общественного мнения Европы и Америки, <...> чтоб со спокойной совестью можно было, в случае если не состоится заключение мира, опубликовать все документы и передать всё дело на суд всего человечества»¹⁵¹. Это был намёк: пусть в России ещё раз взвешают свою позицию и подумают о возможных уступках. Хотя С.Ю. Витте имел мало оснований надеяться, что все его демарши принесут результат.

Вопреки мрачным ожиданиям российского уполномоченного японцы не прервали переговоров. Началось конкретное обсуждение японских условий, статья за статьёй¹⁵². Сразу подтвердилась ошибочность надежды С.Ю. Вит-

¹⁴⁹ Первым эту идею – что демонстративные шаги С.Ю. Витте были предназначены большей частью не для японцев, а для Петербурга – высказал А.В. Игнатьев (Игнатьев А.В. Указ. соч. С.216).

¹⁵⁰ Телеграмма С.Ю. Витте 1 (14) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.120–121. С.Ю. Витте беспокоился также из-за того, что в Петербурге всё ещё не было опубликовано Учреждение Государственной думы. Далее в «панической» телеграмме он писал о необходимости искать денег. По мнению уполномоченного, следовало «систематически и планомерно действовать на прессу, привлекать к себе влиятельных людей. Прошло то время, когда к нам ездили давать деньги, нужно теперь нам ездить и создавать конъюнктуры», главным образом во Франции и США. Естественно, что учреждение Думы оказалось как нельзя более кстати. Кроме того, вечер 1 (14) августа С.Ю. Витте провёл с еврейскими банкирами, которые и являлись главными кредиторами Японии. Глава российской делегации убедился, что их информация о положении соплеменников в России крайне односторонняя, почерпнутая преимущественно со слов врагов или свидетельств эмигрантов (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 2 (15) августа 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.33). С.Ю. Витте пообещал собеседникам, что еврейский вопрос в России разрешит Государственная дума. Сведения о встрече С.Ю. Витте и его заявлениях уже на следующий день после встречи появились в «Boston Globe». В общем, отступать ему было уже некуда.

¹⁵¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 31 июля (13 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.117–118.

¹⁵² «Интересно наблюдать, как держат себя наши и японские уполномоченные. Барон Комура говорит отдельными фразами, по-видимому, по обдуманному плану, справляясь по лежащей перед ним программе, по временам останавливаясь, чтобы секретарь мог перевести. Витте же говорит залпом, часто повторяясь, так что переводчику трудно за ним уследить; в тоне речи много чувства и патетических выражений. Во время заседаний он встаёт, ходит по комнате, жуёт бумагу и обращается к Розену. <...> Невозмутимее всех Такахира и барон Розен. Первый говорит лишь по приглашению барона Комуры и курит папиросу за папиросой, второй не выступает, кроме случаев, когда ему кажется, что секретари неточно переводят. <...> Когда Витте недоволен, то начинает

те на возможность заключения с Токио союзного соглашения. Уже 30 июля (12 августа) Ю. Комура «довольно сухо заявил, что Япония не нуждается в поддержке России»¹⁵³. Этому были две главные причины: сохраняющееся сильное недоверие к Петербургу и только что пролонгированный договор с Англией. Несколько дней стороны состязались в красноречии и ловкости изыскания доводов в свою пользу. По ходу дискуссии С.Ю. Витте неоднократно впадал в панику. 1 (14) августа он писал из Портсмута В.Н. Коковцову о необходимости готовиться к продолжению войны и В.Н. Ламздорфу с формулировками, подготовленными на случай провала переговоров¹⁵⁴. 5 (18) августа обсуждение, наконец, завершилось. По четырём статьям разногласия преодолеть не удалось (Сахалин, контрибуция, суда в нейтральных портах и ограничение морских сил на Дальнем Востоке).

С.Ю. Витте, тем не менее, был готов уступать японцам почти во всех спорных пунктах. Он полагал, что вопрос о судах не имеет серьёзного практического значения и важен лишь с точки зрения национального достоинства. Аналогично – об ограничении сил на Тихом океане, так как Россия и без того не смогла бы «в ближайшие десятилетия держать на Дальнем Востоке флот, способный бороться с японским». Сохранение же за Россией Сахалина выглядела для российского уполномоченного неразрешимой проблемой: японцы уже захватили остров, «и я не вижу возможности, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, его отобрать». Единственно, что С.Ю. Витте категорически отверг – это контрибуцию, которая, по его мнению, с нравственной точки зрения «коробит русскую душу»¹⁵⁵. Но одно дело – нравственность, а другое – срыв мирных переговоров, так как, по мнению С.Ю. Витте, продолжение войны стало бы «величайшим бедствием для России»¹⁵⁶. Точка зрения сановника на

ёрзать на стуле, закидывает ногу на ногу и вертит ступнёй. Барон Комура хладнокровнее; его неудовольствие выражается в том, что он с силою стряхивает пепел с папиросы, стуча об стол пальцами, и говорит резче. На втором или третьем заседании Витте спросил чаю, на следующий день японцы последовали его примеру. Теперь пьют чай почти каждый день, впрочем, одни послы. <...> Когда стемнело, Витте захотел сам зажечь электрические люстры. Это представило некоторые затруднения, так как лампы высоки и ему пришлось вытянуться во весь рост, чтобы захватить шнуры. Барон Комура и остальные с интересом следили за этой операцией, видимо, завидуя росту нашего посла» (Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.139).

¹⁵³ Там же. С.126.

¹⁵⁴ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 1 (14) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.122–123.

¹⁵⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1905 г. // Там же. С.137–139.

¹⁵⁶ Телеграмма С.Ю. Витте №15 5 (18) августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.51–52.

уступки диаметрально изменилась: если перед отплытием из Франции он язвительно писал о «бухгалтерском» подходе В.Н. Коковцова, то сейчас полностью принял его сам. Тем не менее, остаётся впечатление, что российский уполномоченный внутренне был готов уступить и в вопросе контрибуции. Правда, наилучшим выходом он признавал передачу Японии всего Сахалина без всяких выплат. Но на такую комбинацию категорически не соглашались японцы¹⁵⁷. Пока же С.Ю. Витте решил, в строгом соответствии с инструкцией, отдать все эти проблемы на заключение Петербурга.

Во время возникшей паузы японцы с помощью Т. Рузвельта организовали давление на Россию при участии в нём Берлина и, в некоторой степени, Парижа¹⁵⁸. Одновременно 6 (19) августа во время встречи с Р.Р. Розеном Т. Рузвельт пообещал ему побудить японцев к уступкам. Он полагал, что сможет уговорить их отказаться от требований получить интернированные суда и ограничить военные силы России в Тихом океане. Взамен президент надеялся, что Россия отдаст Японии Сахалин, а вопрос о контрибуции предлагал передать на усмотрение двух посредников (т.е. решить пока только в принципе, но такой порядок означал, что Россия принимает постановку вопроса об уплате вознаграждения, после чего её было бы легче дожать)¹⁵⁹.

Впрочем, оказалось, что его переговоры с Р.Р. Розеном не имели никакого значения. Пока лидер Америки беседовал со вторым российским уполномоченным, Ю. Комура предложил от своего имени, оговорившись, что он делает это без ведома Токио, новую комбинацию условий. Японская сторона отказывалась от выдачи ей интернированных судов и ограничения русских морских сил на Тихом океане, а также возвращала северную часть Сахалина (до 50 параллели) России за 1,2 млрд. иен (около 1,2 млрд. руб.)¹⁶⁰. Решение японского представителя оказалось для всех сюрпризом, в том числе и для американского президента. После неё Т. Рузвельт утратил на переговорах инициативу, а его посреднические возможности свелись практически к нулю.

С.Ю. Витте же немедленно ухватился за новое японское предложение. Понимая, что поддержки от царя он не получит, русский уполномоченный попытался действовать в обход Николая II. С.Ю. Витте попросил В.Н. Коковцова, с которым мог быть более откровенным, приложить все усилия, чтобы решение

¹⁵⁷ Телеграмма С.Ю. Витте №22 5 (18) августа 1905 г. // Там же. Л.54–55.

¹⁵⁸ Esthus R. Op. cit. P.116–117.

¹⁵⁹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 7 (20) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.162–163.

¹⁶⁰ Основой для определения суммы, которую Япония хотела бы получить с России, являлся размер государственного долга, выросшего за время войны с 600 млн. до 2,4 млрд. иен. «Общественное мнение» полагало, что надо требовать 1,5–2 млрд. иен (Esthus R. Op. cit. P.109).

о японской инициативе принималось бы в Петербурге «по совещании с нашими мудрейшими сановниками», прежде всего с Д.М. Сольским и К.П. Победоносцевым¹⁶¹. С.Ю. Витте надеялся таким образом парализовать влияние «военной партии» на Николая II и сыграть как на государственной опытности этих людей, так и на их страхе перед революцией. Министр финансов отозвался на просьбу, но, скорее всего, он не слишком усердствовал в помощи С.Ю. Витте. Дело в том, что отношения между ними нельзя назвать безоблачными. Кроме того, сам В.Н. Коковцов имел несколько иные, чем С.Ю. Витте, и неизменные представления об условиях мира. Он сразу допускал, что придётся отдать половину Сахалина, в крайнем случае – весь Сахалин, но никакой контрибуции платить не следовало¹⁶².

Однако царь занял твёрдую позицию, наложив на телеграмме русского уполномоченного 4 (17) августа по поводу Сахалина резолюцию: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек»¹⁶³. Ни В.Н. Коковцов, ни В.Н. Ламздорф не настаивали на проведении совещания для обсуждения японских условий мира¹⁶⁴. Единственно, на что согласился царь, это запросить мнения военного и морского министров, а также великого князя Николая Николаевича (т.е. представителей той самой «военной партии»), чьего влияния в Петербурге так опасался С.Ю. Витте). Глава российской делегации пытался настоять на своём, призывая В.Н. Коковцова сообщить его просьбу не только Д.М. Сольскому, но и Д.Ф. Трепову, влиятельному тогда петербургскому генерал-губернатору, чтобы решение о мире было принято «в совещании под председательством государя при участии хотя бы некоторого числа видных представителей сословий»¹⁶⁵. В этом предложении можно усмотреть призыв к созыву чего-то вроде Земского собора. На сей раз игра С.Ю. Витте поддержки не получила: Д.М. Сольский просто отказался, а Д.Ф. Трепов сделал вид, что не понял, о каких представителях сословий идет речь¹⁶⁶. 8 (21) августа С.Ю. Витте и сам пытался убедить Николая II хотя бы из тактических соображений вести себя мягче: «если мы хотим, чтобы вина в безрезультатности конференции пала исключительно на Японию, то нельзя отвергать и уступку

¹⁶¹ С.Ю. Витте – В.Н. Коковцову 6 (19) августа 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.36–37.

¹⁶² В.Н. Коковцов – В.Н. Ламздорфу 7 (20) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.149–153.

¹⁶³ Резолюция Николая II на телеграмме С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1905 г. // Там же. С.137.

¹⁶⁴ Коковцов В.Н. Указ. соч. С.83–84. Вместо этого В.Н. Ламздорф, В.Н. Коковцов и Д.М. Сольский представили Николаю II своё мнение о недопустимости подобного образа действий, царь согласился с ними.

¹⁶⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Коковцову 11 (24) августа 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.38.

¹⁶⁶ В.Н. Коковцов – С.Ю. Витте 12 (25) августа 1905 г. // Там же. С.39–40.

Сахалина, и возмещение военных расходов»¹⁶⁷. Более того, от имени всей российской делегации (хотя половина её была против, в том числе и Р.Р. Розен), первый уполномоченный составил телеграмму В.Н. Ламздорфу, что готов пойти на риск и предложить Японии отказаться от денег ради уступки ей всего Сахалина, будучи почти уверен в отказе противника¹⁶⁸. Всё оказалось тщетно. 9 (22) августа вечером, в 19.00 В.Н. Ламздорф имел всеподданнейший доклад, на котором царь ещё раз подтвердил неизменность своей позиции. Самодержец решил прервать переговоры в случае неудачи и поручил сделать это на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как Т. Рузвельт и «общественное мнение», по представлению Петербурга, поддержали бы Россию в части выплат, а вот уже занятые территории японцы «имеют право требовать»¹⁶⁹. В.Н. Ламздорфу поручили подготовить проекты телеграмм для С.Ю. Витте о прекращении переговоров¹⁷⁰. В итоге 9 (22) августа (благодаря разнице во времени) русская делегация получила распоряжение из Петербурга, в котором японское условие «половину Сахалина в обмен на деньги» признавалось недопустимым, ей предписывалось прервать переговоры, если японцы не откажутся от своего требования.

С того момента, когда выяснилось, что главными препятствиями являются два вопроса: о судьбе Сахалина и об уплате контрибуции, центр принятия решений фактически переместился в Петербург, а вести переговоры стали Николай II и посол США Дж. Мейер, озвучивавший позицию Т. Рузвельта¹⁷¹. Американский президент настаивал на том, что условие обмена Северного Сахалина на деньги было «справедливо и почётно» для России. В случае же продолжения войны он угрожал, что Россию ждут дальнейшие бедствия и в частности, потеря всей Восточной Сибири¹⁷². Дж. Мейер, имевший поруче-

---

¹⁶⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 8 (21) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.163–164.

¹⁶⁸ На этот эпизод обратил внимание Б.А. Романов (Романов Б.А. Указ. соч. С.545).

¹⁶⁹ В.Н. Ламздорф – В.Н. Коковцову 9 августа 1905 г. // ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №3. Л.77–78.

¹⁷⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 9 августа 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.66. Л.39.

¹⁷¹ В стремлении Николая II действовать через американского посла можно усмотреть желание императора положить конец слишком инициативной позиции С.Ю. Витте, продолжавшего говорить об уступках, тогда как он для себя всё уже решил. В сущности, возможности своего уполномоченного царь ограничил подготовкой наиболее благоприятных условий вероятного разрыва переговоров, чтобы вся вина за неудачу мирной конференции пала «исключительно на Японию» (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 10 (23) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.172–173).

¹⁷² Т. Рузвельт – Дж. Мейеру 9 (22) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.73.

ние срочно довести мнение Т. Рузвельта до царя, встретился с Николаем II 10 (23) августа. Самодержец и ему повторил свою позицию, изложенную днём ранее В.Н. Ламздорфу. В ходе двухчасовой аудиенции царь твёрдо заявил: «Я предпочитаю временно лишиться территории, чем унижить страну уплатой контрибуции как побеждённую нацию». В случае отказа японцев император намеревался продолжать войну. «Совесть говорит ему, что он прав и что народ поддержит его». Чтобы собеседник понял, что он не поддастся ни на какое давление, Николай II показал Дж. Мейеру телеграмму Вильгельма II, в которой тот советовал России (по согласованию с Т. Рузвельтом) заключить мир, который, по его мнению, был невозможен без контрибуции¹⁷³. Самодержец обещал лишь «щедро уплатить все расходы по содержанию русских пленных, но не такую сумму, которая могла бы быть истолкована как контрибуция»¹⁷⁴. Согласие же отдать южную часть Сахалина царь дал «на том основании, что она принадлежит России только 30 лет, а потому на неё можно смотреть как на Порт-Артур, а не как на исконную русскую территорию»¹⁷⁵.

Получив неутешительный ответ Дж. Мейера, Т. Рузвельт ещё раз, 13 (26) августа попытался настоять на своём. То, что американский президент действовал

¹⁷³ Здесь содержится неточность. Германский император писал Николаю II о том, что хорошо бы поставить вопрос о мире перед Думой и решить его согласно мнению народа (телеграмма Вильгельма II 7 (20) августа 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894–1914 гг. М.: Пг., 1923. С. 110–111). Ответ, который Николай II зачитывал Дж. Мейеру, должен был выглядеть так: «Я ежедневно получаю телеграммы, письма, адреса и пр. с просьбой не подписывать мира на тяжёлых условиях. Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить. Меня же ничто не заставит согласиться на эти два требования. <...> Я готов нести всю ответственность сам, потому что совесть моя чиста, и я знаю, что большая часть народа меня поддержит» (Телеграмма Николая II, б/д. // Там же. С. 111). Несомненно, что такие высказывания царя адресовались не столько германскому императору, сколько американскому президенту: игра Берлина и Вашингтона не представляла собой загадку для Петербурга.

¹⁷⁴ Дж. Мейер – Э. Руту 11 (24) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 5. Л. 78. Россия уплатила Японии за содержание военнопленных 45 967 620 руб. 52 коп., эта сумма примерно соответствовала годовому дефициту японского государственного бюджета (Романов Б.А. Указ. соч. С. 565). Для современников было очевидно, что компенсация оказалась сильно завышена. По прикидкам информированного генерала А.А. Киреева, она не могла превышать 12–15 млн. руб., это без зачёта содержания японских военнопленных. Но главную контрибуцию он справедливо усматривал в уступке прав на рыбную ловлю вдоль побережья Восточной Сибири (Дневник А.А. Киреева. Записи за 17 августа и 21 октября 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 14. Л. 71 об., 74).

¹⁷⁵ Ч. Хардинг – Г. Ленсдоуну 13 (26) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 5. Л. 92. Ч. Хардинг сообщал это со слов американского посла.

по согласованию с японцами, выдают его фразы: «В противном случае Япония, пожалуй, откажется от мысли заключить мир». И далее: «Если мир будет заключён на предложенных мной (! – И.Л.) условиях, Россия выйдет из этой войны без существенного повреждения, национальная честь её и выгода будут спасены»¹⁷⁶. Перед этим, 12 (25) августа В.Н. Ламздорф передал царю, что за уплату контрибуции высказывается и французское руководство¹⁷⁷. Однако открытая игра на стороне японцев не принесла успеха. Дж. Мейер сообщил, что Россия не будет платить контрибуцию, что «в этом отношении правительство поддерживает пресса и весь народ, даже крестьяне»¹⁷⁸. После такого ответа Т. Рузвельт сдался, фактически признав, что его роль посредника закончилась в вопросе «Сахалин – контрибуция» полным провалом. Японцам он посоветовал всё-таки заключить соглашение¹⁷⁹. С.Ю. Витте в эти часы из Петербурга было предписано ждать¹⁸⁰.

Относительно почётным условиям Портсмутского мира Россия была обязана прежде всего Николаю II, проявившему незаурядную для себя твёрдость духа (редкий пример в его царствование) и не поддавшемуся на уговоры и угрозы ни С.Ю. Витте, ни Т. Рузвельта, ни Вильгельма II. В ночь с 15 (28) на 16 (29) августа российская делегация получила его резолюцию: «Пошлите Витте моё приказание завтра во всяком случае окончить переговоры. Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии»¹⁸¹. Самодержец принимал решение не столько на основании трезвого расчёта, сколько опираясь на «внутренний голос», как он нередко делал в сложных для себя ситуациях. В этот раз он оказался прав. Твёрдое решение далось Николаю II совсем непросто, он вполне понимал, чем рискует. Получив 17 (30) августа телеграмму от С.Ю. Витте об удачном завершении переговоров, царь записал в своём дневнике: «весь день ходил как в тумане после этого!»¹⁸²

¹⁷⁶ Т. Рузвельт – Дж. Мейеру 13 (26) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.81–82.

¹⁷⁷ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 12 (25) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.182–183.

¹⁷⁸ Дж. Мейер – Т. Рузвельту 15 (28) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.83.

¹⁷⁹ Т. Рузвельт ещё 22–23 августа известил специального японского представителя К. Канеко о необходимости для Японии заключить мир. Копии этих писем он позднее представил вместе со своим посланием императору (Т. Рузвельт – Николаю II 6 сентября 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.272–273).

¹⁸⁰ «Сергея Юльевича мы просили не торопиться, т.к. ход столь важного дела нельзя ставить в зависимость от общего нетерпения знать, чем кончатся переговоры» (В.Н. Ламздорф – В.Н. Коковцову 11 августа 1905 г. // ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №3. Л.79).

¹⁸¹ Резолюция Николая II на телеграмме С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу 14 (27) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.191. На следующий день она была сообщена С.Ю. Витте (С.193).

¹⁸² Дневники императора Николая II. М., 1991. С.275.

Разумеется, американский президент известил о неудаче своего давления японцев. Узнав, что царь верит в маньчжурскую армию, поэтому абсолютно твёрдо решил не платить контрибуции и не отдавать Сахалин, японская делегация начала готовиться к безрезультатному завершению переговоров: она составила заявление о срыве конференции и намеревалась покинуть Портсмут 13 (26) августа. У противника наступила растерянность. Ю. Комура, хотя и имел полномочие уступить, не решался сделать это ещё раз без предварительного согласия Токио. Но больше всего он боялся краха мирной конференции. 13 (26) августа состоялась частная встреча делегаций, на которой С.Ю. Витте сообщил японцам о том, что они могут получить лишь южную часть Сахалина без какой-либо контрибуции. Японцы заметно волновались. «Они просили Сергея Юльевича, чтобы он им сказал не как русский уполномоченный, а как государственный человек, вообще, как бы он поступил на их месте. Он совершенно искренне советовал им заключить мир»¹⁸³.

Последнее слово всё-таки оставалось за Токио. Японским верхам было над чем поразмыслить. Ещё 6 августа посланник Страны восходящего солнца в Австро-Венгрии Н. Макино сообщил из Вены, что по его сведениям, в Петербурге опять набирает силу «партия войны», настаивавшая на пересмотре инструкций, данных С.Ю. Витте, в сторону ужесточения¹⁸⁴. Аналогичные сведения сообщал из Берлина его коллега К. Иноуэ¹⁸⁵. В Японии было также известно содержание разговора американского посла Дж. Мейера с Николаем II, в котором царь категорически отверг возможность контрибуции и территориальных уступок¹⁸⁶. Всё это явно способствовало смягчению позиции Токио. Японское правительство на заседании в ночь с 14 (27) на 15 (28) августа решило, что в сложившейся военной и финансовой ситуации Японии необходим

---

¹⁸³ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.114. Можно предположить, что, принимая решение о подписании мирного договора, японская делегация частично, но всё-таки приняла точку зрения С.Ю. Витте, который с самого начала предложил рассматривать прекращение войны в увязке с заключением союзного договора. Несколько позже, в январе 1906 г. Ю. Комура говорил в Токио бельгийскому посланнику, что для установления прочного мира с Россией его условия должны были выглядеть почётными для всех, чтобы не исключить «в будущем сближение между обеими державами» (Донесение бельгийского посланника в Токио – в Брюссель 8 января 1906 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.8. Л.25).

¹⁸⁴ Н. Макино – в МИД 6 и 7 августа 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.379–380, 384.

¹⁸⁵ К. Иноуэ – в МИД 14 и 25 августа 1905 г. // Ibid. P.406–407, 436–437.

¹⁸⁶ Японскому правительству детали разговора в Петербурге сообщил английский посол в Токио К. Макдоналд. Они немедленно были переданы Ю. Комуре (Т. Кацура – Ю. Комуре 27 августа 1905 г. // Ibid. P.443).

мир. Поэтому 15 (28) августа премьер Т. Кацура поручил Ю. Комуре снять вопросы о контрибуции и Сахалине, предварительно попробовав всё-таки настаивать на передаче всего острова¹⁸⁷.

Российская делегация в Портсмуте ожидала разрыва переговоров. Поэтому, когда на заседании 16 (29) августа прозвучало «полное согласие японцев», это оказалось «для всех здесь совершенная неожиданность, всё было готово к отъезду». «Часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания, он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: “Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всём”»¹⁸⁸. «Среди иностранцев и американцев живая радость. Русских приветствуют. Японцы имеют сконфуженный вид. Радости не разделяют, но скорбят»¹⁸⁹. Далее делегации обсудили ещё ряд технических вопросов¹⁹⁰, но главное было сделано: мир заключён. Российская делегация чувствовала и вела себя как победитель: это оказалось первым серьёзным успехом России в дальневосточной политике за ряд предшествовавших лет. Его результатом С.Ю. Витте воспользовался уже в Америке и на обратном пути в Россию. Он достиг важной договорённости, что банкирский дом Морганов поспособствует размещению русских ценных бумаг в Америке, а в Париже подготовил заключение Россией большого займа. Удача в Портсмуте стала трамплином для дальнейшей политической карьеры С.Ю. Витте – в октябре 1905 г. он возглавил созданное объединённое правительство в России, став первым в истории империи премьер-министром.

12.5. Отношение к Портсмутскому миру

Все великие державы хорошо приняли Портсмутский мир. Пожалуй, только Англия сохранила показное спокойствие, удивившись уступчивости японцев¹⁹¹. В Японии мирное соглашение вызвало повсеместное разочарование.

---

¹⁸⁷ Okamoto Sh. *Op. cit.* P.150–155.

¹⁸⁸ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // *Былое*. 1918. №3 (31). С.74.

¹⁸⁹ И.П. Шипов – В.Н. Коковцову 16 (29) августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.74. В опубликованном варианте последняя фраза выглядит так: «Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением» (Красный архив. 1924. №6. С.41). Участник японской делегации, капитан I ранга, прочитав условия заключённого мира, не смог скрыть своих чувств: «лицо его было всё перекошено от злобы и негодования» (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹⁹⁰ Среди них были и важные. Например, только 19 августа (1 сентября) стороны подписали протокол о перемирии.

¹⁹¹ Одновременно Лондон усиленно зазывал возвращающегося С.Ю. Витте на пути в Россию посетить Великобританию. Российский уполномоченный отверг приглашение Эдуарда VII, сославшись на то, что он не имеет для этого полномочий из Петербурга (Литовцев С. Взгляд на русско-английское соглашение // *Речь*. 1912. 14 февраля; Из

Ю. Комуру встречала негодующая толпа, вскоре он был отправлен в отставку с поста министра иностранных дел. Так называемое «общественное мнение» ещё во время переговоров требовало получения не только Сахалина, но и Владивостока вместе с российским Приморьем¹⁹². Японская печать писала, что слабая дипломатия растеряла победу нации в войне¹⁹³. После известия о подписании мира на условиях, далёких от ожидаемых, в Токио даже произошли беспорядки. Толпа, возмущённая тем, что обществу «Кава дошикай» (ассоциация против мира) не дали провести митинг в парке Хибия (центр Токио), стала забрасывать камнями здания МВД, подожгла деревянные постройки рядом с домом министра, разрушила около 100 полицейских постов, уничтожила 30 трамвайных вагонов и три христианских часовни. Спокойствие восстановили лишь после того, как император ввёл в столице военное положение, а в город вошла дивизия императорской гвардии, взявшая под охрану правительственные здания. Манифестации против мира прошли и в других крупных городах Японии, в ходе массовых протестов погибло 17 человек¹⁹⁴.

В России многие также упрекали С.Ю. Витте, что это он отдал Японии южную часть Сахалина. Злые языки даже прибавили к графскому достоинству, которым Николай II наградил главного уполномоченного за успешное ведение переговоров, титул – «Полусахалинский». Позднее С.Ю. Витте, стремясь оправдаться, пошёл на значительное искажение картины переговоров. В 1908 г. он в полемике с членом российской делегации А.И. Русиним утверждал, что нарочно не заключал перемирия в Портсмуте, «чтобы дать возможность нашей армии показать на деле хотя бы проблески своей силы» (на самом деле перемирия не желали японцы). И вообще глава делегации якобы сознательно затягивал переговоры, надеясь на успехи на театре военных действий¹⁹⁵. Впрочем, его оппоненты (А.И. Русин и Р.Р. Розен) были ненамного

архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.176; Игнатьев А.В. Указ. соч. С.240). Это соответствовало его антианглийской позиции: осенью 1905 г., сразу по возвращении из Портсмута С.Ю. Витте в Берлине обсуждал свою любимую идею континентального антианглийского союза.

¹⁹² Okamoto Sh. Op. cit. P.167.

¹⁹³ Esthus R. Op. cit. P.167.

¹⁹⁴ Донесение бельгийского посланника из Токио 10 сентября 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.6. Л.32–33; Esthus R. Op. cit. P.184–186.

¹⁹⁵ С.Ю. Витте – А.И. Русину 8 марта 1909 г. // РГА ВМФ. Ф.1335. Оп.1. Д.39. Письмо С.Ю. Витте и ответ ему А.И. Русина 12 марта были опубликованы в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» за 14 сентября 1910 г., (№11917). С аналогичным письмом С.Ю. Витте обратился к Р.Р. Розену 15 марта 1909 г. (его текст и ответ барона 23 апреля 1909 г. также появились в «Биржевых ведомостях» 15 сентября 1910 г., вечерний выпуск (№11918). Они были перепечатаны в утреннем выпуске 16 сентября 1910 г. (№11919)).

честнее: оказалось, что они являлись категорическими противниками мира: Япония была-де истощена, тогда как Россия могла воевать (однако в ходе переговоров они не обозначили явно своей позиции). Правда, Р.Р. Розен в конечном итоге всё-таки поддержал С.Ю. Витте: вопрос о заключении мира, по его мнению, решался в Петербурге, глава делегации мог лишь исполнить данное ему указание.

Несмотря на то, что согласие на уступку Южного Сахалина дал сам царь, тем не менее, вопрос остался: можно было или нет обойтись вообще без территориальных потерь? Вероятно, да. Но в тех условиях полная бескомпромиссность со стороны России выглядела слишком опасной, скорейшее окончание войны интересовало в значительной степени обе стороны. В случае незаключения мира продолжение военных действий при разгоравшейся революции являлось делом весьма рискованным, если вообще возможным. Разумеется, факт уступки половины Сахалина порождал в России желание реванша, особенно среди военных, а также в некоторых гостиных и салонах. Да и сам Николай II полагал, что через какое-то время оправившаяся от неудач Россия сумеет вернуть потерянное. Однако произошло это лишь четыре десятилетия спустя, уже при другой власти.

Заключение

В дальневосточной политике России 1890-х – 1904 гг. выделяется несколько периодов. Её активизация (начальный этап) оказалась связана с планами, а затем и с началом строительства Сибирской железной дороги. По времени это совпало с приходом в правительство С.Ю. Витте, сначала как министра путей сообщения, а затем – министра финансов (1892 г.). Молодой сановник, будучи дилетантом в международных отношениях, тем не менее, решил связать свою бюрократическую карьеру с программой грандиозных действий на Дальнем Востоке. Что именно и как следовало делать, министр на первых порах совершенно не понимал, но у него уже имелось представление, что регион должен служить росту экономического могущества империи: быстро развивающаяся промышленность России нашла бы на восточной окраине огромный рынок сбыта для своей продукции. С самого начала речь шла не об освоении российских территорий, а об экономической экспансии за пределы империи, пользуясь будущей Сибирской железной дорогой. Несмотря на фантастический размах и крайне слабую проработанность замыслов С.Ю. Витте, в Министерстве финансов верили в реальность его планов, были увлечены своим начальником, сравнивали его с Петром I, как минимум – с Н.Н. Муравьёвым-Амурским¹. Ни о каких территориальных приобретениях и захватах речь тогда не шла.

Определённость наступила в середине 1890-х гг. в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг. В начале 1895 г. Петербург, наконец, решил, как ему использовать конфликт соседей. Из двух точек зрения, представленных министром иностранных дел А.Б. Лобановым-Ростовским (союз с Японией) и С.Ю. Витте (дружба с Китаем) верх одержала последняя. В сущности, тогдашнюю программу министра финансов можно свести к следующим тезисам: установив дружеские отношения с Пекином, следовало широко развернуть в Поднебесной деятельность русского капитала (кажется, С.Ю. Витте ещё не понимал, что его роль сыграют не частные, а исключительно казённые средства), затем к этому присоединился план строительства по Маньчжурии русской железной дороги (КВЖД) и желание получить незамерзающий порт на Жёлтом море. Остальное, по замыслу министра финансов, должна была

---

¹ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.8.

сделать торговля. С этого момента С.Ю. Витте стал главным руководителем политики Петербурга на Дальнем Востоке. Важнейшим его достижением явились союзный договор с Китаем и контракт на постройку КВЖД, заключённые в 1896 г. Несмотря на провозглашение С.Ю. Витте программы строго экономической экспансии, большинство чиновников полагало, что это лишь новое средство для территориальных присоединений, видя в перспективе реюющее российское знамя над Маньчжурией и Кореей. Высказывания о таком будущем нередки, их можно обнаружить у многих сановников. Но они не дают оснований к прямолинейному выводу об агрессивной политике России в регионе: реально для захвата или завоевания Маньчжурии и Кореи ничего не делалось, даже на уровне разработки программы или плана.

Однако единоличное господство С.Ю. Витте продолжалось недолго. Его конец наступил на рубеже 1897–1898 гг. Новый министр иностранных дел М.Н. Муравьёв проявлял больший интерес к дальневосточным делам. Первым его самостоятельным шагом стал ввод русских кораблей в бухты Порт-Артура и Даляньвана 4 декабря 1897 г. Несмотря на яростные протесты С.Ю. Витте, его точка зрения не была принята во внимание Николаем II. Помимо прочего, к концу 1897 г. в позиции министра финансов выявились слабости: Китай, оправившись от испуга после поражения в войне с Японией 1894–1895 гг., перестал уступать. Уговорить его либо воздействовать на Пекин экономическими рычагами, чтобы получить для России незамерзающий порт, не получалось. К тому же с конца 1897 г. С.Ю. Витте постепенно сокращал сферу своих экономических интересов в Поднебесной, ограничивая их преимущественно Северным Китаем. Поражение министра финансов в дискуссии вокруг Ляодунского полуострова означало потерю монополии на политику в регионе. С этого момента на неё оказывали существенное влияния, кроме С.Ю. Витте и М.Н. Муравьёва, ещё и новый с 1 января 1898 г. глава военного ведомства А.Н. Куропаткин, а также некоторые другие фигуры. Нельзя не признать: неудача будущего графа стала закономерным итогом его курса. За 1896–1897 гг., кроме договора о КВЖД, он не сумел добиться новых успехов в Китае, в частности – решить вопрос о незамерзающем порте. Экономическая же экспансия в Среднюю империю, несмотря на первоначальные прожекты, свелась к весьма умеренной деятельности основанного в 1895 г. Русско-Китайского банка.

Захват Порт-Артура также привёл к пересмотру корейской политики России. Ранее Петербург проявлял к королевству осторожный интерес, сменившийся в 1896–1897 гг. резкой активизацией в связи с возможностью приобрести незамерзающую гавань в королевстве. После заключения договора об аренде Ляодунского полуострова в марте 1898 г. о Корее решили забыть, постепенно уступив первенство на полуострове Японии. Логичный итог такого курса встретил возражения со стороны моряков, а также группы неофициаль-

ных, но влиятельных лиц – безобразовцев. Используя корейский вопрос в своих корыстных целях, они убедили самодержца, что от Кореи нельзя отказываться, наоборот, её следует присоединить к России. «Царская неофициальная политика», нацеленная на приобретение королевства, не только ослабила и без того пошатнувшиеся позиции министра финансов. Она также резко ускорила уже начавшийся опаснейший процесс дробления политики России в регионе, которая и до этого уже не отличалась необходимым для успеха единством и последовательностью. Наконец, «новый» курс обещал серьёзно посорить Петербург с Токио.

Расстановка сил в дальневосточной политике России ещё раз изменилась во второй половине 1900 г. после того как восстание боксёров привело к масштабным боевым действиям в Северном Китае и оккупации русскими войсками Маньчжурии. Колоссальное влияние на дела получили военные и, прежде всего, А.Н. Куропаткин. Они придерживались совершенно иных представлений о том, как следовало действовать на сопредельных России территориях, полагаясь больше на силу штыков, чем рубля, и выступая за насильственное присоединение части Маньчжурии к России. Несмотря на все усилия С.Ю. Витте, его влияние постепенно, но постоянно уменьшалось. В немалой степени этому способствовали неудачные переговоры с Пекином о сепаратном соглашении, призванном закрепить экономические преимущества России в Северном Китае. Непрерывные уступки китайской стороне, и, в конце концов, категорический отказ руководства Поднебесной принять русские условия нанесли сильный удар по прежней политике С.Ю. Витте, основанной на планах экономического доминирования. При стеснённых денежных возможностях и международной конкуренции все усилия министра финансов завершились приобретением 10–15 концессий (их точное число сложно определить, так как в ряде случаев полученные права были оспорены в суде), из которых лишь 2–3 имели сколько-нибудь важное значение. Стало ясно, что такие действия не имеют шансов на успех, их результаты разительно отличаются от мечтаний середины 1890-х гг., которыми С.Ю. Витте «кланялся» молодому монарху Николаю II. Б.А. Романов отметил, что уже в 1901 – начале 1902 гг. самодержец стал испытывать сомнения относительно политики министра финансов и дальнейших действий России на Дальнем Востоке. Царь был полон решимости укреплять позиции Петербурга в регионе и не собирался уступать Корею японцам².

Одним из ключевых моментов в российской дальневосточной политике рубежа веков стала дискуссия конца 1902 г. о её дальнейшем направлении. К тому времени уже все отчётливо понимали, что предыдущие решения и

² Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С.361–362.

намётки, сделанные С.Ю. Витте, не годятся. Экономическая экспансия сошла на нет. Кроме того, резко обострились отношения с Китаем из-за Маньчжурии и с Японией из-за Кореи. Пребывание русских войск в Северном Китае вызывало всё более усиливавшиеся протесты великих держав, прежде всего, США и Англии. Позиции Петербурга в регионе постоянно ухудшались. Дальневосточная политика России попала в тупик, следовало решить, что делать дальше.

Согласно представлениям посланника в Токио Р.Р. Розена, прежний курс С.Ю. Витте на Дальнем Востоке, нацеленный на приобретение Маньчжурии, неизбежно вёл к антирусскому союзу между Японией и Китаем при поддержке Англии (чего, кстати, не произошло)³. Вместо соответствующих выводов дипломат воспроизвёл точку зрения министра финансов весны 1895 г.: главный враг России – Япония, а Корея, как и Маньчжурия, со временем «неоспоримо» должны отойти России⁴. Но тогда это сопровождалось «союзом» с Китаем. В 1902 г. барон утверждал, что никакие экономические меры не могли привести к обладанию Маньчжурией, забрать её можно было только силой⁵. Из этого логично вытекали меры по усилению армии и флота России на Дальнем Востоке, а также отказ даже от «бумажной» дружбы с Китаем⁶. Получалась – война России против всех. Нельзя сказать, что посланник совсем не понимал опасности ситуации, но разрешение её казалось Р.Р. Розену лёгким делом: будто достаточно было прощупать возможность договориться с Англией, что уже разрушит альянс Лондона и Токио.

Посланник в Сеуле А.И. Павлов предложил более простое и умеренное решение: заключить соглашение с Японией о Корее и с Китаем – о Маньчжурии, которое бы защитило русские интересы там⁷. Общим рассуждениям барона, нередко носивших отвлечённый и даже фантастический характер, посланник в Сеуле противопоставил набор понятных действий, призванных разрядить напряжение на Дальнем Востоке.

Подход министра финансов отличался внутренним противоречием. С одной стороны, он опасался военного конфликта на Дальнем Востоке, поэтому полагал необходимым уступить, в частности – Японии в Корею. Но с другой, С.Ю. Витте возлагал неоправданные надежды на то, что договорённость с Токио может изменить его внешнеполитический ориентир («Япония

³ Записка Р.Р. Розена о политике России на Дальнем Востоке с пометами С.Ю. Витте 12 сентября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.59. Л.61.

⁴ Там же. Л.55.

⁵ Там же. Л.62.

⁶ Там же. Л.67.

⁷ Записка А.И. Павлова, посвящённая опровержению записки Р.Р. Розена 25 сентября 1902 г. // Там же. Л.47–54.

давно ищет сближения с нами»). Однако он также признавал, что у Страны восходящего солнца имелись интересы и в Маньчжурии – что исключало возможность дружбы с Россией⁸. Сановник понимал неисполнимость обещаний середины 1890-х гг., поэтому вынужденно маневрировал: отступая, убеждал всех в том, что он вовсе не отказывается от своих прежних замыслов. Поэтому фактический отказ от активной политики сопровождался у министра финансов неубедительными рассуждениями о том, что присоединение Маньчжурии возможно лишь через 25–50 лет, и что события идут быстрее, чем он ожидал⁹. Вдобавок, возражая себе же (и Р.Р. Розену), С.Ю. Витте резонно заметил, что ни Лондон, ни Токио не согласятся с хозяйничаньем России в Маньчжурии¹⁰.

Свои взгляды сановник изложил в ответной записке на сочинения двух дипломатов¹¹. Вступив в открытую полемику с Р.Р. Розеном, министр финансов солидаризовался с А.И. Павловым, желая соглашения с Японией (но не на условиях Токио) и вывода русских войск из Северного Китая. В отличие от осторожного А.И. Павлова министр финансов был более конкретен, допустив даже «некоторое участие» японцев «в делах внутреннего управления Кореи, не исключая финансовой и военной частей». Вместе с тем, он так же неубедительно, как и в случае с Маньчжурией, утверждал, что уступки не должны лишить Россию «возможности окончательно решить в будущем судьбу Кореи в согласии с нашими государственными интересами»¹².

Признание краха предыдущей политики состоялось в конце 1902 г. на совещании в Ялте в присутствии Николая II, когда, по мнению министра финансов, оказалось, что России не следует проявлять активности на Дальнем Востоке. Нетрудно представить себе разочарование императора и быстрый взлёт оппонентов С.Ю. Витте, в первую очередь – безобразовцев. Они и Е.И. Алексеев заняли максимально агрессивную позицию. Суть её можно выразить одной фразой: не уступать ничего ни в Маньчжурии, ни в Корее (по крайней мере, в северной её половине).

Первая половина 1903 г. прошла под знаком ожесточённой борьбы между сторонниками «бескомпромиссной линии» и поддержавшего их В.К. Плеве с «триумвиратом» С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин. Поражение «триумвирата» произошло в мае 1903 г., а черта под предыдущей политикой была окончательно подведена 16 августа 1903 г. увольнением С.Ю. Витте. Тем не менее, кризисные явления в действиях России на дальневосточной

⁸ Пометы С.Ю. Витте на записке Р.Р. Розена 12 сентября 1902 г. // Там же. Л.56–57.

⁹ Там же. Л.62, 74.

¹⁰ Там же. Л.68.

¹¹ Записка С.Ю. Витте 28 декабря 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.26–65.

¹² Записка С.Ю. Витте 28 декабря 1902 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.65.

украине только усилились. Их апогеем стало даже не отсутствие последовательного курса, а разрушение прежнего, централизованного механизма руководства ею благодаря созданию наместничества. Действия Петербурга в регионе с этого момента диктовались в основном противостоянием МИДа и наместника, они перестали учитывать в должной мере международный фактор, прежде всего, реакцию великих держав на поведение России. Весь этот тяжкий груз лёг на начавшиеся летом 1903 г. переговоры с Японией о судьбе Кореи. В них и проявилась принципиальная неспособность Петербурга придерживаться определённой и взвешенной точки зрения, а также достигнуть обоснованного, продиктованного национальными интересами компромисса. Итогом стала неожиданная для российского руководства война, начавшаяся в весьма неблагоприятных стартовых политических условиях для России.

В чём причины того, что Россия оказалась неспособной проводить эффективную политику на дальневосточной окраине?

Следует признать, что с самого начала задача экономического захвата большей части Китая, поставленная главным архитектором русской дальневосточной политики С.Ю. Витте, выглядела нереально. Рассуждения о том, что быстро растущей российской индустрии вскоре понадобятся крупные внешние рынки, при ближайшем рассмотрении оказались не более чем необоснованными мечтаниями. Кроме того, отсутствие значительного интереса к российским товарам в Поднебесной (это убедительно показали донесения консулов в середине 1890-х гг., специально посвящённые состоянию торговли в подведомственных им районах империи) требовала колоссальных вложений, чтобы изменить ситуацию. Однако вместо того, чтобы увеличивать расходы, уже в конце 1897 г. С.Ю. Витте заговорил о том, что России не выдержать большие затраты на Дальний Восток: по его данным, из 130 млн. подданных Николая II лишь 40 млн. имели достаточно средств к существованию, а 90 млн. были нищими¹³. Эти рассуждения повторились и в 1899, и в 1900 гг. И далее министр финансов соглашался выделять деньги в основном на то, что было непосредственно связано со строительством КВЖД, а затем с освоением Порт-Артура и Дальнего. Расходы на другие цели, например, на приобретение концессий в Маньчжурии, оказались крайне невелики. За несколько миллионов рублей нельзя было «купить» экономическое преобладание в Поднебесной, а договорной рычаг – закрепить за собой коммерческие привилегии с помощью специальных соглашений – не сработал, да и не мог принести успеха, так как необходимых средств давления на Пекин у Петербурга просто не имелось.

---

¹³ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 25 декабря 1897 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.12.

Политику России на Дальнем Востоке нельзя назвать комплексной. Несмотря на масштабные цели, на явную нехватку средств, Петербург не пользовался всеми имевшимися у него возможностями. Крайне невнятно выглядело идеологическое обоснование активной политики на Дальнем Востоке. Да, существовала многочисленная публицистика, но она совершенно по-разному относилась к Востоку, начиная с «жёлтой опасности» (В.С. Соловьёв) до воспевания будущего России исключительно на окраине (С.Н. Сыромятников, Э.Э. Ухтомский и др.). Несмотря на то, что взглядам князя придавалось официальное значение (его брошюру «На Восток» Морское министерство разослало в дар кают-компаниям судов, офицерским библиотекам, она также презентовалась кадетам Морского корпуса)¹⁴, читатель вряд ли мог однозначно уяснить себе, зачем России нужен этот богатый, таинственный и пугающий Восток. Даже пропаганда, развернувшаяся с началом русско-японской войны, не принесла должного эффекта. Показателен пример, приведённый писателем В.В. Вересаевым. «Нынче утром, – рассказывает своим товарищам по полку один из офицеров (Рубцов), – солдаты говорят мне: “Ваше благородие! Вот в Вестнике Маньчжурской армии пишут, что тут за веру воюем, за царя и отечество. Как это так? Ведь веры нашей никто не трогает, царя не обижает. А отечество – китайское”. Все засмеялись, только Рубцов враждебно насторожился. Батальонный спросил: – Что же вы?

– Ну что! Стал им что-то про Тихий океан объяснять, да сам спутался»¹⁵. Думается, комментарии тут излишни.

Российская власть пренебрегала и другими идеологическими ресурсами. Например, возможностями православной церкви. Не секрет, что многие европейские страны активно использовали миссионеров для успешного продвижения на Восток, которые шли вместе с товарами и капиталом. Денег на это не жалели: так, из общей суммы американских капиталовложений в Китай к 1900 г. в 24,7 млн. долларов 5 млн. составляло имущество христианских миссий¹⁶. Россия же совершенно не использовала имевшиеся у неё возможности. Давно существовавшая духовная миссия в Пекине была весьма скромной по размеру, любые попытки увеличить её численность и финансирование наталкивались на сопротивление министра финансов и проходили с трудом. Даже незначительные просьбы оставались втуне. К примеру, глава 17-ой духовной миссии архимандрит Амфилохий в связи с понижением курса серебра в Китае

¹⁴ Ф.К. Авелан – Э.Э. Ухтомскому 29 июля 1899 г. // ОР ИРЛИ. Ф.314. Оп.1. №9. Л.1.

¹⁵ Цит. по: Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.355–356.

¹⁶ Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей 1895–1900. М.:Л., 1956. С.63.

из-за войны с Японией 18 февраля 1895 г. просил выдать содержание миссии (примерно 20 тыс. руб.) золотом. 14 августа 1895 г. он также ходатайствовал об увеличении штата миссии и, соответственно, её содержания до 24 тыс. руб. Но в том и другом случае Амфилохий получил отказ от С.Ю. Витте. Попытки убедить министра финансов в том, что проблема действительно существовала, привели лишь к тому, что вопрос пустили обычным законодательным порядком через Государственный совет. Это означало, что его решение состоится в лучшем случае год спустя. Раз министр финансов поставил своей целью завоевание азиатских рынков для России, то поддержка церкви была бы ему как нельзя более кстати. Но нет, лишь в конце 1896 г. уже другой глава духовной миссии в Пекине добился незначительного повышения финансирования – на 2,6 тыс. руб. При этом даже к концу 1898 г. вся миссия состояла лишь из пяти человек: начальник, два иеромонаха, священник и дьякон – и это во время, когда деятельность С.Ю. Витте в Китае находилась в апогее активности¹⁷.

Однако есть и другая сторона вопроса – пассивность православной церкви и её иерархов в вопросах миссионерства. Лишь в конце 1896 г. пекинскую духовную миссию возглавил Иннокентий (И.А. Фигуровский) – весьма энергичный руководитель, планировавший резко расширить проповедь православной веры в Китае¹⁸. Иннокентий прибыл в Китай в марте 1897 г. Казалось бы, наконец, у православной миссии появился инициативный начальник, и власть могла бы воспользоваться этим. Но нет: Синод в 1901 г. даже обсуждал вопрос о полном упразднении пекинской духовной миссии, и лишь благодаря энергичным протестам Иннокентия этого удалось избежать. Сам настоятель был в 1902 г. хиротонисан в епископа Переяславского и вернулся в Китай в августе 1902 г. Пусть и не в такт российской политике, со значительным опозданием,

---

¹⁷ Краткая история русской православной миссии в Китае. Пекин, 1916. С.178, 184, 187–188.

¹⁸ Иннокентий (И.А. Фигуровский) (1863–1931) – сын священника, до назначения в Китай успел окончить Духовную академию, побывать ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии и настоятелем Покровского миссионерского монастыря. По пути в Китай Иннокентий посетил ряд европейских стран, где ознакомился с состоянием миссионерского дела – поступок крайне нетипичный для православного священника. В Китае он развернул на редкость активную деятельность, особенно по обращению китайцев в православие и коммерческую деятельность подворий пекинской духовной миссии, которых к 1917 г. было уже пять (Москва, Санкт-Петербург, Харбин, Дальний, станция Маньчжурия). И это несмотря на отсутствие помощи, а иногда и прямое противодействие ему со стороны МИД и Министерства финансов, противившихся усилению роли пекинской духовной миссии (Иванов П.М. Православные миссионерские станы в Китае в начале XX в. // История российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. М., 1997. С.253–280; Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // Там же. С.281–317).

его впервые сопровождали три десятка монахов, епископ ехал с немалыми средствами, полученными им, вероятно, из частных пожертвований, для развёртывания активной миссионерской деятельности. Тем не менее, у российских представителей в Поднебесной это вызвало лишь тревогу. Д.Д. Покотилов полагал, что отсутствие у России интереса к миссионерской деятельности являлось её большим преимуществом (!) перед остальными державами, поэтому заявил Иннокентию, что усилия миссии следовало бы сосредоточить на удовлетворении духовных потребностей проживающих в Китае русских, а не на обращение китайцев в православие¹⁹.

Вопреки данному ему совету, Иннокентий не только начал активно действовать преимущественно в китайской среде, но и направил усилия миссии в основном на юг Поднебесной. Д.Д. Покотилов решил, что это может привести лишь к «печальным результатам»: подозрительные иностранцы начнут уличать Петербург в скрытых замыслах²⁰. Аналогичное отношение к деятельности духовной миссии выражали и российские дипломаты в Китае. Иннокентий же, невзирая ни на что, гнул свою линию, жалуясь на невнимание к нему российских властей: «Открытие 10 миссионерских станом в различных провинциях Китая обошлось бы правительству не более 30 т[ыс.] руб., почти столько же, сколько стоит одно генеральное консульство в Шанхае, а между тем правительство могло бы знать из первоисточников о состоянии всей китайской империи»²¹. Нельзя не признать обоснованность суждений епископа.

Иначе развивалась история с духовной миссией в Корее, но результат получился схожий. Инициатива её учреждения принадлежала дипломату Н.А. Шуйскому, который выступил с ней ещё в 1889 г. С помощью православной миссии он предполагал приобрести в Корее духовное влияние, «составляющее фундамент, на котором строится влияние политическое»²². Однако, несмотря на поддержку тогдашнего посланника в Пекине А.П. Кассини, идея не получила воплощения. Лишь в 1897 г. к ней обратился С.Ю. Витте, по-видимому, в связи с начавшейся активностью России в Корее. Наконец-то политики выступили с инициативой создания православной миссии и использования её для укрепления российского влияния. Однако Синод раскачивался два года, когда он, наконец, учредил отдельную православную миссию в Корее (1900 г.), было уже поздно: С.Ю. Витте взял курс на сворачивание

¹⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 19 августа 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.4. Л.144–145.

²⁰ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 4 января 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.5. Л.5.

²¹ Епископ Иннокентий – Ф.Р. Остен-Сакену 21 декабря 1903 г. // РГАДА. Ф.1385. Оп.1. Д.1509. Л.2.

²² Цит. по: Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская духовная миссия в Корее за первое 25-летие её существования (1900–1925 гг.). Харбин, 1926. С.2.

активности Петербурга в королевстве. Кроме того, будущее показало, что её деятельность миссии оказалась малоэффективной из-за сильной конкуренции с католическими и иными европейскими и американскими миссиями (протестантами), действовавшими в Корее уже не одно десятилетие, и значительными вложениями в них²³.

Разобщённость ведомств проявлялась не только во взаимодействии между ними, но даже и внутри них, и наиболее ярко, как ни удивительно, – в политике Министерства иностранных дел. Прежде всего, оно не получало всегда точных указаний от самодержца. Несомненно, сильное влияние на решения Николая II по дальневосточным делам оказывали его общие установки, в частности, нелюбовь к японцам и англичанам. А.Н. Куропаткин свидетельствовал: «У государя кроме слов “обезьяны” нет другого названия японцам. <...> К англичанам, сколько я мог заметить, государь относится также враждебно, и в его уме возможность разрыва с ними упрочивается в[есьма] настойчиво»²⁴. Эти представления самодержца не носили рационального характера, а отражали психологические особенности его личности. Конечно, нельзя делать из этого прямые выводы, но такие эмоциональные ощущения накладывали заметный негативный отпечаток на внешнеполитический курс. К примеру, в Лондоне, где в последние годы XIX века полагали, что русские ведут себя отвратительно, тем не менее, искали возможностей договориться с Петербургом, а не вести дело к разрыву.

Очевидно также, что Николай II не только не понимал вполне детали дальневосточной политики, он даже не был в курсе многих действий и намерений своих подчинённых. Так, царь считал, что России не следует двигаться далее линии Пекин–Тяньцзинь в то время, когда министр финансов требовал сферы свободной конкуренции и в центральной части Поднебесной. Вопреки заявлениям С.Ю. Витте, император не возражал против русификации Монголии и Маньчжурии с помощью крестьянской колонизации – но это была совсем другая политика, имевшая мало общего с экономической экспансией и требовавшая, кстати, колоссальных средств²⁵.

Не лучше дело обстояло и с ролью министров. А.Б. Лобанов-Ростовский вообще не вникал в дальневосточные дела, молчаливо согласившись с тем,

---

²³ Волохова А. Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, Министерство финансов и учреждение российской духовной миссии в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4. С.112–122.

²⁴ Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 22 сентября 1899 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.4768. Л.22 об. – 23.

²⁵ Пометы Николая II на рапорте командующего войсками Приамурского военного округа военному министру П.С. Ванновскому, приложенному к записке «Военная готовность Приамурского военного округа к концу 1897 г.» // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.372. Л.216 об. – 217.

что они фактически перешли в ведение С.Ю. Витте. Его преемник М.Н. Муравьев установил свои порядки. Он оказался более внимателен к проблемам восточной окраины, но зато изменил ход дел в ведомстве. Сановник обращал мало внимания на детали, оставив за собой лишь общее руководство, а большую часть текущей работы переложил на В.Н. Ламздорфа. Более осведомлённый товарищ министра, несмотря на то, что являлся сведущим дипломатом, не знал жизни, не имел воли, чтобы настоять на собственной точке зрения, на переговорах мог выказать чрезвычайную, болезненную обидчивость. И в дальнейшем В.Н. Ламздорф, став уже главой ведомства, неважно ориентировался в дальневосточной политике и не стремился овладеть ею, негласно отдав многие вопросы на усмотрение С.Ю. Витте. Составление докладов по проблемам региона граф перепоручил Н.Г. Гартвигу, сам же он часто даже не знал их содержания²⁶. На рубеже веков также состоялась смена руководящих кадров в ведомстве: место многоопытных Ф.Р. Остен-Сакена, Д.А. Капниста, М.Н. Никонова и др. заняли, как правило, малосведущие чиновники. Осведомлённый сотрудник МИД К.А. Губастов приводит пример А.К. Базили, который заместил Д.А. Капниста в должности директора Азиатского департамента. Он имел репутацию канцелярского педанта, замкнутого и необщительного человека, панически боявшегося ответственности²⁷.

Не удивительно, что российские дипломаты, служившие на Дальнем Востоке, с презрением относились к своему столичному начальству, не без основания упрекая его в некомпетентности и недостаточном внимании к региону. Они справедливо полагали, что служба на восточной окраине требовала от чиновников специфических умений и знаний, не тех, что в Европе. Например, К.И. Вебер считал, что для успешной деятельности на Дальнем Востоке дипломат должен хорошо знать Китай (язык, географию, литературу, историю, нравы, обычаи, государственное устройство), обязательно владеть английским языком (для изучения коммерции), обладать обширными сведениями в области истории международных отношений (трактаты, конвенции, торговые правила и т.п.). Он также предлагал по-иному, чем это было принято, строить отношения посланника и его подчинённых: главе миссии, который, кстати, мог и не знать Китая досконально, следовало больше доверять своим подчинённым, лучше осведомлённым в делах Востока²⁸. Показательно уже то, что посланник вообще составил такой текст: в начале XX века на дипломатиче-

---

²⁶ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.9. Л.67.

²⁷ Губастов К.А. Мемуары. IX Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.147 об. – 149.

²⁸ Вебер К.И. [Каким должен быть русский дипломат на Востоке?] // РГАДА. Ф.1385. Оп.1. Д.487. Л.1–3.

ском экзамене для приёма на службу в ведомство главное внимание уделялось красоте почерка. Коммерческие знания необходимыми для будущих дипломатов не считались²⁹.

Негативное отношение к действиям своего руководства проявлялось в поведении российских представителей. Так, в Корее К.И. Вебер, А.Н. Шпейер и Е.Ф. Штейн с середины 1890-х гг. фактически вели дело к присоединению королевства или, по крайней мере, к установлению протектората над ним, несмотря на крайне осторожную позицию министерства. Нередко они, на свой страх и риск, действовали вообще без инструкций Петербурга, а иногда и вопреки им. Заметная независимость дальневосточных дипломатов проступила и в 1901 г., когда они установили неформальные отношения с главным начальником Квантунской области Е.И. Алексеевым. Дипломаты делились с ним не только информацией, но и оценками и соображениями о российской политике, которые далеко не всегда совпадали с распоряжениями, получаемыми из Петербурга. Весной 1901 г. И.Я. Коростовец, дипломатический чиновник при Е.И. Алексееве, побывал в гостях у посланника в Японии А.П. Извольского и услышал от него, что тот являлся противником российского колониализма на Дальнем Востоке. По мнению дипломата, Россия не располагала пригодным для «колониационных прыжков» административным аппаратом, не имела такой культуры, чтобы претендовать на преобразование Китая. А.П. Извольский открыто смеялся над планами превратить Дальний в центр торговли региона: по его мнению, нельзя было искусственно направлять поток товаров по чьему бы то ни было желанию. Вместо этого следовало бы всеми силами стремиться к успокоению Китая и Японии и к укреплению уже занятых позиций. Несмотря на то, что обо всём этом посланник сообщал в Петербург, его мнению там не придавали большого значения. К тому же содержание его депеш расходилось с донесениями военного агента полковника Б.П. Ванновского, полагавшего, что дела обстоят в целом как нельзя лучше³⁰.

Своё мнение о надлежащих действиях России имели и местные власти на Дальнем Востоке. Вопреки рассуждениям С.Ю. Витте о мирной, экономической экспансии и строительстве железной дороги через Маньчжурию без всяких аннексий, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской уже в 1898 г. прямо писал, что значение КВЖД осуществимо «во всей полноте только тогда, когда мы будем в Маньчжурии сильны как у себя дома»³¹. То

²⁹ Гейкинг А.А. Четверть века на российской консульской службе 1892–1917. Berlin, 1921. С.34, 40–41.

³⁰ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.9. Л.12–16.

³¹ Всеподданнейший отчёт приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского. 1896–1897 годы. СПб., 1898. С.18.

есть, неизбежность присоединения Северного Китая к России в ближайшие годы казалась ещё до восстания ихэтуаней 1900 г. очевидной. У этой медали имелась и другая сторона. Похоже, такие намерения российских властей не были секретом и для Пекина. Ли Хунчжан открыто говорил русским, что они строят КВЖД для присоединения Маньчжурии, а он предвидел обратное – «дорога лишь облегчит прилив и переселение китайцев в Сибирь»³². Отчасти его предсказания оправдались: Маньчжурия надолго стала причиной головной боли Петербурга.

Путь к русско-японской войне – это не злая воля или ошибочные действия одного или нескольких человек. С.Ю. Витте обвинял во всём безобразовцев, они взваливали большую часть вины на министра финансов. Б.А. Романов в этом вопросе фактически присоединился к ним, добавив новые аргументы против сановника. Если искать «крайних», то надо разделить ответственность по «участкам». С.Ю. Витте был прав, когда образно обрисовал картину кризиса дальневосточной политики ещё до начала войны А.Н. Куропаткину: «Представьте себе, что я повёл своих гостей в “Аквариум”, а они, напившись пьяны, попали в публичный дом и наделали там скандалы. Неужели я виноват в этом? Я хотел ограничиться “Аквариумом”. Далее тянули другие»³³. Этой известной аллегорией министр финансов довольно точно обрисовал ситуацию, сложившуюся перед русско-японской войной. Но сановник не ответил на вопрос: идя в «Аквариум», неужели он не подозревал, что его гости пойдут дальше? Тогда почему он вообще повёл их туда?

С.Ю. Витте безраздельно господствовал в дальневосточной политике лишь в 1895 – конце 1897 гг. Далее можно говорить, что его влияние на дела в регионе было хотя и преобладающим, но идущим по нисходящей линии. С 1898 г. он постепенно утрачивал влияние и изменял прежний курс, особенно – в 1900–1902 гг. В конце 1902 г. министр финансов выразил готовность отказаться от большинства своих амбициозных мечтаний и заявлений, ограничившись борьбой за экономическое влияние в Маньчжурии и избегая силовых методов. Нет никаких оснований предполагать, что такая политика привела бы к войне. Разумеется, она стоила много денег, но большинство из них вложили не напрасно (строительство Сибирской железной дороги и КВЖД). Но Петербург и, прежде всего, сам Николай II оказались категорически не готовы отступить. Любые уступки казались им катастрофой, потерей влияния, по большей части уже мифического. Эта позиция и вызвала к жизни безобразовскую группу с её радикальными рецептами. Ответствен-

³² Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке (продолжение книги) // АВПРИ. Ф.340. Оп.839. Д.7. Л.42.

³³ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 3 декабря 1903 г. // Красный архив. 1922. №2. С.91.

ность за развязывание войны с Японией ложится именно на них, а также на близкого им по взглядам Е.И. Алексеева. Воинствующая некомпетентность привела к катастрофе – иного трудно было ожидать. Но весь процесс – это есть, с моей точки зрения, институциональный кризис самодержавной власти, когда она оказалась не в состоянии сформулировать действительные интересы империи в регионе и предложить средства их реализации. Вместо этого в дальневосточной политике воцарились безответственность и хаос вкупе с агрессивной позицией. В общем, война явилась закономерным итогом такой ситуации.

Повторюсь: сегодня, анализируя политику России, представляется, что вооружённая схватка между Россией и Японией не являлась неизбежной. Стремление Страны восходящего солнца превратить Корею в свою колонию не затрагивало жизненных интересов Петербурга, а С.Ю. Витте, по сути, не интересовался королевством, за исключением небольшого периода во второй половине 1896–1897 гг. Конфликта длительных и глубинных интересов двух стран в регионе не существовало. Даже после 1900 г. в Токио смотрели на Маньчжурию не столько как на сферу жизненных интересов, сколько как на средство для борьбы за вожделенную Корею. О ситуации в целом весьма выразительно написал много позднее, в феврале 1914 г., в своей известной записке П.Н. Дурново: «В сущности, Россия и Япония созданы для того, чтобы жить в мире и согласии, так как делить им решительно нечего. Все задачи России на Дальнем Востоке, правильно понятые, вполне совместимы с интересами Японии. Эти задачи, в сущности, сводятся к очень скромным пределам. Слишком широкий размах фантазии зарвавшихся исполнителей, не имевшей под собою почву, действительных государственных интересов – с одной стороны, чрезмерная нервность и впечатлительность Японии, ошибочно принявшей эти фантазии за последовательно проводимый план – с другой, вызвали столкновение, которое более искусная дипломатия, несомненно, сумела бы избежать»³⁴. То есть, война оказалась следствием ошибок политиков (разумеется, не только со стороны России).

Причины русско-японской войны – не в том, что безобразовцы вообще появились и развязали конфликт, а в том, что они **смогли** появиться. Не следует поддаваться соблазну и списывать провал на непрофессиональные действия группы безответственных людей. Дальневосточная политика России – это не столько международные дела, сколько отражение внутренних проблем, накопившихся к началу XX века. В целом русско-японская война показала, что власть не справлялась со стоящими перед ней задачами. Однако неудача дальневосточной политики в целом ещё не приговор политическому строю. Российский абсолютизм накладывал жёсткие рамки на воз-

³⁴ Записка П.Н. Дурново. Февраль 1914 г. // ОР ИРЛИ. Ф.134. Оп.4. №283. Л.2.

возможности в политике – им просто надо было следовать. История заключения Портсмутского мира показала, что если власть не раздирают противоречия и задача, стоящая перед ней, посильна, то она способна добиться успеха. Поэтому мирный договор стал, прежде всего, победой российской власти над самой собой. Тем не менее, совмещение статуса великой, мировой державы и самодержавного строя в начале XX века оказалось невозможным.

Список сокращений:

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- Архив РГО – Архив Русского Географического общества (Санкт-Петербург)
- Архив СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва)
- ОР ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы РАН (Москва)
- ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) (Санкт-Петербург)
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)
- PRO FO – Public Record Office. Foreign Office (The Great Britain, London).

Указатель имён

<i>А.Б.</i>	282, 291
<i>А.Д.</i>	504
Абаза А.А.	493
Абаза А.М.	17, 18, 21, 27, 34, 126, 127, 135, 295, 411, 416, 417, 426, 439, 443–445, 448, 449, 451–453, 456, 462, 468, 475, 477–480, 482–487, 489, 493, 494, 499, 500, 506, 507, 518, 521–523, 533, 534, 537, 544, 559, 561–563, 566–569, 580, 581, 597
Абаза Е.А.	507
Абаза Н.Ф.	479
<i>Аблова Н.Е.</i>	67
<i>Аварин (Аболтин) В.Я.</i>	52, 53
Авелан Ф.К.	176, 267, 304, 307, 319, 320, 544, 566, 567, 570, 596, 628
<i>Авторханов А.Г.</i>	9
Агафонов К.К.	40
Адабаш М.А.	293
Адариди К.М.	40
Акаши М.	581
Акизуки С.	285
Акифьев И.Н.	423
Александр II	69, 514
Александр III	33, 62, 73, 77, 81, 84, 86–88, 126, 193, 229, 230, 497, 498, 505
Александр Михайлович, великий князь	28, 126, 127, 340, 419, 421, 423, 424, 431–434, 437, 439, 490, 493, 505, 508, 511, 515, 523, 524
<i>Александрович П.Ф.</i>	197
Алексеев В.М.	30
Алексеев Е.И.	19, 20, 22, 26, 36, 37, 43, 45, 61, 62, 105, 107, 122, 135, 141, 158, 183, 185, 236, 240, 260,

- 265, 268, 281, 282, 295, 296, 301, 321, 345,
347, 349, 351–354, 358, 360, 365, 373,
375, 387, 398, 400, 404–411, 435, 443, 446,
448–450, 452–455, 457, 459–463, 465, 466,
468–472, 474, 478, 479, 485–487, 495, 508,
513–525, 528, 530, 535–544, 546–559,
561–563, 567–572, 580, 581, 592, 595, 597,
626, 633, 635
- Алексеев К.А. 180, 244, 260–262, 264, 266, 268, 269,
271–273, 285, 287–290, 293, 419
- Алексей Александрович,
великий князь 309, 321, 421, 433, 439, 493, 512, 514, 559,
566, 567
- Алексеев Я.* 33
- Аллен Х. 242
- Альберт М.О. 423, 435, 438, 439, 476, 499
- Альфтан В.А.* 240
- Амфилохий, архимандрит 628, 629
- Ананьич Б.В.* 11, 37, 44, 74, 342, 422, 482, 484, 485, 488,
490, 491, 498, 505, 601, 604
- Андрущенко Н. 121
- Анерт Э.Э. 97, 142,
- Андреев А.И.* 11
- Андреева Т.В. 11
- Анотто Г. 172, 173, 315
- Анненков М.Н.* 64, 73
- Антонов 463
- Анучин Д.Г. 71
- Анцыферов Н.Н. 189
- Аоки С. 212, 278
- Асташев Н.В. 138, 156, 157, 183, 378
- Афанасьев-1-ый* 256
- Афанасьев Д.* 7
- Б.** 122
- Бадмаев П.А. 27, 30, 31, 62, 84–94, 193, 197, 214, 492
- Базили А.К. 103, 260, 261, 273, 632
- Балашёв И.П. 28, 29, 295, 438, 447, 459, 460, 470, 472–475,
478, 480–482, 485, 489, 490, 494, 495, 499,
500, 525, 537, 571

Бальфур А.	334
<i>Барабаш Я.Ф.</i>	8, 71
<i>Барашков А.В.</i>	78, 116
Барятинский А.И.	515
Батуев М.Д.	122
Безобразов А.М. (Besobrasow А.М.)	17, 23, 27–29, 34, 41, 44, 135, 156, 295, 411, 413, 415, 419, 421, 423, 424, 426, 430, 433, 434, 437–442, 445–478, 481–484, 488, 490, 492–502, 504, 505, 507, 508, 518–521, 524, 525, 530, 531, 533–535, 537, 539–542, 548, 550, 559–561, 567
Безобразов В.М.	495
Безобразов М.А.	495
<i>Беклемишев Н.Н.</i>	490
<i>Белокрыс М.</i>	125
Белькевич Л.Н.	97
<i>Беляев С.Г.</i>	14, 144
Беляев Я.П.	438
Бенешевич В.Н.	51
Бенкендорф А.К.	554, 564, 583, 588, 603
Берг В.В.	189
<i>Березовский А.А.</i>	117, 132, 134
<i>Берлин Л.</i>	89
Бирилёв А.А.	511, 512, 603
Блейхрёдер С.	189
<i>Богаевский</i>	32
Богданов	112
<i>Богданов [А.Ф.]</i>	32, 159
Богданов Н.Н.	189
<i>Богданович А.В.</i>	24
Богданович Е.В.	15, 64, 68–70
Богданович К.И.	423
Богомолов	98
Богоявленский Н.В.	401
<i>Бок Б.И.</i>	550, 571
Бок П.А.	152
<i>Болобан А.П.</i>	160, 378
Бомпар М.	600
Бонч-Бруевич В.Д.	29, 30

<i>Борзунов В.Ф.</i>	15, 65, 66, 68, 70, 74, 79–81, 115, 118, 119, 160
Борминский Н.Е.	423
<i>Брандт Я.Я.</i>	324
Бринер Ю.И.	224, 227, 255, 259, 262, 414–417, 419, 421, 422, 424, 425, 429–431, 435, 438, 439, 442, 444, 506, 538
Брис Р.	164, 167, 189
Бродский Л.	189
<i>Бродский Р.М.</i>	129
Броун Л.	233, 254, 260, 261, 266, 419
<i>Бруннерт И.С.</i>	196
<i>Бугульминский Н.</i>	64
Будберг А.П.	97
Булгакова Л.А.	11
Булыгин А.Г.	494, 524
Бунге Н.Х.	69, 74–77
<i>Бурцев В.Л.</i>	486, 487
Бутми Г.В.	75
<i>Бухман А.Н.</i>	78, 116
<i>Быковский Н.</i>	46
Бэк	293
Бюлов Б.	602
Бюнгнер Р. фон	189
Бюцов Е.К.	229
<i>Бянкин В.П.</i>	125, 126
Вавельберг Г.	189
<i>Вада Х. (Wada Н.)</i>	501
Ваксель П.Л.	470, 542
Ван Вэньшао	308, 402, 444
Ван Линьхуай	180
Ванновский П.С.	73, 304, 306
Варбург М.М.	189
Варшауер Р.	189
<i>Васенев А.</i>	84
Васильев А.А.	51
Василькова Н.Ф.	494
Вахович А.	120
Ваховский С.М.	463
<i>Вебер Б.Г.</i>	33

- Вебер И.И. 189
 Вебер К.И. 194, 199, 228–232, 234, 241–250, 252, 253, 255, 259, 265, 266, 296, 632, 633
- Вейль Э.* 32, 97
 Вень Тунхо 95
 Вересаев В.В. 628
Верещагин А. 104
 Верстрат М. 186
 Верг А. 140, 165–167, 172, 175, 178, 179
Вильчинский Ф.Л. 117
 Вийемон 165
 Виктор Эммануил, король 394
 Виленкин Г.А. 592, 606
 Вильгельм II 303, 328, 338, 590, 600, 602, 603, 605, 616, 617
 Винекен А. 189
 Винекен Г. 189
Витенберг Б.М. 21
 Витте С.Ю. 8, 13, 15, 19–25, 27, 28, 34, 37, 38, 43–48, 50–52, 54, 55, 57, 61, 62, 64, 65, 71, 74–76, 80–88, 90–96, 98–103, 105–113, 116, 118–121, 123, 126, 127, 132, 137–141, 143–154, 156, 157, 161–170, 172–179, 181, 182, 184–187, 193, 199–201, 203, 206–209, 213–221, 224–227, 234, 236–239, 244–246, 250, 252–254, 260–267, 269–273, 275, 276, 280, 282, 285–290, 293–296, 299, 300, 304–307, 309–320, 322–330, 332–342, 345–365, 367–402, 404–406, 409, 411, 413, 414–422, 424, 428, 430–434, 436, 437, 439–443, 445–447, 450–459, 462–469, 471, 472, 481, 482, 484, 485, 488–492, 499–502, 505, 506, 509, 511, 512, 515, 517–521, 523, 526, 528–535, 537–540, 542, 545, 546, 549, 556, 560, 561, 569, 572, 575, 578–580, 583–587, 591–595, 598–615, 617–627, 629–635
- Владимир Александрович,
 великий князь 590
 Владимиров А.Е. 189
 Вогак К.И. 26, 96, 212–214, 234, 249, 250, 345, 411, 454–457, 460, 470, 472, 474, 475, 479, 501, 533, 534, 580

- Воеводский С.А. 500
Волков В.С. 401, 444, 511, 512
Волохова А.А. 192, 253, 631
Волошинов [Н.А.] 64, 70
Волф Д. (Wolff D.) 60
Вонлярлярский В.М. 13, 17, 21, 22, 27, 28, 37, 38, 41, 51, 413, 416–425, 427, 429–435, 437–441, 450, 454, 472, 477, 478, 481–483, 488–492, 499, 501–504, 506
- Воробьёва Т.А. 11
Воронцов А.Р. 515
Воронцов-Дашков И.И. 28, 419, 421, 422, 430, 432–434, 436–440, 446, 458, 459, 496–499, 507, 508, 515, 534
- Вышнеградский И.А. 71, 73, 76
- Габриэль С.Б. 181, 272
Гагельстром В.В. 196
Гальперин А.Л. 246, 573–576, 584, 586–588
Гамазов Б. 423
Ганелин Р.Ш. 11, 12, 37, 44, 422, 482, 484, 485, 488, 490, 491, 601, 604
- Ганзен 538
Гансен А.Ф. 189
Гарин-Михайловский Н.Г. 423
Гартвиг Н.Г. 26, 41, 273, 274, 281, 428, 429, 436, 442, 485, 487, 532, 550, 632
- Гвинн 588
Гедин С. 85
Гейден А.Ф. 46, 593, 594
Гейкинг А.А. 633
Гейкинг Э. 302
Гейштор И.Э. 67, 117, 121, 160
Гендриков В.А. 438, 439
Генни 232
Гербель С.Б. 156
Гернгросс А.А. 347
Герсеванов М.Н. 72
Герценштейн В.О. 83
Гильдебрандт Я.А. 276, 435
Гинсбург М.А. 277, 428, 435, 463, 504
Гинцбург Г.Г. 209, 295, 428, 429, 445, 448, 505

Гинцбург Г.О.	505
Гинцбург И.Е.	505
Гиппиус А.И.	9, 255, 415, 463, 476, 483, 488, 545
Гиппиус Н.И.	76
Гирс М.Н.	47, 151, 306, 345, 353, 354, 356, 358, 367, 376, 381–383, 387, 388, 513, 516
Гирс Н.К.	25, 71, 229, 230, 232, 235
Гиршман Г.Е.	113
Глазберг Н.	186, 481
<i>Глинка-Янчевский С.К.</i>	488
<i>Глинский Б.Б.</i>	44, 82, 144, 147, 287, 306, 345, 441, 482, 532
<i>Глуздовский В.Е.</i>	130
Глуховской А.И.	189
Гойер Л.Ф.	188
Голдштейн Ф.	164
Голенищева Н.С.	502
Гольштанд И.Л.	167
Гольштанд Л.	189
Гомбоев Н.И.	89
<i>Горелик С.Б.</i>	128
Горемыкин А.Д.	189
Горемыкин И.Л.	502, 507
Горчаков А.К.	72
Готтингер Ж.	189
Готтингер Р.	164, 167, 189
Гошен У.	208, 260, 261, 310
Граббе	423
Грауман Л.	138, 156, 172
Гребенщиков М.Г.	130
Грейг С.А.	69
<i>Гримм Э.Д.</i>	199, 238, 334, 381, 397
Гродеков Н.И.	98, 110, 112, 113, 129, 131, 204, 241, 350–352, 357–359, 361, 376, 377, 512, 516
Громбчевский Б.Л.	97, 512
Гроссе В.Ф.	302, 463
Грот В.Ю.	149, 152, 153, 171, 216
Грубе Р.	189
<i>Грудзинский Н.</i>	256
Грулёв М.В.	40, 97
Грумм-Гржимайло Г.Е.	484

Гуаньсьюй, император	324
Губастов К.А.	96, 245, 258, 632
Гун, князь	195
Гурко В.И.	40, 43
<i>Гурьев А.</i>	130
<i>Гусев Б.</i>	31
Гэли М. (Galy M.)	25
Гюббенет А.Я.	73
Давыдов А.А.	156
Давыдов Л.Ф.	155, 188
Датген А.В.	133
<i>Дацьшен В.Г.</i>	344, 358, 360
Дашков П.Я.	416, 438
Делькассе Т.	286, 584, 586, 591
Демидов-Сан-Донатто П.П.	496
<i>Демчинский Б.Н.</i>	43, 44
Демчинский Н.А.	43
<i>Денисов В.И.</i>	46
<i>Деннет Т. (Dennett T.)</i>	576
Денорманди Э.	164, 167, 189
Дерикер Г.Г.	167, 189
Дернер Г.	189
Десино К.Н.	307
Дитерихс И.Я.	401
Диллон Э. (Dillon E.J.)	25, 579, 588, 602
<i>Димант С.Р.</i>	33
Дмитревский П.А.	26, 120, 239
<i>Дмитриев К.</i>	143
Дмитриев М.Д.	175
<i>Дмитриев-Мамонов А.И.</i>	64, 463
Дмитриев-Мамонов А.Э.	181, 182, 359, 397, 447
<i>Доброловский И.А.</i>	32, 160, 378
Долгорукий А.С.	21
Доржиев А.	89, 90
<i>Дружинин К.И.</i>	46
Дубасов Ф.В.	27, 236, 265, 268, 269, 277, 304, 305, 309, 320, 321, 437, 510, 511, 512
Дурново П.Н.	635
<i>Дуров П.</i>	32, 159

Духовской С.М.	84, 91, 96–99, 131, 201, 203, 399, 416, 501, 506, 633
Дюпюи Ж.	584
Дякин В.С.	11
<i>Евстигнеев В.Н.</i>	108
Егоров Б.Ф.	11
Ермолов А.С.	441, 524
Ермолов Н.С.	592
<i>Ерухимович И.</i>	33, 34
<i>Ефимов Г.В.</i>	192, 197, 209, 210, 212, 213, 218–220, 308, 309, 311, 329, 333
Жерар О.	219
Жданов М.	230, 231
Животовский А.Л.	447, 448, 474, 475, 494
Жигмитов О.	89
Жун Лу	323, 324, 403
Забугин Н.П.	131
<i>Зайончковский П.А.</i>	73
Звегинцов А.И.	32, 422, 425, 517
<i>Здзярский А.Ф.</i>	64
Зельманов М.Г.	23, 65, 75, 83, 215
<i>Зензинов Н.А.</i>	68
<i>Зигель</i>	32
Зиновьев И.А.	82, 231
<i>Золотарёв В.А.</i>	42, 55, 56, 571
<i>Заятуев Г.Н.</i>	89
<i>Иванов П.М.</i>	629
<i>Игнатъев А.В.</i>	55, 192, 200, 237, 299, 578, 586, 587, 594, 600–603, 611
Игнатъев А.П.	411, 477–480, 495, 496, 590
Игнациус С.В.	347
<i>Ижицкий</i>	32, 159
Извольский А.П.	20, 25, 34, 41, 180, 279–283, 285, 293–295, 394, 457, 469, 481, 516, 543, 591, 593, 633
<i>Изнар Н.Н.</i>	68, 502
Илинский С.П.	40, 98, 320
Имеретинский А.К.	190

- Имеретинский Н.К. 82
Иннокентий
(И.А. Фигуровский), епископ 629, 630
Иноуе К. 291, 580, 582, 583, 618
Иогансон К. 128, 138, 172
Ипатова А.С. 629
Иролтуев Ч.И. 92
Ито Х. 242, 246, 247, 265, 279, 280, 283–293, 323,
370, 393, 394, 543, 568, 574, 594, 595, 602
- Кази С.И. 463
Казнаков Н.И. 69, 82
Калюжная Н.М. 345
Кан Ювей 323, 324
Капнист Д.А. 96, 231, 632
Карликов К. 32
Карнеев В.П. 234, 240, 243
Карпинский П.В. 115, 116
Карцов Ю.С. 361, 490, 491
Кассини А.П. 26, 38, 44, 96, 98–100, 166, 194–199,
202–216, 218–220, 231, 235, 293, 302, 304,
372, 501, 505, 538, 584, 587, 590, 591, 595,
597, 630
- Катков М.Н. 6, 82
Кацура Т. 293, 566, 573, 574, 576, 618, 619
Квестед Р. (Quested R.) 163, 164, 171–173, 186, 344, 347, 349, 377
Квевцинский М.Ф. 447, 448, 463, 524, 551
Кербедз С.И. 101, 107, 110, 511
Кессельбреннер Г.Л. 120
Кестлин И. 190
Киёси Т. 195, 199, 238
Ким Оккюн 229, 230
Киндер К. 143, 144, 147, 260, 334
Киреев А.А. 88, 616
Кишенский С.П. 423
Клейгельс Н.В. 502
Кобеко Д.Ф. 119
Коджон, король 229, 231, 232, 234, 242, 243, 251, 256, 258,
259, 262, 265, 280, 296, 297, 427, 428, 436
- Козлов П.К. 85

<i>Козьмин Г.</i>	127
Коковцов В.Н.	18, 105, 135, 156, 157, 187, 477, 478, 480, 494, 500, 578, 583, 586, 589, 592, 593, 596, 602, 603, 606, 607, 612–615, 617, 619
Колоколов С.А.	122, 141, 396, 402
Кольшко И.И.	24, 310
Комаров В.М.	97
Комацу А.	293
Комиссаров М.С.	598
Комура Ю.	246, 247, 249, 252, 278, 279, 285, 291, 394, 531, 545, 549, 550, 552, 556, 557, 563, 565, 569, 570, 576, 577, 579, 580, 582–585, 587, 588, 595, 601, 602, 604, 611–613, 618–620
Кондратович К.А.	122, 463
Кони А.Ф.	484, 485
Коновалов	320
Коноэ А.	285, 394
Константин Николаевич, великий князь	515
Копытов Н.В.	15, 71–73, 82, 83, 193, 513
Корелин	416
Коростовец И.Я.	20, 25, 30, 36–38, 96, 127, 162, 183, 185, 188, 195, 198, 345, 352, 353, 357, 358, 360, 366, 375, 400, 501, 515, 516, 520, 530, 542, 550, 551, 592, 593, 604, 606, 608–610, 612, 619, 622, 632–634
Корсаков В.В.	37, 91, 93, 104, 171
Корф А.Н.	8, 9, 129, 131, 231, 423, 510
Корф Н.А.	32, 40, 41, 423, 425, 517
<i>Коряков В.П.</i>	164, 202, 238, 270
Костылев Н.	190
Костырко П.З.	499
Кох А.Ф.	150, 190
Кравцов С.Д.	124
<i>Крисп О. (Crisp O.)</i>	163
Кротков Н.Н.	117, 121, 376
Крупская Н.К.	30
<i>Крушанов А.И.</i>	54
<i>Крюков Н.А.</i>	118, 123, 124, 131
Кузнецов В.	158

- Кузьмин Ю.А.* 514
Кулаев И.В. 37, 106, 496
Куликов С.В. 11
Куломзин А.А. 84
Куломзин А.Н. 15, 74, 84, 99, 558
Кумани А.М. 82, 83, 231
Курино Ш. 543–546, 549, 552, 556, 557, 559–561, 563–566, 568–570, 594
Куропаткин А.Н. 6, 13, 18, 19, 21–23, 34, 37, 40, 41, 43–45, 48, 50, 57, 62, 93, 110, 113, 139, 175–178, 221, 222, 290, 307, 322, 325, 326, 339, 340, 346–352, 357, 362–365, 368, 373, 377, 384–386, 392, 396, 397, 399, 401, 405, 406, 410, 413, 422, 441, 442, 446, 448, 449, 451, 453, 454, 457, 459–464, 466–470, 487, 491, 510–513, 515, 520, 523–525, 528, 529, 531–535, 537–542, 544, 550, 551, 556, 557, 559, 563, 566, 567, 571, 572, 580, 623, 624, 626, 627, 631, 634
Кутаков Л.Н. 573, 575, 599
К-ч 514
Ламздорф В.Н. 20, 22, 34, 50, 62, 93, 95, 98, 143, 146, 147, 152, 153, 185, 195, 196, 198, 203–205, 207, 216, 221, 222, 235, 250, 257, 260, 264, 265, 267, 270–276, 279–281, 283, 284, 286–292, 295, 302, 305, 307, 308, 316–318, 331, 332, 335, 337, 339, 340, 347, 349, 350, 352, 353, 358, 361–365, 367–369, 372, 376, 379, 381, 382, 384–387, 389–392, 394–397, 399, 400, 404–406, 408, 410, 417, 426, 427, 432, 433, 436, 442, 444, 445, 449, 451, 453, 455–457, 459, 461–465, 467–470, 484–487, 491, 512, 515, 517, 519, 520, 529, 531–535, 538–544, 546, 550–556, 558–562, 564, 566–570, 580, 581, 583, 587, 590–599, 601–603, 605, 607, 610–617, 626, 632
Ландезен 594
Лапин В.В. 11
Лебедев Е. 435
Лебедев С.К. 11, 448

- Левитов И.С. 67
 Лемке М.К. 496
 Лензен Дж. (*Lensen G.A.*) 56, 58, 59, 192, 195, 197, 203, 212, 213, 215–218, 228, 234, 238, 242, 245–250, 256, 258, 270, 329
- Ленин В.И. 495
 Леонтьев Н.С. 420
 Лессар П.М. 20, 26, 153, 184, 220, 221, 334, 387–389, 391, 394, 396, 397, 403–411, 442, 443, 445, 460, 461, 473, 516, 517, 532
- Лессинг А. 190
 Ли Бомчжин 296, 436
 Ли Хунчжан (*Li Hung Chang*) 39, 83, 102, 103, 122, 142–144, 149, 167, 170, 181, 185, 194, 195, 197, 198, 201, 203, 205, 206, 210–219, 231, 234, 245, 250, 252, 302, 304, 305, 311, 313, 314, 318, 319, 323–325, 345, 350, 353–356, 359, 360, 361, 365, 367–371, 373, 376, 382, 383, 387, 388, 390–392, 403, 501, 634
- Ли Цзинфан 216, 354, 355
 Линдес Э. 190
 Линевиц Н.П. 19, 34, 349, 448, 454, 456, 457, 466, 468, 469, 535, 537, 541, 593, 594
- Липман Р. 190
Лисовский 32
Литовцев С. 619
Лишин 32
 -ло 491
 Лобанов-Ростовский А.Б. 25, 95, 96, 98, 99, 164, 167, 199–201, 203–206, 208, 216, 217, 237, 239, 242, 245, 246, 248–253, 275, 294, 297, 301, 302, 308, 622, 631
- Лодыженский Н.Ф. 231
 Лу Чуанли 371
 Лубенцов А.Г. 240
 Лукашенко 421
Лукин А.В. 11
Лукоянов И.В. 498
 Львов Ф.А. 443–445, 448, 450, 474, 492, 568
 Лэнсдоун Г. 382, 390, 391, 554, 556, 559, 560, 564, 566, 567, 570, 578, 582, 586–592, 594, 599

- Лю Кун-и 371, 373, 383, 389
Люба В.Ф. 91, 92, 94, 95, 183–185, 375–378, 388, 390, 403
Любимов Д.Н. 453
Люпов [С.Н.] 32, 159
Лян Цичао 198, 221, 324, 391
Мадритов А.С. 447–450, 459, 463, 480, 494, 531
Мак Доналд Д.
(*Mac Laren Mc Donald D.*) 61, 62
Макдоналд К. 147, 148, 312, 313, 334, 564, 582, 618
Макеев 199
Макино Н. 618
Маккензи У. 329
Мак Кормик Р. 455, 586, 601
Маковский И.О. 158
Максимов В.В. 74, 75
Максимович К.К. 21, 22
Малевский-Малевич Н. 180
Малозёмов А. (Malozetoff A.) 56, 57, 62, 192, 414, 527
Манасевич-Мануйлов И.Ф. 598
Маньчжурец 109
Марков Н.Л. 190
Маркс С. (Marks S.G.) 66, 71, 73
Мартенс Ф.Ф. 592, 609
Мартынов Е.И. 104, 109
Масленников А. 172, 178
Масси Р. 35
Матвеев М.Н. 190
Матюнин Н.Г. 27, 28, 232, 233, 235, 239, 254, 255, 263, 264,
266, 267, 272, 413, 415–417, 419, 422,
425–430, 433, 435–438, 442–444, 475, 476,
478, 481, 482, 484, 485, 491, 501, 506, 507
Мацуката М. 293
Мейер Дж. 590, 592, 600, 615–618
Мелихов Г.В. 67, 192, 200, 237, 299
Мельгунов 32, 159
Мельников П.Н. 117
Мельников П.П. 64
Мендельсон В.И. 37, 51
Мендельсон Э. 600
Меньшиков П.Н. 115

Мещерский В.П.	69, 88, 196, 310, 348, 455, 488, 579, 580, 585
<i>Мещерский Д.В.</i>	121
<i>Меркулов С.Д.</i>	46, 67, 117, 123, 124, 133, 160, 378
Миллер О.Ф.	508
Милютин	64
Мин, королева	229, 230, 234, 241
Мин Ёнхван	251
Минин, матрос	162
Минин Н.В.	28
Минут В.Н.	40
Миронов Б.Н.	11
<i>Митинский А.Н.</i>	117
Михаил Николаевич, великий князь	515
<i>Михайлов</i>	234, 240, 243
<i>Михайлов М.[Я.]</i>	95, 115
Мицуо Г.	248
Молчанов Н.М.	190
Морган	218
Морган Р.	389
Моренгейм А.П.	95, 315
Морс Д.	252, 264
Мотоно И.	580, 584, 586, 587, 601
Муравьёв М.Н.	25, 37, 44, 47, 112, 138, 139, 145, 149, 151, 176, 177, 179, 215, 221, 259–262, 266–273, 276, 277, 299, 300, 302–312, 315, 316, 319, 320, 322, 323, 331–341, 345, 347, 349, 372, 416, 417, 419, 422, 424, 426–432, 434, 436, 505, 507, 509, 511, 515, 623, 632
Муравьёв Н.В.	21, 592–598
Муравьёв-Амурский Н.Н.	6, 7, 123, 622
<i>Муров Г.Т.</i>	37, 161
<i>Мусселлус В.Р.</i>	491
Мухин А.	190
Муцу М.	202
<i>Мясоедов-Иванов В.А.</i>	65, 80
На Тун	409
Набоков К.Д.	470, 542, 593, 606
Надаров И.П.	463

- Нардова В.А. 11
Нарочницкий А.Л. 53, 54, 192, 197, 198, 201, 202, 206
 Нарышкин К.В. 579
 Незабытовский И.А. 377
 Нелидов А.И. 41, 394, 395, 586, 590, 591, 594–596, 598
 Непорожнев Н.И. 254, 422, 423, 424, 426–430, 435, 436, 499, 507, 517, 518
- Нератов Д.А. 416, 424
 Нецлин Э. 164, 165, 167, 169, 173
Никитин (Фокагитов) Д. 571
 Николай II 6, 7, 17, 18, 21–25, 27, 33, 34, 39, 43, 45, 46, 48, 50, 52, 62, 73, 76, 80, 87–94, 99–103, 105, 112, 132, 135, 139, 145, 146, 151, 154, 157, 164, 167, 170, 171, 175, 186, 187, 197–199, 201, 204, 206–208, 211, 213, 214, 216, 222, 235, 237, 241, 249–251, 257, 259–263, 266, 267, 269–275, 279, 280, 283, 289, 291, 303–306, 308–310, 312, 316, 318, 320–322, 325, 328, 331, 332, 335, 338–340, 344–346, 348, 350–352, 355, 356, 359, 363, 365, 368–372, 379, 386, 389, 398, 400, 402, 405–407, 409, 410, 419–422, 425–427, 431–434, 436, 437, 439, 441, 443, 445–452, 454–460, 462, 465–469, 473, 475–480, 482, 483, 485–488, 490, 491, 494, 495, 499, 500, 503, 510, 512, 513, 515–521, 523, 524, 526, 528–531, 533–537, 539–541, 543, 544, 546, 548–552, 554, 555, 558, 561–563, 566–569, 571, 575, 576, 578–581, 584–587, 589–594, 596, 597, 599, 600, 602–605, 607, 610, 613–618, 620, 621, 623, 624, 626, 627, 631, 634
- Николай Николаевич
 (младший), великий князь 515, 614
 Николай Николаевич
 (старший), великий князь 501, 502
 Никонов М.Н. 235, 632
Нилус Е.Х. 16, 66, 76, 95, 103, 110, 111, 113, 168, 345, 346, 358
Нихамин В.П. 223, 236, 240–242, 244, 247, 250
Нииш Я. (Nish J.) 60, 61, 284, 290, 292, 329, 414, 528, 531, 544

Ниши Т.	201, 202, 204, 211, 212, 237, 245, 248, 270
Нищенский М.Д.	254, 255, 259, 262, 275, 276, 506
Нобель Э.	190
<i>Новиков Н.</i>	141
Нольде Б.Э.	162
Норпе М.Ф.	156
Нотгафт Т.К.	190
Нотгафт Ф.	172
О'Конор Н.	202, 204, 214–217, 220, 250, 260, 310, 316, 320, 328, 330–333
Оболенский (Оболенский-Нелединский-Мелецкий) В.С.	408
Обручев Н.Н.	8
Огинский Б.	503
Окума Ш.	220
Омайя Т.	248
<i>Орлов М.Н.</i>	115, 116
Остен-Сакен Ф.Р.	273, 338, 630, 632
<i>Острецова М.Л.</i>	601, 603
Островерхов А.Н.	308
Охотников В.Н.	190
Павлов А.И.	20, 26, 91, 102, 141, 146, 147, 171, 265, 272, 275, 277, 278, 280–283, 294–296, 300–305, 307, 309, 311–318, 320, 323, 330, 332, 334, 356, 425, 428, 429, 431, 436, 446, 450, 460, 461, 511, 516, 529, 625, 626
<i>Павлов Д.Б.</i>	581, 598
Павлов Н.А.	24, 25
<i>Пак Б.Б.</i>	81, 96, 194, 195, 199, 227, 228, 231–234, 239–241, 243, 244, 246, 253, 257–259
<i>Пак Б.Д.</i>	224, 227–233, 237, 240, 241, 243, 251, 258, 263, 270, 275, 277, 279, 296, 297, 432
<i>Пак Ро Бёг</i>	225, 253, 264, 427, 428
<i>Пак Чон Хё</i>	225
Пальмерстон Г.	328
<i>Панях В.М.</i>	46, 49
<i>Панов В.</i>	46
Панчулидзев А.М.	423
Панчулидзев С.А.	28

- Паталеев А.В.* 65, 77, 79, 114
Петровский С. 190
Петрокино Д. 190
Пётр I 622
Пилацкий Эд. 190
Пилипенко А.Н. 504
Пискулова Ю.Е. 226, 227
План Б.И. 78, 116
Плансон Г.А. 23, 26, 36, 37, 43, 405, 408, 410, 443, 445, 546, 547, 558, 562, 568, 581, 591–593, 605, 606, 608, 609, 618
Платонов С.Ф. 46, 424, 459
Платунов Н.А. 122
Плеве В.К. 18, 62, 112, 449–454, 456, 457, 466, 467, 470–473, 475, 478, 479, 490, 502, 521, 532, 533, 541, 550, 557, 560, 566, 626
Плеске Э.Д. 469, 471, 519, 520, 555
Победоносцев К.П. 22, 23, 88, 126, 350, 500, 614
Поггенполь М. 125, 126
Позднеев Д.М. 26, 31, 92, 111, 121, 123, 129, 133, 142, 145, 148, 149, 153, 179, 180, 188, 269, 276, 324, 325, 376, 382, 383, 386–392, 404, 409
Поклевский-Козелл С.А. 292
Покотилов Д.Д. 23, 26, 90, 102, 103, 122, 125, 128, 137, 139, 141–150, 152, 153, 155, 156, 164–167, 169–173, 176, 178–182, 184, 206, 207, 209, 213, 218, 239, 253–255, 259, 262–264, 272, 273, 278, 304–306, 310–320, 335, 353, 357, 359–361, 367–371, 373, 375–378, 381, 388, 391–397, 402, 404, 415, 416, 430, 443, 444, 446, 449, 460, 463, 469, 501, 505, 511, 517–520, 531, 592, 630
Покровский М.Н. 48, 52
Половцов А.А. 73, 126
Поляков Я. 190
Поляновский М.П. 32, 33, 98, 283
Полянский В. 254, 264
Пономарёв В.Н. 208, 328, 331
Попов А.Л. 33, 36, 37, 50, 51, 53, 331, 332
Попов И.Ф. 447

Попов С.И.	229
Поппе Н.М.	407, 429, 463
Посъет К.Н.	70, 83
Потёмкин В.П.	601
Пресняков А.Е.	50
Пржевальский Н.М.	8, 57, 62
Протасьев И.Н.	122, 134, 178, 359, 388, 404, 463, 474, 517, 520, 522, 523
Пузанев С.С.	159
Путилов А.И.	102, 129, 154–156, 170, 172, 173, 180, 218, 263, 287, 360, 377, 404, 444, 467, 517, 520, 542, 595
Путилов А.С.	83, 328
<i>Путья Д.В.</i>	128, 256, 259, 265
Пфейфер Ф.	190
<i>Пэйн С. (Paine S.C.M)</i>	22, 59, 60
Рагауз М.	190
Радзивилл М.	190
Радолин Г.	310, 601
Распопов Н.А.	239, 240, 282, 285, 286, 545, 546, 549, 555, 558, 584, 592, 595
Распутин Г.Е.	492
Рафалович Артемий	190
Рафалович Артур	190
<i>Ремнёв А.В.</i>	7, 144, 509, 510, 512, 516, 519, 520, 525, 526, 571, 628
Реунов М.А.	309
Рёрберг Ф.П.	40, 43
Рихтер О.Б.	17, 18, 24, 489, 490
Родзянко М.В.	503
Рождественский З.П.	504, 588
<i>Розалиев Ю.Н.</i>	226, 227
Розен А. фон	190
Розен Р.Р. (Rosen)	20, 25, 38, 41, 229, 245, 256, 257, 259, 269, 270, 274, 294, 404, 485, 516, 525, 529, 532, 536, 538, 543, 544, 546, 548–551, 553, 555, 558, 561–563, 565, 569, 570, 572, 591, 592, 605, 606, 609, 611, 613, 615, 620, 621, 625, 626
<i>Романов Б.А.</i>	11, 14, 27, 30, 34, 46–53, 57, 58, 70, 74, 86, 92, 96, 98–102, 104, 118, 138, 139, 154, 156,

- 157, 163–165, 172, 173, 177, 178, 183–185, 187, 192, 199, 200, 204, 205, 208, 210, 216, 217, 219, 237, 249–254, 260, 263, 274, 275, 282, 290, 291, 299, 302, 307, 308, 310, 312, 316, 326, 329, 330, 331, 333–339, 341, 343, 345–347, 351, 354–356, 360, 362–365, 367, 369, 372, 375, 377, 381–385, 387–389, 393–396, 398, 405, 413, 414, 419, 421, 424, 436, 438–442, 450, 452, 459, 467, 500, 503, 527, 532, 542, 552, 560, 573–575, 577, 578, 582, 584, 586–588, 590, 591, 601–603, 605, 615, 616, 624, 634
- Романов П.М. 23, 90, 92, 103–105, 107, 108, 110, 113, 122, 125, 137, 139, 145, 147–149, 151, 165–167, 169, 176, 179, 181, 190, 209, 214, 239, 255, 259, 262–264, 266, 267, 269, 272, 275, 276, 307, 335, 339, 359, 402, 415, 430, 449, 471, 501, 524, 525
- Романова Г.Н.* 55, 118, 121
- Ропп Е.Э. 143
- Россов П.* 258
- Ростов А. [Сигрист С.В.]* 50
- Ротштейн А.Ю. 100, 152–156, 163–165, 167–170, 172, 173, 178, 179, 181, 182, 190, 216, 276, 342, 359, 397, 415–417, 439, 450, 491
- Ротштейн Ф.А.* 34, 53, 192, 219, 220, 238, 299, 302, 303, 329, 330, 332–334, 336
- Рубинов Я.Ф. 480, 481
- Рубцов 628
- Рувье М. 601
- Рузвельт Т. (Roosevelt Th.) 576, 577, 582, 584, 586, 587, 590, 591, 604–607, 613, 615–617
- Руманов А.В. 482
- Рутин С.* 104
- Русин А.И. 592, 603, 604, 607, 610, 619, 620
- Руг Э. 592
- Рутковский М.В. 578, 583, 584, 588
- Рыжин 162
- Са Бао 407
- Саблер С.В.* 64, 68, 69, 73, 76, 81

<i>Савинский А.А. (Savinsky A.)</i>	593, 602
Сазонов С.Д.	127, 180
Сайонджи К.	204, 211, 212, 246, 247
Салтыков-Щедрин М.Е.	464
Самойлов В.К.	32, 321, 398, 548, 592, 604
<i>Самойлов С.Н.</i>	115, 116
Самюэль М.	588
Сагоу Э. (Satow E.)	58, 392
Сафонов А.П.	423
Сафонов М.М.	11
<i>Саханский В.А.</i>	115
Сахаров В.В.	456, 457, 595
Свиньин А.Д.	401
Свиягин Н.С.	32, 97
Святополк-Мирский П.Д.	479, 499, 500
<i>Северянин</i>	64
Севава	531
<i>Семенников В.П.</i>	30
<i>Семёнов-Тян-Шанский А.П.</i>	46
<i>Сенчакова Л.Т.</i>	496, 505
Серебряков М.А.	439
Сережников Д.И.	191
Серра де ла	140
Сиверс Н.Н.	40
<i>Сидоров А.Л.</i>	49, 594
<i>Симанский П.Н.</i>	17–20, 40–43, 196, 199, 204, 212, 216, 220, 223, 225, 235, 238, 256, 276, 301, 303, 305, 308, 309, 343, 345, 346, 350, 351, 358, 360, 361, 365, 366, 369, 371, 372, 379, 381, 383, 386–389, 391, 392, 394, 396, 413, 414, 458, 460, 462, 463, 483, 486, 487, 517, 525, 527, 531–534, 539, 545, 546, 550–554, 556, 559, 563, 565, 568–571
Сипягин Д.С.	21, 346, 347, 349, 385, 441, 500
<i>Скальковский К.</i>	117, 120, 191
Скобелев М.Д.	6, 494
СКОТТ Ч.	147, 334–338, 340, 347, 353, 382, 559, 560, 564, 566, 567
<i>Сладковский М.И.</i>	158
<i>Слюзберг Г.Б.</i>	505

- Смит Б. 191
Смит В.С. 481
Смольников П.Н. 115, 117
Соковнин М.А. 97, 240
Соколов Ю.Ф. 55, 56, 571
Соколовский Д. 485
Соловьёв В.С. 62, 628
Соловьёв В.Ф. 160
Соловьёв Ю.Б. 498
Соловьёв Ю.Я. 38, 195, 213, 219
Соловьёва А.М. 78
Соломко С.А. 255
Солсбери Р. 147, 206, 208, 214–217, 220, 250, 260, 261, 310, 320, 330–333, 335–338, 340, 347, 353, 359
- Сольский Д.М. 328, 511, 512, 580, 614
Сольский С.С. 188
Сосновский И.В. 64, 68, 69, 73, 76, 81
Спицер Ж. 191
Спринг Райс С. 556, 573, 586, 587, 600
Стааль Е.Е. 292, 334
Старицкий 514
Старк Н.Н. 447
Старк О.В. 571
Старцев А.Д. 82, 89, 96, 122, 166, 167, 170, 199, 259, 324
Старый консул 256, 259
Стессель А.М. 221
Стефан Дж. 58, 60
Стольпин П.А. 500, 502
Стрельбицкий И.И. 81, 97
Строев В.Н. 50
Струве П.Б. 486
Субботич Д.И. 175, 177, 515
Суворин А.С. 68, 273, 274
Сурин В.И. 95, 114, 115, 158
Сутэми 367
Сущов Н.Н. 191
Схиммельпенник ван дер Ойе Д. (Schimmelpenninck van der Oye D.) 11, 62
Съромятников Б.Д. 29, 508

Сыромятников (Сигма) С.Н.	29, 30, 266, 423, 426, 427, 508, 581, 628
Сюй Цзычен	148
Такахира К.	577, 582, 584, 585, 611
Талати С.Б.	91
Танеев А.С.	526
Тарле Е.В.	342, 503
Татищев С.С.	329, 334, 342, 361
Тафт У.	573, 574, 582
<i>Тиреер</i>	37, 133, 140, 322
Тифонтай	480
<i>Тихменев</i>	32
Тихонов В.А.	421–425, 431, 506, 508
Толстой Л.Н.	112
<i>Торгашев П.И.</i>	322, 460
Трепов Д.Ф.	24, 25, 614
Троицкий А.А.	183
<i>Трубейцкой Г.Н.</i>	220
Трумэн Г.	49
Тун Лисан	448
Тыртов М.А.	268
Тыртов П.П.	21, 175, 176, 202, 258, 268, 272, 277, 284, 288, 290, 301–304, 309, 320, 442, 512, 532
Тыртов С.П.	202, 301
Тэвонгун, король	234, 242
Ульянов А.И.	30, 508
Ульянова М.И.	30
Унтербергер П.Ф.	33
Уссаковский Е.Е.	512
Ухтомский Э.Э.	21, 27, 29, 57, 62, 88, 90, 91, 95, 101, 102, 112, 145, 166, 167, 170, 171, 191, 201, 213, 214, 250, 260, 263, 311, 314, 354–357, 361, 508, 628
Учида С.	220
Фадеев Р.А.	496
Фалькенберг Е.	191
<i>Фань Вэньлань.</i>	195–197
<i>Фёдоров М.П.</i>	65, 82, 104

- Фёдоров Н.Н. 438
Фельдман Ф.А. 96
*Феодосий (Перевалов),
архимандрит* 230, 630
Филипьев Н.И. 191
Фишман К.В. 191
Флуг В.Е. 221, 448–450, 506, 525
Фредерикс В.Б. 421, 422, 425, 429, 430, 433, 492, 518
Френкель А. 191
Фрид М. 117
Фурсенко А.А. 128, 137, 169, 210, 503, 628
- Харбинский С.* 104
Хардинг Ч. 359, 390, 391, 520, 554, 578, 581, 582,
586–592, 594, 599, 616
- Харт Дж. 213
Харт Р. 202, 213
Хаяши Т. (Hayashi T.) 25, 39, 61, 204, 211, 246, 270, 278, 282, 291,
292, 564, 570, 578, 579, 582–585, 588, 602, 609
- Хвостов А.М. 37, 40, 140
Хвостов В.М. 192, 602
Хесин П. 191
Хилков М.И. 203, 204
Хитрово М.А. 26, 194, 201, 203, 238, 242, 244–247, 297
Хованская Е.Н. 496
Ходоров А.Е. 143
Хорват Д.Л. 16, 463
Хренков А.В. 420
Хромов П.А. 119, 120
Ху Юйфын 143–146, 148, 178
Хунт Л. 428, 501
Хэй Дж. 372, 537, 538, 586, 587
- Цамутали А.Н. 11, 448
Церерин А. 271
Цзен Цзицзе 83
Цзен Ци 358, 366, 376, 404, 443
Циглер Э.К. 103, 147, 155, 170
Цин, князь 181, 212, 323, 353, 360, 370, 372, 390–394,
396, 403, 404, 407, 409
- Цихович* 32, 159

<i>Цывинский Г.Ф.</i>	257
Цыси, императрица	194, 195, 218, 221, 323, 324
Чан Шунь	358
Череванский В.П.	18, 24, 202, 477, 489, 490, 526
<i>Черевко К.Е.</i>	34-36, 230
Чернуха В.Г.	11
Чжан И	148
Чжан Инхуан	314, 318, 319
Чжан Чжидун	197, 371, 383, 389
Чжоу Мынь (Мянь)	360
<i>Чиа Юнсу (Chia Yin Hsu)</i>	67
<i>Чирков А.И.</i>	115, 117
Чихачёв Н.М.	76, 202, 236, 237, 240, 301
Чичагов Н.М.	463
Чо, королева	234
<i>Чо Чон Хван</i>	272
<i>Чой Доккю</i>	226, 236, 263
Чуль-Чонг, король	234
Чурин И.Я.	124
Чухнин Г.П.	301
Шабриер А.	191
Шарапов С.Ф.	75
Шванебах П.Х.	477, 478, 490
Шварц А.В., фон	40
Шевелёв М.Г.	123, 125, 166, 259
<i>Шеремет В.И.</i>	42
Шерешевский Д.	191
Шестаков И.А.	232
Шешминцев Л.К.	131, 136, 162
Шён	170
<i>Шилов Д.Н.</i>	514
<i>Шипаев В.И.</i>	233, 252, 264, 265
Шипов И.П.	75, 141, 175, 182, 360, 388, 427, 444, 592, 607, 619
Шишкин Н.П.	166, 197, 236, 237, 252, 328
Шишмарёв Я.П.	89, 152
Шляков П.А.	191
Шмидт Ю.П.	232

- Шмуккер М.М.* 16, 65, 108, 114, 116
Шоу Шань 346, 358, 360
Шпейер А.Н. 228–230, 233, 239, 241, 243–246, 258, 260–262, 265, 266, 269, 270, 271, 296, 306, 633
- Штайнман фон Ф.*
(*Steinmann F.*) 27, 28, 51, 52
Штейн Е.Ф. 243, 260, 428, 633
Штейнфельд П. 117
Штерн Я. 164, 167, 191
Штернберг М. 191
Штернбург 584
Штрандман К. 191
Шуйский Н.А. 253, 630
Шульман И. (*Schulman I.J.*) 192, 194, 195, 197, 212, 216–218
- Щёголев П.Е. 30
Щедрин 32, 159
Щетинина Е.В. 70
Щеткин Н.О. 32, 98
- Эдуард VII, король 585, 619
Экардштейн Г. 578, 583
Энден М. 25
Эпштейн Е.М. 191
Эпштейн Я.Б. 191
Эренталь А. 587
Эстус Р. (Esthus R.A.) 576, 577, 581, 584, 586–588, 590, 607, 613, 620
- Ю Шимэй 213
Юань Дахуа 402
Юань Шикай 324, 373, 392, 403, 404, 411
Югович А.И. 104, 106, 107, 109, 110, 155, 346, 347, 351, 375, 379, 380, 395, 396, 447, 463
- Юденич А.С. 423
Юнкер И.В. 191
Юсупов Ф.Ф. 438, 439
- Ямагата А. (*Yamagata A.*) 70, 246, 249–252, 275, 308
Ян Ю 365
Янг 473

<i>Янковский В.</i>	125
<i>Янхазбенд Ф.</i>	93
<i>Янчевецкий Д.</i>	501
<i>Ярошинский К.И.</i>	503
<i>Hackett R.F.</i>	70, 249, 250
<i>Hamada K.</i>	287–289
<i>Morse H.B.</i>	210
<i>Nemo</i>	447, 448, 492
<i>Nikolaevski B.I.</i>	571
<i>Okamoto Sh.</i>	544, 550, 558, 566, 568, 576, 577, 599, 619, 620
<i>Remer C.E.</i>	158
<i>Small</i>	592
<i>Snelling J.</i>	11, 89
<i>Trani E.P.</i>	606
<i>Z</i>	143, 399, 400

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУКОЯНОВ

**«Не отстать от держав...»
Россия на Дальнем Востоке в конце
XIX – начале XX вв.**

редактор *Н. А. Васильева*
компьютерная верстка *В. Дюкарева*
дизайн обложки *Т. Иванова*

Подписано в печать 01.10.08. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,75. Тираж 500. Заказ № 881

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_history@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23

